

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

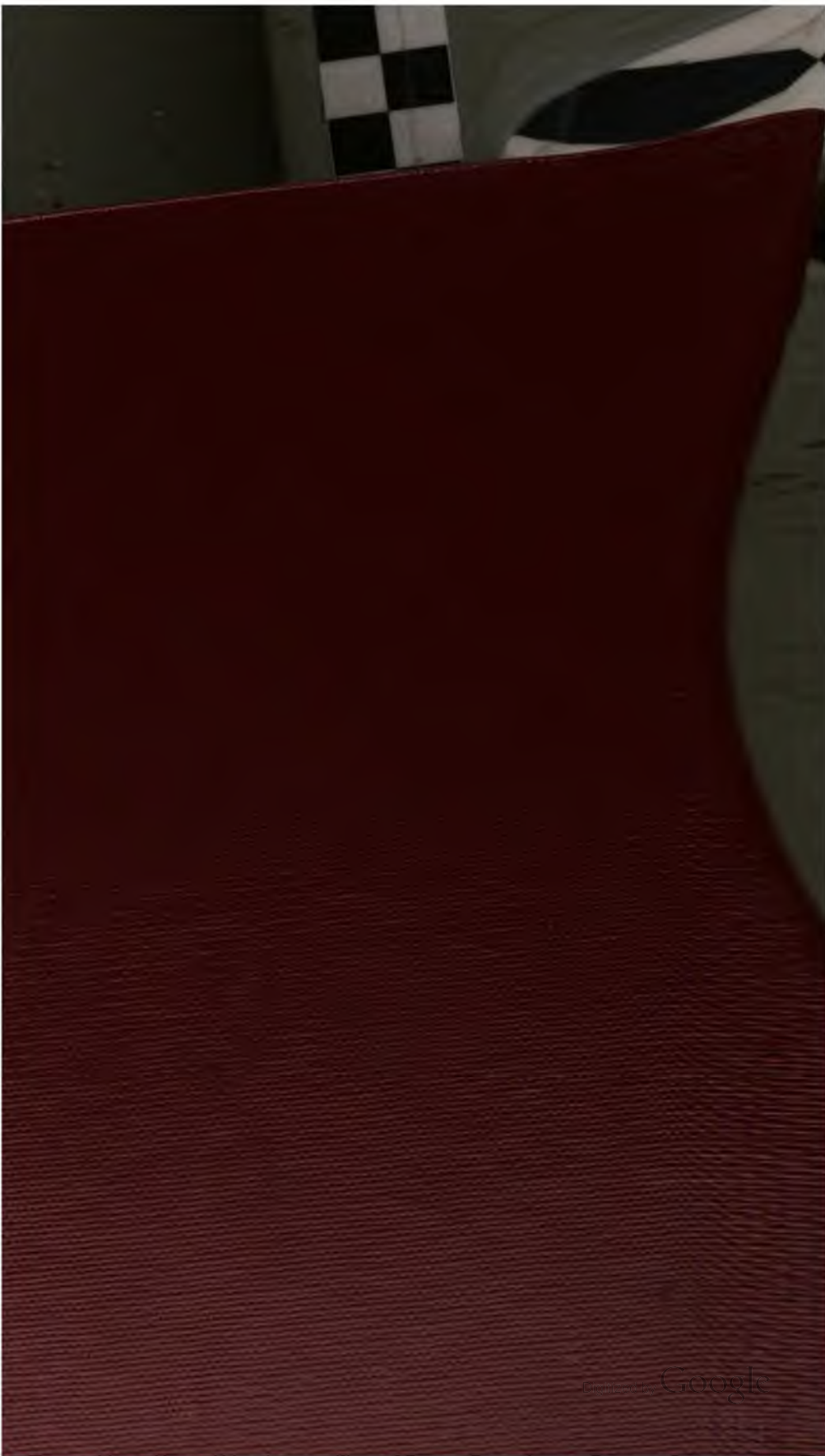
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PS Law 176.23

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ XLII. — ТОМЪ CCXLVII. — 1/18 СЕНТЯБРЯ, 1878.

VESTNIK
ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТИЙ ТОМЪ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

"1878" 5

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1878

~~131.04~~

Стар 30.2

Рстар 176.25

JAN 23 1984

Meinots fund.

(895)

ЗАБЫТЫЕ ЭКОНОМИСТЫ

ТЮНЕНЪ и БУРНО

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ НОВѢЙШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

„Die Weisheit ist nur in der Wahrheit“.
Goethe.

I.

Распаденіе политической экономіи на нѣсколько различныхъ, отчасти противоположныхъ между собою, школъ и направленій составляетъ въ настоящее время неоспоримо-существующій фактъ, давно признанный экономистами и сдѣлавшійся даже какъ будто нормальнымъ.

Періодъ блестящаго процвѣтанія и господства экономической науки въ томъ видѣ, каковой получила она въ трудахъ классической англійской школы, окончился еще въ сороковыхъ годахъ; съ того времени отърывается продолжающійся понынѣ періодъ безысходнаго кризиса, въ которомъ главная роль принадлежитъ уже не абстрактно-научнымъ, а чисто-практическимъ интересамъ и вопросамъ.

Теоретическія построенія, на которыя потрачено было когда-то столько силъ и стараній, пошатнулись въ значительной мѣрѣ подъ напоромъ новыхъ ученій, болѣе отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ; основныя научныя начала, казавшіяся неизблѣнными, подвергнуты сомнѣнію и отчасти совершенно утратили свой прежній кредитъ.

Старые авторитеты поколеблены, а новыхъ, равносильныхъ, еще пока не существуетъ. Появлялись, правда, смѣлые реформаторы, выступавшіе поочередно въ роли, такъ-сказать, «соціальныхъ Коперниковъ» (такъ называетъ нѣмецкій писатель Дюрингъ американскаго ученаго Кэри); но кто изъ нихъ настоящій «Коперникъ», а кто поддѣльный—рѣшить этотъ вопросъ тѣмъ труднѣе для непосвященнаго въ науку читателя, что претензіи ихъ оставляются обыкновенно безъ вниманія значительною массою серьезныхъ экономистовъ.

Видимое внутреннее разложеніе политической экономіи не могло, конечно, не породить основательныхъ сомнѣній на счетъ научной состоятельности ея,—сомнѣній, высказываемыхъ весьма нерѣдко не только въ общей, но и въ спеціально-экономической литературѣ. Извѣстно рѣзкое сужденіе Огюста Конта о «мнимой экономической наукѣ», признаваемой имъ просто схоластикою. Спеціальные писатели, какъ Маклеодъ, Кэри, проф. Кэрнсъ и другіе, признаются, съ своей стороны, что «экономисты занимаются только бесплоднымъ опроверженіемъ другъ друга» и что «едва ли найдется въ политической экономіи хотя бы одно только научное начало, которое было бы единогласно признано всѣми ея представителями»¹⁾. Предметомъ спора служатъ въ политической экономіи не только извѣстныя теоріи, но и факты, лежащіе въ ихъ основаніи,—не только научные выводы, но и данныя, служащія имъ послылками, и приемы, которыми они добыты.

Въ политической экономіи находимъ столько же различныхъ «методовъ изслѣдованія», сколько существуетъ въ ней различныхъ школъ и ученій. Общія формы индукціи и дедукціи, простое наблюденіе и отвлеченная діалектика,—все это одинаково идетъ въ дѣло, смотря по личнымъ вѣусамъ и понятіямъ писателей. Одни настаиваютъ главнымъ образомъ на «фактахъ», противопоставляя ихъ абстракціямъ умозрительныхъ теоретиковъ, которые, въ свою очередь, не придаютъ никакой цѣны вѣйшему наблюденію, невспомоществуемому теоріею. Другіе отводятъ мѣсто и фактамъ, и отвлеченнымъ умозрѣніямъ, и личнымъ своимъ чувствамъ, и философскимъ размышленіямъ, превращая такимъ образомъ науку въ какую-то хаотическую смѣсь всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Третьи углубляются въ исторію, чтобы въ туманной дали вѣковъ, отыскать какія-либо данныя для разрѣшенія

¹⁾ См. *H. D. Macleod*, Dictionary of Political Economy, I, 228; *H. Carey*, Principes de la Science Sociale, I, 81; *J. E. Cairnes*, The character and logical method of Political Economy, стр. 2—5 и мн. др.

экономическихъ проблемъ. Есть, наконецъ, и такіе, которые съ замѣчательною наивностью заявляютъ, что экономисты должны только высказывать, въ болѣе или менѣе глубокомысленной формѣ, различные мнѣнія и идеи, избѣгая по возможности сухихъ разсужденій, могущихъ утомить читателя.

Литература разошлась такимъ образомъ съ абстрактною наукою, которая тѣмъ не менѣе сохраняетъ за собою свое особое значеніе. Классическая англійская школа, лучшимъ представителемъ которой считается знаменитый Давидъ Рикардо, достигла важныхъ научныхъ результатовъ, благодаря своимъ строгимъ аналитическимъ приемамъ. Ученія этой школы, впервые сообщившей наукѣ безукоризненную логическую стройность и гармоническое единство, не могли быть доселѣ ни опровергнуты, ни ослаблены всѣми усиліями ея многочисленныхъ критиковъ.

Система Рикардо отличается, какъ извѣстно, своимъ абстрактнымъ догматизмомъ; методъ ея—отвлеченный анализъ, а цѣль—установленіе общихъ началъ, управляющихъ промышленною жизнью народовъ, независимо отъ мѣстныхъ или историческихъ условій. Въ трактатѣ Рикардо, народное хозяйство представляется какъ-бы въ видѣ скелета, въ которомъ существенныя части организма движутся автоматически и всѣ основныя функціи сведены въ самымъ простѣйшимъ формамъ, съ устраниемъ условій побочныхъ, временныхъ и случайныхъ. Суровый, отчасти математическій способъ изложенія Рикардо возбудилъ массу недоразумѣній въ средѣ экономистовъ, которые, по непониманію свойствъ научнаго метода, принимали форму за сущность, способъ доказательства—за самую теорію, а вспомогательныя гипотезы—за дѣйствительныя научныя положенія, нуждающіяся въ доказательствѣ. Система Рикардо основана на цѣломъ рядѣ абстракцій, столь же далекихъ, повидимому, отъ дѣйствительности, какъ фигуры и гипотезы геометра далеки отъ формъ, встрѣчающихся въ природѣ; но эта система имѣетъ, безъ сомнѣнія, не только внѣшній видъ, но и внутреннее достоинство истинной науки, если только разъ признать въ принципѣ правильность и законность ея метода относительно экономическихъ явленій.

Наиболѣе плодотворное примѣненіе и оправданіе получилъ этотъ аналитическій методъ въ трудахъ вѣрнаго ученика Рикардо, фонъ-Тюнена, одного изъ замѣчательнѣйшихъ вообще изслѣдователей народнаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ благороднѣйшихъ теоретиковъ рабочаго вопроса, — автора столь же выдающагося и симпатичнаго, какъ и мало извѣстнаго. Математическіе выводы и общія экономическія теоріи, заключающіяся

въ его обширномъ трактатѣ объ «Уединенномъ государствѣ», совершенно затерялись среди обычной экономической литературы и остались неизвѣстными даже ученымъ спеціалистамъ, какъ увидимъ ниже. Выводы и взгляды фонъ-Тюнена, чрезвычайно интересные сами по себѣ, не вошли въ общій научный оборотъ и остались въ сторонѣ отъ обычнаго литературно-теоретическаго движенія политической экономіи. Причины этого игнорирования теорій фонъ-Тюнена выяснятся для читателя въ дальнѣйшемъ изложеніи, посвященномъ характеристикѣ научныхъ приѣмовъ и работъ этого ученаго.

Въ концѣ мы упомянемъ также о математической попыткѣ другого, еще менѣе извѣстнаго теоретика, Курно, имя котораго мы поставили рядомъ съ именемъ фонъ-Тюнена только въ виду однородной судьбы научныхъ попытокъ обоихъ этихъ забытыхъ экономистовъ.

II.

Если труды Рикардо впервые внесли точный логическій анализъ во всю обширную область политической экономіи, то изслѣдованія фонъ-Тюнена возвели этотъ анализъ на степень истинно-научнаго и тщательно разработаннаго метода, вооруженнаго всѣми средствами положительнаго наблюденія и всею силою и глубиною отвлеченной мысли.

Генрихъ фонъ-Тюненъ не только примѣняетъ абстрактныя приѣмы, но и объясняетъ ихъ. Главная ошибка Рикардо состояла именно въ томъ, что онъ довольствовался примѣненіемъ извѣстнаго рода приѣмовъ, не заботясь о теоретическомъ ихъ разъясненіи и оправданіи. Эту ошибку, поведшую къ самымъ страннымъ недоразумѣніямъ, старался поправить фонъ-Тюненъ.

Тюненъ прибѣгаетъ къ гипотезамъ, несравненно болѣе смѣлымъ и оригинальнымъ, чѣмъ Рикардо; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извлекаетъ изъ своихъ гипотезъ гораздо больше научнаго матеріала, пользуясь въ обширной мѣрѣ содѣйствіемъ математики и статистики. То, что у Рикардо является еще какъ-бы въ сыромъ и неопредѣленномъ видѣ, получаетъ у Тюнена прочно установленную форму, безукоризненную не только съ внутренней, но и съ внѣшней своей стороны. Тюненъ идетъ гораздо дальше и глубже Рикардо, направляя свои уточненныя математическія орудія въ самыя темныя области экономическихъ отношеній; но онъ идетъ осторожно, систематично, озираясь по сторонамъ и

освѣщая каждый свой шагъ обстоятельнымъ логическимъ объясненіемъ. Онъ вноситъ порядокъ и научный свѣтъ въ тотъ методъ, которому какъ-бы бессознательно слѣдовалъ Рикардо.

Въ противоположность Рикардо, фонъ-Тюненъ подробно разъясняетъ смыслъ и цѣль всѣхъ своихъ предположеній и старается доказать необходимость и законность cadaго изъ употребляемыхъ имъ научныхъ приемовъ, такъ что невозможно уже придавать его словамъ не то значеніе, какое они имѣютъ въ дѣйствительности. Поэтому, несмотря на смѣлость своего отвлеченнаго анализа, онъ не вызвалъ и сотой доли тѣхъ нареканій и возраженій, какимъ подверглось ученіе Рикардо. Литературная критика отступала предъ вооруженною съ головы до ногъ логикою фонъ-Тюнена и въ то же время рѣзко бросалась въ густыя дебри незащищенной ничѣмъ діалектики Рикардо, — не замѣчая, повидимому, что путь обоихъ этихъ ученыхъ въ сущности одинъ и тотъ же.

Поставивъ себѣ задачею изслѣдовать условія сельско-хозяйственнаго производства въ связи съ общими экономическими отношеніями, Тюненъ останавливается на самой простѣйшей формѣ вполне развитаго общезитія: онъ ставитъ гипотезу «уединеннаго государства», имѣющаго одно средоточіе въ видѣ города, кругомъ котораго располагаются различныя хозяйственныя ступени, опредѣляемыя разстояніемъ отъ центрального рынка. Почва предполагается вездѣ совершенно одинавою и безразличною по плодородію, и единственною основою для выводовъ остается разстояніе, обуславливающее болѣе или менѣе значительныя издержки по доставкѣ продуктовъ въ городъ для сбыта. На этой чрезвычайно-простой и чисто-абстрактной гипотезѣ фонъ-Тюненъ строитъ цѣлое научное зданіе, настолько же прочное въ теоріи, насколько кажется шаткимъ его фундаментъ въ смыслѣ практики.

Выдѣляя изслѣдуемые факторы изъ всей массы окружающихъ ихъ разнообразныхъ условій, фонъ-Тюненъ достигаетъ замѣчательной точности и полноты въ своихъ изысканіяхъ; онъ беретъ основные элементы явленій въ ихъ простѣйшемъ, чистомъ видѣ, анализируетъ ихъ старательно со всѣхъ сторонъ, вычисляетъ ихъ силу и дѣйствіе, и приходитъ къ общимъ положеніямъ, не допускающимъ возраженій. Образцомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить изслѣдованіе его объ естественной заработной платѣ, основанное на предположеніи матеріальной равноправности и обоюдной независимости хозяина и рабочаго.

«Подобно тому, — говоритъ Тюненъ, — какъ геометръ имѣетъ дѣло съ точками безъ протяженія, съ линіями безъ ширины, во-

торыхъ въ дѣйствительности не существуетъ, такъ же точно и мы въ правѣ устранять отъ данной дѣйствующей силы всѣ постороннія и случайныя условія, и только такимъ способомъ можемъ мы узнать, какое участіе имѣетъ эта сила въ разсматриваемыхъ нами явленіяхъ... Гипотезы необходимы для того, чтобы имѣть возможность опредѣлить и выяснить въ отдѣльности вліянія одного даннаго элемента, о которомъ мы получаемъ только неясное представленіе, пока онъ остается соединеннымъ съ другими одновременно дѣйствующими элементами... Этотъ умственный процессъ вполне равносильнъ тому способу, который примѣняется нами при всѣхъ физическихъ опытахъ, когда мы уединяемъ и усиливаемъ въ количественномъ отношеніи одинъ изслѣдуемый элементъ, оставляя всѣ другія условія безъ измѣненія. Этотъ методъ, если наблюденія формулированы правильно и точно и если построенныя на нихъ умозаключенія вполне послѣдовательны, можетъ перенести математическую достовѣрность въ такую область, гдѣ при простомъ разсужденіи находятъ мѣсто самыя противорѣчивыя взгляды... «Неужели-же, — спрашиваетъ далѣе фонъ-Тюненъ, — способъ, признаваемый совершенно основательнымъ въ примѣненіи къ физическому міру, долженъ считаться не позволительнымъ въ мірѣ умственномъ; не можемъ-ли мы и здѣсь изъ двухъ совмѣстно дѣйствующихъ силъ принять сначала одну за исключительно дѣйствующую, а потомъ подвергнуть такому же наблюденію и другую, предположивъ ея отдѣльное изолированное дѣйствіе?» Безусловная правильность такого способа изслѣдованія подтверждается, по мнѣнію Тюнена, примѣромъ «науки никогда не обманывающей» — именно математики: авторъ указываетъ на способъ, практикуемый въ дифференціальномъ исчисленіи для опредѣленія максимума функціи, заключающей въ себѣ нѣсколько переменныхъ величинъ. Фонъ-Тюненъ также ищетъ, на примѣръ, максимума чистаго дохода или издержекъ и затратъ, допускаемыхъ обстоятельствами; поэтому онъ долженъ былъ пользоваться тѣми же приемами, какіе примѣняются въ подобныхъ случаяхъ въ математикѣ.

«Мнѣ не безъизвѣстно, — замѣчаетъ Тюненъ, — какъ неудобны и непріятны алгебраическія формулы даже для многихъ ученыхъ. Но примѣненіе математики должно же имѣть мѣсто тамъ, гдѣ невозможно достигнуть истины безъ ея содѣйствія. Еслибы въ другихъ отрасляхъ знаній существовало такое же отвращеніе къ математическимъ вычисленіямъ, какъ въ политической экономіи, то мы остались бы въ совершенномъ невѣдѣніи относительно важнѣйшихъ законовъ природы; мы ничего не знали бы о небес-

ныхъ пространствахъ, и мореплаваніе, соединяющее теперь всѣ части свѣта благодаря успѣхамъ астрономіи, находилось бы еще на степени прибрежнаго судоходства»¹⁾.

Брать отдѣльные факторы народнаго хозяйства, изучать ихъ спеціальныя тенденціи и давать этимъ послѣднимъ самое полное логическое развитіе, для опредѣленія условій ихъ взаимодѣйствія и для отысканія нормальныхъ равнодѣйствующихъ силъ — таковъ методъ, усвоенный и значительно усовершенствованный фонъ-Тюненомъ, на основаніи опыта Рикардо и его предшественниковъ.

Тюненъ только упрочилъ и усилилъ средства анализа, имѣвшіяся дотогѣ въ распоряженіи классической англійской школы; и отвергать это усиленіе или оспаривать примѣнимость математики къ экономическимъ изслѣдованіямъ — значило-бы отрицать вообще отвлеченный анализъ, лежащій въ основѣ всѣхъ системъ и теорій той науки, которая создана трудами фیزیократовъ и Смита, Мальгуса и Рикардо. Кто принимаетъ абстрактный анализъ, тотъ долженъ принимать и всѣ естественныя его логическія орудія.

Если разсматривать одинъ элементъ, какъ дѣйствующій, и предполагать всѣ остальные въ состояніи покоя или неподвижности, то полученный такимъ образомъ результатъ будетъ, какъ говоритъ фонъ-Тюненъ, «не невѣренъ, а только *неполонъ*, оставаясь такимъ лишь до тѣхъ поръ, пока всѣ другія содѣйствующія силы не будутъ подвергнуты подобному же отдѣльному изслѣдованію».

Слѣдуя этому правилу, Тюненъ всесторонне анализируетъ различныя условія, вліяющія на цѣнность продуктовъ, на порядокъ и мѣсто обработки тѣхъ или другихъ категорій произведеній, на размѣръ ренты, прибыли и заработной платы, и, наконецъ, на общее хозяйственное положеніе данной страны.

Обстоятельное, проникнутое глубокимъ философскимъ духомъ и основанное на тонкомъ логическомъ анализѣ, изслѣдованіе фонъ-Тюнена о рабочей платѣ составляетъ одно изъ лучшихъ приобретеній и украшеній классической школы политической экономіи. Во всей экономической литературѣ, столь богатой сочиненіями о рабочемъ вопросѣ, мы не знаемъ ни одного писателя,

¹⁾ Joh. Heine v. Thünen, Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie, Rostock, 1842, Bd. I, стр. VI, 275; II Theil, 7—11, 170 и др.

который сдѣлалъ-бы что-либо равносильное этому труду фонъ-Тюнена.

Независимо отъ точныхъ математическихъ положеній, выведенныхъ авторомъ относительно «естественнаго» размѣра заработной платы, самая точка зрѣнія и самый характеръ аргументаціи рѣзко выдвигаютъ работу фонъ-Тюнена изъ массы литературно-экономическихъ опытовъ, посвященныхъ великому вопросу о судьбѣ рабочаго сословія. Разсужденія Тюнена проникаютъ до основныхъ корней предмета, углубляясь вдоль и поперекъ съ истинно-философскою смѣлостью. Сохраняя научную твердость и безпристрастіе въ самыхъ жгучихъ закоулкахъ вопроса, фонъ-Тюненъ не обходитъ ни одного изъ тѣхъ пунктовъ, которые обыкновенно стираются или покрываются туманомъ въ разсужденіяхъ другихъ экономистовъ. Онъ разыскиваетъ и разоблачаетъ истину во всей ея наготѣ, не заботясь о томъ, гдѣ и въ какомъ видѣ она окажется. Онъ одинаково далекъ и отъ сухого доктринерства и отъ напускной горячности; каждое слово его дышетъ искреннею человѣчностью и душевною теплотою, совершенно чуждою какихъ бы то ни было заднихъ мыслей. Грустный тонъ его размышленій тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на читателя, чѣмъ опредѣленнѣе и яснѣе они изложены и чѣмъ скромнѣе мѣсто, отведенное имъ въ ряду специальныхъ отдѣловъ «Уединеннаго государства».

Фонъ-Тюненъ рѣшительно отвергаетъ притязанія тѣхъ авторовъ, которые въ рабочемъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, принимаютъ существующій фактъ за законъ.

Угнетеніе работниковъ «третьимъ сословіемъ» или буржуазіею служить какъ-бы слѣдствіемъ или продолженіемъ предшествовавшего угнетенія самой буржуазіи феодальнымъ рыцарствомъ. Среднее сословіе передаетъ внизъ удары, полученные имъ нѣкогда сверху; право меча смѣнилось правомъ капитала, и политическая власть остается такимъ же одностороннимъ оружіемъ въ рукахъ буржуазіи, каковымъ была прежде въ рукахъ феодализма. Фонъ-Тюненъ справедливо указываетъ на этотъ элементъ власти, какъ на главную форму господства капитала надъ трудомъ. Представители буржуазіи принимаютъ почти исключительное участіе въ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ, въ установленіи налоговъ и въ общемъ направленіи администраціи; они поэтому весьма естественнымъ образомъ пользуются своимъ вліяніемъ для возможно-большаго упроченія своихъ матеріальныхъ интересовъ, которые мало-по-малу отождествляются у нихъ съ интересами всего государства.

Фонъ-Тюненъ мрачно смотритъ на будущее: это будущее рисуется ему въ видѣ роковой борьбы, первые симптомы которой кроются, по его мнѣнью, въ современныхъ ему теорiяхъ нѣкоторыхъ французскихъ писателей. Ссылаясь на всемирно-историческiй ходъ жизни народовъ, фонъ-Тюненъ замѣчаетъ, что развитiе всякой новой общественной идеи связано неизбежно съ борьбою: такъ, среди жестокихъ войнъ развивались и достигали господства религiозныя идеи; потомъ такія же кровавыя жертвы сопровождали идею конституцiонной свободы со времени французской революцiи; далѣе предвидятся новыя политическiя бури, и изъ-за неопредѣленныхъ очертанiй ихъ видны уже зародыши другой борьбы, еще страшнѣйшей.

«Печальный опытъ исторiи показываетъ, — продолжаетъ Тюненъ, — что съ заблужденiемъ борется обыкновенно не истина, и несправедливости противопоставляются не разумъ и право, а другая несправедливость и другое заблужденiе, и что только послѣ безчисленныхъ уклоненiй въ ту и другую сторону осуществляются требованiя истины и права. Адамъ Смитъ говоритъ: «кто хочетъ сдѣлать кривую трость прямою, сгибаетъ ее не до прямой линiи, а дальше, въ противоположную сторону». Въ познанiи истины и права, въ угрощенiи эгоизма, побуждающемъ добровольно отдавать то, чѣмъ владѣютъ безъ основанiя, заключается, по мнѣнiю Тюнена, средство мирнаго развитiя человечества на пути къ высшему его назначенiю; «но гдѣ господство принадлежитъ заблужденiю и эгоизму, тамъ, какъ свидѣлствуетъ исторiя, выступаетъ страшною мстительницею Немезида. Высшая и возвышенная задача науки состоитъ въ томъ, чтобы не опытомъ, не ходомъ исторiи, а силою разума опредѣлять и уяснять истинную цѣль, къ которой мы должны стремиться».

Слишкомъ большое разстоянiе отдѣляетъ среднее сословiе отъ простыхъ работниковъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношенiяхъ: это разстоянiе должно быть уменьшено распространенiемъ образованiя въ народѣ, причемъ уничтожилось бы нынѣшнее рѣзкое различiе между рабочимъ классомъ и мелкою буржуазiею. Вознагражденiе простого труда увеличилось бы соотвѣтственно уменьшенiю платы за трудъ высшаго разряда, и экономическiя условiя сдѣлались бы болѣе равномѣрными вмѣстѣ съ уравниемъ условiй умственныхъ и нравственныхъ. Народная школа должна, по Тюнену, приблизить работниковъ къ среднему сословiю, возвысить ихъ нравственный уровень, улучшить и укрѣпить народный характеръ и содѣйствовать такимъ образомъ желанному рѣшенiю всего рабочаго вопроса.

Современное положеніе рабочаго сословія въ Европѣ вызы-
ваетъ у Тюнена весьма горькія мысли.

«Какъ трудъ раба,—замѣчаетъ онъ,—ничего не стоить его
господину, кромѣ средствъ пропитанія и процентовъ покупной
цѣны его; какъ работа машины ничего не стоить промышлен-
нику, кромѣ издержекъ содержанія и процентовъ стоимости ма-
шины,—такъ же точно капиталисту ничего не стоить трудъ сво-
боднаго человѣка, кромѣ лишь содержанія его и процентовъ съ
капитала, затраченнаго на воспитаніе и обученіе работника.
Кажется совершенно непонятнымъ, чтобы человѣкъ могъ под-
пасть подъ господство своего собственнаго продукта, капитала, и
сдѣлаться ему подчиненнымъ; а такъ какъ это несомнѣнно суще-
ствуетъ въ дѣйствительности, то невольно приходится ставить себѣ
вопросъ: какимъ образомъ работникъ могъ изъ творца капитала
превратиться въ его раба?... *Въ отдѣленіи продукта отъ про-
изведшаго его работника лежитъ источникъ социальнаго зла.*»

Фонъ-Тюненъ старается опредѣлить «естественный» размѣръ
заработной платы, т.-е. тотъ размѣръ, который долженъ былъ бы
установиться при обоюдной матеріальной независимости рабочихъ
и хозяевъ и который выражалъ бы, слѣдовательно, дѣйствительную
относительную цѣнность участія труда и капитала въ производ-
ствѣ.

Послѣ подробныхъ вычисленій и пространныхъ математиче-
скихъ выкладовъ, фонъ-Тюненъ приходитъ къ тому положенію, что
*естественная заработная плата есть средняя пропорціональ-
ная между стоимостью полученнаго продукта и необходимыми
средствами существованія.* Другими словами: чтобы получить
естественный размѣръ заработной платы, нужно помножить цѣн-
ность общаго продукта труда на стоимость содержанія работника
въ данную единицу времени и затѣмъ извлечь квадратный ко-
рень изъ получившейся такимъ образомъ суммы. Подъ «общимъ
продуктомъ» разумѣется здѣсь весь результатъ производства, за
вычетомъ издержекъ. Отношенія рабочихъ въ капиталистамъ
предполагаются вполне свободными въ тѣхъ отдаленныхъ отъ
центра мѣстностяхъ, гдѣ обиліе незанятыхъ еще земель даетъ
работнику возможность выбора между самостоятельнымъ трудомъ
обработке какаго-либо новаго участка или работою по найму въ
предѣлахъ уже существующихъ хозяйствъ.

Для приведеннаго выше математическаго вывода авторъ до-
ходитъ разными путями: норма заработной платы оказывается
равною $\sqrt{ap}$, причемъ a означаетъ необходимыя средства суще-
ствованія въ теченіи какаго-либо единицы времени, а p —общій

продуктъ труда и капитала. Если работникъ-производитель, при помощи необходимой доли капитала, вырабатываетъ въ продолженіи года извѣстное количество продукта, то, помноживъ это количество на величину годовыхъ средствъ содержанія работника и взявъ квадратный корень изъ произведенія, получимъ нормальный размѣръ заработной платы; остальная же часть продукта составить естественную долю капитала, въ видѣ процента и прибыли.

Отыскивая самую выгодную для производителя величину заработной платы, т.-е. ту величину, которая должна существовать при наибольшемъ размѣрѣ капитальнаго дохода, Тюненъ находитъ указанную выше норму; съ другой стороны, эта же норма оказывается наиболѣе выгодною для работниковъ наемныхъ. Ни капиталисты, ни рабочіе не могли требовать измѣненія нормальной рабочей платы, безъ ущерба для всего производства и, слѣдовательно, для самихъ себя. Ниже этой средней нормы оказывается вознагражденіе трудъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ не имѣется уже свободныхъ земель, гдѣ работники лишены уже возможности выбора между самостоятельнымъ трудомъ и наемнымъ и гдѣ, поэтому, рабочее сословіе должно по необходимости соглашаться на всѣ условія капиталистовъ: тогда заработная плата опредѣляется уже не долею участія труда въ производствѣ, а насущными потребностями работниковъ, эксплуатируемыхъ обладателями капитала.

Фонъ-Тюненъ посвящаетъ также нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ вопросу объ экономической цѣнности человѣка, столь часто забываемой по отношенію къ простымъ рабочимъ. «Какое-то неприятное чувство, — говоритъ онъ, — удерживаетъ, повидимому, писателей и всѣхъ вообще отъ оцѣнки того, что стоить человѣкъ и каково капиталъ въ немъ заключается. Человѣкъ кажется намъ стоящимъ слишкомъ высоко, и мы боимся унизить его значеніе, прилагая къ нему подобную экономическую мѣрку. Это не мѣшаетъ, однако, капиталисту смотрѣть на рабочаго какъ на простую машину». Такое отвращеніе во взгляду на человѣка, какъ на капиталъ, особенно пагубно человѣчеству, по мнѣнію Тюнена, во время войны; «ибо тогда берегутъ капиталъ, а не человѣка, и не задумываются жертвовать сотнею человѣкъ въ цвѣтъ лѣтъ, ради спасенія одной пушки. Въ сотни человѣкъ погибаетъ капиталъ, по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ болѣе значительный, чѣмъ въ одной той пушкѣ; но приобрѣтеніе пушки причиняетъ казнѣ прямой расходъ; тогда какъ люди могутъ быть вновь доставлены простымъ указомъ о наборѣ. Молодые работ-

ники отбираются отъ ихъ семействъ безъ всякаго вознагражденія, тогда какъ лошадей и воловъ, подлежащихъ реквизиціи, никогда не берутъ безъ соотвѣтственной платы. Если бы человѣкъ разсматривался какъ капиталъ, то государству приходилось бы за каждаго убитаго солдата уплачивать семьѣ стоимость его воспитанія или цѣнность его рабочей силы; раненымъ и изувѣченными нужно было бы давать полное содержаніе до конца ихъ жизни, а здоровые получали бы вознагражденіе по общей нормѣ. Войны обходились бы тогда дороже, но за то онѣ были бы рѣже и велись бы съ болѣею экономіею въ людяхъ. «Что ничего не стоитъ, то не цѣнится совсѣмъ,—и это имѣетъ силу, къ сожалѣнію, не только относительно вещей, но и относительно людей». При надлежащемъ пониманіи экономической цѣнности человѣка, полководцы ограничивались бы рѣшительными сраженіями и не тратили бы людей на кровопролитные штурмы, не наполняли бы ровы трупами безъ крайней нужды, какъ это дѣлалъ Наполеонъ I, который на замѣчаніе о бесполезной тратѣ людей отвѣчалъ: «это ничего не значить,—женщины дѣлаютъ ихъ больше, чѣмъ сколько мнѣ нужно». Защита отечества, прибавляетъ фонъ-Тюнень, составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ первыхъ обязанностей гражданина; но государство, ни въ какомъ случаѣ, не имѣетъ права отнимать, вмѣстѣ съ жизнью члена семьи, и имущественныя средства всего семейства, такъ какъ все достояніе семьи состоитъ часто въ рабочей силѣ его членовъ. При реквизиціи лошадей платится стоимость ихъ людямъ богатымъ, помѣщикамъ, капиталистамъ; а бѣднымъ семьямъ не дается ничего за все достояніе ихъ, заключающееся въ работникахъ ¹⁾.

Среди специальныхъ изысканій, о которыхъ мы упомянемъ ниже, фонъ-Тюнень дѣлаетъ, какъ-бы мимоходомъ, много мѣткихъ замѣчаній, имѣющихъ общій теоретическій интересъ.

«Капиталъ, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — есть накопленный продуктъ труда или овеществленный трудъ; онъ происходитъ изъ того же самаго источника, что и текущій трудъ—изъ человѣческой дѣятельности: такъ что капиталъ и трудъ составляютъ одно въ существѣ своемъ, различаясь только по времени, какъ прошедшее и настоящее».

Останавливаясь на законѣ спроса и предложенія, выведенномъ у Смита, Тюнень замѣчаетъ, что это объясненіе, конечно,

¹⁾ Der isolirte Staat, Bd. II, Th. II, Abth. 2, 145—149; о положеніи рабочаго сословія Theil II, Abth. I, 36—50, а объ естественной рабочей платѣ стр. 115—208, тамъ же. Надо имѣть въ виду, что эта часть работъ ф.-Тюнена была издаваема имъ съ 1842 году.

взято изъ жизни; но — спрашивается онъ — что выиграла отъ этого наука? «Конкуренція, отношеніе между предложеніемъ и спросомъ, такъ же непостоянна и переменчива, какъ погода; можетъ-ли такой неопредѣленный переменчивый факторъ служить основаніемъ для научныхъ выводовъ?» Болѣе прочнымъ регуляторомъ являются, повидимому, «надѣржки производства», какъ фундаментъ «естественной цѣны»: фонъ-Тюнень припоминаетъ свою радость при чтеніи этихъ положеній, разъяснившихъ ему столь темный предметъ, — но радость продолжалась не долго. «Естественная цѣна товара опредѣляется естественною заработной платою, естественною прибылью съ капитала и естественною поземельною рентою, которыя входятъ въ составъ элементовъ производства этого товара; а если спросить, чѣмъ же опредѣляется естественная рабочая плата, то получится въ отвѣтъ: — конкуренціею. Отчего зависть естественная прибыль капитала? — Опять-таки отъ конкуренціи. Устраненіе конкуренціи изъ основныхъ факторовъ естественной цѣны есть, слѣдовательно, только кажущееся, есть иллюзія». У Смита, при опредѣленіи естественной цѣны хлѣба, принимается за извѣстную величину поземельная рента, а при опредѣленіи поземельной ренты предполагается, наоборотъ, извѣстною — естественная цѣна хлѣба, вслѣдствіе чего выходитъ какой-то *circulus vitiosus*.

Можно находить нѣкоторую долю философской наивности въ чистосердечныхъ признаніяхъ и размышленіяхъ фонъ-Тюнена по поводу нѣкоторыхъ общихъ экономическихъ вопросовъ; но въ этихъ размышленіяхъ звучитъ такая благородная правдивость, такое возвышенное свѣтлое чувство, такой искренній научный духъ, что читатель невольно превлоняется передъ внутреннею силою авторскихъ возрѣній, не рѣшаясь раскрывать ихъ слабыя стороны.

Разсуждая о значеніи капитала, какъ одного изъ факторовъ производства, фонъ-Тюнень задается вопросомъ: откуда возникъ первоначальный капиталъ, который непременно долженъ былъ предшествовать человѣку, чтобы сдѣлать возможнымъ его появленіе и существованіе на землѣ? Надъ этою «неразрѣшимою загадкою» фонъ-Тюнень тѣтено размышлялъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, пока, наконецъ, не пришелъ къ разгадкѣ, столь же простой, какъ и односторонней. «Только такъ, — говоритъ онъ, — гдѣ природа добровольно, безъ содѣйствія человѣка, производитъ кокосовыя пальмы и пиванговыя деревья, гдѣ теплота благодатнаго климата не ставитъ ни одежды, ни жилища на степень безусловныхъ потребностей человѣческихъ, только тамъ могла находиться колыбель

человѣческаго рода, и только тамъ могъ произойти капиталъ самъ собою изъ нѣдръ первобытной природной работы». Экономическая точка зрѣнія совпадаетъ такимъ образомъ съ сущностью старинныхъ религіозныхъ преданій, связывавшихъ появленіе человѣчества съ мыслью о земномъ раѣ, съ мыслью о лучшемъ и благословеннѣйшемъ уголкѣ земного шара. Въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта люди явились уже въ качествѣ пришельцевъ, послѣ переселенія народовъ изъ мѣстъ ихъ первой счастливой родины, ставшей для нихъ слишкомъ тѣсною. «Чѣмъ дешевле становится капиталъ, т.-е. чѣмъ меньшій процентъ платится за его пріобрѣтеніе, тѣмъ болѣе расширяется сфера населенности земли. И Европа принадлежитъ въ тѣмъ странамъ, которыя могли быть населены только пришлыми людьми, снабженными уже первоначальнымъ капиталомъ. Кажущаяся неразрѣшимость приведенной выше задачи объясняется только тѣмъ, что первобытный капиталъ возникъ не въ Европѣ, а произошелъ изъ странъ, гдѣ господствуютъ другіе законы образованія капиталовъ, чѣмъ здѣсь». Не слѣдуетъ-ли предположить, — прибавляетъ авторъ, — что, подобно этому случаю, и въ другихъ еще болѣе важныхъ вопросахъ «иная задача кажется намъ неразрѣшимою только потому, что мы стараемся понять и объяснить какимъ-либо единымъ закономъ то, что имѣетъ совсѣмъ другой источникъ, что только отчасти подлежитъ нашему круговору и отчасти относится не только къ другой части свѣта, но даже къ совершенно другому міру?»

При нѣкоторой склонности къ мистицизму, проявляющейся въ этомъ и подобныхъ имъ замѣчаніяхъ, фонъ-Тюненъ остается однако экономистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова: это видно уже изъ того, что онъ повидимому считалъ болѣе серьезною загадкою происхожденіе капитала, сопутствовавшаго человѣчеству, чѣмъ происхожденіе самого человѣчества.

Фонъ-Тюненъ находитъ, что въ Европѣ *всякій продуктъ есть общее дѣло труда и капитала*, такъ какъ безъ послѣдняго немислимо не только какое-бы то ни было производство, но даже самое существованіе челоуѣка. Но теоретическій вопросъ о необходимости роли капитала не долженъ быть смѣшиваемъ съ практическимъ вопросомъ о роли и положеніи капиталистовъ: такого рода смѣшеніе именно и служить главнымъ источникомъ заблужденій новѣйшихъ теоретиковъ, особенно Маркса.

III.

Исследования о вопросах сельского хозяйства занимают наиболее места въ трактатѣ объ «Удивительномъ государствѣ». Эти исследования имѣютъ характеръ вполне положительный и специальный, какъ нельзя лучше приспособленный къ практической проверкѣ приведенныхъ выше общихъ замѣчаній фонъ-Тюнена о научномъ методѣ. Опираясь на статистическія данныя, собранныя имъ въ продолженіи многолѣтней земледѣльческой практики, Тюненъ имѣлъ возможность придать своимъ доводамъ и заключеніямъ полноту и законченность, не оставляющія мѣста критикѣ. Чтобы опредѣлить дѣйствіе одного хозяйственного фактора—разстоянія отъ рынка—и очистить его отъ всѣхъ другихъ, одновременно дѣйствующихъ элементовъ, онъ предполагаетъ «большой городъ, безъ судоходной рѣки, въ равнинѣ, почва которой совершенно однообразна и одинакова по плодородію». Это предположеніе послужило Тюнену исходною точкою для цѣлаго ряда замѣчательныхъ выводовъ относительно различныхъ хозяйственныхъ формъ въ связи съ условіями сбыта. Чѣмъ больше объемъ продуктовъ сравнительно съ ихъ рыночною цѣною, тѣмъ большее значеніе имѣютъ для нихъ издержки провоза и тѣмъ ближе къ городу должны быть они воздѣлываемы. Смотря по разстоянію отъ рынка, необходимо измѣняются не только категоріи продуктовъ, предназначенныхъ для сбыта, но и самыя системы земледѣлія. Даже степень производительности почвы зависитъ отъ цѣнности продуктовъ и отъ близости къ рынку, ибо чѣмъ ближе земля къ городу, тѣмъ болѣе дѣлается затрата на удобреніе ея и тѣмъ старательнѣе поддерживается и обогащается ея естественная производительная сила, такъ-что гипотеза равномернаго плодородія сама собою устраняется подъ вліяніемъ «переменной величины»—мѣстоположенія относительно центрального рынка. На основаніи подробныхъ вычисленій, фонъ-Тюненъ точно формулируетъ законъ ограниченности земледѣльческаго производства, которое, какъ извѣстно, не можетъ усиливаться въ одинаковой пропорціи съ увеличеніемъ затратъ труда и капитала: производительность почвы имѣетъ предѣлъ, за которымъ начинается неподдающийся уровень, не поддающийся уже никакимъ дальнѣйшимъ прибавочнымъ усиліямъ удобрения и обработки.

Въ вопросѣ о поземельной рентѣ фонъ-Тюненъ сходится съ теоріею Рикардо, хотя развиваетъ ее вполне самостоятельно, путемъ болѣе положительнымъ и болѣе сложнымъ. Въ основаніи

своего знаменитаго ученія Рикардо принялъ фактъ неравномѣрной естественной производительности воздѣлываемыхъ участковъ, причѣмъ мѣстоположеніе, близость къ рынку и другія условія обіи, влияющія на величину ренты, оставлены имъ совершенно безъ вниманія. Тюненъ; съ своей стороны, поступилъ какъ-разъ наоборотъ, принявъ за исходную точку одно лишь положеніе относительно рынка и оставивъ въ сторонѣ естественныя различія въ плодородіи, — и этимъ путемъ онъ пришелъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ, что и Рикардо; ибо для вѣрности научныхъ выводовъ нужны только два условія: во-первыхъ, исходная точка должна быть безспорно вѣрна, — и, во-вторыхъ, отирающаяся на нее цѣль умозаключеній должна строго согласоваться съ законами логики. Неравномѣрная производительность почвы — фактъ несомнѣнный и точно констатированный; поэтому онъ съ полнымъ правомъ можетъ служить твердою логическою основою для научной дедукціи. Разнымъ образомъ, зависимость производительности и доходности даннаго участка отъ положенія относительно рынка — фактъ также общезвѣстный и не подлежащій сомнѣнію; поэтому и этотъ общій фактъ можетъ быть съ одинаковымъ основаніемъ принятъ за исходный пунктъ теоретической аргументаціи. Рикардо игнорируетъ всѣ другія условія, кромѣ плодородія; а фонъ-Тюненъ устраняетъ всѣ другіе элементы, кромѣ мѣстоположенія, и оба они приходятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, несмотря на видимое различіе основныхъ логическихъ посылокъ. Нужно ли болѣе вѣское подтвержденіе научной вѣрности тѣхъ пріемовъ, которыхъ придерживались оба исследователя?

Когда теоретическіе выводы, достигнутые однимъ путемъ, получаются и другими способами, то это говорить не только въ пользу точности самыхъ выводовъ, но и въ пользу основательности того метода, которымъ они добыты. Сущность ученія Рикардо и Тюнена сводится къ тому, что рента есть необходимый результатъ неравномѣрности условій сельско-хозяйственнаго производства; что она не входитъ въ составъ рыночной цѣны продуктовъ, опредѣляемой земледѣльческими капиталами, находящимися въ наименѣе выгодныхъ условіяхъ и дающими только обычный процентъ и прибыль; — и, наконецъ, что рента не находится ни въ какой исключительной зависимости отъ института поземельной собственности, имѣя свое особое естественное и социальное основаніе.

Поземельная рента происходитъ вообще изъ преимуществъ даннаго участка сравнительно съ самую худшею по плодородію

или положенію земелью, воздѣливаемой однако по необходимости для удовлетворенія спроса на продукты; а цѣнность этого преимущества, выраженная въ деньгахъ или въ хлѣбѣ, опредѣляетъ величину ренты. «Но, — замѣчаетъ Тюненъ, — это объясненіе само-по-себѣ недостаточно, такъ какъ и при полномъ равенствѣ земель по плодородію, по положенію относительно сбыта и по всѣмъ вообще условіямъ, влияющимъ на цѣнность, — можетъ, тѣмъ не менѣе, получаться рента, если не дѣлется уже свободныхъ, невоздѣланныхъ участковъ». Поэтому происхожденіе поземельной ренты должно имѣть иную, болѣе глубокую причину, чѣмъ преимущество однихъ участковъ предъ другими; но этому однако не отвергается и не устраняется указанная адѣсь причина, которая должна только заключаться именно въ другомъ, болѣе обширномъ законѣ. Этотъ общій законъ коренится именно въ упомянутой выше естественной ограниченности сельско-хозяйственной производительности. Въ частности фонъ-Тюненъ находитъ, кромѣ различія въ плодородіи и положеніи земель, еще двѣ причины возниженія ренты: во-первыхъ, возвышеніе интензивности культуры, т. е. приложеніе къ землѣ добавочныхъ усилій труда, причемъ прежде употребленный трудъ, по своимъ результатамъ, даетъ взаменъ нац. ренту, — и, во-вторыхъ, искусственнымъ улучшеніемъ почвы, дающимъ сначала прибыль, а потомъ болѣе или менѣе постоянную ренту.

Примѣняя общія начала теории ренты къ условіямъ прибыли и заработной платы, фонъ-Тюненъ, при обычномъ срдѣствѣ математики, приходитъ между прочимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) каждый добавочный капиталъ, употребляемый въ какомъ-либо предпріятіи или промыслѣ, приноситъ меньше дохода, чѣмъ прежде приложенный къ дѣлу; 2) доходъ, доставляемый всѣмъ капиталомъ, опредѣляется выгодностью послѣдней употребленной въ дѣле частицы капитала; 3) вознагражденіе рабочаго труда опредѣляется цѣнностью работы послѣднимъ приставленнымъ къ дѣлу рабочимъ, — и 4) уменьшеніе прибыли при возрастаніи капитала увеличиваетъ размѣръ заработной платы.

Мы изложили въ общихъ чертахъ содержаніе замѣчательныхъ трудовъ фонъ-Тюнена, оставивъ по необходимости въ сторонѣ, обременяющіе ихъ, тяжелыя достиженія математики; мы привели его важнѣйшіе теоретическіе выводы, его общіе взгляды и любознательныя частныя замѣчанія. Мы могли только вкратцѣ указать на его спеціальныя сельско-хозяйственныя изслѣдованія; мы

совсѣмъ почти не коснулись его разсужденій о составныхъ элементахъ цѣны, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и вліяніяхъ, о свойствахъ прибыли и процента — и о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, затронутыхъ или изслѣдованныхъ фонъ-Тюнеиомъ. Но все то, что нужно было для нашей цѣли и что могло дать правильное понятіе о работахъ этого ученаго, извлечено нами съ возможною полнотою изъ различныхъ, отчасти разбросанныхъ между собою отдѣловъ трактата объ «уединенномъ государствѣ».

Не слѣдуетъ забывать, что общія разсужденія и замѣчанія, приведенныя въ нашемъ изложеніи, составляютъ лишь побочную часть трудовъ фонъ-Тюнеи и служатъ только объяснительными переходными звеньями среди болѣе точныхъ и положительныхъ научныхъ изысканій. Авторъ вообще не останавливается на общихъ взглядахъ и даже не придаетъ имъ, повидимому, серьезнаго научнаго значенія, что видно уже и изъ той отрывочной формы, въ какой они изложены. Тюнеиъ не занимается литературною критикою, не собираетъ чужихъ «мнѣній» и не заботится объ нихъ, — не выдаетъ своихъ мимоходныхъ философскихъ замѣчаній за настоящую окончательную науку, а всегда ищетъ дѣйствительнаго рѣшенія и истинно-научныхъ положительныхъ формулъ. Онъ не только не думаетъ о литературномъ эффектѣ, а даже какъ-бы избѣгаетъ его: самыя лучшія вещи, самыя тонкія указанія и идеи запертаны у него, какъ-бы умышленно, въ массу сухихъ математическихъ выкладокъ, неспособныхъ, конечно, привлекать въ себѣ заурядныхъ читателей-экономистовъ.

Въ рабочемъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, фонъ-Тюнеиъ не довольствуется отрицательною, критическою стороною задачи, подобно многимъ современнымъ писателямъ. Какъ истинный ученый, онъ прямо углубляется внутрь предмета и отыскиваетъ общее теоретическое рѣшеніе, которое доселѣ не только не было еще никѣмъ разобрано и оцѣнено по достоинству, но даже не было почти замѣчено литературою.

Принадлежа въ феодальному дворянству Мекленбурга, Тюнеиъ занимался вопросомъ объ улучшеніи быта рабочаго сословія не только въ теоріи, но и на дѣлѣ: между прочимъ, онъ первый примѣнилъ на практикѣ принципъ участія работниковъ въ прибыляхъ земледѣльческаго производства.

Фонъ-Тюнеиъ, несколько не уступавшій Рикардо по глубинѣ своего анализа и по плодотворности своихъ теорій, не имѣлъ той литературной удачи, которая выпала на долю его англійскаго учителя. Нѣтъ такого писателя-экономиста, который не зналъ бы подробностей ученія Рикардо о рентахъ; но замѣчательная теорія

фонъ-Тюнена относительно заработной платы совсѣмъ не существуетъ для большинства «ученыхъ» экономистовъ.

Множество авторовъ обсуждаетъ рабочій вопросъ съ теоретической его стороны; совершенно не подозревая, повидимому, о существованіи строго-научнаго изслѣдованія фонъ-Тюнена. Въ Англіи ничего почти не знаютъ о трудахъ этого скромнаго нѣмецкаго представителя классической англійской школы. Во Франціи одинъ только русско-французскій экономистъ, г. Матвій Волковъ, пытался серьезно популяризировать ученія фонъ-Тюнена; но, будучи самъ писателемъ довольно посредственнымъ и мало-извѣстнымъ, онъ не могъ, конечно, достигнуть своей цѣли ¹⁾. Притомъ, усвоивъ себѣ содержаніе работъ фонъ-Тюнена, г. Волковъ недостаточно проникся ихъ духомъ: слѣдуя общей скалестической слабости экономистовъ-литераторовъ, онъ сочинилъ свою собственную теорію «помѣщенія» производства (*emplacement*) путемъ замѣны нѣсколькихъ понятій однимъ общимъ неопредѣленнымъ словомъ, долженствующимъ обозначать собою чуть ли не всѣ основныя естественныя и социальныя условія производства, въ томъ числѣ даже самую землю, какъ «вмѣститель» земледѣлія и иныхъ промысловъ. Понятно, что такая курьезная прибавка къ изслѣдованіямъ фонъ-Тюнена не могла содѣйствовать правильной оцѣнкѣ того метода, котораго придерживался Тюненъ.

Наконецъ, въ самой Германіи имя Тюнена пользуется извѣстностью въ спеціальной сферѣ вопросовъ сельскаго хозяйства; но экономическія теоріи и положенія этого ученаго или совершенно игнорируются, какъ неудобныя для авторовъ по своей суровой математической формѣ, или упоминаются только вскользь для литературной полноты, на ряду съ изреченіями какого-нибудь Монтезуки или фонъ-Шмальца. Нѣмецкіе критики не рѣдко причисляютъ, правда, труды фонъ-Тюнена къ «драгоценнѣйшимъ перламъ политической экономіи», но, отзываясь такимъ образомъ, повидимому, считаютъ себя уже свободными отъ необходимости знакомиться лично съ сущностью этихъ трудовъ ²⁾.

Извѣстный Карлъ Марксъ написалъ обширный трактатъ о капиталѣ, не воспользовавшись выводами Тюнена ни единымъ даже намекомъ, какъ-будто теоретическіе вопросы могутъ быть рѣ-

¹⁾ См. „Lectures d'économie politique rationnelle“, par *Mathieu Welhoff*, Paris, 1861, chap. X и слѣд.

²⁾ Въ „Journal des Économistes“ за 1871 г., Т. XXVI, стр. 868—9, покойный Волковъ горько жалуется на невѣстность трудовъ фонъ-Тюнена въ Германіи, — невѣстность, бросающую особенно въ глаза въ многочисленныхъ сочиненіяхъ по рабочему вопросу.

назны каждымъ писателемъ по-своему, безъ вниманія къ тому, что уже сдѣлано и разъяснено предшественниками ¹⁾. Трудно, разумѣется, предположить, чтобы таковой знатокъ и любитель литературы, какъ Марксъ, не имѣлъ дѣйствительно никакихъ свѣдѣній объ изслѣдованіяхъ Тюнена: онъ самъ, должно быть, со-знавалъ всю неловкость такого пробѣла, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, его неожиданно-рѣвая дополнительная выходка въ повдвѣшемъ изданіи «Капитала». Марксу было, конечно, не совсѣмъ удобно упоминать объ авторѣ, у котораго онъ, быть можетъ, кое-что позаимствовалъ, и котораго, съ другой стороны, пришлось бы серьёзно разобрать и опровергнуть для надлежащаго подтвержденія нѣкоторыхъ существенныхъ положеній, раз-виваемыхъ въ «Капиталѣ». Труды фонъ-Тюнена принадлежать къ числу тѣхъ, которые не поддаются обыкновенной литератур-ной полемикѣ, столь удачно примѣняемой Марксомъ къ другимъ сочиненіямъ и авторамъ. Марксъ, какъ извѣстно, горячій побор-никъ литературнаго «капитализма»: онъ не только усердно ограж-даетъ свое мнимое право собственности даже противъ покойнаго Лассаля, превосходившаго его по таланту и по искренности, но разноситъ литературныя бразги и между посторонними писа-телями, въ томъ числѣ и такими, какъ Мальтусъ. Поэтому мы въ правѣ были бы съ такою же строгостью относиться и къ притязаніямъ Маркса, основаннымъ на предполагаемомъ незна-комствѣ экономистовъ-литераторовъ съ дѣйствительно-научными трудами какаго-нибудь Тюнена или Курно. Ученіе Маркса объ экономическихъ эквивалентахъ взято, напримѣръ, какъ-будто у Курно, имя котораго также умалчивается, конечно, въ книгѣ о «Ка-питалѣ», содержащей въ себѣ, однако, весьма значительную массу стараго и отчасти совершенно ненужнаго литературнаго хлама. Но для насъ безразлично, въ сущности, какіе приемы употреб-ляетъ Марксъ для обезпеченія себѣ литературнаго успѣха. Мы указываемъ только тотъ характеристическій фактъ, что даже въ такомъ старательно составленномъ и претендующемъ на пол-

¹⁾ Имя Тюнена приводится только одинъ разъ, мимоходомъ, во второмъ изданіи «Капитала»; въ особомъ добавочномъ прилѣчаніи (гл. XXIII, доп. къ прил. 77, нѣм. изд. 1873),—но приводится такимъ тономъ, который заставляетъ предполагать, что Марксъ ничего не знаетъ о работахъ фонъ-Тюнена и что ему только случайно попалась на глаза посмертная, отрывочная часть его сочиненій, вышедшая въ 1863 году, въ которой онъ и дѣлаетъ выдержку. Марксъ называетъ рассужденія Тюлена (имя—неизвѣстно) «просто ребяческими», а во французскомъ изданіи даже «просто мушкетерскими» (trad. de M. J. Roy, по дѣ редакціи автора, chap. XXV). Такъ какъ Марксъ—писатель несомнѣнно умный, то мы предпочитаемъ не останавливаться на этомъ, ничѣмъ не мотивированномъ грубомъ промахѣ.

ную уклонность трактаты «игнорируются» исследования и выводы одного из главнейших двигателей той классической экономической науки, истопивателем которой считает себя Марксъ.

Джонъ-Стюартъ Милль, для котораго «исследования Тюнена остались также неизвестными, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что «успѣхъ какого-либо сочиненія зависитъ гораздо больше отъ случая, чѣмъ отъ достоинства самой книги». Это замѣчаніе можетъ только отчасти считаться вѣрнымъ по отношенію къ трактату фонъ-Тюнена. Слабая извѣстность научныхъ результатовъ, достигнутыхъ Тюненомъ, объясняется не столько случаемъ, сколько сознательнымъ уклоненіемъ большинства экономистовъ отъ недоступныхъ имъ приемовъ и задачъ истинной науки. Писатели и компиляторы-полемисты, присвоившіе себѣ громкое названіе ученыхъ политико-экономовъ, не могутъ идти по пути фонъ-Тюнена, ибо этотъ путь обставленъ гажелою артиллеріею математикъ; по этому они поневоли обходятъ молчаніемъ или только для свѣдѣнія заносить въ свои книги такіе «факты», какъ попытка Тюнена открыть политической экономіи единственно-возможную научную дорогу, способную приблизить ее къ другимъ отраслямъ знанія.

IV.

Вопросъ о примѣнимости математики къ социальнымъ изслѣдованіямъ разрѣшается большинствомъ экономистовъ отрицательно, несмотря на авторитетные примѣры Рикардо и фонъ-Тюнена.

Въ пользу примѣненія математики высказывается, между прочимъ, Кэри, главный противникъ школы Рикардо; а противъ математическихъ приемовъ возражаютъ Милль, Кэрнъ и подобные имъ «исследователи» Рикардо.

Проф. Кэрнъ, напримѣръ, энергически возмущаетъ противъ проф. Джековса, допускающаго примѣненіе математики въ политической экономіи. Между тѣмъ, очевидно, что споръ основывается здѣсь на недоразумѣніи, ясно проявляющемся уже въ словахъ Милля о «невозможности примѣненія точныхъ наукъ къ общественнымъ явленіямъ» (см. Логаду, вн. VI, тл. VI, § 2). Это недоразумѣніе было отмѣчено и разъяснено фонъ-Тюненомъ, и еще ранѣе — Огюстомъ Курно.

Въ 1838 году французскій ученый Курно издалъ свой замѣчательный опытъ *«Изслѣдованій о математическихъ началахъ теоріи богатства»*. Въ предисловіи авторъ изложилъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія: «спеціальные авторы составили

себѣ, кажется, ложную идею о характерѣ примѣненія математическаго анализа въ теоріи богатства. Они воображали, что употребленіе знаковъ и формулъ не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ операцій численныхъ. Люди, свѣдущіе въ математикѣ, знаютъ, что математическій анализъ имѣетъ дѣло не съ одними лишь числами, — что онъ употребляется также для отысканія отношеній между величинами, которыхъ нельзя опредѣлить числами, между функциями, законъ которыхъ не можетъ быть выраженъ алгебраическими знаками. Употребленіе математическихъ знаковъ является естественнымъ всякій разъ, когда требуется выяснить отношенія между величинами; и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вычисленія не были бы строго необходимы, — если они могутъ облегчить изложеніе, сдѣлать его болѣе точнымъ, приводить къ болѣе обстоятельнымъ разъясненіямъ, предупредить отклоненія неопредѣленной аргументаціи, то было бы, очевидно, не научно отвергать ихъ только потому, что они не всѣмъ читателямъ одинаково доступны и что ими пользовались не всегда правильно»¹⁾...

Смѣлая попытка Курно отнести къ «теоріи богатства», какъ къ серьезной наукѣ, прошла, конечно, совершенно незамѣченной въ литературѣ, о чемъ весьма трогательно заявляетъ самъ авторъ въ предисловіи къ сочиненію, изданному имъ двадцать пять лѣтъ спустя²⁾. Курно, какъ-бы съ чувствомъ раскаянія, отрекся отъ суровыхъ математическихъ формулъ и старался разработать свои выводы уже въ обыкновенномъ литературномъ изложеніи; но и этотъ послѣдній трудъ, заключающій въ себѣ много тонкаго и оригинальнаго, оказался, повидимому, слишкомъ сухимъ или мало интереснымъ для изящной, легкой литературы французскихъ экономистовъ.

Печальная участь научныхъ работъ фонъ-Тюнена и Курно служить лучшею характеристикой современной политической экономіи. Литература отдѣлилась отъ науки и движется внѣ ея, прикрываясь ея авторитетомъ безъ всякаго къ тому основанія. Сочинители вѣтиснили собою ученыхъ: эффектные писательскіе и полемическіе приемы заняли мѣсто «метода изслѣдованія», и подъ видомъ «науки» господствуетъ схоластическая разноголосица на эмпирической почвѣ.

Преобладающій между экономистами взглядъ на задачу ихъ своеобразной литературной «науки» выраженъ весьма откровенно

¹⁾ Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses, par Augustin Cournot, Paris, 1838. Préface, pp. VII—VIII.

²⁾ Principes de la théorie des richesses, par M. Cournot, Paris, 1863, préf.

въ наивныхъ критическихъ этюдахъ Гюстава дю-Пюинода, автора нѣсколькихъ объемистыхъ книгъ по политической экономіи. Этотъ писатель, между прочимъ, рѣзко критикуетъ Рикардо, за его строгіе логическіе приемы, лишающіе его труды надлежащей занимательности и общедоступности. «При своемъ сжатомъ и точномъ изложеніи,—говоритъ онъ,—сочиненія Рикардо на каждомъ почти шагу напоминаютъ собою сухое изложеніе какой-либо алгебраической или геометрической теоремы съ ея неизбежными принадлежностями; никакого поэтическаго замѣчанія, никакого возвышеннаго порыва, никакихъ любопытныхъ указаній, никакихъ соображеній историческихъ, литературныхъ или политическихъ, которыя прерывали бы суровую цѣпь вытекающихъ одинъ изъ другою выводовъ». Однако — вопреки дагѣ дю-Пюинодъ — «имѣетъ ли наука дѣйствительно столь суровый видъ, что никакой цѣткою не долженъ украшать ея чела и что на ея широкихъ складкахъ не могутъ появляться проблески остроумія или эрудиціи?» И авторъ не находитъ другого объясненія замѣченнымъ имъ недостаткамъ Рикардо, кромѣ лишь того, что послѣдній будто бы былъ человѣкъ безъ литературнаго образованія и не подходилъ, слѣдовательно, подъ общій типъ «ученаго» экономиста, въ современномъ смыслѣ этого слова.

Разгадка сомнѣній, упомянутыхъ нами въ началѣ статьи и выдвинутыхъ съ наибольшою силою Огюстомъ Контомъ, заключается именно въ тожъ, что они касаются экономическаго литературны, а не науки.

Экономисты въ сущности злоупотребляютъ именемъ «науки», когда ссылаются на нее въ своихъ обычныхъ разногласіяхъ и спорахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ наукою въ истинномъ ея значеніи. Наука лежитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ ищутъ и находятъ ее искатели популярныхъ экономическихъ теорій. Наука существуетъ не среди собирателей литературнаго или фактическаго хлама, не среди краснорѣчивыхъ фразеровъ, любителей замысловатыхъ терминовъ и опредѣленій, ловкихъ критиковъ и полемистовъ, отдѣляющихся ниюходомъ; двумя словами, отъ какого-нибудь «случага» Тюнена, — а въ совершенно другой, болѣе высовой сферѣ, до второй линіи изрѣдка добираются одинокіе свѣтлые умы, получающіе за то въ награду — забвеніе.

Л. Слонимскій.

ПОСЛѢДНІЯ
ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ
П.-Ж. ПРУДОНА.

XVIII *).

Общій взглядъ на здоровье и семейное положеніе находимъ мы въ новогоднемъ письмѣ Прудона къ своему другу и доктору-гомеопату Кретену. Тутъ есть сознаніе въ томъ, что тѣло дѣлается лѣнивѣе и утомленнѣе, между тѣмъ какъ дѣятельность мозга все еще поддерживается въ прежней силѣ: 52 года берутъ свое. Поэтому-то Прудону и хочется поскорѣе «покончить свое завѣщаніе» (какъ онъ выражается въ этомъ письмѣ), т. е. досказать все, что у него есть на душѣ, — гнѣвъ болѣе, что онъ начинаетъ побаиваться апоплексическаго удара, такъ какъ нѣтъ да приливъ къ головѣ туманитъ ему зрѣніе. Вообще же онъ не мѣняетъ той формулы, которой уже нѣсколько разъ опредѣлялъ характеръ своей дѣятельности. Вся предъидущая работа была критическая, а болѣе создающая начиналась только теперь. На этотъ разъ онъ сравниваетъ себя съ титаномъ, приготовившимъ «основу» передъ тѣмъ, чтобы дѣйствовать человекомъ. Но въ тотъ же новый годъ Прудонъ описываетъ подробности (въ письмѣ къ г-ну Бюзону-младшему), показывающія въ какой невозможной обстановкѣ работалъ онъ. По поводу за-

---

*) См. выше: августъ, 484 стр.

терминаго письма онъ говоритъ, что у него *нѣтъ ни писаннаго стола, ни лампы*, и что онъ убралъ массу бумагъ и старыхъ писемъ въ большой сундукъ; куда жена его навалила яблочки, а поверхъ сундука—кучу вымытого наконунъ бѣлья. По собственному его сознанию, оказывается, что, такъ-называемый, кабинетъ его—небольшая каморка, *иде развѣшивалось бѣлье*, и онъ долженъ былъ работать посредин наваленнымъ всюду вѣнцъ, бумагъ, провинн и корытъ. И тутъ же Прудонъ оправдываетъ всю эту обстановку, упрекая себя въ томъ, что непремѣнно хотѣлъ имѣть дѣтей. «Теперь вѣно родили, — шутитъ онъ, — надо его допнть! Утѣшало себя тѣмъ, что мудрый Сопратъ былъ, въ свое время, въ такихъ же тискахъ, какъ и я. Только онъ ничего не писалъ, — поэтому и могъ съ-утра выходить изъ дома и отправляться проповѣдывать своимъ друзьямъ на Агорѣ или подъ колоннами Нарезиона». А про помилованіе Прудонъ говоритъ, что онъ совсѣмъ его не ожидалъ, тѣмъ болѣе, что во второмъ изданіи своей книги «О Справедливости» вездѣ сильно нападаетъ на императорскую политику.

Извѣстіе объ его помилованіи разнеслось по Парижу, и Прудону начали дѣлать предложенія по журнальной работѣ. Онъ былъ не прочь сдѣлаться опять журналистомъ, но съ условіемъ, чтобъ ему поручено было главное редакторство и чтобъ онъ участвовалъ даже въ чистой прибыли; на простое сотрудничество онъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался. На всякій же случай, предупреждаетъ онъ своего корреспондента, что нельзя теперь разсчитывать на такой успѣхъ, какой въ 1848 году имѣли журналы, руководимые Прудономъ, и онъ ничего не желаетъ предпринимать, не прислушавшись сначала: хорощеньво въ общественному мнѣнію; не можетъ онъ также вѣяться за дѣло, не окончивъ всего того, что ему нужно доработать въ Брюсселѣ. А работы оставалось еще не мало: Только къ 11-му января получилъ онъ, наконецъ, свою рукопись изъ Париза. И замѣчательно, что онъ поступаетъ съ такою выдержкой, не имѣя рѣшительно никакого прочнаго заработка; нуждаясь въ это время въ самыхъ маленькихъ деньгахъ, что мы увидимъ сейчасъ же изъ письма къ Шарлю Беле, посвященнаго разбору какой-то адвокатской рѣчи, написанной сыномъ этого Беле, гдѣ Прудонъ въ слѣдующей тирадѣ возстаетъ противъ общаго увлеченія блестящю, фразой, болтовней, надѣлавшаго Франціи столько вреда: «Наши предки, немного грубые, хорощо дѣлали, что не довѣрили краснорѣчивымъ, пѣвцамъ и танцовщикамъ, — не довѣряли болтовнѣ и всякому вздору въ тѣхъ случаяхъ, когда нужны два

хорошо прочувствованныхъ слова, доступныхъ всякому челоуку съ сердцемъ и совершенно недоступныхъ риторю. Мнѣ нравится то аристократическое чувство, присущее стариннымъ буржуа и крестьянамъ въ одинаковой степени съ вельможами, которое заставляло ихъ пренебрежительно относиться къ цыганщинѣ литературнаго и художественнаго міра. Эта цыганщина пончила тѣмъ, что всплыла наверхъ, что несомнѣнно показываетъ паденіе націи, преобладающей передъ фривольными талантами и преслѣдующей насмѣшками вещи серьезныя». Шестъ дней спустя, Прудонъ пишетъ тому же Шарлю Белю, что заключилъ условіе съ парижскимъ книгопродавцемъ Гетцелемъ, и что книга его: «Война и миръ», будетъ печататься одновременно и въ Брюсселѣ и въ Парижѣ. Онъ надѣется, что первое изданіе этой книги, въ количествѣ 6,000 экземпляровъ, принесетъ ему до 4,000 франковъ. А около мѣсяца спустя, отъ 14-го февраля, извѣщается о томъ, что книга уже находится въ печати. Этотъ новый трудъ свой хвалитъ онъ, какъ вещь *глубокую, новую, доступную всякому уму и неспособную возмутить ни церковь, ни правительство*. Но, въ ожиданіи тѣхъ тысячъ франковъ, какія должно было доставить первое изданіе, Прудонъ проситъ Белю заплатить за него 300 франковъ, и мы увидимъ, что эта просьба будетъ не послѣдней; стало-быть, онъ продолжалъ сильно нуждаться. По своей натурѣ, онъ прибѣгалъ къ займамъ только въ крайнемъ случаѣ. Въ Парижѣ думалъ онъ перебраться не раньше конца года, а пока справлялся у пріятелей: что можетъ его тамъ ожидать? Эти справки, судя по письму къ Морису, отъ 15-го февраля, позволяютъ ему думать, что его имя не возбуждаетъ уже такого ужаса и отвращенія, какъ 10 лѣтъ тому назадъ, и что, при нѣкоторомъ тактѣ и выдержкѣ, онъ легко можетъ совершенно исправить свое положеніе. Вообще ближайшихъ своихъ пріятелей, особенно съ нѣкоторымъ образованіемъ, Прудонъ слушается даже въ чисто-писательскихъ вопросахъ. Такъ, мы видимъ, что онъ воспользовался совѣтомъ Шодэ и переправилъ всю свою рукопись сочиненія «Война и миръ», о чемъ извѣщаетъ его въ письмѣ отъ 12-го марта. Сочиненіе же его, представленное на конкурсъ въ Лозаннѣ, все еще не получало преміи, чѣмъ онъ особенно не огорчается и проситъ своего швейцарскаго пріятеля, г-на Деларажавъ, отъ 16-го марта, выслать ему поскорѣй рукопись назадъ: онъ желаетъ ее передѣлать и въ скоромъ времени издать въ Брюсселѣ или Парижѣ. Нужда въ деньгахъ заставляетъ его, 5-го апрѣля опять обратиться къ Шарлю Белю съ просьбой, заплатить за него по векселю 300

Франковъ, поднявшихъ весь его долгъ до 1,550 франковъ. Ясно, что, работая надъ передѣлкой и печатаніемъ двухъ своихъ книгъ, Прудонъ не имѣлъ ни одного франка вѣрнаго дохода и жилъ исключительно въ долгъ. Работа эта шла такъ быстро, что уже 7-го апрѣля онъ пишетъ Шодэ о печатаніи послѣднихъ двухъ листовъ второго тома сочиненія «Война и миръ». И въ это время онъ успѣваетъ еще читать постоянно газету «*Courrier du Dimanche*», редакторомъ которой былъ Шодэ, и дѣлаетъ ему всякаго рода замѣчанія, болѣею частью сочувственныя. Одно изъ такихъ замѣчаній, въ письмѣ отъ 7-го апрѣля, показываетъ, какъ Прудонъ оставался вѣренъ привычкамъ честнаго журнализма. Онъ предостерегаетъ Шодэ на-счетъ манеры его сотрудниковъ величать другъ друга титуломъ: «*Notre ami*», говоря, что такимъ путемъ очень легко дойти до кумовства и превратить газету въ какую-то правобѣрную церковь. Думая о возвращеніи во Францію, онъ очень хорошо зналъ, что ему никакъ нельзя рассчитывать на роль, какую онъ игралъ въ 1848 году. Онъ знаетъ, что въ жизнь вошла другая генерація; что измѣнились идеи и стремленія; что отнынѣ онъ долженъ ограничиться ролью совѣтника, а не претендовать на роль политическаго дѣятеля. Горькое чувство продолжаетъ жить въ немъ, какъ только онъ кинетъ взглядъ на тогдашнее состояніе французскаго общества. Въ письмѣ къ Матіеу отъ 10-го апрѣля это чувство проявляется вполне. «Я считаю, любезный другъ, — пишетъ онъ, — нашу бѣдную націю опасно больной. Но все-таки въ ея нѣдрахъ выработывается новый порядокъ вещей. Это — революція чисто интеллектуальная и нравственная, и не касается въ настоящую минуту политическаго строя; большинство къ ней равнодушно, и она заключается въ избранномъ кружкѣ гражданъ, которыхъ влияние, умъ и дѣятельность все возрастаютъ и кончатъ преобладаніемъ; но теперь все это еще совершенно нейтрализовано. При этомъ уничтоженіи коллективной мысли — жите всѣмъ интриганамъ, хвастунамъ, полиціи и правительственному произволу, и забавно то, что всѣ партіи, всѣ котери лѣзутъ изъ кожи, подражая императорскимъ замашкамъ». Побывать въ Парижѣ онъ собирается въ маѣ мѣсяцѣ и, оглядываясь на свою эмигрантскую жизнь, говоритъ, что авторитету писателя вредитъ изгнаніе, хотя онъ лично и не можетъ пожаловаться на свое жите въ Бельгіи.

Письмо Прудона къ Огюсту де-Фонтену какъ нельзя лучше заканчиваетъ періодъ его умственной дѣятельности въ изгнаніи. Онъ говоритъ о себѣ безъ всякаго фарисейскаго смиренномудрія, но съ

настоящей строгостью честнаго человека! Онъ сознаетъ, что въ теченіи писательской карьеры, какъ публицистъ, экономистъ, моралистъ, сдѣлалъ тысячи неловкостей и ошибокъ, много разъ выдавалъ свою невѣжественность, неспособностъ, безвкусіе, грубую рьяностъ и т. д. Но онъ былъ тогда преданъ тому, что считалъ справедливымъ и серьезнымъ и думаетъ, что ему все простили, забыли заблужденія и ошибки, именно во имя этой искренности.

«Вы никогда не распознаете, какъ слѣдуетъ (пишетъ онъ дальше), какой я *ожалтій человекъ*. Все, что во мнѣ есть, это — вѣрботорая любовь къ правдѣ и справедливости съ прибавкою большой страстности. Я бы, по всей вѣроятности, никогда и не подумалъ что-либо писать безъ этихъ побужденій. Поэтому-то я и не способенъ ни на что порядочное, коль скоро я совершенно одинъ не продумалъ извѣстной вещи». А дальше есть замѣчательнѣйшее признаніе Прудона, поясняющее то, какъ онъ въ разные періоды своей жизни, несмотря на философское развитіе и большую объективность, проявлялъ взгляды крайняго пессимизма на текущую политику и на современное ему общество.

«Внимательно вглядываясь въ ходъ событий, — пишетъ онъ, — я всегда готовъ прощать людямъ ихъ гадости и мириться съ ними. *Мои мнѣя, мое презрѣніе никогда не длѣтся долѣе одного сутокъ*. Въ этомъ смислѣ у меня не больше характера, чѣмъ у ребенка. Двадцать разъ въ жизни былъ я въ душѣ царевубійца, а въ настоящую минуту роль Наполеона III кажется мнѣ таковой жалкой, таковой унизительной, что я охотно бы, по примѣру Жюди Фавра, протянулъ ему спасительный шестъ, рискуя даже, что меня оттолкнутъ». А возвращаясь опять къ себѣ, какъ къ писателю, онъ такъ заканчиваетъ это характернѣйшее письмо:

«Душевно сожалею о томъ, что вы потрудились купить и прочесть *естъ* мои сочиненія. Конечно, это книги, написанныя добросовѣстно и съ добрымъ желаніемъ, какъ я вамъ и говорили выше, но большая часть ихъ дурно изложена, дурно задумана, и я за нихъ краснѣю въ настоящую минуту. Напримѣръ, какъ я сожалею о первомъ изданіи моей книги «О Справедливости», быть можетъ, прочитанномъ вами. Я посвятилъ 15 мѣсяцевъ на передѣлку этого сочиненія, ввелъ множество поправокъ, прибавленій, перемѣнъ, присовокупивъ массу примѣчаній и т. д., — и все-таки я еще не совсѣмъ доволенъ.

«Тщеславіе подсказало и мнѣ желаніе быть, въ свою очередь, писателемъ, но теперь я себя узналъ: я вовсе не писатель и даже не мыслитель, — я просто: *крикъ честнаго человека, воплющаго въ пустынь*. Правда, что эта пустыня — подобно той, гдѣ

проповѣдовалъ Іоаннь-Креститель—начинаеть уже быть очень многолюдной. Это и доказываетъ, что здравый смысл беретъ свое, но вовсе не доказываетъ того, что я *гений*».

Настроение Прудона по политическимъ вопросамъ продолжаетъ быть окрашено въ тотъ же колоритъ. Онъ называетъ «безтолковщиной» все то, что происходило тогда въ Европѣ, и находитъ въ письмѣ къ Шарлю Белю отъ 15 апрѣля, что всѣмъ истиннымъ демократамъ, защитникамъ здоровыхъ социальныхъ принциповъ, слѣдуетъ воздерживаться отъ всякой нетерпимости, отъ всякаго рьянаго преслѣдованія, хотя бы и въ печати, другихъ партій. По его мнѣнію, пускай всякій говоритъ, что хочетъ: онъ проситъ друзей не смущаться нисколько, когда про него толкуютъ, какъ о писателѣ, поддерживающемъ въ тайнѣ Бонапартовъ режимъ. Шарля Белю онъ даже умоляетъ не говорить о немъ ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. А императорское правительство кажется ему до такой степени слабымъ и жалкимъ, что онъ и не желаетъ тратить на него своихъ умственныхъ силъ: «въ моей природѣ лежитъ, говоритъ онъ, бороться съ силой, а не придавливать слабость». Въ тотъ же самый день онъ спрашиваетъ другого пріятели, Бургеса, поднимается ли Франція въ нравственномъ отношеніи, формируются ли въ ней характеры, преобразуется ли общественное мнѣніе? Самъ онъ думаетъ, что во Франціи складывается среднее либеральное мнѣніе, а въ старыя партіи онъ не вѣритъ, не исключая и своей собственной. Онъ могъ бы самъ провѣрить, въ какомъ положеніи находилось въ это время французское общество; но свою пѣздку въ Парижъ Прудонъ все откладываетъ и вовсе не торопится устраниваться тамъ; отъ журнальной же карьеры онъ отказывается, предпочитая ей составленіе и печатаніе цѣлаго ряда брошюръ, на которыя онъ возлагаетъ даже лучшія матеріальныя надежды. Объ эту самую пору былъ онъ порадованъ извѣстіемъ изъ Швейцаріи, что сочиненіе его, представленное на конкурсъ, открытый государственнымъ совѣтомъ кантона «Vaud», удостоено высшей преміи. Письмо его къ г. Деларажазъ на эту тему показываетъ какъ онъ пріятно возбужденъ. Съ добродушной ироніей восклицаетъ онъ: «Видите ли вы! какія изъ этого могутъ произойти послѣдствія? Г. Прудонъ—лауреатъ! Г. Прудонъ увѣнчанъ за сочиненіе по политической экономіи совѣтомъ самостоятельнаго государства! Моментъ этотъ будетъ отмѣченъ, со временемъ, въ исторіи революціи XIX вѣка». Въ такомъ пріятномъ возбужденіи пишетъ онъ длинное письмо и къ русскому пріятели своему Г***, которое мы, къ сожалѣнію, не можемъ привести здѣсь ни въ пол-

номъ переводѣ, ни въ извлеченіи. Но личное, болѣе свѣтлое, настроеніе не измѣняетъ его скорбнаго взгляда на тогдашнее французское общество и внутреннюю политику, что мы опять видимъ въ письмѣ къ Шарлю Эдмону отъ 23-го апрѣля. Несмотря на это, онъ, все-таки, мечтаетъ о Франціи и Парижѣ и говорить товарищу своему по эмиграціи, Марку Дюфрессу, въ письмѣ отъ 25-го апрѣля: «Видя, какъ французская демократія руководима теперь, я повторяю себѣ, что надо сдѣлать что-нибудь, и, быть можетъ, сдѣлаю это я. Готовъ, любезный Маркъ, преклониться передъ вашимъ сужденіемъ; быть можетъ, я ошибаюсь, почему вовсе не желаю убѣждать васъ, а дѣлаю вамъ только простое признаніе. Рѣшеніе мое (т.-е. возвратъ во Францію) идетъ издалека. Прибавлю только, что худо-ли, хорошо-ли, но я все-таки имѣю нѣкоторую надежду на то, что мой возвратъ подвигнетъ сколько-нибудь дѣло демократіи». Только онъ проситъ, нѣсколько дальше, не думать, что собирается вступить въ парламентскую жизнь, предъавлять свою кандидатуру, приносить присягу и служить, хотя и не прямо, политикѣ Наполеона III. Такое признаніе было вполне искренно, тѣмъ болѣе, что и на партію тогдашнихъ демократовъ-якобинцевъ, къ которой онъ долженъ былъ бы поневолѣ пристать, Прудонъ смотрѣлъ строго и трезво. Старому своему пріятелю, Пильсу, пишетъ онъ отъ 26-го апрѣля какъ разъ на эту тему: «Отличный симптомъ — что демократія, которую я называю *якобинской и шовинистской*, начинаетъ признаваться всѣми какъ язва эпохи, какъ настоящій врагъ, съ которымъ нужно схватиться. Будьте увѣрены въ томъ, что такая демократія представляетъ послѣднюю твердыню деспотизма». Высказывая такъ опредѣленно и рѣзко свои воззрѣнія, Прудонъ рисковалъ возстановить противъ себя и ближайшихъ пріятелей, что и случилось вскорѣ затѣмъ въ его отношеніяхъ къ Шарлю Эдмону. Послѣднее письмо къ Эдмону помѣчено 9-го мая; подъ нимъ стоитъ замѣтка издателя, гдѣ говорится, что взглядъ Прудона на польскій вопросъ заставилъ его пріятеля совершенно разойтись съ нимъ.

Сочиненіе «Война и миръ», уже отпечатанное и въ Брюсселѣ и въ Парижѣ, все еще не могло найти книгопродавца, который бы рѣшился выставить на оберткѣ свое имя. Вызвались было братья Леви, но отказались. Прудонъ и смущенъ и раздраженъ этимъ фактомъ: въ письмѣ къ г. Бюзону отъ 10-го мая онъ увѣряетъ, что въ книгѣ нѣтъ рѣшительно ничего, способнаго навлечь какія-нибудь непріятности на издателя, и что противъ него существуетъ всеобщій заговоръ. Онъ поручаетъ даже адво-

кату Шодэ, въ случаѣ надобности, начать процессъ съ братьями Леви за ихъ внезапный отказъ послѣ того, какъ они согласились продавать книгу. Такой скорпизъ долженъ былъ опять задержать отъѣздъ Прудона въ Парижъ. Мы видимъ, по письму къ д-ру Кретену отъ 13-го мая, что онъ не рѣшается даже взять предлагаемую ему въ Парижѣ квартиру въ 800 франковъ, не считывая ни на какой обезпеченный заработокъ. Въ этомъ же письмѣ находимъ мы обстоятельный отчетъ, сдѣланный Прудонъ своему врачу и другу, всѣхъ болѣзненныхъ симптомовъ, подрывавшихъ его здоровье. Эта картина, набросанная чрезвычайно живо и характерно, показываетъ, что въ то время его уже никакъ нельзя было считать человѣкомъ здоровымъ. Онъ страдалъ постоянно расстройствомъ дыхательныхъ путей и томительнымъ ощущеніемъ озноба въ конечностяхъ. Пребываніе въ Брюсселѣ, въ сыромъ и довольно суровомъ климатѣ, развило въ немъ хроническое катарральное состояніе, которое могло быть облегчено только радикальной перемѣной мѣстности, рода жизни и домашнего комфорта. «Мнѣ нужна была бы, резюмируетъ Прудонъ, невозможная для меня жизнь, т.-е. быть постоянно на вольномъ воздухѣ или сидѣть въ банѣ». Если читатель вспомнитъ комнату, гдѣ работалъ Прудонъ и сообразитъ, въ какой нуждѣ пробивался онъ, просиживая дни и ночи надъ книгами и рукописями, то не трудно будетъ ему составить себѣ вѣрное представленіе о послѣднемъ періодѣ его жизни, который, впрочемъ, мало чѣмъ отличался отъ предыдущихъ. Силы стали измѣнять ему и тѣло протестовать противъ такого невозможнаго мозгового режима, противъ такой многолѣтней спартанской школы труда и лишеній. Премія, полученная имъ изъ Лозанны, была въ тысячу франковъ: двѣсти экономные швейцарцы не додали (назначено было первоначально 1200 франковъ) на томъ основаніи, что Прудонъ, въ своемъ сочиненіи о податяхъ, не привелъ фактовъ изъ экономической жизни кантона. Но эти небольшія деньги давно были уже имъ истрачены и перебирались заимобразно у Шарля Белэ, которому онъ и сообщаетъ, наконецъ, отъ 14-го мая, о полученіи премии, прося его заплатить еще по векселю въ 300 франковъ. А книга «Война и миръ» должна была появиться у Гетцеля, т.-е. у настоящаго ея издателя, дѣла котораго въ то время были, вѣжета, неблистательны; по крайней мѣрѣ, онъ не могъ до продажи книги матеріально поддерживать Прудона. Въ это время въ Парижѣ издавалась одна только газета, сочувственная Прудону: «Courrier du Dimanche» съ главнымъ участіемъ его друга Шодэ. Онъ и пишетъ Шодэ отъ 14 мая съ цѣлью

ознакомить черезъ него парижскую публику съ тѣмъ поразительнымъ фактомъ, что *анархистъ Прудонъ увѣнчанъ на правительственномъ конкурсѣ!* Замыселъ и подробности статьи обстоятельно сообщаются имъ въ этомъ письмѣ, причемъ онъ, конечно, не требуетъ никакой льстивой рекламы, а желаетъ только, чтобъ тонъ вполнѣ подходилъ къ серьезности его сочиненія. При этомъ, совѣтуетъ Прудонъ, можно воспользоваться случаемъ и обратить вниманіе французской публики на то, какъ лучшія интеллигентныя силы Франціи, ушедшія въ эмиграцію, отвлекаются отъ родной страны и по необходимости дѣйствуютъ за-границей. Свое конкурсное сочиненіе желаетъ онъ, какъ только получить назадъ рукопись, передѣлать и тотчасъ напечатать до отъѣзда изъ Брюсселя. Тѣмъ временемъ книга «Война и миръ» пущена была, наконецъ, въ продажу черезъ книгопродавческій домъ Дантю. Сообщая объ этомъ Матею, отъ 21-го мая, Прудонъ говоритъ, что за книгу онъ не боится въ политическомъ смыслѣ, и что задержка, случившаяся вслѣдствіе трусости книгопродавцевъ, только больше возбудила общій интересъ, и что еслибъ издатель Гетцель напечаталъ и 10 тысячъ экземпляровъ, то всѣ бы ихъ продалъ. Но тутъ же онъ предчувствуетъ, что ближайшимъ результатомъ появленія въ свѣтъ его книги будутъ нападки на него всей яacobинской прессы. Онъ, однако, этимъ не смущается и считаетъ яacobинскую партію лишевною кредита, надѣясь на то, что все умѣренное и миролюбивое, всѣ друзья порядка, стануть на его сторону. Онъ предвидитъ даже, что черезъ нѣсколько лѣтъ изъ самаго революціоннаго ума своей эпохи онъ превратится, въ глазахъ массы, въ самаго консервативнаго человѣка и, какъ разъ, въ силу своихъ революціонныхъ идей. Другому другу, Морису, онъ указываетъ на то, что одна изъ основныхъ идей его сочиненія, получившаго премію, заимствована изъ его же знаменитой рѣчи, произнесенной имъ 31-го іюля 1848 г. Поджидаая рукопись изъ Лозанны и дальнѣйшихъ извѣстій изъ Парижа, Прудонъ нѣсколько успокоился, и даже говоритъ въ письмѣ къ Гувернэ, отъ 26-го мая, что лѣнитса и проводитъ время, *раскладывая франг-насыансѣ*. Къ этому короткому періоду отдыха принадлежитъ и большое теоретическое письмо къ Ланглуа отъ 30-го мая, гдѣ Прудонъ отвѣчаетъ на отзывъ пріятели объ его книгѣ. Отзывомъ этимъ онъ доволенъ, несмотря на множество критическихъ замѣчаній: Ланглуа сравниваетъ его даже съ Коперникомъ и Галилеемъ по силѣ творческой мысли. Такое сравненіе Прудонъ, конечно, не принимаетъ и, переходя къ болѣе трезвымъ отзывамъ пріятели, обсуждаетъ ихъ съ обычной своей

серьезностью и дѣльностью: въ одномъ только онъ абсолютно не согласенъ,—это съ тѣмъ, что, по мнѣнію Ланглау, въ Прудонѣ гораздо больше способности къ анализу, чѣмъ къ синтезу.

«Я весьма легко призналъ бы это замѣчаніе, — пишете вы, — если-бъ оно мнѣ не казалось логической неточностью. Что мнѣ за дѣло, если-бъ меня признали даровитѣе въ поэзіи, чѣмъ въ враснорѣчій, въ гравюрѣ, чѣмъ въ скульптурѣ, въ механикѣ, чѣмъ въ метафизикѣ: надо, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ я былъ въ чемъ-нибудь *по-силнѣе*. Но чего я не допускаю, такъ это того различія, которое вы дѣлаете между двумя операціями, — различія, по моему мнѣнію, гораздо болѣе кажущагося, чѣмъ настоящаго. Всякій анализъ необходимѣйшимъ образомъ предполагаетъ синтезъ: доказательство тому представляетъ высшая математика. Въ каждомъ рѣшеніи задачи анализъ и синтезъ, очевидно, сливаются. Правда, послѣдній иногда не съ-разу дается; но, въ такомъ случаѣ, нѣтъ и рѣшенія. Точно также и анализъ можетъ быть неполный, и, въ такомъ случаѣ, работа только-что еще началась. Въ наукахъ нравственныхъ и политическихъ, даже въ наукахъ фивическихъ, синтезъ запаздываетъ или, какъ вы говорите, *труденъ*. Но почему?—потому что не хватаетъ элементовъ, еще не подмѣченныхъ или недостаточно анализированныхъ; ихъ-то отсутствіе или невыясненность и не позволяютъ придти къ синтезу. Это есть не что иное, какъ задержка, рѣшительно ничего не доказывающая противъ аналитичности. Такъ какъ дѣло идетъ, въ настоящую минуту, обо мнѣ, то изслѣдуйте способъ моего мышленія, и вы увидите, что въ различныхъ частяхъ книги я дѣйствую группами, сравненіями, синтезами даже тогда, когда я разрушаю. Если случается, что я разсуждаю правильно, если я вообще добыюсь нѣкоторой репутаціи логическаго ума, то исключительно этимъ путемъ. Правда, разбирая вопросы чрезвычайно понятные, каковы, напр., *собственность, государство, справедливость* и т. д., я не всегда прихожу къ заключеніямъ, отвѣчающимъ строгимъ требованіямъ науки. Но что же это доказываетъ? Не то, что я не умѣю синтезировать,—вовсе нѣтъ: *критика* моя выступаетъ и тогда, когда *доктрина* находится лишь въ видѣ простаго *desideratum*; стало-быть, мнѣ необходимо было придти къ настоящимъ синтезамъ. Доказываетъ это лишь то, что синтезъ, который долженъ быть послѣднимъ словомъ моей критики, еще не найденъ, потому что у меня нѣтъ въ рукахъ всей *совокупности элементовъ*, что, опять-таки повторяю вамъ, есть просто задержка. И что же я дѣлаю въ такомъ случаѣ? Замѣйте, что я вовсе не забавляюсь пережевываніемъ моихъ идей путемъ

метафизическихъ построений. Я перехожу къ новымъ фактамъ, къ новымъ разработкамъ, я углубляюсь сильнѣе, я расчленяю извѣстныя части моей критики, оставшіяся еще въ области общихъ понятій, однимъ словомъ, я произвожу анализъ, увѣренный въ томъ, что когда я соберу вмѣстѣ достаточное число элементовъ, я сейчасъ же добуду *ipso facto* и синтезъ!» Въ тотъ же день, пишетъ онъ Бергману, съ которымъ очень давно не переписывался, и сообщаетъ ему также о полученіи премии въ Лозаннѣ, прибавляя, что это конкурсное сочиненіе было имъ написано не больше какъ въ пять-шесть недѣль, при сотрудничествѣ его пріятеля и соотечественника Дюшена, которому онъ и располагалъ предоставить часть гонорарія.

По всей вѣроятности, отзывъ Лангзау объ его книгѣ «Война и миръ» былъ единственный, какой пришелся ему по душѣ, потому что уже отъ 5 іюня онъ пишетъ нѣкому Альтмейру, что книга его произвела въ Парижѣ общій взрывъ недовольства.

«*Un tolle général*», какъ онъ выражается въ началѣ письма. Ему сообщаютъ, что его друзья не понимаютъ книги и находятъ въ величайшемъ недоумѣніи, даже уныніи, между тѣмъ какъ его враги торжествуютъ. «Однимъ кажется, — пишетъ онъ дальше, — что я ужаснѣйшимъ образомъ согрѣшилъ, другимъ — что я совсѣмъ *провалился!* Вы думаете, быть-можетъ, что оуждаютъ мою мысль, опровергаютъ мои положенія, отталкиваютъ принципы? Нисколько. *Просто меня не понимаютъ* и упрекаютъ меня, вслѣдствіе подобнаго непониманія, въ томъ, что я проповѣдую преторіанство, что я поддерживаю цезаризмъ, наполеонизмъ, мистицизмъ, аскетизмъ и т. д. Мнѣ не прощаютъ того, что я показалъ послѣдствія войны между Франціей и Англіей, если захотѣтъ довести примѣненіе существующаго права (которое я отрицаю) до конца. Оказывается, что я совершилъ нѣкоторымъ образомъ патріотическое святотатство! Но никто не думаетъ поздравлять меня съ тѣмъ, что я далъ новое подтвержденіе принципу человѣческаго права, показывая даже на примѣрѣ войны, что человѣчество правосудно; никто не думаетъ признать того, что я поднималъ, такимъ образомъ, достоинство человѣческаго рода и положилъ прочное основаніе международному праву, показавши, кромѣ того, что, вопреки своему правовому характеру, война есть переходное явленіе, приближающееся къ концу. Вы услышите о моемъ сочиненіи самые эксцентричныя, самые глупыя отзывы, но вы не найдете никого, кто былъ бы въ состояніи разглядѣть, что я хотѣлъ положить въ мою книгу, если ужъ не то, что я дѣйствительно положилъ въ нее». И онъ кончаетъ горькой выходкой

противъ умственной и нравственной *холеры* тогдашняго поколѣнія, сообщая съ ироніей о томъ, что книгопродавцы Гарнье предлагаютъ ему наживать деньги составленіемъ дѣтскихъ книгъ, альманаховъ и чуть не письмовниковъ!

Въ тотъ же день онъ пишетъ и другому корреспонденту, все на ту же тему. Видно, что его ошеломило впечатлѣніе, произведенное книгой въ Парижѣ. Онъ еще откровеннѣе и прямѣе объясняетъ: въ чемъ именно заключается общее недовольство. Ему пишутъ изъ Парижа, что не только онъ обвиняется въ патриотическомъ святотатствѣ и въ желаніи проповѣдывать дезаризмъ, преторіанство, военщину, но и въ томъ, что онъ вдается въ идеализацію, въ соерцательную жизнь и работаетъ въ руку патерамъ. Нѣкоторые находятъ даже, что въ нѣкихъ мѣстахъ своей книги онъ наклоненъ къ признанію безсмертія души. Всѣ ожидали, что книга его явится затѣмъ, чтобъ вывести на свѣжую воду всю тогдашнюю военщину, въ ней ожидали найти смертельные удары клерикаламъ, восторженные возгласы на тему *національностей и естественныхъ границъ*. И перечисливъ всѣ эти обвиненія, Прудонъ говоритъ, что еслибъ не мнѣніе нѣкоторыхъ серьезныхъ умовъ и статья, написанная его корреспондентомъ, онъ готовъ былъ бы признать своихъ соотечественниковъ совершенно безумными. Тѣмъ не менѣе, оправдывается онъ на двухъ большихъ страницахъ, сознаваясь однако, что внѣшняя форма книги, слогъ, языкъ могутъ дѣйствительно показаться странными, потому что онъ никогда не занимался стилистикой, — потому что у него каждая мысль требуетъ непременно спеціальнаго выраженія, и онъ принужденъ употреблять слова, заимствованныя изъ другихъ языковъ, вовсе не ища ихъ, а подчиняясь, какъ онъ выражается, «нетерпѣнію ума». Но его все-таки глубоко огорчаетъ то, что не поняли внутреннего протеста противъ войны между человѣческими существами, — не поняли того, что самъ онъ съ величайшимъ сокрушеніемъ долженъ былъ признать цивилизующее вліяніе войны *въ прошедшемъ*. «И когда я привалъ, въ какой степени война своей нравственной стороною поднимаетъ человѣчество, развѣ я не долженъ былъ схватиться за такое свидѣтельство нравственнаго достоинства всего рода человѣческаго? Но я прибавлю, что *этотъ грандіозный фактъ только переходящій*; что цивилизація вступаетъ въ періодъ, гдѣ нѣтъ больше мѣста военному трибуналу; что вопросы, какіе въ настоящее время ставятся передъ человѣчествомъ, болѣе уже не разрѣшатся этимъ путемъ. А мнѣ кричать въ отвѣтъ: «делой преторіанцевъ! делой право сильнаго!» А возвращаясь къ недостаткамъ своего

изложенія, онъ повторяетъ, что слогъ есть для него только прямое выраженіе его идей, и что еслибъ даже онъ писалъ иначе, онъ все-таки былъ бы непонятенъ для слабыхъ, лѣнивыхъ, ограниченныхъ умовъ.

«Въ нашемъ французскомъ умѣ, — кончаетъ онъ, — есть самая дурная наклонность: подъ предлогомъ *простоты*, желать всегда приниженія всего, что существуетъ прекраснаго въ природѣ и въ разумѣ, до степени вульгарныхъ и простоватыхъ формулъ. Никто не хочетъ подумать о томъ, что еслибъ этого дѣйствительно добивались, то уничтожили бы въ человѣческой душѣ идеалъ нравственности и правды. Конечно, всякая рѣчь, въ прозѣ или въ стихахъ, составлена изъ буквъ, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, чтобъ мы должны были свести «Иліаду» или «Эмиля» къ вещамъ въ родѣ «*La croix de par Dieu?*»

Въ другомъ письмѣ онъ замѣчаетъ, что французскій умъ замѣтно слабѣетъ, — что въ большинствѣ статей, брошюръ, памфлетовъ авторы, начинавшіе хорошо, кончаютъ гораздо хуже, а большинство наклонно къ опошленію идей, плохо доступныхъ имъ. «Впрочемъ, — говоритъ онъ въ заключеніе, — это — болѣзнь эпохи. Повсюду я вижу одни и тѣ же симптомы. Промышленный, меркантильный, и буржуазный духъ все еще держится за старыя нравы Журдена, Дандена, Горжибуса и Тюркарега; ничто ему не нравится, — онъ ничего не понимаетъ, кромѣ своихъ *écus*. Свѣтъ тогда только и двинется, когда эта послѣдняя изъ кастъ будетъ совершенно разоблачена и уничтожена. Но когда это случится?.. Это — тайна боговъ».

Ему приходится разъяснять смыслъ и содержаніе своей книги самымъ ближайшимъ пріятелямъ, въ родѣ Шарля Белэ, который тоже нашелъ, что онъ *желаетъ утѣкочить военницу*. Прудонъ принужденъ и ему повторять то же, что мы видѣли въ предыдущихъ письмахъ и оправдывать притомъ цѣну книги, показавшуюся Шарлю Белэ слишкомъ высокою. Книга стоила 7 франковъ. Это практическое замѣчаніе вызвало Прудона на довольно горячій отвѣтъ, гдѣ онъ жалуется на то, какъ писатель, послѣ двадцати лѣтъ труда — не добившись ничего, кромѣ изгнанія и долга — не можетъ назначить за свое сочиненіе семи франковъ, чтобъ всѣ не закричали: «караулъ! слишкомъ дорого!» Другому своему корреспонденту, Огюсту де-Фонтену, онъ въ тотъ же день уже самъ разъясняетъ идею книги, чтобъ предупредить нежеланное толкованіе.

«Нѣкоторые упрекаютъ меня въ томъ, — говоритъ онъ въ концѣ письма, — что я слишкомъ рѣзокъ по международнымъ во-

просамъ, которые обыкновенно разрѣшаются иначе, чѣмъ я обработалъ ихъ; вопросы эти: Польша, Венгрія, Италия и т. д. Но, присмотрѣвшись ближе, вы увидите, что я оказываю этимъ самымъ огромную услугу свободѣ всѣхъ народовъ, отвлекаю ихъ отъ лживой тактики, подталкиваю ихъ на пути къ общей солидарности народовъ, къ взаимному равновѣсію, къ либеральнымъ учрежденіямъ, характеризующимъ собою XIX вѣкъ; а еще дальше я указываю имъ на новый порядокъ вещей, основанный на экономическомъ правѣ, въ которомъ всѣ заботы расъ, языковъ, національностей, естественныхъ, политическихъ и стратегическихъ границъ переходятъ въ вопросы третьяго и четвертаго порядка, а то такъ и вовсе въ безмыслицу.

«Всего этого, т.-е. таковаго громаднаго результата, нельзя было добиться иначе, какъ съ однимъ условіемъ: возстановленія права силы. По этому поводу одинъ изъ моихъ пріятелей очень вѣрно замѣчаетъ: отрицать право силы значитъ отрицать то, что сила что-нибудь стоитъ. А это, въ свою очередь, равняется отрицанію того, что сила есть сила.

«Но, какъ я уже сказалъ, всякое воскрешеніе, равно какъ и всякое новое созданіе чего-либо, въ первую минуту изумляетъ умъ, чтб и объясняетъ странное впечатлѣніе, произведенное моею книгой.

«Тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что это впечатлѣніе долго не протянется и что скоро среди самыхъ серьезныхъ изъ моихъ читателей установится одно мнѣніе: да, существуетъ право силы, почему и есть у насъ международное право, почему человѣчество, истощивъ компетентность военнаго правосудія, не желаетъ больше войны».

II.

Возобновляя переписку съ г. Сюшэ, Прудонъ обозрѣваетъ весь періодъ своей брюссельской жизни, и передъ возвращеніемъ во Францію не скрываетъ тревожныхъ вопросовъ, поднимающихся въ немъ, какъ въ гражданинѣ и смѣи своей родины. Онъ еще недоумѣваетъ, чего держаться, какимъ языкомъ заговорить. По его мнѣнію, демократы сдѣлали столько уступокъ имперіи, что ему въ высшей степени трудно будетъ говорить въ прежнемъ тонѣ о свободѣ и республикѣ. Вообще же онъ чувствуетъ, что сильно состарѣлся и боится, вернувшись въ Парижъ, показаться какому-то пришлецомъ съ того свѣта. Его поддерживаетъ лишь

то соображеніе, что и вокругъ него, въ Бельгіи, существуютъ тѣ же симптомы общественной порчи; стало быть, ничего особенно новаго не найдетъ онъ и въ Парижѣ, ничего такого, что бы онъ не предвидѣлъ и о чемъ бы не думалъ. А въ Бельгіи книга его была понята на самый нелѣпный фасонъ. При дворѣ и въ высшихъ административныхъ сферахъ начали толковать, что онъ проповѣдуетъ присоединеніе Бельгіи къ Франціи. Всѣ эти разнообразнѣйшіе толки, вызванные сочиненіемъ, въ которомъ мысль совсѣмъ не замаскирована, служатъ ему матеріаломъ для составленія *отчета*, который онъ хотѣлъ составить, собравъ всѣ мнѣнія, высказанныя объ его книгѣ, чѣмъ онъ и занятъ былъ уже въ началѣ іюля. За этой работой получилъ онъ и критическую статью отъ Гюстава Шодэ, на которую отвѣчаетъ отъ 23-го іюля. Онъ хвалитъ Шодэ за то, что тотъ съ умѣлъ самостоятельно взглянуть на сочиненіе, не взирая на возбужденные имъ неблагоприятные возгласы во всѣхъ парижскихъ журналахъ, начиная отъ «Journal des Débats» и кончая клерикальнымъ «Ami de la religion» «Вотъ это, — говоритъ онъ, — хорошая критика: честная, простая и ясная. Теперь знаютъ, что я хотѣлъ сказать, благодаря вамъ; вы могли бы, сдѣлавши это, и не присоединяться вовсе къ моимъ взглядамъ; но вы не захотѣли ничего срывать. Это прекрасный поступокъ съ вашей стороны, поступокъ героическій». И вслѣдъ затѣмъ Прудонъ спокойно разбираетъ замѣчанія Шодэ, и проситъ его разъяснить ему подробно нѣкоторые пункты, только задѣтые въ статьѣ. Онъ спрашиваетъ Шодэ, какіе вопросы требуютъ ббльшихъ подробностей: вопросъ ли итальянскій или венгерскій, польскій или американскій. Онъ очень хорошо сознаетъ, что ему много еще нужно сказать о томъ правѣ силы, какое онъ поставилъ краеугольнымъ камнемъ международного права, о системѣ, какой нужно слѣдовать въ борьбѣ съ деспотическимъ государствомъ, о будущности европейскихъ національностей и т. д. Онъ и проситъ Шодэ указать ему спеціально, каемъ именно изъ этихъ вопросовъ нужно больше заниматься. Его осаждаютъ всякаго рода просьбами, критическими статьями, замѣчаніями, протестами, и посторонніе люди, и старые пріатели, въ особенности демократы, и ему нужны дѣльные указанія, чтобы усвоить всѣхъ ихъ. Въ концѣ письма онъ сообщаетъ, что за послѣднія шесть недѣль писалъ мало, но за то много читалъ, много дѣлалъ замѣтокъ, собиралъ матеріалы и занимался печатаніемъ своего сочиненія о *податяхъ*, удостоеннаго преміи въ Лозаннѣ. Другому парижскому пріателю, Гувернэ, отъ 25-го іюля, онъ пишетъ уже въ болѣе рѣзкомъ тонѣ: демократія

больна, но онъ вовсе ея не проклинаетъ, а только чувствуетъ къ ней жалость и состраданіе: «согласитесь сами, — добавляетъ онъ, — если половина моихъ друзей объявляетъ, что они, при всей своей охотѣ, не могутъ меня понять, такъ изъ-за чего же мнѣ такъ сердиться на враговъ?» А д-ру Кретену онъ восхваляетъ своихъ земляковъ безансонцевъ, которые «понимали его даже между строкъ». Свой отчетъ по поводу всѣхъ печатныхъ критикъ, онъ желаетъ выпустить только послѣ критическихъ статей «*Comptier du Dimanche*», парижскаго журнала, мнѣніемъ котораго онъ вообще дорожилъ, и въ это время онъ получилъ приглашеніе участвовать на конгрессѣ въ Антверпенѣ, гдѣ въ числѣ другихъ вопросовъ по искусствамъ долженъ былъ быть обработанъ вопросъ объ отношеніи новыхъ идей въ искусству. Прудонъ, сообщая программу конгресса Гюставу Шодэ, отъ 5-го августа, говоритъ, что на этомъ конгрессѣ желаютъ возстановить опять принципы литературной и артистической собственности, пострадавшей на томъ конгрессѣ въ Брюсселѣ, гдѣ онъ побилъ французскихъ экономистовъ и Ламартина. Онъ и въ эту минуту держится своего прежняго взгляда на литературно-художественную собственность, и прибавляетъ, что если согласится участвовать въ конгрессѣ, то, конечно, для того, чтобъ съ новой силой протестовать противъ литературнаго *меркантилизма*. Продолжая много читать и дѣлать всякаго рода замѣтки, онъ написалъ черновую брошюры о паденіи критическаго смысла во французской демократіи, что въ первый разъ сообщаетъ Деляссу отъ 8-го августа. Онъ возвратился тогда изъ небольшой прогулки по Бельгіи: онъ былъ въ Намюрѣ, гдѣ его весьма радушно приняли масоны. Оказывается, что Прудонъ давно принадлежалъ къ этому ордену, хотя нигдѣ, въ предыдущей перепискѣ, не было объ этомъ никакого упоминанія. Его снова пригласили на конгрессъ въ Антверпенѣ и предложили ему даже таму для небольшой рѣчи. Главный же вопросъ, какимъ онъ, въ эту минуту, занимается — движеніе національностей и спеціально — польскій вопросъ. То, что дѣлается во Франціи, съ каждымъ днемъ все больше и больше огорчаетъ его, и въ письмѣ къ Деляссу мы читаемъ такіа строки: «на душѣ у меня не радостно, какъ вы сами видите, и то, что я узнаю, что я отмѣчаю каждый день, вовсе не такого сорта, чтобъ разсвѣять сумерки, обволакивающіе меня. Чувствую, все сильнѣе и сильнѣе, что надо ѣхать, но боюсь, разъ поселившись тамъ, т.-е. въ Парижѣ, умереть отъ чувства отвращенія. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, можно было сохранить какія-нибудь иллюзіи, и я здѣсь еще могъ вѣрить во Францію, откуда меня выгнали. А

кто мнѣ поручится, что я въ скоромъ времени не буду оплакивать ее какъ совершенно умершую?» Въ концѣ печальной картины движенія всей Европы Прудонъ восклицаетъ: «сдѣлайте изъ Франціи 12 федеральныхъ республикъ,—и вы увидите, что она будетъ такъ же молода, какъ въ—93 году!»

На конгрессъ въ Антверпенъ онъ, однако, не можетъ ѣхать, заваленный работой по печатанію своего сочиненія о податяхъ; но еще разъ говоритъ о программѣ этого конгресса въ письмѣ къ Шодъ, отъ 11-го августа, предупреждая его, что пренія будутъ представлять собой ужасную безтолочь, что прійдетъ много католиковъ и орлеанистовъ. Надворъ за печатаніемъ беретъ все его время, и только къ 1 сентября онъ надѣется выпустить книгу «О податяхъ», которую требуютъ у него изъ Лозанны. Въ 20-хъ числахъ августа Прудонъ собирается въ небольшую поѣздку въ Ахенъ, Бѣльнъ и на Рейнъ до Майнца, и потомъ уже перебраться въ Парижъ, что онъ надѣется сдѣлать во второй половинѣ октября.

Въ письмѣ отъ 22-го августа къ Шарлю Белэ онъ еще разъ выражаетъ свое негодованіе на то, какъ нелѣпо большинство демократовъ отнеслось къ его книгѣ. «Говорю вамъ, демократія совершенно упала; она ничего не знаетъ и даже не заботится о томъ, чтобъ что-нибудь знать. У насъ хотятъ всегда съ-разу схватить идеи, и не подоврѣваютъ даже, что въ дѣлѣ мышленія происходитъ то же, что и въ дѣлѣ математическихъ знаній: каждый можетъ съ-разу понять, что дважды два—четыре, но надо поработать для того, чтобъ усвоить себѣ теорію логарифмовъ. Точно также и въ дѣлѣ социальныхъ идей: всѣ на свѣтѣ скажутъ вамъ, что нужно поступать съ другими такъ, какъ желаешь, чтобъ съ тобой поступали; но когда дѣло идетъ о правѣ войны и о международномъ правѣ, объ уравниженіи налоговъ, о преступленіи и наказаніи, никто не хочетъ признать, что надобно много труда для познанія принциповъ и законовъ. Массы и ихъ трибуны ничего уже не могутъ сдѣлать для прогресса, любезный другъ, и если всеобщая подача голосовъ, которую я не отрицаю, претендуетъ на полноправіе посредствомъ *да* и *нѣтъ*, мы не двинемся впередъ ни на шагъ—и пропадемъ».

Въ сентябрѣ вышла его книга «О податяхъ» но только-что онъ ее выпустилъ, какъ уже принялся за собраніе новыхъ матеріаловъ для своего этюда о Польшѣ, къ которому онъ былъ вызванъ полемикой съ газетой «Presse». Эта газета напала на него по поводу нѣсколькихъ страницъ въ книгѣ «Война и миръ» и упрекала въ томъ, что онъ стоитъ за принципы священнаго

союза. Конечно, Прудонъ не могъ оставить этого безъ отвѣта, и послѣ полемическихъ возраженій задумалъ выпустить въ свѣтъ цѣлое изслѣдованіе. Въ письмѣ къ Феликсу Деляссу, отъ 17-го сентября, онъ въ первый разъ говоритъ объ этомъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, замѣчая, что поляки находятся на отвратительномъ пути, что французская демократія ослѣплена, не видя, что въ польскомъ вопросѣ, подъ внѣшнимъ либерализмомъ, врется много дворянскихъ интригъ и происходитъ гораздо больше ложной агитации, чѣмъ проявляется настоящаго націонализма. Вступая въ эту новую кампанію, Прудонъ находитъ время прочитывать книги, посылаемыя ему авторами, и пишетъ даже довольно большое письмо къ нѣкому Жозефу Демулену, отъ 17-го сентября, приславшему ему сборникъ своихъ демократическихъ стихотвореній. Въ собѣтахъ Прудона слышится живая нота хорошаго реализма, суровой критики, обращенной на всю декламаторскую часть революціонной поэзіи:

«Воспѣвайте прогрессъ, справедливость, свободу, — пишетъ онъ молодому поэту, — все это прекрасно; храните вѣру въ будущность, — я васъ одобряю вполне, но не нужно, чтобъ эта вѣра усыпляла васъ, потому что вы можете легко проснуться не въ раю, а въ грязи. Будущность принадлежитъ намъ въ такомъ только случаѣ, если мы можемъ завоевать ее неустанной энергіей: — внѣ этого предстоить позоръ и ничета.

«Будьте строги къ демократіи, не падите ударомъ бича на либераловъ; избѣгайте всякаго рода распущенности. Время стало мрачное, обстоятельства слишкомъ серьезны, чтобъ было умѣстно шутить. Дѣлайте выговоры не однімъ владѣтельнымъ особамъ, министрамъ, клерикаламъ, не на нихъ только изливайте свои сарказмы, а на выродившихся революціонеровъ, на подгнившую массу, на все это поколѣніе, которое подъ видомъ прогресса занимается только однимъ ажіотажемъ и проституціей. Вольтеръ, конечно, былъ великій агитаторъ XVIII столѣтія, но было бы неприлично подражать ему въ настоящую минуту: обязанности трудиться надъ воспитаніемъ массъ, мы не можемъ льстить ей, потому что она нуждается не въ похвалахъ, а въ хорошихъ головомойкахъ».

Своимъ взглядомъ на Польшу Прудонъ вызвалъ цѣлую бурю въ либеральномъ парижскомъ лагерѣ, о чемъ съ ироніей говорить въ письмѣ къ Бюзону, отъ 18-го сентября. Его уже прославили фальшивымъ демократомъ, писакой на жалованьи у священнаго союза. «Вся эта демократія, — восклицаетъ онъ, — опротивѣла мнѣ до гадости. Ее не приймешь ни разумомъ, ни при-

ципами, ни фактами. Очень ей нужно, что она противорѣчить себѣ на каждомъ шагѣ... Она совсѣмъ не желаетъ, чтобъ ее причесали и вымыли». Онъ сообщаетъ даже такой слухъ: будто бы нѣсколько патриотовъ составили заговоръ съ цѣлью мѣшать распространенію его брошюръ, и выдаютъ его за тайнаго агента имперіи. Но все это сплетничество не можетъ его отвратить отъ выполнения разъ задуманнаго плана: высказать, на основаніи фактовъ и всѣхъ дорогихъ ему принциповъ, слово правды. Эти недостойныя нападки укрѣпляютъ его еще болѣе въ желаніи заняться польскимъ вопросомъ, что бы о немъ потомъ ни говорили. Тѣхъ рукописныхъ источниковъ, которые онъ собралъ съ разныхъ сторонъ для книги о Польшѣ, ему мало, и онъ проситъ ученаго Альтмейера, отъ 23-го сентября, указать ему на всѣ печатныя сочиненія по исторіи этого народа. Поглощенный новыми заботами и трудами, онъ не можетъ двинуться изъ Брюсселя, и пропускаетъ опять срокъ предполагавшейся поѣздки въ Парижъ. Г-ну Петі пишеть онъ въ тотъ же день: «эти поляки — просто язва для французской демократіи въ настоящую минуту. До сихъ поръ изъ жалости не хотѣлось говорить правду о нихъ; а они злоупотребляютъ сдержанностью порядочныхъ людей, чтобъ производить гвалтъ и затруднять либеральное движеніе, т.-е. самую серьезную вещь въ эту минуту. Необходимо дать имъ щелчокъ. Обязанность эта чрезвычайно неприятна; но нечего дѣлать». Внутренно же онъ боялся какъ патриотъ, что имперія, воспользовавшись польскимъ вопросомъ, опять впукаетъ Францію въ какое-нибудь серьезное столкновеніе, послѣ котораго она будетъ разгромлена. То, чего боялся Прудонъ, и случилось дѣйствительно десять лѣтъ спустя. Книгу свою о Польшѣ онъ думаетъ дописать въ концѣ октября, и послѣ того уже вернуться во Францію. Объ этомъ трудѣ онъ продолжаетъ писать, какъ о вещи, навязанной ему тѣми полемическими нападками, на которыя онъ не въ состояніи былъ не отвѣчать. А по натурѣ своей онъ не могъ ничего печатать, не проработавши надъ матеріалами, не сдѣлавъ изъ нихъ самостоятельнаго этюда, не добившись какого-нибудь радикальнаго мнѣнія. Живя въ одномъ городѣ съ нашимъ соотечественникомъ, Фиресомъ, извѣстнымъ въ русской и во французской публицистикѣ подъ именемъ *Шедо Феротти*, Прудонъ познакомился съ нимъ, и проситъ у него, отъ 2-го декабря, разъясненія по вопросу раздѣла Польши: «Мнѣ хочется знать, — пишеть онъ, — что три державы, участвовавшія въ раздѣлѣ: Россія, Австрія и Пруссія, говорили тогда въ свое оправданіе, предполагая, что онѣ считали вообще нужнымъ вступить

въ какія-либо объясненія. Ихъ упрекаютъ, напр., въ томъ, что онѣ помѣшали полякамъ преобразовать ихъ конституцію и запутали нарочно дѣла, поддерживали *liberum voto* и т. д. Въ прошедшемъ вѣкѣ, да и теперь еще, употребляютъ макиавелизмъ, вмѣсто разума и правды. Тогда любили прикрывать себя равными предложениями, хорошими или дурными изворотами. Вотъ мнѣ бы и желательно было добиться того: какъ три державы смотрѣли на свой поступокъ, и въ какомъ свѣтѣ желали его выставить. Этотъ пунктъ возбуждаетъ въ настоящую минуту сильнѣе всего мое любопытство, ибо, констатируя съ полной силой вину поляковъ, я долженъ также, чтобъ быть справедливымъ, признать насиліе и безнравственность ихъ поворителей, если только и то и другое дѣйствительно были пущены въ ходъ; а читая апологію польской націи, я желаю только выслушать защиту ея повелителей». Самого же Фиркса онѣ хвалятъ за то чувство патриотическаго либерализма, которымъ, по мнѣнію Прудона, проникнута его извѣстная книга о Россіи. Прудонъ еще разъ перечелъ ее съ интересомъ, собираясь писать о Польшѣ. И Фирксу говоритъ онѣ, что вовлеченъ *противъ своей воли* въ полемику; а теперь нравственно обязанъ: совершенно ясно и смѣло выставить свои положенія, которыя сводятся къ тому, что Польша умерла какъ государство гораздо больше отъ собственного «яда», чѣмъ отъ меча русскихъ, и что средства излечить всѣ ея язвы, поднять ея народъ заключаются вовсе не въ томъ, что предлагаютъ націоналисты, т.-е. защитники принципа національности. Съ французами же ему приходится продолжать полемическую переписку. Одному изъ пріятелей, значущемуся подъ буквой X*** (кажется, г. Клавелю), онѣ пишетъ очень большое письмо, наполненное горькими нападками на нетерпимость, безыдейность, отсталость французской демократіи. Онѣ стыдитъ своего пріятеля, испугавшагося за его писательскую популярность, говоря, что настала минута борьбы съ идеалами, что онѣ рѣшился до конца выполнять свой долгъ, въ этомъ смыслѣ. Не смущается онѣ также и тѣмъ, будто бы вокругъ него «образуется пустота». Это ему уже не въ новость: «Пьеръ Леру еще три года тому назадъ объявилъ, что мой принципъ *справедливости* не что иное, какъ деспотизмъ. Луи-Бланъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ томовъ повторилъ то же самое обвиненіе, а объ остальныхъ я умалчиваю. Все это въ высшей степени жалко, и показываетъ только мелкій политическій зудъ. Глупцы массы повторяютъ подобныя нелѣпости; тѣмъ хуже для глупцовъ, я дождусь ихъ поспрамленія и буду наслаждаться ихъ поворотомъ». Онѣ очень хо-

рошо знаетъ, что произвести что-нибудь въ мірѣ политическомъ можно только массами, но необходимо, чтобъ эти массы имѣли каую-нибудь идею, а онѣ, по его мнѣнію, утратили всякую руководящую нить. Онъ же самъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ только то и дѣлалъ, что разрушалъ всевозможныя химеры. Но такъ какъ онъ вотъ уже десять лѣтъ пишетъ въ другомъ тонѣ, оставилъ полемику для того, чтобъ уйти въ идеи, — про него начали кричать, что онъ умѣренный консерваторъ, доктринеръ, исчадіе священнаго союза! «Когда я объ этомъ подумаю, — восклицаетъ онъ, — я впадаю въ бѣшенство, негодованіе и презрѣніе! А вы меня убѣждаете пристать къ такому народу!» И вслѣдъ затѣмъ онъ доказываетъ пріятелю, что онъ ничего не понималъ въ его книгѣ «Война и миръ», почему и въ состояніи повторять всѣ глупости и нелѣпости, расточаемыя теперь противъ него: «Что можетъ повергнуть душу писателя въ отчаяніе, сдѣлать его мизантропомъ, это — когда его друзья, самые дорогіе для него люди, совершенно не понимаютъ его мыслей, его намѣреній, стремленій и дѣлаются вокругъ него выраженіемъ нелѣпости общества». И все-таки Прудонъ возлагаетъ еще нѣкоторую надежду на возрожденіе французской націи. Посылая пріятелю экземпляръ своего сочиненія «О податяхъ», — говоритъ, что эта вещь самая ясная, рѣшительная и синтетическая изъ всего того, что онъ писалъ; но и тутъ онъ встрѣчаетъ такое же непониманіе, потому что принципы равенства, которымъ проникнуть этотъ этюдъ, далеко не понравится лже-демократамъ, умѣющимъ только повторять избитыя фразы. Кончаетъ онъ письмо такимъ крупнымъ возраженіемъ на слова пріятеля: будто бы вокругъ него образуется теперь пустота, т.-е. будто бы публика не хочетъ знать его: «Вы мнѣ говорите, что меня стала обволакивать пустота, а между тѣмъ я вижу, что мои сочиненія раскупаются. Двѣ тысячи экземпляровъ «Теоріи налога» распроданы въ одинъ мѣсяцъ за границей, а въ Парижѣ еще продажа не начиналась. Я объявилъ о сочиненіи по польскому вопросу, и со всѣхъ сторонъ являются требованія книги. Мнѣ предлагаютъ даже запродавать за большую цѣну эту книгу, еще не написанную. Въ комъ же я могу видѣть настоящихъ демократовъ, какъ не въ тѣхъ, кто меня читаетъ и кто умѣетъ думать?»

Книгу свою «О теоріи налога» выпустилъ онъ въ 20-хъ числахъ октября и ожидаетъ новыхъ нападеовъ отъ экономистовъ, его старыхъ враговъ. А пріятели сильно боятся за то впечатлѣніе, какое произведетъ книга о Польшѣ, и даже Губернѣ, повидимому,

человѣкъ смирный, предостерегаетъ его и говорить о необходимости поддержать свою популярность, на что Прудонъ отвѣчалъ ему, отъ 26-го октября, что «недостойно говорить ему о популярности въ такой моментъ, когда спасеніе общества можетъ произойти только отъ науки». И онъ до такой степени погруженъ опять въ горячую работу, что не можетъ и думать о переселеніи въ Парижъ раньше зимы, а съѣздить туда присмотрѣть квартиру ему не на что: расходъ въ 200 франковъ совершенно превышаетъ его средства. Въ такомъ же смыслѣ написано его письмо къ Шарлю Белэ отъ 25-го октября, гдѣ онъ опять повторяетъ, что у него есть уже своя публика, и онъ можетъ идти прямымъ путемъ, не боясь криковъ. Вопреки всѣмъ демократамъ на свѣтѣ, ему слѣдуетъ защищать теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо, *справедливость* и *свободу* противъ всѣхъ на свѣтѣ. «Тупоумные демократы сами не знаютъ, что они дѣлаютъ и говорятъ, и способны будутъ въ своромъ времени обожать то, что теперь сжигаютъ». Въ письмѣ къ д-ру Клавелю на ту же тѣму, Прудонъ протестуетъ противъ преклоненія передъ популярностью и общественнымъ мнѣніемъ и настаиваетъ еще сильнѣе на необходимости выступить съ данными и выводами *положительнаго знанія*. «Какъ я уже сказалъ въ предисловіи къ моей «Теоріи подачей», — замѣчаетъ онъ, — въ наше время общества не могутъ уже двигаться путемъ наитій и непосредственныхъ влеченій, какъ въ тѣ эпохи, когда разумъ массы признавался верховнымъ, когда неуспѣхъ поражалъ cadaго, кто уклонялся отъ движенія этихъ массъ. Теперь сила эта истощена; прогрессъ нашего вѣка привелъ, какъ въ политикѣ, такъ и во всемъ остальномъ, къ царству принциповъ. А это царство заключается въ мышленіи, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ ретроградства и паденія». И переходя къ насущнымъ политическимъ вопросамъ, онъ съ новой силой возстаетъ противъ ложнаго, по его мнѣнію, принципа національности, находя, что всѣ вожди, составившіе себѣ имя въ послѣднее время: Кожуть, Гарibaldi, Маццини, получившіе популярность вслѣдствіе увлеченія массъ, совершенно лишены высшаго пониманія событій, потому что не знаютъ и азбуки *соціальной науки*. То же самое повторяется и въ польскомъ вопросѣ. Для него же сдѣлалось ясно, что слѣдовать увлеченію массы ему нельзя, что ему нужно поддерживать противъ всѣхъ чистую истину или, по крайней мѣрѣ, то, что онъ въ душѣ своей признаетъ за истину. А кончаетъ онъ, замѣчая опять, что у него съ важнымъ днѣмъ растетъ своя специальная публика: «въ 48 г., — прибавляетъ онъ, — я только билъ въ набатъ, а теперь, еслибъ у меня былъ свой

собственный журналъ, я собралъ бы вокругъ него многочисленную и могучую школу».

Свою филиппику противъ французскаго общества продолжаетъ онъ и въ письмѣ къ г. Невѣ, отъ 28-го октября, въ которомъ упрекаетъ своего корреспондента въ томъ, что тотъ слишкомъ предается личному горю:

«У насъ нѣтъ свободнаго времени, чтобы жаловаться!—восклицаетъ онъ.—Я вижу передъ собой нѣчто гораздо болѣе ужасное, чѣмъ физическая смерть, чѣмъ разможенное тѣло: это—общество, совершенно распадающееся, это—гаснущая цивилизація, это—въ конецъ погибающій міръ. 18 вѣковъ тому назадъ міръ также находился въ разложеніи; но тогда характеръ этого разложенія былъ иной: онъ представлялъ собой бурный развратъ. Теперь же предъ нами не что иное, какъ трусливая подлость. Все подло и трусливо, низло и плоско, начиная съ государя и кончая нищимъ... Каждый день я поднимаюсь съ мыслью не объ отсутствующей славѣ родины, не о блистательномъ вѣвѣ, достойномъ всякаго уваженія, хотя меня изъ него и выдѣлили; но съ мыслью о моей оповоренной націи, которая любитъ на свой позоръ, о гниломъ поколѣніи, любящемъ свою гниль, о нелѣпой публикѣ, приходящей въ изумленіе отъ собственной глупости; а зараза распространяется повсюду, и изъ высшей буржуазіи она переходитъ въ среднюю, изъ средней въ крестьянину и рабочему, изъ Парижа въ департаменты, изъ Франціи за границу. Вотъ, любезный другъ, каковы мои обычные размышленія; но я все-таки не поддаюсь ипохондріи, я неустанно работаю, я крѣплюсь въ борьбѣ съ неудачей, я готовлю себя къ новой мисси, и моя жена, въ предѣлахъ своего хозяйства, дѣлаетъ то же самое».

И какъ бы мраченъ ни былъ его взглядъ на тогдашнюю Францію, онъ все-таки возлагаетъ еще надежды на возрождающее вліяніе того меньшинства, къ которому самъ себя причисляетъ. Въ этомъ смыслѣ пишетъ онъ и Альфреду Даримону, отъ 1-го ноября: «намъ, *т.-е. социалистическому меньшинству*, надо взять въ руки оппозицію и направить ее. Я и стараюсь это дѣлать, придавая новый характеръ моимъ трудамъ, отнимая у нихъ исключительно полемическую форму и дѣлая ихъ все болѣе и болѣе положительными. Мы одинаково враждебны и государственному коммунизму, и мальгузіанской анархіи, и рано или поздно насъ должны признать, какъ буржуа, такъ и чернь. Мы одни можемъ удовлетворить потребностямъ Франціи, которая всегда

искала одного права и ничего больше, довольствуясь до сихъ поръ одной *блaгой серединой*.

Работая надъ трудомъ своимъ о Польшѣ, Прудонъ продолжаетъ переписываться съ г. Фирксомъ, жившимъ въ Брюсселѣ, потому что не всегда можетъ видѣться съ нимъ лично, заваленный работой. Два письма сразу, одно безъ числа, другое отъ 9-го ноября, исключительно посвящены Польшѣ и Россіи. Въ первомъ по порядку Прудонъ говоритъ, что можетъ удовлетвориться тѣми свѣдѣніями, какія онъ нашелъ въ книгахъ по вопросу раздѣла Польши въ 1772 г. «Что бы объ этомъ (т.-е. о раздѣлѣ) ни думали Екатерина и Фридрихъ,—пишетъ онъ,—я могу это совершенно игнорировать, не нанося вреда ни исторической стpнности, ни моему тезису. Пожалуй, лучше будетъ даже, чтобы я ровно ничего не говорилъ объ ихъ мотивахъ, мнѣ вовсе и не хочется являться ихъ защитникомъ». И вслѣдъ за тѣмъ, благодаря г-на Фиркса за указаніе на книгу Шмидта, о которой Прудонъ ничего не зналъ, продолжаетъ:

«Я и собственными своими размышленіями дошелъ до вывода, что починъ раздѣла долженъ былъ принадлежать Фридриху II, что это входило въ его политику, что Россія, что бы потомъ ни говорили, заинтересована была гораздо менѣе и что главнымъ виновникомъ во всемъ этомъ долженъ былъ явиться человекъ, создавшій Пруссію и укрѣпившій ее ужаснѣйшей семилѣтней войной, пожелавшій освободить ее отъ безповойныхъ и непрочныхъ сосѣдей—поляковъ».

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, начало котораго мы не можемъ привести здѣсь, Прудонъ спрашиваетъ г-на Фиркса: что происходить въ эту минуту въ Польшѣ, спокойны ли *литовцы, волыны и рутены*, изъ-за чего они волнуются послѣ того, какъ въ теченіи 400 лѣтъ боролись противъ Польши и Ягеллоновъ до Понятовскаго, послѣ того, какъ они сами присоединились къ Россіи? «Неужели,—спрашиваетъ Прудонъ,—надо и остальныхъ славянъ считать такими легкомысленными, какъ и поляковъ, или происходить что-нибудь въ другомъ родѣ?» А кончаетъ онъ фразой, показывающей, какъ ему не нравится та агитація, которую поляки производили въ Парижѣ. «Я считаю, что для социальной демократіи эта интрига въ высшей степени вредна; продолжаю держаться моего взгляда и готовлюсь обнародовать свое мотивированное мнѣніе, какъ мы говорили въ —93 г.» Время подошло уже къ 15-му ноября, но Прудонъ и не думаетъ еще возвращаться въ Парижъ. Рассказывая въ письмѣ, отъ этого числа, о своихъ дѣлахъ земляку и пріятелю Морису, онъ находитъ, что

ему нужно остаться въ Брюсселѣ, пожалуй, и еще на цѣлый годъ, потому что иначе придется входить въ новые долги и прерывать начатныя работы. Въ послѣднее время доходы его были самые маленькіе. Книга «Война и миръ» провармивала его больше года; но онъ забиралъ деньги впередъ, занимая у Шарля Белэ, а продажа экземпляровъ сочиненія «О податяхъ», кромѣ преміи, принесла ему всего 1000 франковъ. «Теперь,—пишетъ онъ дальше,—я могу совершенно рассчитывать на вѣрную публику въ Бельгіи, Швейцаріи, Германіи, Россіи и вездѣ за-границей, за исключеніемъ Англии, гдѣ вовсе не читаютъ меня. Во Франціи хотя популярность моя и падаетъ въ средѣ соціальныхъ демократовъ, но образованная публика принимаетъ меня лучше, чѣмъ прежде, такъ что я могу среднимъ числомъ рассчитывать на 3000 покупателей. Таково мое положеніе. Я думаю, что съ этимъ не только я могу жить и воспитывать моихъ дочерей, но и вполнѣ расплатиться. Вы знаете, что въ ремеслѣ писателя встрѣчаются успѣхи, ведущіе за собой фортуны; если я схвачу хотя половину такого успѣха,—съ меня и этого довольно будетъ. Несомнѣнно лишь то пова, что съ одной стороны Гарнье, съ другой Гетцель пристають ко мнѣ ввапуски, требуя манускриптовъ, а изъ Лозанны предлагаютъ мнѣ писать корреспонденцію, такъ что я, послѣ столькихъ мытарствъ и антипатій, стою теперь на хорошемъ счету. Надо только работать и производить. Для этого необходимы здоровье и силы, а и то и другое, признаюсь, начинаютъ пошаливать. Помните ли вы, какой мнѣ годъ? Мнѣ минеть 53 года 15-го января 1862 г. Шутить тутъ нечего; надо воспользоваться остаткомъ: хорошо бы поработать еще десять лѣтъ, а тамъ, если Богу угодно, можно и на покой». Но какъ онъ ни нуждался, все-таки долженъ былъ отказаться отъ писанья корреспонденцій въ Швейцарію. Всякую газетную работу онъ думаетъ замѣнить выпускомъ цѣлаго ряда брошюръ. Проектъ этотъ сообщаетъ онъ другу своему Бергману въ письмѣ 15-го ноября.

«У меня цѣлая масса замѣтокъ, распредѣленныхъ по категоріямъ и отдѣльнымъ вопросамъ; цѣлый рядъ небольшихъ вещей, отъ 60 до 200 страницъ; надо ихъ издать: 1) затѣмъ, чтобы не лишиться потраченного труда, а 2) потому, что я чувствую потребность все больше и больше освоить читателей съ моей идеей, иначе они не могли бы хорошенько слѣдить за мной въ той «двухнедѣльной хроникѣ», которую я хотѣлъ выпускать. Не забывай, что лучшую долю моихъ трудовъ я потратилъ на критику, полемику; что безъ этихъ критикъ, интересныхъ гораздо

болѣе для меня, чѣмъ для публики, я не дошелъ бы до само-сознанія; и теперь, когда я уже держу ключъ отъ моего лабиринта, надо мнѣ провести по нему и читателей, послѣ чего я могу уже приняться заново за ежедневную или ежемѣсячную критику современныхъ фактовъ. Знаю очень хорошо, что время не ждетъ, но мнѣ иначе нельзя. Что же дѣлать! Я началъ учиться поздно и одинъ; поэтому и долженъ былъ, какъ всякій одинокій пионеръ, потратить много времени на лишнюю работу, отъ которой, конечно, избавился бы, если бы былъ болѣе знающъ; въ настоящую же минуту событія, повидимому, насъ опередили, но все-таки я не могу не излагать тѣхъ законовъ, которые, по-моему, выясняютъ ихъ».

Въ новомъ письмѣ къ г-ну Фирксу, отъ 21-го ноября, Прудонъ ставитъ нѣсколько вопросовъ, показывающихъ, что, подобно большинству развитыхъ иностранцевъ, онъ зналъ очень мало о внутреннемъ устройствѣ Россіи. Онъ только-что передъ тѣмъ прочелъ четвертый по счету этюдъ г. Фиркса (Шедо-Феротти), и замѣчаетъ: «Вы думаете, что аристократія необходима монархіи, а я, независимо отъ моихъ республиканскихъ и демократическихъ симпатій, признаюсь вамъ, что этотъ пунктъ совершенно не доказанъ, и что я не поручусь за то, что экономическая и социальная революція, совершённая во Франціи, не можетъ быть закрѣплена, въ свою очередь, монархіей». Далѣе, онъ желаетъ получить отъ Фиркса указаніе на характеръ собственности въ Россіи и Польшѣ и спрашиваетъ: «аллодіальная она или феодальная?» Другими словами, онъ желаетъ знать: «земля дворянина, въ случаѣ его смерти, можетъ ли быть раздѣляема между всѣми его наслѣдниками и *отчуждаема*, или она предоставляется старшему въ родѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ подарковъ братьямъ и сестрамъ?» Изъ брошюры г-на Фиркса онъ видитъ, что эмансипація крѣпостныхъ дала *буржуазіи* право пріобрѣтать всякаго рода земельную собственность, что и представляетъ собой, по западному, характеръ аллодіальный. Но онъ вспомнилъ, что г. Фирксъ говорилъ ему о себѣ, какъ о сынѣ дворянина, имѣніе котораго должно было идти къ старшему сыну, а въ брошюрѣ тотъ же г. Фирксъ предлагаетъ, въ интересахъ дворянскаго класса, преобразовать майораты, что опять представляетъ собой феодальный характеръ. Прудонъ напоминаетъ, что феодальное владѣніе, гдѣ бы оно ни было, въ славянскихъ земляхъ, въ Германіи или Англіи — должно быть *непретъно, по своей природѣ, нераздѣльно, неотчуждаемо и передаваемо по праву первородства*. Ему и хочется знать: такъ ли это было въ

Россіи до освобожденія крестьянъ и имѣлъ ли отецъ г-на Фиреса право раздѣлять свое имѣніе между дѣтьми или продать его? «Я слыхалъ также, — прибавляетъ Прудонъ, — о продажѣ крѣпостныхъ имѣствъ съ землей; въ этомъ случаѣ крѣпостное состояніе должно было соединяться съ принципомъ аллодіальной собственности, между тѣмъ какъ одно другому противорѣчить». Ему нужно также знать, какъ въ Польшѣ крѣпостное право было согласуемо съ французскимъ кодексомъ, который Наполеонъ I ввелъ тамъ послѣ того, какъ сдѣлалъ саксонскаго короля герцогомъ варшавскимъ, а между тѣмъ онъ видитъ, что польскіе дворяне пережили польскую республику и держатся своихъ феодальныхъ понятій, противятся духу французскаго кодекса, не менѣе чѣмъ русской власти. «Въ какомъ же положеніи теперь этотъ вопросъ, — спрашиваетъ Прудонъ, — что тамъ дѣлается? Вѣдъ дворянинъ не можетъ существовать безъ феодальнаго владѣнія, безъ субститутовъ и майоратовъ? Скажите мнѣ, пожалуйста, подъ какимъ режимомъ живетъ это дворянство во всемъ, что касается собственности, таково ли его положеніе, какое было до 1772 г., или оно измѣнилось, и какимъ образомъ?»

Занимаясь польскимъ вопросомъ, Прудонъ выяснилъ себѣ разницу двухъ видовъ поземельной собственности: феодальной и аллодіальной, и намѣренъ былъ воспользоваться своими этюдами, чтобъ закончить теорію собственности, начатую имъ знаменитымъ выраженіемъ, надѣлавшимъ ему столько вреда. Польскій вопросъ гораздо больше увлекъ его, чѣмъ онъ въ началѣ предполагалъ, и онъ даже во второй половинѣ декабря не покончилъ еще съ книгой настолько, чтобъ приступить къ ея печатанію. Увѣренность въ томъ, что онъ дополнилъ теорію собственности, настолько жива въ немъ, что и въ письмѣ къ Шодъ, отъ 28-го декабря, онъ еще разъ возвращается къ этому предмету, и говоритъ, что, наконецъ-то, послѣ двадцати-двухлѣтнихъ поисканій найдено имъ разрѣшеніе задачи: «Я знаю самую суть этого дѣла, пишетъ онъ; напугавши всѣхъ критикой, я могу теперь успокоить доктриной, и мнѣ не нужно вовсе ни отказываться отъ своихъ словъ, ни опровергать самого себя, ни противорѣчить себѣ. Я шелъ по добродушному пути и теперь достигъ цѣли; дѣло сдѣлано, отыскано, завоевано». Живя уже въ добровольномъ изгнаніи, не принимая участія въ ежедневной общественной и газетной борьбѣ, Прудонъ, все-таки, продолжалъ быть мишенью ѣдкихъ и ожесточенныхъ нападовъ, со стороны всей тогдашней либеральной прессы. Въ письмѣ къ Ланглуа, отъ 30-го декабря, онъ перечисляетъ журналы, не перестававшіе

нападать на него не только въ Парижѣ, но и въ Бельгii. При этомъ онъ изумляется: почему именно на него устремлено столько непониманiя, злости, выхожденiя? «У меня нѣтъ журнала,—пишетъ онъ,—я не отвѣчаю нигдѣ, я сочиняю книги, нахожусь внѣ Францiи: что же мнѣ еще сдѣлать для того, чтобъ совершенно ступешаваться? Давнымъ-давно я воздерживаюсь отъ нападевоъ на какую-бы то ни было личность или партiю; я сказала даже нѣсколько добрыхъ словъ объ орлеанской фамилiи; въ массѣ я не подслуживаюсь. Она меня совсѣмъ и не знаетъ. Чего же отъ меня добиваются?» И онъ не скрываетъ отъ Ланглуа, что приметъ отплачивать противникамъ своимъ, такъ какъ обстоятельства перемѣнились, и онъ не будетъ уже сдерживаться тѣмъ, что было въ 1852 и 1853 годахъ.

III.

Къ новому, 1862 г. Прудонъ рѣшилъ не принимать предложенiй на счетъ еженедѣльнаго журнала и съѣздить въ Парижъ до окончанiя своей книги о Польшѣ, принимавшей подъ его перомъ все бблшiе и бблшiе размѣры, такъ что уже отъ 2-го января онъ пишетъ Гуверню о необходимости отложить поѣздку до Пасхи. Окончательное же переселенiе во Францiю онъ все откладываетъ и не видитъ никакихъ побуждающихъ мотивовъ торопиться съ этимъ. Въ письмѣ къ Бутвиллю, отъ 6-го января, онъ увѣряетъ, что у него нѣтъ никакого политическаго честолюбiя, что онъ совсѣмъ не желалъ бы принимать кандидатуру въ законодательный корпусъ, что ему вовсе не хочется также дѣлаться журналистомъ; и такъ какъ онъ ни мало не вѣритъ сколько-нибудь радикальной перемѣнѣ политическихъ обстоятельствъ, то и признается, «что ему вездѣ хорошо въ качествѣ зрителя, присутствующаго при распаденiи своей страны и всей старой Европы». Ему достаточно и той небольшой публики, которая поддерживаетъ его своей симпатiей и позволяетъ жить перомъ. «Я желаю лишь,—заванчиваетъ онъ это признанiе,—обработать нѣсколько загнанныхъ мною трудовъ, резюмировать мою идею, послѣ чего мнѣ останется: спокойно ожидать смерти». Материальными результатами истекшаго года Прудонъ былъ вообще доволенъ и говоритъ въ одномъ письмѣ, что у него прapасено средствъ на цѣлый годъ, а къ 1863 г. онъ надѣется заплатить до 10 тысячъ франковъ старыхъ долговъ, уплачивая теперь новыхъ долговъ на 1,700 франковъ. Сло-

вомъ, денежные обстоятельства пошли бы, по его оцѣнкѣ, прекрасно, еслибъ онъ не чувствовалъ физическаго утомленія. Онъ жалуется въ особенности на то, что очень часто долженъ оставлять работу по предписаніямъ врача, какъ разъ въ такіе минуты, когда идея назрѣваетъ и является энергія умственнаго труда. Онъ даже считаетъ себя достойнымъ всякаго сожалѣнія, и говоритъ: «печально отдавать дань старости въ то время, когда чувствуешь себя какою-нибудь цѣну». И въ самомъ дѣлѣ, прочитывая его большое письмо, отъ 17-го января, къ Ланглуа, никто не подумаетъ, что этотъ человѣкъ былъ уже такъ значительно утомленъ жизненными испытаніями и физическими недугами. Въ этомъ письмѣ Прудонъ сначала оправдывается въ томъ:— будто бы, по увѣренію пріятеля его Ланглуа, онъ *перемѣнилъ свою тактику, какъ мыслитель и публицистъ*. Все свое поведеніе объясняетъ онъ крупными штрихами и показываетъ его послѣдовательность, убѣждая въ то же самое время своего единомышленника въ томъ, что никто въ данную минуту не поднялся надъ событіями такъ, какъ ихъ кружокъ. «Мы такъ же новы, пишетъ онъ,—въ настоящую минуту, какъ и въ 1848 году. Въ этомъ-то и заключается результатъ моей предполагаемой тактики». Далѣе онъ говоритъ, что съ лѣтами и обстоятельствами сдѣлался гораздо доступнѣе людямъ всякихъ оттѣнковъ, оставаясь все такъ же непреклоннымъ въ своихъ принципахъ. По его глубокому убѣжденію, надо до поры до времени ждать и ни въ какомъ случаѣ не представлять изъ себя секты. «Дѣло состоитъ теперь вовсе не въ республикѣ, и не въ конституціонной монархіи, и не въ имперіи, а во всемъ въ чемъ иномъ, что намъ прежде всего и нужно показать и притомъ показать ни слишкомъ поздно, ни слишкомъ рано». Онъ находитъ также, что старый свѣтъ повертывается въ ихъ сторону и приводитъ нѣсколько фактовъ въ доказательство. «Мнѣ не извѣстно, — говоритъ онъ, — долго ли продержится императорское правительство и попытается ли оно поддерживать себя инициативой политическаго движенія. Но что бы ни случилось: будетъ ли оно низвергнуто или преобразовано, въ обоихъ случаяхъ я не вижу ничего, кромѣ насъ, кто бы могъ съ нимъ ли или послѣ него дѣйствовать, или, по-крайней-мѣрѣ, говорить, совѣтовать, провозглашать право и науку. Когда явится такая альтернатива, — я не знаю, но я знаю, что она явится».

Медленность, съ какою Прудонъ работалъ надъ книгой о Польшѣ, объяснялась тѣмъ, что онъ не могъ писать больше двухъ часовъ въ день. Кромѣ того, онъ взялся, еще не докончивъ книги, за разработку вопроса о литературной собственности, и этотъ

эпюдъ, опять-таки, затянулся болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ успокоиваетъ Шодэ, въ письмѣ отъ 15-го февраля, замѣтившаго ему: какъ бы теорія собственности не помѣшала его сочиненію о Польшѣ, и чтобъ эти два вопроса не стѣсняли другъ друга: «Я искалъ въ исторіи, — отвѣчаетъ Прудонъ, — цѣлаго ряда событій, которыя могли бы служить мнѣ рамкой для моей теоріи, какъ разъ въ то время, когда завязался споръ между Реньо и мною въ газетѣ «*Presse*»; и я тотчасъ же увидалъ, что Польша — именно то, что мнѣ нужно было. Судьба этой націи — простая подробность въ моей книгѣ, демонстративный фактъ; суть же сочиненія заключается въ идеѣ». Въ тотъ же день, въ письмѣ къ Гувернэ, онъ прибавляетъ слѣдующія слова: «сочиненіе мое о Польшѣ идетъ впередъ. Это — трудъ по исторической критикѣ, который открываетъ много новыхъ горизонтовъ, заставитъ затрепетать отъ радости Пруссію, Австрію и Россію, произведетъ скрежетъ зубовъ у демократовъ и вызоветъ смертную блѣдность у поляковъ». А черезъ недѣлю онъ увѣряетъ Шодэ, что знаетъ польскій вопросъ лучше, чѣмъ вопросъ литературной собственности, и что его книга явится новымъ откровеніемъ, особенно во Франціи, гдѣ ничего хорошенько не знаютъ. «Наша бѣдная нація, — говоритъ онъ съ обычной своей горечью, — падаетъ съ каждымъ днемъ самымъ жалкимъ образомъ: буржуазія банкротится, чернь околѣваетъ съ голоду, самая раса дѣлается анемической, золотушной, склонной къ мнѣохондріи; красная демократія волнуется, орлеанизмъ залуگانъ и не знаетъ что дѣлать; правительство организуетъ само заговоры социалистовъ для того, чтобъ поддерживать свои выборы. Никто не хочетъ думать, разсуждать; принципъ никѣмъ не признается. Словомъ сказать, — мы погибаемъ».

Вопросъ литературной собственности давно интересовалъ Прудона, и онъ не могъ не откликнуться на рѣчь Валуевскаго, назначеннаго въ это время президентомъ въ парижской комиссіи, гдѣ поддерживалась идея, противъ которой Прудонъ не переставалъ ратовать. Въ письмѣ къ д-ру Кретену, отъ 4-го марта, онъ извѣщаетъ его о скоромъ выходѣ въ свѣтъ особенной брошюры, подъ названіемъ: «Литературный майоратъ». Тутъ же онъ высказываетъ желаніе выступить съ новой, независимой критикой же-демократическаго движенія и закончить свою критику собственности своеобразной защитой этого учрежденія въ книгѣ о Польшѣ. Онъ мечтаетъ вполнѣ примирить среднюю буржуазію съ социализмомъ, къ чему онъ и прежде не разъ стремился. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ въ письмѣ къ Шодэ, отъ 7-го марта. Вопросъ литературной собственности до такой степе-

ни волнуешь его, что онъ считаетъ побѣду своихъ противниковъ, если она состоится, смертельнымъ ударомъ, окончателно нанесеннымъ идеямъ 89 г. Но его брошюра встрѣтила на первыхъ же порахъ затрудненіе въ Парижѣ. Братья Гарнье подвергли ее собственной цензурѣ и потребовали разныхъ измѣненій, вызвавшихъ объяснительное письмо Прудона отъ 11-го марта. Эта эпизодическая работа сильно задержала окончаніе книги о Польшѣ. Замѣчательно также, что Прудонъ проситъ у Альтмейера, бельгійскаго профессора, указать ему на какой-нибудь компендіи по исторіи Польши, признаваясь въ письмѣ къ нему отъ 29-го марта, что онъ еще не прочелъ ни одного систематическаго изложенія польской исторіи, хотя и приготовилъ уже почти въ печати цѣлыхъ два тома объ этой странѣ. Отказъ парижскаго типографа — напечатать его брошюру о литературной собственности, заставилъ его обратиться къ редактору брюссельскаго журнала «Office de publicité» съ цѣлой запиской или, лучше сказать, съ цѣлымъ памфлетомъ, гдѣ онъ доказываетъ, что деспотизмъ, овладѣвшій Франціей, заключается не въ одномъ произволѣ императора, а въ дѣйствіяхъ цѣлой арміи крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ. Свой отчаянный взглядъ на разрѣшеніе вопроса о литературной собственности въ исключительномъ интересѣ писателей высказываетъ онъ и въ большомъ письмѣ къ Ланглуа, отъ 12-го апрѣля, гдѣ его мрачное отношеніе къ современной Франціи проявляется во всей силѣ. Все это не давало ему ни минуты покоя и заставляло терять множество времени, на что онъ и жалуется г. де-Фонтену, отъ того же числа, говоря, что сердце у него давно уже больное и весь онъ нравственно подавленъ, хотя голова и сохраняетъ еще свѣжесть. Кромѣ того, новое катарральное недоровье заставило его недѣли на двѣ почти совсѣмъ отказать отъ работы. Онъ уже не думаетъ съѣздить въ Парижъ раньше іюля, а состояніе его здоровья слишкомъ хорошо показало ему, что климатъ въ Брюсселѣ можетъ окончателно убить его, съ чѣмъ онъ и соглашается въ письмѣ къ Шодэ, отъ 5-го мая. Въ тотъ же день извѣщаетъ онъ г. Боннона, что надѣется переселиться во Францію въ сентябрѣ. Въ этомъ письмѣ онъ въ первый разъ перечисляетъ все то, что наработалъ въ Брюсселѣ. Трудъ этотъ сводится къ новому передѣланному изданію книги «О Справедливости», мемуару въ свою защиту, сочиненію «Война и миръ», этуду о податяхъ и брошюру о литературной собственности, не считая, конечно, множества заготовленнаго матеріала и начатыхъ изслѣдованій. Пессимизмъ Прудона идетъ все *crescendo*, въ чемъ нѣтъ,

конечно, ничего удивительнаго, если сообразить, какъ мало этотъ человѣкъ имѣлъ личныхъ удовлетвореній; но односторонность этого пессимизма объясняется все-таки гораздо больше самой натурой Прудона, чѣмъ его обстоятельствами. Прочитывая его безпрестанныя сѣтованія о Франціи, нельзя не видѣть, что въ это время онъ утратилъ свой прежній, болѣе философскій взглядъ на развитіе человѣчества, что онъ вдался въ болѣе идеализмъ, въ менѣе терпимую систематику политическаго моралиста. Впрочемъ, самъ онъ сознается, что старость беретъ свое, и что онъ чувствуетъ ея захваты. Но, сознаваясь въ этомъ, въ письмѣ къ другу своему Бергману, отъ 14-го мая, онъ все-таки желаетъ еще сказать послѣднее слово— «выразить въ немногихъ страницахъ ясно и просто, чего онъ хочетъ, чему онъ вѣрить и кто онъ таковъ». И тутъ же подвергаетъ онъ строгой нелицеприятной критикѣ всѣ свои недостатки, какъ мыслителя и писателя, пробѣляя своихъ знаній, несовершенства природы и умственнаго развитія.

Брошюру о литературной собственности онъ напечаталъ въ Брюсселѣ и хотѣлъ ее везти во Францію, но и это не удалось: посланные имъ для пробы экземпляры были задержаны цензурой. По этому поводу онъ долженъ былъ обращаться къ Даримону, бывшему тогда депутатомъ въ законодательномъ корпусѣ, съ которымъ онъ немного поздне имѣлъ непріятности. А парижскіе типографы продолжали отказываться отъ печатанія брошюры, даже вопреки издателямъ братьямъ Гарнье. Отвлекаясь хлопотами и непріятностями отъ книги о Польшѣ, Прудонъ все расширялъ ея рамки и еще болѣе къ ней пристрастился. Отъ 12-го іюня мы находимъ письмо къ г. Фирксу на тѣму Польши и Россіи, гдѣ стоитъ такое соображеніе: «какъ бы то ни было, скажу еще разъ, что если моя книга доставитъ какую-нибудь удачную идею славянскому міру, это чрезвычайно польститъ мнѣ. А пока я совершенно согласенъ съ вами: лучше въ дѣлѣ правительства имѣть какую-нибудь систему, чѣмъ ровно ничего; но искренно желаю все-таки, чтобъ Россія воздержалась отъ всякой системы, равно какъ и отъ всякаго рода безпорядка. Одно изъ самыхъ крупныхъ правилъ, какое, по моему мнѣнію, можно будетъ вывести изъ моей книги, это то, что нація или, лучше сказать, правительство, насколько оно служитъ подлинному выраженію національнаго духа, не имѣетъ системы; оно слѣдуетъ лишь требованіямъ права, которое допускаетъ и приводитъ въ порядокъ всякаго рода идеи, всѣ силы, всѣ обстоятельства, ничего не исключаетъ и умѣетъ выводить изъ простыхъ формулъ здраваго смысла рѣшенія, необходимыя благу націи и славѣ го-

сударства». И никакъ нельзя было бы ожидать, что среди этихъ заботъ и несприятностей, при нездоровьи и чувствѣ необезпеченности, пришло вдругъ желаніе Прудону—пуститья опять въ журнализмъ, а между тѣмъ онъ сообщаетъ объ этой мысли Шодэ, отъ 23-го іюня, и спрашиваетъ его совѣта. Ему кажется, что настала благоприятная минута, и онъ совсѣмъ собрался подать просьбу министру Персиньи. Хотя изъ этого желанія и не вышло ничего (какъ мы увидимъ дальше), но оно въ немъ живетъ нѣсколько недѣль, и, въ то же время, онъ отказываетъ двумъ книгопродавцамъ, предложившимъ ему изданіе полнаго собранія сочиненій, говоря, что многое изъ напечатаннаго имъ онъ желалъ бы совсѣмъ выкинуть, и что онъ не увѣренъ, пройдетъ ли то, что онъ оставитъ, во Францію. Къ 17-му іюля, судя по письму къ Гувернэ, онъ приступилъ уже къ повѣствовательной части своей книги о Польшѣ, и смѣло ожидаетъ дѣлаго гвалта, какой вызоветъ все сочиненіе у поляковъ, венгерцевъ, итальянцевъ, яковинцевъ, сенъ-симонистовъ и т. д. Въ этотъ самый періодъ произошла его временная размолвка съ Даримонемъ, съ которымъ онъ однакоже въ концѣ іюля опять возобновилъ сношенія. Размолвка вышла изъ того, что Даримонъ счелъ себя скомпрометтированнымъ статьей Прудона, напечатанной въ Бельгii, а въ сущности выказалъ при этомъ только свою щекотливость, мелкое самолюбіе и даже трусливость. Къ началу августа Прудонъ увлеченъ былъ опять въ сторону—вопросомъ объ итальянскомъ единствѣ и сталъ готовить статью для брюссельскаго журнала «Office de publicité». Въ письмѣ отъ 9-го августа, написанномъ изъ Спа, къ Шодэ, онъ говоритъ уже объ экземплярахъ этой статьи, направленной главнымъ образомъ на Маццини. Поѣздка въ Спа его, однако, не развлекала, и онъ вернулся оттуда еще болѣе утомленнымъ, чѣмъ былъ, отправляясь туда. Его статья о Маццини вызвала, однако же, въ Бельгii много протестовъ и ввязала его въ полемику, которая имѣла для него весьма несприятныя послѣдствія, какъ мы сейчасъ увидимъ. Но на этотъ разъ Прудонъ совершенно послѣдовательно доказалъ, что Маццини, приставъ къ итальянскому движенію 1859 г., впалъ въ явное противорѣчіе со всѣмъ своимъ предыдущимъ политическимъ поведеніемъ, а потомъ, побуждая къ единству, нарушилъ, по мнѣнію Прудона, республиканскіе принципы и социалистическія стремленія, которыя началъ якобы раздѣлять, тогда какъ прежде выказывалъ себя врагомъ ихъ. Мысль Прудона выясняется всего ярче въ письмѣ къ Огюсту де-Фонтену, отъ 22-го августа. Онъ видитъ въ принципѣ единства національностей величайшую опас-

ность для общественнаго обновленія. Образованіе большихъ государствъ поведеть, по его мнѣнію, только въ цезаризму и отодвинеть назадъ ту общественную задачу, которую онъ и его единомышленники поставили передъ Европой въ 1848 г. Но эти совершенно серьёзные соображенія были очень плохо поняты, и въ Бельгіи еще хуже, чѣмъ въ Парижѣ. Газета «Echo du parlement» сильнѣе другихъ схватилась съ Прудономъ, а остальные либеральные органы высказались также противъ него. Въ двухъ письмахъ къ Феликсу Деляссу, отъ 12-го и 13-го сентября, написанныхъ изъ Спа, онъ вѣдается въ подробности этой полемики, затѣянной противъ него, главнымъ образомъ, журналистомъ Бонифасомъ; а черезъ день онъ пишетъ тому же Деляссу, что противъ него тридцать два журнала, пошедшихъ по стопамъ «Echo du parlement». Только семь журналовъ осмѣлились защищать его, а два воздержались отъ полемики. Въ его статьѣ бельгійская журналистка увидѣла почему-то тайную пропаганду идеи о необходимости присоединенія Бельгіи къ Франціи. Разумѣется, Прудонъ протестовалъ энергически, но не имѣлъ времени окончательно разубѣдить всѣхъ. Тотчасъ по его возвращенія въ Брюссель, 16-го сентября, въ 9 ч. вечера, у его дома собралась толпа и произвела враждебную демонстрацію, при крикахъ: *Vive la Belgique, à bas les annexionistes!* Объ этомъ онъ рассказываетъ въ письмѣ къ издателю газеты «Office de publicité», заявляя ему, что онъ не поспѣетъ своимъ отвѣтомъ въ теченіи недѣли; а на другой день онъ пишетъ тому же издателю уже изъ Парижа, куда онъ тотчасъ же уѣхалъ. Въ письмѣ къ Феликсу Деляссу, отъ 21-го сентября, рассказываетъ онъ не только о первой, но и о второй, уже болѣе серьёзной демонстраціи, бывшей на другой же день. Всю эту неприятнѣйшую для него исторію онъ выясняетъ разными мотивами: и желаніемъ бельгійскаго правительства поддержать идею національности, и тѣмъ, что въ его статьяхъ о Маццини и Гарибальди разоблачена была англо-бельгійская интрига, клонившаяся къ тому, чтобъ заставить Наполеона III вывести войска изъ Рима, и агитаціей масоновъ, заинтересованныхъ въ вопросѣ паденія папской власти. Какъ бы то ни было, но онъ долженъ былъ окончательно вернуться во Францію скорѣе, чѣмъ ожидалъ, и выразить своему корреспонденту-бельгійцу искреннее сожалѣніе при видѣ того, какъ легко увлечь даже такой добрый и разсудительный народъ, какъ бельгійцы, первой попавшейся нелѣпостью или грубой клеветой. Кончаетъ онъ, однакоже, увѣренностью, что рано или поздно сама Бельгія воздастъ ему должное. И въ самомъ дѣлѣ, мотивъ

его бѣгства изъ Брюсселя является въ высшей степени курьезнымъ: публицистъ, который всегда возставалъ противъ идеи соединенія Бельгіи въ Франціи, и по политическимъ соображеніямъ и по чувству справедливости, за то только былъ обвиненъ въ совершенномъ противномъ бельгійскимъ народомъ, что выражалъ мнѣнія по-своему. Такъ онъ и пишетъ Альфреду Мадье-Монжо, отъ 21-го сентября, сожалѣя, что не можетъ участвовать въ конгрессѣ соціальной науки, который состоялся какъ разъ осенью 1862 г. въ Брюсселѣ. Онъ собирался даже произнести на немъ небольшую рѣчь, въ которой желалъ показать: какъ социализмъ, «пройдя черезъ разныя мытарства, отъ 1820 до 50 г., все-таки всплылъ наверхъ, вышелъ, такъ-сказать, изъ могилы и явился даже передъ Европой подъ покровительствомъ международнаго конгресса, задавшагося идеей *соціальной науки*».

Сообщая о насильственномъ своемъ переселеніи изъ Брюсселя въ Парижъ, Прудонъ оговаривается, впрочемъ, что онъ уже давно собирался вернуться на родину и откладывалъ переѣздъ только по чисто дѣловымъ и хозяйственнымъ соображеніямъ. Нѣсколько послѣшно обобщаетъ онъ свои впечатлѣнія, найдя, что Франція упала даже гораздо ниже, чѣмъ онъ этого ожидалъ. Правительство, по его мнѣнію, лишилось всякой руководящей нити. «Но дѣло состоитъ не въ томъ, чтобъ побѣдить его, — добавляетъ онъ: — надо возстановить разумъ французскаго народа, совѣсть нашего отечества, возжечь свѣточъ въ мірѣ іезуитства, доктринерства, банократіи и милитаризма. Въ этомъ — все мое честолюбіе. Другимъ же я предоставляю заботу объ очищеніи конюшней». Въ такомъ же духѣ написано къ Мадье-Монжо и письмо отъ 2-го октября, гдѣ Прудонъ еще разъ высказываетъ нравственную для себя необходимость: углубиться въ изысканія принциповъ, такъ какъ ничего другого не остается дѣлать. Переѣхавъ въ Парижъ, онъ тотчасъ принялся за печатаніе брошюры объ итальянскомъ единствѣ. По его увѣренію, въ письмѣ къ Деляссу, отъ 30 октября, брошюра эта произвела такое же волненіе во Франціи, какъ и статья его о Гарибальди — въ Бельгіи. Передъ тѣмъ онъ съѣзжалъ въ Брюссель, чтобъ перевести семейство, такъ что только къ 1-му ноябрю онъ опять могъ приняться за работу — все на ту же тему національнаго единства, но съ прибавкой новаго элемента, который разросся въ цѣлый самостоятельный этюдъ о федераціи. Чтобъ показать ходъ своихъ публицистическихъ идей одному изъ старыхъ пріятелей, г. Милье, онъ пишетъ отъ 2-го ноября: «Вся тайна моихъ сочиненій заключается въ томъ, по моему мнѣнію, что если мы желаемъ идти впередъ

въ знаніи общественной жизни, мы не можемъ отступить ни передъ какииъ выводомъ критики, куда бы она насъ ни привела, потому что хотя одна половина истины насъ порой и смущаетъ, вся ея совокупность успокоиваетъ насъ и приводитъ въ восхищеніе. Чтобъ привести вамъ примѣръ этой метода, замѣчу мимоходомъ, что, начавши въ 1840 г. *анархіей*, т.-е. выводомъ моей критики, направленной на правительственную идею, я долженъ былъ кончить *федерацией*, необходимымъ основаніемъ международнаго европейскаго права, а позднѣе и организаціей всѣхъ государствъ. Легко видишь, какъ надъ всѣмъ этимъ царствуютъ *логика, право и свобода*; и какъ только общественный порядокъ будетъ прямо держаться за свободу и совѣсть гражданина, *анархія*, т.-е. отсутствіе всякаго стѣсненія, всякой полиціи, власти, магистратуры, регламентаціи и т. д., сдѣлается равнозначущею самой высшей соціальной добродѣтели, а слѣдовательно — и идеаламъ человѣческаго правительства. Конечно, намъ еще далеко до этого и пройдетъ много вѣковъ, прежде чѣмъ этотъ идеалъ будетъ достигнутъ; но нашъ *законъ* заключается въ томъ, чтобъ идти въ этомъ направленіи и безпрестанно приближаться къ цѣли: въ таковомъ-то смыслѣ я еще разъ и поддерживаю принципы федерациі. Меня упрекаютъ въ томъ, что моя мысль совпадаетъ съ имперіей и епископствомъ; но подобное совпаденіе чисто матеріальнаго характера, чисто случайное; да еслибъ оно и было такъ, я не только не стану жаловаться, а, напротивъ, поздравляю себя. Я лишень лицемѣрія, заставляющаго нападать на людей, случайно встрѣтившихся мнѣ на моемъ пути, хотя ими и руководятъ принципы, диаметрально противоположные моимъ. Я же, напротивъ, думаю, что хорошій вкусъ, разумное поведеніе, болѣе здоровая политика требуютъ протянуть имъ гостепріимную руку». А далѣе онъ возвѣщаетъ свой отвѣтъ на «лай» журналовъ, по выраженію его корреспондента. Французская либеральная и демократическая пресса напала на него за послѣднюю брошюру такъ же сильно, какъ и за все предыдущее. Д-ру Кретену онъ пишетъ отъ 4-го ноября, что дожидается только статьи газеты «Débats», чтобъ приступить къ своему полемическому отвѣту и чувствуетъ все большую потребность работать. Книгопродавецъ Дантю, съ которымъ онъ вошелъ въ дѣла, торопитъ его выпускомъ въ свѣтъ новой брошюры на ту же тему, и Прудонъ пишетъ ему отъ 8-го ноября, что только на другой день принимается за работу, а до тѣхъ поръ хотѣлъ выждать полнаго впечатлѣнія на публику и прессу своей первой брошюры. До его свѣдѣнія дошло, что редакторы либерально-демократическихъ газетъ отправились къ

директору департамента прессы — предупредить правительство, что они въ полемикѣ съ Прудонъ должны будутъ по необходимости говорить вещи, не совсѣмъ пріятныя высшимъ сферамъ. Прудонъ спрашиваетъ объ этомъ Даримона письмомъ отъ 13-го ноября, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но, впрочемъ, не смущаясь возможностью подобнаго поступка. Черезъ шесть дней у него уже готова черновая брошюра, и онъ находится въ сильномъ раздраженіи противъ парижской прессы. «Я не удовольствуюсь тѣмъ, что раздаваю эту гнусную расу, — пишетъ онъ г. Бюзону отъ 19-го ноября: — я хочу на этотъ разъ смѣло поднять знамя отдѣленія (т.-е. своего собственнаго устраненія отъ всякой солидарности съ тогдашней демократіей), я хочу разорвать всякую связь съ этой вликой интригановъ и начать *очистительное* дѣйствіе, какъ говорилъ Робеспьеръ, — авось оно приведетъ къ возрожденію разума и совѣсти демократовъ. Все это требовало размышленія, много ловкости, благоразумія, потому что я со всѣхъ сторонъ окруженъ опасностями. Надъ моей головой виситъ Дамокловъ мечъ духовенства; на мою грудь устремлены императорскіе штыки, а сзади съ праваго и съ лѣваго бока ядовитые стилеты якобинцевъ. И болѣе ловкіе, чѣмъ я, могутъ погибнуть; себя же я поручаю правдѣ и удачѣ революціонной идеи». И тутъ же онъ сообщаетъ, что его отвѣтъ разрастается на два листа. То же самое пишетъ онъ и Деляссу, съ которымъ сохраняетъ, по передачѣ изъ Бельгіи, пріятельскія сношенія. Изъ всѣхъ его печатныхъ противниковъ только одинъ Моренъ смутилъ его нѣсколько своей статьей въ Лионской газетѣ «Progrès». Онъ проситъ Шоде, письмомъ отъ 20-го ноября, доставить ему первую половину статьи, и надѣется, что Моренъ откажется отъ своихъ возраженій послѣ отвѣта Прудона. Но брошюра его разрослась болѣе чѣмъ на два листа. Записка отъ 22-го декабря книгопродавцу Дантю показываетъ, что и въ концѣ декабря Прудонъ все еще сидѣлъ надъ корректурами, и цѣлую недѣлю почти ничего не работалъ, страдая головными припадками. Печатаніе затянулось даже до 7-го января. Отъ этого числа Прудонъ проситъ у Дантю впередъ 1,200 франковъ, говоря, что онъ сидитъ совершенно безъ копѣйки. Здоровье его опять расклеивается, голова начинаетъ болѣть все больше и больше, и въ письмѣ къ де-Фонтену отъ 14-го января онъ сравниваетъ ее съ бочкой: такъ она тяжела, — прибавляя, что даже тихая прогулка производитъ въ немъ головокруженіе и тошноту. Раздраженный нападками прессы, онъ все увеличивалъ и увеличивалъ объемъ своего отвѣта, и къ 14-му января брошюра имѣла уже 300 страницъ. Ея идея: федеративные

принципы и состояніе современной демократіи — вполне выяснилась и заняла главное мѣсто. «На этотъ разъ, — говоритъ онъ, — я дѣлаю призывъ всѣмъ мнѣ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ друзьямъ; я во-дружаю знамя федерализма, до сихъ поръ выброшенное за предѣлы Франціи. Не пугайтесь этого слова, и только бы мнѣ соединить вокругъ себя развитое и смѣлое меньшинство, я могу предсказать, что новый дух охватитъ Францію и Европу». Въ этомъ же письмѣ находится такое описаніе его трудового дня: «я работаю съ утра до полудня: это самое священное для меня время; послѣ обѣда я немного прогуливаюсь, почти до 3-хъ часовъ, и возвращаюсь домой уже совсѣмъ, развѣ какое-нибудь дѣло вызоветъ меня въ Парижъ». И въ тотъ же день, т.-е. 14-го января, онъ обращается къ своему издателю Дантю съ просьбой, показывающей, какъ для него были всегда дороги принципы писательской честности, серьезности, умственного труда. Когда онъ прочелъ всю свою брошюру въ корректурныхъ листахъ, имъ овладѣло желаніе передѣлать ее и превратить изъ полемическаго памфлета въ серьезный этюдъ. Онъ былъ вызванъ рѣзкими и злыми нападками парижской прессы, и чувство личнаго раздраженія слишкомъ отразилось на тонѣ брошюры, повредило единству принципа и заставило его вдаться въ слишкомъ полемическіе приемы. Но какъ только онъ успокоился и въ состояніи былъ подвергнуть свою работу строгому контролю, онъ пришелъ къ рѣшенію измѣнить общій тонъ 2-ой и 3-ей части и сдѣлать вполне хорошую книгу, проникнутую серьезнымъ принципомъ, отвѣчающую на потребности минуты. Матеріальное же измѣненіе будетъ заключаться въ томъ, что онъ прибавитъ страницъ 20 новыхъ, столько же переставитъ и перемѣнитъ въ равныхъ мѣстахъ по нѣсколькѣ строкъ. Онъ увѣряетъ издателя, что появленіе книги въ такомъ видѣ черезъ недѣлю будетъ выгодно и въ смыслѣ ея успѣха. Прудонъ ожидалъ появленія ея въ печати не позднѣе 10 февраля. Онъ жалуется, однако, г. Бювону въ письмѣ отъ 31 января, на то, что ему понадобилось цѣлыхъ три мѣсяца, чтобъ выпустить въ свѣтъ одну какую-нибудь брошюру. Онъ очень хорошо сознаетъ всѣ недостатки этого этюда, — говоритъ, что книжка имѣетъ странную виѣшность, что идея, вложенная въ нее, «громадна», но что она по своему внутреннему составу нѣчто разношерстное, мѣстами очень сильная вещь, мѣстами же чрезвычайно скудная. Объясняя ея заглавіе: «О федеративномъ принципѣ и необходимости пересоздать революціонную партію», онъ смотритъ на нее какъ на попытку *рѣшенія политической задачи*. Лично ему вещь эта не нравится, какъ не вполне удавшаяся,

не смотря на глубину и плодотворность идеи, которую онъ считаетъ неопровержимой. «Во Франціи, — говоритъ онъ въ заключеніе письма къ г. Бюзону, — существуютъ, конечно, элементы федерализма; нужно ихъ сгруппировать. За насъ стоять право, достовѣрность, опытъ 80-ти-лѣтняго ретрограднаго движенія по системѣ, противной намъ. Мы увѣрены въ томъ, что возьмемъ верхъ, какъ только дѣло дойдетъ до преній; противъ насъ останутся лишь предрасудки воображенія и идеализма, привычка, а съ ними покончить время». Слова эти, казалось бы, дышать бодростью человѣка вполне здороваго, не утратившаго силы въ борьбѣ, а между тѣмъ въ тотъ же самый день Прудонъ жалуется въ письмѣ къ г. Пенэ на свою физическую слабость. Онъ не можетъ выносить ни ходьбы пѣшкомъ, ни omnibusа. Уже 10 лѣтъ какъ медики требуютъ, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца въ году пользовался абсолютнымъ спокойствіемъ, а онъ не только не могъ слѣдовать этому совѣту, но съ каждымъ годомъ все больше и больше отягчалъ себя работой. И, несмотря на все это, у него достаетъ энергіи не только на то, чтобъ вести борьбу въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ и книгъ, онъ задумываетъ основать еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ «Федерация», и просить объ его разрѣшеніи въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 5-го февраля. Отвѣтъ онъ получаетъ не скоро. Въ ожиданіи егo подготавливаетъ книгъ о федеративномъ принципѣ пріемъ въ сочувственной ему прессѣ, и пишетъ Даримону отъ 6-го февраля въ этомъ смыслѣ. А потомъ и еще письмо отъ 11-го февраля, гдѣ онъ напоминаетъ Даримону, что тотъ представляетъ собой въ редакціи газеты «Presse» принципъ социализма. «Необходимо, — пишетъ онъ, — чтобъ демократія была: мы или *ничто*. Вотъ въ чемъ заключается дилемма. Если мы не сдѣлаемся революціей, всей революціей, мы не что иное, какъ мелкіе писаки, клика въ другой кликѣ; мы тогда будемъ недостойны оставаться на сценѣ. Намъ надо будетъ удалиться. Тогда дѣйствительно выйдетъ, что я просто забіяка, а вы мой подручный, въ чемъ и теперь насъ упрекають. А я ни подъ какимъ видомъ не хочу этого признать, да увѣрять, что и вы не признаете. Минута настала, я схватилъ ее на-лету, и постарался, какъ только могъ, нанести страшный ударъ. Вамъ теперь нужно говорить, положеніе ваше чрезвычайно выгодно».

Книгу о Польшѣ онъ собирается выпустить въ скоромъ времени, и замѣчаетъ въ письмѣ къ старому своему пріятелю Милье, отъ 11-го февраля, что ему, конечно, непріятно будетъ побить подьяковъ какъ разъ въ то время, когда они и безъ того побиты,

почему онъ и хочетъ переждать событія, т.-е. происходившее тогда возстаніе. «Вы можете мнѣ повѣрить, — заканчиваетъ онъ: — этотъ польскій вопросъ вообще всего меньше извѣстенъ въ нашемъ вѣкѣ; это самая большая мистификація, какой когда-либо ублажала себя французская демократія. Я знаю это дѣло совершенно, потому что занимался имъ долго и разносторонне, и могу вамъ ручаться за одно, что послѣ моей обработки больше ужъ никто говорить о немъ не будетъ». Другу своему Бергману признается онъ въ письмѣ, написанномъ на другой же день, что его книга о федеративномъ принципѣ стоила ему Геркулесовыхъ усилій. Онъ говоритъ дальше, что, быть можетъ, Бергманъ осудить его за слабодушіе, и найдетъ, что не слѣдовало выпускать въ свѣтъ вещь, которой самъ авторъ не совсѣмъ доволенъ. «Но ты знаешь, — оправдывается онъ, — что беременная женщина не можетъ располагать ни часомъ, ни минутой: она родитъ тамъ, гдѣ ей случится быть и какъ придется, иногда безъ боли, въ другой же разъ съ ужасными страданіями, оставляющими неизгладимые слѣды. Я былъ въ точно такомъ же положеніи: какимъ бы ни вышелъ ребенокъ, дѣло въ томъ, что необходимо было идти впередъ». Отвѣта изъ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи ему журнала Прудонъ все еще не получалъ; но, судя по письму къ Шарлю Белю отъ 16-го февраля, онъ группируетъ вокругъ себя кружокъ будущихъ сотрудниковъ, а самъ Шарль Белю, какъ человекъ состоятельный, по всей вѣроятности обѣщавъ ему необходимый фондъ на изданіе. Къ 20-му февраля вышла книга Прудона о федеративномъ принципѣ. Посылая ее въ Брюссель къ Феликсу Деляссу, онъ еще разъ говоритъ, что не особенно доволенъ этой вещью, хотя ее суть и кажется ему не только новой, но и неоспоримой. Онъ находитъ даже, что *республика*, какъ онъ всегда разумѣлъ ее, существовавшая до того времени въ видѣ идеальнаго и нѣсколько туманнаго начала, нашла, наконецъ, свое *опредѣленіе*, по которому современная демократія можетъ направить свой путь и обсудить свою будущность. Онъ очень хорошо знаетъ, что тотчасъ же вызоветъ множество возраженій и противорѣчій, но надѣется при этомъ, что, мало-по-малу, въ передовой Франціи образуется совершенно новая партія, которая поглотитъ всѣ остальные. Книгу о Польшѣ рассчитываетъ онъ кончить въ іюлю. По текущей же внутренней политикѣ Прудонъ рекомендуетъ своимъ друзьямъ, начиная съ Шодэ, въ дѣлѣ предстоящихъ выборовъ, принципъ *устраненія отъ всякаго участія*, мотивируя его на этотъ разъ бесплодностью того перваго опыта, который демократія сдѣлала на предыду-

пихъ выборахъ. Тутъ же, въ письмѣ отъ 24-го февраля, онъ спрашиваетъ у Шодэ совѣта: не пуститъ ли ему протестъ противъ политики французскаго правительства въ польскомъ вопросѣ? Ему совсѣмъ не нравятся студенческія манифестаціи, бывшія въ Парижѣ въ пользу поляковъ, и восклицаетъ: «Должно быть, никогда во Франціи не будетъ царствовать здравый смыслъ!» Продолжая переписываться на тѣму своихъ послѣднихъ изданій, Прудонъ говоритъ въ письмѣ къ г. Гранклеману, отъ 28-го февраля: «я всегда тороплюсь узнать извѣстную вещь, объять извѣстное количество вѣрныхъ идей, и когда эрудиція недостаточно мнѣ помогаетъ, я не церемонюсь и прибѣгаю къ способности угадыванья». Это признаніе въ высшей степени характерно. Прудонъ самъ объясняетъ въ немъ причину многихъ своихъ парадоксовъ. При всей его добросовѣстности и любви къ труду онъ, какъ идеалистъ, черезчуръ часто довольствовался своей «способностью угадывать», замѣняя ею кропотливый анализъ. Такъ и въ польскомъ вопросѣ: какъ французъ, онъ изучилъ его болѣе чѣмъ современные ему парижскіе публицисты; но далеко не такъ, какъ бы можно было для полнаго и всесторонняго обсужденія историческихъ судебъ и современнаго положенія этой страны. Въ томъ же письмѣ къ Гранклеману онъ возвращается къ польскому вопросу, и характеризуетъ возстаніе въ крупныхъ чертахъ, находя, что узелъ всѣхъ внутреннихъ броженій заключается въ *собственности*, по его мнѣнію, нигдѣ, какъ слѣдуетъ, не удовлетворенной въ различныхъ частяхъ Польши. Положеніе польскаго крестьянства выставляетъ онъ бѣдственнымъ, а объ землевладѣніи русскаго крестьянина говоритъ, что земля перешла къ крестьянамъ (вѣроятно послѣ освобожденія) «только въ видѣ *пользованія*». Настоящимъ же очагомъ реакціи и крѣпостничества считаетъ онъ опять-таки Польшу, или, точнѣе выражаясь, тогдашнихъ противниковъ русскаго правительства. И вотъ это-то, по его мнѣнію, и повело польскую національность къ окончательной гибели.

Желаніе найти какую-нибудь поддержку въ журнализмѣ заставляетъ Прудона обратиться съ письмомъ къ редактору газеты «*Presse*» Эмилю Жирардену, настроивая въ этомъ смыслѣ и сотрудника той же газеты, Даримона. Впечатлѣніе книги о федерализмѣ вышло, однако же, благопріятнѣе, чѣмъ онъ рассчитывалъ. Уже въ письмѣ отъ 1-го марта къ Гюставу Шодэ онъ говоритъ о множествѣ сочувственныхъ писемъ, полученныхъ имъ изъ Парижа или провинцій. Идея книги вошла тотчасъ же въ сознаніе. Ему вѣжется даже, что въ мнѣніи мыслящихъ людей съ-разу рухнула и конституціонная монархія, и доктринаризмъ, и цезаризмъ,

и лобизинство, и клерикализмъ. «Всѣ удивляются, — продолжаетъ онъ, — какъ я могъ выбраться изъ каши, какую я заварилъ по поводу итальянской федераціи, какъ я страхнулъ съ себя всякое обвиненіе въ желаніи поддержать папство, бурбоновъ и борясь, вдобавокъ, съ кѣмъ же? — со всей прессой и демократіей. Теперь пресса что-то такое бормочетъ, а демократы повѣсили носы». Онъ рѣшилъ тотчасъ-же выпустить свой этюдъ «О литературныхъ майоратахъ», а черезъ три недѣли взяться за избирательный вопросъ. По выходѣ книги о федеративномъ принципѣ Прудонъ уже совершенно отдѣлился отъ всей тогдашней, такъ-сказать, казенной демократіи, что и высказываетъ совершенно открыто и ясно въ письмѣ къ Шарлю Морару отъ 4-го марта. Онъ на этотъ разъ знаетъ, что его положеніе будетъ еще тяжеле и, бросая взглядъ на все свое прошлое, какъ мыслитель и гражданинъ, говоритъ: «вотъ уже болѣе 30-ти лѣтъ, какъ я привыкъ поддерживать вопросы, покинутые другими; я работаю вопреки надеждъ, *in zpe contra zpem*, какъ выражался св. Павелъ. Вы понимаете, стало быть, что я рѣшился идти впередъ, во что-бы то ни стало. Съ меня довольно истины и права». Но онъ чувствуетъ нравственную потребность дать какою-нибудь временную поддержку людямъ, сочувствующимъ ему. Ему хотѣлось бы хотя въ зародышѣ образовать, сплотить, направить партію федераціи. Вотъ для этого-то онъ и началъ хлопотать о разрѣшеніи ему журнала. Пустивши въ сознаніе такую идею, какова идея федераціи, онъ не считаетъ уже возможнымъ ограничиваться одними теоретическими сочиненіями, выпускомъ въ свѣтъ книгъ, посредствомъ которыхъ онъ сообщаетъ съ публикой разъ, много два въ годъ. Ему вовсе не хочется быть главой школы и партіи, но онъ не можетъ забросить идею, высиженную имъ самимъ. «Но какъ мы приступимъ къ нашей федераціи? — спрашиваетъ онъ своего корреспондента. — По-моему, надобно на нѣкоторое время оставить этотъ великій принципъ въ состояніи высиживания (*incubation*), разработать идею, приобрести уваженіе, довѣріе, симпатіи путемъ точныхъ, ясныхъ доказательствъ и обобщеній. Но кажется ли вамъ такой благоразумный путь самымъ лучшимъ средствомъ, чтобъ впоследствии идти скорымъ шагомъ? Я не говорю вамъ, чтобъ такое поведеніе соотвѣтствовало вполнѣ моему натурѣ, но вы легко поймете, что дѣло тутъ не во мнѣ самомъ, а въ идеѣ, въ самой сути дѣла. Бѣдная наша нація падаетъ все больше и больше. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ во-очію совершается ея паденіе. Всѣ серьезные люди, всѣ сторонники французской чести, испытываютъ то же надсадное чувство, и каждый спрашиваетъ

себя: когда же покончатся эти дни тоски и позора? Осталось ли въ массѣ настолько добродѣтели, чтобъ съ помощью сильной и вѣрной мысли можно было добиться хотя какого-нибудь исправленія?» Что же касается до своей собственной роли, то Прудонъ прибавляетъ дальше: «Самъ по себѣ я ничего не могу сдѣлать! У меня есть перо и добрая воля; тѣло уже истощено, мозгъ ужасно утомленъ, домашняя нужда оставляетъ мнѣ мало времени и ресурсовъ. Поэтому я спрашиваю: можемъ ли мы составить извѣстную группу, начать извѣстныя дѣйствія, нравственное и умственное движеніе, раздѣлаться съ чистымъ умозрѣніемъ и положить основу новой Франціи».

IV.

Успѣхъ его послѣднихъ изданій въ нравственномъ смыслѣ обошелся ему довольно дорого вслѣдствіе окончательнаго разрыва съ демократіей, чего онъ и не скрываетъ въ письмѣ къ земляку своему Морису, отъ 5-го марта. Но тутъ же онъ мирится съ неизбежной долей постоянной борьбы и битвы. «Надо или истребить противника, или рѣшиться на то, чтобъ васъ съѣли живого». Все его желаніе заключается въ томъ, чтобъ дѣйствовать внѣ всякаго шарлатанства и душевнаго рабства. «Я хочу, чтобъ со мной обращались сообразно моему достоинству. Я желаю говорить все, что я думаю, и подчинить себя принципу справедливости. А изъ-за этого, какъ вы видите, и выходитъ война. Невозможно освободиться изъ нея, поэтому-то я и продолжаю бодро воевать, и чѣмъ становлюсь старше, тѣмъ дѣлаюсь рѣшительнѣе. Я ничего не упускаю, чтобъ привлечь разумъ на свою сторону, и тогда уже дѣлаюсь неумолимымъ и наносю удары точно какой духъ-истребитель». А нѣсколько далѣе онъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, попавшимъ въ темную пещеру, наполненную разбойниками. Онъ можетъ безъ разбора колотъ каждаго изъ нихъ, въ то время, какъ враги его находятся въ нерѣшительности, опасаясь перерѣзать другъ друга. По вопросу выборовъ онъ собирается дѣйствовать какъ публицистъ и поддерживаетъ переписку съ Даримономъ, давая ему разныя указанія и совѣты, несмотря на то, что въ это время онъ чувствуетъ себя очень слабымъ и говорить даже, что «въ головѣ у него какой-то компотъ». Онъ пишетъ Феликсу Делассу отъ 15-го марта, что часть демократіи высказалась въ его пользу, но оффиціозная и оппозиціонная пресса напала на него до такой степени, что продажа отъ этого

пострадала. Въмѣсто 20 или 30 тысячъ продано всего 4, но онъ все-таки доволенъ. Его противники пустили въ ходъ и другое средство: игнорировать его дѣятельность; но онъ и этимъ не смущается. «Развѣ истина, — спрашиваетъ онъ въ письмѣ къ Огюсту де-Фонтену отъ того же 15-го марта, — не проигрываетъ отъ этой недобросовѣстной тактики? Пускай ихъ дѣлаютъ что хотятъ, пускай интриганы молчать и укрываются. Будьте увѣрены, что бичъ, карающій критиковъ, доберется до нихъ». Онъ, конечно, пустился бы въ дальнѣйшую полемику, еслибъ не состояніе его здоровья. Онъ дошелъ до такого нервнаго раздраженія, что не можетъ ни думать, ни писать. Доктора уже давнымъ-давно предписали ему, по-крайней-мѣрѣ, три мѣсяца въ году отдыхать, а онъ въ послѣдніе три-четыре года работалъ какъ каторжный, и даже теперь не хочетъ оставить своихъ занятій, прежде чѣмъ не выпустить брошюры о предстоящихъ выборахъ. Да, вдобавокъ, корреспонденція его поддерживается все съ тѣмъ же оживленіемъ, и даже чисто теоретическія тѣмы занимаютъ въ ней большое мѣсто; такъ, напр., въ письмѣ къ г. Клеру отъ 16-го марта заключается подробное развитіе тѣхъ идей, которыя руководили имъ въ двухъ послѣднихъ большихъ сочиненіяхъ «О Справедливости» и «Война и миръ». Внутренно Прудонъ долженъ былъ жить, во весь этотъ періодъ, ожиданіемъ новой дѣятельности журнала, къ которой его все-таки, волей-неволей, влекло. Но, прождавши очень долго, онъ получилъ, наконецъ, отвѣтъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ отказомъ, на который пишетъ новое просительное письмо къ министру отъ 10-го апрѣля. Ему показалось, что по тексту отвѣта запрещеніе касается не вообще предполагаемаго имъ журнала, а только *заглавія*, почему онъ и предлагаетъ на одобреніе министра другое заглавіе: «Всеобщая подача голосовъ», находя, что обстоятельства говорятъ въ его пользу, и что министръ не откажетъ ему, наконецъ, передъ самими выборами въ законодательный корпусъ, зная, что его журналъ будетъ независимъ и проникнутъ искренностью, между тѣмъ какъ существующіе органы періодической прессы «злоупотребляютъ, болѣе чѣмъ когда-либо, своей привилегіей, чтобъ вводить общественное мнѣніе въ заблужденіе по всѣмъ вопросамъ внутренней и иностранной политики». Эту послѣднюю тираду онъ могъ бы, конечно, и не вводить въ свое прошеніе. Въ тотъ же день обращается онъ съ очень добродушнымъ и блестящимъ письмомъ къ Эжену Ноэлю, автору «Записокъ дурака», предлагая ему въ видѣ шутки называть другъ друга «кузенами», на подобіе того, какъ это дѣлается между коронованными особами.

Эженъ Ноэль прислалъ ему свой этюдъ о Вольтерѣ, какъ видно заново имъ передѣланный. Прудонъ сочувствуетъ его взгляду на публицистическую дѣятельность Вольтера, на то, что Вольтеръ писалъ по общественнымъ вопросамъ не въ блестящую эпоху своей чисто литературной дѣятельности, а уже подъ старость. Онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобъ сообщить и Ноэлю о своемъ полномъ разрывѣ съ демократами, которыхъ называетъ «*citoyens de peau*». «Но что мнѣ за дѣло до симпатій этихъ слѣпцовъ и до популярности? Надо спасти революцію, говорю я вамъ, хотя бы мнѣ это стоило жизни и свободы». Окончательное свое мнѣніе о необходимости абсолютнаго неучастія въ выборахъ для каждаго истиннаго демократа Прудонъ высказалъ въ брошюрѣ, озаглавленной «*Les démocrates assermentés et les réfractaires*». Она была кончена уже 10 апрѣля, и въ кружкѣ Прудона долженъ былъ образоваться комитетъ, съ цѣлью противоудѣйствовать участию демократовъ въ выборахъ.

Вся переписка съ Шодэ, съ Шарлемъ Белэ, съ Даримономъ, съ д-ромъ Дюпа, относящаяся къ апрѣлю мѣсяцу, вертится около политическаго интереса минуты. Видно, что Прудонъ, несмотря на утомленіе, способенъ былъ снова принять горячее участіе въ политической борьбѣ, хотя, на этотъ разъ, она и заключалась въ принципѣ совершеннаго устраненія, для его единомышленниковъ, отъ всякой публичной роли. Онъ посвящаетъ даже длинное письмо, отъ 2-го мая, Альфреду Даримону, желая сдѣлать послѣднюю попытку: убѣдить этого честолюбиваго пріятеля не ставить свою кандидатуру. Но видно уже, что ихъ пріятельскія отношенія висятъ на волоскѣ. Въ маѣ переписка вращается около того же мотива. Въ письмѣ къ Шарлю Белэ, отъ 9-го числа, Прудонъ даетъ даже, отъ себя, списокъ членовъ комитета подъ предсѣдательствомъ Бастида, куда вводитъ и свое имя. До половины мая онъ еще доволенъ, и надѣется на то, что въ Парижѣ массы демократовъ положатъ бѣлые бюллетени, показавъ этимъ свой безусловный протестъ. Съ Даримономъ же онъ долженъ былъ окончательно разойтись, что мы видимъ изъ письма отъ 14-го мая, по крайней мѣрѣ, по политическому поведенію. Но не только такіе честолюбивые люди, какъ Даримонъ, — и многіе изъ ближайшихъ пріятелей Прудона, вовсе не желавшіе играть роли, смутились идеей затѣяннаго имъ комитета, такъ что онъ черезъ нѣсколько дней махнулъ рукой на выборы.

Въ оппозицію все-таки попали и прежніе депутаты и нѣсколько новыхъ. Онъ и его друзья ограничились напечатаніемъ манифеста, про который тотчасъ же пустили слухъ, будто бы онъ

такъ пріятель полиціи, что она сама всячески распространяетъ его. Ему остается утѣшать себя тѣмъ, что и либеральная пресса, съ ожесточеніемъ напавшая на него, сама какъ-бы работаетъ надъ тѣмъ, чтобъ парализовать значеніе новыхъ оппозиціонныхъ выборовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ онъ г. де-Фонтену отъ 4-го іюня. Свое гражданское чувство вылилъ онъ въ новой брошюрѣ, которая должна была служить продолженіемъ «Присяжнымъ демократамъ». Но вообще онъ работаетъ гораздо меньше, страдая головными припадками, на что и начинаетъ жаловаться въ срединѣ лѣта. Въ это время вышла книга Ренана «Жизнь Іисуса». Прудонъ пишетъ, по поводу ея, нѣсколькимъ пріятелямъ, и въ первый разъ заявляетъ, что и онъ постоянно имѣлъ въ виду обработать ту же тѣму, но, конечно, на совершенно другой почвѣ. Онъ одобряетъ Ренана за то, что тотъ свелъ вопросъ на историческую почву и заставилъ публику прочесть свою книгу съ интересомъ романа, но вовсе не соглашается съ нимъ въ характеристикѣ Іисуса Христа, на котораго онъ посмотрѣлъ, слѣдуя своимъ собственнымъ мистическимъ идеямъ, извративъ, по мнѣнію Прудона, настоящую сущность той общественной и нравственной пропаганды, которую произвелъ Іисусъ. Это мнѣніе Прудона повторяется въ нѣсколькихъ письмахъ, скорѣе въ добродушномъ, чѣмъ въ раздраженномъ тонѣ, несмотря на то, что Ренанъ, такъ-сказать, предвосхитилъ у него, не зная того, идею книги. Къ августу его вторая брошюра о выборахъ еще не готова, и онъ чувствуетъ необходимость отдохнуть, жалуясь все больше и больше на состояніе своего мозга. Къ концу августа онъ ужъ занятъ совершенно другимъ вопросомъ. Въ письмѣ къ Бушону, отъ 24-го августа, сообщаетъ онъ о своемъ новомъ эподѣ по поводу картины живописца Курбѣ. Первоначально хотѣлъ онъ написать о ней всего четыре страницы, но эти четыре страницы очень скоро превратились въ 160 и послужили ядромъ той книгѣ «О реализмѣ въ искусствѣ», которая издана была уже послѣдствіи и переведена на русскій языкъ.

И какъ ему ни необходима была поѣздка на родину, чтобъ сколько-нибудь восстановить свои силы, онъ долженъ былъ отъ нея отказаться, и прямо говорить въ письмѣ къ Шодэ, отъ 11-го сентября, что расходъ въ 200 франковъ совершенно превышалъ его средства. Въ томъ же письмѣ есть задушевное изліяніе, стоящее почти одиноко во весь этотъ періодъ парижской жизни Прудона: «охотно сознаю,—пишетъ онъ,—что моя печальная судьба сложилась немножко и по моей винѣ: я расточительно обещался съ моимъ недурнымъ запасомъ таланта и интеллиген-

ціи. Я слишкомъ мало заботился о своихъ интересахъ, я работалъ порывисто и черезъ-чуръ горячечно и т. д. Но отъ этого мои современники вовсе не дѣлаются лучше. Та эпоха, когда ошибки въ родѣ моихъ такъ ужасно наказываются, между тѣмъ какъ масса мошенниковъ пользуется такимъ легкимъ успѣхомъ,—ужь, конечно, не эпоха прогресса. Я думаю, что мы находимся въ полномъ разложеніи, и чѣмъ больше я признаю, что былъ всегда жертвой черезъ-чуръ большого великодушія, тѣмъ меньше сохраняю довѣрія къ жизненности моей націи. Я не вѣрю ни въ будущность, ни въ какую-либо человѣчную миссію французскаго народа; и чѣмъ скорѣе мы исчезнемъ со сцены, тѣмъ лучше это будетъ для цивилизаціи и рода человѣческаго». Въ своемъ мрачномъ настроеніи сознается онъ и въ письмѣ къ Огюсту де-Фонтену отъ 29-го сентября, жалуясь на то, что не можетъ уже по прежнему работать,—оставляетъ неоконченными нѣсколько вещей, которыя прежде были бы, конечно, давнымъ давно обработаны. Даримону (онъ съ нимъ продолжаетъ еще переписку) говоритъ онъ въ письмѣ, отъ 25-го октября, что дѣлыхъ четыре мѣсяца прошло у него въ прогулкахъ, въ чтеніи, въ дѣланіи замѣтокъ, въ собираніи новыхъ матеріаловъ, но онъ въ этотъ періодъ ничего окончательно не написалъ. И чѣмъ ближе подходилъ новый годъ, тѣмъ его годовые итоги дѣлаются грустнѣе. Онъ сознается даже въ письмѣ къ Бюзону, отъ 27-го октября, что, по крайней мѣрѣ, уже полгода, какъ пораженъ «какимъ-то литературнымъ, политическимъ и философскимъ отвращеніемъ, дѣлающимъ его совершенно равнодушнымъ во всему и не позволяющимъ вовсе писать». Одна внутренняя политика сколько-нибудь оживляетъ его, и на политическую тему пишетъ онъ новую брошюру—о трактатахъ 1815-го года, предлагая ее книгопродавцу Дантю въ письмѣ отъ 12 октября, но эта брошюра не была еще готова и въ двадцатыхъ числахъ этого мѣсяца, а появилась только въ декабрь. Въ ней онъ, какъ извѣстно, тоже задѣваетъ вопросъ о Польшѣ, но его большая книга по польскому вопросу все еще осталась неоконченной. О Польшѣ пришлось ему полемизировать съ новымъ корреспондентомъ, Люсьеномъ Жотранъ, католикомъ и защитникомъ польскаго дворянства. Въ доводахъ Прудона, находящихся въ этомъ письмѣ, есть въ особенности одинъ, весьма замѣчательный по своей правдѣ и пронизательности. Говоря о польскомъ дворянствѣ, онъ отрицаетъ его историческую миссію на томъ основаніи, что славянская раса «не выносить кастъ». А въ концѣ письма онъ требуетъ, чтобъ вся прогрессивная Европа помогла Россіи: «въ

эмансипации народа, въ созданіи его собственности, въ образованіи буржуазіи (?), въ уничтоженіи дворянства, въ реформѣ ея правительства, въ ея подчиненіи европейскому праву и всемірной федераціи». Брошюра Прудона вызвала сочувственный отголосокъ русскаго публициста Фиркса (Шедо-Феротти), о чемъ Прудонъ упоминаетъ въ письмѣ къ Шоде, отъ 14-го декабря. Вообще же онъ, на этотъ разъ, усилилъ только неприязнь къ себѣ всѣхъ старыхъ партій, а демократовъ съ якобинскимъ отъѣнкомъ болѣе чѣмъ всѣхъ другихъ, и принужденъ былъ вступить въ полемику съ газетой «Siècle». Поведеніе журналистовъ, въ родѣ Эмиля Жирандена, возмущаетъ его во всемъ этомъ дѣлѣ, и въ письмѣ къ Даримону, отъ 31-го декабря, онъ въ первый разъ характеризуетъ редактора газеты «Presse» по его заслугамъ: «г. де-Жиранденъ, говорю вамъ прямо, въ моихъ глазахъ—скверное вліяніе, которое нужно уничтожить. Съ этой нездоровой совѣстью слѣдуетъ бороться, что я и сдѣлаю, какъ только въ состояніи буду писать въ какомъ-нибудь періодическомъ изданіи». Брошюру Шедо-Феротти, изданную въ Брюсселѣ, рекомендуетъ онъ въ тотъ же самый день редактору газеты «Courrier français». Годъ заканчивается большимъ дружескимъ письмомъ къ г. Пенэ, гдѣ Прудонъ уговариваетъ его не вдаваться въ бесплодную ипохондрію по тому только поводу, что онъ пораженъ глухотой. Все это письмо проникнуто необычайной силой убѣжденія, идеальной чистотой помысла, и такимъ стоицизмомъ, котораго, конечно, нельзя было встрѣтить ни въ одномъ изъ современниковъ Прудона, игравшемъ какую-нибудь роль въ тогдашнемъ Парижѣ.

V.

Вплоть до двадцатыхъ чиселъ января 1864 года переписка Прудона не двигается: онъ опять сильнѣйшимъ образомъ заболѣлъ катарромъ, какой мучилъ его въ Брюсселѣ. Только въ первыхъ числахъ февраля почувствовалъ онъ себя лучше, хотя и восклицаетъ въ письмѣ къ Матею, отъ 8-го числа, что онъ «никогда еще не былъ болѣе несчастливъ и унылъ». Немного оправившись къ 15-му февраля, онъ сообщаетъ Бергману, что дописываетъ небольшую вещь въ сто страницъ «О конституціонномъ движеніи въ XIX вѣкѣ», а отвѣчая на вопросъ друга: какъ ему вообще живется, резюмируетъ слѣдующимъ образомъ свое положеніе въ прессѣ: «помимо заблужденій и недостатковъ, прису-

щихъ всякой человѣческой мысли, я ухитрился сдѣлать такъ, что вся пресса во враждѣ со мной—официальная и неофициальная, демократическая, орлеанистская и легитимистская, пресса классическая и романтическая. За всякій случай отдѣлать меня хватаются, точно мнѣ не все равно, какія вещи обо мнѣ говорятъ; всего же чаще нарочно воздерживаются». Къ марту мѣсяцу въ Парижѣ вышелъ манифестъ рабочихъ, поддерживающій выборы въ законодательный корпусъ депутата изъ рабочей же среды. Комитетъ, выпустивши этотъ манифестъ, обращается къ Прудону, прося высказать его мнѣніе, такъ какъ онъ дѣйствовалъ въ смыслѣ полного воздержанія отъ какова бы то ни было участія въ выборахъ. Другой, на мѣстѣ Прудона, почувствовалъ бы необходимость какъ-нибудь извернуться въ такой щекотливой дилеммѣ, но онъ вышелъ изъ нея побѣдоносно, оставшись послѣдовательнымъ и честнымъ до конца. Отвѣтъ его представляетъ собой небольшую брошюру; онъ помѣченъ 8-мъ марта 1864 года. Вначалѣ Прудонъ разбираетъ вопросъ о специальномъ представительствѣ рабочаго класса, и находитъ, что французскіе рабочіе имѣютъ несомнѣнное право посылать своими представителями людей своей же среды, такъ какъ Франція и послѣ революціи 1789 года раздѣлена, несомнѣнно, на два класса людей: на представителей капитала и всякаго рода прерогативъ и на трудовую массу. Но послѣ государственнаго переворота 2-го декабря представительство потеряло всякую соціально-демократическую почву. Оно связало себя съ тогдашнимъ реакціоннымъ и буржуазно-консервативнымъ порядкомъ цѣлымъ рядомъ вотированій, которыя наложить на всякаго представителя народной массы нравственное обязательство быть солидарнымъ съ прошедшимъ этой палаты, чего никакъ допустить нельзя. По смыслу и духу конституціи, каждый избиратель можетъ подать или не подать голосъ за кандидата, имѣть даже право протестовать противъ всякаго избранія посредствомъ бѣлыхъ бюллетеней, или выбирая человѣка, который не можетъ попасть въ палату потому, что не захочетъ принять присягу и по другимъ какимъ-либо причинамъ. Онъ указываетъ на депутатовъ оппозиціи, въ родѣ Жюль Фавра, Мари и другихъ, и изобличаетъ ихъ въ томъ, что они торжественно отреклись отъ всякой солидарности съ соціалистами. Стало быть, эта оппозиція только предастъ дѣло трудовой массы, и всякій новый представитель, присоединившійся къ нимъ, будетъ служить доказательствомъ, что рабочіе сами согласятся на продленіе императорскаго режима, по крайней мѣрѣ, на тотъ срокъ, на который выбираются депутаты, т. е. на шесть лѣтъ.

«Демократы!—воскликаетъ онъ въ концѣ своего обращенія:—ваше поведеніе строго намѣчено. Вотъ уже 15 лѣтъ, какъ слѣпая реакція добивается того, чтобы поставить васъ внѣ права, внѣ правительства, внѣ политики. Но вы сами себѣ создали свое теперешнее положеніе, оно есть результатъ заговора *старыхъ партій*. Ими руководить одна мысль, и эта мысль несогласна съ осуществленіемъ той политической, экономической и соціальной справедливости, которую вы призываете всей вашей душой. Ихъ соединяетъ одна присяга; она есть символъ ихъ союза, зашпана, поставленная тщеславію легкомысленныхъ демократовъ». И онъ предлагаетъ имъ поднести цивическій вѣнокъ тому, кого они хотятъ почтить своимъ выборомъ, но не проституировать его, превращая въ депутата такой палаты, которая преисполнена отъявленныхъ враговъ трудовой массы».

«Я сдѣлался школьнымъ учителемъ нашей жалкой черни», пишетъ Прудонъ г-ну Бюзону, отъ 11-го марта, и называетъ своимъ настоящимъ врагомъ тогдашнюю парламентскую оппозицію; а она всячески старалась сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ демократіи. Статья газеты «*Presse*», направленная на него, заставила его обратиться съ отвѣтомъ къ редактору, отъ 31-го марта. Въ этомъ письмѣ Прудонъ спрашиваетъ: почему же именно сдѣлался онъ подозрительной личностью въ глазахъ тѣхъ, кто управляетъ демократической партией? Вся его вина заключается лишь въ томъ, что онъ посмотрѣлъ иначе на вопросъ участія демократовъ въ законодательномъ корпусѣ и осмѣлился высказать это прямо и рѣзко. Такъ прошли у Прудона послѣдніе мѣсяцы зимы 63 и 64 годовъ, и въ апрѣлю онъ еще ничего не могъ предпринять серьезнаго и даже докончить нѣсколько брошюръ по разнымъ вопросамъ, лежавшихъ у него на столѣ. «Этотъ годъ (т.-е. 1864), — пишетъ онъ Огюсту де-Фонтену, отъ 15-го апрѣля, — будетъ для меня роковымъ». И онъ на этотъ разъ не ошибался, потому что весь 1864 годъ прошелъ для него въ физическихъ страданіяхъ, и только восемнадцать днями пережилъ онъ его. Тотъ катарръ, который онъ схватилъ въ Брюсселѣ, настолько развился, что перешелъ въ одышку. Даже съ наступленіемъ настоящей весны не чувствовалъ онъ большого облегченія и жалуется на нездоровье въ другомъ письмѣ къ тому же де-Фонтену, отъ 1-го мая; вдобавокъ, бьется, какъ бы брошюра, приготовляемая имъ къ печати, не вышла очень слабой. Въ это же время онъ продолжалъ свой этюдъ объ искусствѣ. Его пріятель, живописецъ Курбѣ (написавшій лучший портретъ Прудона), побуждалъ его поскорѣе

явиться передъ публикой съ защитой реального искусства. Въ письмѣ къ Шодэ, отъ 1-го іюня, Прудонъ собирается засѣсть окончательно за эту книгу, какъ только прочтетъ послѣднюю корректуру политической брошюры; но тутъ случилась новая бѣда. Прудонъ схватилъ рожу и пролежалъ между жизнью и смертью цѣлый мѣсяць. Братья Гарнье прислали ему въ концѣ этой болѣзни 500 франковъ, за которые онъ горячо благодаритъ ихъ въ письмѣ отъ 1-го іюля, указывая на тяжелую болѣзнь, необходимость сповойствія и предупреждая ихъ, что въ скоромъ времени онъ не можетъ имъ доставить никакой рукописи. Матеріальныя его дѣла были такъ плохи въ эту минуту, что онъ принужденъ былъ попросить займа у своего брюссельскаго пріятеля Делясса двѣ тысячи франковъ, чтобы просуществовать до конца года, т.-е. на этотъ разъ до конца своего земного поприща. Новая болѣзнь, случившаяся съ нимъ въ іюнь, на нѣкоторое время какъ-бы прервала припадки катарра и удущья, но вскорѣ они опять появились, осложнившись нервными страданіями. Пріятелямъ и друзьямъ продолжаетъ онъ писать довольно большія письма, но въ каждомъ изъ нихъ есть сознаніе упадка силъ, не позволяющаго ему и думать о большихъ работахъ. Получивъ отъ Делясса пріятельскую ссуду въ двѣ тысячи франковъ, онъ пишетъ ему письмо, преисполненное не одной признательности, но и новыхъ надеждъ на то, что послѣдній періодъ его литературной карьеры будетъ самый серьезный и рѣшительный. «Помимо болѣзни, — добавляетъ онъ, — я могу надѣяться еще на 10 или 12 лѣтъ добраго труда; мнѣ больше и не нужно. У меня столько еще разныхъ вещей и въ головѣ и въ сердцѣ!» Но ему не суждено было прожить и семи мѣсяцевъ. Удивляется онъ также, въ этомъ письмѣ, собственной смѣлости — писать объ искусствѣ; но предупреждаетъ, что въ его книгѣ будутъ опять совершенно новыя идеи. Только къ половинѣ іюля считалъ онъ себя вполне выздоровѣвшимъ; а доктора и въ особенности его пріятель гомеопатъ, д-ръ Кретень, увѣряли его въ это время, что, устоявъ противъ натиска такой болѣзни, какъ рожа, онъ совершенно обновится, чему онъ, свѣрѣя сердце, вѣрилъ. «Увы! — восклицаетъ онъ съ неподдѣльной грустью, какъ-бы протестуя не-хотя противъ такихъ завѣреній: — я, какъ устарѣлый атлетъ, иду теперь вспять, я плачу, глядя на мои исхудалые члены, размягченныя мышцы, истощенные нервы. У меня остается только сердце съ неизсяваемымъ огнемъ. Вотъ это-то и дѣлаетъ меня больнымъ. Но я хочу биться до конца, и такъ какъ я не могу уже замѣнить вѣрность ударовъ ихъ быстротой и силой, я те-

перь дѣйствую съ оглядкой, а это заставляетъ меня медлить, даетъ моей мысли больше обдуманности, а слогу больше благо-разумія и сосредоточенности. Я не хочу умирать, не развивши моей *идеи* до самаго конца; въ особенности же не хочу умирать не насладившись нѣсколькими пораженіями враговъ. Я поклялся сдѣлать это, и теперь изливаю мою кровавую клятву въ вашу уязвленную душу». Слова эти обращены къ г. Бюзону, въ письмѣ отъ 15-го іюля. Но, какъ мы свазали, катарръ началъ опять овладѣвать имъ. Чтобы поддерѣпить свои силы, онъ задумалъ поѣздку на родину, живя въ это время въ долгъ и рассчитывая къ новому 1865 г. встать опять на ноги. Книгопродавцы Гарнье обѣщали ему вѣрный доходъ въ 10 тысячъ франковъ, если онъ возьмется писать по литературнымъ вопросамъ и броситъ политику. Кромѣ того, журналъ «*Nain Jaune*» предложилъ ему 7200 франковъ въ годъ за доставленіе четырехъ статей въ мѣсяцъ. Но онъ отказался отъ этого сотрудничества, зная, что редакторъ журнала — лицо не совсѣмъ чистое въ политическомъ отношеніи. Замѣчательно, что въ это время переписка Прудона съ Эженомъ Ноэлемъ (авторомъ «*Записокъ дурака*») коснулась вопроса, стоящаго совершенно въ сторонѣ отъ обычныхъ умственныхъ интересовъ Прудона: вопроса о *самопроизвольномъ зарожденіи*, по поводу сочиненія француза Пушэ, защитника этой гипотезы. Прудонъ, не признавая за собой права быть компетентнымъ судьей, высказываетъ однако свои симпатіи защитникамъ самопроизвольнаго зарожденія. Онъ познакомился также и съ теоріей Дарвина. Въ одномъ изъ писемъ на эту тему онъ высказываетъ такой взглядъ, что обособленіе видовъ въ настоящей періодъ животной жизни можетъ быть очень легко согласуемо съ происхожденіемъ ихъ путемъ постепенныхъ метаморфозъ; онъ считаетъ даже *твореніе* и *преобразование* синонимами. Эти мысли, показывающія, какъ въ Прудонѣ чутки были всѣ научно-философскіе инстинкты, изложены въ письмѣ къ Эжену Ноэлю, отъ 16-го августа. Черезъ пять дней онъ отправился на родину, гдѣ и пробылъ около мѣсяца. Его прогулка не особенно хорошо повлияла на здоровье, хотя онъ много гулялъ, отдыхалъ, ничего не писалъ и даже не читалъ журналовъ. По возвращеніи, онъ пишетъ Феликсу Деляссу, отъ 9-го октября, довольно грустное и большое письмо съ такимъ взглядомъ на свою судьбу: «вотъ я опять запряженъ въ мой тяжелый плугъ. Ахъ, я теперь чувствую больше, чѣмъ когда-либо: какъ бы я ни старался и ни утомлялся, у меня никогда не будетъ ни покоя, ни отставки. Надо умереть на бреші». Говоря о современномъ состояніи об-

щества и рисуя его самыми мрачными красками, онъ надѣется прожить настолько, чтобы видѣть начало конца. Въ 10-му октября онъ уже извѣщаетъ д-ра Кретена, что его «простуда гнѣтъ»; а черезъ пять дней чувствуетъ себя еще хуже. По ночамъ онъ не можетъ спать и свободно дышать, ему кажется даже, что воздухъ лишень совсѣмъ кислорода. Голова продолжаетъ быть свѣтлой и въ перепискѣ заявляетъ себя проблесками умственныхъ интересовъ. Но бороться съ разрушающимся тѣломъ дѣлается ему уже совсѣмъ не подь-силу. Въ письмѣ, отъ 30-го октября, къ Бюзону, онъ говоритъ: «какъ только я вернулся, тотчасъ же захватилъ меня кашель и катарръ; д-ръ Кретенъ объявляетъ, что нужно заняться этой новой болѣзью, прежде чѣмъ хлопотать о старой, т.-е. объ одышкѣ, а это еще пока не кончено. Вы знаете поговорку: «когда запускають насморкъ, онъ длится 40 дней, когда лечатъ его, онъ беретъ 6 недѣль», а я навѣрно провожусь и три мѣсяца, а тамъ придетъ Рождество, я опять снова схвачу простуду до Пасхи.

«Нужды нѣтъ, я, все-таки, захотѣлъ засѣсть за работу. Каждый день отъ 7 до полудня я выполняю свою обязанность, обязанность отвратительную, внушаемую мнѣ печалью, гнѣвомъ, желаніемъ смерти, но я еще не кончилъ. Въ настоящую минуту мнѣ слѣдуетъ написать еще около 60 страницъ, и вотъ сегодня удушье такъ усилилось, что я не могу ничего работать». Этотъ бюллетень, написанный самимъ больнымъ, краснорѣчиво можетъ показать, въ какихъ условіяхъ добивалъ Прудонъ свою чернорабочую жизнь. Но онъ все-таки такъ крѣпится, что продолжаетъ и писать и читать новыя книги. Такъ, въ письмѣ къ Шодэ, отъ 4-го ноября, есть сужденіе объ извѣстной книгѣ Кинглека. Читаетъ онъ и журналы, раздражаясь ихъ общимъ недоброжелательствомъ и постоянными нападками, обращенными на его взгляды и личность. Къ концу ноября болѣзнь усилилась, а работать все-таки *нужно было*, на что онъ безъ лишнихъ жалобъ, но очень горько указываетъ Феликсу Делассу въ письмѣ отъ 23-го ноября. Это весьма большое письмо—въ концѣ переписки Прудона. Въ немъ онъ настолько еще интересуется политическимъ движеніемъ, что подводитъ итоги всѣмъ вопросамъ, поднятымъ такъ-называемой либеральной политикой, находя, конечно, что ни одинъ изъ этихъ вопросовъ, начиная съ итальянскаго и кончая свободнымъ обмѣномъ въ торговыхъ сношеніяхъ, ничего не далъ Франціи и не привелъ ни къ какимъ здоровымъ результатамъ. Отъ 30-го ноября значитъ первое небольшое письмо, которое Прудонъ *не могъ уже самъ писать*, а продик-

тогда своей дочери, Катеринѣ. Оно адресовано земляку и приятелю его Морису. Послѣ того идутъ въ перемежку письма, написанныя имъ самимъ, или же продиктованныя дочери. Большинство ихъ въ д-ру Бретену съ описаніемъ все усиливающихся припадковъ одышки, въ которой вскорѣ присоединились отеки ногъ и все большая и большая потеря силъ, такъ что онъ уже не могъ почти, къ концу декабря, встать съ постели. Кромѣ д-ра Бретена приглашенъ былъ другой врачъ, Кюри; но Прудонъ былъ такъ деликатенъ передъ своимъ приятелемъ-гомеопатомъ, что сдѣлалъ это приглашеніе съ его согласія, о чемъ и говорится въ письмѣ отъ 29-го декабря, написанномъ также его дочерью. Благодарственная записка написана Катериной Прудонъ, отъ 31-го декабря, къ Феликсу Деляссу за то, что этотъ бельгійскій другъ помогъ ему еще—высылкой тысячи франковъ. На эти деньги лечился и похороненъ былъ Прудонъ. За двѣ недѣли до смерти, отъ 4-го января, послѣдняя вспышка нравственныхъ силъ сказалась въ довольно большомъ письмѣ къ д-ру Мале, продиктованномъ дочери. Въ немъ онъ говоритъ пространно о своей болѣзни, а мѣстами рассказываетъ уже отъ себя дочь, выражая гораздо больше роковой тревоги, чѣмъ надежды на выздоровленіе отца. На консилиумъ было призвано нѣсколько врачей, всѣ его стучали, слушали, находили, что нѣтъ никакого органическаго поврежденія въ легкихъ; перепробовано было множество средствъ вплоть до распайлевской методы леченія камфорой, и все тщетно. Послѣднія маленькія записки, написанныя скорѣе самой дочерью, чѣмъ продиктованныя Прудономъ, помѣчены 9-мъ и 12-мъ января. Первая, благодарственная—Деляссу, за присылку тысячи франковъ, а вторая—Бюзону. Онѣ были, однакожъ, подписаны самимъ Прудономъ. Вотъ его подлинныя послѣднія слова: «Въ настоящую минуту я болѣе подавленъ, чѣмъ когда-либо; болѣе чѣмъ когда-либо, я сомнѣваюсь въ моемъ воскрешеніи и мнѣ стоить неимоверныхъ усилій, чтобъ поставить мою подпись на этомъ посланіи, которое, пожалуй, будетъ послѣднимъ. Вашъ всегда П. Ж. Прудонъ». Въ сноскѣ дочь отъзывается: «оно дѣйствительно было послѣднимъ! Продиктовано было 12-го января, а 19-го скончался нашъ бѣдный отецъ».

Мы увѣрены, что читатель испытаетъ глубокое нравственное впечатлѣніе, обозрѣвъ картину жизни этого могучаго характера, прочувствовавъ неустанную борьбу, какую онъ велъ съ человѣческой несправедливостью, а, главнымъ образомъ, съ непонима-

ніемъ, умственной мелкотой, реакціоннымъ духомъ французскаго правительства и нетерпимостью партій разнаго оттѣнка. Жизнь Прудона служитъ также прискорбнымъ доказательствомъ того, что человѣкъ, принужденный существовать перомъ, даже въ одной изъ самыхъ образованныхъ странъ Европы, роковымъ образомъ обреченъ на невзгоды, лишенія, тяжелую нужду, если онъ захочетъ постоянно идти своей дорогой, ни въ комъ не заискивая, никому не уступая ни одной пяди изъ своихъ убѣжденій и принциповъ. При такой могучей натурѣ, какою обладалъ Прудонъ, онъ не дошелъ и до средняго возраста французскаго писателя, умеръ почти въ цвѣтъ лѣтъ; не могъ не только выбиться въ матеріальномъ отношеніи, но и послѣдніе полгода своей жизни продышалъ въ долгъ да и умеръ, такъ сказать, въ долгъ.

Здѣсь не мѣсто разбирать всѣ его парадоксы и противорѣчія; вдобавокъ, этимъ уже достаточно занимались его современники; Неизгладимая заслуга Прудона передъ мыслящимъ человѣчествомъ XIX вѣка заключается въ принципѣ беспощадной критики, руководимой неумирающимъ чувствомъ общественной правды и справедливости.

Д—ЕВЪ.

ДВА МѢСЯЦА

ВЪ

ГАБРОВЪ

Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг.

I.

Вѣсто предисловія.—Пріѣздъ въ Габрово.—Отношеніе къ намъ болгаръ.—Лазаретъ.—Монастырь.—Нѣсколько словъ о болгарахъ вообще.—Общія понятія о военно-временныхъ медицинскихъ учрежденіяхъ, перевязкѣ и транспортировкѣ раненыхъ.—Занятія въ лазаретѣ.—Раненые турки.—Разказы нашихъ раненыхъ.—Турецкіе плѣнные.—Первая тревога въ Габровѣ.—Ночной переполохъ.—Повѣдка въ Сельви.

Когда же придетъ «Дядя Иванъ»? Придетъ ли «Дядя Иванъ»?

Таковыми и подобными имъ вопросами втихомолку обмѣнивались между собою болгары, подразумевая подъ этимъ, Богъ-вѣсть кѣмъ и когда придуманнымъ, именемъ «Дяди Ивана» русскую армію, ибо не осмѣливались называть русскихъ настоящимъ именемъ—изъ боязни быть услышанными какимъ-нибудь шпиономъ и переданными въ желѣзныя руки турецкой власти. Наконецъ, дошла до нихъ вѣсть, что тронулся съ мѣста «Дядя Иванъ» и пошелъ къ Дунаю. Заволновался тихо дремавшій океанъ и покачалъ свои волны одну за другою къ Балканскому полуострову, залилъ почти всю Румынію и, остановившись у ея южной границы, готовился громко объявить встревоженному турку и втайнѣ радовавшемуся болгарину, что вотъ пришелъ онъ, — для однихъ

непрощенный и страшный «гаурь-московъ», для другихъ — желанный «Дядя Иванъ», который, по старому и твердому вѣрованію болгаръ, долженъ былъ придти рано или поздно и освободить ихъ отъ рабства и турецкаго гнета.

Увлеченный волнами того же океана, двинувшаго массы русскихъ людей на берега «прекраснаго голубого Дуная», чтобы окрасить воды его кровью своею и своего врага и потомъ перешагнуть на турецкій берегъ, я тоже отправился къ этимъ берегамъ въ началѣ мая прошлаго года, въ качествѣ врача общества Краснаго Креста. Пробродивъ въ Румыніи мѣсяць, въ томительномъ ожиданіи начала военныхъ дѣйствій и въ избраніи пункта, на которомъ можно было бы принести всего болѣе пользы нашимъ будущимъ страдальцамъ, я, наконецъ, уѣхалъ въ Бухарестъ, куда былъ неожиданно вызванъ, и вмѣстѣ съ отрядомъ, составлявшимъ подвижной перевязочный пунктъ Краснаго Креста, достигъ Зимницы въ тотъ самый день, когда тамъ совершилась переправа черезъ Дунай. Но, увы! нашъ отрядъ хотя и располагалъ достаточнымъ временемъ, все-таки не успѣлъ къ началу дѣла, опоздавъ часовъ на шесть. На это были свои причины, — причины, о которыхъ мнѣ грустно говорить... Можетъ быть, и даже навѣрно, онѣ узнаются со временемъ, но теперь мы не станемъ касаться ихъ.

Мы пріѣхали, когда почти всѣ раненые были уже перенесены съ поля сраженія въ лазареты и имъ оказана первая помощь... Слава-Богу, конечно, что оказана; но каждый страстно желалъ быть самъ полезнымъ, приложить свой трудъ и заботы для облегченія страданій несчастныхъ братьевъ; но каждый изъ нихъ при большемъ числѣ лицъ медицинскаго персонала, конечно, получилъ бы менѣе слѣшную и лучшую помощь... По тѣмъ же самымъ причинамъ намъ удалось весьма мало послужить дѣлу «попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ» и въ теченіи слѣдующихъ двухъ недѣль, проведенныхъ въ Зимницѣ, и я предпочитаю пройти молчаніемъ это время, тяжелое для всѣхъ насъ, членовъ общества Краснаго Креста, тяжелое по тому душевному состоянію, въ которое мы были повергнуты. Гордый и совершенно равнодушный къ своему дѣлу, князь Черкасскій, на каждомъ шагу всѣхъ оскорбляющій одинъ изъ его ближайшихъ секретарей, множество уполномоченныхъ болѣею частію слишкомъ юныхъ и вовсе не приготовленныхъ къ дѣлу, тѣмъ не менѣе дѣйствительно «уполномоченныхъ», — все это настолько не сулило успѣха нашей дѣятельности, что заставляло каждого про себя думать: а не уѣхать ли лучше изъ такъ-называемаго «обще-

ства попеченія»... не о больныхъ и раненыхъ войнахъ?.. Съ этою цѣлью я просилъ о присоединеніи меня къ корпусу генерала Радецкаго, направлявшемуся тогда къ Тёрнову, и, получивъ на это разрѣшеніе, выѣхалъ изъ Зимницы перваго іюля съ вѣренными мнѣ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ студентовъ медико-хирургической академіи, шести сестеръ милосердія и четырехъ санитаровъ. Со мною имѣлся запасъ различныхъ вещей, необходимыхъ для открытія передового перевязочнаго пункта, а именно: два шатра, походная аптека, запасъ носилокъ, инструменты и перевязочный матеріалъ, а также запасъ продовольствія для раненыхъ на первое время до поступленія ихъ въ лазаретъ или госпиталь. Подъ этими вещами были двѣ фуры, кромѣ аптеки; а двѣ линейки, назначенныя для перевозки раненыхъ съ поля сраженія, занимались нами во время переѣздовъ до мѣста назначенія. Кажется, не успѣли мы перейти Дунай, не успѣли ступить ногой на непріятельскій берегъ, какъ слышимъ, что уже Тёрново занято нашими войсками и почти безъ сопротивленія, по крайней мѣрѣ безъ потерь. Мы пріѣзжаемъ въ этотъ живописный и интересный городъ, какъ въ свой русскій, и какъ будто не во время войны, а въ какой-нибудь праздничный день, потому что болгарское населеніе весело, нарядно: почти всѣ дома украшены цвѣтами, зеленью, вензелями и портретами нашего царя и главнокомандующаго, и разноцвѣтными флагами. Насъ привѣтствуютъ не только какъ друзей, пріѣхавшихъ на праздникъ, а какъ виновниковъ торжества... А настоящіе виновники его, — наши герои-воины, — идутъ съ своей тяжелой ношей, подъ знойными лучами солнца — все впередъ, да впередъ, на новыя ратныя дѣла, на новыя жертвы. Тяжело бѣднымъ солдатамъ; болгары смотрятъ на нихъ съ любовью, состраданіемъ и благоговѣніемъ; для нихъ нѣтъ другого названія кромѣ «братушко», и сколько родственнаго, трогательнаго участія выражали они, особенно женщины, въ тѣмъ, которые, истомленные походомъ и обезсилѣвшіе отъ зноя, оставали или просто падали на дорогѣ: тутъ всѣми и все дѣлалось, чтобъ помочь уставшему или больному «братушкѣ»; ему обливали голову холодной водой, растирали грудь, обмахивали платками, приносили пищи, отдавали все, что, по ихъ мнѣнію, могло пригодиться солдату въ походѣ... Да! то было хорошее время; тогда дѣйствительно жилось, жилось усиленно, съ полной душой, съ добрыми чувствами къ народу, ради котораго мы пришли изъ своей родины, съ твердыми надеждами на новыя быстрые успѣхи и близкое освобожденіе болгаръ, которые, казалось, уже чувствовали себя освобожденными.

Только-что мы приѣхали въ Тёрново и остановились въ одномъ изъ шатровъ лазарета 14-й дивизіи, съ которой должны были двигаться далѣе, какъ меня посѣтили одинъ за другимъ четыре уполномоченныхъ. Первый передалъ мнѣ распоряженіе немедленно отправляться въ армію Наслѣдника Цесаревича, къ Рущуку; второй принесъ отмѣну перваго распоряженія и приказаніе—сейчасъ ѣхать въ Никополь; пришелъ третій и сказалъ, что все невѣрно: ему было приказано передать мнѣ, чтобъ я собирался ѣхать къ Плевнѣ; наконецъ, четвертый попросилъ забыть всѣ предшествовавшія распоряженія и сейчасъ отправляться въ Габрово. Я ожидалъ назначенія еще новаго пункта, но его не послѣдовало, а чуть-было не измѣнилось и это четвертое распоряженіе: хотѣли, неизвѣстно для чего, назначить въ моему отряду, вмѣсто меня, другого врача и послать въ Габрово, а меня оставить пока въ Тёрновѣ. Мнѣ удалось, однако, отстоять свое отправленіе въ передовую линію нашей арміи, и я уѣхалъ,—только не съ полнымъ отрядомъ, а лишь съ половиною, какъ его личнаго состава, такъ и запасовъ. Въ Габровѣ мы провели июль (выѣзжая на короткое время въ Сельви) и августъ до послѣднихъ чиселъ, когда уѣхали подъ Плевну; оттуда вернулись въ Габрово въ половинѣ сентября, а въ концѣ этого мѣсяца я заболѣлъ тифомъ, и могъ снова обратиться къ госпитальному дѣлу только въ декабрѣ. 25-го числа, т.е. въ первый день Рождества, я выѣхалъ въ горы на перевязочный пунктъ, устроенный въ селѣ Топлишъ, находящемся на томъ пути, по которому совершилъ переходъ черезъ Балканы отрядъ генерала Скобелева 2-го.

Вернувшись въ Габрово, куда были перевезены раненные съ Шипви изъ отряда генерала Радецкаго, послѣ дѣла 28-го декабря, я проработалъ въ тамошнемъ госпиталѣ до конца января, и, вызванный оттуда въ Адрианополь, оставался въ этомъ городѣ до конца марта и, наконецъ, получилъ отпускъ въ Россію для поправленія порядочно пострадавшаго здоровья. На досугѣ я пересмотрѣлъ свои замѣтки, написанныя въ тотъ періодъ моего выздоровленія, когда физическія силы были еще слабы, а голова уже просила работы. Эти-то приведенныя въ порядокъ замѣтки и составляютъ содержаніе настоящаго разсказа, которому я далъ заглавіе «Два мѣсяца въ Габровѣ», потому что успѣлъ написать только объ этой порѣ своего пребыванія въ дѣйствующей арміи, и безъ новой болячки мнѣ едва ли удастся привести въ порядокъ наброски о видѣнномъ, слышанномъ и пережитомъ въ остальное время моего пребыванія на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Болгарія; сѣверные отроги Балканъ; городъ Габрово; на дворѣ ужъ половина ноября; въ Россіи вѣроятно зима, и на Балканахъ тоже лежитъ снѣгъ, но тутъ, въ долинахъ, еще держится ясная и довольно теплая погода и только по временамъ мы чувствуемъ доносящееся сюда холодное дыханіе нашей родины въ видѣ рѣзкаго сѣверо-восточнаго вѣтра, приносящаго то легкой, скоро спадающей снѣжокъ, то ненастье, которое иногда стоитъ недѣлю и дѣйствуетъ къряду. Въ такихъ случаяхъ болгары говорятъ, что «время-то ся развалило», т.-е. погода испортилась, развалилась. И въ эту ночь, когда мнѣ вздумалось начать писаніе своего разсказа, «время-то очень ся развалило»: на дворѣ стоитъ одна изъ тѣхъ черныхъ, ненастныхъ ночей глубокой осени, въ которыя такъ жутко и неприятно находится подъ открытымъ небомъ, напримѣръ, въ дорогѣ, и въ которыя, наоборотъ, такъ хорошо чувствуешь себя дома, когда свѣтло, сухо и тепло вокругъ васъ и когда на душѣ покойно. Нѣтъ вамъ тогда дѣла до этой непроглядной темноты, въ которой носится холодный вѣтеръ,—до дождя, падающаго съ шумомъ и плескомъ на черную землю съ такого же, какъ и она, чернаго неба.... Подъ сердцу мнѣ такія ночи; страстно любилъ я ихъ въ Россіи, особенно въ деревнѣ; любилъ и люблю ихъ вездѣ, потому что онѣ напоминаютъ мнѣ родныя осеннія ночи, а съ ними и милую родину. Много думъ и разнообразныхъ чувствъ, вызванныхъ любовью къ ней, наполняютъ мою душу въ эту ненастную ночь: Россія въ настоящее время приноситъ великую жертву во имя высокой идеи—освобожденія родственнаго болгарскаго народа изъ-подъ тяжелаго турецкаго ига. Только молодой народъ способенъ на подобныя жертвы и только умудренный опытомъ Западъ не можетъ понять ее, не можетъ повѣрить ей. Въ Болгарію пришли русскіе люди, и сколько изъ нихъ уже отдали жизнь за ея будущую свободу, а остальные несутъ пока всѣ тягости походной жизни, ожидая, можетъ-быть, той же участи.... И какою мѣрою, какими сравненіями можно опредѣлить ту степень всевозможныхъ лишений и страданій, какія терпятъ въ настоящую холодную пору года бойцы за идею, терпятъ всѣ, находящіеся здѣсь; особенно же тяжело теперь живущимъ на горахъ, и мысли о находящихся въ подобныя нынѣшней ночи тамъ, среди снѣговъ и мятелей, на позиціяхъ, въ постоянномъ ожиданіи возможнаго нападенія неприятеля, — эти мысли совсѣмъ отравляютъ мнѣ чувство довольства и наслажденія, доставляемыхъ свѣтомъ и тепломъ моей маленькой комнаты. Теперь я бы желалъ, чтобъ прекратился дождь, чтобъ затихъ вѣтеръ и пересталъ мучить бѣдныхъ людей, которымъ судьба послала и безъ того тяжкую долю;—теперь мнѣ

словно совѣстно было находиться въ свѣтлой и теплой комнатѣ, лежать на сухой и мягкой постелѣ.... Но какъ измѣнить положеніе дѣла! Невозможно! Будемъ лежать и ждать съ нетерпѣніемъ, пока вернутся прежнія силы, чтобъ опять приняться за дѣло помощи больнымъ, раненымъ и обмороженнымъ, которыхъ, уви, такъ много присылаютъ намъ Балканы. Итакъ, лежу я въ постелѣ, и на досугъ перебираю въ памяти, какъ въ давно замкнутомъ и вновь открытомъ чемоданѣ старыя позабытыя вещи, вспоминаю разныя событія давно и недавно минувшія — и живѣе всѣхъ между ними, конечно, впечатлѣнія прошлаго лѣта. Живо встаютъ они предо мною. Вотъ огнь, торжественныя и печальныя картины дунайскихъ береговъ у Зимницы и Систова въ достопамятный день 15-го іюня; какъ сейчасъ вижу сѣрое утро этого дня, когда мы, прислушиваясь къ отдаленной канонадѣ, ѣхали изъ Патры въ Зимницу; оживаютъ перечувствованныя въ тотъ день впечатлѣнія происходящаго неподалеку сраженія; слышатся стоны раненыхъ и стучатся ружейной перестрѣлки; чудятся тяжелыя сцены ужасныхъ страданій и преждевременной смерти, видѣнныя мною на первомъ перевязочномъ пунктѣ.... Тутъ носилки, съ лежащими въ нихъ ранеными и умирающими; тамъ рядкомъ положены на землѣ и прикрыты холстомъ съ палатки или зелеными вѣтками уже успокоившіеся братья, — солдаты, офицеры, полковники.... Какія лица у нихъ... никогда не забуду этихъ лицъ.... Пальцы правой руки у многихъ умершихъ сложены крестомъ.... Между ранеными и убитыми ходятъ, дѣлая свое дѣло, докторъ, фельдшера, санитары; подвѣзжаютъ и увѣзжаютъ линейки и подводы.... Воскресаютъ въ душѣ со всею ихъ силою впечатлѣнія чуднаго вечера того же дня, когда уже кончился бой, и я, справляясь, нѣтъ ли гдѣ еще раненыхъ, кому нужно оказать помощь, бродилъ по правому берегу Дуная, переѣхавъ туда на одномъ изъ желѣзныхъ баркасовъ. Еще вчера здѣсь, въ этотъ часъ, сидѣлъ и ходилъ турокъ, зорко слѣдя за тѣмъ, что происходитъ на противоположномъ берегу; еще вчера эта земля была для насъ совершенно недоступна; а сегодня на ней не осталось ни одного турка, кромѣ уснувшихъ вѣчнымъ сномъ.... За Зимницей и Систовымъ встаютъ передо мной картины терновской дороги съ разоренными или покинутыми болгарскими и турецкими деревнями, въ которыхъ остались только голодныя собаки, жалобно воюющія по своимъ хозяевамъ, да кошки, прячущіяся въ кустахъ или въ разломанныхъ печахъ домовъ. Какое было вездѣ довольство; какая богатая растительность; сколько тѣни вокругъ cadaго дома и ни одной живой души, кромѣ нашихъ проходящихъ сол-

даты и казавовъ, останавливающихся на ночлегъ! Грезится мнѣ живописный городъ Тёрновъ и дорога въ Габрово, идущая по прекрасной гористой мѣстности, гдѣ насъ застала одна ненастная ночь у деревни Царева-Ливада, — ночь, проведенная въ линейкѣ подъ страшнымъ проливнымъ дождемъ и подъ страхомъ нападенія башни-бузуковъ, мысли о которыхъ такъ пугали моихъ спутницъ-сестеръ. Башни-бузуки дѣйствительно могли остаться въ тѣхъ мѣстахъ и, сдѣлавъ нападеніе, всѣхъ насъ отправить къ праотцамъ, тѣмъ легче, что мы были совсѣмъ безоружны. За Царевой-Ливадой городокъ Дрѣново, гдѣ при насъ болгары провожали Брянскій полкъ съ цвѣтами, колокольнымъ звономъ и слезами благодарности и грусти, ибо они знали, что не всѣ эти братушки вернутся назадъ. Наконецъ, вотъ и прїѣздъ въ Габрово, — городъ, въ которомъ мнѣ суждено было прожить большую часть военнаго времени, и пролежать больнымъ такъ долго. Сохранимъ о немъ воспоминаніе болѣе подробное и познаваемимъ съ нимъ ближе читателя.

Этотъ маленький городокъ, который сами болгары называютъ даже «село», а не «градъ», находится верстахъ въ сорока отъ Тёрнова, и стоитъ на той же рѣкѣ Янтрѣ, въ одномъ изъ изгибовъ ея неширокой долины. Расположился онъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, прислонившись къ ея возвышеннымъ берегамъ, покрытымъ пастбищами, полями или лѣсомъ. Общій видъ его очень симпатиченъ, благодаря живописнымъ окрестностямъ, богатству зелени въ самомъ городѣ, оригинальной постройкѣ домовъ, надъ которыми возвышаются четыре православныхъ церкви и между которыми рѣзко выдается одинъ большой двухъ-этажный домъ европейской архитектуры — домъ мѣстной гимназіи. Габрово, какъ и другіе болгарскіе города, носитъ во многомъ характеръ Востока: кривыя узкія улицы; отсутствіе правильности въ постройкѣ; крыши съ большими навѣсами; небольшіе закрытые балкончики, лавки, харчевни и мастерскія, устроенныя почти въ каждомъ домѣ, богатство проведенной воды, льющейся изъ крановъ, вдѣланныхъ въ стѣны или особня, отдѣльно-стояція каменные постройки, наконецъ, сильно-развитая уличная жизнь, все напоминаетъ Востокъ; а многія слова болгарской рѣчи и церкви, съ которыхъ раздается звонъ «кампановъ», т.-е. колоколовъ, живо напоминаютъ Россію; да и на улицахъ вездѣ снуютъ русскій военный людъ, и такъ его много, что по временамъ забываешь, что находишься не дома, не въ Россіи. Проѣзжая по улицамъ Габрова, нельзя не замѣтить очень большого числа слесаренъ и кузницъ, а также лавокъ съ грубой глиняной посудой. Габровскіе

жители дѣйствительно по преимуществу занимаются приготовленіемъ въ большомъ количествѣ этой посуды и желѣзныхъ издѣлій, по преимуществу ножей, которые они, подобно нашимъ владимірцамъ, разносятъ по разнымъ городамъ не только Болгаріи, но даже и Молдавіи. Съ перваго же взгляда бросаются въ глаза трудолюбивыя болгарки, которыя сидятъ на улицѣ или ходятъ съ шерстяной пряжей и веретенами въ рукахъ и сучать нитки. Онѣ выдѣлываютъ изъ нихъ прекрасныя шерстяныя ткани, не уступающія по отдѣлкѣ фабричнымъ, а по прочности далеко превосходящія ихъ. Габровцы еще занимаются выдѣлкою мѣховъ и кожъ; нѣкоторые разводятъ шелковичныхъ червей; но они говорятъ, что вообще промышленность у нихъ въ плохомъ состояніи, вслѣдствіе постоянного страха турецкаго погрома и неувѣренности въ прочности даже собственной жизни, не только состоянія. — Я, однако, вынесъ впечатлѣніе, что жители Габрова очень дѣятельный и промышленный народъ. Въѣхавъ въ городъ, мы спросили перваго встрѣтившагося болгарина: — гдѣ находится военная больница?

— Военна бѣлница? — переспросилъ онъ: — тѹка, тѹка (здѣсь), — указавъ онъ по дорогѣ вѣво: — самый гулямый (большой) домъ, училиште, — тамъ и есть бѣлница.

Мы поѣхали улицей, встрѣчаемые всюду выраженіями неподдѣльной радости и любопытства, возбуждаемаго нашей щегольской линейкой, запряженной четверной большими лошадями. Габрово, навѣрно, никогда не видало на своихъ улицахъ ни такого экипажа, ни такихъ лошадей; но самый живой интересъ, привѣтствія и восторги вызывали «русскія жѣны», т. е. ѣхавшія со мною сестры. Мужчины только кланялись и, произнося: «здравствуй, братушко», съ любопытствомъ смотрѣли на нихъ, а женщины подбѣгали къ намъ, здоровались словами: «добрѣ дошли», и, не спуская съ сестеръ словно влюбленныхъ глазъ, лепетали имъ всѣ вдругъ свои привѣтствія, удивленія — по поводу того, что онѣ заѣхали такъ далеко — и сожалѣнія, что онѣ устали, предлагая вопросы, кто онѣ: «дѣвки или булки», т. е. замужнія или нѣтъ, — дѣлали замѣчанія на-счетъ «червена креста», т. е. Краснаго Креста, съ значеніемъ котораго онѣ не были знакомы. Такъ какъ мы ѣхали шагомъ, то нѣкоторыя болгарки успѣвали сбѣгать въ свой садъ, нарвать цвѣтовъ и, догнавъ, одѣлать ими «русскихъ жѣнъ». Отрадно было видѣть проявленіе этого искренняго удовольствія и радости, въ которыхъ было что-то дѣтское, чистое; это не было поклоненіе побѣдителю или сильному и богатому въ ожиданіи отъ него милостей.

Сестры даже устали отвѣчать на поклоны, подавать на-право и на-лѣво руки, чтобъ пожать протягивавшіяся къ нимъ руки болгарокъ, отвѣчать на привѣтствія и разные вопросы, — тѣмъ болѣе, что не всѣ слова ихъ были понятны. Посреди такой обстановки ѣхали мы по узенькимъ улицамъ Габрова, мѣстами занимая почти всю ихъ ширину; миновали каменный мостъ о двухъ несимметричныхъ аркахъ, перекинутый черезъ Янтру, образующую здѣсь живописный каскадъ; переѣхали въ бродъ другую маленькую рѣчонку — тутъ же вблизи впадающую въ Янтру — и вскорѣ ступились прямо противъ самаго «гулѣмага дома училишта», въ которомъ расположился, пришедшій сюда вчера, лазаретъ девятой пѣхотной дивизіи.

Я тотчасъ розыскалъ главнаго врача, спросилъ его, какъ и гдѣ здѣсь можно пріютиться, — и получилъ въ отвѣтъ, что за отведеніемъ квартиры нужно будетъ обратиться къ здѣшнему окружному начальнику, капитану Маслову.

— Какъ! здѣсь уже учреждены наши власти? — удивился я.

— Да, — и окружной начальникъ, и комендантъ... Такъ мы сейчасъ пошлемъ къ нему съ просьбою объ отведеніи квартиры, а пока не хотите ли обойти лазаретъ? — у насъ ужъ 108 человекъ раненыхъ.

Всѣ жаждали скорѣе начать свое служеніе нашимъ страдавшимъ братьямъ, и съ удовольствіемъ приняли приглашеніе. Мы подошли къ огромному, даже и не для Габрова бы, каменному дому въ два этажа, европейской архитектуры. Это — габровская гимназія!.. «У насъ въ небольшихъ городахъ самымъ представительнымъ зданіемъ бываетъ обыкновенно тюремный замокъ или губернаторскій домъ, а здѣсь — гимназія», невольно подумалось мнѣ.

Вошли въ большую комнату, изъ которой отходили вправо и лѣво длинныя корридоры, а также вели двери въ другія комнаты, надъ входомъ въ которыя прибиты дощечки съ надписями: «приготовительный классъ», «четвертый классъ», «библіотека», «физическій кабинетъ» и проч.; но теперь всѣ классы превращены въ больничныя палаты для русскихъ и болгарскихъ воиновъ. Уступивъ домъ подъ лазаретъ, габровцы доставили также кровати, тюфяки, подушки и одеяла; многія простыя женщины явились добровольными сидѣлками, въ количествѣ даже гораздо большемъ, чѣмъ требовалось; дамы и барышни часто заходили въ лазаретъ, принося съ собою фруктовъ, вина или табаку, и одеяли ими раненыхъ, — или цвѣты, которые онѣ разставляли въ стаканахъ съ водою на столахъ, между ватой, бинтами, гип-

сомъ, стѣлянками и проч., или вѣлаи больнымъ на подушки; другія приносили и раздавали имъ зеленыя вѣтви орѣховыхъ и шелковичныхъ деревьевъ, чтобъ отгонять докучливыхъ мухъ; приносили лишнія подушки, когда замѣчали въ нихъ недостатокъ; дѣти ходили по палатамъ, разнося въ кувшинахъ холодную воду изъ фонтановъ и подавали каждому, кто обращался къ нимъ съ просьбою. «Братушко! подай водицы испить», попросить раненый, и нѣсколько ребятишекъ наперерывъ несутся къ нему, чтобъ поспѣть раньше другихъ: такъ каждому хотѣлось угодить и услужить больному братушеѣ. Самые болгарскіе кувшины, казалось, нарочно были приспособлены для того, чтобъ поить больныхъ, которые не могли вставать: они или имѣютъ носикъ, или въ ихъ ручкѣ продѣлывается каналъ, ованчивающійся отверстіемъ на небольшомъ возвышеніи на ея выпуклой сторонѣ, и этимъ-то отверстіемъ или носикомъ кувшинъ подносится ко рту больного, причѣмъ онъ никогда не обливается.

Женщинъ и дѣтей было много; они встрѣчались на каждомъ шагу; кромѣ ихъ, по лазарету ходила группа мужчинъ, съ которыми насъ тотчасъ познакомили; тутъ наиболѣе замѣтными и дѣятельными лицами, по преимуществу въ качествѣ переводчиковъ, были: мѣстный городской врачъ — Алексій Христовъ, оказавшій первую помощь нашимъ раненымъ, когда здѣсь еще не было ни одного русскаго врача; Маноловъ, избранный потомъ въ предсѣдателя судебного совѣта; нѣкоторые изъ мѣстныхъ учителей; попъ Стефанъ — и другіе обыватели Габрова. Первые два были воспитанники московскаго университета. Всѣ старались быть полезными для дѣла, которое считали не только близкимъ, но прямо своимъ. Покончивъ дневныя заботы о раненыхъ братушкахъ, теперь это общество, можно сказать, прогуливалось по лазарету, какъ по какому-нибудь общественному гуляню, въ которомъ наиболѣе интереснымъ отдѣленіемъ были палаты, гдѣ помѣщались раненые турки, принесенные съ Шипки санитарамъ вмѣстѣ съ нашими ранеными, въ числѣ двадцати-пяти человекъ. Болгары, входя въ эти палаты, ничѣмъ не проявляли своихъ враждебныхъ чувствъ, но что такія чувства таились въ ихъ сердцахъ — въ этомъ я убѣдился очень скоро. «Зачѣмъ же вы лечите турокъ и ухаживаете за ними, какъ за своими? Не стѣять они этого: съ нихъ бы слѣдовало тоже головы долой, какъ они рубили головы нашимъ раненымъ». Мы пробовали говорить о завѣщанной намъ Христомъ любви даже въ врагу и прощеніи ему обидъ, о гуманномъ обращеніи съ больными, не дѣлая разницы по національности, но непримиримая вражда и озлобленіе

были еще въ слишкомъ остромъ періодѣ, чтобъ они могли внимать нашимъ словамъ, и продолжали говорить свое, вспоминая недавнія угнетенія, оскорбленія и убійства невинныхъ болгаръ.

Чтобъ читатель могъ яснѣе представить себѣ общественный строй болгарскаго народа, уровень ихъ развитія и вѣднѣйшій видъ, я позволю себѣ сдѣлать отступленіе и сказать о нихъ нѣсколько словъ вообще. Въ болгарскомъ народѣ нѣтъ рѣзкихъ подраздѣленій на классы; они всѣ были рабами турокъ—и только. Родовой аристократіи или аристократіи таланта не существуетъ; образованные люди если есть, то число ихъ слишкомъ ничтожно, чтобъ составить особый классъ; чиновниковъ-болгаръ до сихъ поръ не было. У нихъ существуетъ только случайное подраздѣленіе по состоянію, занятію или мѣсту жительства: есть горожане и деревенскіе жители; есть богатые, достаточные и бѣдные; есть купцы и ремесленники. Большія богатства приобрѣтались болгарами бѣднѣею частью кривыми путями и, главнымъ образомъ, при помощи дружбы и подѣ покровительствомъ турецкихъ чиновниковъ, которые за свои дружбу и покровительство взыскивали съ богатыхъ незаконныя пени, за чтѣ позволяли имъ, въ свою очередь, тянуть съ своей же темной братіи, чтѣ имъ было угодно, а темные люди еще кланялись этимъ, такъ-называемымъ, «чорбаджи», благодарили за разныя будто бы услуги, оказываемыя ими; считали ихъ своими покровителями и заступниками передъ турецкими чиновниками, — не догадываясь вовсе о томъ, что эти покровители были только ножницами, которыми турки ихъ стригли. Немногіе изъ болгаръ, получившіе образованіе за границей — по преимуществу въ Россіи — и возвратившіеся потомъ на родину, ненавидѣли этихъ «пауковъ» своего народа, но ничего не могли съ ними сдѣлать, такъ какъ сила была на сторонѣ послѣднихъ, вслѣдствіе помянутой дружбы съ чиновниками; и такъ какъ они, въ свою очередь, были ненавидимы этими толстыми мѣшками, то имъ нерѣдко приходилось плохо, потому что тѣ клеветали на нихъ, обвиняя бѣднѣею частью въ замыслахъ произвести въ народѣ возстаніе противъ турецкой власти. Темный народъ всегда находился подѣ ихъ вліаніемъ, находится и теперь, когда русскіе пришли и бьются за его независимость. Народъ знаетъ цѣль войны, но до сихъ поръ ничего не видитъ отъ прихода своихъ освободителей, кромѣ тягостей военнаго времени. Лучшіе люди стараются внушить ему, что во время войны иначе быть не можетъ, а «пауки», которымъ при туркахъ хорошо жилось, чувствуютъ, что при русскихъ, или послѣ освобожденія, имъ, пожалуй, будетъ хуже — и потому стараются при

всякомъ случаѣ втолковать народу, что не будетъ добра при новыхъ порядкахъ,— что теперь ужъ хуже стало. Трудно сказать — много или мало успѣваютъ они въ своей подпольной работѣ; едва ли, впрочемъ, много, потому что они сами немногочисленны; большинство составляетъ классъ средняго состоянія. Уровень достатковъ этихъ послѣднихъ весьма скромнъ, хотя онъ и кажется многимъ довольно высокою степенью благосостоянія. Не разъ, вѣроятно, читателямъ, какъ и мнѣ, приходилось слышать, что благосостояніе болгарскаго народа вообще таково, что ни въ чемъ не замѣтно того турецкаго гнета и разоренія, о которомъ говорили и писали. Правда, такое впечатлѣніе можно вынести при бѣглому и поверхностному обзорѣ Болгаріи—и если за единицу сравненія взять людей, разоренныхъ пьянствомъ и налогами и живущихъ по-нищенски. Между болгарами, правда, не часты примѣры крайней бѣдности; домины у большинства чисты, у каждаго есть постель, каждый одѣтъ, но не нужно забывать, что они весьма экономны, — что у нихъ не существуетъ роскоши и пьянства; нужно взять въ расчетъ то, въ какой благодатной странѣ они живутъ... Развѣ такого благосостоянія достигли бы болгары при иныхъ порядкахъ?—а теперь они пытаются положительно плохо и между дѣтьми золотушное худосочіе не рѣдкость; большинство взрослыхъ худы и нездоровы на видъ. Но допустимъ, что они живутъ не только въ довольствѣ, но даже въ роскоши,—такъ развѣ въ одномъ матеріальномъ избыткѣ заключается благосостояніе народа? Нужно помнить, что въ Болгаріи ни одинъ человѣкъ не прожилъ спокойно ни одного дня въ своей жизни съ твердой увѣренностью въ прочности своего состоянія; каждый болгаринъ, кто бы онъ ни былъ, могъ ежедневно ожидать, что придутъ и возьмутъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ все или что понадобится, а его еще посадятъ въ тюрьму; ни одинъ не могъ быть увѣренъ въ безопасности своей жизни, не могъ думать о гражданской чести — своей и своей семьи, — не могъ надѣяться найти правду въ судѣ; онъ всю свою жизнь чувствовалъ себя рабомъ, надъ которымъ могъ безнаказанно надѣваться каждый турокъ, и ничто не спасало его — ни честный трудъ, ни высокое образованіе, никакія личныя достоинства,—словомъ, не было пути для выхода изъ рабства. Вотъ въ чемъ по преимуществу выражался турецкій гнетъ надъ болгарскимъ народомъ. Странно одно, — что турки не мѣшали учрежденію школъ и обученію грамотѣ, и только въ послѣднее время, такъ-называемый, «либеральный прогрессистъ» Митхадъ-паша открылъ противъ нихъ гоненіе. Школъ въ Болгаріи замѣчательно

много; онѣ есть почти въ каждой деревнѣ... Но спросите: есть ли у болгаръ общественная жизнь? возможны ли собранія и бесѣды? есть ли гулянья? пользуются ли они обыкновенными человѣческими радостями? — Нѣтъ! ничего у нихъ нѣтъ; музыки и пѣсни почти нигдѣ не услышите... Это у славянскаго-то племени нѣтъ музыки и пѣсень!.. «Умрало!» говорятъ вамъ болгары, «слично умрало!» (все умерло). Я ужъ не касаюсь всегда возможныхъ нападеній турецкихъ разбойниковъ и производимой ими рѣзни: объ этомъ слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно. Если нѣкоторые города и не видали на своихъ улицахъ страшныхъ кровавыхъ драмъ, разыгрываемыхъ башки-бузуками, то каково жить подъ вѣчнымъ страхомъ ожиданія подобныхъ гостей.

Что касается до внѣшняго вида болгаръ, то мужчины носятъ или обыкновенное европейское платье, или же народный полу-турецкій костюмъ. Женщины одѣваются всѣ однообразно, по-болгарски, и разница существуетъ только въ качествѣ матеріала, изъ каковаго сдѣлана одежда: на головѣ повязка изъ платка; волосы расчесаны и заплетены въ двѣ косы, висящія за спиной; платье обыкновенное, на плечахъ кацавейка. Иногда простыя женщины подвязываютъ свою юбку особеннымъ образомъ, превращая ее въ широкіе шаровары въ родѣ тѣхъ, какія носятъ турчанки. На ногахъ башмаки, въ родѣ туфель, обыкновенно снимаемые при входѣ въ комнаты, гдѣ мужчины и женщины сидятъ въ однихъ чулкахъ ради чистоты, и этотъ заимствованный у турокъ обычай исполняется даже и зимою, когда полы въ комнатахъ покрываются ковриками. За то чистота въ болгарскихъ домахъ идеальная. Габровскія дамы или «куконы», какъ называются жены зажиточныхъ людей, напоминали мнѣ русскихъ толстыхъ купчихъ, какъ своимъ видомъ, такъ манерами, застѣнчивостью и степенью развитія. Барышни похожи на нашихъ деревенскихъ или провинціальныхъ барышень; между ними, болѣе развитыми являются «учительки», т.-е. учительницы женскихъ школъ.

Мы кончили осмотръ лазарета, который еще не получилъ типа казенной больницы и воздухъ въ немъ былъ превосходный, какъ потому, что всѣ окна въ домѣ оставались постоянно открытыми, такъ главнымъ образомъ потому, что тутъ лежали лишь въ теченіи нѣсколькихъ дней только первые раненные.

День уже клонился въ вечеру, когда мы выходили изъ лазарета и намѣревались отправиться выбирать себѣ квартиру въ одномъ изъ сосѣднихъ домиковъ, какъ монахини габровскаго монастыря, услышавшія, что сюда «дошли первые русскія жены»,

пришли ихъ привѣтствовать и не хотѣли никуда отпустить ихъ, прося непременно помѣститься у нихъ въ монастырѣ. Имъ объяснили, что вмѣстѣ съ сестрами находятся два доктора, т.-е. я и студентъ...

— Ничего, ничего, можно и докторамъ помѣститься у насъ, отвѣтили онѣ.

Уступивъ просьбамъ, мы пошли въ монастырѣ, находившійся, какъ оказалось, очень близко отъ лазарета, что для насъ было весьма удобно. Входимъ черезъ дверь въ ограду; за ней монастырскій дворъ и огородъ съ высокою кукурузой, грядками капусты и огурцовъ и между ними вымощенная камнемъ дорожка, ведущая въ двери, продѣланной во второй оградѣ, за которой находится садикъ съ небольшою бѣлою церковью въ лѣвой сторонѣ и низенькими длинными строениями по двумъ другимъ сторонамъ,—это кельи монахинь. За ними срывается еще садикъ и маленькій дворъ съ другими кельями и незатѣйливыми службами монастыря. Вотъ главныя черты его внутренняго устройства. Вездѣ зелень, цвѣты, обвитыя виноградомъ веранды, тихо журчащій ключъ чистѣйшей воды, каменная ограда, мѣстами густо обросшая плющомъ и доносящійся изъ-за нея шумъ бурливой рѣчки Янтры,—все это показалось намъ такъ мило, такъ поэтично, а отведенныя комнаты—такими чистенькими и уютными... Да и дѣйствительно все было очень симпатично, и мы, отнесшися сначала съ нѣкоторою робостью къ застѣнной монастырской жизни, теперь рѣшили сообража оставаясь здѣсь и были чрезвычайно довольны своею новою обителью, которая словно нарочно для насъ была приготовлена и только ждала нашего прибытія. Хорошо помня Зимницу, мы и помышлять не смѣли о подобномъ благополучіи.

Походные люди устраиваются быстро на новыхъ квартирахъ, а мы уже стали походными людьми; и въ тотъ же вечеръ у насъ все было приведено въ порядокъ; все необходимое вынуто изъ чемодановъ и ящичковъ, такъ что на другой день мы уже могли начать наши занятія въ лазаретѣ. Такъ какъ мнѣ не разъ придется говорить о лазаретахъ, перевязочныхъ пунктахъ, шатрахъ, о перевязкѣ и транспортировкѣ раненыхъ,—предметахъ совершенно обыкновенныхъ для насъ, врачей, но мало знакомыхъ, или незнакомыхъ вовсе для большинства читателей, то я предпочитаю теперь же дать о нихъ хотя поверхностное, но правильное понятіе;—тогда рассказываемые эпизоды и сцены будутъ нагляднѣе, живѣе, и воображеніе не создастъ невѣрныхъ представленій, какъ это часто случается, когда пишущій не взглянетъ на свое про-

изведеніе съ точки зрѣнія человѣка, который никогда не вступалъ въ сферу его дѣятельности,—когда авторъ не станеть на уровень знакомства читателя съ дѣломъ, о которомъ идетъ рѣчь, отчего много страдаетъ какъ ясность, такъ и самый интересъ написаннаго.

Итакъ, отправимся вслѣдъ за дѣйствующей арміей. За нею, ближе или дальше, тянутся обозы съ провіантомъ, боевыми припасами, ѣдутъ кухни, кувницы, обозы съ лазаретными принадлежностями и тянется разный не-строевой людъ—санитары, кашевары, мастеровые, и проч. и проч. Предположимъ, что эта армія ожидаетъ встрѣчи съ непріателемъ или сама ищетъ ее. Тогда обозы съ находящимися при нихъ людьми останавливаются на такомъ разстояніи, чтобъ быть внѣ выстрѣловъ, а войска занимаютъ боевую позицію. Положимъ, что сраженіе началось; съ обѣихъ сторонъ завязалась перестрѣлка и обыкновенно, вскорѣ послѣ первыхъ выстрѣловъ въ рядахъ арміи, то тутъ, то тамъ, начинаютъ падать люди, убитые на-повалъ или только раненые. Солдаты, получившіе незначительныя поврежденія, сами уходятъ съ поля сраженія; тѣ же, которые не въ состояніи идти, подбираются болѣе или менѣе скоро солдатами особой роты, такъ-называемой—роты носильщиковъ или санитаровъ. Эти санитары, или какъ солдаты обыкновенно называютъ ихъ «сенаторы», носятъ на лѣвой рукѣ бѣлую повязку съ краснымъ крестомъ, какъ знакъ ихъ специальности и гарантію отъ враждебныхъ дѣйствій непріятеля въ случаѣ плѣна. «Носилки! Санитаровъ сюда!» раздаются голоса то тутъ, то тамъ, гдѣ упалъ раненый. Обыкновенно два или четыре человѣка являются съ носилками, имѣющими вообще видъ простой легкой кровати на низенькихъ ножкахъ; они укладываютъ на нихъ раненаго и относятъ на *первый перевязочный пунктъ*, т.-е. въ то мѣсто, гдѣ находятся врачи и фельдшера съ перевязочными и другими средствами, необходимыми для немедленной и безотлагательной помощи. Этотъ пунктъ располагается въ какомъ-нибудь защищенномъ отъ выстрѣловъ мѣстѣ или на такомъ разстояніи отъ поля сраженія, чтобъ пули не долетали до него. Въ случаѣ отступленія войскъ онъ можетъ быстро сняться и перейти на другое мѣсто. Перевязочный пунктъ обыкновенно устраивается подъ открытымъ небомъ, если вблизи не найдется случайно какого-нибудь строенія... На Шипкѣ, напримѣръ, онъ помѣщался одно время въ бывшихъ турецкихъ казармахъ. Перевязанные раненые или идутъ дальше, или, если они не въ силахъ двигаться, оставляются на носилкахъ тутъ же въ ожиданіи экипажей, для пере-

возки ихъ дальше. Это—такъ-называемыя лазаретныя линейки, могущія поднять обыкновенно шесть человекъ каждая; если же ихъ оказывается недостаточно, что бываетъ почти всегда, то у мѣстныхъ жителей ближайшихъ деревень и городовъ нанимаютъ подводы, обыкновенно простые грубыя телѣги, назначенныя для возки клады, сѣна, соломы и т. п. Уложенныя въ нихъ раненыя отвозятся въ другое мѣсто, на такъ-называемый *главный перевязочный пунктъ* или подвижной лазаретъ, принадлежащій той дивизіи, которая находится въ дѣйствиіи ¹⁾.

Этотъ второй пунктъ устроивается на такомъ разстояніи отъ поля битвы, чтобъ, въ случаѣ отступленія войскъ, онъ имѣлъ достаточно времени сняться со всѣми своими принадлежностями и увести раненыхъ, для чего требуется по самой малой мѣрѣ нѣсколько часовъ, такъ какъ онъ помѣщается въ разставляемыхъ большихъ палаткахъ, называемыхъ иначе шатрами. Последніе шьются изъ ерѣпнаго холста и держатся на двухъ вертикальныхъ шестахъ, врытыхъ въ землю и положенной на нихъ перекладной, а также при помощи веревокъ, натягивающихъ крышу палатки и прикрѣпленныхъ къ кольямъ, вбитымъ въ землю. Поставленный шатеръ имѣетъ видъ небольшого сарая съ высокой крышей, безъ пола, потолка, и безъ оконъ, а свѣтъ проходитъ въ него черезъ открытыя полы входа и выхода; отчасти также сквозитъ и черезъ самый холстъ. Въ хорошую погоду переднія и заднія полы открываются; иногда поднимаются и боковыя полы. Крыша шатра дѣлается двойною; но и два слоя холста плохо защищаютъ отъ солнечныхъ лучей; теплота проникаетъ черезъ нихъ и, если не продуваетъ вѣтерокъ, жара въ немъ дѣлается невыносимою, напоминающею атмосферу бани. Величина шатра такова, что въ немъ устанавливается поперекъ по двѣнадцати носилокъ съ каждой стороны, причемъ между каждыми изъ нихъ остается около аршина пустого пространства, чтобъ можно было свободно подойти къ лежащему на нихъ больному. По срединѣ между двухъ рядовъ носилокъ остается довольно широкій промежутокъ, въ которомъ обыкновенно ставится столъ для перевязочнаго матеріала, разной посуды и нѣкоторыхъ необходимыхъ для перевязки приборовъ. Подъ названіемъ перевязочнаго матеріала должно разумѣть бинты, косынки, вату разныхъ сортовъ, корпію, непромокающую бумагу, марли, а также нѣкоторыя лекарства, прикладываемыя къ ранамъ. Всѣ эти предметы, равно какъ

¹⁾ Четыре полка составляютъ дивизію: двѣ дивизіи—корпусъ, въ которомъ заключается до 40.000 человекъ.

бѣлье, шатры—въ числѣ пяти, кухню, аптеку, хирургическіе инструменты и операционный столъ, дивизионный лазаретъ возить съ собою въ количествѣ, необходимомъ для 83 человекъ. Это составляетъ его обозъ, а кромѣ того онъ имѣетъ пятнадцать линейекъ для транспортировки раненыхъ съ перевязочнаго пункта къ себѣ и отъ себя въ госпиталь. Расположившись на открытомъ полѣ въ своихъ шатрахъ или въ домѣ, какъ въ Габровѣ на примѣръ, лазаретъ, получивъ извѣстіе о бывшемъ или происходящемъ сраженіи, отправляетъ свои линейки на передовой перевязочный пунктъ и ожидаетъ транспорта раненыхъ. Иногда тихо, а болѣею частію со стонами, криками, проклятіями и мольбами о ниспосланіи скорѣйшей смерти приближается эта печальная процессія. Встрѣчные останавливаются и смотрятъ на нее со страхомъ, или съ глубокимъ состраданіемъ, и непременно съ молчаливымъ почтеніемъ, какъ къ чему-то священному. «Раненыхъ везуть!» Этихъ двухъ словъ достаточно, чтобы всѣ дали дорогу, чтобы повѣздъ вездѣ пропустили. Кто шапку сниметъ, кто перекрестится, другой подойдетъ заглянуть—нѣтъ ли знакомыхъ. Вотъ транспортъ останавливается у шатровъ или у главныхъ дверей дома, служащаго лазаретомъ, и тотчасъ приступаютъ къ выниманію «лома» или «брава», какъ иногда называютъ раненыхъ тѣ, кому нужны только здоровые и сильные люди. Снимаютъ съ козелъ легко раненыхъ, потомъ осторожно вытаскиваютъ носилки съ лежащими на нихъ болѣе или менѣе тяжело ранеными,—въ голову, грудь, животъ или ноги съ переломами костей.

Присутствіе при этой выгрузкѣ транспорта можетъ истерзать сердце человека, если частый видъ страданій не притупилъ его нервовъ; даже наши очерствѣлыя докторскія сердца содрогнулись при видѣ первыхъ жертвъ войны и ихъ жестокихъ страданій... Но не нужно думать, что всѣ раненые постоянно стонутъ и кричать отъ боли; очень многіе, напротивъ, остаются совершенно покойными; они только молчаливы и серьезны; а нѣкоторые даже весело болтаютъ, рассказывая подбѣгающимъ здоровымъ солдатикамъ, идущимъ «туда», о томъ, что и какъ было «тамъ», что теперь происходитъ, какъ они дѣйствовали и т. п. Наконецъ, всѣ раненые сняты, вошли сами или внесены въ лазаретъ, гдѣ они поступаютъ на попеченіе врачей, а пустыя линейки отправляются назадъ за новыми жертвами пуль и гранатъ. Когда врачей бываетъ достаточно и нѣтъ надобности спѣшить, то одинъ изъ нихъ обыкновенно присутствуетъ при снятаніи раненыхъ съ транспорта и раздѣляетъ послѣднихъ на три разряда, изъ кото-

рыхъ каждый помѣщается въ особые шатры или палаты, — а именно, на легко раненыхъ, тяжело раненыхъ и умирающихъ. Послѣднимъ стараются доставить возможный покой, чтобъ не тревожить ихъ понапрасну въ послѣднія минуты жизни, а приступаютъ къ осмотру и перевязкѣ сначала людей второй категоріи, потомъ первой.

Перевязка состоитъ въ слѣдующемъ. Сначала снимается, а во многихъ случаяхъ разрѣзывается платье, чтобъ открыть раненую часть тѣла; потомъ снимается или тоже разрѣзывается прежде наложенная повязка; рана обмывается водой или обтирается кусочкомъ смоченной гигроскопической ваты, осматривается и, судя по представляемымъ ею особенностямъ, подвергается тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ врача, — зондируется, изслѣдуется пальцемъ, расширяется посредствомъ разрѣза ножомъ и, если въ тѣлѣ осталась пуля, послѣднюю, если возможно, извлекаютъ вонъ. Затѣмъ рану покрываютъ новой повязкой; больной относится на мѣсто и оставляется до слѣдующей визитаціи. Этотъ родъ дѣятельности врачей на главномъ перевязочномъ пунктѣ — самый обширный. Несравненно меньшему числу раненыхъ приходится дѣлать большія операціи, какъ: отнятія сильно поврежденныхъ или уже омертвѣвшихъ (гангрена, антоновъ огонь) рукъ или ногъ (ампутаціи); выниманіе кусковъ или выпиливаніе концовъ раздробленныхъ костей (резекціи); вскрытіе дыхательнаго горла (трахеотомія), когда раненый задыхается; выпиливаніе или приподниманіе вдавленныхъ костей черепа (трепанациа) и т. п. Затѣмъ идетъ послѣдовательное леченіе ранъ, что требуетъ ежедневнаго обмыванія ихъ, въ большинствѣ случаевъ два раза въ день, перемѣны повязокъ и наложенія такъ-называемыхъ неподвижныхъ повязокъ, для того, чтобы доставить поврежденной части тѣла возможно болѣе покой; эта послѣдняя работа — довольно тяжелая, требующая много времени, силъ и помощниковъ.

Вотъ въ чемъ состоятъ занятія въ военно-временномъ лазаретѣ. Кромѣ того, приходится лечить многихъ, страдающихъ внутренними болѣзнями — неизбѣжными спутницами войны, особенно въ холодное время года и уносящими на тотъ свѣтъ гораздо болѣе число людей, чѣмъ ихъ убиваютъ пули, картечь и осколки бомбъ и гранатъ. Но такого рода больные достаются по преимуществу на долю госпиталей, которые устроиваются еще дальше отъ мѣста военныхъ дѣйствій и, подобно почтовымъ станціямъ, располагаются по дорогѣ къ родинѣ, куда увозятся больные и раненые войны, если они уже не годятся болѣе для строевой службы. Итакъ, каждый раненый проходитъ черезъ много рукъ

и мѣсть, что, разумѣется, имъ не можетъ быть пріятно, такъ какъ они всего болѣе нуждаются въ покоѣ, и солдаты называютъ передвиженіе ихъ съ перевязочнаго пункта въ лазаретъ, изъ лазарета въ госпиталь, изъ него въ другой, третій и т. д. «хожденіемъ по мытарствамъ». Вотъ гдѣ можетъ быть оказана раненымъ огромная помощь, во время этихъ-то мытарствъ: тутъ каждый лишній влокъ сѣна или соломы, каждая лишняя подушка, положенныя въ телѣгу, принесутъ гораздо болѣшую пользу, чѣмъ разные консервы, заграничныя вина, изящная посуда и т. п. Каждый лишній пунктъ, въ которомъ раненные могутъ отдохнуть, является истиннымъ благодѣяніемъ: а въ этихъ-то средствахъ и чувствовался недостатокъ.

Возвратимся теперь къ нашему житію-бытію въ Габровѣ. Ежедневно утромъ и вечеромъ мы являлись въ лазаретъ для перевязки раненныхъ—нашихъ и турокъ. Эти послѣдніе въ первые дни своего пребыванія видимо находились въ страхѣ, можетъ быть, подъ вліяніемъ вопроса: что-то съ нами сдѣлаетъ «гауръ московъ»? Не станетъ ли мучить и добивать? Они недоувѣрчиво и боязливо слѣдили за нашими руками, особенно, когда видѣли въ нихъ скальпель или ножницы; у иныхъ на лицахъ выражались испугъ и поворность судьбъ, какъ бы передъ неизбежной смертью. Разъ понадобилось сдѣлать одному изъ нихъ подкожное впрыскиваніе морфія противъ жестокихъ болей, какія мучили его. Предупредить его я никакъ не могъ и приступилъ прямо къ этой моментальной операціи, но турокъ увидалъ въ моей рукѣ инструментъ съ иглой, которую я хотѣлъ воткнуть подъ кожу, и такъ заметался, такъ жалобно и быстро заговорилъ, какъ будто я собирался воткнуть ему ножъ въ сердце. И до тѣхъ поръ онъ не согласился на эту маленькую операцію, пока я передъ его глазами не ввелъ иглы въ свою руку; тогда онъ понялъ, что у меня нѣтъ намѣренія ни мучить, ни отравлять его. На другой день онъ уже самъ просилъ знаками повторить ему впрыскиваніе морфія, что продолжалось, пока боли его не стихли. Вскорѣ они привыкли къ намъ и стали по окончаніи перевязки благодарить насъ извѣстнымъ жестомъ селамъ. Сначала они съ удивленіемъ смотрѣли на сестеръ, потомъ скоро привыкли и привязались къ нимъ, и сестры полюбили ихъ наравнѣ съ своими ранеными. Да и что другое, кромѣ жалости, можно чувствовать къ врагу, когда онъ безсиленъ, изувѣченъ и весь въ нашей власти. Наши добрые солдаты удивительно тонко и вѣрно понимали наши добрыя отношенія къ раненымъ туркамъ, и ни одинъ изъ нихъ ни однимъ словомъ не выразилъ

неудовольствія по поводу нашего вниманія къ больному турку; напротивъ, я не разъ слышалъ такіа разсужденія между ними:

— Мы-то дома, насъ къ своимъ принесли, а онъ на чужой сторонѣ; его потому пожалѣть надо, онъ тоскуеть, небось, по своимъ, по своей землѣ. Да и боится же опять, потому онъ нашихъ обычаевъ не знаетъ, говорить по нашему не понимаетъ. Ему хуже, чѣмъ намъ.

Это слова русскихъ солдатъ; а вотъ и дѣла, доказывающія, что они не были только фразами. Лежитъ раненый въ обѣ руки турокъ; руки въ повязкахъ; самъ онъ ѣсть не можетъ. Кто его кормить? Сосѣдъ — русский солдатъ, тоже раненый, но который можетъ ходить и владѣть руками. Раненый турокъ не можетъ встать или повернуться. Опять тотъ же врагъ — русский солдатъ, подойдетъ и поможетъ сдѣлать, чтó тому нужно. И это отнюдь не единственные примѣры; это дѣлалось постоянно и совершенно обыкновенно; за то не разъ я былъ свидѣтелемъ трогательныхъ прощаній раненыхъ турокъ съ сосѣдомъ-солдатикомъ, съ докторами и сестрами, когда ихъ отправляли съ транспортомъ въ другой городъ. Одинъ турецкій офицеръ, уже не молодой, лѣтъ сорока-пяти, тяжело раненый и доставлявшій мнѣ много хлопотъ, заплакалъ, когда я пришелъ проститься съ нимъ, и взявъ мою руку, долго не выпускалъ ее и, продолжая плавать, передавалъ черезъ переводчика выраженіе благодарности за мои заботы о немъ и сожалѣніе, что я его покидаю. Разказы о другихъ подобныхъ сценахъ мнѣ приходилось не разъ слышать отъ товарищей и сестеръ. Впрочемъ, говорятъ, сердце турокъ — загадка.

Въ первое время нашего пребыванія въ Габровѣ и раненыхъ было немного и врачей достаточно. Уходъ за больными былъ таковъ, лучше котораго и желать нельзя было. Болгары помогали намъ и кормить больныхъ и ухаживать за ними. Во время визитаціи насъ постоянно сопровождала, можно сказать, цѣлая толпа болгаръ, которые слѣдовали за нами изъ палаты въ палату, съ любопытствомъ смотрѣли на раны, сожалѣли бѣдныхъ братушекъ и въ чемъ могли — помогали намъ. Въ лазаретѣ поѣтому было очень людно, шумно, оживленно, чтó, повидимому, не тяготило раненыхъ, а скорѣе развлекало ихъ; живое же дружеское участіе болгаръ не могло не дѣйствовать на нихъ пріятно и облегчать до нѣкоторой степени ихъ страданія: они видѣли, какъ высоко цѣнились эти страданія, какою любовью горѣли сердца тѣхъ, для кого переносились онѣ.

Итакъ, досуга у насъ было довольно и мы, окончивъ занятія, оставались въ лазаретѣ тоже въ видѣ посѣтителей, разспра-

шивали раненныхъ о битвахъ на Шипеѣ 5-го и 7-го іюля и слушали ихъ разговоры между собою.

Всѣ солдаты рассказывали про то, какой турки здоровый, крупный народъ, передъ которымъ «наши словно дѣти оказываются», что «они бьются хорошо и смѣло идутъ впередъ, молодцами идутъ, а на пули вотъ такъ и лѣзутъ; но что штыка—смерть боятся; противъ штыка стоять не могутъ—бѣгутъ. Развѣ ужъ бѣжать некуда,—говорили солдатки,—такъ еще отбиваются, но потомъ сейчасъ ружья побросаютъ; сами на колѣнки, руки вверхъ и давай кричать: «аллахъ, аллахъ!» Тутъ бери его живого, какъ курицу. Мы сначала и брали въ плѣнъ живыхъ, а потомъ, какъ увидали, что они съ нашими ранеными дѣлаютъ, если ихъ не успѣютъ подобрать, какъ истязаютъ ихъ, такъ ужъ послѣ того никакой пощады ни одному турку не было. Онъ кричить «аллахъ», а ты его аллахнешь штыкомъ куда попало; обомлится, ухватится за штыкъ руками и не пускаетъ, а самъ еще, собака, пашкой норовитъ достать, ну, да ружья у насъ длинныя, такъ онъ достать не можетъ... И живучи же они, проклятые! Пока штыкъ въ немъ сидитъ, все живеть, окаянный, ужъ только какъ выдернешь его, тутъ онъ и готовъ. Стукинешь его еще, для вѣрности, раза два по головѣ, и спѣшишь къ другому; другого поймаешь — къ третьему. Достается, конечно, и нашимъ, потому они все стрѣляютъ и штыкомъ тоже дѣйствуютъ... Иной разъ увидишь, что на земляка двое напали или одинъ здоровый его одолеваетъ; сейчасъ спѣшишь къ нему на помощь... Вотъ, ваше в—дѣе, землячокъ лежитъ съ побитой головой, — указалъ одинъ изъ рассказчиковъ на лежавшаго недалеко раненаго.—Связался онъ съ однимъ здоровеннымъ туркой; боролись они, боролись, все хотѣли другъ дружку внизъ съ горы сбросить. Землякъ вылезъ въ него, какъ клещъ, такъ что турка оторвать его отъ себя не можетъ, тогда онъ схватилъ съ земли камень и давай имъ того по головѣ мозжить; землякъ какъ-то изловчился и спихнулъ его внизъ, да не удержался и самъ за нимъ туда же. Я подбѣгъ къ обрыву, хотѣлъ къ нему бѣжать на помощь, анъ ужъ, смотрю, двое нашихъ кончаютъ съ туркой,—закололи. Послѣ этого, только-что я обернулся, смотрю, одинъ турокъ въ меня стрѣлить хочетъ; я приложился—бацъ! вижу—повалилъ его и не шевельнулъ, прямо въ лобъ ему угодилъ, а у самого у меня ружье кинуло и рука повисла, не могу поднять. Что за оказія? Смотрю, кровь на плечѣ показалась... Тутъ я понялъ, въ чемъ дѣло: это, значитъ, мы съ нимъ, какъ по командѣ, въ одинъ разъ выпалили, я въ него, а онъ въ меня. Ну, да ужъ я очень былъ радъ,

что ему башку разбилъ, такъ радъ, что, кажись, тогда и рука у меня ничего не болѣла.

— Разъ случилось намъ, — рассказывалъ другой раненный, — захватили мы на деревѣ семь человѣкъ турокъ; сидятъ, проклятые, и стрѣляютъ отсюда въ нашихъ; никому и невдомѣкъ сначала, что они на деревьяхъ засѣдали придумали, потому, стрѣльба идетъ со всѣхъ сторонъ, не разберешь; выстрѣлы стучать, словно горохъ кто въ мѣдный котелъ сыплеть, а пули только мимо ушей — жикъ, жикъ! Кто-то изъ нашихъ ребятъ и запримѣтилъ ихъ, показалъ, значить, другимъ. Сейчасъ около дерева собралась кучка солдатъ; глядимъ на нихъ, посмѣиваемся, — эти наши, молъ; ужъ эти не уйдутъ. Ребята! сбивай ихъ! — кричу. Они видятъ — плохо ихъ дѣло, руки вверху, давай кричать, помилованія просить; а сами ружей не бросаютъ, проклятые. «Бросай ружья, да слѣзай сами!» — кричимъ имъ, а они и ухомъ не ведутъ, только «аллахъ» кричатъ. Ну, мы ихъ посбивали всѣхъ отсюда, какъ груши...

Подобные рассказы слышались во всѣхъ углахъ, гдѣ только были, не-тяжело раненные, и они передавались самымъ хладнокровнымъ тономъ, какъ будто рѣчь шла вовсе не объ убійствахъ людей, а такъ, о потѣхѣ какой-то. Кто бесѣдуетъ съ сосѣдомъ, кто съ товарищемъ, пришедшимъ въ лазаретъ навѣстить его, и жалѣешь, что не можешь всего слышать. Около одного раненаго сидѣлъ пріятель его казакъ-краснобай, какихъ много между ними, и очень живо рассказывалъ о какой-то рекогносцировке, вставляя въ свою рѣчь очень частыя и важныя «да!»

Раненный не спускалъ съ него глазъ; глаза его блестѣли, а все лицо выражало сожалѣніе, что онъ не могъ принять участія въ ночной развѣдкѣ, о которой рассказывалъ казакъ.

— Призываетъ къ себѣ нашъ сотенный начальникъ урядника Фадѣева... да! и говоритъ: «Фадѣевъ!» Тотъ говоритъ: «чего-съ?» «Ты, — говоритъ, поѣдешь, братъ, нонче къ турецкому лагерю... да!.. разнюхаешь тамъ, что у нихъ дѣлается, много ли войска, пушекъ тамъ — и все такое... Понимаешь? Да!.. Набери, — говоритъ, — съ собой охотниковъ и ступай»... Фадѣевъ говоритъ: «слушаю-съ»; приходитъ къ намъ и говоритъ: такъ и такъ, кто хочеть со мной ѣхать? Набралось насъ этакъ человѣкъ съ десятковъ; сейчасъ засѣдали коней — и маршъ. Да! Ночью поѣхали, такъ чтобъ на самомъ разсвѣтѣ, чуть займется заря, тамъ быть; осмотрѣть все, пока непріятель будетъ еще въ расплохихъ чувствахъ находится и тѣмъ же часомъ назадъ. Да! Подѣхали мы; видимъ, ужъ близко; только, какъ было еще рано, — темно еще

совсѣмъ, — мы и остановились подъ деревьями возлѣ дороги, на горѣ, а внизу, сейчасъ подъ горкой, саша (шоссе) проходить. Да! Стоимъ, ждемъ. Я такъ, примѣрно вотъ тутъ; а товарищи порастянулись вдоль отъ дороги. Ну, вотъ... да! Оно какъ дѣлота происходитъ... что... Чувствую я, что сонъ это меня обманываетъ. Нѣтъ, врешь, думаю себѣ: семъ-ка я трубочку раскурю: сонъ табаку не любитъ. Да! Закурилъ. Тамъ еще кто-то изъ товарищей выскресталъ огоньку, тоже запалилъ трубку; стоимъ, по-пыхиваемъ... И у непріятеля часовые, должно, не спали, потому онъ сейчасъ тревогу и забилъ, и забилъ. Забилъ тревогу, мы говоримъ другъ другу: стой, не трогайся! Пока что и какъ, мы всегда успѣемъ отъ нихъ убѣчь наиблагополучно. Тутъ онъ началъ изъ пушекъ въ нашу сторону стрѣлять. Сердца у насъ проснулись; стоимъ, думаемъ, что будетъ дальше, потому пушки намъ вреда никакой не сдѣлаютъ; боньбы все черезъ насъ перелетаютъ. Да! Только я, какъ былъ у дороги врайній, то и слышу вдругъ, какъ отъ турецкой стороны кто-то на рѣзвой лошади въ насъ бѣжитъ. На дворѣ еще темно совсѣмъ; только ухомъ слышно, что все ближе, ближе, такъ и слышать, какъ подковки по дорогѣ побрякиваютъ... Стрѣлить, спрашиваю себя въ мысляхъ, ай не надо? Только я это подумалъ, а онъ ужъ, слышу, мимо меня внизу проскакалъ, да такъ рѣзвѣ, что камушками-то изъ-подъ копытъ словно дробью по листочкамъ разсыпалъ... Кто такой это могъ проскакать? Куда онъ поѣхалъ? Я такъ думаю себѣ... да!.. что турокъ, увидавши насъ, подумалъ, что русское войско привалию, перепугался и, можетъ, послалъ гонца за подкрѣпленіемъ. Вотъ этотъ гонецъ думаетъ, авось проскачу, не зарубятъ; затаялъ духи и проскакалъ. Проскакалъ этотъ гонецъ; мы стоимъ; надо ожидать чего-нибудь новаго. Тутъ турокъ сталъ стрѣлять изъ орудій залпами, но опять намъ вреда никакой не сдѣлалъ. Да! Тамъ и свѣтать стало; стали мы смотрѣть; съ горы-то намъ все видно, а насъ, какъ десять человѣкъ всего, и опять же — въ кустахъ, насъ и не видать. Видимъ мы, что у него въ лагерь пушекъ до десятка; палатокъ пропасть поставлено, а войска почти-что ничего нѣту...

Въ это время меня отозвали къ одному раненому и я не слышалъ окончанія разсказа. Но на слѣдующій день мы узнали, что турки ушли съ Шипки; увидавъ себя окруженными съ одной стороны отрядомъ генерала Гурко, а съ другой — орловцами, они ночью оставили лагерь и бѣжали всѣ, бросивъ укрѣпленія и все, что въ нихъ было: палатки, пушки, запасы патроновъ и продовольствія, постели, много платья, ружей, котлы съ готовившейся

пищей и даже, говорить, знамена. Мнѣ рассказывалъ начальникъ одной болгарской дружины, какъ въ отрядѣ Гурко узнали объ этомъ бѣгствѣ турокъ. Наванунѣ вечеромъ была атака, которая была отбита турками. Раненыхъ не успѣли подобрать, и генералъ отдалъ приказаніе, чтобъ завтра одинъ изъ офицеровъ взялъ всѣхъ санитаровъ и подъ бѣлымъ флагомъ отправился на мѣсто вчерашняго боя, поднималъ раненыхъ, потому пришелъ бы въ лагерь непріятеля и предложилъ имъ сдаться. Порученіе это было почти смертнымъ приговоромъ, потому что турки ни бѣлому флагу, ни красному кресту не оказываютъ присвоеннаго имъ условнаго почтенія. Выборъ палъ на субалтернъ-офицера 5-й дружины А. М. Мавсютенко, а съ нимъ, по собственному желанію, отправились его братъ ¹⁾ и офицеръ Яковлевъ. Раннимъ утромъ отправились они, неся бѣлый флагъ и идя впереди роты санитаровъ. Глаза ихъ были обращены на непріятельскія укрѣпленія, съ которыхъ, они ожидали, ихъ встрѣтить градомъ пуль и гранатами; но турки на этотъ разъ оказались европейцами и ни откуда не раздавалось ни одного выстрѣла. Наши идутъ дальше, доходятъ до мѣста бывшаго боя, но раненыхъ въ живыхъ ни одного, всѣ добыты и почти всѣ обезглавлены. Они двигаются впередъ, поднимаясь въ гору; они ужъ на полъ-горѣ — тишина и полное уваженіе къ бѣлому флагу. Но было ли это дѣйствительно уваженіе, или только намѣреніе подпустить ихъ ближе, чтобъ вѣрнѣе можно было разстрѣлять всѣхъ одного — они не знали. Сердца волотили тревогу. Санитары просили позволенія остаться здѣсь, т.-е. не идти дальше, говоря, что живыхъ раненыхъ нѣтъ, за что же они пропадутъ даромъ. Три офицера согласились съ ихъ доводомъ и продолжаютъ путь одни. Вотъ уже ясно видны элементы, укрѣпленія, черныя жерла непріятельскихъ пушекъ; турки все продолжаютъ оказывать уваженіе парламентерскому флагу. Герои доходятъ до самыхъ укрѣпленій, непріятели молчатъ, какъ мертвые; вступаютъ въ одинъ лагерь — никого нѣтъ, только палатки стоятъ; заглядываютъ въ одну, въ другую — нигдѣ ни души. Они не понимаютъ, что это значить, и продолжаютъ со страхомъ посматривать на выше лежащія укрѣпленія, на горѣ св. Николая; но и тамъ все тихо и ни души не видно. Они даютъ знакъ санитарамъ, чтобъ взошли на гору. Тѣ приходятъ и, узнавъ пріятную новость, что турокъ нѣтъ, начинаютъ хозяйничать въ лагерѣ, забирая кому что приглянулось — ковры, одѣяла, ружья и проч., и когда они стояли съ руками, наполненными

¹⁾ Раненый востокъ подъ Зеленымъ Дремомъ и умершій отъ ранъ.

разнымъ добромъ, вдругъ замѣчаютъ, что на горѣ св. Николая появились люди, конечно, турки, и всѣ мигомъ остановились, словно въ столбнякъ, кто въ какой позѣ былъ. Стоять, ждутъ залпа и смерти... Но выстрѣловъ нѣтъ. Показавшіеся на горѣ люди тоже стоятъ и какъ будто рассматриваютъ ихъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ снимаетъ шапку и поднимаетъ вверхъ; наши офицеры машинально отвѣчаютъ на привѣтствіе, дѣлая то же самое, и вслѣдъ за этимъ со стороны мнимаго непріятеля доносится крикъ: «ура!» Наши поняли въ чемъ дѣло, сами кричатъ въ восторгѣ «ура!» и идутъ на встрѣчу не къ туркамъ, какъ они считали прежде, а къ нашимъ офицерамъ и солдатамъ орловскаго полка и болгарскимъ дружинамъ съ генераломъ Свобелевымъ во главѣ. Тутъ происходитъ взрывъ общей радости, горячіе поцѣлуи, восторгъ и новые крики «ура!» Фамиліи трехъ храбрецовъ, братьевъ Максютенко и Яковлева, генералъ приказываетъ записать, и они возвращаются назадъ въ свой лагерь съ радостной вѣстью, что Шипка взята.

Итакъ, непріятель скрылся. Наши войска заняли высоты и укрѣпленія на Шипкинскомъ перевалѣ, которыя стали называть общимъ названіемъ Шипки: ѣздили «на Шипку», пріѣзжали въ Габрово «съ Шипки», говорили о «шипкинскихъ» дѣлахъ 5-го и 7-го іюля. Такъ и мы будемъ называть извѣстное мѣсто Балканскихъ горъ Шипкой. Куда ушелъ съ нея непріятель — не знали; думали, что онъ остался вблизи и скоро начнетъ тревожить нашихъ, но прошло нѣсколько дней и онъ не показывался; его нигдѣ не видали, о немъ не приходило никакихъ извѣстій. На Шипкѣ совсѣмъ затихло и наши войска отдыхали; офицеры часто пріѣзжали оттуда въ Габрово, и въ первые дни только и разговоровъ было, что о занятыхъ позиціяхъ и по преимуществу о горѣ св. Николая, объ ея превосходно устроенныхъ укрѣпленіяхъ и ихъ неприступности. Многие изъ молодыхъ офицеровъ увлекались до того, что говорили: «эту позицію мы можемъ съ нѣсколькими ротами отстоять противъ цѣлой арміи»; другіе же, постарше, слушая ихъ, покачивали головами...

Такъ или иначе, Габрово теперь казалось довольно надежно прикрытымъ отъ непріятеля, если бы онъ вздумалъ направиться на него изъ-за Балканъ; но это только — казалось: въ Балканахъ существуетъ множество другихъ проходовъ, кромѣ шипкинскаго; съ другихъ же сторонъ городъ оставался открытымъ для непріятеля, тѣмъ болѣе, что въ немъ находились тогда всего одинъ батальонъ орловскаго полка.

— Вы знаете, куда вы ѣдете? — говорилъ намъ генералъ

Драгомировъ, когда мы отправлялись въ Габрово:—вы ѣдете, такъ сказать на аванпосты.

Дѣйствительно, положеніе Габрова, только 1-го іюля занятаго нашими войсками, было весьма и весьма непрочное; пребываніе въ немъ довольно рискованно, но намъ какъ-то не думалось тогда объ опасности; особенно въ первые дни, вѣроятно потому, что на всемъ пути отъ Систова до Габрова мы нигдѣ не видали другихъ признаковъ войны, кромѣ движенія нашихъ войскъ; ѣхали вездѣ спокойно, какъ по русской землѣ; наконецъ, мы находились подъ обаяніемъ блестящей переправы, и сознанія могущества нашего оружія, передъ которымъ турки бѣжали изъ Систова, изъ Тѣрнова и съ Шипки. Черезъ Габрово въ то время часто проводили партіи плѣнныхъ, болгары ликовали;—все это внушало намъ храбрость; на душѣ было легко, потому что успѣхи нашей арміи заставляли забывать о кровавыхъ жертвахъ, приносимыхъ ею; онѣ приносились не даромъ и сравнительно въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Я сказалъ, что занятій у насъ въ лазаретѣ было не много и мы—въ промежуткѣ времени отъ утренней до вечерней визитации—отправлялись иногда въ городъ, отчасти за закупкой разныхъ съѣстныхъ припасовъ, иногда обѣдать въ «страннопріимницѣ», (гостинницѣ), въ которой за одинъ, за полтора франка наѣдались до сыта; иногда же просто ради прогулки и ознакомленія съ городомъ.

Разъ въ одну изъ такихъ прогулокъ, я замѣтилъ на главной улицѣ особенное оживленіе, и отъ встрѣтившагося знакомаго изъ мѣстныхъ жителей узналъ, что сейчасъ проведутъ партію плѣнныхъ турокъ въ 800 человекъ. Онъ предложилъ обождать на одномъ углу улицы, возлѣ лавки, откуда тотчасъ хозяинъ вынесъ для меня стулъ и, какъ я ни отказывался, уприсилъ сѣсть. Народъ толпился на небольшой площади въ ожиданіи веселаго зрѣлища, и вотъ черезъ нѣсколько минутъ послышались звуки такъ-называемаго болгарскаго марша, который здѣсь распѣваютъ цѣлые дни, какъ взрослые, такъ особенно дѣти, и поютъ съ замѣчательною вѣрностью. Въ этотъ разъ его пѣли болгары-солдаты одной дружины, показавшейся изъ-за противоположнаго угла. Впереди ихъ ѣхалъ на лошади русскій офицеръ, а за ними танулась колонна плѣнныхъ турокъ, и ихъ темно-красныя фески наполнили всю улицу. Въ первомъ ряду шли нѣсколько турецкихъ офицеровъ. Меня интересовало особенно то, какъ отнесутся болгары къ своимъ исконнымъ врагамъ, теперь безопаснымъ и свонфуженнымъ. Я ожидалъ насмѣшекъ, выраженія злобы,

но ошибся: толпа смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ, была весела, правда, но ни одной дерзкой выходки, ни брани, не только удара я нигдѣ не замѣтилъ. Толпа быстро прошла мимо меня, и я послѣдовалъ за нею, рассматривая плѣнныхъ. Лица ихъ были серьезны и грустны и особенно лицо одного офицера остановило на себѣ мое вниманіе. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, довольно красивый, съ умнымъ выраженіемъ черныхъ впалыхъ глазъ; мысли его, какъ казалось, были сосредоточены и ушли куда-то вдаль; онъ какъ будто не сознавалъ дѣйствительности и машинально двигался впередъ за всѣми, утомленный солнечнымъ зноемъ и ходьбой; феска его была сдвинута на затылокъ; сюртукъ разстегнуть... Чтѣ у него было на душѣ, подумалось мнѣ, чѣмъ заняты его мысли: о прошломъ и о судьбѣ родины задумался онъ, или тревожилъ его вопросъ о собственной участи... Вообще, офицеры старались не смотрѣть по сторонамъ, можетъ быть, чтобы не встрѣчать враждебныхъ взглядовъ своихъ недавнихъ рабовъ, а теперь господъ и повелителей—болгаръ; солдаты же, особенно же негры, которыхъ было довольно много, глязѣли по сторонамъ и просили то воды, то табаку. Плѣнные эти принадлежали, какъ мнѣ объяснили, къ султанской гвардіи. Народъ все былъ, очевидно, отборный, весьма здоровый на видъ и очень хорошо одѣтый—въ однообразное форменное платье. Плѣнныхъ вывели за городъ и помѣстили во дворѣ бывшихъ казармъ, обнесенномъ каменной оградой. Ихъ впускали въ дверь по одному или по два, причемъ стоявшій у дверей офицеръ пересчиталъ ихъ. Кругомъ дома и двора поставили часовыхъ и тотчасъ сдѣлали распоряженіе, чтобы имъ была доставлена вода и приготовлена пища. Многіе офицеры стоявшаго напротивъ батальона орловскаго полка вошли во дворъ; за ними и я, чтобы поближе посмотреть на своихъ враговъ и въ надеждѣ поговорить съ турецкими офицерами на какомъ-нибудь изъ европейскихъ языковъ. Оказалось же, что ни одинъ не говорилъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего; но тутъ нашелся одинъ болгаринъ, знавшій по-турецки и по-французски; онъ и былъ переводчикомъ. Я спросилъ у офицеровъ, какъ они поступаютъ съ нашими плѣнными и ранеными.

— Такъ же хорошо, какъ русскіе съ нами,—отвѣчали они, и всѣ варварскіе поступки сваливали на баши-бузуковъ, но болгары недовѣрчиво покачивали головами, улыбались двусмысленно и рассказывали о многихъ истязаніяхъ, убійствахъ женъ и дѣтей, совершавшихся также турецкими солдатами, а не одними баши-бузуками. Между плѣнными былъ одинъ мулла, мужчина замѣ-

чательной красоты. Я набросалъ его портретъ, подъ которымъ онъ подписалъ свое имя и званіе. Портретъ обошелъ всѣхъ офицеровъ и всѣмъ очень понравился. Они, повидимому, успокоились на счетъ того, что имъ вовсе не намѣрены рубить головы, и повеселѣли. Солдаты тотчасъ усѣлись на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, и многіе, увидавъ, что мы давали табакъ, осаждали насъ съ тѣми же просьбами. Но мы уже весь роздали.

День кончился и я вернулся домой при лунномъ освѣщеніи и, утомившись порядочно, заснулъ крѣпкимъ сномъ. Но, явившись на слѣдующее утро въ лазаретъ, узнавъ, что другіе врачи, находившіеся тогда въ Габровѣ, провели очень безпокойную и тревожную ночь, вслѣдствіе полученнаго какаго-то извѣстія. Сообщилъ мнѣ эту новость нѣкто N., молодой профессоръ одного изъ провинціальныхъ университетовъ.

— Я долженъ вамъ сказать, товарищъ,—обратился онъ ко мнѣ,—что мы въ большой опасности; мы, т.-е. всѣ русскіе, находящіеся здѣсь, въ Габровѣ, брошены чисто на произволъ судьбы. Сзади у насъ прикрытія никакого, а отъ Балванъ, какъ сегодня получено извѣстіе, идутъ на Габрово сорокъ тысячъ турокъ. •

— Ну, батюшка, если въ военное время всякому слуху вѣрять, такъ на одномъ мѣстѣ недѣли не проживемъ,—отвѣтилъ я, и хотѣлъ пройти въ свои палаты; но онъ удержалъ меня и продолжалъ:

— Въ томъ-то и дѣло, что это не слухъ, а лазарету дано знать объ этомъ официально начальствомъ и приказано немедленно уложить больныхъ и раненыхъ, всѣхъ безъ исключенія, на подводы и отправить въ Тѣрново. Хорошо еще, если они успѣютъ проскользнуть, потому что турки идутъ также изъ Травны на тѣрновскую дорогу, чтобы прекратить намъ всякое сообщеніе съ Габровомъ... Да-съ, положеніе наше самое критическое!

Хотя я и не вѣрилъ всему, что онъ наговорилъ, но, не скрою, слова его произвели на меня нерадостное впечатлѣніе и заставили призадуматься: на войнѣ все можетъ быть; мы же дѣйствительно зашли далеко впередъ.

Произведя этотъ эффектъ, N. какъ бы въ утѣшеніе мнѣ прибавилъ:

— Наступленіе, впрочемъ, ожидалось прошлой ночью или сегодня раннимъ утромъ, и то обстоятельство, что турокъ нѣтъ до сихъ поръ, подаетъ нѣкоторыя надежды:—можно думать, что планъ ихъ измѣнился и тогда, можетъ быть, мы имѣемъ еще нѣсколько дней, чтобы успѣть унести цѣлыми наши головы.

N. ушелъ отъ меня къ одной изъ сестеръ, передалъ ей сте-

реотипомъ ту же новость, словно одну изъ пріятнѣйшихъ; напугавъ ее и отправившись ко второй, потомъ къ третьей; ей разсказавъ и всѣмъ совѣтовалъ поскорѣе бросать Габрово и уѣзжать въ Тёрново и дальше, потому что и этотъ-то городъ, — убѣждалъ онъ, — защищенъ весьма плохо.

Подошли другіе врачи, говорятъ тоже, что прошлую ночь не ложились въ постель и не раздѣвались. Надо было вѣрить. А тутъ, смотрю, является, дивизионный врачъ и начинаетъ давать болѣе громкія и болѣе поспѣшныя, чѣмъ обыкновенно, распоряженія, чтобы скорѣе перевязывали больныхъ и укладывали на подводы. Выхожу на задній дворъ, гдѣ стоялъ лазаретный обозъ, и вижу, что лошади во всѣхъ фургонахъ заложены, ливнейки и другіе экипажи тоже готовы и солдаты такъ-называемой вестроевой роты поспѣшно укладываютъ вещи... Дѣло, вижу, не ва шутку идетъ. Я задумался. Неужели же надо готовиться къ немедленному отъѣзду? Неужели нужно бѣжать... Это послѣднее слово, съ его синонимами — удирать, улепетывать, и выражаемое ими дѣйствіе показались мнѣ въ ту минуту до того постыднымъ и гаденькимъ поступкомъ; одна мысль о немъ возбуждала такое скверное чувство гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ нравственнаго существа, что я сразу понялъ, что бѣжать буду не въ состояніи, и не я одинъ почувствовалъ это. Другіе же, наоборотъ, почувствовали, что они бѣжать могутъ и очень шибко. Раздумывая самъ съ собою и, такъ-сказать, справляясь со степенью своей храбрости, я приходилъ къ заключенію, что предпочелъ бы умереть въ неравной борьбѣ или отдаться въ плѣнъ, но не бѣжать. Можетъ быть, это была глупая рыцарская гордость, незрѣлость мышленія, непрактичность взрослого ребенка — не знаю. Не знаю также, что бы я сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ, если бы увидалъ отъ себя въ нѣсколькихъ шагахъ смерть, напримѣръ, въ видѣ несущихся турецкихъ войскъ, сопровождаемыхъ страшными ничего не щащими и не уважающими баши-бузуками...

Наши теоретическія размышленія и рѣшенія, къ сожалѣнію, часто не сходятся съ нашими поступками, когда мы встрѣчаемся съ жизненной правдой и когда суровая дѣйствительность становится передъ нами лицомъ къ лицу. Можетъ быть, и я спасался бы бѣгствомъ, допустилъ я такую мысль, но когда сталъ представлять себя поспѣшно уѣзжающимъ съ своими сотрудниками и вещами изъ монастыря, гдѣ оставалось столько беззащитныхъ жертвъ, въ видѣ едва таскающихъ ноги старухъ, беззащитныхъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыя всѣ должны были оставаться тутъ только потому, что имъ не на чемъ было уѣхать,

тогда мнѣ снова показалось, что нѣтъ, никогда не убѣжалъ бы я; по крайней мѣрѣ, не убѣжалъ бы заранѣе, когда неприятель былъ еще не близко, когда только шли разговоры, что онъ идетъ...

Можетъ быть, долго еще предавался бы я подобнымъ размышлениямъ, сидя на скамьѣ въ приемномъ покоѣ, если бы дивизионный врачъ не вывелъ меня изъ задумчивости, обратившись ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Докторъ, докторъ, пожалуйста, вѣдь я же просилъ скорѣе оканчивать перевязку и отправлять раненыхъ.

Я тотчасъ пошелъ въ свое отдѣленіе и принялся съ своими помощниками за работу; а въ головѣ все сидѣла мысль объ идущей на Габрово сорокатысячной арміи. Кругомъ, между ранеными происходили все тѣ же разговоры, передавались тѣ же рассказы, съ глаголами: отрубилъ, зарѣзалъ, разнесъ, воткнулъ, раздробилъ, стонетъ, кричитъ и т. п., и отъ этихъ рассказовъ становишься какъ-то нечувствительнымъ къ ужасамъ войны и равнодушнымъ даже къ собственной участи. Ну, разнесутъ, думаешь себѣ,—и я разнесу. Ну, убьютъ въ общей суматохѣ,—что за особенная важность,—словомъ, начинаешь осязательно вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ на міру и смерть красна...

Наконецъ, транспортъ готовъ. Раненыхъ размѣстили по лазаретнымъ линейкамъ и простымъ подводамъ, принадлежащимъ мирнымъ туркамъ, которые и сами тутъ на лицо. Они привезли въ Габрово пшеницу, продали и собирались вернуться домой, какъ ихъ взяли, не спрашивая, разумѣется, ихъ желанія и согласія—какъ поступали и съ болгарами,—привели къ лазарету и приказали тутъ ждать. Потомъ приказали вести раненыхъ въ Тёрново. Каждый турокъ получалъ за свою подводу по полтора франка въ сутки.

Отправлено было 170 человекъ, т.-е. всѣ, сколько находилось въ лазаретѣ. Прикрытіемъ или охранной стражей транспорту служила рота болгарскаго ополченія. Съ транспортомъ поѣхалъ докторъ и двадцать человекъ санитаровъ для ухода за ранеными въ дорогѣ.

Въ этотъ же день, вслѣдъ за транспортомъ, уѣхали изъ Габрова нѣкоторые доктора; одни потому, что обязанности призывали ихъ въ другое мѣсто, другіе же, располагавшіе свободою дѣйствій, просто спасались отъ подступавшей къ Габрову турецкой арміи или, какъ болгары говорятъ, «бѣгали». Третьи остались въ Габровѣ, ожидать подтвержденій или новыхъ извѣстій о сорокатысячной арміи, или же ея появленія вблизи города.

Но она не явилась ни въ этотъ, ни на слѣдующій день, и мы скоро забыли тревогу и перестали о ней думать. Однако, хотя мы не думали именно о ней, но нельзя сказать, чтобъ были совсѣмъ покойны, потому что до насъ, габровцевъ, безпрестанно доходили новыя и новыя тревожныя слухи: сначала разнеслась молва о нашей большой неудачѣ, понесенной при атакѣ Плевны; говорили, что однихъ раненыхъ 1800 человекъ. Сначала мы утѣшали себя надеждой, что, можетъ быть, это — ложное извѣстіе; но послѣ должны были повѣрить. Потомъ пришла вѣсть, будто турецкая армія, отступившая отъ Никополя, двинулась на Терново, а можетъ быть, — догадывались нѣкоторые, — она направится прямо на Габрово; во всякомъ случаѣ, послѣднему грозитъ бѣда неминуемая.

Слушаешь эти рассказы, и отъ нихъ грустно и страшно дѣлается; спокойствія духа нѣтъ, а потому нѣтъ и охоты предпринять что-нибудь въ ожиданіи непрошенныхъ гостей, заняться чѣмъ-либо. Живется какъ-то вяло и тупо; хандра нападаетъ въ дни досуга и даже музыка не излечиваетъ отъ нея: изъ лагеря доносятся звуки вальса и польки, но они не только не радуютъ, а кажутся даже неумѣстными и, какъ диссонансъ, раздражаютъ нервы. Въ одномъ я находилъ средство разгонять тяжелое настроеніе, — бралъ бумагу и краски, заставлялъ себя насильно идти въ городъ, садился противъ красиваго вида и начиналъ срисовывать его. Это отличное средство давать вниманію и мыслямъ иное направленіе и я не разъ благодарилъ судьбу за этотъ «даръ напрасный, даръ случайный», какъ одинъ пріятель называлъ мой рисовальный талантъ. Не таковъ другой «даръ напрасный», посылаемый судьбою: это — пріятели, принадлежащіе, какъ говорится, къ робкому десятеу. Они всего боятся сами и для нихъ, кажется, самое большое удовольствіе придумывать всякія напасти, пугаться ихъ и другихъ пугать. Только-что настроишь себя и успокоишься, придетъ этакой пріятель и опять все испортитъ. Впрочемъ, и противъ нихъ было средство — это частыя рассказы нашихъ солдатъ о непріятеляхъ, рассказы, приходящіе всегда въ одному знаменателю, — что хотя турки и «очень, весьма здоровый народъ, а только все же противъ нашихъ стоять не могутъ — бѣгутъ». И слова эти, какъ показывали факты, не были хвастовствомъ.... Намъ ли бояться! говорилъ я падавшимъ духомъ: развѣ не русскіе солдаты защищаютъ насъ, развѣ турки потеряли къ нимъ страхъ.... Нѣтъ, онъ живетъ до-сихъ-поръ. Уже знакомый читателю, докторъ Христовъ рассказывалъ мнѣ объ одномъ повѣрѣннѣ, существующемъ въ турецкомъ народѣ.

Когда турки пришли въ Еврону, они послали во всѣмъ дворахъ по экземпляру корана. Всѣ государи, кромѣ русскаго, насмѣялись надъ нимъ и приказали выбросить въ самое непочтенное мѣсто. Русскій же царь взялъ его, ничего не сказавъ, положилъ у себя на столъ и велѣлъ сдѣлать золотой ящикъ. Потомъ положилъ въ него коранъ, заперъ и, опять ничего сказавъ, оставилъ ящикъ у себя на столѣ, а ключъ спряталъ. Турки придаютъ особенное, таинственное значеніе тому, что русскій царь не произнесъ ни одного слова, и до-сихъ-поръ убѣждены, что Пророкъ за такое почтительное обращеніе съ кораномъ не будетъ вредить русскимъ въ войнѣ съ турками. «Никто не можетъ побѣдить насъ, кромѣ русскихъ», иногда выбалтывали турки подъ веселую руку, въ бесѣдѣ съ болгарами. Слово «московъ» (русскій) у турокъ—страшное слово, способное легко произвести панику. Имъ они пугаютъ дѣтей, когда тѣ капризничаютъ; имъ называютъ непріятельскія войска, когда они храбро дерутся. Когда молодые турки хвастаются, общая побѣдить русскихъ, старики недоувѣрчиво качаютъ головами и говорятъ: нѣтъ, москова побѣдить нельзя. Сколько разъ онъ ни воевалъ съ нами, онъ всегда отбиралъ у насъ провинцію за провинціей. Однако, хотя и успокоительно дѣйствовали подобныя рассказы, мы проводили въ Габровѣ непокойные дни и ночи, потому что отрицать опасность нашего положенія въ этомъ пунктѣ, совершенно забыть о непріятелѣ, было невозможно. О немъ говорилось постоянно; воображеніе напрягалось и рисовало разные ужасы. Впрочемъ, мы были убѣждены, что опасность не могла наступить неожиданно и моментально, а потому ложились въ постель, раздѣваясь, и разъ заснувъ, просыпались на слѣдующій день утромъ, благодаря небо, что ночь миновала благополучно. А непріятель, повидимому, только хотѣлъ приучить насъ спать покойно и крѣпко, чтобъ потомъ удобнѣе застать «въ распахихъ чувствахъ», какъ говорилъ казакъ.

Я жилъ въ одной комнатѣ съ студентомъ Губаревымъ. Однажды мы улеглись въ свои постели и скоро заснули.... Вдругъ, ночью, дверь нашей комнаты порывисто распахивается; въ нее вбѣгаетъ страшно испуганная сестра Энгельгардтъ и взволнованнымъ голосомъ кричитъ: господа! турки, турки! Вставайте скорѣе. Потомъ подбѣжала къ другой двери, которая вела въ комнату слуги, и туда крикнула два раза: турки! турки! Потомъ остановилась въ дверяхъ, торопя насъ скорѣе одѣваться и выходить. Мы послѣпнно одѣваемся, что въ потьмахъ дѣлается не такъ скоро.

— Турки ужъ здѣсь, въ Габровѣ,—говорила сестра-Энгель-

гарды, — въ городѣ тревога; народъ кричить.... Что мы будемъ дѣлать?—дрожащимъ и прерывающимся голосомъ, но безъ слезъ и отчаянія, восклицала сестра. — Да скорѣй, господа! Какъ вы копааетесь!

— Чего же скорѣе! Если турки ужъ въ городѣ, такъ нечего спѣшить, — увидимся во всякомъ случаѣ, не прозѣваемъ другъ друга, — отвѣтилъ я ей.

Черезъ минуту является другая сестра, Теплякова, тоже испуганная, но старающаяся скрыть свое волненіе. Мы были уже почти готовы.

— Что же мы будемъ дѣлать?—спрашиваетъ она.

— Нѣ могу знать, ваше всаблародье! — отвѣтилъ я, передразнивая солдатика, чтобъ ободрить ихъ и отчасти себя; но она, замѣтивъ строго, что теперь вовсе не до шутокъ, непременно требовала, чтобъ я сейчасъ отвѣтилъ на вопросъ: что мы будемъ дѣлать?

— Да подождите; тамъ увидимъ. Что-жъ тутъ дѣлать, — или умирать геройски, или сдаваться въ плѣнъ. Уйти некуда и некогда, если правда, что турки ужъ въ городѣ, хотя я этому не вполне вѣрю. Я дѣйствительно сомѣвался, но внезапное пробужденіе съ словами: «турки! турки ужъ здѣсь!» произвело очень непріятное впечатлѣніе, и я чувствовалъ, какъ мои руки дрожали.

— Надѣюсь, докторъ,—продолжала сестра-Теплякова: — вы меня живую не отдадите....

— Да, постоитъ, дайте одѣться и узнать что-нибудь. Я еще ровно ничего не слышу, вѣдь не успѣли же перебить всѣхъ жителей Габрова и потому только такъ тихо. Что-нибудь да не такъ....

— Это за стѣной не слышно и далеко до улицы, а мы сейчасъ сами слышали страшный крикъ людей, и монахини узнали, что турки ужъ вступили въ городъ.... Пожалуйста, докторъ, меня живой не отдавайте!...—неотступно требовала сестра.

— Чего же вы требуете отъ меня? Что прикажете съ вами дѣлать? Не зарѣзать же васъ сейчасъ, чтобъ предупредить врага, котораго мы еще не видимъ.... Да, вообще я отъ убійства васъ отказываюсь.

— Нѣтъ, ради Бога, убейте, какъ хотите, ну, отравите чѣмъ-нибудь, только не отдавайте туркамъ живую.

— Ну, тамъ посмотримъ.... Хорошо, если нужно будетъ, я васъ убью; я отравлю васъ—только успокойтесь!

— Нѣтъ, вотъ что!—придумала она,—дайте-ка намъ скорѣе мужское платье, чтобъ мы могли переодѣться. Мысль была дѣйствительно довольно практичная, и такъ какъ терять времени

было нельзя, я тотчасъ сталъ выбирать изъ своего платья костюмы для трехъ сестеръ. А въ то же время мозгъ работалъ усиленно, независимо отъ моей воли; думалось какъ-будто двумя головами или разными частями мозга. Одна говорила: все вздоръ, не можетъ быть, чтобъ непріятель могъ придти такъ неожиданно; все фальшивая тревога, надъ которой нужно смѣяться;—а другая спрашивала: а почему ты знаешь, что турки не пришли въ самомъ дѣлѣ? Хотя это и трудно, но вѣдь возможно... Я какъ-будто стоялъ между двухъ человѣкъ, убѣждавшихъ меня въ двухъ противоположныхъ мнѣніяхъ, и не зналъ, кого слушать, кому вѣрить. Особенно заботилъ меня вопросъ: что дѣлать съ сестрами, какъ спасти ихъ, гдѣ спрятать?—и не находилъ отвѣта.

Въ эту минуту передъ дверью раздались рыданія многихъ голосовъ; это были монахини, которыя, услыжавъ звуки тревоги въ городѣ, сбѣжали къ моей двери какъ къ единственному источнику спасенія, какъ крѣпости и ждали отъ меня защиты, помощи... Но какую помощь я могъ оказать имъ, когда мнѣ нечѣмъ было защитить даже самого себя, такъ какъ членамъ общества Краснаго Креста не полагается имѣть при себѣ какое-бы-то-ни-было оружіе и у меня дѣйствительно не было ничего, даже револьвера.

— Не пустить ли въ дѣло ампутаціонныхъ ножей, — сказала я товарищу полусутоливо, полусерьезно, — но тотчасъ подумалъ про себя: много ли ими сдѣлаешь, когда васъ осыпятъ пулями. Ничего не оставалось, какъ сдать въ плѣнъ, если бы насъ не перебили тутъ же, на мѣстѣ, гдѣ встрѣтили бы въ первую минуту.

— О, Боже! Боже!—стонали монахини, ломая руки и обливаясь слезами, — турци, черкезы пришли въ Габрово; сейчасъ придутъ сюда и посѣкутъ наши главы. Докторъ Павелъ! Докторъ Николай! спасите насъ! защитите насъ! — взывали онѣ ко мнѣ и товарищу, какъ единственнымъ мужчинамъ, находившимся тогда въ оградѣ монастырскаго сада; а за ней, на первомъ дворѣ, находились возлѣ экипажей наши кучера и санитары.

— Да гдѣ, гдѣ турки? Никавихъ турокъ и черкесовъ нѣтъ, — говорилъ я монахинямъ, чтобъ успокоить ихъ и унять ихъ рыданія, — вамъ представилось что-нибудь... Я ничего не слышу.... Развѣ вы что-нибудь слышите?

— Нѣтъ! нѣтъ! — возражали онѣ съ рыданіями: — на улицѣ шумъ; всѣ бѣгутъ; мы сами видѣли и слышали; ваши люди на томъ дворѣ тоже кричали «калавуръ» (караулъ) и стучали сюда въ садовую дверь, чтобъ насъ разбудить. Только мы не отперли

ея; можетъ-быть, сейчасъ и турки придуть!—говорили онѣ сквозь слезы—и опять начинали кричать и метаться въ невозобразимомъ отчаяніи; безъ цѣли и смысла вбѣгали онѣ въ комнаты, опять выбѣгали въ садъ, повидимому, обезумѣвъ совершенно. Однѣ рвали свои волосы, разрывали и платье, какъ-будто оно душило ихъ. Съ нѣкоторыми сдѣлалась рвота, а у моего слуги, заболѣвшаго перемежающейся лихорадкой, паровязкъ мгновенно прекратился. Меня осыпало морозомъ при видѣ этой ужасной картины человѣческаго отчаянія. Я старался прислушаться къ тому, что происходило на улицахъ, но голоса и рыданія монахинь оглушали мой слухъ.

— Да, помолчите минуту, дайте мнѣ послушать, что происходитъ въ городѣ!—обратился я къ нимъ, выйдя изъ своей комнаты въ садъ. Ночь была, словно день, свѣтлая. Монахини и сестры тѣснились къ намъ съ Г. Первые утихли, продолжая сдержанно рыдать и молиться. Я прислушиваюсь и ничего не слышу,—ни барабана, ни криковъ, ни выстрѣловъ; не видно нигдѣ зарева пожара; словомъ, не было ничего похожего на грозный шумъ тревоги, сопровождающей смятеніе толпы, торжественная тишина ночи стояла надъ спящей землей, и только съ рѣки, изъ-за ограды, доносилось отчаянное кваканье лягушекъ, наслаждавшихся прекрасной лунной ночью да кой-гдѣ слышался злобный лай собакъ, борющихся за существованіе какъ лично свое, такъ и вообще собачьяго рода.

— Странно!—подумалъ я:—должно быть все вадорѣ; кому-нибудь приснились турки и черкесы; онѣ вскочилъ съ просонокъ и всполошилъ всѣхъ.

— Вы слышите что-нибудь? — спросилъ я, обратившись къ сестрамъ и монахинямъ.

— Теперь ничего не слышимъ, но сейчасъ мы всѣ слышали, какъ люди кричали на улицѣ, бѣжали изъ домовъ; слышали, какъ ваши люди стучали вотъ въ эту дверь и кричали «калавуръ».

Я направился-было къ выходной двери изъ сада, чтобъ пройти на огородъ и потомъ на улицу, узнать, что тамъ дѣлается, хотя, судя по тишинѣ, я едва ли бы нашелъ кого-нибудь бодрствующимъ; вдругъ ко мнѣ на встрѣчу идетъ скорымъ шагомъ одинъ изъ нашихъ санитаровъ, останавливается передо мною, хочетъ что-то сказать, но не можетъ выговорить ни слова; дыханіе у него прерывается; нижняя челюсть дрожить....

«Нѣтъ, что-то дѣйствительно есть», мелькнула въ головѣ тревожная мысль.

— Что ты?—спрашиваю санитаря.—Что случилось?

Задыхаясь и дрожащимъ голосомъ онъ едва изловчился объяснить мнѣ, что «вчера Василій и Константинъ напились пьяными, напали на него и хотѣли ограбить и зарубить пашевой....

«А, вотъ оно что!» подумалъ я, и мнѣ все стало ясно.

— Ну, потомъ что?—спрашиваю его.

— Когда же я сталъ кричать караулъ, они испугались, отстали отъ меня, а пашку бросили въ капусту. Я пришелъ объяснить вашему в—дѣю объ этомъ ихъ самовольномъ поступкѣ и чтобы вы взяли меня подъ свое покровительство.

Теперь объяснились и «балавуръ», и ломленіе въ садовую калитку; тревога въ ближайшей улицѣ, произведенная учиненнымъ крикомъ на монастырскомъ дворѣ—и оттуда выводъ напуганныхъ монахинь о пришествіи въ городъ турокъ и черкесовъ. Я могъ бы ничего больше не спрашивать у санитары, который, какъ я послѣ замѣтилъ, тоже былъ «готовъ», и уйти къ себѣ лечь спать; но мнѣ нужно было разобрать дѣло, найти виноватыхъ и положить резолюцію въ предупрежденіе повторенія подобныхъ сценъ въ городѣ, гдѣ всѣ такъ напуганы, всѣ ждутъ бѣды и оттого поднимаютъ тревогу при малѣйшемъ поводѣ.

— Такъ это ты кричалъ караулъ?—началъ я судебное слѣдствіе при такой поэтической обстановкѣ, среди которой, если уже разбудили, гораздо пріятнѣе было бы покойно посидѣть у окна, выходящаго въ садъ, помечтать, наслаждаясь свѣжимъ воздухомъ, напитаннымъ ароматомъ цвѣтовъ и душистыхъ травъ; полюбоваться на очаровательную картину южной лунной ночи; просто задуматься, наконецъ, собравъ свои растрепанные мысли... а тутъ слѣдствіе, разборъ...

Вмѣсто прелестной дѣвы въ легкомъ воздушномъ одѣяніи—этого непремѣннаго аксессуара поэтическихъ лунныхъ ночей,— предо мною стояла противная фигура пьянаго санитары или «брата милосердія», какъ они было пробовали себя называть, да, къ счастью, названіе это не пошло въ ходъ. Я говорю—къ счастью, потому что за немногими исключеніями набранные санитары были изъ рукъ вонъ плохи. Все ихъ милосердіе обращалось къ самимъ себѣ; а вниманіемъ ихъ пользовались только кабаки.

— Такъ это ты кричалъ караулъ?—переспросилъ я.

— Точно такъ, ваше в—дѣе!—отвѣчалъ онъ, приложивъ руку къ козырьку неизвѣстно почему носимой имъ военной кепи.

Онъ произнесъ свое: «точно такъ, ваше в—дѣе!» съ видомъ полнѣйшаго удовольствія, происходившаго, нужно думать, отъ сознанія, что это онъ кричалъ караулъ отъ другихъ, а не другіе отъ него.

— Только ты одинъ и кричалъ,—больше никто?

— Точно такъ, ваше в—дѣ, только я одинъ,—теперь даже съ нѣкоторою гордостью и сознаниемъ собственной чистоты и невинности отчеканилъ онъ, насколько можетъ отчеканить человекъ, находящійся, какъ говорится, «на второмъ взводѣ», т.-е. въ несовсѣмъ тревожномъ видѣ. Онъ видимо все болѣе и болѣе приходилъ къ заключенію, что я принимаю сторону его, какъ причавшаго караулъ, и сейчасъ строго наважу его обидчиковъ.

— А въ городѣ не кричалъ ли кто-нибудь? Не было ли сейчасъ шуму какого на улицахъ?

— Никакъ нѣтъ, въ городѣ все было тихо; это только я сталъ кричать караулъ, когда меня Василій съ Константиномъ хотѣли зарубить пашкой, которую они...

— Ну, ладно, ладно!

Сестры и монахини во время этого разспроса стояли воевъ меня.

— Ну, вотъ вамъ турки и черкесы,—сказалъ я, поворачивая санитару къ нимъ лицомъ. Этыхъ турокъ и черкесовъ мы сами привезли сюда... Повернись, посмотри вотъ на нихъ,—приказалъ я ему. Онъ повернулся тоже по военному, на каблучкахъ и опять сдѣлалъ подъ козырекъ. Попросивъ сестеръ и монахинь успокоиться и идти спать, я самъ отправился взглянуть на наступателей, на обидчиковъ бѣднаго, добраго санитару. Обиженный шелъ за мною и все старался придать себѣ видъ угнетенной невинности. Я напелъ всѣхъ пьяными, и рѣшить—кто былъ правъ, кто виноватъ въ происшедшей ссорѣ, я думаю, былъ бы не въ состояніи и самый опытный изъ слѣдователей. Сказавъ каждому изъ нихъ по нѣскольку словъ, не особенно лестныхъ для ихъ самолюбія, я рѣшилъ посадить невиннаго санитару подъ арестъ при лазаретѣ, для того, чтобъ онъ въ другой разъ не кричалъ караулъ и општрафовалъ всѣхъ лишеніемъ суточныхъ денегъ на одну недѣлю.

Провзведенный ими крикъ и шумъ разбудили и подняли жителей сосѣднихъ домовъ; они тоже не знали, чтó такое происходитъ, и выскочили на улицу—мужчины съ оружіемъ, а женщины съ дѣтьми на рукахъ. Выйдя на улицу, я еще напелъ тамъ нѣсколько десятковъ человекъ и объяснилъ имъ, какъ случилось, что ничего важнаго нѣтъ, что это наши люди выпили черезъ-чуръ много вина, подрались и подняли между собою шумъ. Но они уже знали причину фальшивой тревоги и только продолжали ходить по улицѣ около своихъ домовъ, толкуя о военныхъ событіяхъ. Сонъ у меня пропалъ, ночь была такъ хороша, но какъ ни хотѣлось мнѣ пойти побродить по городу, я ушелъ къ себѣ: надо было спать, чтобы завтра имѣть бодрья силы для

новой работы, такъ какъ намъ было дано знать, что завтра придетъ транспортъ раненныхъ изъ-подъ Казанлыка.

Прошла эта потревоженная ночь; прошли слѣдующіе два дня, а транспортъ не приходилъ; не приходило также ни отбуда страшныхъ вѣстей и мы отдохнули физически и нравственно; но не на долго: уже на второй день вечеромъ пришло новое извѣстіе, что турки идутъ на Сельви, гдѣ завтра (16 іюля) ожидается сраженіе, и въ случаѣ, если побѣда останется на сторонѣ непріятеля, онъ, по всей вѣроятности, направится оттуда на Габрово, до котораго отъ Сельви всего тридцать верстъ; войска же здѣсь было тогда, какъ и прежде, всего одинъ батальонъ орловскаго полка; тѣмъ не менѣе имъ было приказано защищать городъ; въ случаѣ же неудачи—отступить въ горы, къ Николаевскимъ укрѣпленіямъ. На слѣдующій день намъ было дано знать, чтобы мы всякую минуту были готовы къ отбѣду, и потому намъ пришлось заняться приготовленіями къ дорогѣ, —укладкой своихъ разбросанныхъ по комнатахъ вещей въ чемоданы и ящики.

Нужно было брать съ собой всё экипажи и всё вещи, потому что мы должны были отереть перевязочный пунктъ вблизи мѣста сраженія, гдѣ послѣднему суждено было произойти, и потому еще, что не могли знать, куда броситъ насъ судьба послѣ. Только-что мы приготовились къ отбѣду, какъ привезли 66 чело-вѣкъ раненныхъ изъ-подъ Казанлыка.

Они прибыли уже поздно, такъ что переноска ихъ изъ повозокъ въ лазаретъ, приемъ и размѣщеніе по палатамъ совершались при фонаряхъ и свѣчахъ, и тусклое вечернее освѣщеніе дѣлало эти печальныя сцены еще болѣе тяжелыми; стоны и вскрикиванія слышались еще рѣзче. У насъ было все приготовлено для приѣма ихъ, а именно: посреди большой комнаты, въ которую вели двѣ двери, одна съ улицы, другая со двора, и которая служила намъ приемнымъ покоемъ, стоялъ столъ, заложенный разнаго рода перевязочнымъ матеріаломъ, необходимыми лекарствами и сосудами съ водой; около стола находились въ полномъ сборѣ — доктора, сестры и фельдшера. Когда внесли всѣхъ раненныхъ, ихъ напоили сначала чаемъ съ хлѣбомъ, потомъ приступили къ перевязкѣ, которая окончилась только около второго часа ночи, такъ какъ мы не могли отложить ея до завтра: завтра нужно было отправить всѣхъ раненныхъ изъ Габрова дальше, въ виду угрожавшей городу опасности. Но, слава Богу, необходимости увозить ихъ непременно завтра и непременно всѣхъ уже не было, такъ какъ пришло новое распоряженіе—не выѣзжать изъ Габрова, потому что ожидавшееся наканунѣ прибли-

женіе непріятеля со стороны Сельви не было приведено имъ въ исполненіе.

Раненыхъ было приказано оставить здѣсь, а намъ дано знать, что мы можемъ спокойно продолжать свои занятія, впредь до новыхъ распоряженій. Въ ожиданіи ихъ мы прожили покойно слѣдующіе пять дней, забывъ о всякихъ опасностяхъ и переставъ думать объ отъѣздѣ изъ Габрова; снова разложили вещи и если говорили иногда объ отъѣздѣ, то не иначе, какъ о движеніи впередъ за нашей арміей, которая, какъ мы были убѣждены, пойдетъ быстрыми шагами за Балканы, въ Казанлыкъ, въ Адрианополь и т. д.

Но вотъ возвращается разъ сестра Т. съ дежурства изъ лазарета, возвращается раньше обыкновеннаго, будить всѣхъ и сообщаетъ слѣдующія новости: что штабъ 9-й дивизіи, при лазаретѣ которой мы тогда состояли, будто бы выѣхалъ въ два часа этой ночью въ Сельви. Подвижному лазарету, находившемуся въ то время въ горахъ, приказано вернуться назадъ, и какъ можно скорѣе отправляться туда же. Мы привыкли уже вѣрить всякимъ новостямъ лишь на половину; но вскорѣ ко мнѣ пришелъ главный докторъ этого лазарета, Анучинъ, находившійся тогда въ Габровѣ, и подтвердилъ все, сказанное сестрой. Мы стали немедленно готовиться къ отъѣзду и черезъ два часа наши вещи уже выносили въ экипажи; лошадей закладывали; все дѣлалось поспѣшно и монахини со страхомъ посматривали на наши торопливые сборы и съ грудомъ вѣрили, что мы ѣдемъ по дѣлу, а не «бѣгаемъ» изъ Габрова, вслѣдствіе новой бѣды. Онѣ съ видимой грустью и сожалѣніемъ провожали насъ; нѣкоторыя даже плакали... Онѣ успѣли привыкнуть къ намъ; съ нами имъ было смѣлѣе и жилось покойнѣе потому, что одно слово—русскій—представлялось имъ силой, за которую можно укрыться отъ грозящей опасности. Въ полдень мы оставили Габрово и ѣхали по сельвійскому шоссе. Впереди растянулся длинный обозъ съ лазаретными принадлежностями; около него шли рассыпавшіеся санитары въ числѣ полутора ста человекъ; они были вооружены на случай встрѣчи съ баша-бузуками, частью ружьями или револьверами, частью холоднымъ оружіемъ. За обозомъ двигались грузныя лазаретныя линейки въ числѣ пятнадцати; дальше ѣхали врачи верхами или въ телѣжкахъ и, наконецъ, нашъ «красно-крестовскій» отрядъ съ своими тремя экипажами. День былъ знойный. Прекрасная шоссеиная дорога изъ Габрова на Сельви идетъ по живописнымъ отрогамъ Балканъ, покрытымъ богатыми полями золотистой пшеницы или еще зеленой кукурузы,

между которыми разбросаны группы великолѣпныхъ деревьевъ бука, орѣха, граба и другихъ породъ. Верстахъ въ десяти за городомъ мы встрѣтили сотню донскихъ казаковъ, впереди которой ѣхалъ знакомый мнѣ полковникъ. Откуда вы или куда? — спрашиваю. — А мы копировали начальника девятой дивизіи, вн. Святополькъ-Мирскаго, до Сельви. Бнязь оттуда отправился прямо въ Ловчу, гдѣ завтра, какъ полагаютъ, будетъ сраженіе, а также, говорятъ, ожидается большое дѣло подъ Плевной. Эти вѣсти довольно заставляли насъ прибавлять шагу, сокращать отдыхи, которые дѣлались для нашей пѣшей команды, и спѣшить къ мѣсту своего назначенія, но мы не могли ускорить движенія и ѣхали шагомъ, такъ какъ поневолѣ должны были быть «товарищами пѣшихъ». Продолжая нашъ путь и безпрестанно спускаясь и поднимаясь съ холма на холмъ, мы все время могли любоваться картинami живописной страны, богатой по своей природѣ, но населенной, какъ казалось, очень скудно, — по крайней мѣрѣ, у дороги лишь изрѣдка встрѣчались отдѣльные домики, — трактиры съ постоянными дворами, — да стояли двѣ турецкихъ деревни съ своими бѣлыми минаретами. Въ сторонѣ отъ дороги, между полями выглядывали нѣз-за густой листвы деревьевъ сельскіе домики, но тоже не часто; — болгары боятся большихъ дорогъ и селятся подальше отъ нихъ, во избѣжаніе разныхъ непрошенныхъ гостей. Кое-гдѣ бродили небольшія стада рогатаго скота и барановъ; показывались люди — болгары, которыхъ мы встрѣчали также на дорогѣ, медленно двигавшихся съ возами, запряженными парой буйволовъ, или расположившихся на отдыхъ. Эти отдыхи опредѣляются тѣми мѣстами, гдѣ они могутъ доставить своимъ черномазымъ сотрудникамъ наслажденіе сдѣлать себѣ грязную ванну, и у дороги, повидимому, нарочно вырыты не глубокія, но довольно объемистыя ямы, которыя наполняются водою, текущею изъ сосѣдняго болотца или родника, или набирающеюся во время дождей. Мягкая почва легко раскисаетъ, какъ говорятъ, и превращается въ жидкую грязь... Она-то и составляетъ источникъ блаженства могущественныхъ, кроткихъ и терпѣливыхъ тварей — буйволовъ, очень чувствительныхъ къ лѣтней жарѣ, а потому нуждающихся въ охлажденіи своего тѣла. Гдѣ есть вода и если они свободны отъ работы, они забираются въ нее компаніями и сидятъ въ ней всѣ жаркіе часы дня; гдѣ нѣтъ воды, буйволы лѣзутъ въ грязь съ такимъ же наслажденіемъ, какъ въ воду. Выкупаться въ грязи для нихъ даже практичѣе, потому что она не такъ скоро высыхаетъ и, слѣдовательно, дольше прохлаждаетъ; — поэтому болгары, хозяева буйволовъ, стараются

обмазать каждого изъ нихъ грязью всего, кромѣ головы. Какъ неохотно расстаются буйволы съ грязной лужей, съ такимъ нетерпѣніемъ они бросаются въ ней, увидавъ ее, и хозяева стараются какъ можно скорѣе выпрячь ихъ изъ телѣги, чтобы весь возъ не побывалъ въ буйволовои ваннѣ.

Мы подвигались впередъ покойно и въ разговорахъ о томъ, о семь, а больше ни о чемъ, совсѣмъ забывали, что ѣхали по чужой землѣ, въ военное время; о войнѣ намъ ничто не говорило, кромѣ насъ самихъ, да цѣли нашего путешествія; вокругъ же насъ, куда бы ни упалъ взглядъ, мы вездѣ встрѣчали картины тихой и, какъ казалось издали, довольной жизни. Мысли объ ужасахъ войны покидали голову, однако, не надолго; — вѣтъ-нѣтъ да и вспомнишь о возможности нападенія, если не войскъ, то разбойничьей шайки, которая могла бы надѣлать намъ много бѣдъ, особенно во время привала, когда утомленные ходьбой и зноемъ люди разбредались въ лѣсочкѣ бливъ дороги и, разлегшись на роскошной мягкой травѣ, въ прохладной тѣни деревьевъ, засыпали мертвымъ сномъ... Не добудется бы ихъ скоро; точно также не собрать бы въ случаѣ тревоги лошадей, выпраженныхъ и пущенныхъ на подножный кормъ.

Палети, думалось мнѣ, десятка два баши-бузукоевъ съ разныхъ сторонъ на нашъ лагерь, сдѣлай нѣсколько выстрѣловъ, — и они произвели бы такую сумятицу, что, пожалуй, наша охранная стража была бы истреблена прежде, чѣмъ успѣла бы отыскать свое оружіе. У насъ же, какъ я говорилъ, его не имѣлось; мы, какъ члены общества Краснаго Креста, не нуждались въ немъ, такъ какъ считали себя гарантированными своимъ знакомъ на повязкѣ. Но вѣдь мы были въ Турціи и имѣли бы дѣло съ турками, не признающими никакихъ международныхъ соглашеній, и потому въ настоящей кампаніи слѣдовало бы, мнѣ кажется, всѣмъ быть вооруженными, не исключая даже сестеръ милосердія. Последнимъ оружіемъ было бы, пожалуй, еще нужнѣе, если не для обороны, то для самоубійства въ какую-нибудь крайнюю минуту.

Но въ мѣстности, по которой мы ѣхали, турокъ и баши-бузукоевъ, какъ намъ говорили, совершенно не осталось; они были частью истреблены, частью оттѣснены въ Балканы и за нихъ; остались здѣсь только такъ-называемые мирные турки, изъ деревенскихъ жителей, и на второй половинѣ пути мы проѣхали мимо предѣснаго турецкаго села, окутаннаго богатѣйшею растительностью.

Всѣ жители его остались на своихъ мѣстахъ и жили въ соб-

ственныхъ домахъ покойно, занимаясь своими дѣлами. Когда мы остановились въ этомъ селѣ, чтобъ напоить у колодца лошадей, нѣсколько стариковъ-турокъ подошли къ нашему экипажу, держа кувшины съ водою и отдавая намъ селямъ, — почтеніе, выражаемое прикладываніемъ руки ко лбу, потомъ къ сердцу и опять ко лбу. Они принесли воду, предлагая намъ пить... Вотъ какая любезность! Но не любезны были лица этихъ важныхъ, молчаливыхъ стариковъ; они выражали не то злобу, не то чувство гнѣвнаго стыда, испытываемое побѣжденнымъ передъ побѣдителемъ, во всякомъ случаѣ не симпатію къ намъ или дружбу.

Я смотрѣлъ на нихъ безъ злобы, безъ предубѣжденія, но не могъ отдѣлаться отъ мысли, что если бы какимъ-нибудь случаемъ сила очутилась на ихъ сторонѣ, наши головы навѣрно были бы немедленно снесены этими сѣдыми бородачами и въ видѣ трофеевъ насажены на песты. Напоили лошадей; ѣдемъ дальше. Сельви, говорить, уже близко... Что-то тамъ происходитъ, что мы найдемъ?—думается намъ при этомъ названіи. Ждемъ, заглядываемъ впередъ, но города все еще не видно. Солнце сѣло; погасъ послѣдній розовый свѣтъ на вершинахъ отдаленныхъ Балканъ, темно-голубой силуэтъ которыхъ ясно обрисовался на юго-восточной части горизонта, а Сельви все не видать и мы все продолжаемъ то спускаться въ долины, то взбираться на вершины новыхъ и новыхъ высокихъ холмовъ. Хоть и хорошая, а трудная дорога... Наконецъ, около десяти часовъ вечера, мы допелись до города, но въ него не вѣхали, а остановились, вслѣдствіе полученнаго распоряженія, въ полуверстѣ отъ него, гдѣ также стояли разные военные обозы, войска, расположенныя лагеремъ и только-что прибывшій лазаретъ 14 дивизіи... Два лазарета вызваны, — вѣроятно, ожидается серьезное дѣло. Надо было скорѣе поужинать и ложиться спать, чтобъ завтра чѣмъ свѣтъ быть на ногахъ. Мигомъ явились походный столъ, стулья, разная холодная ѣда, горячій чай и, утоливъ голодь и жажду, мы расположились на ночлегъ подъ безпредѣльнымъ шатромъ звѣзднаго неба, потому что разбивать палатки сегодня было уже поздно. Равнину, на которой мы стояли, оживляли множество востровъ и тысячи солдатскихъ голосовъ. Воздухъ посвѣжѣлъ и сталъ до такой степени влаженъ, что скоро всѣ наши вещи были словно смочены дождемъ. Мы провабли ночью, но наступившее теплое утро 21-го іюля скоро согрѣло насъ и высушило наши платье и вещи. Начался новый день... Что-то онъ принесетъ намъ?—спрашивали мы себя...

П. Пясецкіи.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢЛЬЦЫ

РАЗСКАЗЪ

I.

Замѣчательный нашъ вѣкъ. Присмотришься хорошенько къ обществу какому-нибудь, компаніи, фабрикѣ, заводу, складу, кабаку—даже въ шинку захолустному—оказывается, что всюду, съ замѣчательнымъ искусствомъ, совершается операція незамѣтнаго извѣтїя вопѣйки изъ кошелька ближняго.

Тамъ оболщаютъ православный и не-православный людъ дивидендами и взамѣвъ червонецъ опускаютъ въ карманъ какую-нибудь акцію, облигацію, съ красивой виньеткой и математическимъ вычисленіемъ на оборотѣ, обещающимъ владѣльцу красивой бумаги милліоны. Оно и заманчиво, и легче носить, и без-опасно. Тамъ печатаютъ всевозможные прейсъ-куранты и рекламы: о необычайной рѣдкости, о небываломъ еще въ природѣ чаѣ, о какомъ-нибудь всецѣлительномъ напиткѣ, о только-что вышедшей въ свѣтъ книгѣ необычайно-свѣжаго аромата по содержанію и изумительнаго переплета. Тамъ рекомендуютъ за пять рублей чудодѣйственное зеркало, съ помощію котораго можно, не учась ничему, снимать пейзажи, портреты и вообще быть художникомъ. Тамъ подпускаютъ бумажную ниточку въ шелковую матерію, такъ что не различишь прачку въ плицѣ съ барыней въ бархатѣ. Кулакъ подсыплетъ песочку въ мыло, куколку ¹⁾ въ розжъ, смелеть—и мучицу на винокуренный заводъ. Мука бѣлѣй обыкновенной, а выходъ спирта малъ. Заводчикъ охаетъ, кричитъ;

---

¹⁾ Нигуда негодное зерно, но бѣлое въ муку.

выписываетъ экспертовъ; вооружась съ ними разными инструментами, садится на заторный чанъ, смотритъ, изслѣдуетъ движеніе пѣны и думаетъ: что за причина такая?.. «Ты думай тамъ, а копѣчка-то за куколемъ невидимвой вылетѣла изъ кармана у тебя», — думаетъ про себя кулакъ, проходя мимо мудрецовъ, съ пачкою кредитныхъ за мучицу. Мудрецы находятъ, что нужно перемѣнить чаны — выписать ихъ изъ Берлина, изъ Лондона.

Ну, а какъ это бываетъ въ деревнѣ?

Въ деревнѣ идетъ то же, по-своему. Особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики, по неопытности въ хозяйствѣ, сдали свои земли въ аренду, продали кулакамъ, или наняли управляющихъ — лихихъ операторовъ. Приходить къ такому мужичокъ. Въ передней, по случаю эмансипаціи лавеевъ, встрѣчаетъ его собака. На лай, кошачьимъ шагомъ, слегка пригорбившись, выходитъ землеобладатель.

— Что скажешь, голубчикъ, хорошенькаго? — искусно подбрадается онъ къ пациенту.

— Къ вашей милости, Екимъ Мивитичъ. Не отдадите-ли земельки въ наймы подъ рожь?

— Можно, другъ мой, можно.

— А какъ цѣна?

— Ну, что намъ съ тобою толковать о цѣнѣ, народъ въ бѣдный, денегъ у васъ нѣтъ, мы лучше какъ-нибудь такъ сойдемся съ тобою.

— А это всего лучше.

— Еще бы. Намъ нельзя васъ не жалѣть, мы сосѣди, другъ другомъ должны жить. Мы вотъ какъ съ тобою сойдемся: я тебѣ дамъ десятинку подъ рожь, такъ, безъ денегъ, безъ всякаго задатка даже; а ты мнѣ обработаешь сполна двѣ десятины и уберешь съ нихъ въ гумно хлѣбъ, вывезешь въ поле сорокъ возовъ удобренія, не съ твоего, а съ моего двора, понимаешь?

— Съ чего-жъ не понять, понимаю.

— Ну вотъ. Потому въ сѣнокося ты три денька повосишься у меня въ лугахъ, а водочкой васъ попою, понимаешь?

— Знаю дѣло, понимаю.

— Бабенки твои, онѣ вѣдь такъ болтаются, барщины нынѣ нѣтъ, — весной попомять мнѣ просца денечка три, въ сѣнокося погребутся, поворошатся денечъ-другой, а ихъ угощу, — въ рабочую пору поважутся денечка три; а зимою у васъ лошади такъ болтаются, извоза нѣтъ, чугушка прошла, — ты свезешь мнѣ возовъ десятокъ хлѣба въ городъ. За мою добродѣтель, если ты возчувствуешь, случится у тебя поросеночекъ, принеси, или ку-

решочка христовлавнаго—это на твоей волѣ. Стало-быть, ты безъ гроша можешь владѣть моею десятиною и не увидишь, какъ работаешь. Что весной сработаетъ, къ рабочей порѣ забудешь...

— А я было трюшницу (3 руб.) въ задатокъ вашей чести принесть.

— Ну, отдашь ты въ задатокъ трюшницу, засѣешь мою десятину, остальныхъ не додашь, поди—судись тогда съ тобою. Въ-сто того, чтобы въ рабочую пору поскорѣй съ поля хлѣбъ убирать, мы и будемъ съ тобою ѣздить къ мировому — день-то въ ту пору кормить годъ, самъ небось знаешь пословицу. А тамъ, глядишь, къ мировому гости пріѣхали, разбирать нѣкогда, отложить до пятницы и въ пятницу поѣзжай. Это все дѣло пустое. Трюшница къ тому-жѣ годится тебѣ на нуждишку... Правду я говорю?

— Какъ же не правду, другую недѣлю семья безъ соли сидеть, все деньжонки на задатокъ собираешь.

— Стало-быть, такъ?

— Что-жъ, пожалуй, хоть и такъ. Только вотъ что, Ехимъ Микитичъ, навинь возокъ соломки на всю ешту матерію—лошадѣмъ на рѣзку.

— Можно, отчего-жъ. На-ка вышей, при рѣшеніи дѣла.

Ефимъ Никитичъ достаетъ изъ кармана жилетки ключъ отъ крана, отвинчиваетъ кранъ, наливаетъ стаканъ водки и подносить мужичку.

Нужно замѣтить, что у Ефима Никитича въ передней на столѣ былъ прикованъ винтами къ стѣнѣ громадный самоваръ изъ бѣлаго желѣза, гдѣ подъ краномъ съ ключомъ хранилась необходимая при операціяхъ влага—на случай, какъ у доктора морфій.

Мужичокъ расчищаетъ усы, крестится, беретъ стаканъ и по ниточкѣ съ наслажденіемъ тянетъ водку.

— Стало-быть, писать условіе, какъ говорили?

— Пиши.

— Только за возокъ соломки ты вывези съ своего двора возокъ пятнадцать удобренійца на мое поле. У васъ земли мало, небось давно ужъ удобрена.

— Пятнадцать многоенько, Ехимъ Микитичъ, десятокъ, пожалуй, вывезу за твое угощеніе.

— Экій ты гудокъ, я бы и на пяти померился, да какіе воза-то вы возите — пригоршни, веретеномъ встряхнуть — слово одно, что возъ. Ну ладно, десять, такъ десять.

Такимъ образомъ, посредствомъ таковой операціи, изъ кармана

мужичка изъемлется за десятину самой плохой земли около двадцати рублей. Да кромѣ того, соблюдается оборотный капиталъ, который операторъ выдалъ бы мужикамъ за разные работы, — обеспечивается работа на все лѣто въ поляхъ и лугахъ и вывозка удобренья, съ добавленіемъ удобренья съ крестьянскихъ дворовъ. А еслибъ Ефимъ Никитичъ вздумалъ отдать эту десятину за деньги, то напросился бы семь-восемь рублей, да еще съ подожданьемъ. И въ мировому все-таки ѣздилъ бы.

Подъ-часъ бываетъ и такъ, что сами операторы, Ефимы Никитичи, подвергаются операціямъ со стороны мужичковъ.

Еще съ осени землевладѣлецъ приглядывается въ окно, не подѣхалъ ли мужичокъ подряжаться на обработку земли и уборку хлѣба въ будущемъ году. Онъ крѣпко убѣжденъ, что земля безъ лошади и работника — прахъ. Вотъ подѣзжаетъ мухортый мужичонка верхомъ на усадистомъ конѣ. Привязываетъ лошадь, входитъ.

— Чтѣ, голубчикъ, скажешь?

— Попросить заработочковъ прѣхалъ къ вашей чести.

— Оно бы раненько еще. До весны-то, когда нужно пахать — насъ съ тобою, быть можетъ, похоронять и вѣчную память отпоютъ.

— Такъ-таки и помремъ всѣ — у меня три сына пахаря, четыре мерина и кобыла съ сосункомъ.

— Пожалуй, возьми. Сколько-жъ тебѣ?

— Десятиновъ восемь.

— Много, не отработаешь.

— Вона! чтобъ на экихъ лошадяхъ, да не отработать — ты глянь-во коня, привязанъ — какое дитѣ.

Хозяинъ посмотреть въ окно на лошадь, полюбуется, — соглашаются, пишутъ условіе, мужикъ получаетъ полсотни цѣлковыхъ и уѣзжаетъ.

На этой же лошади ѣдетъ къ другому, третьему и четвертому землевладѣльцамъ и вездѣ совершаетъ ту же операцію надъ ихъ кошелями. Послѣ оказывается, что подрядчикъ у сосѣда взялъ лошадь, даже тайкомъ поймалъ на выгонѣ, чтобы собрать на ней деньжонокъ, а своихъ лошадей у него и не бывало.

Судится, къ мировому тащить мужика не изъ чего, у него только и имущества, что похилившася избѣнка, да разбитые по кабакамъ лапти.

Но все-таки землевладѣльцы сдѣлаютъ визитъ весной къ

плуту-мужичку. Посмотрять на его хибару, погулять и съ горя зайдуть въ лавочку къ кабачнику, который на ихъ денежки крестъ желѣзомъ дворъ и совидаеть каменную стѣну вокругъ себя.

— На наши ты денежки, Алтуфій Степановичъ, обгораживаешься,—шутить съ дрожекъ арендаторъ.

— Тутъ всякія есть,—хриплымъ голосомъ отвѣчаетъ кабачникъ.— Отъ евтоихъ разбойниковъ надо чугунную стѣну завести. За шкаликъ готовъ весь домъ спалить, только не поднеси въ долгъ. Вотъ третій разъ горю. Анамесь, по осени, не далъ одному, онъ вышелъ на улицу и чириваетъ спичку объ стѣнку двора, спалю, кричить, а бѣльмы-то залилъ—не видитъ, что крыша-то желѣзная. Чиривай, думаю себѣ, чиривай.

Подходить масляница, не на что мужичку погулять, онъ и тащится къ арендатору.

— Что ты?

— Деньжонокъ пожалуйста.

— Да вѣд ты за два года впередъ забралъ.

— Какъ же теперь быть, лошадь пала, чемеръ схватилъ, и твою землю не на комъ пахать. Давай денегъ, куплю лошадь, все отработаю, а то какъ хошь...

Арендаторъ подумаетъ-подумаетъ—надо дать, чтобы не пропали прежнія деньги.

— Ну, хоть лошадеку дай, положи въ цѣну, — просить мужикъ.

Арендаторъ дастъ деньги, мужикъ ихъ прогуляетъ; дастъ лошадь, мужикъ сведетъ ее на торгъ, продастъ и деньги прогуляетъ. А работать не на чемъ—и взять съ него нечего.

Иной добродѣтельный землевладѣлецъ вздумаетъ справиться мужичка, чтобы онъ былъ хорошій работникъ: дастъ ему и лошадь, и денегъ, и корову, подъ заработки. Мужикъ видитъ податливость землевладѣльца, начинаеть лѣзть къ нему за всякой всячиной.

— Что-жь ты дѣлаешь со мной?.. — раздосадуется добрый человѣкъ,—забралъ и то-то и то-то, половины не отработалъ и просишь, давай тебѣ и овса на сѣмена, и муки на посыпку, и денегъ на деготь?..

— А не дашь, какъ хошь, мнѣ не на чемъ тебѣ работать, безъ подмазки колесъ не станешь возить снопы.

— Да ты скоро придешь, скажешь:—дай мнѣ жену.

— Жену ненадыть, а ты дай рублеву на деготь.

Чтобы не оставались въ полѣ снопы, землевладѣлецъ даетъ рублеву на деготь.

Одинъ арендаторъ, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, придумалъ открыть лавку съ крестьянскимъ товаромъ, съ тѣмъ, чтобы торговать не на деньги, а подъ заработки. Бабы, мужики раде-хоньки, гурьбами идутъ въ лавку.

— Поштенный! что стоитъ этотъ платочекъ?—обращается баба къ привазицу, развертывая на солнышкѣ красный линючій платокъ.

— Десятину связать.

— А вотъ этотъ?

— Три дня сѣно грестъ.

— Ишь ты какой, это много.

— Дура, да ты разбери: берешь платокъ безъ копѣйки, а еще торгуешься.

— Какъ думаешь, тѣтка, ай взять?—совѣтуется покупательница.

— Бери, вишь безъ денегъ.

И беретъ.

— Милый человекъ, что положишь за этотъ хвостикъ еомовинки?—поворачивая и обнюхивая рыбій хвостъ, спрашиваетъ мужикъ.

— Десятину пару взметать,—бойко отвѣчаетъ лавочникъ.

— Почти (уступи).

— Чего-жь тутъ почитать, борозды чтоль три, четыре не допахать? Ты, вишь, на хвосту ярлыкъ висить и клеймо: десятина пару, непонятливый народъ.

— А соль по чемъ за пудъ?

— Любое выбирай: хочешь десятину скоси, хочешь двадцать возовъ удобренія вывези въ поле.

— Дорогонько, она въ городѣ семь гривенъ.

— Ну, и вышелъ ты сиволдай: въ городъ-то нужно съѣздить, сбѣить полтинникъ, да еще напьешься — солдатъ вдоволь тебя наколотится, на пивекъ отволочетъ, пьяный оттуда подъ телѣгу попадешь, рыло расколотишь, лошадь украдутъ, а тутъ ты дома, покоенъ, и безъ денегъ берешь. Вы добродѣтели не понимаете.

Мужикъ соглашается.

— А рукавицы какъ?

— Три дня на поденщину къ молотилѣ.

— А трубочка?

— Дѣвчѣнку полоть свеклу на одинъ день.

Все это пишется, записывается, составляются груды условій и товаръ ходко развозаживается.

Рыбу поѣли, платки слиняли, рукавицы истрепались, а на

работу никакъ не загонить арендаторъ народъ. Къ мировому. Самъ мировой запутался въ этихъ рукавицахъ и рыбьихъ хвостахъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что арендаторъ, предварительно спустивши свои укладочки, коверчки, сундучки, въ одну прекрасную ночь исчезаетъ изъ имѣнія, не заплативши аренды.

Деревенская интеллигенція и захоластные коммерсанты, собравшись у кого-нибудь на крестинкахъ - именинкахъ, ведутъ оживленный разговоръ о хозяйствѣ, о политикѣ, напирая больше на турку и на чугунку, которая плохо возитъ товаръ, подъ конецъ проникаются сожалѣніемъ къ бѣдствующему человѣчеству и придумываютъ открыть у себя ссудо-сберегательную кассу. Время реформъ тащить за собою всякую щепку. Одни отъ души торжествуютъ, видя въ этомъ учрежденіи благую цѣль помощи ближнему бѣдняку въ его безысходной нуждѣ: купить лошаденку, чтобы обработать землишку, — коровку, чтобы не поморить съ голоду младенцевъ въ семьѣ. Другіе тоже отъ души торжествуютъ, соображая, что ни одно хозяйство, при всѣхъ хлопотахъ, не дастъ двѣнадцати процентовъ съ рубля въ годъ, какіе обѣщаетъ ссудо-сберегательная касса и безъ всякихъ заботъ. У сихъ послѣднихъ по воображенію пробѣжали: и еловый амбарчикъ, описанный подъ залогъ, въ половину цѣны — и корова утробистая, и овца и усадистый пѣгій меренокъ. Всѣ торжествуютъ и пьютъ тостъ за выдумку.

Открывается ссудо-сберегательная касса. Бѣдняки-мужички, какъ бабочки въ огонь, ночью порою, лѣзутъ въ кассу за деньгами, ни мало не соображая, что ихъ крылушки, помаленьку, опаиваются на финансовомъ огнѣ. А члены-владчики для сбереженія, тоже помаленьку, то вдумаютъ пристроечку къ дому, то рысачка, то пролеточку пріобрѣтутъ и пресповойно выѣзжаютъ новенькихъ лошадокъ по деревнямъ, съ провалившимися крышами.

— Какову, гг., мы операцію придумали! просто роскошь! — хвалится кабачникъ у арендатора, очищая снѣгъ съ бороды: — буланый попалъ мнѣ съ торговъ за шаль, можно сказать, но посмотрите, какъ онъ несетъ — просто рысакъ, шельма. Вотъ видите, всю бороду забросалъ снѣгомъ отъ заднихъ ногъ.

— Нѣтъ, ты погляди, какого я борова отхватилъ на торгахъ — вотъ такъ за шаль, — въ свою очередь хвалился арендаторъ. Просто туша, насилу догнали отъ волостной.

— Одно слово: всякій товаръ сталъ подрученъ и подъ руку, не ѣздитъ въ городъ на торги.

II.

Подъ обрывомъ горы, на которой рисуется красивый уѣздный городокъ, плавно протекаетъ мутная рѣка. Черезъ нее, въ видѣ паука, опрокинутъ горбатый, растопыренный мостъ. Кромѣ гусей и утокъ, по берегамъ рѣки у моста и на самомъ мосту блуждало съ удочками человекѣвъ двадцать бурластныхъ мѣщанъ. Всѣ они были одѣты въ чуйкахъ и камзолахъ выше колѣнъ, съ предлинными рукавами и круто подпоясаны ниже живота, такъ что камзолъ мѣшвами опускался воеругъ атлетической талии рослаго славянина, на ногахъ широченныя шаровары и кшшеообразные сапоги. Слѣдя за движеніемъ поплавокъ на водѣ, всѣ они тои-дѣло оглядываются на широкую дорогу, круто упадающую съ горы на мостъ. Завидя, что съ горы спускается обозъ съ хлѣбомъ, они притенуть свои удочки въ мостъ и выходятъ на встрѣчу обоза, огорнуть переднюю подводу и спрашиваютъ.

— Что везете?

— Пшеницу.

— Продай.

— Барская—продана.

— Ну, хоть дай поглядѣть.

— Что ее глядѣть, коли продана.

— Авось не съѣдимъ, намъ для прицѣпки нужно. Эко олухъ народъ—тпруу!..

Обозъ останавливается, мужики въ растопыренныхъ свитахъ, съ вшутами въ рукахъ, наблюдаютъ, какъ бы не стащили кошеля съ сѣномъ, а мѣщане разбѣгаются по возамъ и по локоть запускають въ нихъ свои руки съ предлинными рукавами. Достанетъ горстку, перекинетъ въ лѣвую руку, понюхаетъ, пожуетъ: сыровата маленько, замѣчаетъ опшара,—почесывая за ухомъ правой рукой, по рукаву которой опускается пшеница въ просторную пазуху,—а пшеничка ничего.

Лопади принатужатся, тронуть и везуть обозъ дальше. Мѣщане, поживывая и поллевывая пшеничку, возвращаются къ удочкамъ. На другомъ концѣ моста совершается та же операция съ обозомъ.

А если обозу случится ѣхать зимою въ сумеркахъ, или запоздать вечеркомъ, то на него, подъ видомъ присѣсть, прокатиться, нападаетъ какъ саранча самое мелкое поколѣніе крупныхъ мостовыхъ операторовъ. Мальчишки и дѣвчонки съ пяти лѣтъ, по примѣру родителей, начинаютъ упражняться доставаніемъ пше-

нички, ржицы, овсеца изъ возовъ, лишь бы только подотенуть свою рученку въ возъ. Мужики, не подозрѣвая въ городскомъ младенцѣ таковаго развитія, нисколько не мѣшаютъ имъ провагаться на возу по улицѣ.

Прибѣгая домой, эти младенцы съ восторгомъ высыпаютъ изъ своихъ пазухъ зерно, къ величайшему утѣшенію родителей. А родитель, приходя домой, становится въ широкую кадушку, распоясывается и изъ него начинается падать и сыпаться: зерна разнаго хлѣба, картофель, вишни, крыжовникъ, яблоки, рыба, мерзлый поросенокъ, а иногда даже живой цыпленокъ, смотря по времени года.

Снимаетъ салоги и изъ шароваръ, которыя не что иное какъ большой двухъ-ствольный карманъ, съ отверстиями по бокамъ, выползаютъ разные сельскіе продукты.

Счастье, если эти операторы попадутъ на большой обозъ — по-маленьку съ воза не видно. Но если огорнуть мужичка съ однимъ возомъ, свертять совсѣмъ: торгуются, дергаютъ его за шиворотъ, бьютъ по рукамъ, обернуть его къ возу спиной, заставить снять шапку и божиться, крестясь на соборъ, что ниже двухъ съ полтиной не отдасть.

— Не отдашь, ну, чортъ съ тобой — напутствуютъ его операторы, пожевывая и поплеывая на пути къ своимъ удочкамъ.

Ни одного базарнаго дня не пройдетъ, чтобы къ мировому судѣ не явилось человекъ десять съ жалобами:

— Ваше благородіе! обвѣсили, обмѣряли, обочли, поросать, цыплятъ, яблоки растаскали.

— Гдѣ, кто, при комъ? — нагѣзаетъ судья на назойливыхъ просителей.

— Да какъ же, ваше благородіе, самъ видѣлъ, рыжій таковой жердяна, стриженная борода, схватилъ поросенка за заднія ножки и ударился по мостовой.

— По какой мостовой?

— А что прямо къ Миколѣ пошла.

— Ну вотъ, улицы даже не знаешь, а лѣзешь беспокоить меня. А ты бѣги смотри, цѣла ли лошадь-то.

Нерѣдко случается, что мужичокъ, возвращаясь отъ мирового судьи, не находитъ ни лошади, ни саней, и съ кнутомъ однимъ возвращается домой.

Отъ скуки, въ видѣ разнообразія занятій, а главное, сознавая, что шупотней возовъ и пискарями изъ рѣки съ семьей не проживешь, наши операторы отправляются въ захолустныя селенія и тамъ оперяруютъ на всѣ лады.

Домишки такихъ операторовъ лѣплятъ коралловымъ рифомъ по склону горы надъ рѣкою и, какъ птички гнѣзда, примазываются къ горѣ, угрюмо хмурясь перекосившимися окнами на зрителей.

Мы знавали одного такого: звали его Никита Власичъ Говоровъ. Большая семья сокрушила его и заставила глубоко раздуматься надъ жизнію.

Въ понедѣльникъ на Троицынъ день, когда всѣ деревенскіе жители развиваютъ вѣвни и ликуютъ за яичницей среди роскошной природы въ лѣсахъ и когда, слѣдовательно, мостъ и рынокъ пусть—Никита Власичъ, одергивая вокругъ себя концы заштопанной, но къ празднику чисто вымытой ситцевой рубашки, сѣлъ на завалинку своей хибарки, закурилъ носогрѣйку и, всматриваясь въ груды темныхъ облаковъ, высоко валившихъ надъ рѣкой къ востоку, о чемъ-то думалъ. Его думу перебилъ престарѣлый соборный пономарь, доводившійся Никитѣ Власичу троюроднымъ дѣдомъ по женѣ. Питаясь, съ трасующею рукою, подаваніемъ по торгу, въ праздникъ,—за отсутствіемъ сельскихъ обывателей съ продуктами, онъ тоже не зналъ куда дѣваться отъ скуки—вотъ и пришелъ къ внучку, почесать балы.

Повидались, усѣлись, начался разговоръ:

— Плохо, дѣдушка, стало нашему брату жить,—жаловался Никита Власевичъ:—народъ сталъ умнѣть, самъ норовитъ тебя обмануть, а не то что ты его, какъ бывало прежде. Веретья побросали, стали въ мѣшкахъ хлѣбъ возить. Поди-жо, засунь руку въ мѣшокъ. Купишь мерзлую тушу, а въ ней полна грудь льду. Привезетъ на торгъ сѣно, бока взъерошить, а середка пустая—плуты стали мужики.

— Они прежде приучены были къ воровству, а изъ воровства, стало быть, пошли на плутовство,—объяснялъ внучку старшій пономарь.

— Именно,—такъ что нашему брату нечего остается дѣлать.

— Бывало, посмотришь, когда я былъ причетникомъ въ селѣ, бурмистръ завидитъ у мужика оглоблю плохую, или сани развалились, плетью лудить-лудить его вдоль спины, мужикъ отговаривается—негдѣ вѣять;—ай мало тебѣ барскихъ-то лѣсовъ,—приговариваетъ бурмистръ;—попадешься, вричь мужикъ;—воруй да не попадайся,—плетью вѣкъ учили воровству мужика, а теперь...

— А теперь на-дняхъ такая штука случилась: поздно вечеромъ приводить мужикъ лошадь къ моему сосѣду Антипѣ Лоскутову, сбываетъ за краденую; взялъ три цѣлковыхъ и пропалъ. Не успѣлъ еще Антипка лошадь сбить, какъ является мужикъ

съ полицейскимъ солдатомъ и лошадь опознаетъ свою—украли, говорить. Антипку за шиворотъ въ полицію волокутъ—свертѣли малаго. Антипка поставилъ штофъ воды—не тѣмъ пахнетъ. Да ужъ кое-какъ сбиль на пятернѣхъ отступного. Оказывается, что же? мужикъ свою лошадь сбиль и выкупилъ. Пьянъ напился и восемь цѣлковыхъ за одну ночь нажилъ. Самихъ дошеводовъ мужики стали учить,—какое-жъ стало мѣщанское житье!

— Ну, за это братъ достанется и мужику. Должно, еще законъ не добрался до такихъ плутней. А какъ внесутъ статью въ законъ: Аще мужикъ свою лошадь...—забудутъ,—это вѣдь Сибирю пахнетъ.

— Тамъ пока внесутъ, да забудутъ, а кормиться-то нечѣмъ стало. Семья-то повадилась чай пить.

— Что, братъ, вездѣ вино пошло: бывало встарину, когда я былъ въ селѣ, батюшка былъ отецъ Дій, что раздѣлывали! Отслужимъ это молебень, мужикъ и даетъ мѣдный пятакъ. Какъ! служили-служили—да пятакъ, полтинникъ доставай!—скажетъ батюшка. Мужикъ пожметса. А не хошь—Петровичъ, давай разслуживать молебень, пой не-Господи помилуй. Что-жъ ты думаешь, не успѣетъ о. Дій ризу навыворотъ надѣть, хозяинъ владеть полтинникъ на столъ—серебряный. Онъ ужъ готовъ у него, а у мужика натура такая, нельзя ли проѣхать на пятакъ. А нынѣ, посмотришь, какіе стали батюшки, что ни дай имъ и не смотреть—опускаютъ въ карманъ.

— Про что-жъ я-то говорю, совсѣмъ не тѣ времена пошли. Запасливый народъ эти мужики: съѣжится, горюетъ, бѣднякомъ прикидывается, а какъ заберется къ нему въ пуньку воръ, самъ кричитъ: пять окороковъ ветчины украли, — полпуда масла коровьяго, семь овчинъ, пять холстовъ,—полсотни денегъ.

— Такъ, такъ, сплошь и рядомъ, я-то ихъ знаю, тридцать годовъ въ селѣ пропономарилъ, бывало тавлинки табаку не разживешься.

— А смотри, какіе грубіяны стали: анамесь были мы у мирового, по дѣлу тамъ... Взятывается мужикъ въ тудупѣ, на лѣптахъ пуда два снѣгу—и садится въ кресло противъ мирового. Мировой, въ цѣпи, разбираетъ нась,—спрашиваетъ мужика: вамъ что угодно? а онъ въ отвѣтъ: а табѣ что надѣть? послушать пришелъ. Что-жъ съ храпоидалами подѣлаешь. Такъ мировой и замолчалъ, а изъ подъ-ногъ у мужика ручьи потекли. Еще придумали величать ихъ емъ: въ ночь подъ девятое ноября вы изволили разломать въ пунькѣхъ повѣтъ и утащить оттуда шлею и горшокъ масла?—спрашиваютъ на судѣ:—потѣха!... А онъ себѣ

почесываетъ локтями бока и ухомъ не ведетъ. Да и такъ сказать: о чемъ ему горевать? въ острогѣ ему жилось интiero лучше домашняго, ѣда хорошая, работы нѣтъ.

— И по сану-то своему онъ мужикъ, не куда ниже, онъ и спокойно спитъ себѣ въ острогѣ, — подтвердилъ пономарь. — Острогъ — не мужицкое наказаніе.

— Такъ-то, дѣдушка, плохо наше пришло житье, плохо стала нажива. Дивнисья иную пору, какъ еще вертимся. Насъ вѣдь въ городѣ до трехъ тысячъ мѣщанъ и всѣ живемъ можно сказать на вѣтру, перешибериваемъ кое-чѣмъ. До чего дожили: заповодаа лошадь на выгонѣ, поймалъ и — въ лѣсъ, раздѣлъ, кожу въ лавку — и недѣлю сътъ. Антипка тѣмъ и живетъ. На-дняхъ заводскому кобылу раздѣлъ шельма, рублей двѣсти стоила, живо жалъ. Почестъ всякую ночь аперацию дѣлаетъ.

— Въ деревню, что-ль, вамъ переселиться...

— Въ деревню — да тамъ своихъ плутовъ развелось волюю. Бывало, эти дворовые жили при баринѣ, дѣла не дѣлали, а всетаки вокругъ его вертѣлись, а теперь ихъ распустили, они и настроили кабаковъ, шинковъ, лавокъ и всякихъ притоновъ. Нѣтъ деревни, нѣтъ села, гдѣ бы этихъ приростковъ пять-шесть не было. Къ нимъ и валится комаръ и муха, а намъ ужъ нечего дѣлать въ деревнѣ.

— Хорошо бы выселить васъ на вольныя земли.

— Не годится дѣдушка, я ужъ думалъ такъ-то. На землѣ нужно работать, а мы привыкли съ утра до вечера шататься по городу, потрепывать кулаками съ малолѣтства привыкли, у насъ кровь не та. Вонъ Спиридоновъ богатъ мужикъ взялъ за сына мѣщанину — для благородства значить. Семейскіе до свѣта соломаты найдаты и на гумно молотить, а она лежитъ, соломату-то ѣсть не можетъ, не то что молотить, на счетъ чайку смекаетъ. И мужикъ-то склялся съ нею.

— Это она попала въ рабочую семью, гдѣ-жъ ей равняться, а переселитесь вы семьями цѣлыми, — полежишь, полежишь, по неволѣ примешься за дѣло.

— Поди-ко, заставъ цыгана землю пахать — привычка такая. Торговля — привлекательная штука. Богачъ купецъ и тотъ съ утра до вечера снуетъ въ лавкѣ. Его ничѣмъ не корми, а приди хоть на семерочку въ день у него купи. На морозѣ весь день просидитъ, въ томъ и жизнь свою положить. Знать ужъ нашъ заводъ такой. Лабазники на кулачки примутся драться отъ нечего дѣлать, ребята радовичи веревочку таянуть примутся; гурь-

бой на морозѣ ноги подставлять другъ другу, а все сидятъ въ лавкахъ.

— Никита Власычъ, дѣдушка, идите чай пить, — слышалось изъ окна.

— Аксинья Васильевна, да вы бы на улицѣ пристроили самоварчикъ, вишь какое благораствореніе воздуху, — предложилъ супругъ Никита Власычъ, — да пошлите-ко косушечку водочки, мы съ дѣдушкой пропустимъ для праздничка Христова.

Никита Власычъ сунулъ сынишеѣ желѣзныи шеворень изъ телѣги и моргнулъ.

Мальчишка со шеворнемъ и съ зельтерской бутылочкой ударился въ кабакъ. На улицѣ появились скамейки, самоваръ и чашки.

— Нѣтъ, дѣдушка, такъ жить намъ нельзя. Я придумалъ штучку, какъ Господь Миколай угодникъ облагодать, — проговорилъ съ разстановкой Никита Власычъ, улаживая табуретку на неровной землѣ.

Услышавъ за чай. Отъ сосѣдей слышался камаринскій на гармоникѣ. Подлюжины босыхъ дѣтишекъ Никиты Власыча заплясали вокругъ стола.

— Веселитесь, дѣтки, пока вы — дѣтки. Какова-то жизнь васъ ждетъ впереди, — замѣтилъ дѣдушка-пономарь, — а мы уже отжили.

III.

Въ городѣ, гдѣ жилъ Никита Власычъ, былъ богатый купецъ Парментъ Потапычъ Выжидаевъ — человекъ былъ добродѣтельный, особенно для бѣднаго торговаго люда. Онъ былъ уже старикъ и нажилъ богатство торговлею съ копѣйки. Чего-чего не вытерпѣлъ онъ съ молодости: и били-то его, и въ острогъ-то попадалъ, разъ чуть-было въ Сибирь не угодилъ за подозрѣніе въ ограбленіи. Прощедши огонь и воду и мѣдныя трубы кулацкаго быта, безъ особенныхъ напастей и разбогатѣвши, онъ охотно помогалъ себѣ подобнымъ страдальцамъ, мелкимъ торгашамъ: даетъ товарцу въ долгъ, на выручку, даетъ деньженокъ — де побъжайте въ уѣздъ, объегоривайте и объерихонивайте, какъ я въ былыя времена, и товаръ во мнѣ — вѣлну, щетину, корову, пеньку — барышокъ на-хлѣбъ на-соль вашу дамъ. Обмануть его трудно было. Прежде чѣмъ прасоль разинеть ротъ чего-нибудь попросить, онъ, исподлобья, какъ молнія, прохватитъ глазами прасола и съ-разу взвѣситъ всѣ его намѣренія и сердечныя помышле-

нiя. Отъ его пронизательнаго взгляда не ускользаль даже и хорошо шлифованный въ стѣлицахъ и за границей баринъ: онъ съ-разу понималь, кто показываеть ему образчикъ хлѣба, онъ не на образчикъ смотритъ, а на колѣнки барина, какъ это онъ ихъ разставляеть въ его лабазѣ, показывая образчикъ, ширкаетъ, или ровно держитъ. Тайкомъ заглянетъ и въ глаза, что онъ такъ себѣ смотритъ, или, поправляя галстухъ, оглядывается на улицу. Если въ лабазѣ какъ слѣдуетъ барина не разбереть, онъ приглашаеть его въ конторку, а ежели и тутъ баринъ покажется неясенъ, то и въ комнату — къ чаю, къ закускѣ. И тогда только начнетъ разговоръ о цѣнѣ хлѣба по образчику, когда вполнѣ исчерпаетъ нужду продавца-незнакомца. А съ знакомыми натурами онъ за-просто обходился.

— Ну, что прїѣхаль, небось, скажешь, дай деньженокъ? Зима подошла, въ Россіи жить нельзя, на теплыя воды надо кости везть. Что мнѣ съ вами дѣлать, обобрали вы меня всего: тому дай тысячу, тому три, а иной заломить десять дай. А подо что дай? подѣ будущій урожай. Подѣ траву, подѣ зелена, подѣ пороженую землю денежки отсыпаетъ. Ну что, говори?

— Разумѣется, тысяченку... къ вамъ больше не зачѣмъ ѣздить, какъ за деньгами, вы нашъ благодѣтельный Крезъ.

— То-то Крезъ, не слушаете вы меня, потужите, жили бы потише, лучше-бъ ваше дѣло было. Я вонъ сколько вашихъ имѣньевъ покупилъ, и жалъ мнѣ васъ, плачешь, а отдаешь по двадцать рублей за десятину со всѣми со дворцами, лѣсами и скотами. Потому вижу малый долженъ погибнуть, зачѣмъ же его добро упускать.

— Обо мнѣ не безпокойтесь, Пармень Потаповичъ, — я теперъ придумаль сдѣлать надъ своимъ имѣніемъ такую операцію, что...

— Слыжали мы, небось въ банкъ забутить?

— Не въ банкъ, а заводъ и всевозможные жиры производить; такъ, чтобы ни одно зерно не выходило изъ имѣнiя, а лишь одни продукты высшаго сорта, какъ-то: спиртъ, масло, сало, мята, персидская ромашка въ аптеки и прочее. Купилъ кубъ — розовое масло гнать.

— Слыжали мы, а ты говори, подо что тебѣ тысяченку-то дать?

— Разумѣется, подѣ хлѣбъ. У меня посѣяно сто двадцать десятинъ озимой пшеницы, весной посѣю сто десятинъ яровой, ржи посѣяно пятьсотъ десятинъ, ну, тамъ овса, гречи, проса и всякой гадости...

— Какъ думаешь, Митрошь, дать, что-ль, ему? — обращается старикъ къ сыну.

— Дѣло ваше, батенька, а по насъ какъ угодно, вамъ вѣрнѣй знать,—повачивая головой и свертывая въ три погибели какую-то бумагу,—отвѣчаетъ Митроша:—они завсегда были баринъ настоящій.

— Стало быть, дать. А на счетъ цѣны?

— Ужъ извѣстно, не въ первый разъ: съ наличной четверти хлѣба двугривенный складки противъ цѣны, а съ той, что съ осѣни посеяно и весной буду сѣять—полтинникъ.

— Пожалуй, что-жъ съ вами подѣлаешь, обобрали вы меня кругомъ. Видно дѣлать нечего—дай.

При этихъ словахъ Пармень Потаповичъ поднимаетъ полу длиннаго, на крымскомъ мѣху, сюртука, отвязываетъ отъ ременнаго пояса на ремешкѣ ключъ и отдаетъ его сыну. Митроша, въ дутыхъ сапогахъ, крупно шагаетъ изъ комнаты и исчезаетъ. Пармень Потаповичъ дигуется барину росписочку. Колокольчикъ нестаряемаго сундука зазвенѣлъ на весь домъ, баринъ подписался въ роспискѣ и тысяча въ пачкахъ является на столѣ. Старикъ взялъ пачки и прижимая ихъ ладонями,—сказалъ:

— Эхъ, вы, господа, не знаете вы цѣны деньгамъ,—на моей ладони, быть можетъ, лежатъ тысячу смертей, пять-сотъ побоевъ, сотни бессонныхъ ночей, а сколько слезъ—еще рѣки такой нѣтъ. Натѣ, держите и знайте имъ цѣну.

Пармень Потаповичъ не скупъ былъ на деньги—охотно ссужалъ ими людей еще не прогорѣвшихъ. А какъ замѣтить, что баринъ, должникъ, проматывается—онъ во взысканію и потихонечку вытаскивать изъ-подъ молотка имѣніе съ публичныхъ торговъ.

Что же касается до какого-нибудь дворника, мѣщанина и вообще мелкаго торговца, забиравашаго у него товаръ въ кредитъ на разживу и прогоравшаго, Пармень Потаповичъ никогда не взыскивалъ и не приступалъ къ описи имущества, а скажетъ только:

— Ну что, братъ, не пошла въ прокъ тебѣ моя добродѣтель?

— Не пошла, занялся садочками, пошла засуха, хватилъ морозъ, цѣвѣтъ облетѣлъ, остались одни листочки, ужъ обождите.

— Богъ съ тобою, будутъ деньги, хватить совѣсти, когда-нибудь отдашь, а нѣтъ—на здоровье.

Но за то онъ и на дворѣ не станетъ держать таковаго приващика-молодца, который бы при ссыпкѣ хлѣба не привѣсилъ и не примѣрилъ десяти четвертей на сто.

Это ужъ по старой привычкѣ.

У Пармена Потаповича было три сына. Всѣ они образование получили у приходскаго пономара, набѣгомъ изъ лавки, когда

имъ захочется учиться, — за что пономарь пользовался изъ лавки товарищемъ въ празднику. Даже въ уѣздное или приходское училище Парменъ Потаповичъ не хотѣлъ отдавать своихъ дѣтей. «Они, — говорить, только съ ребятами набалукутся да нанюхаются всякой всячины, говаривалъ онъ, — а тутъ хочешь учись, не хочешь — отвѣшивай товаръ, всматривайся въ свое дѣло, мы не господа, а купцы». Сыновья съ трудомъ разбирали письмо и кое-какъ могли подписать свою фамилію, но на счетахъ выкладывали бойко, а самъ Парменъ Потаповичъ вовсе не учился грамотѣ.

Роскоши семейство его не знало. Оборачиваясь въ двухъ трехъ милліонахъ, ѣздилъ онъ безъ кучера. Самъ и привяжетъ и подмажетъ, а въ случаѣ и ночуетъ подъ телѣгой, покрывшись рогожкой. Его примѣру слѣдовали и сыновья.

Отъ всякихъ общественныхъ должностей онъ былъ застрахованъ безграмотностью, а дѣтей не допускалъ онъ до должностей, отговариваясь ихъ малограмотностью и множествомъ дѣлъ по торговой части.

«Возьмите лучше съ меня контрибуцію, — только не трожьте моихъ ребятъ», скажетъ онъ, когда станутъ упрашивать, чтобы сынъ его принялъ какую-нибудь должность.

Какъ-то случилось, что въ городѣ не оказалось головы, — нѣтъ такого купца, котораго можно бы посадить въ головы.

Несмотря на безграмотность Пармена Потаповича, пристали въ нему, — обольщали мундиромъ, шпагой.

— Ни за какія коврижки, — отказывался онъ: — я и такъ, ребятунки, промежь васъ голова, — безъ шпажки вашей.

И дѣйствительно, Парменъ Потаповичъ былъ голова не только города, но и всего уѣзда, — давалъ тонъ коммерціи и вообще финансовому дѣлу, за что и прозвали его «дѣдушкой». — «Дѣдушка будетъ на торгахъ?» — «Нѣтъ». — «Ну, слава-Богу, а то прирѣжетъ», говаривали про него. «Одна надежда на дѣдушку, а то кошъ въ кутузку полѣзай». И всякій зналъ, кто этотъ дѣдушка.

Сыновей онъ пожелалъ на богатыхъ купеческихъ дочкахъ, но за приданымъ не гнался. «Выбирай, чтобы дѣвка въ кости была поразгонистѣй, да собой дородна», говаривалъ, бывало, онъ сыновьямъ-женихамъ за обѣдомъ, «да чтобы внижной дури поменьше въ ней было набито. Баба нужна для заводу, а не для чего другого».

Старуха-жена давно оставила Пармена Потаповича, — по-дому хозяйничали невѣстки. На кухнѣ всегда готовилось два обѣда: одинъ — скромный, а другой — роскошный. Невѣстки и, набѣгомъ

въ лавки, сини пообѣдаютъ прежде форменнаго обѣда, — или послѣ, смотря по удобству.

Форменный обѣдъ всегда бывалъ въ часъ дня. Никакія занятія, никакія дѣла не могли нарушить этого порядка, — развѣ только одинъ пожаръ въ домѣ. Въ столовой, неподалеку отъ кухни, накрывается столъ, разставиваются пустыя тарелки, подкладывается къ каждой тарелкѣ деревянная ложка и одна вила — единственное прибавленіе къ столовому сервизу, сдѣланное Парменомъ Потаповичемъ послѣ женитьбы старшаго сына: прежде и вилокъ не было. Тарелки накрываются предлинными полотенцами. Въ вышкахъ, подъ образами, всегда стояло неподвижное дубовое стуло для хозяина. Передъ хозяиномъ становилось огромное блюдо съ такимъ же огромнымъ кускомъ мяса, или рыбы; двѣ стопы хлѣба — рѣшотнаго и ситнаго — съ-торгу, въ рукавной муки; бутылка распущеннаго въ квасъ сушенаго хлѣба — и груда огурцовъ. Пармень Потаповичъ долго молится въ уголь столовой передъ обѣдомъ, обернется къ столу, покреститъ руками трапезу — и усядется. За нѣмъ усядутся и всѣ семейскіе. Хозяинъ беретъ горбатенькій, до спинки источившійся *хозяйскій* ножикъ, вилку — и приступаетъ къ разрѣзанію куска на мелкія части. Отсыпаетъ на-особую тарелку, вболтаетъ хрѣнъ, польетъ и отодвигаетъ на средину стола, откуда дѣти должны доставать пшцу по кусочку. Дѣти — или уже сытые, или въ ожиданіи своего обѣда — нехотя берутъ съ тарелки кусочки и, растягивая между собою длинныя полотенца, стараются ими прикрыть разныя движенія души, возникавшія вслѣдствіе форменнаго обѣда съ тятенькою.

Старикъ начинаетъ ѣсть и ворчать:

— Для чего вы кухарѣ даете такую хорошую севрюжину? она бы по лавкѣ прошла, тамъ вонъ есть завалялась, — не выметывать же ее.

— Ту молодцы поѣдятъ. Вотъ Благовѣщеніе, Вербное будетъ, безъ рыбы нельзя, — на кухнѣ работники поѣдятъ, — скажетъ сынъ.

— Работники все поѣдятъ. Ты спроси, что онъ дома ѣсть. Ты бы вотъ своихъ миноговъ-то варилъ да ѣлъ. Валяются съ самаго Михайлова дня, никто не беретъ, — пугаются покупатели. Дурака послать въ Питеръ съ барина деньги получить, а онъ отуда змѣевъ привезъ для торговли. На нихъ и взглянуть-то страшно, а онъ, дурень этакій, вздумалъ ими торговлю открыть. Змѣями торговать въ нашемъ христіанскомъ городѣ!.. — дьяволина!

Дѣти молча пережевывали, старикъ ворчалъ. Ворчалъ и при

супѣ, и при кашѣ, — наконецъ, уходился, помолился и отправился въ свой кабинетъ, гдѣ ждала его постель, у изголовья которой стоялъ негоряемый сундукъ. Сонъ послѣ обѣда, на полтора часа, такъ же былъ безапелляціонно-неопровержимый, какъ и обѣдъ въ часъ дня. Винъ онъ не пилъ никакихъ, а только по стаканчику водки передъ обѣдомъ и ужиномъ, — и больше никогда и нигдѣ не заставите вы его усъ намочить въ рюмѣ.

Свершивши таинственную трапезу съ старикомъ и уложивши его у сундука, семья или снова обѣдаетъ, наслаждаясь осетрами, стерлядами и всевозможными икрами, или — если уже пообедала — расходится по своимъ дѣламъ.

Младшій сынъ, недавно женившійся на богатой купеческой дочкѣ, красавицѣ, привыкшей у родителей покупать серебряной ложкой, во время львиного ворчанія родителя за обѣдомъ вздумалъ-было заявить:

— Батюшка, давайте купимъ серебряныя ложки для стола, онѣ много прочнѣй будутъ; ефтихъ не накупишься никакъ: рѣзнешь зубами невзначай — она и щепка.

— Чего? серебряную ложку? да развѣ ты баринъ, или архирей какой? Ей цѣна самая махонькая: три цѣлковыхъ, такъ я позволю, чтобы вы всѣ грызли безъ всякаго дѣла серебро!.. съ чего-жъ ефто ты выдумалъ?! Она, ложка, что ни пять лѣтъ, сама себя окупаетъ: пусти три цѣлковыхъ въ торговлю, — въ пять лѣтъ шесть рублей у тебя въ карманѣ. А ложку только изгрызешь — и боги ничего. Не ложка дорогая, а въ ложкѣ-то что. Брюхо не обидится, изъ какой ты посуды хлѣбаешь, а что хлѣбаешь. Захочу я бесѣду соорудить, прѣзжай сейчасъ архирей, губернаторъ, такъ я тебѣ пятьсотъ серебряныхъ ложекъ по городу соберу — на-провать, заморскаго вина добуду, живого осетра съ Волги привезу. А запросто на-что себя баловать? Не узнаешь, какъ вѣкъ проживешь: бываетъ, и деревянной-то ложкой будетъ нѣчего хлѣбнуть. На-что лучше деревянной — особливо, если съ Аэона, или изъ Оптиной.

Какъ человекъ, Пармень Потаповичъ не избѣжалъ въ жизни страстей. Кромѣ коренной — коммерческой, съ молодыхъ дней обуяла его страсть къ часамъ. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ вышли серебряныя часы — луковочкой. Такую луковочку купилъ себѣ и Пармень Потаповичъ. Ночей онъ не спалъ, прислушиваясь: тикаетъ ли его луковочка, и не пропускалъ случая щегольнуть ею, гдѣ было нужно. Но скоро эту мелкую страстенку поглотила его главная страсть: разъ, наваливая на телѣгу кадку съ медомъ, Пармень Потаповичъ проломилъ стекло у луковочки.

Это обстоятельство его напугало, разочаровало и онъ тутъ же сбѣлъ ихъ щеголю-приказчику за пять ульевъ пчель. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ всѣ благородные металлы и драгоценные камни, какъ непроеводительные, смотрѣлъ на нихъ хуже, чѣмъ на булыжникъ, который ничего не стѣбитъ, а приноситъ пользу—сухо ходить по городу.

Два его старшихъ сына были бездѣтны, — у младшаго было два сына. Послѣ долгой борьбы и многихъ непріятностей съ отцомъ, младшему сыпу удалось помѣстить своихъ дѣтей сначала въ уѣздное училище, а потомъ и въ гимназію. Оба эти заведенія были чуть не подъ ономъ у Выжидаевыхъ, что нѣкоторымъ образомъ и дѣйствительно соблазнительно. Дѣти учатся какъ нельзя лучше, — идутъ первыми въ классѣ. Допшли до третьяго класса гимназіи, обзавелись нарукавничками, воротничками, привыкли оглядываться на свой костюмъ, не виситъ ли гдѣ пушинка, паутинка, не пристала ли мучица мимоходомъ черезъ лавку.

Дѣдушка все присматривается на нихъ. Ребята ему были не понутру. Однажды онъ подслушалъ разговоръ внучатъ: гимназисты мечтали объ университетѣ, объ окружномъ судѣ и о шитыхъ золотомъ, широкихъ воротникахъ. Такого сорта мечты были диаметрально противоположны мечтамъ старика о сомовиѣ, о куляхъ, о шкурѣ и проч. Старикъ взбѣсился. Призываетъ сына.

— Да ты что же дѣлаешь съ своими ребятами?!.. накинулса старикъ на сына. — Въ прохвосты, что-ль, готовишь ихъ? погляди-во, они ужъ на отдѣлку развратились, объ лавкѣ, объ дому и не думаютъ. Завтра-же бѣги къ дилектору, чтобы вонъ робать изъ гимназіи. Пошей имъ изъ сѣраго сукна чуйки, подѣ цвѣтъ муки и сажай въ лавку,—небось забудеть звѣзды считать. А то разстелюгъ карту небесную, какихъ-то Меркуловъ да Венеровъ разглядываютъ... ты думалса тамъ добру ихъ учать?—они болѣзнію тамъ заразятся. Остриглись, разбойники, и оттаскать не за что ухватиться. Пускай-во въ свободку отпустить вихры-то, а ихъ внучу...

Послѣ такой распеванціи отецъ гимназистовъ самъ ничего не могъ сказать въ защиту науки. А главное—самъ еще не былъ крѣпко убѣжденъ въ пользѣ образованія: кто ее знаетъ, и въ самомъ дѣлѣ?—ребятъ недолго погубить.

Разсуждая въ такомъ родѣ, онъ ударился за совѣтомъ въ своимъ священникамъ, изъ коихъ одинъ былъ законоучитель въ гимназіи. Священники ахнули, узнавши о намѣреніи Выжидаевыхъ — исключить изъ гимназіи дѣтей, красу учебнаго заведенія. При-

нялись увѣщевать отца. Отецъ, взявши себѣ нейтральную роль, отклонялъ увѣщаніе пастырей церкви къ батенькѣ. Священники надѣваютъ ряски, кресты, камилавки, какъ миссіонеры къ алеутамъ, спѣшатъ къ Пармену Потаповичу. Начинаютъ доказывать ему отъ всѣхъ писаній пользу образованія и развитія человѣка и вредъ невѣжества. Старикъ долго слушалъ духовныхъ отцовъ, приподнялся съ кресла и, потирая бока ладонями, обратился къ нимъ:

— Да вы что же, отцы, или чѣмъ недовольны мною, — пришли разорять мой домъ, или чѣмъ обижены мною? Я ли вамъ не жертвую? и мучицы и рыбки къ масляницѣ, и убоины къ празднику и мыльца, работница прибѣжить — пихнешь безъ расчета кусокъ, и угощеніе вамъ за всякій разъ... А отъ церкви и толковать нечего: паперть развалилась, я лебастрицу дамъ, херувимы обилияли, я новые херувимы купилъ, люстра моя, колоколь мой, свѣча моя — а вы задумали, съ дуракомъ-то моимъ, внучать у меня обобратъ!.. На кого-жъ я домо-ть покину и всѣхъ торговыхъ операціи брошу? Они вонъ о сю пору, — возгрѣмъ пришибить, и то отъ лавки лятаютъ — пыльно говорить, да до полуночи читаютъ разныя книжки, а утромъ коломъ не подынешь; поучи-ка ихъ побольше, ихъ внучомъ не загонишь въ лавку. Я старъ, тѣ сыновья бездѣтны, только и надежды, что внучата. Развѣ я для того вѣкъ свой хрипъ-то гнулъ, добывалъ, чтобы все по вѣтру разметать?!.. безъ хозяина товаръ — сирота.

— Позвольте, Пармень Потаповичъ, у васъ много земель накуплено, внучки ваши будутъ помѣщики, не все-то въ сомовинѣ возиться, — началъ-было законоучитель.

— Помѣщики! да Боже сохрани, чтобы мои внуки попали въ помѣщики. Много-ль ихъ настоящихъ-то хозяевъ у насъ? Спросите, иной не укажетъ земли своей. Развѣ это хозяйство? Это одна насмѣшка надъ землей. Авось я знаю ихъ очень хорошо: прѣдетъ, сляничится, перебираетъ ногами, словно лошадь опоеная — дай тыченку подъ зелена — дашь, и завертѣлся, съ борзыми не найдешь. Намъ нужно, чтобы степенство въ человѣкѣ было. У меня ни одинъ сынъ глупостями не занимался, а ефтихъ поросать вы учили писать, а намесь любовную записку обыскали у Ванюшки въ карманѣ, — на ушко шепнулъ дѣдушка законоучителю. — А вы лучше не ссорьтесь со мною — пригожусь.

Горничная пронесла по залу огромный подносъ съ чаемъ, поставила на столъ, утерла фартукомъ губы и стала подходить подъ благословіе. Гимназисты, стоя на цыпочкахъ у отворенной двери, слушали разговоръ миссіонеровъ съ дѣдушкой.

— И по книжкамъ тоже имъ путному не научиться,—продолжалъ дѣдушка, угощая миссіонеровъ чаемъ: — таперича, къ примѣру, будемъ говорить—въ писаніи сказано: не воруй.

— Не укради,—подговорилъ не-законоучитель.

— Все едино: что въ лобъ, что по лбу. А по-моему, какъ вашей чести угодно, неправильно сказано. У настоящаго хозяина и украсть никакъ нельзя, а если къ примѣру вещь пропала — украли, то не воръ виноватъ, а сама вещь себѣ настоящаго хозяина нашла. Удалось—бери, но смотри, владай, какъ должно. У меня таперича, будемъ говорить, и лѣса, и заводы, и земли, и въ украинѣхъ есть дѣлишки и на пристаняхъ—самъ знаю, что вездѣ моимъ пользуются и называю ихъ ворами. Самъ вездѣ не растопыришься, мы придовѣраемъ человѣку—далъ приличный барышокъ, и спасибо, бери себѣ, разживайся, будь хозяинъ той вещи, какою мнѣ не совладать. Отъ меня, быть можетъ, не одна сотня человѣкъ разжилась, дома повыстроила, торговли завели,—что-жь, и всѣ воры? Нѣтъ, не воры, а настоящіе хозяева—не валяйся даромъ, не пропадай добро. Само собою—украсть да пропилъ, или у нищаго суму стануль—эвто не подойдетъ,—эвто воры.

Миссіонеры взялись было доказывать противное, но оказалось, что философія Пармена Потаповича въ душѣ его окрѣпла тверже гранита. Не слушая священниковъ, онъ свое долбилъ.

— Я дурава послалъ къ дилектору, ребятъ ослобонить отъ ученья, а онъ побѣгъ къ вамъ—потѣха!

Къ Пармену Потаповичу, какъ къ магнеку мѣстной коммерціи, рѣшился обратиться, въ своей безвыходной нуждѣ, просоль Никита Власичъ Говоровъ.

IV.

Въ лугахъ и лѣсахъ созрѣли-поспѣли сѣна. Деревенскій народъ, съ косами и граблями, ударился въ сѣновосъ. Стрыжутъ, какъ коростели, мужики густую траву косами, прикрывшись красными платками отъ солнышка, въ чистыхъ, яркихъ, позументомъ испитыхъ нарядахъ, спѣсиво ворошатъ душистое сѣно молодыя бабы — городъ опустѣлъ. Слегка притворивши лавки, чтобы не было жарко и отъ жгучаго солнца товаръ не ливалъ, торговцы въ тѣни, съ сигарками и папиросами въ зубахъ, глубокомысленно прсматривались въ кѣтки шахмата, розыскивая

дорожку своей шашкѣ—во вдовѣди. Прасолы на торгу прикрыли рогожей непродавшуюся съ утра рыбу и падалицу-яблони, забились подъ полкѣи, и тоже въ тѣни—бились въ карты по носамъ. И мостъ былъ пустъ. Мостовые кулаки разошли, что не на кого оглядываться, подергивая лѣсу съ пискаремъ, тоже искали убѣжища въ тѣни: они просто валялись подъ заборами и плетнями своихъ дворышекъ на землѣ и, потагивая тютюнь, разсуждали о суетѣ человѣческой жизни вообще и о мужествѣ деревенскаго народа въ особенности:

— Да, стану я ѡкую жару косить, когда мнѣ солнце всю спину проѣло на мосту, среди воды,—а они косятъ, ворошатъ, да еще пѣсни поютъ, идола. Это не люди, а черти какіе-то, дѣнь работаютъ, ночь закурять свои котелки въ лугахъ, а они пѣсни орутъ — диковина! Ты себѣ отъ жары 'подъ плетнемъ мѣста не найдешь, вездѣ муха, блоха, а они?!...

Лежалъ подъ плетнемъ, спасаясь отъ жары, и нашъ Никита Власычъ Говоровъ. Стой, пришла ему блестящая мысль, теперь самое время идти къ Выжидаеву, онъ теперь свободенъ! Встаетъ, беретъ чистое бѣлье, бѣжить къ рѣкѣ, купается, искупался, причесался, одернулся, поплевалъ на сапоги, потеръ—и маршъ вдоль пустынной улицы. Ему навстрѣчу протопопъ въ камилавкѣ, съ кулечкомъ живо-трепещущихся карасей. «Ну, пропаль!—проговорилъ въ душѣ Никита Власычъ— не быть добру. Дай подойду подъ благословеніе, авось—Богъ». Робко подкрался онъ подъ благословеніе, полюбовался, какъ караси топырили изъ кулеца свои красные хвосты и пошелъ дальше. «А вѣдь въ сонникѣ сказано: живую рыбу видѣть — въ добру. Протопопъ на встрѣчу замѣшался и къ тому-жъ не во снѣ, а все это на яву. Ну, да сгидай ей голова, вали на-проломъ». Выходить на подъясную улицу, гдѣ красовались дома Выжидаева и упирались въ мостовую его лабазы, о семи растворахъ. Было два часа дня. Передъ лабазами не было ни одной подводы, лишь чесалась о дверь сорвавшаяся со двора свинья. Подходить къ лабазамъ. У одного раствора спитъ приказчикъ на полу, утнувши носъ въ кулъ муки и ничѣмъ не отличающійся отъ батарей кулей, лежавшихъ до самаго потолка. У другого раствора голуби клевали по порогамъ зерна. У третьяго почивалъ, въ желѣзныхъ креслахъ, самъ Парменъ Потаповичъ. Съ груди кулей у него за спиною, на показъ, съ обѣихъ сторонъ, спускались хвосты сѣдыхъ осетровъ и засольныхъ сомовъ. Его сѣдая борода, выбѣгая изъ-подъ захватаннаго козырька и мучнисто-слезившагося картуза,

молнѣ гармонировала висящимъ рядомъ сомовымъ сѣдлымъ хвостомъ. Онъ послѣ обѣда спалъ, а семья обѣдала.

Вспорхнувшіе на второмъ растворѣ лабаза голуби разбудили старика. Онъ приподнялъ козырекъ, протеръ глаза и истинно-любопытно заговорилъ:

— Извольте пожаловать, товаръ первый сортъ-съ — и безъ обману.

— Я не на счетъ товару-съ, Парменъ Потаповичъ, пришелъ, а насчетъ своихъ дѣловъ-съ, — трепетно проговорилъ Никита Власичъ, не зная, куда дѣвать свои руки и ноги.

Минута дѣйствительно была счастливая для Говорова, несмотря на то, что онъ встрѣлся съ протоіереемъ. Парменъ Потаповичъ, за отсутствіемъ обывателей и покупателей, радъ былъ хоть съ кѣмъ-нибудь зубы почесать. Онъ снова протеръ глаза, на всю улицу зѣвнулъ и приподнялся.

— Ну, что тебѣ надуть? говори.

— Снабдите деньженокъ, — избоченивъ мокрую, еще не просохшую послѣ купанья голову, просилъ Говоровъ.

— На что?

— Въ уѣздъ хочу — здѣсь торговли плохія стали.

— Семья у тебя есть?

— Какъ-же-съ, семеро ребятншекъ.

— И домншка?

— И домншка, все какъ слѣдуетъ, и сарай, и колода и обруч всякая.

— Ховайка жива?

— Жива, на торгу лепешки продаетъ.

— Чья она за тобой?

— Не знавали ли причетника въ Пусторнамовѣ, его дочка.

— Какъ не знать, у его отца, Пафнуть Егоровымъ звали, мы латывали меда. Вѣдь они жили исправно, пчела кипѣла, ай того?..

— Обмерли всѣ.

— Что-жъ ты будешь дѣлать въ уѣздѣ съ деньгами?

— Что подъ руку попадетъ; коровенку, свинченку, щепки....

— А знаешь ли ты толкъ во всѣхъ евтихъ документахъ?

— Сколько знаю, съ меня будетъ.

— А что такое значить зеркало у коровы?

— Зеркало, зеркало значить... — прасоль замаялся.

— Ну, что такое колодезь — не скажешь-ли?

— Колодезь промежь ногъ, откуда молоко...

— Ну, врешь, промежь реберь, а не ногъ. Чтѣ называется подсѣдь, носось, солуца, мокрець, рѣпка, порточка у разной скотины, говори, и почемъ узнашь хорошую животину?

— Подсѣдь, подсѣдь... да какъ это вашей чести сказать, подсѣдь разный бываетъ; бываетъ медь подсѣдь.

— Вотъ и врешь, подсѣдь въ ногахъ бываетъ: если примѣрно видишь, что животное перебираетъ ногами, вотъ хоть бы какъ ты таперича, ну и гляди, нѣтъ ли у ней подсѣда. Куда-жъ ты годишься съ деньгами въ уѣздъ, когда не понимаешь ни рожна. Тамъ вѣдь не то, что запустить по локоть руку въ возъ, тамъ, братъ, сноровка нужна и разговорецъ особенный. Ты должовъ помнить, что у торговаго человѣка языкъ то же что и цѣпъ у мужика, онъ вымолачиваетъ хлѣбъ изъ снопа, а ты мели-вымолачивай колѣвку изъ мужика. Да такъ взумѣй, чтобы не провратъся, а то отвѣдаешь и дубиночки.

Парменъ Потаповичъ еще поѣззаменовалъ Никиту Власыча по разнымъ частямъ прасольства въ деревняхъ и убѣдившись, что Говоровъ не годится, отказалъ ему въ деньгахъ. Говоровъ пригорюнился.

— Какъ же таперича мнѣ быть, семья дня по два не ѣвши иную пору сидеть, заварить цикорійцу, попарить животь тепленькимъ и ждеть, пока принесешь имъ съ торга по черепенику—какой-нибудь пятакъ спибешь.

Изъ-за угла лабазовъ показался низенькій, рыженькій, курносый мѣщанишка, въ желтой поддѣвѣ на распашку, съ индѣйкою подъ мышкой. Онъ спѣшилъ къ Пармену Потаповичу, запыхался весь, потъ градомъ валить по его рябому лицу.

— Парменъ Потаповичъ, купите индѣйку, задешево пришла, а добро—первый сортъ, жировая. Нарочно къ вашей чести несъ, у васъ имѣньевъ много, на заводъ годится, къ тому-жъ вы охотники до живности, а не на заводъ, сами скушаете, вѣсистая, словно боровъ каковой.

Продавецъ встряхнулъ индѣйку на воздухъ.

— Ну-ка, покажи.

Мѣщанинъ отдалъ индѣйку Пармену Потаповичу, и озирался туда и сюда своими блесоватыми глазами. Парменъ Потаповичъ индѣйку встряхнулъ, раздулъ пухъ подъ хвостомъ и подъ крыломъ и одобрилъ:

— Да, хороша. Что-жъ тебѣ за нее?

— Рубль съ гривенникомъ.

— Ладно, и рублевка сойдетъ.

— Самъ даль рублевку, гривенникъ барыша, вотъ вамъ... Мѣщанинъ снимаетъ съ головы подобіе картуза и врестится.

— По многу будешь брать, въ десять минутъ обороту десятъ процентовъ на рубль, пятачокъ дамъ.

— Ну, возьмите, ваше счастье, въ богатому такъ и валится богатство.—Куда прикажете?

— Пихни подъ ворота на дворъ.

Не успѣлъ желтый мѣщанинъ получить деньги и скрыться, какъ въ лавку пришла кухарка Выжидаева.

— Гдѣ же это у васъ индюшка-то была? а я бѣгала, бѣгала, всѣ пустоши обѣжала, вопрошала вся, искампи ее,—обратилась она къ старику-хозяину.

— Вотъ тутъ клевала все, — проговорилъ онъ кухаркѣ въ отвѣтъ, пережимая губами.

— Ну, слава Богу—нашлась.

Кухарка ушла.

— Вотъ ефто настоящій прасолъ, молодецъ! не знаю кто еще—на полуштофъ бы далъ ему за ухватку. Продать мнѣ же и мою же индѣйку!.. Вотъ етому можно придовѣрить деньжонки, евотъ подсобить, а гдѣ-жъ тебѣ, когда ты не знаешь, что такое морецъ какой-нибудь.

— Господь поможетъ и мы какъ-нибудь научимся, Парменъ Потаповичъ, подняться-то не съ чего.

— Не съ того конца рыло затесано.

Парменъ Потаповичъ, съ досады, что купилъ свою индѣйку, сердился, двигалъ счеты по столу, швырялъ бумажки, морщился, и, сдвинувъ на глаза картузь, чесалъ въ затылкѣ. Говоровъ молчалъ.

— Нешто вотъ что съ тобою сдѣлать,—задумчиво проговорилъ старикъ:—пустить тебя по уѣзду съ церковными свѣчами?

— Съ чѣмъ хотите пустите, только изъ города выпустите,—умолялъ Никита Власничъ,—Сибирь пришла.

— Тутъ по крайности тебѣ будетъ одна работа: не растерять лучки свѣчей...

Парменъ Потаповичъ еще разъ обмѣрилъ глазами изъ-подъ козырька просителя—и, замѣтивъ въ чертахъ его лица и въ клинообразной бородкѣ нѣкоторое благочестіе, порѣшилъ:

— Хорошо, на первый разъ придовѣрю тебѣ съ завода десятъ пудовъ свѣчей. Пріѣзжай, наваливай и развози по церковнымъ старостамъ. Только помни, что ефта вецъ не цетинѣ

какой-нибудь чета, вещь церковная. Обронишь, или что-нибудь такое—отвѣтъ за нее и въ сей и въ будущей жизни.

Говорюкъ ударился Пармену Потаповичу въ ноги и едва не расцѣловалъ его обширныхъ козловыхъ сапоговъ, какъ молодая грѣшница—туфли папѣ. Пармень Потаповичъ, какъ кардиналъ, отправляющій молодого іезуита на миссію, съ порога своего лабаза читалъ Никитѣ Власычу разныя наставленія: какъ обходиться со старостою мужикомъ, какъ съ вупцомъ, какъ съ бариною—и прочее.

Никита Власычъ, отъ радости, не видя земли подъ собою, казалось по воздуху летѣлъ къ своей семьѣ. Старикъ завалился въ кресла между сомовъ и осетровъ и разсуждалъ: а ну-ка ефготъ ошара облапошить меня свѣчами, какъ сію минуту обгорилъ ефготъ прохвость—индѣйкой? Попробуемъ, рыскъ—благородное дѣло, говорятъ господа. Хорошо: свѣчи себѣ стоятъ двѣнадцать рублей, пудъ ему дураку сдамъ за двадцать, онъ, если не совсѣмъ дуракъ, спуститъ ихъ отъ двадцати двухъ до тридцати четырехъ, смотря по старостѣ. Штука хорошая. И мнѣ сбыть, и ему халтура (наживо). Малый-то слюнявъ... Обучится Богъ дастъ. Ну, положимъ, обдуеъ, ни трини не привезетъ за десять пудовъ. У меня вѣдь ихъ дураковъ двадцать шлындаютъ по уѣзду,—провалятся одинъ, тѣ окупятъ: сколько ни торгуй, а умирать надеть, не вымъ добромъ поминаютъ старика.

V.

Восторгъ Никиты Власыча отъ довѣрія въ нему миллионера Выжидаева такъ былъ великъ, что, прибѣжавши домой, онъ объ этомъ и женѣ своей не сказалъ, хранилъ эту тайну въ душѣ, какъ драгоценность, его почерѣвшая отъ горя и нужды грудь питалась этою тайною. Онъ только приказываетъ женѣ пересмотрѣть: крѣпо ли сидятъ пуговицы на синей жилеткѣ, починить плисовые, вѣнчальные шаровары, поаккуратнѣй приштопать задній карманъ у длиннополаго сюртука и хорошенько простирать сорочку, какая покрѣпче, а сама, смазывая рыбьимъ жиромъ на солнышкѣ сапоги, обдумывалъ: на чемъ развозить товаръ по уѣзду?

— Или къ Петреву дню собираетесь въ Пусторязово?—спросила супруга Агашня Васильевна. И я бы съ ребятами проѣхалась, съ родными повидалась, и хоть пообдала бы разочекъ, какъ слѣдуетъ.

— Молчите, Акси́нья Васи́льевна, не то подошло дѣло, не праздни́ку чета.

Телѣжонка, въ которой Никита Власычъ торговалъ по уѣзду грушами и проторговался, у него была. Она давно стоить у него передъ хибарой, рамочая и разсыхаясь подъ открытымъ небомъ, съ поднятыми вверхъ оглоблями. Хомуть, сѣделка и возжи висѣли у него на чердакѣ, была и дуга, но лошади не было, а желѣзный шеворень былъ въ закладѣ. О шеворнѣ Никита Власычъ не тужилъ — дубовый, говоритъ, затешу, но какъ вернуться, чтобы купить лошадь? Раскинулъ умомъ туда и сюда — вездѣ пусто: нѣтъ ни денегъ, ни кредита. Обратиться къ Выждаеву за деньгами, значило бы погубить всю операцію, онъ уже слышалъ отказъ въ деньгахъ, — экзамена не выдержалъ.

Единственный источникъ, къ которому, въ подобныхъ обстоятельствахъ, прибѣгаетъ прасоль, ошара, кулакъ и вообще мелкій мѣщанинъ—это женно приданое.

— Послушайте-ка, Акси́нья Васи́льевна, — ласково обращается Никита Власычъ къ супругѣ, достаньте вы мнѣ свое вѣнчалное платье на перевертъ?

— Съ чего же ефто вы вадумали, Минить Власычъ, чтобы я, можно сказать, вѣнецъ свой отдала, — накинудась супруга на Никиту Власыча. — Италъ, слава-те Господи, по глупости своей, съ молодыхъ дѣнь не мало проводила: мантилію вы на грушахъ проторговали, серьги — на подсолнухахъ, бурнусъ — на луѣ, а толку нѣтъ никакого; только и барыша отъ васъ, что ни-годь — то ребенокъ.

— Позвольте-ка, Акси́нья Васи́льевна, я вамъ доложу: вы самихъ себя для меня пожертвовали, не токмо что трипку — платье, вы не понимаете ничего — тутъ подошла операція не грушамъ, не луку чета.

— Знаю, знаю я ваши операціи; вы за всякій разъ такъ-то говорите, заложите, на цѣльный мѣсяць закатитесь въ уѣздъ и везете домой ягненка, собаку, а мы щелкай здѣсь зубами и съ голоду и съ холоду. Я и такъ облиняла вся — нѣ въ чемъ къ обѣднѣ носа показать. Лучше и не говорите.

— Акси́нья Васи́льевна, примите въ расчетъ: у васъ свое дѣло — сидите съ лоткомъ на торгу — кормитесь, а я заведу свое.

— Покорнѣйше васъ благодарю, видали мы ваши дѣла, за что ни возметесь, какъ черти въ вершу, а мнѣ, лоткомъ на торгу, — не провормить экой аравы. Нонѣ все вздорозало, на что горомъ — и тотъ поднялся, сталъ рубль съ гривной за мѣру.

— Слушайте-ка, не хотите вѣнчальное платье дать, давайте перину подъ закладъ сволоку? вотъ истинный Богъ на одну недѣлю, выкуплю.

— Вотъ еще придумали — перину! да на ней вся надежда осталась — умрешь, похорониться нечѣмъ будетъ. Да что-жь вы въ самомъ дѣлѣ! развѣ татенька для того приданое справлялъ?

— Ну, чортъ съ тобой, коли такое дѣло, — порѣшилъ Никита Власовичъ, вида, что супруга не на шутку расходилась.

— Что вдумали, перину, а! безъ ней мы давно-бы померали всѣ: зимній бытъ, иную пору дня три безъ топки сидишь, на-кладешь робать на нее, привинешь ихъ хламомъ всякимъ, они и дышать себѣ по щелкамъ кругомъ — живехоньки хотъ. Вы за-ватитесь въ уѣздъ — не видите.

— Замолчи, ну-те къ омороку.

— Вы ругаться начинаете?

— Да какъ же васъ не ругать: сказано: мужъ и жена — одна сатана.

— Сатана-то вы, а не я. Я не просила васъ прѣзжать свататься за меня. Прѣхали, бубенцовъ нацѣпидали, голову смаслили, и домъ у васъ есть, и лавка, и рыбная ловля — наврали, а вышло: гольца принесете съ мосту и жаръ его жена на всю семью, давай приданое проѣдать...

Аксинья Васильевна не на шутку разсердилась. Въ порывахъ своего волненія она стращала своего супруга, что обѣздить со двора долой, если будетъ продолжаться такая жизнь!

Никита Власъичъ понялъ, что съ женщинами подобныя дѣла, въ родѣ изыатія вѣнчальнаго платья изъ сундука, нужно совершать осторожно. Ему пришла благая мысль: подобрать ключъ къ укладкѣ, гдѣ лежали остатки женина приданого, унести что окажется подручно, на-глухо забить укладку двухтеснымъ гвоздемъ, и пустить дѣло въ ходъ. Онъ такъ и сдѣлалъ.

VI.

Дни черезъ два Никита Власъичъ уже тащилъ съ торга преогромную клячу, лѣтъ двадцати. Ребятишки обрадовались животинѣ, пихаютъ ей въ ротъ крапивы, былены. Кляча, сложа позанячью уши, дремала ввалившимися въ лобъ глазами и лѣниво шевелила крапивою отвисшими губами.

Никита Власъичъ, держа въ зубахъ поводъ, доставалъ изъ

разныхъ кармановъ покушку: чай, сахаръ, селедку и прочее, передавалъ все это въ отворенное окно супругѣ и приказалъ ставить самоваръ. Повалилъ самоварный дымокъ, на дежанкѣ послышался стукъ—Аксинья Васильевна колола сахаръ косаремъ. А Никита Власычъ обмундировалъ клячу въ хомутъ, завелъ ее въ оглобли и прилаживалъ упряжь. Дѣти, по приказанію родителя, ударились къ рѣкѣ и тамъ, разсыпавшись по полу-горѣ, рвали для лошади траву въ свои подошпы.

Самоваръ вскипѣлъ, Аксинья Васильевна звала супруга къ чаю. Никита Власычъ вывелъ клячу изъ оглобелъ, бруто повернулъ, для пробы оборотливости воня, толкнулъ ей носомъ сапога въ бокъ, привязалъ къ травѣ и, потренивши, въ видѣ любви, кострцы, полѣвъ въ низкую дверь сѣней.

Въ хибарѣ, на покрытомъ скатертью столѣ все было готово: и самоваръ, и чашки, и селедка, и котелки, бутылочка водки и даже лимончикъ.

Мѣщане не любятъ жить съ запасцемъ: случились деньжонки—вали на всѣ, нѣтъ—и сидятъ сычами голодные. Усѣлись за чай. Набѣжали въ избу и ребятишки, ихъ одѣлили по котелкѣ и приказали ждать—де-маленькимъ не прилично вмѣстѣ съ большими чай пить. Въ сущности же просто въ домѣ было только двѣ чашки. Ребята, засунувши въ ротъ по котелкѣ, прятались въ углахъ хибары и, чуя запахъ селедки, зорко присматривались къ ней. Супруги благодумствовали за чаемъ.

— Вотъ давно-бы такъ-то, Микитъ Власычъ, полавомилъ свою семью, — говорила Аксинья Васильевна, — а то иную пору душа пересохнетъ отъ пыли на торгу, а попарить нечѣмъ.

— Эхъ, Аксинья Васильевна, сами небось знаете наши достатки и нашу добычу: везетъ мужикъ изъ деревни, къ примѣру, поросенка, набѣжитъ нашего брата ошары человекъ двадцать, не разорвать же его на двадцать частей—уступишь одному, возьмешь тринку (1 в.) отступного и думаешь, что съ ней дѣлать? на тринку не разгуляешься.

— Ну, и несли-бы тринку домой, нынѣ тринка, завтра тринка, — нѣтъ, вы коровите кырнуть въ кабакъ.

Стало вечерѣть. Съ луговъ изъ-за рѣки пахло сѣномъ. Никита Власычъ, пропустивши рюмочку-другую, вышелъ на завалянку подъ окно. Закурилъ свою носогрѣйку и поплеывая съ присвистомъ въ сторону, радужно рисовалъ свои надежды на лучшую жизнь, въ силу новаго предпріятія: «Ефто я вижу—не ягненку чета, изъ-за котораго торгуешься въ деревнѣ съ бабой

до-поту, вымолачиваешь языкомъ грошъ; много прибыльнѣй, а главное благородно, потому — свѣча», разсуждалъ онъ, присматриваясь въ осунувшіеся вострѣцы своего аргамака-кона. — «Старъ-дьяволъ — ну-ка грохнетъ серѣдѣ поля? Овоифузить вдоль, — бранилъ онъ коня. — Ну, да чортъ съ нимъ, только-бъ до перваго церковнаго старосты доведъ, а тамъ ложись себѣ, авось и даль-то за него всего тришницу (3 р.), въ убыткѣ не буду: — на немъ гривы одной будетъ на полтинникъ, костей пудовъ пять, — шесть гривенъ, салца понаберется гдѣ-нибудь подъ мышками фунтика три; четыре копыта распарить — дюжину гребешковъ можно выгнать — жевѣ на торгъ, почесывайся себѣ, еще подкова есть одна — гривенникъ, стерта, ну — пятачокъ. Туда сюда, глядишь кожа-то и въ барышахъ. Насъ тоже не обманешь, умѣемъ купить».

«Пойдетъ мое дѣло въ ходъ, я тутъ жить не буду. Куплю себѣ мѣсто внутри города, устрою свѣчной заводикъ, сначала маленькій такой, буду подпускать въ воскъ смолы, блага вару, онъ вѣдъ семь-гривенъ пудъ, фитиль пуцу въ мизинецъ толщины, на пучки бумаги, шкуру наверху — да мало-ли какъ можно. Семь-гривенъ, или двадцать семь рублей пудъ, какъ продаются восковыя свѣчи, тутъ махоньяя разниа есть. На барышъ отъ одного пуда такихъ-то восемъ съ половиною оморковъ-влять куплю. Если учинить съ ними операцію, восемъ съ половиною шкуръ въ барышахъ — и пошло и пошло. Просто палаты застрою. Не покуда дрожать съ удочкой на мосту, изъ-за какого-нибудь огольца. Авось миллионщикамъ-то не съ неба свалились миллионы въ карманъ. Пупковы, батинька разсказывалъ, такіе-жъ прасолы были, а нынче жена на рысаку къ заутренн ѣздитъ, а ты къ нему и на конѣ не подѣдешь: на воротникѣ боберь, подъ полой соболь, медаль на шею приобрѣлъ, а вѣдъ письма приказчики читають, перо не умѣеть въ рукахъ держать».

Между тѣмъ Аक्सинья Васильевна, довольная тѣмъ, что душу промочила и слегка закусила, и главное что супругъ взялся за дѣло, хлопотала объ ужинѣ. Ужинать было нечего: кромѣ яичницы ничего нельзя было устроить. Она ударилась въ сарай по куринымъ гнѣздамъ, нашла три яйца. Изъ трехъ яицъ ничего не подѣлаешь, она равослала ребятишекъ по сосѣдамъ, просить въ займы по одному яичу на ребенка — какъ-де кури завудачтають — отда-дамъ.

VII.

На утро, лишь только забрезжилась зорька, Никита Власичъ ужъ былъ на ногахъ. Крупная карпія хлещетъ своимъ краснымъ хвостомъ на рѣвѣ, а онъ давно ужъ бѣгаетъ вокругъ своей телѣги—что-то подвязываетъ, приручиваетъ, завивчиваетъ. Не дремала и супруга его. Ребятишки храпятъ по угламъ избѣнки—въ разбросъ, а она раздуваетъ въ сѣняхъ самоваръ, голенищемъ стараго сапога. Напоявши коня и поправивши на немъ шлею, Никита Власичъ усѣлся за маленькое зеркальце и тщателью обстригивалъ себѣ бороду валачикомъ. Онъ сознавалъ свою роль въ уѣздѣ съ новымъ предпріятіемъ, ему не хотѣлось тамъ показаться какимъ-нибудь трипичникомъ или алахаремъ. Попивши чайку, онъ запрегъ коня, обтряхнулъ руки, умылся, одѣлся, одернулся, закурилъ носогрѣйку и присѣлъ.

— Ну, Авсюша, молись Богу, чтобы добрый часъ послалъ. Пойдетъ дѣло въ ходъ—образа подыму и всѣмъ по рублевой свѣчѣ поставлю,—благочестиво давалъ онъ обѣтъ.

Авсиня Васильевна и радовалась, что мужъ нашелъ какое-то себѣ важное дѣло, и плохо надѣялась на успѣхъ. Омытъ жизни обрывалъ у ней въ душѣ надежды на лучшую жизнь—она глухо вдыхала, провозжая мужа.

Никита Власичъ прищолкнулъ мѣдную крышку носогрѣйки, сплюнулъ въ двери, помолился, заводя очи въ потолокъ и на притавившуюся въ углѣ хибары старинную икону, простился съ супругой, покрестилъ слегка валавшихся по полу дѣтей, захватилъ въ сѣняхъ на пути кнутъ съ мохрами, сѣлъ—телѣга перекосилась и заскрипѣла отъ двора на свѣчной заводъ.

На заводѣ уже приказано было отпустить ему свѣчей. Бережно уложивши въ возъ подъ рогожу свѣчи, Никита Власичъ, оглядываясь по-волчьи, отправился съ возомъ по разнымъ лавкамъ, складамъ и кабакамъ. Забралъ съ собою въ путь коты, щетки, куски мыла, шапки двѣ съ валомомъ, писанныхъ пряниковъ, красныхъ платковъ, рукавицъ, водки, наливки, цикорію для чайнаго колера, сахару, балалайку и три комплекта красныхъ бараньихъ струнъ. Такъ какъ у Никиты Власича денегъ не было ни гроша, то онъ за всѣ эти товары оставлялъ подъ завладѣніе—гдѣ пучокъ (5 ф.), гдѣ два свѣчей. Выжидаеву и въ ротъ не влетало, что его свѣчи расковыряны по городу и тамъ и сямъ. Старушка лошадка не быстрыми, но крупными шагами,

потатила изъ города вовъ. Никита Власъичъ, свѣсивъ вадъ колесомъ ноги, долго крестился на соборъ.

Вотъ и старая, широкая, муравчатая дорога, съ прогнвнними и растопырннми лозинами, по которой Никита Власъичъ уже проѣхалъ верстъ двадцать, вотъ и свертокъ направо— въ лѣсъ, изъ-за вершинъ котораго на яркомъ солнышкѣ выгидывалъ блестящій золотомъ крестъ колокольни. Гора, обрывъ, водомонны, котловина, пчелы ревутъ во весь оврагъ, порхая цо развѣсистому липняку и по цвѣтамъ. Миновалъ лѣсъ, блеснула атласной полосой кривая рѣка, развернулись двѣ предлинныхъ слободы, съ пуньками, задворками и водовозками по улицамъ. На крутомъ мысѣ горы красовался изящный Божій храмъ. Солнце играло и ласкалось вокругъ его и тамъ, и сямъ. Въ луку у рѣки, перевѣшиваясь съ боку на бокъ, важно шагали гуси, своими красными лапами. По рѣкѣ плавали стада утокъ. У моста, на мели, бѣгали нагѣ ребятишки обоого пола, догоняя другъ друга, съ веселымъ хохотомъ во всю груденку, и плескаясь водою. Это было село Шалашы.

— Гдѣ живеть цервовный староста? — обратился Никита Власъичъ къ ребятишкамъ, остановившись у моста.

Ребятишки, не отвѣчая ни слова, захихикали, захохотали и убѣжали въ рѣку. Спрятавшись въ водѣ по самыя уши, они дразнили проѣзжающаго языками и пальчѣнками изъ воды.

— Ахъ вы, плуты этакіе, — проговорилъ Никита Власъичъ и сталъ доставать изъ кулечка писанный пряникъ.

— Кто скажетъ, тому пряникъ, — вертѣлъ онъ въ воздухѣ расписанное лавомство.

— Я скажу, дяденька, я скажу, я, я! — закричали дѣти и, одинъ по одному, вылѣзали изъ воды.

Цѣлая фаланга нагихъ дѣтей стояла у воза, съ своими услугами.

— Вонъ туда поѣжай, гдѣ желтая собака бѣжить, — указывала дѣвочка.

— Вонъ лозина-то стоитъ, изба писаная, — перебывали ее другіе ребятишки.

Никита Власъичъ бросилъ имъ два пряника и тронулся по мосту.

Ребятишки подняли крикъ, драку за пряники. Одинъ мальчишка забылъ даже рубашонку на берегу рѣки и, прогирая слезы, на пути домой, гудѣлъ самымъ обиженнымъ тономъ.

Домъ цервовнаго старосты села Шалашей можно было узнать

и безъ спроса: его связь и разныя постройки выглядывали ометами среди сосѣднихъ избъ, походившихъ на кочви. А главное, его кирпичныя избы и вычурное крыльцо были расписаны всевозможными вавилонами, въ византійскомъ вкусѣ. На воротахъ кругъ со звѣздами, а на фронтовѣ крыльца что-то въ родѣ башни и на верху рѣзной раскрашенный гѣтухъ. Видно было, что провинціальный живописецъ, работавшій въ церкви, не пожалѣлъ для старосты ни красокъ, ни искусства, за хлѣбъ-соль.

За просторнымъ дворомъ, вдоль по широкой усадьбѣ, тянулись заворки, амбары, сарай и навѣсы. Дальше садъ, изгородь котораго и сучья деревъ были увѣшаны холстами, влатошвейными сарафанами, полотенцами съ шитьемъ орлами, коньками, городками и разнымъ платьемъ, которое сушилось на солнцѣ. Красивыя, грудистыя молодки, бережно ступая босыми, красными, какъ гусыни, ногами по зеленой травѣ, перевертывали и встряхивали свое дѣвичье шитье и тихонько, про-себя, напѣвали свои дѣвичьи пѣсни. Въ садъ забѣгала своимъ хвостомъ прудъ, на берегу котораго, прислонившись къ корню лозины, въ тѣни, сидѣла блѣдная старуха, съ клюкою въ рукахъ. Она шукала воронъ и ястребовъ, чтобы не унесли нырившихъ и плававшихъ по пруду утятъ, ея выхоженныхъ на лакомство красавицъ-невѣстокъ, сынковъ и внучатъ. За прудомъ роскошно мѣлѣлъ подъ солнцемъ своею разнообразною зеленью густой кустарникъ, надъ которымъ, широкими куполами, высились липы, дубы, ясени, клены. Въ ложбинѣ, среди кустарника, стоялъ глухимъ гуломъ пчельникъ изъ полтысячи угрюмыхъ, обширныхъ колодъ, подъ соломёнными крышами волпачкомъ. Вправо было гумно, гдѣ стояли цѣлыя батареи пяти-годовалыхъ сѣрдовъ хлѣба.

Самъ хозяинъ-староста, плечистый, бородатый, сѣдой старикъ сидѣлъ на дубу. Въ сѣтеѣ (маска изъ проволоки) на головѣ, въ рукавицахъ на рукахъ и въ длинныхъ, завязанныхъ у колѣнъ пенечкой, сапогахъ, онъ огребалъ рои, черпая чумичкой (ложка съ длинной ручкой) гирлянду пчелъ, повисшихъ на сучкѣ, на подобіе громадной виноградной кисти. Рои за роємъ вылетаютъ изъ ульевъ и мириадами летучихъ точекъ осаждаютъ старика на дубу, прививая уже къ привившему рою, откуда слышны тоны матокъ, приглашающихъ рабочихъ пчелъ. Вокругъ дуба колятъ, вертятся мальчишки—внучата старика, съ курушеами въ рукахъ и кричатъ:

— Дѣдушка! липовый заронлся! ситовый (мягкій, дубовый улей) пошелъ, крестовикъ заигрываетъ!

У старика по лицу потъ градомъ лъеть и севозъ сѣтку каплетъ на дубовые листы, но онъ, какъ ребенокъ, радъ, что пчелы роются и съ дуба кричить:

— Вы, пострѣлята, смотрите широкопузаго, какъ бы не содралъ, въ него мы завалили вчера цѣлыкъ полпуда пчелы, тамъ небось цѣлый фунтъ матокъ однѣхъ. (Матка должна быть одна. Пока остальныхъ срѣжутъ, молодой улей бушуетъ).

— Еще зарылся, еще зарылся бабушкинъ, подъ липкой!— кричатъ ребята.

— Давайте роевни—эти полны. Да подоприте шестомъ сукъ: гнется, того и гляди—рухнетъ,—кричить съ дуба, какъ юноша, старикъ.—Таньку, что-ль, позвали бы, гдѣ вамъ углядѣть: вонъ сосновый бушуетъ, брызгайте его водой.

Въ этотъ-то развертъ страстнаго занятія пчеловода прибѣжала на пчельникъ босая, отъ пчелъ съ головой накрытая кафтанишкомъ, внучка старика.

— Дѣдушка, свяшникъ прѣхалъ, слѣзай,—кричала она дѣду на дубъ, въ щелку кафтанишка у рта.

— Какой тамъ свяшникъ? что ихъ оморозъ водить экую пору, когда божья муха со всѣхъ гвятювъ благодать готовить для храма Божья. Скажи: неколи, незымъ вокругъ Поврова толкуются.

Дѣвчонка прыснула по тропинкѣ со пчельника, съ приговоромъ старика. Злыя пчелы липли къ ея босымъ пяткамъ, дѣвчонка вспрыгивала и ужъ болѣе не рѣшалась идти на пчельникъ, съ докладомъ къ дѣдушкѣ.

Никита Власичъ, заѣхавши въ усадьбу старосты, былъ не преоборимъ. Сколько ни толковали ему, что теперь не время толковать о свѣчахъ, онъ и слушать не хотѣлъ. Толкуеть бабамъ, что теперь пошло такое дѣло, котораго еще ихъ старый дѣдъ не внаеть, можетъ попасть подъ судъ и всѣ его пчелы ни къ чему.

Бабы задумались, сбѣгали на прудъ къ старухѣ—посоветоваться. Старуха присудила сказать объ этой оказіи старикъ. Съ общаго согласія къ докладу нарядили старшую невѣстку, бабу умную и такую, которую любилъ дѣдушка старикъ.

Невѣстка накрылась зипуномъ и, обдумывая, какъ доложить, тихонько шла по тропинкѣ на пчельникъ.

Дѣдъ, окруженный мальчишками-внучатами, сидѣлъ возлѣ улья. Черная изъ роевни пчелъ, онъ сажалъ въ улей рои и приговаривалъ:

— Вы, ребята, смотрите матку, желтопузую, съ ясными ко-
лечками, ловите на заводъ, а мохнатую, куржупую, — прямо да-
вите пальцемъ.

— Бачка, мѣщанинъ ни съ короткимъ привязался на счетъ
свѣчей, — кричала изъ-подъ навѣса омшаника баба, прячась отъ
пчель, — говорить, — какой-то новый законъ выпелъ, скажи что-
нибудь ему.

— Вотъ оморокъ навязался!.. — ворчалъ староста, вокругъ
котораго вертѣлись мириады пчель: — пусто его будь, незымъ по-
чуетъ, ужокъ потолкуемъ. Только скажи Степѣ, чтобы жереб-
цовъ на замокъ приперъ, да не пускайте его разгуливаться
по задворкамъ-то. Охъ, ужъ эти мнѣ алахари — надоѣли они
мнѣ, какъ горькая рѣдка: дѣзуть, лишнуть, какъ банный
лестъ бь...

Недождавшись отвѣта отъ старосты, Никита Власычъ продви-
нулъ свой возъ по переулку до половины усадьбы, гдѣ были
амбары — и уже развязалъ поводъ у лошади. Долго онъ, одер-
гивая вокругъ себя красную рубашку, любовался хмурою вы-
тяжкою своихъ сапогъ, взятыхъ въ городѣ съ молоточка, подъ
закладъ свѣчей. На него ревели отъ амбаровъ огромныя цѣпныя
собаки. Старикъ все возился на пчельникѣ — сажалъ роевъ. Нако-
нецъ, старшая невѣстка объявила, что дѣдушка приказалъ Никитѣ
Власычу почевать, что ему и нужно было.

Возъ со свѣчами убрали на задворокъ, подъ навѣсъ, старому
вою дали изъ сада сочной травы.

Стадо вечерѣть. Изъ садовъ пахнуло прохладою, со пчель-
ника — ароматомъ. Съ поля пріѣхалъ обозъ старостиныхъ лоша-
дей, тащившихъ по пыльной дорогѣ сохи и бороны. Сидя бокомъ
на спинахъ коренастыхъ пѣгихъ, саврасыхъ и воронныхъ коней,
покачивались бородатые старостины сыновья и внуки — кровнистые
молодцы. Зачуя своихъ лошадей, ржали и били копытомъ же-
ребцы на стойлахъ. Ласково взвизгивали цѣпныя собаки.

Мимо гостя спѣсиво прокрадались босыя красавицы-бабы,
перекачиваясь съ бока на бокъ, съ охабками своихъ вышитыхъ
варядовъ и красивыхъ полотенецъ. Старуха гнала клякой съ
пруда нырившее въ травѣ стадо утятъ.

Никита Власычъ только успѣвалъ откидывать съ головы
картузь, встряхивать волосами и наврывать, обращаясь къ про-
ходящимъ:

— Наше вамъ почтеніе-съ.

Въ отвѣтъ ему молодежи слегка кивали головами и крас-

нѣли во всѣ щоки, а запыленные мужики, поднимая съ головы свои шляпы, сурово и недоувѣрчиво смотрѣли на щеголя-гостя, съ подоткнутымъ за поясъ кнудомъ. Старуха, завидя мѣщанина, кропоталась про себя:

— Охъ, ужъ этотъ дѣдъ-дѣдъ, все у него разные гости-прихвостни; надоѣлъ мнѣ чужой народъ.

VIII.

Ужъ солнышко сѣло за лѣсами. На тропинкѣ, со пчельника, изъ шелостливыхъ осинокъ, показался самъ хозяинъ староста — старикъ, Михай Савельевичъ Лапушкинъ. Онъ былъ въ толстомъ суровомъ бѣльѣ; на ногахъ кожаные чеботы, крестъ-на-крестъ ремешками привязанные къ худощавымъ-икрамъ; на головѣ — перевязанная лыкомъ и отъ времени пожелтѣвшая шляпа. Косой воротъ его рубахи, съ мѣдной пуговицей, былъ отстегнуть и обнажалъ костлявую, когда-то мощную грудь, по которой волнами ложилась, поматая сѣткою, бѣлая, какъ лунь, борода, и висѣлъ на шнуркѣ большой мѣдный крестъ. На тесемчатомъ красномъ поясѣ болталось на ремешкахъ нѣсколько ключей. Ему мѣшалъ идти мальчишка, со щенкомъ на веревочкѣ.

— Наше вамъ почтеніе, Михай Савельевичъ, — привѣтствовалъ старца Никита Власичъ.

— Здорово, поштенный, — высокимъ баритономъ отвѣтилъ старикъ. — Ты чей такой? Ко мнѣ не тотъ священникъ приталкивался.

— Мы знаемъ, кто еъ вашей чести приталкивался — эфто нашъ молодець, Стѣпка Косичкинъ. Ну, что, онъ такъ, на рыскалѣ, можно сказать, хлыщеть по уѣзду — выгланчить на заводѣ свѣчей пудъ-другой, ну, и ширеаетъ; а мы свой заводъ....

— Такъ у тебя свой заводъ?

— Свой заводъ.

— Ну, лядно, обожди маненько.

Неподалеку отъ амбаровъ старикъ усѣлся на широкій пенъ. Сыновья и внуки раздѣвали лошадей и развѣшивали хомуты.

— Дометали, что-ль, парь-то? — спрашивалъ старикъ, принимаемая отчетъ по полевому хозяйству.

— Дометали, только одна десятина не двоѣна, — отвѣчали ему дѣти, не оглядываясь и занимаясь уборкой сѣруи.

— Надо додвигать, пора за сѣнокосъ приниматься. Три

воск завтра же отправляйтесь въ лугъ. Гришка набуромъ догонитъ десятину, а Мишутка пусть дождетъ къ Сидору Ивановичу, — улейковъ пятокъ привезетъ; ульи подобрались. Да, что вы не пробъжаете жеребцовъ? Зорькой славно бы сѣли, прокатились. Застоятся, на нихъ аркана не накинешь.

Долго Михай Савельевичъ дѣлалъ разныя распоряженія по хозяйству, щунялъ и кропотался за разныя неисправности. Наконецъ, обратился къ Никитѣ Власычу, который, во время разговора старика съ семейскими, стоялъ, прислонясь къ плетню, и жевалъ черемуховую палочку.

— Такъ у тебя свой заводъ-отъ?

— Точно такъ-съ.

— Вотъ это хорошо. Меня Господь облагодарилъ пчельниками, до страсти хочется, чтобы въ Божьемъ храмѣ горѣла моя свѣча, воску на весь годъ хватить, только-бы свѣчи навертѣть, никакъ не соберешься.

— Ефто мы можемъ вашей чести предоставить въ лучшемъ видѣ.

— Ну, вотъ. Потому тутъ, въ лѣсу, пчела, святымъ духомъ работаетъ вопину, невидимо, со всякаго тѣту. Городская, вонъ, свѣча какимъ-то скапидаромъ воняетъ, въ рукахъ рассыпается, ровно горохъ, горитъ—трещитъ, и Божьей службы не слышать.

— Оно хоша къ примѣру и такъ, но безъ ефтаго невозможно-съ, Михай Савельевичъ.

— Съ чего такъ?

— А съ того, что нынѣ въ заводахъ пошли разныя трубы, сквозь которыя прогоняется товаръ, а ефти самыя трубы подмазываются все скапидаромъ и керосиномъ, чтобы воскъ отлипалъ.

— Что за пропасть, ужли-жъ трубы на то состроены, чтобы гадить Божій даръ. Муха, она, говорится, работала на Св. Духа, а вы гадите ея работу?...

— Нѣтъ, мы только лоскъ, глянecъ придаемъ товару.

— На кой мнѣ лѣшій твой глянecъ, прости Богъ,—Бога глянцемъ не проведешь. Бери прямо воскъ, разогрѣй и верти свѣчу, какъ, бывало, въ старину,—сердился старикъ.

— Можно и такъ, для вашей чести, какъ прикажете, такъ и сдѣлаемъ.

— То-то можно. Вы, знать, гороховой муки въ свѣчу подбавляете, да глянecъ наводите. Съ чего купецъ ростетъ, ростетъ и ухнетъ съ-разу? все отъ глянца ефтаго самаго, отъ трубъ евшихъ разныхъ самъ попадаетъ въ трубу, а живи-ка онъ по-божескому, вѣкъ свой не сгинетъ.

У задворка распахнулись ворота и показались два босыхъ парня, въ однихъ сорочкахъ, верхами на рьяныхъ красивыхъ заводскихъ коняхъ. Кони храпѣли, присѣдали назадъ въ галопъ; ребята крѣпко притягивали къ груди поводья; ихъ рубахи трепыхались за поясами на спинѣ. Кони рванулись на просторѣ и затанцовали по переулку—на улицу.

— Это отъ казенныхъ у меня,—замѣтилъ старикъ, любуясь конями: — отъ арапа.

«Ну, надъ ефгими ничего въ лѣсу не учинишь»... думалъ про себя мѣщанинъ, забившись отъ страха подъ сарай: «они сами тебѣ почилятъ зубы и губы, кони—страсть!»

— Михай Савельевичъ, нельзя ли взогрѣть самоварчикъ? Чайку я привезъ,—обратился къ старику Никита Власичъ.

— Можно. Только самоваръ-то, небось, зарясавилъ. Мы его грѣемъ только, когда батюшка священникъ лучится—праздничное дѣло, да медоломщики. Бабы! Матрюша! Ганя! гдѣ вы тамъ?

Одна изъ молодыхъ, проходя мимо съ ведрами воды на коромыслѣ и слыша голосъ дѣдушки-патріарха, бросила ведра, оттолкнула поневу и подбѣжала къ старику.

— Вотъ тебѣ ключъ отъ выхода,—началъ старикъ, отыскивая ощущью ключъ на поясѣ,—возьми тамъ самоваръ и заведи. Вотъ тебѣ ключъ отъ свѣтелки, сними тамъ окорокъ ветчины, отдай сварить. Да аичницу, что-ль, сострапайте—яйца у васъ на рукахъ, гостя-то надѣтъ угостить. За медомъ я самъ схожу. Да приежи все это Лушкѣ сдѣлать и сама-то у ней поучись, а то ваше дѣло, пока молоды, только хихикать, да пѣсни играть,—шутилъ старикъ, любезно окидывая глазами молодую невѣстку.

Распорядившись самоваромъ и закуской, староста повелъ гостя на пчельникъ, въ омшаникъ, показать воскъ и встати захватить меду къ чаю. Пока старикъ брелъ по тропинкѣ, и ворчалъ противъ разныхъ неправдъ и злоупотребленій, Никита Власичъ отвернулся къ своему возу, кое-чего захватилъ изъ него въ карманы и догналъ старика уже въ чащѣ деревь, у самаго пчельника. Въ дверяхъ старикъ, держа за цѣпъ огромную косматую собаку, пропустилъ гостя на пчельникъ. Собака, стоя на заднихъ ногахъ вровень со старикомъ, задыхалась отъ злобнаго лая. Шагахъ въ десяти отъ двери, подъ стройнымъ кленомъ, стояла часовенка съ иконами, на четырехъ точеныхъ столбикахъ, съ рѣзной отдѣлкой и тремя крестами на верху. Никита Власичъ откинулъ влѣво картузь, сдвинулъ колѣнки и усердно сталъ молиться на часовенку. При поклонахъ у него болтались чѣмъ-то нагруженные карманы коротенькой поддѣвки. Помолвивъ

шишь, онъ поклонился на всѣ четыре стороны и, съ поклономъ хозяину, проговорилъ:

— Съ охотой васъ проздравляемъ, дай Богъ, на сто на тысячу. Надобно осеребрить, — и при этихъ словахъ полѣзъ въ карманъ, досталъ ситцевый кисеть, розыскалъ въ немъ, среди табачныхъ корешковъ, завѣтный неразвѣнный пяточокъ пропалаго столѣтія, который онъ держалъ для завода денегъ, и положилъ на часовню.

— На этомъ благодаримъ, — проговорилъ старикъ, крестясь за спиною мѣщанина.

Никитѣ Власичу тяжело было совершить этотъ обрядъ: онъ зналъ, что медоломщики, въ подобныхъ случаяхъ, не жалѣютъ червонцевъ для часовни, но у него не было ни гроша, кромѣ этого завѣтнаго и бесполезнаго пяточка. Онъ такъ и чувствовалъ, разставаясь съ пяточкомъ: «нну, кольеко лѣтъ ты меня не выручалъ, не выручишь ли теперь».

Старикъ не показывалъ гостю пчельника. Никита Власичъ изъ-за гущи деревъ только могъ слышать гулъ и стонъ ульевъ, снаружи одѣтыхъ пчелой, какъ шубой. Онъ повелъ его по землянымъ ступенькамъ въ подземелье—омшаникъ. Было темно. Староста досталъ съ полки восковой огарокъ и спички, чирянулъ и зажегъ. Огарокъ освѣтилъ просторный, зарытый въ землю, дубовый омшаникъ. Въ немъ стояло нѣсколько приземистыхъ липовокъ съ медомъ, и жерновами были привалены къ стѣнѣ круги желтаго, какъ янтарь, воска.

— Вотъ гляди воскъ — это воскъ, — рекомендовалъ староста гостю, — не вашему чета. Я на солнцѣ его спускаю. Тутъ одно слово: Божья муха, да Божье солнышко работали. Вотъ чѣмъ надѣтъ угождать, а не скапидаромъ вашенскимъ. Онъ, небось, безъ всякихъ трубъ посылаетъ росу съ небесъ на наши нивы, чище слѣзки поваанной.

Никита Власичъ расчувствовался, охватывая жернова воска и сознавая ихъ цѣну.

— Вотъ что я вашей чести, къ примѣру доложу, Михай Савельевичъ, — началъ, поднимая возырежь и врестясь: — евдокаго благочестія я отродясь не видалъ, чтѣ у васъ, — даромъ-что въ городѣ, среди церквей, родился и выросъ. Давайте-ка выпьемъ.

Никита Власичъ ловко выхватилъ изъ кармана бутылку, изъ другого — калачъ и ставанъ, — и забуркалъ въ стаканъ напитокъ. Утомившійся съ рожми, старикъ, держа въ рукахъ самодѣльный восковой огарокъ, расправлялъ бороду, расчищалъ усы и не безъ сочувствія смотрѣлъ на стакалъ своими умными глазами. Выпили

по одной, по другой. Голодный мѣщанинъ схватилъ изъ вадки осотъ меда и уплеталъ его совсѣмъ съ вощиной; старикъ жевалъ калачъ.

Въ избѣ давно уже кипѣлъ самоваръ. Яичница неистово свистѣла на загнутомъ, въ огромной сковородѣ. Столъ былъ накрытъ узорчатою скатертью. На немъ, вокругъ самовара, лежали, накрытые красивыми полотенцами, огромные, во всю ковригу, ломти хлѣба. Посрединѣ стоялъ окорокъ вывѣсной, трехъ-годовой ветчины. Старуха подвѣдала щепки подъ яичницу; молодки юлили вокругъ стола, поправляя полотенцы, подкладая ножи и вытирая зелень съ боковъ самовара, долго стоявшаго въ сыростъ подвалѣ. Мужики, развѣсивъ шляпы по гвоздямъ на матицѣ, почесывали головы, въ ожиданіи хозяина и гостя.

Углекислота изъ самовара, запахъ отъ жирной яичницы и еще не выдохшаяся зимняя сырость толстѣйшей кирпичной избы, не мѣшали семейству церковнаго старосты хохотать во всю грудь и краснѣть лицомъ, какъ солнышко. Ихъ работа—въ полѣ, среди зелени, ихъ ночное спанье, въ пунькахъ; даже зимой на морозѣ, ихъ ежедневный хохотъ отъ счастья и довольства жизни, лучше всякихъ косметическихъ притираній, румянили ихъ пухленькія щeki.

А быть можетъ оттого наши крестьяне застрахованы отъ вреднаго вліянія атмосферы и разныхъ вредныхъ газовъ, что нашъ крестьянинъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ ружье, вытерпѣвшее тройной зарядъ скупой и безпощадной жизни, въ чемъ не трудно убѣдиться, видя во-очію, что изъ сотни ребятишекъ, воспитанныхъ на тюрѣ, и бѣгающихъ зимою босикомъ, остается въ живыхъ только десять. Это докажетъ статистика. Родится въ годъ въ иномъ приходѣ пятьдесятъ мальчиковъ, а заглянешь въ выпись изъ метрики, для воинской повинности, въ живыхъ остается четыре—пять.

Такъ-ли, сякъ-ли, только семья старосты была здорова и весела. Пришли въ избу и хозяинъ съ гостемъ. Хозяинъ принесъ миску меда, гость—батарею бутылокъ, связку вренделей и стопку пряниковъ. Все это нагружалось на просторный столъ. Староста помолился и засѣлъ въ вышки подъ образа. Его примѣру послѣдовали сыновья и внуки, рассаживаясь за столомъ. Никита Власичъ засучилъ рукава и сталъ заваривать свой чай. Ему было оставлено мѣсто около хозяина. Началось взаимное угощеніе. Пили водку, наливку, чай, ѣли ветчину, врендели, яичницу, медъ—все это вмѣстѣ. Красивыя бабы лишь порхали, какъ ласточки, вокругъ стола. Ихъ было дѣло—подать, принять, подста-

вить, стереть. Но Никита Власычъ не забывалъ ихъ рюмочкой. Ребятишки юлили между большими и по полу и по лавкамъ, забѣгая за спины пирующихъ. Имъ подавали кусочки со стола. Долго сидѣли за столомъ, пируя и разговаривая про хозяйство, про торговлю, про честность и воровство. Разговоръ перестигался анекдотами. Наконецъ, стали расходиться одинъ за другимъ, закурили трубки и разсѣлись въ разныхъ мѣстахъ по просторной избѣ. Старикъ сидѣлъ за столомъ. Яствъ и питья было много. Къ столу присыпали бабы и ребята. Никита Власычъ принесъ балалайку, наладилъ струны и началъ отвязывать плясовую. Не стерпѣли парни и молодежь — началась пляска. Старикъ любовался.

— А Грушка важно вытаптываетъ, — одобрялъ онъ пляску, держа въ рукахъ стаканъ наливки.

Старикъ совсѣмъ загулялъ, его отвели спать, а сами донивали, дождали и веселились до пѣтуховъ. Въ заключеніе Никита Власычъ одѣлилъ всѣхъ бабъ по кусочку мыла, старухѣ подарилъ сафьяновые чеботы, а старшему сыну старосты подарилъ ружавицы.

— Напрасно хлопочете, Микита Власычъ, ѣ... ѣ, на что это, отговаривались бабы, принимая подарки.

— Это за угощеніе и для знакомства, лучше будемъ знаться, — уговаривалъ прасоль, подавая подарки.

Мужики по уши насыпали въ хрептухъ влячѣ торговца на ночь овса и на дорогу еще ввалили мѣшокъ. А сѣномъ Никита Власычъ распорядился, какъ хозяинъ, набивая въ телѣгу и въ кошель.

IX.

На утро не старикъ, а уже Никита Власычъ распорядился становить самоваръ, а бабы, безъ всякаго приказанія, готовили вкусный завтракъ. Никита Власычъ, захвативши бутылочку, отправился на сѣноваль къ старику.

— Живъ ли дѣдушка? — подкрадаясь съ бутылкой подъ сарай, обратился онъ къ старостѣ.

— Что паря, живъ-то живъ, да наврядъ сѣменный, крахтѣль старикъ, — вечоръ чѣмъ ты меня ошеломилъ...

— Все пустякъ, а давай-ко опохмѣлимся, да о дѣлѣ потолкуемъ.

— Ай мы нѣхристи какіе, дай перва умыться, да любь

перекрестить.—Старикъ поднялся. Хотѣлъ идти къ пруду умываться, но увидалъ, что на высокой густой травѣ висѣла крупная роса, потрепалъ ее ладонями, помазалъ лицо, утерся рукавомъ и сталъ молиться на востокъ. Мѣщанинъ уже стоялъ у него за спиной, со стаканомъ водки. Старикъ обернулся.

— Пей самъ,—сказалъ онъ и поплелся на пенъ, гдѣ вчера сидѣлъ.

Никита Власичъ вручилъ ему стаканъ, поставилъ въ траву бутылку, пригнулся къ плетню, швырнулъ съ головы старика худую шляпенку и надѣлъ на него шапку съ заломомъ.

— Вотъ въ чемъ церковный староста долженъ щеголять,—бойко проговорилъ мѣщанинъ.—Семейскихъ я всѣхъ отблагодарилъ.

— Напрасно,—протянулъ старикъ,—дѣловъ еще мы не дѣлали.

— Познакомимся—будемъ дѣлать.

— Ну, спасибо. Къ зимѣ пригодится.

— Такъ какъ же, на чемъ мы повончимся на счетъ воспечку-то?—обратился Никита Власичъ къ патриарху на пѣ.

— Какъ говорили: бери круги и наверти изъ нихъ свѣчу.

— А то давай смѣняемъ, у меня есть свѣча?

— Ни за Боже мой, изъ моего воска верти. Воскъ мы положимъ въ цѣну и, когда привезешь свѣчу, съ храмомъ Божиимъ сочтемся; только ты сверни мнѣ двѣнадцать свѣчей пальца въ три толщиною—это я буду жертвовать по праздникамъ.

— За сколько же положите вѣсомъ ваши кружочки?..

— Надо бы прикинуть, да вѣсовъ-то нѣтъ, ихъ на безмѣнѣ не прикинешь. Развѣ на мельницу свозимъ?

— Что тамъ по мельницамъ развѣзжать, въ Божьемъ дѣлѣ душа всякому нужна, не такъ-ли?

— Да евто положимъ.

— Ну вотъ. Кладите, сколько, по-вашему, въ вашихъ кружочкахъ.

— Пудовъ шесть надо быть.

— Оковалочки-то обмалюваты—не потянутъ.

— Ну за пять кледи, за твое угощеніе.

— Пяти не потянетъ, но для перваго случаю—согласенъ. Прикажете наложить, а свѣча въ недѣлю будетъ готова. Пропустимте-ка еще по одной, дѣло рѣшено.

Никита Власичъ, у котораго руки вѣрнѣй любого безмѣна, покачавши жернова воска въ омшанинѣ, быстро сообразилъ, что пудика два лишнихъ въ нихъ есть сверхъ пяти, а имъ цѣна пятьдесятъ цѣлковыхъ, значить, не только мыло, цвиорій, бала-

лайка, а даже сама шапка въ цѣлковый — окулены — и слава Богу! А вмѣсто того, чтобы изъ этихъ круговъ вертѣть свѣчи, всего удобнѣй: отвезть круги на заводъ къ Выжидасу, — взять подъ нихъ еще свѣчей, повертѣться вокругъ села Шалашей, по подобнымъ старостамъ, и завернуть къ Михею Савельевичу со сверчонными свѣчами.

— Дѣдушка, идите чай пить, самоваръ готовъ, — доложила патриарху маленькая дѣвчонка.

Мужики давно ужъ наѣлись соломаты и собираются съ восами въ луга.

— Такъ что же, прикажите наваливать ваши оковалочки?

— Наваливать, такъ наваливать.

— Эй, ребятушки, старичокъ приказываетъ наваливать восъ изъ омшаника — наваливайте.

— Наваливать? — спросилъ бородатый сынъ старика.

— Наваливайте.

Мужики побросали косы, отправились по тропинкѣ въ омшаникъ и носили оттуда восковыя жернова въ телѣгу прасола. Кляча, пережевывая овесъ и вздергивая отъ объяденія животомъ, оглядывалась на жернова воска и думала: доведу ли?..

Мужики, не обращая вниманія на думу лошади, кряхтели и заваливали въ телѣгу воскъ. А староста Михей Савельевичъ, выпивши третью, размечтался на пнѣ:

— Ты думаешь, изъ чего мы вашего брата припускаемъ въ домъ? Изъ одного разгулу. Сгидай ё голова, какой-нибудь окорокъ уйдѣтъ, по крайности мы, середь своей работы, разгуляемся. Сколько хрипѣ-то не гни, захошь и разогнуться. Кабы у насъ какое веселье было, а то скрипятъ одни качели немазанная середь села — и вся не долга. А тамъ одно баловство. Я своихъ не пускаю. Ко мнѣ съ конкѣ поръ, — съ самой Ильинской пятницы приталкиваются купцы, золотке кладутъ въ часовенку — золотятъ, а не серебрятъ пчелу. — Отдай, говорятъ, десятокъ, или два ульевъ на убой; а я говорю: не хошь ли парочку. Онъ и на парочку согласенъ, и за парочку попойтъ виномъ, бабъ попотѣшить и все такое. Глядишь, подѣхалъ другой — и этому парочку. Да такъ-то почестъ до Покрова гуляемъ, — тебѣ небось не стать сказывать. Вотъ что значить пчела, она сердце веселить.

— А скажу вамъ: протличнѣйшая ваша жисть, — замѣтилъ Никита Власичъ, наливая еще стаканъ: — пожили бы въ городѣ, такъ тамъ одна топка васъ сокрушила бы: видишь — хворостина валяется, или пьяный мужикъ съ торга обронилъ кнутъ — подымай все это, на топку годится. А опосля ярмарки — кто плю-

нуль-то гдѣ кто, — все, можно сказать, гусинымъ перомъ подметешъ до чиста — и все на топку.

— А мы тутъ думаемъ о другомъ: таперича она баба, съ утрава до вечера у всякой есть своя работа — носить, гребуть, нянчаютъ ребятъ, ночей иную пору не спать. Погляжу иной разъ, мои бабы повѣсили головы, засопѣли носами. А ужъ и бабы — добро! Самъ небось видѣлъ — одна къ одной, изо всей округи выбиралъ, что ни хлестчее, то моя — ладно. Выпадетъ просторный вечерокъ, я и скажу: ну-ка, ребята — въ жилейки! а самъ красенькаго подготавлию. Какъ тряхнуть въ жилейки, бабы въ плясъ. Передернешь плечами, маханешь рукой — трогай, бабы! все припашемъ, все прижнемъ, вали! работай и живи!> Что-жь ты думаешъ: мои бабы, какъ тронуть трепака: — ахъ, ихъ, перевишь!.. а у тебя сердце радуется, на старости лѣтъ, что семья не грустуетъ, въ работѣ одной.

X.

На горахъ, по сторонамъ быстрой рѣки, видѣлись, сквозь туманъ, силуэты нѣсколькихъ церквей. Было утро. Солнышко, лишь уградкой, изъ-за лѣса, забѣгало на золоченные кресты высокихъ колоколенъ. Вдоль береговъ рѣки тянулись сплошные поселки обывателей. Они такъ густо были покрыты туманомъ, что лишь по реву и бляню выгоняемой со дворовъ скотины, по скрипу воротъ, да по столбамъ танувшагоса изъ трубъ до небесъ дыма было можно догадаться, что эта рѣка обитаема. Дымъ изъ черныхъ, безъ трубъ, избъ, пробиваясь облаками сквозь соломенную крышу и сливаясь съ туманомъ, дѣлалъ воздухъ удушливымъ и совсѣмъ непроницаемымъ для глаза. Деревенскій скрипъ, крикъ и ревъ сливался съ звуками унылыхъ деревенскихъ колоколовъ, къ заутрени на Ильинъ-день. Изъ-за густыхъ аллей угрюмо выглядывалъ замкомъ старинный домъ давнымъ-давно въ деревнѣ не жившаго аристократа. Тамъ-и-самъ, по буграмъ топырились затѣйливые домочки мелкихъ помѣщиковъ, здѣсь родившихся, отлучавшихся лишь для получения перваго чина и здѣсь доживающихъ свой вѣкъ. Ихъ домочки, своими подгулавшими колоннами на балконахъ и похилившимися мезонинами съ перебитыми радужныхъ цвѣтомъ стеклами, казалось, улыбались восходящему солнцу и дѣлали ему книксенъ, слегка завалившись, слегка избоченившись, слегка обрушившись въ землю угломъ. Звуки колоколовъ, лѣниво перекачиваясь съ горы

на гору, поднимали со дна души просвѣщеннаго путника цѣлые томы исторіи человѣчества на землѣ и охватывали его душу, какъ туманомъ, дуמוю о будущемъ. Спѣсивое солнце, выглядывая съ востока, ласкало своими лучами въ душѣ надежды на тихій ясный день и на лучшія времена. Путнику становилось грустно при мысли, что онъ умретъ, не доживетъ до этого разсвѣта: такъ ему казалась привлекательна жизнь впереди, что онъ готовъ былъ цѣлыя столѣтія носить бремя старческой жизни, — цѣлыя столѣтія пролежать живымъ, не поворачиваясь въ постелѣ, лишь бы взглянуть на этотъ разсвѣтъ — и тогда ужъ помереть...

Совсѣмъ другое думалъ Никита Власичъ, вѣхавшій въ туманѣ вдоль берега рѣки, съ возомъ свѣчей. Заслыша благовѣсть къ заутрени, онъ снялъ картузь и, крестясь, проговорилъ:

— Эко туманъ-то добро!.. Любую тройку, укравши, можно угнать задъ Сызрани, словно въ облакахъ по небесамъ! — нивому и въ ротъ не влетитъ...

При одной изъ церквей былъ зажиточный почтенный батюшка, отецъ Илья. Онъ былъ иманинникъ. Отецъ Илья, подъ звуки колокола, дочитывалъ правило къ богослуженію, въ своемъ крошечномъ кабинетикѣ, а въ кухнѣ его шла возня — готовился пиръ для гостей. Былъ призванъ старинный барскій поваръ-старичокъ. За продажею его бариномъ имѣнія мельнику, не бывшему поварского, плѣшивый поваръ-старичокъ остался въ штатѣ. Пригородивши мазанку къ обрыву горы, онъ пытался съ своею старухою крестинами, имянинами, свадьбами и проч. Приготовить обѣдъ, — ему дадутъ пудикъ мучицы, осьмущечку крупицъ, ветчинныхъ обрѣзочковъ съ окороковъ — онъ и сытъ, попойтъ водочкой — онъ и весель; идетъ съ пира къ старухѣ съ мѣшочкомъ черезъ плечо, куда ужъ непременно уложить кусочекъ кулебяки, котлетку или паштетцу въ гостинецъ своей беззубой подругѣ жизни. Его всѣ любили за услужливость, особенно — за скромность въ требованіяхъ провіант.

— Какъ же быть-то: для жилею надо бы рыбьяго клейку? — спрашиваетъ онъ матушку, супругу иманинника.

— Нѣтути, батюшка Силантьевичъ, — онъ вѣдь дѣрогъ.

— Ну, мы врахмальцу припустимъ покрѣпче, — все равно связжетъ. А не то въ саду на вишняхъ клейку поищу. Да вотъ миндаліку надо бы для пирожнаго?

— И миндалю нѣту, нельзя ли какъ-нибудь?..

— Все можно — отчего же? — мы бобочковъ порубимъ. Эхъ, надо бы селдерейцу, петрушечки, пусторначку... ну, да мы кар-

топечекъ потремъ, сыпучкой, зеленымъ лучкомъ присыпемъ, — за шпинать сойдегъ.

— Ты ужь, пожалуйста, Силантьевичъ, постарайся.

— Будьте спокойны, — графскій обѣдъ устрою.

— Тебѣ чаборцу, богородицкой травки не надо ли, калу-ферцу?

— Ничего, для духу хорошо, — пучочекъ одолжите.

Силантьевичъ любилъ дѣлать обѣды на барскій манеръ и старался замаскировать блюда. У него всѣ блюда были залиты просто-на-просто бараными студнями, замазаны соусами изъ картофеля, поддушены, присыпаны колуферцемъ и украшены клюквой. Даже горячему блюду онъ умѣлъ придавать какой-то неестественный колоритъ. Словомъ, онъ былъ поварь-аристократъ.

Обѣдъ былъ готовъ. Обѣдня отслужена. Стали сѣзжаться гости. Въ гостиной уже шелъ веселый разговоръ объ урожаѣ, о сѣновосахъ, о пчеловодствѣ. Нѣсколько сосѣднихъ матушекъ, въ шелковыхъ повязкахъ и чепцахъ, уже сидѣло рядышкомъ на диванахъ и софахъ, смиренно придерживая въ горстахъ еще не развернутые носовые платочки и благоговѣнно слушая говоръ своихъ супруговъ, въ расшитыхъ шелкомъ и бисеромъ поясахъ на животахъ и съ цѣпочками во всю грудь. Одна лишь изъ матушекъ — молодая, въ платицѣ съ подборцемъ и въ мелвихъ козловыхъ башмачкахъ — съ поль-рюмкою лиссабонскаго въ рукавахъ завела съ отцами философскій споръ. Наплывъ новыхъ гостей — въ бакенбардахъ, бородахъ и безъ нихъ — своими здорованьемъ и поздравленіемъ со днемъ ангела прервалъ бесѣду.

Новые гости поздоровались, поздравили, раскланялись и усѣлись: старшина въ поддѣвѣхъ, съ яркими пуговицами на перекоски; арендаторъ въ дутыхъ сапогахъ и такою же физиономіею, отъ сознанія, что онъ не хуже помѣщика; управляющій имѣніемъ, не знавшаго деревни барина, съ кошачьей походкой и вкрадчивыми глазами; староста церковный — мельникъ, купившій барское имѣніе, — и молодой помѣщикъ, Юрій Селиверстовичъ Фистуловъ. Всѣ усѣлись и оглядывались на батгарею бутылокъ, окружавшихъ кислотовато-вкусную закуску, а франтъ Фистуловъ молча ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголь и, пощипывая усы, казалось, обдумывалъ: «нельзя ли какъ-нибудь, по новому положенію, попасть въ попы?.. Сколько гостей — и всѣхъ здѣсь упитаютъ, а ты одинъ — и то сидишь какъ сычъ голодный въ родительскомъ домишкѣ»...

Подъ конецъ пришли мѣстные причетники съ женами и дочерьми. Привстали, пожались, сдвинулись, — дали мѣсто и этимъ.

Небольшой домикъ отца Ильи набился полнѣхонекъ. Столы для обѣда раздвигались и разставлялись во всѣхъ комнатахъ. Заплатный пономарь даже прижался въ дѣтской на лежанкѣ и, въ ожиданіи поварского обѣда, про себя бормоталъ: «теченіе совершихъ, пообѣдаемъ и на лежанкѣ». Услужливыя пономарихи, бѣгая по дому съ жевкомъ за скулами, разостлали старцу салфетку на лежанкѣ и, по приказанію хозяевъ, не забывая выпивкой захоластныхъ гостей, подчуж старца на лежанкѣ изъ графинчика, не забывали и себя.

За обѣдомъ шель оживленный разговоръ о временахъ вѣка сего. Толковали о томъ, что, съ уничтоженіемъ крѣпостного права и вотчинныхъ конторъ съ розгами, не стало въ деревнѣ хозяина, который бы давалъ острастку молодому поколѣнію крестьянъ и сдерживалъ отъ пороковъ. Духовные скорбѣли, что у нихъ нѣтъ мировыхъ судей, — мельникъ жаловался, что годъ отъ года плошаетъ на мельницѣ помоль и что мужики стали плуты.

— Какая оказія на-дняхъ случилась, — рассказывалъ мельникъ: — знаете вы Гришку-косолапаго? — малый плутъ, продѣлистый! Обмолотили это они копны три ржи; Ванюха, братъ его, и говорить: «Григорій, съѣзди съ Филькой въ поле за копнами, а я покелева извѣю рожь». Гришка говоритъ: «ты поѣзжай, а я извѣю». Ванюха поѣхалъ. Гришка навѣялъ мѣры четыре на-плечи, да въ кабакъ. Напился и свалился въ канаву за гумномъ. Тамъ стащили съ него шапку и новенькіе сапоги. Гришка проспался и приходитъ босикомъ. Нѣтъ ни ржи, ни шапки, ни сапогъ. Старшій братъ, Ванюха, ударился въ волостную. Старшина и говорить ему: «дураки вы, дураки: лѣзете съ жалобой къ намъ, — чтó мы сдѣлаемъ? Ну, посадимъ въ чижовку, — это важное кушанье! Васъ два брата, да еще отецъ въ силѣ: перешибли бы ему ребра два, — небойсь, забылъ бы». Что-жъ вы думаете? — такъ и сдѣлали: перешибли Гришкѣ ровно два ребра, — перешибли бы три, да старшина приказалъ только два. А на воровъ-лошеводовъ перестали ужъ и жаловаться: какъ попался, — катать до полу-смерти, щипи волоса, пали бороду.

— А что-жъ вы думаете, претличная штука! — одобрялъ арендаторъ въ дутыхъ сапогахъ: — я вотъ какой годъ арендую у графа имѣніе, ни разу не былъ у мирового, а какъ вижу, что дѣло не такъ, заберу виновнаго въ ригу, дамъ ему выволочку хорошую — и шабашъ. Нашему мужику выволочка и розги — первая остраска.

— Нѣтъ, я вамъ лучше расскажу, — началъ батюшка: — у меня на родинѣ былъ діаконъ одинъ, писалъ хорошо, занимался письмоводствомъ по церкви, а священникъ былъ старъ — мышей

не топталъ, — но лѣнтяй былъ діаконъ и крайне нерадивый. Благочинный бился-бился съ нимъ, ничего не подѣляетъ. Донесеть высшему начальству, черезъ годъ прїѣдетъ слѣдователь, допросъ, осмотръ, — діаконъ вывернулся изъ-подъ суда. Года черезъ два поступаетъ рѣшеніе: внушить діакону съ строгимъ выговоромъ, чтобы онъ исправно велъ книги. Діаконъ, разумѣется, смѣется надъ донесеніемъ благочиннаго. Погоди-же, говоритъ благочинный, я съ тобою справлюсь: забралъ его въ кабинетъ, ухватилъ за бороду — и ну щелкать его зубы объ зубы — клянись, говоритъ, что будешь исправно писать, — не выпущу, до смерти защелкаю. Съ тѣхъ поръ, съ діакона какъ рукой сняло.

Отъ разговора о самоуправствѣ наши гости перешли къ разговору о самоуправленіи. Всѣ пришли къ тому убѣжденію, что слѣдовало бы въ каждомъ селѣ сдѣлать приходское попечительство хозяиномъ въ деревнѣ. Расширить его права — коллективно рѣшать разныя дѣла на мѣстѣ, безъ происковъ и волокить по мировымъ судьямъ и волостнымъ правленіямъ, гдѣ судьи — сбродъ, и базисъ ихъ суда — полштофъ.

Духовенство желало, чтобы у него были учреждены мировые судьи, хоть для мелкихъ дѣлъ, чтобы судебныя дѣла не производились по старой накладной, а судъ былъ бы скорый и правый.

— Грубіянить причетникъ, пьянствуетъ; подумаешь: или донести на него? да какъ вспомнишь всю эту процедуру нашего длиннаго суда, прїѣдетъ слѣдователь, депутаты, пой ихъ, корми цѣлую недѣлю, завертятся у тебя въ головѣ судаки, котлеты, огурцы... провались ты пропадомъ, пьянствуй, груби, только не подожги, — съ грустію рассказывалъ практичный въ жизни батюшка старичокъ. — У насъ судится не дай Богъ. Ухватилъ его тебя за полу, возьми ножичекъ и обрѣжь полу поближе къ рукъ ухватившаго. Удобнѣе вѣкъ безъ полы ходить, чѣмъ судиться объ полы въ цѣлости имуще.

По поводу того, что послѣ обѣда многіе увидали въ зеркалѣ свои усы и бороды подкрасенными фуксинной наливкой, начался разговоръ о поддѣлкахъ, разныхъ операціяхъ и вообще о стремленіи современныхъ людей выжимать изъ кармана ближняго копейку. Много было рассказано смѣшныхъ и печальныхъ анекдотовъ по этому поводу.

— Нонѣ и съ мужикомъ ничего не подѣлаешь, — вполголоса рассказывалъ мельникъ арендатору: — извѣстно, при всякой мельницѣ есть желѣзный гарнецъ, онъ ростомъ не величекъ, а влѣзаетъ почестъ мѣра, запомошь четверти хлѣба. Я вонъ двѣнадцать цѣлковыхъ отвалилъ за него, кубастый таковой, стѣнки въ ниточку

толщины, ну просто арбузикъ. Что-жь, вы думаете, шельмы: чуть отвернись, насыпешь хлѣба на донѹшко и несешь кряхтитъ—вотъ-те лапоть. Ты подъ него подкрадаешься, а онъ подъ тебя—оказія!

— Хорошъ сидитъ тоже и Синеуховъ, питерець,—разсказывалъ мельнику арендаторъ про молодого, пропитаннаго новыми идеями мужиколубія, барина:—пріѣхалъ въ имѣніе, давай народъ поить водкой, со всѣми на *сы*, въ гостиную сажаетъ закорюзглый полушубокъ, одно слово панібратство. Чтѣ денегъ роздалъ, чтѣ хлѣба подъ зароботки, чтобы сманить отъ работы у меня. Не хошь-ли вонъ чего: мужики забрались къ нему въ садъ, облупили яблоки,—на пчельникъ, выломали медъ, а паръ у него до сихъ поръ не метанъ (не пахана земля). Гдѣ-жь ему, молокососу, знать, какъ съ мужикомъ обращаться. По-нашему, ты его толкони въ ухо, но не дай упасть. Какъ видишь—падаетъ, съ другого бока толкони—уважь чѣмъ-нибудь, онъ и будетъ стоять и работать. Это вѣдь чучело съ машиной въ животѣ,—съ ней тоже надо обходиться хитро. Особенно въ теперешнее время, когда этотъ чучело свободно махаетъ руками и думаетъ, что онъ тоже что-нибудь такое... во всякомъ дѣлѣ сноровка нужна, Молофѣй Михѣевичъ.

— Само собою. Безъ сноровки, въ ноя́ншее время, жить нельзя. Самъ сноровляй, но оглядывайся, не засѣла ли рука сосѣда въ твой карманъ.

Чай пить придумали въ саду. Либеральный баренокъ, инкогнито, скомандовалъ принести изъ своего дома въ садъ органъ-шарманку. Шарманка неожиданно для всѣхъ загудѣла, гости были довольны и аплодировали владѣльцу ея, но почтенный именинникъ, о. Илья, для отвлеченія соблазна въ прихожанахъ, попросилъ шарманку внести въ горницу—пустъ-де тамъ гудеть.

Такъ же неожиданно, какъ и шарманка, въ саду появился нашъ Никита Власычъ. Получая въ пригоршни съ картузомъ отъ батюшекъ благословенія, онъ дошелъ и до хозяина.

— Вамъ что угодно?—спросилъ его о. Илья, занося персты на потный лобъ Никиты Власыча.

— Мы къ примѣру ѣхали къ Молофѣю Михѣевичу, но такъ какъ они изволятъ быть у вапей чести, стало быть мы...

— Въ чемъ дѣло-то, говорите?

— Такъ какъ его степенство, Молофѣй Михѣевичъ, изволятъ состоять въ церковной старостѣ—значитъ—то мы примѣрно, къ нему на счетъ свѣчей. Потому, надо говорить, мы отѣрыли новую операцію и въ лучшемъ видѣ.

— О, другъ мой, это дѣло не подойдетъ. Теперь устроена епархіальная свѣчная операція, устроивается заводъ, подѣланы

склады, открыта лавка на всю епархію, ваши свѣчи намъ не нужны.

— Почему-жь по обаяльности вашей чести я почестъ цѣлый возъ развезу? тамъ не слышать ничего.

— Какъ, и въ Ключикахъ былъ?—спросилъ ключиковскій батюшка.

— Прямо оттуда, пять пучковъ свѣчи старостѣ продалъ.

— Не можетъ-быть, я ему говорилъ, чтобы прекратить покупку свѣчей въ лавкахъ и у васъ.

— Точно такъ-съ. Я даже собачку у него вымѣнялъ, настоящая лисица, подъ любой лисій мѣхъ подгоняй, вонъ у повозки привязана, хоть посмотрите.

— И въ Воротиловѣ былъ?—спросилъ еще батюшка.

— Былъ и тамъ-съ, поль-пуда оставилъ.

Батюшки остались очень недовольны, что, вопреки распоряженія епархіальнаго свѣзда—братъ свѣчи, настоящія восковыя, въ епархіальномъ складѣ,—ихъ берутъ на сторонѣ.

— Вотъ что, другъ мой,—порѣшилъ имянинникъ о. Илья,—выпей вотъ водочки, и съ Богомъ, никогда не являйся къ намъ съ товаромъ своимъ, у насъ свой складъ, своя операція. Иначе подъ судъ попадешь.

Никита Власичъ повѣсилъ голову. Онъ выпилъ рюмочку и поѣхалъ съ своею собачкою по дорогѣ, куда лошадь повезла.

— А маненько не хорошо, что устроили эту епархіальную операцію, — замѣтилъ мельникъ, староста Молофей Михѣевичъ,—много хлѣба отняли у торгашей. Тутъ заводъ, тамъ оптовая торговля въ мѣшкахъ, прямо на чугунку, вездѣ лавки, прасолу совсѣмъ некуда стало рукъ запустить.

— Придумывай себѣ операцію иную. Что-жь дѣлать, когда человѣческой общественный организмъ не разноситъ правильно своихъ питательныхъ соковъ по разнымъ частямъ тѣла, поневолѣ приходится прибѣгать къ разнымъ операціямъ и прасолу и намъ,—соболюбивовалъ воротиловскій батюшка. Духовенство обществу служить, а въ возмездіе за службу пользуется правомъ побираничества: пирогами, мучицей, сметанкой. Поневолѣ займешься какою-нибудь операціею по хозяйству. Дѣтей духовенства нужно воспитывать, а не на что, поневолѣ прибѣгнешь къ свѣчному заводу. У насъ по рублику съ пуда остается барышка—вотъ и средства на воспитаніе учителей и учительницъ народа. Ни одно сословіе не приготовляетъ столько народныхъ дѣателей и труженниковъ: у насъ девяносто-три училища въ уѣздѣ, кто учителя и учительницы?—все духовные. У насъ семь докторовъ, четыре аку-

шерки, и все это наши. И всѣ они вывелись и воспитались первоначально на наши церковные огарочки. Церковь, какъ фокусъ-зеркало, принимая въ себя лепты отъ народа, на него же льетъ и свои плодотворные лучи.

— Зачѣмъ же операцію-то заводить, когда вывелись и выводятся?—возразилъ Молофей Михѣевичъ.

— А затѣмъ, во-первыхъ, чтобы въ даръ Богу не приносилась какая-нибудь смола грошовая и, во-вторыхъ, чтобы получить рубликъ *незамѣтно*, посредствомъ труда и искусства. Спросика у васъ этотъ рубликъ просто безо всего, вы, небось, запоете: онъ мнѣ нуженъ на колоколь въ сто пудовъ. А что полезнѣй: гудливый колоколь, или умная рѣчь пастыря церкви, учителя и проч.?

— Ефто что-то непонятно, проговорилъ Молофей Михѣевичъ, протирая ладонью потный лобъ. — А все-таки поповское житье хороше: и почетъ, и икорку мы вотъ вкушаемъ у васъ.

— Это икорка трудовая; а почету хочешь, подавай прошеніе въ попы.

— Боже сохрани!.. да я съ обвону обвалюсь.

— Ну вы, Юрій Селиверстовичъ, желаете въ священники?—обратился о. Илья къ либеральному баренку.

— Я ужъ думалъ, но избави Боже, помилуйте: соборовать старуху умирающую, видѣть ея предсмертную агонію, утѣшать, потомъ хоронить какую-нибудь красавицу, быть свидѣтелемъ раздирающаго душу плача. Потомъ: замерзать въ полѣ, на пути къ больному, въ ночь и за полночь. Да я лучше въ пастухи подь скотину наймусь, чѣмъ...

— Нѣтъ, вы еще не знаете, что священникъ есть безсмѣнный часовой во всѣ триста-шестьдесятъ-пять дней года, — дѣла нѣтъ, воръ не подходитъ къ цейхгаузу, а ты ходи съ ружьемъ на плечо. Ни тебѣ развернуться въ разговорѣ веселомъ, ни тебѣ поохотать на просторѣ, каждую минуту, днемъ и ночью, въ грозу и непогоду, даже среди службы церковной жди кого-нибудь. Ты только раздвинешь руки во время херувимской и весь отдаешься Богу, хватъ пономарь докладываетъ: — Ванька въ машину попалъ, дыхнетъ и нѣтъ. Опускай руки, опускай въ преисподнюю душу, отпускай изъ церкви народъ, спѣши къ Ванькѣ для исповѣди и причастія. А не пойдешь, такъ тебѣ носу отрѣжутъ, или въ монастырь сошлютъ, воду носить монахамъ на самоваръ. Эхъ, вы, не знаете, чего стѣдить священствовать, чего стѣбить свобода, хоть въ сутки часъ. Я не говорю уже о страданіяхъ совѣсти отвѣтомъ за приходъ, предъ судомъ Божиимъ.

— Хоть бы что придумали бы, чтобы трудъ-то, по крайней мѣрѣ, прилично оплачивался, — замѣтилъ Юрій Селиверстовичъ. А знаете, что бы я на вашемъ мѣстѣ устроилъ: нарядилъ бы кого-нибудь чортомъ и послалъ бы ночью по загуменьямъ вокругъ деревни — гуди, реви, страдай народъ. Сейчасъ молебствіе со двора на дворъ. Напольшалъ одну деревню, отмолилъ, чорта наладилъ въ другую — отлично!

Всѣ расхохотались.

— Нонѣ, батюшка мой, мужики и въ чертей-то плохо стали вѣрить, — рассказывалъ староста-мельникъ: бывалыча, идетъ мужикъ облопозъ бучила на мельницѣ, шапку снимаетъ, крестится, какъ бы не выльзъ изъ бучила чортъ и не сграбасталъ его, а нонѣ, анамесь, Сысойка Повитушкинъ оперся на перила, курить трубку, смотреть, плюетъ въ бучило и толкуетъ: кто это придумалъ, что въ бучилѣ черти водятся? ай ужъ онъ дуракъ, чтобы въ экой мокрединѣ водиться... Не тó время пришло. Не запугать вамъ чертями мужиковъ, Юрій Селиверстовичъ. И прасолу плохо пришло, а отчего? — оттого, что народъ поумнѣлъ, не больно развѣситъ уши на базарѣ. Въ базарный день еще что-нибудь сорвутъ, а въ будни плохо имъ.

— Дѣйствительно, жалкіе у насъ люди — это уѣздное мѣщанство, — замѣтилъ Юрій Селиверстовичъ: собрался я палить свинью, приходитъ мѣщанинъ, спрашиваетъ, нѣтъ ли продажнаго чего? Говорю: нѣтъ, отважись, некогда, надобно свинью палить. Давайте, говорить, я опалю и уберу первый сортъ, по-московскому, ваши работники ей бокъ прожгутъ, а вы, за работу — хоть пообѣдать дайте мнѣ, не ѣвши патаюсъ другой день, а дома и не знаю, жива-ли семья. — Ну, говорю, пали. А самъ боюсь, не осмотрѣлъ бы онъ у меня запоры въ конюшнѣ.

— И все это невѣжество деревенское создало у насъ такихъ людей, позволяя имъ себя обирать, — замѣтилъ одинъ изъ гостей. — Почему они жмутся въ городѣ, не ищутъ работы, мало-ли: въ имѣніяхъ, на чугункѣ, на фабрикахъ, на заводахъ, они вѣдь сильные, быками высматриваютъ.

— Въ томъ-то и штука, что они вѣкъ свой привыкли только свои руки запускать, куда слѣдуетъ, — порѣшилъ мельникъ. — Я ужъ пробовалъ, наймалъ ихъ подѣ кули-то — не модель.

— Въ работу не годятся, — подтвердилъ арендаторъ, — я тоже пробовалъ. Имъ такъ, стащить что-нибудь — это ихъ дѣло.

— Главное, — ихъ много; помилуйте, въ нашемъ городишкѣ до трехъ тысячъ одного мужеска пола, женска навѣрно больше;

дѣйствительно, достойные сожалѣнія люди,—соболезновалъ одинъ батюшка. — Если ихъ послать въ Ташкентъ, въ Болгарію, въ Карсъ, въ Анатолю, что мы завоевали? Тамъ мѣста теплыя, онѣ безъ заботы о топливѣ пролежатъ на солнышкѣ свой вѣкъ.

— Не безпокойтесь, батюшка, нужда уважетъ дорогу всѣмъ: нужда заставитъ валачики печь, порѣшилъ иманинникъ о. Илья.

Разочарованный въ успѣхахъ предпринятой операціи развова по уѣзду свѣчей, Никита Власычъ на обратномъ пути обдумывалъ предпріятіе новаго свойства, поближе къ натурѣ: «Или мнѣ удариться въ лошеводство?—соображалъ онъ,—или какъ кормится Антипа Ключковъ (вожами съ живыхъ коней), или купить ножичекъ повострѣй, для вырѣзки спинъ изъ енотовыхъ шубъ и изъ салоповъ по всенощнымъ въ церквахъ и разныхъ сумоѣ по вокзаламъ?»...

А. И. Краснополюскій.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ

СЪ

ФИНАНСОВОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

L'homme est de glace aux vérités,
Il est de feu pour le mensonge.
La Fontaine.

IV.

Историческое развитіе идеи подоходнаго налога, и опытъ примѣненія ея въ Англіи во время Наполеоновскихъ войнъ, 1797—1815 гг.

Подоходный налогъ въ различныхъ странахъ, хотѣ и представляетъ различные виды и формы, на самомъ же дѣлѣ основанъ на одномъ и томъ же принципѣ и первообразомъ его послужилъ подоходный налогъ Англіи, которая и есть отечество этого источника дохода. Но и здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ теперь, онъ явился не вдругъ, а постепенно, съ перерывами, которые всякій разъ вызывали новыя измѣненія въ томъ или другомъ направленіи. Къ тому же, тамъ подоходный налогъ никогда не узаконялся въ видѣ постояннаго, а всегда въ смыслѣ временнаго, чрезвычайнаго—до минованія надобности. Интересно то обстоятельство, что, какъ указываетъ Джонъ Синклеръ, ссылающійся на другихъ, всѣ акты, касающіеся этого налога, всегда тщательно уничтожались и сжигались, чтобы по возможности затруднить въ будущемъ всякую возможность возникновенія его. Извѣстный мыслитель XVI столѣтія, Бэконъ Верулемскій, высказываетъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «Это—уродливое порожденіе, выставленное на позавъ

свѣту, чтобы извѣстно было, какое дѣяніе бываетъ возможно, и сокрытое затѣмъ историками, дабы міръ не могъ даже узнать того, что не можетъ или не должно быть совершаемо¹⁾. По объясненію Синклера, это «ненавистное чудовище» Бэкона, этотъ «безпримѣрный налогъ» былъ не что иное, «какъ подать (subsidy) на недвижимую и личную собственность, составлявшая 20 шиллинговъ съ каждаго рыцарскаго помѣстья, 20 пенсовъ съ каждаго фунта стерлинговъ земельного дохода, и 1 ш. съ каждаго фунта ст. отъ торговли и денежныхъ капиталовъ».

Первая попытка къ введенію подоходнаго налога въ Англіи можетъ быть отнесена къ началу XV столѣтія, къ собранію того парламента, который получилъ извѣстное въ исторіи названіе Парламента неучей (Parlamentum indoctum)—въ 1405 году, въ который допускались только тѣ изъ членовъ, которые считались несвѣдущими въ законахъ.

Указавъ, что подоходный налогъ въ Англіи, хотя такое названіе придано ему только послѣ 1803 года, имѣлъ всегда характеръ чрезвычайныхъ, обязательныхъ или добровольныхъ, субсидій, замѣтимъ, что такой же характеръ временнаго былъ приданъ и сбору, установленному В. Питтомъ въ 1798 г., въ виду войны, возникшихъ противъ Франціи съ 1793 г., но также отмѣненному вслѣдъ за Амьенскимъ миромъ въ 1802 году. Такъ какъ этотъ миръ былъ весьма непродолжителенъ и война возгорѣлась въ слѣдующемъ же году, то эта чрезвычайная субсидія была восстановлена уже въ видѣ налога на собственность и доходъ (property and income tax) и явилась въ той формѣ, въ какой она существуетъ и теперь. Что подоходный налогъ возникалъ и имѣлъ всегда характеръ временности, вслѣдствіе чрезвычайной нужды, слѣдуетъ также изъ того, что непосредственно за Ватерлоо, вслѣдъ за ссылкой Наполеона на островъ Елены, онъ былъ отмѣненъ. Какъ указываютъ историки, залы парламента никогда еще не оглашались такимъ громомъ рукоплесканій, какъ тѣ, которые привѣтствовали отмѣну его. По предложенію лорда Брума, принятому парламентомъ, чтобы навсегда отвратить возможность восстановленія его, были преданы сожженію всѣ документы, относящіеся къ этому дѣлу.

За отмѣною въ 1815 г. слѣдуетъ періодъ времени до 1842 года безъ подоходнаго налога. Въ этомъ году, по предложенію Роберта Пиза, несмотря на оппозицію, подоходный на-

¹⁾ John Sincler, History of the public revenue of the British Empire, London, 1790.

логъ былъ восстановленъ. Этотъ же самый Р. Пиль въ 1833 г., когда онъ былъ членомъ парламента и оппозиціи, при обсужденіи предложенія о сбавкѣ акциза съ солода, предупреждалъ, что канцлеръ казначейства, предлагая избавить теперь отъ легкаго бремени солодоваго акциза, въ непродолжительномъ времени, угоститъ «кнутомъ подоходнаго налога». Благодаря краснорѣчію, съ которымъ онъ развивалъ неизбѣжность «кнута», благодаря искусству, съ которымъ онъ развивалъ тему облегченія, путемъ сложенія и уменьшенія разныхъ налоговъ и таможенныхъ пошлинъ на предметы потребленія, предложеніе его было принято и явился цѣлый уставъ съ 194 статьями. Доводы и рѣчь его произвели такое впечатлѣніе, что и королева Викторія поспѣшила представить заявленіе, что она съ готовностію присоединяется къ тому, чтобы этотъ налогъ былъ распространенъ и на ея личные доходы ¹⁾. Въ виду предложенія Р. Пила въ 1842 г. нельзя не задаться вопросомъ: въ какомъ же случаѣ было больше искренности съ его стороны, въ 1833 или 1842 г.?

Восстановленіе налога въ 1842 г. обуславливалось срокомъ трехъ лѣтъ, за истеченіемъ которыхъ однако срокъ снова продолженъ, затѣмъ еще на три года, и сохраняется до сихъ поръ.

Въ 1851 и 1860 гг. были въ Англіи назначены парламентскія комиссіи для изслѣдованія положенія дѣла, и оба раза эти изслѣдованія приводили къ заключенію относительно множества неудобствъ и неравенства въ смыслѣ справедливости, соединенныхъ съ обстановкою и ходомъ дѣла. Къ участию въ одной изъ такихъ комиссій былъ приглашенъ и Д. С. Милль. Нельзя оставить безъ вниманія двухъ мнѣній одного и того же человѣка, двухъ мнѣній, совершенно противоположныхъ одно другому. Я говорю о Гладстонѣ. Вотъ что высказывалъ послѣдній. «Это (income tax)—тотъ самый исполнитъ, который охранялъ Великобританію въ эпоху войны съ Франціею, который былъ призванъ въ 1842 г. на помощь для совершенія экономическихъ преобразованій и развитія мирнаго промышленнаго труда». Но это не остановило Гладстона связать также слѣдующее: «однако между мѣрами приложенія этого налога возникаютъ такія, которыя настолько тягостны, даже можетъ быть невозможны, что во всякомъ случаѣ нужно желать, чтобы этотъ налогъ не былъ сохраненъ, какъ постоянный и обыкновенный источникъ дохода. Ощущеніе неравенства, связаннаго съ нимъ, — обстоятельство само-по-себѣ чрезвычайно важное. Разысканія, имѣющія мѣсто для опредѣ-

¹⁾ Vocke, *W. Geschichte der Steuern des britischen Reichs*. Leipzig, 1862.

ленія размѣра обложенія, вызываютъ самыя невыносимыя неудобства; подлоги же, отъ того происходящія—такое зло по преимуществу, которое можно осуждать только самыми энергическими выраженіями. Несмотря на это, предпринять устраненіе этихъ недостатковъ значило бы отдаться уже не геркулесовой работѣ, потому что такая была по плечу Геркулесу и онъ ее оканчивалъ съ успѣхомъ, но *работъ, послѣдствія которой, въ виду несообразностей и нелѣпостей, не могущихъ не обнаружиться при этомъ, вызовутъ отмѣну источника, который нужно сберечь про черный день*¹⁾.

Сопоставляя мнѣніе Гладстона съ тѣмъ, которое высказывалъ другой государственный мужъ — Тьеръ, притомъ также въ минуты безпримѣрно чрезвычайныхъ обстоятельствъ, безпримѣрно мрачныхъ дней, нельзя не видѣть двухъ мнѣній, совершенно противоположныхъ. Ниже мы увидимъ, на какой сторонѣ истина.

Теперь, когда мы ознакомились съ тѣми разнорѣчивыми сужденіями, которыя соединяетъ съ собою подоходная подать, можно перейти въ изложенію, насколько практика и опытъ осуществленія идеи этого налога оправдываютъ мнѣнія тѣхъ поборниковъ, которые отстаивали и отстаиваютъ этотъ источникъ государственнаго сбора. Такъ какъ мы имѣемъ почти полный запасъ данныхъ, притомъ официальныхъ, по отношенію какъ питтовскаго, такъ и пилевскаго налога, то мы и остановимся на изученіи опыта примѣненія въ Англіи, имѣя въ виду два начала, характеризующія условность введенія его.

Расходы по случаю затянувшейся войны съ Франціею, превзошедшіе всякія ожиданія, неминуемо должны были повлечь за собою изысканіе новыхъ мѣръ для покрытія этихъ расходовъ. Такъ какъ чрезвычайныя возвышенія всѣхъ размѣровъ военныхъ и прямыхъ налоговъ не удовлетворяли увеличивающихся потребностей казначейства, то В. Питтъ, бывшій тогда во главѣ управленія, предложилъ въ 1797 г. дополнительный сборъ, съ распределеніемъ его сообразно съ суммою прежде платимую, предполагая, что это будетъ налогъ на доходы, хотя взносы совершались тѣмъ же порядкомъ, какъ и прямые налоги «*assessed taxes*». Предложеніе было принято, не безъ жаркихъ возраженій со стороны оппозиціи, и явился актъ, подъ названіемъ «*An Act for granting to His Majesty an aid and contribution for the prosecution of the war*», т.-е. «*Актъ дарованія его величеству пособія и субсидіи на продолженіе войны*». На основаніи этого

1) E. Pailen, *Traité der impots*, Paris, 1863.

акта установленъ добавочный къ прежнимъ прямымъ налогъ на лицъ, получающихъ доходъ свыше 60 ф. стерл. Но такъ какъ этотъ источникъ въ 1798 г. доставилъ всего 1.670,968 ф. стерл., то въ декабрѣ того же года Питтъ внесъ предложеніе замѣнить этотъ сборъ настоящимъ подоходнымъ налогомъ. Онъ предлагалъ установить постепенное увеличеніе размѣра оклада съ доходовъ отъ 60 до 200 ф. ст. — такимъ образомъ, чтобы доходъ

въ 60—65 ф. облагался	$\frac{1}{120}$.
» 65—70 »	» $\frac{1}{90}$.
» 70—75 »	» $\frac{1}{70}$.
» 80—85 »	» $\frac{1}{60}$.
и т. д.	
» 150—155 »	» $\frac{1}{30}$.
» 200 и выше не болѣе	$\frac{1}{10}$.

При такихъ основаніяхъ, прогрессивность налога въ первомъ ея опытѣ простиралась только на низшіе размѣры доходовъ.

По вычислениямъ В. Питта, такъ какъ общій ежегодный доходъ англичанъ составлялъ 102.000,000 ф. стерл., то онъ надѣялся на цифру сбора въ 10 мил. ф. ст. Сборъ этотъ назначался для той же цѣли, какъ и установленный въ предыдущемъ году, и въ силу вступалъ съ 5 апрѣля 1798 г. Но ожиданія его не сбылись: при разсмотрѣніи бюджета въ іюнѣ 1799 г. онъ заявилъ, что можно рассчитывать только на 7.500,000 ф. ст., а въ февралѣ 1800 г. и эту цифру уменьшилъ до 6.200,000 ф. стерл., и только, въ случаѣ новыхъ измѣненій, предполагалъ рассчитывать на 7.000,000 ф. ст. Но въ засѣданіи 18 февраля 1801 г. объявилъ, что онъ ошибся въ расчетѣ и едва ли можно ожидать болѣе 6.000,000 ф. ст. Эти недополученія вызвали возвышенія размѣровъ акцизовъ, автовыхъ налоговъ, почтовой таксы. Эти возвышенія составили: на 3 милл. ф. ст. въ 1802 г., на 8 милл. ф. ст. въ 1803 г. и на 1 милл. ф. стер. въ 1804 г.

Чтобы показать, насколько не оправдывались предположенія Питта относительно возможныхъ величинъ полученій отъ подоходнаго налога, я приведу цифры поступленій послѣдняго въ слѣдующіе годы:

въ 1798 г.	1.670,968 ф. ст. (съ 5 апр. 1798 г.)
» 1799 »	1.020,298 » »
» 1800 »	4.518,088 » »
» 1801 »	5.804,515 » »
» 1802 »	8.327,435 » » (отмѣненъ съ 5 апр. 1802 г.).

Поступленія въ государственное казначейство, очевидно, далеко не соответствуютъ ожидавшимся величинамъ въ 10, 7 и 6

милл. фун. стерл.! Выручали, по прежнему, возвышенія другихъ налоговъ, составившія за три года сумму около 12 милл. ф. ст. Интересно, что въ парламентѣ при обсужденіи питтовскаго предложенія, глава оппозиціи Фоксъ указывалъ на «эту подать, какъ на послѣдствія гнуснѣйшаго деспотизма и какъ на переходъ къ крайнему произволу и грозилъ всевозможными бѣдствіями, которыя не замедлятъ произойти отъ того»¹⁾. Нужно при этомъ также упомянуть, что, не задолго передъ Амьенскимъ миромъ 1802 г., представители лондонскихъ промышленниковъ и собственниковъ подавали петицію въ парламентъ, въ которой указывали, что «подходная подать вызвала дороговизну на всѣ предметы потребленія, что имѣло слѣдствіемъ увеличеніе налога въ пользу бѣдныхъ, что она явно несправедлива, такъ какъ не дѣлаетъ различія между доходами постоянными, т.-е. съ недвижностей, и временными, случайными—съ промысловъ и занятій; что она противорѣчитъ свободѣ и общественной нравственности, такъ какъ обусловливается приемами инквизиціи, едва ли не худшей, чѣмъ бывшая испанская, и ведетъ къ подлогу и ложной присягѣ».

Отсутствіе питтовскаго подоходнаго налога было, впрочемъ, непродолжительно. Въ слѣдующемъ же году война съ Франціею возгорѣлась снова, и бывший во главѣ управленія Аддингтонъ предложилъ возстановить подоходную подать съ 5-го апрѣля 1803 г. подъ названіемъ property tax, на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, какъ относительно размѣра, такъ и процесса взиманія. Величина дохода, подлежащаго обложенію, начиналась также 60 ф., но въ размѣрѣ не 2, а 3 пенсовъ съ фунта, постепенно возраставшемъ до 12 пенсовъ при величинѣ дохода въ 150 ф. вмѣсто 200, какъ въ 1798 г. Начиная же съ цифры дохода въ 150 ф., взималось по 1 шилл. съ каждаго фунта безразлично. Слѣдовательно, налогъ составлялъ отъ $\frac{1}{80}$ для низшихъ доходовъ, до 5% для высшихъ, тогда какъ въ 1798 г. отъ $\frac{1}{120}$ для низшихъ, до 10% для высшихъ—свыше 200 ф. стер.

Что касается процесса взиманія,—всѣ источники доходовъ были подведены подъ одинъ изъ слѣдующихъ 5 классовъ (Schedules A. B. C. D и E).

1-й классъ (Sh. A.). Доходы отъ всякихъ земельныхъ угодій, построекъ, рудниковъ, каналовъ, рыбныхъ промысловъ, получаемые на основаніи правъ собственности.

¹⁾ Vocke, Geschichte etc.

2-й классъ (Sh. B.). Доходы, получаемые съ земельныхъ угодій на основаніи права пользованія или аренды.

3-й классъ (Sh. C.). Доходы отъ купоновъ, дивидендовъ и вообще процентовъ съ капиталовъ, находящихся въ предпріятіяхъ, какъ частныхъ лицъ, такъ и компаній и обществъ.

4-й классъ (Sh. D.). Доходы отъ промысловъ и занятій, избѣжавшихъ обложенія по одному изъ предыдущихъ классовъ.

5-й классъ (Sh. E.). Жалованья, пенсіи и всякое текущее вознагражденіе за службу, какъ частную, такъ и общественную или государственную.

Установленіе этихъ подраздѣленій послужило къ тому, что сборщикъ обращаетъ свои разысканія не на лицо, а на предметъ, такъ сказать, на источникъ дохода при самомъ его возникновеніи. По системѣ Питта, доходъ опредѣлялся посредствомъ огульныхъ показаній самого лица, безъ объясненій источниковъ дохода. По Аддингтону, не спрашивается объ общемъ доходѣ лица, а ислѣдуется и разыскивается самый источникъ дохода. Питтовскій подоходный налогъ есть, такъ сказать, личный, субъективный; аддингтоновскій — предметный или объективный. Сборщикъ не имѣетъ дѣла съ каждымъ акціонеромъ, съ каждымъ участникомъ въ предпріятіи, а высвѣиваетъ размѣръ обложенія съ управленія дѣлами предпріятія. Если имущество находится въ пользованіи у другого, то послѣдній вноситъ, по окладу, какъ часть, причитающуюся на его долю, какъ арендатора, такъ и ту часть, которая приходится на долю собственника, и которую арендаторъ уже удерживаетъ изъ причитающейся послѣднему арендной платы. Если при этомъ собственность или имущество находится въ залогѣ у третьяго лица, то собственникъ удерживаетъ изъ суммы процентовъ, слѣдующихъ кредитору, ту долю, которая упадетъ на налогъ. Послѣдній же, если докажетъ, что доходъ его не превышаетъ установленной нормы обложенія (60 ф.), можетъ получить ихъ обратно изъ казначейства, какъ излишне взытые. Слѣдовательно, сборщикъ, получивъ налогъ съ одного арендатора, удовлетворяетъ казну какъ по отношенію къ доходамъ арендатора (Sh. B.), и собственника (Sh. A.), такъ и по отношенію къ получающему дивидендъ съ капитала (Sh. C.) — по тремъ категоріямъ одновременно. Организовавши такимъ образомъ подоходный налогъ, Аддингтонъ надѣялся получить 4.500.000 ф. стерл. Но и новый увеличенный размѣръ оклада оказался недостаточнымъ. Съ 5-го апрѣля 1805 г. Питтъ, снова вступившій въ управленіе, возвысилъ размѣръ обложенія на $1\frac{1}{4}\%$. А съ 5-го апрѣля 1801 г., когда во главѣ управленія былъ бывшій

примъ ненавистникомъ налога Фоксъ, размѣръ обложенія возвышенъ до 10⁰/₀, и норма облагаемаго дохода понижена до 50 ф. стер., вмѣсто прежнихъ 60 ф., и къ предметамъ обложенія отнесены также и дивиденды отъ государственныхъ бумагъ, которые до сихъ поръ не были трогаемы и неприкосновенность которыхъ, во имя государственнаго кредита, особенно горячо всегда отстаивалъ Фоксъ. Возвысивши до 10⁰/₀, онъ обѣщалъ парламенту, что это будетъ крайній предѣлъ, за который онъ не позволитъ себѣ переступить. Этотъ же самый Фоксъ въ 1805 году, возражая Питту по поводу увеличенія размѣра обложенія на 1¹/₄⁰/₀, развивалъ, «что если утвердить 1¹/₄⁰/₀, то министерство не много спустя будетъ требовать 50⁰/₀, затѣмъ 75⁰/₀ и, наконецъ, сдѣлается владѣльцемъ всѣхъ имуществъ и состояній» (Voske).

Слѣдующія цифровыя данныя показываютъ, насколько развивалась съ 1803 года финансовая сторона подоходнаго налога.

Въ 1803 г.	384,613 ф. ст.	Въ 1810 г.	13.492,337 ф. ст.	Въ 1817 г.	2.311,530 ф. ст.
» 1804	3.637,531 " "	» 1811	13.210,928 " "	» 1818	580,771 " "
» 1805	4.592,314 " "	» 1812	13.065,195 " "	» 1819	171,188 " "
» 1806	6.159,087 " "	» 1813	14.273,587 " "	» 1820	46,176 " "
» 1807	10.155,042 " "	» 1814	14.515,218 " "	» 1821	44 876 " "
» 1808	11.403,301 " "	» 1815	14.617,968 " "	—	—
» 1809	12.410,385 " "	» 1816	11.797,378 " "	—	—

Налогъ, основанный Питтомъ и послужившій образцомъ и основаніемъ для введенія его въ другихъ странахъ, просуществовалъ 18 лѣтъ, доставивъ сумму сбора въ 150.359,771 ф. стер. и оставивъ послѣ себя недоимку въ 15.000.000 ф. стерл., или около 10⁰/₀ всего сбора, притомъ за періодъ времени весьма непродолжительный, если вспомнимъ, что передъ 1803 г. въ 6 лѣтъ недоимка составляла около 1¹/₂ милл. фун. стерл., т.-е. менѣе годового оклада, тогда какъ теперь, по отношенію къ годовому окладу, почти равна ей. Такой результатъ краснорѣчивѣ всякихъ доводовъ противниковъ подоходнаго налога подтверждаетъ его тягость и несостоятельность. Мы остановимся на разсмотрѣніи этой недоимки.

Едва ли какой другой источникъ дохода оставлялъ послѣ себя такую, относительно, значительную долю недоимки. У насъ, на примѣръ, за 20 лѣтъ послѣ 1856 г., когда прощены недоимки, ихъ накопилось, несмотря на строгость взысканія, около 40 мил. рублей, т.-е. не болѣе 20⁰/₀ годового оклада. При томъ же, у насъ не существуетъ основнаго начала соразмѣрности подати съ достаткомъ.

Чѣмъ же объяснить, какъ не тягостью самой подати, если за 12 лѣтъ существованія—недоимки составили полный годово́й окладъ? И при какихъ условіяхъ? При существованіи соразмѣрности съ доходомъ, опредѣляемымъ самимъ плательщикомъ; при увольненіи отъ права взноса подати въ случаѣ если доходъ не достигаетъ величины 50 ф. стерл., что по металлической валютѣ составляетъ около 315 р. сер., а по курсу настоящей минуты около 500 рубл.! Притомъ, въ Англіи существуетъ драконовъ законъ объ отвѣтственности приходской общины за ея членовъ. Въ виду огромной недоимки нужно полагать, что послѣдній законъ существуетъ только на бумагѣ, что подтвердило бы замѣчаніе Фокса относительно крайняго деспотизма, соединяемаго съ регламентаціею подоходнаго налога, или, что послѣдній въ дѣйствительности тягостенъ и невыносимъ. Притомъ же, оцѣнки доходовъ крайне низки и значительная часть налога вносится помимо прамого участія плательщика.

Возможно, что недоимки явились также и оттого, что одновременно возвышались и размѣры налоговъ на другіе предметы обложенія, увеличеніе которыхъ составило по соразмѣрности до 30 милліоновъ фунт. стерл., приче́мъ большинство акцизовъ и пошлинь чрезмѣрно возвышены—едва ли не вдвое. А это повлекло за собою неминуемое возвышеніе цѣны многихъ предметовъ потребленія, что не могло не отразиться на трудности взноса и самой подоходной подати. Съ другой стороны, отнятіе у членовъ общества известной части ихъ дохода или выручки, очевидно, уменьшало у нихъ возможность расходовать различные предметы потребленія. Значить, нужно допустить, что если не на всю цифру, то на нѣкоторую часть подоходной подати уменьшались сборы казначейства съ другихъ источниковъ, которыхъ тогда было очень много и которые невозможно было обойти. Слѣдовательно, подоходный налогъ какъ тягостенъ для общества, такъ нераціоналенъ съ финансовой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія государственнаго казначейства. И если Фоксъ и другіе ораторы такъ нещадно громили этотъ источникъ дохода, называя его проявленіемъ деспотизма, то не безъ основанія, если взять въ соображеніе данныя, уже приведенныя. Нельзя упустить изъ вида также того обстоятельства, что едва-ли какой либо другой источникъ вызывалъ столько заявленій протеста, осужденій проекта введенія и вмѣстѣ съ тѣмъ столько выраженной радости при отмѣнѣ, какъ этотъ налогъ.

Характерную оцѣнку подоходнаго налога мы можемъ сдѣлать также, сопоставивъ слѣдующія данныя: по правительственнымъ

отчетамъ, расходы по случаю войны съ Франціею съ 1793 по 1815 г. составили сумму въ 831 мил. ф. ст.; однихъ субсидій въ пользу государствъ, союзныхъ Англии, выдано до 58 милл. ф. ст., въ которыхъ оволо 10 милл. выпали на долю Россіи. Цифра 831 мил. ф. не маловажна ¹⁾; на американскую войну (1776—1785 г.) израсходовано только 97 милл., на крымскую (1855—1856 г.) 70 милл. ф. ст. на основаніи оффиціальныхъ отчетовъ. Къ началу 1793 г. долгъ Великобританіи составлялъ 240 милл. ф. ст., — увеличился, слѣдовательно, на сумму 621 милл. ф. ст. Избытокъ расхода на войну—въ 210 милл. ф. покрылся, очевидно, изъ бюджетныхъ поступленій. Мы видѣли выше, что общая сумма подоходнаго сбора за все время войны составила 150 милл. ф. ст. Слѣдовательно, этимъ источникомъ не покрывался избытокъ расхода.

Чтобы составить сравнительную оцѣнку, въ финансовомъ отношеніи, различныхъ категорій налоговъ, я приведу среднія величины поступления ихъ съ 1786 г. по пятилѣтіямъ:

ГОДЫ	Таможенныя пошлыны и акц. сборы.	Прямые налоги и почта.	ВСЕГО.	Увеличеніе каждаго пятилѣтія сравнит. съ 1786—1790
	ф у н т о в ь с т е р л и н г о в ь .			
Съ 1786—1790	11.983,000	4.559,000	16.542,000	—
„ 1791—1795	14.035,000	4.825,000	18.860,000	2.318,000
„ 1796—1800	16.649,000	7.090,000	23.740,000	17.198,000
„ 1801—1805	28.187,000	10.279,000	38.466,000	21.924,000
„ 1806—1810	38.187,000	14.757,000	52.688,000	36.146,000
„ 1811—1815	41.740,000	16.945,000	58.688,000	42.146,000

Я останавлиюсь на этихъ цифрахъ, чтобы объяснить всю ихъ поучительность. Предполагая, что періодъ съ 1793 по 1815 былъ періодомъ застоя и даже упадка развитія народнаго благосостоянія, что весьма естественно вслѣдствіе войны, вызывавшей всевозможныя жертвы и тяжкіе налоги. Допуская послѣднее, нужно ожидать скорѣе уменьшенія, чѣмъ возрастанія, какъ окладныхъ, такъ и неокладныхъ сборовъ. Но это ли мы видимъ въ только что приведенныхъ цифрахъ? Напротивъ, мы замѣчаемъ возрастаніе ихъ на 10⁰/₀, 100⁰/₀, 130⁰/₀, 225⁰/₀ и 360⁰/₀. Такъ какъ въ этотъ же періодъ времени размѣры всѣхъ акцизовъ и пошлынь возвышены, по соразмѣрности ожиданія, на 30 милл. ф. ст.

¹⁾ Считаю 1 ф. стерл. въ 25 франковъ, или въ 10 руб. (по курсу) получается сумма въ 20,775,000,000 фр. или 8.310.000,000 кред. рублей.

(около), то станетъ понятнымъ и причина возрастанія. Допуская, что средняя величина сбора въ 16 милл. ф. за 1786—1790 г. есть нормальная для сравненія, мы увидимъ, что весь излишекъ суммы сборовъ, вслѣдствіе возвышенія, составлялъ за все время до 1815 г. 590 милл. ф. ст. Эти 590 милл со 150 милл., полученными отъ подоходнаго сбора, составляютъ 740 милл. ф. ст. Прибавляя къ послѣднимъ 620 милл., приобретенныхъ посредствомъ займа, мы имѣемъ 1,360 милл. ф. ст.—такова, по-моему должна быть истинная финансовая стоимость войны 1793—1815 годъ ¹⁾).

По отношенію къ этой общей цифрѣ расхода на войну, сумма подоходнаго сбора за время съ 1798 г. по 1815 г. составляетъ всего 11⁰/₀; по отношенію къ суммѣ однихъ займовъ за тотъ же періодъ въ 620 милл. ф. — 25⁰/₀, а съ суммы увеличенія по остальнымъ окладнымъ и неокладнымъ сборамъ (590 милл.) — нѣсколько менѣе 25⁰/₀. Въ виду всего этого не правильнѣе ли было вовсе не прибѣгать къ подоходному налогу, не правильнѣе ли было ограничиться только займами и возвышеніями существующихъ акционныхъ сборовъ, или только одними займами и умѣренными возвышеніями налоговъ на другіе источники? На основаніи этихъ и совокупности многихъ другихъ соображеній, можно склониться къ выводу, что введеніе подоходнаго сбора въ Англии В. Питтомъ и его продолжателями было ошибкою, было плодомъ недоразумѣнія.

V.

Экономическій прогрессъ Англии въ періодъ отсутствія подоходнаго налога, съ 1816—1841 г.

Ознакомившись съ экономическимъ и финансовымъ значеніемъ Питтовскаго подоходнаго налога, отмѣннаго въ 1815 г., узнавши, насколько установленіе этого источника, ради увеличенія государственнаго дохода, имѣло отрицательный характеръ, намъ остается рассмотреть, насколько этотъ налогъ имѣетъ значеніе въ смыслѣ реформы податной системы. При этомъ, разумѣется, предполагается, что съ нимъ соединяется условіе болѣе равномернаго распредѣленія тягостей, вызываемыхъ нуждами государственной казны. Примѣненіе его на этомъ основаніи, какъ соответствующемъ вто-

¹⁾ По курсу послѣднихъ дней это составляетъ на наши деньги 13.600.000.000 руб. а по металлической валютѣ 8.568.000.000 руб. или 34.000.000.000 франковъ

рому изъ принятыхъ нами началъ для оцѣнки умѣстности введенія его, мы находимъ въ Англіи въ 1842 г., когда во главѣ управленія былъ Р. Пиль.

Но что совершалось тамъ въ періодѣ съ 1815 по 1842 г.— эти 27 лѣтъ отсутствія подоходнаго налога? какъ шло развитіе народныхъ хозяйства и богатства за эту четверть столѣтія?— вотъ вопросъ, котораго нельзя обойти, какъ для уясненія будущаго новаго положенія подоходнаго налога, такъ и въ дополненіе къ уясненію и утверженію въ тѣхъ выводахъ, къ которымъ привело насъ ознакомленіе съ налогомъ въ первый періодъ его существованія до 1815 года.

Если принимать, вмѣстѣ съ А. Смитомъ, одно изъ слѣдующихъ состояній народнаго развитія: преуспѣянія, застоя или неподвижности и упадка, то, на основаніи имѣющихся статистическихъ данныхъ относительно Великобританіи, мы должны сказать, что въ періодѣ съ 1816 по 1841 г. развитіе народной жизни въ Великобританіи имѣло характеръ состоянія преуспѣянія, тогда какъ въ періодѣ 1793—1815 г.—состоянія застоя и даже упадка. Но этотъ выводъ не долженъ давать права къ заключенію, что такое различіе состояній вызывалось однимъ подоходнымъ налогомъ. Далеконѣтъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ или третьемъ проявленіи принимаетъ всегда участіе совокупность условій, а между послѣдними присутствію или отсутствію подоходнаго налога принадлежитъ не маловажная доля, ѳ величинѣ которой можно себѣ составить представленіе на основаніи уже сказаннаго прежде. Слѣдующія данныя послужатъ къ уясненію этой величины.

Мы видѣли выше, что возвышеніе всѣхъ разнообразныхъ акцизовъ и пошлинъ, по размѣру ожиданій, не считая подоходнаго налога, на 30 милл. ф. ст. около, въ періодѣ 1796—1815 г. вызвало увеличеніе суммы сборовъ съ этихъ источниковъ съ 16 до 59 милл. ф. ст. около; слѣдовательно, гораздо больше, чѣмъ норма возвышенія. Мы должны признать потому, что развитіе народное можетъ быть отнесено не въ состоянію упадка, а скорѣе въ состоянію только застоя, если не слабого преуспѣянія. Въ самомъ дѣлѣ, не могло же быть увеличенія сбора свыше нормы возвышенія, безъ того, чтобы не увеличивалось потребленіе различныхъ предметовъ, а послѣднее увеличеніе соотвѣтствуетъ общей цифрѣ 29 милл. ф. ст. въ послѣдніе годы, изъ чего выводится, что средства населенія и въ годы періода «состоянія застоя» увеличивались. И это при существованіи подоходнаго налога, искалѣчивавшаго средства населенія на 15 милл. ф. ст.

ежегодно! Что же могло произойти какъ не быстрое развитіе благосостоянія, какъ не быстрое возрастаніе всѣхъ остальныхъ источниковъ государственнаго сбора, вслѣдствіе отѣны подоходнаго налога, т.-е. оставленія части дохода въ распоряженіи гражданъ? Насколько быстро было это развитіе, насколько народное хозяйство перешло въ состояніе преуспѣянія, мы увидимъ изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ годы съ 1816—1830 г., т.-е. за 15 лѣтъ, различныхъ пошлинъ и акцизовъ уменьшено на сумму въ 20 милл. ф. ст., на каковую сумму и нужно было бы ожидать уменьшенія поступленій въ государственную казну. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, поступило меньше только на 3—4 милл. ф. ст., какъ въ 1830 г., такъ и передъ этимъ годомъ. Можно было бы на основаніи этого подумать, что, значить, отѣна 15 милл. подоходнаго налога вызвала увеличеніе на всѣхъ другихъ источникахъ на эти 15 милліоновъ. И если вспомнить всѣ мои доводы, приведенные прежде, то эти цифры служатъ только подтвержденіемъ сказаннаго прежде. Но состояніе преуспѣянія еще лучше обнаружилось въ слѣдующія 5 лѣтъ. Съ 1830—1835 г. уменьшеніе акцизовъ и пошлинъ составило сумму всѣхъ пониженій еще на 8 милл. ф. ст.; доходы же въ совокупности уменьшились только на 4 милл. ф. ст. противъ предыдущаго. Въ слѣдующемъ 1836—1840 г. уменьшены еще на 2 милл., но поступленія остались въ нормѣ предыдущихъ годовъ. Въ годъ, предшествующій 1842-му, когда возстановленъ Робертомъ Пилемъ подоходный налогъ, сумма всѣхъ поступленій составляла 51 милл. ф. ст., т.-е. на 7 милл. ниже максимумъ поступленій во время наивысшихъ размѣровъ акцизовъ и всѣхъ обложеній. За весь этотъ періодъ т.-е. съ 1816—1841 г. сумма всѣхъ пониженій составляетъ около 34 милл. ф. ст. Такъ какъ такое явленіе можно объяснить только возрастаніемъ потребленія, вслѣдствіе развитія благосостоянія, то мы должны сказать, что это развитіе почти безпримѣрно и едва-ли можно указать на другой подобный примѣръ въ какой-либо странѣ. Въ самомъ дѣлѣ, къ 1842 г. вслѣдствіе уменьшенія размѣровъ различныхъ налоговъ, въ томъ числѣ и подоходнаго, вся сумма сбавленій акцизовъ и пошлинъ составляла около 45 милл. ф. ст. Эту величину и можно принять, какъ ежегодную сумму тѣхъ сбереженій, которыя остались въ пользу развитія благосостоянія, и такъ какъ едва-ли одинъ изъ шиллинговъ или совереновъ былъ проглоченъ или утаенъ, то всѣ они и выразились въ возвышеніи и возрастаніи доходовъ казны, и въ развитіи всевозможныхъ промысловъ и торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Эти 45 милл. ф. ст. ежегоднаго сбереженія можно разсматривать какъ

сумму, употребляемую правительствомъ для поощренія развитія страны, которое не выражается тамъ ни въ министерствахъ земледѣлія или путей сообщенія, ни въ управленіи коннозаводства, какъ въ Пруссіи или Австріи, гдѣ ради этихъ учрежденій приходится не добирать, а перебирать на всевозможныхъ акцизахъ и податяхъ, такъ что различныя отрасли производства не только не могутъ развиваться и совершенствоваться, а скорѣе упадаютъ или неподвижны. Оттого же тамъ — дефициты и правильное возрастаніе займовъ, тогда какъ въ Англіи государственный долгъ съ 861 ф. ст. въ 1815 году уменьшился до 791 милл. ф. ст., въ 1841 году, слѣдовательно, на 70 милл. ф. ст.! Къ послѣдней цифрѣ нужно присоединить еще ту, которая въ размѣрѣ 17 милл. ф. ст. въ 1836 г. употреблена на вознагражденія рабовладѣльцевъ за освобожденіе невольниковъ на островахъ Вестъ-Индіи и Барбадосскомъ, а въ 1837 г. на М. Доброй Надежды, островахъ Мавриціи и Виргинскихъ. Едва ли такіе результаты были возможны безъ отсутствія подоходнаго налога!

Указаніе, что подоходный налогъ скорѣе не служитъ въ пользу бѣдныхъ, не подлежащихъ ему, можно подтвердить въ фактѣ возрастанія привоза пшеницы, который за этотъ періодъ времени почти учетверился. Потребленіе ея могло увеличиваться только вслѣдствіе улучшенія благосостоянія менѣе имущихъ: зажиточные классы едва ли могли сокращать потребленіе ея даже и въ годы неурожаевъ и дороговизны. Важно также то обстоятельство, что суммы, затрачиваемыя на бѣдныхъ, возрастали изъ года въ годъ до 1815 и 1818 годовъ; затѣмъ постепенно упали до 1842 года, когда снова начинаютъ возрастать. Такъ какъ мысль о подоходномъ налогѣ въ Англіи сначала возникла изъ идеи вспоможенія бѣднымъ, то нельзя также не придти къ заключенію, что налогъ на богатыхъ, хотя и въ пользу бѣдныхъ, способствовалъ также увеличенію числа неимущихъ.

Подоходный сборъ никогда не распространялся на Ирландію и только въ 1853 году, по предложенію Гладстона, его ввели и въ этой части королевства. Парнелъ, бывшій короткое время канцлеромъ казначейства (1828 г.), авторъ извѣстнаго сочиненія «О реформѣ финансовъ», высказывалъ въ немъ мнѣніе о неумѣстности отмены подоходнаго налога въ Англіи и необходимости восстановленія его, взаменъ нѣкоторыхъ существующихъ акцизовъ и пошлинъ. Въ этомъ же сочиненіи онъ приводитъ, между прочимъ, статистическія данныя объ Ирландіи съ 1790 по 1830 годъ, изъ которыхъ оказывается, что Ирландія въ этотъ періодъ замѣчательно преуспѣвала. Возвышеніе всѣхъ пред-

метовъ потребленія, отпуска и привозы по внѣшней торговлѣ шли въ возрастающей прогрессіи; собственно въ Англіи данныя обнаруживали застои и даже упадокъ — здѣсь наоборотъ. Причину этого явленія нельзя не объяснять частью отсутствіемъ подоходнаго налога; иное объясненіе противорѣчило бы всему, мною уже высказанному о значеніи подоходнаго налога. Такое же явленіе мы видимъ и въ Англіи собственно послѣ 1815 года. Всѣ доходы, подлежащіе оцѣнѣ, съ 1816—1841 годъ возрасли отъ 180 до 250 милл. фунтовъ стерлинговъ; внѣшняя торговля по привозу — отъ 30 до 62 милл. фунтовъ стерлинговъ, по отпуску — отъ 55 до 115 милл. фунтовъ стерлинговъ. Сводя всѣ данныя къ одному итогу, мы заключаемъ, что въ Англіи этотъ періодъ (1816—1841 годъ) представляетъ состояніе исполнскаго преуспѣянія — какъ въ экономическомъ, такъ и въ финансовомъ отношеніяхъ.

VI.

Періодъ возстановленія подоходнаго налога въ Англіи, ради экономическихъ и финансовыхъ реформъ.

Но и солнце не безъ пятенъ: чрезмѣрныя уменьшенія пошлинъ и налоговъ не могли не вызвать и сокращенія въ бюджетныхъ доходахъ, такъ какъ уменьшеніе, не соотвѣтственно неизбежному возрастанію расходовъ, вызвало дефицитъ въ бюджетѣ, выразившійся на 1842 годъ въ цифрѣ $2\frac{1}{2}$ милл. фунтовъ стерлинговъ. Во главѣ управленія сталъ Робертъ Пиль, который ничего другого не могъ придумать, какъ предложить возстановить подоходный налогъ и, не надѣясь на успѣхъ проведенія проекта, запасся данными, настолько ласкающими воображеніе и идею общаго блага, что проектъ его былъ встрѣченъ при весьма слабой оппозиціи. Я не буду приводить его 4-часовую рѣчь, произнесенную имъ 11 марта 1842 года, во всей подробности, такъ какъ не могъ ею воспользоваться въ подлинникѣ, но позволю себѣ передать сущность ея въ томъ видѣ, въ какомъ она, по моему мнѣнію, соотвѣтствуетъ истинѣ. Предположимъ, что онъ говорилъ такъ:

Къ прискорбію моему, я долженъ начать мою рѣчь съ указанія, что вступаю въ дѣло далеко не при счастливыхъ обстоятельствахъ. Отъ моихъ предшественниковъ я получаю въ наслѣдіе недочетъ по государственному бюджету въ $2\frac{1}{2}$ милл. фунтовъ стерлинговъ. Горе это не было бы еще такъ велико, если бы съ этимъ не соединялось

то обстоятельство, что тактика моихъ предѣстниковъ развила и подготовила общественное мнѣніе къ убѣжденію, что акцизы и пошлыны разныхъ наименованій, возвышая цѣну предметовъ потребления бѣдныхъ классовъ населенія, не могутъ и не должны составлять источника государственныхъ доходовъ. Къ тому же, на нашихъ глазахъ открыто проповѣдуется о несообразности для благосостоянія народа хлѣбныхъ таможенныхъ пошлынъ. Все это вмѣстѣ увеличиваетъ трудность моего положенія, цѣль котораго — восстановить равновѣсіе въ бюджетѣ. Трудность эта тѣмъ болѣе увеличивается, что мнѣ и вамъ хорошо извѣстно, насколько не всѣ источники дохода пользуются одинавовой степенью расположенія въ обществѣ. Трудность эта, прибавлю я, усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, которое вамъ тоже не безызвѣстно, что я всегда былъ противникомъ подоходнаго налога. Вы, вѣроятно, не успѣли еще забыть, что 9 лѣтъ тому назадъ, когда въ этой же залѣ предлагали сбавку акциза съ солоду, я протестовалъ, предсказывая, въ виду этой сбавки, неизбежность въ недалекомъ будущемъ возврата подоходнаго налога — этого кнута, какъ я тогда выразился. Но времена измѣняются, а съ ними и люди; умъ человѣческой шагаетъ впередъ великаномъ: то, что еще 10—15 лѣтъ тому назадъ казалось неопровержимой истиною, — теперь пошатнуто въ самомъ корнѣ. Этимъ однако я не хочу сказать, чтобы я измѣнилъ мое мнѣніе о подоходномъ налогѣ. Планъ реформы, который я представляю вашему благосклонному вниманію, уважаетъ, что въ моихъ словахъ тогда и теперь нѣтъ противорѣчій, а развѣ метафора. Думаю даже, что планъ, который я буду имѣть честь развить предъ вами, скорѣе встрѣтитъ сочувствіе между вами, чѣмъ поводъ къ опроверженію.

Начну съ того, что вамъ не безызвѣстно, что, напримѣръ, французскія шелковыя ткани, ліонскіе бархаты, брюссельскія кружева, равно какъ и валаньсенъ, которые такъ высоко уважаются вашими людьми, — всѣ эти предметы изящныхъ вкуса и чувства, вслѣдствіе высокой таможенной пошлыны, оплачиваются дорого, и безъ преувеличенія можно сказать, что люди, которыхъ вы же снабжаете средствами изъ вашихъ доходовъ, переплачиваютъ, по крайней мѣрѣ, 30—50% ихъ дѣйствительной стоимости, что несомнѣнно, въ свою очередь, можно разсматривать какъ косвенный налогъ на ваши доходы. Но это не все: корица, гвоздика, ваниль, кардамонъ, составляютъ также нѣкоторую долю расходной части вашего бюджета, — притомъ неизбежную и немаловажную, такъ какъ люди ваши очень хорошо знаютъ вкусъ и значеніе гастрономіи, а будучи распорядителями дѣйствій вашего повара, ско-

рѣе прибѣгаютъ къ избытку расхода этихъ произведеній тропиковъ, чѣмъ къ сокращенію ихъ, несмотря на высокій тарифъ. Я полагаю, что если таможенные пошлины на предметы указанной категоріи вовсе вычеркнуть изъ тарифа, то пониженіе цѣнъ на нихъ составитъ немаловажную для васъ долю сбереженія, что равносильно увеличенію вашихъ доходовъ. Но далеко не въ однихъ сбавленіяхъ таможенныхъ пошлинъ вы можете ожидать увеличенія вашихъ доходовъ и вашего въ семействѣ значенія. Вслѣдствіе удешевленія указанныхъ предметовъ, потребленіе ихъ увеличится: сосѣдка наша — Франція, отпускающая намъ больше своихъ шелковъ и кружевъ, потребуетъ и отъ насъ въ обмѣнъ больше произведеній нашего труда, требованіе которыхъ увеличится и со стороны производителей острововъ Корицы и Ванили, такъ какъ неминуемо увеличеніе щедрости со стороны вашихъ лѣди, — щедрости, за которую вы не будете ихъ охуждать, а въ конечномъ результатѣ — эти увеличенія спроса, въ обмѣнъ на ваши, расширять рынки сбыта вашихъ произведеній, — другими словами, увеличатъ ваши доходы и значеніе и съ этой точки зрѣнія. Слѣдовательно, при новыхъ условіяхъ, въ которыя я поставлю подходящий налогъ, послѣдній теряетъ сходство съ кнутомъ, имѣющимъ право гражданства, несмотря на общество покровительства животнымъ, въ странахъ варварства и деспотизма. Уже и теперь вы можете согласиться, что это даже не бичъ, который только хлопаетъ, не трогая живого мяса. Но пойдемъ далѣе.

Вы, разумѣется, знаете, что $\frac{3}{4}$ вашихъ доходовъ слагается отъ произведеній земледѣлія, мануфактуръ и торговли; прибавимъ въ этому, что, можетъ быть, $\frac{3}{4}$ послѣднихъ упадаютъ на произведенія собственно земледѣлія, которыя, какъ извѣстно, нужны для всѣхъ и cadaго, помимо различія въ размѣрахъ обладанія достатками. А такъ какъ продажныя цѣны различныхъ произведеній зависятъ, съ одной стороны, отъ степени настоячивости спроса, ради удовлетворенія неизбѣжной потребности всѣхъ и cadaго, съ другой — отъ степени возможности придержаться со сбытомъ, что возможно при условіи обладанія избыткомъ достатковъ, то, на основаніи этого экономическаго начала, вамъ самимъ придется быть законодателями цѣнъ на ваши же произведенія, — другими словами, вы сами будете распорядителями средствъ возвысить ваши доходы и вознаградить всякое возможное уменьшеніе его. Эта возможность будетъ, такъ сказать, прямо пропорціональна величинѣ вашего избытка, который только и входитъ въ расчетъ при установленіи предполагаемаго нами подоходнаго налога. И если вы, какъ и слѣдуетъ ожидать, по джентль-

женскимъ свойствамъ, вамъ присущимъ, удовольствуетесь самою незначительною долею возвышенія цѣны произведеній, источника вашихъ доходовъ, — произведеній, нужныхъ для всѣхъ и каждаго, то вы и этою долею вознаградите потерю въ вашихъ доходахъ, — потерю, какъ сами видите, скорѣе воображаемую, чѣмъ дѣйствительную, потерю, упадающую на вычетъ изъ вашихъ доходовъ, т.-е. подоходный налогъ.

Но, достопочтенные лорды и джентльмены, скажу также, что я отступилъ бы отъ преданій моей родины, которая всѣ мы такъ глубоко чтимъ, если бы не удовлетворилъ общественнаго мнѣнія, громко взывающаго объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Программа, которую я начерталъ передъ вами, противорѣчила бы той плодотворной дѣятельности моихъ предшественниковъ, которую ознаменовалось послѣднее двадцатилѣтїе; она не соответствовала бы духу нашего законодательства, всегда пекущагося о неимущихъ и во имя послѣднихъ установившаго налогъ на бѣдныхъ; скажу также, я былъ бы недостойнъ высокаго довѣрія, мнѣ оказаннаго, если бы оставилъ хлѣбные законы въ прежней ихъ силѣ, а потому и смягченіе послѣднихъ должно составить также одно изъ первыхъ моихъ дѣяній. Думаю, что едва ли кто-либо подниметь голосъ противъ этой мѣры. Но перейду къ нашему главному предмету.

Послѣ всего, выслушаннаго вами, я смѣло ставлю вопросъ: будете ли вы еще поддерживать, что подоходный налогъ — кнутъ? не согласитесь ли вы, напротивъ, что это даже не бичъ, только хлопающій, — не придете ли вы къ убѣжденію, что это даже не хлыстикъ? Съ моей же стороны, достопочтенные лорды и джентльмены, я смѣло подношу вамъ этотъ хлыстикъ, такъ какъ преподношу его вамъ не тѣмъ концомъ, который можетъ коснуться вашихъ джентльменскихъ плечъ или спинъ — нѣтъ — вамъ въ руки тотъ конецъ его, который принесетъ вамъ лавры стяжанія доходовъ на поприщѣ промышленныхъ предпріятій, подобно тому, какъ такой же хлыстикъ вызываетъ граціозныя эволюціи коня, управляемаго рукою вашихъ лэди, гарцующихъ по нашему историческому Гайдъ-парку, — подобно тому, какъ этотъ же хлыстикъ въ искусныхъ рукахъ вашихъ грумовъ — прибавлю, несмотря на общество покровительства животнымъ — приноситъ вамъ лавры, стяжаемыя нашими «чистокровными» скакунами, записанными въ студъ-буки и составляющими нашу національную гордость, а предметъ зависти остальной Европы.

Робертъ Пиль, возстановляя подоходный сборъ въ 1842 году,

руководствовался двумя основаніями: 1) путемъ увеличенія суммы сбора вообще покрыть обнаружившійся дефицитъ; 2) не останавливаться на пути экономическихъ и финансовыхъ реформъ, начавшихся съ 1816 г. и выказывавшихся доселѣ въ уменьшеніи размѣровъ всевозможныхъ пошлинъ и акцизовъ. Насколько питтовскій налогъ имѣлъ характеръ исключительно финансовый, настолько роберто-пилевскій могъ вазаться реформаторскимъ. Последнее значеніе придавали ему въ разное время какъ экономисты, такъ и государственные люди; въ числѣ послѣднихъ я указывалъ выше на отзывъ Гладстона. На эту сторону его ссылались какъ на примѣръ, достойный подражанія, какъ на причину экономического прогресса Великобританіи, который обнаружился будто бы только со времени 1842 г. Очевидно, при этомъ забывали, насколько реформы въ періодъ времени съ 1816 по 1841 имѣли вліяніе и значеніе. Указавши выше на значеніе и вліяніе этихъ реформъ, я противорѣчилъ бы всему, до-сихъ-поръ мною сказанному, если бы не выразился такъ по отношеніи къ реформѣ Р. Пилля: то поступательное движеніе благосостоянія, то паденіе цѣнъ на всѣ предметы потребленія, которыми знаменуются 27 лѣтъ реформъ, предшествовавшихъ году возстановленія Робертомъ Пилемъ подоходнаго налога, какъ-бы задержалось съ наступленіемъ 1842 года и снова пошло быстрымъ, исполненнымъ шагомъ послѣ 1856. года, вслѣдъ за окончаніемъ Крымской войны, когда подоходный налогъ если не отмѣненъ, то измѣненъ въ отношеніи размѣровъ обложенія. Причину какъ возрожденія, такъ и замедленія нужно искать опять-таки въ совокупности многихъ условій, и между послѣдними наиболѣе значительная доля принадлежитъ подоходному налогу. Мой взглядъ на подоходный налогъ 1842 года я выражаю такимъ образомъ: возстановленіе его въ 1842 году замедлило прогрессирующее движеніе благосостоянія. Это замедленіе, если не выразилось въ такихъ рѣзкихъ чертахъ, какъ во времена 1798 — 1815 гг., то потому, что введенъ онъ, во-первыхъ, въ мирное время; во-вторыхъ, съ такими измѣненіями, въ смыслѣ облегченія и умѣренности, что уплата его совершалась незамѣтнымъ образомъ. Но эти новыя условія постановки нисколько не ослабляютъ истиннѣхъ выводовъ, которые примѣнялись къ налогу съ болѣе тяжкою обстановкою.

Не бесполезно привести суммы доходовъ Великобританіи (до 1853 года, безъ Ирландіи), подлежащихъ обложенію, и все количество поступленія подоходнаго сбора:

	Сумма облагаемаго	Сумма подоходнаго
	дохода.	сбора.
	Фунтовъ	стерлинговъ.
1814 года . . .	178.589,000	14.515,000
1848 „ . . .	251.918,000	5.840,000
1855 „ . . .	286.920,000	10.642,000
1856 „ . . .	—	15.070,000
1865 „ . . .	371.370,000	7.958,000
1873 „ . . .	486.130,000	7.500,000
1874 „ . . .	514.474,000	5.891,000
1875 „ . . .	535.706,000	4.806,000

Эти данныя показываютъ, насколько новый подоходный налогъ былъ облегченъ, сравнительно съ прежнимъ: несмотря на постоянное возрастаніе общей суммы облагаемыхъ доходовъ, цифра поступленийъ, за исключеніемъ годовъ войны, не только не возрастаетъ, а напротивъ, уменьшается. А такъ какъ это могло быть связано только съ измѣненіями размѣровъ обложенія, то очевидно, что и въ отечествѣ подоходнаго налога далеко не признается безусловная спасительность и возможность этого налога, какъ постояннаго и неизбѣжнаго источника дохода. Приведа выше слова Гладстона какъ въ пользу, такъ и противъ этого источника, мы теперь видимъ, что Гладстонъ, будучи министромъ, примѣнялъ къ дѣлу ту часть своей рѣчи, которая относилась къ осужденію, а не къ оправданію этого источника.

Если, съ одной стороны, отмѣна и сбавленіе акцизовъ и пошлинъ съ различныхъ предметовъ потребленія вызвали, вслѣдствіе удешевленія ихъ, возрастаніе потребленія вообще, что мы видимъ въ особенности до 1842 года и послѣ 1856 года, то съ другой — это возрастаніе шло бы еще быстрѣе, шло безъ перерыва вслѣдъ за 1842 г., если бы эти реформы не сопровождались возстановленіемъ подоходнаго налога, который хотя и претворился изъ кнута въ хлыстикъ, но въ хлыстикъ не безъ стегація бѣдняковъ и потребителей вообще. Въ виду одного сбавленія таможенной пошрины на хлѣбные продукты въ 1842 году, тягость которой можно уподобить развѣ подоходной подати, можно бы ожидать еще большаго возрастанія благосостоянія и государственнаго дохода, удержавшагося на извѣстной нормѣ, несмотря на всѣ уменьшенія и отмѣны акцизовъ и пошлинъ, осуществившіяся съ 1816 года по 1841 г., на самомъ дѣлѣ въ годы, слѣдующіе за 1842 г. по 1856 г. мы видимъ скорѣе неподвижность, чѣмъ увеличеніе бюджетныхъ поступленийъ. Къ тому же, и самыя уменьшенія и сбавленія были гораздо ограниченнѣе и скромнѣе, чѣмъ въ періодъ 1816—1841 года.

Если Р. Пиль возстановилъ подоходный налогъ изъ-за дефицита въ $2\frac{1}{2}$ милл. ф. ст., то не правильнѣе ли было, не отказываясь отъ реформъ акцизныхъ и таможенныхъ, путемъ займа, покрыть этотъ дефицитъ, а остальные $2\frac{1}{2}$ милл. ф. ст. съ избыткомъ оказались бы въ увеличеніи поступленій отъ другихъ источниковъ, такъ какъ невозможно допустить, чтобы 5 милл. ф. ст. отъ подоходнаго налога, въ теченіи 12 лѣтъ не измѣнявшіеся, не имѣли вліянія на уменьшеніе поступленій отъ другихъ слагаемыхъ бюджетовъ и, à priori, на сумму, можетъ-быть, вдвое большую, чѣмъ цифра самого подоходнаго сбора.

Послѣднее положеніе можно пояснить слѣдующимъ разсужденіемъ. Въ Великобританіи добывается (1875 г.) около 8 миллиардовъ пудовъ каменнаго угля; изъ этого количества вывозится въ другія страны около 900 милл. пудовъ,—значитъ, на внутреннее потребленіе остается свыше 7 миллиардовъ пудовъ, или (округливши) около 200 пуд. поголовно.

Чтобы сдѣлать болѣе яснымъ и усвояемымъ то, что мною будетъ высказано ниже, я выражаю въ нашихъ вѣсахъ и монетѣ.

Допустимъ предположеніе, что, «какъ снѣгъ на голову», является прожекторъ, предлагающій обложить каменный уголь акцизомъ, для осуществленія извѣстной цифры государственнаго дохода; допустимъ, что онъ предлагаетъ акцизъ въ размѣрѣ $\frac{1}{100}$ коп. съ пуда для полученія въ доходъ бюджета—700,000 руб. Если предположить, что каменно-угольщикъ, вслѣдствіе такого размѣра, возвыситъ продажную цѣну на уголь на $\frac{1}{50}$ коп., т. е. увеличить вдвое, то такое возвышеніе цѣны составитъ для каждаго потребителя увеличеніе угольнаго расхода только на 4 коп. въ годъ. Допуская акцизъ на уголь въ $\frac{1}{10}$ коп. съ пуда—увеличеніе угольнаго расхода, при тѣхъ же основаніяхъ, составляетъ уже 40 к. поголовно, а въ государственное казначейство поступило бы 7 милл. руб., причемъ, кромѣ того, 7 милл. руб. оказались бы переплаченными потребителями, и распредѣлившимися по карманамъ угледобывателей и торговцевъ. При акцизѣ въ 1 коп. съ пуда, расходъ потребителя увеличится на 4 руб. въ годъ, а въ казначейство поступило бы 70 милл. руб., — цифра, очевидно, выразительная, несмотря на незначительный, повидимому, акцизъ въ 1 коп. съ пуда! (У насъ, въ Землѣ Войска Донскаго мѣстное управленіе собираетъ по $\frac{1}{2}$ коп. съ пуда грушевскаго антрацита). Но въ виду всѣхъ этихъ допущеній и предположеній, взявши въ соображеніе обширное и разнообразное примѣненіе каменнаго угля какъ топлива, допуская, что каменно-угольщикъ еще менѣе возвышаетъ цѣну, чѣмъ въ нашихъ предположеніяхъ,

спрашивается, не возвысятся ли также въ цѣнѣ и всё тѣ произведенія, добыча и полученіе которыхъ связаны съ потребленіемъ каменнаго угля, какъ топлива? Не должны ли возвыситься также соотвѣтственно 2, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{50}$ коп. — не болѣе — и многообразные предметы потребленія? Эти возвышенія цѣнъ не уменьшаютъ ли средствъ потребителей вообще, не уменьшаютъ ли, слѣдовательно, и поступленийъ въ государственный доходъ отъ сбора съ другихъ предметовъ потребленія, обложенныхъ также акцизомъ или налогомъ? Не потрясается ли, такимъ образомъ, все народное хозяйство, все народное благосостояніе изъ-за 1, $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{100}$ к. съ пуда каменнаго угля? На основаніи неизбежнаго и понятнаго отвѣта на эти вопросы можно сказать, что какъ бы ни былъ ничтоженъ размѣръ акциза или налога на уголь, влияние его имѣетъ въ высшей степени отрицательныя свойства, а по отношенію къ государственному казначейству, можетъ быть, тѣмъ больше, чѣмъ меньше размѣръ обложенія акцизомъ.

Если послѣдній выводъ представляется неоспоримымъ, то и выводъ по отношенію къ акцизу на доходъ отъ угля долженъ казаться понятнымъ и также неоспоримымъ. Въ 1875 году въ Великобританіи каменно-угольные производители, въ числѣ около 4,000, внесли подоходнаго налога около 100,000 ф. ст., что при томъ количествѣ потребленія, которое мы выше привели, упадаетъ въ размѣрѣ акциза около $\frac{1}{100}$ к. съ пуда (считая 1 ф. ст. въ 7 руб. сер.). Но возвыситъ ли добытатель цѣну пуда только на $\frac{1}{50}$ коп. или на $\frac{1}{25}$ коп.? Не видимъ ли мы, что цѣны на этотъ предметъ возвышались несравненно больше, чѣмъ соотвѣтственно причитающійся подоходный налогъ?

Итакъ, подоходный налогъ слѣдуетъ отнести къ категоріи налоговъ, потрясающихъ въ самомъ основаніи какъ народное хозяйство, такъ и общее благосостояніе; слѣдовательно, имѣющій отрицательное свойство по отношенію къ общей суммѣ государственнаго дохода. Этотъ налогъ, на этомъ же основаніи, нельзя отнести къ категоріи налоговъ, имѣющихъ свойство преобразованія и улучшенія экономическихъ и финансовыхъ условій общественнаго развитія вообще и системы податей и сборовъ въ частности.

Къ этому, однако, можно прибавить, что въ дѣлѣ реформы экономическихъ и финансовыхъ условій тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто такой отрицательный источникъ податей, какъ подоходный налогъ, реформа должна начаться съ увеличенія нормы дохода, подлежащаго обложенію скорѣе, чѣмъ уменьшенію размѣра обложенія. Въ Великобританіи такая норма должна быть возвышена до цифры

въ 1,000 ф. ст., вмѣсто 150, какъ тамъ въ настоящее время. Но и такая уступка съ моей стороны въ пользу подоходнаго налога не подтверждается тѣми данными, которыя выясняются при теоретическомъ обсужденіи идеи подоходнаго налога, къ чему мы теперь и перейдемъ.

VII.

Вліяніе подоходнаго сбора на бюджетныя поступления.

Каждый гражданинъ, какъ бы ни былъ великъ или малъ его доходъ или выручка, потребляетъ различные предметы своего обихода, соотвѣтственно своимъ достаткамъ. Чѣмъ больше у него послѣднихъ, тѣмъ больше онъ можетъ расходовать, тѣмъ, стало быть, больше обнаруживается въ общемъ итогѣ потребленіе извѣстныхъ предметовъ; а такъ какъ нѣкоторые изъ послѣднихъ приобрѣтаются имъ совмѣстно со взносомъ налога, которымъ предметъ обложенъ, то и государственное казначейство получаетъ соразмѣрно этому больше. Другими словами: *количество поступленія акцизовъ и налоговъ съ разнообразныхъ предметовъ потребленія прямо пропорціонально количеству дохода, находящагося въ распоряженіи какъ каждая въ отдельности, такъ и всѣхъ гражданъ въ совокупности.* Какъ же поступаетъ гражданинъ въ томъ случаѣ, когда доходъ его уменьшается? Очень просто. Онъ сокращаетъ расходы вообще, онъ уменьшаетъ количество потребленія предметовъ въ частности, а въ числѣ послѣднихъ и такихъ, которые обложены акцизомъ или налогомъ. На основаніи этого, подоходный сборъ, уменьшая доходъ гражданина на цифру размѣра обложенія его дохода, тѣмъ самымъ способствуетъ уменьшенію бюджетнаго сбора, долженствующаго поступить въ государственное казначейство отъ акцизовъ и налоговъ на различные предметы потребленія. А изъ этого неоспоримымъ и неопровержимымъ выводомъ будетъ слѣдующій: *подоходный сборъ есть парализаторъ естественной способности гражданина къ увеличенію средствъ государственнаго казначейства.* Въ подоходномъ налогѣ какъ-бы выражается стремленіе канцлера казначейства къ уменьшенію цифры сборовъ съ разнообразныхъ предметовъ потребленія. А какихъ только не бываетъ предметовъ обложенія? Скажемъ еще, что въ идеѣ подоходнаго налога скрывается какъ-бы опасеніе со стороны «канцлера казначейства», чтобы нѣкоторые граждане, получающіе большіе доходы, не вздумали глотать серебряныхъ шиллинговъ или золотыхъ sovereignовъ. Но

нужно сказать, что актомъ величайшей мудрости въ дѣлѣ организаціи подоходнаго налога въ Англіи является то, что граждане, получающіе доходъ ниже известной нормы, какъ мы видѣли—въ 50—60 ф., освобождались отъ платежа и посѣщенія ихъ сборщиками. И разумѣется, чѣмъ выше эта норма освобожденія, тѣмъ рациональнѣе, тѣмъ мудрѣе. При востановленіи, въ 1842 году, подоходнаго налога, эта норма возвышена до 150 ф. ст. Въ Пруссіи 140 талеровъ (21 ф. ст.)—низшая норма для гражданъ изъ разряда *Classenstener'a*, и 1000 талеровъ (около 150 ф. ст.)—для низшихъ разрядовъ гражданъ, внесенныхъ въ списки *Classificirte Einkommensteuer*.

Останавливаясь на бѣднякахъ, получающихъ 50—60 ф. ст. дохода и освобожденныхъ отъ подоходнаго сбора, спрашивается: дѣйствительно ли послѣдніе не несутъ тягости этого налога, на нихъ, повидимому, не простирающагося? Далекое нѣтъ. Владелецъ дохода въ 50—60 ф. ст. въ Англіи или 140 талеровъ—низшая норма въ Пруссіи—если и есть производитель, то развѣ настолько, чтобы удовлетворить себя первыми неизбежными и самыми неприхотливыми потребностями. А если у него семейство, даже и немногочисленное, то при этихъ величинахъ дохода, едва ли онъ въ состояніи быть сытымъ и довольнымъ. Вѣрноподанные этой категоріи, этого разряда—не производители, а только удовлетворители неприхотливыхъ потребностей своего собственнаго организма.

Другое дѣло—производители, получающіе болѣе значительные доходы, и плательщики подоходнаго налога. Само собою разумѣется, что эта категорія производителей получаетъ доходы отъ продажи предметовъ своего производства, и чѣмъ больше производится послѣднихъ, тѣмъ больше получается и доходовъ, тѣмъ больше можетъ вноситься производителемъ и подоходнаго налога. Ваносомъ послѣдняго у него, стало-быть, увеличивается расходная часть его производства, а такъ какъ всякій расходъ на производство входитъ въ продажную цѣну произведеннаго, то, очевидно, и подоходный налогъ можетъ быть внесенъ только вслѣдствіе возвышенія цѣны продуктовъ производства, составляющихъ для производителя источникъ его дохода. Думать, что подоходный налогъ не возвышаетъ цѣны предметовъ производства, какъ источникъ дохода для вносчика, думать, что все бремя его падаетъ на непосредственно вносящаго его, будетъ поэтому то же самое, если воображать, что винокуренный или сахарный заводчикъ, равно какъ табачный или чайный торговецъ, несетъ тягость акциза на спиртъ, сахаръ, табакъ или чай. Скорѣе можно

допустить, что эти акцизы и пошлины могутъ служить даже источникомъ увеличенія дохода заводчиковъ и торговцевъ, такъ какъ не всегда одинаково зорокъ глазъ акцизнаго надзирателя. А такъ-называемые перекуры и всякія возможности обойти и утаить суть источники чистаго, а не валоваго дохода, который тѣмъ больше, чѣмъ выше размѣръ акциза. Эти недостатки организаціи акцизнаго дѣла, вызывая недочетъ въ акцизныхъ сборахъ, возможно отклонить только путемъ устраненія заводчика отъ всякаго участія въ дѣлѣ оплаты акциза, что достижимо, безъ ущерба дѣлу. Но возможно ли послѣднее по отношенію къ акцизу на доходъ? Возможно ли также, чтобы взносящій подоходный налогъ записалъ его въ счетъ служенія идеѣ доходности, въ счетъ удовольствія быть внесеннымъ въ списки отбывающихъ тягости? При допущеніи такой возможности, карманы его скоро опустѣли бы, а производство остановилось бы. Остается, стало быть, вознаградить себя и возратить расходъ на налогъ посредствомъ возвышенія цѣны предметовъ производства.

Какъ бы ни былъ великъ налогъ на домъ, едва ли какая-либо частица его упадетъ на домовладѣльца, въ смыслѣ взноса и несенія имъ тягости налога, соразмѣрно съ доходомъ отъ дома. Напротивъ, для него въ этомъ налогѣ — сверхсмытный источникъ дохода, такъ какъ онъ распредѣляетъ его между жильцами, сообразно не цифрѣ налога, но цифрѣ съ плюсомъ такой величины, которая въ его воображеніи представляется обезпечивающею какъ рискъ, такъ и вознагражденіе за капиталъ налога. Поощреніемъ этой величины является, съ одной стороны, неизбѣжность и настойчивость спроса на кровъ и жилье, съ другой стороны — конкуренція собратовъ-домовладѣльцевъ въ общемъ стремленіи вознаградить и возратить расходъ на налогъ. Такъ какъ, на основаніи примѣра англійскаго устройства подоходнаго налога, три категоріи — А, В и Д — суть такія, которыя относятся къ предметамъ производства, земледѣлія, техническимъ и вообще всякихъ промысловъ и торговли и, такъ какъ отъ 70 до 85% всего подоходнаго налога упадетъ на эти три категоріи, то и возвышеніе цѣнъ отражается на всѣхъ предметахъ земледѣлія, промышленности и торговли. Исторія отчасти подтверждаетъ это: періодъ 1798—1815 гг. знаменуется возрастаніемъ цѣнъ не только на предметы, непосредственно обложенные акцизомъ или пошлиною, но и свободные отъ послѣднихъ. Да и невозможно допустить, чтобы кто-либо могъ вынести тягость какаго-либо налога, не возративъ внесеннаго посредствомъ возвышенія цѣны продаваемаго, притомъ съ надбавкою, выра-

жающагося въ стремленіи къ увеличенію дохода и поддержанію его въ извѣстной нормѣ. Изъ всего этого очевидно, что подоходный налогъ, который нѣмецкая школа экономистовъ разсматриваетъ какъ налогъ на богатыхъ, на достаточныхъ, вовсе не имѣетъ такого характера, а, напротивъ, это есть налогъ на бѣдныхъ въ пользу богатыхъ болѣе чѣмъ всякой другой потребительской акцизъ. По отношенію же къ государственной казнѣ, этотъ источникъ дохода имѣетъ характеръ отрицательныхъ свойствъ, т.-е. уменьшаетъ поступления отъ другихъ источниковъ бюджета.

Итакъ, общій выводъ будетъ тотъ, что подоходный налогъ въ Англии перваго періода, т.-е. 1798—1815, былъ ошибкою; что производительнѣе было бы замѣнить его или займомъ, или повышеніемъ существующихъ размѣровъ обложенія; что подоходный сборъ уменьшалъ поступления отъ всѣхъ остальныхъ источниковъ государственнаго дохода, затруднялъ осуществленіе займовъ, и все это на болѣшую цифру, чѣмъ какая вступаетъ въ государственное казначейство отъ самого подоходнаго сбора.

VIII.

Вліяніе на монетное обращеніе, какъ производительную силу бюджета.

Предыдущими разсужденіями далеко не исчерпывается вся нерациональность лишенія производителя избытка его выручки, могущей потребиться или на расходъ продуктовъ, обложенныхъ акцизами и пошлинами, или на улучшеніе и усовершенствованіе способовъ производства, равно какъ и увеличеніе послѣдняго. Слѣдующая данная дополнитъ характеристику этой нерациональности.

По мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, число прохожденій одной и той же монеты черезъ руки гражданъ для Англии, на примѣръ, выражается 120. Допуская преувеличеніе въ этомъ расчетѣ, уменьшая на половину, т.-е. на 60, мы должны связать, что отобраніе излишка дохода непосредственно отъ самого производителя, при самомъ началѣ возникновенія права его имѣть денежный знакъ, ограничиваетъ число обращеній и перемѣщеній, уменьшаетъ, слѣдовательно, плодотворную способность монеты. Эта способность—назовемъ ее одною изъ производительныхъ силъ общественнаго благосостоянія, какъ экономическаго, такъ и финансоваго,—знаменуется и выражается въ томъ, что денежный знакъ или монета, при каждомъ переходеніи, при каждомъ

перемѣщеніи изъ однѣхъ рукъ въ другія, оставляетъ послѣ себя отпечатокъ или слѣдъ, выражающійся въ созданіи того или другого имущества, того или другого предмета потребления. А это свойство монеты указываетъ, въ свою очередь, что степень экономического и финансоваго благосостоянія развивается и зависитъ не столько отъ количества, сколько отъ качества обращенія, чему въ значительной степени должна способствовать та или другая система налоговъ.

Допуская предположеніе, что монета въ теченіи года переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія только 10 разъ, мы должны сказать, что подоходный сборъ лишаетъ общество оборотнаго капитала въ 10 разъ большаго, чѣмъ цифра самаго сбора. А изъ этого выводъ тотъ, что цифра дохода, поступающаго въ государственную казну, есть прямой результатъ степени проявленія производительной силы монеты. Подоходный налогъ есть, потому, прямой парализаторъ этой силы.

Въ послѣднемъ условіи едва ли не самое полное доказательство несообразности подоходнаго налога и отрицательности его значенія по отношенію къ слагаемымъ государственнаго бюджета. Это же доказательство можетъ скорѣе всего быть пригнано къ объясненію причины общаго застоя и неподвижности въ Англіи, ознаменовавшихся въ періодъ 1798—1815 г.,—когда подоходный налогъ достигъ, въ смыслѣ тяжести, наивысшаго своего развитія.

IX.

Налогъ на имущество по оцѣнкѣ, какъ могущее выражать собою текущій доходъ или выручку.

Многіе философы и экономисты задавались замѣнить подоходный налогъ, какъ не всегда соответствующій ожиданіямъ, другимъ, болѣе рациональнымъ, напр., налогомъ на имущество по оцѣнкѣ, на основаніи того предположенія, что имущество можетъ быть мѣрителемъ текущаго дохода. Обсужденію этого налога, совмѣстно съ подоходнымъ, даетъ, между прочимъ, поводъ статья профессора новороссійскаго университета г-на Патлаевскаго, въ «Сборникѣ Государственныхъ Знаній», т. IV, 1877 г., «О подоходныхъ налогахъ», въ которой, между прочимъ, высказывается слѣдующее: «Мы требуемъ строгаго различенія личности отъ имущества, и только въ послѣднемъ мы видимъ справедливый объектъ податнаго обложенія» (стр. 122); или «лучшаго

объекта обложения, как простое количество имущества, т.-е. сумма цѣнностей его, не существуетъ. Еще Монтескье ска- залъ, что поголовная подать прилична рабству, а подать на имущество — свободѣ; для финансового управленія важна только величина имущества, т.-е. цѣна его, и то — кому оно принад- лежитъ». Таковы существенныя основанія, скажемъ, новой теоріи, преподаваемой въ «Сборникѣ Государственныхъ Знаній». Мы рассмотримъ, насколько авторъ ея выдержалъ въ изложеніи ея истину, почерпнутую отъ Монтескье, — истину, которая легла, по мнѣнію профессора, въ основаніе перечисленныхъ имъ ре- формъ.

«Общая воинская повинность — продолжаетъ г. Платеувскій — принадлежитъ въ числу такъ-называемыхъ личныхъ повинностей, гдѣ государство требуетъ отъ своихъ гражданъ непосредственнаго личнаго содѣйствія». «Здѣсь никакая замѣна и никакая оцѣнка немислимы. Такія личные повинности существовали (?) и долж- ны (??) существовать; онѣ лучше всего поддерживаютъ солидар- ность личной жизни отдѣльнаго подданнаго съ жизнью всего государства». Или: «важна можетъ занимать у своего подданнаго деньги, торговаться на счетъ процентовъ и уплачивать эти про- центы аккуратно; но государство никогда не теряетъ права за- брать у этого самаго подданнаго и эти проценты, и имуще- ство и потребовать самой жизни, если то окажется нужнымъ» (стр. 42). Хорошо, что такія истины исходятъ только отъ г. Платеувскаго и находятъ себѣ мѣсто не во всякомъ произведеніи печати. И какъ же согласить все то, что тотъ же профессоръ говоритъ и о Монтескье, и о реформахъ. У него же мы нахо- димъ слѣдующее мѣсто изъ Ж. Б. Сэ: «Имущество принадле- житъ ему, т.-е. подданному, и, только украсивъ, можно не дать въ обменъ равной цѣнности» (стр. 36); «государство будетъ по- ступать справедливо, если оно за необходимыя для его цѣлей жертвы не будетъ давать никакого вознагражденія, но оно бу- деть несправедливо, если тягость этихъ средствъ будетъ падать неодинаковымъ бременемъ на его подданныхъ» (стр. 39). И всѣ эти глубокія и прочувствованныя истины профессоръ высказы- ваетъ, во имя Монтескье, утвердившаго его въ мысли о проектѣ налога на имущество по оцѣнкѣ, взамѣнъ рабской поголовной подати, равно какъ и взамѣнъ налога на доходъ, т.-е. доход- наго, который также представляется ему отсталымъ. Весьма не трудно, однако, доказать несообразность идеи акциза на цѣну имущества, проектируемаго профессоромъ новороссійскаго уни- верситета.

Начнемъ съ вопроса: возможно ли при извѣстныхъ условіяхъ отдѣлять личность отъ его имущества, чего профессоръ безусловно требуетъ для осуществленія своего проекта? Возможно ли гражданина лишать сапогъ его, которые неизбѣжно нужны въ холодную и ненастную погоду? Возможно ли послѣдняго лишать той части имущества, которая заключается или въ запасахъ хлѣба въ размѣрахъ, нужныхъ только для пропитанія, или въ коровѣ, доставляющей только средство удовлетворенія потребности собственнаго желудка, а не избытка, или лошади, которая даетъ ему возможность бороздить и обрабатывать ниву и тѣмъ добывать пищу, или, наконецъ, въ той величинѣ земельного участка, которая соотвѣтствуетъ только условію удовлетворенія потребности поддержать существованіе? При этихъ условіяхъ такіе имущественные признаки, очевидно, составляютъ какъ-бы дополненіе къ органическимъ признакамъ человѣка, неотдѣляемымъ отъ существа его безъ ущерба для его прозябанія, какъ неотдѣляемъ рука или нога. Слѣдовательно, посяганіе на такія части имущества есть посяганіе на личность, есть посяганіе на ея свободу, и такое посяганіе прямо противорѣчитъ идеѣ Монтескье, прямо противорѣчитъ тѣмъ основаніямъ, которыя легли, по мнѣнію профессора, въ основу великихъ общественныхъ реформъ, т.-е. освобожденію личности. Но г. Патлаевскій на этомъ не останавливается: увлечшись идеєю своего проекта, онъ старается провести ее до конца, несмотря на то, что самъ же цитируетъ слова Л. Штейна, что *«всякій доходъ, который покрываетъ только необходимыя потребности, долженъ быть, во имя свободы, освобожденъ отъ подати»* (стр. 118); профессоръ, забывъ и Монтескье и духъ реформъ, высказываетъ: *«мы возстаемъ противъ всякаго вычетовъ минимума существованія, а также противъ и прогрессивнаго налога. Мы считаемъ требованіе ихъ результатомъ ложной теоріи, идущей въ разрѣзъ съ основными законами гражданской жизни»* (стр. 119). *«Мы желаемъ также, какъ и Шмоллеръ, не состраданія, а справедливости»* (стр. 114). Оставляя профессора при его желаніи, противорѣчащемъ, впрочемъ, другимъ его желаніямъ, хотя и высказаннымъ въ той же статьѣ и въ томъ же «Сборникѣ», рассмотримъ сначала условія имущества, непревышающаго размѣрами крайней величины, соотвѣтствующей возможности удовлетворять только насущной потребности. Принимая, что такое имущество есть какъ-бы дополненіе человѣческаго существа, очевидно, налогъ на цѣну имущества таковой категоріи есть та же подушная или поголовная подать. А такъ какъ таковой налогъ не соотвѣтствуетъ современному поня-

тіямъ о податяхъ, то едва-ли переименованіемъ послѣдней въ налогъ на цѣну имущества измѣнится сущность значенія его.

Измѣняется ли сущность подушной подати, если перемѣстить ее на имущество ббльшей цѣнности, на имущество, признаки котораго соединяють съ собою возможность удовлетворенія болѣе чѣмъ только первыхъ насущныхъ и неизбѣжныхъ потребностей? Выражается ли податоспособность гражданина съ увеличеніемъ имущества, съ возвышеніемъ цѣнности его? Увеличеніе это не соединяетъ ли съ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличеніе расхода на поддержаніе самаго имущества? И есть ли возможность опредѣлить тотъ остатокъ, который могъ бы, безъ ущерба для гражданина и его имущества, быть выдѣленъ въ налогъ на цѣнность имущества? Есть-ли возможность, да и кто тотъ судья, который опредѣлитъ, какіе расходы относятся въ категоріи неизбѣжныхъ, какъ по отношенію къ личнымъ расходамъ, такъ и имущественнымъ, земельнымъ, какіе въ категоріи избѣжныхъ, для обеспеченія извѣстнаго *status quo* имущества?

Для того, чтобы уяснить всѣ эти вопросы, разберемъ для этой цѣли тѣ условія, которыя сопровождаютъ одну изъ категорій имущества — жилище или домъ. Допустимъ, что послѣдній построенъ и вмѣщаетъ въ себѣ только семейство домостроителя, что онъ служитъ единственно для удовлетворенія потребности имѣть кровъ и пристанище, а никакъ не для дохода отъ отдачи его въ пользованіе въ цѣлости или по частямъ, другими словами, не составляетъ источника дохода для домовладѣльца. Въ этомъ случаѣ средства на постройку, равно какъ и средства для поддержанія, должны пріобрѣтаться извнѣ — изъ источниковъ, ничего общаго не имѣющихъ съ этимъ имуществомъ. Спрашивается: не есть ли такой домъ, для построившаго его, бездоходный, а слѣдовательно, не имѣющій никакой цѣны, кромѣ той безконечно великой, невыражающейся въ цифрѣ и связанной съ понятіемъ удовлетворенія потребности одного изъ жизненныхъ условій. А изъ этого выводъ тотъ, что всякій налогъ на домъ такой категоріи есть налогъ не на избытокъ дохода, а на право имѣть кровъ и жилище, налогъ на право существованія, налогъ на воздухъ занимаемаго имъ помѣщенія. Такой налогъ можетъ быть потому внесенъ, что у домовладѣльца есть посторонній источникъ — доходъ, на который и упадетъ налогъ на тотъ домъ, который служитъ только средствомъ удовлетворенія потребности крова и пристанища.

Допустимъ другой случай, когда домъ возникъ или увеличился въ размѣрѣ, вслѣдствіе случайнаго и счастливаго сте-

ченія обстоятельствъ, напримѣръ, облегченія кредита, возникшаго вслѣдствіе выпуска бумажныхъ денегъ или вслѣдствіе необыкновенно благоприятнаго урожая или, наконецъ, вслѣдствіе удачной и счастливой продажи предметовъ торговли и промысла. Спрашивается: причина такого возникновенія и приращенія имущества, даетъ-ли право сказать, что доходы домопотребителя увеличились и сдѣлались постоянными, отчего и возможность вносить возвышеніе налога, сообразно съ увеличеніемъ имущества, т.-е. цѣнности его, сдѣлалась также возможною?

Разсмотримъ третій случай, когда домъ воздвигается съ промышленною цѣлію получения дохода, посредствомъ отдачи его въ наемъ. Едва-ли можно допустить, чтобы кто-либо избытокъ своего дохода или случайное приобрѣтеніе средствъ употребилъ на постройку или приобрѣтеніе дома, ради удовольствія быть домовладѣльцемъ и имѣть жильцовъ со всѣми хлопотами, соединенными съ послѣднимъ. Если и возникаетъ мысль домоприобрѣтенія, то только въ виду того, что эта затрата, этотъ расходъ можетъ быть возвращенъ посредствомъ отдачи дома въ право пользования другимъ. *И доходъ, который возникаетъ при этомъ условіи, есть прежде всего возвратъ, въ видѣ долей болшей или меншей величины расхода, употребленнаго на воздвиженіе дома.* И цѣнность такого дома прежде всего опредѣляется количествомъ капитала, употребленнаго на постройку его. Цѣнность эта можетъ также выражаться нѣсколько выше и нѣсколько ниже этой нормы, смотря по тому, какъ увеличиваются или уменьшаются средства потребленія наемщиковъ жилья. Слѣдовательно, цѣнность дома есть величина колеблющаяся, измѣняющаяся. Размѣръ налога на цѣнность потому также долженъ быть измѣняющимся или колеблющимся. Такой налогъ, уменьшая доходъ домовладѣльца, т.-е. увеличивая его расходъ, уменьшаетъ, слѣдовательно, чистый доходъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣнность его. Предотвратить послѣднее, вознаградить уменьшеніе дохода возможно только прибавкою къ цѣнѣ на квартиры, занимаемыя жильцами. Изъ чего выводъ, что налогъ на цѣнность дома, налогъ на доходъ домовладѣльца въ сущности есть та же подушная подать съ потребителя-домовладѣльца, которую онъ можетъ обратить, въ случаѣ отдачи въ наемъ, въ косвенный налогъ, перемѣстивши его на жильцовъ, для которыхъ прибавка къ цѣнѣ за квартиру дѣлается прямымъ налогомъ или, что то же, подушною податью за право существованія, связанною съ потребностію имѣть жилье; для послѣднихъ — это налогъ на воздухъ нанятаго ими жилья. Такъ какъ невозможно допустить, чтобы средства имѣли квартиру или

жилье падали съ неба или являлись постоянно и вѣчно изъ выпуска бумагъ «на подурѣвленіе конторъ и отдѣленій», то очевидно, что при осуществленіи идеи подоходнаго налога, является необходимость разыскать источникъ дохода нанIMATEЛЯ — его непосредственное имущество. Когда оцѣнено послѣднее, потребитель жилья является плательщикомъ налога во имя потребности домо-владѣльца возратить расходъ, упдающій на домовый налогъ, а также во имя того дохода, который хотя и оплатилъ уже одну категорію налоговъ, но который, какъ обнаруживаетъ величина наемной платы, долженъ бы еще имѣть остатокъ, обезпечивающій существованіе нанIMATEЛЯ, помимо потребности въ жильѣ. Итакъ, потребитель воздуха нанятаго имъ жилья, оплачивая за право пользованія имъ, оплачиваетъ не только всѣ доли расхода, употребленнаго строителемъ дома, слѣдовательно, и налогъ на кирпичника, каменьщика, архитектора, но и ту долю расхода, которая упадетъ на домовый налогъ, а сверхъ всего этого и налогъ на источникъ, обезпечивающіе его собственное существованіе. На несчастіе прискивающего жилью и пристанище, наука твердитъ ему, что количество потребнаго воздуха должно измѣряться не футами кубическими, а саженами, притомъ безъ примѣси водяныхъ паровъ, углекислоты, сѣрнистаго и другихъ водородовъ и всякихъ «мязмовъ», плѣсней и чужеродныхъ — и приходится ему, во имя удовлетворенія требованіямъ гигиены и нормальныхъ условій существованія, нести, помимо всѣхъ расходовъ, связанныхъ съ этими условіями, еще и расходъ, въ видѣ штрафа, за право воспользоваться указаніями науки! А для того, чтобы данныя науки больше распространялись и лучше усвоились, заведены: и золотыя медали, и похвальные листы, и каедры отдѣльныхъ отраслей человѣческихъ знаній, и университеты, и академіи, и цѣлыя министерства разнообразныхъ отдѣловъ чело-вѣческихъ потребностей и даже участіе въ международныхъ выставкахъ ума и производительности! Подъ плодотворнымъ вліяніемъ такихъ мѣропріятій развился, наконецъ, гражданинъ, со-знавшій цѣль и значеніе, для общаго блага, навязываемыхъ ему свѣдѣній; во имя сознанія значенія послѣднихъ, цѣлме ряды годовъ онъ отказываетъ себѣ въ потребленіи предметовъ роскоши, предметовъ прихоти, въ результатѣ чего накопляются у него сбереженія, слагаются средства. Онъ расширяетъ объемъ занимаемаго имъ помѣщенія, отчего увеличивается и цѣнность имущества — жилья. Но вотъ, какъ снѣгъ на голову, ниспадаетъ идея подоходнаго или имущественнаго, сообразно цѣлѣ жилья, на-лога — и штрафуются онъ за то, что сберегалъ, за то, что не

потреблять, и наказуется онъ за горячность въ дѣлѣ воспринятія и усвоенія распространяемой государствомъ науки!

Гдѣ же сообразность, гдѣ же разумность идея имущественнаго или подоходнаго налога, соотвѣтственно оцѣнѣ какъ имущества вообще, такъ и дохода въ частности?

Взглянемъ еще на нѣкоторые имущественные признаки, на первый взглядъ, опредѣляющіе доходность имущества, и на этотъ разъ обратимся въ земледѣльческому промыслу.

Едва ли можно представить себѣ занятіе съ болѣе разнообразными и разнородными предметами, входящими въ составъ его совокупности; едва ли можно указать на болѣе разнообразіе и разнородность условій, какъ тѣ, подъ вліяніемъ которыхъ ведется и развивается этотъ промыселъ. Едва ли есть занятіе, которое для успѣшности своей требовало бы больше ума, находчивости и знанія — притомъ не спеціальнаго. Невозможно также вообразить себѣ болѣе зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ и почти неуловимыхъ условій, какъ та зависимость и то рабство, въ которыхъ поставленъ земледѣлецъ. И невозможно даже приблизительно вѣрно опредѣлить ту цѣнность, какую имѣетъ совокупность всего того, что входитъ въ составъ имущества земледѣльца, какъ промышленника. Съ этимъ разнообразіемъ, съ этою разнородностію предметовъ и условій связывается еще то обстоятельство, что предметы, повидимому, одного и того же названія, одной и той же категоріи, имѣютъ совершенно различную стоимость, вслѣдствіе различія въ ихъ значеніи для земледѣльца, какъ промышленника. Такимъ образомъ, есть предметы имущества известной категоріи, которые составляютъ для него, такъ сказать, неотчуждаемую часть имущества, ту часть, которая служитъ для обезпеченія какъ средствъ его существованія, такъ и для обезпеченія известной нормы дохода, которымъ онъ удовлетворяетъ свои разнообразные расходы на поддержаніе и развитіе какъ своего промысла, такъ и собственнаго существованія. Въ глазахъ торговца, промышленника или полицейскаго, описывающаго имущество за долгъ или недоимки, предметы одной и той же категоріи, одного и того же названія, однихъ и тѣхъ же признаковъ, имѣютъ одну и ту же цѣну, рыночную — для перваго, полицейскую или недоимочную — для описывающаго имущество. Совсѣмъ не такъ въ глазахъ земледѣльца-промышленника. Поэтою это слѣдующимъ примѣромъ: допустимъ, что при известной величинѣ земельного участка, при известныхъ имущественныхъ средствахъ вообще, земледѣлецъ, для обезпеченія известной нормы дохода, можетъ держать 20 штукъ овецъ съ приплодомъ, и это количество ихъ

составляетъ норму части дохода, упадающей на эту отрасль его имущественныхъ признаковъ. Очевидно, что для него продажную или доходную часть послѣднихъ, т.-е. овецъ, составляетъ только то количество ихъ, которое превышаетъ установившуюся для него норму обезпеченія дохода. На основаніи сознанія необходимости самохраненія и самообезпеченія, необходимости удержаться въ установившейся нормѣ дохода, изъ числа 20 штукъ овецъ съ приплодомъ отчуждается имъ для продажи только то количество, которое не уменьшаетъ принятой имъ нормы дохода въ послѣдующіе годы. Отчужденіе же свыше этого неизбежно должно влечь за собою уменьшеніе дохода въ будущемъ и не только въ недалекомъ, а даже въ слѣдующемъ же году. И какъ несчастенъ тотъ земледѣлецъ, который ведетъ или везетъ на рынокъ ту часть имущества, которая неотчуждаема, какъ отъ совокупности частей, составляющихъ цѣнность его въ настоящемъ, такъ и отъ совокупности частей, обезпечивающихъ извѣстную норму дохода въ будущемъ! Слѣдовательно, рыночную цѣнность въ глазахъ земледѣльца имѣетъ только то, что отчуждаемо безъ ущерба для его дохода въ будущемъ, т.-е. то, что онъ самъ, по своимъ соображеніямъ, можетъ и долженъ продать. Отчужденіе же какъ овецъ, такъ и всякаго имущественнаго признака, сверхъ законно-отчуждаемаго, влечетъ за собою уменьшеніе дохода въ будущемъ и цѣнности всего имущества въ совокупности въ настоящемъ. Спрашивается теперь: предполагая налогъ на имущество по оцѣнкѣ, или, что то же, по стоимости его, всѣ ли имущественные признаки поступаютъ въ оцѣнку безразлично, или только нѣкоторые, на основаніи оцѣнки самого имущественника? Но можетъ ли устанавливать цѣну самъ продавецъ? Не есть ли это дѣло рынка? Налогъ на имущество по оцѣнкѣ, налогъ на доходъ можетъ оказаться совершенно произвольнымъ, совершенно невѣрнымъ и несправедливымъ, а главное можетъ непосредственно вызвать уменьшеніе дохода въ слѣдующемъ же году, а затѣмъ еще болѣе въ послѣдующіе. Опыты же всѣхъ странъ показали, что, несмотря на огромныя затраты на оцѣнку имущества, кадастръ и люстрацію, всѣ эти затраты были бесплодными, такъ какъ оказались только приблизительными, а въ большинствѣ невѣрными, преувеличенными, а потому и тяжкими, что очевидно также въ слѣдующаго: при оцѣнкѣ всей совокупности частей имущества—безразлично, возвратъ расхода, упадающаго на налогъ по оцѣнкѣ, такъ организованный, едва ли можетъ быть достигнуть выручкою отъ продажи только законно-отчуждаемыхъ. Едва ли не представится неизбежность вести или везти на рынокъ, ради

налога, и такія части, которыя обезпечиваютъ будущность какъ производства, такъ и дохода.

Мы затрогивали до сихъ поръ такіе имущественные признаки, которые относятся въ доходнымъ. Разсмотримъ теперь тотъ случай, при которомъ имущественный признакъ является показателемъ расходной, если такъ можно выразиться, способности гражданина.

Для того, чтобы ввести читателя въ эту сторону дѣла, я сдѣлаю небольшое отступленіе.

Осенью 1876 года случай привелъ меня посѣтить одинъ изъ самыхъ благословенныхъ уголковъ нашего обширнаго отечества, благословенныхъ не только по климату, плодороднѣйшей почвѣ, — той почвѣ, для которой установилось даже суевѣріе, напереворъ тысячелѣтнимъ опытомъ вездѣ, что удобреніе вредно, въ уголкѣ счастливомъ еще и потому, что его перерѣзываетъ желѣзная дорога, связующая его съ портами остальнаго міра, съ центрами всего континента Европы. Гостилъ я въ селѣ съ величественнымъ храмомъ, посвященнымъ Константину и Еленѣ, выстроеннымъ въ «доброе» старое время, съ обширною, ровною какъ столъ, площадью, настолько покрытою растительностію, что она служила едва ли не единственнымъ пастбищемъ для телятъ и гусей всего населенія въ 300 съ небольшимъ «ревизскихъ душъ».

Въ этомъ селѣ, скажемъ Новоселовѣѣ, мнѣ пришлось пребывать въ то самое время, когда шли сборы для предстоящей войны съ Турціею за «освобожденіе изъ-подъ ея ига болгаръ». Нѣкоторые публицисты тогда указывали на то, что не слѣдуетъ ограничиваться денежнымъ рынкомъ столицъ и центровъ дѣятельности, а обратиться также въ уѣзды, въ деревни, — въ эти владовыя всевозможныхъ непочатыхъ еще богатствъ, которыя мы только по невѣдѣнію будто бы обходимъ! Это меня заняло тогда настолько, что я предложилъ вопросъ одному изъ мѣстныхъ обывателей-авторитетовъ: возможно ли собрать въ ихъ деревнѣ изъ 300 душъ около 100 руб., напримѣръ, по добровольной подпискѣ, — цифра, повидимому, весьма скромная. Но вотъ что мнѣ отвѣчали на мою любовательность: «можете судить сами, насколько это возможно, изъ слѣдующаго факта. Вотъ уже цѣлый почти годъ становой понуждаетъ здѣшнее общество крестьянъ къ уплатѣ 60 руб. недоимки и только когда пригрозилъ описью имущества, общество, наконецъ, внесло ихъ, но не изъ своихъ средствъ, а войдя въ сдѣлку съ здѣшнимъ евреемъ-торговцемъ, — который облагодѣтельствовалъ ихъ, ссудивъ этими 60 рублями, взявши съ нихъ приговоръ на право торговли пятами, право, за которое онъ,

также какъ и всякій другой, охотно дали бы 150 и даже 200 руб.». Не ясно ли, какъ плохо разсчитать на деревенскія кладовыя въ дѣлѣ подписокъ, въ дѣлѣ займовъ. Этотъ фактъ натолкнулъ меня на мысль собрать свѣдѣнія, есть ли въ деревнѣ чаепійцы и много ли самоваровъ, какъ выразителей нѣкоторой степени довольства и благосостоянія. Оказалось однако, что въ деревнѣ Новоселовѣ съ 300 душъ всего 4 самовара, изъ которыхъ три оказались у бывшихъ дворовыхъ и прикащиковъ «добраго» стараго времени. Но и для послѣднихъ эти самовары служатъ больше для украшенія угла комнаты, чѣмъ для употребленія, такъ какъ чай допускается развѣ въ праздничные дни, а время кануло въ вѣчность. На основаніи подобныхъ фактовъ можно ли принимать извѣстный имущественный признакъ безусловнымъ выразителемъ расходной способности гражданина, а слѣдовательно и его дохода? Въ случаѣ, только-что приведенномъ, если бы самоваръ во имя свободы, проповѣдуемой нѣкоторыми, былъ отнесенъ къ имуществу для оцѣнки его, то очевидно, что новоселовцу-владѣльцу чайнаго прибора выгоднѣе было бы истребить его, не говоря о томъ, что немного бы времени прошло и онъ поступилъ бы въ оцѣнку недоимочной стоимости. Доля налога на самоваръ, случайно приобретенный, была бы очевидно штрафомъ за его присутствіе въ избѣ селянина. Для оплаты этой доли налога ему пришлось бы продать всегда излишнюю курицу!

Можно привести слѣдующій аналогическій послѣднему при- мѣръ, какъ-бы поощрившій идею объ имущественномъ и подоходномъ налогахъ. Разсказываютъ, что герцогъ Веллингтонъ велѣлъ вставить въ рамку и повѣсить на стѣнѣ своей залы билетъ англійскаго банка въ 100,000 ф. ст., не приносявшихъ дивиденда. Такъ поступаая, герцогъ очевидно подшутилъ надъ тѣми, которые трактовали объ имущественныхъ и подоходныхъ налогахъ. Этою шуткою онъ ясно доказывалъ нелѣпость этой идеи, такъ какъ 100,000 ф. ст., хранящіяся въ банкѣ и не приносящія процентовъ, не составляютъ части имущества, возвышающей текущія доходы.

То же самое можно сказать и по отношенію къ случаямъ, когда эти 100,000 употребляются или на канделябры литого золота, или на брилліантовые фермуары, равно какъ и всякій другой предметъ безумной роскоши, которые хотя и увеличиваютъ цѣнность имущества, но ничего не прибавляютъ къ доходу и выручкѣ, а напротивъ—даже уменьшаютъ послѣдніе, такъ какъ вызы- ваютъ нѣкоторый расходъ на храненіе и сбереженіе ихъ. На основаніи всего этого нужно сказать, что аналогическіе только-

что указаннымъ предметы не должны входить въ оцѣнку имущества для опредѣленія размѣра обложенія.

Шутка Веллингтона должна отчасти служить подтвержденіемъ того, что онъ обладалъ не однимъ талантомъ война, какъ известно, всегда отличающагося крайнею односторонностію, но и талантами государственнаго дѣятеля, что явствуетъ изъ того, что короткій періодъ управленія имъ министерствомъ не пролегалъ безслѣдно для гражданскаго преуспѣянія его родины.

X.

Вліяніе на дороговизну и ученіе фізіократовъ.

Разсмотримъ теперь, насколько подоходный сборъ вліяетъ на дороговизну жизни вообще.

Чтобы лучше уяснить выводы, относящіеся къ этой сторонѣ вопроса, мы возвратимся къ рассмотрѣнію технической, такъ сказать, постановки дѣла. Я уже и прежде указывалъ, что въ Англіи подоходный сборъ слагается изъ источниковъ одной изъ слѣдующихъ 5-ти категорій: земельной ренты (A), права пользования землею (аренды) (B), дивидендовъ отъ капиталовъ (C), другихъ промысловъ и торговли (D) и жалованья за службу (E).

Мы видѣли выше, что размѣръ обложенія составлялъ отъ 2-хъ до 6-ти и даже 10⁰/₀ съ оцѣнки чистаго дохода. Общая сумма сбора въ послѣдніе годы передъ отмѣною въ 1815 году составляла между 14 и 15 милл. фунтовъ стерлинговъ.

По категоріямъ, вся сумма подоходнаго сбора, взявъ для примѣра 1814 и 1844 годы — въ 15 милл. фунтовъ стерлинговъ въ 1814 году и 5¹/₂ милл. въ 1844 году — распредѣлялась такимъ образомъ:

По категоріи A	—	$\left\{ \begin{array}{l} 5.265,000 \text{ фунт. стерл. или } 32\% \\ 2.471,000 \text{ " " " } 40\% \\ 2.015,000 \text{ " " " } 14\% \\ 328,000 \text{ " " " } 8\% \end{array} \right.$	земельн. рента.
" "	B	$\left\{ \begin{array}{l} 2.902,000 \text{ " " " } 20\% \\ 795,000 \text{ " " " } 14\% \end{array} \right.$	земледѣльч. пром.
" "	C	$\left\{ \begin{array}{l} 3.893,000 \text{ " " " } 25\% \\ 1.581,000 \text{ " " " } 30\% \end{array} \right.$	капитали денеж.
" "	D	$\left\{ \begin{array}{l} 1.100,000 \text{ " " " } 7\% \\ 326,000 \text{ " " " } 7\% \end{array} \right.$	торговля и др. пром.
" "	E	$\left\{ \begin{array}{l} 1.100,000 \text{ " " " } 7\% \\ 326,000 \text{ " " " } 7\% \end{array} \right.$	жалованье служ.

Эти отношенія между различными категоріями, оставаясь въ года въ годъ довольно постоянными, указываютъ на то, что по-

чи $\frac{3}{4}$ всего сбора упадетъ на такіе источники, доходы которыхъ слагаются отъ продажи равнообразныхъ и всевозможныхъ предметовъ потребленія. Видимъ также, что на разряды А, В и D въ 1814 г. упадетъ 11,100,000 фунтовъ стерлинговъ, отчего необходимо принять, что именно на такую сумму должны возвыситься цѣны на предметы потребленія, причемъ въ большей степени на предметы первой потребности, вѣкъ на предметы роскоши, такъ какъ количество потребленія послѣднихъ обыкновенно незначительно, и такъ какъ спросъ на первые, по свойству ихъ, имѣетъ характеръ настойчивости. Не допуская возможности, чтобы означенные 11 милл. въ 1814 г. и $4\frac{1}{2}$ милл. фунтовъ стерлинговъ въ 1844 году были приняты на-счетъ кармана производителей, нужно принять возвышеніе цѣны предметовъ производства не только на сумму означенныхъ 11 и $4\frac{1}{2}$ милл., но и на излишекъ, упадающій на $\frac{1}{10}$ на капиталъ налога, на рискъ и т. п.

Загронувъ вопросъ съ точки зрѣнія вліянія подоходнаго налога на цѣны предметовъ производства, составляющихъ предметы потребленія, нельзя не видѣть въ этомъ аналогію подоходнаго налога съ косвенными. Какъ послѣдніе размѣромъ акциза и пошлины разныхъ наименованій увеличиваютъ цѣну предметовъ обложенія, такъ же точно подоходный акцизъ, падающій на доходъ отъ продажи продуктовъ производства, какъ источникъ дохода, въ концѣ-концовъ упадетъ не на производителя, а на потребителя.

Когда мы знаемъ, что подоходный налогъ не обходитъ какъ дохода отъ земли по праву собственности, какъ и дохода отъ занятія земледѣліемъ, равно какъ и торговли предметами (D), то мы должны придти къ выводу, что цѣна хлѣба должна возвышаться въ виду вознагражденія вычетовъ изъ дохода, унаследованныхъ на каждый изъ этихъ промысловъ. Не только производитель, но и торговецъ хлѣбомъ или мясомъ стремится къ возврату того, что они выдѣлили въ счетъ налога. Но это стремленіе къ возмнженію цѣны продаваемого имѣетъ свое начало не только въ непосредственномъ правѣ вознаградить себя за взносъ, сдѣланный въ видѣ налога, — это же стремленіе имѣетъ мнѣше и отъ слѣдующей причины. Производитель, будетъ ли это земледѣлецъ, или кто другой, взнося известную часть излишка своего дохода, лишается въ этой части того капитала, который долженъ назваться основнымъ, такъ какъ могъ бы быть употребленъ на расширеніе и усовершенствованіе своего производства. Какъ равнообразны эти средства расширенія и усовершенствованія, такъ и мнѣше, не земледѣлію — достаточно извѣстно каждому,

чтобы на нихъ останавливаться. Достаточно увязать на то значеніе, какое имѣеть приобрѣтеніе улучшеннаго орудія, лучшихъ сѣмянъ, улучшеніе содержанія животныхъ и проч. Всякая такая затрата непременно вызоветъ возвышеніе производительности какъ человѣческаго труда, такъ и производительной силы почвы и животныхъ. Это увеличеніе должно вызвать и стремленіе скорѣе къ пониженію цѣны, чѣмъ къ возвышенію, вслѣдствіе увеличивающагося предложенія продуктовъ. Возможностью такихъ расходовъ на улучшеніе земледѣлія вызывается развитіе и усиленіе, напримѣръ, желѣзнаго производства, которое, въ свою очередь, въ избыткѣ дохода, остающагося въ его свободномъ распоряженіи, употребляется имъ на дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе своей отрасли и т. д. То же самое и въ отношеніи къ торговлѣ. Избытокъ своего дохода онъ прежде всего употребляетъ на увеличеніе и расширеніе своей отрасли, которое прежде всего выражается въ увеличеніи количества товаровъ. Увеличивши послѣдніе, у него является стремленіе къ пониженію цѣны, чтобы способствовать сбыту ихъ, такъ какъ увеличеніе дохода и помимо возвышенія цѣны возможно вслѣдствіе увеличенія предметовъ сбыта въ количественномъ отношеніи. Подходящій налогъ, уменьшая доходы производителей всевозможныхъ категорій, если бы даже и не имѣлъ непосредственнаго вліянія на стремленіе возвышать цѣну, ради вознагражденія вычета изъ дохода, лишая производителя части выручки и возврата капитала, тѣмъ самымъ лишаетъ его возможности улучшенія, усовершенствованія и увеличенія производства.

Теперь будетъ понятно, что подходящий налогъ вліяетъ на возвышеніе цѣны, т. е. на дороговизну, вслѣдствіе двухъ основаній: 1) вслѣдствіе стремленія къ вознагражденію производителемъ той доли расхода, которая упадетъ на налогъ, и 2) вслѣдствіе лишенія его, путемъ вычета, части средствъ къ улучшенію и увеличенію производства.

Обратимся теперь къ тѣмъ статистическимъ даннымъ, которыя могутъ подтвердить вліяніе подоходнаго налога на возвышеніе цѣны вообще. Для этой цѣли намъ достаточно будетъ воспользоваться цѣнами на пшеницу, существовавшими какъ въ періодъ 1798—1815 гг. и вслѣдъ за нимъ, въ періодъ отсутствія подоходнаго налога, и послѣ того по настоящее время. Эти данныя чрезвычайно краснорѣчивы и подтверждаютъ многія изъ тѣхъ положеній, которыя я развивалъ прежде. Но повторю оговорку: въ дѣлѣ экономическихъ вопросовъ, какъ и въ дѣлѣ ученія всякаго другого явленія, нельзя ограничиваться одною ка-

или-либо причиною, однимъ какимъ-либо условіемъ, а всегда слѣдуетъ принимать во вниманіе совокупность многихъ причинъ; возможно, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ могутъ быть и неудобны для того или другого наблюдателя. Такъ, напримѣръ, война періода, о которомъ я говорю, безспорно всѣми признается какъ первая видимая причина явленій, рѣзко обнаруживавшихся въ то время. На нее обыкновенно взваливали всѣ даже и такія явленія, которыя, можетъ быть, никакого отношенія къ ней не имѣютъ.

Такъ, во время войны, когда неизбежно потрясается нормальное теченіе дѣлъ, если замѣчается вздорожаніе, то это возвышеніе цѣнъ находитъ себѣ объясненіе въ явленіи, рѣзко высказывающемся. Но вздорожаніе должно идти еще въ большей прогрессіи, если въ это же время устанавливаются условія, не могущія не вызвать возвышенія цѣнъ и въ мирное время. Очевидно, эти условія въ большей прогрессіи способствуютъ тому же, т.-е. вздорожанію. Однимъ изъ такихъ условій является система налоговъ. И если мы видимъ, что въ Англіи въ періодъ 1798—1815 г. вздорожаніе всѣхъ предметовъ производства достигло такихъ баснословныхъ размѣровъ, съ которыми едва ли можно встрѣтиться гдѣ-нибудь и когда-нибудь, то нельзя не отыскивать причины этого въ какомъ-либо другомъ явленіи, тѣмъ болѣе, что войны никогда не составляли такого рѣзкаго явленія; наконецъ, если бы войны вызывали вездѣ и всегда такія же явленія вздорожанія, какъ въ эпоху французскихъ челоувѣкоубоенъ, то едва ли бы онѣ такъ скоро и легко возгорались. Еще такъ недавно мы были очевидцами, что война, повидимому, играетъ скорѣе роль и значеніе прогулки, чѣмъ народнаго бѣдствія,—мы свидѣтели того, что начало войны было пріятствуемо всевозможными знаками одобренія, радости, тогда какъ конецъ ея, несмотря на блистательнѣйшій результатъ,—съ точки зрѣнія солдатскаго героизма—обойденъ молчаніемъ, даже холодностью. Все это какъ-бы подтверждаетъ, что война, или на самомъ дѣлѣ не вызываетъ тѣхъ потрясеній благосостоянія, или мы не постигаемъ еще всѣхъ бѣдствій ея, такъ какъ относились бы въ ней далеко не такъ, какъ къ прогулкѣ. Что война противъ Франціи и Наполеона, какъ и всякая другая война, не имѣла характера прогулки—видно изъ того ряда колебаній цѣнъ на пшеницу, изъ того возвышенія ихъ, которымъ ознаменовался этотъ вѣлосчастный и вмѣстѣ позорнѣйшій періодъ исторіи Англіи. Но одна ли война играла тутъ роль? За 10 лѣтъ передъ нею Англія вела американскую войну, продолжавшуюся 9 лѣтъ. Но въ эти 9 лѣтъ войны цѣны на пшеницу не

только не возвысились, а напротивъ — значительно понизились. Далѣе, во время французской войны возвышеніе цѣны замечается не съ начала войны: въ первое ея трехлѣтіе было даже пониженіе цѣны, а только съ годомъ введенія подоходнаго налога, если исключить годы неурожаа 1795 и 1796 гг. Нужно также принять въ соображеніе то обстоятельство, что тогда привозъ иностранной пшеницы былъ ничтоженъ и покровительство земледѣлію выражалось болѣе путемъ выдачи привилегій за вывозъ, чѣмъ ограниченіемъ привоза посредствомъ таможенной пошлины, что, слѣдовательно, цѣны мало зависѣли отъ состоянія внѣшняго мира и сворѣе должны были падать вслѣдствіе войны. А все это въ совокупности должно привести къ убѣжденію, что въ колебаніи цѣны и возвышеніи играло роль какое-либо другое обстоятельство болѣе, чѣмъ война. Вотъ таблица среднихъ цѣнъ на пшеницу, по трехлѣтіямъ — равно какъ высшія и низшія — для показанія степени колебанія ихъ.

	Средняя цѣна за 3 года.		Высшая.		Низшая.	
	шелл.	пенс.	шелл.	пенс.	шелл.	пенс.
1786—1788	42	11	46	4	40	—
1789—1791	51	11	54	9	48	7
1792—1794	48	2	52	3	43	—
1795—1797	69	2	78	7	53	9
1798—1800	91	6	113	6	51	10
1801—1803	82	8	119	6	51	10
1804—1806	77	—	89	9	62	3
1807—1809	84	8	97	4	76	4
1810—1812	109	4	126	6	95	3
1813—1815	83	2	109	9	65	7
1816—1818	87	2	96	11	78	6
1819—1821	66	1	74	6	56	1
1822—1824	53	11	63	11	44	7
1825—1827	61	10	65	6	58	6

Приведи эти цифры колебаній и возвышеній, нельзя же сказать, что это едва ли не единственный примѣръ въ своемъ родѣ, такъ какъ и подоходный налогъ въ Англій, по размѣрамъ поступленій, также едва ли не единственный въ своемъ родѣ. Уже эти однѣ цифры подтверждаютъ, насколько примѣръ Англій не заслуживаетъ подражанія. Эти колебанія и возвышенія цѣны такъ болѣе поразительны, что ничего подобнаго никогда прежде и никогда послѣ не повторялось. Такъ, за оба столѣтія, предшествующія мысленному, цѣны пшеницы не только не возвышались, а, напротивъ, клонились правильно къ пониженію до 1767 г., когда

замѣтно возвышеніе; но такихъ рѣзкихъ колебаній все-таки не было. Рассматривая измѣненія цѣнъ въ періодъ перваго подоходнаго налога, мы видимъ, что среднія цѣны, по 3-хъ-лѣтнимъ срокамъ, возвышались больше чѣмъ вдвое сравнительно съ цѣнами предшествовавшихъ годовъ; высшія цѣны нѣкоторыхъ годовъ въ два съ половиною и болѣе разъ, низшія цѣны также. Насколько въ дѣлѣ измѣненія цѣнъ играла роль таможенная пошлина, нужно сказать, что ее едва ли можно принимать во вниманіе, такъ какъ привозъ иностраннаго хлѣба замѣтно возрасталъ только въ годы неурожае, какъ 1796, 1800, 1801, 1805, 1814, 1817, 1818, 1820 и 1826 г. На эти же годы выпадаютъ и наибольшія возвышенія цѣнъ. Но и въ годы предшествующіе, и въ годы послѣдующіе за отмѣною подоходнаго налога, какъ показываетъ таблица, цѣны далеко такъ не колебались и не возвышались. Но и эти высокія цѣны, повидимому, не удовлетворяли земледѣльцевъ, потому что петиціи въ парламентъ о возвышеніи таможенной пошлины на хлѣбъ возрастали съ каждымъ годомъ. Такъ, до 1787 г. привозъ пшеницы запрещался, при цѣнѣ въ 44 шилл. за кварталъ, а ввозная пошлина была 6 пенсовъ съ квартала, если рыночная цѣна доходила до 48 шилл. Въ 1787 году этотъ минимумъ возвышенъ до 54 шилл., въ 1804 г. — до 66 шилл., а въ 1814 году привозъ иностранной пшеницы запрещался, если мѣстная цѣна не доходила до 80 шилл. Въ 1822 году таможенная пошлина еще болѣе возвысилась, а привозъ иностранной пшеницы ограниченъ нормою цѣны мѣстной въ 70 шилл. Но, какъ мы видимъ изъ таблицы, послѣ 1815 г., вслѣдъ за отмѣною подоходнаго налога, цѣны стали быстро падать и, повидимому, нисколько не зависѣли отъ таможенныхъ пошлинъ, которыя возвышались во имя требованій земледѣльцевъ, и держались на запретительной величинѣ до 1828 года, когда Гускинсонъ ввелъ подвижную пошлину на иностранный хлѣбъ отъ 1 до 32 шилл. за кварталъ, смотря по уровню мѣстныхъ цѣнъ въ предѣлѣ отъ 52 до 72 шилл. за кварталъ.

Если принять во вниманіе, что, соотвѣтственно такому же возрастанію цѣнъ на пшеницу, возвышались цѣны на всѣ другіе предметы потребленія: мясо, каменный уголь, желѣзо, всякія мануфактурныя издѣлія, то понятно, кто былъ на самомъ дѣлѣ виновникомъ подоходнаго налога, понятно, что число бѣдныхъ и суммы, на нихъ затрачиваемыя, какъ показываетъ статистика, также возвышались вплоть до 1818 года, когда благосостояніе начало измѣняться къ лучшему, вслѣдствіе паденія цѣнъ. Понятно теперь, что Р. Пилъ правильно высказывалъ до 1842 г.,

что неподходящій налогъ—внудить, но конецъ котораго стегаетъ не плательщика его, а бѣдняковъ, не производителей и получающихъ доходы, а потребителей, что идея подоходнаго налога, въ виду всего сказаннаго, до сихъ-поръ есть скорѣе плодъ недоразумѣнія и фантазіи, чѣмъ основанія, выработаннаго путемъ всеобщаго опыта, или разумнаго мышленія, что по условіямъ, тогда обнаружившимся, примѣненіе его носило на себѣ отпечатокъ скорѣе злоторнаго, чѣмъ благотворнаго вліянія.

Насколько вліяніе подоходнаго налога на дороговизну должно было высказаться по возстановленіи, можно вывести изъ того, что онъ возродился съ болѣе низкими величинами обложенія. Достаточно сказать, что въ то время, когда до 1815 земледѣльцы по категоріи (B) вносили свыше 2 милл. ф. ст., послѣ 1842 года на ихъ долю упадало только 300—800,000 ф. ст. Новыя условія потоку и не вызывали того возвышенія цѣнъ на первые предметы потребности, какое мы тамъ видѣли. Но въ виду того, что поступления подоходнаго сбора, причитающіяся на долю земледѣльцевъ, колебались и измѣнялись, сообразно размѣрамъ обложенія, то слѣдуетъ ожидать и колебаній въ цѣнѣ, соотвѣтственно этимъ же измѣненіямъ. Предоставимъ отвѣтить на это статистическимъ даннымъ:

	Средняя цѣна за 3 года.		Высшая цѣна за 3 года.		Низшая цѣна за 3 года.		Разницѣ обложенія съ 1 ф. декадр.
	Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.	
1828—1830 г. . .	63	7	66	3	60	5	—
1831—1833 „ . .	59	3	66	4	52	11	—
1834—1836 „ . .	44	8	48	6	39	4	—
1837—1839 „ . .	63	8	70	8	55	10	—
1840—1842 „ . .	62	8	66	4	54	4	—
1843—1845 „ . .	50	—	51	3	50	1	7
1846—1848 „ . .	58	3	69	9	50	6	—
1849—1851 „ . .	41	—	44	3	38	6	—
1852—1854 „ . .	55	7	72	5	40	9	12—14
1855—1857 „ . .	66	9	74	8	56	4	16
1858—1860 „ . .	47	—	53	3	43	9	5—9
1861—1863 „ . .	51	4	55	5	44	9	6—9
1864—1866 „ . .	43	—	49	11	40	2	4—6
1867—1869 „ . .	58	9	64	5	48	2	5—6
1870—1872 „ . .	53	5	57	—	46	10	4—6
1873—1875 „ . .	53	2	58	5	45	2	2—3
Въ 1874 „ . .	55	8	—	—	—	—	2
„ 1875 „ . .	45	2	—	—	—	—	2
„ 1876 „ . .	46	2	—	—	—	—	2

Разсматривая эту поучительную таблицу, видя поразительное соотвѣтствіе между величинами обложенія и цѣнами на пшеницу,

можно ли еще сомнѣваться о той связи, какая между ними существуетъ. И если я напомнимъ, что до 1815 г. размѣръ обложенія доходилъ до 24 пенсовъ вмѣсто 2—16 пенсовъ послѣ 1842 года, какъ показываетъ таблица, если прибавлю къ этому, что земледѣльцы по shed. В пользовались льготою, внося только половину и, несмотря на это, цѣны на пшеницу, а слѣдовательно и всѣ произведенія земледѣлія, т.-е. первые необходимые предметы потребленія возвышались, то спрашивается, насколько бы возвышались цѣны этихъ же продуктовъ, если бы продолжалось существованіе налога въ тѣхъ размѣрахъ, какъ при Питтѣ или Р. Пилѣ?

Но эти же данныя могутъ подать сомнѣніе: одинъ ли подоходный налогъ играетъ роль въ смыслѣ возвышенія цѣнъ на пшеницу—предметъ потребленія? Совершенно вѣрно. Не одинъ: неурожай, война, таможенная пошлина на хлѣбъ, денежный курсъ. Но во всѣмъ этимъ бѣдствіямъ подоходный налогъ пристегиваетъ немаловажную долю, даже болѣе значительную, чѣмъ можно себѣ представить. Для подтвержденія этого я приведу слѣдующій фактъ. До 1814 года таможенная пошлина на иностранную пшеницу была обусловлена такимъ образомъ, если хотите, вслѣдствіе не досмотра со стороны землевладѣльцевъ, всегда жаждущихъ протекціонизма, что цѣны на привозную пшеницу должны были быть ниже мѣстной англійской. Между тѣмъ послѣднія не только не понижались, а напротивъ возвышались и притомъ непомерно. Въ 1814 году, протекціонисты спохватились: таможенную пошлину возвысили на 5 шилл. на кварталъ. Но цѣны на туземную пшеницу не возвысились, а рѣзко упали въ первое же трехлѣтіе вслѣдъ за отмѣною подоходнаго налога. Эти цѣны упали бы еще ниже, если бы въ годы 1817—1818 не случились неурожай, потребовавшіе значительнаго въ сравненіи съ предшествовавшими годами привоза извнѣ. Въ 1818 году протекціонисты опять забудоражились: ввозную пошлину еще болѣе возвысили, но склонность къ пониженію цѣнъ со стороны неплатящихъ подоходнаго налога, слѣдовательно, нестремящихся вознаградить его, была такъ велика, что паденіе цѣнъ было на 30, 40 и болѣе процентовъ противъ періода съ подоходнымъ налогомъ. Это паденіе, несмотря на установленіе подвижной таможенной пошлины, шло неуклонно и какъ-бы въ явное противорѣчіе съ таможенною пошлиною. Однимъ словомъ, на основаніи условій таможеннаго тарифа цѣны должны были возвышаться, а не понижаться, какъ мы видимъ за весь періодъ послѣ 1815 до 1843 года.

Въ 1842 году подоходный налогъ восстановленъ. Но да не почтется за противорѣчiе то обстоятельство, что въ первое трехлѣтiе, несмотря на восстановление подоходнаго налога, цѣны пшеницы рѣзко понизились и почти приблизились къ нормѣ за 50 лѣтъ тому назадъ. Это пониженiе нужно объяснить, во-первыхъ, обильнымъ урожаемъ въ эти три года, такъ-что количество привоза извнѣ уменьшилось почти вдвое, несмотря на облегченiе его; во-вторыхъ, уменьшенiемъ тарифа на пшеницу почти вдвое; въ-третьихъ, крайне низкою нормою обложенiя земледѣльцевъ-производителей (по sh. B), сравнительно, не говоря уже съ нормою прежняго опыта, но и сравнительно съ производителями другихъ категорiй (A и D). А въ виду того, насколько колебались цѣны, насколько была тѣсна связь этихъ колебанiй съ измѣненiями въ размѣрахъ обложенiя, нельзя также не высказать, что и восстановленiе его въ 1842 году было не меньшею ошибкою.

Оба опыта примѣненiя идеи подоходнаго налога въ Англии, имѣя въ виду два основныхъ начала умѣренности введенiя его, совершенно ясно для меня, подтверждаютъ неосновательность той части ученiя физиократовъ, которая высказывалась въ пользу перенесенiя всѣхъ налоговъ, всѣхъ податей, всѣхъ тягостей непосредственно на произведенiя земли, какъ главный и первый источникъ всѣхъ благосостоянiй, всѣхъ богатствъ. Это ученiе, но безъ исключенiя другихъ налоговъ и пошлинъ, нашло у насъ примѣненiе по отношенiю къ крестьянамъ-земледѣльцамъ, въ видѣ подушной и оброчной податей. За то что же мы видимъ? Не смотря на то, что сборы эти составляли ни болѣе, ни менѣе какъ 30% всего государственнаго дохода, направленные на произведенiя почвы — главный источникъ благосостоянiя для всѣхъ, у подушника и оброчника, за продажей этихъ произведенiй, главныхъ и первыхъ неизбѣжныхъ, очень мало и даже ничего не остается для усовершенствованiя и увеличенiя производства, ничего не остается въ запасъ про черный день и весьма мало, а иногда совершенно недостаточно для собственной годовой потребности. Да и можетъ ли быть иначе? Въ плохой неурожайный годъ земля даетъ, хотя и возвышающiйся въ цѣнѣ продуктъ, но мало и недостаточно; въ хорошiй, урожайный, хотя много и съ избыткомъ, но дешевый продуктъ. Въ первомъ случаѣ онъ распродаетъ все не многое, во второмъ такъ же точно сбываетъ все, чтобы покрыть старые недоимки и долги, самъ же нѣтъ года въ годъ голодаетъ и не добдаетъ. Въ конечномъ результатѣ всего этого: общая непроизводительность, общiй застой, общая бѣдность.

XI.

Распределеіе тягости подоходнаго сбора между населеніемъ.

Въ развитіи идеи подоходнаго налога нельзя не указать на то высоко-гуманное начало, во имя котораго она осуществлялась и которыми руководствовались — въ виду случая, надъ которымъ водвинутъ герцогъ Веллингтонъ, а также тѣхъ фактовъ, что у нѣкоторыхъ гражданъ обнаруживаются или литого золота канделабры, или брилліантовые фермуары и разныя другія проявленія утонченной, а иногда и безумной роскоши, въ родѣ подкованія любимой лошади подковами и гвоздями изъ чистаго золота. Такіе факты должны были а priori привести въ убѣжденію и сознанію, что въ идеѣ подоходнаго налога, такъ же, какъ и осуществленіи ея кроется начало уравненія тягостей налоговъ и перенесенія ихъ съ мало имущихъ на болѣе достаточныхъ. Достигается ли эта цѣль путемъ подоходнаго налога въ тѣхъ формахъ, въ какихъ осуществлялся послѣдній въ нѣкоторыхъ странахъ, мы сейчасъ увидимъ.

Для того, чтобы нагляднѣе оцѣнить подоходный налогъ съ этой точки зрѣнія, мы приведемъ слѣдующія априористическія цифры доходовъ отъ 100 до 200,000 рублей и, соотвѣтственно различнымъ величинамъ послѣднихъ, причитающійся налогъ, какъ пропорціональный, такъ и прогрессивный, а также величины соотвѣствующихъ остатковъ дохода, за вычетомъ размѣра обложенія, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ:

При величинѣ дохода въ рубл.	Остается у платель- щика при налогѣ въ 5% рубл.	При прогрессив- номъ налогѣ въ % %	Остается у плательщика: рубл.
100	95	5	95
200	190	6	188
500	475	7	465
1,000	950	10	900
10,000	9,500	12	8,800
50,000	47,500	20	40,000
100,000	95,000	40	60,000
200,000	190,000	80	40,000

Изъ этихъ данныхъ, совершенно априористическихъ и несбыточныхъ въ дѣйствительности, особенно по отношенію къ прогрессивному налогу, нельзя, однако, не вывести, что далеко не одинаково тяжело или легко для различныхъ величинъ доходовъ

отдѣлать извѣстный размѣръ вычета, какъ просто, такъ и прогрессивно пропорціонально. Невозможно сказать, что для располагающаго 200 р. дохода, уплатить въ налогъ 10 руб. будетъ легче, чѣмъ 5,000 руб. для обладателя выручки въ 100,000 р. У перваго остается 190 р., у втораго 95,000 руб. Что послѣднее далеко не одинаково, слѣдуетъ изъ того, что при 200 руб. нѣтъ возможности удовлетворить самыхъ обиденныхъ, самыхъ неприхотливыхъ потребностей, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда выручающій такой доходъ имѣетъ болѣе или менѣе многочисленное семейство, не говоря о тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, которыя всегда и чаще могутъ разразиться надъ участіемъ самаго дохода. Слѣдовательно, какъ бы ни былъ организованъ подоходный налогъ, какъ показываютъ данныя только-что приведенныя, едва ли можно сказать, что онъ влечетъ за собою свойство приравниванія или справедливости. А сравнивая этотъ налогъ со многими другими, едва ли послѣдніе, за исключеніемъ развѣ подушной подати, не будутъ рациональнѣе. Такъ-называемые косвенные налоги имѣютъ даже характеръ прогрессивности, что несомнѣнно имѣетъ свою хорошую сторону. Если мы согласимся, что подоходный налогъ всею своею тягостію ложится на малые доходы, что мы слышали и прежде въ рѣчи министра ф.-д.-Гейдта; если мы согласимся на основаніи этого, что отъ подоходнаго налога должны быть освобождены низшія величины доходовъ, то мы должны согласиться также, что подоходный налогъ долженъ быть прогрессивнымъ. Но это заключеніе не важется со всѣмъ тѣмъ, что составило предметъ этой статьи, со всѣми тѣми выводами, которые проводятъ почти единогласно всѣ эконоимсты, наконецъ, съ тѣми результатами, въ которыхъ приводятъ прогрессивность обложенія и которые указаны выше, что едва-ли и можно на нихъ останавливаться, слѣдовательно, едва-ли и можно согласиться съ рациональностью идеи подоходнаго налога.

Но если выводъ о нераціональности, на основаніи степени тягости подати для различныхъ величинъ доходовъ, можетъ показаться только теоретическимъ, то этого нельзя сказать по отношенію къ тѣмъ даннымъ, которыя можетъ представить практика осуществленія и которыя потому должны быть неоспоримыми. Для подтвержденія того же вывода я воспользуюсь трудами директора берлинскаго статистическаго бюро. Энгеля ¹⁾, который, въ

¹⁾ Dr. Ernst Engel. Zeitschrift des K. Preussischen Statist. Bureau. Berlin 1868 n 1876.

тому, несомнѣнно, безусловной поборникъ идеи подоходнаго налога. Въ этихъ матеріалахъ мы имѣемъ ясную картину распре- дѣленія налога по населенію.

Прежде я указывалъ, что въ Пруссіи подоходная подать распадается на двѣ главныя категоріи: 1) классная или разряд- ная подать (Classensteuer), куда причисляются граждане, полу- чающіе доходъ ниже 1,000 талл. Въ этой категоріи принято 12 степеней или разрядовъ, съ обложеніемъ каждаго отъ $\frac{1}{2}$ до 24 талер. (1 разрядъ — изъ 2 подраздѣленій въ $\frac{1}{2}$ и 1 тал.). Прогрессивность въ этой категоріи выражается отъ $\frac{1}{2}$ ‰ для низшихъ до 2‰ — для высшихъ нормъ. До указа 25 мая 1873 г., за исключеніемъ нѣкоторыхъ привилегій, связанныхъ съ военны- ми службою и заслугами, также съ возрастомъ ниже 16 лѣтъ, а также съ мѣстностями, въ которыхъ существовали налоги на помоль муки и убой скота, освобождались одни нищіе и немо- гущіе существовать безъ пособія благотворительности. По май- скому закону 1873 г. налоги на помоль и убой отмѣнены, а имѣющіе ниже 140 талеровъ дохода освобождены отъ сбора.

Далѣе, 2-я категорія — классифицированная подоходная подать (classificirte Einkommensteuer), которой подлежали всѣ граждане, за исключеніемъ членовъ королевскаго и гогенцоллернскаго домовъ, получающіе доходъ свыше 1,000 тал. Въ этой категоріи при- нято 30 разрядовъ или ступеней (Stufe) и съ размѣромъ годового обложенія каждой отъ 30 до 7,200 тал., а по величинамъ еже- годнаго дохода отъ 1,000 до 240,000 тал. По майскому закону 1873 года число «ступеней», при сохраненіи прежнихъ нормъ, съ 30 увеличено до 40, отчего величины каждаго класса нѣ- сколько измѣнились и распредѣленіе сдѣлалось соотвѣтственнѣе измѣненію величины дохода.

Для того, чтобы наглядно показать, какъ распредѣляются въ населеніи обѣ эти категоріи доходовъ, затѣмъ какъ измѣнялись они по годамъ, я приведу слѣдующую таблицу, составленную мною на основаніи данныхъ, приведенныхъ Энгелемъ въ указан- номъ выше источникѣ. Эти данныя относятся къ старымъ провин- ціямъ Пруссіи:

А. Классная подать.

Нормы дохо- довъ, подле- жащихъ об- ложенію.	Размѣры обложенія. тал.	1 8 5 5	
		Число плательщиковъ.	Сумма сбора.
ниже 400 т.	$\frac{1}{2}$ — 8	5,096,308	6,337,285
400—1000	10—24	142,537	2,015,766
Всего А.		5,238,895	8,353,051

1 8 6 5		1 8 7 3	
Число плательщиковъ.	Сумма сбора.	Число плательщиковъ.	Сумма сбора.
5.729,145	7.063,704	6.016,710	7.655,070
186,904	2.697,992	207,502	3.009,748
Всего А. 5.916,049	9.761,696	6.224,212	10.664,818

В. Классифицированная подоходная подать.

Нормы доходовъ, подлежащихъ об- ложенію.	Размѣры обложенія. талл.	1 8 5 5	
		Число плательщиковъ.	Сумма сбора.
1,000— 1,600	30— 42	19,876	1.012,404
1,600— 3,200	48— 84	14,121	843,924
3,200— 6,000	96— 140	4,121	475,438
6,000— 12,000	180— 288	1,342	289,764
12,000— 24,000	360— 600	401	173,280
24,000— 52,000	720— 1,200	107	93,940
52,000— 100,000	1,560— 2,400	20	36,600
100,000— 200,000	3,000— 5,400	5	19,200
200,000 и выше	6,000— 7,200	4	27,600
Всего В.		49,997	2.972,200

Вообще А. и В. 5.288,892 11.325,151

1 8 6 5		1 8 7 3	
Число плательщиковъ.	Сумма сбора.	Число плательщиковъ.	Сумма сбора.
40,510	1.381,512	55,065	1.888,842
19,881	1.198,428	28,573	1.719,300
6,021	693,264	3,751	1.008,840
2,237	482,798	3,712	607,552
706	308,520	1,426	640,680
165	145,200	461	414,720
32	61,420	108	199,560
9	35,400	32	123,000
4	27,600	22	156,000
Всего В.	69,565	4,834,160	98,150
Вообще А. и В.	5.985,614	14,095,856	6.922,862
			17.623,812

Разсмотрѣніе этихъ данныхъ представляется весьма поучительнымъ. Я уже прежде доказывалъ, что подоходная подать или налогъ на богатыхъ есть косвенный налогъ на бѣдныхъ; на основаніи же этой таблицы, мы должны придти къ выводу, что подоходный сборъ есть прямой налогъ на бѣдныхъ, такъ какъ въ болѣе значительной своей части онъ собирается съ бѣдняковъ. Да и можно-ли охарактеризовать иначе тѣхъ гражданъ, которые получаютъ менѣе 400 талеровъ, такъ какъ эта сумма обезпечиваетъ удовлетвореніе только самыхъ скромныхъ и неприхотливыхъ потребностей? Что-же мы видимъ изъ этой таблицы? Не видимъ-ли мы, что на 100 плательщиковъ этого налога 96 та-

ныхъ бѣдняковъ и болѣе половины, почти $\frac{2}{3}$ всей суммы сбора вносится этими бѣдняками. Изъ этой же таблицы видимъ, какъ ничтожно количество плательщиковъ и сумма сбора въ категоріи богачей, видимъ, въ какой геометрической прогрессіи уменьшаются, какъ количество вносчиковъ, такъ и сумма сбора. И если оправдывать чувствомъ справедливости, что 500—2000 гражданъ, имѣющихъ доходъ отъ 12,000 до 200,000 тал. и выше привлечено къ взносу налога отъ 350,000—1.300,000 т., то едва-ли можно сказать, что такое же чувство справедливости имѣетъ мѣсто и по отношенію къ 5.000,000 гражданъ-бѣдняковъ, вносящихъ свыше 6.000,000 талер. и имѣющихъ менѣе 400 тал. годового дохода. Изъ этой же таблицы мы должны также вывести, что подоходный налогъ тяжелѣе для бѣдняковъ чѣмъ для богачей: рассматривая по годамъ, мы видимъ, что какъ количество вносчиковъ, такъ и сумма сбора увеличиваются болѣе въ категоріи большихъ доходовъ, чѣмъ малыхъ. Въ то время, когда увеличеніе въ первыхъ выражается вдвое, втрое и болѣе и тѣмъ болѣе, чѣмъ высшая норма дохода, т.-е. чѣмъ богаче, у бѣдняковъ это увеличеніе простирается только на $\frac{1}{10}$. А изъ этого нужно вывести, что для большихъ доходовъ налогъ является какъ-бы поощряющимъ, какъ-бы источникомъ дохода. А въ этомъ подтверждается тотъ выводъ, къ которому я пришелъ раньше рассмотрѣнія этихъ данныхъ.

Чтобы еще яснѣе представить, насколько подоходный налогъ ложится непосредственно на бѣдняковъ, я возьму распределеніе числа плательщиковъ и суммы сбора по 12 разрядамъ классной подати, напр., за 1865 годъ. Я довольствуюсь только однимъ годомъ, такъ какъ подоходный налогъ имѣетъ также свой отличительный характеръ—неподвижность, чего нельзя сказать относительно большинства другихъ источниковъ государственнаго дохода; хотя послѣднее не безусловно вѣрно, и въ особенности относительно доходовъ въ Пруссіи, которые всѣ вообще носятъ печать устойчивости и неподвижности.

Вотъ какъ распредѣлялись плательщики и сборъ съ нихъ по 12-ти разрядамъ классной подати въ 1865 году:

Разрядъ.	Норма дохода.	Размѣръ годового взноса.	Число плательщиковъ.	Сумма сбора.	Разрядъ.	Норма дохода.	Размѣръ взноса.	Число плательщиковъ.	Сумма сбора.
1. до 100 т.	15 злбгр. 1 тал.	1 тал.	4.000,143	2.000,071	7	350—400	8	78,955	681,640
			268,028	268,028	8	400—600	10	51,886	518,860
2. 100—150	2 "	"	694,651	1.389,302	9	500—650	12	55,322	663,864

3. 150—200	3 „	290,985	872,955	10	650—800	16	39,357	629,712
4. 200—250	4 „	190,979	763,916	11	800—900	20	20,820	416,400
5. 250—300	5 „	94,632	473,160	12	900—1000	24	19,569	469,656
6. 300—350	6 „	110,772	664,632				Всего	5.916,049 9.761,696

Если, на основаніи предыдущей таблицы, мы пришли къ выводу, что подоходный сборъ слагается изъ взносовъ бѣдняковъ, то изъ этой таблицы мы должны вывести, что взносами классной подати являются бѣднѣйшіе изъ бѣдняковъ. А такъ какъ норма дохода въ 100—200 талеровъ — есть норма скорѣе нищаго, то, стало быть, большая половина этой подати и $\frac{1}{3}$ всего разряднаго сбора доставляется нищими. Не въ этомъ ли заключается причина того, что въ Пруссіи такъ медленно растутъ всѣ источники государственныхъ доходовъ, носящихъ на себѣ печать застоя и неподвижности? Не въ этомъ ли причина тѣхъ хроническихъ дефицитовъ, которые едва ли покроятся возвышеніями табачнаго или какого-либо другого косвеннаго сбора? А между тѣмъ, сколько способствовало бы улучшенію благосостоянія этихъ нищихъ, если бы эти 4.500,000 тал. остались въ ихъ распоряженіи? Сколько бы увеличились также другіе источники государственнаго дохода, если бы эти $4\frac{1}{2}$ милл. тал. сдѣлали бы хоть 10 оборотовъ? насколько бы увеличилась производительная сила монетнаго обращенія, не могущая не высказаться прежде всего въ бюджетѣ?

Для дополненія характера распредѣленія подоходнаго сбора въ категоріи классной подати, воспользуемся еще одною данною того же Энгеля, данною, относящеюся къ 1873 году и обнимающею всю Пруссію въ новомъ ея видѣ, съ присоединенными послѣ 1871 года территориями.

Число плательщиковъ, обложенныхъ налогомъ въ размѣрѣ:

	15 зилгр.	1 тал.	2 тал.	3 тал.	Всего.
Рабочіе-поденщики.	1.390,464				1.390,464
Обыкновенные годовые работники.	1.198,193				1.198,193
Годовые работники мастера.		93,161			93,161
Мелкіе землевладѣльцы	202,591	33,544	463,563	223,743	923,441
Мелкіе промышленники	243,902	31,945	247,369	98,815	622,031
Приказчики		226,094			226,094
Несамостоятельныя лица	127,094				127,094
Другія лица	300,673	59,694	258,276	75,380	694,023
Всего.	3.462,917	444,438	969,208	397,938	5.274,501

Эти данныя не нуждаются въ комментаріяхъ. То, что 2-хъ-талерный разрядъ представляется какимъ-то особенно заманчивымъ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что этотъ размѣръ взноса

служить ценомъ для выборнаго права. А это, если хотите, — взятка за право участія въ выборахъ, право, которымъ весьма естественно дорожить каждый, право, котораго ищетъ и домогается всякій: понятно, что едва ли кто захочетъ изъ-за двухъ талеровъ отказаться отъ участія въ выборахъ, съ которыми связывается его же благосостояніе.

На основаніи послѣдней таблицы, равно какъ и двухъ предъидущихъ; слѣдуетъ предполагать, что заработная плата въ Пруссіи должна быть ниже, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ не существуетъ налога на рабочихъ, годовыхъ или поденныхъ, что улучшение быта гражданъ этой категоріи задерживается въ Пруссіи болѣе чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ не существуетъ подобныхъ налоговъ.

Вотъ какъ пророчествовалъ, сто лѣтъ тому назадъ, великій филантропъ Адамъ Смитъ: «Упадокъ промышленности, уменьшеніе средствъ существованія бѣдныхъ классовъ и пониженіе годового дохода земель и труда страны были обыкновенными слѣдствіями подобныхъ налоговъ. Какъ ни негѣпы и ни разорительны такого рода налоги, тѣмъ не менѣе, они существуютъ во многихъ странахъ. Во Франціи часть подати, которою обложены промыслы сельскихъ работниковъ и поденщиковъ, представляетъ собственно налогъ подобнаго рода» ¹⁾.

А если припомнить, что, на основаніи данныхъ статистики, всѣ невзгоды, всѣ отрицательныя стороны общественнаго и индивидуальнаго развитія выражаются наибольшими величинами въ разрядахъ категоріи бѣдняковъ, то очевидно, что подоходный или разрядный налогъ, на прусскихъ основаніяхъ, имѣетъ характеръ крайней тягости какъ для цѣлаго общества, такъ и для бѣдняковъ въ особенности.

XII.

Трудность опредѣленія чистаго дохода; вліяніе этого условія на гармонію гражданскаго строя. Заключение.

Разсмотримъ еще одну сторону нашего вопроса. Я уже указывалъ, что предметомъ обложенія, при подоходномъ налогѣ, является избытокъ выручки, т.-е. та часть ея, которая называется чистымъ доходомъ. Какъ ни представляется, на первый взглядъ, простымъ такое основаніе осуществленія налога, но на самомъ

¹⁾ А. Смитъ. „О богатствѣ“, кн. V, глава II, стр. 268 (въ переводѣ Библикова).

дѣлѣ едва ли это такъ легко достижимо на опытѣ примѣненія. Въ большинствѣ случаевъ, можно сказать, самъ получатель дохода не можетъ выразить вѣрно и опредѣлительно ту долю его, которая или предвидится или обнаружилась уже, и которая можетъ быть отнесена къ части избытка—къ чистому доходу. Еще труднѣе и почти невозможно опредѣлить эту часть постороннему лицу, какъ бы послѣдній ни былъ хорошо знакомъ съ обстоятельствами своего сосѣда. Наконецъ, въ очень многихъ случаяхъ, увеличеніе дохода является настолько же неожиданнымъ, какъ и тотъ кладъ, который нечаянно выкапываетъ или выплываетъ въ погѣ или огородѣ владѣлецъ послѣдняго.

А въ виду многообразія и множества условій,—которыя вовсе не во власти получающаго доходъ и которыя тысячами путей могутъ вліять на уменьшеніе ожидаемаго къ полученію—гораздо разнообразнѣе, гораздо многочисленнѣе случаи, вызывающіе уменьшеніе дохода. И если задаться опредѣленіемъ и изысканіемъ всѣхъ разнообразныхъ источниковъ денежной выручки гражданъ, то предвидѣть и предусмотрѣть можно скорѣе хаосъ, чѣмъ гармонію гражданственности, и хаоса тѣмъ больше, чѣмъ больше задаваться опредѣленностью и вѣрностью выводовъ и достиженія цѣли. Очевидно, во избѣжаніе такого хаоса, такого нарушенія гармоніи теченія гражданского строя, придется довольствоваться данными, скорѣе приблизительными, скорѣе произвольными, чѣмъ вѣрными, основанными на изслѣдованіи и изысканіи. Такъ было съ опытами подоходнаго налога всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, и послѣдній всегда являлся не соразмѣрно доходу, а какъ дополненіе къ тѣмъ налогамъ, которыя уже охватывали тотъ или другой источникъ дохода. Достаточно припомнить тѣ огромныя затраты времени, труда и капитала, которыя были предприняты въ разныхъ государствахъ для опредѣленія одного земельного дохода, чтобы судить, насколько трудно и почти невозможно измѣрить *чистые доходы* по разнообразнымъ проявленіямъ чело-вѣческой дѣятельности.

Но помимо недостижимости цѣли съ этой точки зрѣнія, не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одной стороны дѣла. Я воспользуюсь корреспонденціею «Голоса», передавъ ее дословно, чтобы ознакомить съ новою стороною вопроса.

«Одинъ изъ крестьянъ села Закутинецъ, бердичевского уѣзда, осенью прошлаго года, распахивая свое поле, нашелъ *кладъ*, состоящій, какъ говорятъ, изъ трехсотъ штукъ старинныхъ серебряныхъ монетъ большого размѣра. Монеты находились въ гли-

яномъ горшкѣ, который при ударѣ сохою разбился. Крестьянинъ подобралъ монеты и унесъ ихъ домой, гдѣ и спряталъ до поры до времени, никому не говоря о своей находкѣ. Спустя нѣсколько времени, какимъ-то способомъ провѣдалъ объ этомъ мѣстный арендаторъ корчмы, еврей, и сталъ употреблять всевозможныя ухищренія и подходы, чтобъ выманить у крестьянина найденный кладъ. Но когда всѣ употребленные къ этому способы не увѣнчались успѣхомъ, еврей прибѣгъ къ другимъ уловкамъ: онъ *донесъ* объ этомъ мѣстному волостному писарю. Волостной писарь началъ *стращать* крестьянина *доносомъ* начальству, доказывая, что о всякомъ найденномъ кладѣ *надо немедленно доносить*. Напуганный *угрозами* волостного писаря, крестьянинъ отдалъ писарю *кладъ*, а писарь положилъ его *въ собственный карманъ*. Но, къ несчастью писаря, такъ ловко воспользовавшагося кладомъ, узналъ о кладѣ писарь сосѣдней волости, который, въ свою очередь, сталъ *стращать своего собрата доносомъ* на него куда слѣдуетъ, если онъ не подѣлится съ нимъ поровну. Нечего дѣлать, надо дѣлиться: и одинъ и другой получили по 140 монетъ, а еврею *корчмарю за сублиерство* дали двадцать монетъ. Кажется, и конецъ. Но какъ на грѣхъ, *провѣдалъ* объ этомъ еще и мѣстный *становой приставъ*, которому, какъ говорятъ, любителямъ старинныхъ монетъ (волостнымъ писарямъ) пришлось дать каждому по тридцати монетъ. Но любители старинныхъ монетъ, *производя дѣлежъ*, совершенно забыли о лицѣ *нашедшемъ кладъ*; а это лицо, возмущившись уже очень своеобразнымъ дѣлежомъ, подало, какъ говорятъ, жалобу судебному слѣдователю» («Голосъ», № 96, 1878).

Не узнаемъ ли мы изъ этого факта, что одна попытка крестьянина-счастливицы, можетъ быть, и не скрыть, а только приберечь кладъ отъ могущихъ быть случайностей, породила цѣлую группу людей, различныхъ инстанцій, подлежащихъ приглашенію пожаловать на скамью подсудимыхъ! Сколько же поводовъ и событій, аналогичныхъ этому, можетъ явиться при условіи требованія обнаружить выручку отъ промысла или занятія? Не будетъ ли послѣднее условіемъ порожденія такого хаоса взаимныхъ отношеній, какового мы еще и не испытывали въ нашей исторіи? И все это въ дополненіе къ тѣмъ отрицательнымъ сторонамъ, на которыя я указывалъ въ моемъ изложеніи!

Странно, но я долженъ присовокупить ко всему уже сказанному и слѣдующее: только устраненіемъ условія вѣрности, справедливости и равновѣрности или соразмѣрности можно объяснить,

что подоходный налогъ сохранился и сохраняется еще въ нѣкоторыхъ странахъ. Безъ устраненія этихъ условій, пришлось бы прибѣгать къ такимъ драконовымъ законодательнымъ мѣрамъ, какія примѣнялись въ Аѳинахъ во времена Солона и которыя, разумѣется, невозможны теперь. На основаніи послѣдняго, можно ли сказать еще, что идея подоходнаго налога имѣетъ за собою хоть какую-либо долю оправданія? — Ни малѣйшей — остается только мнѣ добавить.

Но этимъ еще нельзя кончить. Нужно воснуться еще того, въ какой величинѣ можетъ у насъ выразиться цифра подоходнаго сбора.

Что касается категорій доходовъ отъ жалованій и вознагражденій за казенную или общественную службу, а также отъ дивидендовъ и выручекъ отъ акціонерныхъ предпріятій всевозможныхъ названій, то величина ожидаемаго сбора отъ этихъ источниковъ можетъ быть предопредѣлена математически вѣрно. Совсѣмъ не такъ по отношенію къ доходамъ отъ промысловъ и занятій. На основаніи данныхъ статистики, уже имѣющихся и совершенно удовлетворяющихъ цѣли, также на основаніи данныхъ сравнительной статистики, — принявши вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ, которыя уже высказаны въ моемъ изложеніи, мы должны придти къ заключенію, что у насъ цифра подоходнаго сбора должна быть наименьшею, если остановиться на размѣрахъ обложенія, примѣнявшихся въ другихъ странахъ. Можно даже допустить, что цифра эта окажется настолько ничтожною, что послѣдняя будетъ совершенно не соответствовать той отрицательной сторонѣ, которая должна обнаружиться при установленіи этого налога.

Нужно еще сказать, что въ бюджетѣ всякаго государства, всякой страны, возможно, путемъ реформы существующей системы податей и сборовъ, помимо подоходнаго налога, осуществить такую цифру увеличенія дохода, которая должна соответствовать и всегда превысить цифру ожиданія отъ подоходнаго.

Далѣе, во всякомъ государствѣ, гдѣ уже введенъ и существуетъ этотъ сборъ, послѣдній можетъ быть, безъ страха дефицита, исключенъ изъ бюджета, или преобразованъ въ томъ направленіи, на которое я указывалъ, какъ на уступку въ пользу этого сбора. Отрицательныя стороны послѣдняго такъ велики, что исключеніе его не можетъ повлечь за собою уменьшенія общей суммы бюджетнаго дохода.

Я высказываю все это потому, что немного налоговъ менѣе рациональныхъ, чѣмъ подоходный и окончательный выводъ изъ всего изложеннаго мною долженъ быть слѣдующій:

Никакой налогъ не имѣеть столько антисоціального характера; никакой налогъ не задерживаетъ настолько улучшения состоянія бѣдныхъ; никакой налогъ не обогащаетъ настолько имущаго насчетъ неимущихъ; никакой налогъ не нарушаетъ настолько гармоніи гражданскаго благоустройства; никакой налогъ не соединяетъ съ собою столько отрицательныхъ сторонъ всевозможныхъ отбѣновъ, видовъ и формъ—сколько тотъ налогъ, который сборщикомъ податей взимается соразмѣрно съ доходомъ, т.е. подоходный или разрядный.

Леонидъ Черняевъ.

ИШПОЛИТЬ ТЭНЪ

КАКЪ

ИСТОРИКЪ ФРАНЦІИ

X *).

Нашъ разборъ первой части обширнаго сочиненія Тэна, въ которой онъ намѣревался описаніемъ политическаго строя и культуры Франціи въ «эпоху стараго порядка» объяснить революцію 1789 г.,—привелъ насъ въ заключенію, что, съ занятой имъ точки зрѣнія, Тэнь вѣрно изобразить только увлеченія и заблужденія революціи, но не ея заслуги въ исторіи цивилизаціи. Мы признаемся, что не безъ нѣкотораго колебанія рѣшились на такое предположеніе.

Историческій смыслъ революціи 1789 г. настолько выясненъ наукой, всемірное значеніе ея настолько признано всѣми образованными французами, что трудно было ожидать иного отношенія къ дѣлу отъ такого трезваго и реалистическаго писателя, какъ Тэнь, въ-добавокъ заявившаго, что онъ не принадлежитъ ни къ какой политической партіи. Но одностороннее отношеніе Тэна къ умственному движенію XVIII в., и его заимствованное у позитивистовъ пренебреженіе къ философіи, которая одна можетъ дать ключъ къ эпохѣ раціонализма—заставили насъ усомниться въ правильности и безпристрастіи при оцѣнѣ революціи со стороны Тэна и предостеречь читателей передъ выходомъ

---

*) См. выше: май, 117 стр.

2-го тома, чтобы они не относились слишком доверчиво къ сужденіямъ новаго историка объ этомъ событіи. Мы ожидали, что утилитаризмъ Тэна и его скептическое отношеніе къ идеамъ и «идеологіи» заставятъ его забыть о теоретическомъ значеніи описываемаго имъ переворота, а его недоверіе къ движеніямъ и къ политической дѣятельности народныхъ массъ вовлекутъ его въ другого рода односторонность. Все это дѣйствительно сбылось и даже въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ мы предполагали; но мы не ожидали, что, защищая противъ Тэна историческое значеніе французской революціи, намъ придется въ то же время отстаивать научную точку зрѣнія на самое сочиненіе Тэна, и указывать на то, какую пользу могутъ извлечь историографія и современное общество изъ новой книги, несмотря на ея крайности и пробѣлы. Дѣло въ томъ, что всякій, прочитавъ 2-й томъ Тэна, прежде всего готовъ судить о немъ съ точки зрѣнія современныхъ политическихъ интересовъ. Французская революція оставила послѣ себя такіе глубокіе слѣды въ политической жизни не только Франціи, но и всей остальной Европы, такъ непосредственно отражается еще во множествѣ вопросовъ, переживаемыхъ современнымъ обществомъ, что каждое новое и оригинальное изложеніе событій 1789 г. прямо затрагиваетъ убѣжденія и интересы современнаго поколѣнія и вызываетъ къ себѣ сочувствіе или недоверіе, смотря по точкѣ зрѣнія автора на первую французскую революцію. Такъ случилось и съ сочиненіемъ Тэна. Люди 16-го мая во Франціи и «противники либеральныхъ принциповъ» въ другихъ странахъ привѣтствуютъ книгу Тэна, какъ политическое орудіе, которымъ они считаютъ возможнымъ воспользоваться. По ихъ мнѣнію, Тэнь *разотмчалъ* французскую революцію, которую столь многіе ошибочно считали до сихъ поръ «величайшимъ и благотвѣльнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества». По ихъ мнѣнію, Тэнь нанесъ смертельный ударъ «французскимъ либераламъ, для которыхъ идеи и политическая дѣятельность учредительнаго собранія были предметомъ національной гордости». По ихъ мнѣнію, Тэнь доказалъ несостоятельность «такъ-называемыхъ принциповъ 1789 г.» и изобличилъ вредныя послѣдствія, какія они имѣли для Франціи и для остальной Европы. По мнѣнію такихъ критиковъ, Тэнь совершилъ великое дѣло тѣмъ, что вступилъ въ открытую борьбу съ «установившимися ложными понятіями, достигнувшими безграничнаго господства». Мы не можемъ согласиться съ похвалами, расточаемыми Тэну съ такой точки зрѣнія и признаемъ за нимъ совершенно иного рода заслугу. «Такъ-называемые принципы 89 г.» и послѣ книги Тэна

останутся основными политическими догматами для Франціи, и не только французскіе либералы по прежнему будутъ гордиться этими принципами, но 1789 г. всегда будетъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниконъ на пути челоуѣчества въ гражданскому прогрессу, и тогда, когда будутъ забыты споры, раздѣляющіе въ наше время приверженцевъ либеральныхъ и антилиберальныхъ принциповъ.

Но точно также мы не можемъ согласиться съ упреками, какіе дѣлаются Тэну съ противоположной стороны. За послѣдніе 70 лѣтъ Тэнъ представляетъ собой во Франціи единственный примѣръ замѣчательнаго по таланту и популярности писателя, заявившаго себя рѣшительнымъ противникомъ революціи. До сихъ поръ слышались во французской печати со стороны либеральныхъ писателей и историковъ только условные протесты противъ французской революціи. Одни высказывались противъ людей террора и превозносили вождей 1789 г.; другіе, какъ, наприм., Мишле, осуждали всѣхъ вождей вообще и превозносили народъ; но такого безусловнаго, полнаго осужденія людей и принциповъ революціи, какое мы находимъ у Тэна, до сихъ поръ еще не встрѣчалось; онъ не только строго осуждаетъ отдѣльныхъ дѣятелей, министровъ, депутатовъ, журналистовъ, демагоговъ, но и цѣликомъ все національное собраніе; онъ не только обличаетъ несостоятельность всего высшаго общества, но рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ образъ дѣйствія всего народа въ обширномъ смыслѣ — массы сельскихъ и городскихъ жителей Франціи. Съ другой стороны, предосудительное поведеніе вожаковъ и народонной массы представлено у Тэна не только результатомъ челоуѣческой слабости и неопытности, но прямымъ послѣдствіемъ ложныхъ идей и принциповъ, господствовавшихъ въ обществѣ. Понятно, что такое неожиданное отношеніе любимаго писателя къ любимымъ событіямъ и идеямъ озадачило французское общество и вездѣ послышался упрекъ, что Тэнъ написалъ не исторію революціи, а политическій памфлетъ. «Il a osé outrager, il a salomnié la révolution» — онъ дерзнулъ оскорбить и оклеветать французскую революцію, таковъ былъ приговоръ значительной части французской печати. Для многихъ такого приговора было достаточно, чтобъ подорвать авторитетъ новаго сочиненія. Но болѣе осмотрительные критики не могли довольствоваться такимъ осужденіемъ. Сочиненіе Тэна вовсе не имѣетъ характера политическаго памфлета. Въ немъ меньше риторикъ, чѣмъ вообще во французскихъ книгахъ, въ немъ даже мало общихъ разсужденій, но за то оно наполнено фактами и цитатами изъ источ-

никогда до Тэна не позволялъ себѣ предлагать французской публикѣ ни одинъ изъ ея любимыхъ писателей; факты и цитаты нагромождены въ такомъ количествѣ, что они затрудняютъ чтеніе и подрываютъ интересъ книги. При такомъ положеніи дѣла оставался одинъ выходъ: усомниться въ достовѣрности фактовъ или, по крайней мѣрѣ, въ безпристрастїи или даже добросовѣстности автора, котораго упрекали въ томъ, что онъ самъ вдался въ обманъ, увлекся приводимыми имъ документами, преувеличивалъ значеніе найденныхъ имъ въ архивахъ свидѣтельствъ, произвольно подбиралъ факты, оставляя въ сторонѣ тѣ, которые противорѣчили его выводамъ. Такія обвиненія дѣлались, конечно, болѣею частью голословно; впрочемъ, были даже попытки обличить Тэна съ документами въ рукахъ. Такъ, наприм., въ одномъ изъ ученыхъ французскихъ журналовъ были напечатаны отрывки изъ неизданныхъ бумагъ одного изъ главныхъ дѣятелей французской революціи, аббата Грегуара, съ цѣлью доказать, что рядомъ съ извлеченными Тэномъ изъ архивовъ жалобами — интендантовъ, дворянъ и всякаго рода привилегированныхъ, непосредственно пострадавшихъ отъ революціи — на насилїа, грабежи, мятежи и вообще на образъ дѣйствїа народа, — рядомъ съ этимъ можно поставить тысячу фактовъ и свидѣтельствъ изъ мѣстной и провинціальной жизни, которые могутъ произвести противоположное впечатлѣніе ¹⁾.

Но лучшей защитой Тэна противъ обвиненїа въ пристрастномъ подборѣ свидѣтельствъ и искаженїи исторической правды можетъ служить то обстоятельство, что приведенные *противъ него* факты подтверждаютъ взглядъ, который онъ приводитъ въ своемъ изложенїи. А именно: депутатъ Грегуаръ, желая познакомиться съ состоянїемъ провинцій и настроенїемъ ихъ жителей, разослалъ въ 1790 г. во всѣ области Франціи списокъ печатныхъ вопросовъ и получилъ почти отовсюду подробные отвѣты. Между этими вопросами особенно близко касаются задачи, которую поставилъ себѣ Тэнь въ 1-й книгѣ II тома, слѣдующїе три: 40) какое нравственное вліяніе имѣла на сельскихъ жителей совершившаяся революція; 41) можно ли среди ихъ найти патриотизмъ или только страсти, внушаемыя личнымъ интересомъ; 42) не становятся-ли духовенство и бывшіе дворяне жертвой грубыхъ оскорбленїй и насилїй со стороны крестьянъ, и деспотизма со стороны мэровъ

¹⁾ Revue politique et littéraire, № 39. L'anarchie spontanée en 1789. Réponse à M. Taine par M. A. Gozier.

и муниципалитетовъ?—И что же? — нѣтъ ни одного изъ приведенныхъ для обличенія Тэна отзывовъ, въ которыхъ мы не нашли бы *утвердительною* отвѣта на одинъ или даже на всѣ изъ упомянутыхъ выше вопросовъ. Изъ этого можно заключить, что если историческая наука и выиграетъ отъ подобныхъ попытокъ противопоставить матеріаламъ и аргументамъ Тэна другіе, противоположнаго характера, то значеніе и авторитетъ Тэна едва ли отъ этого проиграютъ и обвиненіе Тэна въ неправильномъ обращеніи съ источниками нужно считать несостоятельнымъ.

Мы не можемъ согласиться и съ другимъ упрекомъ, который дѣлаютъ Тэну и которымъ думаютъ въ то же время объяснить его враждебное отношеніе къ революціи, будто бы онъ во второмъ томѣ измѣнилъ своему натуралистическому методу подъ влияніемъ личныхъ чувствъ и страха, пережитаго имъ во время парижской коммуны 1871 г. Что деспотизмъ и варварство парижскихъ анархистовъ произвели сильное впечатлѣніе на Тэна, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и мы сами указывали на это при разборѣ I-го тома ¹⁾. Но мы не согласны, что это впечатлѣніе отразилось во II т. *иначе*, чѣмъ въ I-мъ, и что II т. поэтому находится будто бы въ «логическомъ противорѣчій» съ первымъ. Говорятъ, что Тэнъ, дойдя до революціи, вдругъ возненавидѣлъ ее и вышелъ изъ роли равнодушнаго анатома, что «скальпель задрожалъ въ его рукѣ и что онъ помимо воли сталъ выказывать глухую враждебность къ болѣзни»; что историкъ-натуралистъ, который обѣщалъ относиться къ различнымъ фазамъ исторіи Франціи, какъ къ метаморфозамъ насѣкомаго, вдругъ оказался «пристрастнымъ и открыто высказался противъ одной изъ метаморфозъ насѣкомаго, котораго онъ держалъ подъ микроскопомъ» ²⁾. Намъ кажется, напротивъ, что стоить только вспомнить то, что говорить Тэнъ въ I т. о степени развитія французскаго народа при старомъ порядкѣ и его описаніе психологическаго состоянія народныхъ массъ вообще, чтобъ признать II т. «логическимъ послѣдствіемъ перваго». Если тѣмъ не менѣе изображеніе переворота 1789 г. у Тэна неудовлетворительно и крайне односторонне, то это не есть слѣдствіе отступленія отъ натуралистическаго метода, а прямой и естественный результатъ его. Тэнъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ все, чего можетъ достигнуть талантливый писатель посредствомъ этого метода; онъ,

¹⁾ См. „Вѣстн. Евр.“, май, стр. 167.

²⁾ Этотъ взглядъ, будто Тэнъ во II т. отступилъ отъ натуралистическаго метода, остроумно проведенъ у Зола въ его рецензіи II т., напечатанной въ „Вѣстн. Евр.“ май, 1878 г.

можно сказать, извлечь изъ своего микроскопа всю пользу, какую можно было изъ него извлечь; но дѣло въ томъ, что это былъ *микроскопъ*, который годится не для всякаго рода наблюдений. Наша критика сводится къ тому, что Тэнь, вооружившись своимъ методомъ, сталъ изучать французскую революцію съ таковой стороны, на которую прежде обращали недостаточное вниманіе; но при этомъ онъ самъ упустилъ изъ виду главныя стороны дѣла. Мы уборяемъ Тэна не за то, что онъ видѣлъ, а за то, чего онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть.

Такимъ образомъ, мы поставлены въ необходимость въ началѣ нашей критики формулировать то, что мы считаемъ существеннымъ для правильного объясненія историческаго значенія французской революціи. Это тѣмъ болѣе необходимо, что потому, при анализѣ частныхъ и отдѣльныхъ взглядовъ Тэна, намъ придется постоянно ссылаться на нашу общую точку зрѣнія и указывать то на одну, то на другую изъ сторонъ, оставленныхъ Тэномъ безъ вниманія.

Во всеобщей исторіи нѣтъ другого событія, которое было бы такъ сложно и касалось одновременно такихъ различныхъ интересовъ, какъ французская революція. Этотъ переворотъ представляетъ собою прежде всего попытку осуществить и провести въ жизни идеи и доктрины, развитыя раціоналистической философіей въ области религіи, этики, политики и вообще человѣческой культуры. Отсюда теоретическое и универсальное значеніе французской революціи, которое составляетъ отличительную черту этого событія. Многія изъ идей XVIII в. уже до 1789 г. проникли въ жизнь и нашли себѣ примѣненіе въ законодательствахъ Англіи, Германіи, Италіи, отчасти и Франціи; но въ 1789 г. представилась во Франціи возможность приступить къ непосредственному и абсолютному примѣненію въ жизни религіозныхъ и политическихъ теорій раціонализма, и потому переворотъ 1789 г. былъ встрѣченъ съ такимъ сочувствіемъ всей Европой и представлялъ для нея такой интересъ. Но именно вслѣдствіе этой теоретической и обще-европейской стороны событій 89 года для правильного пониманія ихъ требуется близкое знакомство съ культурой XVIII вѣка и правильная оцѣнка ея, а это невозможно безъ изученія исторіи философій, ибо исторія раціонализма составляетъ только извѣстную эпоху въ исторіи человѣческой мысли вообще. Такимъ образомъ, знакомство съ философіей и пониманіе ея—первое условіе для правильного изученія исторіи французской революціи.

Исторію паденія римской республики и ея перехода въ импе-

рію можно изучать, оставляя совершенно въ сторонѣ философскія системы классическаго міра; въ исторіи революціи Англій многое останется непонятнымъ для того, кто не знакомъ съ сочиненіемъ Гуго Гроція и политическими трактатами Гоббса; однако сфера чистой философіи, сочиненія Бэкона и Декарта не находятся въ связи съ вопросами, раздѣлявшими приверженцевъ Лода и пуританъ, защитниковъ королевской прерогативы и правъ парламента; но міровоззрѣніе людей, написавшихъ декларацію о правахъ человѣка и конституцію 1791 года, нельзя понять тому, кто не усвоилъ себѣ вѣрнаго взгляда на вліяніе Декарта и Локка.

Эта непосредственная связь французской революціи съ философіей и съ исторіей идей составляетъ, впрочемъ, только одну существенную сторону событій 1789 г. Будучи переворотомъ въ области умственной жизни, эти событія были также переломомъ въ исторіи европейскихъ учреждений, т.-е. катастрофой феодализма. Въ этомъ заключается другая причина европейскаго значенія переворота 1789 г. Феодализмъ, систематически организовавшійся во Франціи, охватилъ постепенно всю западную Европу и послужилъ основаніемъ для ея политическихъ учреждений; вездѣ возникшее на этомъ основаніи, государство вступило съ нимъ въ борьбу; но ходъ этой борьбы былъ весьма различенъ. Тогда какъ въ Англій феодализмъ утратилъ свои самыя существенныя черты еще въ средніе вѣка, въ Германіи его остатки сохранились до нашихъ дней; во Франціи онъ былъ вырванъ съ корнемъ вдругъ и безъ всякой подготовки въ 1789 г. — и это составляетъ вторую существенную черту тогдашняго переворота.

Но французская революція, вромѣ обще-европейскаго, имѣла еще чисто-національное значеніе; она была не только насильственной отміной средневѣковыхъ учреждений и отношеній, — она была также послѣдовательнымъ довершеніемъ вѣкового политическаго процесса, торжествомъ вѣками подготовлявшейся административной централизаціи, вѣнцомъ зданія, сложеннаго подъ скипетромъ почти тысячелѣтней династіи, она была политическимъ и національнымъ объединеніемъ Франціи.

Благодаря своему географическому разнообразію, выразившемуся въ индивидуальномъ характерѣ и самостоятельности провинцій; благодаря многочисленности своихъ этнографическихъ элементовъ и различному ихъ смѣшенію (вслѣдствіе чего въ концѣ прошлаго вѣка во Франціи существовало до 30 отдѣльныхъ патуа), и, наконецъ, благодаря глубоко-уворенившемуся въ странѣ феодализму, — ни одно государство не представляло такихъ препятствій для административной централизаціи, какъ

Франція, и нигдѣ поэтому не было потрачено столько усилій на политическое и національное объединеніе, какъ во Франціи; нигдѣ это объединеніе не было въ такой степени исключительной задачей правительства. Но старое королевское правительство, именно потому, что оно не могло исполнѣ оторваться отъ феодальныхъ преданій, было не въ силахъ довести до конца своей задачи и для осуществленія ея потребовался новый, болѣе сильный политическій мотивъ, чѣмъ *le bon plaisir du roi*, во имя котораго управлялась старая Франція. Этотъ новый, болѣе интенсивный мотивъ для политическаго и національнаго объединенія Франціи былъ выработанъ революціей 1789 г. и этотъ переворотъ устранилъ, поэтому, въ одинъ мигъ всѣ мѣстныя, провинціальныя и сословныя преграды, предъ которыми должна была остановиться королевская власть. Такимъ образомъ, французская революція имѣла также и значеніе чисто-государственнаго переворота, т.-е. переворота, совершеннаго въ интересахъ абсолютной государственной власти, и въ этомъ отношеніи французская революція была не разрывомъ съ прошедшимъ, а продолженіемъ, послѣдовательнымъ исполненіемъ задачи, завѣщанной всей предшествовавшей исторіей ¹⁾).

Наконецъ, послѣдній и въ извѣстномъ смыслѣ главный пунктъ, который нужно имѣть въ виду при объясненіи и исторической оцѣнкѣ упомянутого переворота, опять-таки представляетъ всеобщій, космополитическій интересъ. Окончательная побѣда централистическаго принципа была одержана съ помощью новой политической идеи, — представленія о *народной волѣ* или принципа народовластия. Торжество этого принципа указываетъ на начало новой эры въ исторіи цивилизаціи — эры демократіи. Катастрофа 1789 г. не что иное, какъ воцареніе демократіи во Франціи и попытка съ ея стороны преобразовать въ своихъ интересахъ общественный и государственный строй этой страны. Но это неожиданное торжество французской демократіи, которое бурнымъ потокомъ снесло вмѣстѣ съ привилегіями и сословіями самую монархію, не было только мѣстной или временной побѣдой, подобно освобожденію швейцарскихъ кантоновъ изъ-подъ власти сосѣднихъ феодальныхъ сеньоровъ, или подобно торжеству индепендентовъ надъ кавалерами Карла I-го, или подобно отторженію сѣверо-американскихъ колоній отъ аристократической и королевской метрополіи; борьба, которую завязала французская демо-

¹⁾ Эту сторону французской революціи мы старались выяснять въ статьѣ, напечатанной въ III томѣ „Сборника Государственныхъ Знаній“.

кратія въ 1789 г., велась подъ знаменемъ и въ интересахъ всемірной демократіи и побѣда, одержанная ею, была только первымъ генеральнымъ сраженіемъ демократіи въ ея стремленіи къ повсемѣстному и абсолютному господству. Это ближайшая связь французской демократіи съ судьбою демократіи вообще и разрѣшеніе вопроса, почему переживаемая нами эра европейской демократіи была открыта французской, а не швейцарской, англійской или американской—имѣютъ важное значеніе для правильнаго пониманія французской революціи. Демократія глѣсныхъ кантоновъ была фактомъ, а не принципомъ; то была первобытная демократія сельской общины, а не государства; естественное равенство пастуховъ и земледѣльцевъ, жившихъ въ теченіи вѣковъ среди одинаковыхъ условій; швейцарская демократія не имѣла, поэтому, силы растяжимости и прозелитизма; она даже не достигла господства въ швейцарской конфедераціи и до конца не была въ состояніи преодолѣть аристократіи въ союзномъ Бернѣ. Англійская демократія XVII в. уже опирается на идею, вооружена принципомъ; но этотъ принципъ *религіозный* и потому не всѣмъ понятный и враждебно стравливавшійся съ другими религіозными принципами. Однако, онъ придалъ большую нравственную энергію своимъ приверженцамъ и, можетъ быть, былъ бы въ состояніи помѣряться съ аристократическимъ принципомъ, на которомъ было основано до того времени общественное и политическое устройство Англій, если бы не нашелъ себѣ естественнаго выхода. Какъ нѣкогда, въ эпоху патриарховъ, когда Авраамово уклонилось отъ ссоры съ козѣмъ Лота тѣмъ, что одно взяло путь направо, а другое налево,—такъ англійская демократія избавила свое отечество отъ глубокихъ политическихъ потрясеній тѣмъ, что предоставила аристократіи господство на родинѣ, а сама выселилась въ Новый Свѣтъ. Переселеніе отцовъ пилигримовъ (Pilgrim fathers) или пуританъ въ Сѣв. Америку, было не простой колонизаціей, а настоящей эмиграціей или сепарацией демократіи. вмѣстѣ съ удаленіемъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ религіозной демократіи, въ Англій какъ-бы надолго исчезъ самый духъ демократіи и наступилъ періодъ самаго полнаго политическаго могущества англійской аристократіи. А за океаномъ, напротивъ, въ это время свободно и безмятежно развивался въ новыхъ прилаженныхъ въ нему политическихъ формахъ демократическій принципъ, и когда пришло время, англійская народность распалась безъ внутренняго переворота и почти механически на двѣ половины—аристократическую монархію Великобританіи и демократическую федерацію Американскихъ

Штаговъ. Возникновеніе новой и цвѣтущей республики, прославившейся столько же своими учрежденіями, сколько мудростью своихъ вождей, — не могло, конечно, остаться безъ вліянія на судьбу демократіи въ Европѣ и прежде всего это вліяніе отразилось на той странѣ, которая своей исторіей была подготовлена болѣе другихъ къ демократическому перевороту. Давно уже и многими каналами просачивались демократическія идеи и тенденціи во французскомъ обществѣ. Средневѣковая коммуна, возмущившаяся противъ феодальныхъ сеньоровъ, представляетъ собой первый очагъ демократическаго пыла. Въ то же время римское право вносило демократическія идеи въ многочисленный классъ клерговъ, изъ которыхъ набирались королевскіе чиновники и легисты; различные монашескіе ордена, подъ вліяніемъ борьбы между церковью и государствомъ, возвели въ религіозный догматъ идею о народовластіи, какъ основу гражданскаго и государственнаго устройства и упорно поддерживали ее въ своихъ духовныхъ школахъ. Въ смутныя эпохи французской исторіи, во время столкновенія между монархіей и генеральными штатами, демократическія тенденціи съ неожиданной силой пробивались наружу. Уже въ XIV в. вожди парижскаго населенія пытались не безъ успѣха захватить въ свои руки государственную власть и преобразовать Францію посредствомъ демократическихъ принциповъ. Въ XVI вѣкѣ, во время религіозныхъ войнъ, не только гугеноты, находившіеся подъ вліяніемъ Женевы и устроившіе свою религіозную общину на демократическихъ основахъ, мечтали о перенесеніи этихъ началъ въ область политики, — но и противники ихъ, парижскіе лигѣры, побуждаемые католическимъ фанатизмомъ, принялись на самомъ дѣлѣ осуществлять демократическую революцію. Всѣмъ этимъ попыткамъ былъ на время положенъ конецъ усилившимся монархическимъ абсолютизмомъ; но его централизующее и нивелирующее значеніе еще болѣе подготовляло почву для торжества демократіи. А между тѣмъ на этой благоприятной почвѣ злоупотребленія стараго порядка, сохраненіе утратившихъ всякій смыслъ и вредныхъ для государства феодальныхъ привилегій и ослѣпленіе придворной аристократіи развивали пышный цвѣтъ демократическихъ страстей. Одинъ изъ лучшихъ по чистотѣ характера и политической зрѣлости людей 1789 г., неуклонный противникъ демократической революціи, Малуэ, признался, что демократія и вся ея ярость (*outes ses fureurs*) возникли изъ раздраженныхъ притязаній аристократіи. Это замѣчаніе совершенно справедливо въ томъ смыслѣ, что не происхожденіе демократической партіи, а ея сила и не-

ожиданный успѣхъ въ концѣ XVIII в. объясняются недостатками и ошибками французской аристократіи. Какъ въ крѣпко-закрытомъ сосудѣ паръ сгущается быстрѣе и грозитъ болѣе сильнымъ взрывомъ, такъ и въ старомъ французскомъ обществѣ, разгорженномъ во всѣхъ направленіяхъ корпорациями и привилегіями, естественное чувство равенства и потребность свободы, на каждомъ шагѣ наталкиваясь на препятствія, достигло крайняго напряженія и страсти. Но не для отраженія только несправедливыхъ притязаній аристократіи возсталъ французская демократія. Эта демократія росла и воспитывалась подъ вліяніемъ общахъ и отвлеченныхъ теорій. Она требовала отмены сеньориальныхъ привилегій не потому, что и крестьяне, и сеньоры одинаково сдѣлались подданными французскаго короля и гражданами французскаго государства, но на основаніи теоріи, что люди рождаются на свѣтъ съ одинаковыми правами; французская демократія требовала отмены привилегій двухъ первыхъ штатовъ не потому, что эти привилегіи не соответствовали болѣе общественной и политической роли духовенства и дворянства въ тогдашней Франціи, а потому, что они находились въ противорѣчій съ гипотезой о происхожденіи государства изъ добровольнаго договора гражданъ. Радикализмъ французской демократіи столько же обусловливался ея союзомъ съ рационалистическими теоріями, взлелѣанными культурой XVIII вѣка, сколько, съ другой стороны, и самый этотъ союзъ, и происшедшая отсюда догматичность и притязательность французской демократіи, — объясняются тѣмъ, что французская исторія ни разу не представляла ей никакой возможности практической сдѣлки съ аристократическими и монархическими тенденціями. Но какъ бы то ни было, заявляя свои притязанія на исключительное господство и основывая ихъ на принципахъ, выведенныхъ изъ абсолютнаго разума, французская демократія сдѣлала революцію 1789 г. исходнымъ пунктомъ для повсемѣстнаго пробужденія демократическаго принципа. Можно радоваться этому явленію или сожалѣть о немъ, смотря по тому, ожидаешь ли отъ демократіи, т.-е. отъ непосредственнаго вліянія народной массы на общественную жизнь и управление страны, — успѣха для цивилизаціи человѣчества и дальнѣйшаго развитія высшихъ его интересовъ, или же, наоборотъ, усматриваешь въ немъ преграду на пути къ прогрессу, — но, во всякомъ случаѣ, проявленіе такихъ притязаній со стороны массы должно быть признано неизбежнымъ, такъ какъ является естественнымъ послѣдствіемъ главныхъ плодовъ цивилизаціи — распространенія образованія и политической свободы. Европейскому міру, поэтому, точно такъ же,

какъ нѣкогда классическому, предстоитъ пережить періодъ стремленія демократіи къ исключительному господству; и главная, существенная задача нашего вѣка заключается, конечно, въ томъ; чтобы согласовать стремленія демократіи съ интересами цивилизаціи.

Такимъ образомъ, французская революція имѣетъ для историка важное значеніе съ четырехъ существенныхъ сторонъ. Во-первыхъ—она является ему мѣстнымъ результатомъ европейской культуры XVIII в.; далѣе, революція была катастрофой феодальнаго порядка; въ то же время она была довершеніемъ централизаціи и объединенія Франціи, и, наконецъ, ея декларація правъ сдѣлалась великой картией европейской демократіи. Отсюда слѣдуетъ, что писатель, который захотѣлъ бы вѣрно изобразить французскую революцію, долженъ имѣть очень разносторонній запасъ свѣдѣній и удовлетворить болѣе разнообразнымъ требованіямъ, чѣмъ если бы онъ вздумалъ описать какое-либо другое историческое событіе. Онъ прежде всего долженъ понимать философію и знать ея исторію, чтобы правильно опредѣлить ея вліяніе на революцію; онъ долженъ быть знакомъ съ государственнымъ правомъ и исторіей государственныхъ учреждений, чтобы не упустить изъ вида значенія революціи въ исторіи развитія французскаго государства; онъ долженъ быть политикомъ, т.-е. понимать общественныя и политическія проблемы нашего времени и интересоваться средствами, предлагаемыми для ихъ разрѣшенія; наконецъ, онъ долженъ быть историкомъ не со вчерашняго дня, а историкомъ-специалистомъ, научнымъ образомъ изучившимъ свой предметъ. Специалистомъ же можно назвать только такого историка, который при своемъ изслѣдованіи не упускаетъ изъ виду основныхъ положеній своей науки: что всякое крупное историческое событіе есть результатъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ фактовъ, длиннаго историческаго процесса, и что, поэтому, первое условіе для правильнаго пониманія его—это генетическое объясненіе; затѣмъ, что несмотря на то, что всякое событіе имѣетъ индивидуальный характеръ, оно, однако, представляетъ собой и *общее* явленіе, т.-е. принадлежитъ къ цѣлому ряду аналогическихъ явленій, совершившихся въ другія эпохи и у другихъ народовъ и что, поэтому, для правильнаго объясненія его, нужно его классифицировать и прибѣгнуть къ сравнительному методу; наконецъ, что исторія человѣческой цивилизаціи представляетъ единый органическій процессъ, совершающійся по нѣкоторымъ законамъ и фазисамъ и что, поэтому, для вѣрнаго пониманія таковаго универсальнаго во своемъ вліяніи факта, какъ французская

революціи 1789 г., необходимо привести ее въ связь съ всеобщей исторіей и указать ея мѣсто въ общемъ процессѣ человѣческой цивилизаціи.

Но какимъ же изъ поставленныхъ нами условій для историка французской революціи удовлетворяетъ Тэнъ? Онъ не философъ, ибо отрицаетъ смыслъ и значеніе философіи; онъ относится не серьезно къ вопросамъ государственнаго права, ибо высказываетъ убѣжденіе, что государство держится только жандармомъ; онъ не историкъ: Тэнъ — талантливый писатель и умный, хотя односторонній литературный критикъ, который вадумалъ примѣнить въ одному изъ самыхъ сложныхъ явленій въ исторіи позитивный методъ. Въ этомъ методѣ его сила и его слабость; въ примѣненіи его къ объясненію французской революціи заключается оригинальность новаго произведенія Тэна и его недостатки. Сочиненіе Тэна представляеть, правда, не первый опытъ примѣненія позитивизма къ объясненію французской революціи, и самъ основатель позитивизма Ог. Контъ высказалъ совершенно иного рода взглядъ на это событіе. Но Тэнъ — послѣдователь англійской школы позитивизма, въ которой догматическое ученіе Конта, слившись съ утилитаризмомъ и эмпиризмомъ, приняло характеръ *натурализма*. Кромѣ пренебреженія въ философіи, которое обязательно для позитивиста всѣхъ отгѣнновъ, это направленіе выражается главнымъ образомъ въ стремленіи держаться при объясненіи духовныхъ явленій какъ можно дольше, если не исключительно, въ области конкретныхъ фактовъ, или физическаго міра. Человѣкъ разсматривается какъ животный организмъ; его нравственныя дѣйствія объясняются прежде всего физическими потребностями; его мысли, убѣжденія, привычки сводятся, по возможности, на происходящіе въ немъ физиологическіе процессы. Оттого добро и зло въ индивидуальной и общественной жизни представляются наблюдателю въ томъ же самомъ свѣтѣ, какъ продукты различныхъ естественныхъ процессовъ: «добро и зло — такіе же продукты, какъ сахаръ и вупорось». Когда это направленіе примѣняется къ исторіи, оно старается объяснить религиозныя системы и государственныя формы вліяніемъ мѣстнаго климата, свойствами почвы и физиологическимъ вліяніемъ пищи на жителей страны; при объясненіи литературныхъ и эстетическихъ произведеній на первомъ планѣ стоитъ вызвавшая ихъ *среда*, физическій характеръ расы, темпераментъ, образъ жизни или даже пища писателя (пиво и бифштексъ объясняютъ для Тэна многое въ англійской литературѣ). Когда приходится разсмотрѣть какой-нибудь историческій фактъ, наблюдатель прежде всего разлагаетъ его на элементы и на днѣ

своей реторты находить человѣка, какъ физическій организмъ съ извѣстными животными инстинктами и потребностями, съ унаслѣдованными привычками и убѣжденіями. Задача историка такимъ образомъ очень упрощается; она заключается главнымъ образомъ въ фізіологическомъ и психологическомъ описаніи *средняго человека*, выхваченнаго изъ толпы или того общества, которое онъ выводитъ на сцену; историкъ-натуралистъ старается по возможности установить непосредственную связь между инстинктами этой толпы или идеями этого общества и ихъ дѣйствіями, а гдѣ это ему не вполне удастся, онъ прибѣгаетъ къ сравненіямъ и метафорамъ, заимствованнымъ болѣею частью изъ анатомическаго кабинета или изъ лабораторіи фізіолога.

Вооружившись описаннымъ нами методомъ, Тэнь приступилъ къ изученію состоянія Франціи въ XVIII в., чтобъ этимъ путемъ объяснить происхожденіе революціи. Мы видѣли въ предшествовавшей статьѣ, какіе уроки вывелъ Тэнь изъ своихъ историческихъ наблюденій. Во-первыхъ, что всѣми классами французскаго общества овладѣли извѣстнаго рода идеи, проникшія туда путемъ литературы. Эти идеи были результатомъ взаимодѣйствія научныхъ открытій XVIII в., и склонности французскаго ума къ риторическимъ отвлеченнымъ разсужденіямъ,—склонности, вызванной салонной жизнью. Съ другой стороны, Тэнь пришелъ къ выводу, что большинство французскаго народа, придавленное гнетомъ привилегій и несообразнымъ устройствомъ тогдашняго государства, находилось на степени развитія чуть не дикарей. Если у французскихъ крестьянъ XVIII в. была религія, то потому только, что они слушались всенза; если они не нарушали общественнаго порядка, то потому, что боялись жандарма. Этими выводами опредѣляется совершенно ясно задача и планъ II тома, который въ первой своей части, нынѣ вышедшей, имѣетъ предметомъ описаніе состоянія Франціи въ 1789—91 г., или во время дѣятельности національнаго собранія. Переворотъ 1789 г. съ точки зрѣнія Тэна состоялъ въ томъ, что государственная власть перешла цѣлкомъ къ людямъ, одержимымъ идеями, порожденными салонной культурой XVIII в.; вслѣдствіе этого жандармъ былъ удаленъ и всенъ утратилъ свой прежній авторитетъ. Естественно, что при такомъ взглядѣ весь интересъ историка сосредоточивается на двухъ вопросахъ: поведеніи народной массы, которая избавилась отъ прежнихъ сдержекъ, и образѣ дѣйствія людей, къ которымъ перешла законодательная власть; а уже отсюда вытекалъ третій вопросъ—о практическомъ вліяніи новаго законодательства,

или о поведеніи народной массы подѣ дѣйствіемъ новыхъ законовъ и властей.

Сообразно съ этимъ плану, разсматриваемый нами томъ Тэна распадается на три книги: *l'Anarchie spontanée*, *l'Assemblée constituante et son Oeuvre*, и *la Constitution appliquée*. Уже изъ этого видно, что новый томъ Тэна не представляетъ собою собственно исторіи французской революціи; Тэнь не разсматриваетъ событій въ хронологическомъ порядкѣ, указывая на вліяніе и взаимодѣйствіе ихъ; онъ не характеризуетъ главныхъ дѣятелей той эпохи и не выясняетъ ихъ роли, ихъ побужденій и отношеній. Тэнь, какъ мы знаемъ, историкъ литературы; отъ литературной критики онъ перешелъ къ историографіи. И какъ въ исторіи литературы онъ интересуется преимущественно описаніемъ среды и общества, такъ и въ историографіи главной задачей его — *описаніе* жизни народа, такъ сказать, въ поперечномъ разрѣзѣ, т.-е. изученіе его состоянія или быта въ извѣстную эпоху. Но разбираемый нами II томъ уступаетъ первому своимъ значеніемъ вслѣдствіе того, что чисто описательный, натуралистическій методъ Тэна, его манера жанроваго живописца, имѣла здѣсь дѣло не съ столь удобнымъ сюжетомъ. Въ I т. Тэнь находился вполне въ своей стихіи. Онъ имѣлъ возможность нарисовать не только яркую и блестящую, но и художественную картину, описывая салоны французской аристократіи или характеризуя оригинальныя литературныя произведенія XVIII в. Во II же т. Тэнь имѣлъ дѣло не съ внѣшней обстановкой, не съ нравами и разговорами образованнаго общества, а съ государственными учрежденіями и законодательными текстами. Въ I т., обращаясь къ массѣ французскаго народа, онъ имѣлъ возможность описать его въ спокойномъ состояніи, хладнокровно анатомировать его ежедневный бытъ, изобразить труды и лишения французскаго крестьянина, его нравы, понятія и предрасудки. Во II т. онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ же народомъ, но въ возбужденномъ состояніи; ему приходится характеризовать его какъ политическаго дѣятеля, подѣ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ и бытовыхъ условій. Но для этого оказалось недостаточнымъ быть искуснымъ жанровымъ живописцемъ, не достаточно быть эмпирическимъ психологомъ; здѣсь нельзя было терять изъ виду юридическаго и политическаго быта, который долженъ составлять фонъ картины, а Тэнь не юристъ и не политикъ. Оттого и во II т. читатель встрѣчаетъ захватывающія его реализмомъ и жизненной правдой изображенія, мѣткія наблюденія анатома и психолога, но онъ выходитъ утомленный и неудовлетворенный съ

этой выстави жанровых картинъ, въ которыхъ одна смѣла и пестра и ужасна другой. Тень, какъ историкъ французской революціи, поступилъ подобно человѣку, который, идя вечеромъ по улицѣ и увидавши освѣщенный домъ, гдѣ празднуется свадьба и играетъ музыка, не можетъ туда войти, а смотритъ черезъ окно на то, что тамъ дѣлается. Съ улицы, гдѣ онъ стоитъ, онъ видитъ только толпу празднично одѣтыхъ людей съ веселыми или возбужденными лицами, кружащихся и быстро двигающихся, то въ беспорядкѣ, то какъ будто повинуюсь одному общему влеченію. Если стоящій у окна владѣетъ карандашомъ и начнетъ изображать странныя позы и фізіономіи, мелькающія у него на глазахъ—въ его эскизѣ будетъ много правды и рисунки его могутъ быть очень интересны, но никто, глядя на нихъ, не догадается, что имѣетъ передъ собою описаніе праздника.

Намъ могутъ возразить, что французская революція превзошла дикостью и ужасомъ своихъ сценъ самый разгульный народный вермессъ, и что страсти, руководившія ея дѣятелями, имѣютъ мало общаго съ ритмической гармоніей музыки. Но нашимъ сравненіемъ мы имѣли въ виду опредѣлить не столько французскую революцію, сколько отношеніе къ ней со стороны ея новаго историка. Французская революція имѣетъ свое духовное содержаніе подобно другимъ великимъ историческимъ событіямъ, напр., реформациі, которая, несмотря на свой высочайшій религіозный смыслъ и свое плодотворное вліяніе въ исторіи цивилизаціи, также сопровождалась и анархическимъ броженіемъ толпы, и проявленіями кроваваго фанатизма. Это-то духовное содержаніе, заключающееся въ революціи, Тень не могъ усмотрѣть по вѣнѣ усвоеннаго имъ историческаго метода. Конечно, духовное содержаніе революціи проявлялось далеко не одинаково въ разные эпохи и у различныхъ дѣателей ея—точно также какъ не одинаковы и мотивы, порождающіе веселость и разгулъ на народномъ празднествѣ; на однихъ дѣйствуетъ музыка, на другихъ общее праздничное настроеніе и увлеченіе; иные же прибѣгаютъ къ болѣе грубому способу возбужденія; но человѣку, который не слышитъ музыки и чуждъ общему праздничному настроенію, а наблюдаетъ только за внѣшними проявленіями чувствъ и страстей, всѣ одинаково должны казаться странными и помѣшанными. Именно такими представляются Тэну французы въ 1789 году. Онъ видитъ въ тогдашней Франціи только двѣ категоріи людей: жертвы революціи и людей, пришедшихъ отъ революціи въ ненормальное нравственное состояніе, а послѣдніе распадаются на людей изступленныхъ и людей одержимыхъ тихимъ помѣшательствомъ. Вотъ къ

какому результату привело примѣненіе натуралистическаго метода къ объясненію французской революціи. Но при всемъ этомъ новое сочиненіе Тэна имѣетъ значеніе для науки не только количествомъ собранныхъ въ ней фактовъ и реалистическимъ освѣщеніемъ ихъ, но и потому, что представляетъ собой, правда, неудавшуюся попытку критически отнестись къ одной изъ важнѣйшихъ проблемъ современной политической жизни — къ демократіи. Это значеніе книги Тэна мы постараемся подробнѣе выяснить въ концѣ нашей статьи, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей въ сочиненіи Тэна.

XI.

Съ первыхъ словъ новаго сочиненія обнаруживается ложный методъ его, заключающійся въ эмпирическомъ отношеніи къ фактамъ, безъ вниманія къ исторической связи и значенію ихъ. Тэнь начинается свой II томъ съ извѣстнаго разговора между Людовикомъ XVI и герцогомъ Ларошфуко-Ліанкуркомъ, который велѣлъ разбудить короля, чтобы сообщить ему о взятіи Бастиліи. Этотъ разговоръ дѣйствительно тамъ знаменателенъ, что можетъ служить эниграфомъ къ исторіи катастрофы 1789 года: «Тавъ это бунтъ!» — сказалъ король (*c'est donc une révolte*). «Нѣтъ, сирь, — возразилъ герцогъ, — это революція» (*c'est une révolution*). Въ этомъ все и дѣло, что правъ былъ не король, а герцогъ, и вся ошибка не только Людовика XVI, но и всего его правительства заключалась именно въ томъ, что они до конца не сознавали, что имѣютъ дѣло не съ простымъ бунтомъ, а съ кореннымъ государственнымъ переворотомъ. Переворотъ заключался въ томъ, что феодальное устройство государства было замѣнено чисто демократическимъ и власть вслѣдствіе этого перешла отъ легитимной династіи въ руки исполнителей воли численнаго большинства или массы. Король же и министры, думая, что предъ ними разыгрался одинъ изъ частныхъ въ исторіи Франціи бунтовъ, не хотѣли усвоить себѣ политикн, соотвѣтствовавшей событіямъ. Въ замѣчанія Людовика XVI невольнo выразился взглядъ «старога порядка» на новое, неповѣтное ему движеніе, тогда какъ герцогъ инстинктивно понималъ истинный смыслъ его. Но Тэнь не согласенъ ни съ королемъ, ни съ герцогомъ, а прибавляетъ отъ себя: «событіе было еще серьѣзѣе. Власть не только ускользнула изъ рукъ короля, но и не попала въ руки собранія; она валялась на землѣ, была въ рукахъ народа, сущаго съ цѣни, въ рукахъ насильствен-

ней и возбужденной толпы, въ рукахъ сбродныхъ сборищъ, которыя подбирали ее, какъ оружіе, брошенное на улицѣ. На дѣлѣ не существовало болѣе правительства; искусственное зданіе чело-вѣческаго общества рушилось дѣликомъ — все возвратилось къ первобытному состоянію. То была не революція, а *разможеніе*. (Ce n'était pas une révolution, mais une dissolution).

Но выраженіе, выбранное Тэномъ для характеристики политическаго состоянія Франціи лѣтомъ 1789 г., лишаетъ разсматриваемыя имъ явленія общаго смысла, который они имѣютъ въ исторіи Франціи. Французскій народъ вовсе не вернулся къ первобытному состоянію, но старинное правительство, основанное на феодальномъ правѣ, утратило авторитетъ, а новая государственная власть, построенная на демократическомъ принципѣ, еще не успѣла упрочиться и обставить себя всѣми многочисленными центральными и мѣстными органами, необходимыми въ сложномъ государственномъ механизмѣ. Вслѣдствіе этой совершавшейся смѣны властей общество было пока предоставлено самому себѣ и большинство имѣло возможность свободно проводить въ жизнь свои новые идеалы или при этомъ предаваться своимъ эгоистическимъ инстинктамъ.

Тэнь, впрочемъ, самъ тотчасъ отступаетъ отъ формулы, подъ которую онъ хотѣлъ подвести факты, собранные имъ въ *первой книгѣ*. Начиная описаніе «самопроизвольной анархіи», онъ уже не говоритъ о разложеніи общества, а о всеобщемъ возстаніи — *émeute universelle*. Это выраженіе болѣе соотвѣтствуетъ положенію дѣла. Дѣйствительно, въ тогдашней Франціи происходило повсемѣстное возстаніе народныхъ массъ, но Тэнь не разъясняетъ своимъ читателямъ, противъ чего оно было направлено. Въ этомъ движеніи массъ было, конечно, много безтолковаго и хаотическаго, но, несмотря на это, «анархія 1789 г.» представляетъ и общій смыслъ, и общій планъ. Это было не разложеніе общества, а попытка сейчасъ же, непосредственно, не дожидаясь ни эдиктовъ короля, ни декретовъ національнаго собранія, покончить съ феодальнымъ строемъ. Въ этомъ, какъ мы говорили, и заключается одна изъ важнѣйшихъ сторонъ французской революціи, что она была отмѣной феодальныхъ правъ и учреждений. То, что въ другихъ европейскихъ странахъ совершалось постепенно, въ силу строгой регламентаціи просвѣдительнаго абсолютизма, то во Франціи совершилось въ одинъ мигъ и насильственно — общимъ народнымъ движеніемъ. Исторія Франціи рѣзко отличается отъ исторіи другихъ странъ именно тѣмъ, что общее явленіе — отмѣна феодализма — было произведено въ ней не монархіей, а демократіей,

не путемъ законодательныхъ реформъ, а посредствомъ революціи, и потому имѣло характеръ не сдѣлани, а насильственной экспроприаціи. Такъ какъ Тэнъ оставляетъ совершенно безъ вниманія эту сторону дѣла и смотритъ на движеніе народныхъ массъ въ 1789 г. какъ на обыкновенное возстаніе, породившее анархію,—онъ ограничивается отыскиваніемъ ближайшихъ, непосредственныхъ поводовъ въ нему. Результаты такого приема оказались, впрочемъ, очень полезными для исторической науки. Тэну удалось собрать множество новыхъ или малоизвѣстныхъ фактовъ, или представить въ новомъ свѣтѣ факты прежде извѣстные. Въ его изложеніи повсемѣстные мятежи 1789 г. объясняются, во-первыхъ,—неурожаемъ послѣднихъ лѣтъ, имѣвшими послѣдствіемъ не только дороговизну, но мѣстами и положительный голодъ.

Что *голодъ* игралъ роль въ революціи 1789 г., было и прежде извѣстно, но никогда еще вліяніе этого стимула на тогдашнія событія не было изображено съ такою *осязательностью*, какъ у Тэна. Описание бѣдствій, порожденныхъ неурожаемъ въ различныхъ мѣстахъ Франціи, дало Тэну, кромѣ того, возможность привести различные факты, доказывавшіе попеченіе правительственныхъ органовъ и великодушіе многихъ лицъ изъ привилегированныхъ классовъ, сгѣпившихъ оказать помощь страждущимъ;— съ другой же стороны, Тэнъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы высказать свой взглядъ на основы общественнаго устройства и характеръ простого народа. Мы узнаемъ, что «всеобщее повиновеніе, на которомъ выждется общественный порядокъ, зависитъ отъ одного градуса температуры, увеличивающаго лѣтній зной или зимній холодъ». По крайней мѣрѣ это было такъ, по мнѣнію Тэна, во Франціи, гдѣ въ XVIII в. общее благосостояніе было столь мало обезпечено, «что простой народъ едва могъ жить, когда хлѣбъ былъ дешевъ и чуть не умиралъ (*se sentait mourir*), когда онъ становился дорогъ», такъ что подъ вліяніемъ этого страха легко пробуждался «животный инстинктъ». Тэнъ, впрочемъ, признается, что при Людовикахъ XIV и XV народу приходилось еще болѣе постыться и страдать, а между тѣмъ въ то время мятежи, круто и быстро усмиряемые, были только мѣстными и непродолжительными смутами. Это возраженіе, которое онъ самъ себѣ дѣлаетъ, служить Тэну переходомъ ко второй причинѣ, вызвавшей всеобщую анархію 1789 г. «Стѣна,—говоритъ онъ,—служившая оградой для общества, была прежде слишкомъ высока. Но вотъ въ ней оказалась трещина. Вся стража ея—духовенство, дворянство, третье сословіе, литераторы, политики, самое правительство начинаютъ пробивать въ ней широкую

бреши. Въ первый разъ бѣдники усмагриваютъ выходъ и они бросаются туда сначала кучками, потомъ толпами, и мятежъ становится столь же общимъ, какъ прежде было общимъ смиреніе».

Устройство бреши началось, съ точки зрѣнія Тэна, съ введенія провинціальныхъ собраній, которымъ было поручено распредѣленіе и сборъ податей и завѣдываніе общественными работами. Вслѣдствіе этого прежніе органы администраціи, интенданты и ихъ подчиненные, утратили три четверти своего авторитета. Граница между старымъ и новымъ начальствомъ была опредѣлена не точно и вслѣдствіе этого «повелѣвающая власть становится шаткой». «Подданные не чувствуютъ болѣе на своихъ плечахъ тяжести той руки, которая одна, безъ посторонняго вмѣшательства, ихъ сгибала, толкала и заставляла идти впередъ». Мало того, по распоряженію провинціальныхъ собраній созываются народныя сходы для приведенія въ извѣстность того, какую часть крестьянскаго дохода поглощаютъ налоги, сколько въ каждомъ приходѣ привилегированныхъ, какъ велико ихъ состояніе и какую сумму доставила бы казѣ уплата налоговъ, отъ которыхъ они избавлены... Крестьяне послѣ этихъ сходовъ начинаютъ задумываться о своемъ бѣдственномъ положеніи и понимать его причины. Вѣрный своему натуралистическому методу, Тэнь слѣдующимъ образомъ изображаетъ вліяніе мѣстнаго самоуправленія на настроеніе сельскихъ обитателей: «Представьте себѣ почтовую лошадь, въ головѣ которой вдругъ бы блеснулъ лучъ разума и оварилъ ей породу лошадей, а съ другой стороны—породу людей, и затѣмъ вообразите, если вы въ состояніи, какія новыя мысли представились бы этой лошади сначала насчетъ ямщиковъ, которые ею правятъ и ее подгоняютъ, а потомъ на счетъ доброжелательныхъ путешественниковъ и дамъ, сожалѣющихъ о ней, но прибавляющихъ къ тяжести повозки собственный грузъ и багажъ».

Все это случилось наканунѣ 1789 г.; но вотъ созываются генеральныя штаты и назначаются въ селахъ и городахъ избирательныя собранія, которымъ поручается составить письменное изложеніе всѣхъ мѣстныхъ жалобъ и бѣдствій и снабдить ими депутатовъ. Правительство выпускаетъ изъ рукъ возжи и представляетъ народную массу себѣ самой. Среди всѣхъ этихъ не вполне понятныхъ народу правительственныхъ заявленій и приглашеній для него выясняется одна мысль: надежда на внезапное облегченіе, убѣжденіе, что онъ имѣетъ на то право, рѣшимость содѣйствовать этому всѣми средствами, и отсюда напряженіе воли, которая ждетъ только случая, чтобы перейти въ дѣйствіе, и, какъ спущенная стрѣла, неудержимо стремится къ неизвѣстной

цѣли. Цѣль же вдругъ указываетя голодомъ—нужно, чтобы на рынкѣ было вдоволь хлѣба; нужно, чтобы фермеры и землевладѣльцы его туда доставляли, чтобы оптовые покупатели—хлѣбные торговцы и правительство—не увозили его въ другія мѣста; нужно, чтобы на хлѣбъ была установлена дешевая такса; чтобы хлѣбъ, соль, вино, вообще съѣстные припасы не были обложены акцизомъ; чтобы не было сеньоріальныхъ оброковъ, не было церковной десятины, не было ни городскихъ, ни королевскихъ податей. И вотъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ начинаются мятежи; вначалѣ это мѣстные пожары, которые легко тушатся или сами тухнуть. Но они тотчасъ вновь возникаютъ, и ихъ множество указываетя на количество горючаго матеріала. Въ четыре мѣсяца, предшествовавшіе взятію Бастиліи, Тэнъ насчитываетъ болѣе 300 мятежей во Франціи. Еще въ I томѣ Тэнъ обращалъ вниманіе читателей на то, какое въ старой Франціи было множество людей, находившихся «въ разрывѣ съ государствомъ и обществомъ»—контрабандистовъ, браконьеровъ, бродягъ и преступниковъ, ускользавшихъ отъ правосудія—и на ту роль, какую они способны были играть въ смутное время, какъ подстрекатели и руководители толпы. Въ новомъ томѣ онъ описываетъ, какъ люди этого рода появляются на сцену при всякомъ безпорядкѣ, подобно волкамъ, чующимъ добычу, и какъ вслѣдствіе этого къ слѣпой ярости, вызванной голодомъ, примѣшиваются злыя инстинкты, и какъ толпа, поднимавшаяся, чтобы промыслить себѣ хлѣба, кончаетъ убійствами и поджогами. Вотъ какимъ образомъ объясняетъ Тэнъ «самопроизвольную анархію» и подготавливаетъ читателя къ необозримой картинѣ грабежей и насилій, которую онъ предъ нимъ развертываетъ. Кто захочетъ наглядно представить себѣ, какимъ образомъ великій переворотъ 1789 г. отражался въ головѣ значительной части простого народа во Франціи и какія чувства руководили толпой, грабившей хлѣбные магазины и разбивавшей городскія заставы, тотъ можетъ быть доволенъ изложеніемъ Тэна; но кто, кромѣ этого, пожелалъ бы правильнаго историческаго освѣщенія народныхъ смуть при началѣ революціи, тотъ долженъ признать это изложеніе одностороннимъ, какъ относительно причинъ, вызвавшихъ движеніе массъ, такъ и относительно его общаго характера.

Что касается до перваго пункта, то возстаніе 1789 г. представлено у Тэна слишкомъ случайнымъ и искусственно вызваннымъ. Помимо случайностей голода, Тэнъ объясняетъ его, главнымъ образомъ, слабостью и ослѣпленіемъ мѣстныхъ властей и ошибками правительства, которое своими мѣрами содѣйствовало

распространенію новыхъ разрушительныхъ идей, — не только не приходило въ негодованіе отъ всеобщаго неповиновенія, но оставляло его безнаказаннымъ и всегда готово было миловать. «Добродушіе короля и военныхъ начальниковъ, — говоритъ Тэнъ, — было удивительно; всѣ согласны, что народъ ребенокъ, который грѣшить только по невѣдѣнію, что нужно довѣрять его раскаянію, и какъ только онъ возвратится къ порядку, встрѣтить его съ отцовскою нѣжностью». — Подъ вліяніемъ подобнаго взгляда у Тэна даже такая благодѣтельная и необходимая реформа, какъ введеніе провинціальныхъ собраній, получаетъ видъ правительственной ошибки. Конечно, реформы, на которыя, наконецъ, согласилось правительство, сованіе генеральныхъ штатовъ и самыя формы, предписанныя для избранія депутатовъ и составленія инструкцій, внесли политическое возбужденіе въ нѣдра французскаго народа и дали возможность агитаторамъ овладѣть вниманіемъ массы. Шассень, относившійся съ сочувствіемъ къ революціи, описалъ съ еще ббльшей обстоятельностью, чѣмъ Тэнъ, вліяніе брошюръ на настроеніе общества и вредный авторитетъ, который пріобрѣли среди народной массы стряпчие, нотаріусы и мелкіе чиновники, пропитавшіеся радикализмомъ. Но нужно помнить, что ни голодь, ни агитація, ни ошибки правительства не произвели революціи, и не эти причины придали движенію 1789 г. тотъ насильственный характеръ, который представляется Тэну разложеніемъ общества и возвращеніемъ къ дикому состоянію. Все дѣло въ томъ, что французскій абсолютизмъ былъ не въ состояніи даже управлять страной; затрудненія, которыя онъ же отчасти самъ создалъ, наконецъ, возросли до такой степени, и оппозиція, которую онъ встрѣтилъ во всѣхъ слояхъ общества, такъ усилилась, что онъ долженъ былъ самъ отказаться отъ прежней системы и пригласить общество къ участію въ реорганизаціи государства. Но какое же это было общество? — это было общество, глубоко раздвоенное феодальнымъ строемъ. Разладъ долженъ былъ обнаружиться тотчасъ, какъ скоро это общество было призвано къ самостоятельности. Въ то время, когда правительство ждало въ Версалѣ представителей народа, чтобы вступить съ ними въ переговоры относительно переустройства страны — въ самой странѣ началась насильственная отмѣна феодализма; общество раскололось на два враждебныхъ лагеря, и первое мѣсто занялъ вопросъ, кто будетъ играть главную роль при переустройствѣ государства: аристократія или демократія. Именно потому, что абсолютизмъ не отмѣнилъ въ свое время феодализма, не смягчилъ контраста между демократіей и аристократіей, ему пришлось быть бессиль-

нымъ зрителемъ междоусобной борьбы, въ которой онъ вскорѣ самъ сдѣлался партией и жертвой.

Что же касается до второго пункта, до самой картины насилий и мятежей, происходившихъ во Франціи весной и лѣтомъ 1789 г., то Тэнъ, наизывая одинъ разсказъ за другимъ, проводитъ черезъ нихъ мысль, что народное движеніе имѣло социалистическій характеръ, что оно было кападеніемъ на собственность и покушеніемъ противъ всѣхъ, кто извлекалъ пользу изъ существовавшаго порядка или кто господствовалъ при немъ. Съ такимъ выводомъ нельзя согласиться, потому что онъ основанъ на неправильномъ обобщеніи. Тэнъ можно упрекнуть за то, что онъ для описанія «анархіи» собиралъ *безразлично* факты далеко не одинаковаго значенія. Тутъ есть факты, не имѣющіе никакой внутренней связи съ происходившимъ въ то время общественнымъ и политическимъ переворотомъ и указывающіе только, что дороговизна хлѣба вызвала въ 1789 г. смуты точно такъ, какъ это случалось и въ прежнее время. Когда на рынкѣ цѣна хлѣба вдругъ поднимается на 3, на 4 и, наконецъ, на 7 су, то совершенно понятно возбужденіе толпы около возовъ съ мукою и у дверей хлѣбниковъ, перебранка съ продавцами и разграбленіе товара. Когда при такомъ положеніи дѣла крестьяне забираютъ хлѣбъ изъ амбаровъ землевладѣльцевъ по удешевленной цѣнѣ, съ обѣщаніемъ заплатить за него послѣ слѣдующей жатвы, или когда жители одной деревни избиваютъ и протоняютъ жителей сосѣдней общины, пришедшихъ на ихъ рынокъ за покупкой хлѣба, то это еще не симптомы социалистическаго движенія, а насилія, которыя могутъ случиться во время голода всегда и вездѣ.

Мало общаго съ социализмомъ и въ буйствахъ черни, происходившихъ въ различныхъ городахъ, гдѣ толпа разрушала заставы для взиманія акциза съ съѣстныхъ припасовъ или принуждала городскія власти понижать таксу на хлѣбъ. Иногда такіе беспорядки производились съ очевидной цѣлью грабежа и къ нимъ примѣшивался расчетъ людей, надѣявшихся при этомъ безошплинно сбыть свои товары, какъ, напримѣръ, въ Ліонѣ, куда изъ окрестныхъ деревень потянулись безконечныя обозы съ виномъ, которое крестьяне насильно ввезли въ городъ, не оплативъ пошлиной. Тэнъ самъ замѣчаетъ, что подобныя насилія происходили преимущественно на югѣ Франціи, гдѣ «*rag une injustice épouante et une imprudence inconcevable*» — всѣ городскіе доходы заключались въ пошлинѣ на муку, такъ-называемый — *riquet*.

Совершенно опять иной характеръ представляютъ факты, от-

вспялися къ отиѣнѣ феодальныхъ повинностей, когда, наприм., крестьяне въ плѣрмельскомъ округѣ отказываются платить десятину—на томъ основаніи, что въ инструкціи ихъ провинціи требуется отиѣна ея. Конечно, далеко не вездѣ сопротивление противъ феодальнаго порядка принимаетъ такой пассивный или quasi-легальный характеръ; въ очень многихъ мѣстностяхъ крестьяне спѣшатъ заручиться вынужденнымъ силою отреченіемъ сеньора отъ его правъ, какъ, напр., въ Пенъе, гдѣ толпа крестьянъ и рабочихъ приводитъ съ собою консула и нотариуса и заставляютъ 80-ти-лѣтняго сеньора этого мѣстечка подписать формальный актъ отреченія. Нерѣдко такое насиліе сопровождается истребленіемъ письменныхъ актовъ и сеньоріальнаго архива, грабежомъ, сожиганіемъ замка и убійствами. Наконецъ, несомнѣнно, что даже и тамъ, гдѣ дѣло не доходитъ до преступленій и варварскаго истребленія чужой собственности—насилъственная отиѣна феодальныхъ правъ представляетъ экспроприацію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но историку не слѣдовало бы забывать, что эта экспроприація не имѣетъ ничего общаго съ коммунистическимъ покушеніемъ на собственность вообще; что отиѣна крѣпостнаго права и феодальныхъ отношеній нигдѣ не обходилась безъ экспроприаціи, и что если во Франціи экспроприація при этомъ была не только значительнѣе и насилъственнѣе чѣмъ гдѣ либо, но абсолютно несправедлива и безразсудна,—то это случилось по винѣ королевскаго правительства, которое такъ долго откладывало необходимую реформу, что, наконецъ, пришлось приступить къ ней въ самую неудобную для того минуту и предоставить главную роль при этомъ сторонѣ, наименѣе способной обдуманно и справедливо провести ее.

Особенно ясно обнаруживается, какъ непосредственно вызвалось самоволіе и дикое ожесточеніе толпы злоупотребленіями феодальнаго строя—въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не могли избавиться отъ того, что ихъ стѣсняло, не истребивши самой собственности сеньоровъ, а именно въ возстаніяхъ противъ «примлегированной дичи». Тѣхъ приводитъ донесеніе одного чиновника, что жители цѣлой общины — Конфлана — взбунтовались противъ *кроликовъ*, и на стр. 31 перечисляетъ цѣлый рядъ деревень, жители которыхъ въ теченіи 2 мѣсяцевъ избивали дичь на землѣхъ сосѣднихъ сеньоровъ, потому что, по отзыву одного современнаго свидѣтельства, зайцы уничтожили около пятой части всей жатвы. Въ другихъ случаяхъ, которые Тѣхъ приводятъ въ доказательство неблагодарности крестьянъ, обнаруживается болѣе всего твердая рѣшимость сельскаго населенія покончить

навсегда съ стѣснительными для нихъ феодальными привилегіями: такъ, на примѣръ, на землѣ одного помѣщика, кормившаго въ теченіи зимы на свой счетъ бѣдныхъ, крестьяне тѣмъ же мѣсяцемъ разрушили плотину, которая гнала воду на феодальную мельницу (moulin banal), и когда парламентъ присудилъ ихъ возстановить плотину, они заявили, что не только не исполнять этого, но если собственникъ самъ возстановитъ ее, то они опять ее проруютъ».

Правда, не всегда крестьяне ограничивались истребленіемъ такой феодальной собственности, которая ихъ стѣсняла или была имъ ненавистна; бывали случаи, что они прямо присвоивали себѣ чужую собственность. Особенно часто поступали они такъ по отношенію къ лѣсамъ; но Тэнъ приводитъ и другого рода примѣры. Въ Бриньолѣ крестьяне заставили владѣльцевъ тамошнихъ мельницъ продать ихъ общинѣ по произвольно установленной крестьянами дешевой цѣнѣ, и когда гербовый актъ о продажѣ былъ подписанъ владѣльцами, крестьяне пришли въ такой восторгъ, что отслужили молебень въ сосѣднемъ монастырѣ. Но и подобныя насилія противъ собственности, если то былъ не простой грабежъ, болѣею частью находились въ связи съ феодальными порядками и объясняются реакціей противъ нихъ. Тэнъ говоритъ, что возстаніе противъ собственности не имѣетъ предѣловъ: отъ аббатствъ и замковъ оно распространилось на буржуазныя дома — «сначала движеніе было направлено противъ владѣльцевъ феодальныхъ партій, теперь оно направлено противъ всѣхъ, кто чѣмъ либо владѣлъ». Но Тэнъ, однако, самъ на той же страницѣ замѣтилъ, что феодальныя права очень часто находились въ обладаніи людей не-дворянскаго происхожденія. Понятно, что самоуправство толпы, возставшей противъ феодальнаго права, направлено противъ всѣхъ, кто находился въ соприкосновеніи съ нимъ, былъ его орудіемъ и агентомъ.

Изъ многочисленныхъ фактовъ, приведенныхъ Тэномъ, только не многіе представляютъ примѣры проявленія въ толпѣ чисто социалистическихъ тенденцій. Когда толпа преслѣдовала систеронскаго епископа, обвиняя его въ томъ, что онъ оказалъ покровительство одному скупщику хлѣба, самые разгоряченные кричали ему: «мы бѣдны, вы богаты, и мы хотимъ всего вашего имущества». Но Тэнъ самъ прибавляетъ, что въ этой толпѣ къ крестьянамъ и рабочимъ примѣшивались пришлые люди — итальянцы и бандиты.

Въ своемъ обзорѣ «самопроизвольной анархіи» Тэнъ упустилъ изъ вида, и въ этомъ его главная ошибка, что 1789 г. былъ

для Франціи годомъ отмѣны феодализма, — эманципациі крестьянъ отъ барщины и освобожденія поземельной собственности вообще отъ ленныхъ поборовъ и отъ оковъ феодальнаго права. Тэнь исходитъ изъ мысли, что во Франціи установилась полнѣйшая анархія, а это повело къ возстанію противъ собственности. Мы полагаемъ, что было бы правильнѣе представить событія 1789 г. въ такомъ свѣтѣ: феодальный строй, громко осужденный правительствомъ и значительною частью самихъ привилегированныхъ классовъ, былъ разрушенъ народными возстаніями прежде, чѣмъ успѣли въ Версалѣ его легально отмѣнить или преобразовать. Это самоуправство массъ не только сопровождалось расхищеніемъ собственности привилегированныхъ классовъ и насиліемъ противъ лицъ, но и имѣло своимъ послѣдствіемъ вообще разнузданіе страстей и грубыхъ элементовъ общества.

При всей, однако, своей односторонности рассказъ Тэна очень интересенъ тѣмъ, что служитъ хорошей характеристикой не только тогдашняго французскаго крестьянина въ минуту, когда въ его рукахъ оказалась власть, но и народной расправы вообще, съ ея увлеченіями и насиліями. Чѣмъ дольше продолжалась во Франціи эта народная расправа съ феодализмомъ, чѣмъ полнѣе народная масса была предоставлена самой себѣ и могла разыгрывать роль законодателя и государя, тѣмъ чаще проявлялось въ ней убѣжденіе, которое можно назвать подводнымъ камнемъ крайней демократіи: что равенство гражданское должно имѣть своимъ послѣдствіемъ равенство имущественное и что государственная власть должна быть направлена жъ перенесенію собственности отъ имущихъ къ неимущимъ — и тѣмъ болѣе жавери 1789 г. гровила принять характеръ «войны бѣдныхъ противъ богатыхъ».

Въ матеріалахъ, собранныхъ Тэномъ, можно найти не мало интересныхъ чертъ, рисующихъ намъ народную толпу, получившую возможность непосредственно проводить въ жизни свои понятія о гражданственности и справедливости. Въ Баржолѣ возставшіе крестьяне произвольно облагаютъ поборами всѣхъ жителей: монастырь урсулиновъ долженъ внести 1,800 ливровъ, капитулъ присужденъ доставить 50 возовъ съ хлѣбомъ; одинъ небогатый ремесленникъ — 18 возовъ, другой 40; каноники принуждаются выдать своимъ арендаторамъ квитанціи въ полученіи съ нихъ платы. Затѣмъ, народный судъ съ фляжкой въ рукахъ идетъ изъ дома въ домъ и заставляетъ однихъ платить деньги, другихъ отказываться отъ своихъ долговъ, того отказаться отъ уголовного иска, другого — отъ приговора, постановленнаго въ

его пользу, третьяго—возвратить издержки за процессъ, выигранный нѣскольکو лѣтъ тому назадъ; одного отца — дать согласіе на бракъ сына. Такія картины можно, впрочемъ, назвать сельскою идилліею сравнительно съ тѣми сценами, въ которыхъ разыгрывались въ ужасныхъ размѣрахъ самыя звѣрскія чувства и которыя проявившеюся въ нихъ кровожадностью и жестокостью нисколько не уступаютъ средневѣковымъ *жакери*. Такими сценами изобилуетъ рассказъ Тэна. Но не одними только фактами старается онъ дѣйствовать на читателя и характеризовать состояніе провинцій подъ властью охлократіи; по своему обычаю, онъ прибѣгаетъ для этого къ постояннымъ сравненіямъ. Картина то представляетъ зданіе, главная балка котораго подалась, то невольничій корабль, на которомъ негры, освободившись отъ цѣпей, пытаются плыть, каждый толкая и натягивая въ свою сторону. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ тѣ страницы, гдѣ Тэнъ предается своему любимому сюжету—*психологическимъ этюдамъ* надъ толпой и указываетъ на заразительную силу примѣра и взаимнаго возбужденія. Еще въ 40-хъ годахъ Дуданъ, этотъ старинный другъ *hôtel de Broglie*, письма котораго, недавно изданныя, представляютъ классическій образецъ любимаго французамъ эпистолярнаго жанра — замѣтилъ, говоря о людскомъ обществѣ вообще, «что всѣ мелкіе недостатки каждаго изъ насъ въ свѣтѣ становятся пороками вслѣдствіе какой-то заразы, возникающей въ каждомъ значительномъ сборищѣ людей по той же причинѣ, по какой образуется тифъ въ госпиталяхъ, куда каждый занесъ только маленькую, безвредную лихорадку». Исходя изъ той же мысли, Тэнъ говоритъ о самодержавномъ народѣ 1789 г.: «толпа, собравшаяся съ цѣлью провозвести какое-нибудь насиліе, состоитъ изъ людей наиболѣе негодныхъ и отчаянныхъ, наиболѣе склонныхъ къ разрушенію и своеволю; но мало того, въ то время, когда она въ суматохѣ совершаетъ свое насиліе, каждый чловѣкъ изъ этой толпы, самый глупый или самый грубый, самый безразсудный или самый развращенный, спускается еще ниже собственнаго уровня до самаго дна своего помраченія и свирѣпости... Онъ не боится болѣе закона, потому что самъ отмѣняетъ его. Начавшееся безчинство увлекаетъ его далѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ. Его ярость ожесточается отъ опасности и сопротивленія. Отъ соприкосновенія съ горячечными онъ заражается горячкою и идетъ вслѣдъ за влѣдемъ, который сталъ его товарищемъ. Прибавьте къ этому крики, пьянство, врѣлище разрушенія, физическое содроганіе нервной системы, напряженной сверхъ силъ, и вы поймете, какимъ образомъ въ крестьянинѣ, въ рабочемъ, буржуа,

смягченныхъ и прирученныхъ старинной цивилизаціей, въ одинъ мигъ обнаруживается дикарь, еще хуже—первобытное животное, кровожадная и чувственная обезьяна, которая убиваетъ съ зубо-сальствомъ и кувыркается среди разоренія, которое она произвела».

Болѣе откровеннаго, можно сказать, беззащитнаго, проявленія современнаго натурализма нельзя себѣ представить, и это, конечно, составляетъ оригинальность сочиненія Тэна, что онъ примѣнилъ таковой крайній натурализмъ къ характеристикѣ народной толпы 1789 г.,—такъ долго идеализированной демократическими писателями.

Съ другой стороны, рассказъ Тэна *противъ его воли* поучителенъ въ томъ отношеніи, что масса собранныхъ имъ фактовъ, утомляющихъ читателя, именно своимъ количествомъ доказываетъ ему самымъ убѣдительнымъ образомъ, въ какой степени еще до открытія генеральныхъ штатовъ безвозвратно и радикально былъ осужденъ на гибель феодальный строй, какъ мало зависѣло направление революціи отъ королевскаго правительства и даже отъ депутатовъ, съѣзжавшихся въ Версаль, и какую широкую и прочную основу нашло для себя въ цѣлой Франціи демократическое движеніе, сосредоточивавшееся въ Парижѣ.

Тэнь, какъ мы замѣтили, смотритъ не съ этой точки зрѣнія на описанную имъ смуту. Онъ видитъ во всемъ этомъ движеніи только анархію. Въ его глазахъ народъ не что иное, какъ «слабый волосъ, ожесточенный лишеніями, который ломаетъ все, за что ни ухватится—и не только въ провинціи мѣстныя колеса государственной машины, которыя могутъ быть починены, но еще и въ центрѣ главную пружину, дающую движеніе всему механизму, разрушеніе которой повлечетъ за собою порчу цѣлой машины». Но, несмотря на этотъ односторонній взглядъ, самый приемъ, котораго держался Тэнь въ изложеніи событій, бросаетъ новый свѣтъ на дѣло и по всей вѣроятности будетъ перенять послѣдующими историками. До-сихъ-поръ вниманіе историковъ было слишкомъ занято преніями въ Версалѣ и волненіями среди парижскаго населенія. О томъ, что происходило въ провинціи, упоминалось вскользь. Тэнь начинаетъ съ провинціи и отъ нея переходитъ въ Парижу. Отъ этого картина парижскихъ событій получаетъ соответствующій фонъ, и то демократическое движеніе, которое унесло старый феодальный порядокъ, а потомъ и новую конституцію, вполне раскрывается со всѣми корнями, которые оно успѣло пустить въ странѣ.

XII.

При описаніи парижскихъ смуть, Тэнъ держится, вонечно, совершенно тѣхъ же приемовъ, какіе онъ примѣнялъ къ изображенію анархіи въ провинціи. Если мы позволимъ себѣ одно изъ тѣхъ реалистическихъ сравненій, которыя такъ любитъ Тэнъ, то можемъ сказать, что онъ пишетъ свою исторію, подобно тому, какъ аптекарь смѣшиваетъ въ опредѣленной указанной рутинной пропорціи извѣстныя вещества, чтобы достигнуть извѣстнаго дѣйствія. Рецептъ, по которому Тэнъ составляетъ свой разсказъ, уже извѣстенъ читателямъ. Прежде всего имъ берется значительная доля «животныхъ инстинктовъ», этотъ суррогатъ состоитъ изъ двухъ элементовъ—вліяніе голода и вліяніе злодѣевъ (brigands). Ко всему этому подливается другой эликсиръ—«опьяняющее вліяніе интеллигенціи, увлекающейся ложными идеями и доктринами». Сообразно съ такимъ приемомъ, Тэнъ знакомитъ насъ въ началѣ II главы съ *юлодомз* въ окрестностяхъ Парижа и буйствами крестьянъ подъ вліяніемъ этого стимула. И здѣсь, однако, опять приводятся факты, которые доказываютъ, что мы имѣемъ дѣло не съ обыкновеннымъ голоднымъ бунтомъ, а съ всеобщимъ возстаніемъ противъ феодальнаго порядка. Бѣдняви, ищущіе пропитанія, идутъ въ Парижъ; туда же спѣшатъ со всѣхъ сторонъ бродяги и негодяи. Въ концѣ апрѣля зрители заставъ замѣчаютъ «ужасающее число людей, плохо одѣтыхъ и съ мрачными лицами»; а въ началѣ мая другіе наблюдатели поражены «множествомъ чужаковъ среди парижскаго населенія, болѣею частью въ лохмотьяхъ и вооруженныхъ дубинами». Однако, еще до этого прилива опасныхъ элементовъ Парижъ, по замѣчанію Тэна, былъ полонъ «подонками общества — *la sentine publique était pleine et regorgeait*». Между тѣмъ въ 1789 году въ Парижѣ было 120,000 бѣдныхъ, и, чтобы имъ дать заработокъ, были устроены національныя мастерскія; 12,000 человекъ получали отъ города по 20 су въ день за то, что прорывали бесполезныя канавы на Монмартрѣ. Подъ вліяніемъ новыхъ идей, которыя постепенно профильтрировались изъ самаго верхняго общественнаго слоя въ самый низшій—«глухое неудовольствіе толпы превратилось въ политическую страсть». Ей указывали на министерство, на дворъ, вообще на старый порядокъ какъ на препятствіе къ ея благоденствію—и «она съ яростью бидается на это препятствіе».

Переходъ парижской черни къ политической дѣятельности

Тэнь, по своему обычаю, характеризуетъ множествомъ сравненій, въ которыхъ главную роль играетъ метафора о разнузданномъ звѣрѣ, о ручномъ слонѣ, который вдругъ одичалъ, сбросилъ съ шеи своего жока и топчетъ его ногами. Тэну такъ нравится этотъ образъ, что даже предположеніе объ искусственномъ возбужденіи толпы агентами герцога Орлеанскаго онъ облекаетъ въ вопросъ: не объяснить ли ярость животнаго укусами снизу, произведенными подкупленной рукой, успѣвшею скрыться?

Тэнь показываетъ намъ въ дѣйствіи эту дикую силу при разграбленіи дома фабриканта Ревельона, случившемся еще до открытія генеральныхъ штатовъ. До какой степени Тэнь ни на минуту не забываетъ своего приема—механическимъ сопоставленіемъ выставлять на видъ различные элементы, взаимодѣйствіемъ которыхъ онъ объясняетъ какъ общій ходъ революціи, такъ и детали ея,—явствуетъ также изъ этого разсказа. Въмѣсто общихъ разсужденій или обвиненій двора и партіи герцога Орлеанскаго, которыя мы находимъ у другихъ историковъ, Тэнь лаконически говоритъ: «тутъ были голодные», и приводитъ разсказъ о разграбленіи булочной въ сосѣдней улицѣ,—«тутъ были разбойники»—и сообщаетъ донесенія полицейскихъ шпионовъ о сборищѣ «жульковъ» за заставой, на которомъ было рѣшено «уйти изъ Парижа, гдѣ полиція слишкомъ сильна, въ Ліонъ». «Тутъ были и патріоты», заключаетъ Тэнь свой разсказъ—и приводитъ фактъ, свидѣтельствующій, что въ волненіи толпы обнаруживались и политическія тенденціи.

Чтобы познакомить читателя съ этимъ *патріотизмомъ*,—какъ называлась тогда политическая экзальтація,—Тэнь ведетъ его въ Пале-Рояль, «огражденный привилегіями орлеанскаго дома, куда полиція не смѣетъ войти и гдѣ рѣчь свободна». Никогда еще эта трибуна самаго крайняго радикализма, «куда слетались со всего Парижа политическіе и литературные трутни», не была характеризована такими мѣткими выраженіями, и ни одинъ еще историкъ не анализировалъ съ такимъ реализмомъ и, можно сказать, съ такою безцеремонностью *публику* Пале-Рояля, которой принадлежитъ такая видная роль во французской революціи. «Центръ проституціи, игры, праздности и торговли брошюрами, Пале-Рояль привлекаетъ къ себѣ все это населеніе, не пустившее корней, которое бродитъ въ большомъ городѣ и, не имѣя ни промысла, ни хозяйства, живетъ только ради любопытства или ради удовольствія,—засѣдателей кофеенъ, посѣтителей игорныхъ домовъ, авантюристовъ и людей, не попавшихъ ни въ какую колею, неудавшихся или сверхштатныхъ литераторовъ, художниковъ и адво-

каторъ, канцеляристовъ, студентовъ, ротозѣевъ и враздношатающихся иностранцевъ и обитателей меблированныхъ комнатъ, — послѣднихъ въ Парижѣ насчитывали до 40,000». Съ такимъ же реализмомъ и съ обычнымъ своимъ мастерствомъ Тэнъ описываетъ настроеніе и психологическое состояніе толпы, состоящей изъ подобныхъ элементовъ, которая, подъ влияніемъ импровизованныхъ ораторовъ, радикальной печати и всеобщаго увлеченія, доходитъ до горячечнаго возбужденія. «Въ этомъ случайномъ сбродѣ политиковъ со вчерашняго дня, никто не знаетъ того, кто говоритъ; никто не считаетъ себя отвѣтственнымъ за свои слова. Каждый изъ нихъ стоитъ тамъ какъ въ театрѣ, неизвѣстный среди неизвѣстныхъ, съ потребностью растрогаться и придти въ восторгъ, поддаваясь заразной силѣ окружающихъ его страстей, увлекаемый вихремъ громкихъ словъ, сочиненныхъ новостей, слуховъ, быстро растущихъ, преувеличеній, которыми одинъ старается перещегоолять другого — кругомъ вопли, слезы, рукоплесканія, судорожныя движенія, какъ во время трагедіи». На такой сценѣ съ восторгомъ принимаются самыя дикія, самыя чудовищныя предложенія; здѣсь не терпятъ противорѣчій; чей видъ или чьи рѣчи не нравятся толпѣ, тотъ подвергается немедленнымъ оскорбленіямъ или истязаніямъ. Толпа присваиваетъ себѣ всѣ функціи верховной власти, къ законодательной власти присоединяетъ судебную и изъ судьи тутъ же дѣлается палачомъ.

Описаніе Пале-Рояля оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе на всякаго непредубѣжденнаго читателя; но не меньшимъ мастерствомъ отличается характеристика корифеевъ той экзальтаціи, которая овладѣла Парижемъ. «Члены окружныхъ собраній, ораторы казармъ, кофеенъ, клубовъ и городскихъ площадей, сочинители брошюръ и сотрудники газетъ, — они роятся и шумятъ какъ насѣкомыя, появившіяся послѣ дождливой ночи. Съ 14 іюля, тысячи новыхъ должностей открылись для разнузданнаго честолюбія; страпчіе, писцы нотаріусовъ, художники, кушцы, приказчики, актеры и преимущественно адвокаты, каждый изъ нихъ хочетъ быть офицеромъ національной гвардіи, администраторомъ, совѣтникомъ или министромъ новаго царствованія, и газеты, основываемыя десятками, представляютъ постоянную трибуну, съ которой риторы льстятъ народу въ своемъ интересѣ.... Во всѣхъ 60 окружныхъ собраніяхъ адвокаты пережевываютъ на всѣ лады высочайшіе догматы революціоннаго катехизиса. Любой изъ нихъ отъ вчерашняго процесса о какомъ-нибудь брандмауерѣ прямо переходитъ къ вопросу объ организаціи государствъ и становится импровизованнымъ законодателемъ, — гдѣмъ болѣе неискрен-

паемымъ и ободряемымъ рукоплесканіями, чѣмъ напыщеннѣе онъ доказываетъ присутствующимъ, что они отъ природы обла- даютъ всѣми способностями и могутъ законно претендовать на всѣ права». Ораторы, впрочемъ, не ограничиваются общими мѣс- тами; нерѣдко они прямо вываютъ къ открытому грабежу и ис- требленію враговъ, которыхъ, не обвиняя, называютъ по именамъ — подобно Камиллу Демулену, восклицающему: «врагъ попался теперь въ западню и нужно покончить съ нимъ; никогда еще такая обильная добыча не ожидала побѣдителей; сорокъ тысячъ дворцовъ и замковъ, двѣ пятны всего движимаго и недвижимаго имущества страны будутъ плодомъ вашей побѣды».

Съ трезвою объективностью — доходящей, впрочемъ, до не- справедливости, потому что подводитъ всѣхъ подъ одинъ уровень безъ вниманія къ различію таланта и другимъ искупающимъ свойствамъ — старается Тэнь выставить на видъ особую характе- ристическую черту парижской демократіи — *незрѣлость* ея глав- ныхъ вождей, — незрѣлость, безъ которой немислимо подобное увлеченіе; а способность, увлекаясь, увлекать другихъ, была тогда важнѣйшимъ условіемъ успѣха. «Взгляните на главныхъ, на са- мыхъ популярныхъ; это — недозрѣвшіе или засохшіе плоды лите- ратуры и адвокатуры; газеты, какъ на лотей, выставляютъ ихъ каждое утро на показъ для покупателей, и если они нравятся пресыщенной публикѣ, такъ это именно за ихъ кислоту и горечь. Въ ихъ неопытной или пустой головѣ нѣтъ ни одной политиче- ской идеи. Демулену — 29 лѣтъ, Лустало — 27 лѣтъ, и весь ба- гажъ ихъ познаній заключается въ гимназическихъ воспомина- нійхъ, въ обрывкахъ изъ курса юридической школы, въ общихъ мѣстахъ, набранныхъ у Рейналя и подобныхъ писателей. Что же касается до Бриссо и Марата, этихъ напыщенныхъ филантроповъ, то они видѣли Францію только черезъ окно своего чердака, сквозь очки своей утоши».

Не менѣе, однако, дурныя послѣдствія, чѣмъ незрѣлость вождей, имѣли присоединившіяся къ этому эгоистическія побужденія ихъ и страсти — честолюбіе и зависть. Тэнь подробно описываетъ стѣсненное положеніе парижскихъ демагоговъ, ихъ неудавшіяся попытки добиться успѣха или извѣстности, ихъ свитальческій образъ жизни, ихъ зависимость отъ другихъ, которая шла до такой сте- пени въ разрѣзъ съ ихъ надеждами и притязаніями. Никто не высказалъ такъ наивно и цинично, какое громадное вліяніе имѣлъ *эгоизмъ* на убѣжденія демагоговъ, какъ одинъ изъ нихъ, юный *прокуроръ фонаря* — Камиллъ Демулень, слова котораго приводитъ Тэнь: «Къ моимъ принципамъ присоединилось удовольствіе занять

надлежащее мнѣ мѣсто, доказать мою силу тѣмъ, кто меня презиралъ, унижить до моего уровня тѣхъ, кого судьба поставила выше меня. Мой девизъ — девизъ всѣхъ порядочныхъ людей — никто не долженъ стоять выше меня (*point de supérieur*)».

Такія признанія многозначительны и историкъ революціи не можетъ не принимать ихъ въ соображеніе. Но въ этой *трезвой правдѣ* о психическомъ состояніи парижскаго населенія и личныхъ побужденіяхъ демагоговъ не достаточно выставлена одна существенная черта тогдашняго общества—страсть къ славл. Никогда со времени Петрарки и Возрожденія, когда послѣ монашескаго самоуничтоженія личности, впервые пробудилась страсть къ славл и сдѣлалась могущественнымъ историческимъ факторомъ,—жажда *обезсмертить себя* не проявлялась съ такой силой и не охватывала такіа массы людей, какъ въ годину зарожденія французской демократіи. Читая тогдашнія газеты и мемуары, на каждомъ шагу удивляешься, какимъ страннымъ образомъ страсть къ славл забиралась въ сердце самыхъ темныхъ людей, и съ какою тщательностью, съ другой стороны, тогдашніе публицисты старались увѣковѣчивать всякій подвигъ, всякое имя, чтобы они не *пропали для челоучества*. Почти ко всѣмъ *патриотамъ* революціи примѣнимо слово, которое сказалъ о себѣ одинъ изъ «побѣдителей Бастиліи»: *Hulin affamé de gloire* ¹⁾. Какъ это ни странно, что страсть къ славл и жажда отличиться и *обезсмертить себя* во что бы то ни стало преимущественно развились въ эпоху демократическихъ тенденцій, но вся дальнѣйшая исторія демократіи подтверждаетъ это замѣчаніе.

Этихъ указаній будетъ достаточно, чтобы выяснить, какимъ способомъ Тэнъ подготавлиаётъ своихъ читателей къ главному выводу, который онъ извлекаетъ изъ описанія парижской черни и демагоговъ 1789 года. «Такимъ образомъ, посредствомъ невольнаго *простванія* (*triage involontaire*) партія, захватывающая власть, набирается изъ людей яростныхъ убѣжденій и свирѣпыхъ дѣйствій (*ne se compose que des esprit violents et des mains violentes*). Самопроизвольно и безъ предварительнаго соглашенія, опасные сумасшедшіе овазываются въ союзъ съ опасными звѣрями и при возрастающемъ несогласіи законныхъ властей, этотъ незаконный союзъ все разрушаетъ передъ собой».

Этотъ послѣдній выводъ составляетъ рамку, въ которую Тэнъ вставляетъ свой рассказъ о самыхъ важныхъ по своимъ послѣдствіямъ событіяхъ въ исторіи Парижа—взятіи Бастиліи и походѣ

¹⁾ Dussaulx. Prise de la Bastille—въ концѣ 3-й части.

парижанъ на Версаль. Тэнъ не тратитъ времени на рассужденія о значеніи, которое имѣла Бастилія въ глазахъ французскаго народа, не упоминаетъ о томъ, что требованіе о разрушеніи ея было вставлено въ инструкціи, данныя депутатамъ; не взвѣшиваетъ, насколько насильственное взятіе ея было вызвано признаками подготовлявшагоса феодальной партіей удара—стагиваніемъ войска къ Парижу и отставкой Некера. Тэнъ поступаетъ въ данномъ случаѣ не какъ историкъ, а какъ человѣкъ, который случайно попалъ въ толпу и наблюдаетъ за тѣмъ, что въ ней происходитъ. Поэтому внѣшняя сторона событій описана у него превосходно. Изложеніе начинается съ подробнаго описанія грабежей и убійствъ, происходившихъ въ ночь съ 12-го на 13-е и продолжавшихся на слѣдующій день. Городъ былъ спасенъ отъ разбойниковъ только тѣмъ, что 14-го іюля начала формироваться національная гвардія. Матажъ получилъ снова политическій характеръ,—замѣчаетъ Тэнъ,—но остается сумасброднымъ, потому что производится толпой (*elle reste toujours folle, parcequ'elle est populaire*). У этой толпы нѣтъ вождей; человѣческій потокъ рвется впередъ или самъ загромождаетъ себѣ путь, повинуваясь только естественному наклону мѣстности или случайнымъ развѣтвленіямъ пути. Вся стратегія толпы заключается только въ томъ, чтобы напирать и поддаваться напору. Она съ 10 часовъ до 5 падаетъ изъ ружей въ каменные стѣны вышиною въ 40 и толщиной въ 30 футовъ. Если ей удастся захватить Бастилію, то это вслѣдствіе малодушія ея защитниковъ, которые потеряли голову и капитулируютъ.

Съ такимъ же реализмомъ изображена физиологія разсвирѣпѣвшей толпы, ворвавшейся въ Бастилію. Особенность народнаго матажа заключается въ томъ, что при всеобщемъ неповиновеніи дурныя страсти такъ же свободны, какъ и благородныя побужденія, и что герои не въ состояніи сдержать убійць. Толпа шадитъ швейцарцевъ, стрѣлявшихъ въ нее, ибо по костюму принимаетъ ихъ за арестантовъ; а тому инвалиду, который пошѣпалъ коменданту взорвать пороховой погребокъ и который эмимъ спасъ цѣлый кварталъ Парижа, отрубаетъ руку и, повѣсивши несчастнаго, носитъ его руку по улицамъ въ триумфальномъ шествіи. Еще хуже участь коменданта. Описаніе его истязаній и казни у Тэна напоминаетъ своимъ ужасающимъ реализмомъ самыя смѣлыя сюжеты изъ исторіи мучениковъ въ картинахъ Караваджіо и Рибейры, гдѣ участіе къ жертвѣ совершенно поглощается отвращеніемъ, которое возбуждаютъ фізіономіи убійць и видъ ихъ окровавленныхъ орудій.

Подобнымъ же образомъ описана послѣдовавшая за нѣмъ народная казнь Фулона и Бертье. Какъ и относительно прочихъ жертвъ народного террора, Тэнъ старается выставить на видъ ихъ заслуги и ихъ великодушное участіе къ бѣднымъ и очищаетъ ихъ память отъ обвиненій возникшей на ихъ счетъ народной молвы, къ которой слишкомъ довѣрчиво относились демократическіе историки. Впечатлѣніе, которое производитъ на читателей описаніе этого дикаго разгула парижской черни, еще усиливается элегическимъ контрастомъ, которымъ Тэнъ заключаетъ свою мрачную картину. Въ вечеръ послѣ убійствъ толпа опять тѣснится въ Пале-Рояль; въ одномъ изъ его маленькихъ ресторановъ сидятъ за ужиномъ убійца коменданта Де-Лоне, поварь, отрѣзавшій ему голову, и солдатъ, вырвавшій сердце у Бертье — съ своимъ трофеемъ. Но народъ, толпящійся подъ окнами, требуетъ себѣ трофеемъ — убійцы выбрасываютъ его изъ окна и спокойно продолжаютъ свой ужинъ, въ то время, какъ внизу съ торжествомъ носятъ по саду сердце, воткнувши его въ букетъ изъ бѣлыхъ гвоздикъ. «Вотъ зрѣлище, которое представляетъ этотъ садъ, гдѣ годъ тому назадъ свѣтское общество въ нарядныхъ туалетахъ собиралось побесѣдовать по окончаніи оперы, и нерѣдко, до двухъ часовъ ночи подъ мягкимъ сіяніемъ луны прислушивалось то къ скрипкѣ Сень-Жоржа, то къ прелестному голосу Гарата». Въ такихъ эффектахъ вполнѣ обнаруживается литературный талантъ Тэна, и они сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ напыщенные аллегоріи, заимствованныя изъ Мильтона, которыми Тэнъ характеризуетъ въ той же главѣ «народную революцію» и ея мать, «дающую свободу».

Исторія всякой политической и церковной формы любитъ окружать себя легендами; исторія французской демократіи имѣетъ также свои легенды, и самая популярная изъ нихъ — легенда о взятіи Бастиліи. Никому изъ предшествовавшихъ историковъ не удалось до такой степени лишить это событіе не только легендарнаго блеска, но и всякаго идеализма, какъ Тэну; но онъ забылъ при этомъ, что всякая легенда послѣ того, какъ трезвая историческая критика отдѣлитъ правду отъ ея фантастической оболочки, сохраняетъ по-прежнему историческій смыслъ; ея права на существованіе заключаются въ томъ чувствѣ, подѣ вліяніемъ котораго она сложилась. Разрушеніе Бастиліи было не только для парижанъ или для французовъ, но и для большинства образованныхъ европейцевъ символическимъ событіемъ. Когда вѣсть о взятіи ея облетѣла Европу, радость была такъ велика, такъ всеобща, что охватила всѣхъ, безъ различія національности, возраста и положенія. Въ Кембриджѣ университетъ взялъ событіе

14-го іюля тѣмою для поэтическихъ упражненій своихъ студентовъ, Альфіери привѣтствовалъ его пламенною одою, а въ Петербургѣ 7-лѣтняя дочь придворнаго генерала, сдѣлавшаяся впоследствии извѣстной своей страстной религіозностью, приведшей ее къ мистицизму и къ дружбѣ съ иезуитами, устроила вечеромъ въ своей комнатѣ иллюминацію. Историкъ, который ни слова не говоритъ объ этой радости и о тѣхъ идеяхъ, какія Европа соединяла со взятіемъ Бастиліи, и который при разрушеніи ея видитъ только чернь, толпившуюся около ея стѣнъ, конечно, усмотрѣлъ только одну сторону дѣла.

Но Тѣнь не только не хотѣлъ понять общаго значенія описаннаго имъ событія, онъ даже недостаточно отчетливо изобразилъ вліяніе его на ходъ революціи. Разсужденія Тѣни въ этомъ случаѣ только представляютъ комментарий къ словамъ Малуэ, что *terrors* начался съ 14-го іюля. Тѣнь видитъ только, что «громкое животное закусило удила», что съ этой минуты никто не можетъ считать себя безопаснымъ, что «личность и имущество, великіе и малые, частные люди и служащіе, наконецъ, само правительство—въ рукахъ толпы». Онъ обращается съ упреками въ національному собранію, которое отнеслось снисходительно къ совершившимся въ Парижѣ преступленіямъ, ко всѣмъ, кто, несмотря на кровавыя сцены, восхвалялъ великій смыслъ народа, его великодушіе и справедливость; кто поклонялся новому государю и увѣрялъ его, что онъ обладаетъ всѣми добродѣтелями, всѣми правами и всею властью. Тѣнь относится по этому случаю также съ укоромъ ко всѣмъ тѣмъ, «кто предпочитаетъ теорію своихъ книгъ опыту своихъ глазъ и пребываетъ съ упорствомъ въ идилліи, имъ сочиненной».

Всѣ эти упреки совершенно справедливы и урокъ, который Тѣнь извлекаетъ изъ исторіи 1789 г., не лишній въ наше время. Но взятіе Бастиліи поучительно не только въ этомъ отношеніи. Въ этомъ фактѣ нельзя только видѣть случайный взрывъ ослораганія, онъ имѣетъ болѣе существенное значеніе въ исторіи революціи и былъ необходимъ для торжества демократіи. Революція 1789 г. была ниспроверженіемъ монархическаго строя Франціи демократическимъ. Депутаты третьяго сословія подчинили монархическій принципъ демократическому, когда провозгласили себя 17-го іюня національнымъ собраніемъ. Съ этой минуты центръ государственной власти долженъ былъ перейти изъ версальскаго дворца въ залу des Menus Plaisirs. Естественнымъ слѣдствіемъ на эту узурпацію была реакція со стороны двора. Новый государь, оправившійся на принципъ народовластія, націо-

нальное собраніе было безпомощно въ борьбѣ съ прежнимъ легальнымъ государемъ. Но его выручило возстаніе парижанъ и только съ этой минуты можно было считать обезпеченнымъ торжество принципа народовластія. Въ этомъ заключается значеніе, которое имѣло взятіе Бастиліи для успѣха революціи.

Но побѣда національнаго собранія, купленная союзомъ съ парижскимъ населеніемъ, была куплена дорогой цѣною. Принципъ народовластія съ самаго начала раздробился. Онъ велъ практически къ двумъ совершенно различнымъ формамъ демократіи — къ представительной демократіи и къ непосредственному господству массы. Во имя перваго принципа государственная власть должна была принадлежать національному собранію; въ силу послѣдняго каждая община могла претендовать на непосредственное обладаніе верховной властью, на господство не только въ своихъ предѣлахъ, но и внѣ ихъ. Конечно, нигдѣ такія притязанія не могли обнаружиться въ такихъ размѣрахъ и нигдѣ не было для нихъ столько условій успѣха, какъ въ самомъ большомъ изъ городовъ Франціи, въ ея столицѣ, въ центрѣ демократическихъ страстей. Такимъ образомъ, рядомъ съ новымъ государемъ Франціи, призваннымъ къ власти движеніемъ 1789 г., рядомъ съ національнымъ собраніемъ сталъ еще другой претендентъ на власть — парижская коммуна. Соперничество между этими двумя органами демократіи, опиравшимися на два различныхъ толкованія ея принципа, было неминуемо и парижскій демосъ изъ защитника версальскаго собранія сдѣлался его соперникомъ, а наконецъ — и господиномъ. Въ этомъ именно заключается смыслъ событій, происходившихъ въ Парижѣ послѣ 14-го іюля и приведшихъ къ походу парижанъ на Версаль.

У Тэна разсказъ о парижскихъ событіяхъ прерванъ описаніемъ состоянія провинцій подъ вліяніемъ разрушенія Бастиліи. Новый утомительный перечень неистовствъ, совершенныхъ въ провинціяхъ, напоминаетъ отдѣлъ происшествій въ какой-нибудь судебной газетѣ, но за этимъ слѣдуетъ лучшая глава сочиненія — описаніе жизни въ Парижѣ послѣ 14-го іюля при полномъ господствѣ народовластія. Никогда еще теорія народовластія не проводилась такъ послѣдовательно и не прилагалась такъ непосредственно къ жизни, какъ въ тогдашнемъ Парижѣ, и никогда еще владычество крайней демократіи не было описано съ такимъ фотографическимъ реализмомъ, какъ у Тэна. Демократическій принципъ былъ доведенъ въ Парижѣ до абсурда, т.-е. до самоотреченія, до уничтоженія всякой власти. Во имя этого принципа не только городъ Парижъ получилъ право жить особой отъ

государства жизнью, или, вѣрнѣе, на счетъ государства, но каждый кварталъ французской столицы составлялъ особый организмъ, — независимую политическую вѣточку; въ каждомъ изъ этихъ дистриктовъ случайно собравшаяся толпа считала себя облеченной всѣми атрибутами государственной власти. Дистрикты не только произвольно отменяли постановленія городского совѣта, не только въ силу полной автономіи сносились съ національнымъ собраніемъ, но даже самовластно отправляли комиссаровъ въ провинціи для исполненія своихъ распоряженій. При такой всеобщей дезорганизации настоящимъ властелиномъ оказывалась уличная толпа. Она осаждала монастыри, производитъ обыски даже въ городской ратушѣ, преслѣдуетъ и наказываетъ городскихъ чиновниковъ, освобождаетъ преступниковъ во время ихъ казни и казнить зрителей, осуждавшихъ ея поведеніе. Этотъ новый деспотъ имѣетъ, конечно, своихъ совѣтниковъ и своихъ льстецовъ, которые подстрекаютъ его подозрительность и ярость. Но непреодолимая сила новаго демократическаго догмата обнаруживается не столько въ выходахъ его приверженцевъ, сколько въ словахъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ лицъ и защитниковъ государственнаго порядка. Что можетъ быть характеристичнѣе для тогдашняго положенія вещей, какъ сцена въ С.-Жерменѣ, гдѣ депутаты національнаго собранія становятся на улицѣ на колѣни передъ толпой и съ протянутыми къ ней руками и слезами на глазахъ умоляютъ ее пощадить жертвы, которыя она собирается убить; причемъ, несмотря даже на это крайнее униженіе, депутатамъ удается спасти только одну изъ двухъ жертвъ. Но еще болѣе рисуегъ это настроеніе умовъ всеобщее раболѣпное поклоненіе передъ *новой аристократіей* — чернью — обращеніе перваго министра и въ то время народнаго любимца Некера къ избирателямъ Парижа и къ собравшейся около нихъ толпѣ, у которой онъ вымаливалъ прощеніе Безанвиля, командовавшаго войсками 14-го іюля: «Я преклоняюсь, я становлюсь на колѣни передъ самымъ неизвѣстнымъ, самымъ незначительнымъ изъ парижскихъ гражданъ»... Не слѣдуетъ думать, чтобы значеніе подобной фразы было преувеличено тѣмъ, что она приведена у Тэна отрывочно. Слова Некера еще болѣе изумляютъ, если имѣешь передъ глазами полный текстъ, приводимый источниками. Смыслъ фразы заключался именно въ томъ, что, говоря 30-го іюля въ собраніи парижскихъ избирателей, которые составляли временное правительство Парижа, Некеръ отъ нихъ обратился къ толпѣ и сказалъ: «Я преклоняюсь (je me prosterne) не предъ вами, господа, которымъ, вслѣдствіе отличающаго ихъ благороднаго воспитанія

(*distingués par une éducation g n reuse*), остается только слѣдовать свѣту вашего разума и инстинктамъ вашего сердца, но я бросаюсь на колѣни передъ самымъ неизвѣстнымъ, самымъ незначительнымъ изъ парижскихъ гражданъ». Но за то, правда, такое поклоненіе передъ охлократіей производило тогда поразительные эффекты — «помиловать! помиловать!» возопили въ одинъ голосъ, громко рыдая, до 1,500 человекъ ¹⁾).

Между тѣмъ *царь* Парижа бѣдствовалъ, несмотря на свою власть, — несмотря на громадныя жертвы, которыя приносили и городское управленіе, и правительство, чтобы удешевить хлѣбъ. Застой въ работахъ, особенно вслѣдствіе начавшейся эмиграціи, парализовалъ всѣ усилія и дѣлалъ удешевленный хлѣбъ недоступнымъ для многихъ. И, наконецъ, нужда — въ сочетаніи съ политическими идеями, которыя овладѣли воображеніемъ народа — производить новый взрывъ страстей, новую катастрофу — походъ парижанъ на Версаль.

Описаніе этого событія у Тэна можно назвать классическимъ эпизодомъ въ его новомъ сочиненіи. Здѣсь оригинальная сторона его таланта — умѣнье изображать внѣшнюю реальную сторону жизни, фізіологію человекъ и людской толпы — могла проявиться *безъ ущерба* отъ его неумѣнья понять и оцѣнить значеніе и вліяніе идей, составляющаго обратную сторону его таланта. Описаніе взятія Бастиліи вышло у Тэна крайне одностороннимъ, потому что онъ не далъ въ немъ мѣста безпримѣрному увлеченію потребностью свободы и демократической страстью, которыя характеризуютъ іюльское возстаніе. Въ событіяхъ же 5-го и 6-го октября идеалистическая сторона народнаго движенія 1789 года отступаетъ на второй планъ; это не единодушное возстаніе жителей большого города, которые опасаются, что реформы будутъ приостановлены, что надежды на новый лучший порядокъ будутъ обмануты, — это, прежде всего, взрывъ неудовольствія со стороны голодающей толпы и затѣмъ проявленіе властолюбія парижской демократіи, первая изъ тѣхъ попытокъ подчинить Парижу Францію и ея правительство, которыя затѣмъ не-разъ повторялись, 14-е іюля дѣйствительно спасло французскую революцію, т. е. обезпечило національное собраніе стѣ преобладанія феодальной партіи; 5 и 6 октября были пораженіемъ какъ короля, такъ и національнаго собранія и побѣдой охлократіи надъ демократіей. Значеніе новой характеристики событій 5—6 октября, которому мы находимъ у Тэна, яснѣе обнаружится, если мы сравнимъ его

¹⁾ Mein de Dusaulx, p. 424.

описание съ изложеніемъ у прежнихъ историковъ. Демократическіе историки всего болѣе настаиваютъ на томъ, что походъ парижанъ на Версаль былъ вызванъ новымъ заговоромъ двора противъ національнаго собранія и дѣла свободы. Новая дислокація войскъ, банкетъ, данный офицерамъ фландрскаго полка въ Версальскомъ дворцѣ, и предпочтеніе, оказанное тамъ бѣлой кокардѣ передъ трехцвѣтной, служатъ для нихъ явными признаками заговора и потому, напримѣръ, версальскій банкетъ описанъ такъ подробно и съ такимъ пафосомъ у Мишле. Несмотря однако на это, Мишле признаетъ преобладающимъ мотивомъ движенія — голодъ въ Парижѣ, и согласно съ этими двумя мотивами — политическимъ и физическимъ — онъ распредѣляетъ роли между дѣйствующими лицами. «Настоящей, несомнѣнной причиной, — говоритъ онъ, — для женщинъ и для самой несчастной толпы былъ голодъ, — для большинства же мужчинъ, какъ изъ простаго народа, такъ и національной гвардіи, причиной движенія была честь, — оскорбленіе, нанесенное дворомъ парижской кокардѣ, принятой цѣлою Франціей, какъ символъ революціи». — «Женщины однако, — замѣчаетъ Мишле, — были истинными виновницами движенія, — безъ нихъ едва ли бы мужчины собрались идти на Версаль». Хотя, такимъ образомъ, Мишле признаетъ чисто-физическій стимулъ — голодъ — главнымъ мотивомъ, онъ умѣетъ однако идеализировать его. Женщины, руководящія движеніемъ, въ его глазахъ — *героини*. Онъ сопоставляетъ ихъ съ Жанной д'Аркъ и съ Жанной Монфорской. Женщины были въ авангардѣ революціи, потому что онѣ больше страдали, — *страдали за другихъ*. На первомъ планѣ въ толпѣ женщинъ, пошедшихъ въ Версаль, въ картинѣ Мишле стоитъ *мать*, бѣдная мать, которая, въ то время, какъ мужъ проводитъ время на работѣ или на народной сходкѣ, остается одна въ холодной и пустой квартирѣ среди дѣтей плачущихъ, больныхъ или умирающихъ отъ голода, или — что еще тяжелѣе — среди дѣтей, уворяющихъ мать за то, что она не даетъ имъ кусочка хлѣба. За матерью идетъ бѣдная работница, которая также страдаетъ не за себя, а глядя на другихъ; идетъ женщина изъ достаточныхъ классовъ общества, потому что не въ состояніи стерпѣть общаго бѣдствія.

Правда, Мишле упоминаетъ, что въ толпѣ женщинъ, отправившихся въ Версаль, были и *des filles publiques*, «но, — прибавитъ онъ — *compatissantes et charitables, comme elles le sont souvent*»; были и торговки съ рынка, — но онѣ, по его мнѣнію, роялисты и руководятся, главнымъ образомъ, желаніемъ видѣть короля въ Парижѣ. Проводя всю жизнь на

рынкѣ, онѣ лучше другихъ знаютъ страданія населенія, и онѣ двинулись въ Версаль — pour ramener le boulanger et la boulangère.

Съ совершенно иной точки зрѣнія взглянуть на дѣло первый историкъ, который отнесся критически къ исторіи революціи. Зибель обратилъ вниманіе преимущественно на политическій характеръ движенія на Версаль и кладетъ въ его основаніе обдуманнѣйшій планъ перевести короля въ Парижъ, чтобы усилить вліяніе городского управленія. Онъ отвергаетъ мнѣніе, что волненіе въ Парижѣ было вызвано враждебными планами со стороны двора; онъ отрицаетъ, чтобы Людовикъ XVI имѣлъ въ то время намѣреніе тайно уйти изъ Версаля, чтобы стать во главѣ контрреволюціи, — и указываетъ на недостаточность собранныхъ въ Версалѣ войскъ; съ другой стороны, онъ отрицаетъ, чтобы голодъ былъ главной причиной движенія на Версаль, и указываетъ, что хлѣбъ въ октябрѣ былъ въ Парижѣ дешевле, чѣмъ лѣтомъ. Все это, по мнѣнію Зибеля, служило только поводомъ для демагоговъ, чтобы возбудить народъ. Но прежде эта агитація была сдерживаема до извѣстной степени городскими властями, — теперь же члены городского управленія были сами недовольны королемъ: они сердились на него за то, что онъ не утверждалъ декрета національнаго собранія касательно обнародованія «декларациі правъ». Эту декларацию Лафайетъ, стоявшій, какъ начальникъ національной гвардіи, во главѣ Парижа, считалъ своимъ личнымъ дѣломъ, и потому онъ не противодѣйствовалъ агитаторамъ, увлекавшимъ народъ въ Версаль. Фактическія доказательства Зибель видитъ въ томъ, что толпа не думала о перенесеніи столицы въ Парижъ и что этотъ лозунгъ былъ данъ ей свыше; затѣмъ въ томъ, что національная гвардія хотѣла разогнать толпу, но что городскіе чиновники и офицеры изъ штаба Лафайета воздерживали ее отъ этого; наконецъ, въ томъ, что 5 октября уже въ 10 часовъ утра вице-президентъ городского совѣта, Вовилье, отправился въ Версаль, когда національная гвардія еще и не помышляла о походѣ туда, и увѣдомилъ министровъ, что національная гвардія выступаетъ въ Версаль съ тѣмъ, чтобы принудить дворъ переселиться въ Парижъ.

Съ точки зрѣнія Тэна, въ революціи преобладаютъ грубые инстинкты и бессознательное броженіе толпы подъ вліяніемъ физическихъ стимуловъ и увлеченія пущенными въ ходъ доктринами. Поэтому онъ не склоненъ видѣть въ движеніи на Версаль обдуманнаго политическаго плана и придавать значеніе вождямъ. Для него это движеніе — фізіологическій процессъ, «нарывъ, вскрыв-

пійся на воспаленномъ и больномъ тѣлѣ». Роль, которую при этомъ играли физическіе и нравственные стимулы, распредѣляется имъ по-ровну. «Съ одной стороны,—говоритъ онъ,—тутъ дѣйствовали страсти желудка и женщины, возмутившіяся вслѣдствіе дороговизны; съ другой стороны,—страсти мозга и мужчины, увлекавшіеся потребностью власти. «Такъ какъ напи начальники, — разсуждаютъ мужчины — намъ не повинуются, то пойдемте и заставимъ ихъ слушаться».—Тэнь считаетъ разсказъ объ оскорбленіи національной кокарды и объ измѣнѣ двора легендой, сфабрикованной послѣ для оправданія мятежа, но признаетъ, что эта легенда содѣйствовала рѣшимости перевести короля въ Парижъ. Въ противоположность Мишле, который говоритъ: «не нужно искать здѣсь вліянія партій, — онѣ дѣйствовали, но сдѣлали мало», Тэнь указываетъ, что подкупъ игралъ большую роль и что роздано было много денегъ особенно для того, чтобы сманить на сторону парижской демократіи солдатъ фландрскаго полка; но Лафайета и членовъ городского совѣта Тэнь считаетъ непричастными движенію — и признаетъ, что національная гвардія насилствовала своихъ начальниковъ.

Таковъ общій взглядъ Тэна на причины и характеръ похода парижанъ на Версаль. Взглядъ этотъ въ общихъ чертахъ ближе къ истинѣ, чѣмъ другіе, хотя въ немъ и обнаруживается съ излишней аффектаціей натуралистическая манера автора при объясненіи историческихъ событій. Но полное мастерство Тэна проявляется въ самомъ описаніи шествія на Версаль и того, что тамъ происходило, т.-е. когда Тэнь рисуетъ картину, когда ему приходится быть не историкомъ или политикомъ, а живописцемъ. Здѣсь его реалистическая манера, его способъ рисовать съ натуры, его умѣнье накапливать для эффекта яркія черты, совершенно на мѣстѣ; здѣсь даже нѣкоторый цинизмъ его въ образахъ и выраженіяхъ болѣе умѣстенъ, чѣмъ гдѣ-либо, — ибо выхваченъ изъ жизни и содѣйствуетъ правдивости картины. Сравнимъ, напримеръ, у Мишле и у Тэна сцену, когда на площади пришедшія изъ Парижа женщины стараются поколебать вѣрность выстроеннаго тамъ фландрскаго полка. У Мишле эти женщины являются ангелами мира: онѣ бросаются въ солдатамъ, умоляя ихъ не стрѣлять въ національную гвардію и не дѣлать зла народу. Какія это были женщины—Мишле не говоритъ; но онъ посвящаетъ цѣлую прочувствованную страницу одной изъ нихъ, расточая ей патетическіе эпитеты: «*Impétueuse, charmante, terrible, Théroigne de Méricourt ne sentait nul obstacle... Elle avait en des amours*». Но въ то время у ней была только одна страсть, жестокая, смер-

тельная, за которую она поплатилась дороже чѣмъ жизнью — любовь къ революціи». Тѣмъ же, напротивъ, даетъ намъ маленькую жанровую картинку, которая не уступаетъ картинкамъ Брейгеля—беззащитнымъ реализмомъ, но и жизненной правдой.

Наконецъ, значеніе и послѣдствія версальскихъ событій Тѣмъ выставляетъ болѣе трезво и правдиво, чѣмъ апологеты демократіи 1789 года. Мишле совершенно доволенъ результатами похода на Версаль: ему не приходитъ на умъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вредныхъ послѣдствій, которыя могло имѣть это событіе на самый исходъ революціи. Въ его глазахъ, «народъ завоевалъ своего короля», и онъ объясняетъ это мистическимъ сравненіемъ отношеній государя къ націи съ узами новобрачныхъ, которые должны жить по средневѣковой поговоркѣ: «à un pain et à un pat».

Тѣмъ же, руководясь политическимъ смысломъ самыхъ разсудительныхъ изъ свидѣтелей тѣхъ событій—тѣхъ, кого онъ называетъ «les trois meilleurs esprits de la révolution» — Малле-Дюпана, Мирабо и Малуэ, старается характеризовать положеніе дѣлъ ихъ отзывами и резюмируетъ свое мнѣніе образнымъ сравненіемъ съ отвѣснымъ склономъ, по которому катилась революція и на которомъ отнынѣ ни король, ни національное собраніе не имѣли средствъ затормозить ее, — король по своей нерѣшительности, а собраніе потому, «что, ослѣпленное, насилуемое, увлекаемое впередъ какъ своими теоріями, такъ и партией, служившей ему опорой, оно каждымъ изъ своихъ великихъ декретовъ только ускоряло паденіе». Это заключеніе служить вмѣстѣ съ тѣмъ Тѣму, по принятой имъ манерѣ, эпиграфомъ для второй части его книги, въ которой онъ разсматриваетъ законодательную дѣятельность національнаго собранія.

И опять-таки можно по этому поводу замѣтить, что Тѣмъ слишкомъ внѣшнимъ образомъ разсматриваетъ событія и слишкомъ мало вникаетъ въ ихъ политическій смыслъ. А между тѣмъ онъ могъ бы найти для этого въ изученныхъ имъ источникахъ не мало точекъ опоры. Движеніе 5 октября и установленное имъ преобладаніе Парижа было естественнымъ результатомъ господствовавшего въ то время представленія о демократіи и тогдашняго политическаго положенія дѣлъ. Съ большою ясностью указалъ Малуэ въ своемъ «письмѣ къ избирателямъ» на то, что увлеченіе крайнимъ развитіемъ демократическаго принципа и безусловное примѣненіе идеи о непосредственномъ народовластіи должны были въ большомъ (слѣдовало бы прибавить: и *слишкомъ централизованномъ*) государствѣ непремѣнно привести къ *деспотизму*.

мизму столицы, такъ какъ только тамъ дѣйствительно можетъ образоваться всенародное правительство, управляемое господствующей факціей ¹⁾. Дѣйствительно, всякій разъ воззваніе къ принципу абсолютнаго народовластія имѣло во Франціи послѣдствіемъ стремленіе Парижа приобрести гегемонію. Замѣчательно, что однимъ изъ первыхъ постановленій парижскихъ избирателей было требованіе, чтобы столица была переведена изъ Версаля въ Парижъ. Осуществленіе этого требованія и вмѣстѣ съ тѣмъ тиранія Парижа надъ правительствомъ Франціи были неизбежны въ 1789 году потому, что это правительство было глубоко раздвоено и между двумя органами его, національнымъ собраніемъ и королемъ, существовало, при коренномъ антагонизмѣ въ принципахъ, — непреодолимое недоверіе.

В. ГЕРЬЕ.

---

¹⁾ „Car c'est un rêve de notre âge que celui d'une démocratie royale ou absolue de 25 millions d'hommes; les républiques d'une telle étendue n'eurent jamais que dans leur métropole un gouvernement populaire, soumis à une faction dominante, dont les délégués furent toujours despotes dans les provinces“. Эти слова написаны еще весной 1790 г. (Mém. de Malouet, II, p. 82).

ДАВИДЪ ФРИДРИХЪ ШТРАУСЪ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

- A. Hauserath*, David Friedrich Strauss und die Theologie seiner Zeit. Erster Theil. Heidelberg, 1876. Zweiter Theil. Heidelberg, 1878.
D. F. Strauss, Gesammelte Schriften. Erster Band. Bonn, 1876. Zwölfter Band. Bonn, 1877.

Давидъ - Фридрихъ Штраусъ принадлежитъ въ числу тѣхъ людей, которые оставляютъ яркій слѣдъ въ умственной жизни своего народа и своей эпохи. Первое сочиненіе его—двадцатисемилѣтняго, неизвѣстнаго до тѣхъ поръ юноши—становится поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нѣмецкой богословской науки, распространяя вліяніе свое далеко за ея предѣлы. Буря, вызванная имъ, долго не утихаетъ и возобновляется, хотя и съ меньшей силой, когда оно, почти тридцать лѣтъ спустя, появляется въ свѣтъ въ новой обработкѣ, предназначенной для нѣмецкаго народа. Оттиснутый съ дороги, на которой былъ совершёнъ имъ этотъ первый, поразительный шагъ, Штраусъ долго и напрасно ищетъ новой почвы, столь же благоприятной для его таланта. Многое изъ сдѣланнаго имъ во время этихъ поисковъ было бы достаточно, чтобы доставить другому писателю почетную извѣстность, но для того, чтобы поддержать славу Штрауса на достигнутой имъ сразу высотѣ, историко-біографическіе его труды оказываются безсильными. Только подъ конецъ жизни Штраусъ опять выдвигается на первый планъ, сначала пріобрѣтая громкую, но эфемерную популярность письмами къ Ренану по поводу франко-германской войны, потомъ возбуждая противъ себя всѣ партіи, всѣ мнѣнія предсмертной своей profession de foi: «Der alte und der neue Glaube». Дѣятельность его заканчивается, какъ

и началась, среди шума полемики и ожесточенныхъ нападеній. Злѣйшихъ враговъ его — тѣхъ, противъ которыхъ онъ въ продолженіи сорока лѣтъ неустанно боролся, — не примиряетъ съ нимъ, конечно, и смерть; но большинство нѣмецкаго образованнаго общества сознаетъ, что оно въ немъ потеряло, и личность умершаго писателя становится предметомъ такого сочувственнаго вниманія, какимъ онъ никогда, кромѣ короткой минуты въ 1870 г., не пользовался при жизни. Вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ некрологовъ и краткихъ біографическихъ очерковъ, среди которыхъ особенно выдается брошюра стараго друга и единомышленника Штрауса, извѣстнаго богослова и философа Целлера ¹⁾, появляется полная біографія Штрауса, написанная однимъ изъ лучшихъ современныхъ нѣмецкихъ писателей, Гаусратомъ ²⁾. Одновременно съ этимъ предпринимается новое изданіе всѣхъ главныхъ сочиненій Штрауса, въ двѣнадцати томахъ, и въ составъ его входитъ нигдѣ до тѣхъ поръ не напечатанная, крайне интересная автобіографія или, лучше сказать, исторія литературной дѣятельности Штрауса — подъ названіемъ «Literarische Denkwürdigkeiten». У насъ въ Россіи извѣстность Штрауса столь же ограничена, какъ и свобода сужденія о немъ; но въ названныхъ нами книгахъ все-таки найдется не мало того, съ чѣмъ и возможно, и желательно познакомить русскую публику. Въ особенности сочиненіе Гаусрата представляется весьма замѣчательнымъ, такъ какъ, кромѣ біографіи Штрауса, оно содержитъ въ себѣ полную и оживленную картину движенія нѣмецкой богословской мысли за послѣдніе полъ-вѣка. Мы постараемся дать понятіе объ обѣихъ сторонахъ книги Гаусрата, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ и другими доступными намъ матеріалами.

I.

Воспитаніе и первая молодость.

Давидъ-Фридрихъ Штраусъ родился въ 1808 г., въ виртембергскомъ городѣ Людвигсбургѣ. Отецъ его былъ небогатый торговецъ, почти разорившійся во время войны за освобожденіе Германіи. Человѣкъ даровитый, не лишенный образованія, онъ

¹⁾ D. F. Strauss in seinem Leben und seinen Schriften, Bonn, 1874.

²⁾ О главномъ сочиненіи Гаусрата: „Neutestamentliche Zeitgeschichte“, были напечатаны статьи въ „Вѣстн. Евр.“, 1873 г., № 11, и 1875 г., № 12.

тяготился узкимъ кругомъ своей дѣятельности, но не находилъ въ себѣ достаточно силы, чтобы изъ него выйти. Онъ могъ бы быть, по замѣчанію одного изъ биографовъ Штрауса, хорошимъ и счастливымъ учителемъ или пасторомъ; въ той средѣ, въ которую его поставили обстоятельства, онъ бился какъ рыба объ ледь, все болѣе и болѣе склоняясь къ мрачному мистицизму. Къ счастью для Штрауса, мать его, — памяти которой онъ посвятилъ нѣсколько трогательныхъ страницъ, вошедшихъ въ составъ новаго изданія его сочиненій ¹⁾, — была совсѣмъ другого закала. Дѣятельная, бодрая женщина, съ практическимъ умомъ, съ свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, съ глубокимъ, но простымъ, чуждымъ петерпимости и формализма, религиознымъ чувствомъ, она была поддержкой для своего мужа, другомъ для своихъ дѣтей ²⁾; ей они были обязаны спокойнымъ, беззаботнымъ дѣтствомъ, во время котораго они даже не замѣчали опасностей, угрожавшихъ благосостоянію семейства; отъ нея Давидъ-Фридрихъ наследовалъ трезвость мысли, энергію характера, честность стремленій. Когда надъ его головой разразилась первая гроза, отецъ его, въ то время вполне отдавшійся пѣтivismу, ужасался, стыдился своего сына, и сдѣлалъ для него невозможнымъ пребываніе въ Людвигсбургѣ; мать Штрауса, какъ ни далеко было ея міросозерцаніе отъ образа мыслей сына, ни на минуту не отвернулась отъ него, страдала за него и вмѣстѣ съ нимъ, поддерживала его въ самыя трудныя эпохи его жизни; смерть ея, совпавшая съ одною изъ такихъ эпохъ (1839), была для него невознаградимой потерей. Первой учительницей Штрауса была его мать. Дочь деревенскаго пастора, но рано потерявшая отца и воспитанная въ мѣщанской семьѣ, она не получила большого образованія, даже не владѣла литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ,

¹⁾ Т. I, стр. 83.

²⁾ Кромѣ Давида-Фридриха, у нея былъ еще одинъ, младшій сынъ, Вильгельмъ. Между братьями, несмотря на все различіе дѣятельности (Вильгельмъ занимался торговлей), постоянно существовала тѣсная дружба, памятникомъ которой служитъ какъ надгробная рѣчь, произнесенная Давидомъ-Фридрихомъ по смерти Вильгельма (Собраніе соч. т. I, стр. 112), такъ и въ особенности посвященіе, стоящее во главѣ „Leben Jesu, für das deutsche Volk bearbeitet“. „Ты былъ для меня, — говоритъ Д.-Ф. Штраусъ въ этомъ посвященіи, обращаясь къ брату, — всѣмъ тѣмъ, чѣмъ для другихъ писателей бываютъ учителя, друзья, покровители. Ты ободрялъ, и — чѣмъ еще важнѣе — ты понималъ меня... Посвящая тебѣ мою книгу, я вижу въ тебѣ чело вѣка изъ народа; предназначая ее для народа, я предполагаю, что въ немъ много людей, тебѣ подобныхъ, какъ ты — не довольствующихся одною заботой о матеріальныхъ интересахъ, какъ ты, ищущихъ послѣ работъ отдыха въ серьезномъ чтеніи, какъ ты достаточно мужественныхъ для самостоятельнаго мышленія“.

а говорила и писала на швабскомъ нарѣчїи; но знакомство ея съ Библіей, въ которой она множество мѣстъ знала наизусть, съ лучшими молитвенными пѣснями и гимнами протестантской церкви, рано перешло къ сыну, поэтическая натура котораго нашла здѣсь обильную пищу. Всего важнѣе было то, что мать сумѣла внушить ему охоту и любовь къ труду. Необходимыя свѣдѣнія въ языкахъ и наукахъ ему дала такъ-называемая «латинская», т. е. приготовительная школа, которая въ это время въ Людвигсбургѣ была обставлена довольно хорошо. Тринадцатилѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ евангелическую семинарію, въ Блаубейренѣ (городѣ въ восточной части виртембергскаго королевства, недалеко отъ Ульма). Въ XVI-мъ вѣкѣ, послѣ паденія католицизма въ Виртембергѣ, нѣсколько монастырей, въ томъ числѣ и блаубейренскій, были обращены въ училища для приготовленія проповѣдниковъ, а также учителей, такъ какъ управленіе церковью и школой въ то время было нераздѣльно. Дисциплина въ этихъ училищахъ немногимъ отличалась отъ монастырской. Весь четырехлѣтній періодъ ученія воспитанники проводили въ строгомъ отрѣшеніи отъ міра, приучаясь къ грубой одеждѣ, къ скудной пищѣ, къ усиленному умственному труду. Въ началу нынѣшняго столѣтія школьные порядки нѣсколько смягчились, но все еще носили на себѣ ясный слѣдъ своего монастырскаго проихожденія. Суровый, тяжеловѣсный, мало-подвижный складъ швабскаго ума и характера способствовалъ ихъ долговѣчности. Для виртембергскихъ пасторовъ, чиновниковъ, купцовъ опредѣленіе сына въ одну изъ четырехъ евангелическихъ семинарій было любимомъ мечтою, какъ потому, что воспитанники семинарій принимались на полное казенное содержаніе (только одежду они должны были заводить на собственные средства), такъ и потому, что успѣшное окончаніе курса въ семинаріи открывало доступъ въ институтъ (Stift), учрежденный при тюбингенскомъ университетѣ для приготовленія богослововъ — а богословская карьера считалась въ Виртембергѣ чуть ли не самой почетной. Понятно, что желающихъ поступить въ семинарію всегда было много; принимались только избранные, выдержавшіе съ отличіемъ три экзамена, которые слѣдовали одинъ за другимъ на разстояніи года. Въ число такихъ избранныхъ попалъ и Штраусъ, хотя былъ моложе большинства своихъ товарищей. Нелегко было ему перейти изъ-подъ крылышка матери въ непривѣтную обстановку школы. Постоянный, строгій надзоръ, запрещеніе отлучаться изъ школы по вечерамъ, даже въ свободное время, раннее вставанье (въ 5¹/₂ ч. зимой, въ 5 ч. лѣтомъ),

масса классовых и вне-классовых занятій — все это иногда съ трудомъ переносилось быстро развивающимся, бойкимъ мальчикомъ, охотно трудившимся, но желавшимъ, вмѣстѣ съ ученикомъ въ «Фаустѣ», «ein wenig Freiheit und Zeitvertreib an schönen Sommertagen». Тѣмъ не менѣе школьная жизнь была счастливымъ временемъ для Штрауса; онъ всегда вспоминалъ о ней съ удовольствіемъ и признавалъ, что многимъ былъ ей обязанъ. Едва ли можно согласиться съ Гаусратомъ, что радикализмъ перваго сочиненія Штрауса стоитъ въ такой же связи съ виртембергскими школьными порядками, какъ и радикализмъ «Разбойниковъ», первой драмы Шиллера, что избытокъ дисциплины, умственного гнета въ обоихъ случаяхъ привелъ въ одинаковому взрыву долго подавленной силы. Между «Karlschule», въ которой провелъ свои юношескіе годы Шиллеръ, и блаубейренской семинаріей нѣтъ ничего общаго; тамъ мелочная тираннія полоумнаго деспота, господство внѣшней дрессировки, безъ всякаго истинно-образовательнаго элемента, постоянное униженіе и оскорбленіе складывающейся личности — здѣсь высокоразвитые, гуманные учителя, превосходное преподаваніе, стѣсненія чисто внѣшнія, сравнительно легко переносимыя. Да и радикализмъ «Разбойниковъ» имѣетъ очень мало общаго съ радикализмомъ перваго сочиненія Штрауса; у Шиллера — радикализмъ чувства и страсти, отрицательно относящійся ко всему существующему; у Штрауса — радикализмъ ума и мысли, не переходящій въ область практической жизни. Картина семинарскаго воспитанія, съ любовью набросанная Штраусомъ въ его біографіи Мерклина ¹⁾, производятъ не подавляющее, а отрадное, успокоивающее впечатлѣніе. Подъ тонкой, легко-проницаемой корой старозавѣтной рутины, это воспитаніе содержало въ себѣ массу свѣжихъ, здоровыхъ элементовъ. Учились воспитанники сравнительно небольшому числу предметовъ, но за то усваивали ихъ себѣ основательно, всесторонне; Гомеръ дѣлался ихъ карманной книгой, Горация они и подъ старость съ наслажденіемъ читали въ подлинникѣ. Ихъ знакомили не только съ буквой, но и съ духомъ древнихъ писателей. Товарищескія отношенія ихъ ничѣмъ не были стѣснены, во внутреннюю ихъ жизнь никто не вторгался. Въ воспитаніи будущихъ богослововъ не было замѣтно пѣтстическаго элемента. Даже физическое воспитаніе не было въ совершенномъ пренебреженіи; гимнастика, купанье, прогулки въ

¹⁾ „Christian Märklin, ein Lebens- und Charakterbild aus der Gegenwart“. Mannheim, 1850.

прелестныхъ окрестностяхъ города, иногда дальнія экскурсіи подъ руководствомъ одного изъ преподавателей—шли параллельно съ усиленными классными занятіями. Это все черты болѣе или менѣе общія всѣмъ тогдашнимъ виртембергскимъ семинаріямъ ¹⁾—но условія школьной жизни Штрауса были особенно благоприятны. Главнымъ преподавателемъ блаубейренской семинаріи былъ при немъ Бауръ, столь извѣстный впоследствии какъ профессоръ богословія и основатель такъ-называемой тюбингенской школы. Исключительно живя для науки, аскетъ труда, Бауръ обладалъ рѣдкою способностью возбуждать въ своихъ ученикахъ интересъ въ любимымъ его предметамъ ²⁾. Слушать древнихъ историковъ, объясняемыхъ Бауромъ, было, по словамъ Штрауса, настоящимъ наслажденіемъ. Читая Геродота, онъ касался главныхъ вопросовъ мифологической науки; читая Тита Ливія—знакомилъ своихъ слушателей съ приемами нибуровской критики; читая Платона—вводилъ ихъ въ область философіи. Другой преподаватель семинаріи, Кернъ—одновременно съ Бауромъ переведенный профессоромъ богословія въ Тюбингенъ, но не оправдавшій тамъ возлагавшихся на него ожиданій—былъ любимъ и уважаемъ слушателями не менѣе, чѣмъ Бауръ; его лекціи о латинскихъ и греческихъ поэтахъ, о псалмахъ и пророкахъ, объ антропологии и логикѣ остались въ памяти Штрауса, какъ произведенія, въ своемъ родѣ образцовыя. Упрекнуть Баура и Керна можно было только въ томъ, что они не всегда сообразовались съ развитіемъ своихъ слушателей и поднимались иногда на такія высоты, куда послѣдніе еще не могли слѣдовать за ними. Съ другой стороны, между товарищами Штрауса по семинаріи процентъ даровитыхъ, выходящихъ изъ ряда молодыхъ людей былъ гораздо больше обыкновеннаго. Всего болѣе выдавались изъ ихъ среды Циммерманнъ, будущій историкъ крестьянской войны въ Германіи (сочиненіе это переведено на русскій языкъ); Финеръ, остроумный эстетикъ; Мерлинъ, честный, смѣлый мыслитель, памяти котораго Штраусъ посвятилъ цитированную нами уже книгу; еще нѣсколько другихъ, приобрѣвшихъ почетную, хотя и скромную извѣстность, какъ поэты, педагоги, публицисты. Живое общеніе съ такими юношами довершало то, чему владѣли основаніе лекціи Баура и

¹⁾ Интересную характеристику другой виртембергской семинаріи, шпегальской, составленную авторомъ хорошей монографіи о Лютерѣ, Лангомъ, и относящуюся почти къ тому же времени, см. въ „Gartenlaube“, 1875 г., № 23.

²⁾ Для ближайшаго знакомства съ симпатичною личностію Фр. Христіана Баура можетъ служить біографія его, составленная ученикомъ его, Целлеромъ (*Zeller, Vorträge und Abhandlungen*, S. 354. Leipzig, 1865).

Керна. Замѣчательно, что изъ числа восьми ближайшихъ швольныхъ друзей Штрауса только *одинъ* остался вѣренъ богословской карьерѣ; всѣ остальные, какъ и самъ Штраусъ, вынуждены были рано или поздно съ ней разстаться.

Товарищеская среда, которою былъ окруженъ Штраусъ въ Блаубейренѣ, перешла вмѣстѣ съ нимъ въ богословскій институтъ при тюбингенскомъ университетѣ, куда онъ поступилъ семнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1825 г.; но въ другихъ отношеніяхъ положеніе его измѣнилось не къ лучшему. Правда, студенты института пользовались гораздо большею свободой, чѣмъ воспитанники семинаріи; они могли считать себя полноправными, съ немногими только ограниченіями, «академическими гражданами»; но времена были тяжелыя для университетовъ вообще, и для тюбингенскаго въ особенности. Постоянныя столкновенія между старыми студенческими корпораціями и новыми (буршеншафтами) вызвали посылку въ Тюбингенъ, вскорѣ послѣ прибытія туда Штрауса, правительственнаго комиссара, съ обширными полномочіями, которыми онъ безцеремонно пользовался и противъ профессоровъ, и противъ студентовъ. Лично Штраусъ отъ этого не пострадалъ, потому что мало принималъ участія въ корпоративной студенческой жизни; болѣе серьезнымъ источникомъ разочарованій сдѣлалось для него университетское преподаваніе, не только не затмившее лекцій любимыхъ блаубейренскихъ учителей, но даже не замѣнившее ихъ, оказавшееся гораздо низшаго сорта. Профессоры классической филологіи занимались буквѣдствомъ; изъ профессоровъ философіи одинъ былъ мистикъ, вѣрившій въ духовъ не меньше нынѣшнихъ спиритовъ; другой—отжившій старикъ; третій—флегматичный и апатичный эклектикъ, безъ всякой собственной мысли. Не лучше были замѣщены сначала и кафедры богословскаго факультета; самымъ вліятельнымъ профессоромъ былъ здѣсь Штейдель, бездарный компиляторъ, лишенный даже самаго обыкновеннаго дара слова, и притомъ пѣтистъ, всѣми силами старавшійся не допускать въ преподаванію людей болѣе самостоятельнаго направленія. Если Бауръ, на второй годъ пребыванія Штрауса въ университетѣ, былъ призванъ къ занятію вакантной кафедры церковной исторіи, то это счастливое для Штрауса назначеніе состоялось вопреки протесту Штейделя, съ прозорливостью фанатизма угадавшаго въ молодомъ ученомъ будущаго нарушителя богословской тишины и глади въ Тюбингенѣ. Лекціи Баура, хотя еще и далеко не дошедшаго тогда до окончательнаго результата своихъ изслѣдованій, были

единственнымъ живымъ словомъ, которое слышалъ Штраусъ съ кафедръ во время пятилѣтняго пребыванія своего въ университетѣ.

Понятно, что группа молодыхъ, даровитыхъ людей, къ которой принадлежалъ Штраусъ, — людей, еще на школьной скамьѣ привыкшихъ мыслить, — должна была живо чувствовать пробѣлы университетскаго преподаванія и заботиться о пополненіи ихъ другими средствами, преимущественно чтеніемъ; но это не всегда было легко, особенно въ области философіи. Семнадцати-восемнадцатилѣтніе юноши пробовали читать Канта, но не могли понять его. Доступнѣе оказался Шеллингъ, родственникъ имъ уже вслѣдствіе близости своей къ романтикамъ, поэзіей которыхъ они въ то время восхищались. Отъ Шеллинга они перешли къ мистикамъ, къ Якову Бѣме, котораго именно Шеллингъ старался въ то время извлечь изъ забвенія. Штраусъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами, пошелъ еще дальше; онъ увлекся вѣрой въ пророческій даръ магнетизируемыхъ лицъ, въ постоянное общеніе между сферою духовъ и нашимъ міромъ, сблизился съ главными пропагандистами этого ученія — Эшенмайеромъ и Юстиномъ Кернеромъ ¹⁾, и самъ сдѣлался яримъ до нетерпимости его защитникомъ. До тѣхъ поръ застѣнчивый, молчаливый, неувѣренный въ себя, Штраусъ, по свидѣтельству одного изъ товарищей его (Фишера), именно теперь становится упорнымъ спорщикомъ, преслѣдуетъ насмѣшками все, похожее на рационализмъ, усваиваетъ себя рѣзкій, не допускающій возраженій тонъ закоренѣлаго ортодоксально-лютеранскаго богослова. Этотъ переходный моментъ продолжается недолго; новый переломъ совершается подъ вліяніемъ Шлейермахера, къ которому скоро присоединяется еще болѣе сильное вліяніе Гегеля. О свойствахъ этихъ вліяній мы будемъ говорить ниже; теперь скажемъ только, что знакомство съ сочиненіями Гегеля, по словамъ Штрауса, пробудило въ немъ новыя способности и силы. Прежде онъ считалъ себя преимущественно человекомъ чувства, мечтателемъ, будущимъ поэтомъ; точно также смотрѣли на него и товарищи, читая и хваля первые его стихотворные опыты. Изучая Гегеля, онъ сталъ сознавать, что призваніе его совсѣмъ другое, что диалектическое мышленіе въ немъ сильнѣе поэтической жилки, что если послѣдней и суждено сослужить ему вакую-нибудь службу, то лишь въ свѣтѣ у перваго, въ строгомъ повиновеніи ему. Только теперь, выйдя на настоящую свою дорогу, Штраусъ сталъ

¹⁾ Прелестную, полную юмора картину этихъ юношескихъ увлеченій Штрауса можно найти въ статьѣ его о Кернерѣ (Собр. сочин., т. I, стр. 121).

трудиться съ увлеченіемъ, со страстью, только теперь сталъ опережать своихъ товарищей и все больше и больше выдаваться надъ ними. До тѣхъ поръ умственная инициатива въ кружкѣ Штрауса принадлежала Циммерманну; онъ первый перешелъ отъ Шлейермахера къ Гегелю, первый возбудилъ въ своихъ друзьяхъ интересъ къ берлинскому философу; теперь роль Циммерманна всецѣло перешла къ Штраусу.

Не слѣдуетъ думать, однако, что разрывъ Штрауса съ общепринятымъ образомъ мыслей совершился внезапно. Оставляя университетъ (1830), онъ не былъ уже тѣмъ наивно-вѣрующимъ юношей, какимъ вступилъ туда, какимъ еще за два года передъ тѣмъ вѣдилъ на поклоненіе къ Кернеру; но сомнѣнія, начинавшія вытѣснять привычное міросоверпаніе, не помѣшали ему ни принять безъ колебанія мѣсто викарія (т.-е. помощника проповѣдника) въ небольшомъ мѣстечкѣ Клейнъ-Ингерстеймъ, близъ Людвигсбурга, ни исполнять, охотно и бодро, обязанности своего званія. Аллегорическое пониманіе того, что его прихожане принимали буквально, казалось ему вполне совмѣстимымъ съ этими обязанностями; исходя изъ гегелевскаго взгляда, по которому философія возводитъ на степень понятія содержащееся въ религіи на степени представленія, онъ успокоивалъ себя тѣмъ, что различіе между его мнѣніями и вѣрою его паствы касается не столько существа, сколько формы. Прежде нежели положеніе молодого викарія успѣло сдѣлаться фальшивымъ, онъ былъ назначенъ преподавателемъ латинскаго и еврейскаго языковъ и исторіи въ одной изъ семинарій (лѣтомъ 1831 г.), и въ короткое пребываніе свое тамъ успѣлъ заслужить любовь и уваженіе учениковъ, между которыми былъ позднѣйшій другъ его — Целлеръ. Въ ноябрѣ 1831 г. онъ поѣхалъ довершать образованіе свое въ Берлинъ, привлекавшій тогда именами Гегеля и Шлейермахера всѣхъ молодыхъ философовъ и богослововъ. Большимъ разочарованіемъ для Штрауса была смерть Гегеля, какъ разъ совпавшая съ пріѣздомъ его въ Берлинъ; знакомство со вдовою Гегеля, съ его учениками не могло вознаграждать эту потерю, а Шлейермахеръ давно уже утратилъ въ глазахъ Штрауса часть прежняго своего обаянія. Сближенію съ Шлейермахеромъ помѣшало и то, что Штраусъ слишкомъ откровенно высказывалъ ему, постоянному антагонисту Гегеля, сожалѣніе свое о невозможности воспользоваться уроками великаго мыслителя. Лекціями Шлейермахера, въ то время уже состарѣвшагося и утомившагося, Штраусъ остался не вполне доволенъ; но часы, посвященные слушанію проповѣдей его, Штраусъ еще тридцать лѣтъ спустя называлъ

незабвенными ¹⁾. Уже въ это время созидала въ немъ мысль о работѣ, отъ которой должна была зависѣть вся дальнѣйшая судьба его; въ приготовленіяхъ къ ней онъ провелъ въ Берлинѣ почти всю зиму. Онъ предполагалъ тогда дать ей форму лекцій, потому что ожидалъ назначенія репетиторомъ въ институтъ при юбингенскомъ университетѣ. Мѣсто репетитора онъ дѣйствительно получилъ (лѣтомъ 1832 г.), но ему поручены были чтенія не по богословію, а по философіи. Катастрофа, такимъ образомъ, была отсрочена, но оставалась неизбѣжной; Штраусъ твердо рѣшился не скрывать результата своихъ изслѣдованій и размышленій. «Мнѣ весьма грустно, — писалъ онъ еще въ 1832 году одному изъ друзей своихъ, — что все замышляемое мною въ области богословія сопряжено съ такой опасностью для меня (dass alles, was ich in der Theologie thun möchte, solche halsbrechende Arbeit ist); но чтѣ дѣлать, такъ или иначе я долженъ справиться съ своей задачей». Начальство университета, съ своей стороны, какъ-бы нарочно преграждало Штраусу доступъ къ занятіямъ, которыя могли бы отвлечь его отъ теологическихъ изысканій. Успѣхъ его лекцій по философіи возбудилъ зависть официальныхъ преподавателей этого предмета, аудиторіи которыхъ опустѣли еще больше прежняго; они стали оспаривать право Штрауса, какъ репетитора, читать лекціи въ полномъ смыслѣ этого слова. Осенью 1833 года Штраусъ былъ вынужденъ прекратить свои бесѣды и обратился, пользуясь нежеланнымъ досугомъ, въ окончательной обработкѣ труда, первоначальный планъ котораго онъ привезъ съ собою изъ Берлина. Работа подвигалась впередъ съ удивительною быстротою; печатаніе перваго тома «Leben Jesu» продолжалось столько же времени, сколько понадобилось автору, чтобы написать его. Онъ вышелъ въ свѣтъ лѣтомъ 1835 года. Чтобы понять впечатлѣніе, имъ произведенное, необходимо бросить взглядъ на тогдашнее положеніе нѣмецкой богословской науки.

II.

ПЕРВАЯ КНИГА.

Въ средѣ протестантской церкви движеніе, возбужденное реформаціей, часто замирало, но никогда вполне не превращалось. Если для большинства ученыхъ и практическихъ богослововъ

¹⁾ Предисловіе къ переводу „Разговоровъ“ Ульриха фонъ-Гуттена, стр. LIII (Leipzig, 1860).

аугсбургское исповѣданіе или ученіе Кальвина было абсолютной истиной, которую они и охраняли съ ревностью, мало-отличною отъ католическаго фанатизма, то всегда находились самостоятельные умы, видѣвшіе въ реформаціи только исходную точку движенія, а не послѣднее слово. Даже въ XVII-мъ столѣтіи, въ эпоху наибольшаго застоя, наибольшаго преобладанія узкаго, рутиннаго формализма, профессоръ богословія въ лютеранскомъ гельмштедтскомъ университетѣ, Каликстъ, проповѣдуетъ не только соединеніе церквей лютеранской и реформатской—въ это именно время всего упорнѣе враждовавшихъ между собою — но и возвращеніе къ первобытному единству всей христіанской церкви. Въ концѣ того же вѣка Шпенеръ владеть основаніе піетизму, который сначала былъ не чѣмъ инымъ, какъ живымъ протестомъ чувства, сердечной вѣры противъ холодной, схоластической мелочности господствующаго лютеранскаго правовѣрія. Выродившись въ замѣнутую, одностороннюю доктрину, усвоивъ себѣ всѣ недостатки побужденнаго противника, піетизмъ весьма скоро переходитъ изъ роли гонимаго въ роль гонителя, но въ свою очередь встрѣчаетъ отпоръ, соотвѣтствующій духу новаго, XVIII-го вѣка. Сначала этотъ отпоръ идетъ изъ области философіи, первое мѣсто въ которой занималъ тогда ученикъ Лейбница, Вольфъ ¹⁾; дѣло, имъ предпринятое, продолжаютъ представители такъ называемой литературы *просвѣщенія* (Aufklärung) — Николай, Базедовъ, Мендельсонъ, Реймарусъ, Лессингъ; но во второй половинѣ столѣтія новыя идеи проникаютъ и въ богословскую область. Желаніе примирить разумъ съ вѣрой, науку съ преданіемъ создаетъ такъ-называемый *раціонализмъ*, къ началу XIX-го вѣка представляющій уже вѣрно организованную, широко распространенную школу. Сущность его можетъ быть сведена къ слѣдующему положенію: все записанное въ священныя книги дѣйствительно совершилось, но совершилось по законамъ природы, безъ всякаго отъ нихъ отступленія. Гдѣ, повидимому, идетъ рѣчь о такомъ отступленіи, тамъ слѣдуетъ или понимать сказанное аллегорически, принимая въ соображеніе цвѣтистыя, богатый метафорами языкъ восточныхъ литературъ, или относить къ дѣйствию естественныхъ причинъ то, что лишь вслѣдствіе ошибки или недоразумѣнія приписано дѣйствию причинъ сверхъ-естественныхъ,— или, наконецъ, предполагать

¹⁾ Интересный рассказъ о столкновеніи между Вольфомъ и піетистами, главнымъ центромъ дѣятельности которыхъ, какъ и дѣятельности Вольфа, былъ прусскій городъ Галле, объ изгнаніи Вольфа изъ Пруссіи Фридрихомъ-Вильгельмомъ I-мъ, о возвращеніи его на кафедру въ Галле Фридрихомъ II-мъ — см. у Целлера (Vorträge und Abhandlungen geschichtlichen Inhalts, S. 108).

пробѣлъ, недомолву въ разсказѣ, неточность или неясность въ выраженіи. Понятно, что такіе критическіе приемы должны были привести къ величайшимъ натяжкамъ, къ невозможнымъ, иногда просто бессмысленнымъ, иногда грубо матеріалистическимъ объясненіямъ, въ сущности гораздо менѣе совмѣстнымъ съ уваженіемъ къ разбираемому предмету, чѣмъ было бы прямое отрицаніе ¹⁾; но нѣсколько десятилѣтій тому назадъ самыя явныя противорѣчія и несообразности раціонализма не мѣшали быстрому его распространенію, потому что онъ отвѣчалъ потребностямъ времени, служилъ удобнымъ компромиссомъ между старымъ и новымъ, допускалъ критику, не требуя открытаго разрыва съ общепринятыми взглядами. Само собою разумѣется, что далеко не всѣ протестантскіе богословы примкнули къ знамени раціоналистовъ; но совершенно свободнымъ отъ его вліянія не остался почти никто изъ нихъ. Противники раціонализма — такъ-называемые супра-натуралісты — сосредоточивали всѣ свои силы на главныхъ пунктахъ, уступая непріятелю форпосты, отдѣльныя укрѣпленія, и не замѣчая, что такимъ образомъ утрачивается яркое, рѣзкое различіе между спорящими сторонами. Успѣху раціонализма спесобствовалъ и нейтралитетъ, котораго держалась въ это время свѣтская власть по отношенію къ богословскимъ спорамъ. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ II-мъ сдѣлана была попытка остановить развитіе новыхъ взглядовъ (Neologie) въ средѣ протестантской церкви; его Religionsedict 1788 г. угрожалъ отвѣтственностью всѣмъ профессорамъ и пасторамъ, которые въ лекціяхъ или проповѣдяхъ стануть отступать отъ установленной церковной доктрины; но этотъ эдиктъ встрѣтилъ такое сильное, хотя и пассивное сопротивленіе со стороны заинтересованныхъ лицъ, поддерживаемыхъ магистратурой, что остался почти безъ примѣненія и скоро былъ отиѣненъ новымъ королемъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ III-мъ, долго не нарушавшимъ однажды принятаго принципа терпимости и невмѣшательства. Другія нѣмецкія правительства слѣдовали, въ болъшей или меньшей степени, примѣру прусскаго. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ раціонализму моги создать себѣ твердыни въ нѣкоторыхъ университетахъ, особенно галльскомъ и гейдельбергскомъ, и приобрести цѣ-

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о раціонализмѣ и любопытныя примѣры его невѣроятныхъ толкованій, которыхъ мы, къ сожалѣнію, здѣсь привести не можемъ, читатели найдутъ у Гаусрата („D. F. Strauss, т. I, стр. 115—138), у Целлера (Vorträge und Abhandlungen“, стр. 269—273), Баура („Kirchengeschichte des XIX-ten Jahrhunderts—V-ый томъ его „Geschichte der christlichen Kirche, стр. 99—104, 175—188).

лую армию приверженцевъ въ рядахъ духовенства. Въ это именно время сложился типъ свободномыслящаго, философски-образованнаго пастора, придающаго значеніе только нравственной сторонѣ религіи, относящагося съ добродушнымъ снисхожденіемъ ко всѣмъ чисто-догматическимъ разногласіямъ, уживающагося и съ католическимъ своимъ коллегой, и съ равнодушнымъ въ церкви міряниномъ—типъ, прямо противоположный современному, знакомымъ типамъ строго-лютеранскаго велота или исполненнаго елейности и гордости пѣтиста. Глава рационалистовъ, гейдельбергскій профессоръ Паулусъ былъ чѣмъ-то въ родѣ патриарха, рекомендація котораго служила ступенью къ высшимъ духовнымъ почестямъ и званіямъ.

Самостоятельное, во многихъ отношеніяхъ, мѣсто между рационалистами и супра-натуралистами занималъ Шлейермахеръ, въ продолженіи слишкомъ тридцати лѣтъ (онъ умеръ въ 1834 г.) популярнѣйшій изъ берлинскихъ проповѣдниковъ и профессоровъ богословія. Самостоятельность его проявлялась, впрочемъ, не столько на почвѣ толкованія текстовъ — здѣсь онъ приходилъ, въ сущности, къ тѣмъ же результатамъ, какъ и рационалисты, — сколько на почвѣ философіи религіи. Основаніемъ и источникомъ религіи служило въ его глазахъ непосредственное, внутреннее чувство, сознаніе безусловной зависимости отъ высшей силы, прирожденное челоуѣку (*das schlechthinige Abhängigkeitsgefühl*). Точка зрѣнія его была чисто субъективная, одинаково далекая и отъ церковной, и отъ философской объективности. Естественно, что, дѣйствуя преимущественно на чувство, онъ скорѣе увлекалъ, чѣмъ убѣждалъ — увлекалъ въ особенности силою своего краснорѣчія, обаяніемъ своей мягкой, гуманной, повѣтической природы. При жизни вліяніе его казалось громаднымъ, да и дѣйствительно было очень велико, — послѣ смерти онъ не оставилъ прочной, крѣпко организованной школы; большинство тѣхъ, которые назывались и считали себя его учениками, скоро свернули на обычную дорогу и применили къ тому или другому отдѣлу церковной партіи. Контрастъ, въ этомъ отношеніи, между Шлейермахеромъ и Гегелемъ остроумно изображенъ Штраусомъ въ слѣдующихъ двухъ эпиграммахъ, написанныхъ въ 1844 г.:

1. *Hegel*. Sein System war klüger als er; drum haben die Schüler Besser den Meister erklärt, als er sich selber verstand.
2. *Schleiermacher*. Der war klüger als sein System; drum machen die Schüler, Denen sein Spiritus fehlt, eine so schlechte Figur 1).

1) „Poetisches Gedenkbuch. Gedichte aus dem Nachlasse von D. F. Strauss“, въ XII-мъ томѣ Собранія его сочиненій, стр. 25.

Ученіе Гегеля и въ другихъ отношеніяхъ было прямо противоположно ученію Шлейермахера. Какъ послѣдній все сводилъ къ чувству, такъ первый все сводилъ къ разуму. Религія, по опредѣленію Гегеля, есть самосознаніе духа или разума (*der sich seines Wesens bewusste Geist*), возвышеніе конечнаго сознанія къ своему абсолютному содержанію, въ которомъ оно, какъ конечное, и поглощается. Чтѣ коренится исключительно въ моемъ чувствѣ—говоритъ Гегель, опровергая именно Шлейермахера—то существуетъ лишь для меня, а не само по себѣ (*an sich*); чувство—только форма, которая можетъ быть наполнена самымъ различнымъ содержаніемъ, истиной точно такъ же, какъ и ложью, добромъ точно такъ же, какъ и зломъ. Въ мышленіи, а не въ чувствѣ слѣдуетъ искать абсолютное; это видно уже изъ того, что сознаніе абсолютнаго доступно только человѣку, т. е. единственному мыслящему существу. Личность должна стремиться къ отрѣшенію отъ самой себя, къ слянію съ всеобщимъ — а чувство, какъ нѣчто по преимуществу индивидуальное, идетъ прямо въ разрѣзъ съ этимъ стремленіемъ. Отсюда дальнѣйшее разногласіе между Шлейермахеромъ и Гегелемъ, по вопросу объ отношеніи философіи къ религіи. Шлейермахеръ совершенно отдѣляетъ одну отъ другой, считаетъ область послѣдней недоступною для первой; Гегель устанавливаетъ между ними самую тѣсную связь, признавая, какъ уже было сказано выше, что философія возводитъ на степень понятія содержащееся въ религіи на степени представленія. Не трудно замѣтить, что это положеніе обоюдоострое, что изъ него можно вывести заключенія, весьма мало похожія другъ на друга. Извѣстно, что школа Гегеля скоро послѣ его смерти распалась на два различныя, даже враждебныя лагеря, что такъ-называемые гегельянцы лѣвой стороны и въ области практической, и въ области спекулятивной мысли пришли къ результатамъ, отъ которыхъ отшатнулся бы самъ Гегель; зародышь этой двойственности заключался, между прочимъ, именно въ только-что указанномъ нами тезисѣ объ отношеніи философіи къ религіи. Нагляднымъ доказательствомъ тому служить примѣръ Бруно Бауера, который, оставаясь гегельянцемъ, сначала демонстрировалъ положеніе учителя въ крайнюю правую, потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя — въ крайнюю лѣвую сторону. Какъ бы то ни было, но самъ Гегель былъ, если можно такъ выразиться, гегельянцемъ правой стороны; въ томъ же смыслѣ дѣйствовали, при его жизни, и ближайшіе ученики и сотрудники его, пытаясь установить внѣшнее согласіе между господствующей философскою системою и ученіемъ господствующей въ Пруссіи

церкви. Между учеными, работавшими надъ этой задачей, особенно выдавался Маргейнеке, послѣ смерти Гегеля считавшійся, весьма, впрочемъ, недолго, законнымъ преемникомъ его, главою не распавшейся еще школы. Сочиненія и лекціи Маргейнеке по догматикѣ, сначала написанныя въ духѣ Шеллинга, потомъ передѣланныя въ духѣ Гегеля, для философствующихъ богослововъ играли ту же самую роль, какая для чистыхъ философовъ принадлежала сочиненіямъ и лекціямъ самого учителя.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ одной отрасли богословской науки, развивавшейся не въ прямой зависимости отъ споровъ между рационалистами и супра-натуралистами, философами и богословами: это — критика источниковъ, разрѣшеніе вопросовъ о томъ, когда, кѣмъ, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и на основаніи какихъ данныхъ составлена та или другая книга. Начало такой критикѣ было положено еще въ XVIII-мъ вѣкѣ, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, она обратилась прежде къ болѣе отдаленному времени, къ болѣе древнимъ книгамъ, и только постепенно, не безъ колебаній, рѣшилась коснуться самой важной части вопроса. Съ 1800 г. труды, относящіеся къ этому предмету, слѣдуютъ одинъ за другимъ съ довольно большою быстротою; Эйхгорнъ, Грисбахъ, Гизелеръ, де-Ветте, Бретшнейдеръ выставляютъ цѣлый рядъ гипотезъ, исключаящихъ одна другую. На русскомъ языкѣ намъ извѣстенъ одинъ источникъ, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ гипотезъ: это статья: «Евангеліе» въ энциклопедическомъ словарѣ, выходившемъ въ свѣтъ съ 1861—63 г., но оставшемся неоконченнымъ (буква Е, выпускъ первый, стр. 5—12).

Незадолго до появленія книги Штрауса, въ положеніи дѣлъ, обрисованномъ нами въ общихъ чертахъ, начала происходить перемѣна. Рационализмъ пережилъ самого себя; аудиторіи Паулуса въ Гейдельбергѣ стали пустѣть; въ Галле Гезеніусъ по прежнему первенствовалъ въ сферѣ богословско-исторической критики, но на кафедрахъ догматическихъ предметовъ появились новые люди — Ульманъ и Толуъ — открыто водрузившіе знамя супра-натурализма и привлекшіе на свою сторону, силою свѣжаго таланта, большинство университетской молодежи. Въ Берлинѣ Гегель и Шлейермахеръ одинъ за другимъ сошли со сцены; Маргейнеке не пользовался прочнымъ вліяніемъ, и самымъ популярнымъ профессоромъ на богословскомъ факультетѣ сдѣлался Неандеръ, извѣстный своими трудами по церковной исторіи, написанными въ духѣ умѣренного, мягкаго, но все-таки явнаго супра-натурализма. Еще громче его возвышалъ свой голосъ Генг-

стенберга, глашатай ярой, беззащитной реакціи, прямо доказывавшей негодность всяких сдѣлокъ съ наукой и необходимость открытаго съ ней разрыва. Въ правительственныхъ сферахъ усиливалось настроеніе, благоприятное для такихъ тенденцій; старѣющійся король (Фридрихъ-Вильгельмъ III) склонился въ штиль; наследный принцъ былъ рѣшительнымъ его приверженцемъ; между министрами одинъ только Алтенштейнъ оставался до известной степени вѣрнымъ преданіямъ Вильгельма Гумбольдта и Гарденберга. Время компромиссовъ прошло; наступала борьба между крайними направленіями. Одно изъ нихъ уже заявило себя въ лицѣ Генгстенберга; другое нашло представителя въ Штраусѣ.

«Нужно было самому пережить появленіе первой книги Штрауса, — говоритъ Бауръ, — чтобы составить себѣ представленіе о вызванномъ ею движеніи. Немного найдется литературныхъ произведеній, которыя такъ скоро обратили бы на себя такое общее вниманіе и возбуждали бы такую страстную борьбу партій. Книга Штрауса была искрой, зажегшей давно накопившійся горючій матеріалъ и превратившей его въ одно громадное пламя». Теперь, по истеченіи слишкомъ сорока лѣтъ, можно находить, что сочиненіе Штрауса было естественнымъ продуктомъ всей предшествовавшей работы рационалистовъ, эвзегетиковъ и спекулятивныхъ мыслителей, логическимъ выводомъ изъ готовыхъ уже, болѣею частью, посылокъ; но тогда это видѣли лишь немногіе, — неслыханная до тѣхъ поръ рѣзкость штраусовской критики давала колоритъ неслыханной новизны и тому, что было въ ней несовсѣмъ новаго. Такъ, напримѣръ, теорія о мифѣ, составляющая главное основаніе изслѣдованія Штрауса, была высказываема и до него; но никто не проводилъ ея такъ послѣдовательно, не прилагалъ ея къ разрѣшенію наиболее важныхъ спорныхъ вопросовъ — и съ этой точки зрѣнія за Штраусомъ не безъ основанія могло быть признаваемо авторское на нее право. Разборъ книги Штрауса, даже изложеніе содержанія ея ¹⁾, не можетъ входить въ предѣлы нашей задачи. Замѣтимъ только, что, кромѣ ученія о мифѣ ²⁾,

¹⁾ Краткій обзоръ его можно найти въ той статьѣ „Энциклопедическаго Словаря“, на которую мы уже ссылались.

²⁾ Мифъ, по опредѣленію Штрауса, есть народное преданіе, созданное не однимъ лицомъ, а массою, не намѣренно и не сознательно, а силою обстоятельствъ, подъ вліяніемъ известныхъ представленій, идей и интересовъ. Въ моментъ появленія книги Штрауса идея о бессознательномъ творествѣ народа была вообще à l'ordre du jour; Вольфъ применилъ ее къ Илиадѣ и Одиссеѣ, Лахманъ — къNibelungenlied, Нибуръ — къ древнѣйшей римской исторіи, Отфридъ Мюллеръ — къ Ликургу.

другая характеристическая особенность этой книги — стремленіе доказать, что существенно важны не событія, не факты, а идея, и что можно въ одно и то же время отвергать первые и удерживать послѣднюю. Здѣсь сказанъ въ Штраусѣ гегельянецъ — конечно, гегельянецъ лѣвой стороны. Современная научная критика указываетъ въ сочиненіи Штрауса слѣдующіе главные пробѣлы: критикѣ содержанія источниковъ не предпослана критика самыхъ источниковъ; отрицательная сторона слишкомъ преобладаетъ надъ положительною, — не сдѣлана попытка показать, какое же историческое зерно скрывается подъ мнѣической оболочкой; упущено, наконецъ, изъ виду, что на-ряду съ бессознательнымъ творчествомъ могло дѣйствовать и дѣйствовало творчество сознательное. Справедливость этихъ указаній призналъ и самъ Штраусъ, въ позднѣйшей переработкѣ своей книги старавшійся восполнить всѣ ея пробѣлы. Первый изъ нихъ объясняется тѣмъ, что не въ натурѣ Штрауса было останавливаться на подробностяхъ, посвящать много времени мелкимъ, кропотливымъ, хотя и весьма важнымъ изысканіямъ; а другими писателями вопросъ объ источникахъ въ 1835 г. не былъ еще разработанъ настолько, чтобы Штраусъ могъ просто воспользоваться результатомъ ихъ изслѣдованій, какъ онъ сдѣлалъ въ 1864 г. съ трудами тюбингенской школы. Второй пробѣлъ слѣдуетъ приписать именно вліянію гегельянства, не придающаго большого значенія реальнымъ фактамъ; третій, наконецъ, обуславливается неизбежною односторонностью всякой вновь выставленной теоріи. Чтобы раскрыть ошибку Штрауса въ этомъ отношеніи, понадобились многолѣтнія усилія Баура и его школы.

Возвращаемся къ впечатлѣнію, произведенному книгой Штрауса при самомъ ея появленіи. Первый томъ ея поступилъ въ продажу въ первыхъ числахъ іюня 1835 г., а 11-го іюня завѣдывавшій учебнымъ вѣдомствомъ въ Виртембергѣ, Флаттъ, потребовалъ уже отъ тюбингенскаго университета заключенія о томъ, не слѣдуетъ ли удалить автора отъ должности репетитора при университетскомъ институтѣ. Мнѣнія профессоровъ раздѣлились: Штейдель настаивалъ на немедленномъ изгнаніи Штрауса, Бауръ не видѣлъ къ тому никакихъ основаній. Между крайними мнѣніями состоялся компромиссъ, результатомъ котораго явился исполненный противорѣчій отвѣтъ университета на сдѣланный ему вопросъ. Съ одной стороны, признавалось, что воззрѣнія Штрауса ничуть не опаснѣе для будущихъ богослововъ, чѣмъ воззрѣнія рационалистовъ, свободно преподающихъ почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ; съ другой стороны высказывалось, однако, пред-

положеніе, что дальнѣйшая дѣятельность Штрауса при институтѣ можетъ привести его слушателей къ образу мыслей, несовмѣстному съ убѣжденіями ихъ будущихъ прихожанъ. Въ заключеніе предлагалось обождать появленія второго тома и, во всякомъ случаѣ, отнестись къ автору, по возможности, снисходительно. Первое изъ предложеній университета было тѣмъ болѣе основательно, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оканчивался срокъ, на который Штраусъ былъ опредѣленъ репетиторомъ въ Тюбингенъ, и вопросъ объ оставленіи имъ этой должности разрѣшился бы такимъ образомъ самъ собою. Но Флаттъ, какъ богословъ-супра-натуралистъ, считалъ себя лично задѣтымъ книгою Штрауса, и не былъ расположенъ къ отсрочкамъ и снисхожденію. Согласно его доводу, 23-го іюля 1835 г., Штраусъ былъ переведенъ преподавателемъ классическихъ языковъ въ низшихъ классахъ людвибургскаго лицея. Тяжело было Штраусу разставаться съ Тюбингенскою и университетскою жизнью, но онъ покорился судьбѣ, и, окончивъ второй томъ своей книги (вышедшій въ свѣтъ въ октябрѣ 1835 г.), переѣхалъ въ Людвибургъ, къ своимъ родителямъ. Оставался онъ тамъ недолго; занятія съ мальчиками были ему въ тягость, пребываніе въ родительскомъ домѣ, какъ мы уже видѣли, было отравлено размолвкой его съ отцомъ. Въ сентябрѣ 1836 г. онъ обратился непосредственно къ королю съ просьбою—объявить ему, имѣетъ ли онъ какіе-нибудь шансы на полученіе въ Виртембергѣ мѣста, болѣе соответствующаго его призванію и силамъ. Просьба эта была передана на заключеніе консисторіи и учебнаго вѣдомства. Консисторія нашла, что о предоставленіи Штраусу духовнаго званія не можетъ быть и рѣчи; учебное вѣдомство дало отзывъ довольно благопріятный, признавая возможнымъ опредѣленіе Штрауса не только преподавателемъ въ высшихъ классахъ гимназій, но, по прошествіи нѣкотораго времени, и профессоромъ философіи въ университетѣ; даже о назначеніи его профессоромъ богословія говорилось какъ о чемъ-то мыслимомъ и не особенно опасномъ, но неудобномъ въ виду возбужденности общественнаго мнѣнія. Отзывъ, данный Штраусу по приказанію короля, не содержалъ въ себѣ ничего утѣшительнаго; ему было объявлено только, что онъ можетъ рассчитывать на мѣсто преподавателя въ гимназій. Получивъ этотъ отзывъ, Штраусъ немедленно оставилъ государственную службу и переселился въ Штутгартъ, чтобы заняться тамъ исключительно литературнымъ трудомъ.

III.

ПЕРВАЯ ВОРЪВА.

Въ то самое время, когда виртембергскіе богословы спѣшили положить конецъ преподавательской дѣятельности Штрауса, въ Берлинѣ замыслился противъ него ударъ еще болѣе рѣшительный: возникъ вопросъ о запрещеніи его книги, по примѣру того, какъ только-что были изъяты изъ обращенія сочиненія Гейне и нѣкоторыхъ другихъ представителей такъ-называемой *молодой Германіи*. Въ счастію для Штрауса, заключеніе по этому вопросу было потребовано прусскимъ правительствомъ отъ Неандера и представлено Альтенштейну. «Сочиненіе Штрауса, — оговаривался Неандеръ, — написано съ такою научною серьезностію, что запрещеніе его со стороны государства было бы неумѣстно, и опроверженіе его можетъ и должно быть исключительно задачей науки». Фанатики лютеранизма не могли простить Неандеру этого отзыва, но вліяніе Альтенштейна было еще настолько сильно, что онъ былъ уваженъ. Врагамъ Штрауса не оставалось другого пути, кромѣ полемическаго — и они устремились на него съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ. Прежде всѣхъ, еще до выхода въ свѣтъ второго тома книги Штрауса, выступили на сцену бывшіе профессора его, Штейдель и Эппенмайеръ. О содержаніи и формѣ сочиненія Штейделя можно составить себѣ правильное понятіе по заглавію его: «Vorläufig zu beherzigendes bei der Würdigung der Frage über die historische oder mythische Grundlage des Lebens Jesu, wie die kanonischen Evangelien dieses darstellen, vorgehalten aus dem Bewusstsein eines Gläubigen, der den Supernaturalisten beigezählt wird, zur Beruhigung der Gemüther». Въ другомъ родѣ характеристично и заглавіе книги Эппенмайера: «Der Ischariatismus unserer Tage». За этими первыми выстрѣлами послѣдовали залпы изъ всѣхъ орудій, начиная съ самыхъ легкихъ до самыхъ тяжелыхъ; не было богослова, сколько-нибудь известнаго или желавшаго сдѣлаться известнымъ, который не выступилъ бы въ поле противъ Штрауса¹⁾. Одно перечисленіе главныхъ оппонентовъ Штрауса (отчасти принадлежавшихъ и къ католическому лагерю) занимаетъ у Гаусрата почти цѣлую стра-

¹⁾ Какъ курьезъ, можно привести слѣдующую черту изъ этой полемики. Въ одной брошюрѣ доказывалось, что четыре буквы, изъ которыхъ на еврейскомъ языкѣ складывается слово *Штраусъ*, въ арифметическомъ значеніи своемъ даютъ цифру 666, и что, слѣдовательно, Штраусъ — антихристъ.

ницу. Мы видимъ здѣсь и раціоналистовъ (Паулюсъ, де-Ветте) и супра-натуралистовъ (Штейдель, Толукъ), и умѣренно-либеральныхъ богослововъ (Неандеръ, Ульманъ, бывший учитель Штрауса Кернъ), и философовъ-гегельянцевъ правой стороны (Розенбрантъ, Бруно Вауеръ), и историковъ, пересочившихъ изъ радикализма въ противоположную крайность (Лео), и журналистовъ въ родѣ Менцеля. Особеннаго вниманія заслуживаютъ борцы, которыхъ выставилъ противъ Штрауса, съ одной стороны, южно-германскій, швабскій, съ другой — сѣверо-германскій, прусскій пѣтизмъ.

Швабское племя всегда отличалось склонностью къ углубленію въ тайны душевной жизни, къ мечтательному созерцанію вѣчныхъ загадокъ бытія. На швабской почвѣ мистицизмъ процвѣталъ еще въ XII вѣкѣ, на ней же выросъ Шпенеръ, основатель новѣйшаго пѣтизма. Когда въ концѣ XVIII вѣка богослуженныя и молитвенныя книги въ Виртембергѣ подверглись передѣлкѣ въ духѣ моднаго тогда *просвѣщенія*, значительная часть сельскаго населенія отказалась пользоваться ими и посѣщать церкви, въ которыхъ онѣ были введены въ употребленіе. Обрядъ крещенія, совершаемый безъ произнесенія старинной формулы отреченія отъ дьявола, крестьяне часто признавали недействительнымъ, и повторяли его сами, по прежнему чину, рискуя подвергнуться за то тюремному заключенію. Убѣдись въ бесплодности принудительныхъ мѣръ и желая приостановить вызванную ими эмиграцію упорствующихъ, король Вильгельмъ въ 1818 г. далъ приверженцамъ старинны законную организацію, напоминающую наше единовѣріе: онъ позволилъ имъ образовать особую общину, проповѣдникъ которой былъ избранъ ею самою, но посвященъ духовенствомъ господствующей церкви. Этотъ проповѣдникъ былъ бывший нотаріусъ Гоффманъ, съ сильнымъ религиознымъ чувствомъ соединявшій и порядочный запасъ житейской мудрости. Подъ его руководствомъ община пѣтистовъ сильно разрослась, ученіе ихъ проникло и въ среду духовенства, и въ среду высшихъ классовъ общества; но такое распространеніе пѣтизма повело, какъ это всегда бываетъ, къ вырожденію его. Въ небольшомъ кружкѣ простодушныхъ, смиренныхъ сердцемъ и умомъ людей, пѣтистическое настроеніе можетъ быть естественнымъ, искреннимъ, незлобивымъ; въ сферахъ болѣе обширныхъ и мѣжѣ патриархальныхъ, оно извращается, ведетъ къ притворству, къ фарисейской гордости и нетерпимости, стремится къ тому, чтобы какъ можно чаще искусственными средствами возбуждать чувства, по самому своему свойству не поддающіяся регламентации. Различіе между пѣтизмомъ того и другого рода выказалось

весьма яро и въ движеніи, вызванномъ книгою Штрауса. Представителемъ пѣтистовъ стараго закала можетъ служить деревенскій пасторъ, пишущій Штраусу, что онъ не читалъ его книги, но, зная ея содержаніе, усердно молится Богу объ обращеніи заблудшаго на путь истинный, причѣмъ приводится дѣликомъ и самая молитва; представителемъ пѣтистовъ новѣйшей формациі—товарищъ Штрауса по университету, долго шедшій съ нимъ рука объ руку, Вильгельмъ Гоффманъ (сынъ только-что упомянутого нами старовѣра), осыпающій теперь своего бывшего друга самыми ненаучными нападеніями и пролагающій себѣ этимъ путемъ дорогу къ вліятельному мѣсту, второе, какъ мы увидимъ, онъ занялъ въ Пруссіи при Фридрихъ-Вильгельмъ IV-мъ. На вызовъ Гоффмана отвѣчалъ не одинъ только Штраусъ; другіе друзья Штрауса, болѣе Гоффмана вѣрные своему прошедшему, направили противъ пѣтизма вѣскіе удары: Мерклинъ—въ болѣе научной, философской, Фишеръ—въ болѣе исторической формѣ. «Пѣтистъ,—воскликаетъ Фишеръ,—это человѣкъ, у котораго религія обратилась въ профессію, въ ремесло. Религіозное въ немъ не проникаетъ собою свѣтское, а стоитъ рядомъ, какъ нѣчто отдѣльное, почему постоянно встрѣчается надобность въ особыхъ на него ссылкахъ. Я говорю пѣтисту: дождь идетъ, нужно взять зонтикъ; онъ отвѣчаетъ мнѣ — хорошо, но настоящую охрану ты можешь найти только въ провидѣніи ¹⁾. Я говорю: этотъ свѣтъ слишкомъ силенъ или слишкомъ слабъ; онъ отвѣчаетъ: хорошо, но истинный свѣтъ — это религія. Пѣтисту мало помнить о божественномъ, ему нужно непременно при каждомъ удобномъ или неудобномъ случаѣ называть его по имени. Пѣтистъ предпринимаетъ только то, по поводу чего можно обращаться, осуждать, умиляться. Чтѣ бы онъ ни дѣлалъ, сущность его дѣйствій теряетъ всякую цѣну вслѣдствіе ихъ формы. Онъ помогаетъ ближнимъ, но заставляетъ ихъ при этомъ такъ долго томиться, что у нихъ не остается силъ радоваться полученной помощи; онъ заботится о послыѣхъ миссіонеровъ, но думаетъ при этомъ не столько объ обращеніи язычниковъ, сколько о демонстраціи противъ своихъ домашнихъ еретиковъ». Не трудно замѣтить, что это описаніе примѣнимо не къ однимъ только виртембергскимъ пѣтистамъ тридцатыхъ годовъ. Несмотря на все остроуміе Фишера, всю силу негодованія Мерклина (который именно въ это время, вслѣдствіе вызванныхъ его книгою нападеній, сложилъ съ себя духовное званіе и сдѣлался учителемъ исторіи въ гимназій), пѣтизмъ продолжалъ укрѣпляться

¹⁾ По-нѣмецки, *Schirm* означаетъ и зонтикъ, и—охрану, или защиту.

въ юго-западной Германіи, на своей природной почвѣ, но пустилъ корни и на сѣверѣ, въ Пруссіи, гдѣ онъ, по выраженію Гаусрата, могъ быть только комнатнымъ растеніемъ. И тамъ, конечно, пѣтисты изъ среды мелкой буржуазіи выгодно отличались отъ салонныхъ пѣтистовъ; но тонъ задавали именно послѣдніе, говорившіе все громче и громче по мѣрѣ того, какъ слабѣлъ рационалистическій (въ обширномъ смыслѣ этого слова) элементъ въ правительственныхъ сферахъ. Журнальнымъ органомъ партіи была въ тридцатыхъ годахъ издававшаяся въ Берлинѣ «Evangelische Kirchenzeitung»; во главѣ партіи стоялъ редакторъ этой газеты и профессоръ богословія въ берлинскомъ университетѣ Генгстенбергъ. Достойный сотрудникъ Гоффмана на воприщѣ церковной реакціи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, онъ отличался отъ него, однако, нѣкоторыми существенными чертами. Гоффманъ, воспитанный въ мірѣ восторговъ, экстаза, надеждъ на скорый конецъ вселенной, сохранилъ, несмотря на всю свою правичность, извѣстную долю того горячаго чувства, которымъ преисполнены настоящіе представители швабскаго народнаго мистицизма; Генгстенбергъ былъ холодный, апатичный, разсудительный сѣверянинъ, свѣтскій человекъ (ein feiner Mann, какъ говорятъ нѣмцы), только въ газетѣ и на кафедрѣ разыгрывавшій роль пророка, пламеннаго до саможаренія ревнителя вѣры,—защищалъ онъ, въ сущности, вовсе не вѣру, а только лютеранскую церковь, ея вліяніе и власть, которыя онъ надѣялся—и не безъ основанія—рано или поздно сосредоточить въ своихъ рукахъ. Его отецъ былъ однимъ изъ тѣхъ пасторовъ умѣренно-рационалистическаго пошиба, которыхъ было такъ много въ Германіи въ началѣ нынѣшняго вѣка. Оканчивая курсъ въ боннскомъ университетѣ, Генгстенбергъ стоялъ еще на одной почвѣ съ отцомъ; тезисы его докторской диссертациі были чисто-критическаго характера; онъ даже вовсе не предполагалъ сдѣлаться богословомъ и занимался преимущественно восточными литературами. Полтора года спустя онъ является уже во всеоружіи лютеранскаго правовѣрія, защищаетъ, при экзаменѣ на богословскую степень, тезисы, прямо противоположные тѣмъ, которые онъ подерживалъ въ Боннѣ, и предлагаетъ министерству свои услуги для нападенія на рационалистовъ. Слѣдовъ внутренней борьбы, предшествовавшей такому повороту, его корреспонденція не представляетъ; за то она наполнена разсужденіями о средствахъ достигнуть возможно скорѣе выдающагося положенія. Сдѣлавшись доцентомъ, а скоро послѣ того и профессоромъ богословія въ берлинскомъ университетѣ, онъ сближается съ пѣтистическими

сферами, становится ихъ ораторомъ въ печати, основываетъ названную нами газету и окончательно забываетъ науку для журнальной полемики низшаго сорта, исполненной личностей, клеветъ, доносовъ. Главнымъ предметомъ этой полемики служилъ до 1835 г. рационализмъ; старая тема успѣла, подѣ конецъ, наскучить и писателямъ, и читателямъ, и съ этой стороны появленіе книги Штрауса было настоящей находкой для Генгстенберга. Опровергать ее научными доводами было не по его части, да онъ объ этомъ и не заботился; онъ воспользовался ею только для того, чтобы нападать на науку вообще и требовать безусловнаго ея изгнанія изъ области богословія. Въ одномъ отношеніи болѣе прозорливый, чѣмъ большинство критиковъ Штрауса, онъ выставлялъ его сочиненіе послѣднимъ словомъ всего движенія критической богословской мысли, съ конца XVIII вѣка, и выводилъ отсюда абсолютную негодность и опасность этого движенія, необходимость рѣшительныхъ мѣръ въ совершенному его пресѣченію. Если съ конца тридцатыхъ годовъ въ церковныхъ сферахъ протестантской Германіи начинается усиленная реакція, превращается или до крайности затрудняется назначеніе самостоятельно мыслящихъ людей на профессорскія кафедры не только въ богословскихъ, но даже въ философскихъ факультетахъ, и соответственно съ этимъ измѣняется мало по-малу духъ и характеръ всего духовенства, то этому много способствовалъ Генгстенбергъ, сначала какъ публицистъ, потомъ какъ руководящій членъ главной консисторіи. Это человѣкъ, которому слѣдовало родиться въ католической странѣ и сдѣлаться сановникомъ римской куріи; не даромъ же онъ предлагалъ ввести въ протестантской Германіи нѣчто въ родѣ *index librorum prohibitorum*, настаивая на изъятіи книги Штрауса изъ всеобщаго обращенія, съ разрѣшеніемъ чтенія ея только тѣмъ богословамъ, которые изъявятъ желаніе опровергать ее и по надлежащей повѣркѣ будутъ найдены достаточно для того благонадежными.

Въ продолженіи цѣлаго года Штраусъ, связанный своею учительскою дѣятельностью въ Людвигсбургѣ, вынужденъ былъ оставлять безъ отвѣта всѣ сдѣланныя ему возраженія; только о нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ могъ упомянуть мимоходомъ въ предисловіи ко второму изданію, понадобившемуся весьма скоро, въ 1836 г. Повнявъ съ службой и поселившись въ Штутгартѣ, онъ принялся за полемику и обнародовалъ въ теченіи 1837 г. нѣсколько «*Streitschriften*», направленныхъ противъ главныхъ его оппонентовъ. Здѣсь Штраусъ выказалъ новую, блестящую сторону своего таланта: по отзыву компетентныхъ судей—Баура, Гаусрата, Рю-

мелна—полемическія сочиненія Штрауса, по изяществу формы и по силѣ мысли, могутъ быть поставлены наравнѣ съ знаменитыми письмами Лессинга къ пастору Геце. Отъ Генстенберга, Гоффмана, Менцеля отскакивали, правда, все удары, они были одѣты въ непроницаемую броню, потому что стояли съ Штраусомъ не на одной почвѣ; но гдѣ борьба велась сколько-нибудь сложными оружіями, тамъ сами противники чувствовали превосходство Штрауса и изнемогали подъ его тяжестью ¹⁾. Школа супра-натуралистовъ, напимѣръ, послѣ его нападокъ не могла подняться вовсе; она распалась на части, отъ имени супра-натуралиста стали отрывать даже тѣ, въ которыхъ оно бесспорно подходило. Къ началу 1838 г. полемическое рвеніе Штрауса начинаетъ, однако, ослабѣвать; въ его образѣ мыслей замѣчается нѣкоторое колебаніе, въ его тонѣ нѣтъ прежней побѣдоносной твердости. Онъ печатаетъ нѣсколько статей примитивнаго содержанія, которыя потомъ издаетъ отдѣльной книгой подъ общимъ именемъ «Friedliche Blätter»; въ третьемъ изданіи своего большого сочиненія, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1838 г., онъ дѣлаетъ довольно важныя уступки, признавая реальность содержанія нѣкоторыхъ разсказовъ, въ которыхъ прежде видѣлъ только мифъ, допуская, по крайней мѣрѣ отчасти, возможность олицетворенія идеи, относясь съ меньшимъ скептицизмомъ къ достовѣрности одного изъ источниковъ—именно того, котораго всего крѣпче держались его противники. Чѣмъ объяснить эту перемену? Самъ Штраусъ приписываетъ ее тому невольному смущенію, которое овладѣло имъ въ виду столь единодушнаго осужденія его мнѣній, той путаницѣ мыслей, которая произошла въ немъ отъ постоянного изученія написанныхъ противъ него сочиненій, тѣмъ всѣмъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, аргументамъ, которые онъ встрѣтилъ въ возраженіяхъ наиболее уважаемыхъ имъ, наиболее ученыхъ и добросовѣстныхъ оппонентовъ. Правильно судить о предметѣ Штрауса, по собственнымъ словамъ его, могъ только тогда, когда онъ весь былъ имъ поглощенъ и проникнутъ, когда онъ не только обнималъ его умомъ, но усваивалъ его себѣ всей душою. Поэтическая струна въ натурѣ Штрауса отзывалась и на ученыхъ трудахъ его, становясь для него въ этомъ отношеніи источникомъ то силы, то слабости; она просвѣтляла, углубляла его умъ, пока онъ воспринималъ и перерабатывалъ новыя впечатлѣнія—и затемняла его, какъ только впечат-

¹⁾ См., напимѣръ, у Гаусрата (I, 203—217) траги-комическую, по справедливому выраженію его, исторію полемики между Штраусомъ и Штейделемъ.

дѣнія эти теряли свою первоначальную яркость и свѣжесть. Въ свою первую книгу Штраусъ вложилъ цѣлое душевное настроеніе; когда нарушилась гармонія этого настроенія, исчезла и способность автора отстаивать непркосновенность своей системы. Нисколько не отвергая этого объясненія, мы признаемъ, вмѣстѣ съ Гаусратомъ, что оно не исчерпываетъ вопроса. Дѣло въ томъ, что въ примирительныхъ попыткахъ Штрауса несомнѣнно—хотя можетъ быть и незамѣтно для него самого—играло роль пламенное желаніе создать себѣ правильную сферу дѣйствій въ богословской области, найти себѣ мѣсто въ ученomъ богословскомъ мірѣ. Мы увидимъ ниже, что радикализмъ Штрауса въ одномъ направленіи не мѣшалъ ему быть консерваторомъ по привычкамъ, по натурѣ. Литературная дѣятельность, какъ профессія, была ему не по душѣ; онъ хотѣлъ соединить съ нею болѣе прочныя занятія, болѣе опредѣленное положеніе. По свидѣтельству одного изъ друзей его (Фишера), относящемуся именно къ 1838 г., онъ чувствовалъ себя лишеннымъ почвы, какъ-бы отлученнымъ отъ общества, зачумленнымъ—и глубоко страдалъ подъ бременемъ этого чувства. Съ свидѣтельствомъ Фишера совпадаетъ свидѣтельство самого Штрауса. «Искать каѳедры,—пишетъ онъ въ 1838 г. Гитцигу,—меня побуждаетъ обязанность нравственного самосохраненія; я не могу перенести жизни безъ непосредственной научной дѣятельности, она парализуетъ меня». Слишкомъ двадцать лѣтъ спустя (въ предисловіи къ переводу «Разговоровъ» Ульриха фонъ-Гуттена) онъ говоритъ о своей первой книгѣ, что она исторгла его изъ естественной обстановки и поставила въ неестественную, обрекла его на одинокую жизнь. Въ этихъ словахъ слышится грустная покорность судьбѣ, измѣнить которую уже невозможно; но пока была малѣйшая надежда на такое измѣненіе, Штраусъ жадно хватался за нее и съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждалъ ея исполненія. Уже въ отвѣтѣ на запросъ, сдѣланный ему виртембергскимъ учебнымъ вѣдомствомъ вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ перваго тома его книги, запросъ о томъ, считаетъ ли онъ возможнымъ, при выраженномъ имъ образѣ мыслей, оставаться репетиторомъ въ богословскомъ учебномъ заведеніи—Штраусъ высказалъ убѣжденіе, что направленіе его имѣетъ такое же право на голосъ въ аудиторіяхъ богословскаго факультета, какъ и направленіе рационалистовъ. Подъ вліяніемъ гнѣвнаго чувства, вызваннаго въ немъ увольненіемъ отъ должности репетитора, т.-е. изгнаніемъ изъ богословскаго міра, онъ отступилъ на время отъ этого взгляда и заявилъ во второмъ томѣ своей книги, что лица его образа мыслей не могутъ и не должны

имѣть ничего общаго съ евангелическою церковью; но скоро онъ возвратился къ прежней точкѣ зрѣнія, и уже въ 1836 г., какъ мы видѣли, стучался въ дверь, закрытую передъ нимъ виртембергскимъ правительствомъ. Къ тому же году относятся и первыя попытки его получить катедру богословія въ цюрихскомъ университетѣ; онѣ не имѣли успѣха, какъ не привели ни къ чему и сношенія, завязанныя имъ съ нѣкоторыми профессорами гейдельбергскаго университета. Всѣ эти неудачи должны были привести Штрауса къ убѣжденію, что доступъ въ обѣтованный край прегражденъ ему до тѣхъ поръ, пока отношеніе его къ поднятому имъ вопросу остается чисто отрицательнымъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если это убѣжденіе способствовало тѣмъ уступкамъ, которыя онъ сдѣлалъ въ названныхъ нами статьяхъ и въ третьемъ изданіи своей книги; по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что онъ именно ихъ выставляетъ главнымъ доказательствомъ своего права на богословскую катедру, и что ими же друзья его мотивируютъ новую его кандидатуру. Заявлена была эта кандидатура (въ концѣ 1838 г.) въ томъ же цюрихскомъ университетѣ, куда Штраусъ уже два раза имѣлъ надежду вступить. Исторія ея и ея послѣдствія составляютъ одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ біографіи Штрауса.

Цюрихскій университетъ былъ основанъ въ 1832 г., во время и подъ вліяніемъ движенія, вызваннаго въ Швейцаріи июльской революціею, и въ цюрихскомъ кантонѣ, какъ и во многихъ другихъ, одержавшаго побѣду. Благодаря реакціи, господствовавшей въ Германіи и закрывавшей многимъ ученымъ доступъ въ нѣмецкія профессорскія кафедры, новому университету удалось приобрести въ короткое время нѣсколько крупныхъ силъ и занять видное мѣсто между старшими собратами. Между профессорами богословскаго факультета первую роль игралъ Гитцигъ, человѣкъ свободномыслящій, сторонникъ критическаго направленія. Уже въ 1836 г., въ самый разгаръ бури, возбужденной книгою Штрауса, онъ предлагалъ его сначала на катедру церковной исторіи и догматики, потомъ на катедру практическаго богословія и экзегетики. Оба раза предложеніе это встрѣтило сопротивленіе не только со стороны консервативныхъ, но и со стороны умѣренно либеральныхъ людей, какъ между профессорами, такъ и между членами воспитательнаго совѣта, завѣдывавшаго народнымъ просвѣщеніемъ въ цюрихскомъ кантонѣ. Въ концѣ 1838 г. кафедра церковной исторіи и догматики опять сдѣлалась вакантною; кандидатура Штрауса была поставлена вновь, и на этотъ разъ именно вслѣдствіе происшедшей, между тѣмъ, перемѣны въ на-

строеніи Штрауса, съ гораздо большими шансами успѣха. Въ факультетѣ, правда, за Штрауса подавъ голосъ одинъ только Гитцингъ; но въ воспитательномъ совѣтѣ за него оказалось большинство голосовъ. Теперь назначеніе его зависѣло отъ правительственнаго совѣта, т.-е. высшей исполнительной власти. Съ этой минуты вопросъ допущенія или недопущенія Штрауса на кафедру сдѣлался вопросомъ политическимъ, на почвѣ котораго должно было произойти рѣшительное столкновение между партіями, оспаривавшими другъ у друга господство въ дѣлахъ кантона.

До 1830 года цюрихскимъ кантономъ управляла консервативная партія, имѣвшая главную опору въ духовенствѣ и въ высшей буржуазіи или городской аристократіи Цюриха. Переворотъ, низвергнувшій эту партію въ 1830 году, былъ столько же дѣломъ сельскаго населенія, сколько и городской демократіи. Коалиція, достигнувъ своей цѣли, скоро распалась, и съ 1832 года власть перешла въ руки радикаловъ. Прежніе союзники ихъ стали мало-по-малу сближаться съ побѣжденными аристократами, и въ концу тридцатыхъ годовъ составили съ послѣдними новую коалицію, ожидавшую только удобнаго случая для рѣшительнаго натиска. Никто не могъ отвергать, что демократическое правительство многое сдѣлало для кантона. Кромѣ университета была основана учительская семинарія, образованная, подъ руководствомъ своего директора Шерра, много хорошихъ народныхъ учителей; вездѣ были построены новыя школы, улучшены методы преподаванія. Параллельно съ этимъ шло преобразование администраціи и магистратуры, передѣлка податной системы, устройство путей сообщенія и т. п. Но, какъ это въ такихъ случаяхъ часто бываетъ, вполне доволенъ положеніемъ дѣлъ не былъ никто; масса интересовъ была задѣта реформами; одни находили, что перемены произведено слишкомъ много; другіе — что ихъ слѣдуетъ произвести еще гораздо больше. Въ особенности недовольно было духовенство, изъ рукъ котораго было изъято завѣдываніе школой, влияние котораго вообще крайне ослабѣло. Оно опасалось, притомъ, дальнѣйшихъ посягательствъ со стороны правительства — и опасенія его не вовсе были лишены основанія; радикалы имѣли въ виду приступить къ составленію новаго катехизиса, и желаніе заручиться участіемъ Штрауса въ этой работѣ было однимъ изъ мотивовъ, заставлявшихъ ихъ настаивать на призывѣ его въ Цюрихъ. Понятно, что духовенство, съ своей стороны, употребляло всѣ усилія, чтобы предотвратить этотъ призывъ. Уже въ 1836 году, когда въ первый разъ зашла рѣчь о назначеніи Штрауса, оно наводило кантонъ брошюрами и летучими листками, на-

правленными и противъ ученія, и противъ личности его. Теперь, въ 1838—1839 гг., агитація приняла гораздо болѣе обширные размѣры. Когда не удалась попытка склонить большой совѣтъ (законодательное собраніе кантона) къ военному осужденію образа дѣйствій воспитательнаго совѣта, и правительственный совѣтъ, 2 февраля 1839 г., утвердилъ, большинствомъ 15 голосовъ противъ 3, назначеніе Штрауса профессоромъ богословія, духовенство, поддержанное всею консервативною партіею, всѣми недовольными въ кантонѣ, рѣшилось помѣшать во-что бы-то ни-стало исполненію этого рѣшенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться случаемъ для полнаго пораженія радикаловъ. Именно этимъ послѣднимъ соображеніемъ объясняется единодушіе и упорство оппозиціоннаго движенія, не остановившагося, какъ мы увидимъ, и тогда, когда оно достигло своей ближайшей цѣли. Во всѣхъ городахъ и селеніяхъ кантона были образованы комитеты для организаціи борьбы; руководилъ ими центральный «комитетъ вѣрн» (Glaubenscomité), сдѣлавшійся мало-по-малу чѣмъ-то въ родѣ второго правительства, враждебнаго первому, настоящему. Сначала пущено было въ ходъ печатное слово, обращенное въ оружіе самой беззащитнѣйшей клеветы; не говоря уже объ извращеніи мнѣній Штрауса, его личность рисовалась черными или, лучше сказать, грязными красками; его называли воплощеннымъ сатиромъ, эманиаторомъ плоти; призваніе его въ Цюрихъ объяснялось самыми низкими побужденіями со стороны членовъ воспитательнаго совѣта. На словахъ, конечно, распространялись еще худшія небяллицы; большинство сельскаго населенія кантона было убѣждено, что Штраусъ—заключенный преступникъ, бѣжавшій дѣнь рабочаго дома въ Вюртембергъ; нѣкоторые буйственно понимали фразу проповѣдниковъ: «Штраусъ придетъ отнимать то, что у васъ есть самаго дорогаго», и занасались большими дворовыми собаками, чтобы отстаять свое имущество противъ опаснаго пришельца. Друзья Штрауса старались противопоставить этимъ клеветамъ и вадорнымъ слухамъ вѣрную картину жизни и ученія Штрауса; но опровергнуть ложь, какъ извѣстно, гораздо труднѣе, чѣмъ распространить ее, и къ-добавокъ защитники Штрауса часто были богаче доброй волей, чѣмъ умѣньемъ. Когда возбужденіе умовъ достигло высшей степени, когда начались уже насильственныя дѣйствія противъ приверженцевъ Штрауса, центральный комитетъ разослалъ во всѣ общины проектъ петиціи на имя большого совѣта, съ просьбою или требованіемъ не только взять назадъ назначеніе Штрауса и опредѣлить на его мѣсто вѣрующаго богослова, но и преобразовать учительскую семинарію, усилить пре-

подаваніе закона Божія въ народныхъ училищахъ, предоставитъ церковному совѣту участіе въ назначеніи профессоровъ богословія и учредить для управленія церковью синодъ, изъ выборныхъ отъ духовенства и мірянъ, отъ котораго зависѣло бы избраніе одной трети членовъ воспитательнаго совѣта. Въ общинныхъ собраніяхъ этотъ проектъ былъ принятъ большинствомъ 39,000 голосовъ противъ 1,000, что можетъ быть объяснено только страхомъ, наведеннымъ анти-штраусіанцами на своихъ противниковъ. Послѣдствіемъ этого голосованія была уступка со стороны правительственнаго совѣта; вопреки мнѣнію воспитательнаго совѣта, который полагалъ ограничиться учрежденіемъ второй богословской катедры, и предоставленіемъ ея лицу другого, сравнительно съ Штраусомъ, направленія, правительственный совѣтъ предложилъ уволить Штрауса съ пенсіей, въ виду обстоятельствъ, устраняющихъ возможность полезной дѣятельности его въ университетѣ. Большой совѣтъ, также запуганный агитаціей центрального комитета, принялъ это предложеніе (18 марта 1839 г.), и Штраусъ оказался въ странномъ положеніи человѣка, уволеннаго отъ должности, прежде чѣмъ онъ успѣлъ занять ее ¹⁾. Жертвуя Штраусомъ, либеральные члены правительственнаго и большого совѣтовъ надѣялись, что этимъ и покончится все дѣло, что власть по-прежнему останется за ними; только этимъ и можно объяснить, что они сами отмѣнили свое рѣшеніе, вмѣсто того, чтобы пасть, поддерживая его. Надежды ихъ не оправдались; центральный комитетъ продолжалъ свою дѣятельность, направляя ее по формѣ къ достиженію остальныхъ цѣлей, намѣченныхъ въ мартовской петиціи, а въ сущности—къ низверженію правительства. Къ концу августа дѣло дошло до того, что правительство, несмотря на всю свою боязливую осторожность, вынуждено было прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ; оно запретило центральному комитету созывать общинныя собранія, такъ какъ это право принадлежитъ только правительству; и когда комитетъ открыто нарушилъ запрещеніе, возбудило противъ него уголовное преслѣ-

¹⁾ Отъ пенсіи въ 1,000 франковъ, назначенной Штраусу, цюрихскіе друзья его советовали ему отказаться въ пользу какого-нибудь цюрихскаго учрежденія; но, раздраженный противъ Цюриха, онъ не послѣдовалъ этому совѣту и предпочелъ распорядиться слѣдующими ему деньгами въ пользу учебныхъ заведеній своего родного города, Людвигсбурга. Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ часто пересылалъ въ Цюрихъ, для раздачи тамошнимъ бѣднымъ болѣе или менѣе значительныя суммы, не называя своего имени. Замѣтимъ мимоходомъ, что профессорское содержаніе Штрауса должно было составлять всего 2,000 франковъ, а въ 1836 году ему предполагалось назначить даже только 800 франковъ!

дованіе. Комитетъ отвѣтилъ созывомъ новаго собранія, на которомъ рѣшено было потребовать отъ правительства взятія назадъ упомянутой нами мѣры и прекращенія начатаго процесса. На своихъ солдатахъ правительство не могло разсчитывать, такъ какъ между ними также начиналъ проявляться истребительный духъ; но оно имѣло право просить вооруженной помощи какъ у швейцарскаго союза, такъ и у спеціального, заключеннаго въ 1832 году, союза семи радикальныхъ кантоновъ. Оно не сдѣлало ни того, ни другого, и было застигнуто върасплохъ, когда 5 сентября на улицахъ Цюриха появились вооруженныя толпы народа, подъ предводительствомъ пастора Гирделя. И теперь еще сопротивленіе было возможно; при первыхъ выстрѣлахъ войска, значительная часть нападающихъ разбѣжалась; но въ одно время съ ними разбѣжалось и большинство членовъ правительственнаго совѣта, а остальные перешли на сторону движенія. Образовано было временное правительство и назначены новые выборы въ большой совѣтъ, давшее рѣшительное большинство консервативной партіи. Торжество ея было, однако, непродолжительно и не послужило ей въ пользу. Уже въ 1842 году радикалы опять приобрѣли половину мѣстъ въ большомъ совѣтѣ, а въ 1846 году на голову разбились консерваторовъ. Выступавшіе въ борьбу партій и разнуздавъ народныя страсти, цюрихское духовенство достигло мимолетнаго успѣха, но совершенно подорвало свой нравственный авторитетъ, возбуждало противъ себя вражду громаднаго большинства народныхъ учителей, и все-таки не оградило университетъ отъ вторженія новой доктрины, къ которой все болѣе и болѣе склонился Гитцингъ. Если теперь цюрихскій кантонъ принадлежитъ въ числу тѣхъ мѣстностей, гдѣ наиболее слабо влияние духовенства и наиболее распространяемы ученія въ родѣ штраусовскаго, то причину этого слѣдуетъ отчасти искать въ описанныхъ нами событіяхъ 1839 года.

На самомъ Штраусѣ эти событія отразились чрезвычайно тяжело. Достигнуть, послѣ долгихъ, напрасныхъ стремленій, желанной цѣли и, вслѣдъ за тѣмъ, опять потерять достигнутое—это само-по-себѣ уже большое несчастье; для Штрауса оно увеличилось еще, съ одной стороны, потерей всякой надежды на богословскую катедру, съ другой стороны—горькимъ сознаніемъ бесплодности совершеннаго имъ отступленія. Въ открытомъ писемѣ, написанномъ имъ въ швейцарскимъ друзьямъ въ самый разгаръ борьбы, съ цѣлю успокоенія общественнаго мнѣнія, онъ высказалъ нѣсколько положеній, въ эту минуту, подъ влияніемъ примирительнаго настроенія, казавшихся ему вѣрными, но въ сущ-

ности несомнѣваемыхъ съ его образомъ мыслей. Враги его жестоко воспользовались какъ этимъ письмомъ, такъ и предшествовавшими ему уступками Штрауса; они стали обвинять его въ неискренности, въ готовности промѣнять свои убѣжденія на содержаніе и почетъ, связанные съ званіемъ профессора. Самая поспѣшность, съ которою теперь Штраусъ ваялъ назадъ свои уступки — четвертое изданіе его книги, вышедшее въ свѣтъ въ 1839 году, представляется полнымъ возвращеніемъ къ первоначальному ея содержанію — была истолкована противъ него съ торжествующимъ влорадствомъ. Клеветы, которыми онъ былъ осужденъ въ Швейцаріи, переносились и на нѣмецкую почву; въ цюрихскомъ матажѣ Гентстенбергъ и компанія на этотъ разъ усматривали во-истину гласъ народа и гласъ Божій. Закутаннныя взрывомъ народной страсти и отголосками его въ Германіи, умѣренные защитники Штрауса одинъ за другимъ стали отъ него отрѣкаться; газеты, его поддерживавшія, помѣщаявшія его статьи и имъ объявленныя своимъ успѣхомъ, открыли свои столбцы для нападеній его противникамъ. Другіе, оставшіеся ему вѣрными, подвергались оцѣлѣ, нигдѣ не могли найти назначенія, соответствовавшаго ихъ дарованіямъ. Въ довершеніе гора, Штраусъ именно въ это время лишился матери, значеніе которой для него намъ уже извѣстно. Противники Штрауса могли праздновать побѣду; но — какъ и цюрихскимъ консерваторамъ — побѣда эта стояла имъ очень дорого. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ богословское званіе въ протестантской Германіи считалось однимъ изъ самыхъ почетныхъ, привлекало даровитыхъ людей, пользовалось сочувствіемъ общества. Стоило только назвать «везфальдскаго священника», упомянуть о пасторскомъ домѣ въ Зевенгеймѣ (гдѣ жила возлюбленная молодого Гёте, Фредерика), привести извѣстныя мѣста изъ «Германа и Дорогеи» Гёте, изъ «Лучны» Фосса, чтобы затронуть симпатичную струну въ сердцѣ читателя или слушателя. Два десятилѣтія спустя, мы видимъ совершенно противоположное: когда авторъ романа хочетъ вывести на сцену лицемѣра, лажу, втайнѣ безправственнаго челоуѣка, — онъ беретъ кандидата богословія, пастора или консисторскаго совѣтника (припомнимъ, на примѣръ, доктора Урбава въ «In Reih' und Glied» Шпильгагена), и заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ. Пасторскій домъ пересталъ быть олицетвореніемъ тихихъ, семейныхъ добродѣтелей; протестантскіе богословы перестали быть общепочитаемымъ сословіемъ. Само-собою разумѣется, что эта пережѣна вызвана нѣкими рядомъ сложныхъ причинъ; но Гаусратъ едва ли оши-

бается, относя къ ихъ числу образъ дѣйствій нѣмецкихъ богословскихъ властей во время бури, поднятой книгою Штрауса.

То короткое, счастливое для Штрауса время, когда онъ твердо рассчитывалъ на богословскую катедру въ цюрихскомъ университетѣ, было посвящено имъ приготовительнымъ трудамъ по курсу догматики, съ котораго онъ предполагалъ начать свои лекціи. Мы знаемъ изъ открытаго письма, написаннаго Штраусомъ къ цюрихскимъ друзьямъ своимъ, что первоначальные выводы его изъ этихъ трудовъ не были безусловно отрицательные, что онъ считалъ возможнымъ остаться въ области богословія, хотя и весьма близко къ крайней ея границѣ. Теперь, подъ вліяніемъ раздраженія противъ богослововъ, Штраусъ идетъ быстрыми шагами къ рѣшительному разрыву съ богословіемъ. Сочиненіе о догматикѣ, напечатанное имъ въ 1840—1841 г. подъ названіемъ: «die christliche Glaubenslehre in ihrer geschichtlichen Entwicklung und im Kampfe mit der modernen Wissenschaft», отличается чисто-полемическимъ характеромъ, чуждымъ всякой примирительной мысли ¹⁾. По мнѣнію Гауерата, оно приноситъ въ жертву даже послѣдовательность, единство основной мысли, лишь бы только найти болѣе удобныхъ пунктовъ для всесторонняго нападенія на противника. Это былъ послѣдній выстрѣлъ, такъ-называемый «Absagebrief» чловѣка, не желающаго больше имѣть ничего общаго съ теологіей. Большота успѣха «Glaubenslehre» не имѣла, какъ вслѣдствіе отвлеченности ея содержанія, такъ и въ особенности вслѣдствіе одновременнаго появленія извѣстной книги Фейербаха («Wesen des Christenthums»), еще болѣе радикальной, болѣе отвѣчавшей стремленіямъ крайней партіи, органомъ которой были тогда «Hallische Jahrbücher» Арнольда Руге. Поддержка, которую они до тѣхъ поръ оказывали Штраусу, перешла на сторону Фейербаха и Бруно Бауера, именно въ это время совершившаго скачокъ изъ одной крайности въ другую; Штраусъ одѣлался въ ихъ глазахъ отсталымъ мыслителемъ. Одѣнницъ «Glaubenslehre» только немногіе знатоки тонкой діалектики, въ родѣ А. Гумбольдта. Возраженія противъ нея со стороны церковной партіи не были особенно энергичны; господство этой партіи уверенилось тогда такъ прочно, что она считала возможнымъ не выступать на почву науки и литературы, а бороться съ своими противниками только на житейскомъ по-

¹⁾ Въ составѣ новаго изданія сочиненій Штрауса «Glaubenslehre» не входитъ, хотя самъ Штраусъ еще въ 1867 году относилъ ее къ числу тѣхъ своихъ сочиненій, которыя не утратили интереса, и думалъ о такой же ея переработкѣ, какой подвергъ онъ въ 1864 году первую свою книгу.

прищѣ, гдѣ она, благодаря могущественнымъ свѣтскимъ союзникамъ, была неуязвима. Неудача «Glaubenslehre» окончательно охладила интересъ Штрауса къ богословію, которое онъ теперь надолго оставляетъ — не къ добру для себя, какъ мы увидимъ.

Рассказанный нами эпизодъ изъ исторіи умственной жизни Германіи представляетъ нѣкоторыя черты, на которыхъ невольно останавливается наше вниманіе. Тридцатые годы были для Германіи эпохой реакціи, менѣе сильной, чѣмъ та, которая свирѣпствовала около 1820-го и послѣ 1850-го гг., но, во всякомъ случаѣ, весьма рѣзко выраженной. Въ Пруссіи старый порядокъ вещей сохранялся безъ измѣненій, надежды на дарованіе конституціи, возбужденныя войною 1813—1815 гг., не оправдались; въ высшихъ сферахъ вліяніе пiятисовѣтъ постоянно возрастало, — люди въ родѣ Альтенштейна, т.-е. просвѣщенные бюрократы во вкусѣ Фридриха II-го, становились все болѣе и болѣе рѣдкими. Въ южно-германскихъ государствахъ — въ томъ числѣ и Виртембергѣ — представительныя учрежденія существовали, но владѣли жалкою жизнью, безъ реальной власти, безъ вліянія на ходъ событій. При такихъ условіяхъ появляется книга Штрауса, т.-е. небывало-смѣлое отрицаніе идей, признаваемыхъ одною изъ важнѣйшихъ основъ существующаго порядка, — и что же? — никакихъ административныхъ мѣръ противъ нея не принимается; свободному обращенію ея не противопоставляется никакихъ преградъ, и она въ пять лѣтъ расходится въ четырехъ изданіяхъ; объ уголовномъ или полицейскомъ преслѣдованіи автора нѣтъ ни рѣчи, ни мысли; его удаляютъ, правда, отъ званія репетитора при *богословскомъ институтѣ*, но назначаютъ преподавателемъ въ средне-учебное заведеніе, причемъ никому не приходитъ въ голову, что онъ будетъ имѣть вредное вліяніе на своихъ учениковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы въ 1835 или 1836 гг. Штраусъ захотѣлъ поступить приват-доцентомъ философіи въ тюрингенскій университетъ, то никто этому не воспрепятствовалъ бы; весьма вѣроятно, что черезъ нѣсколько времени ему была бы предоставлена и профессорская кафедра по тому же предмету. Еще болѣе замѣчательно то, что Штраусъ долго сохраняетъ надежду получить мѣсто профессора *богословія* въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ и что надежду эту раздѣляютъ его друзья, нимало не ослѣпленные насчетъ общаго политическаго положенія Германіи. Дѣло въ томъ, что въ Германіи, особенно въ Пруссіи, со временъ Фридриха Великаго никогда не исчезало уваженіе къ наукѣ, что не было такой сферы, куда не проникло бы это уваженіе, и что въ

минуты наибольшаго торжества своего реакція останавливалась передъ небольшимъ кругомъ, въ которомъ работала теоретическая, отвлеченная мысль, — эта высшая сила нѣмецкаго народа, утѣшеніе и гордость его среди политическаго униженія. Подобно тому, какъ «Разбойники» Шиллера, его «Заговоръ Фіеско», «Коварство и любовь», «Донъ-Карлосъ» могли появиться въ печати и даже на сценѣ въ эпоху ничѣмъ не сдержаннаго деспотизма, сочиненіе Штрауса могло безпрепятственно прогремѣть среди искусственной тишины, царившей въ Германіи до 1848 г. Даже тотъ усугубленный гнетъ, которымъ отвѣчали на нападеніе Штрауса затронутыя имъ силы, — гнетъ, не имѣющій себѣ подобнаго въ новѣйшей исторіи Германіи, не могъ вполне искоренить традиціонной терпимости къ произведеніямъ мысли; мы видимъ, напримѣръ, что въ томъ самомъ Тюбингенѣ, откуда былъ изгнанъ Штраусъ, при томъ самомъ королѣ Вильгельмѣ, который одобрилъ это изгнаніе, во все время господства Гоффмановъ и Генгстенберговъ, глава тюбингенской историко-критической школы, Бауръ, сохраняетъ за собой богословскую кафедру и сходитъ съ нея только въ могилу (въ 1860 г.). Счастливы народъ, умственному движенію котораго золотыя слова Неандера: «противъ научныхъ доводовъ можетъ быть употребляемо только научное же оружіе», — служатъ охраной даже въ самыя печальныя эпохи государственной его жизни.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ПАНСЛАВИЗМЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ

Было время, когда въ европейской литературѣ много говорили о панславизмѣ; о немъ опять много говорилось по поводу послѣднихъ событій въ славянскомъ мѣрѣ, и бѣльшей частью толки были самыя неблагопріятныя. Всего чаще говорятъ о панславизмѣ, какъ объ опасномъ и зловредномъ политическомъ движеніи: англійскій первый министръ, по словамъ газетъ, заботился объ уничтоженіи «панславистскаго заговора» на Балканскомъ полуостровѣ; рассказываютъ, что Бисмаркъ «ненавидитъ» панславизмъ; венгерскіе депутаты, а также, конечно, и первый министръ, считаютъ необходимымъ положить конецъ «панславистскимъ пронкамъ»; даже французскія газеты (напр. недавно *Débats*) находятъ, что противъ панславизма должно принять мѣры (теперь и приняты, съ разныхъ сторонъ, довольно сильныя мѣры, въ родѣ австрійской «оккупаци» Босніи и Герцеговины), и т. д. Что именно разумѣется здѣсь подъ панславизмомъ, рѣдко кто съ точностью объясняетъ; но обыкновенно подъ этимъ именемъ понимается ожидаемое политическое объединеніе и возвышеніе славянскаго міра подъ вліяніемъ Россіи, или, ближе, распространеніе надъ славянскимъ міромъ прямого (или въ крайнемъ случаѣ косвеннаго) господства Россіи, которая такимъ образомъ получитъ приращеніе въ своимъ и безъ того опаснымъ силамъ и наконецъ захватитъ себѣ Балканскій полуостровъ. Въ Европѣ, почти единогласно, желаютъ предотвратить или уничтожить этотъ ожидаемый фактъ. Что нѣмецко-венгерское общество въ Австро-Венгріи нимало не расположено къ «панславизму»,—это слишкомъ извѣстно; не

менѣе извѣстно, что къ нему не расположены въ Германіи, въ томъ числѣ, какъ говорятъ, крайне нерасположенъ таковой могущественный политическій человекъ, какъ Бисмаркъ. Но если въ европейскихъ государствахъ мнѣнія страны имѣютъ въ концѣ-концовъ большое вліяніе на ходъ политики—какое значеніе имѣлъ тройственный союзъ? Если онъ, тѣмъ не менѣе, существовалъ, не слѣдуетъ ли заключать, что Россія вовсе не повинна въ «панславизмѣ»? Но тогда откуда эти не перестающія требованія о необходимости его уничтоженія? Что же, наконецъ, представляетъ собой панславизмъ: существуетъ ли онъ дѣйствительно,—можно ли и въ какомъ смыслѣ прилагать это названіе къ современному движенію славянства, —какова была и есть роль Россіи въ этомъ движеніи? На этихъ вопросахъ мы хотѣли остановиться въ настоящемъ трудѣ.

Событія, происходившія въ послѣдніе годы и относящіяся въ область «панславизма», были самаго потрясающаго свойства: они способны были возбудить и дѣйствительно возбуждали самыя живыя сочувствія и надежды, потомъ разочарованіе, негодованіе... Теперь, одинъ періодъ событий можно считать завершеннымъ, и не безполезно было бы обратиться къ историческому разъясненію предмета, которому до сихъ поръ давалось слишкомъ мало вниманія. На Балканскомъ полуостровѣ продолжаютъ потрясенія, которыя даютъ страшный комментарий и дополненіе къ прошедшему.

Въ своемъ изложеніи мы будемъ держаться фактовъ, хотя бы строгіе критики, какъ не разъ бывало, обвинили насъ за недостатокъ «чувства», доктринерство и т. п. Относительно нашего «чувства» скажемъ только одно: оно никогда не было то, какое выставляли на показъ хвастливые шовинисты и нѣкоторые новообращенные любители славянства—поддѣлки подъ чувство были намъ всегда ненавистны; мы не считали возможнымъ и не брали на себя—говорить отъ имени русскаго народа, или даже общества; а то, что говорили три года тому назадъ, свазали бы и теперь. Наши взгляды на славянское дѣло мы, кажется, высказывали довольно вразумительно.

I.

ЕВРОПЕЙСКІЯ МНѢНІЯ О ПАНСЛАВИЗМѢ ВЪ ПРѢЖНЕЕ ВРЕМЯ.

Слово «панславизмъ» впервые появилось, кажется, съ тридцатыхъ годовъ, когда внутреннее движеніе славянскаго міра обратило на себя вниманіе европейскихъ политиковъ и публицистовъ. Первые десятилѣтія нашего вѣка были особенно исполнены національнаго броженія, первымъ источникомъ котораго были умственное движеніе и политическіе перевороты конца прошлаго столѣтія. Во внѣшнемъ политическомъ быту, въ средней Европѣ послѣ вѣнскаго конгресса наступило время полнѣйшаго господства такъ-называемаго «полицейскаго государства», которое имѣло международный фундаментъ въ «Священномъ Союзѣ»; но жизнь переросла эту политическую форму, и подъ реакціоннымъ гнетомъ, подъ усиленнымъ стараніемъ подавить «либерализмъ», въ европейскихъ обществахъ все сильнѣе сказывалась потребность въ иномъ устройствѣ и національно-политическихъ, и внутреннихъ отношеній. Идеи политической свободы пріобрѣтали все болѣшую силу; рядомъ съ ними шло стремленіе къ національному освобожденію и объединенію: еще было много остатковъ средне-вѣковаго феодализма, который держалъ развитыми на клочки народы, чувствовавшіе свое тожество, и единственнымъ путемъ для общественнаго развитія казалось національно-политическое объединеніе, которое одно обѣщало дать удовлетвореніе національному чувству и политическую свободу. Такое движеніе шло въ Германіи и въ Италіи—у нѣмцевъ путемъ теоретической политики, у итальянцевъ путемъ практической революціи, карбонарскихъ заговоровъ и маццинизма; возбужденіе умовъ было, наконецъ, столь сильно, что французская революція 1848 г. тотчасъ отозвалась и въ Германіи, въ Италіи и въ самой Австріи. Насколько, съ національной стороны, въ этомъ движеніи обнаруживались самыя глубокіе инстинкты народной жизни, показала результатъ, свидѣтелями котораго мы были—объединеніе Италіи и объединеніе Германіи.

Национальное движеніе происходило и въ славянскомъ мірѣ: оно замѣчено было съ начала столѣтія, со времени сербскаго восстанія; его видѣли потомъ въ ряду другихъ фактовъ, и оно-то названо было «панславизмомъ». По идеямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, оно не могло имѣть иного смысла, кромѣ стремленія славянскаго міра къ объединенію, какъ стремились къ по-

добному объединенію Германія, Италия, какъ даже на сѣверѣ Европы возникла идея скандинавскаго единства.

Слово составлено было теоретически, по предположенію; оно было неопредѣленно, какъ еще были неопредѣленны понятія объ элементахъ и дѣйствительныхъ силахъ этого движенія—не только у его постороннихъ наблюдателей (писателей нѣмецкихъ, французскихъ и пр.), но и у самихъ тѣхъ, въ чьей средѣ оно происходило. Въ самомъ дѣлѣ, движеніе въ славянскихъ народахъ было несомнѣнно: оно обнаруживалось многими фактами—политическими, какъ освобожденіе (хотя еще не полное) Сербіи, возстаніе Польши; общественными, какъ оживленіе славянскаго элемента въ нѣмецко-славянскихъ земляхъ; и образовательными, какъ возникновеніе цѣлаго ряда славянскихъ литературъ, заявленіе стремленій къ между-славянской солидарности и т. п.; но въ чемъ состояла истинная сущность и цѣль движенія, какой связи и объединенія искали славянскіе народы—этого еще не знали они сами; еще менѣе знали ихъ наблюдатели.

Эта неопредѣленность, собственно говоря, продолжается и до сихъ поръ. Правда, съ тѣхъ поръ, съ тридцатыхъ годовъ и донинѣ, было высказано не мало теорій, объяснявшихъ, какъ и въ какой формѣ должно совершиться объединеніе, не разъ дѣлались идеальныя истолкованія славянскаго національнаго существа и того, чѣмъ долженъ стать славянскій міръ для себя самого и для всей европейской цивилизаціи; но теоріи были противорѣчивы, строились на очень несходныхъ основаніяхъ, еще ни кѣмъ не были примирены, и славянское единство доселѣ остается мудренымъ вопросомъ—какъ въ теоріи, такъ въ самой общественно-политической борьбѣ. Понятно, что тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ вопросъ былъ еще темнѣе, и практическое положеніе вещей еще менѣе давало указаній на возможное рѣшеніе.

У европейскихъ публицистовъ преобладало мнѣніе, что «панславизмъ» есть стремленіе славянскаго міра къ объединенію подъ предводительствомъ Россіи, и именно такъ, что, быть можетъ, не столько сами славянскія племена ищутъ этого объединенія, сколько идетъ къ нему сама Россія, которой вообще приписывался тогда характеръ завоевательнаго государства, порядочно дикаго, но могущественнаго и грозящаго свободѣ чуть не всей Европы. Другіе, не сомнѣваясь въ тенденціяхъ панславизма, находили болѣе естественнымъ и желательнымъ иной видъ панславизма, гдѣ центромъ могла стать Польша, которая, вмѣстѣ съ западнымъ славянствомъ, составила бы напротивъ оплотъ Европы отъ русскаго нашествія. Польша еще не погибла подъ русскимъ владичествомъ, союзъ съ

славянствомъ увеличить ея силы, а историческая вражда съ Россіей не можетъ дать ей иной роли, кромѣ борьбы противъ русскаго напора: на этомъ основаніи для Европы была бы выгоднѣе эта форма славянскаго объединенія. Третьи, особенно между самими славянами, думали, что наилучшей формой славянскаго единства было бы ни то, ни другое, а свободная славянская федерація. Таковы были главныя тѣмы, которыя развивались въ многообразныхъ расчетахъ и фантазіяхъ о будущей судьбѣ славянскаго міра.

Дальше увидимъ, насколько эти планы отвѣчали дѣйствительности; но для европейскихъ публицистовъ, какъ вообще ни мало они знали о славянскихъ народахъ и ихъ отношеніяхъ, были видима основанія какъ задать себѣ вопросъ, такъ и предполагать его рѣшеніе. Съ начала столѣтія славянство — не говоря о Россіи — различнымъ образомъ обращало на себя вниманіе политическими проявленіями своей жизни.

Во-первыхъ, *Россія*. До Петра Великаго извѣстная въ Европѣ немногимъ больше, чѣмъ имперія Великаго Могола, Россія вступила съ тѣхъ поръ дѣятельнымъ образомъ въ кругъ европейской политики и стала надвигаться къ югу и къ западу. Возвращеніе русскихъ земель отъ Польши, занятіе Прибалтійскаго края, утвержденіе на Черномъ морѣ съ покореніемъ Крима, — наконецъ, послѣдовательныя раздѣлы самой Польши поставили Россію въ непосредственное сосѣдство съ «Европой». Времена Екаторины окончателно ввели Россію въ кругъ европейскихъ политическихъ интересовъ; это была сила, съ которой нужно было считаться; она обнаружила и блескъ, и могущество, которое могло быть очень серьезно страшно. Берлинъ уже бывалъ въ русскихъ рукахъ. Политическое возрастаніе Россіи шло быстрѣе, чѣмъ внутреннее развитіе и образованность: Европа видѣла военную и политическую силу, но еще не видѣла самостоятельной образованности, общественной жизни; видѣла поверхностное вліяніе европейскихъ обычаевъ на-ряду съ первобытною дикостью, и не только при Екаторинѣ, но и при Александрѣ, когда Россія была одно время центромъ европейскихъ событій, когда ея борьба съ Наполеономъ была рѣшающимъ моментомъ европейской исторіи, — даже въ это время въ Европѣ не отвыкли отъ старыхъ представленій о «варварской», «полу-азиатской» Россіи. При всей политической силѣ, Россія оставалась несимпатична Европѣ чертами своего быта и нравовъ, съ предполагаемой или дѣйствительной азиатской грубостью и суровостью. Этого впечатлѣнія не могли устранить ни ухаживанья Екаторины за философами и

энциклопедистами, ни льстивые комплименты Вольтера, ни «Наказъ», переведенный на европейскіе языки; всѣ эти блестящія европейской образованности оставались въ глазахъ Европы анекдотомъ, исключеніемъ, личнымъ капризомъ (и дѣйствительно, «Наказъ» остался лишь литературнымъ произведеніемъ, а затѣмъ вкусъ самой Екатерины измѣнились, и вромѣ періода филантропическихъ мечтаній у императора Александра, исторія не представляетъ потомъ ни малѣйшихъ примѣровъ чего-либо похожаго на дружбу Екатерины съ Вольтеромъ и Дидро). Напротивъ, довольно было нѣсколькихъ рассказовъ иностранцевъ, бывавшихъ въ Россіи, нѣсколькихъ «Relations intimes», «Histoires Secrètes», «Voyages» — которыхъ, съ одной стороны, никто не опровергалъ, а съ другой и нельзя было иногда опровергнуть — чтобъ это старое впечатлѣніе поддерживалось и даже усиливалось по мѣрѣ того, какъ въ то же время приходилось чувствовать дипломатическій и военный гнетъ «полу-азиатскаго» государства на собственныхъ дѣлахъ. А это стало чувствоваться нерѣдко. Та Россія, которую едва признавали принадлежащею къ Европѣ, настойчиво вмѣшивалась во внутреннія дѣла средней Европы, со временъ революціи была всегда на сторонѣ консервативныхъ и реакціонныхъ партій, и русскія войска еще тогда доходили до Италіи и до Голландіи. Раздѣлъ Польши, который, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, вышелъ гораздо больше изъ прусской инициативы, чѣмъ изъ русской, былъ весь поставленъ на-счетъ Россіи, какъ фактъ національнаго насилія. Въ борьбѣ съ Наполеономъ забыто было, что упорство Россіи принесло пользу европейскимъ народамъ и самой Франціи — пораженіемъ военной диктатуры; но очень помнилось (естественно, впрочемъ, потому что это былъ не случайный, а преднамѣренный результатъ войны), что Священный Союзъ, въ основаніи котораго императоръ Александръ былъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ, сталъ на десятки лѣтъ опорой реакціи, истиннымъ политическаго и общественнаго гнета: русскія арміи готовы были для подавленія либеральныхъ движеній; русскій авторитетъ осуждалъ итальянскія возстанія противъ себялюбивыхъ мелкихъ тиранній, осуждалъ греческое возстаніе противъ турокъ, которыхъ онъ признавалъ законными властителями. Теперь извѣстно, что русская политика въ этихъ дѣлахъ не была даже самостоятельна, и часто только исполняла планы, задуманные въ Вѣнѣ; — для Россіи это было, въ сущности, еще хуже и, во всякомъ случаѣ, не уменьшало раздраженія, какое производила въ либеральныхъ партіяхъ и въ лучшихъ умахъ реакціонная роль русской государственной силы... Слѣдующая четверть сто-

лѣтія имѣли много: Россія перестала отчасти смотрѣть на турецкія безобразія какъ на «законную» власть и подала помощь Греціи, — обратила больше вниманія на южно-славянскія отношенія; но въ европейской политикѣ хранила преданія Священнаго Союза. Восстаніе и усмиреніе Польши, съ уничтоженіемъ ея конституціонныхъ учрежденій; помощь, поданная Австріи противъ венгерскаго возстанія (причемъ однако замѣшанные здѣсь интересы австрійскаго славянства ничего не выиграли и, повидимому, даже совсѣмъ и не имѣлись въ виду); продолжавшійся союзъ съ нѣмецкимъ консерватизмомъ, — все это окончательно укрѣпило въ европейскомъ либерализмѣ враждебное отношеніе къ Россіи... То, что узнавали въ Европѣ о внутреннемъ бытѣ Россіи, о полномъ господствѣ безусловной власти, объ отсутствіи какой-либо общественной самостоятельности, о поверхностной образованности высшихъ классовъ, о рабствѣ миллионѣвъ крѣпостныхъ людей, о суровости законодательства и администраціи, довершало убѣжденіе, что въ Россіи Европа не можетъ видѣть однородную страну, что имѣетъ въ ней опасное сосѣдство, страшную военную массу, враждебную и слѣдовательно угрожающую европейскому прогрессу.

Почти напрасно было бы подтверждать сказанное примѣрами изъ европейской литературы того времени; ихъ безчисленное множество: какъ общій выводъ, довольно указать страницы, посвященныя Россіи въ книгѣ знаменитаго нѣмецкаго историка и одного изъ самыхъ характерныхъ представителей нѣмецкаго либерализма, — Гервинуса ¹⁾.

При этихъ понятіяхъ о политической роли Россіи, при ея абсолютной монархіи и извѣстномъ военномъ характерѣ, при господствѣ надъ Польшею, которое ставилось Россіи (и обыкновенно одной Россіи) въ уворъ какъ коварный, насильственный захватъ, при нѣкоторомъ участіи Россіи къ судьбѣ южнаго, балканскаго славянства, — составилось предположеніе, что Россія только и помышляетъ, что о дальнѣйшемъ движеніи на югъ и западъ, о захватѣ и поглощеніи остальныхъ славянскихъ племенъ — которыя и сами идутъ къ ней на-встрѣчу для освобожденія своего отъ турокъ и нѣмцевъ — и что затѣмъ Россія будетъ неминуемо грозить самой Европѣ.

Во-вторыхъ, *Польша*. Съ тѣхъ поръ, какъ южно-славянскія царства пали въ борьбѣ съ турками, и въ началѣ XVII-го вѣка

¹⁾ Geschichte des neunz. Jahrh. I. Einleitung. Сколько помню, этихъ страницъ не находится въ русскомъ переводѣ Гервинуса.

Чехія подпала австрійскому игу, Польша и Россія оставались единственными независимыми государствами славянскаго племени. Въ 1772 году произошел первый раздѣлъ Польши, затѣмъ — другіе, потомъ, послѣ кратковременныхъ надеждъ на самостоятельность при Наполеонѣ, съ вѣнскаго конгресса — основаніе царства Польскаго съ конституціонными учрежденіями, и небольшой республики въ Краковѣ. Извѣстно, что взгляды самого императора Александра I были таковы, что поляки имѣли основаніе думать о возвращеніи прежняго политическаго значенія ихъ страны, и въ Европѣ поддержано было представленіе объ историческомъ правѣ Польши, когда его призналъ даже русскій императоръ, согласившійся ограничить для него свою власть въ царствѣ Польскомъ. Поэтому, когда вспыхнуло возстаніе 1830—31 года, и польская конституція окончила свое существованіе, этотъ фактъ понять былъ въ Европѣ не съ точки зрѣнія русской власти, а именно съ польской точки зрѣнія. Европейская дипломатія признала этотъ фактъ, какъ желала этого Россія; но европейское общественное мнѣніе, подъ влияніемъ давнихъ взглядовъ на Россію, усматривало въ немъ новое доказательство того, что Россія преслѣдуетъ народныя свободы и «поглощаетъ». Въ Европѣ тогда, да и теперь, не замѣчали, что Пруссія «поглощаетъ» поляковъ несравненно дѣйствительнѣе Россіи — сами поляки еще не замѣчали этого, — но по всей Европѣ разносились жалобы эмиграціи и вопли ненависти, которые находили себѣ подготовленную и благоприятную почву. Какъ извѣстно, польская эмиграція нашла покровительство во Франціи; здѣсь основался очагъ ея, гдѣ сильнымъ аристократическимъ центромъ былъ князь Адамъ Чарторижскій, и центромъ литературнымъ — высшій представитель польской поэзіи, Мицкевичъ. Парижъ сталъ однимъ изъ главныхъ средоточій польской эмиграціонной литературы, которая, вмѣстѣ съ литературой польской Галиціи и Познани, имѣла обширное вліяніе какъ въ самой Польшѣ, на умы старыхъ и новыхъ поколѣній, такъ отчасти и въ европейской публицистикѣ. При невѣдѣнности дѣйствительныхъ отношеній Польши и Россіи, бросался въ глаза внѣшній фактъ — возстанія и подавленія конституціонныхъ учреждений; симпатіи (хотя симпатіи въ самой Польшѣ — напримѣръ; въ Германіи — кажется, всегда были очень умѣренны) были на сторонѣ Польши. Россія была всегда слишкомъ далека отъ Европы — и географически, и исторически; нѣкогда самая территория Россіи считалась въ Азіи; притомъ, это была страна «схематическая» — обстоятельство чрезвычайной важности для общественнаго мнѣнія въ католическихъ странахъ, и не лишенное

важности даже въ глазахъ протестантовъ, которые осуждали въ «слизмъ» преданія Византіи; наконецъ, Россія была страна полнѣйшей автократіи. Съ другой стороны, Польша была всегда ближе къ Европѣ; это была страна католическая, стоявшая въ давнихъ историческихъ связяхъ съ нѣмцами и ихъ имперіей, — знакомая съ латинской наукой; наконецъ, Польша была страна конституціонная, храбро бившаяся за свою свободу, побѣжденная и — несчастная. Это былъ взглядъ почти всеобщій въ Европѣ. Распространеніе его, быть можетъ, всего больше принадлежить польской эмиграціи, ея литературѣ и ея связямъ въ европейской публицистикѣ. Въ этой средѣ и образовалась та панславянская теорія, что если Россія грозитъ Европѣ, то прочнѣйшимъ оплотомъ противъ нашествія можетъ служить восстановленная Польша, которая могла бы стать во главѣ федераціи славянскихъ племенъ. Было столько фактовъ, свидѣтельствующихъ объ исторической и современной враждѣ и противоположности Польши и Россіи, что представленіе о Польшѣ какъ оплотѣ противъ Россіи принято было не-равъ и европейскими публицистами, которые иногда, видимо, повторили мнѣнія и рассказы эмиграціи. И въ этой теоріи Россія рассматривалась какъ полуазиатское царство, грозящее цивилизаціи; въ этомъ качествѣ она исключалась изъ славянскаго союза, который — подъ руководствомъ Польши — долженъ былъ вполне применить къ европейской цивилизаціи.

Далѣе. Южное славянство въ началѣ столѣтія было вообще мало извѣстно не только европейскимъ публицистамъ, но и самимъ единоплеменникамъ; но со времени русско-турецкихъ войнъ времени Екатерины, оно болѣе и болѣе выдвигается на политическую арену. Съ одной стороны, борьба Сербіи за независимость, и потомъ основаніе княжества; борьба черногорцевъ съ турками, ихъ сопротивленіе французамъ; кратковременное существованіе «Иллирія», основанной Наполеономъ, — все это открывало новый славянскій элементъ на югѣ, который потребовалъ себѣ мѣста и вниманія. Съ другой стороны, произошелъ впечатлительный фактъ совершенно иного порядка, это — изданіе сербскихъ народныхъ нѣсенъ, знаменитаго Вука Стефановича Караджича. Это было невиданное явленіе богатаго народнаго поэтическаго творчества, изумившаго своей гомеровской оригинальностью и свѣжестью, и — что было опять замѣчательно — повторявшася въ самыхъ событіяхъ сербскаго освобожденія, въ подвигахъ Милоша и Чернаго Георгія, въ героическихъ битвахъ черногорцевъ. Пoesія, открытая Европѣ въ изданіяхъ Вука, давала нравственно-поэти-

ческую окраску подвигамъ народа, выступавшаго изъ четырехъ-сотъ-лѣтняго забвенія на историческое поприще. Войны Россіи съ Турціей съ прошлаго вѣка; замѣченны уже тогда симпатіи балканскихъ православныхъ народовъ къ Россіи; участіе Россіи въ освобожденіи Сербіи—болѣе и болѣе наводило на мысль, что здѣсь можетъ открыться политическая связь, которая или усилитъ Россію сочувствіями христіанскихъ населеній Турціи, или даже возбудитъ въ Россіи (предполагаемую всегда) страсть къ завоеванію, и отдастъ въ ея руки Балканскій полуостровъ и Константинополь. Какъ ни были слабы прямыя связи Россіи съ южно-славянскимъ міромъ, въ европейской публицистикѣ эти связи не только скоро были замѣчены, но имъ придана такая важность, о какой въ ту минуту не подозрѣвала (за двумя-тремя исключеніями) вся масса русскаго общества и къ которой само правительство относилось весьма хладнокровно.

Въ тридцатыхъ годахъ началось новое движеніе, въ другой области того же племени, у хорватовъ. Вызванное властолюбивыми національными притязаніями мадьяръ къ такой же національной оппозиціи, это движеніе возрастало по мѣрѣ давленія съ другой стороны, и когда національныя стремленія мадьяръ разрѣшились, наконецъ, восстаніемъ противъ Австріи, отвѣтомъ на него было народное вооруженіе хорватовъ противъ Венгріи. Въ промежутокъ времени, съ начала этого броженія до войны, вопросъ дѣлательно разбирался съ обѣихъ сторонъ въ австрійской публицистикѣ, а затѣмъ перешелъ и ея предѣлы. Та часть австрійскаго славянства, которая политически зависѣла отъ венгровъ, именно австрійскіе сербы, хорваты, словаки, настойчиво защищали свои національныя права и достоинство, и въ разгарѣ полемики съ извѣстной племенной гордостью указывали на свое родство съ великой русскою имперіей и народомъ; для ихъ противниковъ это былъ достаточный поводъ говорить о подозрительной приверженности южнаго и западнаго славянства къ Россіи и о коварныхъ замыслахъ послѣдней. Позднѣе, вмѣшательство Россіи въ венгерскую войну подтверждадо для публицистовъ какъ эту связь Россіи съ славянствомъ, такъ и то, что Россія всегда готова служить къ подавленію свободы,—венгры, конечно, думали, что защищаютъ дѣло свободы, забывая только свое отношеніе къ хорватамъ, сербамъ, словакамъ.

Къ концу тридцатыхъ и началу сороковыхъ годовъ относятся путешествія первыхъ русскихъ славистовъ по славянскимъ землямъ. Вся дальнѣйшая дѣятельность этихъ славистовъ достаточно показала, что это были дѣйствительно ученые, отчасти самыя

настоящіе и кабинетные, не только не получавшіе политическихъ порученій, но и послѣ отговявшіе отъ себя всю политическую сторону славянскаго вопроса. Между тѣмъ, не только въ нѣмцео-венгерскомъ мѣрѣ были увѣрены, что это были политическіе эмиссары, но и другимъ казалось мало вѣроятнымъ, чтобы Россія разсылала ученыхъ, а не политическихъ агентовъ; подобное мнѣніе существовало и между тѣми славянскими патриотами, которымъ тогдашняя политическая роль Россіи не была сочувственна. Такія предположенія мы слышали напр. (въ концѣ 50-хъ годовъ) отъ знаменитаго хорвата-итальянскаго писателя и патриота Томмасео (Томашича).

Чешское движеніе въ національномъ смыслѣ не имѣло до 1848 г. яснаго политическаго характера, но оно производило впечатлѣніе замѣчательною дѣятельностью своихъ ученыхъ. Знаменитый Шафарикъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи «панславизма» — и въ той исторіи, какая писалась съ налагаемой теперь точки зрѣнія, и въ той, которая говоритъ о дѣйствительномъ развитіи славянскаго самосознанія. Шафарикъ, — за исключеніемъ одного момента во время славянскаго съѣзда въ Прагѣ, въ 1848 — не высказывался какъ публицистъ, но его гигантскіе труды по славянской древности, литературѣ и этнографіи были національнымъ подвигомъ, дѣйствіе котораго шло далеко за предѣлы книжной учености. Это были первые ученые труды панславянскаго значенія, обнимавшіе древность и настоящее славянскихъ племенъ, ихъ старыя общія воспоминанія, сведеніе ихъ родственныхъ счетовъ, ихъ современную этнографію и статистику. Положивши прочное основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій славянства, труды Шафарика имѣли сильное нравственное дѣйствіе: они дали славянству сосчитать свои силы, помогли взаимному ознакомленію племенъ, воскрешали давнее прошедшее и старыя подвиги, обѣщали будущее. Съ ученой славой Шафарика еще не равнялась слава другого славянскаго ученаго: академіи и университеты звали его въ Москву, въ Петербургъ, въ Берлинъ, Вѣну. Онъ сталъ всеобщимъ, безспорнымъ авторитетомъ, для своихъ и для чужихъ; его литературная заслуга стала и признакомъ развитія панславизма, и нравственнымъ доказательствомъ въ его пользу.

Такое же доказательство видѣли въ другомъ чешско-славянскомъ писателѣ — Колларѣ. Это не былъ ученый, — онъ писалъ, правда, и ученые сочиненія о славянской древности, но въ нихъ такъ преобладаетъ фантазія, что ихъ и не считаютъ въ наукѣ, — это былъ поэтъ, восторженный защитникъ и проповѣдникъ сла-

яснаго единенія. Колларъ высказалъ тѣ первые порывы славянскаго сознанія, въ которыхъ именно было еще гораздо больше поэтическаго исканія и надеждъ, чѣмъ реальной увѣренности въ своихъ средствахъ и своей цѣли. Въ Колларѣ было нѣчто общее съ Державиннымъ: у обоихъ поэзія настроена на высокой, торжественный тонъ оды и двенадцатистишья; у того и у другого былъ свой предметъ поклоненія, наполнявшій ихъ поэтическимъ восторгомъ, у Державина — русское величіе, какъ онъ его понималъ; у Коллара — слава и величіе славянства, которыхъ онъ искалъ въ прошедшихъ его судьбахъ и въ идеалахъ будущаго. Поэма Коллара, «Дочь Славянъ», какъ ученые труды Шафарика, была произведеніемъ панславянскимъ по своему содержанію и по возбужденіямъ къ труду для національнаго блага. Тотъ же Колларъ первый сталъ говорить о «литературной взаимности», необходимой для поддержанія въ славянскомъ мірѣ сознанія его единства и для успѣха образованности и литературы частныхъ племенъ.

Имена Шафарика и Коллара опредѣляли стремленія чешскаго славянства, и вмѣстѣ обозначали литературный «панславизмъ». Эти имена бывали обыкновенно знаемы всѣмъ иноземнымъ публицистамъ, которые брались за объясненіе панславизма.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, тѣ вѣдущія основанія, на которыхъ въ европейской публицистикѣ строилось представленіе о панславизмѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Какъ мы замѣтили, оно было очень неопредѣленно, какъ были еще неопредѣленны самые факты движенія. Ближайшіе судьи, писатели славянскіе и не-славянскіе въ самой Австріи, видѣли вещи, разумѣется, ближе, хотя и они, по новости національнаго движенія, вѣроятно не могли составить себѣ яснаго понятія о его размѣрахъ и возможномъ дѣйствіи; у писателей иноземныхъ изложеніе дѣла не обходилось безъ ошибокъ, даже чрезвычайно грубыхъ (напр., одинъ изъ тогдашнихъ французскихъ «специалистовъ» по славянству, Киприанъ Робертъ, — въ началѣ сороковыхъ годовъ — причислялъ къ славянамъ венгерцевъ; Эдгаръ Кинэ не всегда различалъ чеховъ отъ цыганъ и т. п.), — но высказывалось (иногда угадывалось) не мало вѣрныхъ замѣчаній о междуславянскихъ отношеніяхъ, и въ большинствѣ мнѣній о «панславизмѣ» уже тогда обозначались черты, которыя остались до нашихъ дней въ толкахъ иностранной публицистики о славянскомъ вопросѣ и послѣдней войнѣ. Эти черты — присвоеніе (можетъ быть, иногда только расчитанное) Россіи завоевательныхъ видовъ на Балканскій полуостровъ и Константинополь, крайне

враждебное отношеніе и въ ней, и въ самому освобожденію южнаго славянства.

II.

ФАКТЫ СЛАВЯНСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Въ чемъ же на самомъ дѣлѣ состояло то славянское движеніе, котораго такъ нугались въ Европѣ подѣ формой «панславизма»? Гдѣ его начало, какой былъ его объемъ, были ли въ немъ поводы къ опасеніямъ за европейскую цивилизацію?

Не имѣя въ виду цѣлой исторіи панславизма, мы ограничимся только самыми общими указаніями ¹⁾.

Основнымъ фактомъ, изъ котораго вышли предположенія о «панславизмѣ» у европейскихъ публицистовъ и мечты о національномъ единствѣ (форма оставалась будущему) у самихъ славянскихъ патріотовъ, было то всеобщее обновленіе славянскихъ народностей, которое возникаетъ съ конца прошлаго вѣка и означается обыкновенно именемъ славянскаго возрожденія. На всемъ пространствѣ славянскаго племени, отъ самыхъ крупныхъ его представителей, какъ русскій народъ, до самыхъ мелкихъ его единицъ, отъ политически сильныхъ и независимыхъ до самыхъ угнетенныхъ, возникаетъ одно общее стремленіе, которое тѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливается и становится, наконецъ, господствующей идеей наиболее образованныхъ людей, а затѣмъ и болѣе или менѣе сознательнымъ стремленіемъ цѣлыхъ обществъ. Это была мысль о своемъ народѣ, объ его свободѣ, развитіи и просвѣщеніи. Эта мысль проявлялась различными способами, смотря по различію положенія племенъ, ихъ исторіи и современнаго характера. Главное различіе было въ положеніяхъ Россіи и всѣхъ остальныхъ племенъ. Въ то время, когда начиналось это движеніе (съ конца XVIII в.), одна Россія была національно-свободной, независимой страной. Польша уже дѣлилась; у всѣхъ прочихъ славянъ было только воспоминаваніе о прошлой независимости, и тягостное сознаніе національнаго упадка, не-свободы, безсилія вернуть это прошлое. Чехія, нѣкогда въ лицѣ Гуса ставшая во главѣ европейской оппозиціи противъ папства, давшая начало реформѣ, послѣ своего паденія была въ рукахъ

¹⁾ Намъ случалось уже говорить (хотя и неполно) объ этомъ предметѣ, и объяснительныя подробности читатель можетъ найти въ „Обзорѣ исторіи слав. литер.“ Сиб. 1866 г.

іезуитовъ, которые старательно истребляли всё воспоминація объ этихъ славныхъ временахъ, составляли длинные списки запрещенныхъ чешскихъ книгъ — тѣхъ, которыя были лучшимъ преданіемъ и славой старочешской литературы — и жгли ихъ тысячами. Во второй половинѣ прошлаго вѣка у чеховъ еще продолжалось это подавленное состояніе ихъ народности. У сербохорватовъ, имѣвшихъ нѣкогда свой блестящій періодъ дубровницкой литературы XV—XVII столѣтій, едва тянулись слабые, безжизненные отголоски ея. У словенцевъ, на крайнемъ славянскомъ западѣ, гдѣ въ XVI вѣкѣ реформація вывала отпоръ католическому застою и создала замѣчательный, хотя кратковременный расцвѣтъ національной литературы, — іезуитская реакція времени Фердинанда II задушила эти начатки, и славянская народность снова впала въ сонное полужабытіе. Славянскій югъ, за исключеніемъ маленькой Черногоріи, находился съ конца XIV вѣка въ полномъ рабствѣ: историки утверждаютъ, что вначалѣ, сравнительно съ позднѣйшими временами, турецкое господство было еще довольно сносно; но и это «сносное» иго было ужасно: правда, турки были тогда беззаботнѣе, меньше мѣшались въ народный бытъ, но «райя» была только терпима, меньшая степень гнета основывалась на томъ, что при побореніи, напр., болгарскомъ, были сразу уничтожены тѣ высшіе классы, въ которыхъ существовала нѣкогда образованность и которые могли быть какой-нибудь опорой для національности — они были истреблены при послѣдней борьбѣ, или приняли магометанство, и стали злѣйшими врагами своего собственнаго народа... Но въ XVIII вѣкѣ и это безпомощное состояніе народа сдѣлалось еще хуже: вмѣстѣ съ тѣмъ какъ стало упадать политическое могущество Турціи, угнетеніе славянства усиливалось, особенно при сотрудничествѣ греческихъ фанаріотовъ, которые сдѣлали откупъ изъ церковнаго управленія Болгаріи и бывали для болгаръ хуже турокъ. Почти такое же положеніе вещей было въ земляхъ сербскаго племени: магометанская аристократія вынѣшней Босніи идетъ отъ старыхъ славянскихъ родовъ, принявшихъ магометанство въ XV столѣтіи.

Но среди этого крайняго бѣдствія, забвенія національнаго достоинства, литературнаго паденія многихъ нарѣчій, среди политической разорванности и безсилія славянскаго міра, — когда нѣкоторые изъ племенъ, напр., болгары, забытые и безправные, должны были видѣть въ своей народности только тяжелую судьбу, приносящую одно несчастье и рабство; когда у другихъ, какъ у чеховъ, хорватовъ, словенцевъ, общественная жизнь, высшая образованность были возможны лишь съ переходомъ къ нѣмец-

кую среду, слѣдовательно, на условіи удаленія отъ своего народа и народнаго преданія, на условіи — примириться съ нѣмъ паденіемъ и даже содѣйствовать ему; когда народныя силы и средства должны были служить національно-чужой и враждебной государственной силѣ; когда, въ странную параллель съ этимъ положеніемъ вещей, въ Польшѣ, еще полу-независимой политически, и въ самой независимой Россіи народная масса, которая и есть, однако, настоящая сила «націи», находилась въ безвыходныхъ условіяхъ вѣрнопостного состоянія, и въ славныя времена Екатерины заврѣпощеніе шло все впередъ — среди такого неблагоприятнаго положенія «народности», съ разныхъ сторонъ возникаютъ отдѣльныя, разрозненныя стремленія, которымъ предстояло обновить и оживить глухое существованіе славянскаго міра. Онѣ исходили изъ разныхъ историческихъ мотивовъ, но въ своемъ дѣйствіи представляли много замѣчательныхъ параллелей, и къ тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія они собирались въ замѣчательное историческое явленіе, оказавшееся на пространствѣ цѣлаго племени.

Въ самомъ дѣлѣ явленіе было замѣчательное, и ему справедливо даютъ названіе «возрожденія».

Въ *Болгаріи* были подавлены всѣ стороны народной жизни; народъ былъ простой рабочей силой, отданной на произволъ всякому любому правовѣрному; у него не было школы, почти не было даже письменности, и никакой защиты; оставалось лишь одно, въ чемъ народъ сознавалъ себя — церковь. Въ этой области и явились первыя попытки возрожденія. Самая церковь была въ рукахъ греческой іерархіи, которая, сѣмѣвши давно обдѣлать свои дѣла въ Константинополѣ, не только угнетала, но и презирала болгарскій народъ, какъ низшее племя, которому должно отказаться отъ своей «варварской» національности, и стать греками. Но низшее и среднее духовенство оставалось болгарское, и въ его средѣ, во второй половинѣ XVIII вѣка, явилось, наконецъ, первое слово въ защиту болгарскаго народа: это была рукописная «Исторія» іеромонаха Памсія, писанная на полудеревянномъ языкѣ, въ стилѣ средневѣковой поучительной литературы. Въ самомъ упадкѣ болгарской письменности, на Аеоноѣ, какъ видно, берегалась нить стараго болгарскаго преданія, и въ духѣ этого преданія Памсіей обращилъ къ своимъ соотечественникамъ горячее воззваніе; оскорбленный на самомъ Аеоноѣ пренебреженіемъ другихъ православныхъ, грековъ, сербовъ, русскихъ, говорившихъ, что у болгаръ не было церковныхъ и царскихъ преданій, Памсіей сталъ разсмѣивать болгарскую исторію,

и изъ старыхъ книгъ, иностранныхъ лѣтописцевъ собрали свидѣтельства, что у болгаръ, теперь угнетенныхъ и обезславленныхъ, были свои великіе цари, которые бывали страхомъ для самой Византіи, были свои славные іерархи и святые, и призывали народъ вспомнить эту старую славу и быть достойнымъ своего прошедшаго. Въ этомъ возбужденіи присоединились новыя. Нѣсколько богатыхъ болгарскихъ купцовъ, въ Молдавіи и Валахіи, подъ вліяніемъ патриотизма, внушеннаго извѣстной долей европейскаго образованія, стали основывать школы для своего народа. Наконецъ, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія началась дѣятельность знаменитаго Венелина, родомъ карпатскаго русина, и одного изъ первыхъ энтузіастовъ славянства. Полу-историкъ, полу-поэтъ, онъ отдался изученію древнихъ временъ славянства; это привело его къ болгарской исторіи и онъ, увлеченный древностью, и въ то же время сочувствіемъ и состраданіемъ къ гибнущему народу, поставилъ себѣ цѣлью возбужденіе въ болгарскомъ народѣ національнаго сознанія. Венелинъ писалъ, дѣйствовалъ и—бѣдствовалъ въ Россіи, и болгары долго даже не знали о немъ, но когда узнали, его энтузіазмъ къ болгарскимъ преданіямъ и его призывы къ просвѣщенію имѣли очень сильное дѣйствіе: съ тѣхъ поръ болгарское «возрожденіе» было обеспечено. Обстоятельства все еще были невозможны, но болгары показали здѣсь много характера: цѣной упорныхъ усилій они достигли обширнаго распространенія народной школы; многіе изъ ихъ юношества учились въ Россіи или въ европейскихъ университетахъ; въ послѣдніе годы началась довольно оживленная литературная дѣятельность; болгарскіе патриоты начали національную борьбу—прежде всего съ греками, по церковному вопросу, и добились національно-церковной автономіи; войны Россіи съ Турціей еще раньше дѣйствовали на умы; нетерпѣливое ожиданіе политической свободы производило востанія, за которыя турки страшно мстили; наконецъ, въ наши дни болгарское освобожденіе вызвало русско-турецкую войну съ ея извѣстными результатами.

Такимъ образомъ, въ національномъ возрожденіи дѣйствовали здѣсь параллельно и самостоятельныя проблески народнаго сознанія въ стремленіи напомнить и обновить историческія воспоминанія о временахъ старой славы, и вліянія новой образованности, вызывавшія филантропическую заботу о просвѣщеніи народа; наконецъ, отголоски цѣлаго славянскаго возрожденія. Политическія событія, особенно войны Россіи съ Турціей, способствовали движенію, когда съ одной стороны все видѣе стано-

вилось ослабленіе стараго угнетателя, съ другой — встрѣча съ родственными и единовѣрными народами подтверждала темныя надежды, что отъ него придетъ помощь и освобожденіе. Обще-славянская наука оказала великую услугу болгарскому возрожденію. Для изученія болгарской исторіи всего меньше сдѣлано самими болгарами: болгарская древность реставрирована, главнымъ образомъ, учеными западно-славянскими (какъ Шафарикъ, Копитаръ, Иречевъ-младшій и др.) и особенно русскими (Востокъ, Калайдовичъ, Григоровичъ, Бодянский, Срезневскій, Гильфердингъ, Ламанскій, Порфирій Успенскій и др.), и эти труды уже успѣли послужить, и послужать особенно теперь для болгарскаго образованія, которому они доставили одно изъ необходимѣйшихъ средствъ — историческое изученіе. Подъ вліяніемъ обще-славянской науки начались у болгаръ собственные труды по изученію народности, которое всегда сопровождало пробужденіе народнаго сознанія у славянскихъ племенъ.

Въ послѣднія десятилѣтія, въ образованномъ кругѣ болгаръ національное стремленіе достигло уже полной опредѣленности. За невозможностью пока политическаго освобожденія, болгары подняли и съ замѣчательнымъ единодушіемъ провели вопросъ церковной автономіи. Политическая свобода была задушевною идеей всякаго, — не только въ образованномъ классѣ, но и въ народной массѣ, которая уже вела съ турками партизанскую гайдуцкую войну. Молодое поколѣніе, учившееся въ Россіи или въ западныхъ университетахъ, не могло безопасно жить на родинѣ; оно по-неволѣ становилось эмиграціей; въ своихъ патріотическихъ мечтаніяхъ, оно питалось уже европейскими идеями, когда на народной массѣ лежали еще страшныя и гнусныя пути...

У *сербовъ* національное возрожденіе совершалось иначе и успѣшнѣе. Положеніе ихъ никогда не было такъ тяжело, какъ положеніе болгаръ. Они были дальше отъ турецкаго центра, ихъ политическая полу-независимость сохранилась долѣе; племя было раскинуто шире, и между прочимъ на такія страны, куда турецкое господство почти не достигало, напримѣръ, въ Адриатическомъ Приморьѣ, въ австрійскихъ земляхъ, которыя только на время подпадали турецкой власти; издавна начались политическія отношенія въ Австріи, которыя оставляли надежду на какую-нибудь помощь съ этой стороны; выселенія сербовъ въ австрійскія земли еще съ первой половины XVII вѣка образовали здѣсь небольшой сербскій центръ, гдѣ народность — при всѣхъ внѣшнихъ невзгодахъ — была свободна и гдѣ впоследствии завязались дѣйствительно начатки возрожденія.

Первые опыты сербовъ страхнуть слѣды пережитаго ига и дать своей новой жизни опору благоустроеннаго просвѣщенія начались опять съ обновленія историческихъ преданій и связей. Какъ выходцы изъ Старой-Сербіи устроили себѣ новый народно-историческій палладіумъ на Фрушкой-горѣ, гдѣ основали монастыри съ именами древнихъ сербскихъ монастырей, куда перенесли останки князя Лазаря, такъ ихъ первая княжность въ прошломъ столѣтіи почерпнута была изъ стараго православнаго источника. Съ упадкомъ княжности подъ турецкимъ игомъ, къ сербамъ шли книги изъ Россіи; теперь первые учителя новыхъ сербскихъ школъ были вызваны изъ Кіева; первая сербскія книги, преимущественно церковнаго содержанія, были отчасти просто перепечатки славяно-русскихъ книгъ, или же были писаны полу-церковнымъ, «славено-сербскимъ» языкомъ, въ родѣ того славяно-русскаго, какимъ еще писали у насъ до Ломоносова. Этой первой школѣ сербскихъ писателей казалось, что ихъ «славено-сербскій» языкъ и долженъ быть настоящимъ языкомъ сербской книги. Это было пока прямое продолженіе средневѣкового литературнаго стиля, когда церковно-славянскій былъ общимъ языкомъ церковной письменности у русскихъ, сербовъ и болгаръ; была при этомъ и вѣсная мысль, что народы, соединенные нѣкогда одной (тогда исключительно церковной) письменностью, могутъ и впредь сохранить свою образовательную связь. Нѣчто подобное произошло въ XVIII столѣтіи, когда сначала выѣхали въ австрійскимъ сербамъ кіевскіе ученые, а въ концѣ столѣтія переѣхало въ Россію нѣсколько славянскихъ ученыхъ — русины: Ледій, Орлай, Балугьянскій, а также и извѣстный сербъ Янковичъ изъ Миріева (у насъ, на тогдашній французско-нижегородскій ладъ называвшійся Янковичъ де-Миріево). Янковичъ оставилъ заслуженное имя въ исторіи русскаго школьнаго образованія, между прочимъ какъ авторъ школьной книги «о должностяхъ челоуѣка и гражданина», изданной во времена либерализма имп. Екатерины, а потомъ отбираемой: теперь, почти черезъ сто лѣтъ, наша народная школа не имѣетъ ничего подобнаго этой книгѣ.

Между тѣмъ въ турецкой Сербіи начались волненія, изъ которыхъ выросло возстаніе. Тревога, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ, сильно возбуждала національное чувство, и съ основаніемъ сербскаго княжества, хотя еще не вполне независимаго, національное возрожденіе укрѣпилось сознаніемъ выдержанной борьбы. Это и сказалось тѣмъ, что сербская литература уже вскорѣ приняла новое направленіе, которое характеризуется уже не однимъ повтореніемъ старины, не подчиненіемъ народнаго языка и образо-

ванія «славено-сербскому» направленію, а стремленіемъ раскрыть и возвысить именно чистую сербскую стихію, освободить ее отъ искусственнаго архаизма, заставить литературу говорить подлиннымъ языкомъ самого народа, основать ее на изученіи его собственного содержанія и на понятіяхъ новой образованности.

Эту задачу исполнили два замѣчательные человѣка, Досидей Обрадовичъ и Вукъ Караджичъ, оба—полу-народные люди, вышедшіе изъ самыхъ нѣдръ народной массы, долго въ ней вращавшіеся, вполне знавшіе ее, но въ то же время стоявшіе на уровнѣ своего времени и высоко цѣнившіе просвѣщеніе и науку. Обрадовичъ, сначала полу-монахъ, священникъ, потомъ въ качествѣ учителя странствовавшій отъ Сербіи и Триеста до Малой Азіи, и оттуда до Лейпцига, Галле, гдѣ онъ слушалъ университетскія лекціи, бывавшій и въ западной Россіи, бѣднякъ, жившій своими уроками и въ зрѣлыхъ лѣтахъ ставшій писателемъ, практической философъ и вмѣстѣ идеалистъ во вкусѣ XVIII вѣка, соединявшій жизненную опытность и здравый смыслъ съ ученіями современной философіи,—таковъ былъ писатель, начавшій сербскую литературу—книгами, доступными для грамотнаго человѣка и передававшими ученія гуманистической нравственности, внушавшими понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, вѣротерпимости, любви къ просвѣщенію. О дѣятельности Вука мы выше упоминали. Она была вообще великой его заслугой передъ сербскими народомъ: народная поэзія, раскрытая имъ въ такой красотѣ и богатствѣ, произвела въ славянствѣ и въ литературахъ Европы впечатлѣніе, которое отразилось на оцѣнкѣ самого народа. Для самихъ сербовъ труды Вука были цѣлой энциклопедіей этнографическихъ свѣдѣній о своемъ народѣ; не только у сербовъ онъ былъ первымъ начинателемъ подобныхъ изысканій, но въ цѣлой европейской наукѣ онъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, которые требовали внимательнаго изслѣдованія народности и научали уваженію къ народной жизни, ея содержанію и обычаю. Наконецъ, Караджичъ произвелъ въ самыхъ литературныхъ идеяхъ переворотъ, завершившійся уже въ наше время. Любовь къ своему народу, истиннѣе и, конечно, еще сильный умъ внушили Караджичу высокое представленіе о народности, и съ первыхъ своихъ трудовъ онъ высказалъ требованіе, что книги должны существовать для народа, и что поэтому ихъ надо писать на языкѣ народа. Словомъ, онъ вдругъ заявлялъ ту реформу литературнаго языка, которая у насъ произошла въ періодъ отъ Карамзина до Гоголя включительно. Съ этимъ вмѣстѣ вносилось и новое направленіе литературы. Старая, «славено-сербская» партія (нѣчто въ родѣ

нашего Шинкова и его послѣдователей) возстала противъ Караджича какъ противъ еретика; приндипъ, имъ выставленный, не былъ ясенъ его современникамъ — на него напали защитники высокаго слога и реторики, называвшіе его народный языкъ языкомъ свиныхъ пастуховъ (въ Сербіи очень распространено свиноводство) и обвинявшіе его въ неуваженіи въ книжнымъ преданіямъ старины; его строго осудили и русскіе славянофилы (въ лицѣ Гильфердинга), утверждая —еще при жизни Вука — что требованіе народнаго языка выставлялось имъ съ цѣлью разорвать церковно-книжное преданіе, связывавшее сербовъ съ Россією, что это дѣлалось въ видахъ Австріи, орудіемъ которой въ этомъ случаѣ былъ будто бы ученый Кошитаръ, преданный слуга Австріи, имѣвшій на Вука большое вліяніе... По внушеніямъ «славено-сербской» партіи, книги и правописаніе Вука были запрещены въ княжествѣ Сербіи (самъ онъ жилъ и работалъ болѣею частью въ Вѣнѣ), и, несмотря на всѣ усилія образованнѣйшихъ сербовъ, это запрещеніе снято было лишь въ концѣ жизни Вука, въ шестидесятыхъ годахъ, а окончательно уже послѣ его смерти.

Противники Вука, даже ученые славянофилы, какъ Гильфердингъ, не хотѣли видѣть, что реформа Вука была только однимъ изъ явленій, происходившихъ тогда во всѣхъ возрождавшихся славянскихъ литературахъ. Вся сущность славянскаго движенія заключалась въ поднятій національнаго чувства, въ пробужденіи безсознательнаго дотогѣ общества и народа, слѣдовательно, въ распространеніи книжности, образованія; она состояла далѣе въ томъ, чтобы внушить уваженіе къ народнымъ силамъ, къ живому обычаю, чтобы не смотрѣть свысока на народъ, а служить его благу и интересамъ: не естественно ли было придти къ заключенію, что книга, обращенная къ этому народу, должна говорить его языкомъ — придти не по какому-нибудь демократическому напризу или по какой-то политической интригѣ, а по совершенной необходимости, потому что народъ не понималъ бы иного языка? Такой смыслъ и имѣла дѣятельность Вука. Можетъ быть, что въ литературной системѣ Вука были свои преувеличенія, что, потянувшись за «народнымъ» такъ, какъ оно есть въ настоящую минуту, онъ забылъ, что въ сербскомъ языкѣ былъ нѣкій процентъ историческихъ элементовъ, которые также надо было взять въ соображеніе; но реформа давалась ему, какъ мы видѣли, только тяжелой борьбой, и этимъ преувеличенія объясняются. Въ основной мысли онъ остался правъ, и, какъ мы замѣтили, она имѣла важное значеніе и въ средѣ самого сербскаго развитія, и въ общеславянскомъ вопросѣ.

Дѣло въ томъ, что возвышеніе народныхъ языковъ на степенъ языковъ литературныхъ повторилось во всемъ славянскомъ мірѣ; въ общемъ счетѣ явилось десятея полтора славянскихъ литературъ, — въ старыя, которыя шли издавна, прибавились новыя, только-что возникавшія; подлѣ литературъ обширныхъ были микроскопическія — и по числу тѣхъ, для кого онѣ предназначались, и по числу и даже качеству произведеній, ихъ составлявшихъ; каждое отдѣльное нарѣчіе, небольшой отънокъ племени искали своего литературнаго выраженія. Явленіе было такое общее, что въ немъ, очевидно, дѣйствовала не прихоть писателей, а самая реальная общая причина. Въ самомъ дѣлѣ, это была естественная необходимость: пробужденіе національнаго чувства прежде всего сказалось потребностью говорить съ народомъ на его языкѣ; литература должна была спуститься до народа, и въ то же время возвышала доселѣ пренебрегаемый языкъ массы до книги, до выраженія высшихъ понятій образованности. У сербовъ повторялось то же. Старая «славено-сербская» школа не удовлетворяла именно потому, что языкъ ея не былъ живой; это была искусственная смѣсь, на которой писались книги, но никто не говорилъ (въ родѣ того, какъ галичане пишутъ донынѣ «поросійски»).

Но въ вопросѣ языка была и другая сторона. Старая сербская школа и русское славянофильство обвинили Вука за удаленіе (по ихъ мнѣнію, злонамѣренное) отъ церковно-славянской старины, облизавшей сербовъ съ русскими: предполагалось, что Вукъ измѣняетъ этимъ славянству, и служитъ противо-славянскимъ, австрійскимъ, западнымъ интересамъ, что онъ дѣлитъ славянство, вмѣсто того, чтобъ соединять его. Это обвиненіе ходитъ подлѣ дѣйствительнаго факта, но пристрастно толкуетъ или не понимаетъ его. Реформа Вука, какъ она разумѣлась имъ и особенно его послѣдователями, обозначала и нѣчто болѣе обширное, чѣмъ одно чисто литературное преобразование, именно, что, *прежде* какихъ-либо общеславянскихъ комбинацій, сербы въ своей литературѣ должны выразить свою національность, свои народныя особенности, свободно и независимо отъ какихъ-либо чужихъ притязаній, и сколько возможно самостоятельно искать образованія. Славянофилы чувствовали, что направленіе Вука отдаляло сербскую образованность отъ русскихъ вліяній, но могло ли быть иначе? могла ли, должна ли была сербская образованность оставаться на «славено-сербской» дорогѣ, довольствоваться тѣмъ, что могъ дать ей тотъ союзъ, каковаго славянофилы очевидно требовали? Что представляла русская литература того

времени, когда началась дѣятельность Вука, т.-е. въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ? Она сама еще не выбилась изъ-подъ чужихъ западныхъ влiянiй, и въ формѣ и въ содержанiи; она занята была своими собственными, отчасти еще элементарными вопросами, едва предчувствовала тѣ общеславянскiя идеи, которыя однѣ — въ соединенiи съ общественной свободой и самодѣятельностью — могли быть посредствомъ между ней и другими славянскими литературами; наконецъ, и это существенно, — не въ состоянiи была доставить тѣхъ образовательныхъ и научныхъ свѣдѣнiй, какия были сербамъ нужны и для которыхъ имъ, какъ и намъ, приходилось обращаться къ европейскимъ источникамъ. Внутреннее положенiе русской литературы и еще десятки лѣтъ позднѣе было таково, что въ ней невозможно было ожидать какой-либо свободной науки, свободной художественной литературы, свободного общественнаго сознанiя, а только при этомъ она могла бы приобрести въ славянскомъ мiрѣ тотъ авторитетъ, какой безъ сомнѣнiя желателенъ, но какого славянофилы потребовали слишкомъ рано. И до послѣдняго времени не разъ высказывалось у насъ неблаговоленiе, даже негодованiе къ тѣмъ сербамъ, которые предпочитали искать образованiя не въ Москвѣ, а въ Вѣнѣ, Берлинѣ, или Парижѣ. Дѣйствительно, чужое влiянiе не обходилось безъ своихъ неудобствъ: пребыванiе подъ дѣйствиемъ иного мiра и иныхъ понятiй ослабляло связи съ народной жизнью, — но очевидно, что виноваты не Берлинъ или Парижъ, а недостатки собственной свободной науки и литературы. Умы безхарактерные увлекались поверхностнымъ перениманiемъ чужихъ нравовъ; но для умовъ серьезныхъ здѣсь находились могущественныя возбужденiя, которыя шли только на пользу. Славянофилы сказали бы неправду, еслибъ утверждали, не только тогда, но и теперь, — что у насъ была такая самобытная и широкая наука и литература, которыя могли бы сдѣлать для сербовъ ненужнымъ обращенiе къ наукѣ западной, — хотя и по нашему мнѣнiю литературныя связи особенно южнаго славянства съ нашей образованностью могли бы принести большую пользу обѣимъ сторонамъ; но для этого нужны самой русской литературѣ условiя существованiя (*modus vivendi*, какъ нынче любятъ говорить), какия она, къ сожалѣнiю, еще далеко не имѣетъ...

Такимъ образомъ, сербская литература развивалась отдѣльно, безъ всякихъ особенныхъ связей съ русской, испытывая непосредственно влiянiя чужой науки и чужой школы, и вмѣстѣ работавшая даннаго своего быта и исторiи. Фактъ, быть можетъ, прискорбный, что солидарности не было; но онъ не подлежитъ сомнѣнiю, и, какъ видѣли, имѣлъ свои достаточныя основанiя.

Въ шестидесятимъ годамъ, въ сербской литературѣ стало обнаруживаться движеніе такъ-называемой «омладины»; оно было дѣломъ молодого сербскаго поколѣнія тѣхъ годовъ. Національно-политическіе интересы омладины шли въ томъ специально сербскомъ направленіи, которое было намѣчено дѣятельностью Бука. Мало-по-малу, въ старыхъ и молодыхъ кругахъ политическая цѣль сербскихъ національныхъ стремленій выработалась въ видѣ «пан-сербизма», объединенія сербскаго племени, разбитаго между Сербіей, Черногоріей, Турціей и Австріей.

Самое новое сравнительно было возрожденіе *хорватское*. Нѣкогда это было одно изъ древнѣйшихъ славянскихъ королевствъ, но обступленное Византіей, франками, венграми, оно сохранилось потомъ лишь въ соединеніи съ «коронаю» венгерской, а потомъ и австрійской. Въ область королевства входили и собственные хорваты (особая отрасль цѣлаго сербо-хорватскаго племени) и отдѣльныя части сербскаго племени, на которыя вслѣдствіе того также распространялось имя хортатовъ. Нѣкогда и въ хорватскихъ земляхъ были начатки греко-восточнаго христіанства и славянской литургіи; но они держались недолго и уступили римскому католицизму. Въ сербо-хорватскихъ земляхъ Адриатическаго Приморья и особливо въ сосѣднемъ Дубровницѣ издавна возникла замѣчательная образованность и литература, блестящимъ періодомъ которыхъ было XV—XVII столѣтія. Въ XVIII вѣкѣ литература имѣла уже только немногихъ замѣчательныхъ представителей, и къ нынѣшнему столѣтію лишь вяло продолжалась старая традиція, не одушевляемая вопросами жизни или образованности. Новый и замѣчательный порывъ сербо-хорватскаго возрожденія начинается въ тридцатыхъ годахъ — опять въ особой формѣ. Здѣсь не было надобности разыскивать «начала» своего народа: прошедшее было достаточно извѣстно; хорватское политическое устройство построено было на фактахъ этой прошедшей исторіи, которая была такимъ образомъ основаніемъ государственнаго хорватскаго права. Память о дубровницкомъ періодѣ никогда не прерывалась совсѣмъ; но національное чувство было вяло и недѣятельно. Оно пробудилось почти внезапно, когда ему данъ былъ толчокъ національными притязаніями венгровъ. Хорваты, по принадлежности къ венгерской «коронѣ», участвовали въ венгерской политической жизни; политическая связь не обходилась безъ того, что хорваты принимали венгерскую національность, или оставались на половину хорватами и мадьярами; но мадьярское національное вліяніе не распространилось на массы. Извѣстно, что политическимъ языкомъ венгровъ была латынь, оставшаяся

отъ среднихъ вѣковъ; та же латынь была языкомъ церкви, — двѣ народности венгерско-хорватской «короны» сходились на этомъ нейтральномъ полѣ. Но у венгровъ открылось, наконецъ, свое національное движеніе: латынь смѣнилась языкомъ венгерскимъ, который долженъ былъ стать въ венгерской «коронѣ» языкомъ управления, школы и т. д. Это было нововведеніе, которое и всегда было бы неудобно и тяжело для не-венгровъ этой «короны», — но въ ту пору, когда національный инстинктъ вообще сталъ особенно воспримчивъ, и когда къ вопросу о языкѣ присоединились еще другія политическія притѣсненія, хорватская оппозиція стала высказываться съ невиданнымъ прежде упорствомъ. Съ обѣихъ сторонъ раздраженіе все усиливалось и перешло въ открытую борьбу, сначала въ политической полемикѣ, въ уличныхъ демонстраціяхъ, а наконецъ съ оружіемъ въ рукахъ. Результатомъ, какъ мы упоминали, было два восстанія — венгровъ противъ Австріи и хорватовъ противъ венгровъ.

Эти частныя отношенія хорватовъ вскорѣ получили и ту окраску, которую называли «панславизмомъ». Что въ хорватскомъ движеніи выразилась давно соврѣвавшая потребность, для которой внѣшнія обстоятельства только дали толчокъ, видно было уже изъ того, что оно съ перваго появленія произвело цѣлый рядъ даровитыхъ поэтовъ, публицистовъ и ученыхъ, какъ главный основатель ново-хорватской литературы Людевитъ Гай, потомъ Мажураничъ, Боговичъ, Кукульевичъ, Станко Вразъ и другіе. Мысль о своемъ народѣ, его историческомъ правѣ, національномъ достоинствѣ, повела къ мысли о цѣломъ славянствѣ. Труды чешскихъ панславянскихъ ученыхъ и поэтовъ пришли встать: вмѣстѣ съ собственными сербо-хорватскими воспоминаніями изъ старой исторіи и литературы, они доставили то представленіе о цѣломъ славянствѣ, которое дало подкладку для патріотическихъ увлеченій и, правда, болѣе поэтическую, чѣмъ реальную надежду на политическую, или нравственную помощь единоплеменниковъ. Хорватскіе патріоты и популярныя писатели съ жаромъ говорили своимъ читателямъ о колоссѣ, занимающемъ пространство отъ Камчатки до Адриатическаго моря, о пробужденіи этого колосса, о братскомъ чувствѣ, которое должно соединять славянскія племена и т. д.

Въ самомъ началѣ хорватскаго движенія, въ половинѣ 30-хъ годовъ, его литературные предводители (они же были и предводители политическіе) приняли одно рѣшеніе, которое очень содѣйствовало расширенію національной пропаганды. Именно, они рѣшили оставить то мѣстное собственно-хорватское нарѣчіе, ка-

кимъ они начали-было писать въ своихъ книгахъ и газетахъ, и замѣнили его болѣе распространеннымъ—сербскимъ языкомъ (хотя писали его латинскими буквами), который установленъ былъ въ литературѣ Вукомъ: этотъ языкъ, во-первыхъ, сближалъ новѣйшее мѣстное хорватство съ преданіями старой далматинской литературы (въ которой господствовалъ одинъ изъ отгѣнковъ сербскаго языка); во-вторыхъ, размножилъ ихъ публику сербскими читателями. Это пожертвованіе своей мѣстной народностью для болѣе широкой народности—сербской представляетъ въ славянской литературѣ очень рѣдкій примѣръ литературнаго самоотреченія: оно объясняется малочисленностью собственнаго хорватства и меньшимъ литературнымъ развитіемъ ихъ нарѣчія, но тѣмъ не менѣе замѣчательно, такъ какъ сербы и хорваты вообще не любятъ другъ друга по національному соперничеству. Между хорватами и сербами начиналось теперь сближеніе, которое, еслибъ развивалось сильнѣе, послужило-бы великимъ благомъ для обоихъ племенъ. Во время венгро-хорватской войны, не только австрійскіе сербы держали сторону своихъ хорватскихъ единоплеменниковъ, но изъ самаго княжества Сербіи явился вспомогательный отрядъ. Къ сожалѣнію, древнее зло славянскихъ обществъ, неспособность къ союзному дѣйствию и частное соперничество, оказалось и на отношеніяхъ сербовъ и хорватовъ; какъ ни очевидна была бы для нихъ польза политической солидарности, они не могутъ сойтись на среднемъ терминѣ, который могъ бы примирить ихъ. Напротивъ, между ними и ранѣе шель, и теперь далеко не заглохъ споръ объ историческомъ значеніи и современныхъ притязаніяхъ того и другого племени. Доходило даже до того, что древнее сербское царство, несомнѣнно сербское и по топографіи, и по православію, и по литературнымъ памятникамъ, присвоивалось хорватами, какъ ихъ царство, изъ чего выводилось въ настоящемъ право на первенство въ сербо-хорватскомъ мірѣ. Противъ «пан-сербизма», ставящаго себя идеальной политической задачей объединеніе сербскаго племени, выступаетъ «пан-хорватство». Выигрываютъ, конечно, иѣмцы и венгры.

Можно изъ этого видѣть, на какой степени стоялъ въ дѣйствительности тотъ «панславизмъ», о которомъ въ то время разсказывали столько страшнаго публицисты нѣмецкіе, венгерскіе, французскіе, а также и польскіе (у которыхъ французскіе заимствовали). Эта степень обнаруживалась и участіемъ Россіи въ австро-венгерской войнѣ. Съ виду выходило, что Россія присоединялась къ славянскому интересу: противъ венгровъ защищали тогда свою національность славянскія племена—хорваты, сербы, сло-

заки; Россія, укропши венгровъ, повидному помогала славянству, но на дѣлѣ, славянской интересъ былъ здѣсь не при чемъ. Россія совсѣмъ не ставила и вопроса объ этомъ и помогала только австрійскому правительству по традиціямъ Священнаго Союза. Известно, что хорватское возстаніе противъ венгровъ, которое было такъ полезно для Австріи, не принесло самимъ хорватамъ никакой пользы. Австріи, постыдно перекашивши венгерскихъ предводителей, взятыхъ въ плѣнъ русскими, впоследствии однако гораздо больше сдѣлала для венгровъ, показавшихъ ей очень чувствительно свою энергію, чѣмъ для хорватовъ, которые ей услужили; а Россія, въ оплату за спасеніе Габсбурговъ, получила извѣстную «неблагодарность», которая должна была «удивить міръ» — а въ наше время получила эту же неблагодарность вторично...

У чеховъ возрожденіе шло своими путями, опять отдѣльно, и происходило изъ ихъ собственныхъ данныхъ и условій. Чехи нѣкогда имѣли свое славянское королевство, нѣкогда къ нимъ проникло не надолго восточное христіанство съ славянской литургіей. Сосѣдство съ Германіей привело, во-первыхъ, вліяніе нѣмецкихъ политическихъ силъ, нѣмецкихъ нравовъ, образованности и языка; во-вторыхъ, открыло дорогу западному духовенству и церкви, слѣдовательно католицизму и латыни. Въ связи съ этимъ, и въ средневѣковомъ католическомъ духѣ, у чеховъ развились замѣчательная образованность и литература на народномъ языкѣ. Основаніе пражскаго университета сдѣлало Прагу однимъ изъ важныхъ умственныхъ центровъ средней Европы. Съ образованностью развивалось и національное направленіе и въ концѣ XIV столѣтія возникло то многозначительное движеніе, представителемъ котораго сталъ знаменитый Гусъ. Утверждаютъ (главнымъ образомъ наши славянофильскіе писатели), что религіозная идея Гуса была прямымъ историческимъ развитіемъ давняго православнаго зерна, упавшаго въ Чехію въ IX-X вѣкѣ; но идеи Гуса ни мало не были сходны съ идеями тогдашняго славянскаго православія. Дѣятельность Гуса имѣла двѣ стороны: одной, — она заняла великое историческое мѣсто въ цѣломъ европейскомъ развитіи, какъ могущественная оппозиція папскому игу; другой, она представляла собой чисто-національную оппозицію нѣмецкимъ вліяніямъ, возбужденіе народныхъ силъ къ самобытному развитію. Усиленная національная жизнь, вызванная Гусомъ, охватила въ періодъ гуситства весь чешскій народъ; но принципы, одушевлявшіе его и переданные имъ своимъ преемникамъ, въ обоихъ направленіяхъ, и образовательно-религіозномъ и чисто-національномъ, встрѣтили такое сопротивленіе въ католической Европѣ, сжегшей

Гуса, что для народной жизни, поднятой его идеями, эти вѣка были временемъ страшной борьбы, религіозной и національно-политической: крайняя экзальтація тѣхъ вѣковъ, политическія опасности, окружавшія чеховъ, не дали національнымъ стремленіямъ спокойно утвердиться и стать основаніемъ политическаго развитія Чехіи. Послѣ многоразличныхъ переменъ счастья, удачъ и бѣдствій, энергическихъ взрывовъ и утомленія, въ началѣ XVII столѣтія борьба, поднятая въ концѣ XIV вѣка, окончилась страшнымъ пораженіемъ, подорвавшимъ народную силу—и матеріально, и нравственно. Послѣ печально-знаменитой у чеховъ Бѣлогорской битвы, 1620, Чехія потеряла и внутреннюю политическую автономію, и всѣ результаты своей религіозной борьбы, и свою литературу. Господство іезуитовъ прошло надъ Чехіей какъ моровая язва; тѣ изъ чеховъ, которые не хотѣли принять католичества, должны были покинуть родину, и такимъ образомъ запасъ нравственной силы, образованія, который они съ собою уносили, или пропадалъ, или пошелъ на пользу инымъ народамъ; дома же истреблялись всѣ воспоминанія славнаго прошлаго, и въ ихъ числѣ вся старая литература гуситства. Чехія перестала считаться въ европейскомъ политическомъ мірѣ; это была безгласная провинція имперіи Габсбурговъ.

Состояніе чешскаго народа было таково, что трудно было ждать чего-нибудь, кромѣ все большаго упадка національности, и, наконецъ, обнѣмеченія. Но когда дѣло было, повидимому, безнадежно, именно являются первые признаки возрожденія. Это были времена Іосифа II. Его либеральное настроеніе открывало новую свободу для общественности и литературы, открывало притокъ освободительныхъ идей; съ другой стороны, относительно чеховъ онъ являлся германизаторомъ, и истиннѣе національнаго самосохраненія, поддержанный тогдашней гуманитарной образованностью, въ первый разъ съ XVII вѣка, обратилъ чешское общество къ своему народу, его прошедшему—и положилъ первыя основанія широко-развившемуся литературному возрожденію. Не такъ, какъ у сербовъ или болгаръ, здѣсь старина оказалась ближе, изученіе оказалось легче, потому что, хотя множество старыхъ памятниковъ погибло, а другіе надо было разыскивать,—у чеховъ нашлось не мало людей съ современной ученостью, особенно исторической, которые скоро ориентировались въ забытой старинѣ. Чешскіе ученые прошлаго вѣка, еще не думавшіе о возрожденіи, изслѣдовали старину по историческому интересу, писали по-нѣмецки свои книги, но предметъ оказывался близокъ ихъ сердцу, и ихъ разсказъ о паденіи старой Чехіи принималъ элегическій

тогь. Одинъ изъ первыхъ панславянскихъ ученыхъ, знаменитый Добровскій, былъ католическій аббатъ, считалъ исторію своего народа конченнымъ дѣломъ, писалъ свои сочиненія по-латыни и по-нѣмецки (онъ умеръ въ 1829), но тѣмъ не менѣе его собственная дѣятельность послужила одной изъ первыхъ научныхъ опоръ панславянскаго и специально чешскаго возрожденія. Его ученики, личные и не-личные, были уже энтузіастами возрожденія.

По самому положенію вещей, здѣсь, какъ у сербовъ и болгаръ, главные дѣятели возникавшаго народнаго сознанія выходили нерѣдко изъ самой народной массы; высшій слой былъ — обнѣмеченное дворянство, помнившее только по историческимъ свѣдѣніямъ и по своимъ помѣстьямъ и генеалогіямъ о своемъ чешскомъ происхожденіи. Біографія многихъ изъ первыхъ дѣятелей новой чешской литературы начинается рожденіемъ въ бѣдной деревенской семьѣ, продолжается ревностнымъ трудомъ и лишениями, и завершается иногда по-истинѣ великими заслугами для образованія своего народа. Нѣмцы издавна и до сихъ поръ были опаснѣйшими врагами чешской народности; но нѣмецкая школа много помогла чешскому возрожденію. При первыхъ его проблескахъ, здѣсь, больше чѣмъ у какаго-нибудь племени юго-западнаго славянства, нашлось замѣчательныхъ ученыхъ силъ, работавшихъ не только для своей народности, но и для самосознанія цѣлаго славянства. Таковы были Шафарикъ, уже не разъ названный; Палацкій, историографъ Чехіи; Юнгманнъ, поэтъ и ученый, составитель громаднаго словаря, каковыхъ въ другихъ мѣстахъ еще не умѣли составить цѣлыя академіи; Ганка; Челяковскій; Эрбень и проч. Чешскіе, да и другіе славянскіе патріоты въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, нѣкоторые даже и донынѣ, ради этихъ именъ считали чеховъ передовымъ народомъ славянства, лучшими представителями его національнаго сознанія. Чешское движеніе быстро разрослось въ различныхъ направленіяхъ: рядомъ съ научными историческими и этнографическими изученіями, развивалась обширная литература беллетристики, популярныхъ и общепользныхъ книгъ; основывался театр; распространялась чешская школа; учреждается чешскій «музей», собраніе національныхъ достопримѣчательностей, древностей, рукописей, книгъ и пр.; для удешевленія книгъ—вопросъ, очень важный для вообще небогатой, особенно народной публики—устроилось своеобразное учрежденіе «Матица» (общество, члены котораго вносятъ ежегодную скромную подписку и затѣмъ получаютъ по дешевой цѣнѣ его изданія), потомъ «Матица для народа»; устраивались разныя об-

щественныя собранія, чтенія, балы, гдѣ долженъ былъ господствовать чешскій языкъ, и т. д. Чешская публика въ состояніи была въ шестидесятыхъ годахъ поддержать изданіе «Научнаго Словника», обширнаго энциклопедическаго словаря, до-сихъ-поръ единственнаго въ своемъ родѣ во всей славянской литературѣ.... Мало-по-малу стала догадливо возвращаться къ народности и чешская аристократія.

Между тѣмъ событія шли. Европейскія волненія 1848 года отразились и на австрійскомъ славянствѣ. Въ Вѣнѣ вспыхнула революція; начиналась хорватско-венгерская борьба; правительство растерялось (хотя, впрочемъ, ему скоро помогли)—былъ моментъ, когда національно-общественные элементы были предоставлены самимъ себѣ, могли и даже были вынуждены высказаться и позаботиться о себѣ сами. Въ Прагѣ собрался славянскій съѣздъ — изъ представителей славянскихъ племенъ въ Австріи, съ однимъ случайнымъ русскимъ посѣтителемъ. Одной изъ главныхъ цѣлей съѣзда было противодѣйствовать нѣмецкимъ революціонерамъ Австріи, которые посылали своихъ депутатовъ во Франкфуртъ и настаивали на нѣмецкомъ единствѣ, причемъ славянамъ также приходилось бы считаться за нѣмцевъ. Чехи возстали противъ этого, и въ это время сказано было знаменитое изреченіе, что «если бы не было Австріи, ее нужно было бы создать». Славянскій съѣздъ высказалъ свою политическую программу въ особомъ манифестѣ къ европейскимъ народамъ, изложилъ свои желанія внутренней свободы и равноправности для народовъ славянскихъ въ Австріи, въ проектѣ адреса къ австрійскому императору. Австрійскіе славяне обнаружили самое мирное и вѣрнопоподданное настроеніе, но это не помогло ихъ дѣлу. Какъ у хорватовъ, такъ и у чеховъ вѣрнопоподданность не принесла результатовъ, какихъ они, повидимому, были въ правѣ ожидать. Славянскій съѣздъ былъ безъ церемоній закрытъ, а послѣ укрощенія Венгрии и полнаго возстановленія «порядка» — чехамъ пришлось расплачиваться за минутную свободу годами реакціи и оскорбительныхъ притѣсненій.

Съѣздъ только указалъ возможность соглашенія и союза между австрійскимъ славянствомъ, едва намекнувъ на связи съ славянствомъ не-австрійскимъ; но выраженные имъ стремленія остались на бумагѣ, за ними не было никакой реальной силы, которая могла бы поддержать ихъ, и австрійское правительство приняло ихъ за нуль. Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ, австрійскіе славяне остались столько же раздѣленными, сколько были: чехи въ разладѣ съ вѣнскимъ рейхсратомъ; хорваты, сербы, словаки и венгерскіе русины въ разладѣ съ мадьярами; галицкіе русины съ поляками,

оставались всё одиноки и беспомощны, и не видно до-сихъ-поръ, чтобы между славянствомъ начиналась какая-нибудь солидарность противъ общихъ опасныхъ враговъ. Съ шестидесятихъ годовъ, при новомъ конституціонномъ устройствѣ Австріи, чехи направили свои усилія на защиту историческихъ правъ «чешской короны»; но до-сихъ-поръ ихъ усилія не имѣли большого успѣха; они устранились изъ имперскаго рейхстага, но дѣла только стали рѣшаться безъ нихъ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ дуализмѣ, имперія подѣлена между нѣмцами и венграми. Славянство, гораздо болѣе многочисленное въ Австріи, чѣмъ нѣмцы или венгры, остается подчиненнымъ, — потому что не представляетъ ни компактной массы, ни политическаго единодушія и энѳргіи.

У поляковъ панславянскія идеи были всего слабѣе. Поляки не участвовали въ славянскомъ возрожденіи, — хотя въ ихъ образованности и литературѣ былъ бы очень желателенъ элементъ, ему соответствующій. Въ ихъ новѣйшей исторіи не было недостатка въ національномъ возбужденіи — напротивъ, господствовало постоянное лихорадочное возбужденіе, но оно направлялось опять совсѣмъ иначе, своеобразно и исключительно.

Польская исторія шла особнякомъ и отъ южнаго, и отъ западнаго славянства: съ первымъ у поляковъ не было историческихъ встрѣчъ и не могло быть сочувствія и по религіознымъ отличіямъ; съ западнымъ, именно съ чехами, поляки имѣли историческія связи, но онѣ потомъ забылись; гуситское движеніе имѣло отголоски въ Польшѣ, гдѣ одно время значительно распространялась и реформа, но эти вліянія оказались поверхностными. Съ другой стороны, Польша имѣла особенныя роковыя отношенія къ славяно-русскому востоку. — къ кievской Руси, къ Литовско-русскому князевству, къ Малороссіи. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ Западный и Южный Край, издавна русскіе по народности, были политически связаны съ Польшей, и хотя равноправность была первоначальнымъ условіемъ соединенія, она кончилось политическимъ господствомъ Польши и польскаго элемента. Здѣсь явился предметъ національнаго спора и потомъ страшной борьбы: Польша ассимилировала высшіе классы, распространяла католицизмъ или унию — но народъ не покорился: за нарушение равноправности онъ отплатилъ восстаніемъ и присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ.

Исторія создала въ Польшѣ національное чувство очень сильное, но и одностороннее и исключительное: «народомъ» считалась въ ней собственно многочисленная шляхта и ея вельмож-

ные предводители. Въ національномъ представленіи поляковъ неизмѣнно присутствуетъ представленіе о «свободѣ» — но въ немъ были странныя преувеличенія и противорѣчія: въ старой Польшѣ свобода принадлежала въ сущности одному классу или даже только вельможной олигархіи, доходя до возможности *liberum veto*, т.-е. безконтрольнаго произвола каждаго, и никакъ не распространялась на народныя массы; съ другой стороны, свобода совмѣщалась съ преслѣдованіемъ диссидентовъ, т.-е. русскаго православнаго населенія. Давняя историческая антипатія Польши и Руси въ теченіи среднихъ вѣковъ ихъ исторіи возрастала больше и больше: первая никакъ не хотѣла признать притязаній Москвы на «Литву» и южную Русь, которыя, конечно, не принадлежали Москвѣ, но которыя тянуло къ ней по единству народности и религіи; средневѣковая Польша стояла выше Москвы по своей образованности, и съ пренебреженіемъ смотрѣла на ея дикость и невѣжество; католицизмъ внушалъ пренебреженіе и ненависть къ «схизмѣ»; наконецъ, все это завершалось разницей нравовъ. Все это падало въ усиленной степени на южный и западный край, русскій и православный; когда боярство этихъ земель ополчилось и приняло католицизмъ, поляки сочли (и обыкновенно до сихъ поръ считаютъ) эти земли — русскія по большинству населенія — польскими землями, составляющими неотъемлемую принадлежность Польши. Со времени перваго раздѣла, въ теченіи цѣлаго столѣтія польскіе патриоты мечтали о новомъ свободномъ бытіи польскаго королевства не иначе какъ въ границахъ 1772 года. Это — одинъ изъ существенныхъ предметовъ «домашняго спора» между Россіей и Польшей.

Съ XVIII вѣва, и еще ранѣе, въ польскомъ обществѣ не было недостатка въ серьезныхъ голосахъ, предупреждавшихъ объ опасностяхъ того порядка вещей, который казался «польской свободой». Но эти голоса оставались вопіющими въ пустынѣ. Болѣе справедливыя идеи начинали брать верхъ лишь тогда, когда Польша уже не распорядилась своей судьбой. Національныя представленія большинства остановились на томъ, на чемъ застало ихъ паденіе государственной независимости. Обстоятельства помогали тому, что онѣ не принимали другого направленія, болѣе близкаго къ исторической, политической и національной истинѣ, и болѣе полезнаго для польскихъ интересовъ. Когда произошелъ первый раздѣлъ и къ Россіи присоединены были области, исторически русскія, съ кореннымъ населеніемъ — въ огромномъ большинствѣ русскимъ, правительство временъ Екатерины II не думало, однако, взглянуть на нихъ съ этой точки зрѣнія, и русское населеніе

западнаго края осталось, при русской государственной власти, подъ польскимъ господствомъ помѣщичьимъ, общественнымъ, религиознымъ и образовательнымъ. Край считался польскимъ и при императорѣ Александрѣ I. Основаніе царства Польскаго не удовлетворило поляковъ, и одной изъ главнѣйшихъ причинъ недовольства было отдѣленіе отъ него западныхъ губерній, которыя они считали также Польшею: это обстоятельство постоянно волновало польскихъ патриотовъ и явилось въ возстаніи 1830—31 года. Въ самомъ дѣлѣ, произошло странное явленіе: въ русскомъ государствѣ польскій элементъ западнаго края вполне господствовалъ надъ массою мѣстнаго русскаго населенія. Власть не противорѣчила этому господству въ отношеніяхъ соціальныхъ, и подавляла только чисто политическія движенія. Само русское общество только съ возстанія 1863 года вспомнило, что это край русскій... Понятно поэтому, что полякамъ никогда не приходила мысль о дѣйствительномъ положеніи вещей въ этомъ краѣ; говоря о западномъ краѣ, они продолжали считать присоединеніе его къ Россіи споліаціей «польской» земли. Эта двоякая, странная и противорѣчивая постановка польскаго элемента къ русскому, сложившаяся исторически, не могла, разумѣется, способствовать примиренію русско-польскихъ отношеній. Дѣло могло разъясниться только подъѣмомъ самого русскаго элемента въ краѣ, вмѣшательствомъ общественной дѣятельности изъ русскихъ центровъ, свободнымъ расчетомъ и размежеваніемъ двухъ обществъ и національностей; но въ тѣ годы ни то, ни другое не было возможно. Политическіе предметы были абсолютно недоступны для русскаго общества; оно не имѣло никакой возможности инициативы, — и вопросъ, чрезвычайно важный для всей цѣлости междуславянскихъ отношеній, оставался внѣ инициативы самого общества и рѣшался только административнымъ порядкомъ.

Отсутствіе русскаго общественнаго вмѣшательства въ отношенія западнаго и юго-западнаго края (тогда, правда, и въ русскомъ обществѣ поднятъ былъ вопросъ о народности, но касаться ея можно было только въ мѣру), и въ то же время несомнѣнно польскія качества высшаго класса въ западномъ краѣ; ревностныя заботы, принятныя тогда поляками въ дѣлѣ школы и образованія (дѣятельность Фаддея Чацкого и др.) и т. п., заставляли даже русскихъ смотрѣть на этотъ край какъ на польскій... Словомъ, здѣсь не было ни взаимнаго пониманія двухъ родственныхъ племенъ, ни равноправности (здѣсь въ особенности странно нарушавшейся) и ничего «панславянскаго».

Другое обстоятельство еще усложняло это между-племенное

недоразумѣніе. Съ конца прошлаго вѣка, въ Польшѣ, уже падающей, умы заняты были комбинаціями ея восстановления; трудно было достигнуть его открытой борьбой, собственными силами; помощи ни откуда не предвидѣлось; когда у поляковъ мелькнула надежда, что эту помощь принесетъ имъ Наполеонъ. Надежда разрослась потомъ въ увѣренность; поляки ревностно служили подъ знаменами Наполеона, ожидая отъ него восстановления своей родины, и не перестали вѣрить въ него даже тогда, когда онъ видимо лишь эксплуатировалъ и обманывалъ, вѣрили и тогда, когда онъ палъ. Они привыкли соединять имя Польши съ именемъ Франціи; послѣ неудачи восстанія въ 1831, польская эмиграція направилась особенно во Францію; извѣстная поддержка, которую нашла здѣсь эмиграція, еще больше утверждала поляковъ въ надеждѣ, что изъ Франціи должно придти освобожденіе. Восстановленіе имперіи снова подняло эти мечты... Казалось бы, что общественныя идеи обѣихъ странъ были слишкомъ несходны; чтобы можно было представить между ними дѣйствительную солидарность: внутренній характеръ французскаго общества, свобода философской мысли, науки и литературы, смѣлая критика старыхъ идей и формъ не вивались съ упорнымъ шляхетскимъ консерватизмомъ и католичествомъ общества польскаго. Но вопросъ обыкновенно и не доходилъ до этихъ подробностей: одна сторона умалчивала о нихъ, другая — ничего не знала; католицизмъ поляковъ во Франціи былъ дѣйствительнымъ, или условнымъ правомъ на участіе; наполеоновская легенда была тогда (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) во Франціи очень популярна, и обѣ стороны сходились на лозунгъ свободы для угнетеннаго народа. Въ этомъ настроеніи поляки, естественно, не были расположены разъяснять славянское родство; они предпочитали мнимое духовное родство съ Франціей, и на нее возлагали свои упованія. Отсюда возникли странныя теоріи, какъ теорія Духинскаго, имѣвшая успѣхъ только у французовъ и поляковъ, и та форма панславизма, о которой выше упоминалось — гдѣ Польша, во главѣ западнаго славянства, должна была стать оплотомъ для Европы противъ Россіи. Двѣ теоріи были параллельны, и дополняли одна другую. Ученіе Духинскаго (какъ извѣстно, оно вовсе не было его первымъ изобрѣтеніемъ и высказывалось раньше) говорило, что русскіе — племя вовсе не славянское, а финно-монгольское, туранское, съ славянской примѣсью, что они злоупотребляютъ славянскимъ именемъ, присваивая его себѣ и т. д., — ученіе, происшедшее отчасти изъ незнанія, а главное — изъ политическаго раздраженія.

Факты не подтверждали ни исторической теоріи, ни этой

формы панславизма. Научная филологія и этнографія не считаютъ даже нужнымъ упоминать о теоріи Духинскаго. Отношенія Польши стали разъясняться, и польскія дѣла находили, наконецъ, строгихъ критиковъ между самими французами (назовемъ Прудона). Событія показывали, что Европа чувствуетъ себя достаточно сильной противъ Россіи и безъ того оплота, какой, предполагалось, могла доставить Польша, и дѣйствительно—во время послѣдняго возстанія Европа не сдѣлала шагу въ ея пользу.

Во всемъ этомъ, какъ видимъ, нѣтъ ничего «панславянскаго»: никакой славянской солидарности, дѣйствительно, и нельзя построить на такомъ странномъ основаніи, какъ доставленіе Европѣ оплота противъ Россіи—потому, что именно само западное славянство стоитъ беззащитнымъ передъ Европой, и—по всемъ вѣроятіямъ—рискуеть гибелью, если не найдетъ дѣйствительной, серьезной поддержки Россіи. Есть довольно фактовъ, которые опредѣляютъ положеніе славянства именно въ этомъ свѣтѣ.

Отдѣльность польскихъ тенденцій отъ славянскаго міра обнаружилась и въ теченіи послѣдней знаменательной борьбы. Отдадимъ должную честь и славу тѣмъ польскимъ людямъ, которые въ рядахъ русскаго войска положили свой трудъ и жизнь на помощь балканскому славянству, но трудно не видѣть, что большинство польское, у насъ и за границей, осталось безучастнымъ или выжидающимъ зрителемъ этой борьбы.

Упрекать въ этомъ поляковъ очень мудрено; ихъ сдержанность имѣетъ свои историческія основанія. Можно сожалѣть объ этомъ положеніи вещей, надѣ желать, чтобы оно измѣнилось, но, съ ихъ точки зрѣнія, настоящее пока еще не даетъ возможности другого взгляда. Мы не сомнѣваемся, что придетъ время, когда ходъ исторіи объяснитъ взаимныя отношенія, примиритъ вражду и положитъ основаніе иному порядку вещей. Могутъ, во-первыхъ, измѣниться общественныя отношенія польской народности въ русской Польшѣ. Система обрусѣнія, выставленная въ шестидесятыхъ годахъ, какъ увидимъ далѣе, не внушала у насъ сочувствія даже писателямъ, самымъ требовательнымъ въ русскихъ національныхъ вопросахъ (назовемъ Погодина, Самарина, Гильфердинга). Устраненіе этой системы, введеніе въ Польшу большаго простора для общественности, удовлетворяющаго потребности національнаго чувства, расширеніе общественной свободы и самостоятельности въ самой русской жизни, создадутъ ту почву, на которой два общества могутъ вступить въ дѣйствительную солидарность, одинаково полезную для обѣихъ сторонъ. У насъ,

какъ мы сказали, такой взглядъ высказывался людьми самой крайней національной школы — славянофилами, и онъ же раздѣляется людьми совсѣмъ иныхъ понятій. Съ другой стороны, самимъ полякамъ вѣроятно больше, чѣмъ теперь, выяснится общее положеніе ихъ національнаго вопроса: для ихъ народности гораздо опаснѣе не обрусѣніе, а обнѣмеченіе, и это сознание можетъ вѣрнѣе направить ихъ національныя усилія. Безпристрастная оцѣнка фактовъ, вѣроятно, объяснитъ имъ также, что, защищая свое національное право, они должны уважать и чужое. Отношеніе польскаго элемента къ западно-русскому и южно-русскому въ Россіи, къ русинскому въ Галиціи есть именно пунктъ, гдѣ поляки грѣшатъ тѣмъ самымъ, въ чемъ винить русскихъ. На необходимость измѣнить это отношеніе можетъ указать даже расчетъ практической политики, если ужъ не теоретическое разсужденіе и историческая наука. Въ западно- и южно-русскомъ племени поляки видѣли почву, легко поддающуюся ихъ вліянію, и причислили его къ своему владѣнію, не желая признать, что это было, однако, племя совсѣмъ отличное, и считая за простой хлопскій бунтъ возстаніе народа, мстившаго за нарушеніе своего національнаго права. Историческая наука могла бы побудить взглянуть съ бѣльшей критикой и на свое прошедшее. Въ тяжелые періоды національныхъ испытаній историка, какъ и цѣлое общество, вездѣ и всегда склонны подъ вліяніемъ чувства переносить свои патріотическіе идеалы въ прошедшее, поэтизировать и прикрашивать его. Такъ говорилось въ польской литературѣ о добрыхъ старыхъ временахъ, о свободѣ, о блестящей веселой жизни старой Польши, причемъ забывалось, что эти блескъ и свобода принадлежали, собственно говоря, одному олигархическому магнатуству, что веселая жизнь шляхты покупалась угнетеніемъ и нищетою массъ, что общее положеніе вещей было — страшная безурядица, которая, наконецъ, открыла въ Польшу свободный путь иноземному господству.

Эти и подобныя ошибки и самообольщенія не могли не давать цѣлому національному сознанію ложнаго, и вреднаго для него самого, направленія, — которое, между прочимъ, не понятно у насъ, привывшихъ, при всей общественной слабости нашей литературы, къ гораздо болѣе смѣлой критикѣ прошедшаго и настоящаго. Но есть данныя, указывающія въ польской литературѣ возможность поворота, который мы считали бы чрезвычайно благотворнымъ и который, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы большія сочувствія — поворота къ настоящей критикѣ и въ исторіи, и въ

современности: онъ былъ бы и задаткомъ общеславянской солидарности.

Итакъ, польская литература менѣе всѣхъ другихъ обнаружила интереса въ славянскому возрожденію, — отвлеченная своими заботами и тревогами въ иную сторону. Но въ то самое время, въ первой половинѣ столѣтія, въ ней явились, однако, замѣчательные ученые, стоявшіе на этой дорогѣ: таковы были, напр., Суровецкій, Доленга Ходаковский, Кухарскій, въ особенности Линде (знаменитое имя въ панславянской литературѣ), Мацѣевскій и др. Въ польской литературѣ относительно слабѣе и по объему, и по научности обработки отдѣлъ этнографіи, который въ другихъ славянскихъ литературахъ занималъ и занимает такое важное мѣсто. Въ послѣднее время въ этомъ отдѣлѣ появляются труды съ большими научными достоинствами. Изученія историческія издавна велись въ польской литературѣ въ обширномъ размѣрѣ; въ послѣдніе годы началась и здѣсь реакція противъ условныхъ историческихъ понятій и стремленіе поставить на ихъ мѣсто здравую историческую критику и устранить вредное вліяніе историческихъ заблужденій и фикцій (назовемъ сочиненія краковскаго профессора Шуйскаго). Въ новѣйшей польской литературѣ и публицистикѣ вообще начинается движеніе, совсѣмъ новое по своей тенденціи — внести начала новѣйшей европейской мысли въ общественное мировоззрѣніе, доселѣ, скажемъ прямо, подавленное фиктивными историческими понятіями и католической узостью и нетерпимостью.

III.

Общій характеръ и источники славянскаго возрожденія.

Мы скажемъ далѣе о развитіи русскаго панславизма. Мы не упоминали и о томъ, какъ обнаруживалось возрожденіе у мелкихъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, напр., словинцевъ или лужичанъ; какъ потребность заявить народную личность вызывала литературныя попытки, болѣе или менѣе обширныя, въ частныхъ племенныхъ отдѣлахъ, не хотѣвшихъ довольствоваться литературой большого, имъ непосредственно близкаго племени — напр. у словаковъ, которые не довольствовались чешскою литературой, у южно-руссковъ, которые не довольствовались одной литературой великорусскою. Общій характеръ явленія остается и здѣсь тотъ же — стремленіе выразить свою народную особность.

Разсматривая это явленіе въ цѣломъ, прежде всего нельзя не увидѣть, что національное возрожденіе хотя начиналось у славянскихъ племенъ почти въ одно время, именно со второй половины XVIII столѣтія, но у каждаго возникало отдѣльно, безъ какой-нибудь связи съ другимъ племенемъ, у каждаго по своимъ особымъ причинамъ, и съ особымъ характеромъ. Болгары не имѣли понятія о томъ, что дѣлается у чеховъ или словинцевъ; чехи не знали, что дѣлается у сербовъ и болгаръ. Мало того, инныя племена едва знали о существованіи другъ друга: о болгаряхъ даже величайшій въ свое время знатокъ славянства, Шафарикъ, думалъ, что ихъ не болѣе шести-сотъ тысячъ, тогда какъ ихъ считается до шести милліоновъ, или даже болѣе; первыя свѣдѣнія о ново-болгарскомъ языкѣ являются въ славянской наукѣ только въ двадцатыхъ годахъ; сербы въ прошломъ столѣтіи переселились въ Россію массою до ста тысячъ, но ихъ появленіе не возбудило въ тогдашнемъ обществѣ ни малѣйшаго интереса, такъ что даже прямая встрѣча племенъ не внушала мысли о племенномъ единствѣ и той нравственной связи, какую стали выводить изъ него впослѣдствіи, и т. д. Были отдѣльные случаи, гдѣ это единство замѣчалось и даже производило извѣстное впечатлѣніе; отдѣльные ученые люди знали о родственныхъ племенахъ, но это знаніе и интересъ не проникали въ массу общества. Знали, на западѣ и особенно на югѣ, довольно твердо одно — существованіе сильнаго русскаго государства, отъ котораго православное южное славянство издавна получало нѣкоторую церковную помощь и отъ котораго, со временъ русско-турецкихъ войнъ, стало надѣяться своего освобожденія.

Итакъ, каждое изъ славянскихъ племенъ, отдѣльно отъ другихъ, собственными силами и на свой страхъ приходило къ національному сознанію, и работало для его увѣрленія. Но главные источники движенія были сходны: униженіе народности, доходя до своего предѣла, наполняло лучшіе умы тяжелымъ чувствомъ, горячимъ желаніемъ помочь соотечественникамъ, вывести ихъ изъ рабскаго состоянія физическаго или нравственнаго. Для этого представлялось два главные пути: во-первыхъ, надо было ободрить ихъ, напомнить, что у ихъ народа бывали свои славыя времена, было могущество, просвѣщеніе, богатство, уваженіе сосѣдей, были великіе люди, цари, полководцы, писатели, святые. Обращеніе къ старинѣ ведаѣ было обычной чертой и средствомъ національнаго возрожденія. Во-вторыхъ, надо было дать народу образованіе: когда вмѣстѣ съ порваннымъ преданіемъ старой политической жизни, порывалось и преданіе литературное,

необходимо было начинать литературу вновь. Старая литература, еслибъ и не была забыта, не могла служить для потребностей новаго времени—она могла дать лишь историческія опоры: народный языкъ, развиваясь внѣ книги, такъ удалился отъ прежней книжной рѣчи, что послѣдняя становилась совсѣмъ устарѣвшей, новую литературу надо было основывать на живомъ народномъ языкѣ; иначе она была бы непонятна для народа. Отсюда то вновь возникшее множество крупныхъ и мелкихъ литературныхъ языковъ, которое привело, наконецъ, въ недоумѣніе друзей славянскаго единства.

Конецъ XVIII вѣка еще не стремился къ осуществленію національнаго принципа. Первые славянскіе патриоты, начинатели возрожденія, думали гораздо больше только о просвѣщеніи народа съ общечеловѣческой точки зрѣнія, какъ Десноей Обрадовичъ; но мало-по-малу патриотическій интересъ перешелъ на національную точку зрѣнія. Историческія воспоминанія вызывали чувство національной гордости; событія, какъ сербское освобожденіе, ставили прямо вопросъ о національной цѣльности и независимости; наполеоновскія войны, перетряхнувшія всю среднюю Европу, заставили думать о новыхъ національно-политическихъ комбинаціяхъ; шумная и блестящая роль Россіи въ событіяхъ 1812—1814 годовъ наполняла славянство гордостью за единоплеменный народъ, и мысль о томъ, что славянству еще предстоитъ широкая историческая судьба, все больше укрѣпляется съ тѣхъ поръ въ умахъ славянскихъ племенъ, соединяясь съ надеждами на Россію какъ на предводителя въ этомъ историческомъ будущемъ.

Съ первой четверти столѣтія въ процессъ развитія мысли о всеславянскомъ цѣломъ входитъ еще одинъ сильный элементъ—научное пслѣдованіе. Собственно говоря, оно впервые дало вопросу о всеславянствѣ нѣкоторую опредѣленность. Изслѣдованіе шло въ особенности на почвѣ исторіи, языкознанія и этнографіи. Исторія каждаго отдѣльнаго племени восходила къ одной и той же славянской древности, гдѣ славянство представлялось единымъ, еще не раздѣлившимся цѣлымъ; такимъ образомъ, всѣ нынѣшнія племена имѣли одну колыбель, были дѣтьми одной семьи. Филологія, занявшись впервые научнымъ образомъ славянскими нарѣчіями, открыла между ними тѣсное родство, указывавшее на тотъ же общій источникъ, открыла, что въ древнюю пору славянской письменности, въ IX—X столѣтіи, нарѣчія были еще такъ близки одно къ другому, что, вѣроятно, были взаимно понятны. Когда къ славянской филологіи примѣнены были приемы

сравнительнаго языкознанія, родство нарѣчій и, слѣдовательно, племень обнаружилось еще ярче, и ученые пытались даже по даннымъ языка реставрировать общеславянскую бытовую старину — общее преданіе всѣхъ существующихъ теперь славянскихъ племенъ. Еще болѣе замѣчательныя параллели оказались въ изученіяхъ этнографическихъ, въ сравненіи мифическихъ преданій и повѣрій, народныхъ обычаевъ, пѣсенъ, сказокъ и вообще произведеній народной поэзіи: племена, раздѣленные далекими пространствами и долгими вѣками исторіи, при всѣхъ случайностяхъ чужихъ вліяній, при всѣхъ измѣненіяхъ своего политическаго быта, сохраняли въ своихъ преданіяхъ и народной поэзіи элементы старины, которыя для современнаго славянства давали общую нить народнаго преданія и въ которыхъ, безъ сомнѣнія, заключается извѣстное основаніе для взаимнаго пониманія и сближенія въ настоящее время. Такова въ особенности общность племенныхъ преданій у народовъ восточнаго славянскаго отдѣла — русскаго, сербскаго и болгарскаго. (Извѣстно, съ какою пріятной неожиданностью русскіе простые люди и солдаты въ послѣднія войны встрѣчали въ сербахъ и болгаряхъ родственныя народныя черты, какъ въ южно-славянскомъ бытѣ и характерѣ оказалось много общаго съ русскимъ и особливо малорусскимъ). Начало изученій этой старины славянства (въ десятихъ, двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ) совпало съ общеевропейскимъ романтизмомъ, мечтавшимъ о среднихъ вѣкахъ, о поэтической прелести патріархальнаго быта, о героическомъ періодѣ народовъ, и совпало также съ первыми научными изслѣдованіями этого быта, съ дѣятельностью Якова Гримма и его школы. Ученый романтизмъ не меньше романтизма литературнаго восторгался всѣмъ простымъ, первобытнымъ, народнымъ, и такой же восторгъ возбуждала славянская поэтическая старина, въ которой притомъ нашлись столь поэтическія произведенія, какъ чешскій «Судъ Любуши» и Краледворская рукопись, какъ «Слово о Полку Игоревѣ», и въ особенности, какъ открытая Вукомъ ученому міру богатая, крайне оригинальная народная эпопея и лирика сербовъ.

Упомянутыя выше труды Шафарика имѣли поэтому обширное научное, и вмѣстѣ національно-нравственное значеніе. Они собрали факты славянскаго прошедшаго единства, высчитали современное славянство какъ одно племя, дали общее обзорное всѣхъ славянскихъ литературъ. Это послужило фундаментомъ и исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Съ тѣхъ поръ славянскій филологъ, археологъ, этнографъ искалъ своего матеріала не въ однихъ границахъ своего племени, но у всѣхъ род-

ственныхъ племенъ — только этимъ способомъ онъ надѣялся достигнуть полноты изслѣдованія. Таковы филологическіе труды самаго Шафарика, Востокова, Шлейхера, Миклошича; мнѳологическія и этнографическія изысканія Срезневскаго, Гануша, Эрбена, Штура, Котляревскаго, Аванасьева, Буслаева; таковы изученія древняго славянскаго права у Палацкаго, Мацѣевскаго, Богшича и т. д. и т. д. Прежде чѣмъ сознаніе единства могло выразиться въ образовательной и общественно-политической солидарности современнаго славянства, оно было приобрѣтено въ области изученія древности. Поэтому, справедливо можно было сказать, что панславизмъ прежде всего былъ археологическимъ открытіемъ. Вопросъ долго былъ въ этомъ состояніи; у нѣкоторыхъ изъ нашихъ славистовъ онъ такъ и остался на этой ступени, — и политическое значеніе славянскаго вопроса до сихъ поръ есть предметъ порядочно темный, напр., и для большинства тѣхъ, кто у насъ въ послѣдніе годы проповѣдывалъ о немъ съ наибольшимъ азартомъ...

Но дѣло не оставилось на одной археологіи. Какъ въ европейскомъ романтизмѣ то, что казалось литературной модой, произволомъ школы, было на дѣлѣ сложнымъ процессомъ общественной идеи, съ одной стороны — консервативнымъ, а съ другой — демократическимъ, такъ въ славянскихъ литературахъ увлеченіе народной стариной и народнымъ современнымъ бытомъ у однихъ осталось платонической фантазіей, политически индифферентной или консервативной, но у другихъ развивалось въ болѣе глубокое сочувствіе къ народному быту, и къ народу. Не говоря о внѣшнихъ политическихъ возбужденіяхъ, какимъ былъ, напр., 1848 годъ, народная идея развивалась и сама собою, по логическому требованію. Чистый идеализмъ, или идеальничанье не могли удержаться долго; сочувствія къ народному, племенному, должны были, наконецъ, придти къ постановкѣ реальнаго вопроса: что же нужно для того, чтобы то содержаніе, какимъ увлекались въ сферѣ народной мысли и поэзіи, воплотилось въ самой жизни, чтобы славянскіе народы, къ которымъ питали столько сочувствій, приобрѣли въ общечеловѣческой жизни значеніе, какаго заслуживали? И платоническое увлеченіе народностью становилось политическимъ стремленіемъ.

Оно обнаруживалось и въ желаніи достигнуть свободы внутренней и свободы отъ прямого иноплеменнаго ига. Внутренней свободы, — кромѣ патриархальной Черногоріи, — не имѣло ни одно изъ славянскихъ обществъ; иноплеменное иго, въ варварской азіатской формѣ, тяготѣло надъ цѣлой большою областью серб-

сваго племени, надъ всѣмъ племенемъ болгаровымъ; въ другой формѣ доселѣ несутъ его и остальные австрійскіе и другіе славяне,—хотя, впрочемъ, въ Австріи славянство могло пользоваться иногда конституціонными правами, которыя приносили свою пользу его политическому развитію.

Политическая постановка славянскаго вопроса сильно подвинула славянское самосознаніе, но отсюда было и есть еще очень далеко до осуществленія «панславизма». Въ прежнее время и западнымъ публицистамъ, и нашимъ славянскимъ патриотамъ не представлялось черезъ-чуръ труднымъ слить въ русское морѣ славянскіе ручьи; теперь, когда политическія отношенія выясняются или ставятся прямо, представить это «слияніе» труднѣе чѣмъ когда-нибудь. Для этого, прежде всего, слишкомъ мало физической возможности по общему положенію европейскихъ дѣлъ; въ этому не можетъ стремиться, и, кажется, не имѣетъ охоты, сама Россія, въ ея современномъ внутреннемъ состояніи; наконецъ, славянскія племена, при всемъ тяготѣнн нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Россіи, повидимому, нисколько не расположены жертвовать своей особенностью,—что грозило бы имъ при слияніи, — и, напротивъ, всего болѣе пронивнуты ближайшей заботой о развитіи и объединеніи своихъ частныхъ народностей, и въ этомъ видятъ ручательство за будущее... Однимъ словомъ, «панславизмъ» остается вопросомъ.

Таимъ образомъ, панславизмъ по своему происхожденію былъ естественнымъ слѣдствіемъ національнаго возрожденія славянскихъ племенъ съ конца прошлаго столѣтія. Его политическая будущность темна; настоящее неопредѣленно, какъ неустановившееся броженіе національной стихіи въ племенахъ, хотя и родственныхъ, но очень различныхъ по исторической судьбѣ и современному быту; но какъ стремленіе славянства создать себѣ политическое существованіе, скрѣпить между-племенные отношенія въ прочную нравственную и политическую солидарность,—панславизмъ имѣетъ за собой полное право. Это — то же право, какое имѣла за себя борьба за національное единство у нѣмцевъ или итальянцевъ. Его источникъ — тотъ же глубокой національный инстинктъ и стремленіе къ народно-общественной свободѣ. Его первыя средства лежатъ въ національномъ преданіи и въ освободительныхъ идеяхъ европейской образованности, которая непосредственно вдохновляла многихъ дѣателей славянскаго возрожденія съ конца прошлаго вѣка. Цѣли истиннаго панславизма

— освобожденіе цѣлыхъ племенъ, влачившихъ полу-сознательное существованіе подъ всякаго рода физическимъ и нравственнымъ угнетеніемъ, и въ особенности освобожденіе племенъ южно-славянскихъ,—какъ бы затѣмъ ни установились формы ихъ политическаго существованія, — и прежде всего ихъ солидарность національно-образовательная, которая указываетъ племенными и историческими связями.

Наши сочувствія къ славянскому движенію могутъ, такимъ образомъ, оправдываться не только племенными инстинктами, церковными связями, но и сочувствіемъ къ человѣчному характеру цѣлаго движенія: съ этой стороны, при всей страшной политической враждѣ, какую возбуждаетъ славянское движеніе въ Европѣ по разнымъ причинамъ (главное, по враждѣ къ Россіи, которую, какъ предполагается, это движеніе должно усиливать), оно привлекаетъ къ себѣ и въ Европѣ самыя теплыя симпатіи между лучшими безпристрастными умами, которые взяли на себя трудъ познакомиться съ историческимъ явленіемъ, происходящимъ въ славянскомъ мірѣ.

Но чтобы наши симпатіи приносили всю свою практическую пользу, не довольно самоуслаждаться нашими хорошими чувствами, — надо понять положеніе вещей, меньше говорить о нашихъ «миссіяхъ» и составлять широкіе планы, а больше дѣлать. Какъ слабо поставлена наша славянская «миссія», видно уже изъ того, что со временъ Рюрика интересъ къ славянству обнаружился въ нашемъ обществѣ съ нѣкоторой силой только въ послѣдніе четыре года; и какъ неровно шелъ этотъ интересъ, какъ мало имѣетъ онъ существенной опоры въ общественной жизни, сколько обнаружилось незнанія нашихъ «братьевъ», сколько сдѣлано изъ-за этого частныхъ и общихъ ошибокъ, — это извѣстно. Скажутъ, что и славяне знаютъ насъ мало; да, но это плохое оправданіе для насъ, потому что мы и «старшіе» братья, и «болѣе сильныя руки».

Даже обратимся къ другимъ сторонамъ и къ современному положенію панславизма.

А. Пяпинъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ

ВЪ

ПАРИЖѢ

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Окончаніе.

VIII.

Описывая значеніе литературнаго конгресса и излагая подлежащія ему вопросы, въ первомъ письмѣ я отвелъ наиболѣе мѣста вопросу о международныхъ соглашеніяхъ относительно права перевода. Такъ точно и въ настоящей, послѣдней статьѣ о конгрессѣ, я займусь преимущественно однимъ вопросомъ, а именно вопросомъ о сущности литературной собственности. При этомъ я, впрочемъ, останусь въ рамкахъ сужденій конгресса, излагая и разбирая собственно тѣ мнѣнія, какія были на немъ заявлены. Иначе пришлось бы сдѣлать очеркъ законодательства по этому предмету въ разныхъ странахъ, привести наши конвенціи съ Франціей и Бельгіей, взгляды главнѣйшихъ писателей, однимъ словомъ—писать цѣлый трактатъ. Я же, по необходимости, долженъ предполагать все это извѣстнымъ и оставаться въ границахъ работъ конгресса.

Первая комиссія литературнаго конгресса, та, которой поручено было разсмотрѣніе существа литературной собственности, засѣдала гораздо усерднѣе второй, разсуждавшей о международныхъ конвенціяхъ. Въ то время, какъ вторая комиссія только приступила къ преніямъ по предложенію Селлье (уравненіе иностранныхъ авторовъ

во всѣхъ правахъ съ авторами національными), первая коммиссія уже представила общему собранію свой докладъ. Это было въ шестомъ общемъ засѣданіи конгресса.

Докладъ ея былъ составленъ г. Доньё (Dognée), бельгийцомъ, и прочтенъ докладчикомъ въ видѣ рѣчи. Отъ доклада г. Селльё рѣчь докладчика первой коммиссіи и отличалась именно тѣмъ, что была рѣчью съ литературной отдѣлкой, а не чисто-фактической запиской. Казалось бы, въ докладѣ краснорѣчіе должно было уступать мѣсто дѣловитости, хотя бы даже сухой. Но г. Доньё увлекся ролью оратора. Напримѣръ, говоря о естественномъ правѣ на продукты умственной работы, онъ выражался такъ: „люди сознаютъ его, народы его понимаютъ, законодатели его допускаютъ“. Совершенно—*senatus hoc vidit, populus intelligit* и проч. Изложу докладъ г. Доньё, какъ прежде изложилъ записку г. Селльё, то-есть представлю связь тѣхъ разсужденій, посредствомъ которыхъ докладчикъ первой коммиссіи объяснял и защищалъ постановленіе ея большинствомъ, что право литературной собственности есть право естественное и что собственность эта должна быть вѣчная (*perpétuel*).

Въ разсужденіяхъ первой коммиссіи были противопоставлены одна другой двѣ тезы, различно опредѣляющія свойство авторскаго права: согласно одной, это право предоставляется автору обществомъ, закономъ, въ видѣ вознагражденія за его трудъ и услугу; согласно другой — право автора на его произведеніе есть право естественное, однородное съ общимъ имущественнымъ правомъ, право, предшествующее самому закону, который только его выражаетъ. И въ настоящее время, въ средѣ самой коммиссіи, напались еще защитники первой изъ этихъ тезъ. Правда, они уже не отрицали, что авторъ является творцомъ своихъ произведеній, не отрицали этого на такомъ основаніи, что онъ самъ воспользовался трудами своихъ предшественниковъ. Но мнѣніе, которое выражается этой тезой, предполагаетъ, что авторъ побуждается къ предпріятію своего труда единственно общимъ интересомъ; что свои личные интересы онъ приноситъ въ жертву общему дѣлу и что поэтому образованный міръ обязанъ дать ему вознагражденіе. Оно ему и предоставляется обществомъ въ видѣ привилегіи, на известное время, на время его жизни и даже на нѣкоторый срокъ послѣ его смерти — его наследникамъ, въ видѣ вниманія барыша съ права изданія, конін и т. д.

Но время ушло впередъ, идеи прогрессировали—такъ разсуждалось въ докладѣ—и та эпоха, когда писатели довольствовались униженнымъ ходатайствомъ о покровительственной помощи, осталась позади насъ. Теперь они уже не довольствуются даже требованіемъ при-

вилегія со стороны закона, а прямо требуютъ признанія своей собственности. Въ наше время стало очевидно, что всякая собственность основана на признаніи правъ работника (?). „Это исключительное право единичнаго лица на частицу общаго достоянія человѣчества оправдывается, относительно предметовъ вещественныхъ, только тѣмъ, что человѣкъ этотъ, или его предокъ, превратилъ, въ потѣ лица, участокъ бесплодной почвы въ плодородное поле, нестройные материалы—въ полезную постройку. Въ видѣ награды за эту услугу, оказанную человѣчеству, общественныя соглашенія, съ самаго начала цивилизаціи, защищаютъ собственника“. Человѣкъ, будучи исключительнымъ собственникомъ, имѣетъ право обмѣнять свое владѣніе на всякій вещественный или нравственный эквивалентъ, который онъ желаетъ приобрести. На этомъ устройствѣ основана жизнь народовъ и бытъ семейный. „Признаніе собственности, право распоряжаться ею по усмотрѣнію—это только виды признанія (consécration) того естественнаго права, которое беретъ свое начало въ трудѣ“. Наслѣдственность этого права благопріятствуетъ сбереженію и общему богатству; любовь къ дѣтямъ является при этомъ такимъ частнымъ стимуломъ, который дѣйствуетъ для общаго блага страны и всего человѣчества.

Но всѣ эти соображенія общественнаго интереса, ратующія въ пользу собственности вещественной, развѣ не говорятъ также въ пользу собственности литературной? Развѣ трудъ умственный долженъ считаться ниже работы рукъ?

Таковы были теоретическія основы доклада. Онѣ представляли очевидную натяжку. Съ цѣлью приравнять собственность литературную къ собственности недвижимой, авторъ ставилъ весьма спорное положеніе, что недвижимая собственность является результатомъ труда. Положеніе это хотя и старо, тѣмъ не менѣе представляется совершенно произвольнымъ. Право „перваго заняшаго“ вовсе не истекало изъ понятія о личномъ трудѣ перваго владѣльца. Во-первыхъ, теперь достаточно выяснено, что первой формой владѣнія землею у всѣхъ народовъ было владѣніе общинное, а не единичное. Въ періодѣ номадной, пастушеской жизни общинную собственность составлялъ выгонъ, въ періодѣ первоначальной земледѣльческой культуры—поля, лѣсъ и выгонъ; даже въ періодѣ дробленія земли на единичные потомственные участки—лѣсъ и выгонъ долго еще представляли владѣніе общее. Во-вторыхъ, „первое занятіе“, въ смыслѣ общинной или единичной разработки земли, если и представляло собой завладѣніе, основанное на трудѣ, то этотъ фактъ совершенно исчезаетъ передъ рядомъ послѣдовавшихъ затѣмъ насильственныхъ завладѣній. Во всякомъ случаѣ, во времена историческія земельное владѣніе является скорѣе

результатомъ силы, а не разработки земли, не труда. И самъ докладчикъ какъ-бы нечаянно призналъ это, когда ему понадобилось для дальнѣйшаго разсужденія. Основавъ сперва всякую собственность на трудъ, для того, чтобы удобнѣе приравнять собственность литературную ко всякой иной, докладчикъ не удовольствовался, однако, такимъ приравненіемъ и на слѣдующей страницѣ пошелъ еще дальше: для ббльшей силы аргументаціи, онъ вдругъ поставилъ литературную собственность какъ-бы выше всякой иной. Для этого, онъ самъ напомнилъ, что недвижимая собственность не всегда являлась результатомъ труда, но порою „установлялась и насильственнымъ захватомъ, злоупотребленіемъ силы“, между тѣмъ какъ собственность литературная истекаетъ исключительно изъ „естественнаго права труда творящаго мысль“. Стало быть, именно желая доказать тождественность начала литературной собственности и всякой иной, приходится признавать существенное между ними различіе. Чѣмъ законнѣе будетъ намъ представляться право автора на его творенія, какъ результатъ его *труда*, тѣмъ менѣе законной, въ силу этого опредѣленія, будетъ намъ представляться всякая иная собственность, не основанная на трудѣ, на творествѣ. Наоборотъ, чѣмъ большее значеніе мы будемъ придавать, въ опредѣленіи собственности *факту владѣнія* опредѣленнымъ капиталомъ, въ землѣ или бумагахъ, тѣмъ сомнителнѣе намъ будемъ представляться собственность „мыслей“, именно потому, что она не имѣетъ опредѣленнаго объекта, а фактъ владѣнія чѣмъ-то неуволнимымъ или растяжимымъ по необходимости представляетъ нѣчто условное.

Впрочемъ, въ указанную сейчасъ логическую ошибку впалъ не одинъ г. Донбѣ; въ нее впадаютъ довольно естественно всѣ, кто старается отождествить литературную собственность со всякой иной, приводя понятіе о собственности вообще къ понятію о правѣ рабочаго на продуктъ труда. Въ этомъ порядкѣ разсужденія, собственность литературная первоначально является со скромнымъ притязаніемъ только сравниться съ иными видами собственности, какъ имѣющая то же основаніе—право на продуктъ труда; но вскорѣ затѣмъ собственность литературная является выше, священнѣе и неоспоримѣе всякой иной именно потому, что ей больше, чѣмъ какой либо иной, присущъ принципъ труда и притомъ труда вполне творческаго. Землевладѣлецъ не создалъ собственности тѣмъ фактомъ, что сдѣлался собственникомъ; рабочій, давшій матеріалу ту или другую форму, только обдѣлалъ матеріаль, а не создалъ его; между тѣмъ авторъ литературнаго произведенія самъ создаетъ то, что будетъ звать своей собственностью; онъ—творецъ своей собственности. Если бы онъ не сдѣлался собственникомъ, то не существовалъ бы

самый предмет его собственности. Если трудъ выше простаго факта владѣнія, если творчество еще выше труда, то понятно, что литературная собственность представлялась бы самой неоспоримой, самой священной изъ всѣхъ. Въ этомъ смыслѣ и г. Э. Абу спрашивалъ въ своей вступительной рѣчи: „если я владѣю домомъ, который я не создалъ, то какъ же мнѣ не владѣть книгой, которую я создалъ?“ Но когда мы дойдемъ до этого пункта разсужденія, то здѣсь именно и обнаружится, что тождества между собственностью литературной и матеріальной вовсе нѣтъ. Вѣдь вопросъ Э. Абу можно поставить и такъ: если я владѣю своей книгой потому, что я ее создалъ, то на какомъ же основаніи я владѣю домомъ, который я не создалъ? Если бы за основаніе права матеріальной собственности принять въ самомъ дѣлѣ право работника на продуктъ труда, то это потребовало бы полнаго преобразованія въ распредѣленіи собственности.

Эти замѣчанія на докладъ г. Донье сдѣланы съ цѣлью коснуться однажды самаго существа вопроса о литературной собственности, и показать, что тождества между этимъ видомъ собственности и всѣми видами собственности вещественной допустить невозможно. Литературная собственность есть нѣчто совершенно отличное отъ другихъ видовъ собственности, и если она истекаетъ изъ естественнаго права, то въ такомъ случаѣ только она одна безусловно и истекаетъ изъ него; гдѣ же было творчества, а тѣмъ болѣе гдѣ не было труда, тамъ, стало быть, не должна быть признаваема собственность. Установленіе такого принципа повело бы къ раздѣлу земли исключительно между обрабатывающими землю и то лишь на то время и въ томъ размѣрѣ, насколько они дѣйствительно ее обрабатываютъ; къ отрицанію капитальной ренты и нынѣшней организаціи кредита, даже къ отрицанію права наследства.

Въ дѣйствительности же право собственности вещественной основано просто на фактѣ владѣнія. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ юридическій принципъ давности, въ силу котораго даже незаконное владѣніе становится законнымъ по прошествіи такого срока, который окончателно утверждаетъ фактъ владѣнія. По отношенію къ имуществу движимому, фактъ владѣнія обыкновенно даже и не удостоверяется способомъ пріобрѣтенія: наличность вещи у такого-то лица составляетъ фактъ владѣнія, развѣ будетъ доказано, что вещь пріобрѣтена путемъ, закономъ запрещеннымъ.

Между тѣмъ, литературная собственность, представляя именно творчество, имѣетъ совершенно новый характеръ, не имѣетъ ничего общаго съ фактомъ владѣнія. Въ противность доводамъ всѣхъ защитниковъ литературной собственности, здѣсь на первомъ планѣ

стоитъ именно актъ творчества, а вовсе не превращеніе мысли въ осязаемую вещь, въ нѣчто матеріальное. Такъ, совершенно неправъ былъ г. Селальё, когда онъ считалъ началомъ литературной собственности—изданіе книги, и право автора на собственность мысли основывалъ на томъ, что онъ былъ воленъ „сообщать ее публикѣ или не сообщать“. Все это—такія разсужденія, которыя исходятъ изъ тщетнаго желанія приравнять право авторовъ на продукты ихъ творчества къ праву фабриканта на его издѣлія, землевладѣльца на его землю и купца на купленный имъ товаръ. Авторъ есть собственникъ мысли, выраженной въ данной формѣ, не потому, что онъ сообщилъ ее публикѣ, но потому, что онъ ее создалъ. Если подслушать неизданное, даже незаписанное стихотвореніе или музыкальное произведеніе и издать ихъ мимо воли автора, то это будетъ очевиднымъ нарушеніемъ справедливости. Одинъ авторъ имѣетъ право издать свое сочиненіе; а если это право принадлежитъ исключительно ему, то самый фактъ сдѣланнаго имъ изданія не создаетъ ему, стало быть, никакого новаго права. Онъ собственникъ потому, что онъ—творецъ.

IX.

Такимъ образомъ, литературная собственность въ самомъ своемъ принципѣ, дѣйствительно, выше всякой иной; она имѣетъ совершенно иную природу, чѣмъ собственность вещественная. Но за то въ смыслѣ практическомъ, юридическомъ—она гораздо менѣе уловима, а стало быть и менѣе опредѣленна, чѣмъ всякая иная. Дѣло въ томъ, что далеко не всякая цѣнность, принадлежащая къ сферѣ умственной и нравственной, можетъ создавать соответственное положительное право. Напримѣръ, вы оказали человѣку важныя благодѣянія, спасли ему жизнь, даже пожертвовали ему собой. Но если вы неосторожно уронили его стаканъ, стѣющій 25 коп., то онъ имѣетъ положительное право на вознагражденіе отъ васъ въ 25 коп., и можетъ получить его черезъ судъ, а вы никакого положительнаго права на вознагражденіе съ него за ваши благодѣянія не имѣете, хотя они составляли для него, да и для васъ самихъ, цѣнность несравненно большую, чѣмъ цѣнность какой-либо вещи. Ваше право на благодарность со стороны этого человѣка, въ смыслѣ абсолютномъ, безспорно выше и священнѣе всякаго иного права, какое можетъ имѣть человѣкъ по отношенію къ другому человѣку; но въ смыслѣ положительномъ, юридическомъ, оно гораздо менѣе уловимо и опредѣленно, чѣмъ мельчайшее право вещественное.

Г. Донъе разсуждалъ такъ въ своемъ докладѣ: „если признается,

что собственность узаконяется трудомъ, изъ котораго она произошла, то нѣтъ собственности болѣе священной, чѣмъ та, которую человекъ создалъ усиліемъ своей мысли". Въ смыслѣ абсолютномъ это такъ; но въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ признать еще, что чѣмъ самобытіе и цѣннѣе было творчество, чѣмъ большее усиліе мысли требовалось для него, тѣмъ священнѣе абсолютное право автора. Но вотъ тутъ-то и является различіе творчества, умственнаго труда и факта вещественнаго владѣнія по отношенію къ закону положительному. Коперникъ написалъ сочиненіе, которое пересоздало науки; какой-нибудь школьный учитель составилъ литературную хрестоматію; наконецъ, лавочникъ изъ экземпляра любой книги надѣлалъ себѣ „фунтиковъ“ для продажи въ нихъ крахмала (примѣръ А. Карра). Нѣтъ сомнѣнія, что въ смыслѣ творчества и даже труда, право Коперника, безъ всякаго сравненія, выше права автора хрестоматіи; послѣднее передъ первымъ совершенно ничтожно; что касается послѣдняго (бумажныхъ обортокъ), то оно, въ смыслѣ творчества и труда, вовсе не существуетъ,—оно основывается просто на фактѣ владѣнія. Между тѣмъ, каково же можетъ быть отношеніе закона положительнаго къ тремъ приведеннымъ правамъ? Законъ предоставить наибольшее признаніе и обезпеченіе именно праву собственности лавочника на свернутые имъ „копачки“; эти обложки составляютъ собственность вещественную и останутся собственностью безсрочною, основанною на фактѣ владѣнія. Затѣмъ, законъ, желая оградить права автора гениальнаго труда и простого сборника, можетъ предоставить имъ права исключительнаго пользованія изданіями на извѣстный срокъ; положимъ, онъ допуститъ и тутъ безсрочность. Но и въ такомъ случаѣ, развѣ будетъ соблюдена справедливость, въ смыслѣ безусловномъ, по отношенію къ труду и творчеству?

Итакъ, собственность литературная имѣетъ совершенно иныя свойства, чѣмъ собственность вещественная. Первая можетъ быть выше, священнѣе второй въ смыслѣ отвлеченномъ, какъ истекающая изъ труда и творчества; но въ смыслѣ юридическомъ она гораздо менѣе уловима и опредѣленна, чѣмъ вещественная собственность, которая основана просто на фактѣ владѣнія. Степень творчества, количество и качество умственнаго труда не могутъ быть опредѣляемы закономъ, а стало быть литературная собственность въ положительномъ законодательствѣ и не можетъ опредѣляться творчествомъ и трудомъ, и для опредѣленія ея надо найти иное основаніе. Такое основаніе и представляется въ тѣхъ соображеніяхъ *общественной пользы*, на которыя докладчикъ первой комиссіи конгресса ссылаясь, когда вопрошалъ: „развѣ народы и вся цивилизація менѣе заинтересованы въ производствѣ книгъ, чѣмъ въ производствѣ хлѣба? Не удовлетво-

рметь ли производительность литературная одной изъ важѣйшихъ потребностей общества? Какая страна не сознаетъ ея необходимости и не обязана стараться о плодотворномъ развитіи этой производительности?"

Дѣйствительно, соображенія общественной пользы, сознание оказываемыхъ обществу услугъ и необходимость ихъ поощренія — вотъ тѣ основанія, которыя побуждаютъ законодательство, не входя въ разборъ силы литературнаго творчества и цѣнности умственнаго труда, принимать на себя формальное удостовѣреніе права автора на его трудъ, а затѣмъ и на пользованіе имъ въ смыслѣ коммерческомъ, въ смыслѣ монополіи изданія. Эта монополія и предоставляется автору закономъ. Такимъ образомъ, хотя коренное право автора на его мысль, право творца на продуктъ творчества, существуетъ въ абсолютномъ смыслѣ независимо отъ всякаго закона, выше всякаго юридическаго опредѣленія, но его право юридическое, его монополія создается закономъ, совершенно такъ, какъ привилегія изобрѣтателя на исключительную эксплуатацію его изобрѣтенія. Сдѣлайте величайшее открытіе въ области механики и опишите его въ газетахъ, не заручившись удостовѣреніемъ и привилегією закона. Ваше открытіе примѣнять другіе и наживуть на немъ миллионы, а вы не будете имѣть никакой собственности. Здѣсь, какъ и въ творчествѣ литературномъ, цѣнность созданія, творческая сила составляютъ такое право, которое выше всякаго законнаго вознагражденія, но право собственности въ смыслѣ юридическомъ здѣсь, какъ и тамъ, создается именно привилегією, законодательнымъ удостовѣреніемъ и предоставленіемъ права (*octroi légal*).

Предшествующія замѣчанія направлены противъ основного принципа, признаннаго первой комиссією конгресса и выраженнаго въ докладѣ г. Донбѣ слѣдующими словами: „первая комиссія (отвергнувъ теорію *octroi légal*) признала, что литературная собственность не можетъ быть создаваема закономъ, а существуетъ независимо и до всякаго закона (*préexiste à toute loi*), составляя естественное право“. Ссылаясь на замѣчанія, сдѣланныя выше, позволю себѣ теперь высказать мнѣніе, что въ формулѣ, принятой первою комиссією конгресса и затѣмъ усвоенною конгрессомъ, существуетъ слѣдующее смѣшеніе понятій: естественное право, на которомъ основана собственность вещественная, есть не принципъ употребленнаго труда, но право „перваго занятія“, перешедшее затѣмъ въ фактъ владѣнія; литературная собственность на немъ основываться не можетъ; она основывается въ отвлеченномъ смыслѣ — на правѣ творца на продуктъ творчества, правѣ изобрѣтателя на изобрѣтеніе. Но такъ какъ въ смыслѣ юридическомъ это право получаетъ бытіе только тогда,

когда оно удостовѣрено закономъ, и не можетъ быть формулируемо закономъ въ размѣрѣ цѣнности творчества, и только по соображеніямъ общественной пользы, то монополія авторской эксплуатаціи изданія, какъ и привилегія изобрѣтателя на эксплуатацію его изобрѣтенія, въ дѣйствительности создаются закономъ и не могутъ существовать, если не созданы закономъ. По отношенію къ собственности вещественной, законъ только окрываетъ фактъ владѣнія и регулируетъ его, но не создаетъ этого факта; по отношенію къ монополіи изданія или эксплуатаціи изобрѣтенія, законъ создаетъ самій фактъ владѣнія.

Изъ нашего опредѣленія естественно истекали бы такія послѣдствія: 1) что право автора на изданіе его сочиненія, какъ и право изобрѣтателя на его изобрѣтеніе, не можетъ быть безсрочнымъ; привилегія, создаваемая закономъ, должна быть обусловлена срокомъ, какой признается законодателемъ за наиболѣе соответствующій тѣмъ же видамъ общественной пользы, изъ которыхъ истекаетъ самое предоставленіе привилегіи; 2) право автора или изобрѣтателя, переходя къ его наслѣдникамъ или къ лицамъ, приобретающимъ его отъ автора, уже совершенно теряетъ и то отвлеченное значеніе права творца на продуктъ творчества, какое оно первоначально имѣло; при такомъ переходѣ уже не существуетъ болѣе никакого отвлеченнаго права творчества или труда; но собственность, созданная закономъ, привилегія, продолжаетъ существовать совершенно независимо отъ того, къ кому она перешла. Созданная закономъ съ цѣлью поощренія и вознагражденія общественной услуги, эта привилегія представляетъ простое имущественное право, и потому нѣтъ никакого повода ослаблять права наслѣдниковъ или приобретателей въ сравненіи съ правомъ автора. До истеченія срока, привилегія остается во всей силѣ, кто бы ею ни пользовался. Ослаблять право наслѣдниковъ или приобретателей значило бы въ дѣйствительности уменьшать для самого автора цѣнность привилегіи, однажды созданной.

При такой постановкѣ вопроса сами собой исчезли бы всѣ тѣ пренія о свойствахъ правъ наслѣдниковъ, которыя заняли у конгресса такъ много времени. Всѣ эти пренія истекли изъ ложнаго представленія, будто юридическое право автора основано на его творчествѣ. Естественно, что при этомъ тотчасъ возникаетъ вопросъ: какъ же опредѣлить право наслѣдниковъ, которое на творчествѣ не основано? И вотъ одни предлагаютъ установить для нихъ меньшее вознагражденіе; другіе, какъ В. Гюго, требуютъ для нихъ всего 5 или 10 процентовъ съ чистаго барыша изданій; третьи настаиваютъ на томъ, что собственность самого автора уменьшится, если пользованіе имъ для наслѣдниковъ было бы ограничено. Объ этихъ вопросахъ едва

ли не дольше всего толковали на конгрессѣ. А между тѣмъ, они сами собой устранялись бы, какъ только было бы признано, что литературная собственность въ смыслѣ юридическомъ есть не что иное, какъ создаваемая закономъ, въ вознагражденіе за услугу обществу, привилегія. Тогда само собой равнѣлось бы, что привилегія должна быть дѣйствительна на весь свой срокъ, кому бы она ни принадлежала. Иначе же, если бы принять, напр., мысль В. Гюго, то вышло бы такъ: одинъ авторъ умеръ черезъ годъ послѣ перваго изданія своего сочиненія, а другой прожилъ еще болѣе полнѣе (какъ самъ В. Гюго); итакъ, въ первомъ случаѣ творчество было бы вознаграждено безъ всякаго сравненія менѣе, чѣмъ во второмъ, такъ какъ уже со втораго года перваго изданія всякъ могъ бы издавать книгу, уплачивая наследникамъ всего 5—10% съ чистаго барыша; во второмъ же случаѣ издатель платилъ бы въ теченіи 50 лѣтъ по 50 процентовъ съ барыша.

X.

Но, какъ я уже сказалъ, первая коммиссія, а за нею и конгрессъ положили въ основаніе юридическаго права автора—его творчество, и приравнявъ, посредствомъ натяжки, это право къ общему имущественному праву, будто бы основанному на трудѣ, провозгласили, что право литературной собственности существуетъ независимо отъ закона, что литературная собственность не есть привилегія, предоставляемая закономъ, но тождественна съ владѣніемъ, съ собственностью вещественной. Вотъ предложенная первою коммиссіею формула: „право автора на его трудъ (oeuvre) представляетъ не концессию, предоставленную закономъ, но одинъ изъ видовъ собственности, который законодатель обязанъ обезнечить“.

При такомъ опредѣленіи авторскаго права, я уже ничего не могъ бы возразить противъ признанія его вѣчности или безсрочности (perpétuité). Если авторское право тождественно съ земельнымъ владѣніемъ, въ такомъ случаѣ логика требуетъ, чтобы оно было признано безсрочнымъ. Однажды принявъ эту точку зрѣнія, я бы рѣшительно оспаривалъ всѣ тѣ ограничительные пункты, которые затѣмъ коммиссія ввела въ свои предложенія, и которыми какъ-бы отрицала или ограничивала только-что провозглашенный ею принципъ, что авторское право есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ собственности имущественной, не создаваемой закономъ.

Итакъ, докладъ первой коммиссіи предлагалъ провозгласить принципъ безсрочности или вѣчности (perpétuité) литературной собствен-

ности, прибавляя, что, „какъ и въ собственности вещественной, право здѣсь не исчезаетъ ни за смертью автора, ни въ какое-либо опредѣленное впередъ время“. Въ докладѣ пояснялось, что вѣчность литературной собственности доселѣ признана законодательствомъ только въ Мехикѣ, всѣ же прочія законодательства ограничиваютъ пользованіе авторскимъ правомъ разными сроками, отъ 10 до 80 лѣтъ (80 лѣтъ въ Испаніи). Докладъ же предлагалъ провозгласить, что „право автора, его наслѣдниковъ и другихъ лицъ, вступившихъ въ его право, есть безсрочно (*est perpétuel*)“. Но затѣмъ докладъ тотчасъ впасть въ противорѣчіе съ этимъ принципомъ, предлагая слѣдующее дополненіе къ провозглашенію безсрочности: „тѣмъ не менѣе можетъ быть лишенъ своихъ правъ тотъ наслѣдникъ, который въ теченіи двадцати лѣтъ не издастъ перешедшаго къ нему въ собственность сочиненія“.

Это представляло уже явное нарушеніе права собственности. Развѣ законъ принуждаетъ домовладѣльца, чтобы онъ не оставлялъ пустымъ свой домъ, землевладѣльца, чтобы онъ воздѣлывалъ свою землю, и капиталиста, чтобы онъ пускалъ свой капиталъ въ оборотъ? Постановленіе это имѣло цѣлью воспрепятствовать сокрытію отъ публики наслѣдникомъ такого сочиненія, котораго мысли ему бы не нравились, воспрепятствовать тому, чтобы „сочиненія Вольтера, перейдя въ собственность къ Дюпанлү, могли быть имъ уничтожены“, какъ выразился одинъ ораторъ. Но замѣчу, что уже самое это соображеніе и показываетъ, до какой степени литературная собственность, по самой своей сущности, отличается отъ всякой иной. Право собственности вещественной въ римскомъ законѣ и во французскомъ кодексѣ опредѣляется какъ право свободного распоряженія имуществомъ (*droit d'user et d'abuser*), лишь бы при этомъ не наносилось вреда третьимъ лицамъ. Если собственность литературная не есть право, создаваемое закономъ, подѣ известными условіями, въ видахъ общественной пользы, если эта собственность однородна съ другими видами собственности, въ такомъ случаѣ наслѣднику безспорно должно принадлежать то самое право, которое перешло къ нему отъ автора, а именно право печатать или не печатать сочиненіе, разрѣшать новыя его изданія или не разрѣшать. Ссылка на общественный интересъ въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія; вѣдь общественный интересъ точно также требуетъ, чтобы домъ не стоялъ пустымъ, чтобы земли не оставались пустыремъ, а капиталъ не лежалъ подѣ спудомъ. Но никому не придетъ въ голову, что законъ можетъ принуждать собственниковъ къ эксплуатаціи ихъ имущества въ общественномъ интересѣ. Почему? Потому именно, что, по установившимся понятіямъ, право собственности вещественной не создается закономъ. Почему же сами защитники уравненія собственности литературной

съ вещественною признали возможнымъ ввести подобное ограниченіе правъ собственника? Потому что, несмотря на ту тезу, которую они защищали, они, вопреки этой тезѣ, хранили смутное сознаніе, что право собственности литературной есть именно *droit légal*, привилегія, даруемая закономъ въ видахъ общественной пользы, а потому вопросъ объ общественной пользѣ и стоитъ здѣсь на первомъ планѣ, господствуя даже надъ интересомъ собственника. Когда первая коммиссія разсуждала, что нельзя допустить, чтобы наслѣдникъ-взвиркалъ имѣлъ право отнять у человечества сочиненія Вольтера, то она тѣмъ самымъ признавала, что интересъ общественный въ собственности литературной—выше права владѣльца, что, стало быть, право его не есть право свободного распоряженія, право „пользоваться и злоупотреблять“, какъ во всякой иной собственности, но только—право извлекать для себя выгоды изъ привилегіи, предоставленной ему обществомъ, съ соблюденіемъ условій общественной пользы.

Обратимся еще разъ къ сравненію автора съ изобрѣтателемъ въ области точныхъ знаній. Представимъ себѣ, что право изобрѣтателя на продуктъ его творчества, на его изобрѣтеніе, было бы признано еще во время Уатта однороднымъ съ собственностью вещественною и объявлено вѣчнымъ, и что наслѣдникъ Уатта, по какому-либо предразсудку или капризу, не хотѣлъ бы допускать примѣненія его изобрѣтенія и въ продолженіи цѣлаго полувѣка задерживалъ бы весь прогрессъ европейской промышленности, основанный на пользованіи паровой машиной. Очевидно, что этого никто бы не допустилъ и никто не скажетъ, что дозволить это было бы сообразно съ справедливостью и здравымъ смысломъ. А вѣдь никто—кромѣ людей, отрицающихъ право собственности земельной—не находятъ страннымъ существованіе громаднаго парка въ имѣніи, въ которомъ уже двадцать лѣтъ не живетъ самъ владѣлецъ, между тѣмъ какъ изъ прилегающей къ этому парку деревни за это время выселилось въ Америку, по недостатку земли, ровно столько же душъ, сколько въ ней теперь осталось. Почему это вообще не кажется страннымъ? Потому что собственность вещественная, реальная, считается не созданною закономъ и предполагаетъ право *usus et abusus*, по усмотрѣнію владѣльца, между тѣмъ, какъ идеи (изобрѣтенія, сочиненія), хотя и суть продуктъ творчества отдѣльныхъ людей, представляютъ прежде всего достоиніе человечества. Онѣ не принадлежатъ даже одной странѣ, въ которой впервые вышли въ свѣтъ, но всему міру; между тѣмъ какъ на реальную собственность, сверхъ собственника, имѣетъ право только одно государство, которое одно и является наслѣдникомъ, въ случаѣ отсутствія представителей личнаго права.

Если бы первая коммиссія хотѣла логически осуществить провоз-

главенный ея основной принципъ, то она должна была бы допустить, что всякій, къ кому перешла рукопись или право изданія литературнаго сочиненія, имѣеть безусловно право счесть эту рукопись или запретить навсегда новыя изданія; мало того — имѣеть право переименовать рукопись, сдѣлать клерикальные пропуски и оговорки въ сочиненіяхъ Вольтера, вставить водевильные куплеты въ творенія Шекспира, и издавать ихъ не иначе, какъ въ такомъ видѣ, подобно тому, какъ владѣлецъ рыцарской развалины на Рейнѣ имѣеть несомнѣнное право отштукатурить и выкрасить ее въ желтый цвѣтъ, устроить въ ней Weinlaube, и повѣсить на нее вывѣску. Но въ томъ-то и дѣло, что литературная собственность совершенно не однородна съ собственностью вещественною и, представляя право, созданное закономъ въ общественномъ интересѣ, для покровительства ученыхъ и писателей, полезныхъ обществу, обуславливается закономъ въ видахъ общественнаго интереса.

Большинство первой комиссіи совершило далѣе еще одно искаженіе принципа. Оно отвергло теорію права общества на умственные произведенія по истеченіи срока авторской привилегіи (*domaine public*). Но въ то же время оно признало это право, введя его въ свои постановленія въ видѣ временной, переходной мѣры. Оно приняло мысль В. Гюго о *domaine public payant*, мысль, что по смерти автора вступаетъ во владѣніе сочиненіемъ общество и наследникамъ его платить извѣстный процентъ съ издательскаго барыша. Но и эту мысль комиссіа искажила, сдѣлавъ изъ нея просто дополнительную премію въ пользу наследниковъ. Комиссіа постановила, что до тѣхъ поръ, пока въ законодательствахъ литературная собственность останется обусловленной срокомъ, по истеченіи котораго всякій можетъ свободно воспроизводить литературныя произведенія, это право ограничивается, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы издатели въ то время, когда уже право изданія сдѣлалось свободнымъ, были обязаны уплачивать извѣстный процентъ (*une redevance*) въ пользу наследниковъ автора. Такимъ образомъ, когда по дѣйствующимъ законамъ самая собственность перестанетъ уже существовать, наследники тѣмъ не менѣе будутъ получать съ нея доходъ! Между тѣмъ мысль В. Гюго была совсѣмъ иная: онъ предлагалъ, чтобы право распоряженія принадлежало только автору, а по его смерти наследники не могли бы распоряжаться сочиненіемъ, а только сохраняли бы право пользоваться долей издательскаго барыша. Такимъ образомъ, въ мысли В. Гюго было существенное различіе между правомъ автора и правомъ наследниковъ; въ постановленіи же комиссіи никакого подобнаго разграниченія нѣтъ; на 50-мъ году послѣ смерти автора, положимъ, право распоряженія принадлежало наследнику, на 51-мъ же

году законъ лишаетъ его уже собственности, а комиссія требуетъ предоставленія ему дохода. Итакъ, эта *redevance* является уже не въ силу различія правъ наследника отъ правъ автора (какъ у В. Гюго), но просто дополнительной преміей въ пользу наследниковъ.

XI.

Я уже сказалъ выше, что докладъ первой комиссіи обсуждался ранѣе, чѣмъ докладъ второй по предложенію Селльбэ, хотя это предложеніе и было внесено при самомъ началѣ конгресса; первая комиссія работала усерднѣе второй. Обсужденіе доклада г. Доньбэ, впрочемъ, прямо началось съ подробностей и почти не выходило изъ нихъ. Основной мысли доклада коснулся только г. Э. Абю, да и онъ говорилъ только о безсрочности литературной собственности. О природѣ же и свойствахъ ея, о томъ, должна ли она быть признана однородною съ собственностью вещественной, никто не говорилъ въ общихъ собраніяхъ. Ораторы занялись главнымъ образомъ вопросами о правѣ наследниковъ и о правѣ самого автора запрещать изданіе его сочиненій. Г. Мауро-Макки поставилъ вопросъ: должно-ли автору, именно въ качествѣ творца умственныхъ произведеній, принадлежать право запрещать изданіе такихъ его сочиненій, которыхъ онъ не пожелаетъ распространять, хотя самъ издалъ ихъ прежде. „Писатель можетъ въ теченіи своей жизни пережвѣнить мнѣнія, придти къ убѣжденію, что такое-то сочиненіе, написанное имъ въ прежнее время, — ошибочно и даже вредно. Такъ, напримѣръ, знаменитый поэтъ Александръ Манвони въ молодости издалъ нѣсколько стихотвореній атеистическаго направленія; впоследствии онъ сдѣлался набожнымъ католикомъ и считалъ тѣ стихотворенія вредными, не желалъ ихъ распространенія. Должно-ли принадлежать автору подобное право? Казалось бы, изъ уваженія къ свободѣ и къ личной совѣсти чловѣка, за авторомъ должно быть признано право запретить на нѣкоторое время послѣ его смерти изданіе такого произведенія, которое осуждается его послѣдними убѣжденіями, съ тѣмъ, что, по прошествіи какаго либо срока, общество вновь вступитъ въ свое право пользоваться сочиненіемъ, однажды изданнымъ“¹⁾.

Вопросъ, поставленный итальянскимъ делегатомъ, хотя не важный самъ по себѣ, еще разъ указывалъ на фактъ, что литературная собственность совершенно отличается отъ собственности веще-

¹⁾ При послѣдующихъ ссылкахъ на нѣкоторыя рѣчи, онѣ приводятся въ сокращеніи, но отмѣчаются вносными знаками, для отличія отъ моихъ замѣтокъ.

ственной, такъ что сами защитники полнаго приравненія ея къ праву имущественному, разсуждая о различныхъ сторонахъ, безпрестанно бываютъ принуждены ссылаться на такія вещи, какъ мнѣнія, убѣжденія, нравственное право общества, вмѣсто того, чтобы твердо основываться на имущественномъ правѣ собственника. Если авторъ есть просто собственникъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, то не можетъ быть и сомнѣнія, что онъ воленъ отсрочивать изданіе своихъ произведеній или хотя бы вовсе уничтожать ихъ, точно такъ какъ домовладѣлецъ воленъ разрушить свой домъ и развести на его мѣстѣ садъ. Между тѣмъ, г. Мауро-Макки ссылается не на право собственника, но на уваженіе къ измѣнившемуся убѣжденію, къ совѣсти писателя, а В. Гюгò, возражая ему, ссылается на нравственное право общества. Итакъ, мы находимся уже далеко отъ понятія о правѣ полнаго распоряженія, правѣ „пользоваться и злоупотреблять“.

Возраженіе В. Гюгò слѣдуетъ привести въ болѣе полномъ видѣ, такъ какъ поэтъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы высказать общій свой взглядъ на литературную собственность. „Въ этомъ вопросѣ,—сказалъ В. Гюгò,—стоятъ лицомъ къ лицу двѣ силы: авторъ и общество. Авторъ знаетъ, что онъ намѣренъ дѣлать съ своимъ произведеніемъ. Общество также знаетъ, чего хочетъ; сегодня оно принимаетъ извѣстное произведеніе, завтра оно, совершенно свободно, отталкиваетъ его. Автору принадлежитъ безусловное право на его произведеніе, но только до момента, когда оно издано. Если Данте или Мольеру приходитъ причуда уничтожить написанное имъ, онъ можетъ это сдѣлать; Эсхилъ имѣетъ право сжечь „Орестію“, Шекспиръ—„Гамлета“. Но какъ только произведеніе предоставлено всѣмъ, это право прекращается. Произведеніемъ начинаетъ владѣть другое лицо и это лицо говоритъ:—съ этимъ произведеніемъ я поступилъ такъ, какъ съ нимъ слѣдуетъ поступить, по моему мнѣнію. Я владѣю имъ безъ всякаго условія“. Автору не принадлежитъ право разорвать хотя бы одну изъ написанныхъ имъ страницъ. Я самъ былъ нѣкогда монархистомъ и католикомъ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ я ушелъ впередъ, убѣжденіе мое возвысилось; неужели я имѣлъ бы право уничтожить произведенія моей юности, моего почти — дѣтства? Нѣтъ. Писатель не имѣетъ права вычеркнуть ни одной изъ мыслей, имъ изданныхъ, потому что есть другое лицо, чье право противится этому. Мои были написаны строгія слова объ одномъ человѣкѣ, г. Барошѣ ²⁾; но когда сынъ его погибъ смертью патріота, я не пожелалъ, чтобы имя его отца было произнесено, при чтеніи одного моего стихотво-

¹⁾ Odes et Ballades.

²⁾ Les Châtiments; стихъ..... et Baroche—un fripon.

ренія въ театрѣ. Но въ моей власти не было вычеркнуть это имя изъ книги; героизмъ сына не изгладилъ позора отца. Право общества на изданное произведеніе безусловно, и если бы пришлось избирать одно изъ двухъ: право общества (*domaine public*) или право писателя, то я сталъ бы на сторону общества, такъ какъ писатель обязанъ трудиться на пользу всѣхъ болѣе, чѣмъ для своей собственной пользы.

„Но вотъ является третье лицо — наслѣдникъ. Онъ не имѣетъ права сдѣлать ни одной поправки въ произведеніи, лишитъ общество его права или отсрочитъ пользованіе этимъ правомъ. Право наслѣдника все заключается въ томъ, чтобы жить своей долей наслѣдства. Законы о наслѣдствѣ литературной собственности не хороши. Да, право наслѣдника священно; но право общества должно быть неограниченно и не подлежать ни малѣйшей отсрочкѣ. Въ 1836 году я предлагалъ порядокъ, который, по моему мнѣнію согласуетъ права всѣхъ трехъ сторонъ. По смерти автора, книга его вступаетъ въ общее владѣніе (*domaine public*) и всякій получаетъ право издавать ее съ соблюденіемъ условій, о которыхъ сейчасъ упомяну. Наши законы обязываютъ издателя книги заявлять министерству внутреннихъ дѣлъ: что онъ намѣренъ издать, гдѣ онъ будетъ печатать, въ какомъ форматѣ и въ какомъ числѣ экземпляровъ. Къ этому слѣдовало бы прибавлять заявленіе о стоимости изданія на экземпляръ и о продажной цѣнѣ его. Изъ разности этихъ двухъ цифръ и отчислялся бы процентъ, который издатель былъ бы обязанъ уплачивать наслѣднику, послѣ того какъ все изданіе разошлось бы. Напр., если издатель получилъ барышъ въ 1000 фр., онъ долженъ былъ бы уплатить 100 фр. наслѣднику. Но право издавать книгу имѣлъ бы каждый желающій. Я не вижу, какое серьезное возраженіе можно было бы сдѣлать противъ такой системы. Если опасаются того, что издатель можетъ сдѣлать заявленія невѣрныя, то можно было бы установить въ законѣ кару, которую укажутъ юристы. За эту систему высказывался нѣкогда издатель, который былъ въ то же время писателемъ—г. Гетцель, и я думаю, что въ будущности осуществится именно такое рѣшеніе“.

Юрисконсультъ „общества литераторовъ“, г. Селлье, высказался благоприятно о проектѣ В. Гюгб, но замѣтилъ, что установленіе кары за невѣрное заявленіе издателя не нужно, такъ какъ наслѣдникъ можетъ опровергать вѣрность заявленія въ гражданскомъ порядкѣ. Но В. Гюгб настаивалъ на пользѣ уголовной мѣры, главнымъ образомъ съ цѣлью отвратить невѣрное показаніе о числѣ печатаемыхъ экземпляровъ.

Нѣсколько членовъ стали требовать, чтобы рѣчь В. Гюгб была

напечатана и роздана участникамъ конгресса, и хотя Гюгò выразилъ нежеланіе, чтобы была напечатана отдѣльно его рѣчь, когда другія не печатаются, но упомянутые члены доказывали, что здѣсь идетъ рѣчь не объ оказаніи какого-либо преимущества, а только о томъ, чтобы имѣть такое изложеніе мнѣнія, которое можетъ послужить „почвой для преній“. Замѣчательно было, что самъ г. Доньè, авторъ доклада первой комиссіи, нарочно составленнаго съ той цѣлью, чтобы служить „почвой для преній“, присоединился къ авторамъ упомянутаго предложенія, патетически заявилъ даже, что докладъ первой комиссіи не можетъ замѣнить рѣчи Гюгò и что послѣ нея онъ „каль-бы не существуетъ“. Но это не помѣшало тому же г. Доньè впоследствии оспаривать систему В. Гюгò и защищать противъ его предложенія именно докладъ первой комиссіи.

Рѣчь В. Гюгò убѣдила г. Тургенева; высказать это, онъ напомнилъ о предложеніи въ томъ же смыслѣ, заявленномъ въ шестидесятихъ годахъ г. Луи Виардò. Это предложеніе было выработано въ 1841 году комиссіею „общества литераторовъ“, въ которой участвовали Бальзакъ, Викторъ Гюгò и Л. Виардò. Оно состояло въ томъ, чтобы ежегодно набирался „комитетъ старшинъ“ (conseil de prud'hommes) наполовину изъ литераторовъ, наполовину изъ книгопродавцевъ-издателей, который и опредѣлялъ бы на тотъ годъ размѣръ процента, подлежащаго уплатѣ за воспроизведеніе сочиненій умершихъ писателей. Этотъ процентъ предполагалось взимать пропорціонально числу томовъ и формату, съ опредѣленіемъ максимума числа листовъ въ одномъ томѣ. Такъ, напр., если съ тома in octavo назначено взимать 25 сант., то книгопродавецъ, издающій сочиненіе изъ 2 томовъ въ количествѣ 2000 экземпляровъ, обязанъ былъ бы уплатить наследникамъ 1000 фр. Другой такой же комитетъ, составленный изъ драматическихъ писателей и директоровъ театровъ, опредѣлялъ бы цифру вознагражденія за представленіе пьесъ умершихъ авторовъ, сообразно числу актовъ каждой пьесы и значительности того театра, на которомъ она представляется.

Противъ предложенной Викторомъ Гюгò системы перехода сочиненій въ общую собственность (domaine public payant) послѣ смерти автора, съ уплатою наследникамъ издателями установленнаго процента, возсталъ юристъ г. Патайль. Онъ сообщилъ, что проектъ въ этомъ смыслѣ дѣйствительно былъ составленъ въ 1862 году, но былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ. „Съ практической точки зрѣнія система domaine public payant доставитъ очень мало наследникамъ. Сверхъ того, если книга будетъ становиться общимъ достояніемъ за смертью автора, то автору трудно будетъ продать ее издателю и при жизни“. Это послѣднее замѣчаніе было, впрочемъ, невѣр-

но, такъ какъ впоследствии разъяснилось, что защитники системы *domaine public payant* предполагали примѣненіе ея только въ томъ случаѣ, если право изданія никому не продано авторомъ, въ противномъ же случаѣ—только по истеченіи того срока, на который право изданія было имъ продано.

Итакъ, мы видимъ, что пренія по докладу первой комиссіи съ самаго начала уклонились въ сторону отъ основнаго принципа, выраженнаго въ докладѣ, именно: что собственность литературная отличается со всякой иной (вещественною) собственностью, и что она должна быть безсрочна. Въ теоріи—этотъ вопросъ общимъ собраніемъ вовсе не обсуждался. Предложеніе В. Гюгб, его система *domaine public payant* заключала въ себѣ какъ-бы отрицаніе основныхъ положеній доклада первой комиссіи, такъ какъ въ этой системѣ литературная собственность прекращалась бы смертію автора и вступленіемъ всего общества во владѣніе его произведеніями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая право наслѣдниковъ на вознагражденіе и не ограничивая этого права на вознагражденіи никакимъ срокомъ, предложеніе В. Гюгб содержало въ себѣ какъ-бы признаніе вѣчности имущественнаго права наслѣдниковъ, хотя и въ видѣ только права на ренту, а не права распоряженія собственностью.

Никто изъ членовъ меньшинства первой комиссіи не рѣшился выступить противъ самой сущности той теоріи, которая была принята ея большинствомъ, и защищать то возрѣніе, по которому литературная собственность есть только создаваемая закономъ привилегія, которая должна быть обусловлена срокомъ. Только Э. Абѹ, одинъ изъ горячихъ защитниковъ литературной собственности вообще, считъ должномъ высказаться противъ тождественности литературной собственности съ вещественною и противъ безсрочности. „Литературное произведеніе не составляетъ собственности въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова: она есть собственность особаго рода, имѣющая совершенно особые свойства. Собственникъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого понятія, имѣетъ право пользоваться и злоупотреблять своей вещью; между тѣмъ никогда за наслѣдникомъ автора не признавалось право уничтожить его творенія. У автора есть наслѣдники двоякаго рода: наслѣдники—если можно такъ выразиться—правъ на кормленіе (*légataires alimentaires*) и еще тѣ наслѣдники—нравственные, которые представляются современнымъ обществомъ и потомствомъ. Мы должны признать и за обществомъ (*domaine public*) право вступать со временемъ во владѣніе своимъ наслѣдствомъ. Что касается спеціально порядка, предлагаемаго Викторомъ Гюгб, то мнѣ казалось бы необходимымъ спросить мнѣнія издателей, прежде чѣмъ призвать удобнымъ примѣненіе этого порядка“.

Но здѣсь произошло нѣчто неожиданное и весьма странное. Въ то время, какъ пренія утопали въ подробностяхъ, а основной принципъ доклада первой комиссiи оставался вовсе не обсужденнымъ по существу, поднялся съ мѣста г. Ратисбоннъ и съ большой энергiей произнесъ: „мы теряемся въ подробностяхъ, между тѣмъ какъ мы собрались сюда съ цѣлью провозгласить принципъ; я предлагаю, чтобы безотлагательно былъ пущенъ на голоса принципъ вѣчности (perpétuité) литературной собственности; способомъ примѣненiя этого принципа мы можемъ заняться потомъ“. Тогда въ дѣйствительности „принципъ“ былъ пущенъ на голоса, и посредствомъ поднятiя рукъ большинство провозгласило вѣчность литературной собственности.

XII.

Принятiе перваго предложенiя комиссiи само по себѣ, въ сущности, устраняло предложенiе В. Гюго о *domaine public payant*. Если произведенiя писателя представляютъ собственность въ общемъ смыслѣ, то переходъ ихъ къ наследникамъ долженъ совершаться порядкомъ, установленнымъ въ законахъ, для наследованiя собственности вещественной. Но такъ какъ комиссiя все-таки включила идею о *domaine public* въ свои предложенiя, хотя и въ видѣ только добавочной мѣры къ существующимъ законодательствамъ, то надо было сморочить примѣненiе этой идеи въ смыслѣ болѣе обширномъ. За это и взялся докладчикъ г. Довьё, тотъ самый, который передъ тѣмъ объявлялъ, что самый докладъ комиссiи не существуетъ послѣ рѣчи В. Гюго. Онъ прочелъ записку, составленную клубомъ книгопродавцевъ (*Cercle de la librairie*), направленную противъ идеи общаго владѣнiя съ процентнымъ вознагражденiемъ наследникамъ, и указалъ на практическiя неудобства въ примѣненiи этой идеи: неудобство надзора за изданiями заграничными, затруднительность и дороговизну охраненiя наследниками своихъ интересовъ по отношенiю къ изданiю за-границею произведенiй ихъ предка или завѣщателя. „Мы также желаемъ распространенiя свѣта и произведенiй ума,—говорилъ г. докладчикъ,—и потому не отвергаемъ безусловно системы *domaine public payant*; но мы не хотимъ, чтобы сочиненiя переходили въ общее владѣнiе тотчасъ по смерти автора. При введенiи такого порядка, пострадали бы всѣ три заинтересованныя стороны. Болѣе всѣхъ—наследникъ, конечно, и притомъ не наследникъ отдаленный, а прямой, непосредственный потомокъ автора, а также его жена, которая, быть можетъ, вдохновляла, поддерживала его въ работѣ и была даже его сотрудницей. Пострадаетъ и самъ авторъ, такъ какъ

при такомъ условіи, что произведеніе за смертью автора становится общимъ достояніемъ, онъ не найдетъ издателя или же издатель согласится уплачивать ему покупную сумму не иначе, какъ по частямъ. Потеряетъ, наконецъ, и публики, потому что издатели, опасаясь соперничества, которое явится вслѣдъ за смертью автора, не будутъ издавать такихъ сочиненій, которыя не рассчитаны на массу читателей“. Въ виду этихъ возраженій, защитники идеи *domaine public* стали дѣлать такія оговорки, которыя совершенно ее ослабили. Такъ, г. Гонзалесъ замѣтилъ, что В. Гюгô не требовалъ перехода сочиненій въ общее владѣніе непосредственно за смертью автора. Но если онъ этого не требовалъ, замѣчу я, то тогда исчезаетъ все теоретическое основаніе его системы. Вѣдь систему эту онъ основалъ на взглядѣ о существенномъ различіи правъ автора и правъ наследника. В. Гюгô признавалъ только двѣ „силы“: автора и общество; по смерти автора, собственность и распоряженіе переходятъ къ обществу; наследнику же право распоряженія принадлежать не должно именно потому, что онъ только—„третье лицо“. Все право наследника В. Гюгô полагаетъ единственно въ томъ, чтобы жать долю барыша съ изданій, кѣмъ бы они ни дѣлались. Все это, очевидно, относится не только къ наследникамъ отдаленнымъ или въ боковыхъ линіяхъ, но къ самому непосредственному, первому наследнику, именно потому, что онъ — все-таки наследникъ, а не авторъ. Онъ имѣетъ право только получать нѣкоторый доходъ, но не владѣть и не распоряжаться литературнымъ наследствомъ. Можно не допускать такой теоріи, это—другое дѣло. Но, разъ принявъ ее, странно начинать осуществленіе ея прямо съ противорѣчія ей. Если первому наследнику, или прямымъ наследникамъ вообще должно принадлежать право собственности и распоряженія, то почему же это право не должно принадлежать наследникамъ болѣе отдаленнымъ? Вѣдь теорія В. Гюгô провозглашаетъ не различіе между степенями родства, но различіе между авторомъ, творцомъ произведенія, и наследникомъ, лицомъ не имѣющимъ никакого отношенія къ произведенію, кромѣ права получать часть дохода. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ силу этой теоріи самому автору не должно бы принадлежать право отчуждать свою собственность въ ущербъ обществу на время, наступающее послѣ смерти писателя, то-есть продавать право изданія кому-либо на время долѣе своей жизни и даже навсегда. По теоріи В. Гюгô, авторское право является пожизненнымъ владѣніемъ, а никакое законодательство не допускаетъ контрафтовъ или заѣмчаній, въ силу которыхъ пожизненное владѣніе могло бы передаваться кому-либо на время послѣ смерти владѣльца. Иначе,

во что же обращалось бы право владѣнія, должествующее по этой системѣ переходить отъ автора къ обществу?

Между тѣмъ, В. Гюгò, отвѣчая на возраженія, самъ совершенно ослабилъ свою мысль. Онъ объяснилъ, что признаетъ за авторомъ право отчуждать его собственность по его усмотрѣнiю и заключать съ издателемъ контрактъ, предоставляющій послѣднему исключительное право изданiя „на многie годы“ (pendant de longues années). Онъ прибавилъ, что когда говорилъ объ удовлетворенiи наслѣдниковъ процентомъ съ барышей свободнаго изданiя, то разумѣлъ „не всѣхъ наслѣдниковъ безразлично, а только прямыхъ“. Эти дополнителныя объясненiя совершенно измѣняли смыслъ теорiи В. Гюгò; сказать вѣрнѣе, они—уничтожали ее. Члены же первой комиссiи, когда обсуждали его предложенiе, разумѣли ихъ, конечно, въ смыслѣ безусловномъ, что и объявилъ г. Доньé. Другой членъ первой комиссiи, г. Юаръ (Huard), сдѣлалъ заявленiе въ томъ же смыслѣ. „Комиссiя,—сказалъ онъ,—и возставала только противъ перехода произведенiя въ общее владѣнiе немедленно по смерти автора, а не по минованiи нѣкотораго числа лѣтъ. При порядкѣ, отвергаемомъ комиссiей, общее владѣнiе начиналось бы со дня истеченiя сроковъ тѣхъ контрактовъ, которые были заключены авторами, такъ что начало общаго владѣнiя было бы опредѣлено въ этомъ видѣ самимъ авторомъ, если произведенiя имъ были запродааны на опредѣленное число лѣтъ; если же онъ запродалъ ихъ навсегда, въ такомъ случаѣ, они никогда и не могли бы перейти въ общее владѣнiе. Что касается того порядка, который принять комиссiею (что общее владѣнiе начинается только по истеченiи послѣдняго срока литературной собственности наслѣдниками, какой опредѣленъ въ разныхъ законодательствахъ), общее владѣнiе будетъ начинаться съ опредѣленнаго закономъ срока и неудобство при этомъ значительно уменьшается“.

Возраженiя свойства юридическаго видимо не понравились Виктору Гюгò; онъ не безъ нѣкоторой живости сказалъ, что законодатели некомпетентны въ литературныхъ дѣлахъ, что доказывается самымъ различiемъ опредѣленныхъ въ законодательствахъ сроковъ для правъ наслѣдниковъ литературной и артистической собственности. „И мы, будучи компетентными въ этомъ дѣлѣ, станемъ принимать доводы некомпетентныхъ!“ сказалъ онъ. Тогда, г. Ратисбоннъ, авторъ предложенiя о неожиданномъ голосованiи въ пользу „вѣчности“, вставилъ нѣсколько словъ, между прочимъ, слѣдующiя: „мы не желаемъ провозглашать, что произведенiя должны быть захватываемы общимъ владѣнiемъ тотчасъ послѣ смерти автора потому, что было бы не хорошо, если бы, собравшись сюда для уста-

новленія (pour établir) литературной собственности, мы какъ-бы спѣшили бы уничтожать ее. Но слѣдуетъ провозгласить, что собственность не должна быть установлена въ рукахъ наследниковъ на неопредѣленное время, и что долженъ наступать такой моментъ, въ который она переходитъ въ общее достояніе, съ уплатою преміи (redevance)⁴. Странно, что за необходимость наступленія такого момента такъ стоялъ именно г. Ратисбоннъ, который побудилъ насъ, хотя не всѣхъ, провозгласить безсрочность литературной собственности. Если она безсрочна или вѣчна, то вѣдь для кого же, если не для наследниковъ? Для автора, по закону природы, она вѣчною быть не можетъ. Если же провозглашается принципъ ея вѣчности, то почему же именно необходимо наступленіе такого момента, который послужитъ для нея срокомъ, ее прекращающимъ? Или платимая наследникамъ премія будетъ далѣе представлять вѣчность этой собственности? Но въ такомъ случаѣ, это будетъ совершенно новый видъ права собственности, и объяснять его можно не иначе, какъ доказывая все-таки, что собственность литературная не однородна со всякою иною, то-есть доказывая, что вся теорія первой комиссіи, допустившей *domaine public* съ этимъ условіемъ — ошибочна.

Викторъ Гюгò, въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ своего предложенія, опять обратился къ основной своей мысли, которой сущность въ томъ, что собственникомъ литературнаго произведенія должно быть общество, а не наследники. Итакъ, по самому этому опредѣленію, первая комиссія, примѣняя мысль В. Гюгò, хотя и отсрочивала ея примѣненіе, въ видѣ установленія преміи для наследниковъ по истеченіи законныхъ сроковъ, осуществила, стало-быть, принципъ, что литературная собственность не вѣчна, такъ какъ она должна переходить со временемъ въ общее владѣніе; премія для наследниковъ, стало-быть, не представляетъ собою права собственности.

Но, возстановляя основную свою идею, В. Гюгò, какъ сейчасъ увидимъ, впалъ въ иное противорѣчіе съ нею же. „Законодатели, — по отзыву знаменитаго поэта, — впали въ ту ошибку, что предполагали, будто наследники автора лучше кого-либо сумѣютъ распорядиться (gérer) собственностью трудовъ ихъ предка. Слѣдуетъ обезпечить за наследникомъ по крови то право, которое должно принадлежать ему, а за наследникомъ по духу, которымъ является общество (*domaine public*), — то право, которое должно принадлежать этому послѣднему. Возражаютъ, что если произведеніе будетъ непосредственно за смертью автора переходить въ общее владѣніе, то никакой издатель не станетъ заключать контракта съ авторомъ; но вѣдь произведеніе и будетъ непосредственно переходить въ общее владѣніе только въ такомъ случаѣ, если никакого контракта нѣтъ. Авторъ

останется совершенно свободнымъ. Онъ будетъ имѣть право запро-
дать одно и то же сочиненіе нѣсколькимъ издателямъ, для изданія
его въ разныхъ видахъ, какъ это дѣлается и теперь. Но, спрашиваютъ,
если онъ продастъ право изданія навсегда, во что обратится тогда
право общаго владѣнія? На это можно отвѣчать, что право собствен-
ности на какой-либо предметъ является болѣе или менѣе ограничен-
нымъ, смотря по тому, насколько этотъ предметъ принадлежитъ пуб-
ликѣ (?) и ничто не мѣшаетъ закону воспретить автору отчуждать
его собственность навсегда. Что же касается конкуренціи, то она
полезна для самого книгопродавческаго дѣла. Затѣмъ, спрашивается
еще, что будетъ съ вознагражденіемъ (премію), уплачиваемымъ на-
слѣдникамъ автора обществомъ, когда такихъ наслѣдниковъ болѣе
не окажется? Вопросъ этотъ поставленъ не былъ, но долженъ пред-
ставиться. Мнѣ кажется, что самымъ полезнымъ назначеніемъ было
бы обращать тогда это вознагражденіе въ общій фондъ, для образо-
ванія большого капитала, изъ котораго оказывалось бы пособіе мо-
лодымъ писателямъ, которые борются съ такими трудностями, прежде
чѣмъ пріобрѣтутъ успѣхъ, и иногда погибаютъ въ этой борьбѣ. Нѣ-
когда правительства давали пенсіи литераторамъ; почему же сама
литература не создала бы большого вспомогательнаго фонда, кото-
рый находился бы въ распоряженіи общества литераторовъ и пред-
ставлялъ бы собою придворный бюджетъ (liste civile) литературы?
Онъ и составилъ бы изъ доли барыша отъ такихъ произведеній,
за которыми нѣтъ болѣе наслѣдниковъ. Тогда молодые люди созна-
вали бы, что за ними какъ-бы стоятъ Корнейль, Мольеръ, Вольтеръ и
платать дань имъ, начинающимъ. Устройте ваше общее богатство; пусть
мертвые покровительствуютъ живымъ; прому васъ — учредите поря-
докъ общаго владѣнія съ вознагражденіемъ“.

XIII.

Славному поэту надо отдать справедливость въ томъ, что онъ
гораздо шире смотрѣлъ на вопросъ, чѣмъ большинство участниковъ
конгресса. Для многихъ, судя по рѣчамъ ихъ, задача конгресса опре-
дѣлялась самой узкой рамкой коммерческаго интереса: озаботиться,
чтобы литераторъ въ пользованіи собственностью уравненъ былъ съ
лабочникомъ и ремесленникомъ; для этого требовалось приравненіе
литературной собственности къ вещественной, и объявленіе первой
безсрочною, наравнѣ съ послѣдней; затѣмъ — дать писателю вообще
возможность получать доходъ со всѣхъ видовъ эксплуатаціи его про-

изведеній за-границю, расширить до крайнихъ предѣловъ его имущественное право.

Викторъ Гюгó представлялъ себѣ задачу конгресса гораздо выше. Его мало интересовали вопросы о позаметвованіяхъ, о сборѣ дохода съ переводовъ и представлений. Для него на первомъ планѣ былъ, дѣйствительно, интересъ общества въ литературѣ; онъ признавалъ двѣ полноправныя силы — автора и общество, и недаромъ говорилъ, что если выбирать между интересами того или другого, то онъ готовъ склониться на сторону общества. Предлагаемый имъ порядокъ—*domaine public payant*—былъ основанъ на такой теоріи, которая ставила выше всѣхъ правъ—право общества, интересъ общаго умственнаго развитія. Но эта теорія въ сущности есть отрицаніе тождественности литературной собственности со всякою иною; въ силу этой теоріи можетъ быть ограничено и право самого автора при его жизни, напр., его право отчуждать наданіе своихъ произведеній навсегда или на слишкомъ долгое время послѣ его смерти. Логическая необходимость и заставила В. Гюгó, вслѣдствіе сдѣланныхъ возраженій, признать возможность такого ограниченія правъ самого автора. Но онъ напрасно не высказался съ самаго начала противъ приравненія литературной собственности къ вещественной, напрасно не поставилъ открыто тезы, что авторское право есть только привилегія, создаваемая обществомъ въ интересѣ самого общества. Тогда онъ могъ бы поставить свою систему *domaine public* болѣе логично и избѣгнуть введенія въ нее практическихъ противорѣчій тому началу, которое, въ сущности, служитъ ей основной мыслью. Но В. Гюгó—не юристъ; его, невидимому, нисколько не тревожитъ отсутствіе цѣльной, связанной юридической теоріи въ тѣхъ предложеніяхъ, какія онъ задвигалъ.

Онъ даже сердился на юристовъ, объявляя ихъ некомпетентными въ литературномъ дѣлѣ.

Но это было напрасно. Положимъ, они и въ самомъ дѣлѣ некомпетенты, чтобы цѣнить литературныя произведенія и хотя бы условія литературнаго творчества. Но въѣдъ предложенія, съ какими выступалъ Гюгó, были все-таки предложенія законовъ; а невозможно предлагать законы, не приведя ихъ сперва въ стройную юридическую цѣльность, на основаніи той или другой, однажды принятой и вѣдѣтъ уже строго-выдержанной, теоріи. Между тѣмъ было отчасти именно это.

Такъ, предлагая систему, которой дѣйствительный смыслъ есть предпочтеніе интереса общества въ литературѣ всѣмъ прочимъ интересамъ, Гюгó тѣмъ не менѣе, на словахъ, противопоставлялъ автора обществу, какъ равноправную «силу». Онъ признавалъ право автора распоряжаться его собственностью при жизни—неограничен-

нымъ и допускалъ отчужденіе имъ права изданія на „многіе годы“ по смерти автора. Такимъ образомъ, онъ становился, по отношенію лично къ автору, въ ряды защитниковъ приравненія литературной собственности къ вещественной, и только по отношенію къ наследникамъ провозглашалъ преобладаніе интереса общественнаго. Но такого различія, такой двойственности теоріи допустить нельзя, не впадая тотчасъ въ практическія противорѣчія. Если право автора при жизни безусловно, въ такомъ случаѣ онъ можетъ уничтожить наступленіе „общаго владѣнія“ послѣ своей смерти. Для этого ему стоить только продать право изданія своихъ сочиненій навсегда, или, просто, завѣщать это право своимъ наследникамъ, согласно общимъ законамъ объ имущественномъ наследствѣ. Если по смерти автора будетъ обязательно его распоряженіе, выраженное въ контрактѣ, то почему же не будетъ обязательно его распоряженіе, выраженное въ завѣщаніи? И вотъ, Гюбъ былъ вынужденъ, ходомъ преній, къ тому, чтобы согласиться на лишеніе автора закономъ права продажи изданія навсегда. Но что значить—навсегда? — Безъ означенія срока? Итакъ, если продажа будетъ совершена на 100, на 300, на 1000 лѣтъ, то на все это время „общее владѣніе“ не вступитъ въ свои права. Пусть законъ положитъ 100-лѣтній срокъ. Но тогда право распоряженія самого автора будетъ уже не безусловно. Столѣтній срокъ, это — по отношенію къ первымъ сочиненіямъ самого Виктора Гюбъ не представляло бы ничего болѣе, чѣмъ то право, какое нынѣ признано французскимъ закономъ. Пятьдесятъ лѣтъ онъ уже пользуется самъ своимъ авторскимъ правомъ, еще пятьдесятъ лѣтъ по его смерти имъ будутъ пользоваться его наследники или издатели, которыхъ онъ продалъ право изданія навсегда, то-есть, по нынѣшнимъ законамъ, на 50 лѣтъ послѣ смерти автора.

Далѣе. Если, какъ объяснялъ В. Гюбъ, общее владѣніе должно наступать непосредственно за кончиною автора только для тѣхъ произведеній, на изданіе которыхъ не заключено контракта, то это будетъ и непрактично, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и несправедливо. Прямой расчетъ всѣхъ авторовъ при этомъ условіи будетъ—заключать долговременные контракты, для обезпеченія своихъ семействъ, а это и сдѣлаетъ миеомъ „общее владѣніе“. Оно въ дѣйствительности будетъ наступать немедленно только въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ не позаботился заключить долговременнаго контракта. Но, спрашивается, гдѣ же тутъ справедливость? Сверхъ того, спрашивается, почему же, при существованіи долговременнаго контракта, право издателя будетъ наследственнымъ во всей своей полнотѣ, такъ что до истеченія срока этого контракта, наследники издателя будутъ имѣть исключительное право дѣлать новыя изданія и получать весь

барышъ съ нихъ, между тѣмъ какъ наследники автора, умершаго безъ контракта, тотчасъ же лишаются его авторскаго права, которое переходитъ въ общее владѣнiе, и имъ остается пользоваться только премiею въ 5 или 10% съ чистаго барыша новыхъ издателей?

Всѣ эти практическiя неудобства возникаютъ именно изъ того, что система В. Гюгб не проводитъ цѣльно ни мысли о полномъ приравненiи литературной собственности къ вещественной, ни мысли о привилегiи, предоставляемой обществомъ автору и его наследникамъ. Если бы проведена была эта вторая мысль, въ такомъ случаѣ право распоряженiя самого автора должно бы быть ограничено именно въ виду общаго владѣнiя, то-есть авторъ могъ бы отчуждать свои произведенiя только по день своей смерти. Но при этомъ условiи, дѣйствительно, автору трудно было бы находить издателей. Система В. Гюгб при этомъ условiи была бы вполнѣ логична сама въ себѣ. Но въ практическомъ отношенiи ей слѣдовало бы все-таки предпочесть простую срочную привилегiю *безразлично* для автора и его наследниковъ и купившихъ отъ него или отъ нихъ привилегiю, то-есть ту систему, которая повсемѣстно существуетъ теперь.

Конгрессъ принялъ слѣдующiя постановленiя по докладу первой комиссiи:

„Право автора на его произведенiе составляетъ не уступку (привилегiю), даруемую закономъ, но одинъ изъ видовъ собственности, подлежащiй обезпеченiю закономъ.

„Право автора, его наследниковъ и представителей права автора (*ayants cause*) безсрочно (*perpétuel*).

„По истеченiи срока, которымъ обусловлено дѣйствiе авторскихъ правъ въ существующемъ законодательствѣ разныхъ странъ, всякому лицу предоставляется свободно воспроизводить литературные труды, подъ условiемъ платежа вознагражденiя (*redevance*) наследникамъ автора или лицамъ, къ которымъ перешло его право (*ayants cause*)“.

Выше уже достаточно выясненъ мой взглядъ, состоящiй въ томъ, что первое изъ этихъ положенiй нераціонально; что второе логически вытекаетъ изъ перваго; наконецъ, что третье противорѣчитъ второму и первому. Правда, изъ пренiй видно, что третье постановленiе принято въ видѣ переходной мѣры, то-есть до признанiя законами всѣхъ странъ безсрочности литературной собственности. Но въ этомъ, временномъ значенiи, оно составляетъ противорѣчiе по отношенiю къ основной мысли существующихъ законодательствъ. Законодательства предоставляютъ наследникамъ полную собственность авторовъ на определенное время, съ тѣмъ именно, чтобы, по истеченiи срока, литературныя произведенiя дѣлались полной собственностью общества, стало быть, о вознагражденiи, по истеченiи срока, не должно

быть рѣчи. Если же принять теорію *domaine public payant*, основанную на различіи между правомъ наследниковъ и правомъ автора, то общее владѣніе съ вознагражденіемъ наследниковъ должно начинаться со смерти авторовъ, а не по истеченіи нынѣшнихъ сроковъ пользованія наследниками полной собственностью, принадлежавшею авторамъ.

XIV.

Пренія по докладу второй комиссіи можно изложить безъ разсмотрѣнія самыхъ вопросовъ, о которыхъ шла рѣчь, и которые представлялись предложеніемъ Селлье и монополіею автора въ переводахъ, такъ какъ эти вопросы были разобраны въ предшествующей статьѣ.

Докладовъ третьей комиссіи было два: г. Лермина, французъ, прочелъ докладъ о положеніи писателей во Франціи, а г. Альфонсо, испанецъ,—докладъ о положеніи ихъ въ другихъ странахъ. Въ заключеніи этого доклада предлагалось образовать международное литературное общество, которое поддерживало бы завязанныя конгрессомъ отношенія. Таковъ же былъ смыслъ письменнаго предложенія, присланнаго англійскимъ писателемъ г. Бланчардомъ-Джерольдомъ; сверхъ того, въ его предложеніи заключалась мысль, чтобы международному комитету было поручено представить отчетъ объ его дѣйствіяхъ слѣдующему литературному конгрессу, который былъ бы созванъ въ Лондонѣ, въ іюнѣ будущаго года.

Прежде чѣмъ перейти къ преніямъ по докладамъ второй и третьей комиссій, слѣдуетъ упомянуть еще о принятіи одного изъ предложеній, заключавшихся въ докладѣ первой, обсуждавшася въ засѣданіи 27-го іюня. Какъ мы уже видѣли, — провозглашеніе безсрочности литературной собственности—было уже принято общимъ собраніемъ въ предшествующемъ засѣданіи, хотя теорія, на которой комиссія основывала это предложеніе, обсуждаема не была, а потому такъ и осталось неизвѣстнымъ, на какомъ основаніи конгрессъ призналъ литературную собственность вѣчною и провозгласилъ ее такою. По ходу дѣла казалось, что онъ и провозгласилъ ее вѣчною собственною потому, что большинство а ргіогі считало конгрессъ призваннымъ къ провозглашенію принципа этой вѣчности, какъ то и обнаружилось въ словахъ г. Ратисбонна.

Затѣмъ, оставалось пустить на голоса второе предложеніе первой комиссіи, то самое, въ которомъ, какъ я уже замѣчалъ выше, однородность литературной собственности со всею иной фактически опровергалась, несмотря на то, что именно на этой однородности

основывалось предложеніе о безсрочности. Напомнимъ второе предложеніе. Оно гласило, что наследникъ, не издавшій въ теченіи 20 лѣтъ произведенія, которое перешло къ нему въ собственность, можетъ быть лишенъ своихъ правъ. Самъ авторъ доклада первой комиссіи, г. Донбѣ, предложилъ теперь замѣнить это постановленіе другимъ, которое гласило бы такъ, что „право, признаваемое за наследниками, не можетъ однако препятствовать выпуску новаго изданія, если только оно вѣрно съ оригиналомъ. Къ этому новому изданію можно будетъ приступать послѣ того, какъ наследникамъ были сдѣланы серьезныя (sérieuses) предложенія объ уплатѣ имъ вознагражденія и послѣ того, какъ это предложеніе будетъ сдѣлано имъ въ понудительномъ смыслѣ (sommation) дважды, съ шестимѣсячнымъ промежуткомъ между этими sommations, но останется безплоднымъ“.

Постановленіе по второму пункту и было принято конгрессомъ въ этомъ видѣ. Итакъ, результатомъ его сужденій по вопросамъ о существѣ литературной собственности и ея условіяхъ и о томъ, требуется ли для нея особое законодательное опредѣленіе или нѣтъ, является нѣчто довольно безсвязное. Литературная собственность провозглашена безсрочною, стало быть, она приравнена къ собственности вещественной и не требуетъ особаго законодательнаго опредѣленія. А между тѣмъ, по двумъ существеннымъ пунктамъ допущены совершенно „особыя“ законодательныя опредѣленія, а именно допущено общее владѣніе по окончаніи нинѣ дѣйствующихъ сроковъ и принято положеніе, которымъ наследникъ обязывается непремѣнно издавать сочиненіе, перешедшее къ нему по праву наследства. Никакихъ такихъ ограниченій распоряженія имуществомъ нѣтъ въ правѣ собственности реальной, вещественной. Изданіе сочиненія, принадлежащаго наследнику автора, кѣмъ-либо противъ воли этого наследника, когда послѣдній самъ не издастъ его и не принимаетъ „серьезныхъ“ предложеній объ его изданіи, есть такое нарушеніе права собственности, которое приравниваетъ право наследника скорѣе къ личному, то-есть нравственному праву родителей надъ совершеннолѣтними дѣтьми. Самая форма „sommations à six mois d'intervalle“ — именно та, которая установлена въ французскомъ законѣ для вступленія совершеннолѣтнихъ въ бракъ помимо воли ихъ родителей; это тѣ же самыя „sommations respectueuses“; только послѣдняго слова нѣтъ; оно въ литературномъ законѣ замѣняется словомъ „infructueuses“.

Теперь обратимся къ преніямъ по докладу второй и третьей комиссій. Докладчикомъ второй комиссіи былъ г. Ларнодъ, французъ. Предложеніе Селльбѣ, въ конечномъ результатѣ, одержало верхъ во второй комиссіи, хотя при первомъ голосованіи оно было отверг-

нуто. Принятіе его, затѣмъ, въ комиссіи объяснялось просто тѣмъ фактомъ, что число иностранныхъ членовъ съ каждымъ днемъ убавлялось. Конгрессъ принялъ слѣдующія предложенія доклада второй комиссіи (они же—предложенія Селлье, только въ упрощенной редакціи):

„Всякое литературное, учебное или артистическое произведеніе будетъ пользоваться въ иныхъ странахъ, чѣмъ та, въ которой оно первоначально появилось, покровительствомъ тѣхъ же законовъ, какъ и произведенія, имѣющія національное (мѣстное) происхождение“.

„Для того, чтобы обезпечить за своимъ произведеніемъ такое покровительство, отъ автора не требуется ничего болѣе, какъ только исполненіе обычныхъ формальностей въ той странѣ, гдѣ произведеніе было впервые издано“.

Предложенія эти были приняты конгрессомъ,—первое—подъ условіемъ, что оно будетъ редижировано такъ, чтобы оно распространялось и на произведенія драматическія. Принятіе формулы Селлье, впрочемъ, логически истекало изъ одобренія конгрессомъ доклада первой комиссіи о сущности литературной собственности. Если авторское право приравнено съ вещественной собственностью и объявлено безсрочнымъ, какъ право всякаго собственника, то иностранныя произведенія, конечно, должны пользоваться въ каждой странѣ такою же охраной, какъ иностранныя товары, которые охраняются наравнѣ съ имуществомъ мѣстныхъ жителей. Далѣе обсуждалось третье предложеніе, заключающееся въ докладѣ второй комиссіи:

„Что касается перевода и передѣлки (adaptation), международный литературный конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы международные трактаты обезпечивали за авторомъ право дозволить упомянутые переводъ и передѣлку“. Право дозволить включаетъ въ себѣ право — не дозволить. Коль скоро на переводъ должно быть испрошено позволеніе автора, то изданіе перевода предполагаетъ вознагражденіе автору оригинала. Не буду напоминать сказаннаго въ первой статьѣ о невыгодности для насъ, русскихъ, подобнаго постановленія. Но я долженъ замѣтить, что его трудно было оспаривать отдѣльно отъ прочихъ предложеній, внесенныхъ въ конгрессъ вторую и первую комиссіями. Вотъ почему, когда въ одномъ изъ засѣданій второй комиссіи приходилось излагать мотивы несогласія русскихъ на это послѣднее постановленіе, то выстѣпъ съ тѣмъ надо было оспаривать и формулу Селлье и безусловность литературной собственности. Когда же однажды было признано, что авторское право есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ собственности вещественной, то уже стало гораздо труднѣе требовать изъятій въ пользу какой-либо страны по отношенію къ авторамъ иностраннымъ.

Въ засѣданіяхъ второй комиссіи делегаты другихъ странъ, кромѣ французскихъ, какъ-то уклонялись отъ защиты своихъ интересовъ въ свободѣ перевода, такъ что защищать эту свободу приходилось почти однимъ русскимъ литераторамъ. Но въ частныхъ разговорахъ иностранцы, въ томъ числѣ и англичане, выражали сочувствіе нашей точкѣ зрѣнія. Затѣмъ, при обсужденіи этого пункта въ общемъ собраніи, сперва было сдѣлано иностранцами нѣсколько заявленій въ нашъ смыслъ, то-есть въ пользу свободы перевода, причѣмъ одни полагали—какъ то допускали и мы.—вознагражденіе автору оригинала въ видѣ краткаго срока на монополию перевода, другіе — вознагражденіе въ видѣ опредѣленнаго процента съ барыша, нѣчто въ родѣ *domaine public* *royant*—по отношенію къ изданію переводовъ иностранныхъ сочиненій. Такъ, послѣ рѣчи г. Сонцоньо, итальянца, за предложеніе второй комиссіи, делегатъ изъ центральной Америки, г. Перальто доказывалъ, что ходатайство о согласіи авторовъ связано съ большими неудобствами и условіе это вовсе не ручалось бы за достоинство переводовъ, такъ какъ часто иностранный авторъ не знаетъ языка переводчика. По этимъ соображеніямъ, г. Перальто требовалъ, чтобы право перевода оставалось въ общемъ владѣніи, но чтобы изданіе переводовъ было обусловлено уплатою авторамъ оригиналовъ опредѣленнаго процента, въ видѣ вознагражденія.

Г. Висъневскій, полякъ, допускалъ принятіе предложенія комиссіи, но только по отношенію къ произведеніямъ литературнымъ, по отношенію же къ произведеніямъ научнымъ онъ требовалъ, въ интересѣ распространенія образованія и успѣха наукъ, чтобы переводъ ихъ дѣлался свободнымъ по истеченіи опредѣленнаго срока. Такимъ образомъ, г. Висъневскій въ сущности защищалъ нашу мысль; и для насъ существенный интересъ представлялся именно въ свободномъ, то-есть бесплатномъ (но истеченіи краткаго срока) переводѣ книгъ ученыхъ и учебныхъ. Но мы не нашли возможнымъ устанавливать срокъ для однихъ, не устанавливая его для другихъ, такъ какъ предвидѣли возраженіе, что если дѣлать различіе между трудами библіотеческими и учебными, то именно послѣдніе имѣютъ право на *большее* покровительство, чѣмъ первые.

Далѣе, бразильскій делегатъ, одинъ изъ лучшихъ иностранныхъ ораторовъ конгресса, г. Санта-Анна-Нери, защищалъ энергически многія изъ тѣхъ положеній, которыя были высказаны нами. „Я расположенъ употребить всѣ усилія для успѣха дѣла литературнаго конгресса, — говорилъ онъ, — но не могу принять того желанія, которое обсуждается въ настоящую минуту. Иностранные авторы не могутъ судить о способностяхъ переводчиковъ. Согласіе автора получить тотъ, кто погоронится просить о немъ, а еще вопросъ—будетъ ли это наибо-

лѣе добросовѣстный и способный переводчикъ. Сверхъ того, предложеніе комиссій, если бы оно осуществилось въ законѣ, повело бы къ умноженію поддѣлокъ, и поставило бы препятствіе въ распространенію нѣкоторыхъ отраслей знанія въ тѣхъ странахъ, куда онѣ еще недостаточно проникли. Вотъ почему я высказываюсь за свободу перевода, съ платою опредѣленнаго процента вознагражденія автору*. Довольно характеристиченъ тотъ фактъ, что послѣ рѣчи г. Санта-Анна-Пери заключеніе преній было потребовано французскимъ делегатомъ, г. де-ла-Ланделлемъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему было разсуждать, когда огромное численное превосходство въ собраніи было на сторонѣ французовъ, и вотировать внезапно предложеніе второй комиссій, о правѣ заврещенія переводовъ авторами, было столь же легко, какъ внезапно голосовать вѣчность литературной собственности, по предложенію г. Ратисбонна? Заключеніе преній на этотъ разъ было однако отвергнуто и обсужденіе продолжалось.

Но заявленія иностранцевъ—не-французовъ, согласныя съ нашей точкой зрѣнія, вдругъ превратились послѣ рѣчи австрійскаго делегата, г. Витмана, редактора или сотрудника вѣнской „Neue Freie Presse“. Я уже сказалъ, въ первой статьѣ, что этотъ ораторъ приобрѣлъ нѣкоторую популярность среди членовъ конгресса, вслѣдствіе бойкой рѣчи, произнесенной имъ за банкетомъ въ „Континентальномъ отелѣ“. Поэтому, когда онъ сталъ говорить о правѣ перевода, „ухо аудиторіи“, по англійскому выраженію, было ему уже обезпечено. А такъ какъ онъ и на этотъ разъ говорилъ не мѣтѣ бойко, хотя и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, и притомъ говорилъ въ интересѣ французскихъ авторовъ, наиболѣе переводимыхъ за границею, то успѣхъ его среди большинства былъ полный и, по всей вѣроятности, устранилъ многихъ скромныхъ иностранцевъ отъ выступленія въ защиту интереса переводчиковъ, который онъ старался сдѣлать смѣшнымъ.

„Желаніе, выражаемое въ предложеніи второй комиссій,—сказалъ г. Витманъ,—я нахожу столь естественнымъ, что не понимаю даже, какимъ образомъ оно можетъ подать поводъ къ малѣйшему спору. Я подамъ голосъ за это предложеніе тѣмъ охотнѣе, что, какъ мнѣ кажется, принявъ первое предложеніе, мы тѣмъ самымъ одобрили послѣднѣе, изъ которыхъ второе предложеніе истекаетъ само собой. Я слышалъ сдѣланныя возраженія, но они меня нисколько не убѣждаютъ. Какъ, мы всѣ вмѣстѣ собрались въ путь къ обѣтованной землѣ—литературной собственности—и вдругъ нѣкоторые изъ нашихъ товарищей говорятъ намъ: намъ бы очень хотѣлось дойти съ вами до Палестины, но, по своимъ дѣламъ, мы принуждены остаться въ Версалѣ! Слѣдуетъ разъ навсегда повѣстать съ племенемъ литературныхъ

браконьеровъ, въ которому законодательства доселѣ относились съ непонятной глѣзливостью. Трудъ переводчиковъ нынѣ лишился въ Австріи уваженія. Дѣйствительно, было время, когда лучшіе писатели почитали для себя за честь браться за переводы мастерскихъ иностранныхъ произведеній: Расина переводилъ Шиллеръ, Вольтера переводилъ Гёте. Но въ нынѣшнее время переводомъ пьесъ Вольтера занялся бы дворникъ театра. Именно для того, чтобы покончить съ этой *phylloxaera vastatrix* литературы, я и подамъ голосъ за простое принятіе, безъ всякаго измѣненія, желанія выраженнаго комиссіею, и прошу конгрессъ принять этотъ пунктъ единогласно⁶.

Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, лучше всего характеризуется тѣмъ фактомъ, что румынскій делегатъ, получившій слово послѣ г. Витмана, объявилъ, что „слишкомъ уважаетъ свою страну, чтобы не быть увѣреннымъ въ ея готовности заклеить литературное браконьерство“. Итакъ, слово г. Витмана пошло въ ходъ. И дѣйствительно, англичане, которые прежде были расположены скорѣе въ пользу свободы перевода, неожиданно заявили себя въ пользу предложенія комиссіи. А между тѣмъ, что же было серьезнаго въ рѣчи представителя „Neue Freie Presse?“ Серьезный аргументъ въ ней былъ только одинъ: что признавъ необходимость уравниванія писателя иностраннаго съ національнымъ, для полноты этого уравниванія требовалось признаніе за иностраннымъ авторомъ права не давать согласія на изданіе перевода, какое принадлежитъ въ каждой странѣ автору національному. Мы очень хорошо сознавали это впередъ, а потому и подавали голоса какъ противъ формулы Селлѣ, такъ и противъ перваго предложенія второй комиссіи. Но, кромѣ этого, никакого аргумента въ рѣчи австрійскаго делегата въ сущности не было. Обозвать переводчика „браконьеромъ“ вовсе еще не значить опровергнуть важность услуги переводчика для взаимнаго ознакомленія народовъ съ литературами каждаго изъ нихъ. Если правда, что въ настоящее время для нѣмецкихъ сценъ въ Австріи или Германіи переводы иностранныхъ пьесъ могутъ быть поручаемы привратникамъ театровъ, то это можетъ доказывать только недобросовѣстность антрепренеровъ и отсутствіе вкуса у публики, которой можно подносить такіе переводы. Во всякомъ случаѣ, когда антрепренерамъ придется платить, сверхъ гонорара за переводъ, еще значительное вознагражденіе, какое потребуютъ за согласіе на переводъ такіе авторы, какъ Дюма, Фёлдѣ, Сарду, то тѣмъ вѣроятнѣе будетъ, что антрепренеры постараются выгадать этотъ лишній расходъ на платѣ переводчикамъ—и вотъ когда порученіе перевода „дворникамъ“ они уже въ самомъ дѣлѣ примутъ за правило. Но главный интересъ представляется все-таки не въ переводѣ какихъ-нибудь водевилей, а въ устраненіи

вздорожанія переводныхъ ученыхъ и учебныхъ книгъ въ такихъ литературахъ, которыя еще только развиваются или почти-что создаются. И этотъ интересъ именно для народовъ Австро-Венгрии едва ли не важнѣе, чѣмъ для котораго либо изъ другихъ народовъ Европы. Едва ли литературы хорватская, сербская, русско-галицкая, даже мадьярская уже такъ богаты оригинальными произведеніями по всѣмъ отраслямъ знанія, что переводы съ иностранныхъ языковъ для нихъ являются уже просто прихотью, за которую можно и платить гораздо дороже. Правда, г. Витманъ былъ представителемъ „Neue Freie Presse“, и потому едва ли могъ быть представителемъ интересовъ славянъ и хотя бы самихъ мадьяровъ. Но въ такомъ случаѣ оставалось пожалѣть, что изъ Австріи не явился на конгрессъ такой публицистъ, который смотрѣлъ бы на интересы австрійскихъ народовъ нѣсколько шире, чѣмъ сквозь вѣнскую театральную трубку. Въ словахъ г. Витмана, по его положенію, и по ихъ смыслу, могъ сказаться взглядъ только австрійскихъ нѣмцевъ. Но умственный интересъ собственно ихъ менѣе чьего-либо представляетъ нѣчто опредѣленное, могущее быть принятымъ въ серьезный расчетъ. При этомъ я сошлюсь на слышанный мною, и всѣми членами конгресса, отзывъ самого г. Витмана о современномъ направленіи общественной мысли въ средѣ австрійскихъ нѣмцевъ: „сказать правду, мы, австрійцы, сами не совсемъ даже ясно видимъ, гдѣ теперь наше литературное отечество. Мы являемся какъ-бы кочевымъ народомъ и среди европейскихъ литературъ представляемъ въ настоящее время нѣчто въ родѣ цыганъ“.

Г. Тургеневъ совершенно справедливо возражалъ противъ названія „браконьеровъ“, даннаго г. Витманомъ переводчикамъ. Онъ объяснилъ, что „на переводчиковъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, нельзя смотрѣть какъ на жадныхъ хищниковъ. Скорѣе слѣдуетъ признать, что они были пионерами цивилизаціи; они послѣдовали примѣру Петра Великаго, знакомя Россію съ Западомъ, его наукою и культурою. Если бы желаніе комиссіи было усвоено конгрессомъ и проведено затѣмъ въ законодательство, то русскіе переводчики, которые по настоящее время переводятъ много сочиненій французскихъ, могли бы обратиться въ иную сторону“. Нашъ писатель объявилъ далѣе, что онъ лично въ настоящемъ случаѣ могъ бы быть заинтересованъ скорѣе въ пользу желанія комиссіи, такъ какъ его произведенія переводятся, но интересъ національный не позволяетъ ему этого. „Въ виду этого интереса,—заклучилъ онъ,—русскіе члены конгресса считаютъ себя обязанными оставаться на почвѣ существующаго нынѣ законодательства, изъявляя только желаніе, чтобы оно было нѣсколько измѣнено въ либеральномъ смыслѣ“. Настойчивость, съ какою г. Тургеневъ защищалъ дѣло, которому стали измѣнять предполагаемые

наши сованники, дѣлала ему честь. Тѣмъ не менѣе г. Бланчардъ-Джеррольдъ объявилъ, что англійскіе депутаты совершенно присоединяются къ предложенію комиссіи. Бельгійскій делегатъ, г. Доньбѣ, сказалъ то же самое; а за нимъ и одинъ изъ делегатовъ изъ Соединенныхъ Штатовъ Америки объявилъ, что подастъ голосъ въ пользу предложенія комиссіи. Однимъ словомъ, произошло отступление по всей линіи и русскіе оставались почти одни. Докладчикъ второй комиссіи, г. Ларнодъ, изъавилъ особенную признательность делегатамъ англійскимъ и сѣверо-американскимъ за ихъ присоединеніе къ видамъ комиссіи, такъ какъ ихъ страны доселѣ относились враждебно къ тому принципу, который вторая комиссія предлагаетъ провозгласить. Затѣмъ, общее собраніе утвердило предложеніе второй комиссіи, прибавивъ къ нему еще пожеланіе, предложенное однимъ изъ членовъ:

„Чтобы впредь международныя литературныя конвенціи заключались независимо отъ торговыхъ или таможенныхъ трактатовъ“.

Это пожеланіе представляется нѣсколько страннымъ: почему же доселѣ, то-есть пока литературная собственность считалась особеннымъ видомъ права, международныя соглашенія относительно ея могли входить въ составъ торговыхъ договоровъ, а именно отнынѣ, когда литературная собственность признана была на конгрессѣ только однимъ изъ видовъ собственности вещественной, положенія о международномъ обмѣнѣ литературныхъ произведеній не могутъ включаться въ общіе торговые договоры, но должны быть предметомъ отдѣльныхъ „литературныхъ“ конвенцій? Казалось бы, тутъ есть противорѣчіе; впрочемъ, ихъ такъ много въ резолюціяхъ, принятыхъ конгрессомъ, что одно лишнее можетъ и не идти въ счетъ.

Перейдя затѣмъ къ предложеніямъ третьей комиссіи, заключавшимся въ докладѣ г. Лермина, общее собраніе приняло, безъ преній, слѣдующія два изъ нихъ:

„Международный литературный конгрессъ признаетъ, что улучшеніе нравственнаго и матеріальнаго положенія литераторовъ существеннымъ образомъ связано съ учрежденіемъ и развитіемъ обществъ, имѣющихъ цѣлью защиту правъ писателей и образованіе фондовъ для пособія и пенсій (fonds de secours et de retraite).“

„Конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы вопросъ о литературномъ кредитѣ былъ разработанъ и внесенъ въ программу будущаго международнаго конгресса“.

Послѣ этого, г. Лермина просилъ голосовать третье предложеніе третьей комиссіи, касавшееся пункта нѣсколько щекотливаго. Вотъ это предложеніе: „международный литературный конгрессъ высказываетъ желаніе, чтобы свобода мысли существовала полная среди всѣхъ народовъ. Онъ признаетъ, что издавая и пуская въ обращеніе свой

трудъ повсемѣстно и безъ препятствій, писатель дѣйствуетъ подличной своей отвѣтственностью. Конгрессъ объявляетъ, что правонарушенія или проступки, совершенныя писателемъ, должны быть судимы на основаніи общихъ законовъ (*droit commun*)^а. Нѣкоторые члены (г. Санта-Анна-Нери, г. де-ла-Ландель) выразили желаніе, чтобы конгрессъ не вступалъ въ эту область сужденій. Другіе (гг. Гальтъ, Шалламель) защищали это предложеніе, доказывая, что конгрессъ, имѣя цѣлю обезпеченіе литературной собственности, можетъ высказаться противъ законовъ, лишшающихъ ее обезпеченія, и что конгрессъ даже обязанъ сдѣлать это, какъ въ интересъ собственности, такъ и достоинства литературы.

Но сильнѣе всѣхъ возсталъ противъ этого предложенія г. Э. Абѹ. Въ предшествующей статьѣ я уже рассказалъ, что когда зашла-было рѣчь о „комиссіи разноса произведеній печати“ (*commission du colportage*), г. Э. Абѹ замѣтилъ, что „свое грязное бѣлье слѣдуетъ стирать промежъ себя“, и спросилъ: „что сказали бы мы, если бы одинъ изъ делегатовъ такой страны, въ которой существуетъ предварительная цензура, явился къ намъ съ жалобой на ея существованіе? Мы, конечно, нашли бы это неумѣстнымъ“. Хотя никто ни въ комиссіяхъ, ни въ общемъ собраніи не являлся съ такой жалобой, уже потому, что чувство деликатности не позволило бы иностранцамъ навязываться съ своими особыми дѣлами французамъ, когда тѣ уже заявили, что имъ до этого нѣтъ дѣла,—но, тѣмъ не менѣе, случилось такъ, что французское же большинство третьей комиссіи внесло въ конгрессъ приведенное выше предложеніе и что вотировать его приглашалъ конгрессъ французскій же литераторъ, г. Лермина. Стало быть, никто не навязывался французамъ, но нѣкоторые изъ же соотечественники считали умѣстнымъ, чтобы международный литературный конгрессъ не ограничился попеченіями чисто-коммерческаго свойства, но заявилъ бы и общую солидарность мысли во всѣхъ странахъ и общее условіе для ея плодотворнаго развитія. Гг. Ратисбоннъ и Тони Ревильонъ стали защищать предложеніе противъ Э. Абѹ. Первый замѣтилъ, что конгрессъ только соблюдеть свое достоинство, высказавшись такимъ образомъ за полное обезпеченіе литературной собственности и за свободу мысли; второй доказывалъ, что конгрессъ при этомъ вовсе не выступитъ изъ области литературной въ область политики; все дѣло въ томъ, что предварительныя мѣры наносятъ прямой ущербъ собственности и конгрессъ обязанъ высказаться за охраненіе интересовъ писателей.

Однако, видя, что предложеніе комиссіи вызвало жаркія пренія, встрѣтивъ недружелюбный пріемъ среди такихъ вліятельныхъ членовъ конгресса, какъ гг. Абѹ и Жюль де-Карне, докладчикъ рѣ-

шился, такъ сказать, „выбросить часть своего балласта“, чтобы легче перенестись чрезъ возникшую преграду. Онъ согласился опустить вторую часть предложенія третьей комиссiи и просилъ утвердить только первую, а именно, что „литературный конгрессъ высказываетъ желанiе, чтобы свобода мысли существовала полная среди всѣхъ народовъ“. Но г. Э. Абѹ наиболее и возражалъ противъ этой первой части. Онъ высказывалъ мнѣнiе, что „дѣло конгресса, дѣло—чисто-литературное, подвергнется опасности (serait compromise) выраженiемъ такого желанiя“. Вслѣдствiе того, г. Э. Абѹ предложилъ слѣдующую формулу перехода къ очередному порядку: „принявъ во вниманiе, что выражаемое третьей комиссiей желанiе не входитъ въ кругъ предметовъ, непосредственно подлежащихъ сужденiю конгресса, собранiе переходить къ дѣламъ, стоящимъ на очереди“. Г. Лерминъ сказалъ еще нѣсколько словъ въ защиту предложенiя комиссiи, доказывая, что она не выходила изъ программы конгресса, но что въ самой этой программѣ значителен нравственный и матеріальный улучшенiе быта писателей. Наконецъ, стали собирать голоса, и формула перехода къ очередному порядку, предложенная г. Э. Абѹ, была принята большинствомъ 43-хъ голосовъ противъ 38-ми.

Такимъ образомъ, послѣднее предложенiе третьей комиссiи было отвергнуто. Между тѣмъ пренiя по его поводу доказали еще разъ, насколько вопросы, относящiеся къ опредѣленiю и обезпеченiю литературной собственности, а также къ улучшенiю положенiя писателей, выходятъ изъ рамки обыкновенныхъ вопросовъ гражданского права и матеріальнаго заработка. Я уже не буду говорить о первой части предложенiя третьей комиссiи: сущность его слишкомъ ясна для всѣхъ. Но не могу не замѣтить, что большинство конгресса, отказываясь провозгласить рациональное начало подсудности общимъ законамъ людей, живущихъ умственнымъ трудомъ, какъ-бы допускало, что специальное законодательство о печати непротивно принципу равноправности литературной собственности съ другими видами этой собственности. Работы конгресса закончились принятиемъ, безъ пренiй, слѣдующаго проекта, внесеннаго третьей комиссiей:

Ст. 1. Учреждается международный литературный союзъ (Association), открытый для литературныхъ обществъ и писателей всѣхъ странъ.

Ст. 2. Международный литературный союзъ имѣетъ цѣлями: 1) защиту принциповъ литературной собственности; 2) устройство правильныхъ отношенiй между литературными обществами и писателями всѣхъ странъ, и 3) инициативу разнѣхъ учреждений, имѣющихъ международный литературный характеръ.

Ст. 3. Международный литературный союз имѣетъ главное мѣстопробываніе въ Парижѣ.

Ст. 4. Онъ управляется комитетомъ, состоящимъ изъ французовъ и иностранцевъ.

Ст. 5. Первый комитетъ будетъ избранъ общимъ собраніемъ международного литературнаго конгресса.

Ст. 6. Комитету поручается организація международного литературнаго союза.

По одобреніи этого проекта, рѣшено было, что кромѣ названнаго комитета, состоящаго изъ постоянныхъ общниковъ, могущихъ специально заняться организаціею союза, и составленнаго изъ 30-ти иностранцевъ и 15-ти французовъ, будетъ образованъ еще „почетный“ комитетъ (comité d'honneur). Общее собраніе раздѣлилось на комиссіи, которыя и избрали, каждая, по 10 иностранцевъ и по 5 французовъ въ комитетъ распорядительный. Затѣмъ, общее собраніе утвердило избраніе 30-ти членовъ-французовъ, положило, что составъ членовъ-иностранцевъ будетъ опредѣленъ впоследствии и опредѣлило, что почетный комитетъ будетъ предварительно составленъ изъ президентовъ конгресса. Затѣмъ, послѣ благодарственной рѣчи г. Донбѣ, г. Э. Абѹ провянесъ слѣдующія, заключительныя слова: „засѣданія конгресса были отмѣчены хорошими отношеніями между его участниками. Согласіе и какъ-бы семейный духъ постоянно въ немъ господствовали. Вѣтъ можетъ, въ этой залѣ Великаго Востока, гдѣ всегда совершались только добрыя дѣла, намъ и удалось основать великую международную семью умственныхъ работниковъ“.

Засѣданія конгресса закрылись 17 (29) іюля.

Какъ ни несовершенны были работы конгресса, я готовъ согласиться, что самый фактъ, имъ представленный, имѣетъ хорошее значеніе. Несмотря на неизбежныя разногласія, онъ все-таки представлялъ собою солидарность умственнаго развитія всѣхъ народовъ. Читатель можетъ вывести изъ предшествующаго разсказа и сопровождавшихъ его замѣчаній, что я высказываюсь противъ большинства предложеній, конгрессомъ принятыхъ, и въ пользу ббльшей части взглядовъ и предложеній, имъ отвергнутыхъ. Пойду далѣе и скажу, что самыя голосованія конгресса, на мой взглядъ, имѣютъ мало значенія. Что значитъ голосованіе? Оно означаетъ численное преобладаніе приверженцевъ извѣстнаго мнѣнія въ такомъ собраніи, котораго составъ основанъ на численномъ же отношеніи извѣстныхъ партій или интересовъ въ странѣ или въ средѣ, избравшей собраніе. Такимъ образомъ, голосованіе выражаетъ волю большинства полноправныхъ членовъ какой-либо среды или цѣлой страны или нѣсколькихъ странъ. Но въ такомъ собраніи, которое не исходило изъ выборовъ,

котораго составъ былъ случайный и притомъ, естественно, представлялъ рѣшительное преобладаніе элемента мѣстнаго, голосованіе не представляетъ ничего.

Другое дѣло—самый фактъ, что международный съѣздъ литераторовъ состоялся, что представители литературъ разныхъ народовъ, разьединенныхъ политическими интересами, сошлись вмѣстѣ и дружески бесѣдовали объ интересахъ общихъ; этотъ фактъ не лишень значенія. Также и пренія конгресса имѣли цѣну, во-первыхъ, въ смыслѣ безотносительномъ, въ смыслѣ сопоставленія разныхъ мнѣній, изъ которыхъ въ будущемъ восторжествуютъ наиболѣе основательныя; во-вторыхъ, въ томъ относительномъ смыслѣ, что, несмотря на слишкомъ узкую, такъ-сказать, коммерческую цѣль, указанную конгрессу его организаторами, эти пренія все-таки свидѣтельствовали, что кромѣ права авторовъ на ихъ труды есть право высшее—интересъ умственнаго развитія всѣхъ народовъ и что полное обезпеченіе литературной собственности (каково бы ни было данное ей опредѣленіе) тѣсно связано съ полнымъ обезпеченіемъ свободнаго умственнаго развитія общества.

Мое изложеніе работъ конгресса, по необходимости, неполное и недостаточное. Но будетъ издавъ полный отчетъ объ его трудахъ, и участники конгресса уже получили увѣдомленіе, что отчетъ этотъ приготовленъ къ печати. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи высказать, въ концѣ статьи, моего уваженія къ той великой странѣ, которая, на благо человѣчества, такъ быстро оправилась послѣ своихъ несчастій и съ новою силою взялась за свою законную роль—быть будильникомъ общихъ прогрессивныхъ стремленій. Честь Франціи, странѣ страстной любви къ свободѣ, странѣ наиболѣе равномернаго распредѣленія богатства, поклоненія изяществу, и вмѣстѣ съ тѣмъ—странѣ трудолюбія, бережливости и высокой силы творчества во всѣхъ сферахъ работы. Не могу также не поблагодарить, въ заключеніе, почтенныхъ членовъ комитета „Société des gens de lettres“ за приглашеніе, обращенное къ русскимъ писателямъ и за радушный приемъ, намъ оказанный.

Л. Полоновскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября, 1878.

Убіѣство ген. Мезенцова. — Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1876 годъ. — Отзывы попечителей. — Новый заемъ. — Кредитное обращеніе. — Разрядный налогъ и уравнительность. — Преобразование податей. — Удержаніе золотой пошлины.

Съ безотраднѣмъ чувствомъ заносимъ въ нашу хронику возмутительный фактъ убійства главнаго начальника III отдѣленія, генерала Мезенцова. Убіѣство само по себѣ — худшее изъ всѣхъ злодѣяній; если же подтвердится распространенное предположеніе, что въ данномъ случаѣ оно было внушено политическимъ фанатизмомъ, то фактъ станетъ еще печальнѣе. Ему порадуются только враги свободнаго развитія Россіи. Коренныя основы либерализма — человѣчность и законность, устраняющая произволь. Если ему дорогъ неприкосновенность правъ личности, то что можетъ быть ненавистнѣе ему и противнѣе его ученію, какъ лишеніе человѣка жизни, въ силу личнаго же произвола? Если смыслъ либерализма — въ томъ, чтобы стремиться къ улучшенію законовъ, съ цѣлью большаго и большаго обезпеченія личности въ государствѣ, то что можетъ быть противоположнѣе этому смыслу, какъ убійство, совершаемое надъ личностью для отрицанія законовъ и самаго государства?

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о партіи, къ какой могли принадлежать убійцы, какъ оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, почему жертвою своего преступленія они избрали начальника такой-то части управленія. Для насъ, всѣ убійцы принадлежать къ одной партіи — партіи враговъ человѣческаго союза, что бы ни руководило ими: корысть или произволь изступленнаго мнѣнія. Всѣ учрежденія законны, пока они не отиѣнены закономъ, и никогда еще винжалъ убійцы не вели къ усовершенствованію учреждений. Напротивъ: проявленіе того страшнаго произвола, въ силу котораго преступникъ присвоиваетъ себѣ

право смерти, почти всегда вызываетъ временное отступленіе назадъ, слишкомъ послѣдній, но какъ-бы невольный шагъ назадъ къ тѣмъ мрачнымъ временамъ, когда политическими аргументами были вни- жали съ одной стороны, сѣбра—съ другой,

Мы признаемъ опасность распространенія фанатизма; преступность заразительна, какъ и многіе физическіе бичи человѣчества. Но вѣдь и паника заразительна и можетъ иногда ухудшить положеніе дѣла. Для предупрежденія преступленій, подобныхъ двумъ совершеннымъ недавно въ Петербургѣ, признано нужнымъ прибѣгнуть къ нимъ судъ военный,—вотъ единственная мѣра, каковая до сихъ поръ была введена этими случаями, и надо надѣяться, что этой единичной мѣрой, направленной непосредственно противъ лицъ, совершающихъ подобныя преступленія, и будетъ исчерпано все то прискорбное впечатлѣніе, какое тѣми случаями произведено. Моментъ временнаго возбужденія не удобенъ для оцѣнки мѣры, которая принята государствомъ для самообороны. Но надо надѣяться, что никакихъ мѣръ общихъ, касающихся всѣхъ, предпринято не будетъ. Ужасно уже и то, что жизнь должностныхъ лицъ въ государствѣ можетъ быть подвергаема опасности горстью убійцъ. Но было бы не менѣе ужасно, если бы отъ дѣяній этихъ послѣднихъ зависѣла судьба 80-ти милліоновъ, если бы ихъ вина стала преградой дальнѣйшему развитію общественнаго быта цѣлой страны, которая изрекаетъ единодушный надъ ними приговоръ.

Имѣя въ виду эту опасность — которой, надѣемся, не суждено оправдаться — мы и замѣтили выше, что только враги свободнаго развитія Россіи могутъ съ злорадствомъ встрѣтить вѣсть о преступленіи, съ которымъ никакіе слои русскаго общества солидарны быть не могутъ. Убійцы есть вездѣ и политическія убійства нигдѣ не рѣже, чѣмъ въ Россіи. Два покушенія на жизнь императора Вильгельма произвели въ Германіи потрясающее впечатлѣніе; но не нашлось ни одного наущника, который бы сталъ указывать въ политическомъ убійствѣ какую-то національную особенность германскаго общества или мѣстную черту населенія того города, въ которомъ покушенія совершались. Между тѣмъ, у насъ одна газета непосредственно за извѣстіемъ объ убійствѣ и о негодованіи, имъ возбужденномъ въ населеніи Петербурга, рѣшилась злорадствовать слѣдующимъ образомъ: „иначе и быть не можетъ,—но только какія части населенія? Впрочемъ, при всякомъ подобномъ случаѣ наиприличнѣйшее слово есть негодованіе. Я негодую, ты негодуешь, мы негодуемъ, они негодуютъ“. Затѣмъ, излагается съ тупыми шутками процессъ, какъ онъ былъ бы въ обыкновенномъ судѣ, „если бы убійцъ поймали“; разумѣется, дѣло окончилось бы „авоэвозомъ съ фейерверкомъ“. Это — собственныя

слова „Московскихъ Вѣдомостей“. Нѣтъ мѣры добродушію русской публики; шпіоны nera и доносчики печати нисколько не боятся вызвать въ ней отвращенія къ себѣ; они еще шутятъ, они рассчитываютъ на то, что остроуміе ихъ понравится достаточному числу читателей.

Оказывается, что чины полиціи при процессѣ Засуличъ призывались не для уясненія суду фактовъ, безъ котораго никакой судъ, хотя бы и военный, немислимъ, но специально — „для дачи показаній въ оправданіе, очищеніе и прославленіе мотивовъ, вооружившихъ карательную руку“; что присяжные признали Засуличъ невиновною не потому, что признали наличность такихъ обстоятельствъ, которыя почти съ дѣтства искажили ея нравственное существо, но потому, что хотѣли устроить апофеозъ убійства. Наконецъ, что „вся петербургская печать, вторя настроенію чиновной интеллигенціи (донось на доносѣ, — не слишкомъ ли это?) вопіяла, въ вакхическомъ нештовствѣ, о новой эрѣ, наступившей для Россіи. Скандаль, обнаружившій истинное зло, которымъ мы страдаемъ, сталъ дѣйствительно эрой; онъ сотворилъ нѣчто изъ ничего, и это нѣчто идетъ въ гору“. Ну, разумѣется, если генераль Мезенцовъ палъ жертвою убійства, то виновата въ этомъ петербургская печать; практическія послѣдствія ясны: эту революціонную печать слѣдуетъ укротить, а „чиновную интеллигенцію“ слѣдуетъ смѣнить, отобравъ у ней мѣста для людей неинтеллигентныхъ, по выбору „Московскихъ Вѣдомостей“ или околоточныхъ, которые одни составляютъ консервативную силу въ Россіи. Какой мрачный и вмѣстѣ пошлый юморъ! По зловѣщему цинизму, онъ напоминаетъ юморъ заплочныхъ мастеровъ, въ ожиданіи „представленія“. Итакъ, политическое убійство есть зло, которымъ мы специально страдаемъ и оно развилось и пошло въ гору, благодаря петербургской печати. Г. Катковъ притворяется, будто знаетъ русскую исторію только изъ одобренныхъ учебниковъ, въ которыхъ нѣтъ даже патентъ типографской краски, которыя наводили бы на размышленіе. Въ добродушнаго короля Людовика-Филиппа стрѣляли болѣе десяти разъ; на жизнь королевы Викторіи, императора Франца-Иосифа, императора Вильгельма дѣлались покушенія, и во все это время, начиная съ царствованія Екатерины II и до „дѣла Засуличъ“, никому въ голову не приходило, что „новая эра“, эра обновленія посредствомъ политическаго убійства, будетъ изобрѣтена петербургской печатью, при помощи чиновной интеллигенціи, въ 1878 г.

Августъ—мѣсяцъ экзаменовъ для поступленія въ учебныя заведенія—есть вмѣстѣ какъ-бы мѣсяцъ экзамена для самой дѣятельности государства по распространенію народнаго образованія. Главный

вопросъ, задающійся на этомъ послѣднемъ экзаменѣ, тотъ:—достаточно ли сдѣлано государствомъ для удовлетворенія сильно-возрастающей народной потребности въ образованіи, законной и священной потребности учиться? Отвѣтъ на такой вопросъ всегда бываетъ неудовлетворительный, и можно сказать, что государство постоянно не выдерживаетъ экзамена въ этомъ смыслѣ. Такъ было и въ нынѣшнемъ августѣ. Особенно великъ былъ наплывъ учениковъ въ гимназіа военныя, которыя въ отношеніи общаго образованія многими предпочитаютъ реальнымъ училищамъ. Повторялось обыкновенное прискорбное явленіе: приходилось отказывать большинству не только желающихъ поступить въ эти заведенія, но большинству выдержавшихъ уже экзаменъ—по недостатку мѣста!

Что касается высшихъ училищъ, то государство въ нынѣшнемъ августѣ дало на упомянутый выше вопросъ отвѣтъ менѣе удовлетворительный, чѣмъ когда-либо: въ нѣкоторыя высшія спеціальныя заведенія оказалось невозможнымъ поступать просто потому, что государство не желало новыхъ поступленій, сократило и даже вовсе отменило приемъ новыхъ учениковъ. Повидимому, Россія уже страдаетъ избыткомъ ученыхъ спеціалистовъ. И въ самомъ дѣлѣ, недавно былъ примѣръ, что ориенталистъ, окончившій университетскій курсъ, поступилъ въ полицейскій штатъ. Не знаемъ, владѣли ли турецкимъ языкомъ всѣ члены нашего бывшаго посольства въ Константинополѣ, которое доставляло свѣдѣнія о положеніи Турціи до начала войны, хотя и не сомнѣваемся, что они были люди весьма талантливые. Но, повидимому, ориенталистамъ уже негдѣ примѣнять своихъ познаній, если они идутъ въ полицейскій штатъ. А между тѣмъ, у насъ есть обширныя владѣнія въ Средней Азій, гдѣ русскія власти прикасаются съ одной стороны къ китайцамъ, съ другой—къ узбекамъ, сартамъ и персіанамъ; наконецъ, предпринимается новая экспедиція, по слухамъ направленная въ Афганистану. Но вѣроятно и въ штабѣ нашихъ туркестанскихъ войскъ и въ гражданскомъ управленіи края все уже переполнено учеными ориенталистами.

Вопросъ о недостаточности существующихъ учебныхъ заведеній для удовлетворенія потребности страны въ образованіи, какъ уже замѣчено, всегда выдвигается самою жизнью особенно рельефно именно въ августѣ, а потому намъ естественно приходилось чаще всего въ этомъ именно мѣсяцѣ заняться положеніемъ училищъ, пользуясь тѣми извлеченіями изъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія, которыя печатаются въ его журналѣ. На этотъ разъ, въ августовской книгѣ журнала министерства помѣщены еще только свѣдѣнія объ университетахъ, лицеяхъ и среднихъ училищахъ за 1876 годъ. Вышегдѣ съ этими свѣдѣніями помѣщена въ журналѣ критическая статья про-

фессора Бестужева-Рюмина объ известной книгѣ французскаго профессора Рамбб—*Histoire de la Russie*. Въ статьѣ русскаго профессора не указаны многія существенныя особенности книги г. Рамбб; не упомянуто даже, что авторъ увидѣлъ необходимость сдѣлать два изданія ея, изъ которыхъ одно назначено специально для Россіи, причѣмъ замѣчательно, что специальное изданіе русской исторіи—для Россіи отличается не бѣльшей полнотою, а скорѣе нѣкоторыми пробѣлами, отъ изданія, предназначеннаго для остальнаго образованнаго міра. Но за то, русскій профессоръ мимоходомъ упрекаетъ, хотя и любезно, своего французскаго собрата въ томъ, что „въ своихъ сужденіяхъ онъ остается всегда европейцемъ и французомъ; мысль о томъ, что наступаетъ время европейской цивилизаціи *уступить свое мѣсто*, едва ли приходила ему въ голову (!); только немногіе мыслители западной Европы видятъ, подобно пророкамъ Израиля, близкое надевіе того міра, въ которомъ родились“.

Оставимъ въ сторонѣ небрежное построеніе почтеннымъ филологомъ своихъ періодовъ, а также какофонію „наступаетъ уступить“; дѣло не въ этомъ. Но если для европейской цивилизаціи наступаетъ время уступить свое мѣсто, то для какой же цивилизаціи наступаетъ время „выступить“ на сцѣну европейской? Для славянской цивилизаціи, конечно, направляемой цивилизаціею русскою, которая въ свою очередь будетъ вдохновлена цивилизаціею славянофильскою. Прекрасно. Но рядомъ съ этой мыслью, высказываемою въ такомъ мѣстѣ, которое придаетъ ей какъ-бы официальную окраску, является такой фактъ, что въ странѣ, имѣющей миссіею—создать новую цивилизацію, совсѣмъ закрывается доступъ молодымъ людямъ въ одни высшія училища, а въ другія—скажемъ такъ—не особенно покровительствуется? Нѣтъ ли нѣкотораго противорѣчія мыслей съ фактами, на страницахъ одной книжки одного же журнала, когда рядомъ съ сознаніемъ готовности Россіи, во главѣ славянскаго міра, смѣнить западную Европу въ умственномъ руководствѣ Человѣчества, указывается, уже совершенно официально, словами министра народнаго просвѣщенія, что въ русскихъ университетахъ на 529 штатныхъ преподавателей, состоявшихъ на лицѣ, въ 1876 году было 143 вакансіи, такъ что не нѣкоторымъ предметамъ,—между прочимъ по исторіи славянскіякъ же законодательствъ—въ 7-ми изъ 8-ми университетовъ имперіи не было ни одной лекціи. Какъ согласить съ приведенной выше міровой мыслью фактъ, что на 40-ка-милліонное мужское населеніе Россіи было всего 6208 слушателей въ 8-ми университетахъ имперіи, между тѣмъ какъ на поддержку „отживающей“ уже западно-европейской культуры выйдутъ, изъ вдвое меньшаго народонаселенія одной Германіи, 16,359 студентовъ, съ 1729 профессорами 21-го университета (цифры

1875 года). А что еще оказалось бы, если бы сложить цифры учащихся и учащихся во всех университетах славянского мира и сопоставить ихъ съ однородными цифрами всей западной Европы? Оказалось бы вѣроятно, что одинъ славянской ученый и одинъ русскій студентъ стоить десятерныхъ западно-европейскихъ, если первые призваны вырвать изъ рукъ послѣднихъ скипетръ умственного преобладанія въ человѣчествѣ.

Впрочемъ, недаромъ авторъ ссылается на пророковъ. Конечно, если строить теорію будущаго на предвидѣніяхъ современныхъ пророковъ, то всякія численныя отношенія слѣдуетъ оставить въ сторонѣ.

Но въ официальномъ отдѣлѣ журнала министерства не проявляется убѣжденія, будто числа и факты — ничто въ сравненіи съ энергіею пожеланій и силою вдохновенія. Наоборотъ, весь отчетъ министерства состоитъ изъ ряда именно статистическихъ цифръ, посредствомъ которыхъ министерство и старается провѣрить всѣ свои мѣтропріятія и ожиданія. Мы можемъ расходиться во взглядѣ на значеніе той или другой цифры, можемъ подвергать критику полноту цифръ счѣта; но мы должны признать, что министерство все-таки ссылается на показанія умственной статистики, а не на предсказанія пророковъ.

Такъ, извѣстно, что съ 1872 года, то-есть со времени введенія новаго устава въ гимназіяхъ, число студентовъ въ нашихъ университетахъ стало постоянно уменьшаться. Но отчетъ ссылается на цифры, доказывающія, что это прискорбное явленіе съ 1875 года прекратилось: въ 1874 году число студентовъ было 5,368, въ 1875-мъ уже 5,596, а въ 1876 году — 5,629. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что число студентовъ, въ совокупности университетовъ, въ 1875 году возросло на $\frac{1}{2}$ часть прежняго числа ихъ, а въ 1876 году на $\frac{1}{170}$ предшествующей цифры. Нельзя не признать факта этого возрастанія числа студентовъ, въ среднемъ размѣрѣ на 4 человѣка или хотя бы на 28 человѣкъ, на каждый университетъ, хотя едва ли уже можно основывать на такихъ цифрахъ высказываемую отчетомъ увѣренность, что „какъ скоро гимназіи вступятъ на твердый путь, онѣ будутъ доставлять обильное количество“ студентовъ университетамъ.

Въ извлеченіи изъ отчета упоминается и о комиссіи для пересмотра университетскаго устава, приводятся имена ея членовъ и указываются вопросы, бывшіе предметомъ обсужденія въ общихъ ея собраніяхъ. Но эти свѣдѣнія уже общезвѣстны, а какихъ-либо указаній о томъ направленіи, въ которомъ работаетъ комиссія, въ извлеченіяхъ изъ отчета не сообщено.

Число вновь поступившихъ въ гимназіи и прогимназіи въ 1876 году было 11,579 чел., на 573 чел. болѣе, чѣмъ въ 1875 году, когда оно

уменьшилось на 542 сравнительно съ 1874 годомъ. Отказано въ приемъ за недостаткомъ помѣщенія или за комплектомъ въ классѣ 584, изъ 15,984 подавшихъ прошеніе о приемѣ. Возьмемъ тѣ же цифры по отношенію къ реальнымъ училищамъ. Здѣсь увеличеніе числа учениковъ гораздо замѣтнѣе: вновь поступившихъ въ 1876 г. было 3,146 противъ 2,652 поступившихъ въ 1875 г.; отказано за комплектомъ классомъ и недостаткомъ помѣщенія только 219 изъ 5,000 подавшихъ прошенія. Значительная разница этихъ цифръ по сравненію реальныхъ училищъ съ гимназіями не зависѣла отъ того, чтобы реальныхъ училищъ было вновь открыто за годъ больше, чѣмъ гимназій и прогимназій. Первыхъ было вновь открыто 10, вторыхъ (т.-е. гимназій и прогимназій) — 14. Сочувствіе общества къ реальнымъ училищамъ выражается и тѣмъ обстоятельствомъ, что эти училища открываются министерствомъ не иначе, какъ если мѣстныя общества выразили желаніе принять часть расходовъ по ихъ содержанію на свой счетъ. Такимъ образомъ, изъ 10 вновь открытыхъ въ 1876 году реальныхъ училищъ три (воронежское, тамбовское и московское) содержатся исключительно на счетъ мѣстныхъ обществъ, безъ всякаго пособія со стороны казны, а на содержаніе остальныхъ семи казна отпускаетъ 85 т. р., а общества 70 т. руб.

Сочувствіе общества реальному образованію удостоверяется, сверхъ того, фактомъ, о которомъ мы упомянули выше—огромнымъ наплывомъ кандидатовъ въ гимназіи военнаго вѣдомства. Мы замѣтили, что по полнотѣ общаго образованія, многіе предпочитаютъ эти послѣднія гимназіи — реальнымъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія. Это зависитъ отъ того обстоятельства, что реальнымъ училищамъ приданъ былъ характеръ слишкомъ специализированныхъ, и притомъ специализированныхъ такъ, что окончаніе въ нихъ курса не даетъ доступа въ высшія училища (кромѣ по окончаніи дополнительнаго класса). Справедливость этого положенія доказывается статистикою самыхъ реальныхъ училищъ. Ученики наиболѣе притекаютъ къ основному отдѣленію реальныхъ училищъ съ дополнительнымъ его классомъ, который даетъ доступъ въ высшія спеціальныя училища, а не къ практически-специализированнымъ отдѣленіямъ. На каждого ученика шестаго класса „коммерческаго“ отдѣленія оказывается болѣе трехъ учениковъ того же класса въ основномъ отдѣленіи.

Малочисленность учениковъ „коммерческихъ“ отдѣленій реальныхъ училищъ такъ объясняется лицомъ компетентнымъ, попечителемъ петербургскаго округа: „что отдѣленія еще не успѣли возбудить къ себѣ довѣрія со стороны коммерческаго класса нашего общества“, а сверхъ того еще тѣмъ, что „ученики, прошедшіе 4 класса какъ гимназій, такъ и реальныхъ училищъ, уже думаютъ о томъ, чтобы

не ограничивать своего образованія среднимъ заведеніемъ. Этимъ же объясняется стремленіе большинства учениковъ основнаго отдѣленія къ переходу въ дополнительный классъ, который даетъ имъ право попасть въ высшія спеціальныя училища. А такъ какъ ученики, кончившіе коммерческія отдѣленія, не имѣютъ возможности достигнуть высшаго образованія, то поэтому и стремленіе молодыхъ людей въ поступленію въ оныя оказывается *такъ ничтожнымъ* (среднимъ числомъ въ VI классѣ коммерческаго отдѣленія бываетъ всего 7 учениковъ). Трудно высказать въ нѣсколькихъ официальныхъ словахъ болѣе ясно непригодность излишней спеціализаціи среднихъ училищъ, въ которыхъ общество ищетъ прежде всего—общаго образованія.

Интересна статистика учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ. Въ общемъ числѣ учениковъ гимназій и прогимназій православныя составляли 61,6%, а въ числѣ учениковъ реальныхъ училищъ 58,8%; католики — 18,7% и 20,9%, протестанты 8,3% и 10%, евреи 9,9% и 8,6%. Сыновья дворянъ и чиновниковъ составляютъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 50,8% общаго числа учениковъ, а въ реальныхъ училищахъ 46,4. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ напечатанныхъ доселѣ извлеченіяхъ подобныхъ свѣдѣній о студентахъ нашихъ университетовъ. Не сообщено даже свѣдѣній о томъ, какое число учащихся поступило вновь въ университеты изъ гимназій, духовныхъ семинарій и другихъ училищъ. Свѣдѣнія эти прежде печатались, и изъ нихъ оказывалось, что университеты въ послѣдніе года болѣе и болѣе пополнялись посредствомъ льготнаго допущенія въ нихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Не знаемъ, удержался ли этотъ фактъ и въ 1876 году. Если же онъ удержался, въ такомъ случаѣ было бы ясно, что выражаемая нынѣшнимъ отчетомъ надежда, что число студентовъ не будетъ уменьшаться, можетъ осуществиться и независимо отъ ожиданія, что гимназій, „вступивъ на твердый путь, будутъ доставлять обильное число“ молодыхъ людей университетамъ.

Относительно преподаванія въ гимназіяхъ главнѣйшихъ предметовъ ихъ курса—древнихъ языковъ, мы должны привести, повторяемаго отчетомъ, замѣчательныя мнѣнія двухъ попечителей. Одинъ изъ нихъ (князь Мещерскій) говорилъ въ своемъ отчетѣ по московскому округу, что „древніе языки поставлены были прежде краугольнымъ камнемъ школы, но, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, низведены потомъ въ разрядъ совершенно второстепенныхъ предметовъ и только терпѣлись въ гимназіяхъ. Поэтому, не малаго труда стоило возвратитъ имъ подобающее мѣсто“ и т. д. При всемъ нашемъ убѣжденіи, что лицо, стоящее во главѣ учебнаго округа, должно быть связано долговременнымъ опытомъ съ ходомъ преподаванія въ нашихъ

училищахъ, а потому и можетъ компетентно судить о той или другой учебной системѣ,—мы должны оговориться, что не могли понять о какомъ времени говорить князь Мещерскій; когда это было, чтобы древніе языки въ нашихъ гимназіяхъ низведены были въ разрядъ совершенно второстепенныхъ предметовъ (напр., рисованія и чистописанія?) и *только терлись*? Быть можетъ, сами авторы отчета узнали впервые отъ почтеннаго попечителя объ этомъ историческомъ фактѣ и занесли его въ свой отчетъ, какъ цѣнное указаніе. Труднѣе допустить, что, наоборотъ, князь Мещерскій узналъ объ этомъ фактѣ отъ авторовъ отчета; потому что въ такомъ случаѣ, для чего же онъ сталъ бы вновь увѣдомлять объ этомъ фактѣ ихъ?

Но оставимъ споръ о томъ, что было; взглянемъ на то, что есть. Другой попечитель (не приведено имени) отзывается такъ: „едва ли можно согласиться, чтобы родители учениковъ и мѣстное общество вполне сознавали основательность современнаго гимназическаго воспитанія и пользу изученія древнихъ языковъ; но прежде ихъ недоброжелательство и ропотъ перешли въ уваженіе и слѣдное довѣріе къ школѣ *съ виду удачныхъ результатовъ*; они убѣдились, что изученіе древнихъ языковъ для ихъ дѣтей и питомцевъ далеко не такъ затруднительно, какъ предполагали“.

Удачные результаты можно понимать въ смыслѣ безотносительномъ или въ смыслѣ относительномъ. Въ первомъ смыслѣ разувѣются удачные результаты самаго хода изученія древнихъ языковъ и его вліянія на развитіе ума учениковъ. Но такъ какъ попечитель прямо выражаетъ сомнѣніе, чтобы общество сознало основательность современнаго гимназическаго воспитанія и пользу изученія древнихъ языковъ, то онъ, конечно, разумѣетъ „удачные результаты“ не въ этомъ смыслѣ. Да, впрочемъ, самые успѣхи изученія тотъ же попечитель охарактеризовалъ далѣе только слѣдующими словами: „очень многіе гимназисты свободно разбираютъ писателей“. Это — „очень многіе“ еще не представляетъ многого. Изученіе древнихъ языковъ остается совершенно безъ результата для большинства учениковъ, если именно большинство (а не „очень многіе“) не научается свободно разбирать древнихъ писателей. Итакъ, удачные результаты, въ приведенномъ отзывѣ, и разувѣются въ томъ относительномъ смыслѣ, что родители убѣдились въ меньшей затруднительности изученія дѣтьми древнихъ языковъ, чѣмъ та, какую они предполагали. Но здѣсь приходится опять справиться съ статистикой. Изъ числа около 50 тысячъ учениковъ гимназій и прогимназій въ 1876 году было уволено по разнымъ причинамъ 2,466 человекъ, да 3,481 чел. оставили гимназіи по доброй волѣ (сверхъ тѣхъ, которые умерли или перешли изъ одной гимназіи въ другую). Эти двѣ цифры въ сложности со-

ставляютъ почти восьмую долю всего числа учениковъ гимназій и прогимназій (5,947 на 50 т.). Такой результатъ не можетъ не поддерживать въ родителяхъ убѣжденія, что изученіе древнихъ языковъ все-таки сопряжено съ затруднительностью. Но если они люди разсудительные, то понимаютъ, конечно, что затруднительность ученья еще не должна лишать школу ихъ уваженія; странно было бы только, еслибы они именно стали питать къ ней *смысл* довѣріе: вѣдь только путемъ рассужденій и объясненій (напр., чтеніемъ программъ и отчета) они и могутъ удовлетворительно истолковать себѣ удачный ходъ дѣла, несмотря на значительный процентъ учениковъ ежегодно оставляющихъ гимназіи.

Объявленіе новаго внутренняго займа въ 300 м. р. — вотъ одинъ изъ главныхъ фактовъ, которыми ознаменовался истекшій мѣсяцъ.

Условія новаго займа — 5 процентовъ при подписной цѣнѣ въ 93 за 100 р.; онъ названъ „вторымъ восточнымъ“ займомъ. Цѣна первому восточному займу на петербургской биржѣ въ день, когда состоялся указъ о новомъ займѣ (11 августа), была 95 $\frac{1}{4}$ р. за сто и 952 $\frac{1}{2}$ р. за тысячную облигацію, а за 50-ти рублевую — 46 р. 75 к. (т.-е. по 93 $\frac{1}{2}$ р. за сто). Пятидесятирублевыхъ облигацій во второмъ восточномъ займѣ не полагается; итакъ, подписная его цѣна составляетъ 2 руб. 25 к. уступки противъ биржевой цѣны одноименныхъ облигацій перваго займа. Въ то же время 5% банковые билеты разныхъ выпусковъ держались на биржѣ въ цѣнахъ отъ 96 $\frac{1}{2}$ до 97 $\frac{1}{2}$. Итакъ, можно предположить, что подписная цѣна нынѣшняго займа будетъ достаточно привлекательна для публики.

Появленіе новаго займа было неизбежно, хотя оно и сопряжено съ обычнымъ неудобствомъ поглощенія государствомъ капиталовъ, которые могли, съ наступленіемъ мира, обратиться, наконецъ, къ оживленію промышленной предпримчивости, которая находится въ застоѣ уже третій годъ. Правда, нѣкоторыя отрасли ея почувствовали оживленіе вслѣдствіе возвышенія таможеннаго покровительства въ видѣ золотой пошлины. Но это оживленіе было искусственнымъ и убыточнымъ для страны въ томъ смыслѣ, что оно отражалось не въ удешевленіи, но во вздорожаніи продуктовъ фабрикаціи, т.-е. не увеличивало количества потребленія, не дѣлало фабричные продукты болѣе доступными массѣ населенія, а возвышало сумму, платимую прежними потребителями фабрикантамъ, значить представляло просто налогъ на потребителей, какъ всякая мѣра, имѣющая протекціонистскій характеръ.

Министерство финансовъ, имѣя въ виду наплывъ частныхъ вкладовъ въ банкахъ и сравнительно высокія биржевыя цѣны фондовъ,

могло предпочесть новый внутренній заемъ вышнему, особенно въ виду затрудненій, встрѣченныхъ при реализаціи послѣдняго вышнего займа. Оно могло бы имѣть въ виду еще цѣль экономическую — поглотить въ новый заемъ значительную часть тѣхъ 400 миллионовъ новыхъ бумажныхъ денегъ, которыя были вновь выпущены со времени объявленія войны. Въ такомъ случаѣ экономическими послѣдствіями новаго займа на столь значительную сумму и могли бы быть: нѣкоторое возвышеніе цѣны кредитнаго рубля и за нимъ—нѣкоторое паденіе цѣны фондовъ вообще, искусственно поднятыхъ паденіемъ валюты. Финансовыми же результатами были бы: во-первыхъ, доставленіе государственному казначейству наличныхъ суммъ, необходимыхъ при удовлетвореніи расходовъ на новое передвиженіе войскъ и счетовъ военнаго времени; во-вторыхъ, возвышеніе дѣйствительной цѣнности бюджетныхъ поступленій, вслѣдствіе поддержанія бумажной валюты, въ которой подати и акцизы взимаются; въ-третьихъ, увеличеніе на 15 миллионовъ рублей ежегоднаго расхода по системѣ государственнаго кредита, на уплату процентовъ новаго займа.

Это послѣднее обстоятельство, конечно, неблагоприятно. Но оно все-таки могло бы быть менѣе неблагоприятно, чѣмъ неопредѣленное пониженіе всей цѣнности бюджетныхъ доходовъ отъ паденія кредитнаго рубля. Новый расходъ по системѣ кредита, вызываемый займомъ въ 300 м. р., собственно на платежъ процентовъ составляетъ 15 м. р. Но предположимъ только, что, вслѣдствіе поглощенія этимъ займомъ примѣрно четверти нашего бумажнаго обращенія, цѣнность кредитнаго рубля, вмѣсто нынѣшнихъ 64¼ мет. коп. (при цѣнѣ полуимперіала 7 руб. 94 коп. кред.), возвысилась бы всего на 4½ мет. коп. Посмотримъ, какъ это небольшое повышение сказалось бы въ возвышеніи цѣнности бюджетныхъ доходовъ. Сумма обыкновенныхъ доходовъ въ бюджетѣ 1878 года опредѣлена въ 538 м. р.; исключивъ изъ нея примѣрно 50 милл., въ кредитныхъ рубляхъ, таможеннаго поступленія (дѣйствительная сумма 1877 г.) получаемъ цифру 488 милл. р. податей и акцизовъ, поступающихъ въ бумагѣ. Возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля на 4½ мет. копѣйки, рассчитанное на эту цифру, составило бы 21 м. 960 т. р. металлическихъ. Такимъ образомъ, обременивъ себя 15 м. кредитныхъ рублей лишняго расхода по займу, мы получили бы лишнихъ почти 22 милл. металлическихъ рублей на податяхъ и акцизахъ, или, что то же, сберегли бы эти 22 милл. мет. р. на расходахъ по поставкамъ и подрядамъ для казны. Расходъ на погашеніе займа мы не принимаемъ въ расчетъ, такъ какъ онъ постепенно уменьшаетъ сумму займа.

Само собой разумѣется, что указанное выше явленіе могло бы ска-

заться только въ такомъ случаѣ, если бы казна, получивъ бумажныхъ денегъ на 300 милл. рублей займа (точнѣе на 279 м. р.), все это количество извѣла бы изъ обращенія, по крайней мѣрѣ, на годъ. Такого могло бы быть только назначеніе займа, сдѣланнаго специально съ цѣлью погашенія четверти бумажнаго обращенія. Мы видимъ, что даже въ смыслѣ бюджетномъ это была бы операція выгодная. Но нынѣшній заемъ заключается прежде всего съ цѣлью полученія наличныхъ средствъ для окончанія военныхъ расходовъ. Итакъ, большая часть добытыхъ 300 м. р. бумажныхъ денегъ тотчасъ же возвратится на рынокъ въ видѣ уплаты за перевозку войскъ, за поставки, въ видѣ покупокъ иностранныхъ траттъ для оставшихся расходовъ военной оккупации въ Болгаріи и т. д. Стало-быть и возвышенія цѣнности кредитнаго рубля въ такомъ размѣрѣ, какъ $4\frac{1}{2}$ мет. коп., и таковой бюджетной отсюда выгоды, какъ сбереженіе 22 милл. мет. руб., ожидать невозможно. Но вѣдь мы и сравниваемъ эту послѣднюю цифру съ цифрой новаго расхода, расхода на проценты по займу, т.-е. съ 15 м. р. А этотъ послѣдній расходъ вдвое менѣе предполагаемаго нами сбереженія (22 м. р. мет. равны по нынѣшнему курсу 32 м. руб. кред.). Допустимъ, что изъ 300 м. р., добытыхъ новымъ займомъ, только половина пошла бы на расходы, а остальная была бы употреблена на сокращеніе бумажно-денежнаго обращенія,—сокращеніе его, стало-быть, уже не на четверть, а только на восьмую долю нынѣшней цифры. Въ такомъ предположеніи цѣнность кредитнаго рубля могла бы возрасти всего на $2\frac{1}{4}$ мет. коп. Но уже и это доставило бы приращеніе въ цѣнности поступления податей и акцизовъ на 16 м. р. кред., т.-е. на сумму, все еще превышающую 15 милл. р. кред. расхода по новому займу.

Сомнительно, однако, чтобы и половина количества бумажныхъ денегъ, полученныхъ въ обмѣнъ займа, была предназначена къ извѣтнѣю изъ обращенія. Иначе о такой, весьма популярной цѣли навѣрное было бы упомянуто въ объявленіи государственнаго банка о займѣ. Въ объявленіи же этомъ сказано только, что новый заемъ заключается „для преподанія государственному казначейству средствъ къ покрытію чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ прошлой войной“. Правда, въ строгомъ смыслѣ, и погашеніе части громаднхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ во время войны могло бы разумѣться въ словахъ: „къ покрытію расходовъ, вызванныхъ войною“. Дѣйствительно, что такое представляетъ выпускъ бумажныхъ денегъ сверхъ потребности въ нихъ рынка? Онъ означаетъ только позаймствованіе текущаго бюджета на счетъ бюджетовъ ближайшихъ годовъ; это, въ нѣкоторомъ смыслѣ, авансъ, дѣлаемый въ предположеніи возврата. Но такъ какъ объявленіе не выражается яснѣе, то нельзя и на-

дѣяться, что доля займа будетъ употреблена на погашеніе хоть части послѣднихъ выпусковъ бумажекъ.

Но приведенный выше расчетъ и сдѣланъ только съ той цѣлью, чтобы наглядно показать необходимость рѣшительной мѣры по отношенію къ нашему бумажно-денежному обращенію. Дальнѣйшихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ не должно быть, и, вслѣдъ за нынѣшнимъ займомъ, необходимо было бы заключить другой, хотя бы въ половинномъ размѣрѣ, для охраненія нашихъ бюджетныхъ поступленій отъ дальнѣйшаго обезцѣненія и для возвышенія, наоборотъ, ихъ цѣнности. Иначе мы продолжали бы хозяйничать въ настоящемъ въ ущербъ будущему даже ближайшему, и никакое установленіе новыхъ налоговъ не охранило бы равновѣсія въ финансахъ, такъ какъ самая производительность новыхъ налоговъ нейтрализовалась бы дальнѣйшимъ обезцѣненіемъ всего налогового поступленія.

Такъ, напр., податная коммиссія ожидаетъ отъ проектированнаго ею разряднаго налога 17-тъ м. р. кред. Но что же значить эта сумма въ сравненіи съ обезцѣненіемъ всей массы бюджетныхъ поступленій? Мы только-что видѣли, что достаточно кредитному рублю упасть всего на $2\frac{1}{4}$ коп. мет., чтобы казна лишилась 16 м. р. кред., т.-е. почти всей той суммы, для добытія которой былъ бы введенъ тягостнѣйшій изъ всѣхъ видовъ налога.

Такъ какъ, по предположенію самой коммиссіи, разрядный налогъ, за покрытіемъ издержекъ взиманія (которые слѣдуетъ исключить изъ его валового итога—17 м. 400 т. р.), даетъ казнѣ—15 м. 950 т. р., то, если бы онъ былъ введенъ теперь, его можно бы разсматривать, пожалуй, какъ спеціальныи налогъ на платежъ процентовъ и по второму восточному займу. Но вѣдъ занято казною, подъ проценты, со времени мобилизаціи еще 400 м. р. Итакъ, 15-ти или 16-ти м. новаго налога далеко, недостаточно даже для покрытія новаго бюджетнаго расхода по системѣ кредита. Если бы при помощи проектированнаго податной коммиссіею на-скоро разряднаго налога, мы могли по-крайней-мѣрѣ выдти изъ нынѣшняго положенія, то, какъ ни тяжело пришлось бы многимъ отъ слишкомъ неравномѣрнаго обложенія, можно бы еще примириться съ этой непоспѣшной мѣрою. Но въ томъ-то и дѣло, что она не дастъ даже половины средствъ, нужныхъ для платежа процентовъ по новымъ займамъ, не говоря уже о погашеніи займовъ и объ обычномъ возрастаніи расходовъ, для покрытія котораго уже нельзя, въ виду опыта 1876 года, рассчитывать на равномѣрное возрастаніе доходовъ.

Стало-быть, проектированный разрядный налогъ является просто какъ первое пришедшее на мысль средство добыть „немножко де-

негѣ^а; это не есть тяжкая, но необходимая мѣра, которая выведетъ насъ изъ финансоваго положенія, созданнаго войною; это просто такъ себѣ — „одна изъ мѣръ“ изысканія новыхъ средствъ. Но при такомъ ограниченномъ значеніи введенія разряднаго налога, позволительно уже видѣть въ немъ прежде всего его внутреннія свойства, его тягость и нераціональность. Семь лѣтъ толковали у насъ о подоходномъ или разрядномъ налогѣ, разумѣя его какъ средство внести въ податную систему уравнительность, которой ей такъ не доставало. И вдругъ, разрядный налогъ является вовсе не для осуществленія уравнительности, но для увеличенія неуравнительности податнаго обложенія въ Россіи! Результатъ неожиданный, но и несомнѣнный. Подушные платежи не включены въ систему разряднаго налога; они остаются вѣдь ея, и въ прежнемъ размѣрѣ. Такимъ образомъ, мелкій торговецъ, отнесенный ко второму разряду, будетъ платить 1 рубль, между тѣмъ какъ на крестьянина будутъ тяготѣть всѣ тѣ подушные и земельные сборы, которые въ своей совокупности превышаютъ въ иныхъ мѣстахъ доходъ съ земли. Сельскій ростовщикъ не будетъ платить ничего; вѣдь онъ не нанимаетъ въ городѣ квартиры; между тѣмъ мелкій чиновникъ, и безъ того живущій впроголодь, будетъ уплачивать разрядный налогъ по цѣнѣ квартиры. Для него это будетъ не что иное, какъ вычетъ изъ жалованья. А при дороговизнѣ квартиръ въ нашихъ большихъ городахъ вычетъ этотъ будетъ такъ чувствителенъ, что казнь придется вскорѣ или остаться безъ мелкихъ чиновниковъ, или возвратить имъ всю сумму налога — прибавкою къ окладамъ жалованья. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ лицамъ, получающимъ опредѣленное жалованье или живущимъ по найму, придется выносить на себѣ всю тягость новаго налога. Промышленникъ и торговецъ тотчасъ освободятся отъ него, распредѣливъ его на своихъ потребителей, въ видѣ возвышенія цѣнъ на продаваемые продукты; оба еще выиграютъ при этомъ, такъ какъ надбавку сдѣлаютъ съ лихвою. Но лица, получающія опредѣленное содержаніе: чиновники, пенсіонеры, всѣ служащіе по найму, ни на что не могутъ перенести налога: они должны будутъ нести его полностью.

Являясь въ видѣ отдѣльной и послѣдней мѣры, разрядный налогъ, какъ уже сказано, оставляетъ въ силѣ прежнюю неуравнительность, но еще прибавляетъ къ ней новую. Крестьяне останутся наиболее тяжело-обложенными изъ всѣхъ сословій. Землевладѣльцы будутъ обложены вдвойнѣ: прежними поземельными налогами, государственными и земскими, и сверхъ того — разряднымъ. Промышленники и торговцы также будутъ обложены вдвойнѣ; но здѣсь надо имѣть въ виду ту разницу, что промышленники и купцы у насъ доселѣ не были обложены по суммѣ оборотовъ; налоги, падающіе на нихъ,

имѣють, въ сущности, личный и патентный характеръ. Такъ, гильдейскія пошлины, по принципу своему, будто бы рассчитаны на разность въ цифрѣ оборотовъ, но на самомъ дѣлѣ представляютъ скорѣе налогъ на званіе. Есть купцы второй и даже первой гильдіи, торгующіе на меньшую сумму, чѣмъ иные купцы третьей гильдіи. Да и въ одной гильдіи — разность оборотовъ совершенно неограниченна; она простирается отъ размѣра незначительнаго до миллионнаго. Затѣмъ, билеты на право торговли, сборъ съ мѣстъ промышленнаго производства или продажи есть скорѣе патентный сборъ, чѣмъ подоходный. Принципъ пропорціональности играетъ въ этихъ сборахъ нѣкоторую, но весьма второстепенную роль. Въ сущности, они представляютъ совокупность налога личного и патентной пошлины, а не подоходнаго налога. Итакъ, установленіе разрядовъ представить первое обложеніе промышленниковъ и торговцевъ пропорціонально предполагаемому ихъ капиталу или доходу, между тѣмъ какъ землевладѣльцы и владѣльцы недвижимыхъ имуществъ въ городахъ уже въ настоящее время несли именно земельные налоги, т. е. налоги, прямо пропорціональные имуществу или доходу. Значитъ, для нихъ обложеніе разрядное представится вторымъ обложеніемъ по предполагаемому доходу, между тѣмъ какъ торговля сословія, подвергаясь пропорціональному обложенію впервые, будутъ нести его одиножды.

Мало того. Одной изъ главныхъ цѣлей установленія у насъ подоходнаго налога должно было бы быть привлеченіе движимаго капитала къ участию въ расходахъ государства, такъ какъ гербовый сборъ представляетъ слишкомъ незначительное обложеніе торговли цѣнностями въ обширномъ смыслѣ. Что же дѣлаетъ проектъ разряднаго налога для этой цѣли? Онъ облагаетъ капиталиста на основаніи его квартирной платы, какъ работниковъ такъ-называемыхъ „свободныхъ профессій“. Что касается акціонерныхъ обществъ, къ которымъ принадлежатъ желѣзнодорожныя и банковыя компаніи, то проектъ ожидаетъ отъ нихъ налога менѣе чѣмъ въ 1 милл., между тѣмъ какъ отъ казенныхъ чиновниковъ и служащихъ тѣмъ же компаніямъ онъ ожидаетъ поступления втрое большаго. Уже одни эти сооставленія показываютъ, насколько размѣры налога придуманы раціонально. Въ общемъ результатѣ, если бы онъ былъ примѣненъ въ такомъ видѣ какъ проектированъ, оказалось бы, что наибольшей тяжести подверглись бы, конечно, тѣ лица, чье имущество или профессиональный доходъ наиболѣе опредѣленны, а именно: землевладѣльцы и домовладѣльцы въ городахъ, чиновники и вообще служащіе, законцы, пенсіонеры. А между тѣмъ это именно тѣ лица, которые и доселѣ или были обложены безъ всякаго сравненія выше, чѣмъ вла-

дѣльцы движимаго капитала, или получаютъ жалованье, которое просто подвергнется вычету; наконецъ, это имѣютъ тѣ лица, которые наименѣе могутъ перенести налогъ на потребителей: служащимъ не на кого его переносить, землевладѣльцы не вольны въ установленіи цѣнъ на свои продукты, такъ какъ цѣна хлѣба опредѣляется прежде всего урожаемъ, а затѣмъ спросомъ за-границу, т.-е. опять-таки степенью урожая за-границей; наконецъ, домовладѣльцы въ городахъ могутъ повышать цѣну на квартиры только до извѣстной нормы, которая опредѣляется численностью населенія.

Все это приводитъ насъ къ тому, что полезнѣе вовсе не вводить разряднаго налога, чѣмъ вводить его въ такомъ видѣ. Для доставленія казнѣ 15—17 милліоновъ, которые составляютъ сумму процентовъ всего по одному займу, нераціонально вводить такой налогъ, который ничего не уравниваетъ, а только внесетъ въ нашу неравномѣрную систему налогомъ окончательную путаницу, установляя для однихъ обложеніе двойное, а другихъ оставляя съ обложеніемъ призрачнымъ.

Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать существенную оговорку. Мы вовсе не задаемся мечтою, что преобразование податной системы могло бы снять недружное податное бремя съ „податныхъ сословій“ и перенести его цѣлкомъ на классы состоятельныя. Если взять всѣ подушныя платежи въ Россіи, то они составятъ до 200 милл. рублей, а такой суммы не могутъ дать, при наивысшемъ размѣрѣ обложенія, наша промышленность, торговля, недвижимыя имущества, движимыя капиталы и профессиональный трудъ. Мы уже не разъ замѣчали, что такъ какъ Россія богата только численностью населенія, то, по необходимости, главнымъ источникомъ дохода въ нашей системѣ все-таки будетъ личный трудъ. Вотъ почему мы всегда утверждали, что при преобразованіи податной системы, на основаніи подоходнаго налога, у насъ невозможно установить такого минимума дохода, который освобождалъ бы рабочіе классы отъ прямого налога. Подушная подать могла бы называться высшею степенью разряднаго или подоходнаго налога, но она была бы налогомъ на трудъ, съ чего бы она ни исчислялась: съ ревизской дунш, какъ теперь, или съ земли, или со двора. Но вѣдь сущность дѣла заключается не въ наименованіи, а въ размѣрѣ обложенія. Если допустить, что при примѣненіи болѣе точныхъ признаковъ для разряднаго обложенія, чѣмъ квартира, классы состоятельныя могли бы дать казнѣ 20 милл. въ годъ, то изъ этого слѣдовало бы, что сумма налога на ручной трудъ (нынѣшніе подушныя сборы) могла бы быть уменьшена на эту сумму. Если разрядный доходъ съ состоятельныхъ классовъ могъ бы дать только 10 милл., то настолько же слѣдовало бы уменьшить нынѣшнюю подушную данность. При этомъ, конечной цѣлью преобразованія

должно бы служить полное уравненіе, то-есть то, чтобы ни одинъ классъ, въ общей суммѣ уплачиваемыхъ прямыхъ налоговъ, не былъ обложенъ, по отношенію къ своему предполагаемому доходу, выше другого. Такимъ образомъ, если торговецъ, получающій примѣрно 3 тыс. чистаго дохода въ годъ, платилъ бы, въ совокупности, налоговъ на право торговли съ налогомъ разряднымъ 300 рублей, то крестьянинъ, получающій въ годъ примѣрно 150 рублей чистаго дохода, не платилъ бы болѣе 15 рублей. Это, конечно, только идеаль, и, говоря такъ, мы разумѣемъ не невозможность точнаго сообразованія суммы налога съ дѣйствительнымъ доходомъ каждаго лица, но еще очень вѣроятную невозможность понизить теперь же низшую степень разряднаго налога — налогъ на ручной трудъ до такой нормы, чтобы онъ не бралъ у крестьянина нѣсколько болѣшую часть чистаго дохода, чѣмъ у торговца. Но весь вопросъ и представляется степенью этого „нѣсколько“. Уравнительность должна быть по-возможности болѣшая, — по-возможности, то-есть насколько состоятельные классы въ Россіи дѣйствительно могутъ облегчать платежное бремя, падающее на ручной трудъ. Но всякъ согласится, что система, нынѣ существующая, не имѣетъ ничего общаго и съ этимъ скромнымъ, но вполне осуществимымъ желаніемъ, — желаніемъ, которое должно бы стать основнымъ принципомъ для всей камеральной дѣятельности, если она хочетъ устранить обѣднѣніе массы, громадное накопленіе недоимокъ въ будущемъ и окончательный упадокъ крестьянскаго хозяйства. Крестьянство, въ цѣлыхъ полосахъ имперіи, платитъ почти весь, весь или еще весь слишкомъ, свой доходъ съ земли, такъ что даже при постороннемъ заработкѣ весь трудъ крестьянина поглощается уплатою податей и прокормленіемъ (котораго часто не достаетъ), а между тѣмъ существуютъ цѣлыя категоріи людей, которые несутъ обложеніе совершенно ничтожное въ сравненіи съ ихъ доходами. Если при болѣе справедливомъ обложеніи послѣднихъ, это могло бы повести къ снятію съ крестьянъ одной десятой, а можетъ быть и одной пятой ихъ платежнаго бремени — то это былъ бы такой результатъ для улучшенія хозяйства, уменьшенія недоимокъ, увеличенія потребленія, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ принесъ бы сложные проценты и для самаго бюджета представилъ бы такое возвышеніе въ поступленіи налоговъ прямыхъ и косвенныхъ, что въ сравненіи съ нимъ 15 — 17 милл. рублей, ожидаемыхъ отъ разряднаго, неуравнительнаго налога, были бы незначительны.

Даже по отношенію къ налогамъ косвеннымъ въ Россіи представляется та же печальная необходимость — рассчитывать налоги главнымъ образомъ на число душъ, то-есть на ручной трудъ. Косвенный налогъ, то-есть налогъ на потребленіе, обращается въ на-

логъ на личный трудъ тогда, когда представляетъ собою налогъ на потребление рабочей массы. А таковъ у насъ именно характеръ косвенныхъ налоговъ въ ихъ совокупности. Главный изъ нашихъ косвенныхъ налоговъ — акцизно-нотейный, есть въ сущности налогъ на ручной трудъ, существующій въдобавокъ къ подушнымъ платежамъ, такъ что большая половина бюджета доходовъ представляется налогами на личный трудъ. Независимо отъ неуравнительности, существующей въ такой системѣ, которая возлагаетъ подушные платежи на одни сословія, освобождая отъ нихъ другія, является еще неуравнительность въ самыхъ косвенныхъ налогахъ. Такъ, чтобы сравнивать предметы однородные, — посмотрите, до какой степени чаря водки, потребляемая крестьянниномъ, обложена выше, по цѣнности продукта, чѣмъ стаканъ вина, потребляемый русскимъ джентльменомъ. Цѣнность французскаго вина, привозимаго въ Россію, складывается изъ цѣны его производства, съ барышномъ вынодѣла и комисіонера и изъ провозной платы. Отношеніе таможенной пошлины къ этой цѣнности будетъ зависеть отъ достоинства вина. Но допустимъ, что пошлина по цѣнности вина очень высока, что она составляетъ 30, даже 50 процентовъ этой цѣнности, все-таки это незначительно въ сравненіи съ обложеніемъ крестьянскаго полушара, котораго цѣнность составляетъ отъ 1 до 2 рублей за ведро, и который обложенъ акцизомъ въ 7 рублей съ ведра, то-есть въ 350 — 700 процентовъ цѣнности.

Отчего же это происходитъ, отчего налогъ на потребление крестьянъ такъ громаденъ? Отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, людей, ннѣющихъ средства пить иностранное вино въ Россіи — ничтожное число, сравнительно съ числомъ населенія и съ потребностями бюджета; во-вторыхъ, рабочая масса находится на такомъ низкомъ экономическомъ уровнѣ, что, кромѣ продуктовъ своей земли и спирта, которые и обложены до невозможности, она почти ничего не потребляетъ, что могло бы служить важнымъ предметомъ обложенія. Сюда слѣдуетъ еще прибавить соль и чай, доступный для крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Вотъ откуда происходитъ то, что нттейно-акцизный сборъ, который въ иныхъ странахъ играетъ роль хотя и значительную, но въ ряду иныхъ, неуступающихъ ему источниковъ дохода, въ нашемъ бюджетѣ играетъ роль преобладающую.

Если перейдемъ къ другому косвенному налогу — таможенной пошлинѣ, то даже и здѣсь увидимъ нѣкоторое отраженіе того же явленія. Такъ, около четверти всей суммы полученныхъ сборовъ составляетъ одною статьею — чаемъ. Полагая, что въ тѣхъ 11½ миллион. рублей, которые получаетъ казна съ привознаго чая, высшіе

сорты играют незначительную роль, а главная принадлежит народному потреблению, то-есть ложится опять-таки на ручной трудъ.

Ручной трудъ, въ дѣйствительности, является главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ Россіи, подъ разными наименованіями, и измѣнить этого вполне нельзя до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся основныя условія нашего экономическаго быта. Эти условія слѣдующія: низкій экономическій уровень массы народа и зависящая отъ него ограниченность ея потребления; слабость промышленности и торговыхъ оборотовъ и незначительный процентъ людей состоятельныхъ, малый процентъ людей могущихъ позволить себѣ какой-либо комфортъ.

Изъ этого какъ-бы слѣдуетъ, что наша податная политика осуждена вращаться въ замкнутномъ кругѣ: главную тяжесть налоговъ приходится оставлять на рабочей массѣ, потому что слабы всѣ источники государственнаго дохода, кромѣ того, который представляется личнымъ трудомъ. А вслѣдствіе тяжести обложенія, на нее падающей, рабочая масса остается на низкомъ экономическомъ уровнѣ, положеніе ея не улучшается, въ то время, какъ расходы государства постоянно растутъ. Спрашивается, съ кого же брать новыя средства?

И вотъ при такой постановкѣ вопроса и выясняется, что серьезное возвышеніе государственныхъ доходовъ, въ дѣйствительности, останется невозможно безъ такого пересмотра всей системы податей, который основался бы на принципѣ,—что, прежде чѣмъ жать, надо посеять. Десятая, а по возможности пятая часть подушныхъ платежей должны быть сняты съ крестьянъ и перенесены на другія сословія, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ послѣднія могутъ вынести обложенія. Будетъ ли это сдѣлано въ видѣ подоходнаго или разряднаго налоговъ, или же въ видѣ уменьшенія подушныхъ платежей (съ сохраненіемъ ихъ), и установленія нѣсколькихъ новыхъ налоговъ, спеціально направленныхъ къ обложенію торговыхъ оборотовъ, акціонерныхъ обществъ, торговли цѣнными бумагами и биржевыхъ сделокъ—это другой вопросъ, вопросъ болѣе спеціальныи. Но главное все-таки въ томъ, чтобы крестьяне были облегчены, а прочія категоріи плательщиковъ были обложены не номинально, а дѣйствительно, не вмѣстѣ и уравнительно, то-есть такъ, чтобы на каждомъ совокупность всѣхъ платимыхъ имъ налоговъ представляла одно и то же отношеніе къ предполагаемому его доходу.

Тамъ же тогда, когда это будетъ сдѣлано, положеніе дѣлъ начнетъ поправляться въ самомъ корнѣ и начнется прочное, серьезное возрастаніе доходовъ, вслѣдствіе уменьшенія недоимокъ, возвышенія производительности и потребления. Въ наше время всѣ согласны,

что основаніемъ богатства страны является трудъ; но можетъ ли возникнуть накопленіе богатства тамъ, гдѣ трудъ поставленъ въ условія невозможныя, гдѣ рабочая масса сама не дѣлаетъ, а переплачиваетъ навѣ все остальное, какъ-бы за право существованія. Дѣтъхъ же поръ, пока это не сдѣлано, всякія отдѣльныя измѣненія новыхъ налоговъ, какъ бы они ни назывались: поразрядными или иначе, будутъ не что иное, какъ такъ называемыя эстичен — средства *roug boucher les trous*, по французскому выраженію. О правильности и уравнительности ихъ не можетъ быть и рѣчи; съ одного возьмутъ вдвое, а съ другого ничего, или почти ничего, лишь бы оказался лишній десятокъ милліоновъ.

Таковъ отчасти устанавливающійся янѣ, повидимому, взглядъ на удержаніе золотой пошлины. Съ ней мирятся; мѣра, названная временною, повидимому, будѣтъ сохранена и по окончаніи войны на неопредѣленное время. Протекціонисты торжествуютъ, и въ самомъ дѣлѣ, какая благодать для фабрикантовъ! Уже самое паденіе нашего курса составляетъ для нихъ премію, а сверхъ того, золотая пошлина еще возвысила прежнее покровительство на 30 — 50 процентовъ. Переплачивая очень мало на нужныхъ имъ для производства матеріалахъ, обложенныхъ низкою, они получаютъ съ потребителемъ переплату очень большую, такъ какъ ввозимые фабричныя и заводскіе продукты обложены высокою пошлиною, такъ что возвышеніе ея вновь на 30 — 50 процентовъ удерживаетъ иностранный товаръ и заставляетъ брать внутреннее издѣліе, также возвышеніе въ цѣнѣ, но въ меньшемъ размѣрѣ.

Недавно въ одной русской газетѣ мы прочли оворенженіе слуха, будто предстоятъ пониженія нашего тарифа въ угоду Германіи; газета замѣчала, что Германія своимъ поведеніемъ на конгрессѣ вовсе не заслужила подобной уступки со стороны Россіи. Но не слѣдовало ли бы намъ сдѣлать нѣкоторыхъ уступокъ самимъ себѣ — вотъ что спрашивается? Если золотая пошлина будетъ въ самомъ дѣлѣ удержана, то непремѣнно слѣдуетъ пересмотрѣть таможенный тарифъ, такъ какъ этотъ новый элементъ совершенно измѣняетъ прежнія условія покровительства, во вредъ русскому потребленію. Фабрикантъ выигрываетъ и на курсѣ, и на золотой пошлинѣ, а потребитель на томъ и на другомъ терзаетъ. Пошлина на одинъ товаръ, бывшая прежде только „покровительственною“, теперь обратилась въ „запретительную“. Между тѣмъ, таможенныя пошлины были переложены на золото вовсе не съ цѣлью усиленія покровительства, а единственно съ цѣлью доставленія навѣ 50-ти милліоновъ рублей въ металлъ, вмѣсто покупки иностранныхъ тратъ, которая возвышалась

ихъ цѣну, то-есть ромла курсъ. Но вѣдь возвращеніе къ прежнимъ размѣрамъ обложенія, по нѣкоторымъ предметамъ, могло бы нисколько не уменьшить получаемаго казною отъ таможенъ металла, такъ какъ послѣдствіемъ такого пониженія до прежняго уровня явилось бы усиленіе ввоза.

Въ другой русской газетѣ, мы прочли сочувственную замѣтку относительно приписываемаго министерству финансовъ намѣренія удержать золотую пошлину. Въ смыслѣ главныхъ аргументовъ, въ этой замѣткѣ указывались факты: что въ теченіи семи первыхъ мѣсяцевъ текущаго года въ Россію привезено цѣнныхъ металловъ болѣе, чѣмъ вывезено на около $\frac{1}{2}$ милл. р.; что до золотой пошлины, въ 1876 году, за тотъ же періодъ было ввезено въ Россію цѣнныхъ металловъ на 2 с лишкомъ милліона, а. вывезено на 71 с лишкомъ милліоновъ; наконецъ, что за тотъ же періодъ нынѣшняго года таможенныхъ сборовъ поступило въ кредитныхъ рубляхъ на около 34 м. р., т.-е. на около 19 м. р. болѣе, чѣмъ въ 1877 г. и на с лишкомъ $5\frac{1}{2}$ м. р. болѣе, чѣмъ въ 1876 году. Замѣтка прибавляетъ, что „цифры составляютъ такую аргументацію, противъ которой никакой споръ невозможенъ“. Мы должны, однако, сдѣлать нѣсколько замѣчаній о свойствѣ самыхъ цифръ. Сравнительныя количества ввоза и вывоза цѣнныхъ металловъ въ Россіи въ значительной степени зависятъ отъ тѣхъ приемовъ, какими наше казначейство удовлетворяетъ свои платежи за границу. Въ началѣ 1878 года, въ его распоряженіи за границею были суммы новаго внѣшняго займа, а въ началѣ 1877 года внѣшняго займа не было. Далѣе. Сравненіе вывоза цѣнныхъ металловъ изъ Россіи въ 7 мѣсяцевъ 1876 года съ нынѣшнимъ или прошлогоднимъ невозможно по той причинѣ, что въ 1876 году совершалась извѣстная операція поддержки курсовъ изъ металлическаго фонда. Итакъ, это сравненіе вовсе не идетъ къ вопросу о золотой пошлинѣ. Наконецъ, сравненіе суммы таможенныхъ сборовъ 34 м. р. за 7 мѣсяцевъ 1878 г. съ 19 м. р. за 7 мѣсяцевъ 1877 года также не доказательно, потому что, въ виду примѣненія золотой пошлины съ 1 января 1877 г., огромная часть пошлинъ (быть можетъ—на всю разницу 34 м. р. съ 19 м. р.) поступила въ концѣ 1876 года авансомъ, такъ какъ торговцы слѣшили очистить какъ можно большее количество товаровъ до примѣненія золотой пошлины. Сравненіе первой половины 1878 года въ отношеніи поступленія таможенныхъ сборовъ возможно только съ первой половиной 1876 года. Въ замѣткѣ сдѣлано и это сравненіе, но при немъ, по видимому, упущена изъ виду разность всесельныхъ курсовъ въ 1878 и въ 1876 году, хотя авторъ замѣтки самъ ссылается на низменность курсовъ въ началѣ нынѣшняго года, но приводитъ это въ

видѣ новаго подкрѣпленія своей аргументаціи. Дѣло въ томъ, что при переложеніи суммъ таможенныхъ поступленій на кредитные рубли, цифра выходитъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже курсъ кредитнаго рубля. Итакъ, повышеніе этой цифры за первые мѣсяцы 1878 года противъ того же періода 1876 г. на такую сумму, какъ $5\frac{1}{2}$ слишкомъ милліоновъ кред. рублей, въ извѣстной долѣ теряетъ свое значеніе, а можетъ быть и исчезаетъ, если принять въ расчетъ разность курсовъ.

Мы сдѣлали это замѣчаніе съ той цѣлью, чтобы не оставлять безъ возраженій учащающіяся заявленія нашихъ протекціонистовъ объ экономической и финансовой пользѣ золотой пошлины. Въ смыслѣ финансовомъ она могла представлять удобство, оправдываемое чрезвычайными обстоятельствами войны, но польза ея въ видѣ мѣры постоянной для самыхъ финансовъ далеко не доказана. Въ экономическомъ же смыслѣ она положительно вредна, такъ какъ налагаетъ гораздо бѣдшую тягость на потребителей, чѣмъ на производителей и гораздо больше требуетъ переплатъ отъ публики, чѣмъ приноситъ казнѣ лишняго дохода. Одно изъ двухъ, повторимъ мы: или отмяна золотой пошлины, или — какъ необходимое послѣдствіе ея удержанія — пересмотръ таможеннаго тарифа. Теперь, больше чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ озаботиться о поднятіи въ странѣ экономическихъ силъ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Германія велз себя во все время восточной войны весьма сдержанно, въ томъ смыслѣ, что вліяніе свое на ходъ дѣлъ она не только не выставила на-показъ, но, наоборотъ, старалась скрывать его. Тотъ государственный человѣкъ, чье слово имѣеть наиболѣе вѣса въ Европѣ, желалъ казаться только честнымъ маклеромъ, хотя не можетъ быть сомнѣнія, что роль его въ дѣйствительности была, по нѣмецкому выраженію, болѣе „субъективна“, чѣмъ роль маклера, и что многое сдѣлалось или не сдѣлалось именно подъ вліяніемъ взглядовъ князя Бисмарка. Въ уступчивости, обнаруженной Россію, остается много необъясненнаго, и историкъ берлинскаго конгресса будетъ искать объясненій этой уступчивости, между прочимъ, именно во взглядахъ германскаго канцлера.

Столица новой имперіи дала свое имя тому трактату, который создалъ новое положеніе дѣлъ на востокѣ. Трактатъ „парижскій“ замѣненъ трактатомъ „берлинскимъ“, и это могло быть лестно для тѣхъ германскихъ патриотовъ, которые остаются вѣрными князю Бисмарку и гордятся его успѣхами. Къ сожалѣнію, въ нынѣшнемъ году произошла въ Германіи — въ области политики внутренней — такая перемена, что довѣріе и уваженіе къ князю Бисмарку сдѣлались чувствами какой-то чисто-платонической привязанности. Ему удивляются всѣ, его уважаютъ очень многіе, но изъ цѣлой дюжины партій, существующихъ въ Германіи, не оказывается уже ни одной, которая могла бы быть названа правительственною, въ смыслѣ князя Бисмарка. Партіи: свободно-консервативная и германская консервативная, національно-либеральная и южно-демократическая, прогрессистская и ультрамонтанская, социалистская и вельфская, польская и датская, эльзасская-протестующая и эльзасская-автономистская — всѣ держатся нынѣ въ сторонѣ отъ Бисмарка и относятся къ нему прямо враждебно или же недовѣрчиво. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ партій представлены въ имперскомъ сеймѣ всего нѣсколькими депутатами; таковы въ особенности партіи партикуляристскія; датская партія имѣеть даже только одного представителя въ сеймѣ. Но въ странѣ за этими нѣсколькими представителями стоить многія сотни

тысячъ избирателей. За 9-ю социалистами-депутатами стоять полмилліона социалистовъ-избирателей.

Истекшая сессія имперскаго сейма уже началась подъ впечатлѣніемъ разлада между канцлеромъ и вѣрными ему до той поры національными либералами. Въ прошломъ году былъ такой „психологическій моментъ“, когда имперскому правительству уяснилось, что необходимо было или сдѣлать шагъ впередъ вмѣстѣ съ національными либералами, или отказаться отъ ихъ содѣйствія и найти иную для себя опору. Правительство разумѣло шагъ впередъ въ такомъ смыслѣ, чтобы назначить двухъ-трехъ членовъ національно-либеральной партіи министрами, но за эту цѣну приобрести уже безусловную преданность всей партіи, съ отреченіемъ ея отъ всякихъ новыхъ требованій въ духѣ парламентарномъ, по крайней мѣрѣ, на нынѣшнее царствованіе. Но переговоры по этому предмету не удались, частью по причинамъ личнымъ, — частью потому, что названная партія не сочла возможнымъ обѣщать своего содѣйствія безъ уступокъ болѣе существенныхъ, чѣмъ внесеніе двухъ-трехъ именъ въ списокъ прусскихъ министровъ.

Тогда, правительство вмѣсто шага впередъ, рука объ руку съ національными либералами, рѣшилось сдѣлать шагъ назадъ наперекоръ имъ. Покушеніе Гёделя дало поводъ къ составленію такого проекта закона, который былъ направленъ, новидимому, исключительно противъ социалистовъ, но на дѣлѣ долженъ былъ дать правительству новыя средства къ ограниченію права сходокъ и отчасти — печати. Какъ будто ограниченіе этихъ правъ представляетъ вѣрнѣйшую гарантію противъ появленія политическихъ фанатиковъ! Берлинская „Volkszeitung“ на-дняхъ указывала на покушеніе на жизнь генерала Трепова и убійство генерала Мезенцова и, перебирая всѣ обвиненія, пущенныя оффиціозной и консервативной берлинской прессой въ либерализмъ, спрашивала: возможно ли упомянутыя преступленія въ Россіи также отнести къ чрезмѣрной либеральности учреждений? Крайности парламентаризма, вредныя внушенія либеральной партіи, излишній демократизмъ избирательнаго закона, стѣсненіе свободной дѣятельности полиціи, излишняя свобода переселенія, ослабленіе паспортной системы, полная свобода права союзовъ и сходокъ, превеличенная свобода печати, гибельное преобладаніе реальныхъ наукъ, ослабленіе авторитета господствующей церкви — допущеніемъ религіозной свободы, — которымъ изъ этихъ золъ, спрашиваетъ „Volkszeitung“, можно было бы объяснить себѣ въ Россіи политическое изувѣрство, ведущее къ убійству, какъ его объяснили въ Пруссіи? И газета отвѣчаетъ, что ни однимъ изъ этихъ золъ, случаевъ бывшихъ въ Россіи объяснить нельзя, а стало быть нельзя

и видѣть надежное средство къ предупрежденію такихъ преступленій — въ ограниченіи политическихъ правъ. Та же газета ссылается еще на недавнюю рѣчь французскаго министра де-Марсера, и ставитъ ее въ поученіе министрамъ прусскимъ. Г. де-Марсеръ напоминалъ, что нигдѣ социалистскія покушенія на государственный строй не проявлялись съ такой силой, какъ именно во Франціи, но что мирный исходъ послѣднихъ стачекъ рабочихъ доказалъ значительное поднятіе ихъ умственнаго уровня. „Я могу сказать,—продолжалъ министр,—что ни въ одной странѣ міра (въ настоящее время) демагогическія страсти не преобладаютъ менѣе, чѣмъ во Франціи; нигдѣ должныя теоріи о перестройкѣ общества не находятъ такъ мало сочувствія, какъ во Франціи. Свобода и равноправность и представляютъ именно безошибочныя средства противъ тѣхъ болѣзней, которыя присущи быту человѣчества“. — „Volkszeitung“ прибавляетъ: „такія слова министра той страны, въ которой не разъ были предпринимаемы опыты спасенія (посредствомъ ограниченія разныхъ правъ) довольно непохожи на мудрыя сужденія нашихъ офиціозныхъ писателей“.

Первый проектъ ограничительнаго закона былъ отвергнутъ въ сеймѣ, 24 мая, огромнымъ большинствомъ, причемъ большая часть національныхъ либераловъ подала голоса противъ правительства, несмотря на то, что проектъ былъ составленъ подъ руководствомъ князя Бисмарка и что на сеймѣ въ пользу его подалъ голосъ графъ Мольтке. Таковъ былъ отвѣтъ на неудачу переговоровъ съ правительствомъ; разладъ между нимъ и національными либералами вступилъ въ „острый періодъ“. Зато же, какъ только покушеніе Ноблинга произвело на общество устрашающее впечатлѣніе, канцлеръ воспользовался этимъ, чтобы нанести ударъ своимъ прежнимъ союзникамъ: онъ распустилъ имперскій сеймъ.

Выборы происходили 18 (30) іюля, а чрезъ двѣ недѣли послѣ того—сдѣлался нѣвѣстнымъ текстъ новаго прусскаго проекта закона противъ социалистовъ. Затѣмъ, имперскій сеймъ былъ собранъ на 28 августа (9 сентября), а на 2 (14) августа—союзный совѣтъ, въ который и былъ внесенъ прусскимъ правительствомъ упомянутый проектъ имперскаго закона.

Если примѣнить къ Германіи и въ особенности—къ Пруссіи мѣрку настоящихъ парламентскихъ странъ, то слѣдуетъ признать, что страна по вопросу о законѣ противъ социалистовъ высказалась за кн. Бисмарка и противъ либераловъ. Правда, въ лицѣ многихъ новыхъ членовъ сейма, она прислала канцлеру такихъ союзниковъ, которые доселѣ были его врагами; но вѣдь иначе и быть не могло, такъ какъ отъ прежнихъ своихъ союзниковъ, національныхъ либераловъ, канцлеръ отвернулся и прусское правительство всѣми за-

конными средствами боролось противъ ихъ избранія вновь. Национальные либералы, сблизившіеся съ прогрессистами, поставили себѣ дѣлю на нынѣшнихъ выборахъ — провести въ сеймѣ всѣхъ своихъ прежнихъ представителей; имъ хотѣлось достигнуть этимъ путемъ того же результата, какой произвели послѣдніе общіе выборы во Франціи: измѣненіе системы 16 мая. Но они забывали, что вся ихъ дѣятельность, начиная съ 1871 года, и даже съ 1866 года, вовсе не давала имъ права на такой авторитетъ, какой приобрѣли во Франціи республиканцы. Никакой твердости въ охраненіи своихъ принциповъ національные либералы не оказали, никакой борьбы они не вынесли: ихъ роль сводилась къ роли партіи, бывшей въ милости у князя Бисмарка, пока она подчинялась ему въ существенныхъ вопросахъ, и забраванной имъ въ тотъ самый моментъ, когда она попробовала выдти изъ подчиненія. Вотъ почему избирательная агитація національных либераловъ нисколько не проявляла того энтузіазма, съ какимъ велась избирательная борьба французскими республиканцами. Наоборотъ, противники національных либераловъ: ультрамонтаны, строгіе консерваторы, партикуляристы и социалисты—вели дѣло съ гораздо бѣльшимъ одушевленіемъ, такъ какъ положеніе ихъ и ихъ девизы были вполне ясны: они были дѣйствительно оппозиціею, противниками правительства, между тѣмъ какъ національные либералы представляли собой только отставную правительственную партію.

Если разумѣть выборы въ смыслѣ собственно отвѣта на вопросъ, послужившій къ распущенію прежняго сейма, т.-е. на вопросъ объ ограничительныхъ мѣрахъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что правда и интересъ страны были теперь на сторонѣ національных либераловъ и прогрессистовъ, противниковъ тѣхъ мѣръ. Но неопредѣленность положенія первой изъ этихъ партій и вялость второй изъ нихъ лишали ихъ того авторитета, который необходимъ для успѣха. Сверхъ того, правительственное вліяніе на выборы, хотя и не выступающее изъ границъ закона, но выражающееся въ заявленіяхъ правительственной печати и частныхъ совѣтахъ ландратовъ, также оказало свое дѣйствіе въ нынѣшнемъ неуспѣхѣ либеральныхъ партій. Это доказывается тѣмъ, что наибольшее число парламентскихъ мѣстъ либералы потеряли именно въ провинціяхъ Пруссіи и Помераніи, гдѣ вліяніе ландратовъ сильнѣе, чѣмъ въ иныхъ. За этими областями слѣдовали Мекленбургъ и Ганноверъ, гдѣ неуспѣхъ либераловъ объясняется уже просто вліяніемъ строгихъ консерваторовъ и партикуляристовъ. вмѣсто прежняго числа національных либераловъ въ имперскомъ сеймѣ, а именно 126-ти, ихъ избрано теперь только 97; прогрессистовъ же избрано вмѣсто 35-ти — 25. Ультра-

монтановъ набрано почти прежнее число—вмѣсто 96-ти—99. Соціалистовъ—вмѣсто 12-ти—9; но слѣдуетъ имѣть въ виду, что послѣ громаднаго впечатлѣнія, произведеннаго на страну покушеніями Гебеля и Нобилинга, и этотъ результатъ представляетъ болѣе, чѣмъ социалисты могли ожидать. Надо еще прибавить, что число голосовъ поданныхъ за социалистскихъ кандидатовъ, представляющее сильное возрастаніе при каждыхъ новыхъ выборахъ, опять возросло противъ 1877 года на нѣсколько сотъ тысячъ. Замѣчательно также, что вліяніе партикуляристской партіи въ Ганноверѣ, партіи такъ-называемыхъ „вельфовъ“, т.-е. приверженцевъ ганноверской династіи, усилилось: вмѣсто прежнихъ 4-хъ представителей, они провели въ новый сеймъ девятерыхъ.

Но наиболѣе усилились консервативныя партіи, невраждебныя самому существованію имперіи: представители партій германской консервативной (въ числѣ которыхъ есть и рѣшительные противники кн. Бисмарка) и свободной консервативной умножились съ 78-ми до 110-ти; въ нихъ умноженіи и сказывается специальный отвѣтъ населенія на вопросъ о законѣ относительно социалистовъ или на вопросъ—за кѣмъ оно согласнѣе идти: за національными либералами или за правительствомъ.

Распределеніе партій въ новомъ имперскомъ сеймѣ представляется слѣдующими цифрами въ порядкѣ ихъ величины: 99 ультрамонтановъ, 97 національныхъ либераловъ, 60 германскихъ консерваторовъ, 50 свободныхъ консерваторовъ, 25 прогрессистовъ, 19 членовъ не принадлежащихъ къ партіямъ, 15 поляковъ, 9 социалистовъ, 9 вельфовъ, 6 эльзасскихъ протестующихъ, 4 эльзасскихъ автономиста (5 эльзасскихъ клерикала включены выше въ число ультрамонтановъ), 3 южногерманскихъ демократа и 1 датчанинъ изъ сѣвернаго Шлезвига.

Итакъ, если князь Бисмаркъ распустилъ парламентъ для того, чтобы нанести пораженіе національнымъ либераламъ и прогрессистамъ и создать такой сеймъ, въ которомъ правительство могло бы опереться на новыхъ союзниковъ, на партіи консервативныя, то съ перваго взгляда можно бы сказать, что онъ достигъ своей цѣли. Но вѣдь, при томъ численномъ распределеніи, какое теперь оказалось, для проведенія закона о социалистахъ ему необходимо будетъ опереться на ультрамонтановъ, если онъ не хочетъ быть вынужденнымъ опять-таки опереться на національныхъ либераловъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ультрамонтаны подадутъ голоса противъ этого закона, для заявленія недовѣрія къ правительству, вмѣстѣ съ партикуляристами и съ прогрессистскою партіею, которая не рѣшится вотировать исключительной мѣры, то составитя уже не далеко до законнаго большинства сейма, выражающагося цифрою 199. Если бы наиболѣе либеральная

часть національно-либеральной партіи примкнула къ этой оппозиціи, то законъ былъ бы отвергнутъ. Поддержки его во всякомъ случаѣ правительство можетъ ожидать только отъ 110 консерваторовъ обѣихъ фракцій, а также отъ той группы національныхъ либераловъ, которая слѣдуетъ за Гнейстомъ и Трейчке, а не за Ласкеромъ.

Итакъ, правительству даже для проведенія новаго закона о социалистахъ предстоитъ выборъ между содѣйствіемъ ультрамонтановъ и группы Ласкера. Этотъ выборъ можетъ зависѣть прежде всего оттого, какъ ультрамонтанская партія приметъ результатъ переговоровъ, проходившихъ въ Киссингенѣ между кн. Бисмаркомъ и монсиньоромъ Мазеллой. Нѣтъ сомнѣній, что если бы эти переговоры привели къ полному отреченію канцлера отъ Kulturkampf'a, къ полному отказу его отъ такъ-называемыхъ майскихъ законовъ, со смѣною министра духовныхъ дѣлъ Фалька—то ультрамонтаны охотно подали бы голоса въ пользу закона, направленного противъ социалистовъ. Но это означало бы окончательный разрывъ съ либеральными партіями, таковой разрывъ, который невѣроятнѣе именно теперь, когда текуція дѣла докладываются наслѣдному принцу. И въ самомъ дѣлѣ, слышно, что смѣна Фалька не предполагается и что киссингенскіе переговоры сообщались Фальку. О результатѣ ихъ до сихъ поръ извѣстно (не официальнымъ образомъ) слѣдующее: папа разрѣшитъ тѣмъ епископамъ, которые подверглись судебнымъ приговорамъ и лишены мѣстъ на основаніи майскихъ законовъ—обратиться къ императору съ просьбами о прощеніи, а правительство обѣщаетъ, что прощеніе это будетъ даровано, и епископы возвратятся въ свои епархіи; въ числѣ ихъ и графъ Ледоховскій—въ Познань. Затѣмъ, папа разрѣшитъ епископамъ сообщать правительству о поставляемыхъ ими священникахъ, а правительство обѣщаетъ, что оно не будетъ дѣлать затрудненій по официальному признанію священниковъ. Тамъ изображается тотъ *modus vivendi* между куріею и имперіею, который былъ придуманъ въ Киссингенѣ. Правда, что въ немъ уступки являются только со стороны Рима, но за то—уступки только на словахъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ уступки дѣлаетъ правительство. Курія могла сказать о канцлерѣ—*habeat ipse titulum et ego vitulum*. Но отсюда до отмены майскихъ законовъ еще далеко и она невѣроятна.

Спрашивается: достаточны ли покажутся эти уступки ультрамонтанамъ, чтобы побудить ихъ подать голоса въ пользу закона противъ социалистовъ? Если же нѣтъ, въ такомъ случаѣ князь Бисмаркъ долженъ будетъ опять-таки искать помощи у Ласкера, противъ котораго онъ заявилъ себя такъ круто на выборахъ, противопоставивъ ему своего сына (который, впрочемъ, ввѣлъ свою кандидатуру назадъ, за полной безнадежностью избранія). Если бы это случилось, въ такомъ

случаѣ, во-первыхъ, побѣда его надъ прежними союзниками была бы вовсе не полная, а во-вторыхъ—и самый проектъ закона долженъ былъ бы подвергнуться значительнымъ смягченіямъ.

И въ самомъ дѣлѣ проектъ этотъ таковъ, что вся иностранная либеральная печать единогласно осудила его, видя въ немъ большую опасность и для той доли свободы (съ точки зрѣнія „западной“), какая существуетъ въ Германіи. Такъ какъ предстоящая сессія имперскаго сейма будетъ имѣть главнымъ предметомъ именно обсужденіе этого закона, то необходимо изложить вкратцѣ его содержаніе.

Вмѣсто семи параграфовъ, содержавшихся въ отвергнутомъ майскомъ проектѣ, нынѣшній проектъ содержитъ 24 параграфа, въ которыхъ запрещаются всѣ союзы, собранія, денежные сборы и печатныя произведенія, служащія „стремленіямъ социальна-демократическимъ, социалистическимъ или коммунистическимъ, направленнымъ къ подкопанію (Untergrabung) существующаго государственнаго и общественнаго порядка“. Союзы запрещаются высшею администраціею (Centralbehörde) каждаго германскаго государства; а жалобы по этимъ запрещеніямъ приносятся въ имперское управленіе по дѣламъ союзовъ и печати (Reichsamt für Vereinswesen und Presse), пребывающее въ Берлинѣ. Это управленіе состоитъ изъ 9 членовъ, въ числѣ которыхъ 5 должны быть изъ штатныхъ судей; члены и президенты назначаются императоромъ однажды на все время дѣйствія закона. Сходки могутъ быть запрещаемы полиціею и жалобы можно приносить только въ административную же инстанцію. Печатныя произведенія запрещаются полицейскою властью, а прекращеніе выхода періодическаго изданія зависитъ отъ высшей администраціи. Жалобы на эти запрещенія приносятся въ имперское управленіе по дѣламъ союзовъ и печати. Запрещаемыя произведенія печати, а также формы и доски конфискуются; полиція можетъ секвестровать то и другое еще до послѣдованія запрещенія, въ видѣ предварительной мѣры, но въ такомъ случаѣ мѣстная полиція должна въ 24 часа представить секвестрованное высшей полицейскою власти, которая обязана въ теченіи недѣли принять рѣшенія о конфискаціи или возвратѣ. Каждое изъ этихъ постановленій относится именно къ такимъ союзамъ, сходкамъ, подпискамъ и изданіямъ, которые охарактеризованы въ началѣ закона, какъ служащія стремленіямъ социальна-демократическимъ и т. д., притомъ направленнымъ къ подкопанію порядка.

Далѣе идутъ постановленія свойства уголовнаго. Полагаются слѣдующія пени или сроки тюремнаго заключенія: за участіе въ заведомо-запрещенномъ союзѣ—500 марокъ или три мѣсяца; за участіе въ запрещенной сходкѣ или за непослушаніе распоряженію полиціи о распусценіи сходки—то же наказаніе; для агентовъ такихъ сою-

зовъ и сходокъ, какъ-то: президентовъ, сборщиковъ, ораторовъ полагается не пеня, но тюрьма отъ 1 мѣсяца до 1 года; за предоставленіе запрещенному союзу или сходкѣ помѣщенія—такая же кара: отъ 1 мѣсяца до 1 года тюрьмы.

Затѣмъ, слѣдуютъ ограниченія правъ пребыванія. Всѣмъ лицамъ, которыя спеціально занимаютъ (sich zum Geschäfte machen) помогать упомянутымъ стремленіямъ и тѣмъ, которымъ однажды осуждены за такія дѣйствія, можетъ быть воспрещаемо пребываніе въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ; иностранцы же могутъ быть высылаемы за границу. За подобное же пособничество тѣмъ стремленіямъ со стороны типографовъ, книгопродавцевъ, содержателей читаленъ, трактирщиковъ и содержателей питейныхъ заведеній, у всѣхъ этихъ лицъ можетъ быть отнимаемо право на производство ихъ торговли или промысла. Всѣ распоряженія относительно ограниченія правъ пребыванія и лишенія права на занятіе промысломъ или продажей исходятъ отъ полицейской власти того государства, въ которомъ должны быть приняты. За нарушение этихъ распоряженій полагается пеня до 1000 марокъ, или арестъ или тюрьма до 6 мѣсяцевъ, а за нарушение запрещеній о пребываніи—тюрьма отъ 1 мѣсяца до 1 года. Наконецъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ или округахъ, гдѣ упомянутыя стремленія угрожаютъ общественной безопасности, мѣстныя правительства, съ согласія союзнаго совѣта, могутъ устанавливать на время не долѣе одного года: 1) что на каждую сходку требуется предварительное полицейское разрѣшеніе; 2) что продажа произведеній печати на улицахъ и вообще общественныхъ мѣстахъ „не должна имѣть мѣста“ (nicht Statt finden darf); 3) что лица, неимѣющія работы и не могущія доказать, что имѣютъ средства къ содержанію себя, а также неполучающія пособія по мѣсту жительства, могутъ быть высылаемы изъ него; наконецъ, 4) что держаніе, вошеніе, ввозъ и даже продажа оружія ограничиваются или вовсе воспрещаются. Относительно времени дѣйствія закона въ проектѣ сказано только, что законъ вступаетъ въ силу тотчасъ, но срока для прекращенія его дѣйствія не положено.

Естественно, что подобныя условія въ Германіи, а тѣмъ болѣе въ другихъ западныхъ странахъ показались слишкомъ тяжелыми. Національно-либеральныя органы утѣшаютъ себя только тѣмъ, что князь Бисмаркъ, вѣроятно, нарочно включилъ въ проектъ крайнюю мѣру требовательности, чтобы поторговаться и уступить. Если онъ потребуетъ содѣйствія національныхъ либераловъ, то, вѣроятно, такъ и будетъ. Но если онъ обойдется безъ нихъ, то проектъ можетъ пройти во всей своей строгости, хотя, конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, уже въ союзномъ совѣтѣ, который уже началъ свою

сессію и приступилъ къ разсмотрѣнію прусскаго проекта, признано неудобнымъ учрежденіе особаго „имперскаго управленія по дѣламъ союзовъ и печати“. Нѣкоторыя государства увидѣли въ этомъ вмѣшательство центральной власти въ ихъ внутреннія дѣла, и потому, сколько извѣстно, предположено теперь присвоить всю власть этого управленія—особому отдѣленію при союзномъ совѣтѣ. Но при этомъ пропадаетъ и та (впрочемъ, незначительная) гарантія, что большинство членовъ особаго „управленія“ должны были принадлежать къ судебному сословію.

Германскія либеральныя газеты особенно опасаются растяжимости такихъ опредѣленій новаго закона, какъ „подкапываніе“ и т. п.; опасаются, что онъ можетъ быть примѣняемъ не къ однимъ социалистамъ и коммунистамъ. Но самый вѣскій аргументъ представляетъ приведенная выше ссылка на слова французскаго министра г. де-Марсера. Въ самомъ дѣлѣ, два покушенія на жизнь все-таки могутъ быть дѣломъ двухъ человекъ, пусть даже нѣсколькихъ преступныхъ кружковъ. Но какая же это сила, въ сравненіи съ тою, которая въ Парижѣ въ 1871 году боролась съ цѣлой арміей, терроризировала все населеніе, подвергла казни архіепископа и десятки другихъ людей, сожгла нѣсколько государственныхъ зданій? А между тѣмъ, никакихъ специальныхъ законовъ противъ социалистовъ во Франціи нынѣ не признается нужнымъ, и, по словамъ министра, сила социализма только упала вслѣдствіе свободы.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Die weltgeschichtliche Bedeutung Constantinopels. Von***. Mit einer Karte der Gestade des Marmorameeres. Prag. 1878.

Die geographische Lage der Hauptstädte Europa's, von J. G. Kohl. Leipzig. 1874.

На извѣстномъ банкетѣ лондонскаго лорда-мэра въ честь представителей Англiи на берлинскомъ конгрессѣ, лордъ Биконсфильдъ посвятилъ свою рѣчь объясненiю причинъ, по которымъ всѣ державы, имѣвшiя своихъ уполномоченныхъ на этомъ конгрессѣ, должны быть довольны берлинскимъ договоромъ. Искусному первому министру королевы Викторiи, достигшему весьма существенныхъ для Англiи результатовъ вслѣдствiе недавнихъ событiй на востоцѣ, хотѣлось показать и Англiи, и Европѣ, что договоръ, только-что подписанный имъ и его товарищемъ по министерству, представляетъ несомнѣнные задатки прочности и силы. По его словамъ, всѣ довольны; довольны не только Италiя и Францiя, неприятно удивленные формальнымъ протекторатомъ Англiи надъ Турцiей и новымъ англiйскимъ приобрѣтенiемъ на Средиземномъ морѣ, довольны и воюющiя стороны—Россiя и Турцiя, изъ которыхъ первая можетъ теперь предаться своимъ внутреннимъ дѣламъ, оставивъ заботу о Болгарiи, а вторая теряетъ гораздо меньше, чѣмъ теряла по санъ-стефанскому договору.

Никто, конечно, не увидѣлъ въ этой рѣчи ничего иного, кромѣ ловкаго дипломатическаго маневра, и никто не понялъ ее буквально. Какъ бы ни были важны для Россiи, именно въ настоящую минуту, ея внутреннiя дѣла, всѣмъ было ясно, что оптимизмъ перваго министра Англiи объясняется, прежде всего, значенiемъ берлинскаго договора для самого министерства и для Англiи. И министерство лорда Биконсфильда, и большинство въ Англiи довольны договоромъ, обнаружившимъ ихъ силу на востоцѣ; ихъ оптимизмъ только перенесенъ первымъ министромъ съ Англiи на всю Европу съ свойственной побѣдителямъ развязностию.

Да, англiйское влiянiе рѣшительно восторжествовало въ Константинополѣ, и тѣ, кто предвидѣлъ такой исходъ дѣла, относились съ самаго начала съ крайней сдержанностью къ предпринятой нами войнѣ. Въ этомъ вопросѣ большинство органовъ нашей печати оказалось несравненно ниже своей задачи. Всякiя сомнѣнiя относительно конечнаго исхода великой борьбы встрѣчались тогда съ недоумѣнiемъ

въ патристичну солидаризма: настроеніе минуты, навѣянное бездѣлательностью и скукой внутренняго зстоя. на нѣсколько мѣсяцевъ какъ бы уразднано историческій опытъ и реальными политическими соображеніями. Ни одинъ изъ воинствующихъ органовъ нашей печати какъ-будто не предвидѣлъ ни отчаяннаго сопротивленія турокъ, которое продолжается еще и доселѣ въ Босніи, ни неизбежнаго измѣнательства державъ, болѣе расположенныхъ соблюдать свои интересы, чѣмъ ополчаться противъ исламизма. Ни одинъ изъ нихъ не прибавилъ ничего новаго къ прежнимъ свѣдѣніямъ своимъ читателей о Константинополѣ, какъ всемірно-историческомъ городѣ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сходятся и сталкиваются самыя разнообразныя интересы, и русскій читатель по-прежнему зналъ о немъ только то, что Царьградъ вмѣщаетъ храмъ божественной мудрости, обращенный въ мусульманскую мечеть.

Какъ и многое другое, значеніе Константинополя, выходящее международнаго соперничества и столкновенія, постоянно возбуждаема восточнымъ вопросомъ, основательно изслѣдованы за насъ нѣмцами и англичанами. Читателямъ, быть можетъ, извѣстно довольно обширное сочиненіе нѣмецкаго ученаго Коля о важнѣйшихъ европейскихъ столицахъ, и въ томъ числѣ о Константинополѣ. Какъ-бы въ дополненіе къ нему, въ Прагѣ появилась недавно брошюра неизвѣстнаго автора, съ картой побережья Мраморнаго моря, на нѣмецкомъ языкѣ, посвященная тому же предмету. Собственно говоря, эта брошюра не представляетъ ничего такого, что оставалось бы доселѣ неизвѣстнымъ хорошо образованному читателю. Но она даетъ намъ поводъ остановиться на предметѣ, совсѣмъ не затронутомъ нашею печатью ни прежде, ни послѣ войны. Неизвѣстный авторъ сочувственно относится къ Россіи и ея политикѣ на востокѣ; онъ почти негодуетъ на чрезмѣрныя притязанія Англіи; но это не мѣшаетъ ему понимать и видѣть все значеніе турецкой столицы, какъ узла разнообразныхъ политическихъ и промышленныхъ интересовъ.

Еще до начала войны, въ январѣ прошлаго года, въ „Эдинбургскомъ Обзорѣннѣ“ появилась статья о Кавказѣ, въ которой доказывалось, что важнѣйшіе интересы Англіи могутъ быть затронуты не въ Балканахъ, даже не на Суэзскомъ каналѣ, а въ азіатскихъ владѣніяхъ Турціи. Не паденіе турецкаго царства, даже не переходъ Константинополя подъ власть непріязвенной державы повредитъ интересамъ Англіи на востокѣ, а тотъ великій территоріальный переворотъ, который былъ бы вѣроятнымъ—даже неизбежнымъ—послѣдствіемъ завоеванія Малой-Азій. Никакое правительство не можетъ держаться въ Константинополѣ, не владея въ то же время Малю

Азіей, какъ нельзя безопасно господствовать въ послѣдней, не владея въ то же время Константинополемъ. Непосредственныя оборонительныя линіи противъ сѣвернаго непріятеля, конечно, находятся въ Болгаріи, но Турція почерпаетъ въ одной тольѳо Анатоліи своихъ солдатъ и свои вспомогательныя средства. „Вотъ почему, — прибавляетъ англійскій журналъ, — занятіе Кавказа русскими и ихъ стремленіе соединить съ нимъ Арменію желѣзными дорогами должны быть отнесены къ числу важнѣйшихъ явленій современности“.

Эти немногія строки даютъ ключъ къ объясненію всей англійской политики въ восточномъ вопросѣ за послѣднее время. Онѣ повторяютъ лишь тѣ мысли и предубѣжденія, которыя задолго передъ тѣмъ не-разъ официально высказывались въ депешахъ англійскими дипломатами, аккредитованными въ Константинополѣ и въ Тегеранѣ. „Константинополь дышетъ только въ тѣни Кавказа“, писалъ въ 1835 году англійскій посланникъ въ Константинополѣ, лордъ Понсонби, и еслибъ въ крымскую войну нашъ черноморскій флотъ и Севастополь не представлялись Англій болѣе важною добычей, то высадка союзныхъ войскъ, по всей вѣроятности, была бы произведена не въ Крыму, а на Кавказѣ. Малая Азія, тѣмъ не менѣе, продолжала быть въ глазахъ Англій однимъ изъ путей въ Константинополь. Черное море, Анатолія и Константинополь всегда были тѣсно связаны между собою. Сокрушивъ, при помощи Франціи, русскія морскія силы на Черномъ морѣ въ пятидесятыхъ годахъ, Англія въ настоящее время принимаетъ на себя протекторатъ надъ Малою Азіей, чтобъ оградить Константинополь и съ этой стороны отъ русскаго вліянія. Исторія Балканскаго полуострова достаточно убѣждаетъ въ томъ, что держава, господствующая своимъ флотомъ на Черномъ морѣ, господствуетъ и въ Константинополѣ. Византійскіе императоры отлично знали это и постоянно содержали сильный флотъ, при помощи котораго они долгое время сохраняли въ своихъ рукахъ остатки прежняго могущества. Для того, чтобы взять Константинополь, туркамъ нужно было имѣть болѣе сильный флотъ, чѣмъ византійскій. Всѣ усилія болгаръ и сербовъ разбивались о ту же преграду. Не имѣя своего флота и не находя надежныхъ союзниковъ на морѣ, они не могли одолѣть византійскаго господства на Балканскомъ полуостровѣ. Турки тогда тольѳо овладѣли Византіей, когда ея морскія силы были въ упадкѣ. Мы сами испытали въ послѣднюю войну съ турками всѣ неудобства, соединенныя съ отсутствіемъ значительнаго русскаго флота на Черномъ морѣ. Путь черезъ Румынію былъ во все время минувшей войны единственнымъ и труднѣйшимъ средствомъ сообщенія между Россіей и ея арміей, дѣй-

ствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ. Понятно, насколько это обстоятельство благоприятствовало турецкой оборонѣ.

Почти также важно въ этомъ отношеніи и Эгейское море, на которомъ съ давнихъ поръ разыгрывалась борьба между Европой и Азіей. Обладаніе этимъ моремъ, и въ особенности ключомъ его — островомъ Критомъ — остается и теперь условіемъ первой важности для прочнаго владѣнія Константинополемъ. Эгейское море находится всегда во власти того государства, которое владѣетъ Критомъ, и вотъ почему Греція такъ усиленно добивается присоединенія этого острова къ своимъ владѣніямъ — и почему ни Турція, ни Англія не расположены допустить подобное присоединеніе. Если Черное море и Малая Азія должны быть признаны азиатскими воротами въ Константинополь, то Эгейское море остается по-прежнему европейскими воротами въ турецкую столицу. Въ послѣднюю войну ни тѣ, ни другія ворота не были въ нашихъ рукахъ, и намъ пришлось довольствоваться самыми тяжелыми путями въ Турцію, требовавшими и много времени, и страшныхъ усилій, и огромныхъ издержекъ. Эгейское и Черное моря находились — или могли быть — исключительно въ рукахъ турокъ и англичанъ. Только быстрое и успѣшное нападеніе нашихъ войскъ съ сухого пути на турецкія приморскія укрѣпленія въ Дарданеллахъ могло бы на-время преградить англійскому флоту доступъ въ Мраморное и Черное моря, но дальнѣйшія послѣдствія такого движенія очень трудно предвидѣть. Полуостровъ Галлиполи (нѣкогда еракійскій Херсонесъ), гдѣ возведены эти укрѣпленія, такъ отдаленъ отъ операционной базы русскихъ войскъ и такъ узокъ, что онъ можетъ быть легко доступенъ нападенію съ противоположной стороны и что долгое пребываніе тамъ войска едва ли можетъ быть признано безопаснымъ, если это войско не имѣетъ въ своемъ распоряженіи флота. Тутъ представляется, впрочемъ, цѣлый рядъ специальныхъ, военно-техническихъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ мы не имѣемъ подъ рукою достаточно данныхъ. Наша цѣль другая. Мы желали бы остановить вниманіе читателей на географическомъ и политическомъ значеніи Константинополя, въ виду преобладающаго у насъ преувеличеннаго мнѣнія объ его религіозномъ значеніи.

Наполеонъ I-й говаривалъ, что, владѣя Константинополемъ, можно приобрѣсть всемірное господство. Географическое и политическое значеніе этого важнаго пункта легко объясняется, съ одной стороны, его неподобною гаванью, расположенной въ точкѣ соприкосновенія Европы съ Азіей, — и тѣмъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ, что въ немъ сходятся нѣсколько крупныхъ водныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія. Коль перечислять эти пути во всѣ стороны: на юго-

западъ, на востокъ, на югъ, на сѣверъ, на сѣверо-востокъ, на сѣверо-западъ, на юго-востокъ и на юго-западъ. Благодаря своему чрезвычайно благоприятному, исключительному — такъ сказать — центральному положенію относительно трехъ частей свѣта — Европы, Азіи и Африки — Византія могла пережить десятку вѣками западную половину древней римской имперіи. Тѣмъ же положеніемъ пользуются теперь турки — или, точнѣе, англичане. Отсюда непримиримое соперничество, естественно вызываемое не только вопросомъ объ обладаніи Константинополемъ, но и о простомъ дипломатическомъ и политическомъ авторитетѣ той или другой державы въ этомъ пунктѣ. Для такой коммерческой державы, какъ Англія, пунктъ, въ которомъ скрещивается столько равнообразныхъ и удобныхъ путей сообщенія, представляетъ громадную важность, мало сознаваемую мусульманами. Для Англіи выгоднѣе, чтобъ этотъ пунктъ оставался въ рукахъ слабаго государства, подчиненнаго ея вліянію, — чѣмъ государства славянскаго, пользующагося покровительствомъ и защитой Россіи. Оттого война съ Турціей неизбежно влечетъ за собою столкновеніе съ Англіей, которое необходимо имѣть въ виду русскому обществу. Въ наше время, войны предпринимаются лишь съ болѣе или менѣе вѣрнымъ расчетомъ всѣхъ шансовъ за и противъ успѣшнаго ихъ окончанія, и если страна наталкивается въ подобной борьбѣ на крупныя сюрпризы, рѣшительно измѣняющіе ходъ дѣла, то это непременно значитъ, что она не приготовилась къ войнѣ надлежащимъ образомъ, — что предпринятое дѣло не было достаточно обдуманно заранее. У насъ ожидали, правда, что Англія и Австрія могутъ мѣшать нашему предпріятію въ пользу турецкихъ славянъ; но мы относились съ какимъ-то ребяческимъ пренебреженіемъ къ препятствіямъ этого рода. Никто — или почти никто — не задавался вопросомъ: настолько ли мы благоустроены и самостоятельны, настолько ли мы богаты промышленностью и средствами всякаго рода, достаточно ли у насъ накоплено сбереженій для того, чтобы предпринять теперь же ту великую задачу, въ разрѣшеніи которой заинтересовано столько непріязненныхъ намъ элементовъ? Событія показали, какъ велика была ошибка въ нашихъ прошлогоднихъ расчетахъ, и хотя политика Англіи и Австріи естественно должна возбуждать въ насъ горькое неудовольствіе, мы не должны однако же забывать и нашей собственной ошибки.

Столѣтія византійскаго гнѣнія и турецкаго господства пронесли надъ Константинополемъ, но не могли лишить его ни политической его важности, ни естественной его прелести. Восфоръ и гавань Стамбула по-прежнему змѣются между улыбающимися холмами, на

которыхъ возведены три города. Приближаясь съ юга къ Константинопольскому водоему и оглябав здание сераля, вы видите по правую руку азиатскій материкъ и на немъ городъ Скутари, по лѣвую—материкъ европейскій съ Константинополемъ и Галатой. Европейское побережье представляетъ широкую бухту въ формѣ полумѣсяца, покрытую большими кораблями, между которыми кишитъ множество мелкихъ судовъ. Изъ этой бухты, обрамленной двумя высотами, отрывается въ видѣ амфитеатра, живописный видъ на Константинополь и Галату. Большия размѣры трехъ высокорасположенныхъ городовъ—Константинополя, Галаты и Скутари—кипарисы турецкихъ кладбищъ, минареты, мачты кораблей, зелень деревь, бѣлый и красный цвѣта зданій, море, отражающее синеву неба, — и это сплещ небо, возмущающееся куполомъ надъ такою панорамой, — все это возбуждаетъ невольное удивленіе путешественника, и видъ Константинополя съ моря продолжаетъ считаться красивѣйшимъ видомъ на земномъ шарѣ. „Я видѣлъ священныя мѣста Аонія, — говорятъ Байронъ, — видѣлъ храмъ эфесскій и былъ въ Дельфахъ; я объѣхалъ Европу изъ конца въ конецъ, но нигдѣ не ласкалъ моего глаза такой видъ, который могъ бы сравняться съ видомъ Константинополя“. Въ своихъ путевыхъ воспоминаніяхъ о востокѣ, Янке дополняетъ эту хвалу поэта созвѣніемъ о томъ, что подобный пунктъ, прекраснѣйшій въ Европѣ, принадлежитъ народу, оставшему на цѣлыя вѣка отъ европейской культуры. По переходѣ вашемъ съ воды на сушу, вы съ отращеніемъ видите въ городѣ грязь его узкихъ угловатыхъ улицъ, застроенныхъ жалкими деревянными хижинами. Наше воображеніе, переносясь на востокъ, обыкновенно упускаетъ изъ виду возмутительную грязь, встрѣчаемую во всѣхъ восточныхъ городахъ; но надо ее видѣть, — говорятъ путешественники, — чтобъ исчезла значительная доля поэзіи, приписываемой востоку. Даже, населенная иностранцами, Пера не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Ея главная улица тоже узка, и многіе дома Перы, сгорѣвшіе восемь лѣтъ тому назадъ, доселѣ лежатъ въ развалинахъ.

И при всемъ томъ, вотъ какъ характеризуетъ извѣстный нѣмецкій публицистъ Рапъ, въ своемъ сочиненіи: „Турки въ Европѣ“, наружный видъ Константинополя: „Я стою на мосту въ Перѣ, и куда ни взгляну — всюду соверцаю чудесную картину, изумительно своеобразную, блестящую красками, величественную въ своихъ очертаніяхъ! Передо мною разомъ и востокъ и западъ. Богатѣйшіе и красивѣйшіе морскіе берега земного шара, — берега Босфора съ ихъ султанскими дворцами, съ ихъ бѣлыми вилами, съ ихъ группами темно-зеленыхъ кипарисовъ, съ ихъ террасо-образными, сіяющими цвѣтн-

камнѣ; въ глубинѣ — покрытые лѣсомъ холмы, — не голые и пустынные, какіе встрѣчаются вездѣ на востокѣ, но окутанные богатой растительностью. Такого ландшафта я не видалъ ни въ одномъ заливѣ нашей планеты; онъ уже слишкомъ роскошенъ, — такъ роскошенъ, что глазъ не скоро привыкаетъ къ этому избытку декораций. Почернѣвшія отъ времени руины, тамъ-и-сямъ поднимающіяся, какъ привидѣнія, изъ этого обилія цвѣтовъ, рощъ и бѣлыхъ дачъ, обиты площадью болѣе чѣмъ тысячелѣтнихъ воспоминаній. Влеськѣ византійской имперіи и ея паденіе; борьба полумѣсяца съ крестомъ; побѣда Магомета, — вотъ эти воспоминанія. Крестоносцы, двинувшіеся къ святымъ мѣстамъ, стояли лагеремъ на берегахъ Босфора. Въ Буюкдере еще сохранилась чинара, подъ тѣнью которой отдыхалъ Готфридъ Бульонскій. Таковъ видъ съ моста Перы на сѣверо-востокъ.

„Я поворачиваю назадъ, — и на концѣ моста передо мною террасообразно поднимается во всемъ своемъ великолѣпіи Стамбуль — столица турецкаго царства. Чтѣ за роскошная картина востока, съ темными кунами деревьевъ въ сгорѣвшемъ старомъ сералѣ — тамъ, гдѣ мыслъ погруженъ въ смарагдовныя волны Мраморнаго моря — и до холмовъ Әйюба, на которыхъ возвышаются развалины дворца, принадлежавшаго ослѣпленному Велисарію! Болѣе сотни мечетей съ блистающими металлическими куполами и минаретами надъ безпредѣльнымъ моремъ зданій. Въ срединѣ картины бѣлая стройная башня сераскирата, съ вершины которой посѣтителю открывается все великолѣпіе моря, городовъ и кораблей; на-лѣво отъ башни, на холмѣ, — замокъ Фуада-паши, умершаго отъ яда, какъ и его преемникъ, а на-право — возвышающійся надъ всѣми зданіями Стамбула, дворецъ военнаго министерства, обязанный поддерживать усталое тѣло „большаго человѣка“, чтобъ оно не распалось на части.

„Повернувшись еще разъ, — я вижу передъ собою западъ. Старый генуэзскій городъ — Галата и городъ франковъ — Пера возвышаются передо мной въ видѣ террасы, — лабиринтъ южно-европейскихъ домовъ, изъ которыхъ высовывается галатская пожарная башня, средневѣкового вида, какъ постоянное напоминаніе о томъ, что ежегодно, хотя бы одинъ только разъ, пламя разливается надъ этими городами и пожираетъ тысячи домовъ. И эта картина запада богата, разнообразна и любопытна, пересѣченная и урѣзанная темными группами кипарисовъ. Подъ нею — Золотой-Рогъ, двѣ гавани — одна подлѣ другой — торговая и военная, вѣчно смѣняющаяся панорама париходовъ, коммерческихъ судовъ, броненосныхъ фрегатовъ, барокъ и приморской жизни.

„И чтѣ за потоки народа на этомъ мосту, ведущемъ изъ Перы

въ Стамбуль, изъ города франковъ въ городъ турокъ, какое смѣшеніе людей, экипажей и животныхъ! Востокъ переплетается съ западомъ въ фигурахъ и нарядахъ. Негры и турки въ пестрѣйшихъ одеждахъ; турчанки въ темныхъ плащахъ, съ завѣшенными лицами; дервиши въ своихъ коническихъ войлочныхъ шапкахъ; толстые паши на лошадяхъ, еще болѣе толстыхъ, съ зонтиками надъ головами; пестрые экипажи, въ которыхъ турецкія дамы ѣздятъ гулять подъ вуалью—единственное удовольствіе, разрѣшаемое имъ ревностью ихъ тирановъ; носильщики, тащущіе на искривленныхъ спинахъ невѣроятныя ноши дерева, желѣза и камня и безпрестанно кричащіе „guarda!“, нищіе, калѣки и больные, дѣти и старики въ лохмотьяхъ, съ протанутыми за подаваніемъ грязными руками; греки и армяне—торговые люди Турціи; дѣльцы изъ Галаты, ѣдущіе верхомъ въ Стамбуль, чтобъ учсть вексель, и доказывающіе туркамъ, что привозъ превышаетъ вывозъ и что банкротство неминуемо“.

Константинополь имѣетъ нѣсколько употребительныхъ названій. Турки называютъ его Стамбуломъ, или Истамбуломъ, отъ „εις την πόλιν“, т.-е. „въ городъ“, какъ выражаются поселане окрестностей столицы. На левантинско-итальянскомъ говорѣ онъ называется „Косполи“; славяне называютъ его Царьградомъ. Городъ расположенъ въ видѣ террасы на трехъ-угольномъ мысу, омываемомъ съ сѣвера бухтой — Золотымъ-Рогомъ, съ востока — Босфоромъ, съ юга — Мраморнымъ моремъ; одна только западная сторона его примыкаетъ къ материку. Въ городѣ считается до 90,000 домовъ, но они болѣею частью малы, дурно построены и заняты каждый однимъ только семействомъ, такъ какъ семейная жизнь турокъ не позволяетъ удѣлять часть дома постороннимъ людямъ. Жителей въ Константинополь считается около 800,000, и, судя по составу этого населенія, европейскому войску, занявшему турецкую столицу, было бы очень не легко ладить съ нею. На 375,000 турокъ считаютъ 150,000 грековъ (и болгаръ?), 230,000 армянъ, 30,000 евреевъ и 15,000 франковъ. Греки живутъ въ Фанарѣ, въ предмѣстьяхъ Перѣ и Галатѣ, а также и въ другихъ частяхъ столицы, — особенно же въ селеніяхъ по Босфору. Они — банкиры, купцы, врачи, архитекторы, моряки, садовники и ремесленники. Армяне живутъ въ Семибашенномъ кварталѣ, въ самомъ южномъ углу столицы, въ Перѣ, Галатѣ и нѣкоторыхъ другихъ частяхъ города. Они богаче грековъ; турецкіе вельможи предпочитаютъ армянъ другимъ національностямъ на должности своихъ повѣренныхъ и поставщиковъ. Константинопольскіе евреи — потомки тѣхъ евреевъ, которые были изгнаны изъ Испаніи въ правленіе Фердинанда и Изабеллы. Они сохранили кастильское нарѣчіе; болѣе

богатые изъ нихъ — кунцы и фабриканты; бѣдная часть европейскаго населенія живетъ фабричною работою и мелочнымъ торгомъ. Франки (европейцы) живутъ въ Перѣ.

Мы, впрочемъ, тѣмъ менѣе имѣемъ въ виду подробно описывать Константинополь, что Россія если не навсегда, то надолго оказалась отъ мысли передать его въ славянскія руки. Какъ бы кто ни думалъ по этому вопросу, для всѣхъ стало ясно, что эта мысль, принадлежавшая нѣкоторой части нашего общества, оказалась неосуществимою при данныхъ условіяхъ. Мы могли, конечно, временно занять турецкую столицу; но утвердиться въ ней, въ виду приведеннаго сейчасъ состава ея населенія, въ виду противодѣйствія Англій и Австріи, въ виду насущныхъ экономическихъ и другихъ нуждъ въ самой Россіи, удовлетвореніе которыхъ могло бы быть только отсрочено новою войною, — утвердиться въ ней было бы такъ же трудно, какъ переправиться на луну въ воздушномъ шарѣ. Прошло, давно прошло то время, когда внѣшнія дѣла страны были сами-по-себѣ, а внутреннія сами-по-себѣ; они переплелись теперь такъ, что успѣхъ однихъ неразрывно связанъ съ успѣхомъ другихъ. Внутри мы менѣе образованы, менѣе свободны, менѣе богаты, чѣмъ остальные европейцы, и всѣ наши усилія отнынѣ должны быть направлены въ эту сторону. Нельзя начинать дѣло съ конца, нельзя пожинать то, что не было посеяно. Внѣшнее вліяніе страны всегда есть только отраженіе ея внутренней состоятельности и силы, обратная сторона послѣдней. Отъ внутренней работы нельзя уйти ни въ Сербію, ни въ Турцію, ни даже въ Константинополь. Останемся же дома, и займемся, прежде всего и больше всего, своими насущными дѣлами.

Наши внутреннія дѣла пока еще тяжелы и некрасивы; но въ томъ и состоитъ задача, чтобъ сдѣлать ихъ интересными и красивыми. Задача трудная и не скоро разрѣшимая; но пока она не рѣшена, мы, младшіе изъ европейцевъ, будемъ постоянно нести всѣ невыгоды нашего культурнаго младенчества, предоставляя остальной Европѣ всѣ выгоды ея научной, политической и экономической зрѣлости. Наше негодованіе на Англію и Австрію, помѣшавшихъ полному освобожденію турецкихъ славянъ, вполне естественно и понятно; но одного негодованія мало; нужны еще и условія, дающія возможность достигать предположенныхъ цѣлей, вмѣстѣ съ умѣньемъ достигать ихъ. А эти условія и это умѣнье даются только широкимъ развитіемъ внутренней жизни и экономического богатства страны.

Константинополь представляетъ еще одну особенность, на которую, сколько намъ извѣстно, не было обращено у насъ никакого вниманія. До сихъ поръ въ составѣ его населенія и въ условіяхъ

его жизни почти не было мѣста славянскому элементу. Мы привели цифры—по крайней мѣрѣ, приблизительныя—показывающія относительную численную силу каждой національности въ населеніи турецкой столицы; но мы нигдѣ не могли найти свѣдѣній о томъ, какъ великъ въ немъ славянской элементъ. Для того, чтобы славяне могли когда-нибудь утвердиться на Босфорѣ, имъ необходима какая-нибудь народная точка опоры. Нѣмцы въ Эльзасѣ и французы въ Ниццѣ нашли такую точку опоры—одни въ нѣмецкомъ, другіе во французскомъ элементѣ названныхъ мѣстностей; но въ Константинополѣ славянской элементъ, очевидно, тонетъ въ массѣ турецкаго, греческаго и армянскаго населенія. Онъ еще не свилъ себѣ тамъ прочнаго гнѣзда, изъ котораго могъ бы развиться впоследствии, а это обстоятельство гораздо серьезнѣе, чѣмъ у насъ предполагаютъ. Дикая и фанатическая турецкая орда могла нахлынуть на изжившую свои послѣднія силы Византію и насильственно утвердиться въ ней путемъ казней и всякихъ ужасовъ; но развѣ возможно, развѣ желательно что-нибудь подобное со стороны нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ? Побѣдоносно вступивъ въ Константинополь, мы, конечно, приобрѣли бы большія выгоды въ дальнѣйшихъ переговорахъ о рѣшеніи восточнаго вопроса; другія державы повели бы тогда съ нами совсѣмъ иную рѣчь; но, повторимъ, мы не могли бы окончательно утвердиться тамъ сами или утвердить господство иного славянскаго элемента въ многолюдной столицѣ, населенной чуждыми ему народностями.

Все это и еще многое другое должно быть у насъ въ виду на будущее время, если мы не желаемъ подвергаться дальнѣйшимъ разочарованіямъ въ нашихъ предпріятіяхъ по восточному вопросу.

В. К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 августа, 1878.

XL.

I.

Я уже не разъ говорилъ съ вами о нашихъ романистахъ, между прочимъ о Гюставѣ Флоберѣ, Эдмондѣ и Жюль де-Гонкуръ и Альфонсѣ Додэ. Но до сихъ поръ мнѣ еще не случалось представить общей характеристики нашего современнаго романа. Нынѣшній разъ я намѣренъ пополнить этотъ пробѣлъ и кратко очертить талантъ различныхъ писателей, пользующихся ббольшимъ или меньшимъ расположеніемъ публики.

Конечно, мнѣ пришлось бы составить цѣлый каталогъ, если бы я захотѣлъ только назвать всѣхъ сочинителей романовъ. Они кишмя кишатъ. Зимой, съ сентября и по май мѣсяць, не преходитъ, конечно, ни одного дня, чтобы два или три новыхъ романа не выросли точно грибы на французской почвѣ. И не одинъ только Парижъ участвуетъ въ этомъ производствѣ: провинція тоже не отстаетъ отъ него и романистамъ нѣтъ числа. Книгопродавцы говорили мнѣ, что ихъ витрины никакъ не могли бы вмѣстить всѣхъ новыхъ романовъ, если бы они захотѣли хотя бы только на одинъ день выставить ихъ на показъ. Не знаю, куда дѣваются эти тысячи экземпляровъ печатныхъ книгъ, многія не продаются и покоятся мирнымъ сномъ въ складахъ издателей. Мнѣ передавали, что въ Парижѣ есть дома, которыхъ спеціальность заключается въ томъ, чтобы покупать на вѣсь эти сѣвшія книги и отсылать ихъ въ Америку, на крайній востокъ, въ колоніи, даже къ дикарямъ, гдѣ онѣ находятъ отличный сбытъ, такъ какъ читатели этихъ отдаленныхъ странъ неприхотливы и пожираютъ все, что приходитъ изъ Франціи. Часто я задумывался объ этой торговлѣ, представляя себѣ эти бѣдныя книжонки, пренебрегаемыя нами и привѣтствуемыя тамъ, приводяція въ восхищеніе красавиць, мечтающихъ о любви и прячущихъ ихъ по вечерамъ подъ подушку. У насъ же въ настоящую минуту очевидно, что производство романовъ превышаетъ спросъ. Мы слишкомъ зачитываемся газетами и естественно должны измѣнять книгамъ. Несмотря на нашу страсть къ произведеніямъ фантазіи, можно сказать, что авторъ приобрѣлъ большой успѣхъ,

если ему удалось продать тысячу экземпляровъ своей книги. Изданія обыкновенно насчитываютъ тысячу двѣсти. Надо быть очень извѣстнымъ и имѣть очень постоянный кругъ читателей, чтобы дойти до второго изданія. Свыше этого входишь уже въ разрядъ исключеній.

Этотъ избытокъ производительности романистовъ объясняется первостепеннымъ значеніемъ, какое пріобрѣтено романомъ въ нашу эпоху. Въ прошломъ столѣтіи, хотя романъ уже разросся и расширилъ свои рамки, однако все еще считался легкимъ родомъ литературы по риторикѣ того времени. Въ наши дни онъ занялъ преобладающее мѣсто, поглотилъ всѣ другіе роды литературы. Подвижныя рамки его охватили всеобщность знаній. Онъ остался поэзіей и сталъ наукой. Онъ уже больше не одна только забава, не одно только развлеченіе; онъ сталъ всѣмъ, чѣмъ угодно; поэмой, трактатомъ патологіи, трактатомъ анатоміи, политическимъ оружіемъ, трактатомъ о нравственности. Понятно, почему большинство писателей приняло эту привлекательную форму, надѣясь привлечь читателей и пользуясь при этомъ полною свободой. Съ своей стороны публика пристрастилась къ нему вслѣдствіе великаго натуралистическаго движенія, начатаго Руссо. Всѣ набросились на любовь, на возвышенныя чувства, на великія приключенія. Наступилъ романтизмъ съ его трагическими и горделивыми героями, съ его необыкновенными выдумками, и съ того времени услѣхъ романа непрерывно возрасталъ. Должно прибавить, что среди этого потока романическихъ басенъ, удовлетворявшихъ извращенному вкусу читателей и въ особенности читательницъ, появленіе Стендала и Бальзака на минуту встревожило и сбilo съ толку публику. Эти двое не лгали и въ ихъ произведеніяхъ былъ какой-то горькій привкусъ, который сразу не понравился.

Ихъ мало читали и они умерли, не дождавшись своего торжества. Но они несли истину, которая въ концѣ-концовъ всегда восторжествуетъ. Въ настоящую минуту имъ отведено мѣсто среди самыхъ великихъ писателей и ихъ послѣдователямъ принадлежатъ самое почетное положеніе въ современномъ романѣ.

Я не люблю классификаціи, потому что приходится неизбежно дѣлать натяжки, чтобы подвести подъ нихъ людей и вещи. Однако для ясности мнѣ необходимо прибѣгнуть къ нѣкоторой группировкѣ, такъ чтобы представить нашихъ романистовъ въ нѣкоторой системѣ. Повторяю, что не имѣю претензіи всѣхъ ихъ перечислить. Я выберу только тѣхъ, чей талантъ или чье положеніе покажется мнѣ характеристичнымъ.

Царями романа, идущими впереди всѣхъ, являются въ настоящее время: Гюставъ Флобаръ, Эдмондъ де-Гонкуръ и Альфонсъ Додэ. Я

пространно говорилъ о нихъ, и мнѣ нечего прибавить въ тѣхъ очеркамъ, которые я имъ посвящалъ. Они высоко несутъ знамя реализма, они продолжаютъ Бальзака и каждый оригиналенъ по-своему. Послѣ нихъ я могу назвать въ числѣ послѣдователей Бальзака Гектора Малё и Фердинанда Фабра.

Гекторъ Малё подавалъ большія надежды. Когда онъ дебютировалъ своими „Victimes d'amour“ въ 1864 г., то всѣ увидѣли въ немъ родного сына Бальзака. „Les Victimes d'amour“, печатавшіеся въ „Constitutionnel“, имѣли непосредственнымъ результатомъ то, что возмущали подписчиковъ, а это отличный признакъ во Франціи. Тогда-то Тэнъ восхитился Гекторомъ Малё. Онъ написалъ о немъ статью въ „Débats“, зачислившую молодого романиста къ талантливымъ писателямъ. Въ несчастію, послѣ нѣсколькихъ другихъ произведеній, какъ-то „Un beau-frère“ и „La Belle madame Dupés“, гдѣ еще есть слѣды наблюдательности, Гекторъ Малё мало-по-малу принялся печь романы, какъ блины. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ страпаетъ для фельетоновъ газеты „Siècle“ — нескончаемые романы, гдѣ все плохо: слогъ, наблюдательность, замысль.

Фердинандъ Фабръ тоже дебютировалъ замѣчательнымъ произведеніемъ: „Les Courbezou“, въ которомъ описывался очень вѣрно и правдиво сельскій священникъ и его обстановка. Послѣ того онъ написалъ романъ еще болѣе замѣчательный: „L'abbé Rigane“, который и остается по сіе время его лучшимъ произведеніемъ. Это очеркъ честолюбиваго священника, который все подчиняетъ своей волѣ. Фабръ избралъ себѣ спеціальностью описаніе духовенства. Онъ выросъ среди священниковъ, и въ настоящее время ему стоить только порыться въ свои воспоминанія, чтобы изобразить этотъ мало извѣстный міръ, гдѣ инны страсти и инны чувства получаютъ такое чудовищное развитіе. Эгоизмъ, высокомеріе, властолюбіе — вотъ могучіе рычаги клерикальныхъ страстей. Я долженъ сознаться однако, что, несмотря на свои безспорныя качества, Фабръ никогда не пользовался большимъ успѣхомъ. Его chef-d'oeuvre, романъ „Abbé Rigane“ — едва дотянулъ до второго изданія въ нѣсколько лѣтъ. Слабой стороной этого романиста является слогъ; у него тяжелый и провинціальныи слогъ; когда онъ на свою бѣду достарается, то подаритъ такими неожиданными сравненіями, такими напыщенными и пошлыми оборотами рѣчи, какіе можно только встрѣтить въ газетахъ отдаленныхъ городишекъ. Съ другой стороны, несочувствіе публики можно объяснить спеціальностью, въ какой заключился писатель. Міръ ризницъ кажется слишкомъ мрачнымъ и слишкомъ строгимъ для читателей; само собой разумѣется, что тутъ нѣтъ ни женщинъ,

ни любовныхъ интригъ, а это лишаетъ его произведенія всякаго романческаго интереса. Наконецъ, быть можетъ, Фабру не по силамъ мѣяться съ такимъ великаномъ, какъ духовенство. Бальзакъ въ своей повѣсти „Le Curé de Tours“ больше связалъ на нѣсколькихъ страницахъ, нежели Фабръ говоритъ въ нѣсколькихъ томахъ. Въ послѣднее время Фабръ, которому завидна, вѣроятно, плодовитость Гектора Малю, написалъ длинный романъ въ четырехъ томахъ: „La petite mère“. Онъ появился въ „Temps“ и не имѣлъ никакого успѣха. Я думаю, съ своей стороны, что „L'abbé Rigault“ останется лучшимъ произведеніемъ романиста и что онъ будетъ его перефразировать— и только.

Рядомъ съ натуральной школой, которая получила преобладающее значеніе въ послѣдніе годы, глава реалистической школы, Шанфлѣри, все еще живеть; но—увы! это предводитель безъ войска, и, говоря, что онъ все еще живеть, я долженъ прибавить, что для литературы онъ умеръ, потому что давно уже не печаталъ ни одного романа. Стоило бы, конечно, написать статью о реалистическомъ движеніи, предпринятомъ Шанфлѣри въ 1848 г. То былъ первый протестъ противъ торжествующаго романтизма. На бѣду, Шанфлѣри, несмотря на свой несомнѣнный талантъ, не былъ настолько силенъ, чтобы довести кампанію до конца. Кромѣ того, онъ заключился въ слишкомъ тѣсныхъ рамки. Въ видѣ реакціи противъ романтическихъ героевъ, онъ упорно придерживался буржуазнаго класса, онъ допускалъ одно лишь изображеніе повседневной жизни и терпѣливое изученіе маленькихъ людей. Это прекрасно, повторяю, но только стѣсняло движеніе и могло заглушить его. Прибавьте къ этому, что Шанфлѣри пишетъ очень неправильно; простота—дѣло хорошее, но неправильность неполезна. Движеніе должно было лопнуть; оно надѣлало-было шума, но потомъ публика перешла къ Гюставу Флоберу, Эдмонду и Жюлю де-Гонкуръ, истиннымъ преемникамъ Бальзака. Хуже всего то, что Шанфлѣри самъ упалъ духомъ, видя, что читатели бросаютъ его. Онъ пересталъ писать и теперь присутствуетъ при собственной литературной смерти, этой ужасной смерти, худшей изъ пытокъ для писателя, устарѣваго и позабытаго. Въ послѣднее время, я знаю, что новыя изданія романовъ Шанфлѣри, наиболѣе читавшихся въ былое время, разошлись всего лишь въ какихъ-нибудь четырехстахъ экземплярахъ. Прибавлю, что публика доказываетъ этимъ только свою неблагодарность и несправедливость. Нѣкоторые изъ произведеній Шанфлѣри очаровательны по своей наивности и по своему чувству. Онъ имѣетъ право занять особенное мѣсто въ ряду Бальзака. Это одинъ изъ самыхъ субъективныхъ романистовъ послѣд-

нихъ тридцати лѣтъ, несмотря на свой ограниченный горизонтъ и неправильность своего слога.

Теперь я займусь Эдмондомъ Дюранти, потому что исторія этого романиста одна изъ самыхъ интересныхъ, какія я только знаю.

II.

Въ ранней молодости, около 1856 г., кажется, Дюранти выступилъ въ походъ со всей смѣлостью юныхъ лѣтъ, когда кажется, что призванъ преобразовать литературу. Онъ храбро поддерживалъ романы Шанфлери, которые очень тогда оспаривались. Съ самаго начала, въ тѣ годы, которыми такъ свойственны всякія заблужденія, онъ сражался съ романтизмомъ, онъ ясно понималъ странный кризисъ, переживаемый французскимъ умомъ. Въ настоящее время кажется очень просто, когда судять холодно и строго движеніе 1830 года. Но двадцать лѣтъ тому назадъ это казалось изумительной дерзостью. Викторъ Гюго въ изгнаніи выросъ, какъ колоссъ, и всѣмъ намъ представлялся учителемъ, котораго критика не должна касаться. Ученики этого учителя занимали высокое мѣсто въ литературѣ; восторжествовавшій романтизмъ казался всѣмъ начинающимъ эмансипаціей умовъ, широкой торной дорогой, отнынѣ вполне расчищенной и по которой будутъ двигаться вѣка. Конечно, въ ту эпоху человѣкъ, проповѣдующій противоположныя убѣжденія и вступающій въ борьбу съ колоссомъ, долженъ былъ быть человѣкъ недоуменный, во всякомъ случаѣ оригинальный.

Замѣтимъ, что Дюранти не возобновлялъ стараго спора о классицизмѣ. Онъ одинаково желалъ сдать въ архивъ и древность и средніе вѣка. Центръ тяжести полемики перемѣщался. Онъ не упрекалъ романтиковъ за то, что они спровадили грековъ и римлянъ; онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они нарушили преемственность во французской литературѣ, въ томъ, что они незаконнорожденные дѣти иностранныхъ литературъ, а не законные сыновья своихъ отцовъ восемнадцатаго столѣтія. Словомъ, онъ указывалъ на Дидро и его современниковъ, какъ на единственные живые источники нашихъ новейшихъ произведеній. Въ то время это была новая точка зрѣнія, которая съ тѣхъ поръ стала очень обыкновенна, но въ ту эпоху казалась изумительной.

Итакъ, Дюранти былъ однимъ изъ пионеровъ натурализма. Онъ предугадывалъ все то, что мы говоримъ въ настоящее время. Его

характеръ, какъ писателя, особенно располагалъ его къ этому дѣлу. Онъ жилъ особнякомъ среди своихъ современниковъ. Я рѣдко встрѣчалъ романиста болѣе независимаго отъ окружающей среды. Оглядываясь назадъ, можно только указать на Стендаля — этого единственнаго человѣка, личность котораго оставалась такой характерной среди заражительнаго романтическаго безумія. Я часто сознавался, что всѣ мы въ настоящее время, даже тѣ изъ насъ, которые страстно стремятся къ правдѣ, заражены романтизмомъ до мозга костей; мы впитали въ себя его ядъ еще на школьныхъ лавкахъ, когда зачитывались запрещенныхъ поэтовъ; мы надыхались имъ въ отравленномъ воздухѣ нашей юности. Я знаю одного только, избѣжавшаго заразы, и это — Дюранти.

Часто, когда я размышляю объ насъ, я весьма ясно сознаю тотъ вредъ, какой намъ сдѣлалъ романтизмъ. Литература долго остается потрясенной послѣ такого припадка безумія. Всякая логика, всѣ основы серьезной философіи, всякій научный методъ, всякій анализъ людей и вещей были сметены этимъ лирическимъ порывомъ, и съ той поры мы никакъ не можемъ найти равновѣсія. При такихъ моровыхъ болѣзняхъ болное поколѣніе не уноситъ болѣзни съ собою; зараза передается слѣдующимъ поколѣніямъ, и надо, чтобы она сама собой истощилась въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, чтобы исчезнуть вполне.

Мы, первые пришельцы послѣ 1830 г., мы всего сильнѣе заражены; наши дѣти уже будутъ здоровѣе. Но припадокъ былъ такъ силенъ, что понадобится еще, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ, чтобы избавить нашу литературу отъ этой язвы.

Поэтому, вотъ въ чемъ заключается, по-моему, рѣдкая оригинальность Дюранти: онъ не романтикъ, онъ натуралистъ, помимо всякой теоріи, по своему характеру. Это прямой сынъ восемнадцатаго столѣтія, съ которымъ онъ такъ непосредственно связанъ, какъ будто бы литературы имперіи, реставраціи и Луи-Филиппа никогда и не существовало. Единственный родня ему Стендаль, двоюродный братъ.

Первый романъ, напечатанный имъ въ 1860 году, „Le Malheur d'Henriette Gérard“, приобрѣлъ большой успѣхъ. Онъ выдержалъ два изданія. Критика была поражена простой исторіей несчастной любви одного молодого человѣка и одной молодой дѣвушки, которую авторъ разсказалъ во всей ея драматической и раздирательной правдѣ. Она звучала такой искренностью, всѣ подробности были изложены съ такимъ искусствомъ, анализъ отличался такой безжалостной строгостью, что все это возвѣщало одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ талантовъ. Такимъ образомъ, Дюранти могъ подумать, что онъ бли-

векъ изъ цѣли. Къ несчастію, съ той поры, сколько онъ ни печаталъ романовъ, такихъ же субъективныхъ, публика оставалась холодна. Это составляетъ одну изъ величайшихъ несправедливостей нашего времени: Дюранти не пользуется тѣмъ вниманіемъ публики, какого заслуживаетъ. Онъ изъ числа тѣхъ пяти или шести романистовъ, произведенія которыхъ можно считать замѣчательными. Я думаю, что могу объяснить причины этой несправедливости. Грустно сознаться для меня, столь ожесточенно нападающаго на романтизмъ, что всѣ мы, остальные романисты, успѣхомъ своимъ обязаны отчасти тому лиризму, который, помимо нашей воли, пропитываетъ наши произведенія. Наше время больное, я уже это говорилъ, и оно питаетъ извращенную любовь къ тому странному лирическому соусу, которымъ мы приправляемъ правду. Увы! боюсь, что не правду любить въ насъ, но остроту рѣчи, прихотливость рисунка и красокъ, какія мы ей придаемъ. У Дюранти нѣтъ ничего этого; поэтому онъ не нравится. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ дурно пишетъ. Я скорѣе скажу, что онъ пишетъ безъ прикрасъ. Онъ гораздо болѣе заботится о жизни, нежели объ искусствѣ. Правъ ли онъ? Быть можетъ. Сознаю, что это меня иногда смущаетъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ искать много объясненія его неудачному поприщу, какъ романиста: первому успѣху, за которымъ послѣдовала долгая борьба, остающаяся до сихъ поръ безъ всякаго результата.

Произведенія Дюранти—очень тонкое лакомство для небольшого кружка литераторовъ. Надо любить его нѣсколько сухую и точную манеру, основанную на подборѣ многочисленныхъ и точныхъ подробностей. У него есть также комическая жилка, очень эффектная. Это не широкая кисть Балзака, не систематическое напряженіе Стендала:—это сама жизнь, разбитая на кусочки и воспроизведенная съ ея повседневной суетой и такъ естественно, такъ просто, что въ цѣломъ произведеніе производитъ очень сильное впечатлѣніе. Наконецъ, главное достоинство его произведеній—оригинальность. Всѣ мы болѣе или менѣе похожи другъ на друга. Одинъ онъ оригиналенъ. Одного этого достаточно, чтобы отличить его, каковы бы ни были вообще его недостатки.

Вотъ полный списокъ произведеній Дюранти: „Le Malheur d'Henriette Gérard“, „La Cause du beau Guillaume“, „Les Combats de Françoise Duquesnay“, „Le Chevalier Navoni“ и „Les six barons de Serfontaines“. Я прошу полной справедливости для Дюранти: я совѣтую прочитать названныя мной сочиненія. Они, конечно, неизвѣстны за-границей, тогда какъ столько дрянныхъ романовъ французскихъ пользуются тамъ успѣхомъ, котораго намъ приходится стыдиться.

Сначала, можетъ быть, и покоробить отъ сухости произведеній Дюранти; но къ ней вскорѣ привынешь и его оригинальность понравится. Она безъ всякой приправы и чисто во французскомъ традиціонномъ вкусѣ. Я не знаю высшей похвалы.

III.

Перехожу теперь къ другой группѣ романистовъ, послѣдователей Жоржъ Санда и Ламартина, къ изящнымъ лирикамъ, идеалистамъ, моралистамъ.

Одинъ ветеранъ живъ еще; Жюль Сандо. Онъ дебютировалъ много лѣтъ тому назадъ романомъ, написаннымъ, какъ извѣстно, въ сотрудничествѣ съ Жоржъ Сандъ. Позднѣе онъ написалъ самъ по себѣ съ десятокъ романовъ, и самые извѣстные между ними „Mademoiselle de la Seiglière“, „Sacs et Parchemins“, „Madeleine“, „Le docteur Herbeau“. Въ настоящее время онъ одинъ изъ двухъ романистовъ, которыхъ насчитываетъ академія,—я сейчасъ перейду ко второму, а именно Октаву Фэлью. Давно уже Жюль Сандо не пишетъ больше романовъ. Онъ совсѣмъ удалился отъ дѣятельной литературной жизни. Его встрѣчаешь иногда возлѣ академіи, разгуливающимъ, фланирующимъ, какъ добрый буржуа, съ видомъ чловѣка не отъ міра сего. Жюль Сандо никогда не пользовался шумнымъ успѣхомъ. Это изящный писатель, который нравился начитаннымъ людямъ, а болѣе всего женщинамъ и молодымъ дѣвушкамъ. И даже послѣднія остались ему вѣрны, потому что его издатель говорилъ мнѣ недавно, что въ послѣднія десять лѣтъ книги его расходятся все въ одномъ и томъ же количествѣ, ни больше, ни меньше. Этотъ успѣхъ заслуживаетъ вниманія въ нашу порывистую эпоху, когда писатель такъ же скоро прославляется, какъ и забывается.

Второй романистъ-академикъ, Октавъ Фэлью, производилъ настоящій фуроръ. Лѣтъ двѣнадцать, пятнадцать тому назадъ, въ цвѣтущее время имперіи романы его расходились въ значительномъ числѣ экземпляровъ, „Monsieur de Camors“, „Sybille“, „Julia de Trésoeur“ восхищали всѣхъ свѣтскихъ дамъ. Число разошедшихся экземпляровъ каждаго изъ этихъ произведеній можно положить въ тридцать тысячъ. Октавъ Фэлью былъ тогда моднымъ романистомъ въ аристократическомъ мірѣ. Его чествовали въ Тюльери, императрица относилась къ нему съ большимъ уваженіемъ и совѣтовалась съ нимъ на счетъ выбора книгъ для чтенія. Сознаюсь, что я не осо-

банный поклонникъ таланта Октава Фэлье, представляющаго сло-
 гомъ съ Мюссе и Жоржъ Сандъ; вся его оригинальность заклю-
 чается въ томъ, что онъ сдѣлался адвокатомъ долга и нравствен-
 ности тамъ, гдѣ его два предшественника защищали страсть. Его
 называли довольно зло и довольно вѣрно: „Le Musset des familles“.
 Съ тѣхъ поръ, правда, онъ захотѣлъ показать, что не отступаетъ
 передъ рискованными картинами и писалъ книги, которыхъ матери
 не дадутъ въ руки своимъ дочерямъ. Впрочемъ, у меня свой опре-
 дѣленный взглядъ на мнимую нравственность свѣтскихъ романистовъ.
 Я считаю, что эта нравственность вся соткана изъ безнравственно-
 сти и что ничто не можетъ быть вреднѣе для сердца и ума какъ лице-
 мѣрное искаженіе истины и іезуитство страстей, сдерживаемыхъ
 приличіями. Вотъ въ чемъ я обвиняю Октава Фэлье, но я охотно
 признаю за нимъ талантъ въ оттѣнкахъ, правильный слогъ и нѣ-
 сколько изысканное изящество. Въ послѣднее время успѣхъ его зна-
 чительно ослабѣлъ. Двѣ послѣднія книги, написанныя имъ: „Un
 mariage dans le Monde“, и „Les Amours de Philippe“, конечно, не
 шли такъ бойко, какъ ихъ предшественники. Франція пережила по-
 трясеніе, времена перемѣнились, любимый авторъ императрицы Евге-
 нинъ выбитъ изъ колен. Къ тому же, романисты натуральной школы
 выросли колоссально: „Fromont jeune et Risler aîné“ и „Le Nabab“
 Альфонса Доде выдержали каждый сорокъ изданій, и это объясняетъ,
 почему публика, привыкшая теперь къ изображенію дѣйствительности,
 къ строгому анализу повседневной жизни, не увлекается больше
 пріятными вымыслами и романтическими интригами идеалистической
 школы.

Тѣмъ не менѣе Октавъ Фэлье остается столпомъ „Revue des
 Deux-Mondes“ и единственнымъ представителемъ въ немъ француз-
 скаго романа. Въ одномъ изъ моихъ писемъ я вамъ объяснялъ стран-
 ное положеніе, въ какомъ очутилась „Revue des Deux-Mondes“, не
 захотѣвшая или не сумѣвшая привлечь къ себѣ романистовъ нату-
 ральной школы и въ виду безусловной побѣды, одержанной этими
 послѣдними, осужденная пребывать внѣ литературнаго движенія, про-
 бавляясь второстепенными и третьестепенными романистами. Рисну
 сдѣлать слѣдующее сравненіе: ее озаряетъ только блѣдное заходящее
 солнце Октава Фэлье.

Я упомянулъ сейчасъ объ академіи, и такъ какъ къ слову при-
 шлось, то выскажу замѣчаніе, которое часто мнѣ досаждало. Акаде-
 мія насчитываетъ только двухъ романистовъ, тогда какъ въ ней чи-
 слятся цѣлыхъ четыре драматурга: Эмиль Ожье, Александръ Дюма,
 Викторьенъ Сарду и Эрнестъ Легувэ. Не говорю уже объ истори-

кахъ, которые еще многочисленнѣе. Между тѣмъ я нахожу такое распредѣленіе академическихъ кресель совершенно несправедливымъ. Театръ въ наше время совершенно ничтоженъ; я хочу сказать, что большинство даваемыхъ на немъ пьесъ очень слабо. Напротивъ того, романъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ литературѣ; весь умъ нашего времени сосредоточился, повидному, на романѣ, и эта форма останется нагѣрное характеристичной для литературы девятнадцатаго столѣтія, подобно тому, какъ трагедія и высокая комедія характеризуютъ литературу семнадцатаго вѣка. Но если такъ, то почему же такъ много драматурговъ и такъ мало романистовъ въ академіи, претендующей на роль вѣрной представительницы французской литературы. Безъ сомнѣнія, въ людяхъ недостатка нѣтъ. Развѣ Гюставъ Флоберъ, развѣ Эдмондъ де-Гонкуръ не должны быть давнымъ-давно академиками? Если только взвѣситъ литературное достоинство, не разбирая формы, развѣ они не талантливѣе въ десять разъ гг. Легувѣ и Сарду? Просто позорно оставлять такихъ писателей за дверью, когда выпускаетъ столько посредственностей. Академію вѣчно будутъ укорять за то, что она не впустила Бальзака; а она готовится повторить свои ошибки. Какъ и „Revue des Deux-Mondes“, она нагѣренно устраняется отъ литературнаго движенія. Такой образъ дѣятельности можетъ оказаться для нея опаснымъ. Если движеніе разростется, какъ я это и думаю, то она будетъ увлечена имъ помимо воли. Благоразуміе должно было бы рекомендовать ей самой вступить въ движеніе, допустить въ свои нѣдра новыхъ людей, потому что она можетъ жить лишь подъ условіемъ непрерывнаго обновленія.

Но я очень боюсь, какъ бы въ тотъ день, когда академіи придется избрать романиста, она бы не выбрала Шербюлье, прямого ученика Жоржъ Санда. Шербюлье—второй столпъ „Revue des Deux-Mondes“, а известно, что этотъ журналъ имѣетъ спеціальностью фабриковать академикомъ. Бюрокъ плохо платилъ своимъ сотрудникамъ, но приманивалъ ихъ перспективой академическаго кресла, куда усадить ихъ на старости лѣтъ. Шербюлье не производилъ такого фурора, какъ Октавъ Фэлье, но все же очень любимъ дамами. Онъ жеманецъ и торжествомъ его является изображеніе необыкновенныхъ характеровъ: всѣ его героини—ангелы, прокодящія черезъ адъ или черезъ чистилище, роковыя женщины или загадочныя дѣвушки, добродѣтель которыхъ въ концѣ-концовъ все-таки торжествуетъ. Понятно, что интрига самаго романческаго свойства; природа же служитъ только фономъ, съ поэтическимъ отбѣнкомъ. Я предпочитаю уже Октава Фэлье, который по крайней мѣрѣ остается во Франціи и беретъ свои сюжеты изъ нашего міра, тогда какъ Викторъ Шербюлье

избираетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ между поляками, мадьярами, тирольцами, такъ какъ это позволеть ему лгать не стѣсняясь. Это отживающая мода и надо быть снисходительнымъ къ романистамъ романтическаго хвоста. Вскорѣ они будутъ достаточно наказаны забвеніемъ публики. Симптомы тому вѣрны; читателямъ надоѣдаютъ эти вѣчныя басни на избитыя тѣмы, въ которыхъ драма создается изъ самыхъ фальшивыхъ и дикихъ чувствъ, тогда какъ стоить появиться правдивому творенію, роману, изображающему мучительную дѣйствительность обиденной жизни—и въ толпѣ покупателей происходитъ движеніе, ясно указывающее на окончательную побѣду послѣдователей Балъзака.

Назову Луи Ульбаха, много писавшаго въ томъ родѣ, какой можно назвать—ни то, ни сѣ. Этотъ послѣдній—послѣдователь Ламартина, котораго знавалъ и у котораго заимствовалъ тягучій и образный слогъ. Единственный успѣхъ далъ ему его романъ: „Monsieur et madame Fernel“, довольно вѣрная картина провинціальной жизни. Двадцать-пять или тридцать остальныхъ его романовъ разошлись въ умѣренномъ количествѣ; среднимъ числомъ они выдерживали два-три изданія. Въ настоящее время онъ еще много пишетъ; года не проходитъ, чтобы онъ не издалъ два-три романа, но критика больше имъ не занимается; онъ нѣтъ воинствующей литературы—и его романы находятъ покупателей лишь въ силу привычки. Я называю Ульбаха потому, что онъ представляетъ вѣрный типъ романиста, о которомъ говорятъ, что онъ пишетъ литературные романы. Педъ этимъ подразумеваютъ романы, съ претензіей на слогъ, съ описаніями и анализомъ, въ противоположность фельетоннымъ романамъ, которые кропаются безъ всякаго уваженія къ грамматикѣ или къ здравому смыслу. Очень любопытно изучить слогъ Ульбаха: это—драблій слогъ, исполненный поэтическихъ намѣреній. Одно сравненіе погоняетъ другое, фразы сверкаютъ, точно пестрая кисея, но подъ ними не чувствуется прочнаго и логическаго плана, на которомъ все должно опираться и который одинъ обличаетъ даровитаго писателя. Короче сказать, тутъ есть только претензія на стиль; самаго же стиля нѣтъ, нѣтъ оригинальности, нѣтъ вѣрныхъ словъ, передающихъ ощущенія. Тѣмъ не менѣе Ульбахъ счмветъ писателемъ въ газетахъ и у извѣстной публики. Ниже я дополню эту характеристику, говоря о Жюль Клареси.

Вотъ почти всѣ изъ извѣстныхъ романистовъ идеалистовъ. Не хочу спускаться слишкомъ низко, до Луи Энобъ, на примѣръ, представляющаго каррикутуру этого рода. Этотъ послѣдній изобрѣлъ помяну идеала, сиречь романтизма. Не знаю, извѣстны ли у насъ въ Россіи

его романы, въ которыхъ героинями являются молодныя сантиментальныя русскія дамы. Это веркъ приторности. Если бы парижмакеръ вздумалъ писать романы, то мнѣ кажется, что онъ написалъ бы подобныя вещи. Въ этихъ трущобахъ идеализма я могу еще указать на Перрэ, къ которому „Revue des Deux-Mondes“, за неизмѣнимъ лучшимъ, приходилось обращаться. Это въ своемъ родѣ „sous-Cherbuliez“, подобно тому какъ самъ Шербюль есть „sous-Feuillet“. На этой ступени всякій талантъ исчезаетъ, посредственность бьетъ въ глаза. Это произведенія дюжинныя, классифицировать ихъ бесполезно.

Я долженъ, однако, упрекнуть себя въ томъ, что позабылъ Андре Тѣрьё. Этотъ послѣдній тоже идеалистъ и въ его произведеніяхъ отклоняется Жоржъ Сандъ. Но я охотно прощаю ему за тонкую прелесть, какую пропитаны его мельчайшіе рассказы. Къ тому же, онъ скромненькій и довольствуется коротенькими романами, которые въ сущности надо признать повѣстями. Парижъ ему не дается обыкновенно; когда онъ помѣстится въ немъ дѣйствіе, то рѣдко выпутается со славой. Ему нужна провинція; ему нужны большіе лѣса, гдѣ онъ жилъ долгіе годы. Тамъ онъ въ самомъ дѣлѣ бываетъ живъ. Лица его, немного условныя, необыкновенно какъ оживляются подъ деревьями, въ тѣни глубокихъ просѣкъ. Невольно интересуешься ихъ любовными дѣлами, хотя интрига почти никогда не измѣняется. Это такъ свѣжо и ароматно. Андре Тѣрьё, по моему мнѣнію, единственный новый романистъ, котораго можно съ удовольствіемъ читать въ „Revue des Deux-Mondes“. Долгое время онъ не пользовался никакимъ успѣхомъ. Его первыя произведенія: „Mademoiselle Guignon“, „La Fortune d'Angèle“—не расходились даже и въ одномъ изданіи. Послѣ того онъ издалъ „Le Filleul d'un marquis“ и успѣхъ мало помалу выпалъ и ему на долю. Въ настоящее время романы его выдерживаютъ два изданія. Исторія Тѣрьё должна была бы навести на размышленія „Revue des Deux-Mondes“. Вотъ романистъ, чьи произведенія онъ печатаетъ уже много лѣтъ сразу и эти произведенія, выпущенныя отдѣльнымъ изданіемъ, находили весьма немногихъ покупателей, несмотря на свое несомнѣнное достоинство. Что же остается послѣ этого думать о претензіяхъ „Revue des Deux-Mondes“, воображающей и заявляющей во всеуслышаніе, что она обезпечиваетъ успѣхъ за романами, которые печатаетъ; если ей случится напечатать произведеніе новаго романиста, она внушитъ ему, что это большая для него честь и что съ этой минуты его литературная карьера обезпечена. Это заблужденіе, что и доказывается фактами. Поль Перрэ, сотрудникъ „Revue des Deux-Mondes“, совсѣмъ не имѣетъ сбыта въ книжныхъ магазинахъ, а Андре Тѣрьё имѣетъ очень небольшой сбытъ.

Истина заключается въ томъ, что „Revue des Deux-Mondes“ никогда не пускаетъ писателя въ публику; надо завоевать эту публику самому, своимъ талантомъ.

Вотъ пассивъ идеалистическаго романа въ настоящее время. У него есть одинъ милый рекрутъ, Андре Тёръ, и хромые генералы, какъ Октавъ Фэлье и Викторъ Шербюль. Я не называлъ Виктора Гюго, потому что ему всегда слѣдуетъ отводить особое мѣсто; да онъ въ тому же и не пишетъ романовъ, а пишетъ поэмы въ прозѣ. Мало вѣроятнo, чтобы онъ написалъ еще новыя, да и влияніе его ничтожно на теперешнее движеніе въ литературѣ. Я знаю у него только одного ученика, Леона Кладеля, которымъ сейчасъ и займусь. Итакъ, идеалистическій романъ трещитъ и распадается прахомъ. Можно предвидѣть день, когда онъ умретъ естественной смертью, за недостаткомъ романистовъ. Я не вижу въ подроставшемъ поколѣніи ни одного талантливаго писателя, который бы захотѣлъ облечься въ доспѣхи Жоржъ Санда. Я вижу, напротивъ того, цѣлую выводку молодыхъ писателей, готовыхъ слѣдовать по пути, проторенному Бальзакомъ. Въ нихъ будущее, въ нихъ жизнь. Не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ положеніе ясно опредѣлится и останется только признать полную побѣду натуральной школы.

IV.

Я не могу втиснуть всѣхъ романистовъ въ перегородки системы. Поэтому теперь вкратцѣ поговорю о нѣкоторыхъ личностяхъ, выдѣлившись изъ распри идеалистовъ и натуралистовъ.

Я часто съ удивленіемъ думаю объ Эдмондѣ Абѣ. Какъ писатель, онъ постоянно подноситъ публикѣ сюрпризы. Припомнимъ его первый дебютъ въ цвѣтущее время имперіи. Онъ проявилъ первостепенный полемическій талантъ; тонкій, остроумный, скептикъ, онъ наследовалъ если не весь умъ Вольтера, какъ, можетъ быть, говорили, то хоть частицу его. Его книга о Греціи, его книга о Римѣ, хотя въ сущности и пустоватыя, имѣли значительный успѣхъ, благодаря легкому и веселому слогу. Кромѣ того, Абѣ дебютировалъ и какъ романистъ съ большимъ блескомъ. Его „Mariages de Paris“, сборникъ повѣстей, выдержалъ почти сразу десять или двѣнадцать изданій. Онъ, не переводя духъ, выпустилъ сразу „Zolla“, „Germanie“, „Trente-et-quarante“. Наконецъ, напечаталъ „Madelon“, свой лучший романъ, по-моему, написанный съ поразительнымъ юморомъ. Потомъ вдругъ, послѣ двухъ фантазій, возбуждавшихъ ожесточенную критику: „L'Homme

à l'oreille cassée" и „Le Cas de monsieur Guégin“, онъ издавъ свой безконечный романъ въ трехъ толстыхъ томахъ: „La Vieille Roche“, гдѣ весь его талантъ какъ-то расплылся и отяжелѣлъ. И на этомъ дѣло кончилось: романистъ внезапно въ немъ умеръ. Послѣ этого произведенія, напечатаннаго лѣтъ десять тому назадъ, Абу, кажется, не далъ ни одной книги своему издателю. Онъ женился, растолстѣлъ; въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ о немъ ничего не было слышно. Можно было подумать, что онъ умеръ. Наконецъ, онъ принялъ на себя редакцію журнала: „Le Dix-neuvième Siècle“. Въ настоящее время онъ главный редакторъ, дѣлаетъ хорошія денежные дѣла; морозъ какъ будто обрѣтаетъ свое бойкое перо былаго счастливаго времени. Но какъ бы то ни было, а я не знаю болѣе странной исторіи въ нашей современной литературѣ: человекъ, начавшій такъ блистательно, писатель, главными качествами котораго были дѣятельность и плодовитость, и который вдругъ бросаетъ писать, точно будто бы онъ все высказалъ и больше ему нечего сказать. Я исказъ объясненія этому обстоятельству, и какъ мнѣ кажется, могу сказать, что великое несчастіе Абу заключается въ томъ, что онъ ни во что не вѣритъ, даже въ литературу. Въ свое время ихъ была маленькая группа въ Нормальной школѣ, проповѣдывавшихъ горячую страсть къ Вольтеру. Это была не бѣда; но худо то, что нѣкоторые изъ нихъ вѣроотно возмечтали о продолженіи дѣла Вольтера. Абу, напримѣръ, былъ полемистомъ, памфлетистомъ, сказочникомъ, философомъ, экономистомъ. Но вѣдь времена перемѣнились, дѣла Вольтера нельзя продолжать при тѣхъ же условіяхъ. Прибавьте, что скептицизмъ былъ обязательный. Въ одинъ прекрасный день Абу, вѣроотно, спросилъ себя: „къ чему все это?“ У него не было убѣжденій, у него было только остроуміе; онъ уже пресытился битвами и славой здѣшняго міра. Лучше жить спокойно на свои ренты. Кроме того, политическій горизонтъ былъ очень мраченъ; невозможно было разгадать, въ чемъ заключается будущее. Абу, съ его либеральными тенденціями, сталъ пріятелемъ принца Наполеона на всякій случай. Въ бурю 1870 г. онъ исчезъ со сцены. Въ настоящее время онъ снова появился республиканцемъ. Но если полемистъ и воскресъ, хотя немного потасканный и устарѣвшій, за то романистъ погибъ въ смутѣ безвозвратно. О немъ уже можно высказать окончательное сужденіе. Онъ былъ прежде всего рассказчикъ. Слишкомъ чувствовалось, что онъ самъ не вѣритъ въ своихъ героевъ; онъ ихъ заставлялъ плясать на кончикѣ своего пера, чтобы позабавить другихъ и самому позабавиться. Вы всегда чувствовали, что авторъ пританцовалъ за страницей и смѣется. Это отсутствіе убѣжденій придавало большую

легкость произведенію, но отнимало у него всякую глубину. Анализъ оставался поверхностнымъ, произведеніе только легко читалось и было забавно. Абу не оставитъ по себѣ ни одного типа, ни одной сильной и положительной страницы. Онъ былъ полонъ задора, онъ былъ свавочникомъ, который, проснувшись разъ поутру, принялся очень остроумно болтать и всѣхъ насмѣшилъ, затѣмъ, ложась спать, вечеромъ, задулъ свою свѣчу навсегда.

Исторія съ Эрмано-Шатриано-мъ тоже весьма любопытна. Оба—эльзасцы, связанные взаимной симпатіей однородныхъ натуръ, они начали разсказами изъ своей мѣстности. Вначалѣ они были учениками Гофмана и любили придавать фантастическій оттѣнокъ правдивымъ отношеніямъ эльзасскихъ нравовъ. Позднѣе они расширили свои рамки, не разставаясь съ страной, гдѣ родились и гдѣ выросли, и можно сказать, что тогда они были правдивыми и чувствительными живописцами Эльзаса, потому что познакомили насъ съ его полями, жителями, обычаями въ такихъ же старательныхъ, какъ и прелестныхъ картинкахъ. Но хотя они и удлиняли свои разсказы, хотя они и придавали своимъ произведеніямъ названіе романовъ, они все же оставались тѣми же разсказчиками, прибѣгающими все къ однимъ и тѣмъ же кукламъ, вмѣсто дѣйствительныхъ лицъ, никогда не дающимъ себѣ труда создавать живыхъ людей, угощающимъ читателей рядомъ сценъ, ярко раскрашенныхъ, точно картинка. Успѣхъ сразу выпалъ имъ на долю и успѣхъ громадный. Конечно, ихъ талантъ, тонкій и сочный, игралъ значительную роль въ этомъ успѣхѣ. Но надо сказать также, что и обстоятельства сильно ему способствовали. Политика замѣшалась въ дѣло. Въ своихъ романахъ: „Madame Thègèse“ и „Le Conscrit de 1813“, остающихся ихъ лучшими произведеніями, они набросали страшную картину войнъ имперіи съ самымъ добродушнымъ видомъ. Въ особенности вѣрно изобразили они отношеніе народа къ войнѣ, его неохоту разставаться съ своимъ домашнимъ очагомъ, его эгоистическій патриотизмъ, его непобѣдимую потребность въ мирѣ и свободѣ. Оппозиція уже глухо подтачивала имперію, романы Эрмана-Шатриана были встрѣчены съ восторгомъ, какъ протестъ противъ возможности войнъ. Отъ этихъ романовъ вѣяло республиканскимъ духомъ; съ другой стороны, они легко проникли въ семьи, такъ какъ не затрогивали никакихъ страстей, не касались незаконной любви, не рисовали нескромныхъ сценъ; наконецъ, они легко читались. Отсюда ихъ громадный успѣхъ. Дошло до того, что ихъ стали называть „національными романами“. Изданіи слѣдовали за изданіями всѣхъ форматовъ. Ихъ было продано сто тысячъ экземпляровъ. Это были одни изъ самыхъ ходячихъ книгъ въ

нашемъ столѣтіи. Въ настоящее время уже не то: „Madame Thérèse“ и „Le Conscrit de 1813“ остаются очень милыми вещами, но не болѣе того. Къ тому же, на бѣду эти авторы не послѣдовали примѣру Абу. Къ несчастію, успѣхъ только усилилъ ихъ плодовитость. Вторая бѣда та, что они ударились въ политику, вообразивъ, что это обезпечитъ за ними успѣхъ. И вотъ принялись они писать длиннѣйшіе романы,—они, которымъ были по плечу только маленькій рассказикъ, сантиментальная повѣстуха, они написали: „Histoire du plebiscite“, „Les Memoires d'un homme du peuple“ и еще другія сочиненія, заглавія которыхъ я не помню, но интересъ которыхъ весь заключается въ республиканской пропагандѣ. Все это очень плохо, абсолютно ничтожно. Порывъ у публики былъ слишкомъ великъ, чтобы книги могли сразу сѣсть. Но мало по-малу шумъ, возбуждаемый именами Эрмана-Шатриана, улегся, критика перестала интересоваться ихъ новыми произведеніями. Равнодушіе постепенно воцарилось. И все это было неизбежно, и я даже предсказалъ это въ одной статьѣ въ моментъ ихъ торжества. У нихъ не было мощныхъ качествъ, устанавливающихъ славу писателя; они недостаточно занимались человѣкомъ, они не вносили въ свои произведенія мощное творчество, которое можетъ пережить моду. Всякій успѣхъ, обставленный такими условіями, успѣхъ милыхъ, но поверхностныхъ произведеній, роковымъ образомъ является увлеченіемъ. И чѣмъ сильнѣе былъ восторгъ, тѣмъ сильнѣе и реакція. Объ Эрманѣ-Шатрианѣ болѣе не говорятъ. Не знаю, продолжаютъ ли они еще писать. Последній шумъ, возбужденный ими, былъ произведенъ „L'ami Fritz“, даннымъ въ Théâtre-Français, и я очень хвалилъ эту пьесу за реалистическую нотку, которую они внесли въ театръ.

На ряду съ Эрманомъ-Шатрианомъ упомяну о Жюль-Вернѣ. Этотъ послѣдній не пишетъ, собственно говоря, романовъ; онъ драматизируетъ науку, онъ пускается въ фантастическія бредни, опираясь на новыхъ научныхъ данныхъ. Въ сущности, это, конечно, романы, и романы еще болѣе неправдоподобные и фантастическіе, чѣмъ наши. Публикѣ нравится эта забавная популяризація науки. Я не стану разбирать этого рода произведеній, долженствующихъ, по моему, исказить всѣ познанія дѣтей. Я съ своей стороны отдаю предпочтеніе „Мальчигу съ пальчикъ“ и „Спящей красавицѣ“. Но я вынужденъ засвидѣтельствовать объ ихъ невѣроятномъ успѣхѣ. Произведенія Жюль-Верна, несомнѣнно, всего болѣе покупаются въ настоящее время во Франціи.

Каждая изъ его книгъ: „Cinq semaines en ballon“, „Le Tour du monde en 80 jours“, „Les Fils du capitaine Grant“ и другія—расхо-

дѣлись въ количествѣ ста тысячъ экземпляровъ. Ихъ увидишь въ рукахъ всѣхъ дѣтей, имъ отводится мѣсто во всѣхъ семейныхъ бібліотекахъ, что и объясняетъ ихъ сильный сбытъ. Впрочемъ, они не имѣютъ никакого значенія въ современномъ литературномъ движеніи. Азбуки и требники продаются въ такомъ же громадномъ числѣ.

Наконецъ, упомяну въ заключеніе о Гюставѣ Дрозѣ. Онъ тоже создалъ особый родъ литературы. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ царилъ въ „*Vie parisienne*“, этомъ свѣтскомъ журналѣ, бывшемъ какъ-бы официальнымъ органомъ щеголей и щеголихъ имперіи. Гюставъ Дрозъ былъ живописцемъ искусственнаго общества, игравшаго въ милые пороки, подобно тому, какъ восемнадцатый вѣкъ игралъ въ пастораль. Надо прочесть его лучшее произведеніе: „*Monsieur, Madame et Bébé*“, чтобы понять всю нарумяненную грацію этого міра. Конечно, нитка была немного натянута — это и чувствуется теперь. Но главное достоинство живописца заключалось въ томъ, что онъ набросалъ сцены, которые, конечно, и останутся какъ отличныя данныя для изученія общества второй имперіи. Его упрекали въ томъ, что онъ обмакиваетъ свою кисть въ рисовую пудру. Безъ сомнѣнія, онъ это дѣлалъ, но это-то и даетъ ему право на славу, потому что одинъ онъ представилъ картину элегантнои семьи въ 1867 г. Гюставъ Дрозъ продолжаетъ писать, но произведенія его уже не увѣнчиваются такимъ успѣхомъ какъ „*Monsieur, Madame et Bébé*“, которое разошлось въ очень большомъ числѣ.

V.

Теперь остается цѣлый классъ романистовъ, которыхъ было бы очень интересно разобрать. Я говорю про кропателей фельетоновъ, учениковъ Дюма-отца.

Во-первыхъ, надо сказать, что условія, въ какія поставленъ фельетонный романъ, совершенно измѣнились. Въ прежнее время, дѣтъ сорокъ тому назадъ, когда придумали разрѣзать романъ по частичкамъ и угощать ими ежедневно въ нижнемъ этажѣ газетъ, то выдумка эта увѣнчалась громаднымъ успѣхомъ. Читатели въ то время не особенно гонялись за газетами; система сообщенія текущихъ новостей еще не была изобрѣтена и надо было много доброй воли, чтобы поглощать серьезныя и тяжелыя статьи. Такимъ образомъ, фельетонный романъ явился приманкой для подписчиковъ, въ осо-

бенности для женщинъ; въ журналистикѣ признается общимъ правиломъ, что надо привлечь на свою сторону женщину въ домѣ, если желаешь, чтобы абонементъ возобновился. Женщины набросились на фельетонные романы и выдумка оказалась блистательной, а успѣхъ невѣроятнымъ. Можно сказать, что въ тѣ времена давали фельетонный романъ, а сверхъ того и газету. Романъ былъ главной цѣлью существованія газеты. Отсюда важное значеніе фельетона и громкая слава Дюма-отца, Эжена Сю, Поля Феваля, Эли Берте и столькоиъ другихъ.

Но нынѣ времена пережѣнились. Журналистика страшно разрослась, благодаря быстротѣ сообщенія различныхъ новостей, въ особенности благодаря нетерпѣливой горячкѣ, развивавшейся у публики все знать и знать въ ту же минуту. Интересъ перенесся изъ нижняго этажа газеты на столбцы самой газеты. Съ другой стороны, изобрѣтатели этого рода, первые разсказчики, — состарѣлись, а новые романисты, — романисты натуральной школы, углубляются въ описанія и анализъ на десяти страницахъ и ихъ произведенія неудобны для фельетонныхъ рамокъ.

Они больше не лелѣютъ „продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ“, этотъ перерывъ на какомъ-нибудь самомъ интересномъ мѣстѣ, въ чемъ собственно и заключалась вся наука фельетонистовъ.

Поэтому ихъ романы имѣютъ очень жалкій видъ, разрѣзанные на кусочки, обезображенные, лишенные своего широкаго рисунка. И вотъ читатели дошли до того, что презираютъ фельетонные романы, по крайней мѣрѣ, ихъ не читаютъ, рѣшая, что прочтутъ ихъ, когда они выйдутъ книгой, если они того стоятъ. Словомъ, положеніе дѣлъ теперь діаметрально противоположно прежнему: газета покупается ради самой газеты, а фельетонъ идетъ въ придачу.

Поэтому казалось бы всего проще — сократить фельетонъ. Но бѣда въ томъ, что въ вопросѣ о подпискѣ замѣшивается женщина. Женщинѣ нуженъ фельетонъ. Его и даютъ ей — вотъ и все. Я часто разсуждалъ объ этомъ съ редакторами газетъ и говорилъ имъ, что напрасно они печатаютъ въ фельетонахъ тщательно написанныя, литературныя произведенія, которыя становятся почти непонятными, благодаря ежедневному вромсанію, да вдобавокъ еще не пользуются большимъ успѣхомъ. Къ чему упорствовать, когда формула романа перешѣвилась, къ чему втискивать въ рамку фельетона, изобрѣтенную сказочниками, произведенія романистовъ натуральной школы, которымъ нуженъ просторъ и которые могутъ чувствовать себя дома лишь въ ежемѣсячномъ журналѣ, гдѣ имъ могутъ предоставить, по крайней мѣрѣ, два печатныхъ листа въ распоряженіе. На это ре-

дакторы иѣ неизмѣнно отвѣчали, что, правда, имѣ нѣтъ никакого барыша, когда они печатають, напримѣръ, романъ Эдмонда-де-Гонкуръ или Альфонса Додэ, но только такіе романы почетны для газеты и устанавливають ея литературную славу. Передъ такимъ аргументомъ остается только преклониться. Остается вопросъ: не вредно ли для самихъ романистовъ натуральной школы то обстоятельство, что ихъ произведенія кромсаются на куски для того, чтобы ихъ можно было втиснуть въ узкія рамки фельетона. Съ своей стороны, я того мнѣнія, что намъ слѣдовало бы давать свои романы только въ ежемѣсячные журналы. Къ несчастію, ихъ не существуетъ во Франціи; единственный, успѣвшій основаться, „La Revue des Deux-Mondes“ — остался внѣ литературнаго движенія.

Если произведенія романистовъ натуральной школы не пригодны для печатанія въ фельетонахъ, за то до сихъ поръ еще существуютъ романисты, которые работаютъ исключительно для нижняго этажа газетъ. Но только тутъ уже литература не причеъ. Эти произведенія не только плохи, они ничтожны. Со всѣмъ тѣмъ надо остановиться на минуту на этихъ романистахъ, которые работаютъ по метрамъ, какъ каменщики. Статья о французскомъ романѣ была бы не полна, если бы оставить безъ всякаго упоминенія такое значительное производство. Фельетоннымъ романистамъ нѣтъ числа, ихъ насчитываютъ десятками, а если бы сосчитать число строкъ печатаемыхъ ими ежедневно, то получился бы поразительный итогъ. Это предметъ ежедневнаго потребленія публики, такой же—какъ масло или картофель. Читателямъ нужна извѣстная доза романическихъ приключеній, и есть предприниматели по печатной бумагѣ, которые берутся ее доставить. Чаще всего это не даетъ имъ даже имени. Большинство фельетонныхъ романистовъ совершенно неизвѣстно публикѣ. Но нѣкоторые, однако, добываютъ себѣ извѣстную популярность. Видя постоянно ихъ имя, подписанное подъ фельетонами, его, наконецъ, запоминають. Наконецъ, есть такіе, которые пользуются несомнѣннымъ влияніемъ на толпу. Впрочемъ, я сейчасъ займусь нѣкоторыми изъ нихъ.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что творцы этого рода были мастера сравнительно съ своими послѣдователями. Конечно, съ безусловно литературной точки зрѣнія значеніе Александра Дюма-отца и Эжена Сю въ настоящее время весьма ничтожно. Но какая сила фантазіи, какое одушевленіе! Они растратили больше таланта, чѣмъ нужно для того, чтобы написать мастерскія произведенія, если бы только согласились писать меньше и положить въ основѣ своихъ произведеній оригинальный слогъ и правду наблюденія. Слишкомъ

четверть столѣтія они приводили въ восторгъ всѣхъ французскихъ писателей. Правда, въ настоящее время произведенія ихъ представляютъ груду старыхъ книжонокъ, все менѣе и менѣе читаемыхъ, и имъ предстоитъ окончить свое существованіе на чердакахъ, изгнанными крысами. Одну минуту думали-было издать избранныя творенія Эжена Сю и Дюма-отца; но должны были отказаться отъ этой мысли, такъ какъ трудно было выбрать что-нибудь въ этой дребедени, одинаково осужденной на забвеніе.

Многіе изъ современниковъ Дюма-отца еще живы, напримѣръ, Поль Феваль, бывшій также однимъ изъ творцовъ фельетоннаго романа. Въ настоящее время онъ ничего больше не пишетъ или по крайней-мѣрѣ пишетъ въ такой пустынѣ, что давно уже мнѣ на глаза не попадалось новое произведеніе его пера. Удивительный переворотъ совершился въ этомъ умѣ, осаждаемомъ въ былое время самыми романтическими картинами. Набожность всецѣло овладѣла имъ; онъ близокъ къ иллюминатству. Онъ былъ выходящій изъ ряда вонъ по уму человѣкъ и, конечно, могъ бы писать литературныя произведенія. Литературный багажъ его довольно великъ, но уже теперь годится лишь на макулатуру. Упомяну также про Эли Берте, тоже насчитывающему въ быломъ много красныхъ фельетонныхъ дней. Онъ очень старъ, очень дряхлъ, но все еще не угомонился: каждый годъ печатаетъ два, три тома. Я, разумѣется, умалчиваю о литературномъ достоинствѣ его произведеній. Это приличные рассказы, старательно выкроенные по самымъ лучшимъ образцамъ этого рода.

Самымъ знаменитымъ изъ фельетонныхъ романистовъ былъ Понсон-дю-Террайль. Онъ прямой наслѣдникъ Дюма-отца и Эжена Сю, явился въ полный разгаръ второй имперіи и имѣлъ почти такой же успѣхъ, какъ и его старшіе братья.

Онъ умеръ во время войны въ 1871 г. Онъ былъ великій труженикъ — вотъ наилучшая похвала, какую можно о немъ сказать. Рассказываютъ, что онъ писалъ три, четыре романа за-разъ, доставляя ихъ въ ежедневныхъ фельетонахъ. Его „Похожденія Рокамболя“ остались знамениты. Онъ создалъ личность Рокамболя, универсальное существо, то рабочаго, то дворянина, приключеніямъ котораго не было числа. Еще безцеремоннѣе, чѣмъ Дюма-отецъ и Эженъ Сю, онъ храбро набрасывался на всякія небылицы, рассказывалъ самыя невѣроятныя исторіи, нисколько не заботился о слогѣ и завоевалъ толпу до такой степени, что его романъ обезпечивалъ успѣхъ газеты.

Въ настоящее время у насъ нѣтъ ни одного фельетоннаго романиста, котораго можно было бы приравнять къ нему по вліянію на толпу. Я могу только назвать Эмиля Ришбуръ, который недавно

имѣлъ очень большой успѣхъ въ „Petit-Journal“. Этотъ послѣдній беретъ сантиментальностью. Онъ постоянно выводитъ на сцену матерей, любящихъ своихъ дѣтей, влюбленныхъ, обожающихъ друга друга, героевъ, которые все плачутъ и жертвуютъ собой въ концѣ каждой главы. Публикѣ до такой степени понравилась эта сладость, что одно время Эмиль Ришбуръ дѣлалъ фуроръ. Его сотрудничество сказывалось немедленно громаднымъ числомъ проданныхъ экземпляровъ. Меня увѣрили, что когда онъ оставилъ „Petit-Journal“, то продажа быстро сократилась на сорокъ тысячъ нумеровъ, а когда онъ вернулся въ нему, то вернулись и сорокъ тысячъ покупателей, да съ ними еще десять тысячъ новыхъ. Ужъ, конечно, романистамъ натуральной школы не усилить до такой степени продажу газеты. Правда, что когда ихъ произведенія появляются отдѣльной книгой, то расходятся еще въ довольно значительномъ количествѣ, тогда какъ фельетонные романы имѣютъ позднѣе самый ничтожный сбытъ.

Я не имѣю претензій дать здѣсь болѣе или менѣе подробный списокъ фельетонныхъ романистовъ. Во-первыхъ, они слишкомъ многочисленны; во-вторыхъ, бесполезно перечислять ихъ всѣхъ, такъ какъ между ними нѣтъ никакой разницы. У всѣхъ также мало таланта, также мало оригинальности. Назову, однако, Буагоба, который пишетъ, быть-можетъ, старательнѣе другихъ, да еще Монтепена, писателя давно уже какъ-будто истощившагося и вдругъ снискавшаго значительный успѣхъ, благодаря большой распространенности „Figaro“.

VI.

Я приберегъ Жюля Клареси подъ конецъ, чтобы показать на немъ типическій примѣръ того, какъ можно имѣть всѣ признаки таланта, оставаясь весьма посредственнымъ романистомъ.

Клареси представляетъ собой общій случай въ нашей литературѣ; я готовъ сказать, что онъ—ея символъ. Онъ выступилъ очень молодымъ въ журналистикѣ. Ему не было еще и семнадцати лѣтъ въ 1857 году, а онъ уже писалъ въ литературныхъ газетахъ той эпохи. Позднѣе мы его находимъ въ „Figaro“, гдѣ онъ составлялъ „Les échos parisiens“. И съ этой поры онъ наводнилъ рынокъ своей прозой съ невѣроятной плодовитостью. Нѣтъ газеты, гдѣ бы онъ не подвизался, нѣтъ специальности, какой бы онъ не испробовалъ: литературная критика, театральная критика, хроника, политическія статьи, корреспонденціи, путешествія, романъ, исторія, театр. Это—фонтанъ

съ вѣчно-открытымъ краномъ; вода течеть все также обильно, также быстро. Если бы сложить въ одно всю сумму страницъ, уже написанныхъ имъ, то получился бы багажъ печатныхъ книгъ—болѣе обширный, чѣмъ у Вольтера, а Жюлю Клареси нѣтъ еще сорока лѣтъ! Говорятъ въ шутку, что онъ бываетъ боленъ, когда не напишетъ своихъ пятисотъ строкъ утромъ до завтрака.

Я не стану разбирать здѣсь ни его историческихъ книгъ, ни его литературныхъ и театральныхъ критическихъ статей. Это бы завело меня слишкомъ далеко. Я займусь только романистомъ. Онъ написалъ уже порядочное число романомъ, съ десятокъ по-крайней-мѣрѣ. Одинъ изъ первыхъ „Joseph Bugat“ надѣлалъ нѣкотораго шума. Это исторія сына потерянной женщины, который при развязкѣ беретъ на себя роль судьи. Въ немъ усмотрѣли признаки силы и таланта, которому предстоитъ дальнѣйшее развитіе. Когда позднѣе появилось „Madeleine Bertin“, то стали ждать стилиста; книга заключала въ себѣ страницы, написанныя прелестно, прекрасныя описанія, ловко скомпонованныя сцены. Та же самая исторія повторялась съ каждымъ его новымъ произведеніемъ. „Les Femmes de proie“, „Les Muscadins“, „Julien Savignac“, „Le Train № 13“, всѣ эти книги были хорошо написаны, тщательно выработаны со стороны литературной формы и пересыпаны тамъ и сямъ обрывками наблюденій, обрывками слога, обрывками таланта. Но въ цѣломъ всѣ эти книги безнадежно монотонны. Онѣ всѣ на одинъ покрой, ни хуже, ни лучше. И по мѣрѣ того какъ произведенія накоплялись—отъ нихъ все болѣе и болѣе вѣяло убійственной посредственностью. Жюль Клареси постоянно обѣщаль, но ничего не сдерживаль.

Я часто размышлялъ объ этомъ обстоятельствѣ и нахожу его крайне печальнымъ. Повторяю, у этого писателя всѣ литературныя приемы, всѣ видимыя признаки таланта, а когда его начнешь читать, то онъ оазывается пустымъ; это плодъ, съѣденный внутри червякомъ. Онъ отличается убійственной легкостью усвоенія, позволяющей ему быть всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не самимъ собой. Его перо бѣгаетъ по бумагѣ, но имъ руководить не его собственная фантазія, а чужая, воспоминанія, которыя онъ, помимо воли, вслѣдствіе подражательности своей природы, заимствовалъ направо и налево. Онъ былъ и остается зеркаломъ; каждый изъ насъ можетъ пойти и поглядѣться въ немъ и узнать себя. Словомъ, чтобы охарактеризовать его образно, онъ пишетъ подъ диктовку всѣхъ на свѣтѣ.

Чтобы еще лучше пояснить его, сравню его съ Альфонсомъ Додэ. Если Альфонсъ Додэ, напимѣръ, увидитъ какую-нибудь сцену, событіе, онъ будетъ сильно пораженъ имъ, и если расскажетъ его со

временемъ, то передать его цѣликомъ, какъ оно запомнилось, но только освѣтить его личнымъ чувствомъ, которое и вдохнетъ въ него жизнь. Вотъ этого-то личного чувства Жюль Клареси никогда не имѣлъ и не будетъ имѣть. И это осуждаетъ его быть вѣчной посредственностью.

Я уже объяснялъ, откуда происходитъ большой успѣхъ Альфонса Додэ и другихъ романистовъ натуральной школы. Ихъ произведенія живутъ, ихъ произведенія натуральны. Отъ этого читатели и увлекаются ими. Чувство заразительно. Необразованный читатель не отдастъ себѣ отчета въ интересѣ, охватывающемъ его, но тѣмъ сильнѣе поддается горю или радости, которыя навѣваются книгой. Когда же книга мертва, читатель остается холоднѣе. Я не вижу другой причины сравнительному равнодушію публики къ романамъ Клареси. Онъ останется примѣромъ того, какая судьба постигаетъ въ литературѣ плодовитаго писателя, имѣющаго лишь одинъ внѣшній лоскъ таланта.

Я могъ бы назвать многихъ изъ нашихъ писателей, которые находятся въ такомъ же положеніи, какъ и Жюль Клареси. Но достаточно разобрать и его, для примѣра. Я предпочитаю окончить на Леонѣ Кладелѣ, съ которымъ случилось нѣчто диаметрально противоположное. Леонъ Кладель дебютировалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ книгой: „Les Martyrs ridicules“, которая была замѣчена. Онъ только-что пріѣхалъ тогда изъ провинціи въ Парижъ, чтобы пробить себѣ въ немъ дорогу. Позднѣе онъ подружился съ поэтомъ Боделеромъ, и стилистическія теоріи послѣдняго произвели на него глубокое впечатлѣніе. Съ этихъ поръ онъ принялся неуспѣшно выработать свою прозу и на основаніи извѣстныхъ непоколебимыхъ правилъ. Онъ сталъ гоняться за точностью словъ, по цѣлымъ днямъ завѣшивалъ иное выраженіе, безжалостно преслѣдовалъ согласныя, которыя ему не нравились и не допускалъ ни одного повторенія. Я уже не говорю про маніи, которыя порою овладѣвали имъ. Такъ, одно время онъ проповѣдовалъ, что фразы, перенесенныя на другую строчку, не должны начинаться съ одной и той же буквы. Въ другой разъ онъ отрезалъ отъ самаго перенесенія фразъ на другую строку, такъ что его произведенія шли сплошь, безъ передышки. Вотъ весьма серьезные симптомы для писателя. Кромѣ того, что такіа вадорныя заботы быстро заглушаютъ творческія способности романиста, онѣ придаютъ его произведеніямъ дѣланную сухость, что-то угловатое и леденящее. Поэтому лучшіе романы Леона Кладеля: „Le Rousseassié“ и „La Fête votive de Saint-Bartholomé Porte-Glaive“ — не что иное, какъ литературныя бездѣлки, съ курьез-

ной отдѣлкой, которая возбуждаетъ скорѣе удивленіе, чѣмъ интересъ.

Я знаю, почему Леонъ Кладель такъ мучится надъ отдѣлкой стили въ своихъ романахъ. Онъ вполне убѣжденъ, что произведеніе увѣковѣчивается лишь благодаря чистотѣ формы. Имъ владѣть благородное честолюбіе—оставить по себѣ безсмертныя произведенія, и онъ старается придать совершенство каждой фразѣ, написанной имъ. Но только это заблужденіе. Недостаточно писать тщательно выработаннымъ слономъ для того, чтобы оставить вѣчный слѣдъ въ литературѣ. Напротивъ того, форма—самая переходящая вещь. Для того, чтобы произведеніе жило, надо, чтобы оно было живо, а произведеніе можетъ быть живо лишь подъ условіемъ, чтобы оно было прочувствовано авторомъ съ оригинальнымъ талантомъ. Ну, можемъ ли мы судить въ настоящее время о совершенствахъ слога Гомера и Виргилія? Съ большимъ трудомъ. А если мы обратимся къ нашей національной литературѣ и возьмемъ нашихъ великихъ писателей, Рабле, Монтэня, Корнеля, Мольера, Бюссюэта, Вольтера, то должны пропускать многія изъ ихъ фразъ, которыя намъ едва понятны, до такой степени языкъ съ тѣхъ поръ перемѣнился. Поэтому романистъ, который скажетъ себѣ: я завоюю безсмертіе посредствомъ призма въ языкѣ, жестоко ошибается. Безсмертіе завоевывается созданіемъ живыхъ образовъ. Болѣе или менѣе неудачныя фразы въ счетъ не идутъ.

Въ сущности, главная бѣда Леона Кладеля заключается въ томъ, что онъ риторъ, что онъ гоняется за наборомъ словъ. Уроженецъ Берси, онъ вздумалъ описать, главнымъ образомъ, крестьянъ, среди которыхъ онъ выросъ. То, чтó Эрманъ-Шатрианъ сдѣлалъ для своей провинціи, онъ захотѣлъ сдѣлать для своей. Но только у него замашка писать эпопею. Викторъ Гюго съ своимъ героическимъ слономъ отразился тутъ. Въ послѣднемъ своемъ романѣ, надъ которымъ онъ проработалъ шесть лѣтъ, „L'Homme de la Croix-aux-Boeufs“, онъ, какъ и самъ объясняетъ въ предисловіи, имѣлъ намѣреніе передать буквально языкъ и нравы крестьянъ Берси. Трудное дѣло и которое, разумѣется, не могло удался. Это напоминаетъ то, какъ Жоржъ Сандъ заставляла говорить крестьянъ Берри. У Леона Кладеля больше энергіи, но онъ тоже написалъ поэтическую галиматію. Крестьяне такъ не говорятъ, и поэты тоже, такъ что это языкъ фантастическій и страшно утомляетъ читателя черезъ какихъ-нибудь десять страницъ. Лучше было бы изучать крестьянъ и показывать намъ ихъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, не мечтая представить ихъ намъ въ литературной и эпической формѣ.

Конечно, Леонъ Бладель—писатель. Я знаю нѣкоторые короткіе рассказы его, которые дѣйствительно прекрасны по слогу. Но только у него нѣтъ чувства правды, онъ не понимаетъ дѣйствительности; отъ этого происходятъ всё его тревоженія, стилистическія прихоти и дивовидныя усилія, предпринимаемыя имъ въ погоню за успѣхомъ. Публика еще не на его сторонѣ: ее отталкиваетъ сложность его формы и отсутствіе правды въ содержаніи.

VII.

Я окончу этотъ очеркъ современнаго французскаго романа краткимъ разборомъ великаго вопроса о слогѣ. Надо сказать, къ чему мы пришли, — это стѣбитъ того. Еще ни въ какую эпоху форма не озабочивала до такой степени писателей. Въ виду расплодившихся бумагомарателей, выросла цѣлая группа стилистовъ. Впрочемъ, тутъ есть и другая причина. Романтическое движеніе было, главнымъ образомъ, движеніемъ риторическимъ. Надо было влить кровь и придать силу французскому языку, который классическіе вѣка превратили въ нѣчто сухое и ясное, угловатое и рѣзкое,—невозможное въ поэзіи. Итакъ, стали рыться въ старинномъ языкѣ, расширили лексиконъ, пустились въ погоню за словами. Вся литературная революція 1830 года заключается въ этомъ; новое общество искало новаго способа для выраженія своихъ чувствъ. Понятно, что на другой день послѣ этого возмущенія формы, этого наводненія неологизмовъ, архаизмовъ, у талантливыхъ писателей должна была явиться мысль выработать слогъ, внести порядокъ и гармонию въ расширенный лексиконъ. Отсюда легко было удариться въ крайность.

Никто изъ публики и не подозреваетъ, съ какимъ искусствомъ и съ какимъ терпѣніемъ пишутъ нѣкоторые современные намъ сочинители. Ихъ торопливо пробѣгаютъ, не подозревая, съ какимъ тщаніемъ они разставляютъ самыя запятые; по цѣлымъ часамъ внимаютъ они въ какое-нибудь слово, разбирая какъ оно звучитъ для уха и какъ оно дѣйствуетъ на глазъ. Фраза озабочиваетъ ихъ не только въ грамматическомъ отношеніи, но они требуютъ отъ нея также музыки, красокъ,—чуть ли даже не запаха. Ни одно неудачное или удачное созвучіе отъ нихъ не ускользаетъ. Въ результатѣ оказалось, что прозой писать стало труднѣе, чѣмъ стихами.

Впрочемъ, та же исторія повторяется и въ стихахъ. Принялись усовершенствовать стихъ Виктора Гюгъ, который часто бываетъ угло-

вать и неправиленъ. У него украли его пріемъ, но принялись самыми тщательнымъ образомъ отдѣлывать его. И вышло, что молодые люди пишутъ нынче изумительные стихи; инструменты припасены, образовались искусные работники—вскорѣ то же самое будетъ и съ прозой, и мы увидимъ такую же фабрикацію по извѣстнымъ образцамъ.

Но здѣсь и является камень претенвенія. Читая писателей прошлаго столѣтія, скоро замѣчаешь, что надо отличать въ ихъ произведеніяхъ двѣ стороны: одну человѣческую, вѣчную, другую—устарѣвшую. Устарѣвшая часть есть именно литературный жаргонъ той эпохи—сентиментальный, любовный или просто только поэтической жаргонъ. Прочитайте любовные діалоги у Мольера, Корнели и Расина: всѣ прекрасныя вещи, которыя въ нихъ говорятся, кажутся намъ въ настоящее время страшно холодными или претенціозными. А въ былое время они восхищали зрителей; они должны были производить извѣстное впечатлѣніе на публику, если они неизмѣнно повторяются во всѣхъ произведеніяхъ того времени. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ мода перемѣнилась; всѣ полюбили природу и добродѣтель; но, Боже, какой пафосъ! Признаюсь, что никогда не могъ прочесть, не зная, „La Nouvelle Héloïse“. Слогъ ея сталъ теперь нестерпимымъ, — тотъ самый слогъ, надъ которымъ проливалось столько слезъ и который заставлялъ биться столько сердець.

Вотъ, безъ сомнѣнія, факты, долженствующіе навести насъ на размышленія. Существуетъ, значитъ, особенный жаргонъ во всякій литературный періодъ, принимаемый модой, всѣхъ увлекающей, а затѣмъ выходящей изъ моды, — и то самое, что обезпечивало сначала успѣхъ книги, впоследствии губить ее. Итакъ, у насъ тоже есть свой жаргонъ. Вѣда въ томъ, что хотя мы отчетливо замѣчаемъ жаргонъ минувшихъ временъ, мы нисколько не кораемся своимъ собственнымъ; напротивъ того, онъ составляетъ нашъ порокъ, наше литературное наслажденіе—искаженіе вкуса, которое пріятно щекочетъ насъ. Я часто размышлялъ объ этихъ вещахъ, и зачастую дрожь пробѣгала у меня по спинѣ при мысли, что нѣкоторыя фразы, которыя я съ такимъ удовольствіемъ пишу теперь, навѣрное вызовутъ улыбку черезъ сто лѣтъ.

Хуже всего то, что у меня сложилось, наконецъ, убѣжденіе, что жаргонъ нашей эпохи, та сторона слога, которая чисто условна и должна обветшать, останется однимъ изъ самыхъ чудовищныхъ жаргоновъ французскаго языка. И это можно предсказать почти математически. Всего скорѣе ветшаетъ образность. Всякій образный языкъ чаруетъ своей новизной. Затѣмъ, когда онъ затаскается двумя или

тремя поколѣніями, то становится пошлостью, ветошкой, позоромъ. Возьмите Вольтера съ его сухимъ языкомъ, его нервной рѣчью, безъ прилагательныхъ, онъ рассказываетъ, но не живописуетъ—и остается вѣчно молодымъ. Возьмите Руссо, — а вѣдь онъ нашъ отецъ,—возьмите его образную рѣчь, его страстную реторику: у него есть нестерпимыя страницы.

Хороши мы будемъ, нечего сказать, мы, перещеголявшіе самого Руссо, мы, ищущіе подпорья для литературы во всѣхъ искусствахъ, мы, живописующіе, поющіе, изсѣкающіе фразы какъ-бы изъ мрамора, требующіе отъ словъ аромата тѣхъ вещей, которыя они представляютъ. Все это задѣваетъ наши нервы, мы все это находимъ восхитительнымъ, очаровательнымъ. Но, Боже, что скажутъ наши внуки? Ихъ чувства измѣнятся, и я увѣренъ, что они будутъ поражены нѣкоторыми изъ нашихъ произведеній. Почти все въ нихъ обветшаетъ. Не хочу никого называть. Но меня часто занимала мысль, къ кому изъ насъ всего строже отнесется потомство, и полагаю, что самые великіе будутъ осуждены всего безпощаднѣе.

Слишкомъ много жаргона и жаргона тѣмъ прискорбнѣйшаго, что онъ отличается рѣдкимъ совершенствомъ формы: вотъ мое мнѣніе о нашей литературной эпохѣ. Я согласенъ, впрочемъ, что не легко отдѣлаться отъ своего времени и довольно трудно сказать, не боясь ошибиться: это устарѣетъ, а это не устарѣетъ. И все же, мнѣ кажется, я могу сказать, что значить, на мой взглядъ, быть хорошимъ писателемъ. Языкъ есть логика. Пишешь хорошо, когда передаешь точнымъ словомъ идею или ощущеніе. Все остальное не что иное, какъ румяна и бѣлила. Хорошо уже и то кажется, что есть оригинальность въ мысляхъ и чувствахъ; прибавлю даже, что этотъ даръ и создаетъ художниковъ. Но, кромѣ этого, надо еще умѣть точно передавать свои мысли и чувства. Чѣмъ проще выраженіе, чѣмъ оно безыскусственнѣе, тѣмъ оно сильнѣе и неувядаемѣе.

Мы теперь стали мелодистами, очень ловкими виртуозами, разыгрывающими очаровательныя варьяціи на самыя извѣстныя тѣмы. Мы поемъ: „au clair de la lune“, но съ присоединеніемъ такихъ прихотливыхъ триллеровъ, такихъ неожиданныхъ органическихъ пунктовъ, что старая мелодія стала неузнаваема и публика хлопаетъ изо всей мочи. Я бы и желалъ, чтобы мы были не такими блестящими, но болѣе солидными. Всѣ эти украшенія отчасти ребяческія. Это лакомство въ искусствѣ и съ человѣческой точки зрѣнія не имѣетъ значенія. Конечно, это прелестно и въ нашемъ искусствѣ останутся послѣ насъ очень хорошенкія игрушки, но я бы желалъ, чтобы остались мощныя произведенія.

Иностранцы совсѣмъ не понимаютъ нашихъ заботъ о слогѣ. Я говорилъ объ этомъ съ англичанами и нѣмцами; никакого подобнаго движенія въ ихъ литературѣ не происходило. Величайшіе англійскіе романисты, въ томъ числѣ Диккенсъ, писали, какъ имъ Богъ на душу положить, не мудрствуя лукаво на счетъ знаковъ препинанія. Что касается нѣмцевъ, то они говорятъ пространно все, что имъ надо сказать—вотъ и весь ихъ слогъ. Одни мы, послѣ Руссо, забрали въ голову извлекать изъ словъ какую-то особую эссенцію искусства. Съ идеями нашихъ писателей пуристовъ ни одинъ изъ нашихъ классиковъ не уцѣлѣлъ; тамъ и сямъ еще попадаются фразы сносна; но обиліе *которыхъ* портитъ все остальное. Но посмотрите, какая непослѣдовательность: единственный писатель семнадцатаго вѣка, котораго наше поколѣніе, болѣющее совершенствомъ въ искусствѣ, превозноситъ до небесъ, это Сень-Симонъ, самый неправильный, но самый субъективный изъ прозаиковъ.

Любовь къ субъективности—вотъ что насъ спасеть, надѣюсь. Когда станутъ подводить итоги нашему столѣтію, то придется отбросить много балласта. Но изъ этой безумной производительности выдѣлится художественная дѣятельность, мощное творчество сильныхъ талантовъ. И они одни будутъ трогать грядущія поколѣнія. Что касается остальныхъ, тѣхъ, которые болѣе или менѣе ловко пользуются приемами, обеспечивающими успѣхъ въ наше время, тѣ навѣрное умрутъ цѣликомъ, потому что болтали на современномъ имъ жаргонѣ, не одушевляя его оригинальнымъ творчествомъ.

Эмиль Зола.

ЗАМѢТКА.

ДѢТСКАЯ БОЛЬНИЦА СЛ. ВЛАДИМИРА ВЪ МОСКВѢ.

На всемірной выставѣ находятся въ настоящее время, въ русскомъ отдѣленіи второй группы, класса 14, модель и планы дѣтскаго госпиталя св. Владиміра, устроеннаго въ Москвѣ докторомъ Раухфуссомъ и открытаго въ 1876 году. Доктору Раухфуссу принадлежит огромная заслуга въ устройствѣ двухъ большихъ дѣтскихъ больницъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, по основному принципу изолированія одержимыхъ заразительными болѣзнями. Въ объяснительной бесѣдѣ доктора Раухфусса парижскимъ врачамъ напоминалось, что вопросъ объ изолированіи такихъ больныхъ не новъ. Еще въ прошломъ столѣтіи комиссары, назначенные парижскою академіею наукъ для составленія проектовъ по замѣнѣ древняго Hôtel Dieu четырьмя новыми госпиталями, указывали на необходимость специальныхъ помѣщеній для больныхъ заразительными болѣзнями, чтобы предупреждать развитіе госпитальныхъ эпидемій. „La charité publique qui reçoit le pauvre ne doit pas lui dire: ou tu ne seras pas secouru, ou tu courras ce danger“—таково было мнѣніе комиссаровъ. Но въ дѣтскихъ больницахъ осуществленіе этого принципа особенно важно; иначе онѣ превращаются въ центры заразы, угрожающіе всему населенію.

Согласно этой основной мысли, по программѣ и указаніямъ доктора Раухфусса, была устроена въ Петербургѣ дѣтская больница принца Петра Ольденбургскаго (открыта въ 1869 году); въ ней 262 кровати, больныхъ принимается около 1,600 ежегодно и оказывается помощь приходящимъ; число посѣщеній этихъ послѣднихъ составляетъ около 50 тысячъ въ годъ. Система отдѣленія заразительныхъ болѣзней въ особыя палаты, устроенныя въ отдѣльномъ зданіи, осуществлена уже и въ этой больницѣ, такъ что удавалось скоро ограничивать и даже прекращать развитіе заразы, занесенной въ больницу поступающими или приходящими. Но, пользуясь указаніями опыта, докторъ Раухфуссъ постарался дать новой больницѣ такое

устройство, чтобы сдѣлать самое развитіе заразы почти невозможнымъ.

Московская дѣтская больница св. Владиміра построена на капиталъ въ 400 тысячъ рублей, пожертвованный г. Павломъ фонъ-Дервизомъ городу Москвѣ, въ память малолѣтнихъ дѣтей его. Городское управленіе уступило землю подъ зданіе и приняло на себя ежегодный расходъ въ 60 т. руб. по содержанію больницы. Жертвователю выразилъ желаніе, чтобы эта больница была устроена согласно принципамъ, которые были приняты въ руководство при устройствѣ больницы е. в. принца Ольденбургскаго и программа, послужившая основаніемъ для строительныхъ проектовъ новой больницы, была выполнена д-ромъ Раухфуссомъ.

Больница находится за городомъ на возвышенной мѣстности, пространствомъ въ 133,449 кв. метровъ, на 180 кроватей, что составляетъ по 740 кв. метровъ на одну. Благодаря такой обширности участка, здѣсь и оказалось возможнымъ разбить больницу на нѣсколько далеко отстоящихъ одинъ отъ другого двухъ-этажныхъ флигелей, съ отдѣльной постройкой для каждой изъ главныхъ заразительныхъ болѣзней (скарлатины, кори, оспы и дифтерита) и помѣстить приѣмъ приходящихъ больныхъ также въ особомъ флигелѣ. Главное же зданіе состоитъ изъ флигелей и небольшихъ комнатъ, расположенныхъ вдоль соединительнаго коридора. Въ этихъ флигеляхъ по 16 кроватей, и каждый изъ нихъ, въ случаѣ появленія въ немъ заразительной болѣзни, можетъ быть совершенно изолированъ отъ центральной части зданія. Больной, у котораго оказалась зараза, тотчасъ переводится въ одинъ изъ 4 отдѣльныхъ флигелей, специально предназначенныхъ для той или другой заразительной болѣзни. Изъ соединенныхъ же флигелей главнаго зданія каждый можетъ быть изолированъ потому, что главное зданіе раздѣлено на 4 части, изъ которыхъ каждое имѣетъ отдѣльный выходъ въ садъ, отдѣльныя ванны и ватерклозеты. Между тѣмъ, соединеніе флигелей главнаго зданія корридормъ представляетъ болѣе удобства для наблюденія, чѣмъ если бы каждый флигель стоялъ совершенно отдѣльно.

Полное уединеніе осуществлено только для 4-хъ флигелей, предназначенныхъ для леченія наиболее заразительныхъ болѣзней. Два изъ этихъ флигелей — оспенный и дифтеритическій — построены изъ дерева. При послѣднемъ изъ нихъ существуетъ еще специальное отдѣленіе для болѣзней сложныхъ и для случаевъ сомнительныхъ (т.-е. когда нельзя до нѣкотораго времени сдѣлать вѣрной діагнозы). Зданіе, служащее для приѣма приходящихъ за совѣтомъ и поступающихъ въ больницу, вмѣщаетъ также изолированную комнату, для

случаевъ, представляющихся сомнительными. Во второмъ этажѣ этого зданія еще 3 такихъ комнаты, служащія карантинномъ.

Благодаря этой системѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ существованія больницы св. Владиміра, основная цѣль — нераспространеніе заразы между дѣтьми, находящимися въ госпиталѣ — была достигнута вполне. Для отвращенія заразы оказывалось достаточнымъ запереть двери, которыми могутъ сообщаться части зданія, а субъекта, на которомъ обнаружилась зараза, тотчасъ перевести въ отдѣльный флигель, специально для нея назначенный. Но при этомъ необходимо было заботливо употреблять карантинъ для всѣхъ сомнительныхъ случаевъ. Въ флигеляхъ заразительныхъ болѣзней — весь служебный персоналъ также отдѣльный.

Докторъ Раухфуссъ объяснилъ, что „въ дѣтскихъ больницахъ изолированіе случаевъ заразительныхъ заболѣваній представляетъ жизненный вопросъ (*question vitale*)“. Сверхъ того, самый опытъ доказалъ, что даже для самихъ служащихъ: врачей, сестеръ милосердія и нянекъ, гораздо удобнѣе озабочиваться выдержкою нѣсколькихъ больныхъ въ карантинныхъ комнатахъ, соблюдать всѣ предосторожности изолированія своихъ больныхъ и самихъ себя отъ прочихъ больныхъ, чѣмъ встрѣчаться периодически съ развитіемъ такихъ госпитальныхъ эпидемій, для пресѣченія которыхъ безсильны всѣ старанія милосердія и науки. „Эта постоянная борьба съ врагомъ, который впускаетъ въ двери, — говорилъ д-ръ Раухфуссъ, — требуетъ гораздо болѣе энергіи и болѣе ее утомляетъ, чѣмъ точное соблюденіе тѣхъ строгихъ правилъ, въ силу которыхъ дверь затворяется передъ нимъ, какъ только онъ явился“.

По отзыву знаменитаго спеціалиста, вотъ главныя *desiderata* для постановки общественнаго попеченія о больныхъ дѣтяхъ въ большихъ городахъ: 1) въ разныхъ частяхъ города должны быть медицинскія *станции* для леченія приходящихъ, съ аптекой и карантинной комнатой и пріемнымъ покоемъ для случаевъ неотложныхъ; 2) должны быть экипажи для перевозки больныхъ изъ этихъ мѣстъ пріема въ дѣтскую больницу, устроенную за городомъ; число больницъ должно быть пропорціонально населенію. Больницы должны быть строимы съ самымъ строгимъ соблюденіемъ правилъ объ изолированіи заразительныхъ болѣзней. Число кроватей въ одной больницѣ не должно превосходить 250-ти. Достаточно одна кровать для больного ребенка на каждую тысячу жителей; на тысячу же жителей можно ожидать въ среднемъ размѣрѣ 150 посѣщеній приходящихъ. 3) Наконецъ, необходимы при больницахъ пріюты для помѣщенія выздоравливающихъ.

Приведа эти данныя изъ объясненій доктора Раухфусса, мы позволимъ себѣ нѣсколько наставить на томъ, что личная забота его объ учрежденіи названныхъ большихъ дѣтскихъ больницъ играла весьма важную роль въ ихъ осуществленіи. Нельзя не порадоваться, что у насъ находятся люди, готовые принести огромныя жертванія на такое священное дѣло, какъ помощь маленькимъ страдальцамъ. Но нельзя также не выразить сочувствія почтенному специалисту, который посвятилъ свои заботы постановкѣ дѣла дѣтскихъ больницъ въ Россіи на рациональныхъ началахъ и уже успѣлъ дать ему прочное основаніе въ весьма широкихъ размѣрахъ.

М. СТАСОВИЧЪ.

О ЗАДАЧАХЪ ИСКУССТВА

Посвящается Н. А. Ярошенко.

Мнѣ случилось однажды разговориться съ молодымъ художникомъ-живописцемъ, человекомъ мыслящимъ и очень симпатичнымъ. Бесѣда съ такими людьми невольно увлекаетъ. Совершенно забывъ, что передо мною знающій, опытный специалистъ, что самъ я ничего не понимаю вообще въ искусствѣ и въ живописи въ особенности, я храбро, спустя рукава, высказалъ ему все, что мнѣ думалось о той и другой картинѣ, о призваніи искусства, о его цѣляхъ и его современномъ положеніи. Собесѣдникъ слушалъ меня снисходительно, кое съ чѣмъ соглашался и, наконецъ, сказалъ:—отчего вы всего этого не напишете и не напечатаете?

Меня эта мысль почти испугала.

— Я?! Писать и печатать объ искусствѣ! Да вѣдь для этого надо знать въ немъ толкъ. А я что знаю?

— Такъ что-жъ изъ этого?—возразилъ художникъ:—вы—публика, на которую картина, музыка, пьеса производятъ извѣстное впечатлѣніе. Ну, и пишите о вашихъ впечатлѣніяхъ.

— Легко вамъ сказать — пишите! Впечатлѣніе впечатлѣнію ровнь. У человека знающаго и художественно-развитаго впечатлѣнія одни, у непонимающаго и художественно неразвитаго—другія,—кому же охота выставить себя передъ читателями и знатоками самонадѣянннмъ невѣждой? Да и какая будетъ польза, если всѣ мы, публика, выложимъ передъ свѣтомъ на показъ наши впечатлѣнія? У насъ что ни человекъ, то свое мнѣніе. Вышло бы такое вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ, что было бы отчего совсѣмъ растеряться.

— Я не могу съ вами согласиться,—сказалъ художникъ.—

Какое тутъ невѣжество и самонадѣянность, когда вы напишете и напечатаете, что такая-то картина вамъ нравится, а такая-то нѣтъ? Самонадѣянный невѣжда тотъ, кто, не зная дѣла, судить о немъ и радить; высказывать свои впечатлѣнія—совсѣмъ другое дѣло. На вкусъ, какъ и на милость, нѣтъ образца; въ этомъ всякій воленъ. Вы говорите: какая польза отъ того, если всякій напишетъ о своемъ впечатлѣніи? По-моему—большая. Благодаря тому, что вся публика разсуждаетъ какъ вы, никакого общенія между художниками и тѣми, для кого они работаютъ, нѣтъ; нѣтъ потому и широкой повѣрки для художественныхъ задачъ. Художественная критика слишкомъ спеціализируется, сводится на технические детали, на подробности выполненія. Пять-шесть человекъ—да и столько не наберешь—вотъ наши цѣнители и судьи. Но они знатоки, стоятъ на одной съ нами почвѣ. Они тѣ же художники, только теоретики, а не практики; чрезъ это искусство все болѣе и болѣе обособляется, дѣлается узкимъ, условнымъ, становится исключительнымъ удѣломъ васты жрецовъ новаго разбора. Даже и въ наукѣ, гдѣ всякое слово подлежитъ точному анализу и повѣркѣ, бываютъ эпохи застоя и временнаго помертвѣнія. Что же *должно быть въ искусствѣ?* Если все такъ пойдетъ, какъ теперь, у насъ искусство, наконецъ, задохнется отъ недостатка свѣта и воздуха. Намъ необходимо бы знать, отвѣчаетъ ли сочувствіямъ, вкусамъ, потребностямъ публики то, что мы ей даемъ; а она молчитъ. Нужны титаны-художники, чтобъ геніальнымъ чутьемъ напасть на то, что можетъ въ данное время овладѣть душою человека. Обыкновенные люди этого не могутъ; они требуютъ указаній и поддержки, ходятъ по проложеннымъ путямъ. Какая у насъ возможна школа, когда всѣ безмолвствуютъ, и говорятъ одни записные знатоки? Вы боитесь, что разноглаголица собьетъ насъ съ толку? Напрасно! Зная дѣло, мы сумѣемъ отличить неосновательныя или просто вздорныя технические умствованія отъ выраженія полученныхъ впечатлѣній; въ послѣднихъ мы тоже разберемъ, что ошибка слуха, зрѣнія, внимательности, неопытности, и что дѣйствительное требованіе, стремленіе, чаганіе. Вотъ послѣднія-то для насъ особенно и важны. Они-то и служатъ намъ, художникамъ, камертономъ, въ которому мы волей-неволей должны прислушиваться, если хотимъ чтобъ публика насъ знала, смотрѣла на наши работы съ интересомъ и участіемъ. А какъ мы можемъ это узнать? Это можетъ намъ сказать только сама публика, а вы прятаетесь, изъ ложнаго самолюбія, изъ суетной боязни сказать слово не впопадъ и скомпрометтироваться.

Я не нашелся вдругъ что отвѣчать, — такъ меня озадачили собесѣдникъ. Въ томъ, что онъ говорилъ, слышалось столько искренности, столько правды, что сразу трудно было отличить въ его словахъ истину отъ увлеченія. Я до сихъ поръ твердо вѣряю, что одни знатоки могутъ говорить объ искусствѣ, что только ихъ отзывы имѣютъ значеніе и цѣну. И вотъ эту мою увѣренность старались поколебать! Я неохотно поддавался искушенію и требованіе собесѣдника казалось мнѣ чрезвычайно страннымъ, чтобъ не сказать болѣе.

Послѣ, мы не разъ встрѣчались опять съ тѣми же художникомъ, и когда ни заходила между нами рѣчь о томъ же предметѣ, онъ твердо стоялъ на своемъ и разговоры свои со мной всегда ованчивалъ тѣми же словами: пишите, пишите.

Я задумался. Публика — это нѣчто очень разнокалиберное, неспѣтое. Изъ нея раздаются тысячи голосовъ и ни одинъ не похожъ на другой. Въ какомъ же смыслѣ ея впечатлѣнія могутъ быть полезны художнику, служить дѣлу искусства? Эта мысль стала меня занимать.

Не разъ, сидя одинъ, я старался припомнить впечатлѣнія картинъ, видѣнныхъ на нашихъ выставкахъ, и разговоры, какіе случалось вести и слышать по ихъ поводу. Но черезъ длинный рядъ годовъ все перемѣшалось и спуталось въ моей памяти; иное совсѣмъ наглядилось, другое удержалось, но блѣдно и смутно; лишь немного сохранилось отчетливо, ясно. Видѣнное и слышанное на разныхъ выставкахъ какъ-то причудливо слилось въ одинъ рядъ воспоминаній, а то, что происходило въ одно время, разбилось на разные ряды; пріятельскіе разговоры у себя дома и въ гостяхъ перенеслись на выставки, а то, что я здѣсь слышалъ, приплелось къ пріятельскому вечеру, или къ бесѣдѣ за чайнымъ столомъ. Возобновить въ воспоминаніи обстановку и послѣдовательность впечатлѣній не было никакой возможности.

Помнится, около одной картины, изображавшей нагую красоту, собралась кучка солидныхъ людей, которые пожирали ее глазами и передавали другъ другу свои впечатлѣнія совсѣмъ не эстетическаго свойства. Отзывами этихъ господъ художникъ мало бы покорыствовался — въ интересахъ искусства.

Припомнилось также, какъ около одного пейзажа, кто-то, съ апломбомъ знатока, объяснялъ дамѣ, что художникъ злоупотребилъ красной охрой и имѣй онъ ее меньше на своей палитрѣ, эффектъ былъ бы гораздо лучше. Не понимая ничего въ эффектахъ

охры, а въ душѣ позавидовалъ тонкому наблюдателю и цѣнителю живописи, который сразу видитъ въ чемъ дѣло и гдѣ ошибка. Слышанное замѣчаніе я тутъ же передалъ проходившему мимо другу, тоже живописцу, который ужъ навѣрное зналъ эффекты краски. Онъ посмотрѣлъ на меня, на картину, пожалъ плечами, и говорить: охота вамъ вѣрить всякому вздору! Ничего этого господинъ не понимаетъ. Какая тутъ красная охра. Ея нѣтъ и слѣда! Картина грѣшитъ тѣмъ, что написана въ слишкомъ красныхъ тонахъ — вотъ и все.

И это тоже голосъ изъ публики.

Живо помню я впечатлѣніе на меня картины Крамского: «Спаситель въ пустынѣ». Передъ этимъ лицомъ, измученнымъ глубокой и сворбной думой, передъ этими руками, сжатыми великимъ страданіемъ, я остановился и долго стоялъ въ нѣмомъ благоговѣніи; я точно ощущалъ многія бессонныя ночи, проведенныя Спасителемъ во внутренней борьбѣ; я точно видѣлъ, за опущенными рѣсницами, глазъ, въ которыхъ читалось и обѣщаніе блаженства тѣмъ, кто простъ сердцемъ, и покой страдающимъ и удрученнымъ; и потомъ вдругъ эти глаза свѣтились негодованіемъ, провидя, что слова любви и мира бросать мечъ посреди людей, — или горѣли гнѣвомъ, пророча бѣды городамъ, которые гордо возносили свои головы до небесъ. Въ умиленіи и трепетѣ я забылъ всѣхъ и все около себя. Мнѣ казалось, что я стою передъ самимъ Спасителемъ. Меня начинали давить слезы умиленія и восторга, какими плачетъ человѣкъ, когда правда, чистота, самоотверженная любовь къ другимъ являются передъ нимъ не въ видѣ несбыточной мечты или недостижимаго идеала, а какъ живой образъ, дѣйствительное существо, и онъ снова надѣется и вѣритъ надеждой и вѣрой лучшихъ лѣтъ, казавшейся навсегда утраченной...

— Посмотрите! — раздался около меня голосъ: — что это за Спаситель! Это какой-то нигилистъ! Непонятно, какъ такую картину позволили выставить! Это кощунство, насмѣшка надъ святыней!

Миръ моихъ художественныхъ видѣній мигомъ исчезъ. Я опять почувствовалъ себя очень прозаически настроеннымъ; вниманіе насторожилось, и какъ у человѣка, готоваго къ оборонѣ и нападенію, распахнувшееся сердце вдругъ заохлодѣло и критическая работа ума вступила опять въ свои права.

Вотъ они, впечатлѣнія! Мнѣ картина Крамского дала минуту невыразимаго восторга и счастья, а въ другомъ она возбуждала

одно негодование. Въ которомъ же изъ этихъ впечатлѣній художникъ найдетъ указаніе, камертонъ для своей дѣятельности?

Невольно припомнились мнѣ тутъ же впечатлѣнія совсѣмъ другого рода. На одной изъ выставокъ, около яркой и блестящей картины, то-и-дѣло толпились посѣтители. «Какія удивительныя фигуры, что за богатство фантазіи, какая роскошь красокъ», слышалось со всѣхъ сторонъ. Я подошелъ. Это была картина Семирадскаго: Спаситель и передъ нимъ смущенная блудница, вронившая бокалъ изъ рукъ. Взглянувъ на Христа и блудницу, я отвернулся и не хотѣлъ больше смотрѣть. Для меня весь смыслъ картины могъ заключаться только въ этихъ двухъ фигурахъ, а въ нихъ-то именно и не было никакого смысла. Онѣ мнѣ показались ниже всякой посредственности.

Какъ же это такъ? думалось мнѣ: есть же что-нибудь въ этой картинѣ, когда ея такъ восхищаются. Отчего же я къ ней не только остался холоденъ, но почувствовалъ даже что-то похожее на досаду. Видно мнѣ на роду написано ничего не понимать въ живописи.

Подъ вліяніемъ этой нерадостной мысли я бродилъ по выставкѣ на удачу и собирался ужъ уйти, какъ со мной встрѣтился знакомый, большой любитель и знатокъ картинъ.

— Ну что, — спросилъ онъ, — какъ вы довольны? Все осматрѣли?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, не безъ нѣкотораго смущенія: — видѣлъ только кое-что. Вѣдь я мало знаю толку въ живописи.

— Ну, такъ пойдемте со мной. Посмотримъ вѣстѣ. На этой выставкѣ многое стоитъ посмотрѣть.

Знакомый привелъ меня въ небольшой картинѣ, изображавшей щегольской и роскошный кабинетъ. По мѣрѣ того, какъ я вглядывался, столъ, кресло, диванъ начали выдѣляться изъ фона, паркетъ, на который падалъ свѣтъ изъ окна, ожилъ; огонь въ каминѣ, разныя мелочи на столѣ, картины на стѣнахъ — все выступило съ такою поразительной правдою, что я на минуту забылся, точно находился въ дѣйствительной комнатѣ и вижу всѣ эти предметы въ натурѣ.

— Ну, какъ вамъ это нравится? — спросилъ меня пріятель.

— Поразительно живо, — сказала я: — такъ вѣрно, что одну минуту я совсѣмъ было повѣрилъ, будто передо мной дѣйствительный кабинетъ.

— Вотъ оно, торжество искусства! — сказала знакомый, трепля меня по плечу.

— Торжество поддѣлки подъ дѣйствительность, — вознилъ я.

— А чего-жъ вы еще хотите? — спросилъ меня нѣсколько удивленный знакомый.

— Я бы хотѣлъ, чтобъ изображенный предметъ мнѣ нравился, — сказалъ я, — чтобъ онъ производилъ на меня пріятное впечатлѣніе; а этотъ кабинетъ только поражаетъ меня своей правдой; но онъ мнѣ совсѣмъ не по вкусу, и будь онъ мой, я бы его устроилъ совсѣмъ иначе. Въ такой обстановкѣ я бы не могъ работать; посреди ея мнѣ было бы вовсе не по себѣ.

Собесѣдникъ сдѣлалъ гримасу, которая выражала и нетерпѣніе и досаду, и повелъ меня дальше.

— Можетъ быть, вотъ эта картина произведетъ на васъ пріятное впечатлѣніе, — сказалъ онъ, остановившись передъ «Бурлаками» Рѣпина.

И мысль и исполненіе картины меня поразили. И въ атлетической фигурѣ, съ окладистой бородой, выступающей впереди, и въ испитомъ мальчикѣ, съ рубахой, ободранною лямкой, и въ старикѣ, и въ высокомъ, сухощавомъ лѣнтяѣ, который отлынивалъ отъ работы, и въ бурлакѣ съ восточнымъ типомъ, даже въ изображеніи рѣки, песчанаго берега и въ вечернемъ ихъ освѣщеніи, я узналъ давно знакомое, много разъ виданное и прочувствованное. Припомнились стихи Некрасова; припомнилось многое изъ передуманнаго, изъ того, что не разъ давило грудь и сжимало сердце. Я не могъ оторваться отъ картины. Она не производила на меня пріятнаго впечатлѣнія — совсѣмъ нѣтъ; но она притягивала меня къ себѣ тѣмъ, что вызывала цѣлый рядъ мыслей и ощущеній, въ которыхъ я часто возвращался и съ которыми сжилъ. Въ нихъ было мало радостнаго, но на нихъ сложилась моя жизнь. Такъ другъ смотритъ долго и пристально на портретъ умершаго друга, припоминая дорогія черты, — и больно ему и мучительно, а онъ все смотритъ и не можетъ разстаться съ тѣмъ, отъ чего ему такъ горько и такъ тяжело.

Пріятель замѣтилъ, что картина произвела на меня сильное впечатлѣніе, и смягчился. Можетъ быть, съ цѣлью разсѣять мои мысли, онъ сказалъ:

— А замѣчаете ли вы, что въ этой превосходной картинѣ есть кой-какія ошибочки?

— Я ничего не замѣтилъ.

— Есть маленькая неправильность рисунка, которую вы, можетъ быть, не видите, за общою вѣрностью впечатлѣнія. Посмотрите: вотъ у мальчика, тянущаго лямку, верхняя часть руки, отъ плеча до локтя, несоразмѣрно коротка.

— Да, это правда, — сказалъ я, вглядываясь.

— А вотъ и грѣшокъ противъ вѣрности самаго впечатлѣнія. При усиліи, съ которымъ бурлаки тянутъ лямку, нога должна уходить въ песокъ гораздо глубже, чѣмъ изображено на картинѣ. И съ этимъ замѣчаніемъ я не могъ не согласиться. Но содержаніе картины, общая вѣрность передачи художникомъ этого содержанія—такъ на меня подѣйствовали, что указанные частные недостатки показались мнѣ ничтожными, не заслуживающими вниманія. Я это высказалъ. Пріятель поспѣшилъ со мною согласиться.

— Ну, а взгляните-ка сюда—продолжалъ онъ, подводя меня къ другой картинѣ.—Вотъ ужъ гдѣ нѣтъ ни сучка, ни задоринки. И небо, и воздухъ, и люди, и предметы—все изображено съ неподражаемымъ искусствомъ.

Передо мной разстилался на полотнѣ одинъ изъ восхитительнѣйшихъ рейнскихъ пейзажей, когда-то виданныхъ очень часто. И мюнстеръ на островкѣ, и Семигорье, и развалины замковъ по берегамъ вдали,—все предстало передо мной какъ живое. Этимъ самымъ видомъ я много разъ любовался изъ Роландсэка въ тихіе вечера. Рейнъ катилъ медленно свои струи. По немъ скользили лодки, издали дымился пароходъ. Пѣшеходы и фуры на большихъ колесахъ по шоссе вдоль рѣки оживляли видъ. Мнѣ припомнилось давно минувшее время; припомнилось и то, какъ, несмотря на дружбу и ласки моихъ добрыхъ знакомыхъ въ Боннѣ, меня тянуло на родину, какъ меня томило одиночество посреди людей, какъ мнѣ казалось все чуждымъ въ кипѣвшей и волновавшейся около меня жизни и посреди благословенной природы.

— Ну что, какъ вамъ кажется?

— Удивительно вѣрно и живо! Это дѣйствительно Рейнъ, какимъ я его видѣлъ. Но, признаюсь, меня больше хватаетъ за душу видъ нашей бѣдной, сѣренькой, однообразной природы. Какой-нибудь пригорокъ, на немъ два-три деревца, за ними пашня, сливающаяся съ горизонтомъ, а тамъ—вдали желтоватые лучи заката, пахарь съ своей тощей, кудластой лошадкой и понуримъ видомъ—за такую картинку я вамъ охотно отдамъ всѣ рейнскіе, итальянскіе и швейцарскіе виды.

Въ другой разъ, не помню—прежде или послѣ, мы встрѣтились, тоже на выставкѣ, съ тѣмъ же знакомымъ.

— Вы, — говоритъ онъ мнѣ, — патриотъ въ живописи, это я знаю! Вамъ давай русскія сцены. Пойдемте, я вамъ покажу нѣчто въ вашемъ вкусѣ.

Пріятель привелъ меня къ небольшой картинѣ. Въ деревенскомъ помѣщичьемъ домѣ, средней руки, сидѣли за столомъ двое

господь. Передъ ними у двери стоялъ мужикъ, очевидно староста, и съ нимъ двѣ красивыя крестьянскія дѣвушки, съ пониженными головами. Староста лукаво и угодливо смотрѣлъ на господъ, а господа, особенно одинъ изъ нихъ, не хорошими глазами поглядывали на дѣвушекъ. Фигуры, обстановка, движенія, выраженіе лицъ — все показывало въ художникѣ большого мастера, но картина мнѣ сильно не понравилась по замыслу, по содержанию.

Собесѣдникъ удивился.

— На васъ трудно угодить, — сказалъ онъ мнѣ не безъ нѣкоторой досады. — Сюжетъ взятъ изъ дѣйствительной жизни, притомъ сюжетъ вашъ любимый, русскій; исполнена картина и въ цѣломъ и въ подробностяхъ мастерски; вы сами это находите. А между тѣмъ она вамъ не нравится!

— Я не люблю, — замѣтилъ я, — когда художникъ излагаетъ своимъ произведеніемъ какую-нибудь сентенцію — политическую, религіозную, научную или нравственную, — все равно: иллюстрировать правило совсѣмъ не дѣло искусства; на это есть наука или публицистика. Художникъ, изображая продажу крѣпостной дѣвки, хотѣлъ выказать свое омерзѣніе къ крѣпостному праву и во мнѣ возбудить негодованіе къ помѣщичьей власти. Но ненависть къ крѣпостному праву, въ наше время, — либерализмъ очень дешевой: оно отмѣнено закономъ. Каждый мыслящій человекъ смотритъ на него теперь уже не съ жгучимъ чувствомъ ощущаемой нестерпимой боли, а спокойно взвѣшиваетъ всѣ его стороны, и дурныя, и хорошія. Я знаю, что крѣпостныхъ дѣвокъ иногда продавали въ помѣщичьи гаремы; но знаю, что иногда помѣщички строили избы своимъ погорѣлымъ крестьянамъ, покупали скотъ и лошадей, призрѣвали сиротъ, лечили больныхъ, заступались за нихъ въ судахъ и полицейскихъ управахъ. Взять одинъ изъ случаевъ мерзости крѣпостного права и иллюстрировать его въ картинѣ также односторонне и узко, какъ иллюстрировать одну изъ его благодѣтельныхъ сторонъ. Пусть художникъ воспроизводитъ жизнь, правду, а не пишетъ въ картинахъ приговоры. На меня они всегда производятъ дѣйствіе, противоположное тому, какое имѣлъ въ виду художникъ.

— Позвольте, однако, — возразилъ знакомый. — Вы хотите отнять у художника право негодовать и передавать свои чувства на полотнѣ? Почему же художникъ не можетъ дѣлать того, что могутъ дѣлать и дѣлаютъ всѣ люди?

— Потому, — отвѣчалъ я, — что художникъ, въ своемъ созданіи, не только выражаетъ свои чувства, а вмѣстѣ и воспроиз-

водить жизнь, действительность, какова она есть. Это непремѣнное условіе всѣхъ созданій искусства, художественнаго творчества. Если актеръ, на сценѣ, расчувствуется и въ самомъ дѣлѣ заплачетъ на патетическомъ мѣстѣ своей роли, вы его за это не поблагодарите. Вы требуете и совершенно справедливо, чтобы онъ выражалъ не свои личныя чувства, до которыхъ вамъ нѣтъ никакого дѣла, а точно, правдиво воспроизвелъ на сценѣ ту роль, которую онъ взялся представить. Вотъ потому-то я и думаю, что художникъ, разъ онъ создаетъ, не въ правѣ отдаваться однимъ своимъ чувствамъ, а долженъ, если хочетъ быть истиннымъ художникомъ, подчинить свои чувства объективной правдѣ и ее передать въ своемъ созданіи. А развѣ правда крѣпостнаго права только въ томъ, что помѣщики продавали другъ другу крѣпостныхъ дѣвокъ на растлѣніе? Ужъ лучше бы онъ изобразилъ, какъ помѣщикъ сѣкъ мужиковъ за то, что они оставляли свои полосы невспаханными, да тутъ же приказывалъ ее вспахать и засеять, чтобы высѣченный мужикъ не остался съ семьей безъ хлѣба. Такая картина производила бы, по крайней мѣрѣ, полное впечатлѣніе, въ ней были бы и добро и зло вмѣстѣ, какъ всегда бываетъ въ действительности. Въ этомъ драматизмъ и трагизмъ жизни.

— Богъ васъ разберетъ, чего вы требуете. А помните, — сказалъ знакомый послѣ нѣкотораго раздумья, — приемную у доктора или казначейство, съ разными лицами, получающими деньги и дожидаящими своей очереди. Какъ вамъ нравятся тѣ картины?

— Прекрасные этюды, — сказалъ я. — Лица — живыя и мастерски схвачены.

— Значитъ, вы по крайней мѣрѣ этими произведеніями нашей русской живописи вполне довольны?

— Какъ вамъ сказать? Доволенъ я ими очень, какъ вѣрнымъ и очень искуснымъ воспроизведеніемъ действительности. Но действительность выбрана безразличная и, собственно говоря, совсѣмъ не интересная. Я радовался, глядя на эти картины, успѣхамъ русскаго искусства, умѣнью нашихъ художниковъ писать русскіе предметы. Успѣхи дѣйствительно поразительныя, особливо если сравнить съ прежними, еще недавними опытами въ томъ же родѣ. Но такія работы мнѣ кажутся только пробами кисти, приготовленіями къ будущему русскому искусству, русской живописи. А эта будущая русская живопись, когда ея пора наступитъ, выберетъ другіе сюжеты. Она будетъ останавливаться на содержаніи, захватывающемъ душу, оставляющемъ послѣ себя незабываемое впечатлѣніе — и впечатлѣніе не одной поразительно

вѣрно воспроизведенной русской дѣйствительности, а глубокой мысли, глубокаго чувства.

Я помню, мы разстались тогда съ пріятелемъ нѣсколько сухо. Онъ былъ мной недоволенъ, и смотрѣлъ на меня какъ на чудака; мнѣ тоже было какъ-то неловко. Сказать правду, я самъ хорошенько не зналъ, чего хочу, чего требую. Разные мои отзывы самому мнѣ казались чуть-чуть не капризами, такъ что было почти совѣстно передъ пріятелемъ, который смотрѣлъ на вещи просто, добродушно, безъ хитроумія и умѣлъ наслаждаться тѣмъ, что хорошо.

Воспоминанія, вмѣсто того, чтобъ навести меня на что-нибудь, окончателно сбили меня съ толку. Ни на чемъ я не могъ остановиться.

Цѣпляясь памятью за то и другое, я неожиданно натолкнулся на давнишніе, продолжительные, горячіе споры съ другимъ пріятелемъ, который весь міръ искусства считалъ прихотью богатыхъ и праздныхъ людей, художественныя созданія — дорого стоящими забавами досужаго сибаритства, пожирающаго огромныя средства совершенно непродуцательно, а художниковъ и артистовъ называлъ дармоѣдами, прислужниками утонченнаго разврата, праздности и пресмыченія. Не было возможности сбить пріятеля съ этой позвдіи. По его мнѣнію, то только и заслуживаетъ поддержки, вниманія, ухода, что полезно, что умножаетъ или ведетъ къ умноженію предметовъ, служащихъ для удовлетворенія неотложныхъ потребностей человѣка. Наука, научные опыты и изслѣдованія, тоже стоить дорого, но онъ считалъ затраты на нихъ производительными, потому что результатомъ ихъ всегда бываетъ какое-нибудь полезное для человѣка открытіе или примѣненіе — то телеграфъ, то телефонъ, то пароходъ, то машина, уменьшающая трудъ или сохраняющая здоровье людей.

— Ну, а армстронговы и крупновскія пушки, картечницы, разрывныя пули и адскія машины? О нихъ вы забыли, а вѣдь и они тоже — плодъ науки, результатъ опытовъ и изслѣдованій. Но это мимоходомъ. Считаю науки полезными, вы, конечно, разумѣете такъ-называемыя положительныя или точныя науки и изъ нихъ — преимущественно прикладныя. Я взялся бы вамъ доказать, что и эти науки тратятъ множество силъ, времени и деньги на предметы совершенно бесполезныя въ вашемъ смыслѣ. Какую, на примѣръ, пользу можно извлечь изъ изслѣдованій 'плотности Юпитера, Урана или Марса, ихъ объема, ихъ разстоянія отъ земли, солнца и другъ отъ друга? А чтобъ убѣдиться, что и при-

кладныя науки могутъ служить досужей роскоши не меньше искусства, войдите въ любой косметическій магазинъ, или въ любой кабинетъ, уборную, спальню богатой свѣтской дамы, не говоря о другихъ дамахъ. Но не въ этомъ дѣло. Какъ же, спрошу я васъ, понимаете вы пользу?

— Полезно все то, — отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ пріятель, — что увеличиваетъ сумму предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію непосредственныхъ и неотложныхъ матеріальныхъ нуждъ человѣка, — предметовъ, необходимыхъ для пищи, одежды, крова, для отдыха отъ труда, для сохраненія здоровья...

— Но вѣдь для удовлетворенія названныхъ вами непосредственныхъ потребностей нужны не одни матеріальные предметы; нужно, кромѣ того, и воспитаніе, и судъ, и полиція, и войско, и благотворительныя заведенія, напримѣръ, больницы, пріюты для немощныхъ, старыхъ, дѣтей и т. п. Все это полезно, потому что ведетъ, въ концѣ-концовъ, къ вашей же цѣли. Но къ той же цѣли ведетъ и искусство, которое бы вы хотѣли стереть съ лица земли.

— Какъ такъ? — восклицалъ мой пріятель: — вотъ этого ужъ никакъ понять нельзя!

— Какъ понять? Да очень просто. Вы вѣдь признаете полезнымъ то, что удовлетворяетъ непосредственнымъ потребностямъ человѣка, и называете, въ числѣ такихъ предметовъ, одежду, пищу, кровъ, отдыхъ, здоровье. Но вы знаете, что человѣкъ, когда ему весело, пляшетъ и поетъ веселыя пѣсни, а когда ему грустится — унылыя; обыкновенная его рѣчь, не одними словами, но и тономъ, выражаетъ различныя его душевныя движенія — радость, гнѣвъ, печаль, ласку, презрѣніе и проч. Всѣ эти различныя движенія — тоже потребности, которымъ столько же необходимо удовлетворять, какъ голоду и жаждѣ, они такія же непосредственныя и неотложныя, какъ тѣ, которыя вы признаете за такія. Имъ-то и удовлетворяетъ искусство. Причины его существованія — именно въ этихъ потребностяхъ. На самыхъ низшихъ ступеняхъ образованія и посреди ужасающей нищеты, вы вездѣ встрѣтите зародыши искусства и художественнаго творчества. Безобразныя каменные татарскія бабы въ степяхъ, нельзя же назвать продуктами пресыщенія и богатства? Не отъ избытка и пресыщенія влетаетъ себѣ крестьянская дѣвочка обрѣзокъ матеріи въ носу, мужикъ надѣваетъ рубаху съ красными ластовицами, утираетъ лицо ручникомъ съ узорочными концами, ставитъ рѣзное окно, раскрашиваетъ ставни, украшаетъ, какъ умѣетъ, дугу. А вѣдь изъ этихъ первыхъ грубыхъ зачатковъ,

которые вы найдете всюду, между бѣднѣйшими слоями человеческого общества, и созданся, въ дальнѣйшемъ развитіи, этотъ самый міръ искусства, который вы считаете бесполезнымъ, напрасной затратой времени, труда и денегъ. Обращая противъ васъ ваше же оружіе, я бы могъ съ такимъ же правомъ сказать, что ѣда, кровь, одежда, отдыхъ, здоровье — ненужныя прихоти и роскошь, ссылаясь на то, что на столъ, квартиру, туалетъ многими тратятся громадныя суммы самымъ бессмысленнымъ и безпутнымъ образомъ. Если, говоря объ излишествахъ этого рода, вы, однако, умѣете отличить ихъ отъ дѣйствительныхъ потребностей, то отчего же вы иначе судите, когда рѣчь зайдетъ объ искусствѣ. Оно, какъ и все на свѣтѣ, можетъ вырождаться, идти на службу правдоности, роскоши, пресыщенію, растлѣвать, угодничать, продаваться тому, кто больше даетъ; но вѣдъ и наука можетъ тоже унизиться до всего этого, а ее вы же не станете за то побивать камнями, вычеркивать изъ числа дѣйствительныхъ человеческихъ потребностей.

— Вы говорите, что искусство бесполезно, потому что оно есть спутникъ тунеядства, приучаетъ къ извѣстному сабаритизму. Человѣкъ, по-вашему, долженъ только производить и фабриковать полезныя вещи. Ну, а если искусство будетъ именно въ этомъ направленіи развивать людей, на примѣръ, театръ будетъ отъучать ихъ отъ роскоши и приохочивать къ труду; музыка будетъ сопровождать работу и поощрять къ ней, какъ теперь военный оркестръ возбуждаетъ военный духъ, или, чтобъ оставаться въ кругѣ вашихъ представленій о полезномъ, пѣсня приложена къ мѣрному звуку прялки въ избѣ, отъ пѣсни спорится дѣло дружной артели; если картины наглядно будутъ учить тому, что предстоитъ каждому дѣлать и какъ дѣлать; если статуями увѣщевается память Жакаровъ, Фультоновъ, Стеффенсоновъ и другихъ геніевъ промышленнаго и фабричнаго дѣла? Такимъ искусствомъ будете ли вы довольны?

Пріятель замаялся.

— Противникомъ искусства, художниковъ, художественнаго творчества, — развивалъ я свою мысль далѣе, — быть нельзя; можно быть противникомъ извѣстнаго ихъ направленія; но это ужъ другой вопросъ. Я готовъ съ вами согласиться, что направленіе искусства, творчество художниковъ можетъ быть хорошо или дурно, хотя мы, пожалуй, опять не сойдемся въ опредѣленіи, что хорошо и что дурно. Во всякомъ случаѣ этотъ споръ будетъ совсемъ иного свойства.

По мѣрѣ того, какъ я вспоминалъ, мысль запутывалась и

изнемогала подъ равнообразіемъ и противорѣчивостью впечатлѣній. Художникъ зло подшутилъ надо мной, подзадоривъ изложить ихъ на бумагѣ! Высказывать въ дружеской бесѣдѣ—что подвернется на языкъ, совсѣмъ не то, что писать. Правда, сказаннаго слова, какъ воробья, не поймашь, но отъ него можно отвертѣться и не такъ оно рѣжетъ глаза; а написанное — торчкомъ торчать и ужъ его топоромъ не вырубить! А что я напишу? Рядъ безсвязныхъ впечатлѣній! Это вѣдь меньше чѣмъ ничего. Читатель въ правѣ не на шутку на меня разгнѣваться, зачѣмъ я совершенно напрасно занялъ его вниманіе и отнялъ время.

Я было уже совсѣмъ отказался отъ намѣренія писать, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову такая мысль: въ томъ, что мнѣ одна картина нравится, а другая нѣтъ, или что я къ ней равнодушенъ—должны же выразаться мои требованія отъ живописи, а эти требованія не могутъ не быть въ тѣсной связи съ какимъ-нибудь общимъ взглядомъ на искусство и на его задачи. Не оттого ли я запутался въ впечатлѣніяхъ, что не подумалъ до сихъ поръ дать себѣ во всемъ этомъ ясный отчетъ? Попробую подойти къ воспоминаніямъ съ этой стороны; авось либо такъ доберусь до чего-нибудь опредѣленнаго, твердаго, откуда ужъ можно будетъ идти дальше, разсортировать впечатлѣнія на группы и привести ихъ къ одному общему знаменателю. Я ухватился за эту мысль и началъ думать.

Всякое художественное произведеніе, говорятъ, воссоздаетъ дѣйствительность, дѣйствительный міръ, дѣйствительную жизнь... Положимъ—такъ. Но какую дѣйствительную жизнь? Ту ли, какая на самомъ дѣлѣ есть, или ту, которая намъ представляется? Разумѣется, послѣднюю, потому что мы только то и знаемъ, что намъ представляется.

Значить, художественное созданіе воспроизводитъ дѣйствительность, какъ мы ее слышимъ, видимъ, ощущаемъ, чувствуемъ. Итакъ, мы собственно воспроизводимъ не дѣйствительность, а наши представленія о дѣйствительности, потому что другой дѣйствительности, кромѣ той, какую человекъ себѣ представляетъ, для него никакой нѣтъ, не существуетъ.

Но у разныхъ людей представленія разные, часто совсѣмъ между собою непохожія. Представленія состоятъ изъ впечатлѣній окружающихъ предметовъ и явленій на наши органы чувствъ, а эти предметы и явленія очень различны; также различны и органы чувствъ у разныхъ людей. Оттого чуть ли не у каждаго человека свои впечатлѣнія, отличныя отъ другихъ. Помнится, я недавно гдѣ-то читалъ, что картины одного живописца, — кажется,

англійскаго, — поражали всѣхъ необыкновенною странностью тѣнѣй и красокъ и никто не могъ понять, отчего это? Наконецъ, одинъ фзіологъ, изучившій ненормальныя явленія зрѣнія и ихъ законы, доказалъ, что странности картинъ могли произойти только вслѣдствіе извѣстной, имъ подробно описанной и охарактеризованной, ненормальности зрительнаго аппарата у художника. Если поискать, то такія же странности окажутся, можетъ быть, и въ иныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, зависящія точно также только отъ ненормальнаго устройства органа слуха у композитора. Опытномъ дознано, что у нѣкоторыхъ людей оба уха бываютъ настроены не на одинъ ладъ, и потому, когда они слушаютъ обими ушами, лучшее музыкальное произведеніе отзывается въ нихъ невыносимымъ диссонансомъ; чтобъ наслаждаться музыкой, они должны крѣпко зажать одно ухо.

Я привелъ самыя рѣзкіе примѣры, бросающіеся въ глаза. Но если принять въ расчетъ большую или меньшую чувствительность органовъ чувствъ, отѣнки ихъ воспримчивости и ея характера, большую или меньшую ихъ опытность въ принятіи впечатлѣній, тысячи особенностей, зависящихъ отъ тысячи условій, напримѣръ, отъ принадлежности къ той или другой національности, отъ климата, мѣстной обстановки, образа жизни и т. п., то нельзя не вывести отсюда, что представленія людей должны быть чрезвычайно разнообразны, чуть ли не столько, какъ и сами люди.

Разнообразіе представленій играетъ въ искусствѣ несравненно большую роль, чѣмъ мы думаемъ. Это одна изъ причинъ, почему люди уже столько времени изучаютъ художественныя произведенія, толкуютъ ихъ, и до сихъ поръ не могутъ окончательно согласиться между собою въ мнѣніяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Иначе и быть не можетъ. Міръ представленій не можетъ не быть совершенно иной подъ солнцемъ Италіи или Индіи, и въ Россіи или въ Гренландіи. Одинъ и тотъ же Петръ Великій смотритъ англичаниномъ, французомъ, голландцемъ, смотря по тому, кто писалъ, рисовалъ или гравировалъ его портретъ. Глазъ, привыкшій разсматривать картины и статуи, слухъ, выработанный на лучшихъ созданіяхъ музыкальнаго искусства, будутъ видѣть, слышать и различать ихъ лучше, тоньше, чѣмъ глазъ и ухо ребенка или челоука, который не упражнялъ ихъ надъ такими предметами. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, люди воспитываются и развиваются изъ поколѣнія въ поколѣніе, по мѣрѣ того, какъ кругъ ихъ впечатлѣній расширяется и становится разнообразнѣе. Вообразимъ себѣ, что челоукъ, который никогда не видалъ другихъ картинъ, кромѣ ста-

ринной голландской или фламандской школы, вдруг увидеть итальянскую или испанскую картину, — онъ не сразу найдетъся въ ней, освоится съ ея характеромъ и особенностями. Мы, старики, смолоду пробавлялись легкой итальянской музыкой, знаемъ по опыту, какъ трудно вслушиваться въ звуки нѣмецкихъ музыкальныхъ созданий и дойти до пониманія ихъ красоты. Одинъ очень образованный французъ, слушавшій въ первый разъ «Жизнь за царя» Глинки, признавался мнѣ, что не понимаетъ прелести этихъ звуковъ, и пришелъ въ восторгъ, когда заиграли полонезъ и мазурку: эти звуки были ему знакомы.

Съ этой стороны представленіе есть нѣчто очень условное. Въ отношеніи къ искусству мы можемъ говорить не о представленіяхъ всѣхъ вообще людей, кто бы они ни были, а только о представленіяхъ нормальныхъ, составляющихъ какъ-бы средній результатъ извѣстной нормальной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, при извѣстной степени ихъ навыка и опытности въ принятіи внѣшнихъ впечатлѣній и образованіи изъ нихъ представленій. Поэтому, когда говорится о художественныхъ произведеніяхъ, всегда предполагается, что они существуютъ не для всѣхъ безъ изыатія людей, а только для тѣхъ, кто имѣетъ необходимыя нормальныя для того условія, какъ естественныя или прирожденныя, такъ и приобрѣтенныя развитіемъ, навыкомъ, опытностью. Но этимъ кругъ людей, для которыхъ искусство существуетъ, естественно и неизбежно суживается. По мѣрѣ расширенія образованности и усиленія развитія, этотъ кругъ будетъ становиться все шире и шире, но никогда не включитъ въ себя всѣхъ людей. Въ его останутся всѣ, кто почему-либо не подходитъ даже подъ средній уровень нормальной воспримчивости къ воспроизведеніямъ представленій.

Представленіе есть, впрочемъ, только одно изъ условій художественнаго творчества. Другое, столько же существенное — это восозданіе представленія въ матеріальномъ фактѣ или явленіи — образѣ, словѣ, звукѣ, тѣлодвиженіи, игрѣ физиономіи. Слѣшу, однако, оговориться. «Возозданіе представленія» выражаетъ не совсѣмъ точно то, что происходитъ при художественномъ творствѣ. Представленіе остается при насъ и вывести его изъ чловѣка наружу ни что въ мірѣ не можетъ. Художникъ только создаетъ такой матеріальный фактъ, производитъ такое матеріальное явленіе, которыя соотвѣтствуютъ представленіямъ и вызываютъ ихъ каждый разъ, когда такой фактъ или такое явленіе дѣйствуютъ на наши внѣшнія чувства. Оттого-то художественное создаваніе и называется творчествомъ. Оно въ самомъ дѣлѣ какъ

будто вновь создаетъ окружающій насъ міръ, который дѣйствуетъ на наши чувства, производитъ впечатлѣнія, и черезъ нихъ образуетъ или вызываетъ представленія.

Говорятъ, искусство воссоздаетъ дѣйствительный міръ, самую жизнь, какова она есть. Это не совсѣмъ такъ. Имъ создаются условія, которыми вызываются такія же представленія, какъ и дѣйствительнымъ міромъ, дѣйствительною жизнью. Но художественныя созданія никогда не воспроизводятъ дѣйствительнаго міра, каковъ онъ есть. Мѣсто, которое мы видѣли, и ландшафтъ, который намъ кажется сходнымъ съ этимъ мѣстомъ, какъ двѣ капли воды, на самомъ дѣлѣ вовсе другъ на друга непохожи. Расписанное полотно, очевидно, и не можетъ походить на дѣйствительную мѣстность. Но и ландшафтъ и мѣстность, которую оно изображаетъ, производятъ на насъ одинаковое впечатлѣніе, вызываютъ одні и тѣ же представленія. Портретъ, написанный карандашомъ или перомъ, силуэтъ, вырѣзанный изъ черной бумаги, еще меньше похожи на предметы, которые они изображаютъ, а мы, однако, бываемъ поражены сходствомъ. Почему? Потому что въ насъ вызывается, при видѣ рисунка или силуэта, то же представленіе, какое вызывалъ дѣйствительный предметъ. Мраморная статуя, бюстъ, — что же въ нихъ сходнаго съ дѣйствительностью? А мы находимъ удивительное сходство, если черты и выраженіе схвачены вѣрно. Тутъ сходство очевидно весьма относительное и условное. А что сказать о литературныхъ созданіяхъ, о музыкальныхъ произведеніяхъ, которыя, по своей внѣшней сторонѣ, не имѣютъ съ видимыми предметами ни малѣйшаго, даже отдаленнаго сходства!

Итакъ, весь смыслъ художественнаго творчества состоитъ въ такомъ сопоставленіи и сочетаніи матеріальныхъ данныхъ, чтобы онѣ вызвали въ насъ тѣ же представленія, что и дѣйствительные предметы, дѣйствительная жизнь.

Если мы, послѣ всего сказаннаго, прослѣдимъ то, что происходитъ, начиная съ художественнаго творчества и оканчивая художественнымъ наслажденіемъ, то получимъ цѣлый рядъ очень сложныхъ операций, которыя будутъ имѣть такой смыслъ: художникъ извѣстнымъ сочетаніемъ матеріальныхъ предметовъ и явленій создаетъ нѣчто, вполне отвѣчающее его представленіямъ. Зрители, слушатели, словомъ—публика получаетъ отъ созданія художника впечатлѣнія, и, сравнивая вызванныя имъ представленія съ тѣми, какія она уже носитъ въ себѣ, чувствуетъ или не чувствуетъ себя удовлетворенной, смотря по тому, отвѣчаетъ ли произведеніе ея представленіямъ, и въ какой мѣрѣ.

Въ этомъ смыслѣ, міръ искусства есть одна изъ величайшихъ побѣдъ челоѣка надъ окружающимъ: художественныя созданія— плодъ подробнаго знагоствя челоѣка съ обстановкой и ея законами, безъ чего нельзя и помыслить о сочетаніяхъ фактовъ, съ дѣльно произвести наибѣе впечатлѣніе и вызвать извѣстныя представленія. Мы иной разъ небрежно перебѣгаемъ глазами отъ одной картины и статуи въ другой, скользимъ, перелистывая по лучшимъ литературнымъ произведеніямъ; а какое было нужно громадное накопленіе знанія и опытовъ, въ теченіи многихъ тысячелѣтій, чтобъ довести, не говорю ужъ дѣльную литературу или дѣльную школу живописи, музыки и т. д., а самомадѣйшій стихъ, или самую нехитрую музыкальную пьесу, самую несложную картину, до того художественнаго совершенства, до котораго дошли люди въ наше время. Теперь намъ кажется простымъ и легкимъ писать порядочными стихами, или взять кисть, натянуть полотно, нанести краски на палитру и написать картину; но пройдемъ мысляю весь путь, которымъ люди дошли до того, что это стало легко и просто, и намъ придется повторить всѣ ступени теоретическаго и практическаго знанія, которыя родъ челоѣкъ проложилъ съ величайшими усиліями, трудами и колебаніями отъ начала до нашего времени. Вспомнимъ, сколько усилій ума и замѣчательнаго таланта потрачено русскими художниками, писателями, музыкантами, чтобъ только выучиться писать русскіе предметы и русскіе стихи, чтобъ овладѣть русскими мотивами. Какой же громадный трудъ нуженъ былъ, чтобъ создать дѣльный міръ искусства! Вѣдь сдѣланное у насъ—вапля въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано челоѣческимъ родомъ для живописи, ващной литературы, музыки и другихъ отраслей искусства отъ нѣдъ первыхъ зачатковъ до нашего времени.

Что это былъ тажкій трудъ, великій подвигъ, видно изъ того, какъ люди неохотно шли на него сначала, и какъ имъ тяжело было за него приниматься.

Въ древнѣйшихъ преданіяхъ сохранились слѣды какаго-то непонятнаго намъ теперь отвращенія первобытнаго челоѣка отъ художественнаго творчества; такое же отвращеніе проявлялось и гораздо позднѣе, на памяти исторіи, въ эпохи глубочайшаго одушевленія и нравственнаго перерожденія людей. Это происходило, можетъ быть, оттого, что наполнявшее душу челоѣка еще не сложилось въ опредѣленное, ясное представленіе, или представленіе уже сложилось, но челоѣкъ еще не умѣлъ подыскивать и сочетать внѣшніе факты и явленія такъ, чтобъ они отвѣчали представленіямъ и вызывали ихъ. Первый шагъ на пути къ ху-

дожественному творчеству, по своей новосте, необычности и крайней трудности, не могъ не страшить людей, не внушать имъ суевѣрной боязни. Но, кромѣ того, замѣчается и другой мотивъ: то, что человѣкъ носилъ въ своей душѣ, такъ владѣло всѣмъ его существомъ, онъ до того имъ былъ проникнутъ, имъ жилъ, былъ въ него погруженъ, что создавать его внѣшнее подобіе казалось посягательствомъ на святиню. Известно, что сильное чувство, разрѣшаясь въ мысль или образъ, теряетъ свою напряженность.

Первоначальной неумѣлости людей создавать во внѣшнемъ мірѣ образы, соответствующіе представленіямъ, есть параллельныя явленія въ другой области. Такая же неумѣлость справляться съ окружающимъ лежитъ въ основаніи философскихъ воззрѣній Будды. Міръ исполненъ зла и страданій. Христіанство указываетъ на дѣла любви и самоотверженія, какъ на средства исцѣленія. Европейцы, воспитанные на этомъ ученіи, приспособляютъ окружающій міръ къ своимъ потребностямъ и нуждамъ; буддизмъ не имѣетъ никакого понятія о принорвленіи окружающаго міра къ требованіямъ человѣка, о дѣятельномъ, преобразовательномъ отношеніи къ этому міру. Поэтому онъ рекомендуетъ человѣку уйти въ себя, стать совсѣмъ безстрастнымъ, нечувствительнымъ къ злу и страданіямъ. Нирвана, восточный квиетизмъ, восточный фатализмъ, выражаютъ безпомощность человѣка, неумѣнье его заставить природу и окружающій міръ служить себѣ и своимъ нуждамъ.

Другой мотивъ, внушавшій отвращеніе къ художественному творчеству и всякой внѣшней дѣятельности, — боязнь осверкнуть святиню чувства, ослабить его поднятую силу внѣшнимъ образомъ, внѣшнею дѣятельностью, замѣчается при глубочайшей религіозной восторженности и психическомъ сосредоточеніи силъ. Художественное творчество, съ этой точки зрѣнія, есть огромный шагъ впередъ въ отношеніяхъ человѣка къ окружающему; создавая міръ искусства, онъ подчиняетъ природу своимъ нуждамъ и требованіямъ, заставляетъ ее служить себѣ. Подобно тому, какъ онъ мало-по-малу выучивается готовить себѣ пищу, и запасать ее въ прокъ, прикрываться отъ холода, жары и непогоды, защищаться отъ животныхъ и людей, онъ выучивается создавать сочетанія фактовъ и явленій, которыя отвѣчаютъ его представленіямъ и вызываютъ ихъ въ другихъ. Сначала эти созданія, разумѣется, очень несовершенны, но мало-по-малу, съ усѣхами знанія и опытности, они становятся все болѣе и болѣе совершенными и, наконецъ, достигаютъ виртуозности, которой мы изумляемся въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ. На этомъ пути, какъ и на

вѣкъ другія, постепеннымъ совершенствованіемъ не видно конца, и то, что намъ теперь кажется вѣнцомъ художественнаго творчества, можетъ черезъ пятьсотъ, тысячу лѣтъ оказаться чуть не ребяческими оянтами. Но съ первымъ же шагомъ къ художественному создаванію человекъ открываетъ себѣ новые пути завоеваній въ окружающемъ мірѣ, и въ этомъ, между прочимъ, заключается одна изъ причинъ великаго образовательнаго значенія искусства.

Искусство, говорить намъ, творить для человека новый міръ. Это не иллюзація, а совершенная правда, потому что оно создаетъ матеріальные предметы и явленія, которые вызываютъ въ людяхъ такія же представленія, какъ и сама жизнь, сама дѣйствительность. Рядомъ съ дѣйствительнымъ міромъ появляется другой міръ, вовсе на него непохожій. Между ними только то общаго, что оба вызываютъ одинаковыя представленія. При высочайшемъ развитіи искусства обольщеніе бываетъ до того полное, что человекъ принимаетъ художественное созданіе за самую дѣйствительность и наоборотъ: каждому случалось, наслаждаясь впечатлѣніемъ дѣйствительнаго предмета, чувствовать, что, только благодаря художественнымъ созданіямъ, онъ выучился вполнѣ цѣнить дѣйствительность. И въ этомъ нельзя не признать важнаго образовательнаго значенія искусства. Создавая новый міръ, соответствующій представленіямъ, оно выясняетъ ихъ, а съ ними и отношенія дѣйствительнаго міра къ нашимъ впечатлѣніямъ, до поразительной опредѣленности и точности. Искусство, наперерывъ съ наукой, выучиваетъ насъ смотрѣть и слушать правильно.

Мало того: создавая рядомъ съ дѣйствительнымъ міромъ другой міръ, вызывающій одни съ нимъ представленія, искусство выводитъ насъ изъ условій пространства и времени. Давно умершихъ мы видимъ вкѣ живыхъ; то, чего мы никогда не видали и, можетъ быть, никогда не увидимъ, мы узнаемъ со всею живостью непосредственнаго и личнаго знакомства. Благодаря художественнымъ созданіямъ, мы можемъ, по произволу, вызывать въ себѣ живыя представленія тѣхъ или другихъ предметовъ и явленій, которыя въ дѣйствительности отдѣлены отъ насъ громадными пространствами и цѣлыми вѣками, или которые когда-то существовали, но уже исчезли и болѣе никогда не будутъ дѣйствовать на наши чувства.

Но какъ бы ни было велико обаяніе художественныхъ созданій, какъ бы ихъ дѣйствіе на насъ ни совпадало съ дѣйствіемъ окружающаго міра, не должно забывать ни на минуту, что произведенія искусства относятся только къ нашимъ представленіямъ,

только для нихъ существуютъ и для нихъ однихъ имѣютъ смыслъ.

Понимю представленій художественныя созданія и не имѣютъ художественнаго значенія. Говоря объ объективности въ искусствѣ, о реальности художественныхъ произведеній, надо всегда помнить, что рѣчь идетъ только о реальности и объективности условной, а именно только по отношенію къ представленіямъ. Эта объективность и реальность всегда зависятъ отъ определенности, ясности представленій, отъ ихъ характера и свойства. Этимъ объясняется, какимъ образомъ люди образованные и развитые могли сравнительно еще недавно наслаждаться крайне несовершенными, по нашимъ понятіямъ даже совсѣмъ безвкусиными, произведеніями искусства, почему были возможны увлеченія искусства въ разные ложныя направленія — въ аллегорію, символизмъ, манерность и рутину. Человѣку, въ художественныхъ произведеніяхъ, въ концѣ-концовъ всего дороже его собственныя представленія, вызываемыя, освѣщаемыя, оживляемыя внѣшними возбужденіями, и онъ невольно, самъ того не замѣчая, переноситъ ихъ въ созданія искусства. Объективная, реальная оцѣнка дается страшно трудно и вполнѣ объективной она никогда не можетъ быть и не будетъ. Только долгое развитіе и опытность, образовавшаяся подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ направленій и взглядовъ, болѣе и болѣе смягчаетъ крайности и угловатости субъективной оцѣнки; но никогда она не можетъ быть исключена вполнѣ и обратиться въ исключительно и чисто объективную, потому что самая почва художественности — представленіе — не можетъ быть вырвано изъ человѣка и перенесено въ міръ объективныхъ явленій.

Въ ошибочномъ понятіи объ объективности художественныхъ созданій лежитъ источникъ всѣхъ недоразумѣній и безконечныхъ споровъ объ искусствѣ. Представленіе, въ которомъ сходятся и изъ котораго расходятся всѣ явленія въ области искусства, — это двуличный Янусъ, одною своею стороною обращенный къ объективному міру, окружающему человѣка, а другою къ его ощущеніямъ, чувствамъ, стремленіямъ, желаніямъ и движеніямъ: великихъ человѣкъ носить въ себѣ, ими онъ живетъ; радостъ съ внѣшними возбужденіями, они служатъ источникомъ его внутренней и внѣшней дѣятельности, а со всѣми этими психическими состояніями и движеніями представленія связаны тысячу нитей.

Отношенія представленій къ внѣшнимъ предметамъ и явленіямъ, создаваемымъ съ цѣлью вызвать и воспроизвести эти представленія, — вотъ объективная, внѣшняя сторона искусства и худо-

жестокое: зверства; чувства и вообще душевные движения, возбуждаемые на нас произведениями искусства чрезъ представлени, составляютъ внутреннюю, субъективную сторону художе- ственныхъ созданий и творчества. Все сказанное мною до-сихъ-поры объ искусствѣ касалось только его внешней, объективной стороны. Оно даетъ удовлетвореніе или наслажденіе особаго рода, которое, явно или скрыто, сознательно или бессознательно, но непременно входитъ въ художественное впечатлѣніе. Какъ бы ни была велика жизнь, реальная правда художественнаго произведенія, мы все же относимся къ нему иначе, чѣмъ къ самой реальной дѣйстви- тельности. Въ впечатлѣнію художественнаго произведенія всегда примѣшивается ощущение, что мы имѣемъ дѣло не съ самою реаль- ностью, а съ болѣе или менѣе совершеннымъ ея подобіемъ. Такимъ образомъ, въ художественномъ впечатлѣніи, непосред- ственное чувство реальности ослепляется и ослабляется другимъ чувствомъ, ощущеніемъ сходства художественнаго произведенія съ дѣйствительностью, которой впечатлѣніе оно въ насъ воспроизво- дитъ. Когда мы видимъ на мастерской картинѣ или на сценѣ страданія, мучительную смерть, или порывы страсти, они не потрясаютъ насъ такъ, какъ если-бъ то, что мы видимъ, соверша- лось въ дѣйствительности передъ нашими глазами. Мы потрясены; но вмѣстѣ съ тѣмъ и наслаждаемся поразительно вѣрнымъ вос- произведеніемъ реального событія, тѣмъ, что картина или игра актера вызываютъ въ насъ тѣ же представленія, какія бы вызвала сама жизнь. Тайна художественнаго наслажденія всегда скрыта въ атомъ ощущеніи, хотя мы рѣдко отдѣлемъ себя въ атомъ отчетѣ.

Художественное наслажденіе лежитъ на рубежѣ объективной и субъективной стороны искусства. Такое же серединное поло- женіе между ними занимаютъ художественные идеалы. Реалисты въ искусствѣ ихъ отвергаютъ; художники-идеалисты и философы отстаиваютъ, ссылаются на то, что художественныя произведенія не рабскія воспроизведенія дѣйствительности и содержатъ въ себѣ нѣчто такое, чего въ ней нѣтъ. Это справедливо. Но, не доволь- ствуясь этимъ, они идутъ дальше и выводятъ ослѣда, что худо- жественно прекрасное, художественная красота, существуетъ какъ- то отдѣльно отъ дѣйствительности и реальности, вносится въ нее художникомъ извнѣ, и потому говорятъ объ искусствѣ для иску- ства, въ противоположность реалистамъ, не признающимъ идею кра- соты и требующимъ подчиненія искусства разнымъ положитель- нымъ цѣлямъ, требующимъ, чтобы оно приносило ту или другую пользу. Эти безконечные споры вытекаютъ изъ ошибочныхъ взгля-

дѣвъ на объективную сторону искусства, общія и идеалистамъ и реалистамъ. Еще недавно считали возможнымъ видѣть эту сторону и на ней одной построить теорію искусства. Но мы теперь знаемъ, что оно не воспроизводитъ объективнаго или реальнаго міра, а только создаетъ то, что вызываетъ въ людяхъ такія же представленія, какъ реальная дѣйствительность. Художественные идеалы — это представленія художника, идеальныя по своей природѣ, такъ какъ въ нихъ впечатлѣнія перегруппированы подъ особымъ угломъ зрѣнія, свойственнымъ художнику. Говорить о художественномъ идеалѣ въ объективномъ смыслѣ, послѣ того какъ сдѣлалось столько художественныхъ идеаловъ, невозможно. Объективный художественный идеалъ, идея прекраснаго, воплощающаяся въ художественныхъ созданіяхъ, есть лишь выводъ ума, обобщеніе явленій, а не объективный фактъ. Художественный идеалъ созданъ философскимъ идеализмомъ и безвозвратно палъ вмѣстѣ съ нимъ. Теорія искусства для искусства справедлива какъ требованіе извѣстнаго настроенія при художественномъ созданіи, но въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ поборники неизмѣнной идеи прекраснаго, воплощающейся въ дѣйствительности, она не выдерживаетъ критики. Объ «искусствѣ для искусства» можно говорить съ такимъ же основаніемъ, какъ и о «наукѣ для науки», или о «любви для любви» или о «правдѣ для правды». Наука не будетъ наукой, когда мы, вмѣсто иснанія научной истины, будемъ преслѣдовать какія-нибудь другія цѣли и въ нихъ приравнять научные выводы; правда не будетъ правдой, когда мы подчинимъ ее соображеніямъ житейскихъ выгодъ и т. п. Художественное творчество не должно имѣть другой задачи, кромѣ вѣрнаго воспроизведенія фактовъ и явленій, вызывающихъ тѣ или другія представленія; въ этомъ смыслѣ теорія искусства для искусства непреложна, но она и не говоритъ ничего: художественное творчество, не достигающее своей цѣли, не есть искусство. Къ сожалѣнію, эта теорія, вопреки истинѣ и правдѣ, и вслѣдствіе самыхъ печальныхъ недоразумѣній, смѣшиваетъ идею прекраснаго, художественный идеалъ, съ извѣстными образцами художественнаго творчества, требуетъ, чтобъ они непремѣнно носились передъ художникомъ во время художественнаго созданія, считаетъ ихъ для него обязательными. Такой взглядъ, такія требованія не только ошибочны, но они вѣрнее вредны. Художественные идеалы мѣшаются вмѣстѣ съ представленіями и увѣличивать ихъ — значитъ мѣшать развитію художественнаго творчества, которое только и состоитъ въ созданіи фактовъ, которые соответствуютъ представленіямъ и вызываютъ ихъ. Идеалисты,

наборники идеи прекраснаго, художественныхъ идеаловъ и теорій искусства для искусства пренебрали свое дѣло. Ихъ взгляды не пользуются ни авторитетомъ, ни влияніемъ. Можно ли сказать, что въ ихъ взглядахъ нѣтъ ни малѣйшей доли правды, что всё ихъ требованія должны отъ начала до конца? Этого я бы не рѣшился утверждать. Что-то, похожее на истину просвѣчиваетъ въ ихъ теоріяхъ, но эта истина такъ искажена и обезображена извращенной постановкой задачъ искусства, что нѣтъ возможности стать подъ знамя идеализмовъ. По намѣренію, они должны бы быть поборниками субъективной стороны искусства, которой знать не хотятъ реалисты; но, вмѣсто того, чтобы разрабатывать и выяснять эту сторону, рука объ руку съ поборниками объективности и реальности въ искусствѣ, они перемесли въ послѣднюю требованія первой и истощаются въ бесплодныхъ усиліяхъ создать объективные идеалы, ненамѣнную объективную красоту. Ту же ошибку идеализмъ вносилъ еще недавно всюду—и въ политику, и въ философію, и въ теорію права, и въ ученіе о нравственности. Не понимая своей настоящей задачи, ни того, чѣмъ онъ силенъ и принимаемъ за разрѣшеніе задачъ реализма, идеализмъ вездѣ терпитъ неудачу и стовсюду вытѣсняется, въ ущербъ истинѣ, которой цѣлая сторона, благодаря этому, остается неразработанной и заброшенной.

Возвращаясь къ перерванной нити мыслей. Представленія—это центральный пунктъ, въ которомъ сходятся и объективная и субъективная сторона искусства. Объективная его сторона—это созданіе предметовъ, которые вызываютъ по возможности тѣ же представленія, что и непосредственная, живая дѣйствительность и реальная оцѣнка этого тождества; а субъективная—тѣ ощущенія и чувства, которыми сопровождаются представленія. Но представленія, какъ извѣстно, никогда не являются въ насъ обособленными отъ другихъ явленій психической, внутренней жизни; напротивъ, въ дѣйствительности они всегда переплетаются съ чувствами, настроеніями, стремленіями и желаніями, ими вызываются, и наоборотъ—они сами вызываютъ. Когда мы голодны, намъ представляются любимыя кушанья; когда мы любимъ, намъ беспрестанно думается о любимомъ предметѣ. Веселое, радостное, грустное, гнѣвное, раздражительное и другія настроенія вызываютъ каждое различна представленія. Наоборотъ—и представленія приводятъ душу въ извѣстное состояніе или настроеніе, возбуждаютъ въ насъ тѣ или другія ощущенія, чувства, желанія.

Эта тѣсная связь и взаимодѣйствіе представленій, съ одной стороны, — настроеній, стремленій, ощущеній, чувствъ, желаній,

ній—съ другой, и придаетъ искусству важное значеніе въ развитіи людей и общества. Давно и воѣмъ признано, что обстановка имѣетъ рѣшительное вліяніе на людей, направляетъ ихъ мысли на дѣятельность въ ту или другую сторону. Оттого воспитатели и педагоги придаютъ такую важность первымъ впечатлѣніямъ ребенка. Созданія искусства, видоизмѣняя по призванію данную обстановку людей и тѣмъ вызывая въ нихъ тѣ или другія представленія, есть, поэтому, могущественное и независимое орудіе воспитанія и образованія. Искусство, посредствомъ художественныхъ созданій, дѣйствуетъ на душевный строй, на чувства, желанія и волю людей. Въ этомъ его общественное значеніе и великая роль. Въ наше время на это какъ-то мало обращается вниманія. Между тѣмъ именно общественное и нравственное вліяніе искусства и подаетъ поводъ къ спорамъ и недоразумѣніямъ, къ противорѣчивымъ сужденіямъ о художественныхъ произведеніяхъ. Объ ихъ объективной сторонѣ нѣтъ и не можетъ быть разномнсія по существу. Задачи объективной стороны искусства слишкомъ опредѣленны и ясны, чтобъ по поводу ихъ могли возбуждаться серьезныя разногласія между компетентными судьями — экспертами, специалистами, знатоками искусства. Что художественное созданіе должно съ возможною приближенностью отвѣчать представленіямъ — объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Споръ можетъ быть только о томъ, въ какой мѣрѣ эта задача художественнаго творчества разрѣшена, какими техническими средствами, способами и приемами она разрѣшается всего лучше и вѣрнѣе. Эти вопросы рѣшаются только на основаніи науки и опыта. Въ наше время трудности въ рѣшеніи задачъ искусства начинаются, когда вопросъ переносится въ сферу субъективныхъ явленій, вызываемыхъ художественными произведеніями посредствомъ представленій. Во взглядахъ на искусство, въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній съ этой стороны царитъ тотъ же хаосъ, та же неурядица, какъ и во всемъ, что касается психической жизни человѣка, ея законовъ и задачъ. Цѣлая школа ничего знать не хочетъ объ образовательныхъ и воспитательныхъ задачахъ искусства. По воззрѣніямъ этой школы, единственная задача художественныхъ произведеній — возможно живое и вѣрное соотвѣстіе ихъ представленіямъ, но какими представленіямъ — объ этомъ школа не заботится. Такова чистая объективная точка зрѣнія. Она имѣетъ свои отбѣнки. Самые крайніе изъ ея поборниковъ ухищряются и въ искусство вносить грубо-матеріальныя требованія, видятъ задачу искусства въ создаваніи произведеній, вызывающихъ представленія объ однихъ

материальных предметов и явлений. Противоположна ей школа идеализма, представляющая тоже много различных отклонений, стоит за образовательный и воспитательный характер искусства, но, будучи бессильна найти соответствующую ему форму в современных представлениях, отворачивается от них, крѣпко держится за готовые художественныя формы, созданныя до насъ, и въ нихъ видитъ единственныя образцы прекраснаго, а въ воз-
можномъ къ нимъ приближеніи — единственную задачу современнаго искусства. Но художественныя формы, какъ и формы рѣчи, создаются представлениями и изменяются вмѣстѣ съ ними. Нашей скудости въ представленияхъ, вызывающихъ благороднѣйшія движенія души, не поможетъ, если мы станемъ вдохновляться представлениями жившихъ до насъ людей. Иные времена — иные люди, иные люди — иные представленія! Наминутое, искусствен-
ное, вымученное вдохновеніе блѣдно, мало, безжизненно, — есть не болѣе какъ поза, которая никого не обманетъ и не подниметъ нашего душевнаго строя; напротивъ, оно только отталкиваетъ шаткихъ отъ высшихъ задачъ искусства, отбрасываетъ ихъ въ лагерь завзятыхъ натуралистовъ, на сторонѣ которыхъ, но вѣрней мѣрѣ, объективная правда.

Между этими двумя крайностями колеблется современное искусство. Сильная выработка по всѣмъ направленіямъ объективной его стороны, а со стороны субъективной — бѣдность представлений, выражающихъ или вызывающихъ высшія, идеальныя стремленія, — вотъ къ чему, въ концѣ-концовъ, сводится теперь почти все въ области художественнаго творчества. Недостатку представлений субъективной стороны мы стараемся помочь подражаніемъ формамъ, которыя выработаны до насъ, но изъ этого ничего не выходитъ и не можетъ ничего выйти. Пока въ насъ самихъ не возникнетъ представлений, вызывающихъ великія художественныя созданія, мы не извлечемъ ихъ изъ творчествъ другихъ временъ и другихъ людей, а будемъ пребывать въ фразѣ; и, вѣсто творцовъ, станемъ лишь жалкими подражателями.

Такое современное положеніе и художниковъ, и публики. Ихъ нельзя различать: они — дѣти одного времени, произведенія однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, получаютъ одни и тѣ же впечатлѣнія. Наши художники и наша публика не имѣютъ сказать другъ другу ничего новаго. Нашъ театръ, наша литература, наши художественныя выставки, наши музыкальныя произведенія выражаютъ тотъ же разбродъ, чувствъ и мыслей, какіе видны и въ образованныхъ слояхъ русскаго общества. Художники создаютъ, — ии, публика наслаждается созданіями

искусства каждый по-своему, но ни они, ни мы не задаемся вопросом: какого рода душевныя движенія — чувства, стремленія, желанія — должны быть или не должны быть возбуждаемы произведеніями художественнаго творчества? Художники и публика смотрять на одну лишь объективную сторону искусства. Мы, зрители и слушатели, обратились въ записныхъ знатоковъ художественныхъ созданій, — всего чаще, прикидываемся знатоками и соперничаемъ съ специалистами по части искусства. Не удивительно, что объективная его сторона равняется на-счетъ субъективной и царить надъ нею въ наше время.

Нѣсколько времени спустя, я опять встрѣтился съ симпатичнымъ художникомъ, заставившимъ меня столько думать.

— Ну, что? — спросилъ онъ меня: — рѣшились вы, наконецъ, передать на бумагѣ ваши художественныя впечатлѣнія?

— Да, я написалъ все, что припомнилъ, — отвѣчалъ я, — но почти рассказываю въ этомъ.

— Отчего такъ?

— Изъ написаннаго ничего не выходитъ.

— А вамъ бы, конечно, хотѣлось заострить ваши впечатлѣнія какимъ-нибудь правоученіемъ?

— Правоученіемъ — нѣтъ, а придти къ какому-нибудь выводу, заключенію, — признаюсь, очень бы хотѣлось; но его-то мнѣ и не удалось добиться. Такъ мое писаніе и осталось незаконченнымъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, — сказала художникъ. — Рѣчь между нами шла, кажется, только о впечатлѣніяхъ, воспринимаемыхъ публикой съ выставокъ художественныхъ произведеній. Какое же тутъ можетъ быть заключеніе, выводъ? То-то нравится потому-то, — другое потому-то не нравится. Больше намъ ничего и не нужно!

— Вы требуете невозможнаго, — возразилъ я. — Принявшись вспоминать и стараясь отдать себѣ отчетъ, почему такъ одна картина очень понравилась, другая — меньше, третья — вовсе не понравилась, и такъ далѣе, я набралъ много замѣтокъ. Совершенно невольно, мысль стала работать надъ ними, анализировать ихъ и приводить въ порядокъ. Изъ этой работы сложился взглядъ на искусство, выяснились различныя требованія отъ художественныхъ произведеній. Самъ того не замѣчая, я продолжалъ, такимъ образомъ, всѣ тѣ умственные операціи, которыя имѣли проходить отъ перваго полученнаго мною впечатлѣнія до

ожидательного результата. Но результатами я и не могъ вывести никакого. У насъ художники и публика — одно и то же, и учатся другъ у друга рѣшительно ничему. Такъ, по крайней мѣрѣ, теперь. Можеть быть, явится со временемъ такой гениальный художникъ, что увлечетъ за собой публику и перевоспитываетъ ее вкусъ, — а можеть быть, публика такъ разовьется, что потянетъ за собой художниковъ и заставитъ ихъ вставать новыхъ пудей. Но это — будущее; а его я не знаю; и никто не знаетъ. Теперь же и въ вашихъ, и въ нашихъ головахъ совершенный хаосъ, разбродъ, безурядица — и нигде не видно свѣта.

— Допустимъ, что такъ. Но вѣдь и это выводъ. Стало-быть, что вы написали — имѣеть конецъ; хотя онъ, положимъ, и не веселый. А потому, ваши нерадостныя мысли относятся къ тому, что говорится въ публикѣ и между художниками. Но сами вы имѣете же про свой обиходъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ требованій отъ искусства, по которымъ и мѣраете художественныя проведенія. Вотъ ихъ-то и желательно бы знать! Сами вы говорите, что анархія, хаосъ — во взглядахъ и публики, и художниковъ. При такомъ положеніи, всякое мнѣніе, всякій голосъ будутъ очень кстати, хотя бы только для совѣршеній, сравненій и соображеній.

— Въ томъ-то и бѣда, что я не имѣю для своихъ требованій готовой, выработанной формулы. То, что есть, меня не удовлетворяетъ, и я довольно ясно и отчетливо могу опредѣлять, почему я имъ недоволенъ; но какъ только начинаю обдумывать и захочу формулировать, что бы могло меня удовлетворить въ искусствѣ, я ничего не могу схватить, кромѣ неподдающихся формулѣ отвлеченныхъ мыслей и общихъ стремленій. Прибавьте къ этому естественную въ наше время болѣзнь сказать собою не то, что хочешь. Мысли, подобно людямъ, утратили свою индивидуальность, и выскази я свой взглядъ общепринятыми терминами (а другикъ мнѣ взять не откуда), вы первый подведете его подъ готовую мѣрку, наложите на него готовый нумеръ — и подъ этимъ нумеромъ сдадите въ древлехранилище отвлеченный взглядъ на искусство. Мне самолюбіе отъ этого нестрадаетъ, но это, положимъ, не такъ ужъ важно то, что возможность требованій отъ искусства, которыя я считаю правильными, будетъ скомпрометирована, — высосанное и пренебрежительное къ нимъ отношеніе найдетъ себѣ новую ялицу и новую обороту. Этого бы я никакъ не хотѣлъ. Пусть мысль, если она вѣрна, выдвигается, когда совсѣмъ изобрѣтаетъ:

Но, — возражал художник, — если бы, всё рассуждали, какъ вы, люди-были бы осуждены вѣчно вертѣться въ кругу однихъ и тѣхъ же общепринятыхъ воззрѣній, даже когда они уже болѣе никому не удовлетворяютъ. Новая требованія всегда являются сперва въ старой одеждѣ — и обыкновенно проходятъ много времени, пока онѣ успѣваютъ выработать себѣ новые, вполне имѣ отвѣчающія формы. Если вы не гурите овчiamsа передъ своею особой и хотите служить людямъ и обществу, — какое вамъ дѣло до того, что подумаютъ о васъ и вашихъ взглядахъ? Выскажите то, что вы думаете, и предоставьте другимъ выбрать изъ вашихъ словъ ту крупицу правды, какая въ нихъ можетъ заключаться. Если окажется, что въ вашихъ мнѣніяхъ нѣтъ ничего новаго и полезнаго, — это васъ заставитъ вновь обдумать ваши взгляды и дать вашимъ мыслямъ другое направленіе; а найдете, что вы правы, — тѣмъ лучше для васъ.

Итакъ, — сказала я, — вы хотите, чтобы я шелъ противъ общепринятыхъ воззрѣній на искусство въ первой перенгѣ, и шелъ съ нею, въ сладкой надеждѣ, что, быть можетъ, вторая, третья одержитъ побѣду? Извольте...

«Искусство, — говорятъ одни, — дѣлаетъ видимые, большіе успѣхи у насъ и всюду». «Искусство, видимо, мельчаетъ, надеетъ, обращается въ прихоть и предметъ роскоши», — говорятъ другіе.

Оба взгляда совершенно правы. Только они относятся къ двумъ разнымъ сторонамъ искусства.

Выработка его формъ, техники, совершенство выполненія, въ смыслъ точнаго соответствія представленіямъ, никогда еще не достигали такой высоты, какъ теперь. Съ этой точки зрѣнія, величайшіе мастера прежняго времени правдойены обремененными художниками.

Но точное соответствіе представленіямъ есть, какъ я сказалъ, только одна сторона искусства. Что она сторона существенная, что безъ нея искусство перестаетъ быть искусствомъ — это бесспорно; но она еще не все искусство, — далеко его не истощиваетъ.

Съ точки зрѣнія техники, формы, содержаніе художественнаго произведенія безразлично. Создавайте что угодно; если объективная сторона художественнаго произведенія вполне удовлетворяетъ требованіямъ — оно, въ объективномъ смыслѣ, можетъ быть названо совершеннымъ. Художественное наслажденіе, при такомъ взглядѣ, можетъ состоять только въ удовлетвореніи, каѳое намъ даетъ совершенно точное соответствіе предмета нашимъ представ-

дѣлать. Содержаніе оставляется при этомъ въ сторонѣ. Мы его забываемъ и наслаждаемся тѣмъ, что то, что мы себѣ представляемъ, является передъ нами какъ живое, точно сама реальная дѣятельность. Въ этому примѣшивается еще и чувство удивленія: мастерству художника и величію торжественности искусства, могуществомъ человѣка; — создать новый міръ рядомъ съ дѣйствительнымъ.

Станьте исключительно на эту точку зрѣнія, и искусство неизбежно обратится въ фокусъ-покусъ, въ эулопистию. Художественное творчество будетъ только доказывать, что человѣкъ способенъ создавать предметы и явленія, очень точно отвѣчающіе нашимъ представленіямъ; другими словами — оно окажется одною изъ особенностей и курьезовъ человѣческой природы, отчасти чуждъ якой-либо отъ остальныхъ организмовъ. Вотъ и все.

Въ самомъ дѣлѣ, если вся суть искусства въ томъ только и состоитъ, чтобы создавать предметы, совершенно отвѣчающіе нашимъ представленіямъ, если художественное наслажденіе только и заключается въ констатированіи этого соответствія; съ примѣсю удивленія въ художнику и въ способностяхъ, мощи и уму человѣка, то содержаніе художественнаго творчества и художественнаго наслажденія становится совершенно безразличнымъ. Пишете ли вы воду или портретъ, перламутръ или видъ Неаполя, лужу грязи или Петра Великаго, или жука, — это все равно. Вся разница только въ болѣе сложности и трудности задачи, выполненіе которой требуетъ болѣе искусства, болѣе сообразительности и умѣнья справиться съ дѣломъ. Какъ болѣшинство англичанъ, съ каталогами въ рукахъ, проходятъ по заламъ музея, интересуются болѣе всего тѣмъ, дѣйствительно ли находится статуя или картина на томъ мѣстѣ и подъ тѣмъ номеромъ, какъ значится въ каталогѣ, такъ и мы, публики, при такомъ возрѣніи на задачи искусства, будемъ наслаждаться только тѣмъ, что представленіе схвачено вѣрно и живо; а какое оно, это представленіе — объ этомъ она не задумается, не станетъ спрашивать.

Противники такого возрѣнія называютъ его натурализмомъ, реализмомъ въ искусствѣ. Но это одна млевета на реализмъ. Взглядъ этотъ вызванъ, какъ крайность, борьбой съ притяженіями псевдо-классицизма въ искусствѣ, представляющаго другую крайность.

Псевдо-классицизмъ признаетъ достойнымъ предметомъ художественнаго наслажденія только произведенія искусства прошедшихъ вѣвовъ, признаваемые классическими; художественныя со-

зданія, соотвѣтствующія представленіямъ современнаго челоуѣка, считаются уже достойными вниманія только въ той мѣрѣ, какъ они приближаются къ классическимъ. Такимъ образомъ, псевдо-классицизмъ бореться за образцы художественнаго творчества на дѣйствительныя явленія, которые вызываютъ такіа представленія, а произведенія классическаго искусства, не представленія, а формы, созданныя прежними людьми, въ соотвѣтствіи съ своими представленіями, — вотъ что, по мнѣнію псевдо-классиковъ, должно служить прототипомъ для художественныхъ созданій современниковъ.

Что изученіе классическихъ образцовъ и подражаніе имъ есть одинъ изъ лучшихъ приемовъ для образованія и воспитанія начинающихъ художниковъ, противъ этого едва ли кто будетъ спорить. Основательное знаніе исторіи искусства навсегда останется лучшимъ способомъ развитія художественнаго вкуса. Но этими способами и приемами художники только вырабатываютъ технику, приобретаютъ свѣдѣнія и навыкъ, необходимые для художественнаго творчества; а самое творчество, котораго единственная задача — создавать предметы, точно и вѣрно соотвѣтствующіе представленіямъ — не должно и не можетъ быть ограничено подражаніемъ чужимъ созданіямъ. Служившая творчество готовыми образцами, мы существенно искажаемъ самія задачи искусства. Живыя представленія — его единственные прототипы — уходятъ при подражаніи на второй планъ, а мѣсто ихъ заступаютъ готовые формы. Въ нихъ, безъ сомнѣнія, многое превосходно, если хотѣте, образцово выражаетъ нѣкоторые стороны и нашия теперешнія представленія; но въ нихъ за то много и такого, что нашимъ представленіямъ вовсе чуждо, да и превосходное, образцовое, во всякомъ случаѣ, является въ сочетаніяхъ, до того намъ чуждыхъ, что нужно глубокое изученіе и большая опытность, большой навыкъ, чтобы отличить въ нихъ общее всѣмъ людямъ и свойственное только представленіямъ людей той или другой эпохи. Ставъ художественному творчеству образцомъ не представленія, а готовые формы, выработанныя по чуждымъ представленіямъ, псевдо-классицизмъ подрываеетъ его подъ самыя корни. Псевдо-классицизмъ дѣлаеетъ съ искусствомъ то же, что нѣкогда схоластика дѣлала съ наукой, подставивъ ей, въ видѣ предмета изученія, вмѣсто живой, реальной дѣйствительности, выработанныя логическія формы.

Неестественное отвлеченіе вниманія и мыслей художниковъ отъ представленій и живыхъ явленій къ готовымъ формамъ художественнаго творчества создавало такое же неестественное по-

ливие о вѣчно-прекрасномъ, которое будто бы воплотилось преимущественно въ извѣстныхъ произведеніяхъ искусства, и обязательное созерцаніе въ этихъ произведеніяхъ вѣчной красоты. Люди начали становиться на ходули; чтобы настроить себя на ладъ этого прекраснаго; появился дѣланый восторгъ, выродившійся въ пустую фразу, въ пустыя слова. Выломавшие себя на убѣжденіи, что только классическія произведенія искусства — прекрасны, что художественно-развитой и образованный человекъ только ими можетъ наслаждаться, дошли, мало-по-малу, до вниетизма въ созерцаніи художественной красоты, до смакованія произведеній искусства, до своего рода художественнаго сибаритства и сладострастія. Этимъ весь смыслъ и все значеніе искусства были въ конецъ извращены.

Такое уродливое отношеніе къ художественнымъ созданіямъ, дойдя до послѣднихъ предѣловъ манерности, не могло не вызвать рѣзкаго протеста. Люди мыслящіе, сильные и искренніе, не способные рутинно тащиться по пробитой колеѣ, возмущенные крайностями, до которыхъ довелъ псевдо-классицизмъ, круто повернули въ противоположную сторону, отворотились отъ классическихъ созданій искусства и бросились, очертя голову, въ одно-сторонній натурализмъ и реализмъ, или стали отрицать искусство.

Теперь классическія и антиклассическія увлеченія въ искусствѣ прошли. Борьба притихла не оттого, что разрѣшилась соглашеніемъ, примирительнымъ аккордомъ, а просто отъ истощенія силъ. Наступило какое-то сѣренькое время; не замѣтно ни сосредоточенной мысли, ни опредѣленнаго направленія. Въ протеренныя колени нельзя ужъ больше ступить, а новые пути еще не найдены и нѣтъ силъ ихъ искать. Тамъ у насъ и во всемъ. А между тѣмъ чувствуется, что что-то нужно, чего-то недостаетъ; что должны же быть какія-нибудь дороги къ открывающимся новымъ просвѣтамъ.

Когда люди остановились на распутьи, въ недоумѣніи, что начать, куда идти, — очень трудно говорить, не впадая въ гаданія и фантазіи. Если мысль стала въ тупикъ и развитіе на время остановилось, то это вѣрный признакъ, что упущенъ изъ виду какой-нибудь факторъ, которымъ обуславливается развитіе. Его необходимо ввести въ дѣло, чтобы началась новая, живая работа, чтобы пульсъ жизни снова началъ биться.

Мнѣ кажется, что ключъ къ возрожденію художественнаго творчества, къ восстановленію глубокаго вліянія искусства на людей, скрывается въ субъективной сторонѣ представленій. На нее обращается въ наше время слишкомъ мало вниманія, какъ

въ искусство, такъ и во всемъ. Я иду еще дальше и утверждаю, что она доселѣ лишь безосновательно и потому случайно являлась, какъ факторъ; въ художественномъ творчествѣ, отчего и не вошла, какъ принципъ, въ теорію искусства. Если художественная критика и указывала иногда на этотъ факторъ, но его теоретическія основанія были слишкомъ невыработаны и шатки, чтобы онъ могъ удержаться въ ней постоянно и прочно. И древнее, и новое искусство были почти исключительно заняты возможно полнымъ, точнымъ и совершеннымъ выраженіемъ представленийъ въ художественныхъ произведеніяхъ. Преслѣдуя эту задачу, искусство лишь случайно, временами, дѣлало равачіе между представленіями. Всѣ тѣ нѣтъ, которыя годились для главной цѣли, — объективной правды, переводились въ художественныя созданія. Исчезновеніе субъективнаго фактора чувствовалось нѣкоторыми, иногда многими, но ихъ сѣтованія смѣшивались съ притязаніями псевдо-классицизма, или прямо становились надъ его знамя, опирались на его теорію изящнаго и побѣдоносно опровергались и узлечивались посреди споровъ и борьбы партій. Искусство все болѣе и болѣе уходило къ выработку объективной стороны, и, вслѣдствіе пренебреженія субъективнымъ факторомъ, служивалось, мельчало.

Теперь, кажется, наступаетъ время, когда искусство, выработавъ до совершенства свои приемы и формы, объективную сторону художественнаго творчества, должно начать съ болѣею разборчивостью относиться къ самымъ представленіямъ, выражаемымъ въ художественныхъ созданіяхъ. Они не могутъ и не должны быть безразличны для художниковъ, потому что вызываютъ въ людей разные ощущенія, чувства, стремленія, настроенія. Обладая тайной вызывать всякія, они должны поставить себѣ задачей не вызывать однихъ, вызывать другія и этимъ связать задачи искусства съ общими задачами человѣческаго общенія и развитія человѣка въ обществѣ. Всѣмъ и каждому извѣстно, что люди не относятся къ произведеніямъ искусства только объективно, что огромное ихъ большинство, напротивъ, относится къ нимъ субъективно, и не столько дѣйствуетъ въ нихъ совершенство выполненія, котораго, въ большинствѣ случаевъ, не понимаетъ, сколько тѣ чувства, стремленія и настроенія, которыя въ немъ возбуждаются художественными произведеніями. Но если это такъ, то роль искусства не ограничивается однимъ возбужденіемъ представлений; оно, чрезъ нихъ, дѣйствуетъ на наши психическія состоянія, слѣдовательно, можетъ и должно стать могучимъ орудіемъ нравственныхъ движеній и дѣятельности. Въ этомъ

смыслъ искусство есть, на ряду съ знаніемъ, съ вѣрованіями, съ юридическими и нравственными условіями обществія, великій воспитатель людей и двигатель общественной жизни. Эта мысль, какъ сказано, не разъ представлялась уму, но, по недостатку правильныхъ теоретическихъ основаній и благодаря недоразумѣніямъ, которыя изъ того возникали, каждый разъ падала и терялась. Теперь пора выдвинуть ее впередъ, возвести въ принципъ, дать ей право гражданства въ теоріи искусства и приняться за ее осуществленіе...

— Итакъ, — рѣзко перервалъ меня художникъ, — вы хотите, чтобы художники проповѣдывали мораль посредствомъ художественныхъ произведеній? Вы желаете, чтобы мы писали картины по прописамъ, на тѣмы, въ родѣ того, что добродѣтель похвальна, а порокъ достоинъ наказанія? Поворно благодарю за такую задачу! Я вѣсти не возьму въ руки, палець о палець не ударю, чтобы унижить искусство до такой плоскости! Да и вы сами себѣ противорѣчите, ставя намъ такіа задачи: не вы ли сами возстае противъ тенденціозности въ художественныхъ произведеніяхъ, не любите картинъ и стиховъ, написанныхъ на тѣмы гражданскихъ добродѣтелей и гражданской скорби? Какъ же вы можете рекомендовать художникамъ упражняться въ подобныхъ произведеніяхъ?..

— Ну, не правъ ли я былъ, — возразилъ я, — отказываясь высказывать свои мысли? Вѣчныя недоразумѣнія! Видно, намъ суждено никогда изъ нихъ не выбраться. И добро бы другой кто, вовсе незнакомый, приписалъ мнѣ то, въ чемъ вы меня упрекаете: въ этому у насъ волей-неволей привынешь. Но вы, вѣжета, хорошо знаете мой образъ мыслей. Вы не можете сомнѣваться въ томъ, что я не только не люблю тенденціозности въ искусствѣ, но не люблю и нравственныхъ сентенцій, пронесимыхъ съ цѣлью преподавать уроки добродѣтели. Если термины, которыми я обозначилъ задачи искусства, вамъ не нравятся, — Богъ съ ними, отбросьте ихъ и замѣните другими, но поймите же, что я хочу сказать. Мысль моя вотъ какаа: вы не станете спорить, что наши ощущенія, чувства, настроенія, стремленія — результатъ воздѣйствія виѣшнихъ впечатлѣній на нашу психическую природу или на нашу душу?

— Положимъ, что такъ. Ну, что-жъ дальше?

— Вы, вѣроятно, согласитесь и съ тѣмъ, что ощущенія, чувства, настроенія, стремленія усиливаются, когда они часто повторяются въ душѣ, и, наоборотъ, ослабѣваютъ, когда мы въ нихъ не упражняемся. Душа, какъ и тѣло, можетъ приучаться

и разучаться. Есть психическія привычки, какъ есть привычки тѣла, желудка, пальцевъ, глаза — и такъ далѣе. Эти психическія привычки, подобно тѣлеснымъ, приобрѣтаются упражненіемъ и навыкомъ.

— Все это вѣрно, но что-жъ изъ этого слѣдуетъ?...

— Пойдемте по порядку, чтобъ потомъ не возвращаться назадъ. Задача воспитанія въ томъ и состоитъ, чтобъ у человѣка, общества, народа сложились хорошія тѣлесныя и психическія привычки и не слагалось дурныхъ. Эта цѣль достигается тѣмъ, что мы, при помощи разныхъ пріемовъ, ослабляемъ дурныя наклонности, не даемъ имъ обратиться въ привычки, и, наоборотъ, помогаемъ развиться хорошимъ наклонностямъ и расположеніямъ, способствуемъ тому, чтобъ онѣ обратились въ привычки. Упражненіе однихъ, неупражненіе другихъ — въ этомъ вся тайна воспитанія, и душевнаго, и тѣлеснаго.

Нравственность есть не что иное, какъ результатъ такого воспитанія чувствъ, душевныхъ стремленій и настроеній. Не моя вина, что подъ нравственнымъ воспитаніемъ или морализаціей обыкновенно разумѣютъ холодное, безучастное навязываніе сентенцій, такъ-называемыхъ нравственныхъ правилъ, которыми сами проповѣдующіе ихъ часто не вѣрятъ, которыя они на каждомъ шагу нагло нарушаютъ предъ глазами самихъ морализируемыхъ. О внушеніи нравственности этимъ способомъ не можетъ быть двухъ мнѣній и, конечно, не о немъ я говорю. Этотъ способъ вытекаетъ изъ теоретической ошибки и практикуется теперь только по незнанію или по недоразумѣнію. Если хорошенько разобрать, что у насъ обыкновенно разумѣютъ подъ правилами нравственности, то окажется, что они представляютъ правила, обязательныя для нашихъ внѣшнихъ поступковъ, которыя мы должны исполнять, подъ страхомъ наказанія, или сужденія, которыя могутъ быть убѣдительно для разсудка. Но мысль, выражая объективный законъ того, что существуетъ, не имѣетъ никакого отношенія къ нравственности, къ добру и злу. Природа и ея законы невмѣнны и неумолимы; въ фактахъ есть своя непреклонная логика, какъ въ бѣгѣ локомотива, который давитъ все, что ему попадетъ на пути. Весь объективный міръ есть рядъ явленій, обусловленныхъ другъ другомъ и совершающихся съ неизбѣжною, роковою правильностью каждый разъ, когда всѣ ихъ условія на лицо. Мысль, логика только выражаетъ эту невмѣнность въ формѣ общихъ положеній и законовъ, которые не имѣютъ съ нашими чувствами, желаніями, стремленіями никакой связи, могутъ съ ними случайно совпадать, но также случайно могутъ съ ними и расхо-

дятся. Точно также и правила, обязательныя для поступковъ, не относятся къ субъективной жизни лица. Если я исполнилъ требованіе, обращенное ко мнѣ въ видѣ внѣшняго правила, то я правъ, и никому нѣтъ до моихъ чувствъ никакого дѣла, какъ бы я ни исполнилъ требованіе—съ внутреннимъ убѣжденіемъ и желаніемъ или противъ воли, нѣ-хотя. Но нравственность не есть область ума, мысли, сужденія, ни область внѣшнихъ дѣйствій; обязательныхъ для каждаго подъ страхомъ взысканій. Она—міръ внутреннихъ ощущеній, чувствъ, стремленій, чашній, желаній, настроеній, міръ личной свободы, источникъ влюбленныхъ дѣйствій. Въ мысляхъ своихъ человекъ долженъ подчиниться доводамъ, фактамъ знанія, законамъ логики; въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ онъ вынужденъ, волей-неволей, сообразоваться съ правилами, обязательными въ томъ обществѣ, гдѣ живетъ; только чувство, психическія, субъективныя движенія составляютъ область, надъ которой никто не воленъ, съ которой мы сами не всегда можемъ справиться; они есть наша индивидуальная жизнь, мы сами лично. Она можетъ идти и часто идетъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями мысли, съ требованіями среды, въ которую насъ поставила судьба. Въ такомъ случаѣ наши индивидуальныя стремленія, наша личная жизнь или подавляется, теряетъ силу, упругость, энергію и мало-по-малу замираетъ, или она силится высвободиться изъ-подъ оковъ мысли, логики, искажаетъ ихъ и перетолковываетъ согласно съ своими требованіями и отвергаетъ или пробуетъ обойти правила, обязательныя для внѣшнихъ поступковъ. Жизнь людей, обществъ, народовъ, всего человѣческаго рода вертится на возможномъ соглашеніи и выравниеніи нашихъ желаній съ внѣшними обязательными условіями существованія. Последнія мы стараемся, посредствомъ искуснаго сочетанія условій, измѣнить соотвѣственно съ нашими желаніями; точно также и наши личные требованія, стремленія и душевныя движенія мы вынуждены ограничивать, видоизмѣнять, отчасти вовсе заглушать, чтобъ по возможности приладить ихъ къ неизбежнымъ и неотвратимымъ внѣшнимъ условіямъ.

Къ этому взаимодѣйствію и борьбѣ объективнаго съ субъективнымъ, личнаго и индивидуальнаго съ общимъ и обстановкой сводится, въ концѣ-концовъ, все, что дѣлаетъ человекъ и что съ нимъ дѣлается. Возможное ихъ соглашеніе есть цѣль всей человѣческой дѣятельности, личной и коллективной. Но такое соглашеніе имѣетъ свои предѣлы, и можно предсказать, не будучи пророкомъ, что полного совершеннаго соглашенія никогда достигнуто не будетъ; объективнее и субъективнее, внѣшнее и

внутреннее, личность и обстановка ея никогда не будутъ совпадать въ окончательныхъ результатахъ своей дѣятельности. Именно поэтому есть предѣлъ приспособленію и прилаживанію человѣкомъ вѣшной обстановки къ его личнымъ желаніямъ и требованіямъ, за которыми ему только остается приладить и приспособить свои требованія и желанія къ непобѣдимымъ вѣшнымъ условіямъ. Къ этому приводятъ и доводы знанія и логика, и правила вѣшнихъ поступковъ; послѣдствія, разумѣется, когда они не могутъ быть нарушены безнаказанно. Но всего этого недостаточно. Нужно, чтобъ наши желанія, стремленія и душевныя движенія не шли въ разрѣзъ съ объективными условіями личнаго существованія, иначе то, чтб происходитъ внутри насъ, будетъ безпрестанно прорываться вопреки доводамъ логики и несмотря на страхъ наказаній за нарушеніе правилъ для поступковъ. Самая неповолебимость этихъ правилъ держится лишь обществомъ, людьми, и потому если большинство будетъ ихъ обходить, чтб обыкновенно очень выгодно для отдѣльнаго лица, то правила обратятся въ мертвую и стѣснительную форму, которая, наконецъ, будетъ совсѣмъ отброшена, и цѣлое общество впадетъ въ хаосъ и неурядицу.

Но для того, чтобъ наши внутреннія движенія и чувства не шли въ разрѣзъ съ неизбежными и неотвратимыми вѣшными условіями, нужно воспитать чувство, стремленіе и волю въ извѣстномъ направленіи. Воспитаніе же, какъ мы видѣли, состоитъ только въ выработкѣ привычекъ. Справиться съ міромъ нашей свободы можно не иначе, какъ дѣйствуя на него не однимъ развитіемъ ума, не одною твердостью, непоколебимостью вѣшнихъ условій, но и постепеннымъ воспитаніемъ психическихъ предрасположеній и наклонностей, образованіемъ психическихъ привычекъ, располагающихъ къ добру, дѣлающихъ насъ по-крайней-мѣрѣ не слишкомъ падкими къ злу. Такое психическое воспитаніе и есть нравственное развитіе, какъ я его понимаю. Оно даетъ намъ силу бороться въ самихъ себѣ съ дурными побужденіями и побуждать ихъ, до тѣхъ поръ, пока владѣніе собой, господство надъ своими желаніями, чувствами и настроеніями не обратится въ привычку, при которой внутренняя борьба и побѣда добрыхъ побужденій надъ дурными становится очень легкой.

Между различными способами нравственнаго воспитанія въ этомъ смыслѣ одно изъ самыхъ сильныхъ и дѣйствительныхъ есть искусство. Только оно владѣетъ тайной вызывать по произволу представленія, а чрезъ нихъ чувства, желанія, стремленія. Наука и логика и вѣшная обстановка ограничиваютъ, стѣсняютъ,

дѣйствуютъ на человѣка принудительно; одно искусство можетъ направить и воспитать его, незамѣтно побуждая его добровольно идти по тому пути, по которому оно хочетъ его вести.

Вотъ это-то великое дѣло душевнаго, нравственнаго воспитанія людей искусство и должно взять въ свои сильныя руки. Это его задача и рано или поздно оно ее себѣ поставитъ. Такимъ оно было въ разныя эпохи своего развитія, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ ясно сознавало это свое призваніе. Теперь, когда оно одолѣло главныя техническія трудности, вполнѣ овладѣло объективными условіями творчества, и наступаетъ пора завоеваній и побѣдъ его въ области субъективныхъ движеній человѣка посредствомъ художественныхъ созданій, направленныхъ къ воспитанію нравственныхъ привычекъ людей.

Если вы меня спросите, какими путями искусство можетъ достигнуть этой цѣли, я не сумѣю вамъ отвѣтить. Цѣль для меня совершенно ясна, но пути представляются смутно и сбивчиво. И не мнѣ одному. Никто еще, сколько я знаю, не старался осмыслить, возвести въ теорію, какъ и почему многіе художники достигали, своими произведеніями, нравственно-воспитательныхъ цѣлей. Мыслящіе художники, основательно знакомые съ исторіей искусства, могли бы оказать, въ этомъ отношеніи, существенныя услуги. Очень можетъ быть, что общихъ теоретическихъ правилъ и нельзя указать, что каждая эпоха, каждый народъ, каждая школа искусства должны для этого создавать свои приемы, соображаясь съ наклонностями, вкусами, степенью образованія и требованіями публики, для которой предназначены художественныя созданія. При совершенной невыясненности вопроса останутся пока однѣ лишь общія мысли, которыя вѣроятно всякому приходили въ голову, при поверхностномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми произведеніями искусства. Такъ, для достиженія высшихъ цѣлей, искусству вовсе нѣтъ надобности дѣлаться тенденціознымъ. Тенденціозность только вредитъ дѣлу. Картина, театральная или музыкальная пьеса, литературное произведеніе, статуя, архитектурное зданіе не могутъ и не должны быть выраженіемъ нравственной сентенціи. Это не ихъ задача, и превышаетъ средства, которыми располагаетъ искусство. Мнѣ смѣшно, когда художникъ выводитъ героемъ гражданской доблести, олицетвореннымъ протестомъ противъ лести и восторга, Волинскаго, когда я знаю, что роль эта вовсе къ нему нейдетъ. Для меня обаяніе художественнаго произведенія мигомъ исчезаетъ, какъ только я замѣчаю намѣреніе поучать меня политикѣ или добродѣтели. Я требую, чтобъ оно дѣйствовало на мое настроеніе, а не на мое сужде-

ніе, на мое чувство, а не на мой умъ: выводы и примѣненіе я сдѣлаю и безъ помощи художника, можетъ-быть, лучше его, во всякомъ случаѣ не хуже и притомъ въ тысячѣ такихъ случаевъ; которыхъ онъ ни знать, ни предвидѣть не можетъ. Я отдаю художественному произведенію вполнѣ только до тѣхъ поръ, пока оно дѣйствуетъ на строй моей души, но тотчасъ отъ него отворачиваюсь, когда вижу, что изъ-за него выглядываетъ художникъ съ увазвой въ рукѣ и съ намѣреніемъ учить меня азбукѣ состраданія, человѣколюбія и другихъ благородныхъ и возвышенныхъ душевныхъ движеній. Я признаю за художникомъ право воспитывать во мнѣ чувство любви къ ближнему, состраданія, правды, дѣлать меня чуткимъ къ благодатнымъ настроеніямъ, но только такими способами, какими это дѣлаетъ окружающая природа и реальная дѣйствительность; онѣ вліяютъ на насъ не тѣмъ, что мы непосредственно прицимаемъ внѣшними органами чувствъ, а тѣми ощущеніями, чувствами и настроеніями, какія въ насъ возбуждаютъ внѣшнія впечатлѣнія. Вся разница между искусствомъ и дѣйствительностью въ этомъ отношеніи только та, что первое можетъ дать намъ преднамѣренно, съ выборомъ, по обдуманному плану то, что послѣдняя даетъ случайно, разрозненно, безъ выбора и плана.

Высказанный взглядъ выражаетъ, разумѣется, мои личныя требованія. Дѣлая ими, я только выполняю то, чего вы желали, и, сознаюсь, не умѣю осмыслить, то-есть возвести въ теорію то, что бы мнѣ хотѣлось видѣть въ художественныхъ созданіяхъ. Гоголь, Щендринъ, Некрасовъ меня болѣе морализировали, чѣмъ иное собраніе проповѣдей; Тургеневъ «Записками Охотника», Базаровымъ, «Дымомъ», «Новью» дѣйствуетъ на меня сильнѣе, чѣмъ прочими своими созданіями, которыми всѣ восхищались; собраніе рисунковъ г-жи Бѣмъ болѣе дѣйствуетъ на мое душевное настроеніе, чѣмъ Мадонны Мурильо, Леонардо да-Винчи и даже Рафаэля, исключая одной сикстинской. «Пляска смерти» Гольбейна, даже въ плохихъ изображеніяхъ, всегда производила на меня гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ «Ночь» Корреджіо; «Лѣсъ» Шишкина, «Грачи прилетѣли» Саврасова говорятъ мнѣ несравненно больше, чѣмъ всѣ картины съ гражданскими мотивами, вмѣстѣ взятыя.

Вы скажете, что это дѣло личнаго вкуса и, главное, личнаго опыта, въ которыхъ всегда много случайнаго, не поддающагося никакимъ общимъ соображеніямъ, и будете совершенно правы. Я скаю только на томъ, что задачи искусства не въ одномъ точномъ соответствіи представленіямъ, но—вмѣстѣ съ тѣмъ—и въ

развитіи душевнаго строя, психическихъ привычекъ людей въ сторону добра и правды. Въ первомъ отношеніи искусство видимо совершенствуется, идетъ непрерывно впередъ; во второмъ — я вижу въ немъ теперь какую-то неопредѣленность и шаткость, которая доказываетъ невыясненность мыслей и задачъ. Есть, правда, попытки связать искусство съ общими требованіями развитія, но онѣ по ббльшей части неудачны, переходятъ, если можно такъ выразиться, въ резонерство образами и звуками, выводятъ искусство изъ его области въ другія. Ясно опредѣлять цѣль, открыть настоящіе пути, указать и разработать средства ея достиженія — вотъ, мнѣ кажется, въ чемъ отнынѣ задача современнаго искусства и художественнаго творчества. Неясны намеки, робкія, случайныя или полусознательныя попытки надо провѣрить, возвести въ принципъ, поставить краеугольнымъ камнемъ искусства въ будущемъ. Безъ этого оно обратится въ игрушку, въ забаву, въ предметъ роскоши и пресыщенія, въ чемъ его уже и упрекаютъ. Создавать предметы и явленія, которые вызываютъ въ насъ представленія со всею живостью и правдою реальной дѣйствительности, очевидно, есть только одна сторона искусства; другую — возбужденіемъ чувствъ, стремленій, настроеній — оно сопривасается съ вѣрованіями, политическимъ и общественнымъ строемъ, наукой, ученіемъ о нравственности (этикой). Всѣ они, какъ и искусство, существуютъ для человѣка, имѣютъ значеніе и смыслъ только по отношенію къ нему, потому что выражаютъ только его представленія и понятія объ окружающемъ мірѣ и его отношеніяхъ къ этому міру.

Но на представленіяхъ и понятіяхъ человѣкъ не останавливается. Они служатъ ему точкой опоры для дѣятельности, которая состоитъ въ приспособленіи окружающаго къ себѣ и въ прилаживаніи себя къ нему. По мѣрѣ того, какъ выясняется, что теоретическое знаніе, объективное отношеніе, не есть послѣдняя цѣль, что за нимъ слѣдуетъ еще дѣятельность, — творчество въ указанномъ смыслѣ, созерцаніе философское, эстетическое и всякое другое отходить на второй планъ, и вездѣ, во всемъ чувствуется потребность дополнить чистое знаніе прикладной наукой, теорію — практикой. Въ области вѣрованій это уже вопросъ рѣшенный; въ ней давно провозглашено, что «вѣра безъ дѣлъ мертва». На этотъ же путь направляются, все болѣе и болѣе сближаясь между собою, и всѣ отрасли знанія. Этика, наука по-преимуществу прикладная и практическая, преобразившись въ сумму правилъ и въ теорію, потеряла всякое вліяніе; философія, развившись въ ученіяхъ идеалистовъ и крайнихъ матеріалистовъ до чистой теоріи, изъ которой всѣ

выходы къ сознательной дѣятельности на-глухо заколочены, почти сошла со сцены и перестала занимать умы; право и справедливость, долго считавшіяся въ себѣ замкнутой, обособленной и исключительной областью—до того, что даже сложились чудовищная поговорка: «*fiat justitia, pereat mundus*»¹⁾—теперь уже смотреть на себя только какъ на одно изъ условій существованія чловѣка въ обществѣ и притомъ условій, по своему содержанию, тѣсно зависимыхъ отъ всей обстановки индивидуальной и общественной жизни — въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ; политическая экономія, еще недавно проповѣдывавшая одни чистые законы создаванія цѣнностей, предложенія и запроса и безсердечно принимавшая всѣ послѣдствія ихъ исключительнаго господства, на нашихъ глазахъ должна была склонить голову передъ высшими требованіями правильнаго, разумнаго и справедливаго распредѣленія цѣнностей въ виду государственной и общественной пользы. О естественныхъ наукахъ и говорить нечего: въ нихъ примѣненія теоріи къ практическимъ потребностямъ съ незапамятныхъ временъ получили право гражданства, и тѣсная связь знанія съ дѣятельностью, собственно, никогда не разрывалась. Такимъ образомъ, все указываетъ, что знаніе, теорія, рано или поздно, переходитъ въ практическое примѣненіе или замираетъ; цѣль же практическаго примѣненія знанія, теоріи есть удовлетвореніе пользамъ, нуждамъ, потребностямъ чловѣка въ обществѣ. Это единство назначеніяближаетъ между собою всѣ отрасли знанія, разрозненныя объективнымъ отношеніемъ къ предметамъ и явленіямъ.

Искусство не можетъ безнаказанно отставать отъ этого общаго движенія. Художественное творчество должно служить въ рукахъ художника средствомъ для нравственнаго дѣйствія на людей. Наряду и вмѣстѣ съ вѣрованіями, ученіемъ о нравственности, государственными и общественными порядками, политической экономіей, естественными науками, искусство коренится въ чловѣкѣ и должно его развивать, совершенствовать въ обществѣ и служить свѣточемъ въ его индивидуальной и общественной дѣятельности. Возникнувъ изъ чловѣка и его потребностей, они и существуютъ для него. Теперешнее умаленіе людей и характеровъ, страсть къ наживѣ и наслажденіямъ, отсутствіе высшихъ стремленій и нравственная испорченность оттого только и происходятъ, что цѣли знанія и творчества едва только намѣчены, связь того и другого между собою и съ ихъ общимъ ис-

¹⁾ Пусть погибнетъ міръ, лишь бы совершилась правда.

точникомъ — психическою стороною человѣка — еще не вполне выяснена. Но время должно взять свое. Искусство, въ общемъ движеніи, должно бы идти впереди, указывая дорогу знанію, облегчая ему провидѣніе его послѣдней цѣли. Не даромъ древніе смѣшивали поэтовъ съ пророками.

Успѣлъ ли я убѣдить собесѣдника — не знаю. Если онъ послѣ хоть на минуту задумался надъ тѣмъ, во что я такъ горячо вѣрю, — что составляетъ основаніе всѣхъ моихъ взглядовъ, то цѣль моя вполне достигнута. Странно было бы мечтать, что художникъ приметъ программу, которой я и самъ не умѣлъ ясно формулировать. Слишкомъ довольно и того, если онъ возьмется за провѣрку задачи, безъ разрѣшенія которой, я убѣжденъ, немислимы теперь никакіе успѣхи искусства.

Б. Кавелинъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ „ФАУСТА“ ЛЕНАУ.

І-Я ТАНЕЦЪ.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ХАРЧЕВНЯ. МУЗЫКА И ПЛЯСКА.

МЕФИСТОФЕЛЬ — *одѣтый охотникомъ,
заглядывая въ окно.*

Взгляни въ окошко, милый мой:
Вотъ такъ веселье! Маршъ за мной!

Входитъ съ Фаустомъ.

Любовь красоты темнокудрой
Вкуснѣе книги велемудрой.

ФАУСТЪ.

Не знаю: что-то въ этотъ мигъ
Со мною странное творится: —
Бушуетъ кровь, душа томится
И новый пламень въ грудь проникъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Твой взоръ горитъ отъ любованья
И рвутся бурныя желанья
Изъ черной тьмы души твоей:
Бери изъ дѣвушекъ любую,
Хватай красоту молодую
И въ танецъ мчись отважно съ ней!

ФАУСТЪ.

Меня къ красотѣ черноокой
Влечетъ бушующая кровь:
Ея очей огонь глубокий
Сулитъ и нѣгу, и любовь;

Румянцемъ яремъ щеки пышутъ
 И молодую жизнью дышутъ;
 О, еслибъ къ ней прапасть на грудь,
 Къ устамъ пылающимъ прильнуть,
 И усыпить свое сознанье
 На ложѣ страстнаго лобзанья!
 Какъ грудь вздымается у ней
 Волной пѣвительной и страстной!
 О, еслибъ стань ея прекрасный
 Я могъ обвить рукой своей!
 О, какъ прелестно локонъ черный,
 Прическѣ тѣсной непокорный,
 Сбѣгаетъ черною змѣей
 Вкругъ шеи, взоръ пѣвня мой!
 Я не могу безъ упоенья
 Смотрѣть на милое творенье,
 Но подойти къ ней не рѣшусь:
 Не знаю самъ, чего страшусь.

Мефистофель.

Я удивляюсь! Странны мнѣ вы,
 Клянусь, потомки грѣшной Евы!
 Боятся дѣвки, чудодѣй,
 А не боятся бездны ада;
 А дѣвка бойкая, ей-ей,
 Сама была бы ласкамъ рада!

Обращается къ музыкантамъ.

Эхъ, люди добрые! совсѣмъ
 Вы съ вашей музыкой заснули!
 Запѣли Лазаря! Зачѣмъ-
 Свой скучный вальсъ вы затянули!
 Всѣ пляшутъ вяло, какъ во снѣ:
 Подайте лучше арфу мнѣ, —
 Совсѣмъ другое будетъ дѣло!
 Всѣ оживутъ, ручаюсь смѣло!

Охотнику арфу арфистъ подаетъ, —
 Охотникъ звенящую арфу беретъ
 И бьетъ во струнамъ, и со струнъ во мгновенье
 Срываются звуки любви и томленья,

Рокочуть, и шепчуть, и льются ручьёмъ,
 Какъ говоръ влюбленныхъ во мракѣ nocturno.
 Такъ волны струятся, журча и сверкая
 И дѣвы-купальщицы станъ лобызая,
 Лаская красавицу въ сладостный мигъ.
 Но вдругъ раздаётся пронзительный крикъ,—
 То дѣва взываетъ въ испугъ и гнѣвъ:
 Бросается пламенный юноша къ дѣвѣ,
 Тростникъ раздвигая,—и рвется она,
 И скачетъ, и стонетъ, и бьется струна.
 Недолго неровная битва продлится,
 Влюбленному дѣва должна покориться;
 Онъ просить, онъ молить, онъ цѣли достигъ,—
 Въ объятіяхъ дѣвы на грудь ей поникъ.
 Но яростно струны гремятъ начинаютъ:
 Два юноши въ бой нѣ-за дѣвы вступаютъ;
 Чу! звуки смягчились: одинъ побѣжденъ,
 Объятіями дѣвы другой награжденъ,—
 И нѣжнымъ дуэтомъ любви, замирая,
 Пронесется звуки, стена и вздыхая;
 Какъ шопотъ красавицы-дѣвы рѣчей,
 Какъ юноши вдохи въ объятіяхъ у ней,—
 Такъ звуки рокочуть, гремя, пламеня,
 Сильнѣй и сильнѣе, страстнѣй и страстнѣе;
 И флейщики, флейты свои побросавъ,
 Кидаются въ пляску, красавицъ обнявъ,
 И въ бышеровомъ танцѣ, любовью пылая,
 Вокругъ завертѣлась толпа молодая;
 Отъ зависти блѣдныя, стѣны дрожать,
 Какъ будто бы въ пляску пуститься хотять.
 Но Фаустъ ликующій, всѣхъ обгоняя,
 Летитъ, черноокою дѣву лаская,
 Блженства въ любви безграничной своей
 И въ дверь вылетаетъ открытую съ ней,
 И по полю мчится, сжимая ей руки,
 И мчатся въ догонку волшебные звуки;
 Вотъ къ лѣсу примчался дремучему онъ,
 Но слышится арфы чарующій звонъ:
 Волшебныя грѣзы любви навѣвая,
 Приносятся звуки, листы колыхая;
 И вдругъ, и блаженство, и нѣгу струя,
 Несется волшебная пѣснь соловья:

Онъ шелкаетъ сладко и свищетъ надъ лѣсомъ,
 Какъ будто нарочно подкупленный бѣсомъ,
 И Фаустъ усталый на милую грудь
 Въ блаженствѣ спѣшитъ, замирая, прильнуть.

II. ФАУСТЪ У ГРОБА СВОЕЙ МАТЕРИ.

Кладвище. Лунная ночь.

ФАУСТЪ—*на колымажѣ у могильного креста.*

Пока во мракѣ гора
 Я не лишился силъ,
 Пока въ пучинѣ моря
 Тоски не схоронилъ,—
 Къ своей святынѣ милой,
 Къ тебѣ, о мать моя,
 Иду — и надъ могилой
 Въ тоскѣ склоняюсь я!

Зачѣмъ тебя, родная,
 Унесъ такъ рано рокъ!
 Будь ты жива, тогда я
 Погибнуть бы не могъ.
 Ты скрыта въ тмѣ безбрежной,
 Меня ты лаской нѣжной
 Не станешь утѣшать!
 Страшна, страшна та сила,
 Чтó съ сыномъ разлучила
 Тоскующую мать!
 Не сбыться обѣщанью,
 Чтó ты давала мнѣ:
 Не быть, не быть свиданью
 Въ небесной сторонѣ!
 Свой вѣкъ ты отстрадала
 И, блѣдная, лежала,
 Въ гробу найдя покой...
 Стоялъ я при могилѣ

И думалъ, что зарылъ
 Всю жизнь мою съ тобой!
 Ты помнишь, какъ, бывало,
 Рукой меня ласкала,
 Глядѣла въ очи мнѣ?
 Да, ты меня любила
 И сладкія тавла
 Надежды въ тишинѣ...
 Тогда весна сіяла,
 Но вотъ зима настала,
 Объять тоскою я;
 Давно увяли розы,
 Безлистные березы
 Поникли у ручья...
 Твои не такъ-ли грѣзы
 Увяли, мать моя?..

Ты спишь во тьмѣ покоя,
 Подъ кровомъ тишины,—
 А я! томлюсь душой я
 Во власти сатаны!
 И тьму ночей бессонныхъ,
 И всѣ заботы дня,
 И рядъ трудовъ, снесѣнныхъ
 Тобою для меня,
 И муки всѣ рожденья—
 Напрасно ты снесла,
 Напрасно наставленья
 Благія мнѣ дала!

И не могу, родная,
 Почтить теперь тебя я
 Раскаляньемъ,—о нѣтъ!
 И капли слезъ надъ милой
 Не упадутъ могилой,
 Какъ розѣ роскошный цвѣтъ!..
 Чтѣ слышу? чтѣ за звуки
 Стѣснили сердце мнѣ,
 Какъ будто стоны муки
 Промчались въ вышинѣ?
 Порывъ-ли вѣтра сильный
 Надъ лѣсомъ застоналъ?

Не крестъ-ли твой могильный
Тоскливо зазвучалъ?..

МЕФИСТОФЕЛЬ—*появляясь въ дали.*

Безсильное созданье!
Оставь свои рыданья,
За мной иди скорбѣй!
Сіяеть на погостѣ
Луна, — и гложетъ кости
Голодный рой червей.

III. СМЕРТЬ ФАУСТА.

ФАУСТЪ ОДИНЪ НА ОКАМЪ. БУРЯ.

ФАУСТЪ.

О сердце! Снова въ этотъ часъ
Я буду раны растревлять
Твоя... Терпи въ послѣдній разъ!
Пора, пора тебя понять!
Шумите, вихри, въ вышины!
Теперь, какъ прежде никогда,
Увидѣлъ я, какъ мнѣ чужда
Любовь... О, нѣтъ пріюта мнѣ!
И вопли бури надо мной,
И волнъ бушующихъ прибой,
И громъ, и молнія небесъ,
И гнущійся подъ вихремъ лѣсъ —
Скорбѣй, чѣмъ я, себя найдутъ
Покой, и счастье, и пріютъ!..

Природа, Богъ, весь міръ земной,
Надменно былъ отвергнуть мной,
Я самъ въ себя хотѣлъ уйти...
Увы! Тоски мнѣ не снести!
Пустое, сумрачное Я
Мнѣ тѣсно, рвется грудь моя!

О, бѣсъ, меня, какъ въ тѣмѣ могилѣ,
 Ты въ себялюбьи схоронилъ,—
 И вотъ, подъ крышкою гробовой
 Проснулся я, еще живой,
 Безумно мучась и скорбя,
 И началъ грызть я самъ себя!
 Но я оковы разорву,
 Я новой жизнью заживу,
 Я снова брошусь въ яркій свѣтъ,
 Къ природѣ, къ Богу... Къ Богу? Нѣтъ!
 Проснулась вновь тоска моя!
 О, какъ забыть, что созданъ я?
 Когда-то знанья я искалъ,
 Страдалъ, томился и ропталъ,
 Желая пылкою душой
 Обнять, понять весь міръ земной;
 Теперь — не надо знанья мнѣ
 Въ его полнѣйшей глубинѣ!..
 Къ чему познать мнѣ этотъ свѣтъ,
 Когда во мнѣ съ нимъ связи нѣтъ,
 Когда на сотни тварей онъ,
 Другъ другу чуждыхъ, раздѣленъ?
 Пока любовь на свѣтѣ есть,
 Которой знать мнѣ не дано,
 Пока есть горе хоть одно,
 Какого не дано мнѣ снести,
 Пока не всеобъемлющъ я,
 Не быть — пріятнѣй для меня!

Шумить потокъ и гнется лѣсъ,
 И волны плещуть до небесъ:
 Не такъ ли, сердце, бьешься ты?
 Порывъ не тотъ же ли влечетъ
 Волну до горней высоты
 И сердце къ гибели зоветъ?
 То нетерпѣнія порывъ,
 Порывъ границы перейти
 И гибель сладкою найти,
 Всѣ уничтоживъ, всё разбивъ!
 Рвись, буря, рвись! Шуми, греми!
 И прахъ земли, червей пріюти,

И тучь грядѣ, что громы шлютъ,
На смерть и гибель обними!

Какъ буря свищетъ межъ вѣтвей,
Такъ у меня бушуетъ вровь;
Вотъ ранней юности моей
Воспоминанья встали вновь:
Еще ребенкомъ, помню я,
Стоялъ я разъ у алтаря,
Словамъ священника внималъ,
За нимъ молитвы лепеталъ,
И странный звукъ латинскихъ словъ
Былъ дикъ и чуждъ моимъ ушамъ:
Такъ ручеекъ среди лѣсовъ,
Журча, струится по камнямъ,
Куда, зачѣмъ, не зная самъ...
И зажигалъ я ошніамъ,
И колокольчикомъ звонилъ, —
И вдругъ — очнулся будто я
И всю нелѣпость ощутилъ;
Заныло сердце у меня
Жестокон, гордою тоскою:
Зачѣмъ я долженъ адѣсь служить
И Богу жертвы приносить?
Зачѣмъ я самъ не Богъ такой?
И вотъ, мгновенный, легкій лучъ,
Что въ сердце дѣтское запагъ,
Вновь въ сердцѣ мужа засверкагъ,
Какъ Божья молнія изъ тучъ.
Сознанье мучить грудь мою,*
Что всѣ созданья на землѣ
Лишь въ Богѣ видятъ жизнь свою,
Какъ мохъ сосны въ ея стволѣ.
Вотъ жребій міра! Намъ дано
Въ удѣлъ ничтожество одно.
Что жалкій мохъ? Лишь призракъ онъ,
Онъ жизни собственной лишонъ:
Въ стволѣ вся жизнь. А я — когда
Сталъ гордъ? Смиренна тварь всегда,
Я-жь — гордъ отъ головы до ногъ.
Зависимость, ярмо раба,

Что навязала мнѣ судьба,—
 Когда-бъ тебя забыть я могъ!
 Ужель назначено судьбой
 Мнѣ быть до вѣчности съ тобой?
 О, нѣтъ! Скорѣй духъ гордый мой,
 Что божествомъ мнѣ быть велить,
 Погибнетъ пусть, сгниетъ со мной,
 Землей могильною покрыть,
 Иль пусть онъ въ воздухѣ пустомъ,
 Какъ дымъ, разсѣется кругомъ...

Но, можетъ быть, все бытіе
 И одиночество мое
 И весь нашъ міръ—лишь призракъ?.. Да!
 Теперь я понялъ! Навсегда
 Слилася съ Богомъ жизнь моя:
 Не Фаустъ истинное Я!
 Тотъ Фаустъ, что ученымъ былъ
 И бѣсу душу заложилъ,
 Жизнь, что дана ему была,
 Грѣхи и добрыя дѣла,
 И бѣсъ, которымъ купленъ онъ,
 Все это—только *Бога сонъ*,
 Игра воображенья, бредъ...
 Табь, въ пѣнѣ моря отражень,
 Порой играетъ солнца свѣтъ.
 У человѣка сынъ рожденъ—
 То сонъ родитъ лишь новый сонъ;
 Я человѣка поразилъ,—
 То сонъ одинъ другой смѣнилъ;
 Блеститъ-ли день, иль солнца нѣтъ,
 Все это—только Бога бредъ...
 Когда же смертный осужденъ
 Познанья свѣтлаго желать,
 Когда и днемъ и ночью онъ
 Стремится истину познать,—
 Не значить-ли, что Богъ скрываетъ сонъ
 Почуялъ, что объять онъ своимъ
 И что проснется онъ потомъ?
 Не вѣкъ же быть ему во снѣ?

Сюда, духъ зла! Ты жаловъ мнѣ!
Коварства духъ! Ты мнѣ смѣшонъ!
Ха, ха! Сну душу продалъ сонъ!
Смотри-жъ—союзъ нашъ прекращень!
Я сонъ—и слишкомъ страшенъ я,
Чтобъ быть не сномъ... Рука твоя
Безсильна, власти прежней нѣтъ...
Сномъ, полнымъ горестей и бѣдъ
Я былъ: почувю-ли во снѣ,
Какъ ножъ вонзится въ сердце мнѣ?
Закалывается и умираетъ.

Н. Холодковскій.

ДВА МѢСЯЦА

ВЪ

ГАБРОВЪ

Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг.

II *).

Поѣздка въ Сельви.—Плѣнные баши-бузуки.—Невеселыя извѣстія о Плевнѣ. Возвращеніе въ Габрово.—Извѣстія о пораженіи отряда генерала Гурко.—Забалканскіе бѣглецы и раненные болгары.—Болгарская больница и раненныя женщины и дѣти.—Звѣрства турокъ.—Вѣсть о Сулейманѣ-пашѣ.—Паника въ Габровѣ.—Шипкинскій бой и его жертвы.—Переполненіе лазарета.—Критическій день 11-го августа.—Поѣздка на шипкивскія позиціи.—Дорога изъ Габрова на Шипку.—На батарее.—Артиллерійскій бой.

Лагерь встаетъ. Люди умываются; деньщики грѣютъ самовары; солдаты ставятъ палатки; другіекупаются въ протекающемъ неподалеку ручьѣ,купаютъ лошадей,моютъ бѣлье и развѣшиваютъ его на колышкахъ, на повозкахъ и даже на лошадяхъ, поручая солнышку сушить его, крахмалить и гладить.

Мы, какъ и всѣ, встали вмѣстѣ съ солнцемъ, напились чаю и ждали извѣстій и распоряженій; но они пока не приходили. Мы стояли на голой равнинѣ; тѣни никакой и кромѣ зонтиковъ и экипажей—другой защиты отъ палящихъ лучей солнца не было, а оно уже не грѣло, а жгло, хотя было только восемь часовъ

*) См. выше: сентябрь, стр. 88.

утра. Солдаты-санитары, не имѣвшіе палатокъ, скоро почувствовали, что безъ всякой защиты отъ зноя оставаться нельзя; сейчасъ отправились въ роспій неподалеку кустарникъ, наломали тычинъ и зеленыхъ вѣтвей и устроили себѣ изъ нихъ, а также при помощи мундировъ, шинелей и рубахъ нѣчто въ родѣ миніаторныхъ палатокъ, подъ которыми могли укрыться, по крайней мѣрѣ, голова и туловище, а ноги предоставлялось солнцу жечь, сколько ему угодно.

Я бродилъ вблизи лагеря, и знакомился съ мѣстностью, которая въ общемъ представляла большую равнину, окруженную холмами. Невдалекѣ видѣлся горбатый каменный мостъ о пяти аркахъ, перекинутый черезъ рѣку Руситу, которой отъ насъ совсѣмъ не было видно. За мостомъ находился городъ Сельви, или по-болгарски—Севліво. Онъ растянулся по лѣвому, нѣсколько возвышенному берегу рѣки, въ видѣ длиннаго, однообразнаго ряда домовъ или, скорѣе, домиковъ, переишпанныхъ съ деревьями и надъ этой линіей домовъ возвышались три бѣлыхъ минарета да башня съ часами (саатъ), безвкусно раскрашенная разными яркими красками.

Разсматривая издали городъ, я замѣтилъ передъ нимъ двигавшуюся по направленію къ намъ порядочную группу пѣшихъ людей, сопровождаемую всадниками. Вскорѣ я узналъ, что это были плѣнные башни-бузуки, изловленные въ разное время болгарами и отправляемые теперь въ Терново; а такъ какъ мы стояли у сельви-терновскаго шоссе, то процессія должна была пройти мимо насъ. Я подошелъ въ ожиданіи ея къ самой дорогѣ. Вотъ она близко. Впереди идутъ плѣнные, за ними на шустреныхъ турецкихъ лошадавахъ ѣдутъ всадники-болгары, одѣтые въ разнообразныя національныя костюмы и вооруженные длинными винтовками. Удовольствіе и даже нѣкоторая гордость отъ сознанія, что, наконецъ, они гонятъ плѣнными башни-бузуковъ, такъ и сіяли на ихъ лицахъ. Поровнявшись со мной, они кричали мнѣ веселыми голосами:—здравствуй, братушко,— а одинъ, не выдержавъ, чтобъ не подѣлиться со мной своею радостью, прибавилъ:—башни-бузуци! указывая на нихъ нагайкой. Они гнали свое стадо головорѣзовъ, заставляя ихъ идти скорымъ шагомъ, чуть не бѣгомъ, а какъ только кто отставалъ, его тотчасъ подгоняли нагайкой... О состраданіи къ башни-бузуку со стороны болгарина, разумѣется, не можетъ быть рѣчи...

Эти башни-бузуки, болѣею частью оборванные, почти всѣ съ чалмами на головахъ, были скованы весьма не пѣжными цѣпами по рукамъ или по ногамъ, а многіе за шею, по нѣскольку че-

ловѣкъ вмѣстѣ, тѣми самыми цѣпями, которыя турецкое правительство имѣло для болгаръ и употребляло весьма щедро.

Процессія прошла мимо нашей стоянки такъ быстро, что я не успѣлъ разглядѣть хорошенько ни одного лица, а мнѣ очень хотѣлось поближе взглянуть на фюзіоніи этихъ разбойниковъ, этихъ людей-звѣрей, про которыхъ мы такъ много читали дома и слышали здѣсь... А все-таки стало жаль ихъ въ ихъ незавидномъ положеніи... Все это жертвы непостижимаго рока. Вѣдь и они могли быть иными при иныхъ условіяхъ жизни. Но вѣрно такъ должно быть. Зной стоялъ невыносимый; мы сидѣли возлѣ своихъ экипажей, прячась въ тѣни ихъ, и въ ожиданіи настоящаго дѣла занимались кое-чѣмъ. Въ это время къ намъ подошелъ одинъ капитанъ изъ хозяйственныхъ чиновъ лазарета 14-й дивизіи и сообщилъ невеселую новость, что на-дняхъ подѣ Плевной было опять большое дѣло, что наши войска были снова отбиты съ большимъ урономъ, что турки отъ Плевны идутъ на Ловчу и оттуда, по всей вѣроятности, двинутся на Сельви. Нашимъ войскамъ, стоящимъ здѣсь, приказано «окопаться», т.-е. подѣлать разныя защиты въ виду наступленія непріятеля; а брянскій полкъ получилъ распоряженіе вернуться въ Габрово на всякій случай, т.-е. для защиты его, если бы пришлось потерпѣть неудачу здѣсь. Подобныя извѣстія сильно дѣйствуютъ на состояніе духа, даже издали, когда о нихъ, напримѣръ, прочтешь въ газетахъ, сидя дома, а здѣсь все было понятнѣе, осязательнѣе и потому вліяніе ихъ отражалось на состояніи духа гораздо сильнѣе, — и чтобъ измѣнить его настроеніе, требовалось, для меня по крайней мѣрѣ, какое-нибудь механическое занятіе или прогулка по новымъ мѣстамъ. Я пошелъ въ городъ. Но сцены, какія встрѣчались на улицахъ, представляли не много отраднаго; состояніе духа у жителей города было сосредоточенное, пасмурное, хотя и не унылое; почти всюду встрѣчались группы болгаръ, по преимуществу женщинъ и дѣтей, толпившихся и бродившихъ на улицахъ или сидѣвшихъ въ тѣни по разнымъ угламъ... Это были безпріютныя, голодныя бѣглецы изъ Ловчи, успѣвшіе спастись бѣгствомъ отъ турецкихъ ятагановъ и пулъ, отъ страшной рѣзни, недавно произведенной тамъ турками. Но какъ привыкли они къ такимъ ужасамъ, отъ которыхъ у насъ, не выдавшихъ ничего подобнаго, содрогалось сердце. Почти каждый изъ бѣжавшихъ не досчитывался то жены, то отца, сестры или матери; они говорили вамъ объ этомъ, но вы не видали ни слезъ, ни заплаканныхъ глазъ, ни даже выраженія сильной грусти на лицахъ... Такъ замерли въ нихъ всѣ человѣ-

чeskія чувства... И слава Богу, впрочемъ, что замерли; лучше бы совсѣмъ пропали на это время,—тогда бы они еще равнодушнѣ переносили горе, какое, по неисповѣдимымъ судьбамъ, выпало имъ на долю. Они удивили меня своимъ спокойнымъ видомъ и проявленіемъ того живого интереса, какой возбуждала въ себѣ шедшая со мною одна изъ сестеръ. Ее мигомъ окружили и закидали вопросами и привѣтствіями,—сыпавшимися со всѣхъ сторонъ. Оставивъ ее посреди окружившихъ ее женщинъ, я отправился въ городъ, прошелъ по его главнымъ улицамъ, довольно широкимъ, но кривымъ, заглянулъ въ разные закоулки, какихъ всегда много въ неправильно построенныхъ городахъ. Дома въ Сельви ббльшую частью низенькіе одноэтажные; фонтаны и колодцы встрѣчаются, по обыкновенію, почти на каждомъ шагу; но людей, противъ обыкновеннаго, встрѣчаешь мало и хотя кажется, что жизнь въ городѣ идетъ своимъ порядкомъ, хотя совершается торговля и открыты убогія кофейни, въ родѣ нашихъ харчевень, хотя во многихъ мѣстахъ на домахъ развѣшены флаги и портреты нашей царской фамиліи, украшенные гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ, теперь уже высохшихъ, городъ очевидно представляетъ лишь малую долю обыкновеннаго оживленія. Такъ должно думать по множеству запертыхъ лавокъ и совершенно опустѣвшихъ домовъ. Невесело смотрѣли и жители Сельви, которымъ,—они могли ожидать,—не отсюда, такъ отсюда грозилъ бѣда, и въ ожиданіи ея они всѣ до одного ходили съ оружіемъ въ рукахъ или за поясомъ. Невеселія думы роились въ ихъ головахъ и не радовали ихъ даже партіи плѣнныхъ баши-бузуковъ, которыхъ охотники-болгары таскали изъ разныхъ мѣстъ, препровождая ихъ въ тюрьму, находившуюся при полиціи. Имъ какъ будто думалось—а не попасть бы опять въ ихъ руки; тогда, пожалуй, будетъ еще хуже, чѣмъ бывало прежде.

Турецкіе дома, повинутые своими обитателями, были разорены, но только внутри,—стѣны же и крыши остались нетронутыми. Точно такъ же и въ мечетяхъ я нашелъ все переломаннымъ, и перебитымъ и загрязненнымъ, очевидно съ умысломъ; грустное впечатлѣніе выносишь всегда при видѣ слѣдовъ разрушенія людьми того, что другіе такъ старательно устранивали; въ настоящемъ случаѣ оно было еще неприяте, потому что разрушителями явились не варвары-турки, а мстители-болгары. Не лучше ли было бы предоставить первымъ подобныя поступки, чѣмъ раздражать имъ. Понятна, впрочемъ, и высшая степень злобы, накалившейся въ многострадальныхъ сердцахъ болгаръ, той злобы, ко-

торая теперь нашла возможность выхода и разряжается, какъ навопившееся электричество.

Осмотрѣвъ большую и центральную часть города, я не нашелъ въ немъ ничего особенно достопримѣчательнаго, но для художника и здѣсь много весьма симпатичныхъ уголковъ, интересныхъ типовъ и сценъ. Возвращаясь домой уже передъ закатомъ солнца и придя на мѣсто, гдѣ стояли лазареты съ ихъ обзовами, я былъ удивленъ, найдя его совсѣмъ опустѣвшимъ, а своихъ спутниковъ увидалъ сидѣвшими въ линейкѣ съ заложенными лошадьми и совершенно готовыми тронуться въ путь. Они только поджидали меня. — Куда?—спрашиваю. Отвѣчаютъ, что приказано перейти на новое мѣсто, версты за двѣ отсюда, по этой же дорогѣ... Вотъ вашъ обѣдъ; кушайте скорѣе и поѣдемъ.

— Не знаете ли, зачѣмъ велѣно перейти туда?—спросилъ я.

— Пока не знаемъ,—отвѣтили спутники.

Но догадаться было не трудно: это отодвиженіе обозовъ и лазаретовъ также говорило, что здѣсь, по другую сторону г. Сельви, ожидается сраженіе.

Мы пріѣхали на новую квартиру, представлявшую таковой же открытый лугъ, только окруженный съ трехъ сторонъ высокой и густой кукурузой. Недалекъ отъ насъ расположился лазаретъ 14-й дивизіи; обозныя повозки уже стояли отложенныя, выстроенныя въ два правильныхъ ряда; санитары устанавливали шатры и нынѣшнюю ночь мы пили чай, ужинали и спали не подъ открытымъ небомъ, какъ вчера, а въ большихъ палаткахъ, которыя, кто знаетъ, можетъ, завтра, огласятся криками и стономъ раненыхъ солдатъ и офицеровъ. Пока ихъ не было, одну палатку заняли врачи и другіе чины лазарета, другую—сестры, а въ трехъ остальныхъ размѣстились санитары.

Во время ужина къ намъ въ палатку вошелъ незнакомый офицеръ, кажется, минскаго полка, уже не молодой, съ серьезнымъ и энергичнымъ выраженіемъ на его худомъ и загорѣломъ лицѣ. Такъ какъ знакомыхъ между нами онъ нибого не имѣлъ, то, войдя въ палатку, гость началъ говорить, не обращая ни въ кому лично. Онъ повелъ рѣчь строго, почти тономъ замѣчанія.

— Какъ же это, господа, вы приходите на мѣсто, располагаетесь съ обозомъ, ставите палатки и не даете намъ знать о своемъ прибытіи!.. Вѣдь мы далеко не въ таковой безопасности, чтобъ можно было оставаться тутъ ночью безъ вооруженнаго прикрытія. Я только случайно узналъ, что вы пріѣхали и приказалъ придти сюда двумъ ротамъ; а не узнай я.... Богъ знаетъ что могло бы случиться. Во-первыхъ, мы должны,—продолжалъ

онъ, — ожидать возможнаго наступленія турокъ отъ Ловчи, а вторыхъ, и это главное, шайки башки-бузуковъ дѣйствуютъ вблизи, въ окрестностяхъ; на-дняхъ, напримѣръ, они сдѣлали нападеніе на одинъ казачій пунктъ и чуть было не перерѣзали всѣхъ людей... Итакъ, господа, солдаты расположатся цѣпью вокругъ васъ и, теперь, будьте увѣрены, ужь не пропустятъ ни одной канальи. Теперь можете спать покойно; только пожалуйста отдайте распоряженіе своимъ людямъ, — и вамъ всѣмъ, господа, объявляю, чтобъ ночью за цѣпь никто не выходилъ, а то не долго и до грѣха.

— А если пропускъ ¹⁾ будешь знать? — спросилъ кто-то.

— Никакого пропуска нѣтъ и не будетъ, потому что солдатамъ сказано: ничего не спрашивать, ни въ какіе разговоры не вступать и чтобъ не производить тревоги — не стрѣлять, а какъ заметишь кого, особенно если пробирается крадучись, подпусти и заколи.

Мы поблагодарили офицера за заботливость о насъ; онъ простился и вышелъ, оставивъ насъ не то успокоенными, не то взволнованными. Нѣкоторые, впрочемъ, уже лежавшіе въ постеляхъ, начали скоро похрапывать; большинству же не спалось. Долго не гасилась въ нашей палатѣ свѣча, потому что завязалась и долго не кончалась бесѣда о такихъ предметахъ, которые вовсе не относились ни къ Сельви, ни къ военнымъ дѣйствіямъ, ни къ опасности или безопасности нашего положенія здѣсь, а толковали о томъ, напримѣръ, «кому живется весело, вольготно на Руси», — говорили и даже горячо спорили о нашемъ провинціальномъ бытѣ и въ подтвержденіе своихъ мнѣній каждый рассказывалъ о разныхъ эпизодахъ изъ жизни Полтавы, Золотоноши, разныхъ городовъ Сибири и проч., кто гдѣ бывалъ. Наконецъ, разговоры смолкли

---

¹⁾ „Пропускомъ“ называется какое-нибудь слово, назначенное на одинъ сутки по составленному заранее списку, общему для всѣхъ частей дѣйствующей арміи, гдѣ бы онъ ни находились. Это слово хранится въ тайнѣ и узнать его можно въ мѣстной гауптвахтѣ отъ дежурнаго офицера или отъ своихъ знакомыхъ, если они уже узнали его. — Знать его необходимо. Идете, напримѣръ, ночью по улицѣ, или даже днемъ, если подъѣзжаете къ лагерю, часовой останавливаетъ васъ.

— Что пропускъ?

— Хомутъ, отвѣчаете вы, если вамъ сказали это слово.

— Извольте проходить.

Если же вы не знаете, то ни форма, ни русскій языкъ, ни доводи убѣжденія и никакія доказательства не откроютъ для васъ дороги, которую часовой преграждаетъ вамъ штыкомъ. Надо будетъ идти къ дежурному офицеру и тотъ велитъ пропустить, если вы не покажетесь ему подозрительнымъ человѣкомъ; въ противномъ случаѣ можетъ случиться — посидѣть подъ арестомъ.

и одинъ за другимъ всё заснули подъ шумъ спораго дождичка, тихо и монотонно стучавшаго въ полотняную крышу нашего походнаго дома. Много хорошаго въ бивуачной жизни, даже и въ военное время, да не для всѣхъ: хорошо было намъ въ постеляхъ и подъ защитой палатки, но незавидно положеніе тѣхъ двухъ ротъ, что поставили цѣпью для защиты насъ. Плохо бѣднымъ солдатикамъ стоять теперь, неотвѣзчиво думалось мнѣ, въ потѣмкахъ подъ дождемъ или лежать на землѣ и, не смѣя заснуть, ожидать, что вотъ подползеть или проскочетъ какая-нибудь бестія съ шашкой да съ винтовкой, въ которой сидитъ шестнадцать пуль... Эхъ, горемычные солдатикки! Такъ ли вы несчастливы, какъ кажется мнѣ, не бывавшему въ солдатской шкурѣ, или вамъ Господь посылаетъ какое-нибудь облегченіе и подкрѣпленіе...

Наконецъ заснулъ и я. Ночь прошла благополучно, хотя, говорятъ, и слышали выстрѣлы, кто одинъ, кто два, но они, вѣроятно, были плодомъ настроеннаго на извѣстный ладъ воображенія: башни-бузуки не приходили, да они и не любятъ появляться тамъ, гдѣ, они знаютъ, расставлена цѣпь русскихъ солдатъ; нѣтъ, они смѣлы и храбры только, когда нападаютъ на спящихъ или безоружныхъ поселянъ, работающихъ въ полѣ, на женщинъ и дѣтей, застигнутыхъ врасплохъ дома: вотъ здѣсь они герои!.. Сегодня я зашелъ въ лазаретъ четырнадцатой дивизіи и тамъ показали мнѣ раненаго болгарина Ивана Чавдарова, жителя одной деревни близъ г. Ловчи. Исторія его такова. Онъ что-то работалъ на своемъ полѣ; вдругъ подъѣзжаетъ къ нему башни-бузукъ и начинаетъ требовать денегъ. Чавдаровъ отвѣчаетъ, разумѣется, что у него денегъ нѣтъ, не только тутъ, но и дома.

— Врешь, собака, — кричитъ на него тотъ. Я знаю, что дома нѣтъ, потому что вы ихъ при себѣ носите! (Болгары дѣйствительно имѣютъ обычай носить деньги въ поясѣ). — Болгаринъ начинаетъ увѣрять, что говоритъ чистую правду и молить не убивать его; но дуло пистолета уже противъ груди; раздался выстрѣлъ и онъ упалъ лицомъ внизъ, а разбойникъ въ это время рубнулъ его два раза, какъ видно изъ раны, по задней сторонѣ шеи, съ очевиднымъ намѣреніемъ отрубить ему голову, но, должно быть, что-нибудь помѣшало ему окончить эту операцію и онъ нанесъ только тяжелую рану, которая простиралась отъ одного уха до другого; затылочная кость была обнажена; часть ея снесена шашкой и въ одномъ мѣстѣ во всю ея толщю, такъ что тутъ мозгъ былъ открытъ, но, къ счастью, на очень небольшомъ пространствѣ. Облитый кровью, Чавдаровъ потерялъ сознаніе и башни-бузукъ принялъ его за мертваго; вѣроятно обыскалъ; не менѣе вѣроятно,

что ничего не нашелъ или какіе-нибудь гроши; затѣмъ бросилъ его и поѣхалъ своей дорогой искать другого такого же богача.

Раненный однако пришелъ потомъ въ себя, долго пролежалъ на одномъ мѣстѣ, потомъ, собравъ силы, доплелъ до кукурузы и воды, которыми и питался въ теченіи пяти съ половиною сутокъ. Проѣзжавшіе казаки случайно замѣтили его и, взявъ съ собою, привезли въ лазаретъ... Сколько было подобныхъ жертвъ войны, погибшихъ или выздоровѣвшихъ, но оставшихся съ тѣми или другими увѣчьями на всю жизнь... Но что дѣлать, — война! Та же охота: башни-бузуви охотятся на болгаръ, болгары охотятся на башни-бузувовъ и, говорятъ, безпощадно расправляются съ ними, когда имъ удастся изловить ихъ. Нашимъ офицерамъ не разъ приходилось выручать турокъ изъ рукъ болгаръ крутыми мѣрами.

А много въ войнѣ сходства съ шахматной игрой, какъ въ этой послѣдней съ войною: и войска, а за ними и мы съ своими подвижными лазаретами и летучими перевязочными пунктами передвигаемся по чужой волѣ съ мѣста на мѣсто, какъ шахи: то шагъ впередъ, въ сторону — или назадъ, смотря по обстоятельствамъ. Сегодня узнали, что непріятель перемѣнилъ свое намѣреніе идти на Ловчу, и поэтому намъ было отдано приказаніе, чтобъ завтра (25-го іюля) въ четыре часа утра выступить отсюда и отправиться назадъ въ Габрово, — разумѣется, безъ объясненія, почему и для чего, какъ всегда бываетъ. Впрочемъ, что намъ и объяснять: насъ, врачей, посылаютъ туда, гдѣ кровь уже льется или гдѣ пахнетъ кровью. Приказано ѣхать въ Габрово — и такъ послѣдно — значитъ, опять на Шипкѣ что-нибудь неладно. Надо спѣшить. И на слѣдующій день, ровно въ четыре часа утра мы оставили мѣсто своей стоянки подъ Сельви, а въ три часа пополудни уже въѣзжали въ Габрово. Проѣзжая по его знакомымъ улицамъ, я тотчасъ замѣтилъ въ нихъ какое-то необыкновенное оживленіе: многочисленныя толпы то нарядныхъ, то бѣдно-одѣтыхъ или даже почти оборванныхъ людей — и по преимуществу женщинъ и дѣтей — ходили или толпились на улицахъ. Ихъ костюмы, разныя украшенія, типъ и манера стричь волосы рѣзко отличали ихъ отъ жителей Габрова; видъ они имѣли спокойный и, какъ казалось, довольный, такъ что я, позабывъ о войнѣ, считалъ ихъ за пріѣхавшихъ въ Габрово на какой-нибудь мѣстный праздникъ гостей изъ другихъ городовъ. Спрашиваю, однако, черезъ гучера-болгарина, хорошо говорившаго по-русски: «что это за новые люди? откуда они? изъ какихъ городовъ?» — но изъ его отвѣта мы узнали, что причина появленія здѣсь гостей

вовсе не праздничная, напротивъ, самая грустная, — что эти люди представляютъ спасшихся бѣгствомъ жителей многихъ забалканскихъ городовъ, разоренныхъ башни-бузуками и черкесами послѣ того, какъ наши войска оставили ихъ позади себя. Въ пестрой толпѣ, запрудившей узкія улицы Габрова, были представители многихъ городовъ, какъ-то: Калофера, Трояна, Карлова, Казанлыка и, главнымъ образомъ, Эски-Загры и Ени-Загры. «Вотъ онѣ, еще новыя жертвы войны!» сказали мы другъ другу — и приуныли. Мы были виноваты въ этихъ жертвахъ, т.-е. мы — русскіе. Ъдемъ прямо въ монастырь, уже какъ въ свой домъ, и насъ встрѣчаютъ монахини съ такою радостью, словно мы были ихъ стариннѣйшими друзьями или нѣ-вѣсть какими благодѣтелями. Первый монастырскій дворъ тоже былъ наполненъ семьями пришлецовъ съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, съ лошадьми, ослами и собаками; въ саду мы встрѣтили гораздо большее число монахинь, которыхъ прежде не видали...—Это все «бѣженцы», т.-е. бѣжавшіе изъ разоренныхъ турками городовъ; это тѣ, которые успѣли спастись отъ смерти, — объяснили намъ наши знакомки. Онѣ сообщили также, что въ Габрово пришли сами или привезли изъ этихъ же городовъ много раненыхъ болгаръ, особенно женщинъ и дѣтей, и что ихъ помѣстили въ домъ женскаго училища. Намъ хотѣлось скорѣе помочь имъ, чѣмъ мы могли, но было уже поздно — и мы отложили посѣщеніе ихъ до слѣдующаго утра. На другой день отправились. Я зашелъ къ мѣстному окружному врачу Христову, который повторилъ то же, что сообщили монахини, и говорилъ, что ему трудно будетъ справиться съ массою тяжело-раненыхъ; особенно же трудно устроить для нихъ порядочное помѣщеніе. Я предложилъ ему свои услуги, обѣщая приходить помогать какъ въ уходѣ за ранеными, такъ и по устройству больницы; но докторъ Христовъ сталъ просить меня принять завѣдываніе и распоряженіе больницей исключительно на себя.

— Вы знаете, — говорилъ онъ, — что вообще «нѣтъ пророкъ въ отечествѣ своемъ»; у насъ же эта истина имѣетъ двойную силу, и мнѣ ни за что не удастся достигнуть того, что вы можете сдѣлать. Причинъ для этого много.

Я согласился принять на себя обязанность главнаго врача.

— Больницы, собственно говоря, еще нѣтъ, — продолжалъ онъ: — ее еще надо устроить; есть только домъ, въ который свалили явившихся раненыхъ. Ихъ теперь уже есть до 70-ти человекъ, но, вѣроятно, они будутъ прибывать еще долгое время. Въ домѣ нѣтъ ни кроватей, ни матрацовъ, ни лекарствъ, ни

инструментовъ — и я, повторяю вамъ, какъ болгаринъ, какъ габровецъ, ничего не добьюсь — или, по крайней мѣрѣ, очень не скоро. Вы вѣдь видите уровень образованія нашего общества... Въ комъ найдешь помощь?

— Хорошо, пойдемте въ больницу, — перебилъ я его: — давайте дѣйствовать. Надо достать все необходимое и устроить какъ можно скорѣе.

Болгарская больница, какъ мы называли ее въ отличіе отъ военнаго лазарета, находилась всего минутахъ въ десяти или пятнадцати ходьбы отъ монастыря, гдѣ я жилъ. Вошли во дворъ, можно сказать, биткомъ набитый людьми обоехъ половъ и всѣхъ возрастовъ, — частью ранеными, которые лежали тутъ и стонали, частью ихъ здоровыми родственниками. Поднялись по крутой деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ были помѣщены раненые, прежде прибывшіе. Здѣсь находилось шесть небольшихъ комнатъ, въ которыхъ, за исключеніемъ столовъ, не было никакой другой мебели, да и столы были не во всѣхъ. Люди размѣстились на полу въ безпорядкѣ и съ такой тѣснотой, что между ними едва-едва можно было пробираться. Въ каждой комнатѣ лежали мужчины, женщины; тутъ были представители всѣхъ возрастовъ, отъ родившихся только вчера, уже здѣсь, младенцевъ, до дряхлыхъ стариковъ, доживавшихъ послѣдніе дни. Начавъ считать людей, чтобъ опредѣлить число необходимыхъ кроватей, мы зашли за семьдесятъ — цифру раненыхъ, какъ предполагалось, — зашли даже за сто...

— Что же это значить? Развѣ еще прибыли? — спросилъ я у доктора Христова.

— Нѣтъ, сегодня новыхъ не поступало.

Оказалось, что здѣсь собралось также много здоровыхъ — родныхъ раненыхъ — и притомъ иногда въ такой пропорціи, что при одномъ раненомъ, напримѣръ ребенкѣ, находилась здоровая мать и ея трое другихъ также здоровыхъ дѣтей. По обыкновеннымъ правиламъ мирнаго, а не военнаго времени, слѣдовало бы оставить однихъ больныхъ, а всѣхъ здоровыхъ выслать изъ больницы; но, напримѣръ, при грудномъ и раненомъ ребенкѣ нужно было оставить мать, какъ кормилицу, — какъ же и куда выслать остальныхъ ея дѣтей? Ихъ приходилось поневолѣ оставить, пока позволяло мѣсто, а въ то же время рѣшили, что необходимо устроить, хотя временный, дѣтскій пріютъ, по преимуществу для сиротъ, которыхъ было множество. Другіе здоровые — напримѣръ, матери, жены и отцы раненыхъ — умоляли дозволить имъ остаться при своихъ больныхъ мужьяхъ или дѣтяхъ;

но рѣшеніе этихъ тяжелыхъ вопросовъ мы оставили до другого дня. Итакъ, раненые находились подъ крышей и имѣли пищу, доставлявшуюся отъ города; но этого было мало: была нужна прислуга, лица для присмотра и ухода; нужны лекарства и многое другое. Прислугу пріискали въ этотъ же день, а нѣкоторыя дамы и барышни, по-преимуществу изъ учительницъ, изъявили готовность помогать при уходѣ за ранеными. Поэтъ Стефанъ взялъ на себя обязанности смотрителя и казначея. Пріѣхавшій въ то время агентъ славянскаго комитета, А. А. Нарышкинъ, принялъ заботы по устройству дѣтскаго пріюта, а уполномоченный общества Краснаго Креста, В. П. Глѣбовъ, дозволилъ воспользоваться нѣкоторыми необходимыми предметами изъ габровскаго склада при военномъ лазаретѣ, и къ слѣдующему утру въ болгарскую больницу были доставлены: бѣлье, перевязочные матеріалы, лекарства и инструменты. Явились и медицинскіе дѣятели въ лицѣ насъ двухъ — врачей, моего помощника — студента академіи — и трехъ сестеръ милосердія.

Мы приступили къ правильному осмотру раненыхъ, и такъ какъ кроватей еще не было, то его пришлось производить или согнувшись, или сидя на корточкахъ, что было очень и неудобно, и утомительно; присѣсть же на одѣяла и локмотья, которыя несчастные «бѣженцы» принесли съ собой изъ-за Балканъ, у насъ не хватало смѣлости, — такъ они были грязны, а сами люди обладали такимъ большимъ количествомъ паразитовъ. О томъ, какъ содержались раны до сихъ поръ, чѣмъ были перевязаны, — я предпочитаю умолчать, имѣя въ виду даже и не очень брезгливаго читателя; скажу только, что состояніе ранъ было еще тѣмъ ужаснѣе, что большинство ихъ принадлежало къ такъ-называемымъ рѣваннымъ или рубленнымъ ранамъ, т. е. нанесеннымъ не огнестрѣльнымъ оружіемъ, а ножами, кинжалами и шапками. Эти раны бывають бѣльшею частью громаднхъ размѣровъ, въ сравненіи съ маленькими кругленькими отверстиями, какія производятъ пули.

Передъ нашими глазами въ это утро прошли разсѣченные черепа, разрѣзанныя вдоль или поперекъ спины, иногда болѣе чѣмъ на полъ-аршина, вскрытые суставы руки и ноги, огромныя раны груди и т. п., — и нельзя было не удивляться живучести человека или, по крайней мѣрѣ, этихъ людей... Видѣли мы женщинъ, жестоко избитыхъ палками съ цѣлю вымогательства денегъ и оставленныхъ живыми, потому что ихъ сочли за убитыхъ; были здѣсь беременныя женщины съ обожженной грудью, или ногами; нѣкоторыя изъ нихъ разрѣнились отъ бремени во время

бѣгства и бросали своихъ дѣтей среди дороги. Видѣли израненныхъ пулями дѣтей, начиная отъ грудного возраста; ихъ ранили, когда матери, успѣвъ убѣжать, уносили ихъ на рукахъ, а черкесы и башки-бузуки стрѣляли по нимъ издали въ-догонку. Были дѣти, имѣвшія по нѣскольку пулевыхъ ранъ, отъ которыхъ они не умерли только потому, что раны были не глубоки или не затрогивали важныхъ для жизни органовъ. У одного мальчика, напримѣръ, по имени Волю-Славе, четырехъ съ половиною лѣтъ, было на тѣлѣ восемь ранъ, но пули попадали въ него такъ счастливо, что только одна кость большого пальца правой руки была разбита, и этотъ палецъ пришлось отнять. Какъ было жаль этихъ невинныхъ крошекъ, такъ жестоко страдавшихъ; какая злоба поднималась въ душѣ противъ варваровъ, способныхъ на такія звѣрства, совершаемыя надъ бессильными и беззащитными дѣтьми! Какъ болѣзненно ныло сердце, когда приходилось мѣнять повязку на крошечной ручкѣ, въ которой былъ раздробленъ, напримѣръ, локтевой суставъ,—когда приходилось вырывать пули изъ маленькаго дѣтскаго тѣла!

Во время перевязыванія, я, при помощи доктора Христова, разспрашивалъ раненныхъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они были ранены, какъ спаслись и добрались до Габрова черезъ Балканы — и, слушая ихъ, можно было благословлять обыкновенныя войны, какъ они ведутся въ настоящее время между образованными народами, т.-е. когда сраженія происходятъ только между арміями, а безоружные жители считаются непривосновенными. Много ужасовъ рассказывали они про звѣрства турокъ, и такъ какъ рассказы, сообщаемые людьми, не знавшими другъ друга, были согласны между собою, то не было никакого основанія сомнѣваться въ ихъ справедливости.

Я не стану входить въ подробности рассказовъ о турецкихъ злодѣйствахъ, о какихъ сообщали несчастные раненные, потому что они слишкомъ отвратительны, да о нихъ и говорено уже много; упомяну лишь о томъ, какъ турки въ Эски-Загрѣ зажгли домъ, служившій лазаретомъ и въ которомъ находились раненные наши и болгары, и приведу рассказъ о другомъ событіи въ томъ же городѣ. Когда началось смятеніе вслѣдствіе нападенія и вступленія въ городъ непріятеля, жители частью успѣли бѣжать; другіе же, по преимуществу женщины съ дѣтьми бросились въ церковь и набились въ нее въ такомъ количествѣ, какое только она могла вмѣстить. Тамъ думали они спрятаться и найти спасеніе; но черкесы и башки-бузуки, разумѣется, нашли ихъ. Сначала они открыли по нимъ стрѣльбу изъ ружей черезъ окна и

двери, а потомъ ворвались внутрь и стали добывать какъ и чѣмъ попало и дорывывать уцѣлѣвшихъ отъ пуль и еще физически живыхъ людей.

Они оставили церковь только тогда, когда, по ихъ мнѣнію, тамъ не осталось ни одной живой души, но для большей вѣрности они подожгли ее. Въ ней, дѣйствительно, не всё было мертвые: одни лежали въ обморокъ, другіе только раненые или даже не раненые вовсе случайно спаслись подъ трупами убитыхъ, третьи сами притворились мертвыми. Разбойники дѣйствовали въ-торопяхъ, боясь прихода русскихъ солдатъ, и потому, ограбивъ дома, они поспѣшно удалились изъ города. Въ это время оставшіеся въ живыхъ, кто былъ въ силахъ, стали вылезать изъ горѣвшей церкви, и хотя получили при этомъ ожоги, но выбрались живыми. Такихъ выходцевъ съ того свѣта, какъ ихъ справедливо можно было назвать, у насъ находилось всего четыре человека, и изъ нихъ одна женщина, на другой день по прибытіи въ больницу, благополучно разрѣшилась отъ бремени.— Чего не выносить по неволѣ душа человѣческая, какихъ экспериментовъ не выдерживаетъ человѣческое тѣло! Эта злосчастная мать и ея новорожденный гость міра сего остались живы, но для радостей ли или для новыхъ подобныхъ мукъ?—думалъ я, слушая эти рассказы.

Въ больницу привезли тѣмъ временемъ кровати, матрацы и подушки и мы общими силами принялись за устройство постелей. Потомъ помощницамъ изъ мѣстныхъ жительницъ были розданы каждой свое назначеніе, — смотрѣть за бѣльемъ, за приготовленіемъ пищи и правильной раздачей ея, надзирать за порядкомъ и прислугой; одна должна была состоять при операционной комнатѣ. Эти новыя дѣятельницы были, разумѣется, неопытны, робки и застѣнчивы, потому что стыдились своей неумѣлости,—передъ нашими, будто бы великими, опытностью и знаніями.

Мы уложили больныхъ на постели и ушли домой въ надеждѣ найти на другой день больницу, до извѣстной степени, уже благоустроенною. Являемся на слѣдующее утро и—увъ!—видимъ себя горько обманутыми въ нашихъ ожиданіяхъ: почти всѣ кровати стояли пустыми, а пациенты... Бѣжали?—думаетъ читатель... Нѣтъ, они, какъ и вчера, лежали на полу, стащивъ матрацы съ простынями и подушками долой, оставивъ деревянныя кровати голыми. Они размѣстились между послѣдними и подъ ними. Нѣкоторые оставили простыни на тюфякахъ; а другіе убрали ихъ впрочь и, свомкавъ, запрятали подъ подушки. Бѣлья наволочки со многихъ подушекъ также были сняты и положены подъ

головы. Неприятны ли имъ были простыни и наволочки; находили ли они, что изъ нихъ можно сдѣлать другое, гораздо болѣе полезное употребленіе,—Богъ ихъ знаетъ,—мы не могли добиться отвѣта на эти вопросы; съ кроватей же они сошли на полъ потому, какъ объяснили они, что имъ вазалось страшно лежать на нихъ, что они боялись съ нихъ упасть, такъ какъ прежде они никогда на кроватяхъ не спали, а всегда на полу. Последнюю причину можно бы уважить, если бы не было такъ утомительно и неудобно производить осмотръ и перевязку ранъ, сидя на корточкахъ, какъ сегодня опять пришлось дѣлать; съ другой стороны, соблюденіе даже самой умѣренной чистоты при такомъ порядкѣ было немислимо, и потому я просилъ доктора Христова постарше передать имъ мое привязаніе, чтобы никто не смѣлъ переселяться съ кровати на полъ, а также запрягивать подъ подушки бѣлье. Они были видимо огорчены этими словами и не съ-разу таки поддались нашимъ требованіямъ. Наконецъ, мало-по-малу они привыкли и оставались на кроватяхъ; но подъ этими послѣдними, словно въ шалашахъ, жили родственники раненыхъ, иногда цѣлыя семейства ихъ, и мы терпѣли ихъ изъ состраданія. Однако, постоянное прибываніе новыхъ раненыхъ заставляло меня выживать поемногу здоровыхъ, потому что въ скоромъ времени за неимѣніемъ мѣста для новыхъ кроватей пришлось влечь на полу и больныхъ. Лазаретъ скоро переполнился, и городскимъ совѣтомъ былъ отведенъ подъ больницу другой домъ, нѣсколько меньшей величины, также принадлежавшій женскому училищу; но и этотъ домъ черезъ два-три дня былъ такъ же полонъ. Тогда легко раненыхъ, которые могли свободно ходить, стали выписывать, съ тѣмъ, чтобы они являлись для перевязки и за полученіемъ обѣда. Такимъ образомъ, благодаря настойчивому и доброму желанію доктора Христова—помочь своимъ несчастнымъ соотечественникамъ, моему неутомимому помощнику студенту Губареву,—столь же неутомимымъ помощницамъ, сестрамъ милосердія—Юханцевой, Тепляковой и Энгельгардтъ, а также живому участію нѣсколькихъ габровскихъ барышень, особенно Зѣмбюля и Вѣнковой, больница пошла въ ходъ; она явилась истиннымъ благодѣаніемъ для безпріютныхъ израненыхъ голодныхъ бѣглецовъ, поселенно прибывавшихъ къ намъ изъ-за Балканъ.

Въ военномъ лазаретѣ въ это время было затишье, потому что то же затишье царствовало на шипчинскихъ высотахъ. Оставшихся въ немъ раненыхъ и больныхъ было мало и врачи не только не нуждались въ моей помощи, но приходили даже по-

могать мнѣ, дѣлая это по доброй волѣ и никогда не отказывая, ни днемъ, ни ночью, когда мнѣ случалось приглашать ихъ.

Не посѣщая военного лазарета, я могъ отдавать все свое время болгарской больницѣ, а сестры милосердія посѣвали и тутъ и тамъ. Итакъ, утромъ визитація въ больницѣ; по возвращеніи домой, тотчасъ послѣ обѣда, приѣмъ уже ожидающихъ больныхъ, приходившихъ въ намъ въ монастырь; потомъ вечерняя визитація; эти занятія наполняли наши дни. Приходящіе больные были по преимуществу женщины, болѣею частію изъ бѣглецовъ, и самая частая просьба, съ какою они обращались ко мнѣ, была «илѣчь за страхъ», т.-е. о лекарствѣ отъ страха, или точнѣе, отъ болѣзни, причиненной страхомъ. Хотя просьбы объ этомъ «илѣчь за страхъ» и казались нѣсколько забавными, но къ нимъ нельзя было относиться легко, такъ какъ извѣстно, что чувство сильнаго страха производить иногда весьма серьезныя расстройства въ организмѣ и особенно въ нервной системѣ... А сколько страха испытали эти несчастныя, не трудно себѣ представить: вѣдь онѣ всѣ ощущали, такъ сказать, присутствіе смерти за своими плечами и едва-едва ушли отъ нея. У нѣкоторыхъ болгарокъ, несмотря на то, что послѣ страшнаго дня прошло уже много времени, и теперь начиналась дрожь, какъ отъ озноба, когда онѣ вспоминали о своемъ бѣгствѣ отъ башни-бузуковъ и черкесовъ...

Такъ проходили наши дни, жаркіе лѣтніе дни, однообразно, не скучно, не весело и довольно медленно. Жилось какъ-то машинально и покойно въ томъ смыслѣ, что до насъ давно ужъ не доходило никакихъ тревожныхъ слуховъ насчетъ безопасности нашего положенія въ Габровѣ, а о другихъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій мы знали менѣе, чѣмъ знаютъ въ Петербургѣ, Лондонѣ и, пожалуй, Нью-Йоркѣ; потому что газеты получались нами заповдаляя и получались не отдѣльными нумерами, а вдругъ, недѣли за двѣ, иной разъ и больше.

Бесѣды въ своемъ кружкѣ шли вяло, потому что мы приходили домой усталыми и завѣтной мечтой у каждаго изъ насъ было только одно,—какъ бы отдохнуть, выспаться хорошенько; да, кромѣ того, мы всѣ чувствовали, что головы наши тупѣли съ каждымъ днемъ вслѣдствіе того, что мозгъ работалъ исключительно въ одномъ направленіи: болѣзни, а главнымъ образомъ раны, раны и раны,—вотъ чтъ приходилось созерцать ежедневно; вотъ надъ чѣмъ ежедневно нужно было думать, да еще думать не такъ, какъ слѣдуетъ, а отрывками мыслей, потому что не-

возможно было останавливаться по долгу надъ однимъ большимъ безъ ущерба для другихъ.

Если же одностороннее наше габровское житіе и нарушалось по временамъ, то посылаемая судьбою развлеченія имѣли далеко не веселый характеръ: насъ выводили изъ умственной спячки почти исключительно такіа извѣстія, по полученіи которыхъ нужно было дено и ношно заботиться о томъ, чтобъ какъ-нибудь не лишиться неожиданно своей головы. Отъ этихъ новыхъ думъ напрягались нервы; сонъ дѣлался тревожнымъ, потому что каждый звукъ, каждый шорохъ въ ночной тишинѣ доходилъ до сознанія, заставлялъ приподнимать голову и прислушиваться— не тревога ли, не нужно ли скорѣе встать, одѣваться и дѣйствовать. Можетъ быть, это—трусость, малодушіе наше, но, воля ваша, не заснете вы покойно, когда вамъ, напримѣръ, объявятъ официально, что въ каждую минуту дня и ночи можно ожидать тревоги и нужно быть готовымъ въ быстрому выѣзду изъ города... Какъ легко это говорится, такъ не легко привести въ исполненіе этотъ «быстрый выѣздъ во всякую минуту дня и ночи», и когда начинаешь представлять себѣ, какъ это будетъ происходить этотъ быстрый выѣздъ изъ города, то рѣшительно перестаешь вѣрить въ его возможность. Я и не вѣрилъ, особенно въ ночной выѣздъ; тѣмъ не менѣе отправляешься, бывало, къ кучерамъ и держишь съ нимъ такую рѣчь:

— Василій! Константинъ! Вы знаете, что въ городѣ не покойно, что непріятель, говорятъ, близко...

— Мы тоже слышали, народъ межъ себя сказывалъ, — вставали они, и въ голосахъ ихъ проглядывала особенная храбрость и охота къ скорѣйшему удиранію отсюда.

— Ну, такъ чтобъ экипажи были въ исправности, чтобъ лошади стояли въ шлеяхъ и хомутахъ; чтобъ, когда скажу — закладывать, — въ пять минутъ все было готово... Понимаете? Боже васъ сохрани, если кто будетъ пьянъ! Вѣдь вы и своихъ головъ не унесете и насъ погубите.

— Помилуйте, господинъ докторъ, что вы, не што можно въ такіе дни...

— Ну, то-то же, смотрите.

— Да ужъ будьте покойны, — говорили они, какъ добрые, и какъ разъ «въ такіе-то дни» они «урѣзывали» для храбрости, да иной разъ такъ, что если бы въ самомъ дѣлѣ понадобилось немедленно выѣхать изъ города, мы бы, конечно, не выбрались и принуждены были бы уходить на своихъ ногахъ, а экипажи и лошадей съ кучерами оставить въ распоряженіе непріятеля...

И въ какой день, въ какомъ только положеніи русскій человѣкъ не найдетъ для себя уважительной причины, чтобы выпить. Отъ горя, съ радости, на родинахъ, на похоронахъ, на войнахъ—для смѣлости и храбрости передъ смертью,—всегда ему необходимо выпить... И какъ поглядишь вокругъ себя да послушаешь, что рассказывается, то увидишь, сколько бѣдъ случается исключительно вслѣдствіе неумѣстной выпивки!

Но въ сторону эти старыя пѣсни, отъ которыхъ сердце разрывается, когда къ нимъ относясь не легко и шутливо, какъ къ чему-то очень милому, привлекательному, а задумаешься серьезно и заглянешь въ будущее... Впрочемъ, темно будущее для близорукаго человѣческаго ума. Лучше и не заглядывать въ него, а вернуться къ прошлому.

День, въ который мы получили поминутое предупрежденіе на счетъ готовности къ выѣзду изъ Габрова, былъ 7-е августа, а поводомъ къ отданному распоряженію служило появленіе у Казанлива, какъ рассказывали, огромной турецкой арміи, предводительствуемой смѣлымъ и храбрымъ генераломъ Сулейманомъ. На слѣдующій день этотъ слухъ не разошелся, а, напротивъ, держался упорнѣе; о Сулейманѣ знали въ городѣ всѣ и всѣ говорили о немъ, сообщали нѣкоторыя подробности о турецкой арміи, наиримѣръ, что она стояла въ Казанливской долинѣ и что Сулейманъ устроилъ на этой долинѣ нѣчто въ родѣ смотра или парада, развернувъ всю свою громадную армію, какъ бы нарочно для того, чтобы показать ее нашимъ войскамъ, находившимся въ укрѣпленіяхъ на высотахъ шишкинскаго перевала, откуда они непременно должны были видѣть этотъ грозный и зловѣщій спектакль. О томъ, что армія дѣйствительно появилась и стоитъ пока въ Казанливской долинѣ, получены были положительные извѣстія. Въ Габровѣ, куда эта армія форсированнымъ маршемъ могла придти въ одни сутки, сидѣли и ждали, что будетъ. Ждали также ея приближенія и наступленія тѣ «русскіе орлы», что свили себѣ гнѣзда на Шишки. Однако, распространился слухъ, что Сулейманъ не пойдетъ черезъ Шишкинскій перевалъ, гдѣ, онъ зналъ, долженъ встрѣтить отчаянное сопротивленіе, а намѣренъ будто бы направиться окольнымъ путемъ на Габрово, гдѣ въ то время находилась лишь ничтожная горсть нашихъ войскъ, съ имѣвшимися при нихъ всего двумя пушками. Подобныя слухи, особенно настолько вѣроятныя, какъ этотъ, передаются отъ одного къ другому подобно пламени или электричеству, и въ этотъ день едва ли одинъ человѣкъ въ городѣ, кромѣ беззаботно игравшихъ и распѣвавшихъ свои пѣсни дѣтей, не

зналъ о грозившей всѣмъ габровцамъ бѣдѣ. Ясно видѣть это, когда, отправляясь въ больницу, проходилъ по городскимъ улицамъ. На каждомъ лицѣ ясно читалась тревога и глаза каждаго встрѣчнаго глядѣли какъ-то особенно остро. Въ нихъ выразилось желаніе прочесть на лицѣ русскаго офицера: есть ли опасность, велика ли, близка ли она? Нѣкоторыя женщины прямо обращались ко мнѣ съ вопросомъ:

— Има ли страхъ?

— Нѣма нішто, — отвѣчалъ я имъ, стараясь казаться какъ можно покойнѣе, чтобы не тревожить ихъ безполезно; но не знаю, насколько мнѣ это удавалось, потому что на душѣ у самого вовсе не было покойно. Въ голову приходили мысли, исходящія изъ одного источника и къ нему же возвращавшіяся, — мысли о приближавшейся опасности, и съ этой точки зрѣнія я смотрѣлъ на всѣ предметы, мелькавшіе передъ глазами, и на всѣхъ людей, отъ дряхлой старухи, доживавшей, можетъ быть, свои послѣдніе дни, до ползавшаго у ногъ матери ребенка, живого, веселаго, ничего незнающаго про совершающееся вокругъ него; на все смотрѣлъ съ точки зрѣнія разрушенія, пожара и поголовнаго избіенія людей. Читатель ошибется, если подумаетъ, что я самъ искусственно настраивалъ себя на этотъ тонъ «гражданской скорби»; нѣтъ, это настроеніе являлось невольное, и нужно было что-нибудь очень сильное, чтобы измѣнить его; нужно было измѣнить самую обстановку; а то — идешь по улицѣ, смотришь по сторонамъ и спрашиваешь себя: гдѣ же можетъ найти спасеніе человѣкъ, у котораго въ рукахъ нѣтъ оружія, съ которымъ бы онъ могъ браться въ бой, и если не побѣдитъ, то погибнуть въ неравной борьбѣ. Куда онъ можетъ спрятаться? Въ домъ? Въ домѣ найдутъ или зажгутъ его. На дворѣ? на улицѣ? въ заюулкахъ? — Негдѣ или ненадежно. Какъ мнѣ поступить, если непріятель встанетъ здѣсь? Стоять и ждать, пока пуля пронизетъ тѣло или желѣзо воткнется въ него...

Нехорошія, тяжелыя мысли ронялись въ головѣ, пока я не пришелъ въ больницу, и пока, приступивъ къ своимъ занятіямъ, не забылся на время; а вышелъ опять на улицу, чтобы идти домой, и многое опять заговорило о приближающемся большомъ несчастіи: одни изъ жителей выбирались изъ своихъ домовъ, укладывая вещи на телеги или на вьючныхъ лошадяхъ и ослонь, пристраивая на нихъ же и корзины для маленькихъ дѣтей; другіе уже выѣзжали по направленію къ Терневу; возлѣ пекаренъ стояли цѣлыя толпы людей, желавшихъ скорѣе получить свой хлѣбъ, приготоженный, вѣроятно, на дорогу. Эти пекарни или

«фурны», какъ ихъ называютъ по-болгарски, ивѣютъ въ передней части прилавокъ, а за нимъ стоитъ печь съ большимъ отверстіемъ, въ которой хозяйки ея печеть хлѣбъ и куда, кромѣ того, жители сосѣднихъ улицъ приносятъ для испеченія или варки приготовленный дома сырой хлѣбъ, а также разныя кушанья для обѣда. Одни платятъ за это хозяину какую-нибудь бездѣлицу; другіе и ничего не платятъ. Сегодня эти печи усиленно работали по случаю запасовъ для предстоящаго бѣгства.

Проходя вблизи дома окружнаго начальника, капитана Маслова, я увидалъ его и еще нѣсколькихъ офицеровъ, собиравшихся куда-то ѣхать верхомъ. Я подошелъ къ нимъ.

— Куда вы?

— А такъ, въ горы, нужно посмотрѣть кое-что, — отвѣтилъ Масловъ, — хотите съ нами?

— Съ удовольствіемъ; а обождете, пова я схожу за своей лошадейю?

— Да вотъ возьмите мою, — предложилъ одинъ изъ офицеровъ: — мнѣ что-то не хочется ѣхать.

Мы отправились, и дорогой Масловъ объяснилъ мнѣ настоящую цѣль поѣздки: надо было, во-первыхъ, осмотрѣть овольныя дороги, которыми турки могли пройти на Габрово, и, во-вторыхъ, выбрать позицію для нашей батареи, которая бы могла обстрѣливать дорогу, а также для помѣщенія отряда, который долженъ былъ защищать городъ. Выѣхавъ за городъ, мы скоро поднялись въ горы и пробирались разными тропинками, карабкаясь по нимъ, какъ козы; проѣзжали потомъ небольшими и очень трудными дорогами; иногда встрѣчали по сторонамъ деревни, жители которыхъ тоже знали объ опасности и спрашивали насъ: нужно ли имъ бѣжать или еще можно ждать?

— Чего бѣжать? Куда бѣжать? — сердито отвѣтилъ имъ М., — сиди покуда; тогда услышишь, когда нужно будетъ бѣжать!

И этимъ отвѣтомъ, переданнымъ имъ переводчикомъ, онъ, повидимому, успокоивалъ ихъ.

Наконецъ, мы выѣхали на довольно большую дорогу, которая, какъ говорили, вела изъ-за Балканъ въ Габрово, черезъ гору Бедэкъ. По ней армія, по крайней мѣрѣ, вблизи Габрова, могла идти свободно большими массами, могла проѣзжать артиллерія, тогда какъ другія дороги для послѣдней были или вовсе недоступны, или весьма затруднительны. Поэтому предположили, что если турки пойдутъ на Габрово, то всего вѣроятнѣе выберутъ эту дорогу, а потому рѣшено было укрѣпиться здѣсь, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, и стали выбирать удобную

площадку для батарей, причѣмъ однимъ изъ главныхъ соображеній было то: возможно или невозможно отступленіе.

Слушая разговоры военныхъ людей, я интересовался ими, какъ совершенно новыми для меня, и въ первый разъ, такъ-сказать, осязательно понялъ, въ какой степени трудно вести войну въ горной мѣстности; трудно обѣимъ сторонамъ: наступающаго можно отразить съ небольшими силами, за то ему, въ свою очередь, легко обмануть ожидающихъ наступленія, явившись совсѣмъ не оттуда, откуда, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдовало бы его ожидать. Какъ можно было, наприимѣръ, знать навѣрное, что Сулейманъ поведетъ свои войска черезъ Бедѣкъ, а не какими-нибудь невѣдомыми тропинками; и хотя для предупрежденія подобной неожиданности были разставлены на возвышенныхъ пунктахъ казачьи пикеты, съ которыхъ тотчасъ должны были дать знать о замѣченномъ надали неприятелѣ; но пока дадутъ знать, пока передвинуть войска, неприятель уже можетъ быть въ городѣ. Разумѣется, имѣя большія силы въ распоряженіи, ему легко запереть всѣ дороги; но я говорю объ оборонѣ съ горстью войска, какъ и было въ то время въ Габровѣ.

Мы вернулись домой.

— Ну, что новаго? — спрашивали у меня сестры: — положеніе наше очень опасно?

— Нѣтъ, пока ничего положительнаго неизвѣстно, — отвѣчалъ я, не желая тревожить ихъ напрасно: — въ настоящее время опасности нѣтъ, но готовымъ къ ней нужно быть всегда; вѣдь мы на театрѣ военныхъ дѣйствій и впереди всѣхъ, — должны думать объ опасностяхъ, но, во всякомъ случаѣ, ожидать нападенія въ эту ночь нѣтъ основанія, потому что турки не могутъ свалиться какъ снѣгъ на голову; а до сихъ поръ ихъ нигдѣ не замѣтили неподалеку отъ Габрова; слѣдовательно, можете спать покойно.

Ночь дѣйствительно миновала безъ всякихъ приключеній; однако, въ головѣ все время бродили разныя невеселыя мысли и отгоняли сонъ, такъ что мнѣ удалось заснуть только къ утру. Но тутъ одинъ ранній и неожиданный посѣтитель разбудилъ меня. Это былъ докторъ Анучинъ, главный врачъ лазарета дѣвяти дивизій.

— Извините, что я разбудилъ васъ такъ рано, — сказалъ онъ, и, взглянувъ на часы, которые показывали только пять, продолжалъ: — я къ вамъ по дѣлу... Извольте видѣть, нашъ лазаретъ получилъ распоряженіе выступать немедленно въ горы на перевязочный пунктъ, и не больше какъ черезъ часъ мы вы-

ѣзжаемъ... Я пришелъ васъ спросить, что вы намѣрены предпринять, такъ какъ Габрову... по всей вѣроятности, угрожаетъ опасность... нѣкоторая опасность... Вы можете съ вашимъ отрядомъ пріѣхать туда же, къ намъ, но дѣло въ томъ, что если и вы уйдете отсюда, то въ Габровѣ не останется ни одного русскаго врача. Докторъ Христовъ будетъ заваленъ работой въ своей больницѣ, и въ случаѣ, если привезутъ нашихъ раненыхъ, онъ не въ состояніи будетъ помочь имъ; поэтому вы сдѣлаете истинное благодѣяніе, если останетесь здѣсь. Оно, изволите видѣть, немножко рискованно, потому что можетъ случиться что-нибудь, такъ какъ по всей вѣроятности... Сулейманъ... впрочемъ... можетъ быть, что...—онъ не рѣшался сказать прямо, что можетъ быть.

— Въ такомъ случаѣ мой совѣтъ вамъ,—продолжалъ—онъ, отступать къ Тернову... Такъ, какъ вы рѣшаете? пойдете-ли за нами на перевязочный пунктъ, или останетесь здѣсь? Раненые могутъ прибыть сюда даже сегодня, потому что на Шипкѣ, куда направилась армія Сулеймана, ждутъ большого дѣла.

— Разумѣется, я останусь въ Габровѣ,—отвѣтилъ я,—необходимо остаться здѣсь... Ну, а относительно опасности угрожающей городу, вѣдь существуетъ только вѣроятность, возможность. Будемъ думать, что она не придетъ, а тамъ—посмотримъ.

— Ну, и чудесно,—сказалъ онъ, довольный моимъ рѣшеніемъ.

— Такъ ужъ вы пожалуйста къ намъ сейчасъ, чтобы принять остающихся здѣсь больныхъ. Ихъ теперь не много, — больныхъ сорокъ одинъ, а раненыхъ только шесть человѣкъ.

Докторъ оставилъ меня; я и товарищъ мой тотчасъ стали одѣваться, а въ шесть часовъ мы были въ лазаретѣ. Я принялъ больныхъ, между которыми двое были тяжело-раненные, и вышелъ проводить уѣзжавшихъ товарищей, сожалѣя, что необходимость не позволяла мнѣ отправиться вмѣстѣ съ ними. Наконецъ они уѣхали со всѣмъ подвижнымъ составомъ. Я остался одинъ со своимъ помощникомъ, еще двумя студентами ¹⁾, пріѣхавшими дня за два передъ тѣмъ, и тремя сестрами, изъ которыхъ одна была ужасно недовольна на меня за то, что я рѣшилъ остаться здѣсь, а не ѣду на передовой перевязочный пунктъ. Тамъ, правда, было и безопаснѣе и интереснѣе; но она скоро убѣдилась, что намъ уѣхать изъ Габрова было непозволительно.

Обойдя больныхъ и перевязавъ упомянутыхъ тяжело-раненныхъ,

¹⁾ Вочаревъ и Соголовскій.

а остальныхъ поручивъ своему помощнику и двумъ изъ сестеръ, я отправился съ третьей въ болгарскую больницу, чтобы передать ее теперь исключительно на попечение доктора Христова. Я засталъ его тамъ, объявилъ эту не совсѣмъ приятную для него новость, и приступилъ къ послѣдней визитаціи; онъ работалъ съ сестрой въ одномъ дождѣ, я въ другомъ. Визитація приходила къ концу, и въ послѣдней палатѣ, — первой отъ входа, — я перевязывалъ одного тяжело-раненаго въ голову болгарина, состояніе котораго требовало особеннаго вниманія: я рѣшалъ про себя вопросъ, вынуть ли ему сегодня кусокъ одной кости черепа или обождать еще. Мысли и вниманіе были такъ сосредоточены на больномъ, что я не слышалъ разговоровъ, какіе вполголоса вели между собою другіе больные, про которыхъ я совершенно забылъ въ эту минуту; мнѣ казалось, что кругомъ меня мертвая тишина... Вдругъ словно духъ какой ворвался въ домъ, сразу черезъ всѣ окна и двери, пронесся по комнатамъ, неистово закричалъ на сто голосовъ, мгновенно привелъ всѣхъ въ неизобразимый ужасъ и, какъ ураганъ, сорвалъ съ своихъ мѣстъ больныхъ, покойно сидѣвшихъ или лежавшихъ на кроватяхъ и помчалъ ихъ мимо меня къ выходной двери...

— Что такое? Землетрясеніе? Домъ рушится, или пожаръ? Я ничего не могъ сообразить... Что значить этотъ внезапный шумъ и взрывъ отчаянныхъ криковъ и воплей, этотъ неудержимый порывъ движенія къ выходной двери? Всѣ неслись мимо, поднимая руки вверхъ и крича съ сверхъ-естественной силой. Это поголовное смятеніе, этотъ ужасающій хоръ криковъ отчаянія, наполнившій душу холодомъ и поднявшій волосы на головѣ, ошеломилъ меня въ первое мгновеніе, такъ что, какъ ни старался я, рѣшительно не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что такое произошло; на яву-ли, наконецъ, все это? не страшный-ли это сонъ? — Но нѣтъ, это не сонъ; я не спалъ... Черезъ минуту, среди общаго гама, я разслышалъ слова: турци! черкесы! Тогда все объяснилось: значить, турки вступили въ Габрове... Свершилось! Вотъ когда разразилась давно ожидавшаяся бѣда.

Больничныя палаты мигомъ опустѣли; все несло мимо меня на лѣстницу, на дворъ и оттуда на улицу, кто какъ былъ, кто въ чемъ лежалъ, въ одаѣхъ рубашкахъ, съ гипсовыми повязками, въ шиняхъ, которыя люди срывали съ себя прочь, если онѣ мѣшали имъ бѣжать. Я было попробовалъ остановить ихъ, говоря, что никакихъ турокъ нѣтъ, — никто не слушалъ меня, а можетъ быть и не слышалъ моего голоса; да я и самъ остановился тотчасъ въ радумьѣ: а почему я знаю, что турокъ нѣтъ, а если

они въ самомъ дѣлѣ идутъ, или уже пришли? Тогда для чего оставаться здѣсь? Но тогда для чего и куда бѣжать?!... Паника сообщается быстро, и я повѣрилъ, что турки ворвались въ Габрово неожиданно.

То, что въ моемъ разсказѣ заняло цѣлую страницу, въ дѣйствительности было дѣломъ момента. Все вдругъ началось и вдругъ кончилось; продолжался только гулъ отъ криковъ и воплей тысячь голосовъ. Какъ бы пробудившись отъ сна, я оглянулся кругомъ, взглянулъ на опустѣвшія комнаты и подошелъ къ окну, выходявшему на улицу. Она была буквально набита народомъ, и опять, казалось, злой ураганъ трепалъ и волновалъ толпу, объятую страхомъ. Потерявъ сознание, она металась, то несясь въ одномъ направленіи, то опять возвращаясь назадъ; воздухъ былъ наполненъ рыданіями и воплями отчаянія, какъ будто, кромѣ людей, также рыдалъ и кричалъ каждый листъ плюща и винограда, увивавшихъ стѣны и ограды домовъ, какъ будто стоналъ и кричалъ каждый камень мостовой; воздухъ, казалось, сгустился отъ звуковъ и поднятой пыли, тоже какъ будто звучавшей. Такая минута! страшная минута! Никогда не забуду ея. Какъ дорога становится жизнь, когда ждешь, что вотъ-вотъ волосокъ ея оборвется...

Въ первое мгновеніе я рѣшилъ остаться на своемъ постѣ, возлѣ больныхъ, закурилъ папиросу, — можетъ быть, послѣднюю въ жизни, подумалось мнѣ, — и сѣлъ на стулъ ожидать, что будетъ и какъ будетъ. Видъ человѣка, сидящаго смиренно и вурчащаго папиросу, подѣйствовалъ успокоительно на немногихъ больныхъ, оставшихся на своихъ койкахъ, потому только, что они не могли встать, такъ какъ въ ихъ ногахъ были перебиты пулями восты. Рыданія ихъ нѣсколько стихли; теперь они только молили Бога пощадить ихъ отъ жестокой смерти, но нѣкоторые метались въ отчаяніи и ломали руки. Согрудникамъ своимъ я ровно ничѣмъ не могъ помочь въ настоящемъ случаѣ, какъ не могъ помочь самому себѣ. Служу, жду выстрѣловъ и за ними еще болѣе оглушительнаго гама, новыхъ ужасныхъ криковъ убиваемыхъ людей, и передо мной мгновенно, какъ молнія, промелькнула картина моихъ собственныхъ мученій и смерти. Но когда эта первая минута умственного столбняка прошла, меня взяло сомнѣніе: — не можетъ-быть, чтобъ извѣстіе о вступленіи непріятеля было справедливо, подумалъ я, и, сказавъ больнымъ, что сейчасъ вернусь, вышелъ на улицу, чтобъ узнать что-нибудь. Но сомнѣніе не есть увѣренность и, выходя изъ больницы, я далеко не былъ увѣренъ, что не буду смятъ и раздавленъ или

вѣсть съ другими убить наступающими турками; сердце усиленно билось, я чувствовалъ, что мое лицо было блѣдно; а отъ происходившихъ вокругъ меня сдѣнь просто волосы на головѣ пошевѣливались. Я едва пробирался чрезъ волнованную толпу бѣгущихъ и рыдающихъ людей, по преимуществу женщинъ, растерявшихъ въ суматохѣ своихъ дѣтей, — дѣтей, искавшихъ своихъ матерей и отцовъ, и едва удерживался, чтобъ меня не сбили съ ногъ. Женщины рыдали и, увидавъ меня, обращались ко мнѣ съ вопросами: — турки уже пришли въ Габрово? уже близко? Что надо дѣлать? — и хотя я отвѣчалъ имъ, что нѣтъ никакихъ турокъ, что все неправда, онѣ продолжали рыдать, приговаривая: Боже! сейчасъ насъ всѣхъ зарѣжутъ, убьютъ дѣтей, зажгутъ дома, насъ бросятъ въ огонь!.. О, Боже! Боже! Что-же намъ дѣлать! Мужчины, всѣ вооруженные, хотя казались также испуганными страшною вѣстью, но были гораздо покойнѣе и вскорѣ они тоже стали сомнѣваться, что турки въ самомъ дѣлѣ пришли въ Габрово; потомъ на улицѣ показались полицейскіе и старались успокоить толпу, крича: нѣма турци, черкезы, нѣма ништо! Куда вы? кто вамъ сказалъ? Все вздоръ. Ступайте сейчасъ по домамъ и не смѣйте толпиться на улицѣ. Эти полицейскіе шли по улицѣ съ той стороны, откуда долженъ былъ придти непріятель, а въ противоположной сторонѣ я увидѣлъ, обернувшись, попа Стефана, во главѣ небольшого вооруженнаго отряда болгаръ. Попъ Стефанъ шелъ тоже съ ружьемъ на плечѣ. Онъ былъ сильно взволнованъ и утомленъ, его лицо горѣло; по лбу струились цѣпане ручьи пѣта.

— Нѣтъ нигдѣ никакихъ турокъ! — кричалъ онъ, обращаясь къ толпѣ: — успокойтесь и расходитесь по домамъ. Все наврала, говорятъ вамъ. Это все «бѣженцы» виноваты; все они сочинили, и я иду сейчасъ выгонять ихъ вонъ изъ Габрова. Пойдемте, прогонимъ ихъ отсюда! — Онъ набиралъ волонтеровъ; но войско его не прибывало, ибо каждый еще думалъ о своей головѣ и еще плохо вѣрили въ то, что про турокъ все наврала.

Попъ Стефанъ увидалъ меня и подошелъ.

— Что такое произошло? Гдѣ турки? Откуда они пришли или идутъ? — спросилъ я его.

— Да нигдѣ никакихъ турокъ нѣтъ, все выдумали и только смущеніе производить. Это все бѣглецы: увидали на горѣ какихъ-то людей, вѣроятно нашихъ же болгаръ, услышали въ той сторонѣ выстрѣлъ и крикнули: ай, ай! баша-бузуки, черкезы! Бѣгите! Спаситесь; они ужъ идутъ въ городъ!... Ну, и пошло!...

Я иду, чтобъ выгнать всѣхъ бѣглецовъ на дорогу, къ Тёрнову. Пускай убираются отсюда!...

Странное и неприятное зрѣлище представлялъ этотъ апостолъ любви, всепрощенія и состраданія къ ближнему, когда онъ шелъ съ ружьемъ и вооруженными людьми выгонять безпріютныхъ, голодныхъ людей, которымъ простительно страшиться турокъ въ таковой мѣрѣ и видѣть въ каждомъ пѣѣ, за каждымъ камнемъ банибувка и черкеса. И потомъ еще вопросъ, — дѣйствительно ли такъ было дѣло? Развѣ такъ легко открыть причину и виновника произведенной тревоги! Но нельзя строго судить и поца Стефана за принятую на себя воинственную роль, источникомъ которой было все же желаніе общаго спокойствія.

Я прошелъ по улицѣ дальше въ прежнемъ направленіи и, встрѣтивъ двухъ нашихъ офицеровъ, спросилъ ихъ:

— Что случилось, господа? — объясните пожалуйста. Было ли извѣстіе о приближеніи турокъ, объявили ли жителямъ, чтобъ спасались? Дѣйствительно опасность есть?

— Мы ничего не знаемъ. Никто ничего подобнаго не давалъ знать; по-крайней-мѣрѣ насъ не извѣщали; неприятеля вблизи Габрова никто не видалъ; въ противномъ случаѣ мы бы сейчасъ получили увѣдомленіе.... Говорять, тутъ, на улицѣ, будто по дорогѣ съ Шипки прискакалъ казакъ и, несясь во весь опоръ закричалъ: турки! турки идутъ сюда! Спасайся кто можетъ, и скрылся, усакавъ по дорогѣ въ Тёрново. Мы спрашивали у многихъ: а видѣли ли они этого казака? Одни говорятъ — не видали, а только слышали; другіе — будто бы видѣли сами, но отвѣчаютъ какъ-то нерѣшительно, такъ-что никакого толку не доберешься.... Но здѣсь опасности покуда нѣтъ. На Балканахъ теперь идетъ бой, это положительно извѣстно, — прибавили они.

Я не успѣлъ спросить о подробностяхъ, да едва ли они могли сообщить ихъ; кромѣ того, я торопился назадъ въ больницу, и пошелъ назадъ. Жители, вида меня идущимъ съ «страшной стороны», т.-е. отъ Шипки, останавливали меня вопросами: есть турки? Идутъ они или нѣтъ? Придутъ или не придутъ? Далеко ли они? и т. п.

— Да нѣтъ вовсе никакихъ турокъ и они не придутъ, — отвѣчалъ я направо и налево хватавшимся за мое платье несчастнымъ женщинамъ, таскавшимъ съ собой и за собой своихъ дѣтей. Наконецъ, мало-по-малу онѣ начали успокоиваться; теперь уже не металась, а стояли около своихъ домовъ; мужчины, казалось, совсѣмъ перестали ожидать неприятеля и уговаривали своихъ женъ разойтись по домамъ. Однако, улица все оставалась загро-

жданною людьми, навьюченными животными и повозками тѣхъ, которые, несмотря ни на что, покидали городъ и уѣзжали въ Терново.

Войдя въ первое отдѣленіе больницы, я нашелъ въ ней сестру Теплякову, хотя и болѣе обыкновеннаго блѣдную, но продолжавшую перевязывать оставшихся раненыхъ, т.-е. тоже такихъ, которые не могли встать, не только бѣжать. Пришелъ въ другое отдѣленіе, только-что оставленное мною и, успокоивъ перенуганныхъ больныхъ, совсѣмъ приготовившихся къ неизбежной и мучительной смерти, сѣлъ отдохнуть. На улицѣ тоже стало утихать, и бѣжавшіе начали по-немногу возвращаться въ больницу; у многихъ еще оставались на глазахъ невытертыя слезы, и они еще дрожали отъ испуга; многіе не могли говорить отъ неровнаго, обрывавшагося дыханія.

Въ этотъ день больныхъ вернулось меньше половины; многіе же совсѣмъ и не вернулись.

Я пришелъ домой, гдѣ мнѣ рассказали о проявленіи паники въ монастырѣ и сосѣднихъ улицахъ: здѣсь происходило то же самое; словомъ, весь городъ, изъ края въ край, въ нѣсколько минутъ былъ поднятъ на ноги, — да не одинъ городъ, а и всѣ бѣглецы, кочевавшіе въ то время въ его окрестностяхъ, всѣ ближайшія деревни.

Итакъ, миновала еще одна грозовая туча, не разразившись кровавымъ дождемъ; произошла еще одна фальшивая тревога! Сколько ужъ ихъ пережили мы въ Габровѣ. Неприятны онѣ очень; но во всякомъ случаѣ лучше пережить десять, двадцать фальшивыхъ тревогъ, чѣмъ пережить одну настоящую. Бѣда могла быть только въ томъ, что мы, пожалуй, такъ привыкли бы къ нимъ, что не повѣрили бы извѣстію о дѣйствительной опасности.... Впрочемъ, едва ли, — дѣло слишкомъ серьезно, чтобъ можно было когда-нибудь остаться равнодушнымъ къ ужасу общаго смятенія.

Кончился этотъ день сильныхъ ощущеній, отъ которыхъ еще чувствовалась тяжесть на душѣ; наступила очаровательная лунная ночь, но ни красавица-луна, ни освѣщенный ею садъ и окрестныя горы, ни звуки вальса и польки, которые игралъ оркестръ военной музыки у квартиры Маслова, собственно для того, чтобъ успокоить встревоженные умы и сердца габровцевъ, — ничто не радовало, не доставляло душѣ обычнаго тихаго наслажденія, потому что въ ней не было и не могло быть покоя, потому что на Шипиѣ, — мы теперь знали положительно, — происходилъ отчаянный бой. Сулейманъ-паша съ своей громадной арміей, которую онъ показалъ наканунѣ, пошелъ прямо на занятые нами

позиціи и открылъ жесточайшій огонь ружейный и изъ орудій, атакуя, можно сказать, горсть русскихъ, занимавшихъ укрѣпленія на перевалѣ. Пушечные выстрѣлы шипевинскихъ батарей всегда слышны въ Габровѣ, а когда къ ночи стихнетъ городской шумъ, они слышны особенно ясно. Думали, что сраженіе прекратится съ наступленіемъ ночи; оно не прекращалось, и доносившійся до насъ грохотъ отдаленныхъ пушекъ не позволялъ мыслямъ оторваться отъ мѣста, гдѣ въ то время лилась человѣческая кровь, ломались вѣсти; люди уродовались или умирали, можетъ-быть, мучительною смертью. Положимъ, все это въ военное время обыкновенно, все легко оправдывается словами: что-жъ дѣлать, война! Но это «обыкновенное» дѣйствуетъ сильно, когда находишься вблизи мѣста боя или бойни людей.

Того же памятнаго девятаго августа, поздно вечеромъ, къ намъ доставили первыя жертвы шипевинскаго дѣла. Насъ было теперь семь человѣкъ: три сестры, три студента и я. Мы пришли принять отъ привезшихъ этотъ «домъ», «братъ» и начали о немъ свои заботы: размѣстили раненныхъ по палатамъ, уложивъ всѣхъ на кроватахъ или въ носилкахъ, напоили, навормили, но перевязывать, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, по случаю позднего времени, не стали. Надо было дать покой имъ; надо было беречь свои силы для слѣдующаго дня, а можетъ-быть — и нѣсколькихъ дней, пока къ намъ подоспѣетъ помощь, въ которой мы такъ нуждались, потому что раненныхъ теперь уже было привезено до трехъ-сотъ, а завтра, говорили они, привезутъ гораздо больше. Офицеры и солдаты сообщали намъ, что турки наступаютъ съ отчаянной храбростью, что наши, хотя стоятъ крѣпко, но безъ подкрѣпленія имъ не удержаться ни за что: непріятель задавитъ ихъ своей огромной массой. Мы слышали, что въ Тѣрново уже послана депеша съ требованіемъ подкрѣпленія.

Въ теченіи всего слѣдующаго дня непрерывно прибывали раненные. Съ пяти часовъ утра въ лазаретѣ кипѣла работа; въ четыре часа пополудни мы сбѣгали домой, пообѣдать и отдохнуть; не болѣе какъ черезъ полтора часа вернулись опять и ушли въ двѣнадцать часовъ ночи.

Работа распредѣлялась между нами такимъ образомъ: я, при помощи студентовъ Губарева и Бочарова, оперировалъ тутъ же, въ комнатѣ, служившей приѣмнымъ покоемъ, слѣдовательно, посреди и на глазахъ множества раненныхъ и болгаръ, приходившихъ помогать намъ; а сестры съ третьимъ студентомъ, Соколовскимъ, занимались перевязкой самостоятельно, призывая меня на помощь въ особенныхъ случаяхъ. Благодаря заботамъ и рас-

порядительности уполномоченнаго общества Краснаго Креста, В. П. Глѣбова, въ нашемъ складѣ были въ достаточномъ количествѣ всѣ необходимыя для лазарета вещи: бѣлье, перевязочный матеріалъ, лекарства, инструменты, чай, сахаръ, свѣчи, табакъ, вино, водка и проч. Всего доставало на всѣхъ. Доставало и нашихъ силъ; послѣ шестнадцати-часовой работы мы не чувствовали большой усталости, но оттого, что мы почти ни на минуту не могли присѣсть въ теченіи всего времени, проведеннаго въ лазаретѣ, подошвы у всѣхъ насъ болѣли и горѣли такъ, что просто хочъ кричи. Ни въ какомъ положеніи нельзя было избавиться отъ этого невыносимаго чувства, забыть о своихъ подошвахъ, невозможно было заснуть отъ боли въ ногахъ. Нѣтъ, завтра надо будетъ, когда можно, работать сидя, рѣшили мы. Но этого не удалось осуществить, потому что число раненыхъ было уже значительно больше числа имѣвшихся кроватей; ихъ пришлось оставлять на полу въ носилкахъ; слѣдовательно, перевязывать ихъ приходилось присѣвъ на корточкахъ, слѣдовательно, опираясь на тѣ же подошвы. Оперировать сидя тоже было невозможно, и такъ опять цѣлый день проведенъ на ногахъ, почти не присаживаясь. А раненые прибывали и прибывали. Огромный домъ училища былъ весь полонъ. Я сталъ хлопотать объ отправкѣ легче-раненыхъ въ Терново; но нигдѣ не могли достать необходимыхъ для этого подводъ. Вечеромъ пришелъ новый транспортъ и привезъ еще полтора ста человѣкъ. Для нихъ уже не было и носилокъ, и ихъ положили прямо на полу, на соломѣ и не только въ комнатахъ, а и во всѣхъ корридорахъ въ два ряда. Приносимыя съ мѣста боя вѣсти были не веселаго характера; всѣ усиленно говорили о необходимости подкрѣвленія и поскорѣе, а то можетъ быть плохо. Съ вечернимъ транспортомъ пріѣхалъ докторъ, которому мы обрадовались, какъ помощнику, потому что мы уже начинали теряться посреди массы раненыхъ, но онъ былъ голоденъ и до того измученъ работой накануне, на перевязочномъ пунктѣ, что рѣшительно былъ не въ силахъ помочь намъ. Мы окончили нашу работу этого дня въ первомъ часу ночи; но по совѣсти нельзя сказать, чтобы все было исполнено, что надо было сдѣлать; отдыхъ былъ необходимъ, иначе мы могли оказаться на другой день совсѣмъ ни на что не годными.

Наступилъ одиннадцатый день августа и третій день непрерывнаго шипкинскаго боя. Опять мы съ заріе въ лазаретѣ; опять тѣ же сцены передъ глазами: тотъ же потрясающій душу хоръ стонovahъ, вскрикиваній, хриплаго дыханія, ужаснаго кашля, пред-

смертной рвоты и просьбъ, просьбъ о помощи, раздающихся изъ сотенъ устъ разомъ...

Эти сцены и музыка, уже не дѣйствующія на сердце, повторялись и раздавались сегодня не только во всѣхъ углахъ лазарета, но и кругомъ его во всѣхъ концахъ дворовъ, усланныхъ вновь привезенными ранеными.

«Адъ!» говоришь про себя, оглядываясь кругомъ и не зная откуда начинать, кому прежде помогать, потому что не ждутъ помощи и не зовутъ къ себѣ только уже умирающіе. Но привываетъ человѣкъ даже и къ такимъ ужасамъ. Даже женское сердце черствѣетъ въ этомъ морѣ страданій; и оно перестаетъ чувствовать жалость къ несчастнымъ страдальцамъ. Голова словно пьянѣетъ; пересташь слышать вопли и стоны и какъ-будто вполонію сознаешь, что такое совершается кругомъ. И слава Богу, что это такъ: иначе не остался бы здѣсь или былъ бы бесполезнымъ терзающимся зрителемъ. Все существо какъ-то замерло, но ни на секунду не исчезаетъ одно желаніе, одна забота — помочь скорѣе каждому и всѣмъ. Эти желаніе и забота живутъ въ головѣ, въ душѣ, въ сердцѣ. Но, увы! всѣмъ помочь невозможно; приходится дѣлать выборъ — идти къ болѣе нуждающемуся въ пособіи и проходить мимо многихъ, восклицającychъ иной разъ со слезами: «опять мимо прошелъ! Господи! опять не слыхалъ». Они думали, что я не слыхалъ.... Я желалъ бы не слыхать ихъ, потому что эти слова, какъ ножомъ, кололи въ сердце.

Трудно было, очень было тяжело, и дѣло шло не такъ, какъ бы слѣдовало, вслѣдствіе крайняго несоотвѣтствія между числомъ нуждавшихся въ помощи и числомъ помогавшихъ. Дѣло страдало и не могло не страдать: о сортировкѣ раненыхъ, напримѣръ, не могло быть и рѣчи, потому что ее можетъ производить только врачъ, а когда же бы онъ, будучи одинъ, сталъ заниматься ею? А отъ невозможности сортировки раненыхъ при самомъ приѣмѣ изъ транспорта тратилось много дорогихъ минутъ на отыскиваніе болѣе серьезныхъ раненыхъ въ палатахъ, корридорахъ и на дворахъ.

Идешь, спрашиваешь: ты куда раненъ? ты куда, ты куда? Кость цѣла? Пуля не вынута? И въ это время со всѣхъ сторонъ раздаются голоса: Ой, голова, голова! — Ой, смерть моя, пятку жжетъ! господинъ докторъ, перемѣните повязку, — больше не можно терпѣть! — Ваше высокоблагородіе! отнимите мнѣ ногу; будьте отецъ и благодѣтель, а то я помру, она ужъ почернѣла у меня совсѣмъ! — Да выньте же мнѣ пулю, явите божескую милость, вотъ вѣдь она близко, я ее слышу... Ой, да болитъ какъ проклятая! —

Перевяжите меня, — меня ужъ три дня не перевязывали; въ ранѣ ужъ черви завелись! — Ваше благородіе! у меня уже зубы заболѣли держать бинтъ, нельзя ли его привязать къ чему? — просилъ одинъ солдатикъ, который держалъ свою раненую ногу въ приподнятомъ положеніи, привязавъ ее однимъ концомъ бинта за стопу, а другой взявъ въ зубы, чтобъ руки были свободны... Всѣхъ просьбъ и передать невозможно. Другіе носились съ раздробленными и висѣвшими пальцами, упрашивая отнять ихъ поскорѣе, чтобъ можно было скорѣе уйти отсюда, кому въ Россію, кому назадъ въ поляхъ. Третьи не могли говорить, потому что пуля попала въ ротъ и разбила языкъ, зубы и небо. Эти подымали къ себѣ знамена, и если были грамотные, просили бумаги и карандашъ, указывая на мою записную книжку и вписывали въ нее свои просьбы. Одинъ писалъ, — «сдѣлайте, чтобъ я могъ пить; двое сутокъ капли воды не проглотилъ»; другой, — что онъ голоденъ, но не можетъ глотать пищи. Третій жаловался, что его душитъ, что онъ умретъ, если я не сдѣлаю ему операціи... Бѣдныя, они считали меня всемогущимъ! Какъ глубоко несчастливъ тотъ человѣкъ, во всемогущество котораго вѣрять такъ искренно и твердо, какъ вѣрили солдаты во всемогущество доктора. Сто насмѣшекъ надъ нашимъ невѣдѣніемъ и бессиліемъ во многихъ случаяхъ лучше одной подобной фразы: — «я ужъ и не чаю добраться до вашего в—дѣя», — фразы, сказанной тѣмъ, кому ровно ничего сдѣлать не можешь...

Итакъ, отгѣтишь въ книжкѣ кому надо скорѣе помочь, чтобъ сейчасъ вернуться къ нимъ, и сіѣвши къ операціонному столу, на которомъ студенты хлороформируютъ больного для операціи.

— Докторъ, докторъ! — зоветъ сестра: — тутъ сильное кровотеченіе изъ раны; я не могу его остановить... Помогите, пожалуйста.

— Докторъ, потрудитесь пулю вынуть, зоветъ другая сестра.

— Большой заснулъ; нужно начинать операцію, — объявляетъ хлороформировавшій студентъ.

И эти просьбы и доклады зачастую слышались одновременно съ равныхъ сторонъ, такъ что не знаешь, къ кому идти. Стараешься по возможности исполнить всѣ ихъ и торопишься къ усиленному больному, пока онъ не проснулся; а тамъ, смотришь, еще зоветъ къ себѣ беззвучнымъ голосомъ и манитъ рукой человѣкъ, на лицѣ котораго опытному глазу уже видна печать смерти. Онъ давно ловилъ и, наконецъ, поймалъ мой взглядъ, случайно упавшій на него. Подходишь. «Я скоро умру... — гово-

реть онъ едва слышно:—тутъ вотъ семь четвертаконъ у меня... Пошлите ихъ жепъ»...

Загъмъ онъ диктоваль адресъ; я записываль, принималь деньги и умирающій успоковался, а я бѣжалъ къ операционному столу, стараясь, чтобъ еще кто не остановилъ меня, — опасеніе основательное, потому что, на ряду съ дѣйствительно нуждавшимися въ скорой помощи тяжело ранеными, приставао множество такихъ, у которыхъ раны по сравненію съ другими назывались у насъ «пустыми». Тѣмъ не менѣе для имѣвшихъ ихъ онѣ были и страшны и жестоко болѣли. Такимъ ольвчаемъ направо и налево: подожди, другъ, сейчасъ!—и проходишь мимо. Бываютъ и такіе, на тѣлѣ которыхъ пуля сдѣлала буквально царапину, тѣмъ не менѣе онъ лѣзетъ впередъ и больше другихъ требуетъ, чтобъ его скорѣе осмотрѣли и перевязали. Не зная, чтд у него за рана, подъ повязкой, уважившъ жалобы и просьбы, остановишъся и станешь осматривать. Но увидавъ, въ чемъ дѣло, пристыдишъ такого молодца, а подъ сердитую руку и ругнешъ.

— Ну, какъ же тебѣ не совѣстно лѣзть впередъ другихъ. Съ этакимъ вздоромъ! Ты погляди кругомъ, — сколько раненныхъ и какихъ! Тебѣ и уходить-то съ позиціи вовсе не слѣдовало.

— Я опять назадъ пойду, — отвѣчаетъ онъ, конфузисъ товарищей. Но лжетъ, — не пойдетъ онъ назадъ, а будетъ смотрѣть какъ бы попасть въ транспортъ или того хуже — убѣжать. Впрочемъ, къ чести нашихъ солдатъ, такіе между ними встрѣчались чрезвычайно рѣдко... Это знаютъ всѣ, кто слышалъ или читалъ о русскихъ солдатахъ. Часы проходятъ; работа вшитъ у всѣхъ; а дѣло, кажется, ни съ мѣста: все видишь около себя еще не осмотрѣнныхъ, не перевязанныхъ раненныхъ... Господи! Когда же это мы успѣемъ кончить!—воскликнешъ мысленно, и скорѣе опять за дѣло, чтобъ не терять ни минуты. Но когда это удастся и когда не теряются цѣлые часы, особенно въ горячее время?.. Началь операцію. Является посланный съ письмомъ и подаетъ мнѣ.

— Отъ господина начальника, — докладываетъ онъ, — просятъ поскорѣе къ себѣ.

У меня руки заняты, да и въ крови всѣ.

— Прочтите пожалуйста, — обращаюсь къ одному изъ помощниковъ.

«Ч—въ раненъ, — писалъ М., — сейчасъ привезли; придите поскорѣе помочь. Онъ у меня на квартирѣ».

— Хорошо, сейчасъ буду, — говорю посланному, и думаю:— «должно быть, тяжело раненъ; можетъ быть, жизнь въ опасности... Ч—въ хорошій, храбрый офицеръ».

По окончаніи операціи спѣшу въ квартиру М., который живёт очень близко, — иначе я бы отказался и просилъ бы привести Ч—ва въ лазаретъ. Прихожу, ввожу въ комнату раненаго, который глядитъ молодцомъ. Куда ранены? Въ ногу. Оказывается — пуля прошла черезъ икру, не повредивъ ничего важнаго. Миѣ стало немножко досадно, что вывываютъ безъ особенной надобности, зная, сколько у меня дѣла, тѣмъ болѣе, что въ лазаретѣ имѣлась отдѣльная палата для офицеровъ... Отчего было не поступить прямо туда? Перебинтовавъ рану и усложнивъ Ч—ва на счетъ ея безопасности, я просилъ его перейти въ лазаретъ, что онъ и исполнилъ. Подобныхъ случаевъ было немного; но вѣдь и времени и силъ было мало. Ноги просто отказывались держать. Подошвы жгло, какъ огнемъ, и, проходя черезъ мостъ, отсюда видны нѣкоторые изъ Шипкинскихъ горъ, на которыхъ происходило въ это время сраженіе, я присѣлъ на минутку на перила. На мосту вдоль нихъ стояла толпа болгаръ и глаза всѣхъ были обращены въ этия горы, на которыхъ, то тутъ, то тамъ, ежеминутно являлись бѣлые клубы порохового дыма, и вслѣдъ за ними раздавались удары выстрѣловъ. Поднимаясь вверхъ, дымъ сливался въ одно общее облако, неподвижно стоявшее надъ горами; громъ пушекъ не умолкалъ буквально ни на минуту. Зрителя, стоявшіе на мосту, были взволнованы и что-то говорили между собою о страшномъ наступленіи турокъ, объ ихъ громадныхъ силахъ; проходившія женщины прислушивались къ разговорамъ мужчинъ, со страхомъ поглядывали на отдаленныя горы и восклицали про себя: — «Боже, дай имъ силу!» Всѣ ждали, чѣмъ это кончится, кто побѣдитъ, и не изъ увѣренности, а скорее отъ страха и изъ желанія не допускать возможности, чтобы турки могли одолѣть «братушекъ», т. е. русскихъ.

Этотъ разговоръ — хотя я и не все понималъ въ немъ — и видъ этихъ горъ, съ поднимающимися на нихъ бѣлыми дымками, возвратили меня въ дѣйствительности, о которой я въ стѣнахъ лазарета на половину забывалъ. Хотя и тамъ шли разговоры между ранеными все о томъ же, но тамъ миѣ нѣкогда было задуматься надъ ними... «А не веселая перспектива ожидаетъ насъ, если туркамъ удастся вырвать у нашихъ шипкинскій проходъ: тогда продай Габрово!» подумалось миѣ тутъ.

Вернувшись въ лазаретъ, я сталъ чаще и подробнѣе спрашивать вновь-прибывавшихъ съ Шипки солдатъ о томъ, что дѣлается на горахъ, вѣриво ли стоятъ наши, не отступаютъ ли турки и т. п. «Что теперь на Балканахъ, ваше в — діе, такъ и не дай Богъ!» былъ обыкновенный отвѣтъ: «такъ бьются, такъ

бьются!..» И отфѣчавшій махалъ рукой. «Что тамъ народу перепортили,—страсть! А турокъ все прѣтъ: его быють умясть навъ, а онъ все въ атаку; отобьютъ,—онъ сейчасъ опять. И опять, и опять! Такъ лѣзетъ, провлятый, что до самикъ «ложаментовъ» (ложементовъ) добирается, такъ что нашимъ приходится штыками его выбивать. Нынче утромъ турки такъ близко подступили, что за наши пушки руками ужъ хватались, провлятые. Наши отбиваются повуда, но однако же очень трудно приходится. Главное, что у него, у непріятели, сила страшная, — нашихъ куда меньше; а теперь еще перебито, да переранено сколько. Наши бьются вотъ уже третій день, не спавши, не ѣвши, почти и не пивши, потому за водой за три версты ходятъ; положимъ, болгары носятъ воду,—ну, да когда еще дождешься; опять, не всякому и попадетъ. Думаешь: ночью напьюсь, а онъ, окаянный, и ночью стрѣляетъ. У него солдаты смѣняются: днемъ одни дерутся,—другіе на отдыхъ, а ночью—эти въ атаку, а тѣ идутъ отдыхать».

— Еще раненныхъ везутъ,—пришелъ увѣдомить насъ одинъ болгаринъ.

Дѣйствительно, вскорѣ прибылъ новый транспортъ, и хотя еще прибавлялъ намъ безотлагательной работы, но теперь, по крайней мѣрѣ, будетъ мѣсто куда положить, потому что начальникъ округа далъ знать, что достали много подводъ, на которыхъ можно отвезти большое число раненныхъ въ Терново. На докторѣ Пелшинскомъ, пріѣхавшемъ съ транспортомъ съ перевязочнаго пункта, какъ говорится, лица не было отъ утомленія и бессонныхъ ночей. Онъ спрашиваетъ меня: «что съ вами? вы больны?»—а я съ тѣми же вопросами обращаюсь къ нему; но мы оба были здоровы.

— А хорошо бы теперь отдохнуть,—говоритъ онъ.

— Мнѣ лишь бы можно было сидѣть, чтобъ дать отдохнуть подошвамъ.

Но объ отдыхѣ мы могли только говорить и мечтать: о пяти минутахъ покоя нельзя было думать. Спасибо еще, что докторъ пріѣхалъ: онъ взялъ на себя хлопоты по отправкѣ транспорта; а продолжалъ оперировать, и во время хлороформированія лежащихъ операціямъ раненныхъ, что иногда брало очень много времени, перевязывалъ другихъ, вмѣстѣ съ своими неутомимыми сестрами. Не святые онъ, какъ любятъ называть сестеръ нѣкоторые корреспонденты, но много грѣховъ имъ отпущитца за ту хорошую службу, которую сослужили онъ. По временамъ мы

обмѣливались двумя-тремя словами все на счетъ Шипки и опасности или безопасности Габрова.

— Что вы слышали? — спрашиваю Пеллинскаго — вы были ближе къ источникамъ новостей.

— Слышимъ мы то же, что и вы, т.-е., во-первыхъ, безостановочную пальбу, а во-вторыхъ, что положеніе нашихъ защитниковъ, какъ рассказываютъ, очень незавидно; дѣла весьма серьезны, и хотя надежда выдержать до конца отчаянное наступленіе турокъ и удержать Шипку за собою еще не пропала, но, говорятъ, весьма слаба.

Во мнѣ однако ни на минуту не слабѣла вѣра въ героизмъ и мужество нашихъ солдатъ; я былъ убѣжденъ внутренно, что они устоятъ, какъ ихъ ни мало сравнительно съ силами непріятеля, какъ ни тяжело имъ, какъ они ни измучены; я оставался покойнымъ и успокоивалъ сестеръ, спрашивавшихъ по временамъ: «мы не въ опасности еще? — говорятъ, дѣла очень плохи». — «Работайте, работайте», отвѣчалъ я, «и не думайте объ опасности: развѣ не русскіе солдаты стоятъ на Шипкѣ!»

Однако съ каждымъ часомъ вѣсти, приносимыя съ Балканъ, становились все грознѣе и безотраднѣе и начинали тревожить спокойствіе духа.

— Нашимъ очень трудно, очень намъ плохо, — говорилъ одинъ солдатикъ, пока ему накладывали гипсовую повязку на руку съ раздробленными костями. — Эхъ, если бы не рука, не ушелъ бы я отсюда!

Онъ замолчалъ и задумался; на глазу у него свернула слеза и прокатилась по загорѣлой щекѣ, покрытой пылью и высохшими потоками пота и грязи. И по такимъ щекамъ текутъ слезы...

— Какъ меня ранили, — продолжалъ онъ, — турки-было совсѣмъ ворвались въ наши укрѣпленія...

О чемъ взгрустнулось солдату? о чемъ была упавшая слеза? Не объ этихъ ли укрѣпленіяхъ, потому что онъ прибавилъ: «что послѣ сталося, не знаю» — и опять задумался.

— А тогда мы ихъ славно угостили: сначала это залпами, залпами, да потомъ въ атаку сами, — турки и очумѣли. Они понимали, что намъ трудно, — знали, что нашихъ войскъ немного; думали: вотъ-вотъ сейчасъ сдадутся, а тутъ наступленіе. Сволью тогда мы ихъ тутъ положили! всякихъ — и бѣлыхъ, и черныхъ чертей, и тѣхъ подлецовъ, что по-русски говорятъ...

— Или у тебя рука совсѣмъ не болитъ, что ты все болтаешь?

— Болѣть, какъ не болѣть, когда кости поломаны, только можно потерпѣть. — Онъ говорилъ объ этой боли, какъ о прошлогодней или испытываемой другими человекомъ. — А если-бы у меня рука не болѣла, я бы этикъ подлецовъ!.. И что это у нихъ за люди, ваше в — діе, которые говорятъ по-русски — и такъ чисто, такъ прекрасно говорить, совсѣмъ какъ русскіе? — спрашивалъ онъ меня.

— Кто ихъ знаетъ. Разно можно думать: можетъ быть, татары или турки, которые въ Россіи долго жили, — можетъ, наши же бѣглецы какіе.

— У насъ такъ промежь-себя говорятъ, будто это поляки въ турецкую службу «предѣлились».

— Не знаю, братъ: послѣ, можетъ, доберемса, — отвѣтилъ я, и, окончивъ повязку, сѣлъ въ офицерскую палату, куда меня уже два раза приходили авать. Въ нее внесли только-что привезенныхъ нѣсколькихъ офицеровъ, которыхъ я перевязывалъ самъ; сестры получали ихъ послѣ и только легко раненыхъ.

— Ну, что, господа, на Балканахъ? — спрашивалъ я тѣхъ, кому не трудно было говорить. — Не сообщите ли чего повеселѣе, чѣмъ то, что мы до сихъ поръ слышали?

— Нѣтъ, скверно! Положеніе наше чрезвычайно опасно: турки уже заняли нѣсколько высотъ, которыя были въ нашихъ рукахъ, и теперь всѣ старанія ихъ направлены къ тому, чтобъ отрѣзать намъ отступленіе, т.-е. занять дорогу отъ укрѣпленій въ Габрово. На этотъ пунктъ они теперь и напираютъ главнымъ образомъ. Атакуютъ страшно. Это звѣри, а не люди. Кажется, нельзя представить себѣ болѣе ужасной и болѣе отчаянной атаки. Сулейманъ, говорятъ, рѣшилъ, во что бы то ни стало, отнять у насъ шипчинскій проходъ и укрѣпиться опять на Николаевской горѣ и другихъ высотахъ. Пожалуй, это и удастся ему, потому что наши окончательно выбиваются изъ силъ; вѣдь третьи сутки дерутся безъ отдыха. Солдатамъ своей арміи Сулейманъ, говорятъ, велѣлъ объявить, что кто не пойдетъ впередъ, а будетъ отступать не тяжело раненый, тотъ будетъ убитъ на мѣстѣ своими же или лишится головы дома... Да! тамъ теперь идетъ бой не на жизнь, а на смерть... Вернется ли кто оттуда... Богъ знаетъ. Мало войска у насъ, — вотъ въ чемъ бѣда; пока еще поддерживаетъ надежда на скорую помощь, которую такъ ждутъ съ часу на часъ. Если же новыя войска сегодня не поспѣютъ, — завтра, пожалуй, будетъ ужъ поздно: пожалуй, нѣкому будетъ помогать, потому что наши будутъ окру-

жены и лежатъ всё до одного, такъ какъ рѣшено въ плѣнъ живыми не сдаваться.

— Ну, дастъ Богъ, сдаваться и не придется, — отвѣчалъ я: — брянскій полкъ теперь ужь, вѣроятно, пришелъ; а сегодня стрѣлки отправились туда... Будемъ лучше думать о побѣдѣ.

— Конечно... но если бы вы сами видѣли, то...

Такия же вѣсти доносились до моего уха отовсюду, гдѣ между солдатами шелъ разговоръ, а нѣкоторые изъ нихъ, видимо, падали духомъ и, входя въ лазаретъ, почти съ отчаяніемъ объявляли, что мы пропали теперь, что турки сегодня непременно одолѣютъ нашихъ... Безпрестанно получались вѣвѣстия, что таковой-то убитъ, таковой-то ранили. Сейчас узнали, что начальникъ 14-й дивизіи, М. И. Драгомировъ, раненъ въ колѣно пулею на-вылетъ, что, кромѣ него, ранено много штабъ- и оберъ-офицеровъ.

Мы прислушивались къ говору, горевали, страшились, но работа не останавливалась и кипѣла по-прежнему; однако всё пріуныли; лица у всѣхъ стали серьезнѣе; мы невольно избѣгали разговоровъ между собою, кромѣ самыхъ необходимыхъ; старались даже не смотрѣть другъ другу въ глаза, чтобъ своимъ пасмурнымъ видомъ или проявленіемъ страха не смущать другого. Минутами просто руки опускались, когда, бывало, взглянешь вокругъ себя на этотъ полкъ, на эти корридоры, дворы, сплошь заложенные исцалѣченными людьми, изъ которыхъ половина не въ состояніи даже подняться безъ помощи... Чтѣ съ ними дѣлать, въ случаѣ если представится необходимость отступать?! Положить на повозки и увести. Но сколько времени, какихъ усилій и хлопотъ стѣбитъ поднять и уложить даже небольшое число тяжело раненныхъ, — на примѣръ, съ переломомъ бедра, ранами живота, головы, груди. Тѣло ихъ дѣлается словно тяжелѣе. Гдѣ взять людей, умѣющихъ осторожно поднять ихъ? Нѣтъ ни такихъ людей, вѣтъ нивавнѣхъ приспособленій, чтобъ движеніе по дорогѣ въ тряской телѣгѣ было менѣе мучительно. «Не увести ихъ всѣхъ ни за что, если турки пойдутъ на Габрово», думалъ я. «А если не увести ихъ всѣхъ, — неужели уходить однимъ, бросивъ ихъ на вѣрную смерть отъ безпощадной руки непріятеля?..» Не опуславшіяся отъ тяжелыхъ мыслей руки быстро поднимались, какъ у машины, управляемой механикомъ, и дѣлали свое дѣло.

— Докторъ, докторъ! я за вами, — кричить прибѣжавшій студентъ: — пожалуйста въ 16-ю палату, тамъ у одного сильное кровотеченіе.

Подобныя приглашенія, постоянное безотлагательное дѣло и необходимость сосредоточить, во что бы то ни стало, все свое вниманіе на этомъ дѣлѣ, разгоняли мрачныя мысли, пока опять кто-нибудь не привозилъ съ Шипки новыхъ вѣстей. Вѣсти приходили непрерывно, но еще болѣе неутѣшительныя и злобѣщныя.

— Наши совсѣмъ выбились изъ силъ, — сообщали только-то прибывшіе съ позицій раненные, — а турки наступаютъ все сильнѣе да сильнѣе; словно вѣтри обожглись; наши ужъ думаютъ отступать. Помощь придетъ еще не скоро; мы встрѣтили стрѣльцовъ почти-что на полѣ-дорогѣ. Должно думать, что нашимъ не удержаться. Имъ, пожалуй, и отступить нельзя будетъ, потому, какъ мы пошли оттуда, ихъ уже почти совсѣмъ отрѣзали; турки почти-что заняли дорогу.

— Пропали совсѣмъ! — выкрикиваетъ одинъ звонкоголосый казачокъ: — отступить теперь никакъ невозможно; теперь неприятель нашихъ безпремѣнно всѣхъ въ плѣнъ заберетъ, — либо перерѣжетъ всѣхъ.

Но говорилъ онъ объ этомъ такимъ тономъ, какъ-будто самъ вовсе не вѣрилъ своимъ словамъ.

— Ну, ну, полно врать! — прикрикнулъ я на него сердито, чувствуя и досаду, и горе, и страхъ за нашихъ защитниковъ, бившихся тамъ, на этихъ горахъ, за участь раненныхъ, за участь всѣхъ насъ и бѣднаго Габрова.

Хотя я и сказалъ солдату, чтобъ онъ пересталъ врать, но самъ хорошо зналъ, что онъ говорилъ правду, потому что кого я ни спрашивалъ — другихъ солдатъ, офицеровъ — всѣ говорили то же самое и почти тѣми же словами...

День уже клонился къ вечеру, и никто не смѣлъ спросить себя: «чѣмъ-то этотъ день кончится?» Лица у всѣхъ стали еще мрачнѣе; сердце ныло и начинала болѣть голова отъ тяжелыхъ мыслей, отъ криковъ и стонувъ, отъ спертаго воздуха, пропитаннаго испареніями массы до-нелзя грязныхъ людей, запахомъ свѣжей и разложившейся крови на снятыхъ повязкахъ, которыя были разбросаны по всему полу, залитому водой и кровью, и лежали цѣлыми кучами подъ столами, потому что выносить ихъ было нѣкому: болгарки, бывшія прежде въ лазаретѣ въ качествѣ прислуги, мало-по-малу разошлись по своимъ домамъ, такъ какъ имъ теперь было не до раненныхъ, — онѣ, какъ всѣ жители Габрова, думали о своемъ спасеніи и готовились къ бѣгству. Почувствовавъ головокруженіе и чтобъ опять не упасть въ обморокъ, какъ случилось вчера, я вышелъ на минуту изъ лазарета вдохнуть свѣжимъ воздухомъ и прошелъ на мостъ,

до которого было намъ полтора года. На немъ, по-прежнему, стояли и ходили грухими болгары, все смотрѣвшіе на шипящія горы и слушающіе несмолкающую музыку пушечной пальбы. Увидавъ меня, они стали внимательно заглядывать мнѣ въ лицо, стараясь угадать по его выраженію, каково положеніе дѣлъ, — что было очень неприятно, потому что я чувствовалъ себя не въ силахъ сказать хотя одно ободрительное слово. Болгары знали, что изъ Тѣрнова еще идутъ новыя войска, и ждали ихъ съ замираніемъ сердца, полагая на нихъ всю свою надежду. Я стоялъ на мосту и, задумавшись, смотрѣлъ на отдаленныя горы. Вокругъ меня шель несмолкаемый говоръ многихъ голосовъ... Вдругъ разомъ всё притихло и навострили уши: многимъ показалось, что вдали раздалась русская пѣсня, съ какою войска всегда vstupали въ городъ, и вскорѣ потомъ звуки здоровыхъ солдатскихъ голосовъ донеслись до нашего слуха настолько ясно, что сомнѣнія уже не было. Это шель волынскій шоль. «Война идетъ! война идетъ!» (т. е. войско) — вдругъ раздались крики радости и толпа бросилась съ моста къ той улицѣ, по которой обыкновенно войска проходили на Балканы, навстрѣчу солдатамъ.

Пѣсня неслась впередъ, слышалась все ближе, ближе и наконецъ разнеслась по всѣмъ переулкамъ города, проникла во всѣ дома и каждому удрученному страхомъ сердцу принесла радостную вѣсть надежды. Возвращаясь въ лазаретъ, я видѣлъ, какъ, заслышавъ ее, побѣждалъ изъ домовъ на улицу народъ, навстрѣчу войску, съ веселыми криками и смѣхомъ; иные бѣжали и сивали отъ радости, выходящая въ воздухъ разныя колѣна. Восторгъ былъ таковъ, какъ будто уже получилось извѣстіе о побѣдѣ надъ Сулеймановскою арміею. У женщинъ на глазахъ видѣлись слезы, и онѣ тащили въ рукахъ, кто кувшинъ съ водою, съ молокомъ или виномъ, кто — мягкій хлѣбъ, цѣfty или образы, чтобы отдать братушкамъ, которые шли за нихъ и для нихъ. Вотъ они близко; мѣсяцъ ихъ раздается такъ ясно, что почти можно разслышать слова... Слушая ее, я шель обратно въ лазаретъ. Что эта за пѣсня! И какъ поется она! Согласная, веселая, сопровождаемая по временамъ оглушительнымъ свистомъ и такимъ дикимъ, неистовымъ крикомъ какого-то удалца, что въ другое время этотъ крикъ перепугалъ бы ужасно, а тутъ онъ шель такъ весело и только прибавилъ пѣснѣ огня и веселья. Сколько было въ ней жизни, удали, радости самой безграничной и счастья до самозабвенія, — счастья, которое, казалось, лилось черезъ край изъ глубины души вѣщавъ. Да, они пѣли такъ, конечно, не по неволѣ: по приказанію начальства такъ

не прѣпѣть... Чудная, неизяснимая сила жила въ этой пѣснѣ; чудное впечатлѣніе производила она на слышавшихъ ее: то становилось до безумія весело и хотѣлось пуститься плясать; то она осыпала морозомъ съ маку до головы, то, Богъ знаетъ почему, хотѣлось плакать и невозможно было удержать слезъ, подступавшихъ къ горлу. До самой глубины всѣхъ русскихъ душъ проникали ея звуки; всѣ сердца оживили; лица повеселѣли; многіе раненые крестились, говоря про себя: «слава тебѣ, Господи! Помоги имъ придти въ-время».

Разговоры стали веселѣе, словно войско уже приняло на мѣсто сраженія.

— Ну, теперь туровы дѣла плохи. Теперь ужъ наши не похадутся. Они ему пропишутъ. Нѣтъ, теперь, братъ, время! Покажутъ тебѣ, какъ въ атаку на русскихъ ходить.

Подобныя фразы раздавались въ разныхъ углахъ и у всѣхъ веселѣе становилось на душѣ при видѣ, какъ поднимался упавшій: было духъ солдатъ, а сознаніе, что теперь еще и волынский полкъ отдѣляетъ насъ отъ непріятеля, было достаточно, чтобы всякій страхъ разсѣялся: теперь между нами и турками словно воздвиглась еще древняя желѣзная стѣна.

... А работа въ лазаретѣ продолжалась безостановочно, какъ на фабрикѣ. Ободрившись и нѣсколько успокоившись нравственно, мы теперь только почувствовали сильную физическую усталость. Требовался отдыхъ, но о немъ нельзя было и думать, и мы продолжали переходить отъ одного раненаго къ другому; механически снимались повязки, осматривались раны, также механически моя рука, почти не выпускавшая ножа въ теченіи дѣлаго дня, разрывала кожу, если въ тѣлѣ сидѣла пуля, доставала ее и втыкала въ карманъ, или отрывала раздробленные фрагменты руки и ноги... Наконецъ, было сдѣлано все, — по крайней мѣрѣ не было упущено ничего важнаго. Уже наступила ночь, когда мы уходили изъ лазарета и, наконецъ, добрались до постелей. Изъ всего моего существа я сознавала только свои усталыя ноги и горѣвшія подошвы. Голова ни о чемъ не думала, а въ ушахъ раздавалась недавно слышанная молодцовая пѣсня, вторая и теперь заставляла мои ноги приплясывать. Потому мысли обратились къ самымъ пѣвцамъ. Какъ они, эти солдаты, идя на бой, могутъ такъ задумчиво пѣть такіа веселыя пѣсни! Или они вовсе не думали о томъ, что, можетъ быть, завтра же вечеромъ, пожалуй, многіе изъ нихъ будутъ спать вѣчнымъ сномъ... Любопытный психологическій вопросъ, неразрѣшенный для того, кто самъ не бывалъ въ боевомъ огнѣ.

— Что вы чувствуете, когда идете въ бой? — спрашивалъ я у многихъ солдатъ.

— Сначала, ваме в—дѣ, какъ идешь только на Балканы, хочется поскорѣе придти и увидать, какія-такія Балканы; на проклятыхъ туровъ тоже любопытствуешь посмотреѣть. Ну, придешь, увидишь; потомъ отправятъ на позицію, въ бой. Сначала страшно, а тамъ, какъ скоро оглядишься, привыкаешь и чувствуешь только, что злость на турка разбираетъ; такъ бы, кажеся, его живого зубами съѣсть. Только и ждешь, какъ бы до него добратся да сѣѣпаться съ нимъ. А ужъ какъ схватились, какъ дошло дѣло до штыка, тутъ сдѣлаешься словно пьяный или дурной камой, всякое чувствіе потеряешь, а только обозлишься такъ, что ни страху, ни боли въ себѣ не замѣчаешь и жалости никакой въ человѣку не имѣешь. Прежде думалось, какъ это я человѣка убью; вѣдь страшно и грѣхъ, думаешь себѣ; а тутъ все позабылъ и грѣха не боишься. Хочется только одного, какъ бы побольше уколотить. Только не со всѣми одинаково бываетъ, иной никакъ привыкнуть не можетъ и бѣжеть или прячется. Это, ужъ такъ человѣкомъ. Вотъ и въ господѣ тоже есть много такихъ, который пошлетъ сдѣлать впередъ, — слушайте, ребята, скажетъ, — а самъ останется свяди да и укроется въ безопасномъ мѣстечкѣ; умирать-то не хочется, потому — жизнь хорошая господская и смѣлости настоящей они не имѣютъ.

Итакъ, кончился тяжелый день, но не кончался бой на Шипкѣ; мы были, наконецъ, въ нашихъ постеляхъ, а тамъ не ложились спать и пушечные выстрѣлы, казалось, были еще чаще, чѣмъ днемъ.

На дворѣ стояла чудная лунная ночь, ясная, прохладная; въ воздухѣ царилъ совершенная тишина.

— Слава Богу, хорошо будетъ идти нашимъ солдатамъ — свѣтло и не жарко, — бесѣдовали мы съ товарищемъ: — а будь ненастная ночь — когда бы они добрались.

Свѣча была уже погашена; въ комнату лился черезъ окно лунный свѣтъ, но вскорѣ мы замѣтили, что свѣтъ вдругъ ослабѣлъ. Это показалось страннымъ, потому что на небѣ не было ни одного облачка, которое бы могло закрыть луну. Я выглянулъ въ окно и увидалъ начинавшееся лунное затмѣніе, о которомъ мы предварительно ничего не знали, потому что сами надеялись, такъ сказать, въ затмѣніи, оттого, что или не получали газетъ вовсе, или получали зашорданыя и не каждый день по номеру, а разомъ недѣли за двѣ. Вслѣдствіе этого они читались плохо, а иногда, за недосугомъ, вовсе не читались, раско-

дась по рукамъ и погибая у возвышихъ ихъ на нѣсколько минутъ. Какъ солдатъ ничего «не можетъ знать», такъ и мы здѣсь по чистой совѣсти могли отвѣчать «не можемъ знать» на всякій вопросъ, не относившійся къ Габрову или Шипки. Итакъ, луиное затмѣніе явилось для насъ полною неожиданностью; мы не знали, будетъ ли оно частное или полное и долго ли будетъ продолжаться, не говоря уже о томъ, отчего оно зависѣло. Оно помѣшало намъ спать и мы, болтая съ товарищами о минутномъ и заграничномъ днѣхъ, наблюдали за его ходомъ. Полежишь, полежишь и встанешь, посмотришь, какая провозила перемена. Дискъ луны закрывался все болѣе и болѣе; свѣтъ все слабѣе и, наконецъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи наступила полная темнота, а луна, померкнувъ, представлялась какъ бы наваленнымъ красноватымъ шаромъ, висѣвшимъ на темномъ фонѣ неба.

Зловѣщій предзнаменованіемъ могло быть для турокъ это, такъ сказать, поташеніе луны, случившееся какъ разъ въ день рѣшительнаго боя на Балканахъ, и какъ намъ хотѣлось, чтобы оно было для нихъ зловѣщій предзнаменованіемъ.

Мы ждали, не затихнетъ ли канонада съ наступленіемъ полной темноты. Но нѣтъ, напротивъ, она началась еще оживленнѣе; видно, Сулейманъ-паша хотѣлъ показать, что онъ не суетѣренъ и умѣетъ пользоваться случаемъ: во время полной затмѣнія онъ, какъ намъ рассказывали потомъ офицеры, сдѣлалъ отчаянное наступленіе, сопровождавшееся сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ. Въ эту ночь многие въ городѣ совсѣмъ не могли спать. Не спалось и намъ; мы опять зажгли у себя свѣчку, которая смутила монахинь; онѣ поднялись и все ходили по саду, заглядывая къ намъ въ окна, чтобы узнать, не укладываемся ли мы, не собираемся ли «бегать». Нѣкоторые подходили къ окну и спрашивали:

— Нужно ли «имѣть страхъ»?

— Во все не нужно, — отвѣчали мы: — зачѣмъ же теперь имѣть страхъ, когда еще новья войска прошли на Балканы?

Но хотя мы и говорили это, въ насъ не могло быть увѣренности въ томъ, что побѣда останется за нами, потому что помощь могла не постигнуть въ-время, въ самому критическому моменту, и непрітель просто задавилъ бы насѣхъ массою своего войска. Мы съ нетерпѣніемъ ждали наступленія слѣдующаго дня, который долженъ былъ рѣшить, кому владѣть Шипкинскимъ переваломъ. Наконецъ, наступилъ этотъ день и въ три часа утра приходитъ ко мнѣ окружной начальникъ, чтобы сообщить

последнія новости о дѣлахъ на Шиппѣ. Вотъ что передали онѣ. Бой былъ ужасный; офицеры и солдаты были близки въ отчаянію; они пережили въ ожиданіи прихода стрѣлковъ страшныя минуты, казавшіяся имъ недѣлями. Наконецъ, раздаются крики: ура! ура!—стрѣлки пришли!—и надежда воскресла; всѣ мгновенно ожили; у всѣхъ словно прибавилось силъ. Съ возобновленіемъ атаки, непріятель, уже мечтавшій, можетъ быть, о скорой побѣдѣ, вдругъ встрѣчается жесточайшими залпами, которые открыли по немъ стрѣлки. Ошеломленный этимъ неожиданно-сильнымъ отпоромъ, онъ отступаетъ назадъ; по немъ дѣлаютъ новые залпы и бьютъ гранатами. Люди ложатся у него сотнями, но онѣ опять переходятъ въ наступленіе и дѣлаютъ страшный натискъ, осыпая стрѣлкомъ градомъ пулъ и множество ихъ выбиваетъ изъ рядовъ. Еще разъ его отбрасываютъ, и послѣ этого онъ уже не испытывалъ больше своего счастья въ наступательныхъ дѣйствіяхъ...

Итакъ, славная побѣда осталась на нашей сторонѣ, хотя она стоила намъ не малыхъ потерь. Къ четыремъ часамъ утра вновь привезенными ранеными устлали снова весь полъ лазарета и весь дворъ. Черезъ полчаса я и мои помощники и помощницы явились служить имъ и облегчать ихъ страданія. Взглянувъ на измученныя лица сестеръ, я обратился къ нимъ съ вопросомъ.

— Можете еще поработать денѣкъ, какъ работали послѣдніе дни? Сегодня должны явиться къ намъ на помощь другіе врачи; меня уведомили сейчасъ, что лазаретъ 14-й дивизіи долженъ сегодня придти,—тогда полетче станетъ.

— Ничего, мы вовсе не устали,—храбрились неутомимыя сестры, но сильная усталость ясно выражалась на ихъ лицахъ.

Сегодня мы раздѣлили поле нашей дѣятельности такимъ образомъ: сестрамъ предоставили раненыхъ, находившихся въ зданіи лазарета, а я, съ тремя студентами, взялъ себѣ дворъ, силенокъ покрытый лѣтательными на немъ людьми.

На дворъ вынесли нѣсколько столовъ, разложили и поставили на нихъ всѣ необходимые для перевязки предметы, даже стулья для себя принесли; но сидѣть на нихъ почти не удалось, потому что, сидя на одномъ мѣстѣ, можно было оказывать помощь только легче раненымъ, которые могли сами подходить, но такихъ мы старались оставлять на послѣдокъ, а сгнѣшши помогать болѣе и скорѣе нуждавшимся въ нашей помощи.

Начались опять перевязка ранъ и операціи; операціи и перевязка ранъ. Оперировалъ я по-прежнему въ приѣмномъ повоѣ

посреди и на глазахъ всѣхъ, находившихся тамъ раненныхъ солдатъ и болгаръ. Первіе привыкли видѣть и не такія сцены, какъ отнятіе руки или ноги, а болгары смотрѣли со страхомъ и любопытствомъ на производство операцій, — зрѣлище для нихъ совершенно новое и, должно быть, для многихъ неслыханное, потому что монахины, напротивъ, потеряли большую долю уваженія во мнѣ за то, что я дѣлалъ ампутаціи.

— Хорошій ты человекъ, докторъ Павелъ; только мы слышали, что ты людямъ руки и ноги отрѣзываешь... Это нехорошо; это большой грѣхъ, за который Богъ тебя накажетъ.

Несмотря на неожиданную помощь, какую мы имѣли сегодня въ лицѣ нѣсколькихъ барышень, пришедшихъ изъ болгарской больницы, и монахинь, а также простолудиновъ мужинь и женщинъ, явившихся добровольно или призванныхъ, мы проработали безъ малѣйшаго отдыха ровно двѣнадцать часовъ, съ четырехъ часовъ утра до четырехъ пополудни, и эта работа была особенно тяжела, такъ какъ мы находились подъ открытымъ небомъ, а солнце згло немилосердно.

Мужчины вносили или переносили раненныхъ и оперированныхъ; женщины раздавали чай, вино, водку, табакъ и обѣды; а также перемѣняли бѣлье. Всѣ эти предметы брались изъ склада общества Краснаго Креста; а нѣкоторыя болгарки, я видѣлъ нѣсколько примѣровъ, приносили сами рубашки изъ собственнаго бѣлья и надѣвали ихъ на солдатъ, вмѣсто окровавленныхъ, или, какъ онѣ говорили на своемъ языкѣ, «облевали ихъ въ чисты ризы». Барышнямъ и монахинямъ мы поручили приготовленіе изъ марли и пересыпаніе гипсомъ бинтовъ для такъ-называемыхъ неподвижныхъ повязокъ, какія кладутся на руки или на ноги, когда въ нихъ есть переломленные кости. Приготовленіе такихъ бинтовъ, которыхъ для каждой повязки требуется большое количество, беретъ много времени, такъ что оказанная въ этомъ отношеніи помощь была весьма важна для насъ. Она дала намъ возможность сходить домой пообѣдать и отдохнуть. Вернувшись въ лазаретъ послѣ обѣда, мы получили извѣстіе отъ прѣхавшаго съ Шипки казака, что скоро привезутъ раненаго генерала Драгомирава. Объ этомъ тотчасъ узнали всѣ солдаты и почти каждый знавшій его выражалъ сожалѣніе, что такого генерала ранили. Его привезли вечеромъ и помѣстили въ монастырѣ, въ бывшей комнатѣ игуменьи; прѣхавшіе вслѣдъ за нимъ Кадацкій, главный хирургъ арміи, и другіе врачи осмотрѣли его волѣно, прострѣленную пулей, и наложили гипсовую повязку. Узнавъ отъ насъ, что онъ можетъ снова сѣсть на лошадь не прежде, какъ черезъ

два-три мѣсяца, онъ рѣшился уѣхать въ Россію и на слѣдующій день лазаретная линейка увезла его изъ Габрова.

Въ этотъ же вечеръ прибылъ и лазаретъ 14-й дивизіи съ своими врачами, фельдшерами и санитарной прислугой, а черезъ два дня пріѣхалъ профессоръ Омифасовскій съ своими помощниками; мы встрѣтили ихъ съ большою радостью, потому что были утомлены ужасно и надѣялись теперь отдохнуть; мы надѣялись, что время нашихъ занятій теперь сократится на половину; но слѣдующіе дни показали, что число часовъ, проводимыхъ нами въ лазаретъ, не уменьшилось съ пріѣзжемъ лишнихъ рубъ; вслѣдствіе этого только улучшился уходъ за ранеными, потому что теперь каждому изъ нихъ можно было удѣлить больше времени. Число ихъ уменьшалось только по отправленіи транспорта въ Терново, а потомъ почти сейчасъ же опять доходило до такой цифры, что лазаретъ снова переполнился; опять ими устигались дворы, наполнялись шатры и устроенное мною съ согласія габровской игуменьи Евфросиніи отдѣленіе въ монастырѣ, гдѣ, кромѣ отведенныхъ помѣнатъ, былъ еще поставленъ въ саду у самой церкви лазаретный шатеръ. Только-что, бывало, работа начнетъ приходить въ концу, смотришь, двгается новая печальная процессія, состоящая изъ лазаретныхъ линейкъ и болгарскихъ телѣгъ, запряженныхъ волами или буйволами. Въ нихъ или лежатъ по одному и по два человѣка, или сидятъ трое-четверо, а то и болѣе. Входитъ врачъ, сопровождавшій транспортъ, и объявляетъ число привезенныхъ раненыхъ то 60, то 100, то 200 человѣкъ. Дѣлимъ ихъ между собою приблизительно поровну и опять начинаемъ сначала. Врачи, сестры, фельдшера и прислуга выбиваются изъ силъ, потому что число ихъ даже теперь оказывается недостаточнымъ...

Такъ проходили дни за днями. Погода стояла сухая, жаркая; бой на Шипкѣ не превращался, а турки, превративъ наступательныя дѣйствія, не переставали стрѣлать съ своихъ позицій съ равнаго утра до позднего вечера, а иногда и по ночамъ. Черезъ Габрово проходили на Балканы новые полки, доставляя намъ оттуда новыя жертвы. Удерживая въ своемъ лазаретѣ самыхъ тяжелыхъ больныхъ, мы отправляли другихъ, по мѣрѣ выздоровленія, дальше, въ военно-временныя госпитали. Но сколько увозилось такихъ раненыхъ, которыхъ не отправили бы, если бы было мѣсто, гдѣ они могли бы оставаться. Вслѣдствіе этой печальной необходимости часто случалось присутствовать при весьма гажелыхъ сценахъ, когда раненыхъ выносили изъ палатъ, укладывали въ линейки или на телѣги и во время движенія транс-

портновъ, особенно по горнымъ дорогамъ; на большія мученія обрекаются бѣдные раненныя во время перевозки, и фразы, въ родѣ слѣдующихъ, очень часто раздаются то въ вой, то въ другой пезовокъ:

— А, да несчастныя мы люди! И за что только насъ такъ мучать!

— Боже мой, Боже мой! Что же ты не посылаешь мнѣ смерти!

— Ваше в—дѣ! приважите меня вынуть, ради Христа; я не могу больше терпѣть, — не говорить, а рыдаетъ иной несчастный. — Приважите оставить меня на дорогѣ и только положить въ тѣнь, да водвиги возлѣ меня поставятъ... Я тутъ и умру... Вѣдь мнѣ все равно помирять...

Какъ ножомъ въ сердце колать подобныя слова, и кажется, что обвиненіе въ причиненіи мученій относится лично къ вамъ; хотя вы и сознаете, что ни въ чемъ не виноваты, потому что вы не можете сдѣлать пребываніе въ извѣстномъ мѣстѣ безопаснымъ отъ наступленія непріятеля, не можете создать сейчасъ удобныхъ экипажей, достать лишннихъ подушекъ, чтобъ положить подъ большое мѣсто, не можете иной разъ достать даже соломы, чтобъ раненныя не лежали въ телѣгахъ почти на голыхъ доскахъ, какъ иногда случалось.

Леченіе оставшихся у насъ тяжело раненныхъ и оперированныхъ сначала шло успѣшно, потомъ лазаретъ пропитался миазмами; воздухъ въ немъ приобрѣлъ отвратительный запахъ, котораго невозможно было устранить никакими провѣтриваніями, куреніями и обрызгиваніями полей, потолкавъ и стѣнъ. Порчѣ воздуха въ лазаретѣ способствовало еще дурное устройство дома въ извѣстномъ отношеніи. Раны стали заживать плохо и мы стали терять большой процентъ оперированныхъ. Въ описанной обстановкѣ проходили наши дни съ 8-го до 21-го августа. Это былъ первый день, въ который намъ не доставили ни одного раненаго и, послѣ вчерашняго транспорта въ Терново, въ лазаретѣ осталось всего 152 человѣка. Вездѣ посвободнѣло, даже опустѣло, и прибранный, вычищенный, но все-таки зловонный лазаретъ и отсутствіе въ немъ суматохи, криковъ и стоновъ — все казалось мнѣ страннымъ. Въ этотъ день мнѣ въ первый разъ послѣ 8-го августа удалось провести дома цѣлыхъ 4 часа. На Балканахъ затихло; пушечныхъ выстрѣловъ сегодня не слышно; на душѣ стало легче и давно ужъ не спалось такъ покойно, какъ удалось заснуть сегодня. Мы думали, что наступилъ конецъ этой бойнѣ людей и что Сулейманъ убрался по-добру-по-здорову.

Гдѣ онъ находился, — положительно не знали; говорили, что его отовзвали въ Константинополь; потомъ доходили слухи, что онъ, оставивъ часть арміи на Балканахъ, съ другою пошелъ въ Плевнѣ на помощь Осману-пашѣ; думали также, что, можетъ быть, онъ слѣдитъ на Шипкѣ и, пожалуй, еще попытается произвести наступленіе. Извѣстно было только, что турки остались на Балканахъ въ большомъ числѣ, заняли выгодныя позиціи на нѣкоторыхъ возвышенностяхъ и по ихъ лѣсистымъ склонамъ, что они строили новыя укрѣпленія, которыя отчасти разрушались нашими гранатами. Ружейная стрѣльба не прекращалась ни на одинъ день и въ лазаретъ ежедневно приносили по нѣскольکو человекъ раненныхъ. Но теперь опасность была не велика и любопытство неудержимо влекло меня на горы, когда я смотрѣлъ на нихъ съ Габровскаго моста или изъ верхнихъ оконъ лазарета. Мнѣ уже давно хотѣлось познакомиться на мѣстѣ съ расположеніемъ позицій нашихъ и непріятельскихъ, посмотрѣть на страшную картину сраженія не издали, а вблизи; увидать рукопашную схватку и ея ужасныя послѣдствія; но, во-первыхъ, мнѣ невозможно было оставить свои обязанности; во-вторыхъ, всѣ говорили, что поѣздка на позиціи есть дѣло весьма и весьма рискованное. Тутъ все зависѣло отъ случая и быть убитымъ или получить тяжелую рану въ первую же минуту своего появленія было такъ же легко, какъ проходя черезъ частый лѣсъ задѣть нечаянно какую-нибудь вѣтку. Въ самыхъ укрѣпленіяхъ еще есть болѣе безопасныя мѣста, но чтобъ добраться до нихъ, нужно проѣхать чрезъ такія мѣста дороги, которыя ничѣмъ не защищены со стороны непріятели и постоянно обстрѣливаются имъ, такъ что движенія по этой части днемъ стараются избѣгать: турки стрѣляютъ даже по одному человеку, какъ только онъ покажется, поэтому всѣ проходили и проѣзжали здѣсь по наступленіи ночного сумрака; въ потьмахъ подвозилось все необходимое для арміи, какъ сухари, патроны, снаряды; тогда же доставлялся ужинъ — онъ же и обѣдъ, — который готовился внизу, въ безопасномъ мѣстѣ; тогда же привозилась и раздавалась вода, тоже доставляемая снизу, такъ какъ на горахъ ея нѣтъ.

Итакъ, вотъ чтó говорилось о пути на Шипку; я не имѣлъ основанія сомнѣваться въ истинѣ рассказовъ, но я также давно убѣдился въ справедливости поговорки, что не такъ чортъ страшенъ, какъ его изображаютъ, и рѣшился въ первый свободный день съѣздить на позиціи. День этотъ пришелъ и я отправился.

Дорога изъ Габрова на Шипку идетъ сначала по узкой долинѣ бурливой рѣчонки Янтры, чрезвычайно напоминающей сво-

имъ характеромъ долины горъ южнаго берега Крыма, потомъ отходить отъ нея влѣво и поднимается по болѣе или менѣе крутымъ подъемамъ все выше и выше, до самаго перевала. Вся эта дорога, длиною около пятнадцати верстъ, представляла въ то время непрерывную картину самаго оживленнаго движенія. Ближе къ Габрову она на большомъ протяженіи была обставлена по обѣимъ сторонамъ разсѣянными шалашами «бѣженцовъ», т. е. несчастныхъ жителей разоренныхъ забалканскихъ городовъ; они сидятъ группами или бродятъ около своихъ убогихъ жилищъ; много ихъ встрѣчается и по дорогѣ, но тутъ, главнымъ образомъ, снуютъ русскій людъ и я не замѣтилъ ни одного изгиба дороги, гдѣ бы я ѣхалъ одинъ, не видя на этомъ участіи никого другого. Идутъ пѣшіе солдаты по одному, по два или больше; ѣдутъ верхомъ офицеры разныхъ чиновъ или доктора; везутъ пушки, запряженные иногда двѣнадцатю лошадьми; двигаются транспорты съ боевыми припасами и разными предметами продовольствія или возвращаются пустые телѣги; ѣдутъ телѣги съ поставленными въ нихъ разной величины котлами, наполненными водою; проходятъ частями войска... Все это движется въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, наполняя воздухъ нестройнымъ оркестромъ человѣческихъ голосовъ, стукомъ колесъ, прыгающихъ по каменному шоссе, лязгомъ желѣза и бряцаніемъ цѣпей; проходящія войска горланятъ свои разудалыя зажигательныя пѣсни. Въ одномъ мѣстѣ у самой дороги находится колодець, снабжающій водою большую окрестность: изъ него берутъ воду на позиціи, а также для разныхъ войскъ, стоящихъ неподалеку лагерями, сюда же приводятъ коней животныхъ, лошадей, воловъ и буйволовъ. Поэтому у колодца всегда давка страшная. Люди, запряженные телѣги и свободныя животныя сбиваются въ этой части дороги въ такую густую массу, что едва-едва можно пробраться верхомъ. Томимыя жаждой животныя рвутся къ водѣ, а выходящія изъ терпѣнія солдаты колотятъ ихъ, кричатъ, ссорятся между собой; телѣги цѣпляются одна за другую и не рѣдко ломаютъ другъ друга; времени тратится пропасть, и все это происходитъ оттого, что не облегчили доступа къ водѣ, чѣмъ было бы очень легко сдѣлать, устроивъ большіе желоба или корыта. Смотри на эту адскую и скучную работу, на эти мѣки людей и животныхъ, я спѣшилъ поскорѣе миновать тяжелую картину. Поднимаюсь выше по длинному и довольно крутому подъему; вотъ показался домикъ въ родѣ избы; въ немъ находится крайняя станція нашего телеграфа на Шипку; за ней, мнѣ сказали солдаты, находится недалеко лазаретъ 9-й дивизіи, въ который я

вскорѣ и пріѣхалъ, найдя тамъ своихъ знакомыхъ товарищей-врачей.

По правую сторону дороги стояли только три шатра, а не пять, какъ подобаетъ лазарету, оттого что прошлой ночью здѣсь пронеслась буря съ градомъ, которая не только снесла всѣ шатры, поваливъ ихъ на землю, но нѣкоторымъ изорвала во многихъ мѣстахъ...

Хорошо было положеніе раненныхъ, врачей и всѣхъ, кому шатры служили кровомъ; но что подѣлаете съ природой, которая, повидимому, считаетъ долгомъ напомнить человѣку отъ времени до времени объ его ничтожествѣ передъ нею. Раненные помѣщались въ одномъ шатрѣ въ числѣ 29 человѣкъ и одного еще принесли при мнѣ. Почти всѣ они получили раны на томъ ровномъ мѣстѣ дороги, о которомъ я говорилъ, и которому дали названіе «Райской долины» на томъ основаніи, что изъ этого мѣста очень легко переселиться въ рай.

Въ другомъ шатрѣ находился складъ разныхъ запасовъ для больныхъ и лазаретной прислуги; здѣсь же помѣщались главный врачъ и одинъ изъ ординаторовъ, а два другіе врача и аптекарь устроили себѣ квартиры въ лазаретныхъ линейкахъ. Я помѣстился съ первыми, такъ какъ у нихъ было просторнѣе, но только однимъ просторомъ они и могли похвастать: обстановка ихъ жизни была весьма не завидная; въ шатрѣ не было ни одного стола, ни одного стула, — столомъ служилъ пустой ящикъ отъ чего-то, стулья замѣнялись мѣшками съ овсомъ или крупой. Рассказавъ имъ о габровскихъ новостяхъ, какія были, я объяснилъ имъ цѣль моего пріѣзда, т.-е. желаніе сѣздить на позиціи. Они оба покачали головами и сказали, что это очень рискованное предпріятіе, особенно днемъ.

Ну, думаю себѣ, мы хотя и военные доктора, да не военные люди, — намъ все страшно; надо спросить смѣлаго, обстрѣленного человѣка, а у меня былъ такой, одинъ изъ ротныхъ командировъ знаменитаго орловскаго полка, Н. В. Карповъ.

Уже наступали сумерки; погода стояла превосходная; неприятель не стрѣлялъ; я пришелъ въ лагерь, гдѣ долженъ былъ находиться К., розыскалъ его и спросилъ его мнѣніе; но и онъ отвѣтилъ тоже, что днемъ опасно, и совѣтовалъ отправиться сейчасъ же, съ тѣмъ, чтобы ночью придти туда; остаться тамъ весь завтрашній день и опять въ сумеркахъ вернуться обратно. Но, въ сожалѣнію, я могъ располагать только однимъ днемъ и поэтому долженъ былъ отказаться отъ исполненія своего намѣренія. Съ нѣкоторымъ чувствомъ зависти посматривалъ я на ѣхавшихъ

къ позиціямъ солдатъ съ обозами и офицеровъ, завидуя имъ, а они, очень можетъ быть, завидовали мнѣ, что я не долженъ былъ туда ѣхать... Часто такъ бываетъ въ жизни.

Итакъ, съ сожалѣніемъ остался я въ лазаретѣ. Наступила ночь и такая свѣжая, что въ палатѣхъ подъ толстымъ шерстянымъ одеяломъ мнѣ отнюдь не было жарко. Это въ августѣ, — каково же здѣсь будетъ зимой, если мы не двинемся за Балканы, — подумалось мнѣ тогда...

Утро слѣдующаго дня, ясное и теплое, предвѣщало жаркій день. Я всталъ съ солнцемъ и пошелъ бродить, осматривая окрестную мѣстность, представлявшую море горъ, изрѣзанныхъ ущельями, одѣтыми лѣсомъ и отчасти водѣланнныи долинами, по которымъ видѣлись нѣсколько разбросанныхъ деревень и между ними одна — «Зеленое Древо», ознаменованная нападеніемъ башибузуковъ на стоявшую тамъ болгарскую дружину. Вышедшій изъ линейки докторъ пришелъ ко мнѣ и помогъ мнѣ лучше ориентироваться, указавъ нѣкоторые изъ горъ, занятыя нашими войсками и укрѣпленіями, а также неприятельскими позиціями. На гребнѣ одной изъ послѣднихъ видѣлась между деревьями одна батарея, и въ ней сегодня утромъ въ первый разъ замѣтили новую амбразуру, которой вчера не было, слѣдовательно, продѣланную только прошлой ночью. Она смотрѣла прямо на насъ, т. е. на холмъ, гдѣ были расположены лазаретъ и лагеря нѣсколькихъ ротъ орловскаго и волынскаго полковъ. Любопытство неудержимо влекло меня впередъ и, выпивъ стаканъ чаю, я отправился вдоль по дорогѣ съ намѣреніемъ идти до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не остановитъ меня, предупредивъ объ опасности слѣдовать дальше. Нашелся и попутчикъ, докторъ Лыткинъ, знакомый съ мѣстностью. Вотъ идемъ мы вмѣстѣ, безпрестанно встрѣчая нашихъ солдатъ и, смотря на нихъ, не вѣривъ, что находишься такъ близко отъ поля сраженія. Они точно дома, сидятъ, лежатъ или идутъ за хлѣбомъ, за саломъ, за виноградомъ или съ какими другими порученіями; пахотятся при обозахъ, возвращаются изъ лазарета въ полки и т. п. Пройдя около часа по дорогѣ, все въ гору и миновавъ другой, отдѣльно стоящій домикъ, занятый канцеляріей штаба 14-й дивизіи, мы увидели вправо отъ дороги, на холмѣ, нашу батарею и направились къ ней. Молчавшіе до тѣхъ поръ турки стали пострѣливать изъ ружей; выстрѣлы раздавались то отдѣльно, то по нѣсколькеу за-разъ и раздавались каждую минуту; это турки стрѣляли съ сосѣднихъ горъ на шоссе; но, хотя эти горы были у насъ въ виду, дальность разстоянія и, главнымъ образомъ, густой лѣсъ, покрываю-

щій занятые непріятелями склоны, совершенно скрывали турокъ; не видно было даже дымовъ отъ выстрѣловъ. Оставивъ шоссе, которое пошло дальше, все поднимаясь выше въ перевалу, мы пришли на батарею. Не военный и не бывавшій на театрѣ войны, читатель не посѣтуетъ на меня, надѣюсь, если я опишу ея устройство, хотя и кажется, что батарея такая обыкновенная и общеизвѣстная вещь. На вершинѣ холма, поватаго съ одной стороны и круто спускавшагося по другую сторону, въ глубокое и обширное ущелье, противоположная сторона котораго принадлежала туркамъ, была сложена изъ толстыхъ правильныхъ кусковъ земли толстая стѣна, сажень до десяти длиною и такой вышины, что изъ-за нея выставлялась только голова человѣка. Эта стѣна называется брустверомъ. Концы ея загигаются почти подъ прямымъ угломъ, такимъ образомъ, находящіеся на батареѣ люди защищены отъ непріятельскихъ выстрѣловъ съ трехъ сторонъ, спереди и съ боковъ. Кромѣ только-что упомянутыхъ боковыхъ стѣнокъ, имѣются еще внутреннія перегородки, раздѣляющія всю батарею на извѣстное число отдѣленій, смотря по числу находящихся на ней пушекъ. Боковыя стѣнки и среднія перегородки настолько толсты, что въ нихъ подѣланы каморки или землянки, въ которыхъ солдаты могутъ отдохнуть въ свободное время или укрыться отъ жары или непогоды. Въ послѣдніе два дня передъ этимъ турки почему-то вовсе не стрѣляли изъ орудій; наши солдатики усповоились и, за исключеніемъ часовыхъ, всѣ запрятались въ упомянутыя каморки. Я заглянулъ въ нихъ. Одни спали, другіе сидѣли и чинили платье, третьи глубокомысленно играли въ шашки, слѣпленные изъ хлѣба... Это на батареѣ - то, въ виду непріятеля, хотя непріятель и не могъ видѣть какъ «московъ-гауръ» играетъ въ шашки.

Я продолжалъ осматривать батарею. Въ ней было шесть отдѣленій; въ каждомъ по пушкѣ или, выражаясь технически, по девяти-фунтовому орудію. Подъ каждымъ изъ нихъ устроены деревянные полы, для того, чтобъ колеса ихъ не врызывались въ землю и чтобъ они могли свободно откатываться назадъ послѣ отдачи отъ выстрѣла. Жерла пушекъ, чрезъ сдѣланныя въ верхнемъ краю бруствера вырѣзки (амбразуры), глядятъ противъ непріятельскихъ батареѣ, служащихъ для нихъ мишенью, и самая важная мечта каждаго артиллерииста заключается въ томъ, чтобъ «заставить замолчать» непріятельское орудіе, т.-е. повредить ему лафетъ, колесо или какую другую часть, безъ которой оно не можетъ дѣйствовать.

Осмотрѣвъ все и распросивъ у стоявшаго возлѣ пушки сол-

дата, нѣкоторыя подробности относительно заряжанія ея, способа наведенія въ цѣль и дѣйствія такъ-называемой дистанціонной трубки, я расположился было возлѣ батареи съ бумагой и карандашомъ, съ намѣреніемъ набросать себѣ на память видъ мѣстности, открывавшейся съ этого пункта, но не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ штриховъ, какъ на турецкой батарее въ той самой новой амбразурѣ, которую сдѣлали только прошлою ночью, показался клубъ бѣлаго дыма и тихо поднялся вверхъ. Звукъ выстрѣла не было, потому что онъ еще не успѣлъ дойти до нашего слуха.

— Ваше в—діе! — крикнулъ, какъ ужаленный, стоявшій у пушки солдатъ: — скорѣй пожалуйте за брустверь; турокъ гранату пустилъ. И вслѣдъ за его словами въ воздухъ прокатился ударъ и почти тотчасъ за нимъ послышался особый, своеобразный звукъ, издаваемый летящей гранатой, похожій, по-моему, на стукъ шибко-вдушаго по мостовой экипажа. Тотчасъ какъ раздался выстрѣлъ, солдаты пригнулись, чтобъ какъ-нибудь невзначай не лишиться головы. Я же не успѣлъ исполнить команды солдата — скорѣй за брустверь, и остался внѣ батареи; граната пролетѣла правѣ насъ, прямо, какъ казалось по звуку, за тотъ пригорокъ, позади котораго находился лазаретъ и лагерь. Мнѣ подумалось, что онъ непременно попадетъ въ средину ихъ и надѣлаетъ тамъ бѣдъ. Эта первая граната, пролетѣвшая хотя и не близко отъ меня, но пущенная въ ту сторону, гдѣ я находился, а не въ противоположную, не отъ меня, какъ это бывало, когда мнѣ случалось присутствовать при стрѣльбѣ изъ пушекъ въ цѣль, граната эта произвела во мнѣ, не скрою, весьма неприятное чувство страха: какъ всегда бываетъ съ новичками, мнѣ казалось, что она непременно попадетъ въ меня.

Раздавшійся неприятельскій выстрѣлъ въ одно мгновеніе сплошилъ нашу батарею и вызвалъ всю прислугу къ своимъ мѣстамъ. Солдаты зашевелились и принялись каждый за свое дѣло. Дыханіе у нихъ было замѣтно чаще и его можно было слышать со стороны;—видно въ мысли о возможности быть убитымъ не скоро совсѣмъ привыкнешь. Впрочемъ, смущеніе ихъ тотчасъ прошло; состояніе духа приняло веселое настроеніе и многіе ужъ смѣялись, болтая между дѣломъ. Наводчикъ сталъ смотрѣть въ прицѣлъ и направлять пушку въ ту точку, откуда показался дымокъ.

«А, собака! Въ насъ стрѣляешь! Ты опять стрѣлять, подлецъ!—приговаривалъ онъ, а самъ все наводилъ орудіе: — ну, погоди, братъ!»

На батарею явился командиръ ея, полковникъ Подтягивъ.

— У всѣхъ готово? — спросилъ онъ, проходя вдоль батареи и не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Точно такъ, ваше в—дѣ!

— Наведены на эту батарею?

— Такъ точно.

— Шестое, пали! — скомандовалъ онъ.

Нѣкоторые изъ солдатъ закрыли уши. Стоявшій у пушки отступилъ на шагъ, дернулъ шнурокъ, который былъ у него въ рукахъ и въ то же мгновеніе гранулъ оглушительный выстрѣлъ. Орудіе, которое везутъ восемь, а иногда двѣнадцать лошадей, откатилось назадъ словно легонькая игрушка: а полуторапудровая граната, шурша и присвистывая, полетѣла къ неприятелю.

— Ну-ка, скушай на здоровье, попробуй! — напугивалъ ее одинъ изъ солдатъ, обращаясь съ предложеніемъ попробовать и скушать на здоровье къ ненавистному турку.

— Гостей-отъ принимай! — крикнулъ другой, и потомъ всѣ притавили дыханіе, пристально глядя на турецкую батарею. Я тоже весь превратился въ одно зрѣніе и мое сердце было полно однимъ желаніемъ, чтобъ «гостя» угодила въ самую средину, чтобъ или пушку исколѣчила, или народу побольше положила... Сверхное чувство, — но развѣ война можетъ рождать въ душѣ чловѣка хорошія возвышенныя чувства, по отношенію къ неприятелю; — за то какъ растетъ любовь къ родинѣ! Чего не дѣлается ради ея, чѣмъ не жертвуется для ея пользы!

Граната, наконецъ, упала и разорвалась передъ батареей, что было видно по облачку дыма и столбу поднятой пыли.

«Недолетъ!» — крикнули нѣсколько голосовъ изъ сосѣднихъ отдѣленій, и по этимъ голосамъ я тотчасъ понялъ, что у солдатъ каждаго орудія идетъ между собою состязаніе относительно мѣткости стрѣльбы. Неудачный выстрѣлъ вызываетъ насмѣшки, а счастливый рождаетъ невинную зависть и желаніе превзойти товарища въ искусствѣ наведенія.

— Пятое, пали! — отдалъ приказаніе командиръ. Потомъ опять — шестое, пали! третье, второе, четвертое и т. д.

Уже вслѣдъ за вторымъ выстрѣломъ отъ насъ другія батареи, со всѣхъ видимыхъ мѣръ высотъ, открыли огонь, посылая гранаты все въ ту же точку, и пошла канонада. Неприятель вскорѣ замолчалъ; понемногу стали умолкать и наши пушки; потомъ вдругъ онъ сдѣлалъ два выстрѣла разомъ изъ двухъ орудій и уже съ другой батареи, устроенной лѣвѣе и ниже первой на поватости горы. Залпъ изъ двухъ орудій показался нашимъ ар-

тиллеристамъ почему-то особенно обиднымъ; они приняли его какъ совсѣмъ непопозвопительную дерзость и, все время бранясь, принялись громить эту вторую батарею; но турки, повидимому, не робѣли и продолжали отстрѣливаться. Первая батарея, замолчавшая было, вѣроятно, вслѣдствіе какого-нибудь поврежденія, опять начала дѣйствовать, направивъ теперь свое орудіе прямо на подтягинскую батарею, что заставило меня почувствовать себя еще хуже, чѣмъ послѣ перваго выстрѣла; но и теперь я скоро освоился съ опасной забавой, видя, что гранаты то не долетали и рвались внизу передъ нами въ ущельѣ, то проносились высоко надъ головой и падали на шоссе или летѣли черезъ него въ слѣдующую долину, гдѣ и умолкалъ ихъ злобщій ровоть. Артиллерійское сраженіе продолжалось. Громъ выстрѣловъ и раскаты эха въ ущельяхъ, грохотъ и свистъ снарядовъ нашихъ и непріятельскихъ, оглашали воздухъ величественной, но страшной музыкой, и я, совершенно забывъ объ опасности, съ горячимъ любопытствомъ слѣдилъ за этой грандіозной игрой. Незамѣтно прошло болѣе часа съ тѣхъ поръ, какъ мы пришли на батарею, и какъ мнѣ ни хотѣлось остаться еще, я, не желая даромъ рисковать своею жизнью, ушелъ назадъ съ докторомъ Л. Теперь мы подвергались болѣе опасности, такъ какъ совершенно вѣрно сдѣлано замѣчаніе, что наиболѣе опасное мѣсто на полѣ сраженія не то, въ которое стрѣляютъ, а пространство вокругъ этого пункта. Поэтому мы не безъ волненія проходили первую часть дороги; однако любопытство все-таки заставляло меня останавливаться по временамъ, чтобъ еще взглянуть на привлекательную картину, мнѣ непременно хотѣлось сдѣлать набросокъ этой мѣстности. Я остановился около упомянутаго втораго домика и сталъ рисовать, прислушиваясь къ грознымъ звукамъ пушечной пальбы. Подходить одинъ офицеръ изъ домика.

— Не бойтесь, докторъ, быть раненымъ или убитымъ,—замѣтилъ онъ.

— Да мнѣ кажется опасность здѣсь самая незначительная;—вѣдь трудно гранатѣ изловить одного человѣка или даже упасть близъ него.

— Опасность не велика, правда, но тутъ, кромѣ гранаты, въ каждую точку можетъ упасть «шальная» пуля; вѣдь не проходитъ дня, чтобъ здѣсь не ранило кого-нибудь пулей или осколкомъ гранаты.

Предостереженіе было совершенно основательно; однако, я успѣлъ сдѣлать рисунокъ и вернулся въ лазаретъ, по направлепнію къ которому было пушено до тридцати гранатъ, но, какъ

оказалось, непріятельскіе выстрѣлы не сдѣлали ему никакого вреда... Стрѣляли ли турки именно въ лазаретъ или въ расположенный неподалеку лагерь—сказать трудно; во всякомъ случаѣ они не могли не видѣть флага съ краснымъ крестомъ, и снаряды ихъ ложились очень недалеко отъ мѣста, на которомъ стоялъ лазаретъ.

Передъ вечеромъ этого же дня я уѣхалъ въ Габрово. Долго еще слышались доносившіеся до моего уха выстрѣлы; а въ окружавшей меня природѣ было такъ покойно и тихо; неподвижно стояли деревья и кустарники, по которымъ порхали, посвистывая, синицы и другія птицы—предвѣстницы уже наступавшей здѣсь осени. Ночь застала меня въ дорогѣ, когда я выбрался съ тропинкою на шоссе и эта дорога ночью, какъ и днемъ, вишла движеніемъ, а множество костровъ по сторонамъ ей разводимыхъ безпріютными болгарами, чтобъ согрѣться, освѣщали ее, подобно иллюминаціи по случаю какого-нибудь торжества, но не весело и не торжественно было на душѣ, при видѣ этихъ несчастныхъ бездомовцевъ.

Д-ръ П. Пясецкій.

Габрово, 24 декабря, 1877.

ДАВИДЪ-ФРИДРИХЪ ШТРАУСЪ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЦРЕРЪ.

IV*).

ЖИЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Какъ ни тяжелы были для Штрауса, во многихъ отношеніяхъ, годы, истекшіе между удаленіемъ его изъ Тюбингена и прекращеніемъ богословскихъ занятій (1835—1841), впоследствии онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на самую счастливую эпоху своей жизни. Полный надеждъ и силъ, хотя и тогда уже нѣсколько склонный къ меланхолиі, онъ переносилъ сравнительно легко всѣ постигавшія его невзгоды. Утѣшеніемъ для него служила поэзія, музыка, искусство. Жизнь въ Штутгартѣ, съ его театромъ, концертами, картинными галереями, была для Штрауса удобна и пріятна еще и потому, что онъ находился здѣсь вблизи немногихъ, но преданныхъ друзей, жившихъ отчасти въ самомъ Штутгартѣ, отчасти въ Тюбингенѣ, Гейльброннѣ, Людвигсбургѣ. Къ числу ихъ принадлежали не только товарищи по семинаріи и институту, но и болѣе молодые ученые (напр. Целлеръ), не только люди, раздѣлявшіе образъ мыслей Штрауса, но и богословы, не разорвавшіе своихъ связей съ церковью (напр. пасторъ Раппъ, тѣсной дружбѣ котораго съ Штраусомъ положила конецъ лишь смерть послѣдняго), даже мистики (напр. Кернеръ), не только дѣятели науки и литературы, но и художники (напр. музыкантъ Кауфманъ, для котораго Штраусъ написалъ оперное

---

*) См. выше: сентябрь, стр. 278.

либретто). Съ отсутствующими друзьями онъ поддерживалъ дѣтельную переписку, посвященную столько же вопросамъ искусства, сколько и вопросамъ науки. Набрасывая свои «Streitschriften», просматривая новыя изданія своей первой книги, готовясь къ составленію второй, Штраусъ находилъ время и для литературно-критическихъ очерковъ, и для поэтическаго творчества, которому онъ никогда вполне не измѣнялъ, но производительность котораго подвергалась сильнымъ колебаніямъ. Періодъ, о которомъ мы теперь говоримъ, сравнительно богатъ стихотвореніями ¹⁾. Грустную ноту, впоследствии преобладающую въ поэзіи Штрауса, мы встрѣчаемъ здѣсь только въ глубоко прочувствованномъ сонетѣ, посвященномъ памяти матери (XII, 19); все остальное или исполнено юмора, или дышетъ желаніемъ и предчувствіемъ любви, которымъ тогда томился молодой «Weltstürmer» ²⁾. Отголосокъ этого настроенія слышится даже въ позднихъ воспоминаніяхъ о немъ: «in dem engen Bücherzimmer, — пишетъ Штраусъ въ 1870 г., въ стихотвореніи, озаглавленномъ «Vor drei und dreissig Jahren», — wo ich einsam sann und schrieb, welch ein rosenfarb'ner Schimmer, welch ein frischer Lebenstrieb! Ja, es war ein süßes Träumen in dem milden Dämmerlicht; Blüthenschnee auf allen Bäumen — doch die Blüthen dauern nicht» (XII, 174). И дѣйствительно, цвѣтъ жизни расцвѣлъ для Штрауса не надолго. Въ 1836 г. пріѣхала въ первый разъ въ Штутгартъ извѣстная въ то время пѣвица Агнеса Шебестъ. Штраусъ, оча-

¹⁾ При жизни Штрауса только весьма немногія изъ его стихотвореній были напечатаны, но теперь большая часть ихъ вошла въ 12-й томъ собранія его сочиненій, подъ заглавіемъ: „Poetisches Gedenkbuch. Aus dem Nachlasse von D. F. Strauss“. Заглавіе это выбрано весьма удачно, потому что значительно большая часть всего написаннаго Штраусомъ въ стихахъ составляетъ именно исторію его внутренней жизни.

²⁾ Обращаемъ вниманіе читателей, которые пожелали бы ближе познакомиться съ поэтическимъ дарованіемъ Штрауса, на прелестное стихотвореніе его, „Ostermontag“, написанное въ 1837 г. (XII, 11). Извлекаемъ изъ него нѣсколько строкъ, особенно характеристичныхъ для тогдашняго настроенія Штрауса: „In die Einsamkeit der Zelle, wo ich meinen lieben Winter, unter Büchern, sinnend, schreibend, munterm Kopfe, kühlen Herzens, so nach meiner Art verlebt, tritt am ersten Frühlingmorgen, mit dem ersten Lerchentriller, mit dem ersten Veilchenduft, frühgezogete Blumen tragend, ein bescheidenes Mädchen ein“. Приходъ ея смущаетъ молодого философа, онъ не въ силахъ возвратиться къ прежнимъ занятіямъ, такъ какъ „Frühlingslüfte, Frühlingsvögel, kleine Liebesgötter auch, aus- und eingeflohen kommen, sich auf Kopf und Schulter mir, auf Papier und Feder setzen; so dass, wenn im ersten Willen ich mich rüste, diesmal etwas recht Gelehrtes aufzuschreiben, unvermerkt ein Liebesliedchen auf dem Blatte steht, und mich, seinen überraschten Vater, neckisch halb und halb in Mitleid, aus den Kinderaugen anblickt“.

рованный ея голосомъ и игрою, былъ ей представленъ, скоро полюбилъ ее и сдѣлалъ ей предложеніе, котораго она не приняла, потому что слишкомъ еще дорожила артистической карьерой; но они продолжали переписываться, и когда она, въ 1842 г., вновь появилась на штутгартской сценѣ, новое предложеніе Штрауса не было отвергнуто ею. Свадьба ихъ состоялась въ августѣ 1842 г.; она оставила сцену, и молодые супруги поселились въ Зонтгеймъ, небольшомъ мѣстечкѣ близъ Гейльбронна. Друзья Штрауса съ самаго начала не ожидали для него добра отъ этой женитьбы. Агнеса Шебестъ могла составить счастье многихъ, только не Штрауса. Она была красавица, полная жизни и веселости, любезная и остроумная, отличная музыкантша и пѣвица; прошедшее ея было безупречно, она была вѣрною женою и, по крайней мѣрѣ, старалась быть хорошей хозяйкой (известно, что для нѣмецкихъ ученыхъ это обстоятельство не послѣдней важности); Штраусъ, съ своей стороны, былъ созданъ для семейной жизни, дорожилъ ея тихими радостями, страстно любилъ дѣтей. Несчастье супруговъ заключалось въ томъ, что между ними было слишкомъ мало общаго. Когда Штраусъ познакомился съ Агнесой, она привѣтствовала въ немъ его однофамильца, придворнаго проповѣдника въ Потсдамѣ, автора разныхъ такъ-называемыхъ «Erbauungsbücher»; о книгѣ, уже два года составлявшей предметъ разговоровъ и преній во всѣхъ сколько-нибудь интеллигентныхъ слояхъ нѣмецкаго общества, она, какъ оказалось, ничего до тѣхъ поръ не слыхала. Вообще развитіе ея оставляло желать весьма многого, а пополнить его пробѣмъ было уже слишкомъ поздно (въ моментъ замужства ей было почти тридцать лѣтъ). Умственная жизнь Штрауса такъ и осталась для его жены книгой за семью печатями. Когда прошелъ первый пылъ страсти, онъ сталъ испытывать подлѣ нея, по выраженію одной его пріятельницы, «смертельную скуку». Найти необходимое для него умственное развлеченіе онъ могъ только въ кружкѣ своихъ старинныхъ друзей; но сношенія съ ними скоро были до крайности затруднены безграничною, почти безумною ревностью Агнесы. Сначала Штраусъ какъ будто покорился судьбѣ, сдѣлался домохозяиномъ, промѣнялъ свою трудовую жизнь на безмятежное существованіе фалистера, няньчащаго дѣтей, бесѣдующаго съ женой объ обѣдѣ и радующагося, когда прошелъ ничѣмъ не наполненный день. Въ этой душной атмосферѣ онъ прожилъ около года; больше онъ не могъ выдержать ея, и, вопреки желанію жены, переселился изъ Зонтгейма въ Гейльброннъ, чтобы быть ближе къ тамошнимъ друзьямъ своимъ.

Охота къ занятіямъ и здѣсь, однако, къ нему не возвращалась; по позднѣйшему выраженію его, онъ въ это время такъ же мало могъ думать объ ученомъ трудѣ, какъ человекъ, борющійся съ волнами, можетъ думать объ управленіи имѣніемъ, оставшимся у него на твердой землѣ. Между тѣмъ, для Штрауса работать и жить были словами почти однозначущими, тѣмъ болѣе, что у него не было постоянныхъ, обязательныхъ занятій, не было профессіи, кромѣ литературной. Онъ предложилъ женѣ разойтись—она на это не согласилась; онъ просилъ о разводѣ—для него не оказалось законнаго основанія; наконецъ, въ началѣ 1847 г., онъ купилъ желанную свободу уступкой женѣ, по крайней мѣрѣ, на время, обоимъ дѣтей (дочери и сына). Враги Штрауса не преминули, конечно, подхватить этотъ поводъ къ очерненію его имени. Исторія его семейнаго раздора проникла въ печать, причемъ вся вина заваливалась на него, все сочувствіе доставалось на долю жены—и это неудивительно, потому что при отсутствіи осознательныхъ причинъ къ размовѣй ответственность за нее неминуемо должна была пасть, въ глазахъ общества, на того, кому высшимъ образомъ принадлежала ея инициатива. Нравственная необходимость для Штрауса освободиться отъ давившихъ его узъ могла быть понята только при близкомъ знакомствѣ съ его характеромъ и умственнымъ складомъ. Но всего тяжелѣе было для Штрауса не осужденіе общественнаго мнѣнія, даже не разлука съ дѣтьми, а то двойственное чувство, съ которымъ онъ въ первое время послѣ разрыва относился къ женѣ своей. Онъ продолжалъ любить ее, вспоминалъ о ней съ глубокою нѣжностью и грустью—и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ невозможность возвращенія къ ней. «Seit ich,—пишетъ онъ въ 1848 г.,—im schwerem Bann mich zu entziehen, von dir in's Weite bin hinaus gerannt, bleibt dir, ich mög' zur fernsten Küste fliehen, diess Herz, ein treuer Kompass, zugewandt... Was thun zur Heilung solcher Seelenpein? Mich nähern, um mich wieder zu entfernen? Fern bleiben, um dir ewig nah' zu sein?» (XII, 51). То же самое чувство выражено и въ другихъ стихотвореніяхъ Штрауса (XII, 46, 50, 59, 61, 63), относящихся къ 1848 и 1849 г. Иногда оно доводитъ его до отчаянія; посланіе къ друзьямъ, съ припѣвомъ: «Jhr habt gefunden, und ich suche noch», оканчивается словами: «nein, lasst mich traurig sein, und Jhr seid heiter; verzweifeln muss ich, und Jhr hoffet noch» (XII, 52). Еще мрачнѣе небольшой монологъ, подъ заглавіемъ «Westöstlich»: «Wo meine Heimath ist, das weiss ich nicht. Ich mein', ich hatt' einmal zwei liebe Kinder; ob dies nicht bloss ein Traum sei,

weiss' ich nicht. Ein Weib verstieess ich: ob zu Hass die Liebe, ob Hass zu Liebe wurde, weiss ich nicht. Sie sagen, Bücher hatt' ich einst geschrieben: ob's Wahrheit oder Spott ist, weiss ich nicht. Nie hab' ich vor dem Tode mich gefürchtet; ob ich nicht längst gestorben, weiss ich nicht» (XII, 64). По простествіи двухъ или трехъ лѣтъ, смѣшанное чувство къ женѣ, причинившее Штраусу столько мученій, уступило мѣсто глухой враждѣ, прорывающейся иногда даже въ томъ, что написано Штраусомъ специально для сына и дочери (напр. въ автобіографіи, въ воспоминаніяхъ о матери). Выраженія этой вражды, двадцать лѣтъ спустя послѣ разлуки сохраняющей еще всю силу только-что вспыхнувшей страсти, производятъ тяжелое впечатлѣніе; съ перваго взгляда трудно понять, какъ совершился переходъ отъ вѣжныхъ сожалѣній къ горечи воспоминаній, ничѣмъ не скрашенной и не смягченной. Намъ кажется, что разгадку этого перехода слѣдуетъ искать въ невознагражденности вреда, причиненнаго Штраусу крушеніемъ его семейнаго счастья. Онъ былъ созданъ для правильной, безмятежной жизни вѣмецкаго ученаго, соединяющей въ себѣ самый широкій полетъ мысли съ самой скромной, узкой, вѣчно одной и той же житейской обстановкой. Онъ былъ бы счастливъ, если бы могъ, подобно Бауру, найти себѣ уютный уголокъ, въ одной изъ живописныхъ мѣстностей родной страны, вдали отъ политическихъ волненій—уголокъ, въ которомъ онъ имѣлъ бы каюду и кабинетъ для ежедневнаго труда, небольшой кружокъ друзей для обмѣна мыслей, спокойный домашній очагъ для отдыха послѣ занятій. Одну половину этихъ скромныхъ благъ отняла у него первая его книга, закрывшая ему доступъ къ профессорской дѣятельности; другую ихъ половину онъ потерялъ вмѣстѣ съ женой, или, лучше сказать, вмѣстѣ съ женитьбой. Онъ остается теперь не только безъ семейства, но и безъ опредѣленнаго мѣстопребыванія; въ любимомъ своемъ Штутгартѣ онъ не можетъ жить потому, что тамъ поселилась его бывшая жена; въ не менѣе любимомъ Гейльброннѣ—потому, что тамъ, на глазахъ у всѣхъ, разыгралась грустная исторія его развода. Онъ становится, по выраженію одного изъ его біографовъ, вочующимъ ученымъ (fahrender Scholast), переѣзжаетъ изъ города въ городъ, нигдѣ не находя душевнаго спокойствія. Мы видимъ изъ его стихотвореній, относящихся къ началу пятидесятихъ годовъ, что сердце его еще требуетъ любви,—но онъ боится искать ея и остается до конца жизни одинокимъ, глубоко тяготясь одиночествомъ. Въ 1851 г. бывшая жена его возвращаетъ ему, правда, обоихъ дѣтей, но онъ не рѣшается воспи-

тивать ихъ въ своемъ мрачномъ, опустѣломъ домѣ и отдастъ ихъ въ пансіонъ. Позже выдается нѣсколько сравнительно-счастливыхъ лѣтъ, въ продолженіи которыхъ подростная дочь его живетъ вмѣстѣ съ нимъ; но она скоро выходитъ замужъ и переезжаетъ въ другой городъ. Сынъ Штрауса — мало, повидимому, похожій на отца, болѣе или менѣе чуждый его умственнымъ интересамъ — становится ему дѣйствительно дорогимъ и близкимъ только подъ самымъ концомъ его жизни. Частыя перемѣны мѣсто-пробыванія и необходимость избирать его вдали отъ Штутгарта, отдаляютъ Штрауса отъ прежнихъ друзей и заставляютъ искать новыхъ; но приобретене и удержаніе ихъ крайне затрудняется характеромъ Штрауса, глубоко-измѣнившимся подъ вліяніемъ перенесенныхъ имъ испытаній. Лица, познакомившіяся съ нимъ въ Мюнхенѣ, въ 1849 г., рисуютъ его слѣдующими чертами: всякое сколько-нибудь многочисленное общество наводитъ на него нѣчто въ родѣ страха; онъ не принимаетъ участія въ общемъ разговорѣ, на вопросы отвѣчаетъ неохотно и коротко, отвѣты его не оправдываютъ ожидаеіи собесѣдниковъ. Двое знакомыхъ Штрауса, почувствовавшихъ къ нему особенную симпатію, отыскиваютъ для него уединенную кофейню, гдѣ и проводятъ съ нимъ вечера ¹⁾ въ разговорахъ, веденныхъ шопотомъ, съ большими паузами; если въ это время случайно войдетъ въ кофейню кто-нибудь другой изъ общихъ знакомыхъ, Штраусъ упираетъ глаза въ полъ и совершенно умолкаетъ. Онъ подозрителенъ и недовѣрчивъ, не понимаетъ шутки, не прощаетъ и не забываетъ даже легкихъ, ненамѣренныхъ оскорбленій. Одинъ изъ его мюнхенскихъ пріятелей, Штейбъ, въ рецензіи на біографію Мерклина, сдѣлалъ нѣсколько ироническихъ замѣчаній объ этой книгѣ Штрауса, и въ-добавокъ имѣлъ безтактность сначала представить свою статью на предварительный просмотръ Штрауса, а потомъ напечатать ее, несмотря на явное неодобреніе послѣднимъ ея тона. Штраусъ не только прервалъ съ нимъ всякія сношенія — это было бы еще понятно, — но даже шесть лѣтъ спустя не захотѣлъ принять его и занесъ этотъ эпизодъ въ свою автобіографію, какъ одну изъ причинъ, сдѣлавшихъ для него нестерпимымъ дальнѣйшее пребываніе въ Мюнхенѣ. Понятно, что въ человѣкѣ, до такой степени изломанномъ жизнью, такъ болѣзненно воспринимающемъ даже мелкія ея невзгоды, легко могло возникнуть и пустить глубокіе корни враждебное чувство къ той, которая раз-

¹⁾ Известно, что въ Германіи, особенно южной, очень распространенъ обычай проводить вечера въ кофейной, пивной или ресторанахъ, куда — а не къ себѣ на домъ — часто приглашаютъ другъ друга знакомые.

была въ немъ вѣру въ возможность счастья—все равно, была ли она на самомъ дѣлѣ въ чемъ-нибудь передъ нимъ виновата.

Какъ тяжела была для Штрауса супружеская жизнь, это лучше всего доказывается полнымъ упадкомъ его литературной производительности во все время этой жизни и возобновленіемъ ея немедленно послѣ разрыва съ женою. Въ 1842—46 г. онъ не написалъ рѣшительно ничего, ничего даже не предпринялъ и не задумалъ, и когда въ 1847 г. онъ, наконецъ, опять почувствовалъ себя свободнымъ, то очутился въ положеніи человѣка, только-что прибывшаго на родину послѣ дальняго и долгаго странствованія. Подобно тому, какъ возвратившійся путникъ прежде всего обращаетъ вниманіе на совершившіяся безъ него перемѣны, Штраусъ былъ пораженъ необычнымъ движеніемъ, среди котораго онъ проснулся отъ тяжелаго кошмара домашнихъ раздоровъ. Въ 1842 г. политическая жизнь въ Германіи была едва замѣтна—въ 1847 г. она начинала бить вкючомъ, хотя и не безъ труда прорывавшимся наружу. Политическіе вопросы вообще не затрогивали Штрауса за живое, онъ относился къ нимъ, въ ббльшей части случаевъ, довольно равнодушно; но въ это время въ политику втягивались всѣ, и Штраусъ не избѣжалъ общей участи. Послѣ небольшой біографіи мало извѣстнаго поэта Бауера,—лично для Штрауса всегда остававшейся особенно дорогою, потому что она была первою работою, нарушившею многолѣтнее его молчаніе,—Штраусъ принялся за біографію Шубарта, съ прямо выраженной цѣлью изобразить не только гибель таланта въ борьбѣ съ неблагоприятною обстановкой, но и картину бездушнаго, мелкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ злобнаго деспотизма, тяготѣвшаго надъ Германіей въ концѣ XVIII-го вѣка ¹⁾. Еще болѣе близкое отношеніе къ современности имѣла другая работа Штрауса, вышедшая въ свѣтъ въ томъ же 1847 г. и надѣлавшая очень много шума: «*der Romantiker auf dem Throne der Caesaren*», гдѣ подъ маской императора Юліана изображенъ тогдашній король прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV-й. Это не строго историческій очеркъ, а политическій памфлетъ, написанный чрезвычайно искусно. Оставляя въ сторонѣ многочисленныя черты характера Юліана, не укладывающіяся въ задуманный имъ портретъ, Штраусъ останавливается только на томъ, что можетъ служить

¹⁾ Шубартъ, подобно Штраусу людовигсбургскій уроженецъ, былъ поэтъ, навлекшій на себя ненависть герцога вюртембергскаго Карла—того самаго, который преслѣдовалъ Шиллера,—и заключенный имъ въ крѣпость Аспергъ, гдѣ онъ провелъ, въ самомъ тяжкомъ заключеніи, всѣ лучшіе свои годы.

²⁾ Она напечатана въ 1-мъ томѣ новаго изданія сочиненій Штрауса (стр. 177).

материаломъ для параллели, и рисуетъ передъ нами коронованнаго мечтателя, стремящагося поддержать искусственными подпорками старое, разваливающееся зданіе. Въ этомъ именно стремленіи къ старинѣ, конечно подновленной сообразно съ утонченной цивилизаціей вѣва, Штраусъ видитъ сущность романтизма, изъ безплоднаго—становящагося опаснымъ, когда въ его руки попадаетъ политическая власть. Однажды отыскавъ точку зрѣнія, одинаково примѣнимую, безъ особой натяжки, и къ IV-му вѣку, и къ настоящей минутѣ, Штраусъ даетъ читателю—особенно нѣмецкому читателю того времени, въ которомъ цензура, какъ это всегда бываетъ, развила крайнюю чуткость въ намекамъ—возможность безъ труда угадать въ христіанскихъ совѣтникахъ Констанція, вліяніе которыхъ Юліанъ обѣщаетъ себѣ сокрушить, еще будучи наслѣднымъ принцемъ—гегельянцемъ, столь могущественныхъ при Фридрихъ-Вильгельмѣ III-мъ; въ придворномъ философѣ Максимѣ—выписаннаго въ Берлинъ специально для борьбы съ гегельянствомъ Шеллинга; въ ученомъ министрѣ Алипіѣ, строящемъ языческій храмъ въ Іерусалимѣ—Бунзена, помогающаго королю устроить протестантское епископство въ Палестинѣ; въ возстановленіи языческихъ святилищъ—достройку вѣльскаго собора; въ декретѣ Юліана противъ «галилеянъ»—королевскій приказъ противъ протестантскихъ свободныхъ общинъ, и т. д. Даже между наружностью обоихъ своихъ героев—мнимаго и настоящаго—Штраусъ ухищряется найти сходство, невыгодное для послѣдняго. Исполненіе задачи, съ перваго взгляда довольно трудной, далось Штраусу очевидно легко; онъ работалъ надъ ней съ любовью, пропорціональной нерасположенію его къ тому, въ кого онъ металъ свои политическія стрѣлы. Нерасположеніе это сдѣлается вполне понятнымъ, когда мы познакоимся съ перемѣнами, происшедшими въ протестантскомъ богословскомъ мірѣ со времени вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV-го. Да и помимо этого, помимо политическаго возбужденія минуты, направленнаго преимущественно противъ прусскаго правительства, вся натура Штрауса, жаждающая свѣта, мысли, критики, должна была возстать противъ полу-мрака, тумана, мечтательнаго реакціонерства, окрещеннаго имъ однимъ общимъ именемъ романтизма. Сильное чувство помогло ему найти форму, еще разъ доказавшую всю тщету стѣсненій печатнаго слова. Статья Штрауса, напечатанная съ разрѣшенія цензуры, произвела бѣльшее впечатлѣніе, чѣмъ всѣ прямыя, часто до неприличія рѣзкія и до несправедливости злыя нападенія, сыпавшіяся изъ Швейцаріи противъ Берлина.

Наступилъ мартъ 1848-го г., и вмѣстѣ съ нимъ новый политическій строй для всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, въ томъ числѣ и для Виртемберга. Торжествующая партія не могла не вспомнить о Штраусѣ уже потому, что онъ принадлежалъ къ числу пострадавшихъ отъ прежняго порядка вещей. Недавній успѣхъ его статьи о Юліанѣ окружилъ его имя еще болѣе блескомъ; отъ политическаго радикализма онъ былъ такъ же далекъ въ эту минуту, какъ и когда бы то ни было; но многими приобрѣтеніямъ движенія онъ сочувствовалъ отъ души и могъ искренно примкнуть къ рядамъ умѣренныхъ его приверженцевъ. Съ другой стороны, преобладаніе радикальной партіи въ Виртембергѣ было менѣе сильно и повсемѣстно, чѣмъ, на примѣръ, въ сосѣднемъ Баденѣ. Въ Гейльброннѣ она имѣла рѣшительный перевѣсъ, именно вслѣдствіе близости его къ баденской границѣ; но въ Людвигсбургѣ даже умѣренно-либеральная партія не была увѣрена въ побѣдѣ надъ консерваторами. Въ то самое время, какъ въ Гейльброннѣ другъ и единомышленникъ Штрауса Мерклинъ явился на выборахъ въ франкфуртскій сеймъ кандидатомъ либерально-консервативной партіи, а радикалы выставили и провели противъ него пивовара Гентгеса, — людвигсбургскіе либералы всѣхъ цвѣтовъ предложили кандидатуру Штраусу, а противникомъ его выступилъ пѣвистъ Гоффманъ (братъ того, котораго мы видѣли въ числѣ литературныхъ оппонентовъ Штрауса). Штраусъ, не колеблясь, принялъ предложеніе, и прямо изъ типши кабинета перешелъ въ шумную сферу избирательныхъ митинговъ. Этотъ переходъ удался ему лучше, чѣмъ ожидали даже друзья его. Въ продолженіе одной недѣли онъ произнесъ, въ разныхъ мѣстностяхъ избирательнаго округа, пять рѣчей ¹⁾, сумѣвъ соединить въ нихъ серьезность съ доступностью, вѣрность своему теоретическому міросозерцанію съ такимъ изложеніемъ его, которое бы не слишкомъ запугало боязливые умы. Онъ высказался за политическую свободу, за всѣ главнѣйшія реформы, стоявшія тогда на очереди; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предостерегалъ избирателей противъ всякихъ увлеченій, проповѣдывалъ имъ умѣренность въ требованіяхъ и надеждахъ, прямо порицалъ республиканское движеніе, только-что возникшее въ Баденѣ и открыто признавалъ себя монархистомъ. Всего выше онъ ставилъ государственное единство Германіи, представляя его себѣ именно

¹⁾ Рѣчи эти напечатаны въ первомъ томѣ новаго изданія сочиненій Штрауса (стр. 237), вмѣстѣ съ шестой рѣчью, произнесенною имъ послѣ выборовъ, для успокоенія либераловъ, хотѣвшихъ вмѣстятъ свою неудачу на личности и имущество наиболѣе вліятельныхъ враговъ его.

такъ, какъ оно двадцать лѣтъ спустя осуществилось — какъ федерацію съ прусскимъ главенствомъ. Религіозные вопросы онъ сначала не хотѣлъ впутывать въ избирательную борьбу, и въ первой рѣчи не упомянулъ о нихъ вовсе; но противники его заставили его ихъ коснуться, постоянно черпая матеріалъ для нападеній изъ учено-богословской его дѣятельности и стараясь выставить его, особенно въ глазахъ сельскаго населенія, врагомъ вѣры, чуть не антихристомъ. На эти нападенія Штраусъ отвѣчалъ указаніемъ на чисто-политическій характеръ предстоящаго избранія, позволяющій предложить избираемому одинъ только вопросъ: намѣренъ ли онъ охранять свободу всѣхъ вѣроисповѣданій? При утвердительномъ разрѣшеніи этого вопроса, вѣрованія кандидата становятся совершенно безразличными для избирателей. Чувствуя практическую недостаточность такого отвѣта — теоретически безупречнаго, — Штраусъ присоединилъ къ нему короткій отзывъ о религіи вообще, пронизанный уваженіемъ къ нравственной сторонѣ ея. Нѣкоторыя мѣста этого отзыва могутъ показаться не совсѣмъ искренними со стороны Штрауса, — на примѣръ то, гдѣ онъ признаетъ религію одною изъ основныхъ силъ человѣческой природы и приписываетъ себѣ желаніе только очистить, а не поколебать ее; но если принять въ соображеніе, что Штраусъ нѣсколько разъ измѣнялъ вѣчную цѣль, или, лучше сказать, степень напряженія своей отрицательной тенденціи, что къ безусловно крайнимъ выводамъ онъ пришелъ только въ концѣ своей жизни, и что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до февральской революціи онъ помѣстилъ въ журналѣ «Reform», органѣ свободныхъ протестантскихъ общинъ, статью, сочувственную ихъ стремленіямъ, то всякое сомнѣніе въ искренности Штрауса придется признать лишенимъ основанія. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, можетъ быть рѣчь только объ увлеченіи съ его стороны, а не объ обманѣ.

Кандидатура Штрауса во франкфуртскій сеймъ не увѣнчалась успѣхомъ; она разбилась столько же о предразсудки крестьянъ, сколько о личныя связи Гоффмана, единодушно поддержаннаго пѣвистами всѣхъ отѣнковъ ¹⁾. Собственно въ городѣ Людвигс-

¹⁾ Само собой разумѣется, что пѣвисты дѣйствовали съ общиною неразборчивостью въ выборѣ средствъ; однимъ изъ главныхъ ихъ оружій была исторія развода Штрауса, при чемъ они намекали, что онъ воспользовался частью имущества жены, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ не только не взялъ себѣ ничего ей принадлежащаго, но еще платилъ ей пенсію изъ своихъ собственныхъ средствъ. Когда одинъ изъ друзей Гоффмана осмѣлился повторить этотъ намекъ въ публичномъ собраніи, его заставилъ молчать взрывъ всеобщаго негодованія.

бургѣ большинство голосовъ оказалось на сторонѣ Штрауса; но остальные мѣстности избирательнаго округа, съ ихъ преимущественно сельскимъ населеніемъ, доставили побѣду его противнику. Тогда людвигсбургскіе избиратели рѣшились провести Штрауса по крайней-мѣрѣ въ виртембергскую палату депутатовъ, куда они послали представителя одни, безъ участія окрестныхъ сельскихъ жителей. Это удалось имъ безъ труда; за Штрауса было подано громадное большинство голосовъ. Избраніе его состоялось въ маѣ 1848 г., но палата собралась только въ сентябрѣ; промежутокъ времени онъ провелъ въ Мюнхенѣ и его окрестностяхъ, въ томъ тяжеломъ настроеніи духа, о которомъ мы уже говорили. Парламентская карьера Штрауса началась рядомъ успѣховъ; онъ былъ избранъ членомъ важнѣйшихъ комиссій, предложенъ даже нѣкоторыми въ президенты палаты; но скоро положеніе его совершенно измѣнилось. «Перевѣсь въ палатѣ, — говоритъ самъ Штраусъ въ своей автобіографіи, — оказался на сторонѣ радикальной партіи, чистота намѣреній которой въ моихъ глазахъ была сомнительна, грубый образъ дѣйствій которой былъ мнѣ противенъ. Я видѣлъ только страсть къ разрушенію, но мало умѣнья строить, и не могъ ожидать ничего хорошаго отъ возбужденной массы, руководимой честолюбивыми вождями. Вся моя натура, всѣ лучшія мои убѣжденія заставляли меня плыть противъ теченія — теченія очень порывистаго и бурнаго. Эта была бы еще не большая бѣда, если бы только у меня оказалась способность къ такому плаванію; но я скоро испыталъ на опытѣ, что я не ораторъ. По природѣ мы, швабы, вообще не богаты ораторскимъ дарованіемъ; могъ ли бы я развить его въ себѣ практикою — не знаю, потому что именно практики — то мнѣ и не доставало. Короткія проповѣди, сказанныя мною въ качествѣ виварія и репетитора, были мною написаны и выучены наизусть; лекціи мои я, какъ и всѣ тогдашніе виртембергскіе профессора, читалъ по тетрадѣ. Между удаленіемъ моимъ съ ваеодры и вступленіемъ въ палату прошло, притомъ, пятнадцать лѣтъ; мнѣ минулъ уже сороковой годъ. Я не могъ измѣнить своихъ привычекъ, и примѣнилъ къ парламентскимъ рѣчамъ ту же систему, какою нѣкогда держался при составленіи проповѣдей. Понятно, что съ такою системою въ парламентѣ далеко не уйдешь. Неспособность моя къ импровизаціи давала надо мной перевѣсъ каждой посредственности, владѣющей обыкновеннымъ даромъ слова, такъ что положеніе мое въ концѣ-концовъ становилось нестерпимымъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что мнѣ могла удасться рѣчь только о такомъ предметѣ, который я обдумалъ въ одиночествѣ; побывавъ въ пред-

варительномъ собраніи партіи, я терялъ всякую способность говорить публично о томъ, что тамъ обсуждалось. И здѣсь во мнѣ сказывался писатель, пожалуй—поэтъ, котораго уже поздно превратить въ практическаго человѣка». На самомъ дѣлѣ Штраусъ вовсе не былъ такъ неспособенъ къ парламентской дѣятельности, какимъ онъ себя выставляетъ; если она скоро стала ему въ тягость, то объясненіе этому слѣдуетъ искать въ обстановкѣ, среди которой онъ долженъ былъ дѣйствовать. Законодательное собраніе небольшого нѣмецкаго государства никогда не можетъ играть выдающейся роли въ движеніи, общемъ для всей Германіи; въ 1848 г. дѣятельность отдѣльныхъ палатъ еще болѣе обыкновеннаго затемнялась франкфуртскимъ парламентомъ, державшимъ въ своихъ рукахъ—такъ по-крайней-мѣрѣ тогда казалось—судьбу нѣмецкаго народа. Пруссія и австрійскія палаты могли еще претендовать, на-ряду съ нимъ, на значительную долю реальной власти; но въ Штутгартѣ, въ Дрезденѣ, въ Карлсруѣ палатамъ очевидно не оставалось ничего другого, какъ заняться въ тишинѣ устройствомъ дѣлъ второстепенной важности, не политическаго свойства. Ограничиться этой скромной задачей радикалы, все болѣе и болѣе усиливавшіеся въ виртембергской палатѣ, ни за что не хотѣли. Законы, подлежащіе обсужденію палаты, имѣли почти исключительно мѣстное значеніе и не давали повода къ громкимъ рѣчамъ, бурнымъ преніямъ; радикалы искали и находили такой поводъ въ непрерывныхъ запросахъ министерству, составленному изъ умѣренныхъ либераловъ и потому не пользовавшемуся расположеніемъ большинства. Открыто возстать противъ министровъ большинство не рѣшалось, на словахъ выражало даже готовность поддерживать ихъ, но въ сущности стѣсняло каждый ихъ шагъ и желало ихъ паденія, хотя и безъ твердой вѣры въ возможность замѣнить ихъ людьми болѣе крайняго направленія. Отсюда постоянное волненіе въ странѣ—волненіе, не имѣвшее определенной цѣли и не приносившее именно потому никакихъ полезныхъ послѣдствій, да и для радикальной партіи служившее только мнимой, кажущейся поддержкой. Врагъ всякой двусмысленности, всякихъ самообольщеній, Штраусъ не могъ примкнуть къ радикальной партіи, какъ она того, основываясь на его прошедшемъ, ожидала; наоборотъ, отъ первоначальнаго нейтралитета онъ скоро перешелъ къ открытому противодействию ея обычнымъ манѣврамъ. Его первая рѣчь, прямая, рѣшительная, хотя и сдержанная, произвела впечатлѣніе на всѣ партіи и заставила радикаловъ взять назадъ одно изъ обвиненій, введенныхъ ими противъ министерства; но положеніе оратора,

проповѣдующаго безпристрастіе посреди вражды партій, умѣренность посреди увлеченій — самое невыгодное изъ всѣхъ, и Штраусъ почувствовалъ это тѣмъ скорѣе, что умѣренно-либеральной партіи, въ которой онъ могъ бы найти прочную опору, въ виртембергской палатѣ въ это время не существовало. Люди, изъ которыхъ она могла бы сложиться и съ которыми Штраусъ могъ бы дѣйствовать за-одно, были представителями Виртемберга на франкфуртскомъ сеймѣ; для штутгартской палаты остались только политическія звѣзды второй или третьей величины, и между лѣвой стороной, руководимой фразерами, искателями популярности, и правой, закоснѣло-консервативной, почти не было середины, не было центра, въ парламентскомъ смыслѣ этого слова. Это было истиннымъ несчастьемъ для Штрауса, потому что заставило его сдѣлать большую ошибку — сблизиться съ прелатами и феодалами, людьми въ сущности гораздо болѣе чуждыми и враждебными ему, чѣмъ самые безпокойные радикалы. Чтобы доказать неестественность этого сближенія, достаточно назвать нѣкоторыхъ изъ числа новыхъ союзниковъ Штрауса: фанатика католицизма, профессора богословія въ Тюбингенѣ Куна; фанатика лютеранизма, прелата Меринга и, наконецъ, Менцеля, — того самаго Менцеля, противъ котораго была направлена одна изъ наиболѣе ѣдкихъ «Streitschriften» Штрауса! Нельзя не замѣтить, однако, что сближеніе Штрауса съ консерваторами было чисто вѣнское; они, конечно, не переставали видѣть въ немъ автора столь извѣстной книги; онъ продолжалъ подавать противъ нихъ голосъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда на очереди стоялъ какой-нибудь законъ, вносящій новое начало въ экономическій или общественный бытъ страны (напр. законъ о правѣ охоты), а не одинъ изъ вѣчныхъ запросовъ, имѣвшихъ единственною цѣлью — затруднить положеніе министерства. Въ консервативной партіи Штраусъ видѣлъ только временный оплотъ противъ радикализма, — меньшее, въ данную минуту, изъ двухъ золъ. Правильенъ ли былъ таковой взглядъ въ то время, когда Ввидишгрець бомбардировалъ Вѣну и Врангель принималъ начальство надъ войсками въ Берлинѣ — это другой вопросъ; мы хотимъ указать только на то, что примыкая, какъ случайный союзникъ, къ консервативному лагерю, Штраусъ не измѣнилъ выставленной имъ программѣ, не обманулъ своихъ избирателей. Но не таковы тогда были обстоятельства, чтобы образъ дѣйствій политическаго дѣятеля могъ быть предметомъ спокойнаго, безпристрастнаго обсужденія. Жители Людвигсбурга, вмѣстѣ съ большинствомъ другихъ виртембергскихъ горожанъ все болѣе и болѣе склонявшіеся на сторону радикализма, были недовольны своимъ депутатомъ, и ждали

только случая, чтобы выразить ему свое неудовольствіе. Случай этотъ скоро нашелся. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ разстрѣлянъ въ Вѣнѣ членъ франкфуртскаго сейма, Робертъ Блумъ. Въ средѣ виртембергской демократіи извѣстіе объ этомъ возбудило сильнѣйшее волненіе. Рѣшено было обратиться къ франкфуртскому центральному правительству съ просьбою принять мѣры къ снятію осаднаго положенія въ Вѣнѣ и къ предупрежденію на будущее время подобныхъ злоупотребленій военной власти. Противъ этого рѣшенія Штраусъ не протестовалъ, хотя и находилъ его лишеннымъ практическаго значенія. Но когда вслѣдъ затѣмъ лѣвая сторона предложила послать франкфуртскому сейму адресъ съ выраженіемъ негодованія палаты по поводу казни Блума, то Штраусъ отнесся къ этому предложенію съ безпощадною критикой. Онъ доказывалъ, что казнь Блума была не преступленіемъ, а только ошибкой; что онъ самъ навлекъ на себя свою участь, являясь въ осажденномъ городѣ не въ качествѣ представителя франкфуртскаго сейма, а въ качествѣ обыкновеннаго агитатора; что такъ какъ палата не протестовала противъ умерщвленія Ауэрсвальда и Лихновскаго (консервативныхъ членовъ франкфуртскаго сейма, убитыхъ народомъ въ сентябрѣ того же года, во время франкфуртскихъ уличныхъ беспорядковъ), то не слѣдуетъ ей протестовать и противъ казни Блума. Чтобы дать понятіе о неудовольствіи, возбужденномъ рѣчью Штрауса въ рядахъ демократической партіи, достаточно замѣтить, что большинство феодаловъ и прелатовъ подало голосъ за адресъ—такъ они были напуганы народнымъ настроеніемъ. Мужеству Штрауса отдалъ, по этому поводу, справедливость самъ король виртембергскій, въ слѣдующихъ характеристическихъ словахъ: «dass er Courage hat, hab' ich immer geglaubt, sonst hätt' er nicht mit den Theologen angebunden». Непосредственнымъ результатомъ рѣчи Штрауса было обращеніе къ нему значительной части (впрочемъ, не большинства) лудвигсбургскихъ избирателей—съ требованіемъ, чтобы онъ возвратилъ данное ему полномочіе. Уступить такому требованію Штраусъ считалъ себя не въ правѣ, хотя выходъ изъ палаты вполне соответствовалъ его желаніямъ. Когда нѣсколько недѣль спустя Штраусъ былъ призванъ къ порядку президентомъ за рѣзкое выраженіе, употребленное имъ относительно одного изъ радикаловъ, онъ ухватился за этотъ предлогъ и сложилъ съ себя званіе депутата (въ декабрѣ 1848 г.). Въ прощальномъ письмѣ на имя своихъ избирателей онъ объясняетъ эту рѣшимость какъ полнѣйшую бесплодность направленія, въ которомъ ведетъ палату радикальная партія, такъ и сознаніемъ,

что настоящее его призваніе—не политика, а литература. Выходъ Штрауса изъ палаты возбудилъ почти всеобщее сожалѣніе; даже противники его забыли на время свою вражду; изъ числа демократическихъ журналовъ только одинъ не почтилъ его ни однимъ сочувственнымъ словомъ. По приказанію короля, ему предложено было мѣсто редактора правительственной газеты, которую думало основать либеральное министерство; но предложеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, было имъ отклонено, и въ началѣ 1849 г. онъ выѣхалъ изъ Штутгарта въ Мюнхенъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, депутатъ, посланный людвигсбургскимъ округомъ на франкфуртскій сеймъ, точно такъ же не оправдалъ надеждъ своихъ избирателей, какъ и депутатъ, посланный городомъ Людвигсбургомъ въ виртембергскую палату. Послѣдній неожиданно оказался слишкомъ консервативнымъ, первый—слишкомъ либеральнымъ. Не только во Франкфуртѣ Гоффманъ часто подавалъ голосъ съ радикальной партіей, но и возвратясь на родину, продолжалъ агитацію противъ господствующей церкви, окончившуюся въ 1859 г. формальнымъ отлученіемъ его отъ нея. На эту мѣру онъ отвѣчалъ предсказаніемъ, что въ 1866 г. наступитъ конецъ міра; когда предсказаніе его не исполнилось, онъ вмѣстѣ съ небольшою горстью преданныхъ ему пѣтистовъ оставилъ Европу и основалъ въ Яффѣ христіанскую колонію, мечтающую тамъ и понынѣ о восстановленіи іерусалимскаго храма.

V.

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Освобожденный отъ тягостной для него парламентской дѣятельности, отъ не менѣе тягостной необходимости жить въ одномъ городѣ съ бывшей своей женой, Штраусъ надѣялся найти успокоеніе въ Мюнхенѣ, среди художественныхъ его сокровищъ. Изученіе глиптотеки, посѣщеніе мюнхенскаго театра дѣйствительно доставило ему много наслажденій, плодомъ которыхъ явился сначала цѣлый рядъ такъ-называемыхъ эпитаграммъ, заключающихъ въ себѣ короткую, болѣею частью мѣткую и изящную характеристику лучшихъ статуй глиптотеки ¹⁾, потомъ

¹⁾ Т. XII, стр. 91—104. Приводимъ для примѣра одну эпитагму, въ которой слышится воспоминаніе Штрауса о потерянномъ счастьѣ: „*Aegyptisches Ehepaar. Ach, wie rührt mich das alte vom Nil, das zärtliche Ehepaar! Drei Jahrtausende schon hält es so treu mich umfasst.*“

цѣльный рядъ музыкальныхъ сонетовъ, посвященныхъ любимцамъ Штрауса, нѣмецкимъ классикамъ — Генделю, Глюку, Гайдну, Моцарту, Бетховену ¹⁾. Но всѣ подобныя занятія имѣли для Штрауса только значеніе интермедіи, въ ожиданіи настоящаго труда, который одинъ могъ служить противовѣсомъ тяготѣвшему надъ нимъ съ прежнею силой горю. Между тѣмъ, предмета для такого труда, тѣмы, которая бы имъ вполне овладѣла, Штраусъ все не находилъ. Друзья, видя его увлеченіе музыкой и скульптурой, совѣтовали ему одно время посвятить себя изученію истории искусства, обратиться, по примѣру Фишера, изъ богослова въ эстетика, предпринять съ этою цѣлью путешествіе въ Римъ; но настолько сильно художественная струна въ немъ не звучала, чтобы онъ могъ послѣдовать этому совѣту. Въмѣсто Рима, онъ съѣздилъ только въ Веймаръ, поклониться праху своего любимаго поэта — Гёте, и въ осени возвратился въ Мюнхенъ. Здѣсь его ожидало новое горе — вѣсть о смерти его лучшаго друга, Мерклина. Подъ вліяніемъ глубокой скорби, онъ принялся за біографію Мерклина. До нѣкоторой степени она можетъ считаться автобіографіей самого Штрауса, такъ какъ въ семинаріи и университетѣ оба друга жили одною и тою же жизнью, да и потомъ въ судьбѣ ихъ было много общаго. Чѣмъ задушевнѣе было чувство, съ которымъ Штраусъ писалъ эту книгу, чѣмъ больше вложилъ онъ въ нее дорогихъ ему впечатлѣній и воспоминаній, тѣмъ тяжелѣе долженъ былъ поразить его приемъ, сдѣланный ей публикой. Началось разочарованіе съ того, что онъ долго не могъ найти для нея издателя; консервативные книгопродавцы не хотѣли печатать ея изъ-за имени автора, либеральные — изъ-за того, что она выставяла въ неблагопріятномъ свѣтѣ образъ дѣйствій виртембергской демократіи въ 1848 г. Когда она, наконецъ, вышла въ свѣтъ (въ концѣ 1850 г.), она была встрѣчена всеобщимъ равнодушіемъ, среди котораго выдались только ожесточенныя нападенія нѣсколькихъ демократовъ, лично ею задѣтыхъ, и насмѣшки Штейба, уже упомянутыя нами. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего, какъ потому, что общественное вниманіе все еще было поглощено недавними политическими событіями, такъ и потому, что предметъ книги самъ по себѣ не могъ привлечь къ ней большинство читателей. Въ главахъ немногихъ друзей Мерклина былъ типическимъ представителемъ

¹⁾ Т. XII, стр. 110—124. Вотъ начало сонета о Генделѣ: „Das ist ein Mann! er gleicht den alten Eichen, in deren Aesten Gottes Stürme hausen und ihre Urweltmelodien sausen; von deutscher Kraft ein unvergänglich Zeichen“.

новаго умственнаго и нравственнаго склада, — для публики онъ былъ только пасторомъ, не поладившимъ съ своимъ начальствомъ, и зауряднымъ литераторомъ, написавшимъ полу-забытую монографію о піетизмѣ. Исторія его сомнѣній, его внутренней борьбы, его усилій вырваться изъ узъ, наложенныхъ на него воспитаніемъ и привычкой, могла представлять и дѣйствительно представлять глубокий интересъ, но только для тѣхъ, кто самъ пережилъ нѣчто подобное; другіе должны были увидѣть въ ней, вмѣстѣ съ Штейбомъ, рассказъ одного чудака-ученаго про другого, такого же, занимательный развѣ для изученія особой породы оригиналовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ швабскихъ магистровъ. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что біографія Мерклина несомнѣнно выиграла бы отъ большей краткости изложенія или отъ введенія ея, какъ эпизода, въ общую картину движенія, однимъ изъ представителей котораго былъ герой ея. Уваженіе къ памяти покойнаго друга помѣшало Штраусу распознать съ достаточною точностью общенитересное въ жизни Мерклина отъ подробностей, цѣнныхъ только для небольшого кружка близкихъ ему лицъ.

Болѣе чѣмъ холодный приемъ, сдѣланный какъ «Мерклину», такъ и появившемуся почти одновременно съ нимъ изданію писемъ Шубарта, съ примѣчаніями Штрауса, отнял на время у Штрауса всякую охоту въ литературному труду. Не благопріятствовала работѣ и ночевая жизнь, которую нѣсколько лѣтъ сряду велъ Штраусъ. Изъ Мюнхена онъ переселился въ Веймаръ, но тамошній образъ жизни, болѣе чѣмъ на половину сѣверо-германскій, пришлся ему не по дуплѣ; его классическій вкусъ не могъ перенести, притомъ, увлеченія «музыкою будущаго», господствовавшего въ Веймарѣ. Въ Кельнѣ, куда онъ затѣмъ перѣхалъ, музыкальныхъ наслажденій онъ нашелъ вдоволь, но кѣльнское общество, живущее преимущественно матеріальными интересами, не могло доставить ему той умственной пищи, въ которой онъ еще болѣе нуждался. Примирить его съ Кельномъ не могла даже близость брата, котораго онъ нѣжно любилъ. Наконецъ, въ 1854 г., ему удалось найти желанную пристань, на время, но крайней мѣрѣ, давшую ему спокойствіе и сочувственную интеллектуальную атмосферу. Это былъ Гейдельбергъ, въ одинъ изъ пансіоновъ котораго онъ опредѣлилъ свою дочь. Прекрасное мѣстоположеніе Гейдельберга, окрестности, вызывавшія на любимыя Штраусомъ дальнія прогулки, возможность видѣться съ дочерью и слѣдить за умственнымъ ея развитіемъ, безъ необходимости входить во всѣ подробности ея воспитанія, богатая университет-

ская библиотеки, близость Мангейма, съ его хорошей драматической и оперной труппой, и, наконецъ, что для Штрауса было всего важнѣе, небольшой кружокъ мыслящихъ людей, въ которомъ онъ чувствовалъ себя между равными — вотъ что въ продолженіе шести лѣтъ привязывало его къ Гейделбергу. Первое мѣсто между его новыми друзьями занимали Куно Фишеръ и Гервинусъ. Куно Фишеру, въ то время только-что начинавшему приобретать извѣстность приватъ-доценту философіи, незадолго до пріѣзда Штрауса было запрещено чтеніе лекцій, вслѣдствіе доноса одного изъ богословскихъ служителей тогдашней реакціи; это сходство судьбы и послужило первоначальнымъ поводомъ къ сближенію его съ Штраусомъ. Гервинусъ, стоявшій въ то время на высшей точкѣ своей славы, привлекалъ къ себѣ Штрауса не только шириною политическаго и историческаго образованія, но и страстью въ музыкѣ и поэзіи, хотя вкусы его въ этомъ отношеніи и расходились съ вкусами Штрауса; послѣдній ставилъ выше всего. Моцарта и Гёте, первый—Генделя и Шекспира.

Еще до пріѣзда въ Гейделбергъ, Штраусъ окончилъ приготовительныя работы къ новому біографическому труду, вышедшему въ свѣтъ въ 1855 году. Героемъ его былъ философъ и поэтъ второй половины XVI-го вѣка — Фришлингъ. Что заставило Штрауса остановиться на этомъ малоизвѣстномъ писателѣ, стоившемъ очерка, но не объемистой книги? Прежде всего, здѣсь сказался интересъ, съ которымъ Штраусъ всегда относился къ своей родинѣ—Виртембергу—и къ ея исторіи. Мерклингъ, Шубартъ, Фришлингъ, Гуттенъ—все это или уроженцы Виртемберга, или лица, игравшія роль въ его внутренней жизни; въ нихъ слѣдуетъ прибавить цѣлый рядъ поэтовъ и живописцевъ, едва извѣстныхъ за предѣлами Виртемберга, но удостоившихся чести попасть въ галерею портретовъ, нарисованныхъ Штраусомъ между дѣломъ и вошедшихъ въ составъ его такъ-называемыхъ «*kleine Schriften*». Далѣе: всѣ описанныя Штраусомъ въ подробныхъ біографіяхъ лица были людьми борьбы, полными энергіи и настойчивости, не уживавшимися съ своею средой и навлекавшими на себя гоненія свыше, — однимъ словомъ, людьми, имѣвшими кое-что общее съ своимъ біографомъ. Одной черты, свойственной имъ всѣмъ, кромѣ Мерклина, мы не находимъ, правда, въ самомъ Штраусѣ—способности наслаждаться жизнью, бодро переносить ея удары; но, по собственнымъ словамъ Штрауса, цѣльныя, сильныя, гармоническія натуры были привлекательны для него именно потому, что онъ не принадлежалъ къ ихъ числу и болѣзненно чувствовалъ свою надломанность. Сходство между

Штраусомъ и его героизмъ заключалось, такимъ образомъ, не столько въ характеръ, сколько въ судьбѣ, въ направленіи дѣятельности, болѣе или менѣе оппозиціонномъ. Съ этой точки зрѣнія, интересъ, возбужденный въ Штраусѣ личностью Фришлина, становится вполне понятнымъ. Вся жизнь Фришлина была одной продолжительной борьбой, — борьбой съ ограниченностью и педантизмомъ тюбингенскихъ профессоровъ, среди которыхъ онъ въ 1570 году игралъ такую же роль, какъ Штраусъ — въ 1835 году; борьбой съ формализмомъ протестантскаго духовенства, начинавшаго уже застывать въ тѣхъ формахъ, въ которыя отлизи его могучіе реформаторы первой половины XVI-го вѣка; борьбой, наконецъ, съ предрасудками и невѣжествомъ дворянства. Ученые и пасторы отвѣчали на нападенія Фришлина только клеветами и мелкими придирками, выжившими его изъ Тюбингена и заставившими его вести кочующую жизнь — то на сѣверѣ, то на юго-востовѣ Германіи; но дворянство, заручившись союзомъ герцога виртембергскаго Людвигъ, добилось заключенія смѣлаго писателя въ вѣрность, откуда онъ пытался бѣжать, и во время этой попытки расшибся до-смерти. Въ жизни, столь полной волненій, были, конечно, интересные моменты; но такого всесторонняго изученія, какое посвятилъ ей Штраусъ, она все-таки не заслуживала, тѣмъ болѣе, что вторая половина XVI-го вѣка была эпохою эпигоновъ, маленькихъ продолжателей — и исказителей — великаго дѣла, и что въ оппозиціи самого Фришлина наибольшую роль играли личные счеты, мелочные интересы. Этимъ объясняется новая авторская неудача, постигшая Штрауса; сочиненіе его о Фришлинѣ нашло отголосокъ только въ ученыхъ кружкахъ, — большинство читающей публики не обратило на него никакого вниманія. На этотъ разъ, однако, неудача не огорчила Штрауса и не подавила вновь пробудившуюся охоту къ труду, какъ потому, что на его сторонѣ было сочувствіе интеллигентной среды, въ которой онъ жилъ, такъ и потому, что на громкій успѣхъ онъ заранѣе не рассчитывалъ, въ виду избраннаго имъ предмета. Ему самому работа надъ биографіей Фришлина, особенно чтеніе его писемъ (ихъ неразборчивый почеркъ сильно повредилъ его зрѣнію) доставила много наслажденія: «ich weiss nicht, — говоритъ онъ о ней въ поэтической къ ней надписи, — wie es ist zu lesen — zu schreiben ist mir's lustig gewesen». Съ бодростью духа, постоянно возрастающею, онъ перешелъ прямо отъ занятій Фришлиномъ къ изученію другого, болѣе громкаго и блестящаго дѣятеля XVI-го вѣка, — Ульриха фонъ-Гуттена. Болѣе удачнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, выбора Штраусъ сдѣлать

не могъ; біографія Гуттена, вышедшая въ свѣтъ въ 1857 году, имѣла громаднѣйшій успѣхъ и напомнила Германіи, что Штраусъ принадлежитъ къ числу первостепенныхъ писателей ея. Все содѣйствовало этому успѣху: эпоха, къ которой относится дѣйствіе, — эпоха, когда тенденціи возрожденія переплетаются съ тенденціями реформаціи, когда послѣдняя выступаетъ на сцену во всей своей первоначальной свѣжести, еще не замкнутая въ формулы, не отрѣшившаяся отъ народной жизни; личность героя, одного изъ самыхъ симпатичныхъ представителей новаго времени, борца не только за религіозную, но и за политическую свободу, талантливаго публициста, съ одинаковой силой владѣющаго и народнымъ, и книжнымъ языкомъ, производящаго, вмѣстѣ съ Лютеромъ, переворотъ въ нѣмецкой литературѣ¹⁾; богатство и разнообразіе обстановки, среди которой онъ дѣйствуетъ, множество интересныхъ эпизодовъ, раздвигающихъ рамки біографіи и дѣлающихъ изъ нея настоящую историческую картину; наконецъ, бьющія въ глаза точки соприкосновенія съ настоящимъ, параллели, сами собою напрашивающіяся на мысль. Изложеніе Штрауса спокойно и объективно, — онъ не подчеркиваетъ на каждомъ шагѣ мораль своего разсказа, но сочувствіе его къ своему герою и къ защищаемымъ имъ идеямъ просвѣчиваетъ вездѣ и сообщаетъ всей книгѣ особую прелесть. Она соединяетъ въ себѣ достоинство научнаго труда съ общедоступностью популярной книги; уважемъ, для примѣра, на главу объ «epistolae obscurorum virorum»²⁾, которая читается такъ же легко, какъ юмористическая повѣсть, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, содержитъ въ себѣ удачный, по мнѣнію компетентныхъ судей, опытъ разрѣшенія издавна спорнаго вопроса объ авторѣ или авторахъ этихъ знаменитыхъ писемъ. Біографія Гуттена служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что Штраусъ не ошибался, считая себя особенно способнымъ къ этому роду историческихъ изслѣдованій. «Я часто думалъ, — говоритъ онъ въ своей автобіографіи, — что если бы я могъ написать романъ, онъ вышелъ бы недуренъ. Къ сожалѣнію, мнѣ недоставало одного условія, безъ котораго за настоящій романъ нельзя и приняться, — дара изобрѣтенія. Біографія была единственной формой романа, мнѣ доступной, именно потому, что здѣсь изобрѣтать ничего не нужно, а извѣстны даны событія и

1) Короткой характеристикой Гуттена можетъ служить слѣдующая поэтическая надпись Штрауса къ его „Разговорамъ“: „Ulrich Hutten, edler Ritter, deutscher Freiheit kühner Hort! Deine Lanze ging in Splitter, doch unsterblich kämpft dein Wort“.

2) „Ulrich von Hutten“, т. I, стр. 231—273.

лица, съ ихъ характерами и ихъ судьбою. Съ другой стороны, всѣ качества, которыми я обладалъ, — способность горячо сочувствовать и живо представлять себѣ описываемое, даръ пластическаго изложенія, дѣйствующаго на чувство и фантазію читателей, — на поприщѣ біографіи могли оказать мнѣ еще большія услуги, чѣмъ на поприщѣ богословія; а тѣмъ, что во мнѣ развили богословскія работы — критическимъ чутьемъ, діалектическимъ искусствомъ — я могъ воспользоваться и для біографіи. Принимаясь за нее, я оставался, слѣдовательно, вполнѣ вѣрнымъ своей натурѣ, своему авторскому призванію». Этими соображеніями Штраусъ желаетъ объяснить и оправдать свое долгоевременное удаленіе съ первоначально избраннаго имъ поля битвы, признавая однако, что тамъ результаты его дѣятельности были бы болѣе замѣтны, чѣмъ на окольномъ пути историческихъ монографій. Біографія Гуттена оказала Штраусу, между прочимъ, и ту важную услугу, что послужила первымъ толчкомъ къ возвращенію его на прежнюю дорогу. Отъ неутомимаго врага до-реформаціонной папской власти мысль невольно переходила въ современному Риму, именно тогда старавшемуся поработить себѣ южную Германію путемъ конкордатовъ, а затѣмъ и къ Риму нѣмецкому, протестантскому, многимъ отличному отъ настоящаго. У Штрауса переходъ этотъ совершился не вдругъ — такъ сильно было еще въ немъ нерасположеніе къ богословскимъ занятіямъ. Сначала онъ, по совѣтамъ Гервинуса, хотѣлъ приступить къ жизнеописанію Лютера, но скоро остановился передъ несимпатичными ему сторонами личности реформатора. «Я отношусь къ великому освободителю — говоритъ Штраусъ въ своей автобіографіи, — съ чувствомъ искренней благодарности и уваженія; я удивляюсь его мужеству, меня привлекають въ нему многія черты здоровой человѣчности, разсѣяныя какъ въ его жизни, такъ и въ его сочиненіяхъ; но есть между нами одна преграда, безусловно мѣшавшая мнѣ сдѣлаться его біографомъ. Человѣкъ, исходящій изъ убѣжденія, что онъ самъ и всѣ люди безнадежно испорчены и обречены на вѣчныя муки, отъ которыхъ въ состояніи ихъ избавить лишь *soia fides*, чуждъ и непонятенъ мнѣ настолько, что о воодушевленіи имъ, необходимомъ для удачной біографической работы, не можетъ быть и рѣчи». Оставивъ мысль о Лютерѣ, Штраусъ задумалъ написать біографіи шести представителей золотого вѣка нѣмецкой литературы — Клопштока, Виланда, Лессинга, Гердера, Шиллера и Гете — на этотъ разъ вопреки совѣту Гервинуса, находившаго, что не время, среди политическаго упадка Германіи, въ сотый разъ ублаживать ее напоминаніемъ о литератур-

номъ ея величіи. Односторонній взглядъ Гервинуса не подѣйствовалъ на Штрауса, но исполненію его плана помѣшала другая причина. Изъ шести названныхъ нами писателей, истинное, глубокое сочувствіе Штраусъ питалъ только въ трехъ — Лессингу, Шиллеру и Гёте — а начинать приходилось, въ сожалѣнію, не съ нихъ. Приступивъ, такимъ образомъ, къ работѣ безъ увлеченія ея предметомъ, Штраусъ скоро сталъ тяготиться ею и бросилъ ее, какъ только къ тому нашлся поводъ — отвязъ лица, въ рукахъ котораго находилась часть переписки Клопштова, разрѣшить Штраусу пользованіе ею. Первая изъ предположенныхъ шести біографій — біографія Клопштова — осталась, такимъ образомъ, неоконченною; небольшой отрывокъ изъ нея вошелъ въ составъ новаго изданія сочиненій Штрауса. Мысль о жизнеописаніи Лессинга, Шиллера и Гёте продолжала еще нѣсколько времени занимать Штрауса; но единственнымъ плодомъ ея остались небольшія характеристики этихъ писателей, нанечатанныя въ видѣ приложенія къ «Der alte und der neue Glaube». Въ 1860 году Штраусъ издалъ въ свѣтъ переводъ «Разговоры» Гуттена, съ предисловіемъ, знаменующимъ собою возвращеніе его на богословскую почву.

VI.

Возвращеніе на богословскую почву и послѣдняя борьба.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о положеніи нѣмецкаго богословскаго міра въ 1869 году, мы должны сдѣлать бѣглый обзоръ перемѣнъ, совершившихся въ немъ въ продолженіи предшествовавшаго двадцатилѣтія. Мы видѣли уже, что реакція противъ рационализма и гегельянства, противъ терпимости и умѣренности началась еще въ тридцатыхъ годахъ, вслѣдствіе бури, вызванной книгою Штрауса, и что главную роль въ этой реакціи играли пѣвцы всѣхъ отѣнковъ, все болѣе и болѣе усиливавшіеся и приобретавшіе вліаніе въ правительственныхъ сферахъ. Окончательнымъ торжествомъ для нихъ было вступленіе на прусскій престолъ (въ іюнь 1840 г.) Фридриха-Вильгельма IV-го, уже въ качествѣ наслѣднаго принца открыто принимавшаго ихъ сторону и содѣйствовавшаго угнетенію ихъ противниковъ. Почти одновременно съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III-мъ умеръ и вѣрный министръ его, Альтенштейнъ, послѣдній представитель старой, *простынной* прусской бюрократіи. На его мѣсто ми-

нистрою народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ былъ назначенъ Эйхгорнъ, дилломатъ безъ самостоятельныхъ убѣжденій, готовый сдѣлаться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ придворныхъ проповѣдниковъ и генералъ-суперинтендентовъ, окружавшихъ короля и кнѣзѣй съ ними составившихъ ядро преобразованія протестантской церкви. Королю принадлежала въ этихъ дѣлахъ сторона теоретическая, часто фантастическая, совѣтникамъ ея — сторона практическая, выраженная словами: «исворенить, запретить, уничтожить». Въ то время, какъ Фридрихъ-Вальгельмъ IV мечталъ о восстановленіи въ нѣмецкой евангелической церкви епископства, на подобіе церкви англиканской и шведской, объ утѣжденіи, общими силами Англіи и Пруссіи, протестантскаго епископства въ Іерусалимѣ, о созданіи чего-то въ родѣ протестантскаго монашества, объ обращеніи китайцевъ въ христіанство, о введеніи новыхъ богослужебныхъ обрядовъ, степень торжественности которыхъ измѣнялась бы смотря по мѣсту совершенія богослуженія, — Генгстенбергъ и его сотрудники готовили и осуществляли цѣлый рядъ мѣръ, послѣдствіемъ которыхъ должно было быть возможно большее приближеніе протестантской церкви къ католической, такъ чтобы различіе между ними заключалось только въ формѣ. Понятно, что при такомъ направленіи не могло быть и рѣчи о правительственномъ надворѣ за католической церковью, о подчиненіи ея интересовъ интересамъ и видамъ государства. Католическіе іерархи, арестованные въ предшествовавшее царствованіе за явное сопротивленіе закону (но по поводу смѣшанныхъ браковъ, т.-е. браковъ католиковъ съ не-католиками), были не только освобождены, но официально признаны ни въ чемъ не виновными; профессора католическаго богословія, не угодные римской курии, были отрѣшены отъ должности; пилигримство къ хранящейся въ Трирѣ «священной одеждѣ», имѣвшее характеръ явной анти-протестантской демонстраціи, было принято подъ покровительство государственной власти и «Евангелической церковной газеты» Генгстенберга; такъ-называемое «нѣмецко-католическое» движеніе, сходное съ современнымъ «старо-католическимъ» и подобно ему направленное противъ ультрамонтанизма, встрѣтило прямое противодѣйствіе со стороны правительства. Размноженіе въ Пруссіи католическихъ общинъ и монастырей, усиленіе ультрамонтанской прессы, образованіе ультрамонтанскихъ союзовъ — однимъ словомъ, всѣ тѣ явленія, которыя тридцать лѣтъ спустя встревожили даже Бисмарка и вызвали не прекратившійся и до сихъ поръ «Kulturkampfъ», имѣютъ свое начало именно въ занимающей насъ теперъ эпохѣ прусской исторіи. Параллельно

съ уступками католицизму шло преслѣдованіе оппозиціонныхъ элементовъ протестантской церкви. Передъ чѣмъ остановились, польѣека тому назадъ, авторы «Religionsedict'a», то было теперъ вновь предпринято и исполнено болѣе смѣлыми подражателями ихъ. Началось *очищеніе* богословскихъ и проповѣдническихъ кафедръ, — очищеніе, результатомъ котораго было образование такъ-называемыхъ свободныхъ общинъ (freie Gemeinden), въ свою очередь подвергшихся гоненію свѣтской власти. Большинство богослововъ облегчило, впрочемъ, задачу правительства, добровольно подчинившись его требованіямъ; между подчинившимися мы находимъ и всѣхъ почти послѣдователей Шлейермахера, и многихъ послѣдователей Гегеля.

Событія 1848 года прервали работу реакціи, но не надолго; два года спустя она возобновилась съ болѣею еще силой, иди руна-объ-руву съ реакціей политической. Нельзя не замѣтить, однако, что полнота ея побѣды не послужила ей въ пользу. Одолѣвъ общаго врага, побѣдители, какъ это часто бываетъ, стали враждовать между собою. Яблокомъ раздора сдѣлался вопросъ о соединеніи (Union) церквей лютеранской и реформатской, — соединеніи, составлявшемъ любимую мысль короля Фридриха-Вильгельма III-го и до извѣстной степени имъ осуществленномъ, посредствомъ установленія богослужебныхъ обрядовъ, не противорѣчившихъ ученію обѣихъ церквей; различіе въ догматахъ оставалось при этомъ неприкосновеннымъ. Крайніе ревнители лютеранства видѣли въ такомъ соединеніи нарушеніе чистоты своего вѣроисповѣданія, которое не должно имѣть ничего общаго съ другими; защитники униі желали, наоборотъ, все больше и больше выдвигать на первый планъ общіе элементы обоехъ ученій, въ надеждѣ на полное сліяніе ихъ. Главными представителями перваго направленія были Генгстенбергъ, Шталь (профессоръ богословія въ берлинскомъ университетѣ, сотрудникъ «Крестовой газеты», систематикъ абсолютизма) и Раумеръ (министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Мантейфеля, вѣрный снимокъ съ Эйхгорна); главнымъ представителемъ втораго — знакомый намъ уже Вильгельмъ Гоффманъ, положившій основаніе своей карьерѣ возраженіемъ на книгу Штрауса, съ 1853 г. придворный проповѣдникъ въ Берлинѣ и вице-президентъ консисторіи, любимецъ короля, совѣтовавшася съ нимъ даже о политическихъ дѣлахъ. Самъ король колебался между обоими направленіями; уничтожить унию ему мѣшало уваженіе къ памяти покойнаго отца, ея основателя, — но ея сравнительное равнодушіе къ вѣроисповѣднымъ различіямъ было ему крайне не по-сердцу. Въ 1850 году онъ

учредилъ верховный церковный совѣтъ, для управленія протестантскою церковью въ полномъ ея составѣ, но уже въ 1852 году было постановлено, чтобы въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся спеціально лютеранской или реформатской церкви, участвовали только члены совѣта, которые принадлежатъ къ той или другой. Цѣлый рядъ мѣръ, столь же противорѣчивыхъ, постоянно поддерживавъ волненіе въ церковныхъ сферахъ и богословскомъ мірѣ, забывавшемъ, изъ-за вопросовъ объ униі, другія, болѣе важныя свои задачи. Въ одномъ, впрочемъ, единодушіе между партіями Генгстенберга и Гоффмана было полное—въ преслѣдованіи самостоятельной мысли, гдѣ бы она ни появлялась. Лучшей характеристикой этой эпохи могутъ служить слѣдующія слова, прозвучавшія для нея погребальнымъ звономъ: «въ числу труднѣйшихъ вопросовъ, которые должны быть разрѣшены нами, принадлежитъ вопросъ церковный, такъ какъ на этомъ поприщѣ въ послѣднее время сдѣлано много ошибокъ. Необходимо противодействовать стремленіямъ, обращающимъ религію въ прикрытие для политическихъ происковъ. *Въ евангелическую церковь окралось такъ-называемое правословіе, не соответное съ ея основными воззрѣніями и воспитывающее только лицемеровъ.* Это правословіе стало въ разрѣзъ съ благотѣльнымъ дѣломъ униі и угрожало ей распаденіемъ. Мое намѣреніе—поддержать унию, безъ нарушенія правъ отдѣльныхъ вѣроисповѣданій. Чтобы осуществить эту задачу, необходимо тщательно выбирать и отчасти перемѣнить ея исполнителей. Съ лицемѣрія, съ притворнаго благочестія, однимъ словомъ—со всякой попытки обратить церковные интересы въ средство для достиженія эгоистическихъ цѣлей, должна быть снята маска, гдѣ это только возможно». Это—слова принца-регента Вильгельма,—нынѣ императора германскаго,—сказанныя имъ 8 ноября 1858 года, при вступленіи въ управленіе странюю, вслѣдствіе душевной болѣзни короля Фридриха-Вильгельма IV-го. Известно, что начавшаяся такимъ образомъ «новая эра» была непродолжительна; борьба между правительствомъ и палатой депутатовъ, въ 1862 году дошедшая до открытаго разрыва, возвратила Генгстенбергу и Гоффману—теперь примиреннымъ—утраченное ими вліяніе и дала имъ, въ лицѣ фонъ-Мюлера, министра народнаго просвѣщенія, ничѣмъ не отличавшагося отъ Раумера и Эйхгорна. Рѣшительный поворотъ въ другую сторону совершился гораздо позже, и не въ Пруссіи, а въ одномъ изъ южно-германскихъ государствъ, до тѣхъ поръ шедшихъ на ея буксирѣ—въ великомъ герцогствѣ баденскомъ. И тамъ, какъ въ Пруссіи, реакція достигла крайнихъ предѣловъ въ пятидесятихъ годахъ. Гене-

ральный синодъ, составленный почти исключительно изъ криверт-женцевъ правой стороны, оспорила баденской реформатской церкви — еще недавно главному оплоту рационализма — новый катихизисъ, новое исповѣданіе вѣры и новыя богослужебныя книги, проникнутыя католизирующей тенденціей. Введеніе ихъ встрѣтило сопротивленіе со стороны многихъ реформатскихъ общинъ. Доказательствомъ серьезности сопротивленія служитъ то, что во главѣ его сталъ извѣстный историкъ, профессоръ гейдельбергскаго университета Гейссеръ; но настоящую силу оно получило тогда, когда къ нему примкнулъ вліятельнѣйшій изъ членовъ реформатскаго духовенства, директоръ богословской семинаріи, до тѣхъ поръ считавшійся сторонникомъ консервативной партіи, Шеннелъ. Параллельно съ оппозиціей нововведеніямъ генеральнаго синода шла оппозиція проекту конкордата съ Римомъ, предложенному правительствомъ на утвержденіе палаты. Проектъ былъ отвергнутъ, и вмѣстѣ съ нимъ пало консервативное министерство (1860). Побѣда либераловъ въ политической области отразилась и на церковныхъ дѣлахъ. Въ 1861 году баденская реформатская церковь получила новое устройство, основанное на выборномъ началѣ и вполне соответствовавшее желаніямъ прогрессивной партіи. Движеніе, начавшееся въ Баденѣ, охватило и прирейнскую Баварію; дальнѣйшее распространеніе его казалось неизбежнымъ. Шеннелъ являлся однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Германіи. Северо-германскіе пѣтисты поняли всю важность опасности, грозившей имъ съ юга, и рѣшились отразить ее смѣлымъ наступательнымъ маневромъ. Исторія войны, затѣванной ими противъ Шеннеля, сопрягается съ исторіей новаго періода богословской дѣятельности Штрауса, къ которому мы теперь и обратимся.

Давно угасшая охота къ богословскимъ занятіямъ пробудилась въ Штраусѣ подъ вліяніемъ нѣсколькихъ случайныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ одно — работа надъ біографіей Гутена — намъ уже извѣстно. Лѣтомъ 1857 и 1858 гг. онъ провелъ нѣсколько недѣль у своего стариннаго друга, пастора Раппа; начальникомъ послѣдняго — тотъ самый прелатъ Мерингъ, который въ 1848 г., въ виртембергской палатѣ депутатовъ, сначала дѣйствовалъ за-одно съ Штраусомъ, а потомъ оказался либеральнѣе его и подаль голосъ за адресъ по поводу казни Блума, — потребовалъ отъ Раппа объясненіе, почему онъ считаетъ возможнымъ принимать у себя такого человѣка, какъ Штраусъ. Возмущенный этимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь своего друга, Штраусъ принесъ жалобу министерству, но она была оставлена безъ вниманія. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1859 г., виртембергскіе пѣ-

тисты протестовали противъ торжественнаго празднованія столѣтней годовщины дня рожденія Шиллера, въ которомъ Штраусъ принималъ самое душевное участіе. Наконецъ, кружокъ гейдельбергскихъ друзей Штрауса слѣдилъ съ величайшимъ интересомъ за описанной нами борьбой въ средѣ баденской церкви, и сумѣлъ заинтересовать въ ней до извѣстной степени и Штрауса. Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ, по словамъ самого Штрауса, тотъ ожесточенный ударъ, который онъ нанесъ господствующей богословской партіи въ предисловіи въ переводу «Разговоровъ» Гуттена. На нее, и только на нее обрушивается вся сила насмѣшки и презрѣнія Штрауса. Онъ не вѣритъ, правда, въ успѣхъ примирительныхъ попытокъ, дѣлаемыхъ немногими изъ бывшихъ учениковъ Шлейермахера (большинство ихъ, какъ мы знаемъ, перешло на сторону консерваторовъ); но онъ говоритъ о нихъ безпристрастнымъ, почти сочувственнымъ тономъ, и продолжаетъ, какъ и дѣнадцатъ лѣтъ тому назадъ, настаивать на возможности и необходимости сохранить извѣстную долю того, что срывается подъ отбрасываемую имъ формой; онъ не отказываетъ даже самой формѣ въ томъ уваженіи, котораго требуютъ питаемая въ ней многими чувства. Тѣмъ же духомъ проникнуты и надгробная рѣчь Штрауса надъ умершимъ его другомъ Зихереромъ, и вступокъ его о «Натанѣ» Лессинга, относящіяся къ 1861 г.; въ томъ же настроеніи, поддерживаемомъ, быть можетъ, спокойною домашнею жизнью въ Гейльброннѣ, вмѣстѣ съ дочерью (1860—64), — онъ приступилъ къ приготовительнымъ трудамъ по новой переработкѣ первой своей книги. Труды эти были довольно продолжительны и сложны; въ области богословской науки съ тѣхъ поръ, какъ ее оставилъ Штраусъ, появилось много замѣчательныхъ сочиненій, еще разъ доказавшихъ живучесть нѣмецкой мысли даже при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Первое мѣсто между этими сочиненіями занимали работы Баура и его учениковъ — Целлера, Швеглера, Гильгенфельда и др., — образовавшихъ вмѣстѣ съ учителемъ такъ-называемую тюбингенскую историческую школу. Специальностью ея была критика источниковъ, которую она довела до небывало-высокой степени. Соперничала съ тюбингенцами и даже осыпала ихъ ругательствами, въ сущности употребляя одни съ ними средства и идя къ одной съ ними цѣли, гёттингенскій профессоръ Эвальдъ, извѣстный авторъ «Geschichte des Volkes Israel», отличный знатокъ своего предмета, но до невѣроятности тщеславный и унижавшій всѣхъ другихъ въ такой же мѣрѣ, въ какой поклонялся самому себѣ. Нѣсколько другихъ писателей, въ томъ числѣ зна-

комый намъ по цюрихской исторіи Гитдигъ, сходился съ Эвальдомъ въ гипотезѣ о старѣйшинствѣ одного изъ источниковъ, тюбингенскою школою признаваемого, наоборотъ, произведеніемъ сравнительно позднѣйшаго времени. Всѣ эти критическія работы приготовили почву для новыхъ построеній, къ которымъ и было почти одновременно (1863) приступлено какъ во Франціи (Ренанъ), такъ и въ Германіи (Кеймъ). Сочиненіе Штрауса, вышедшее въ свѣтъ въ началѣ 1864 г. подъ заглавіемъ: «Das Leben Jesu, für das deutsche Volk bearbeitet», соединило въ себѣ элементъ критическій съ историческимъ. Въ первомъ отношеніи Штраусъ примкнулъ вполне къ тюбингенской школѣ, во второмъ—дополнилъ отрицательные выводы своей первой книги попыткой воссоздать и собрать въ одну картину все неопровергаемое ими, весь, такъ сказать, положительный остатокъ изслѣдованія. Основная мысль всего труда, выраженная въ заключеніи къ нему, совпадаетъ съ тѣмъ, что сказано было Штраусомъ въ предисловіи къ переводу «Разговоры» Гуттена.

Нельзя сказать, чтобы новое сочиненіе Штрауса не имѣло никакого успѣха; уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода его въ свѣтъ понадобилось второе его изданіе, оно было переведено на англійскій и французскій языки; но впечатлѣніе, произведенное имъ, не можетъ быть названо сильнымъ, особенно если припомнить эффектъ первой его книги. Причинъ этому было много. Самый предметъ не имѣлъ больше интереса новизны, какъ въ виду прежней работы Штрауса и всѣхъ выванныхъ ею опроверженій, такъ и въ виду только-что появившихся изслѣдованій Кейма и Ренана, за которыми скоро послѣдовали Гольцманъ, Шенкель, Прессансе и другіе. Хотя Штраусъ и написалъ свою книгу для нѣмецкаго народа, но уже по самому своему объему, равно какъ и по научнымъ приемамъ автора, она была доступна только для небольшого, сравнительно, меньшинства. Въ особенности повредила ей, съ этой точки зрѣнія, книга Ренана, въ научномъ отношеніи безконечно уступающая книгѣ Штрауса, но именно потому болѣе привлекательная для массы читателей. Наконецъ, и противники у Штрауса на этотъ разъ оказались не тѣ, что прежде. Во время продолжительнаго своего господства пѣвисты и другіе консервативные церковники потеряли привычку разбирать сочиненія своихъ противниковъ; они отвѣчали имъ или молчаніемъ, или общими мѣстами, или выходами противъ личности автора. Такъ, въ сущности, они поступили и съ новой книгой Штрауса; только Генгстенбергъ и немногіе другіе изъ его лагеря сочли нужнымъ напи-

сать все-что въ ея опроверженіе. Всего сильнѣе восстали противъ Штрауса защитники эвальдовской гипотезы, которую онъ насмѣшливо отвергъ, не изучивъ ея съ надлежащею тщательностью. Такъ какъ они принадлежали болѣею частью къ числу свободно мыслящихъ богослововъ, членовъ «Protestantenverein», задачей котораго было преобразование протестантской церкви безъ потрясенія коренныхъ основъ религіи, то полемика ихъ съ Штраусомъ обратилась мало-по-малу въ борьбу между либерализмомъ и радикализмомъ, между реформой и революціей на церковной почвѣ. Этимъ объясняется отчасти то положеніе, которое заняли Штраусъ въ другой борьбѣ — борьбѣ между реакціей и реформой, загорѣвшейся по поводу сочиненія Шенкеля: «Charakterbild Jesu» (1864). Въ сочиненіи этомъ не было высказано ничего новаго, сравнительно съ десятками, сотнями другихъ, написанныхъ на ту же тему рационалистами и вообще богословами умѣренно-критическаго направленія; но Шенкель былъ вождемъ ненавистнаго консерваторамъ движенія, — и этого было достаточно, чтобы вызвать дѣлающую бурю противъ его книги. Сначала пущены были въ ходъ мѣстные средства; сто девятнадцать баденскихъ пасторовъ подали баденскому оберъ-кирхенрату протестъ противъ лжеученія Шенкеля, съ требованіемъ, чтобы онъ былъ удаленъ отъ должности. Когда это не подѣйствовало, берлинскіе оберъ-пѣвисты организовали агитацію протестовъ во всей Германіи; чтобы дать понятіе объ ея размахѣ, достаточно сказать, что протестъ бранденбургскихъ пасторовъ былъ покрытъ 757, померанскихъ — 686 подписями, что въ нѣмецкихъ голосахъ присоединились англійскіе, французскіе, даже американскіе, и что общее число всѣхъ протестующихъ — только не въ истинно-протестантскомъ смыслѣ этого слова — протестантскихъ духовныхъ лицъ дошло, наконецъ, до 6,248! Несмотря на весь либерализмъ баденскаго министерства, оно начало слабѣть въ защитѣ Шенкеля, συμβтовало ему даже добровольно отказаться отъ своей должности, и если дѣло не окончилось совершеннымъ пораженіемъ Шенкеля и его сторонниковъ, то только благодаря австро-прусской распрѣ, отвлекшей въ другую сторону вниманіе правительственныхъ сферъ ¹⁾. Раньше этого момента, въ то самое время, когда Шенкелю, а въ его лицѣ — свободѣ преподаванія въ Германіи угрожала еще серьезная опасность, въ числу его про-

¹⁾ Остановить распространеніе движенія протестамъ во всякомъ случаѣ удалось; господство вѣтхостовъ продолжалось и послѣ 1866 г., и даже послѣ 1870 г., и истреблено осмѣло только со времени паденія Милера и пачатія „Kulturkampf“.

тезисовъ, хотя, конечно, не въ одномъ смыслѣ съ консервативными «протестантами», присоединился Штраусъ. Въ брошюрѣ, озаглавленной «Die Halben und die Ganzen», онъ накинулся на Шенкеля и на всѣхъ либеральныхъ богослововъ, обвиняемыхъ имъ въ *половинчатости*, съ гораздо болѣею силой, чѣмъ на Генгстенберга и другихъ представителей *чуждому* консервативнаго направленія. Лично Шенкелю Штраусъ не могъ простить его доноса на Куно Фишера, и удивлялся благодушію гейдельбергскихъ своихъ друзей, согласившихся признать Шенкеля вождемъ предпринятаго ими движенія. Самое движеніе, сначала, какъ мы видѣли, заинтересовавшее Штрауса, скоро показалось ему мелкимъ, ничтожнымъ; ему наскутило постоянно слышать оживленные о немъ толки, они стали дѣйствовать на него раздражительно, и это раздраженіе ускорило даже отъѣздъ его изъ Гейдельберга. Нерасположеніе его къ партіи, въ рядахъ которой сражался Шенкель, было довершено полемикой, возбужденной ея приверженцами противъ послѣдней книги Штрауса. Само собою разумѣется, что этимъ не исчерпываются причины, побудившія Штрауса возстать противъ «половинчатыхъ»; главною изъ нихъ, конечно, было искреннее убѣжденіе въ теоретической и практической несостоятельности такъ-называемыхъ среднихъ мнѣній, привлекающихъ на свою сторону всѣхъ нерѣшительныхъ людей и замедляющихъ этимъ самымъ окончательное торжество праваго дѣла. Правильно ли это воззрѣніе вообще — это вопросъ, обсужденіе котораго повело бы насъ слишкомъ далеко; но что примѣненіе его къ данному случаю было большою ошибкой со стороны Штрауса, это въ нашихъ глазахъ не подлежитъ сомнѣнію. Ему стоило только вспомнить о нѣкоторыхъ эпизодахъ своей жизни, чтобы отнестись съ болѣею снисходительностію къ представителямъ средней партіи. Развѣ онъ не старался найти себѣ мѣсто въ ея рядахъ, хотя и на крайнемъ лѣвомъ ея флангѣ, когда издавалъ въ третій разъ свою первую книгу, когда писалъ свои «Friedliche Blätter», когда объяснялъ свой образъ мыслей передъ цюрихскими друзьями, да и позже, передъ людвигсбургскими избирателями? Развѣ Бруно Бауеръ и Арнольдъ Руге не обвиняли его въ отсталости, т.-е. именно въ половинчатости? Развѣ въ политической дѣятельности своей онъ не примыкалъ къ центру, къ умѣренной партіи, не навлекалъ на себя этимъ упреки демократовъ? ¹⁾ Если

¹⁾ Замѣчательно, что слова, которыми озаглавлена брошюра Штрауса — „Die Halben und die Ganzen“, — были употреблены въ 1848 г. противъ него и Мерклина соперникомъ послѣднiаго на гейлброннскихъ выборахъ, Генгесомъ, въ одной изъ тогдашнихъ демократическихъ газетъ.

онъ теперь и видѣлъ во всемъ этомъ рядъ ошибокъ—чего о политической дѣятельности его, впрочемъ, сказать никакъ нельзя, такъ какъ онъ въ этой области остался умѣреннымъ, и даже очень умѣреннымъ, до конца жизни, — то имѣлъ ли онъ право такъ рѣзко осуждать другихъ за подобныя же ошибки? Съ другой стороны, не такое въ 1865 г. было время, чтобы опасаться излишняго усиленія средней партіи въ богословскомъ мірѣ. Едва поднимая голову въ одномъ уголѣ Германіи, она во всѣхъ другихъ частяхъ ея была подавлена, угнетена и терпѣла со всѣхъ сторонъ тяжелые удары, къ которымъ, право, не было надобности присоединять бичъ штраусовской насмѣшки. Коалиція противъ общаго врага болѣе чѣмъ когда-нибудь была необходима, старшие счеты могли быть покончены въ другую, болѣе удобную минуту. Забивая Шенкелю доступъ въ свою среду только потому, что онъ когда-то принадлежалъ къ другому лагерю, гейдельбергскіе друзья Штрауса поступили бы крайне непрактично, повредили бы своему собственному дѣлу, успѣшно двинувшемуся въ ходъ именно съ тѣхъ поръ, какъ къ нему применилъ Шенкель. Вставая противъ союза съ обращенными грѣшниками, Штраусъ вступилъ, самъ того не замѣчая, въ другой, гораздо худшій союзъ съ грѣшниками и не помышляющими объ обращеніи, упорствующими въ грѣхъ своемъ. Со времени появленія брошюры «Die Halben und die Ganzen», отзывы консервативныхъ газетъ о Штраусѣ внезапно измѣняются; онъ говоритъ о немъ какъ о почтенномъ, хотя и заблуждающемся ученомъ, и охотно ссылаются на его авторитетъ, когда нужно нанести Шенкелю ударъ посильнѣе. Отвѣчая Штраусу на ту часть брошюры, которая касалась лично его, Гентстенбергъ съ торжествомъ указываетъ на сравнительную ея слабость, и объясняетъ разницу между обѣими частями брошюры тѣмъ, что, нападая на Шенкеля, Штраусъ исполнялъ какъ-бы божественное призваніе, оставившее его, лишь только онъ перешелъ къ нападеніямъ на Гентстенберга. Неудивительно, въ виду всего этого, что настоящаго успѣха брошюра Штрауса, несмотря на блестящее ея остроуміе, не имѣла, и что даже ближайшіе друзья его, по его собственному выраженію, только *протиснули* ему ее, между тѣмъ какъ онъ надѣялся и рассчитывалъ на одобреніе. Эта неудача, присоединенная къ прежнимъ, произвела на него тяжелое впечатлѣніе, долго мѣшавшее ему приняться за новый трудъ. Обидывая свое прошедшее грустнымъ, иногда пессимистическимъ взоромъ, онъ то преувеличивалъ недостатки своихъ послѣднихъ трудовъ, называя себя дилеттантомъ въ области богословія, то утверждалъ, вопреки общему мнѣнію, что этюдъ о

«половинчатыхъ и цѣльныхъ» принадлежить къ числу лучшихъ его сочиненій въ полемическомъ родѣ. Въ стихотвореніяхъ его, относящихся къ этой эпохѣ, звучитъ то меланхолическое убѣжденіе, что онъ сдѣлалъ свое дѣло и отжилъ свое время ¹⁾, то негодованіе противъ публики, не сдѣлавшей оцѣнить его ²⁾. Вообще, середина шестидесятыхъ годовъ была печальнымъ періодомъ въ жизни Штрауса; онъ расстался съ любимой дочерью, вышедшей за-мужъ и поселившейся въ Боннѣ, и съ Гейльбронномъ, въ которомъ провелъ нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, и опять началъ вести кочующую жизнь, тѣмъ болѣе для него тягостную, что ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ и здоровье его, особенно зрѣніе, оставляло желать весьма многого. Онъ пробовалъ поселиться въ Боннѣ, въ Гейдельбергѣ, въ Мюнхенѣ, въ Берлинѣ, но нигдѣ не находилъ желанныхъ условій, пока, наконецъ, въ 1868 г., не успокоился на время въ Дармштадтѣ. Во время этихъ скитаній онъ написалъ нѣсколько удачныхъ стихотвореній; въ одномъ изъ нихъ онъ жалѣетъ о томъ, что не родился шестью столѣтіями раньше и не нашелъ покоя въ монастырской кельѣ. «O holder Ruhesitz, den ich erkoren! Wie diese stillen Gänge mich beglücken, der Glocken Silberstimmen mich entzücken, zum Himmel auf mich hebt das Lied der Horen! Sei mir gegrüsst, du meine schmale Zelle, du Büchersaal, des Geistes Vorrathskammer, und meiner Augen Trost, umhegter Garten. Sanft legt sich hier des Lebens letzte Welle, die Seele schweigt, gleich fern von Lust und Jammer, das Schlummerstündlein ruhig abzuwarten» (XII, 161). Еще ярче выражено чувство тоски, утомленія жизнью въ небольшой пьескѣ: «In einer Mozart-Matinée» (XII, 163), которую стодѣтъ привести въ исполнѣ: «Diese süßen Friedensklänge überfüllen mich mit Glück; doch die bittern Tropfen zwänge ich in's Auge kaum zurück. Elend war ich allzulange: sahst du nie die Mauerwand, die im Sturm und Flockendrange einen langen Winter stand, wenn im März durch Flur und Haine geht das erste laue Wehn, sahst du nie die alten Steine dann in hellen Thränen stehn?»

Въ Дармштадтѣ Штрауса ожидало непредвидѣнное знаком-

¹⁾ См. напримѣръ „Poetisches Gedenkbuch“ (т. XII), стр. 146.

²⁾ Въ эпиграмѣ „das lesende Publicum“ (XII, 162) Штраусъ сравниваетъ публику съ коровой, пожирающей безъ разбора цвѣты вмѣстѣ съ травой. „Kommt eine Blum ihr vor die Nas, die nimmt sie mit und fragt nicht: was? Ist ihr wie andres Futter auch, beschäftigt das Maul und fällt den Bauch“. Въ эпиграмѣ на книгу Шенкеля, не включенную издателями въ составъ „Gedenkbuch“, онъ говоритъ: „den theuern Lehrer und sein Buch entrisset ihr den Ketzernmeister. Das Buch war eben schlecht genug, um euch Gesellen zu begeistern“.

ство. Принцесса Алиса, дочь королевы Викторіи и жена наследнаго принца (теперь великаго герцога) Людвига, пожелала видѣть Штрауса, который скоро сдѣлался частнымъ ея гостемъ и посвятилъ ей, съ ея согласія, слѣдующую свою книгу, предварительно прочитанную ей въ видѣ лекцій. Это была біографія Вольтера, вышедшая въ свѣтъ лѣтомъ 1870 г., передъ самымъ началомъ франко-прусской войны. Несмотря на неблагоприятное для литературы время, она имѣла большой успѣхъ и выдержала нѣсколько изданій. Нельзя сказать, однако, чтобы она принадлежала въ числу лучшихъ сочиненій Штрауса; она читается легко и съ интересомъ, но характеристику Вольтера, какъ писателя, имѣвшаго громадное вліяніе на современное ему общество, исвать въ ней было бы напрасно; это — біографія въ тѣсномъ смыслѣ слова, жизнеописаніе Вольтера, а не оцѣнка его сочиненій, не картина его эпохи. Еще большій успѣхъ, чѣмъ біографія Вольтера, и съ еще меньшимъ на то правомъ, имѣли слѣдующія за нею два письма Штрауса къ Ренану (августъ и октябрь 1870 г.). Ренанъ, благодаря Штрауса за присылку ему книги о Вольтерѣ, сказалъ нѣсколько словъ о войнѣ, только-что разразившейся между ихъ націями. «Вы понимаете, — писалъ онъ Штраусу, — какъ глубоко горе тѣхъ, которые, вмѣстѣ со мною, поставили себѣ задачей умственное единеніе Германіи и Франціи. Не время теперь и не мѣсто высказывать тѣ мысли, которыя внушаетъ мнѣ начавшаяся война. Кто любитъ истину и справедливость, тотъ долженъ, — вы, конечно, убѣждены въ этомъ наравнѣ со мною, — отрѣшиться отъ всякаго патріотизма, сковывающаго сердце и извращающаго сужденіе». Въ этихъ словахъ не только не было вызова на политическую полемику, но, напротивъ, прямо признавалась ея несвоевременность. Штраусъ, къ сожалѣнію, не послѣдовалъ примѣру Ренана. Вмѣсто того, чтобы стать на единственную точку зрѣнія, достойную его и его собесѣдника, вмѣсто того, чтобы возвыситься надъ страстями минуты и заранѣе намѣтить тѣ примирительныя стремленія, на которыхъ могутъ вновь сойтись разьединенные теперь народы, Штраусъ принимается за старые счеты національнаго самолюбія, спускается на почву, безъ того уже истоптанную легиономъ дипломатовъ, журналистовъ, воинствующихъ профессоровъ въ родѣ Трейтшке. Онъ читаетъ Ренану давно знакомую лекцію исторіи, напоминаетъ ему всѣ грѣхи его народа, беретъ на себя роль защитника прусской политики (о которой онъ еще недавно говорилъ совершенно другимъ тономъ, проводя параллель между Бисмаркомъ и Генгстенбергомъ) и упоминаетъ уже о *гаран-*

міагъ, которыхъ побѣдоносная Германія должна потребовать отъ побѣжденной Франціи. Отвѣтъ Рена на это первое письмо Штрауса пытался перевести споръ на другое, болѣе широкое и свѣтлое поле. Написанный послѣ Седана и паденія имперіи, онъ указываетъ на возможность мира, почетнаго для обѣихъ сторонъ, и протестуетъ противъ отторженія Эльзаса и Лотарингіи не только во имя внутренней связи, соединяющей эти провинціи съ Франціей, но и во имя интересовъ всего человѣчества, необходимымъ звеномъ котораго служить Франція дѣльная, спокойная, чуждая всякихъ мыслей о мщеніи, — мыслей, неизбежныхъ при томъ исходѣ войны, на который уже тогда явно начинали рассчитывать въ Германіи. Не вполне соответствуетъ общему характеру письма только то мѣсто его, въ которомъ Рена намекаетъ, что Германіи слѣдовало бы уступить Франціи, въ 1867 г., Лювсенбургъ, для успокоенія французскаго общественнаго мнѣнія. На этотъ аргументъ слишкомъ легко было возразить такимъ же, равносильнымъ указаніемъ на требованія нѣмецкаго общественнаго мнѣнія, именно теперь становившіяся все менѣе и менѣе благоприятными для Франціи. Помимо одной ошибки, которою и не преминулъ воспользоваться Штраусъ, письмо Рена весьма выгодно отличается и отъ перваго, и тѣмъ болѣе отъ втораго письма Штрауса. Въ этомъ второмъ письмѣ Штраусъ становится вполне на сторону заурядныхъ защитниковъ завоевательной политики и доказываетъ право Германіи на Эльзасъ и Лотарингію тѣми же избитыми доводами, какъ и официозные нѣмецкіе публицисты. Если принять въ соображеніе, что въ моментъ обнародованія письма Страсбургъ былъ взятъ, Парижъ осажденъ, Мецъ доведенъ до края гибели, то письмо Штрауса, написанное торжествующимъ, побѣдоноснымъ тономъ, наполненное разсужденіями объ испорченности французскаго народа, должно быть признано безтактнымъ — скажемъ болѣе, невеликодушнымъ поступкомъ. Въ Германіи оба письма Штрауса, особенно второе, были встрѣчены съ восторгомъ, вполне понятнымъ, но не очень почетнымъ для Штрауса. Когда человѣкъ, всю жизнь свою стоявшій особнякомъ, никогда не раздѣлявшій мнѣній и чувствъ массы, относившійся къ нимъ исключительно съ критическою точки зрѣнія, внезапно спускается съ своего уединеннаго поста, примикаетъ въ толгѣ и присоединяется къ ея крику, появленіе его въ ея средѣ всегда явится ея какъ доказательство ея правоты, ея умѣренности и справедливости. «Если онъ съ нами, — таково естественное заключеніе; выводимое новыми его союзниками, — значитъ мы не увлекаемся страстью, а дѣйствуемъ разумно; это поймутъ и наши

противники, его слово и въ ихъ глазахъ увеличить нашу нравственную силу». Вотъ причина популярности, въ короткое время — и на короткое время — приобретенной Штраусомъ; странно только, какъ эта популярность не открыла ему глаза на счетъ сдѣланной имъ ошибки, какъ она не заставила его понять, что попасть въ тонъ толпы, ослѣпленной неожиданнымъ успѣхомъ, можетъ лишь тотъ, кто самъ раздѣляетъ ея ослѣпленіе. Странно также, что въ то самое время, какъ Штраусъ отдавался теченію, въ числу немногихъ, пльвшихъ противъ него, присоединился Гервинусъ — Гервинусъ, который всю жизнь мечталъ о единствѣ и могуществѣ Германіи, который переносилъ эту мечту даже въ изученіе Шекспира, котораго Штраусъ, въ 1848 г., упрекалъ въ излишнемъ превознесеніи политическихъ интересовъ надъ всѣми остальными. Разгадку этой странности мы найдемъ отчасти въ послѣднемъ сочиненіи Штрауса.

Еще въ сороковыхъ годахъ Штрауса занимала мысль изложить результаты новѣйшихъ богословскихъ изслѣдованій въ такой же популярной формѣ, въ какой въ «Космосѣ» Гумбольдта изложены результаты изслѣдованій естественно-научныхъ. Съ возвращеніемъ его къ богословскимъ занятіямъ возвратилась и эта мысль, въ нѣсколько другомъ лишь видѣ. Сначала онъ предполагалъ переработать для народа свою «Glaubenslehre» точно такъ, какъ переработалъ для него «Leben Jesu»; потомъ, когда эта работа оказалась ему не по силамъ (съ 1871 г. здоровье его стало быстро клониться къ упадку), онъ рѣшился ограничиться короткимъ очеркомъ своего міросозерцанія — того міросозерцанія, которое, по его мнѣнію, является неизбѣжнымъ, логическимъ результатомъ современной науки. Задуманная такимъ образомъ книга вышла въ свѣтъ въ 1872 г., подъ характеристическимъ заглавіемъ: «Der alte und der neue Glaube. Ein Bekenntniss». Въ «Poetisches Gedenkbuch» мы находимъ двѣ надписи къ ней, не менѣе характеристичныя — одну въ первомъ ея изданіи: «Flüchtig scheint es hingesprochen, flüchtig ist es nicht gemacht; ausgeführt in so viel Wochen, als in Jahren durchgedacht»; другую во второму: «Auf, alter Krieger, lass das Bangen, und gürte deine Lenden; im Sturme hast du angefangen, im Sturme sollst du enden». Дѣйствительно, послѣдняя книга Штрауса возбудила такую же почти бурю, какъ и первая; разница заключалась только въ томъ, что на этотъ разъ въ выводахъ Штрауса не было ничего новаго, почему и впечатлѣніе, произведенное ими, было менѣе потрясающее. Но если нападенія на Штрауса въ 1872-мъ году не доходили до такого ожесточенія, какъ въ 1835-мъ, то и

защитниковъ у него теперь оказалось меньше, чѣмъ тогда. Тогда на его сторонѣ стояла крайняя партія, малочисленная, правда, и слабая, но единодушная въ его поддержкѣ, пока не выступили на сцену еще болѣе крайніе, чѣмъ онъ, Фейербахъ и Бруно Бауеръ; теперь на него восстали съ одинаковою силой консерваторы и радикалы, штисты и передовые богословы, умѣренные либералы и социаль-демократы — а за него не возвысиль голосъ почти никто. Его ближайшіе друзья молчали, и молчаніе это, какъ видно даже изъ сдержанныхъ, осторожныхъ выраженій Целлера, не было знакомъ согласія и одобренія. Такого результата Штраусъ не ожидалъ. Въ своей книгѣ онъ вездѣ говоритъ какъ-бы не отъ своего только имени, а отъ лица цѣлой группы, стоящей на одной съ нимъ точкѣ зрѣнія (*meine Wir*, какъ онъ ее называетъ)—и вдругъ эта группа оставляетъ его одного, безмолвствуетъ, какъ будто ея вовсе не было! Объясняется это тѣмъ, что въ Германіи нѣтъ партій, нѣтъ кружка, которыхъ не задѣло бы за живое то или другое мѣсто въ «*Der alte und der neue Glaube*». Людей не только крайняго, но и вообще прогрессивнаго направленія Штраусъ оттолкнулъ своимъ политическимъ консерватизмомъ, панегирикомъ аристократіи и буржуазіи, защитой смертной казни, непониманіемъ самыхъ насущныхъ вопросовъ нашего времени, призывомъ къ грубой силѣ тамъ, гдѣ можетъ быть рѣчь только о призывѣ къ идеѣ. Люди противоположнаго образа мыслей не могли примириться съ философскими взглядами Штрауса, съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ религиознымъ вопросамъ—отношеніемъ не только не смягчившимся, но, наоборотъ, обострившимся даже въ сравненіи съ послѣдними специально-богословскими его трудами. Въ тонѣ, которымъ онъ говоритъ объ извѣстныхъ предметахъ, слышится теперь насмѣшка—вмѣсто уваженія, раздраженіе—вмѣсто сочувствія. Если первые два отдѣла книги: «*Sind wir noch Christen?*» и «*Haben wir noch Religion?*» заключаютъ въ себѣ только квинтъ-эссенцію прежнихъ богословскихъ сочиненій Штрауса, съ той переменой въ формѣ и въ настроеніи, о которой мы только-что упомянули, то третій отдѣлъ: «*Wie begreifen wir die Welt?*» представляетъ собою переходъ бывшаго гегельянца къ рѣшительному матеріализму, на естественно-научной основѣ, а четвертый отдѣлъ: «*Wie ordnen wir unser Leben?*» сводитъ въ одно, ни на какой научной основѣ не построенное, цѣлое всѣ политическія симпатіи и антипатіи Штрауса. Мы видимъ здѣсь холодный, старческій эгоизмъ человѣка, всего болѣе дорожащаго своимъ спокойствіемъ, всего болѣе поклоняющагося внѣшнему могуществу и успѣху, равнодушнаго

къ страданіямъ и стремленіямъ народа, видящаго вышнее благо въ эстетическихъ наслажденіяхъ, недоступныхъ для большинства, и даже не задумывающагося надъ вопросомъ, чѣмъ они могутъ быть для него замѣнены или восполнены. Въ заключительныхъ главахъ «Der alte und der neue Glaube» мы узнаемъ автора писемъ къ Ренану, не сумѣвшаго понять истинную задачу нѣмецкой мысли въ роковой для обѣихъ сторонъ моментъ торжества Германіи надъ Франціей. Фридрихъ-Альбертъ Ланге, въ своей извѣстной «Исторіи матеріализма» (изданіе второе, т. II, стр. 529 и слѣд.), указываетъ на связь между философскими и политическими убѣжденіями Штрауса, признавая узкій консерватизмъ его естественнымъ продуктомъ материалистическаго міросозерцанія ¹⁾. Не отвергая этого объясненія, мы думаемъ, что имъ однимъ ограничиться нельзя, такъ какъ матеріализмъ уживается иногда и съ совершенно противоположными политическими убѣжденіями. Ближайшія причины того смлада, въ который отлились взгляды старика-Штрауса на общество и государство, можно найти, какъ намъ кажется, въ его натурѣ и во всей его предыдущей жизни. Нервный, болѣзненно-восприимчивый и раздражительный, расположенный къ тому, что нѣмцы называютъ непереводаемымъ словомъ *Grübeln*, Штраусъ воспитывается въ полу-монастырской обстановкѣ, проводитъ первые годы молодости въ усиленномъ кабинетномъ трудѣ. Эффектъ, произведенный его первой книгой, съ одной стороны еще болѣе отдаляетъ, отчуждаетъ его отъ общества, съ другой стороны—развиваетъ въ немъ нѣкоторый аристократизмъ мысли, нѣкоторое пренебреженіе къ массѣ, неспособной понять значеніе совершеннаго имъ дѣла. Первое реальное соприкосновеніе его съ народомъ — цюрихская исторія — подтверждаетъ это впечатлѣніе и усложняетъ его горькимъ чувствомъ разочарованія, неисполнившейся надежды. Несчастливая семейная жизнь дѣлаетъ его недѣлчивымъ, еще болѣе замкнутымъ въ самомъ себѣ, еще болѣе неподатливымъ на сближеніе съ другими, на общую съ ними дѣятельность. Въ такомъ настроеніи его застаютъ призывы къ парламентской жизни—и въ довершеніе бѣды, онъ сталкивается именно съ наименѣе привлекательными ея сторонами, съ безсодержательной болтовней, съ безцѣльной и бесплодной агитаціей,

¹⁾ Подробнаго разбора „Der alte und der neue Glaube“, какъ и другихъ сочиненій Штрауса, въ нашей литературѣ, по весьма понятнымъ причинамъ, найти нельзя, но если не объ этой книгѣ, то по поводу ея написана статья г. Н. Михайловскаго: „Идеализмъ, идеологизмъ и реализмъ“ („Отеч. Записки“ 1873, № 12), въ которой политическія воззрѣнія Штрауса объясняются отсутствіемъ у него идеаловъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

съ бурями въ ставаній воды, со всѣми безтактностями политическихъ новичковъ, навивно смѣшивающихъ фразу съ настоящимъ дѣломъ. Этотъ случайный припадокъ производитъ на Штрауса такое отталкивающее впечатлѣніе, что мѣшаетъ ему разглядѣть суть вопроса; изъ-за щепокъ онъ перестаетъ видѣть лѣсъ, въ которомъ происходитъ рубка. Нерасположеніе къ вюртембергскимъ демократамъ 1848 г. вырождается въ нежъ въ общее нерасположеніе къ демократіи, которую онъ не можетъ представить себѣ иначе, какъ безъ толку шумливой, суетливой, нивелирующей, чуждой уваженія къ уму и знанію, стремящейся низвести ихъ на свой уровень. Всякая литературная неудача усиливаетъ это настроеніе, раздражая Штрауса противъ публики — а что такое публика, какъ не масса, перенесенная въ область литературы? Образующійся въ шестидесятыхъ годахъ союзъ демократовъ и либеральныхъ богослововъ, т.-е. двухъ элементовъ, наиболѣе несимпатичныхъ Штраусу, усиливаетъ вражду его къ каждому изъ нихъ. Наступаетъ 1866-й годъ; германское единство — именно та идея 1848-го года, въ которой сохранилъ сочувствіе Штраусъ — начинаетъ осуществляться, и притомъ не руками тѣхъ, которые, по мнѣнію Штрауса, только повредили ему двадцать лѣтъ тому назадъ, а новою, могущественною рукою, новыми средствами, къ числу которыхъ не принадлежитъ нелюбимый Штраусомъ парламентаризмъ. Уже теперь онъ становится въ ряды приверженцевъ Бисмарка; 1870-й годъ покоряетъ его окончательно ¹⁾, — и вотъ, въ письмахъ къ Ренану, въ «Der alte und der neue Glaube» онъ является апостоломъ войны, завоеванія, смертной казни, экономического-общественнаго застоя, продолжая быть отрицателемъ въ другой, болѣе знакомой ему области. Однимъ словомъ, Штраусъ на старости лѣтъ, какъ политикъ — типъ нѣмецкаго ученаго прежней формациі, сильнаго и свободнаго въ своей спеціальной сферѣ, но незнакомаго съ жизнью и народомъ, видящаго въ нихъ нарушителей своего спокойствія, полу-ослѣпшаго, полу-застывшаго въ стѣнахъ своего кабинета.

Враждебный приѣмъ, встрѣченный его книгой, произвелъ на Штрауса крайне тяжелое впечатлѣніе. Отвѣтъ его критикамъ, напечатанный подъ заглавіемъ «Ein Nachwort als Vorwort» и вошедшій въ составъ позднѣйшихъ изданій его книги (въ продолженіи одного года ихъ вышло семь), заключаетъ въ себѣ,

¹⁾ До чего доходить у Штрауса увлеченіе Бисмаркомъ, это видно съ достаточною яркостью изъ слѣдующей фразы: „самый непреклонный демократъ долженъ поднять голову вверхъ, чтобы обозрѣть по крайней мѣрѣ эти величественныя фигуры“ (рѣчь идетъ о Бисмаркѣ и Мольтке).

рядомъ съ сильными, блестящими мѣстами, много горькихъ до наивности жалобъ на несправедливость, ему оказанную, на высокоумный тонъ, которымъ позволяетъ себѣ говорить о немъ первый попавшійся журналистъ или начинающій писатель. Отъ дальнѣйшаго продолженія борьбы Штраусъ отказался, вслѣдствіе рѣзкой перемены въ худшему въ его здоровьи: «Ein Nachwort als Vorwort» было послѣднимъ словомъ, написаннымъ имъ для печати. Съ конца 1872 г. онъ жилъ въ Людвигсбургѣ, родномъ городѣ своемъ; бывшая жена его умерла въ 1870 г., и ничто болѣе не мѣшало ему возвратиться въ окрестности Штутгарта. Весною 1873 г. врачи послали его въ Карлсбадъ, но тамъ ему сдѣлалось еще хуже, и онъ вернулся совершенно больной. Нарывъ въ животѣ причинялъ ему нестерпимыя муки; онъ не могъ болѣе выходить изъ комнаты и принималъ только самыхъ близкихъ родныхъ и друзей своихъ; направленные противъ него статьи онъ вовсе пересталъ читать. Несмотря на тяжкія страданія, онъ сохранялъ до конца терпѣніе и спокойствіе духа, вооружаясь ими, быть можетъ, и для того, чтобы въ послѣднихъ дняхъ предъ его смертью не было ничего противорѣчащаго его жизни, чтобы его враги не могли найти въ нихъ аргументовъ противъ его міросозерцанія ¹⁾. Его поддерживалъ также поэтический даръ, никогда не измѣнявшій ему въ трудныя минуты жизни. Отъ нѣкоторыхъ стихотвореній, написанныхъ имъ на смертномъ одрѣ, не отказались бы, какъ намъ кажется, и лучшіе поэты Германіи (см. «Poetisches Gedenkbuch», стр. 186, 187, 193, 194, 196, 199, 210, 215, 216, 218, 224, 226). Мы очень жалѣемъ, что должны ограничиться однимъ примѣромъ: «Wem ich dieses klage, weiss, ich klage nicht; der ich dieses sage, fühlt, ich zage nicht. Heute heisst's: verglimmen, wie ein Licht verglimmt; in die Luft verschwimmen, wie ein Ton verschwimmt. Möge schwach wie immer, aber hell und rein, dieser letzte Schimmer, dieser Ton nur sein». Эти послѣдніе стихи Штрауса написаны имъ за мѣсяцъ до смерти; но умственную свѣжесть онъ сохранилъ до послѣдняго дня жизни. Еще 5-го февраля онъ интересовался тронною рѣчью императора при открытіи германскаго сейма: «вотъ существенно-важное дѣло, — писалъ онъ по этому поводу (и это послѣднія слова, написанныя его рукою), — въ сравненіи съ нимъ исчезаютъ всѣ наши маленькія скорби». Назавнутъ смерти онъ прочелъ «Федона» Платона въ подлинникѣ, и сказалъ, окончивъ чтеніе: «ein überwundener Standpunkt, aber ein nothwendiger Durchgang».

¹⁾ „Der allein bestand die Probe, — говоритъ онъ въ одномъ изъ предсмертныхъ своихъ стихотвореній, — der sich bis zuletzt bewährt“ (XII, 187).

Онъ потерялъ сознание только утромъ 8-го февраля 1874 г. и умеръ въ тотъ же день, шестидесяти шести лѣтъ отъ роду. Погребеніе его дало поводъ къ одному изъ тѣхъ эпизодовъ, съ которыми мы такъ часто встрѣчались при его жизни. Прощальную рѣчь надъ его могилой произнесъ одинъ изъ старинныхъ друзей и швольныхъ товарищей его, Биндеръ, занимавшій видное мѣсто въ учебной администраціи Виртемберга. Этого было достаточно, чтобы возбудить противъ Биндера негодованіе всѣхъ виртембергскихъ пѣтистовъ — негодованіе болѣе или менѣе искусственное, такъ какъ нескрываемую цѣлю его громкихъ выраженій было удаленіе Биндера отъ должности, обязанности которой онъ исполнялъ не въ духѣ пѣтизма. Журнальные протесты, обличенія съ церковныхъ кафедръ остались однако, на этотъ разъ, безъ послѣдствій, и очистительное жертвоприношеніе, которое пѣтисты хотѣли совершить на могилѣ Штрауса, не состоялось.

Нѣмецкіе критики видятъ въ Штраусѣ одного изъ величайшихъ прозаиковъ Германіи, ставя его въ этомъ отношеніи на одинъ уровень съ Гёте; его слогъ, всегда изящный, мастерски отдѣланный, и вмѣстѣ съ тѣмъ простой, ясный, непринужденный, считается образцовымъ. Самъ Штраусъ признавалъ за собою даръ пластическаго изложенія и не безъ гордости напоминалъ въ своемъ «*Nachwort als Vorwort*», что ему еще при жизни было отведено мѣсто въ ряду нѣмецкихъ классиковъ. Къ другимъ сторонамъ литературной дѣятельности Штрауса, болѣе важнымъ, особенно для иностранныхъ его читателей, нѣмецкая критика относится съ гораздо меньшимъ единодушіемъ; для безпристрастной его оцѣнки еще не настало время. Борьба, въ которой онъ игралъ такую видную роль, съ которою нераздѣльно связано его имя, продолжается до-сихъ-поръ, и окончаніе ея трудно даже предвидѣть. Какъ бы то ни было, исторія XIX-го столѣтія немислима безъ страницы, посвященной Штраусу, а въ воспоминаніяхъ нѣмецкаго народа онъ уже теперь стоитъ между преемниками великихъ реформаторовъ XVI-го вѣка, между тѣми людьми, которые, слѣдуя девизу Лютера: «*hier steh' ich, ich kann nicht anders*», никогда не отступали передъ открытымъ выраженіемъ своей мысли, чѣмъ бы оно имъ ни угрожало — востромъ ли инквизиціи, или надломанною жизнью, нравственнымъ отчужденіемъ отъ большинства современниковъ.

К. Арсеньевъ.

ПОССЕССИОННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ВЪ XVIII ВѢКѢ

ОЦРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЯЗАТЕЛЬНАГО ФАБРИЧНАГО ТРУДА.

До реформы 19-го февраля существовала группа такъ-назваемых *посессионныхъ* крестьянъ, т.-е. составлявшихъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ или заводовъ; по десятой ревизии ихъ было всего около 186,000 душъ мужского пола, въ томъ числѣ при горныхъ заводахъ 163,000 и при различныхъ фабрикахъ 23,000 душъ ¹⁾.

Въ 1858 г. былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ министра двора особый комитетъ для устройства быта людей, подвѣдомственныхъ разнымъ казеннымъ управленіямъ, и въ томъ числѣ фабричныхъ рабочихъ, находившихся въ вѣдѣніи министерства финансовъ, не только на казенныхъ, но и на частныхъ фабрикахъ и заводахъ. Вслѣдъ затѣмъ назначена была специальная коммиссія и въ этомъ министерствѣ, которой поручено было обсудить и составить предварительныя соображенія и проекты объ улучшеніи ихъ быта. Въ составъ населенія, прикрѣпленнаго къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ, по официальной классификаціи, входили: 1) фабричныя: а) купленные къ фабрикамъ, б) приписанные съ платежомъ и в) приписанные безъ платежа; 2) горнозаводскіе: а) приписанные къ частнымъ заводамъ отъ казны, б) крѣпостные заводскіе, т.-е. укрѣпленные къ заводамъ.

¹⁾ Цифры эти, впрочемъ, весьма неточны: см. *Тройницкій*, „Крѣпостное населеніе въ Россіи по десятой народной переписи“. Спб., 1861 г., стр. 47, 76—77.

Когда для обсуждения основных начал крестьянской реформы были учреждены по губерніямъ дворянскіе комитеты, министр внутренних дѣлъ увѣдомилъ губернаторовъ, что они не должны вѣсаться вопроса объ устройствѣ быта всѣхъ приписныхъ, подвѣдомственныхъ министерству финансовъ, фабричныхъ и заводскихъ людей. Нѣкоторые владѣльцы уральскихъ горныхъ заводовъ выражали желаніе, чтобы изъ ихъ среды былъ образованъ комитетъ, который разсмотрѣлъ бы, какъ слѣдуетъ устроить бытъ не только заводскихъ крестьянъ, состоящихъ на вотчинномъ правѣ, но также и крестьянъ посессионныхъ. Однако, смѣшеніе этихъ двухъ классовъ рабочаго населенія, какъ видно изъ официальныхъ источниковъ, казалось правительству опаснымъ. Очевидно, оно имѣло при этомъ въ виду, что преобразование положенія тѣхъ и другихъ должно быть сдѣлано на совершенно различныхъ основаніяхъ. Поэтому вопросъ о посессионныхъ крестьянахъ остался совершенно внѣ вѣдѣнія губернскихъ комитетовъ, а затѣмъ и редакціонныхъ комиссій ¹⁾, и былъ рѣшенъ исключительно канцелярскимъ порядкомъ.

Въ XVIII вѣкѣ наша администрація сплошь и рядомъ не умѣла отличить крестьянъ посессионныхъ отъ крѣпостныхъ и дѣлала вслѣдствіе этого не мало ошибокъ. Въ половинѣ XIX в. это было уже не возможно, такъ какъ посессионные крестьяне давно выдѣлились въ особую, точно опредѣленную закономъ группу; но въ наукѣ посессионное право оставалось почти совершенно не разъясненнымъ. Тогда не было, какъ нѣтъ и до сихъ поръ, ни одного историческаго изслѣдованія о посессионныхъ крестьянахъ, между тѣмъ какъ для исторіи крѣпостного права, а также и нѣкоторыхъ отдѣловъ государственныхъ крестьянъ было кое-что сдѣлано еще въ то время. Это объясняется слѣдующими причинами: во-первыхъ, отдѣлъ посессионныхъ крестьянъ началъ складываться лишь въ концѣ царствованія Петра Великаго, а между тѣмъ мы помнимъ еще время, когда изслѣдованіе въ печати послѣ-петровской эпохи представляло не мало затрудненій, а во-вторыхъ, источники для историческаго изученія посессионныхъ крестьянъ разбросаны по различнымъ архивамъ, доступъ въ которые былъ не всегда возможенъ. Комиссіи, занимавшіяся вопросомъ о преобразованіи быта посессионныхъ крестьянъ, не нашли нужнымъ привлечь научныя силы къ уча-

¹⁾ См. Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій. Третій періодъ, ч. XIV. Спб. 1860 г. „Объяснит. записка къ проектамъ дополнительныхъ правилъ о крестьянахъ, отбывающихъ обязательныя работы при помѣщичьихъ фабрикахъ“, стр. 2—7.

ствію въ его разрѣшеніи. Съ другой стороны, и наша журналистика, такъ много содѣйствовавшая правильному освѣщенію крестьянскаго вопроса вообще, хранила полное безмолвіе по этому частному вопросу вслѣдствіе его научной неразработанности, негласности работъ тѣхъ комиссій, которыя занимались его разсмотрѣніемъ, а также и потому, что была отвлечена разсмотрѣніемъ будущаго устройства милліоновъ, тогда какъ тутъ дѣло шло лишь о сотняхъ тысячъ. Результаты такой постановки этого дѣла оказались довольно плачевныя.

По дополнительнымъ правиламъ 19-го февраля 1861 года о населеніи, приписанномъ къ частнымъ горнымъ заводамъ, оно должно было раздѣлиться на двѣ части: мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ. Къ первымъ принадлежали всѣ тѣ, которые занимались исполненіемъ техническихъ горнозаводскихъ работъ, ко вторымъ—занимавшіеся различными вспомогательными работами, а также хлѣбопашествомъ. Тѣ изъ мастеровыхъ и рабочихъ, которые считались данными отъ казны, сохраняли въ собственности свою усадебную осѣдность безвозмездно, подобно мастеровымъ казенныхъ заводовъ; остальные же, какъ мастерамъ, такъ и сельскіе работники, которымъ сами владѣльцы не предоставятъ усадебъ безвозмездно, должны платить за нихъ оброкъ. Затѣмъ, мастеровымъ, имѣвшимъ осѣдность и пользовавшимся въ то время покосами, предоставлялось въ пользованіе за повинность по одной десятинѣ покоса въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ этотъ надѣлъ составлялъ столько же или превышалъ это количество. Въ имѣніяхъ же, гдѣ, по недостаточности покосныхъ земель, находилось въ пользованіи мастеровыхъ менѣе одной десятины на душу, долженъ былъ остаться прежній надѣлъ. Тѣ изъ осѣдлыхъ заводскихъ мастеровыхъ, которые пользовались участками пахатной земли, сохраняли ихъ въ своемъ распоряженіи за повинность, но не болѣе того количества, какое составляло высшій размѣръ душевого надѣла, положеннаго въ той мѣстности для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Не пользовавшіеся прежде такими участками не имѣли права на надѣлы ими. Каждый мастеровой, который былъ не въ состояніи уплатить оброкъ за землю, обязывался отработать его на рудникѣ или заводѣ. Правомъ выкупа своихъ угодій заводское населеніе могло воспользоваться на общемъ основаніи. Сельскіе работники получали такое же повземельное устройство, какъ и крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости ¹⁾.

¹⁾ Второе П. С. З., т. XXXVI, отд. I, № 36,667.

Любопытнѣе всего въ этихъ правилахъ то, что повинности за покосы и пашни предоставляются въ пользу заводовладѣльцевъ, какъ томъ въ случаѣ, если они находились на ихъ собственныхъ земляхъ, такъ и тогда, когда къ посессионному заводу была отведена земля казенная. Между тѣмъ, просматривая списокъ посессионныхъ горныхъ заводовъ, мы видимъ, что большинство изъ нихъ построено на казенныхъ земляхъ ¹⁾; такимъ образомъ, заводовладѣльцамъ былъ — ни съ того, ни съ сего — подаренъ оброкъ за земли, дѣйствительнымъ собственникомъ которыхъ была казна. Понятно, что даже люди, весьма неравнодушные къ интересамъ посессионныхъ заводчиковъ, едва могутъ скрыть свое удивленіе по поводу того, что при опредѣленіи повинности мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ въ пользу заводовладѣльцевъ «не сдѣлано никакого различія между землею, данною отъ казны, и собственною», и что даже тѣ изъ крестьянъ, которые даны отъ казны, обявляются платить оброкъ заводовладѣльцу за поземельный надѣлъ ²⁾. Послѣ этого оставалось бы только торжественно признать, что всѣ казенныя земли, отведенныя къ заводамъ, составляютъ собственность ихъ владѣльцевъ.

Но послѣ того, какъ дополнительныя правила 19-го февраля 1861 г. были уже изданы, вѣдомство, составлявшее ихъ, видимо спохватывается, и въ его собственномъ официальномъ органѣ появляется отрывокъ изъ доклада о частной горной промышленности, внесеннаго въ комиссію по пересмотру горнаго устава, гдѣ признается болѣе правильнымъ совершенно иное отношеніе къ правамъ посессионныхъ владѣльцевъ. Люди, смотрящіе такимъ образомъ, — читаемъ мы въ этомъ докладѣ, — «основываясь на историческомъ развитіи посессионнаго права, на неотъемлемыхъ правахъ государства, какъ собственника всѣхъ предоставленныхъ посессионнымъ заводамъ пособій, на ограниченіяхъ, существующихъ въ правахъ распоряженія недвижимымъ имуществомъ, входящимъ въ составъ посессионныхъ горныхъ округовъ и значительно отличающихъ ихъ отъ заводовъ владѣльческихъ, и, наконецъ, относясь къ современному положенію посессионнаго права со стороны интересовъ общественныхъ и новыхъ экономическихъ требованій, вызываемыхъ положеніемъ горной промышленности съ уничтоженіемъ крѣпостного труда, не находятъ въ исторіи посессионнаго права достаточныхъ данныхъ для предоставленія

¹⁾ „Горный Журналъ“, 1862 г., т. I, стр. 148—154.

²⁾ *Добровольскій*, О посессионномъ горномъ владѣніи въ Россіи. Сиб., 1864 г., стр. 20.

со стороны правительства обширныхъ государственныхъ земель въ полное владѣніе посессіонныхъ заводчиковъ и въ сравненіи ихъ съ владѣльцами земель, на полномъ правѣ собственности состоящихъ»¹⁾.

Эти вполне разумные взгляды, на сторону которыхъ становится авторъ статьи, онъ подтверждаетъ и историческими основаніями, почерпнутыми изъ нашего законодательства. Съ другой стороны, сами крестьяне, среди которыхъ съ замѣчательною живучестью въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ сохраняются вѣрные воспоминанія объ ихъ прошломъ, дали хорошій урокъ людямъ, канцелярскимъ порядкомъ рѣшавшимъ ихъ судьбу.

Въ началѣ 1862 г. мастеровые и рабочіе алапаевскихъ горныхъ заводовъ, переданныхъ въ 1757 г. во владѣніе секунд-майора Гурьева, и гдѣ, слѣдовательно, и земля, и мастеровые были казенные, постановили, въ виду этого, ходатайствовать о разрѣшеніи платить оброкъ за поземельный надѣлъ не заводчикамъ, а казнѣ, которая есть настоящій собственникъ земель, поступившихъ въ надѣлъ. Однако же пермское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, руководствуясь точнымъ смысломъ указанныхъ нами выше дополнительныхъ правилъ 19-го февраля, принуждено было отказать крестьянамъ въ ихъ совершенно разумномъ ходатайствѣ²⁾.

Такія указанія людей, наведшихъ нѣкоторые справки въ нашемъ прошломъ законодательствѣ, а также тѣхъ самыхъ крестьянъ, судьба которыхъ рѣшалась съ такою развязностью, заставили правительство нѣсколько исправить сдѣланныя имъ ошибки и хоть сколько-нибудь облегчить положеніе посессіонныхъ крестьянъ. Высочайше утвержденнымъ 3-го декабря 1862 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта было предписано уменьшить подати, платимыя заводами, на 50—70%, если владѣльцы посессіонныхъ заводовъ, имѣющихъ данныя отъ казны земли, предоставятъ всѣмъ мастеровымъ усадьбы въ собственность безвозмездно. Покосы же, если мастеровые пожелаютъ ихъ удержатъ, а равно и топливо, велѣно было, «согласно уставнымъ грамотамъ или дополнительнымъ къ нимъ сдѣлкамъ, предоставить въ пользованіе мастеровыхъ: на первые три года безвозмездно, а на слѣдующіе три года за половину причитающихся по положенію повинностей и за половину же установленной за лѣсъ для той мѣстности плати.

¹⁾ Н. Михайловъ, Историческое и современное значеніе посессіоннаго права владѣнія горнозаводскими имѣніями. „Горный Журналъ“, 1862 г., т. IV, стр. 329—330.

²⁾ Тамъ же, стр. 346—347.

Затѣмъ, по прошествіи шести лѣтъ, въ отношеніи пользованія покосами за повинность и топливомъ за плату примѣняются общія правила¹⁾. Кромѣ того, мастеровымъ посессионныхъ заводовъ, не получившимъ по уставнымъ грамотамъ надѣла пахатной земли, если они оставались жить на прежнихъ мѣстахъ, дана была льгота на шесть лѣтъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и земскихъ денежныхъ повинностей, а также отъ повинности рекрутской.

Такъ какъ въ такихъ случаяхъ, какъ устройство быта рабочаго класса, важны не временныя льготы, а общія мѣропріятія, то въ этихъ правилахъ 3 декабря 1862 г. существеннымъ слѣдуетъ признать лишь предоставленіе уже не только отданнымъ изъ казны, а всѣмъ мастеровымъ усадѣбъ безъ платы за нихъ; но за это казна поплатилась сбавленіемъ горной подати въ 50—70%, и дѣйствительно, послѣднее было настолько выгодно для посессионныхъ заводчиковъ, что они вездѣ предоставили мастеровымъ безвозмездно ихъ усадѣбы. Мѣра эта, слѣдовательно, доказывая только, что, по признанію самого правительства, дополнительныя правила 19 февраля 1861 г. имѣютъ не мало изъяновъ, не составляло ихъ серьезнаго улучшенія, такъ какъ покосами, кромѣ нѣкоторыхъ льготныхъ лѣтъ, а также и пашнями, мастеровые все-таки могли пользоваться не иначе, какъ за повинность.

Таковы были правительственныя мѣры относительно рабочаго населенія посессионныхъ заводовъ, т.-е. горныхъ заводовъ; что касается посессионныхъ фабрикъ, то для нихъ 27 мая 1863 г. были постановлены слѣдующія правила. Владѣльцы посессионныхъ фабрикъ, при которыхъ находились приписанные отъ казны крестьяне, освобождаются отъ условій посессионнаго владѣнія, а владѣльцы такихъ фабрикъ, при которыхъ есть отведенныя казною земли, сверхъ того, получаютъ ихъ въ свою собственность, но только подъ слѣдующими условіями: а) Предоставить крестьянамъ въ собственность безвозмездно ихъ усадѣбы, а также покосы тамъ, гдѣ крестьяне ими пользовались; если же въ ихъ рукахъ находились покосы особенно цѣнные и въ большомъ ко-

¹⁾ Другимъ постановленіемъ было предписано въ томъ же году: „участки,ращищенные собственнымъ трудомъ и иждивеніемъ нѣкоторыхъ домохозяевъ на принадлежащихъ посессионнымъ заводамъ земляхъ, остаются пожизненно и безвозмездно въ пользованіи тѣхъ домохозяевъ, которые ихъ расчистили“ и которые могутъ перуступать ихъ другимъ. Эти участки не должны были входить въ размѣръ общепоступленнаго земельного надѣла. Вмс. утв. 14 дек. 1862 г. положеніе глав. комитета объ устр. сельск. сост. „Горный Журналъ“, 1864 г., т. II, № 5, отд. оф., стр. 49.

личествѣ, а владѣлецъ фабрики заявить, что безвозмездная ихъ уступка была бы сопряжена съ значительною для него потерей, то мировымъ учрежденіямъ предоставляется опредѣлить, какая часть этихъ земель должна быть уступлена крестьянамъ безвозмездно; за остальные же, если они пожелаютъ сохранить ихъ въ своемъ пользованіи, они обязаны платить владѣльцу повинности на основаніяхъ, опредѣленныхъ положеніями о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. б) Надѣлать крестьянъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по количеству состоящей при фабрикѣ земли это будетъ возможно, слѣдующими по положенію угодьями, какъ изъ владѣльческой, такъ и изъ казенной земли за установленную повинность. в) Фабричные, не получившіе пахатныхъ участковъ, должны были пользоваться топливомъ три года безвозмездно и затѣмъ столько же времени за половинную плату. Наконецъ, нужно замѣтить, что всѣ фабричные, не получившіе надѣла пахатной земли, какъ это было и на горныхъ заводахъ, были освобождены на шесть лѣтъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и земскихъ денежныхъ сборовъ, а также повинности рекрутской ¹⁾.

Такимъ образомъ и здѣсь фабричнымъ приходилось платить оброкъ въ пользу заводовладѣльца за земли, отданныя изъ казны. Съ дарованіемъ этихъ земель въ полную собственность владѣльцамъ, при исполненіи указанныхъ условий, здѣсь въ принципѣ точно также нельзя примириться, какъ если бы это было сдѣлано на уральскихъ посессионныхъ заводахъ; но тутъ по крайней мѣрѣ эти земли были несравненно менѣе обширны. На Уралѣ же, гдѣ къ посессионнымъ заводамъ были отведены огромныя площади земель и лѣсовъ ²⁾, правительство не рѣшилось пожертвовать этою государственною собственностью въ пользу заводовладѣльцевъ, и такіе заводы, которымъ были даны земли и лѣса, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса объ освобожденіи ихъ отъ посессионныхъ условий, оставлены были въ числѣ посессионныхъ ³⁾.

Что касается поземельнаго устройства уральскихъ посессионныхъ крестьянъ, то, какъ мы видѣли, законодательныя мѣры по этому предмету были уже въ принципѣ мало благоприятны для заводскаго населенія, примѣнялись же онѣ къ дѣлу еще хуже ⁴⁾.

¹⁾ Второе П. С. З., т. XXXVIII, отд. I, № 89,676.

²⁾ Однихъ лѣсовъ, не считая другихъ земельныхъ пособій, было отведено изъ казны 4.906,868 дес. „Горн. Журн.“, 1862 г., т. I, стр. 159.

³⁾ „Горн. Журн.“, 1864 г., ч. I, отд. оффид., стр. 8, 11—13.

⁴⁾ Срав. статью *Р. Дюсона*, „Горнозаводскій Уралъ“, „Отч. Зап.“, 1874 г., № 12, стр. 361—363, хотя въ свѣдѣніяхъ о величинѣ земельныхъ надѣловъ посессионные крестьяне не выдѣлены тутъ въ особую группу.

Словомъ, какъ замѣтилъ авторъ статьи, которую мы только-что цитировали, «исторія поземельнаго устройства горнозаводскаго населенія — исторія чрезвычайно темная и запутанная, въ тому же продолжающаяся и до настоящаго времени: до сихъ поръ уставныя грамоты пересматриваются и исправляются въ чемъ можно, и этимъ передѣлкамъ еще долго не предвидится конца». То, что было сказано четыре года тому назадъ, оказывается, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ поссессионныхъ заводовъ, справедливымъ и въ настоящее время. Такъ, напримѣръ, еще теперь продолжается споръ о надѣлахъ между крестьянами нижнетагильскаго завода и его владѣльцемъ, П. П. Демидовымъ ¹⁾.

Такъ запутываются отношенія, когда законодатель, игнорируя историческія условія, рѣшаетъ дѣло въ интересахъ одной стороны, когда рабочее населеніе обязывается платить частному лицу оброкъ за казенныя земли, когда населеніе цѣлаго края получаетъ самыя ничтожныя надѣлы для того, чтобы обезпечить заводчикамъ достаточное предложеніе труда. И гдѣ же тянутся до сихъ поръ эти недоразумѣнія? На заводѣ Демидова, потомка тѣхъ Демидовыхъ, которые самымъ безчеловѣчнымъ образомъ эксплуатировали и истязали какъ государственныхъ, такъ и поссессионныхъ крестьянъ, у нихъ работавшихъ. Эти крестьяне потомъ и кровью своею купили право на землю, которую у нихъ вырываютъ!

Въ виду того, что отношенія между поссессионными крестьянами и заводовладѣльцами на Уралѣ до сихъ поръ еще окончательно не улажены, изслѣдованіе о прошлой жизни поссессионныхъ крестьянъ имѣетъ не одинъ историческій интересъ, но, и помимо этого, мы полагаемъ, внимательное изученіе экономическаго быта народа въ ту или другую эпоху его исторіи всегда имѣетъ громадную важность. Только сравнивая настоящее съ прошлымъ, возможно рѣшить, дѣйствительно ли народное благосостояніе возрастаетъ, или, несмотря на смягченіе нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ условій, положеніе народа въ сущности вовсе не улучшается. Въ этомъ отношеніи научныя изслѣдованія, по видимому, совсѣмъ не связанныя съ злобою дня, бросаютъ иногда неожиданный свѣтъ на современное положеніе вещей.

Къ сожалѣнію, у насъ слышимъ мало еще сдѣлано для изученія прошлой экономической жизни нашего народа. Мы не только не имѣемъ полной исторіи крестьянъ, но у насъ нѣтъ и изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ, въ нее неизбежно вхо-

¹⁾ „Недѣля“, 1878, №№ 10, 14 и 26.

дящимъ. Есть ли у насъ исторія податей, исторія натуральныхъ повинностей — и самой тяжелой изъ нихъ — рекрутчины, есть ли у насъ исторія земледѣлія, исторія цѣнъ, исторія домашняго быта народа (пищи, одежды и т. п.)? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Собираются ли и печатаются ли по крайней мѣрѣ для этого матеріалы? Слишкомъ мало сравнительно съ массою другихъ документовъ, на примѣръ, о дипломатическихъ сношеніяхъ или писемъ и записочекъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Мудрено ли послѣ этого, что при разработкѣ исторіи многихъ отдѣловъ крестьянъ приходится перерывать груды книгъ нетронутаго матеріала, не имѣя передъ собою ни одной исторической монографіи даже и по печатнымъ источникамъ.

Въ виду этой новости предмета нашъ послѣдующій очеркъ, составленный по документамъ архивовъ министерства юстиціи, департамента мануфактуръ и торговли и горнаго департамента (сверхъ печатныхъ источниковъ), не можетъ претендовать на полноту, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе уничтоженія бергъ-коллегіи въ 1783 г. и мануфактуръ-коллегіи въ 1779 г., возстановленныхъ только при императорѣ Павлѣ, дѣла о фабрикахъ и заводахъ за послѣднюю треть царствованія Екатерины, разбросанныя по архивамъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ, не были намъ доступны. Но мы думаемъ, что и въ этомъ видѣ нашъ очеркъ будетъ способствовать уясненію темнаго вопроса о посессионныхъ крестьянахъ.

I.

Какъ образовалась группа посессионныхъ крестьянъ? — Покупка имѣній къ фабрикамъ и заводамъ. — Люди, прикрѣпленные къ фабрикамъ правительственными указами. — Казенные мастеровые, переданные съ заводами въ частное владѣніе. — Окончательное обособленіе посессионныхъ крестьянъ въ особую группу въ началѣ XIX в. — Ихъ подати и повинности. — Право фабриканта подвергать ихъ наказаніямъ.

Когда правительство при Петрѣ В. начало заботиться о развитіи во что бы то ни стало нашей промышленности, естественно явился вопросъ о томъ, гдѣ, при существованіи крѣпостного права, приручливаго къ землѣ большую часть народа, фабриканты будутъ находить необходимыя для нихъ рабочія руки. Одинъ изъ способовъ снабженія рабочими по крайней мѣрѣ горныхъ заводовъ началъ практиковаться правительствомъ еще въ XVII в.: мы разумѣемъ приписку къ заводамъ крестьянъ для

отработыванія тамъ податей. Крестьяне эти рубили тамъ дрова, жгли уголь и исполняли другія вспомогательныя работы, продолжая считаться государственными крестьянами. Но этихъ временныхъ рабочихъ было недостаточно: требовались еще мастеровые, которые, постоянно участвуя въ работахъ, приобретаѣли бы необходимый техническій навыкъ; такіе мастеровые и были на казенныхъ заводахъ. Чтобы образовать подобное же сословіе постоянныхъ рабочихъ на частныхъ фабрикахъ, правительство при Петрѣ Великомъ додумалось до того, чтобы фабричныя работы исполнялись такимъ же крѣпостнымъ трудомъ, какъ и сельскія въ имѣніяхъ частныхъ землевладѣльцевъ, и для того рѣшилось дать право и лицамъ не-дворянскаго происхожденія приобретаѣть деревни, но только не иначе какъ къ фабрикамъ или заводамъ, неотъемлемую принадлежность которыхъ они должны были составлять.

Въ 1721 г. былъ изданъ слѣдующій указъ: прежде «купечимъ людямъ» было запрещено покупать деревни; теперь же многіе изъ нихъ пожелали заводить различныя фабрики и заводы, какъ компаніями, такъ и по одиночѣ. «Того ради позволяется, — сказано далѣе, — для размноженія такихъ заводовъ какъ шляхетству, такъ и купеческимъ людямъ къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія бергъ- и мануфактуръ-коллегій, токмо подъ такою кондиціею: дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно. И для того, какъ шляхетству, такъ и купечеству тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымысли ни за кѣмъ не крѣпить, и на выкупъ такихъ деревень никому не отдавать, развѣ кто похочетъ для необходимыхъ своихъ нуждъ тѣ деревни и съ тѣми заводы продать, то такимъ продавать съ позволенія бергъ-коллегій. А ежели кто противъ сего поступитъ, то онаго всего того лишитъ безповоротно. А ежели кто будетъ заводы заводить, токмо для лица, малые, чтобъ ему тѣмъ у кого деревни купить, и таковыхъ вымышленниковъ до той покупки отнюдь не допускать, и смотрѣть того на-крѣпко въ бергъ- и мануфактуръ-коллегій; а ежели таковыя явятся, и ихъ по усмотрѣнію штрафовать отнятіемъ всего движимаго и недвижимаго имѣнія». Въ 1752 г. было точно опредѣлено, въ какомъ количествѣ можно покупать крестьянъ къ заводамъ ¹⁾; впрочемъ, это

¹⁾ Владѣльцамъ желѣзныхъ заводовъ—на одну домну по сту, да къ двумъ молотамъ, къ каждому по тридцати дворовъ, итого 160, полагая во всякомъ дворѣ по 4 души м. н.; владѣльцамъ мѣдныхъ заводовъ на каждую тысячу пудовъ выплавле-

ограниченіе не касалось дворянъ. Изъ купленныхъ крестьянъ позволялось употреблять въ фабричныя работы: на шелковыхъ заводахъ—четверть всего числа, а на суконныхъ, полотняныхъ и проч. —одну третъ; прочіе же должны были оставаться при крестьянскихъ работахъ.

Покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ продолжалась только до царствованія императора Петра III, который 29 марта 1762 г. предписалъ: «всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ... отнынѣ къ ихъ фабрикамъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволять, а довольствоваться имъ вольными наемными по паспортамъ за договорную плату людьми». Это подтвердила и императрица Екатерина II вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ началѣ ея царствованія, оказывается, что къ фабрикамъ было куплено болѣе 20,000, а къ горнымъ заводамъ болѣе 40,000 душъ, всего же 67,461 душ., почти на 94,000 д. менѣе, чѣмъ могло бы быть на основаніи указа 1752 г.

Въ комиссіи для составленія уложенія былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли лицамъ, не имѣющимъ правъ дворянства, владѣть мастерскими и крестьянами. Князь Щербатовъ высказался за запрещеніе покупки людей къ фабрикамъ; напротивъ того, депутатъ города Серпейска, купецъ Глиневъ, для успѣшнаго развитія промышленности считалъ необходимымъ крѣпостной трудъ. «Когда я обучу чужого и открою ему секретъ, —говорилъ онъ въ комиссіи,—то онъ можетъ отойти къ другому или потребовать такой необычайной платы, какой фабрика и принять на свой счетъ не можетъ». Шуйское дворянство выразило желаніе, чтобы дворянамъ было запрещено имѣть фабрики, но чтобы и купцы не могли покупать къ фабрикамъ крестьянъ.

Каковы бы ни были, однако, желанія депутатовъ въ комиссіи уложенія, запрещеніе приобрѣтать деревни къ фабрикамъ оставалось въ силѣ въ теченіи всего царствованія Екатерины II. Только иностраннымъ капиталистамъ, заведшимъ на свой счетъ фабрики и заводы, дозволено было манифестомъ 1763 года, вызывавшимъ иностранцевъ къ переселенію въ Россію, покупать къ нимъ «надлежащее число крѣпостныхъ людей и крестьянъ». Что касается русскихъ заводчиковъ, то исключеніе изъ общаго правила было

мой мѣди по 50 двор. или по 200 душъ м. п. Фабриканты могли покупать крестьянъ къ своимъ фабрикамъ въ различномъ количествѣ, смотря по тому, какия фабрики, именно *ко всякому стану* отъ 12 до 42 душъ м. п., а женщинъ сколько окажется при мужьяхъ.

допущено, насколько намъ извѣстно, только однажды, въ пользу Гончарова, которому въ 1763 году — по именному указу, «за ревностные труды въ заведеніи и размноженіи полезныхъ государству фабрикъ» — позволено было покупать деревни; право это распространялось и на его дѣтей. Въ остальныхъ случаяхъ незаконная покупка людей при Екатеринѣ преслѣдовалась правительствомъ. Но такъ какъ запрещеніе все-таки обходили съ помощью различныхъ уловокъ, то императоръ Павелъ въ 1798 году рѣшился вновь дозволить фабрикантамъ покупать крестьянъ въ указанныхъ прежде размѣрахъ, приказавъ только строго наблюдать, чтобы купленные съ этою цѣлью деревни всегда состояли при фабрикахъ и заводахъ, не продавались, не закладывались и не укрѣплялись ни за кѣмъ отдѣльно отъ нихъ и чтобы крестьяне не переводились къ другимъ заводамъ и селеніямъ по одиночѣ или семьями; продавать же крестьянъ вмѣстѣ съ заводами, съ разрѣшенія бергъ- или мануфактуръ-коллегии, дозволялось. За нарушеніе этихъ правилъ грозила конфискація фабрикъ и заводовъ. Если дѣйствіе фабрики прекратится по винѣ заводчика, — въ такомъ случаѣ, ихъ также слѣдовало брать въ казну съ купленными къ нимъ деревнями и землями, но съ уплатою за нихъ по оцѣнкѣ. Согласно съ указомъ 5-го апрѣля 1797 года, которымъ было приказано помѣщичьимъ крестьянамъ работать три дня въ недѣлю на помѣщика, изъ купленныхъ крестьянъ только половина годныхъ къ работѣ должна была работать на заводѣ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, государь велѣлъ прекратить преслѣдованіе виновныхъ въ незаконномъ приобрѣтеніи крестьянъ къ фабрикамъ.

Вотъ одно изъ такихъ дѣлъ. Въ 1790 году губернской секретарь Поповъ купилъ у камеръ-юнкера Мятлева имѣніе въ вологодской губерніи; но дѣйствительнымъ покупщикомъ былъ не Поповъ, а зять его, ярославскій купецъ и фабрикантъ, Дырышевъ. Изъ имѣнія, въ которомъ было съ небольшимъ 100 душъ мужского пола, Дырышевъ въ 1793 году переселилъ на свою полотняную фабрику, находившуюся въ разстояніи 360 верстъ, 34 мужч. и 20 женщ. Работники занимались тамъ хлѣбопашествомъ, возили на фабрику кирпичъ, землю и проч., а изъ женщинъ нѣкоторыя пряли ленъ. Когда крестьяне пожаловались на это переселеніе мануфактуръ-коллегии, то, привлеченный къ до-

¹⁾ По свидѣтельству автора статьи „Горнозаводскій Уралъ“ („Отеч. Зап.“, 1874, № 12, стр. 839), на уральскихъ горныхъ заводахъ этотъ законъ „не имѣлъ рѣшительно никакого практическаго значенія и никогда не исполнялся“.

просу, номинальный владѣлецъ Поповъ отвѣчалъ, что онъ отдавалъ своихъ крестьянъ на фабрику для обученія ткацкому мастерству. Сенатъ, убѣдившись въ томъ, что дѣйствительнымъ покупщикомъ былъ Дырышевъ, предполагалъ, въ наказаніе ему, обратить этихъ крестьянъ въ государственныхъ, но вслѣдствіе указа того же года, не только вновь дозволившаго покупке крестьянъ къ фабрикамъ, но и предписавшаго предать забвенію дѣла о покупкѣ къ нимъ имѣній на чужое имя, и это дѣло пришлось рѣшить иначе. Сенатъ постановилъ, что такъ какъ купчая совершена была на имя Попова, то крестьяне и должны принадлежать ему или его наслѣдникамъ. Изъ тѣхъ, которые были переведены на фабрику, всѣ, кромѣ умершихъ тамъ, были возвращены на родину еще ранѣе окончанія этого дѣла.

Покупая крестьянъ къ фабрикамъ послѣ дозволенія, даннаго на это имп. Павломъ, заводчики стали иногда переселять ихъ въ совершенно другую мѣстность Россіи; это, разумѣется, было крайне разорительно для крестьянъ. Поэтому уже въ 1802 году императору Александру I пришлось запретить такіа переселенія; онъ дозволилъ покупать къ фабрикамъ крестьянъ только изъ живущихъ по близости съ тѣмъ, чтобъ ихъ отнюдь не переселяли съ прежняго мѣста жительства.

Кромѣ купленныхъ къ фабрикамъ ихъ владѣльцами, въ составъ того класса народонаселенія, который составлялъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ, входили люди, отданные туда или прикрѣпленные къ нимъ правительственными указами. Въ этому второму отдѣлу принадлежать прежде всего бѣглецы, разночинцы и разные свободные гулящіе люди, затѣмъ незаконно-рожденные, иногда солдатскія дѣти и т. п.

Въ 1722 году Петръ Великій не велѣлъ отдавать съ фабрикъ учениковъ и работниковъ, оказавшихся бѣглыми номѣщичьими людьми, такъ какъ отъ возвращенія ихъ происходитъ остановка фабричныхъ работъ. Въ слѣдующемъ году приказано было всѣхъ находящихся на фабрикахъ солдатскихъ дѣтей, дворовыхъ служителей и разночинцевъ переписать, но «въ податъ никуда не власть». Если кто изъ пришлыхъ на заводы людей, обучившись тамъ какому-нибудь мастерству, будетъ нуженъ заводчику, то послѣдній имѣлъ право заплатить за него помѣщику 50 рублей и оставить его у себя; въ противномъ случаѣ, удержавъ рабочаго долѣе срока, означеннаго въ его паспортѣ, онъ долженъ былъ отвѣчать за него, какъ за бѣлаго. Въ 1732 году велѣно было произвести новую перепись на фабрикахъ, но впродъ

до особаго указа съ нихъ никого не ссылать и по прошеніямъ челобитчиковъ не отдавать.

Такимъ образомъ, люди пришлые на заводы были оставлены на нихъ впредь до особаго распоряженія, которое должно было окончателно рѣшить ихъ участь; распоряженіе это состоялось 7-го января 1736 года; оно имѣетъ особенно важное значеніе въ исторіи посессионныхъ крестьянъ, такъ какъ на основаніи его преимущественно и составилъ отдѣлъ отданныхъ по указамъ.

Не нужно было быть непременно бѣглымъ, чтобы попасть въ число людей, навсегда прикрѣпленныхъ къ фабрикѣ. Всѣмъ, которые во время изданія указа 1736 года находились при фабрикахъ и обучились на нихъ какому-нибудь мастерству, а не были простыми чернорабочими, велѣно было остаться при нихъ вѣчно, и если кто положенъ въ подушный окладъ, тѣхъ приказано изъ него выключить. За этихъ мастеровыхъ фабриканты должны были заплатить деньги, кому они прежде принадлежали, въ слѣдующемъ размѣрѣ: за дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ, а также помѣщичьихъ людей и крестьянъ, написанныхъ въ подушный окладъ, которые пришли на фабрики съ женами или малолѣтними дѣтьми (мальчиками моложе 10-ти и дѣвочками моложе 15-ти лѣтъ), — по 50 рублей за семью; а если дѣти были старше, то за каждаго мальчика нужно было еще приплатить по 10-ти, — за дѣвочку по 5-ти рублей. За холостыхъ мужчинъ, пришедшихъ безъ отцовъ и матерей, назначена была плата по 30 рублей за каждаго. Плата эта служила вознагражденіемъ владѣльцамъ или крестьянскимъ обществамъ за то, что они прежде вносили подати и давали рекрутъ за этихъ крестьянъ. Если же кто въ подушный окладъ не написанъ и платежа никакого за нихъ не было, то за такую семью — мужа, жену и малолѣтнихъ дѣтей — должно было заплатить 30 рублей, за мальчиковъ старше 10-ти лѣтъ по 7-ми, а за дѣвушекъ старше 15-ти лѣтъ — по 3 рубля 50 коп.; за холостыхъ по 20-ти рублей, а за вдовъ и дѣвушекъ, пришедшихъ безъ отцовъ и матерей, по 5-ти рублей. За дѣтей, прижитыхъ на фабрикахъ, не слѣдовало платить ничего. Деньги эти, вносимыя фабрикантами въ сенатъ, за помѣщичьихъ людей отдавались помѣщикамъ, а за дворцовыхъ, монастырскихъ и другихъ отсылались въ крѣгс-комиссаріатъ въ зачетъ подушныхъ денегъ за тѣ вотчины, откуда родомъ были эти крестьяне. Дѣтей этихъ *отданныхъ* *отчю* людей фабриканты должны были обучать всякимъ мастерствамъ и производить въ мастера. — Тѣхъ, которые были на фабрикахъ чернорабочими, велѣно было отдать, кому они при-

надлежали; но за время пребыванія ихъ на фабрикахъ пожилыхъ денегъ не взыскивать. — Показавшіе при переписи, что они не знаютъ, «изъ какихъ чиновъ отцы и дѣды ихъ» (*непомнящіе родства*), должны были по-прежнему остаться на фабрикахъ; если же потомъ окажется, что они бѣглецы солдаты и рекруты или помѣщичьи люди, то велѣно бить ихъ плетью нещадно и возвращать владѣльцамъ, но пожилыхъ денегъ и за нихъ не взыскивать. Если кто изъ *отчю-отданныхъ* сбѣжитъ съ фабрики, то воеводы должны были отсылать ихъ назадъ; съ виновныхъ же въ держаніи ихъ взыскивались пожилыя деньги на общемъ основаніи. Указъ заканчивался обычнымъ предписаніемъ: впредь бѣглыхъ отнюдь не принимать.

Такъ образовался особый отдѣлъ заводскаго населенія — отданные навсегда по указамъ, которыхъ можно раздѣлить на а) прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ за известную плату и б) непомящихъ родства, отданныхъ безъ платы. Множество государственныхъ крестьянъ и гулящихъ людей, не говоря уже о прежнихъ крѣпостныхъ, были прикрѣплены такимъ образомъ къ заводамъ.

Въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны правительство пыталось-было остановить наплывъ бѣглыхъ на фабрики и заводы и, съ этой цѣлью, дѣлало распоряженія о высылкѣ ихъ на родину. Велѣно было отданныхъ по указамъ и купленныхъ фабрикантами написать за ними въ подушный окладъ, а бѣглыхъ заводчики должны были на свой счетъ отвезти на родину. Однако правительству очень скоро пришлось отказаться отъ исполненія этихъ рѣшительныхъ мѣръ, такъ какъ оказалось, что высылкою всѣхъ бѣглыхъ на прежнія жилища фабрики могли быть приведены «въ совершенное разореніе и опустошеніе».

Вопросъ о бѣглыхъ вообще былъ окончательно рѣшенъ только въ 1754 г. обширнымъ именованнымъ указомъ. Относительно фабричныхъ мастеровыхъ, мы находимъ въ немъ слѣдующія распоряженія. Всѣхъ бѣглыхъ, найденныхъ на фабрикахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ велѣно быть неотъемлемыми отъ нихъ по какимъ-либо прежнимъ указамъ, велѣно было отвезти на прежнія жилища, хотя бы они и обучились мастерству; а за держаніе ихъ взыскать за мужчинъ по 100 р., а за женщинъ по 50 р. въ годъ, считая съ 1724 г. до времени изданія этого указа. Что касается бѣглыхъ, принятыхъ на фабрики, введенныя послѣ указа 1736 г. со времени ихъ основанія до ревизіи 1744 г., и во время нея записанныхъ на эти фабрики, то ихъ велѣно также отдать прежнимъ владѣльцамъ, но если они ока-

жуются крайне необходимыми, то фабриканты могут их не отдавать, заплативъ только по 50 р. за мужчинъ и по 25 за женщинъ; за то время, сколько они жили на фабрикахъ до записанія во вторую ревизію, взыскать за нихъ пожилія деньги въ вышеуказанномъ размѣрѣ, а за время послѣ ревизіи до изданія настоящаго указа, денегъ не брали, такъ какъ мастеровыхъ не велѣно былосылать съ фабрикъ сенатскимъ указомъ 1744 г., а взыскать только заработныя деньги за мужчину по 5-ти р., а за женщину по 2 р. 50 к. въ годъ. Впредь же за пріемъ бѣглыхъ взыскивать съ заводчиковъ пожилыхъ за мужчинъ по 200, за женщинъ по 100 р. въ годъ.

Уже изъ одного обилія указовъ о бѣглыхъ, принятыхъ на фабрики, видно, что изъ нихъ, вмѣстѣ съ свободными гулящими людьми и «неомыящими родства», всего болѣе вербовалось «вѣчно отданныхъ» къ фабрикамъ. Но въ составъ этого отдѣла входили и другіе элементы. Тутъ слѣдуетъ упомянуть, во-первыхъ, о незаконнорожденныхъ.

Такъ какъ законодательство первой половины XVIII в. стремилось всѣхъ гулящихъ людей записать въ подушный окладъ за кѣмъ бы то ни было, то, понятно, что незаконнорожденные попадали въ кабалу къ ихъ воспитателямъ. Тутъ закрѣпощеніе являлось, по крайней мѣрѣ, какъ-бы вознагражденіемъ за издержки при проворыненіи младенцевъ, но иногда незаконнорожденныхъ хотя еще и несовершеннолѣтнихъ, но уже способныхъ къ работѣ, отдавали на первую попавшуюся фабрику. Такъ, напр., въ концѣ 40-хъ годовъ было отдано на суконную фабрику Болотина не мало «заворныхъ дѣтей», начиная отъ 12-ти лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы они оставались тамъ до 25-ти-лѣтняго возраста, а затѣмъ были опредѣлены въ военную службу. Взрослые и незаконнорожденные иногда сами записывались за фабрикантами, такъ какъ приписаться гдѣ-нибудь было все равно необходимо: въ противномъ случаѣ это сдѣлало бы за нихъ само правитель-ство. Разъ написанные въ ревизію при какой-нибудь фабрикѣ, они дѣлались ея неотъемлемою принадлежностью. Положеніе незаконнорожденныхъ женщинъ, какъ и положенныхъ въ подушный окладъ, было, повидимому, нѣсколько свободнѣе: имъ предоставлялось на выборъ—идти ли въ услуженіе, или поступить на фабрику, но на дѣлѣ, надо полагать, то и другое одинаково кончалось закрѣпощеніемъ.

Въ составъ вѣчно-отданныхъ попадали также разночинцы, «неимѣющіе купечества и промысловъ», которыхъ велѣно было отдавать на частныя фабрики и вотчинникамъ и писать за ними

въ подушный окладъ, а также заштатные церковники и солдатскія дѣти. Последніе отдавались иногда только до достиженія опредѣленнаго возраста съ тѣмъ, чтобы потомъ они вступили на военную службу, но, какъ видно, сплошь и рядомъ они навсегда оставались при фабрикѣ.

При Екатеринѣ II отдача по указамъ на фабрики въ неотъемлемое владѣніе прекратилась. Сенатъ въ 1786 г., узнавъ, что въ костромскомъ намѣстничествѣ были отданные отъ присутственныхъ мѣстъ на фабрики послѣ 1762 г., приказалъ отобрать ихъ и причислить въ казенное вѣдомство по желанію каждаго. Приписка же къ фабрикамъ по собственному желанію продолжалась и при Екатеринѣ.

Кромѣ вѣчно-отданныхъ, были на фабрикахъ и отданные на время. Указомъ 1736 г. было велѣно, если какіе «подлые и немущіе люди» изъ купечества и разночинцевъ муж. пола, а изъ женщинъ чьи бы то ни было, будутъ правдою шататься и просить милостыню по городамъ и уѣздамъ, такихъ отдавать на *пять лѣтъ* на фабрики и мануфактуры съ согласія фабрикантовъ, которые обязывались за работу давать имъ пропитаніе. По прошествіи пяти лѣтъ должно было отпускать ихъ съ паспортами. Женщины, оказавшіяся виновными въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ и проступкахъ, предоставлялись на усмотрѣніе бергъ- и мануфактуръ-коллегій, которыя и должны были отсылать ихъ на компанейскія фабрики на нѣсколько лѣтъ или даже пожизненно. При Екатеринѣ II сенатъ подтвердилъ, чтобы и публичныя женщины, отсылаемыя полиціею въ мануфактуръ-коллегію, отправлялись послѣднею на фабрики.

Нищіе также отдавались на фабрики на нѣкоторое время. Когда въ 1717 г. въ рязанскомъ уѣздѣ компанія купцовъ устроивала угольный заводъ, ей было дозволено «въ ученіе брать въ Москвѣ и на Рязани изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню», и этимъ ученикамъ велѣно находиться на фабрикѣ до совершеннолѣтія; провіантъ и платье имъ должны были давать компанейщики. Въ 1753 г. было предписано «шатающихся по міру мужскаго пола разночинцевъ, кои въ службы не годны, а работать еще могутъ, отдавать на фабрики въ работу, такъ же бабъ и дѣвокъ и малыхъ ребятъ и изъ богадѣленъ опредѣленныхъ на жалованье отнюдь по міру ходить не допускать». Поэтому, когда въ 1762 г. въ Петербургѣ оказалось много просящихъ милостыню солдатокъ, сенатъ приказалъ полиціи отсылать ихъ въ мануфактуръ-коллегію для распредѣленія на фабрики въ Петербургѣ и окрестно-

стяхъ, съ тѣмъ однако, что если мужья, возвратившись изъ похода, будутъ просить объ ихъ возвращеніи, то ихъ съ фабрикъ отпустить.

Всѣ эти рабочіе обоего пола, временно отданные на фабрики, не могутъ, разумѣется, считаться ихъ неотъемлемою принадлежностью, но нужно думать, что большинство изъ нихъ навсегда оставалось тамъ по той или другой причинѣ, и такимъ образомъ, увеличивало контингентъ такъ-называемыхъ вѣчно-отданныхъ. Къ тому же, по указу 1736 г. и поступившіе до того времени на фабрики добровольно, хотя бы они первоначально желали пробить тамъ лишь нѣсколько лѣтъ, должны были поневолѣ остаться фабричными рабочими.

Мы познакомились уже съ двумя разрядами приврѣпленныхъ къ фабрикамъ крестьянъ: купленными фабрикантами и вѣчно-отданными; третьимъ элементомъ этой группы рабочаго населенія были отданные фабрикантамъ *казенные мастеравые*. Большинство изъ нихъ перешло въ руки ихъ владѣльцевъ вмѣстѣ съ заводами. Такъ, напримѣръ, на уральскихъ заводахъ, переданныхъ при Елизаветѣ частнымъ лицамъ, находилось болѣе трехъ съ половиною тысячъ казенныхъ мастеровыхъ; на Липецкомъ, Боренскомъ и Козьминскомъ заводахъ воронежской губерніи, отданныхъ кн. Репнину, болѣе 1,300 душъ. Намъ придется еще рассказывать, какую упорную борьбу приходилось имъ выдерживать съ фабрикантами, которые стремились этихъ казенныхъ людей, находившихся въ ихъ пользованіи, низвести до одного уровня съ купленными ими рабочими. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что казенныхъ мастеровыхъ передавали въ частныя руки не только вмѣстѣ съ фабриками: нерѣдко при устройствѣ того или другого завода правительство давало фабриканту нѣсколько людей, опытныхъ въ необходимомъ для него мастерствѣ.

Передача мастеровыхъ изъ казны въ частное владѣніе вмѣстѣ съ заводами дѣлалась не иначе, какъ по именному указу, а отдѣльно отъ нихъ—по распоряженію сената, бергъ- и мануфактуръ-коллегіи или даже подчиненныхъ имъ инстанцій. Но бывало, что мѣстная администрація произвольно отдавала на частныя заводы людей, таковой отдачи вовсе не подлежавшихъ. Въ 1783 году тобольское намѣстническое правленіе донесло сенату, что прежній тамошній губернаторъ Чичеринъ отдалъ въ 1771 г. на четыре частныя фабрики, подъ предлогомъ сиротства и несовершеннолѣтняго возраста, 79 ч. «казенныхъ людей», присланныхъ туда на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты, между тѣмъ какъ ихъ слѣдовало, если бы они были дѣйствительно мало-

лѣтними, «принисать къ земледѣльцамъ», — но такъ какъ они вовсе не были малолѣтними и легко могли исполнять всякую крестьянскую работу, то ихъ должно было поселить наравнѣ съ другими и по истеченіи льготныхъ лѣтъ обложить податями. Чичеринъ распорядился съ этими людьми, присланными на поселеніе, совершенно самовольно, не имѣя на то не только указа сената, но и прямо вопреки именному указу 1762 г., который предписано было фабрикантамъ и заводчикамъ довольствоваться вольнонаемными людьми. Поэтому тобольское намѣстническое правленіе предлагало не только отобрать этихъ людей у фабрикантовъ и поселить ихъ наравнѣ съ другими, отправленными въ Сибирь съ тою же цѣлю, но, кромѣ того, такъ какъ фабриканты пользовались рабочими, не платя за нихъ податей, взыскать съ нихъ деньги, не полученные казною. Сенатъ согласился съ первою половиною этого предложенія; что же касается подушнихъ и другихъ податей за время пребыванія рабочихъ у фабрикантовъ, то онъ предписалъ взыскать ихъ не съ этихъ послѣднихъ, а съ бывшаго губернатора Чичерина, повиннаго въ ихъ противозаконной отдачѣ на фабрики.

Итакъ, мастерские и крестьяне, составлявшіе въ XVIII в. принадлежность частныхъ фабрикъ, были или купленные заводчиками, или «вѣчно-отданные», или, наконецъ, казенные мастера, переданные фабрикантамъ. Для обозначенія всей этой группы не выработалось еще въ XVIII в. особаго термина, который и встрѣчается лишь въ началѣ XIX в.

Относительно горныхъ заводовъ обособленіе тѣхъ изъ нихъ, которые получили пособіе отъ казны, начинается въ нашемъ законодательствѣ при Екатеринѣ II. По бергъ-привилегіи право распоряженія подземными минеральными богатствами на всѣхъ земляхъ, не только казенныхъ, но и частныхъ, принадлежало государству. «Намъ однимъ яво монарху, — сказано тамъ, — принадлежать рудокопные заводы». Къ сожалѣнію, Екатерина II манифестомъ 1782 г. и затѣмъ дворянскою грамотою 1785 г. отступила отъ этого принципа и распространила право полной собственности частныхъ землевладѣльцевъ и на недра ихъ земель. Естественно, что въ періодъ времени съ 1719 по 1782 г., во всѣхъ правительственныхъ постановленіяхъ не дѣлается различія между частными горными заводами, построенными на отведенныхъ для этого казенныхъ земляхъ, и заводами, находившимися на собственныхъ земляхъ владѣльцевъ; подати, взимавшіяся съ тѣхъ и другихъ, были совершенно одинаковы. Такимъ образомъ, только манифестъ 1782 г. положилъ юридическое основаніе

частнымъ горнымъ заводамъ на полномъ владѣльческомъ правѣ; вслѣдъ за выдѣленіемъ ихъ изъ состава всѣхъ горныхъ заводовъ естественно должно было установиться и различіе во вниманіи податей между тѣми изъ нихъ, которые были основаны на казенныхъ и построенными на частныхъ земляхъ. Правительство сознавало это, и въ одномъ именномъ указѣ высказано было желаніе выписывать съ заводчиковъ за пользованіе казенными землями и лѣсами особую арендную плату; однако, мысль эта не была приведена въ исполненіе. Въ 1794 г. впервые было сдѣлано различіе въ размѣрахъ податей между заводами, построенными частными лицами безъ всякаго пособія, и тѣми, при устройствѣ которыхъ были даны отъ казны земли и лѣса или приписаны «изъ вѣдомства казеннаго» люди. Съ этого времени различіе между тѣми и другими заводами все болѣе усиливается въ нашемъ законодательствѣ, окончательно же оно установилось только при Александрѣ I. — Въ учрежденіи министерства финансовъ 1811 г. подробно разграничены права частныхъ горныхъ заводчиковъ и они раздѣлены на два разряда. Въ первомъ отнесены тѣ, которые владѣютъ заводами по праву дворянства, не получивъ никакихъ пособій отъ казны; во второму тѣ, которые имѣютъ пособія: 1) въ людяхъ, 2) въ земляхъ, 3) въ лѣсахъ, 4) въ рудникахъ и 5) которые получили позволеніе владѣть заводомъ и при немъ крѣпостными людьми, не имѣя правъ дворянства. Въ 1825 г. такое раздѣленіе распространено на всѣ фабрики и заводы, и опредѣлено, что всѣ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ были отведены отъ казны земли или строенія, или приписаны мастеровые люди, или дано позволеніе на покупку въ нихъ крестьянъ, составляютъ имущество, называемое *поссесіями* ¹⁾, и не могутъ быть никакимъ образомъ отдѣляемы отъ фабрикъ. Послѣ того поссесіонные заводы рѣзко отдѣлялись отъ заводовъ владѣльческихъ; между прочимъ, ихъ нельзя было продавать изъ однихъ рукъ въ другія; они только переустрѣплялись, и то не иначе, какъ безъ раздробленія и съ разрѣшенія завѣдывавшихъ ими учреждений. Самые владѣльцы ихъ, какъ это было и въ XVIII в., назывались только «содержателями заводовъ» ²⁾.

Такимъ образомъ, въ началѣ XIX ст. найдено было общее названіе для всѣхъ разрядовъ заводскаго населенія, не принадлежащаго владѣльцу завода на правѣ полной собственности. Заводы, полу-

¹⁾ Этотъ терминъ встрѣчается уже, впрочемъ, въ одномъ указѣ 1797 г.

²⁾ Н. Михайловъ, «Объ историческомъ и современномъ значеніи поссесіи права владѣнія горнозаводскими имѣніями», „Горный журналъ“, 1862 г., № 11, стр. 330—344. Сравни статью Петрова, тамъ же № 1, стр. 145—147.

члвнше помощь отъ казны, въ томъ числѣ и людьми, были названы посессионными, а слѣдовательно—и ихъ населеніе можетъ быть названо посессионными мастеровыми и крестьянами. Этотъ терминъ мы можемъ перенести, за неизмѣнимъ другого, и въ XVIII в.

Намъ необходимо было остановиться на происхожденіи всѣхъ элементовъ этого отдѣла крестьянъ для того, чтобы яснѣе понять ихъ положеніе въ XVIII в. Итакъ, въ посессионнымъ крестьянамъ принадлежали: 1) Казенные мастеровые, отданные заводчикамъ. 2) Вѣчно-отданные: а) Отданные за опредѣленную плату и б) Непомнящіе родства. 3) Мастеровые и крестьяне, купленные въ заводы.

Въ началѣ XIX столѣтія къ этому присоединился еще четвертый отдѣлъ: «непремѣнные работники», замѣнявшіе приписныхъ крестьянъ. Они были набраны изъ этихъ послѣднихъ по 58 человекъ съ 1000 душъ и сдѣланы постоянными заводскими мастеровыми. Такъ какъ при частныхъ заводахъ числилось тогда 70,061 д., то непремѣнныхъ работниковъ съ нихъ набрано было 4,061. По положенію 1807 г. они должны были отслужить на заводахъ только 30 лѣтъ, а дѣти ихъ 40 лѣтъ, а затѣмъ ихъ слѣдовало отпустить на волю и они могли приписаться, куда пожелаютъ. Однако это не было исполнено, и только спустя болѣе чѣмъ 50 лѣтъ положеніе 19 февраля освобождаетъ ихъ на весьма неблагоприятныхъ условіяхъ, о которыхъ мы говорили выше.

Разобравъ подробно составъ посессионнаго заводскаго населенія, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ относительно быта этихъ людей.

Что касается уплаты податей, то, на основаніи бергъ-привилегіи 1719 г., мастеровые всѣхъ дѣйствующихъ горныхъ заводовъ были избавлены отъ всякихъ денежныхъ поборовъ. Это правило не всегда соблюдалось, но въ 1736 г. велѣно было всѣхъ вѣчно-отданныхъ къ фабрикамъ, если кто изъ нихъ былъ положенъ въ подушный окладъ, исключить изъ него на основаніи бергъ-привилегіи. Въ царствованіе императрицы Елизаветы при началѣ второй ревизіи предписано было заносить въ перепись какъ отданныхъ по указамъ, такъ и купленныхъ фабрикантами. Когда въ 1747 г. ревизія была, наконецъ, приведена къ окончанію, сенатъ, въ виду того, что на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ мастеровые платятъ изъ получаемого ими жалованья и задѣльной платы по 70 в. съ души, окончательно предписалъ взыскивать съ мастеровыхъ частныхъ заводовъ семигривенныя подушныя деньги, не облагая ихъ, однако, оброчнымъ сборомъ, который платили государственные крестьяне.

Отъ рекрутчины мастеровые были освобождены бергъ-привилегією и регламентомъ мануфактуръ-коллегіи. Въ 1754 г. велѣно было съ тѣхъ фабрикъ и заводовъ, при которыхъ есть приписныя и купленныя заводчиками деревни, за мастеровыхъ и рабочихъ, дѣйствительно употребляющихся въ дѣло, брать рекрутъ изъ этихъ деревень вмѣстѣ съ тѣми, какіе и безъ того съ нихъ должны быть поставлены; если же при фабрикахъ не было деревень, то дозволялось вмѣсто каждаго рекрута вносить по 100 рублей; впрочемъ, фабрикантамъ было дозволено сдавать въ рекруты мастеровыхъ, неспособныхъ къ фабричнымъ работамъ, если они годны къ службѣ, или даже покупать людей съ этою цѣлью. Учрежденіемъ о рекрутскомъ наборѣ 1766 г. плата за рекрута повышена была до 120 руб., дозволеніе сдавать мастеровыхъ натурою сохранилось, но покупка рекрутъ въ это время уже не разрѣшалась. Въ 1783 г. цѣна рекрутской квитанціи сразу поднялась до 500 руб.

На основаніи указа 7 января 1736 г. фабричныя мастеровые должны были нести городскія повинности: содержать караулы и ходить на пожары. Ниже мы увидимъ, что исполненіе этихъ повинностей было для нихъ весьма обременительно.

Мастеровые и рабочіе за разные проступки, по прошенію фабрикантовъ, отсылались мануфактуръ-коллегією на поселеніе или даже въ каторжную работу. Въ указѣ 1736 г. сказано, что если мастеровые не исправятся вслѣдствіе домашнихъ наказаній, то слѣдовало представлять о нихъ въ коммерцъ-коллегію (замѣнявшую тогда мануфактуръ-коллегію) и такихъ людей «по свидѣтельству фабрикантскому и мастеровъ будутъ ссылатъ въ дальніе города или Камчатку на работу». Такъ, въ 1739 г. 15 человекъ мастеровыхъ съ суконной фабрики Полуярславцева за пьянство и нгру въ кости и карты, по приказанію сената, были сосланы въ Сибирь; а затѣмъ и впредь велѣно ссылатъ мастеровыхъ по прошеніямъ фабрикантовъ и на ихъ счетъ. Послѣ изданія указа 1760 г., дозволившаго помѣщикамъ отправлять своихъ людей на поселеніе въ Сибирь съ зачетомъ въ рекруты, фабриканты пожелали также воспользоваться этимъ правомъ, что и было имъ разрѣшено въ 1763 г.; но для такой отправки требовался каждый разъ указъ мануфактуръ-коллегіи, куда фабриканты и подавали о томъ челобитную. Наконецъ, фабриканты имѣли право подвергать мастеровыхъ различнымъ домашнимъ наказаніямъ; какимъ именно—законъ не опредѣлялъ, но мы знаемъ, что, кромѣ тѣлесныхъ наказаній и денежныхъ штрафовъ, имъ предоставлялось иногда назначать мастеровыхъ на тяжелыя работы

съ платою лишь на пропитаніе. Даже мастеровыхъ, взятыхъ на улицѣ за ссору, драку или пьянство, наказывала не полиція, а фабриканты (къ которымъ ихъ немедленно отправляли въ подобныхъ случаяхъ)—при собраніи другихъ мастеровыхъ той же фабрики.

Владѣльцы посессионныхъ заводовъ по закону не имѣли права препятствовать женскому населенію ихъ фабрикъ выходить замужъ, за кого они хотятъ, хотя бы за лицъ совершенно постороннихъ; это было разъяснено правительствомъ въ 1763 г. До того времени по этому вопросу къ заводскимъ мастеровымъ могъ примѣняться только указъ 1724 г., которымъ помѣщикамъ запрещено было принуждать своихъ вѣнчанныхъ къ браку безъ ихъ желанія.

Однако, въ дѣйствительности фабриканты нерѣдко препятствовали желанію мастеровыхъ выдавать своихъ дочерей замужъ за постороннихъ. До указа 1763 г. нѣкоторые владѣльцы заводовъ, наиримѣръ, Репнинъ, стали даже брать выводныя деньги за дочерей казенныхъ мастеровыхъ, переданныхъ имъ вмѣстѣ съ заводами. Но и послѣ этого указа случалось немало злоупотребленій въ этомъ отношеніи со стороны фабрикантовъ.

Такъ какъ съ учрежденіемъ вновь мануфактуръ-коллегій по смерти императрицы Екатерины II, въ нее стало поступать не мало жалобъ отъ мастеровыхъ на притѣсненія отъ хозяевъ, неправильное закрѣпощеніе къ фабрикѣ и на то, что ихъ употребляютъ, вмѣсто фабричныхъ работъ, въ домашнее услуженіе, и такъ какъ до тѣхъ поръ не было издано никакого закона о томъ, какъ поступать съ фабрикантами, оказавшимися виновными въ такихъ злоупотребленіяхъ, то въ 1803 г. было постановлено, что въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ: 1) мастеровыхъ, прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ указомъ 1736 г., за которыхъ фабрикантами были заплачены деньги, отбирать въ казну съ женами и дѣтьми, возвращая хозяевамъ внесенныя ими деньги. Но при этомъ было пояснено, что возвращались деньги только за тѣхъ людей, за кого дѣйствительно были внесены, а не за ихъ дѣтей, которыя «и самимъ фабрикантамъ пришли даромъ». 2) Казенныхъ людей, отданныхъ на фабрики, безъ платежа отъ фабрикантовъ, отбирать въ подобныхъ случаяхъ безъ всякаго вознагражденія. 3) Фабричныхъ, купленныхъ такими фабрикантами, которые не имѣютъ права на владѣніе деревнями, а приобрѣли ихъ по выданнымъ на фабрики привилегіямъ, отбирать также безъ всякаго вознагражденія,

Нужно замѣтить, что отбирались иногда не одни фабричные

работіе, но и самыя посессионныя фабрики. Императоръ Павелъ приказалъ въ 1797 г. повсемѣстно произвести изслѣдованіе «о казенныхъ земляхъ и прочихъ *поссесіяхъ*, въ частныхъ фабрикахъ и заводахъ приписанныхъ, точно ли оныя употребляются для тѣхъ надобностей, которыя къ непремѣнному и дѣйствительному существованію заводовъ и фабрикъ необходимы и для которыхъ во оныхъ приписаны», и были случаи, что когда оказывалось несоблюденіе тѣхъ условій, съ которыми даны были мастеровые, то фабрика отбиралась въ казну.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что по закону посессионныя имѣнія строго отличались отъ состоявшихся на вотчинномъ правѣ. Во-1-хъ, посессионныхъ крестьянъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрикъ или даже переводить ихъ съ одной фабрики на другую; во-2-хъ, опредѣленъ былъ шахимомъ того, сколько можно было покупать крестьянъ въ различныхъ фабрикахъ и заводахъ; въ-3-хъ установлено было, какую часть изъ посессионныхъ крестьянъ можно употреблять на работу; въ-4-хъ, посессионные крестьяне могли жаловаться на притѣсненіе со стороны фабрикантовъ (тогда какъ отъ ерѣпостныхъ жалобы не принимались), и въ 1803 г. было велѣно, если такія притѣсненія будутъ доказаны, отбирать рабочихъ въ казну. На дѣлѣ однако фабриканты обращались съ фабричными, какъ со своими ерѣпостными, наприимѣръ, устанавливали сборъ выводныхъ денегъ и т. п. Различныя злоупотребленія были тѣмъ возможнѣе, что въ XVIII в. не были разрѣшены закономъ нѣкоторые вопросы, весьма важные для посессионныхъ рабочихъ: такъ, во-1-хъ, не было опредѣлено количество рабочихъ часовъ (только въ субботу предписывалось по уложенію отпускать мастеровыхъ за три часа до вечера; относительно числа рабочихъ часовъ на казенныхъ горныхъ и литейныхъ заводахъ были точныя правила, но не было сдѣлано распоряженія, чтобы они соблюдались и на частныхъ заводахъ ¹⁾); во-2-хъ, не установлено точныхъ правилъ о томъ, должны ли работать на фабрикахъ и заводахъ женщины и дѣти, и не ранѣе каковаго возраста можно было посылать на работу дѣтей; наконецъ, въ-3-хъ, слишкомъ поздно, только въ 1803 г., были установлены правила о наказаніяхъ фабрикантовъ за притѣсненія рабочимъ.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, въ какомъ положеніи *de jure* находились посессионные крестьяне; въ послѣдующихъ

¹⁾ Мы не нашли также ни одного указа на то, чтобы къ нимъ приималось предиксаніе ремесленнаго положенія 1786 г., установившаго размѣръ рабочаго дня ремесленниковъ въ 10 часовъ (И. С. З., т. XXII, № 16, 188, ст. 128, и. 105).

главахъ мы подробно познаваемъ съ фактическимъ положеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ этого класса людей.

Теперь замѣтимъ только, что мастеровые нерѣдко жаловались на замедленіе въ уплатѣ заработанныхъ ими денегъ, на то, что ихъ не вознаграждали за прогулы, случавшіеся не по ихъ винѣ, и что имъ приходилось исполнять не фабричныя работы. Бывали также случаи, что рабочихъ обязывали покупать все нужное для нихъ въ хозяйской лавкѣ, и это, разумѣется, давало возможность эксплуатировать ихъ.

Во время преній въ комиссіи для составленія уложенія по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли не-дворянамъ владѣть мастерскими и крестьянами, князь М. М. Щербатовъ, между прочимъ, сказалъ: «если рассмотримъ самое употребленіе и жизнь работниковъ (принадлежащихъ купцамъ), то увидимъ, что, кромѣ небольшого числа мастеровъ, которые, для того чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники, .. прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности... Отъ этого поврежденія ихъ нравовъ уменьшается многонародіе и нерѣдко происходятъ беспорядки въ деревняхъ». Ярославское дворянство въ своемъ наказѣ князю Щербатову также писало: «тѣ купцы, которые для фабрикъ и заводовъ деревни покупали и на фабрикахъ людей употребили, и то учинили, забирая всѣхъ на фабрики и заводы въ работу, да и то за толь малую плату, что на силу дневное пропитаніе могутъ имѣть. Чрезъ то умноженію народа чинится претона и земледѣліе оскудѣваетъ, да и сами крестьяне толико работами замучены бывають, что часто бунты производять». Намъ придется еще не разъ говорить о волненіяхъ фабричныхъ мастеровыхъ; теперь же мы упомянемъ только объ одномъ изъ нихъ, бывшемъ въ 1752 г. среди крестьянъ, купленныхъ Гончаровымъ къ парусной и бумажной фабрикѣ въ малоарсланецкомъ уѣздѣ. Посланную противъ нихъ команду крестьяне встрѣтили толпою въ 800 человекъ съ оружіемъ въ рукахъ, разбили ее и отняли пушки. Только три полка, присланные затѣмъ, могли усмирить ихъ и то благодаря артиллеріи.

Въ послѣдующихъ главахъ мы расскажемъ, во-первыхъ, какую борьбу приходилось вести казеннымъ мастеровымъ, отданнымъ фабрикантамъ; во-вторыхъ, познаемъ съ положеніемъ всѣхъ трехъ разрядовъ посессионныхъ крестьянъ на горныхъ заводахъ; затѣмъ, поговоримъ особо о положеніи рабочихъ на посессионныхъ суконныхъ фабрикахъ и, наконецъ, дадимъ общую характеристику быта посессионныхъ крестьянъ, кромѣ горнозаводскихъ,

въ первые годы XIX в. При этомъ мы будемъ имѣть возможность сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія съ положеніемъ рабочихъ въ настоящее время.

II.

Борьба казенныхъ мастеровыхъ на частныхъ фабрикахъ противъ окончательнаго закрѣпощенія. — Волненія на заводахъ князя Репнина въ Воронежской губерніи. — Приобрѣтеніе заводовъ въ казну. — Волненія на Красносельской бумажной фабрикѣ. — Договоръ съ фабрикантомъ, гарантирующій права мастеровыхъ. — Защита своихъ правъ казенными мастерами на Копнинской бумажной фабрикѣ.

Уже при Петрѣ Великомъ существовали казенные липецкій, ковминскій и боренскій желѣзодѣлательные заводы въ тогдашней азовской, поддѣле воронежской, а нынѣ тамбовской губерніи (г. Липецкъ); они находились въ вѣдѣніи адмиралтейской конторы. Тамошніе мастеровые происходили изъ мѣщанъ и однодворцевъ, а часть ихъ была переведена съ тульского и олонецкаго заводовъ. Для вспомогательныхъ работъ въ нимъ, кромѣ того, было приписано 7,912 однодворцевъ и 952 души валяхъ-то помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые отработывали тамъ четырехгривенный оброчный сборъ. Казенныхъ мастеровыхъ въ то время было 1,325 душъ.

Въ началѣ 1754 года камеръ-юнкеръ князь П. И. Репнинъ подалъ въ сенатъ челобитную о передачѣ ему въ содержаніе этихъ заводовъ. Сенатъ, согласно съ мнѣніемъ бергъ-коллегіи, рѣшилъ въ слѣдующемъ году отдать заводы Репнину съ имѣющимися при нихъ мастерами, рабочими и ихъ дѣтьми (кромѣ приписанныхъ къ заводамъ однодворцевъ, рабочихъ, переведенныхъ съ олонецкихъ заводовъ, а также помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей) со всѣми матеріалами и припасами, сколько ихъ омажется по описи и оцѣнѣ. Мастеровые и рабочіе, за которыхъ Репнинъ долженъ былъ платить подушныя деньги, обязаны были работать только на заводахъ, и заводовладѣлецъ не имѣлъ права ни посылать ихъ на свои домовыя работы, ни переводить въ другія мѣста. Въ случаѣ же недостатка рабочихъ Репнинъ могъ пользоваться трудомъ своихъ крѣпостныхъ или вольнонаемныхъ. Такъ какъ переведенныхъ съ олонецкихъ заводовъ было 397 человекъ, то, за исключеніемъ ихъ, вмѣстѣ съ заводами перешло въ пользованіе Репнина 928 душъ.

Передача заводовъ въ частныя руки крайне невыгодно отра-

зились на положеніи мастеровыхъ, такъ какъ управитель и приказчики Репнина стали обращаться съ ними не какъ съ казенными людьми, а какъ съ крѣпостными своего господина: уменьшили плату, стали посылать на работы, которыхъ они прежде не исполняли, вмѣсто денегъ платили имъ разными вещами и припасами, наконецъ, сурово наказывали. Понятно, что мастеравые не могли безропотно подчиниться такой перемѣнѣ въ своей жизни, и рѣшились во что бы то ни стало добиться возвращенія въ прежнему положенію.

Въ концѣ 1760 года ихъ повѣренный Купріяновъ отъ имени всѣхъ своихъ товарищей подалъ челобитную въ воронежскую губернскую канцелярію, съ весьма серьезными жалобами на повѣреннаго и приказчиковъ князя Репнина (владѣлецъ завода въ это время находился за-границей, посланникомъ въ Испанію). Находясь въ казенномъ управленіи, мастеравые получали установленную еще при Петрѣ Великомъ поденную плату по 5 к. гѣтомъ и 4 к. зимою (нѣкоторые же годовое жалованье), а теперь эта плата была понижена до 2 — 3 к.; прежде съ пуда имъ платили по 50 к., а теперь только по 20^{1/2} к., но и это вознагражденіе не всегда выдавалось имъ деньгами. Въ 1756 году приказчики заплатили мастеравымъ восами, ножами, ругавицами, воскомъ, ладавомъ и лошадьми, притомъ по высокой оцѣнкѣ. Когда мастеравые отвозили заводскія издѣлія въ Тулу, Тамбовъ, Острогожскъ и другія мѣста, то и тамъ жалованье выдавалось имъ не деньгами, а желѣзомъ и чугуномъ, которые имъ приходилось потомъ продавать гораздо дешевле, чѣмъ получали сами. Кромѣ прежнихъ заводскихъ работъ теперь ихъ стали посылать жечь уголь и копать руду, что дѣлали прежде не мастеравые, а приписные однодворцы, и платили за это также не деньгами, а желѣзомъ и чугуномъ. При казенномъ управленіи мастеравымъ въ свободное время не запрещалось работать на своихъ собственныхъ кузницахъ, а во время приостановки дѣйствія заводовъ выдавались имъ паспорта для отправленія на посторонніе заработки; теперь же повѣренный Репнина въ подобныхъ случаяхъ не отпускаетъ ихъ для зарабатыванія денегъ на уплату податей, да и въ собственныхъ ихъ кузницахъ работать запрещаетъ и за неповиновеніе наказываетъ плетью. Кромѣ того, изъ нихъ посылаютъ на караулы, съ перемѣною по недѣлямъ, чело-вѣкъ по 30-ти безъ всякой платы, тогда какъ въ казенномъ управленіи они получали за это обычное поденное вознагражденіе. Часть изъ нихъ отправляли даже совершенно противозаконно на другой заводъ Репнина въ тамбовскій уѣздъ, и хотя тамъ и

платили имъ деньги за работу, но за проходъ 170-ти верстъ никакого вознагражденія они не получали. Наконецъ, въ теченіи 5-ти лѣтъ ихъ заставляли бесплатно работать на бабчакъ. Прежде они безпрепятственно выдавали своихъ дочерей замужъ за постороннихъ; теперь же повѣренный Репнина взыскиваетъ съ нихъ выводныя деньги «съ великимъ насильствомъ и съ боемъ». Двухъ мастеровыхъ приказчики гоняли съвозъ строй, а одинъ изъ нихъ такъ жестоко избилъ женщину, взятую имъ въ услуженіе, что та умерла, о чемъ было своевременно заявлено мастеровыми въ воронежской губернской и романовской воеводской канцеляріяхъ; этотъ же приказчикъ «чинить всѣмъ жительствоющимъ при боренскихъ заводахъ обывателямъ великое разореніе и всекрайнѣйшія обиды и посылаетъ на сѣнокосные покосы для гребенія сѣна, а которая жена за болѣзнію своею не пойдетъ, тѣхъ билъ батожемъ мучительно».

Уплата мастеровыми подушныхъ податей также подавала поводъ къ злоупотребленію со стороны приказчиковъ. Такъ, въ теченіи полутора года, они дѣлали вычеты изъ жалованья рабочихъ на уплату податей, а между тѣмъ денегъ этихъ куда слѣдуетъ не вносили. Когда въ 1759 году для взысканія подушной недоимки воронежская губернская канцелярія прислала на заводы прапорщика съ командою, повѣренный Репнина принудилъ мастеровыхъ вторично уплатить подати, а прежде внесенныя ими деньги возвратилъ желѣзомъ и чугуномъ. Желѣзо это имъ, разумѣется, пришлось спустить за полъ-дѣны, а для пополненія недостающихъ денегъ «доплачивать», по словамъ челобитной, «изъ собственного своего кошту, продавая... свою скотинушку, мужское и женское платье за безцѣнокъ, и отъ того учинилось убытку не малое-жъ число, да сверхъ же того присланному вышеупомянутому прапорщику съ командою давали кормовыя деньги и содержали на своемъ коштѣ одиннадцать мѣсяцевъ, отъ чего учинилось убытку болѣе ста рублей».

По указу 1754 года владѣльцы завода имѣли право сдавать мастеровыхъ въ рекруты; къ сожалѣнію, даже переданные съ заводами изъ казеннаго управленія не были ограждены отъ этого закономъ. Понятно, что это давало заводчикамъ возможность легко раздѣлываться со всѣми, кто не выказывалъ имъ безпрекословнаго повиновенія. И въ этомъ отношеніи, разумѣется, мастеровымъ воронежскихъ заводовъ скоро пришлось почувствовать, какъ ухудшилось ихъ положеніе. Между тѣмъ какъ до передачи заводовъ Репнину рекруты съ нихъ не брали, въ 1756 году одинъ изъ его приказчиковъ сдалъ въ наборъ 40 человекъ; относительно

нѣкоторыхъ это было положительно местию со стороны заводскаго управленія: приказчики отдали въ солдаты одного оружейнаго дѣла мастера, по словамъ челобитной, «только по той злоковарной злобѣ, что онъ, будучи... при оцѣнѣ имѣющихся при тѣхъ заводахъ матеріаловъ и инструментовъ, объявлялъ настоящими цѣнами».

Что жалобы мастеровыхъ были справедливы, видно изъ того, что приказчики Репнина не представляли на нихъ никакихъ серьезныхъ возраженій; они увѣряли, что жалованье выдавалось желѣзомъ будто бы по собственному желанію мастеровыхъ, что и караулы при заводѣ рабочіе приняли на себя добровольно для прекращенія воровства.

Однако, жалобы фабричнаго люда не скоро еще вызвали серьезное разслѣдованіе. Воронежская губернская канцелярія приказала челобитчику Купріянову обратиться съ просьбою въ бергъ-коллегію, куда, нужно замѣтить, приказчики уже успѣли подать заявленіе объ ослупаніи мастеровыхъ. Купріяновъ отправился въ Петербургъ, но тамъ, въ бергъ-коллегію, къ его величайшему удивленію, ему велѣно было ѣхать назадъ въ Воронежъ и подать жалобу той же губернской канцеляріи, къ которой онъ только что тщетно обращался. «Вида», писалъ впоследствии Купріяновъ, «что поминутая бергъ-коллегіей революція учинена не весьма къ народной нашей пользѣ довольная», онъ жаловался-было сенату, но и тамъ ему велѣно было ѣхать въ Воронежъ. Въ свою очередь приказчики Репнина пожаловались воронежской канцеляріи на неповиновеніе рабочихъ, котораго и не могло не быть въ виду ихъ вопіющихъ злоупотребленій на заводахъ; канцелярія же только и обратила вниманіе на это неповиновеніе. Въ концѣ 1761 года она отправила на лицецкіе заводы поручика съ командою съ предписаніемъ наказать нещадно плетью 19-ть мастеровыхъ за ихъ «противности и озорничество и за бои другихъ тѣхъ же заводовъ мастеровыхъ и работныхъ людей», а также и за то, что просили о взятіи ихъ отъ князя Репнина, которому по указу сената были отданы въ вѣчное и потомственное владѣніе; затѣмъ, посланный долженъ былъ обязать всѣхъ ихъ подпискою впредь находиться въ полномъ повиновеніи. По пріѣздѣ на заводъ, этотъ поручикъ вооружилъ противъ себя мастеровыхъ уже тѣмъ, что онъ остановился у ихъ, какъ они называли въ своей челобитной, «разорителя» и «соперника», повѣреннаго князя Репнина. Мастеровые были собраны въ домъ этого повѣреннаго, двери за ними были затворены и было немедленно приступлено къ экзекуціи. Повѣренный Репнина закричалъ своимъ конохамъ:

— Рвите ихъ, ребята, яко злодѣевъ!

Прежде всего стали наказывать челобитчика Григорія Купріянова, но едва его раздѣли и ударили плетью два, какъ онъ закричалъ товарищамъ, чтобъ его не выдали; тѣ бросились его выручать, освободили Купріянова и всѣхъ поджежавшихъ наказанію рабочихъ, отняли плети и не только не дали никакого наказывать, но и объявили, что никакихъ обязательствъ повиноваться они не дадутъ.

Послѣ того волненіе на заводахъ продолжалось, и въ началѣ 1762 года, въ царствованіе Петра III-го прежній челобитчикъ Григорій Купріяновъ вновь явился въ Петербургъ и подалъ челобитную государю, въ которой, сообщивъ уже извѣстныя намъ жалобы своихъ товарищей, просилъ взять ихъ съ заводами опять въ казенное вѣдомство. Купріянова отослали для разбора дѣла въ бергъ-коллегію.

Такъ какъ мастеровые заявляли неудовольствіе на воронежскую губернскую канцелярію, да и та съ своей стороны доносила, что они не слушаютъ посланныхъ ею офицеровъ, то бергъ-коллегія отправила Купріянова въ романовскую воеводскую канцелярію съ предписаніемъ возможно скорѣе произвести слѣдствіе; въ помощь мастеровымъ посланъ былъ одинъ шихтмейстеръ, который долженъ былъ наблюдать, чтобы во время слѣдствія имъ не было сдѣлано никакихъ «обидъ, приметокъ, или притѣсненій».

Между тѣмъ, натанутыя отношенія между рабочими и начальствомъ на липецкомъ заводѣ кончились совершеннымъ отказомъ со стороны первыхъ продолжать работы. Они называли заводскую контору Репнина хлѣвомъ и воровскою избою и не слушались никакихъ увѣщаній. Они даже устроили свое особое управленіе, такъ-называемую «станичную избу», во главѣ которой стоялъ Григорій Купріяновъ. Изъ этой избы выдавались рабочимъ отпускныя письма, ею же собирались со всѣхъ мастеровыхъ денежные поборы на необходимые для хлопотъ по ихъ дѣлу расходы. Нежеланіе нѣсколькихъ рабочихъ повиноваться распоряженіямъ станичной избы, участвовать въ общей челобитной и платить деньги вызывали суровыя вары со стороны ихъ товарищей. Такъ, одинъ изъ нихъ былъ подвергнутъ за это тѣлесному наказанію, у другого выбили окна и двери, вытащили за носу и избili его жену. Узнавъ объ этомъ, бергъ-коллегія отдала приказъ уничтожить эту станичную избу.

Не надѣясь дожидаться правильнаго разбора своего дѣла отъ романовской воеводской канцеляріи, мастеровые отправили въ

Петербургъ новаго челобитчика, валадобойца Давидова. Онъ подалъ Елагину прошение на имя государыни о томъ, чтобы слѣдствіе по ихъ дѣлу было произведено именно бергъ-коллегіи и романовской восходской канцеляріи. Онъ заявилъ «подверженіе» на бергъ-коллегію, что она во всемъ держитъ руку приказчиковъ, а не ихъ; романовская же канцелярія и посланный для слѣдствія михайлевскій «выбѣлъ съ приказчиками единое согласіе, компанію и похлеbstво».

Когда Елагинъ направилъ этого челобитчика въ ту же бергъ-коллегію, сенатъ по ея просьбѣ приказалъ воронежскому губернатору Лачинову отправить офицера для слѣдствія и приведенія мастеровыхъ въ послушаніе. Дѣло это было поручено подпоручику Рагозину. Къ нему явилось до 300 человѣкъ рабочихъ, въ числѣ которыхъ, получивъ приказъ, данный ему губернаторомъ, они заявили, что не только не будутъ работать и слушаться приказчиковъ, но даже не хотятъ ничего отбѣчать. Впрочемъ, они были слишкомъ увѣрены въ томъ, что мѣстными власти держитъ руку Ренина и что ихъ заявленія опять ни къ чему не поведутъ. Когда и собственное увѣщаніе Лачинова тѣмъ мастеровымъ, которые приходили въ Воронежъ, не повело ни къ чему, онъ донесъ сенату, что не находитъ нужнымъ долѣе производить слѣдствіе, такъ какъ эти люди забрали себѣ въ голову, во что бы то ни стало, не называться помѣщичьими крестьянами. Мастеровые дѣйствительно заявили въ 1765 г., что желаютъ быть въ казенномъ содержаніи или паранѣ съ однодворцами, т. е. платятъ не только подушную подать, но и четырехгривенный оброчный сборъ, лишь-бы только отбѣжаться отъ ненавистнаго имъ господства Ренина; но его крѣпостными, какъ думалъ Лачиновъ, они, разумеется, никогда не были. Послѣ того воронежскій губернаторъ отправилъ на заводы поручика Павловскаго съ командою, снабдивъ его болѣе рѣшительными инструкціями, который, когда мастеровые вновь отказались идти на работу, арестовалъ десятирѣкъ изъ нихъ. Однако вслѣдъ затѣмъ около сотни рабочихъ пришли въ Воронежъ и заявили въ губернской канцеляріи, что работать на Ренина они все-таки не будутъ, на угрозу наказанія они отбѣчали, что «о томъ не спорить», но все-таки останутся при своемъ. И дѣйствительно наказаніе двухъ изъ нихъ плетью не произвело никакого дѣйствія.

Въ апрѣлѣ 1766 г. сенатъ подалъ императрицѣ докладъ по этому дѣлу, подписанный княземъ Язовомъ Шаховскимъ, Петромъ Панинымъ и Ад. Олсуфьевымъ. Въ немъ они напомнили прежде всего, что въ «благополучное» царствованіе государыни

зачинщики и возмутители приписныхъ въ уральскимъ заводамъ крестьянъ, хотя и съ «великимъ В. И. В. по винѣ преступленія ихъ милосердіемъ», однако же все-таки наказаны одни кнутомъ и сосланы въ вѣчную каторжную работу въ Нерчинскъ, а другіе послѣ такого же наказанія отправлены въ тяжкія работы на отдаленные заводы ¹⁾. Мастеровые же на заводахъ Репнина не только отказались работать, но даже не хотятъ представить доказательствъ справедливости своихъ жалобъ. Сенатъ находилъ необходимымъ главныхъ зачинщиковъ, повѣреннаго Купріянова и десять человекъ другихъ ослушниковъ, по выбору губернатора, высѣчь кнутомъ и сослать съ ихъ семействами въ Сибирь на Нерчинскіе заводы, на счетъ виновныхъ, и тамъ ихъ отдать въ тяжкія работы безъ перемѣны, а женъ и дѣтей поселить при заводахъ. Что касается тѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ, которые въ количествѣ около ста человекъ приходили въ воронежскую губернскую канцелярію, то сенатъ предлагалъ всѣхъ ихъ высѣчь публично плетью и объявить имъ, что если они и затѣмъ не примутся за работы, то будутъ также сосланы на каторгу въ Нерчинскъ. Такое строгое наказаніе сенатъ находилъ необходимымъ, чтобы волненіе не распространилось по всей воронежской губерніи, въ которой, по словамъ доклада, «таковыхъ противниковъ никогда еще не бывало». Однако императрица не вполнѣ утвердила предложеніе сената; она рѣшила: «за ослушаніе зачинщиковъ (т.-е. Купріянова и еще 10 человекъ) наказывать должно; а прочимъ объявить еще разъ, чтобы шли въ работу, а если не пойдутъ, то съ ними поступлено будетъ, какъ съ ослушниками и преступниками узавовъ, что въ томъ случаѣ и дѣйствительно исполнить. Поручить же сіе новому губернатору (Маслову) и притомъ приказать ему наистрожайшимъ образомъ изслѣдовать причины такого супротивленія, и было ли съ ними поступано въ силѣ о таковыхъ заводахъ узавоненій, *помеже безъ крайности, люди до крайности рѣдко доходятъ*».

Когда въ Воронежѣ былъ полученъ указъ, гдѣ приведенъ былъ сенатскій докладъ съ этимъ рѣшеніемъ государыни, заводское начальство, узнавъ его содержаніе, торжествовало по случаю тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя были предложены сенатомъ. Приказчики, показывая на заводѣ копію съ этого указа, грозили, что всѣ приходившіе въ воронежскую губернскую канцелярію будутъ наказаны. Тогда крестьяне рѣшили подать новую

¹⁾ См. въ «Вѣстн. Евр.» 1877 г., №№ 1 и 2, статью «Горнозаводскіе крестьяне въ 1760—64 гг.».

челобитную съ просьбою, чтобы «до учиненія полагаемаго отъ правительствующаго сената наказанія въ ихъ обидахъ, притѣсненіи, мучительныхъ побояхъ и въ недоплатѣ заработныхъ денегъ, исследовать и ко всѣмъ доказательствамъ ихъ допустить». Съ этою цѣлью отправились въ Петербургъ шесть человекъ, которымъ удалось подать челобитную самой императрицѣ, послѣ чего они были немедленно отосланы къ Маслову.

Между тѣмъ, Масловъ отправился самъ въ г. Сокольскъ, близъ котораго находились заводы. Тамъ онъ призвалъ къ себѣ 25 мастеровыхъ липецкихъ заводовъ и 5 боренскихъ и спрашивалъ о причиненныхъ имъ обидахъ. Они отвѣчали, что приказчики выдавали имъ жалованье не въ опредѣленномъ по закону размѣрѣ, а въ какихъ мѣсяцахъ, кому именно и сколько не додано они за давностью теперь подробно показать не могутъ. Купріяновъ отвѣчалъ, что въ поданныхъ имъ прежде вѣдомостяхъ было указано, кто изъ нихъ рубилъ дрова, рылъ ямы, ломалъ камень, работалъ на мельницахъ, бакчахъ и рыбныхъ ловляхъ, кто нагружалъ заводскія издѣлія на барки и служилъ караульщикомъ. Теперь же, представивъ ордера приказчиковъ, онъ положительно доказалъ, что, вмѣсто денежнаго жалованья, имъ выдавали желѣзо и чугунъ. Масловъ хотѣлъ провѣрить жалобы мастеровыхъ по книгамъ, гдѣ записывалась выдача денегъ рабочимъ, но оказалось, что онѣ отосланы къ князю Репнину въ Петербургъ (впослѣдствіи онъ ихъ доставилъ); изъ приказчиковъ же, на которыхъ всего болѣе жаловались мастера, одни уже умерли, а другихъ не было на лицѣ.

Купріяновъ и еще десять человекъ на основаніи указа были наказаны вкупѣ при всѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ, которые не захотѣли, впрочемъ, присутствовать до конца на этомъ ужасномъ зрѣлищѣ. Но кара, постигшая самыхъ энергичныхъ людей, не устрашила остальныхъ: мастера вновь отправили въ Петербургъ челобитчиковъ, теперь уже десять человекъ, съ просьбою «о небытіи имъ у вк. Репнина во владѣніи». Когда арестованы были семь наказанныхъ и приговоренныхъ къ ссылкѣ, и затѣмъ всѣ они были отправлены въ Сибирь (45 взрослыхъ и 19 дѣтей), то мастера отказались уплатить деньги на путевые расходы, которые съ нихъ требовали; а когда одинъ чиновникъ, по порученію Маслова, сталъ собирать на заводахъ свѣдѣнія объ обидахъ, причиненныхъ рабочимъ, то никто къ нему не пошелъ: они заявили, что безъ своего повѣреннаго Купріянова, сосланнаго въ Сибирь, и до возвращенія отправленныхъ

ими въ Петербургъ челобитчиковъ они не могутъ представлять доказательствъ справедливости своихъ жалобъ.

Получивъ объ этомъ донесеніе, сенатъ въ январѣ 1767 г. послалъ грозный указъ для объявленія мастеровымъ. За свои «взмутительныя преступленія», сказано было въ немъ, мастеровые и рабочіе на липецкихъ заводахъ заслужили смертную казнь, но только главные зачинщики послѣ публичнаго наказанія отправлены въ Сибирь. Несмотря на то, нѣкоторые изъ нихъ вновь осмѣлились уйти съ заводовъ съ тѣмъ, чтобы опять подавать просьбы, «а въ самомъ дѣлѣ, знатно, чтятся только однимъ закрыть немѣннѣе настоящихъ доказательствъ по прежнимъ произведеннымъ своимъ жалобамъ»; такъ какъ никакія жалобы не могутъ быть приняты отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока они оказываютъ своевольство, то сенатъ вновь убѣждалъ ихъ возвратиться въ «должное вѣрноподданническое безмолственное повиновеніе».

Выслушавъ указъ, мастеровые и рабочіе отвѣтили:

«Указъ этотъ не за собственноручнымъ подписаніемъ Е. В., а отъ насъ на сенатъ подозрѣніе подано и объ обидахъ и притѣсненіяхъ послано прошеніе чрезъ нашихъ повѣренныхъ».

Такимъ образомъ и сенатъ, по мнѣнію мастеровыхъ, дѣйствовалъ пристрастно, держалъ руку заводчика; внѣ подозрѣнія теперь оставалась одна императрица.

Между тѣмъ просители, посланные мастеровыми, возвратились изъ Москвы, гдѣ въ это время была императрица. Сержантъ, отправленный Масловымъ на заводы разузнать, съ чѣмъ они возвратились, донесъ, что мастеровые и рабочіе собираются толпами и о чемъ-то совѣщаются; затѣмъ изъ разговоровъ людей постороннихъ ему удалось узнать, что, по словамъ мастеровыхъ, челобитчики привезли какой-то указъ за красною печатью. Они не хотятъ показывать его до тѣхъ поръ, пока будутъ присланы особые слѣдователи, назначенные вслѣдствіе ихъ прошенія, и до возвращенія отправленныхъ въ ссылку Купріянова съ товарищами, за которыми будто бы уже былъ посланъ нарочный.

Впоследствии оказалось, что у мастеровыхъ не было никакого указа, а только надпись на прошеніи, поданномъ ими государынѣ, въ которой было сказано, что «надлежитъ имъ жалобы свои доказать учрежденнымъ слѣдователемъ».

Мастеровые не только не платили прогонныхъ и кормовыхъ денегъ за отправку ссыльныхъ и доставленіе Купріянова съ товарищами изъ Петербурга, но задумали отдѣлаться и отъ рекрутчины. При наборѣ 1768 г. они не давали рекрутъ, заявляя, что платять подати наравнѣ съ однодворцами, а потому и ре-

крутъ должны представить тогда, когда будетъ наборъ съ одиодворцевъ. Сенатъ предписалъ Маслову, если мастеровые будутъ продолжать упорствовать, усмирять ихъ, не дожидаясь особаго предписанія; тотъ уже потребовалъ отъ военной коллегіи 300 солдатъ. Все, казалось, близилось къ кровавой развязкѣ, однако дѣло приняло совершенно неожиданный оборотъ. Явились нѣкіе-то факты, заставившіе правительство иначе взглянуть на это дѣло. Въ августѣ 1768 г. сенатъ постановилъ: «какъ изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ всего дѣла усматривается, что непослушаніе заводскихъ мастеровыхъ и рабочихъ людей болѣею частью произошло и нынѣ происходитъ отъ угѣсненій и неудовольствій, получаемыхъ ими отъ находящихся при липецкихъ кн. Репнина заводахъ заводскихъ управителей, въ разсужденіи чего объявленному князю Репнину изъ сената дать знать секретно, дабы онъ, безъ нарушенія собственныхъ своихъ польвъ, постарался принять благовременно такія мѣры, чтобы оныя заводскіе мастеровые и рабочие люди не имѣли прямыхъ причинъ къ нареканіямъ и жалобамъ, а всего менѣе къ дальнему возмущенію, а ради большаго ихъ успокоенія, если только отъ сего не причинится заводамъ и его собственной польвъ какаго вреда, отрѣша нивѣшнихъ своихъ управителей, опредѣлилъ-бы на ихъ мѣста другихъ».

Быть можетъ, книги, гдѣ записывалась выдача денегъ рабочимъ, подтвердили ихъ жалобы. Во всякомъ случаѣ князю Репнину пришлось изъ истца сдѣлаться отвѣтчикомъ: въ донесеніи сенату онъ утверждалъ, что будто-бы показанія мастеровыхъ объ уплатѣ имъ жалованья воскомъ, ладаномъ, чугуномъ и ножами совершенно ложно; что же касается заводскихъ управителей, которыми они были недовольны, то одни изъ нихъ умерли, а другіе уже давно смѣнены. Дѣло кончилось тѣмъ, что императрица выразила желаніе взять заводы Репнина въ казну, что и было исполнено въ 1769 г. согласно съ предложеніемъ самого Репнина. За эти заводы въ уплату его долга навѣѣ было зачтено 100 тысячъ рублей, а за находившіяся тамъ вещи и припасы ему выданы были наличныя деньги.

Послѣ того какъ мастеровые добились исполненія своего желанія, никакихъ волненій на этихъ заводахъ въ царствованіе Екатерины не было.

Другой примѣръ попытки закрѣпить казенныхъ мастеровыхъ мы находимъ на красносельской бумажной фабрикѣ, устроенной при Петрѣ В. Мастеровые для нея были взяты изъ солдатъ и другихъ казенныхъ людей; присылались сюда также бродяги,

вѣроятію вѣпомяшіе родства; наконецъ, полиція отправляла туда на работы и женщинъ. Въ 1753 г. дѣйствительный камергеръ графъ Сиверсъ просилъ Елизавету Петровну отдать ему эту бумажную фабрику съ тѣмъ; что онъ расширить производство и будетъ всегда уступать казнѣ съ каждой стопы бумаги по 10 к. Послѣ того какъ императрица пожаловала ее Сиверсу въ вѣчное и потомственное содержаніе, онъ внесъ деньги за всѣ фабричныя строенія, матеріалы и инструменты и за приготовленную уже бумагу. По привилегіи, полученной имъ отъ сената въ 1755 г., Сиверсъ долженъ былъ давать мастеровымъ и рабочимъ плату въ томъ же размѣрѣ, какъ они получали во время казеннаго управленія. Судомъ и расправою они должны были вѣдаться только въ мануфактуръ-коллегіи, и ея конторѣ запрещено было брать ихъ на другія фабрики, а также дѣлать имъ какія-либо притѣсненія. По смерти графа Сиверса его вдова въ 1775 г. продала ее, съ дозволенія мануфактуръ-конторы, вмѣстѣ съ мастеровыми и рабочими, генераль-аудитору, лейтенанту Хлѣбникову ¹⁾.

До этого времени мастеровые были довольны своимъ положеніемъ, а съ этихъ поръ у нихъ начинаются постоянныя столкновенія съ заводскимъ начальствомъ. Наконецъ въ февралѣ 1777 г. мастеровые Ладыгинъ и Майковъ подали въ мануфактуръ-контору прошеніе отъ имени 13 человекъ, въ которомъ жаловались, что какъ они, такъ и ихъ дѣти получаютъ недостаточное жалованье; они указывали также на то, что съ тѣхъ поръ, какъ фабрикою владѣетъ Хлѣбниковъ, они получали провіантъ не мукою, а рожью, и такимъ образомъ по ихъ счету каждому было не додано палтора пуда. Мануфактуръ-контора предписала наследникамъ Хлѣбникова, который въ это время уже умеръ, выдавать рабочимъ провіантъ мукою, какъ это было поставлено въ условіе Сиверсу и что при немъ строго исполнялось, а тѣмъ, которымъ отпускали рожь, слѣдуетъ возратить истраченное ими на помощь. Относительно дѣтей мастеровыхъ мануфактуръ-контора опредѣлила, чтобы употребляющіеся изъ нихъ въ работу отъ 7 до 15-тилѣтняго возраста получали провіанту столько же, какъ солдатскія дѣти въ школахъ, т.-е. по два четверика муки; плату имъ содержатели должны были назначать по своему усмотрѣнію, сообразно съ ихъ дѣтами и прилежаніемъ, отъ 10 до 15 коп. и болѣе въ мѣсяцъ

¹⁾ Передъ этой продажей графиня Сиверсъ противозаконно перевела на другую фабрику, принадлежавшую ей на вотчинномъ правѣ, 6 д. казенныхъ мастеровыхъ, гдѣ они и находились на ряду съ крѣпостными. Правительство узнало объ этомъ только въ 1821 г. и тогда ихъ велѣно было вновь считать казенными людьми.

каждому ¹⁾. Такимъ образомъ, если перевести цѣнность провіанта на деньги, дѣти получали отъ 2¹/₂ до 4 в. въ день. Съ 15 же лѣтъ какъ провіантъ, такъ и плата выдавалась наравнѣ со взрослыми. Мастеровые просили, чтобъ ихъ не заставляли работать по субботамъ послѣ полудня, а также освобождали рольщиковъ по воскресеньямъ и праздникамъ. Въ указѣ, по которому эта фабрика была отдана Сиверсу, объ этомъ ничего не было сказано, но при немъ, какъ и во время казеннаго управленія, по субботамъ послѣ полудня и въ праздники они не работали, да и вообще въ такіе дни казенныхъ работъ, кромѣ самыхъ экстренныхъ, не бывало. То же было опредѣлено и въ «учрежденіи» князя Вяземскаго для Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ. Наслѣдники же Хлѣбникова заявили, что освободить рольщиковъ отъ работъ по праздничнымъ днямъ совершенно невозможно. Мануфактуръ-контора рѣшила это дѣло такъ, чтобъ мастеровыхъ по праздникамъ, а также по субботамъ на основаніи уложенія (X гл. п. 25) за три часа до вечера къ работамъ не принуждать, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда понадобится бумага для поставки въ присутственныя мѣста или для приготовленія ассигнацій, а также при поврежденіи плотины и т. п., когда мастеровые должны работать и въ самые большіе праздники безъ всякой отговорки, «подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неминуемаго за то на тѣлѣ наказанія». Въ такихъ случаяхъ каждый долженъ работать совершенно бесплатно, а въ праздничные дни, чтобы лучше пріохотить мастеровыхъ, какъ рольщикамъ, такъ и всѣмъ, кто пожелаетъ работать, платить сверхъ обыкновеннаго жалованья «сколько-объ и въ простые дни по исчисленію на день кому деньгами получить должно было». — Мастеровые просили, чтобъ дѣвочекъ не принуждали работать противъ ихъ желанія, а тѣмъ изъ нихъ, кто захочетъ трудиться, давать достаточную плату. Мануфактуръ-контора вспомнила, что еще въ 1752 году сенатъ опредѣлилъ «по числу мужска полу употреблять къ фабричнымъ работамъ и женскій полъ», но при Сиверсѣ ихъ работать не принуждали. Тѣмъ не менѣе мануфактуръ-контора рѣшила вопреки желанію рабочихъ. На бумажной фабрикѣ была работа, которую могли исполнять какъ взрослые женщины, такъ и дѣвочки, а именно разборъ тряпья, чистка бумаги и т. п.; поэтому подъ предлогомъ, чтобы «онѣ, шатаясь подъ видомъ посторонней работы, не могли... быть праздны и чрезъ то *впасть*

¹⁾ Такъ какъ въ 1770—1771 гг. вудъ ржаной муки стоилъ въ Петербургѣ 86 к., а въ двухъ четверикахъ муки было вѣсу 1 п. 82 ф., то, слѣдовательно, цѣнность провіанта, получаемого дѣтми, будетъ равняться 68 коп., что вмѣстѣ съ денежною платою составитъ отъ 76 к. до 1 р. 16 к. и болѣе въ мѣсяцъ.

из немотности», мануфактурь-контора опредѣлила: «какъ взрослымъ, такъ и малолѣтнимъ женска полу впредь быть при фабриѣ въ работѣ неотлучно по добровольному ихъ за то въ денежной платѣ согласію».

Однако столкновенія мастеровыхъ съ владѣльцами фабрикъ не прекратились. Въ концѣ 1778 г. повѣренный вдовы Хлѣбникова вновь подавъ челобитную въ мануфактурь-контору съ жалобой, что рабочіе превращаютъ работу по субботамъ ранѣе, чѣмъ за три часа до вечера и говорятъ, что они должны слѣдовать не этому, а какому-то другому указу. Рабочіе очевидно помнили, что при Сиверсѣ не было работъ послѣ полудня и потому, несмотря на всевозможныя увѣщанія, настаивали на сохраненіи этого порядка. Что касается дочерей мастеровыхъ, то, по словамъ повѣреннаго Хлѣбниковой, отцы отдають ихъ на фабрику, пока онѣ еще малы и не могутъ помогать дома, а когда онѣ привыкнуть къ работѣ, то берутъ съ фабрики домой или, безъ разрѣшенія приказчиковъ, посылають въ городъ въ услуженіе. Если рабочихъ, свободныхъ отъ ихъ постоянныхъ занятій, посылали на какую-нибудь другую работу, то они не повиновались приказу, хотя-бы и могли его выполнить.

Вотъ что случилось однажды на фабрикѣ. Машинный мастеръ сталъ посылать въ кузницу мастеровыхъ, чистившихъ и разбивавшихъ бумагу, въ замѣнъ одного заболѣвшаго мастерового, но никто не пошелъ. Приказчикъ призвалъ въ контору одного изъ этихъ мастеровыхъ, Максимова, и когда тотъ вновь отказался идти, приказалъ посадить его въ «цѣпь», но Максимовъ ударилъ приказчика въ грудь и выбѣжалъ вонъ крича:

«Для чего ты судишь въ конторѣ, а судилъ бы призвалъ всю команду, и долженъ требовать отъ нея совѣта: когда они обвинять, тогда и сажай въ цѣпь».

Однако Максимова, по приказанію приказчика, задержали и наказали въ конторѣ розгами. Узнавъ объ этомъ, мастеровой Ладыгинъ также протестовалъ противъ наказанія въ конторѣ при однихъ мастерахъ, а не при собраніи «всей команды». Когда его поддержалъ одинъ товарищъ, Майковъ, за годъ передъ тѣмъ подавшій вмѣстѣ съ нимъ челобитную въ мануфактурь-контору, разсерженный приказчикъ ударилъ того палкою. Какъ только вѣсть объ этомъ разнеслась по всей фабрикѣ, мастеровые и рабочіе бросились къ конторѣ; ихъ удалось убѣдить вновь приняться за работу, но когда вскорѣ послѣ того приказчикъ осматривалъ работы, въ него бросили изъ окна палку, которая попала ему въ спину.

Недѣли черезъ двѣ произошло новое столкновение между рабочими и фабричнымъ начальствомъ, опять вслѣдствіе того, что одного мастерового послали на работу, которою онъ постоянно не занимался. На угрозу приказчика написать объ его ослушаніи господамъ, тотъ отвѣчалъ:

— Они мнѣ не господа, и мы имъ не крѣпостные!

Когда приказчикъ хотѣлъ его наказать, мастеровые, ссылаясь на какой-то указъ, объявили, что не дадутъ себя наказывать въ конторѣ безъ собранія и безъ суда команды. Быть можетъ, они имѣли при этомъ въ виду «учрежденіе», составленное кн. Вяземскимъ для Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ, которое само правительство очень часто цитировало, когда дѣло шло о заводскихъ рабочихъ ¹⁾. Считая себя людьми казенными, мастеровые красносельской фабрики вѣроятно полагали, что они имѣютъ право требовать примѣненія къ нимъ учрежденія Вяземскаго и разбирательства ихъ проступковъ на собраніи всѣхъ рабочихъ. Напротивъ того, г-жу Хлѣбникову то, что они не признавали себя крѣпостными, приводило въ «несказанную нерѣшимость и огорченіе». Повѣренный ея въ жалобѣ мануфактуръ-конторѣ писалъ: «дѣлая вышеозначенные люди всякія непослушанія, озорничества, притомъ и совершенныя возмущенія, изъясняются всегда какою-то невзвѣстною его госпожѣ командою; какъ будто не понимая, что подъ словомъ «команда» рабочіе разумѣютъ свой мірской сходъ, повѣренный Хлѣбниковой продолжаетъ: «а какъ на той ея бумажной фабрикѣ ни штабъ, ни оберъ-офицеровъ, также и рядовыхъ служилыхъ людей не находится, а живутъ единственно только на той, принадлежащей госпожѣ его фабрикѣ одни мастеровые и фабричные, купленные крѣпостные люди, слѣдовательно, и команды никакой ихъ общей фабричной быть невозможно, опричь содержательницы госпожи его, съ малолѣтними дѣтьми». Въ заключеніе чедобитной вновь повторялась просьба принудить мастеровыхъ не оставлять работъ по субботамъ ранѣе чѣмъ за три часа до вечера, фабричныхъ дѣвушекъ съ фабрики безъ позволенія госпожи не отсылать и отъ фабричныхъ работъ до самаго замуштва не отнимать; наконецъ, Ладыгина и Майсова

¹⁾ Въ 8 п. этого учрежденія сказано: „въ сотняхъ избирать съ общаго согласия ежегодно сотника, выборнаго, въ большихъ по 3, а въ маленькихъ по 2 старости и по 2 писаря. Онимъ въ сотняхъ разбирать между народомъ всякія споры и рѣшить по числу голосовъ, развѣ гдѣ новое особое несогласіе произойдетъ, и въ такомъ случаѣ таковыя дѣла *рѣшить миромъ*... Когда же въ которой сотнѣ явится какой ослушникъ... таковыхъ... брать подъ караулъ, и ежели власть не велика, *при сходѣ народа высѣчь пещадно*“.

послать на казенную работу на годъ въ Броншгадтъ, а двухъ рабочихъ, оказавшихъ неповиновеніе, наказать воинами на фабрикѣ.

Мастеровые въ свою очередь также подали донесеніе въ мануфактуръ-контору. По ея опредѣленію, писали они, вѣдѣно давать имъ отдыхъ полъ-дня субботы, а также въ праздничные и воскресные дни. Между тѣмъ приказчикъ одного изъ нихъ жестокими побоями принуждалъ работать въ праздники, другого больного избилъ палкою и держалъ пять дней въ оковахъ и т. п. Кромѣ того, одинъ мастеровой подалъ особую челобитную о томъ, что его дочь не отпускаютъ съ фабрики въ замужество на волю.

Для разбора новыхъ жалобъ мануфактуръ-контора послала на фабрику своего члена, надворнаго совѣтника Дурова. Онъ прочелъ рабочимъ копію съ купчей, заключенной между графиней Сиверсъ и Хлѣбниковымъ; выслушавъ ее, они согласились было считать себя проданными крѣпостными, но когда отъ нихъ потребовали, чтобы они подтвердили это признаніе письменно, то они отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что не вѣрятъ копіи. На вопросъ о томъ, почему они не отпускаютъ своихъ дочерей на работу, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ—потому что мала плата: дочери его пятнадцатый годъ, а ей платятъ всего по 5-ти коп. въ день; другой сказалъ, что его дочери, одна 17-ти, а другая 14-ти лѣтъ, получали: старшая по 6 коп., а младшая по 4 коп., и потому онъ ихъ не отпускаетъ на работу, и живутъ онѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ у его родственника безъ всякаго письменнаго вида и безъ дозволенія Хлѣбниковой. Дуровъ хотѣлъ было арестовать Майкова, какъ это было ему предписано, но тотъ успѣлъ уйти.

Вскорѣ послѣ того мастеровые подавали въ мануфактуръ-коллегію новую челобитную, но она была имъ возвращена. Видя, что отъ нея имъ не добиться толку, мастеровые перенесли дѣло въ сенатъ. Въ своей челобитной они указывали, что при заведеніи фабрики на нее были опредѣлены солдаты и что, слѣдовательно, они люди казенные; что хотя фабрика была отдана Сиверсу въ вѣчное потомственное владѣніе, но онъ заплатилъ въ казну только за строеніе, матеріалы и инструменты, а не за числившихся при ней мастеровыхъ; что въ привилегіи, данной Сиверсу, вовсе не упомянуто, чтобы они были ему крѣпостными, а, напротивъ, предписано давать имъ жалованье, какое они получали прежде. Наконецъ, они указали на то, что Сиверсъ, по случаю высканія съ нихъ фуража, прося объ уничтоженіи этого сбора, самъ называлъ ихъ казенными людьми. Хотя послѣ того графиня Сиверсъ и продала фабрику Хлѣбниковой, но она имѣла

на нихъ не болѣе правъ, чѣмъ ея мужъ. Объяснивъ вѣтъ уже извѣстныя намъ причины своего недовольства содержателемъ фабрики, они жаловались и на мануфактуръ-контору, которая, арестовавъ приходившаго съ ихъ просьбою мастерового Майнова, держала его скованнаго подъ карауломъ.

Дѣло это крайне затянулось и было рѣшено только черезъ пять лѣтъ. На запросъ сената мануфактуръ-контора прямо заявила, что считаетъ мастеровыхъ «вѣчно и потомственно пожалованными съ фабрикою и изъ казеннаго вѣдомства выпедшими уже въ партикулярное владѣніе людьми». Изъ этого видно, что даже учрежденіе, которому постоянно приходилось имѣть дѣло съ посессіонными крестьянами, не имѣло яснаго понятія объ ихъ правахъ и не отличало ихъ отъ крѣпостныхъ; мануфактуръ-контора полагала, что Сиверсъ называлъ мастеровыхъ казенными людьми только для того, чтобы избавиться отъ платы на фуражъ. Въ сожалѣнію, сенатъ точно также взглянулъ на это дѣло, и въ 1785 г. постановилъ: такъ какъ фабрика пожалована гр. Сиверсу со всѣми мастеровыми и рабочими въ вѣчное потомственное владѣніе и, на основаніи духовной графа Сиверса, утвержденной государыней въ 1775 г., продана графиней Хлѣбникову, а послѣ него досталась его наслѣдникамъ, то «тѣмъ самымъ находящіеся на оной мастеровые и работные люди, бывъ въ казеннаго вѣдомства и поступа въ партикулярное владѣніе, не могутъ уже называться казенными людьми». Что касается до жалобъ мастеровыхъ на то, что имъ мало платятъ за работу и выдаютъ не полное количество провіанта, то такъ какъ привилегією 1755 г. положено, чтобы они получали вознагражденіе въ прежнемъ размѣрѣ, сенатъ предписалъ наблюдать за этимъ губернскому правленію ¹⁾.

Такимъ образомъ вопросъ о мастеровыхъ красносельской фабрики былъ рѣшенъ повидимому окончательно: благодаря тому, что въ сознаніи самого правительства посессіонные крестьяне не выдѣлялись еще въ совершенно особую группу и потому ихъ смѣшивали съ крѣпостными, благодаря, можно сказать, простому недоразумѣнію, мастеровымъ грозила опасность навіѣи остаться

¹⁾ Мы упоминали уже выше о жалобѣ нѣкоторыхъ мастеровыхъ на то, что владѣтельница фабрики не позволяетъ имъ выдавать дочерей замужъ, за того они хотѣли. Мануфактуръ-контора предписала Хлѣбниковой поступать въ этомъ отношеніи на основаніи извѣстныхъ уже намъ указовъ 1724 и 1763 г., а именно давать имъ отпуска или побуждать ихъ «нѣкоторымъ награжденіемъ» выходить за своихъ фабричныхъ и отнюдь не принуждала бы вдовъ и дѣвушекъ вступать въ бракъ противъ ихъ желанія.

крѣпостными. Со времени рѣшенія сената, закрѣпившаго ихъ, прошло уже болѣе 10-ти лѣтъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, въ 1796 г. императрица, доживавшая въ то время уже послѣдній годъ своей жизни, почему-то обратила вниманіе на это дѣло и въ именномъ указѣ сенату взглянула на него съ совершенно другой точки зрѣнія.

Здѣсь были указаны извѣстные уже намъ факты, какъ при устройствѣ фабрики на нее были взяты люди казенные, какъ она была отдана Сиверсу съ опредѣленными обязательствами съ его стороны. Съ продажей фабрики Хлѣбникову «перемѣнилось только лицо содержателя фабрики, а привилегія оной должна оставаться ненарушимою, какъ и первоначальное состояніе тѣхъ мастеровыхъ людей, которые были и суть казенные». Въ рѣшеніи сената 1785 г. именной указъ справедливо замѣчаетъ странное противорѣчіе: сенатъ признаетъ ихъ крѣпостными, выбывшими изъ казеннаго вѣдомства, и въ то же время возлагаетъ на губернское правленіе наблюденіе за тѣмъ, чтобы они сполна получали жалованье и провіантъ. «Таковое опредѣленіе сената», сказано было въ заключеніи именного указа, «находя съ существомъ дѣла и съ законами несогласнымъ, повелѣваемъ означенныхъ мастеровыхъ обратить въ первоначальное состояніе... сдѣлавъ кому слѣдуетъ строгое подтвержденіе, чтобы сіи казенные мастеровые охранены были отъ всякихъ обидъ и угнетеній и чтобы они удовольствованы были какъ заработными деньгами, такъ и всѣмъ имъ принадлежащимъ, по силѣ помянутой привилегіи, непременно, возврата притомъ и отданныхъ изъ нихъ въ рекруты, которые должны быть замѣнены быть изъ собственнаго имѣнія Хлѣбниковыхъ».

Послѣ того въ софійскомъ ¹⁾ судѣ еще долго производилось дѣло объ удовлетвореніи мастеровыхъ и о причиненныхъ имъ отъ содержателей обидахъ. Оно окончилось только въ 1802 г. мировою между мастеровыми и комиссіонеромъ содержателя Хлѣбникова; условіе, заключенное при этомъ, такъ оригинально, что мы должны съ нимъ подробно познакомиться.

Въ удовлетвореніе своего иска мастеровые получали 12,000 рублей, затѣмъ впродъ между ними и владѣльцемъ установились такія отношенія: за выдѣланную бумагу въ ихъ пользу шло съ той цѣны, по которой она будетъ продаваться, по 20 коп. съ рубля; кромѣ того, содержатель фабрики обязывался давать имъ на каждый дворъ въ годъ по 4 сажени дровъ. Провіанта, ко-

¹⁾ Софіяскъ—въ то время уѣздный городъ петербургской губерніи.

торый они получали до тѣхъ поръ, впредь имъ не полагалось. Получая вышеуказанное вознагражденіе, они обязаны были содержать на своемъ жалованьи формовщика, нужное число плотниковъ, кузнецовъ и столяровъ, которые должны исправлять всѣ инструменты и машины, а также чинить строенія. Поправлять плотину мастеровые должны были всѣмъ обществомъ; но если содержатель захочетъ совершенно ее передѣлать, то они обязывались работать съ платою, «буде оную сходно будетъ содержанию имъ дать». Они обязывались также содержать караулъ около фабрики. Принимать отдѣльную бумагу отъ мастеровыхъ и производить за нее расчетъ слѣдовало ежемѣсячно. Цѣны на бумагу должно было назначать разъ въ годъ, къ 1-му январю, и затѣмъ повышение и пониженіе ихъ въ теченіи года не отражалось на размѣрахъ суммы, которую приходилось получить мастеровымъ. По прошествіи года мастеръ входитъ въ сношеніе съ конторою и, смотря по тому, почему была продана большая часть бумаги, опредѣляетъ цѣну на будущій годъ. Браковка, тряска, рѣзка тряпья и каната должна производиться на счетъ мастеровыхъ. Въ контрактѣ оговорено было также, что мастеровые обязуются повиноваться «на законномъ основаніи» уполномоченному отъ содержателя фабрики. Мастера и подмастерья слѣдовало имъ выбирать «достойныхъ» съ тѣмъ, чтобы первый имѣлъ надъ ними «полную власть». Если бумага будетъ сдѣлана дурно и ее не станутъ покупать, то мастеровые обязаны принять ее отъ конторы обратно по продажной цѣнѣ съ вычетомъ изъ слѣдующихъ имъ денегъ. Мастеровые оградилъ себя на тотъ случай, если будетъ задержка въ работѣ по недостатку матеріаловъ: въ теченіи всего того времени, сколько они прогуляютъ, они могли получать мѣсячное жалованье, какое имъ выдавалось передъ заключеніемъ контракта. Мастеровые получили 12,000 р. и за состоявшимся примиреніемъ дѣло было прекращено.

Такимъ образомъ мастеровые отстаивали свое право считаться не крѣпостными, а казенными людьми; нужно однако помнить, что они по прежнему остались приврѣженными къ фабрицѣ и не могли покидать ее по своему усмотрѣнію. Условіе это едва ли не первый такой подробный письменный договоръ, заключенный между рабочими и фабрикантомъ; оно тѣмъ интереснѣе для насъ, что въ немъ мы встрѣчаемъ своего рода долевою рабочую плату (partnership), впрочемъ не въ видѣ участія въ барышахъ, а прямо посредствомъ выдѣленія известной части продажной цѣны бумаги взаменъ поденной рабочей платы. Эта общая сумма распределялась затѣмъ самими рабочими соразмѣрно съ трудомъ каждого.

Если мастеровымъ было такъ трудно добиться восстановления своихъ правъ на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ были исключительно наемные рабочіе, то можно себѣ представить, какъ затруднительно было положеніе послѣднихъ тамъ, гдѣ они были смѣшаны съ купленными и вѣчно-отданными крестьянами. Нужно думать, что множество вполнѣ справедливыхъ протестовъ было подавлено по невѣжеству мануфактурнаго управленія и непониманію имъ дѣла. Лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить послѣдующій разсказъ о мастеровыхъ копнинской бумажной фабрики, находившейся въ нынѣшней московской губерніи.

Фабрика эта, принадлежавшая прежде Евреиннову, была продана въ 1774 г. Угрюмову. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того мастеровые подали жалобу мануфактуръ-коллегіи, что приказчикъ Угрюмова, во исполненіи назначеннаго имъ урока, принуждаетъ ихъ мыть чаны и не дѣлаетъ за это никакого облегченія въ приготовленіи бумаги, а сверхъ того бьетъ ихъ палками; женамъ ихъ, которыя бракують тряпки, платитъ за работу только по одной копѣйкѣ съ пуда; съ тѣхъ, кто не работаетъ по болѣзни, вычитаетъ за эти дни жалованье, имянинниковъ посылаетъ на работу, чего прежде не дѣлалось, и въ обѣдни не отпускаетъ; если кто изъ товарищей умретъ, то не дозволяетъ идти на похороны съ работы иначе, какъ нанявъ вмѣсто себя другого; наконецъ, принуждаетъ работать и въ большіе праздники. Посланный для изслѣдованія этого дѣла протоколистъ коллегіи прежде всего, по своему усмотрѣнію, наказалъ плетью нѣсколькихъ рабочихъ, избившихъ приказчика. На жалобы относительно удержанія платы за прогульные дни приказчикъ отвѣчалъ, что изъ двухъ пропущенныхъ дней онъ вычитаетъ только за одинъ, а плату женщинамъ, бракующимъ тряпки, считалъ достаточною, такъ какъ каждая изъ нихъ могла, сработавъ въ день до 30 пудовъ, получить 30 коп., между тѣмъ какъ, по словамъ мастеровыхъ, онѣ могли заработать лишь втрое менѣе. Приказчикъ заявилъ, что онъ предлагалъ рабочимъ, если они считаютъ плату недостаточною, установить таксу, какъ на другихъ фабрикахъ, но они на это не согласились, заявляя, что они «наемные люди, а не крѣпостные». Рабочіе не согласились на требованіе присланнаго къ нимъ протоколиста—не тревожить болѣе своими просьбами мануфактуръ-коллегію. По справкѣ, наведенной мануфактуръ-коллегіею, на другой бумажной фабрикѣ рабочіе получали жалованье по 2—2 р. 50 к. въ мѣсяцъ, причѣмъ у нихъ не вычитали рекрутскихъ и подушныхъ денегъ; тѣ же рабочіе мыли и чаны, но за то имъ уменьшалось количество бумаги, которое

они были обязаны приготовить въ известное время ¹⁾. Слѣдовательно, требованіе со стороны копнинскихъ рабочихъ давать имъ подобную же льготу — имѣло основаніе. Однако, мануфактурь-коллегія признала жалобу рабочихъ недѣльной и, обвинивъ ихъ къ тому же въ битьѣ приказчика, приказала, согласно съ просьбою фабриканта, двухъ изъ нихъ отдать въ солдаты съ зачетомъ, а двухъ другихъ, на основаніи указа 17-го января 1765 года, дозволившаго помѣщикамъ отдавать своихъ крѣпостныхъ для ваторжной работы на адмиралтейство, дозволила Угрюмову отправить съ этою цѣлью въ адмиралтейскую коллегію. Такимъ образомъ, къ поссессіоннымъ крестьянамъ мануфактурь-коллегія примѣняла законы, изданные собственно для крѣпостныхъ. Однако, рабочіе не только не согласились дать подписки, что будутъ слушаться фабриканта, но даже освободили своихъ товарищей, арестованныхъ и уже севанныхъ для отправки въ адмиралтейскую коллегію. Когда они большою толпою собрались къ коллегіи, сказавъ, что пришли съ прежнею просьбою, трое изъ нихъ были жестоко наказаны плетью предъ коллегію.

Во время этого волненія мастеровые, какъ мы уже знаемъ, заявляли, что они казенные, а не крѣпостные люди. Даже въ первые годы XIX вѣка они хорошо помнили, что «предъ ихъ, по опредѣленіямъ мануфактурь- и юстиць-коллегій, въ 1743 и 1744 гг., переведены были на копнинскую фабрику не въ вѣчное укрѣпленіе, а впредь до указа, для произведенія по желаніямъ ихъ работъ изъ платежа денегъ по контрактамъ». Изъ документовъ мануфактурь-коллегіи видно, что фабрика была дѣйствительно заведена купцомъ Евреиновымъ въ 1743 г., и сенатъ призналъ впоследствии, что вообще заявленіе мастеровыхъ совершенно справедливо. Понятно, что они называли себя въ 1778 г. «казенными людьми», но такъ какъ въ это время на фабрикѣ были и купленные рабочіе ²⁾, то эта примѣсь другихъ элементовъ и мѣшала казеннымъ мастеровымъ добиться восстановленія своихъ правъ: мануфактурь-коллегія, недостаточно выяснивъ себѣ различіе между составными элементами сложной группы поссессіонныхъ крестьянъ, смѣшивала ихъ всѣхъ въ одну кучу.

Мы видѣли, что волненіе 1778 г. было усмирено. Однако, казенные мастеровые, справедливо считавшіе себя неправильно закрѣпощенными, продолжали доискиваться правды. Особенно

¹⁾ На фабрикѣ Гончарова черпальщики получали по 8-ми, снимальщики по 4 р. въ день.

²⁾ Изъ вѣдомости, составленной въ мануфактурь-коллегіи, въ 1769 г., видно, что купленныхъ было тогда 81 душа.

дѣтельными изъ нихъ оказалась группа человекъ въ 20, во главѣ которой стояли братья Чевардаевы: и во время владѣнія Угрюмова, и послѣ того, какъ въ 1791 г. фабрика была продана имъ Баташовой, они не разъ подавали просьбы въ различныя судебныя инстанціи, такъ что дѣло доходило, наконецъ, и до сената; считая себя казенными мастеровыми, они жаловались на притѣсненія со стороны владѣльцевъ фабрики, а тѣ обвиняли ихъ въ неповиновеніи. Наконецъ, въ 1794 году, сенатъ, «найдя тѣхъ фабричныхъ не яво крѣпостными, а приписными къ оной фабрикѣ», окончательно рѣшилъ: «быть имъ по отдатѣ отъ мануфактуръ-коллегіи и по написанію по собственнымъ ихъ желаніямъ при упомянутой фабрикѣ въ числѣ приписныхъ казенныхъ, а не собственныхъ владѣльческихъ крестьянъ, съ произвожденіемъ имъ надлежащаго числа соразмѣрно трудамъ ихъ заработныхъ денегъ; а дабы они на будущее время предохранены были отъ всякихъ со стороны той фабрики содержателей притѣсненій, а сіи послѣдніи не могли тѣми людьми распоряжаться какъ собственными ихъ крѣпостными и употреблять ихъ въ непринлежащія имъ работы, а притомъ и, не имѣвши законной причины, представлять ихъ за свои деревни въ рекруты, а съ другой стороны и фабричные по мастерству своему въ отпращиваніи работъ содержателямъ ихъ были послушны и своевольствъ никакихъ не чинили, въ томъ казенной напатѣ порушить, кому надлежитъ, имѣть неослабое смотрѣніе».

Однако, рѣшенія этого оказалось недостаточно для прекращенія взаимнаго недовольства по копнинской фабрикѣ. Вскорѣ послѣ того мастеровые заявили, что послѣ сенатскаго рѣшенія плата имъ не была увеличена и просили перевести ихъ на другую фабрику, а содержательница, Баташова, жаловалась, что фабричные по прежнему не слушаются ее, братья Чевардаевы и ихъ товарищи, всего 19 человекъ, «обращаются въ недобропорядочныхъ поступкахъ и пьянствѣ и, отложась отъ должнаго повиновенія, не чинятъ по приказанію ея исполненія». Баташова просила сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ въ рекруты за состоящихъ при ея фабрикѣ крестьянъ и фабричныхъ. Сенатъ приказалъ рассмотреть, насколько справедливы жалобы мастеровыхъ, и затѣмъ привести ихъ въ повиновеніе содержательницѣ фабрикѣ, а въ просьбѣ ихъ о переводѣ на другую фабрику или позволеніи избрать другой родъ жизни по своему желанію—отказалъ. Однако, и просьба Баташовой о ссылкѣ мастеровыхъ на поселеніе въ Сибирь не была исполнена: очевидно, что для этого не оказалось достаточныхъ основаній.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда умерла императрица Елизавета II. Мастеровые ждали малѣйшаго повода для того, чтобы возобновить свои ходатайства, и поводъ скоро нашелся. Указомъ императора Павла, 6-го декабря 1796 г., съ двухъ фабрикъ Мальцевыхъ было освобождено, по ихъ прошенію, 53 человекъ, оказавшихся польскими выходцами. Чевардаевъ съ товарищами, узнавъ объ этомъ, подали прошеніе самому государю, прося, по примѣру мастеровыхъ Мальцевой, освободить ихъ съ фабрики Баташовой или причислить въ другія фабрики для работы за известную плату. Вновь рассмотрѣвъ это дѣло по указу государя, сенатъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить ихъ желанія: мастеровые Мальцевой оказались польскими уроженцами, а предки Чевардаева съ товарищами издавна находились мастеровыми при фабрикахъ и были переведены на бумажную фабрику по собственному ихъ желанію, почему они и должны по прежнему остаться «въ числѣ приписныхъ казенныхъ, а не собственныхъ владѣльческихъ крестьянъ».

Баташова рѣшилась, наконецъ, во что бы то ни стало отдѣлаться отъ бесповойныхъ рабочихъ. Въ прошеніи, присланномъ ею въ мануфактуръ-коллегію, въ октябрѣ 1798 г., она хотя и заявляла, что въ этомъ году, по указу сената, мастеровые, наконецъ, «зведены въ должность», но такъ какъ они не добровольно смирились, а были принуждены къ этому, то она не ожидаетъ отъ нихъ усердной работы, а потому проситъ избавить ее отъ 15-ти фабричныхъ, взявъ ихъ, куда коллегія пожелаетъ.

Прошло еще два года, и въ это время изъ 15-ти человекъ четверо успѣли уже умереть. Такъ какъ въ томъ числѣ было двое мастеровыхъ, которыхъ мануфактуръ-коллегія дозволила Угрюмову, въ 1778 г., отослать для вагорной работы въ адмиралтейскую коллегію и которые почему-то не были туда отосланы, то изъ этого видно, что и въ 1778 г. вожаками всего движенія были именно казенные мастеровые, а дѣйствительною причиною волненія и тогда было желаніе фабриканта поставить ихъ на одинъ уровень съ купленными крестьянами.

Въ 1801 году, по донесенію своей конторы, мануфактуръ-коллегія постановила такое рѣшеніе: «какъ по производившемуся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, потомъ въ правительствующемъ сенатѣ о взаимныхъ распрахъ между ассессоршею Баташовой и показанными мастеровыми дѣлу видно, что оныя возродились со сторонъ—первой отъ присвоенія права владѣть ими какъ купленными, а не приписными казенными, а со сторонъ послѣднихъ—отъ возмечтанія о вольности», теперь же «сама

Баташева, чтобы они чинили ей безпокойство, не объявляет, напротивъ, показываетъ, что они находятся въ жительствовахъ своихъ по прежнему, работы производить тѣ же, въ каковыя и прежде употреблялись, почему въ семь случаевъ, для прекращенія впредь могущихъ послѣдовать съ обѣихъ сторонъ несогласій», отослать одиннадцать человѣкъ мастеровыхъ, съ ихъ женами, на счетъ Баташовой, *«какъ людей казенныхъ»*, на казенную новороссійскую суконную фабрику, не вмѣняя отнюдь сіе имъ въ наказаніе». Мануфактуръ-контора должна была позаботиться о томъ, чтобы мастеравые не терпѣли нужды на пути и имѣли время сбыть ненужное для нихъ имущество, чтобы потомъ, по прибытіи на новое жилище, были въ состояніи обзавестись домами и всѣмъ необходимымъ.

Рѣшеніе это не удовлетворило рабочихъ. Хотя дѣятельно добивалась измѣненія своего положенія лишь небольшая часть ихъ, но они, считая, что всѣхъ казенныхъ людей, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, болѣе ста душъ (всего въ это время на фабрикѣ было 235 душъ м. п.), никакъ не могли помириться съ тѣмъ, чтобы одиннадцать человѣкъ были оторваны отъ своихъ дѣтей и разорены переселеніемъ, а другіе остались бы въ прежнемъ положеніи. Поэтому Чевардаевъ, съ нѣсколькими рабочими, изъ тѣхъ, которые должны были остаться на мѣстѣ, просилъ мануфактуръ-контору или отослать на суконную фабрику всѣхъ казенныхъ мастеровыхъ съ ихъ семействами, или всѣхъ ихъ оставить навсегда при копнинской бумажной фабрикѣ; если же первая ихъ просьба не будетъ исполнена, то, по крайней мѣрѣ, не разлучать переселяемыхъ съ ихъ семействами, въ которыхъ были даже грудные младенцы. Однако, велѣно было перевести только одиннадцать человѣкъ, впрочемъ, съ ихъ женами и дѣтьми. Жалоба рабочихъ сенату на такое рѣшеніе не повела ни къ чему, а между тѣмъ оно было крайне несправедливо. Разъ признавъ, что казенныхъ мастеровыхъ слѣдуетъ перевести на казенную фабрику, сенатъ долженъ былъ приказать изслѣдовать, кто принадлежитъ къ ихъ числу, и всѣхъ ихъ переселить, а не то, оставивъ на мѣстѣ, гарантировать ихъ права отъ дальнѣйшихъ нарушеній со стороны содержательницы фабрики. Удаленіе же только болѣе энергичныхъ людей хотя и не велѣно было считать наказаніемъ, однако, сильно смахивало на него.

В. СЕМЬВСКІЙ.

МОЛОДЫЕ ПОБѢГИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Съ недовольнымъ и печальнымъ лицомъ, сидѣлъ въ своей избѣ, на лавкѣ, старый сугуловатый мужикъ, Герасимъ Дмитричъ, и вопросительно, пристально вглядывался въ лицо стоявшаго передъ нимъ сына Федора, высокаго, статнаго парня, некрасиваго, но съ умными, задумчивыми глазами.

— Какъ же такъ, Федюха, — говорилъ старикъ. — Развѣ это порядокъ: двадцать тебѣ годовъ, весь ты парень собрался какъ слѣдуетъ, въ полномъ видѣ, невѣсту я тебѣ приискалъ хорошую, стоящую, а ты такъ сразу и упираться вздумалъ.

— Уволь, батюшка, освободи..., — отвѣчалъ тихо, но рѣшительно Федоръ.

— Да что уволь: это ужъ я слышалъ... Съ чего ты упираешься-то? съ чего дурь-то эта въ тебѣ?... Невѣста, что ли, не по мысли?... Такъ ты и не видалъ ее путемъ, а ты съѣзди да посмотри перво...

— Все одно, батюшка, хошь и съѣзжу... Это мнѣ не судьба — уволь...

— Да что же, у тебя другая, что ли, на примѣтѣ?...

Федоръ видимо замаялся, какъ будто собираясь что-то сказать, поднялъ-было глаза на отца, но опять опустилъ ихъ и молчалъ.

— Коли есть, такъ скажи: какая-такая?... Удумаемъ вмѣстѣ какъ и что...

— Нѣтъ еще никакой, а такъ... не желаю еще... Дай погулять, обожди...

— Да чего ждать?... Вишь ты, не желаю!.. Мирь-отъ не спрашивается — желаешь, али нѣтъ, а рознижь-то наваливаетъ — не ждеть... Безъ бабы-то не больно складно: одни не управимся, опять же и я старъ сталъ. Бабу приведешь, все лишняя работница въ дому прибудеть, все легче...

— Ты, батюшка, отпросись у міру: съ тебя, по годамъ, твой рознижь снимуть, а мoinъ управляй... А меня не вяжи къ дому — отпусти въ люди: я заработаю, всѣ поданіи заплачу — и оброкъ, и подушныя, и за себя, и за тебя...

— Да куда же ты это пойдешь?..

— Я найду мѣсто: по фабрикамъ пойду, али въ городъ... Я грамотный, опять же мастерство у меня въ рукахъ... Мѣсто найду... Въ плотники — и то въ артель примуть, не сгонять...

— Такъ ты все-жь-таки перво обзаконь себя: женись, а тутъ, пожалуй, инъ иди съ Богомъ, коли тебя отъ земли отбиваетъ, а такъ надѣешься что лучше будетъ: больше заработаешь. Хошь, по-моему, на что бы лучше коло своего оселка, коло своей земли: жили и мы, вѣвъ-отъ, отъ земли питались, слава Богу, не проживали, а наживали... Можно бы и тебѣ, кажется... Ну, да коли свой родной уголь надокучилъ, къ родной землѣ не тянетъ, ну, я неволить не стану: Богъ съ тобой, походи, поломай спину, помни бока на чужихъ людяхъ, а только-что все надо себя въ порядокъ перво произвести... Вотъ женись, а послѣ и ступай: поищи, попробуй счастья... По крайности я буду знать, что хошь жена тебя въ дому тянуть будетъ, не загуляешься...

— Я не загуляюсь и такъ... А женюсь, тогда надо съ женой жить: ужъ тогда не по что и въ люди идти... Нѣтъ, ты меня, батюшка, уволь, освободи... Я тебѣ не въ грубость: ты у насъ не таковъ родитель и я не таковскій сынъ, а я божески тебя прошу: не замай меня покамъ, не нудь, дай срокъ.

Федоръ низко поклонился отцу.

— И хошь бы ты мнѣ молвилъ причину-то твою... Причина-то твоя какаа?... Вина ты не пьешь, баловства за тобой, али кампанства какаго распутнаго, не примѣчалъ, да и не чаю этого — не таковой ты, кажется, парень... Что-жь въ тебѣ за здорь вышель?... И самъ я вижу: понурой ходишь, притуманился, нечто есть у тебя на душѣ, а что? — не знаю... Думалъ — съ годовъ это въ тебѣ, что пора въ законѣ тебѣ быть, и невѣсту было присмотрѣлъ, и то не такъ... А какаа же нибудь причина въ тебѣ да есть?..

— Да одна во мнѣ причина: хочу на чужихъ людяхъ пожить, счастья поискать, ума понабраться... Что земля?... Земля отъ меня не уйдетъ, а покамъ молодъ, надо на сторонѣ попы-

таться: можетъ, и счастье свое найду. Я своего родного дома, батюшка, не отрекаюсь: въ него же буду промышлять, что зарабатую—тебѣ же принесу. Ты меня, батюшка, отпусти: я бы вотъ пошелъ, въ Одету Семенычу зашелъ, сестру повидаль. Одетъ-то Семенычъ давно обѣщаль мнѣ работки похлопотать, а нѣтъ—на фабрику схожу, попытаюсь: тамъ завсегда работа есть... Пустя, батюшка, теперь самое время работы искать...

Герасимъ Дмитричъ вздохнулъ.

— И къ учителю, чай, побываешь? — спросилъ онъ.

Ододоръ быстро и пытливо взглянулъ на отца.

— Что же?... И къ учителю побываю: отчего же?—отвѣчалъ онъ какъ-то нерѣшительно.—Я отъ него, окромѣ одного хорошаго, ничего не видалъ.

— Не онъ ли тебѣ это въ голову-то надулъ, чтобы по чужимъ людямъ шляться отъ своего родного дома? Не онъ ли сбиваетъ тебя?

— Ничего онъ, батюшка, не сбиваетъ,—твердо уже возражалъ Ододоръ.—Отъ него одна наука, да умъ, какъ что въ книжкахъ писано. Онъ худому не научить — не бойся... И Ододоръ Семенычъ довольно его знаетъ и одобряетъ: человекъ тихой, не пьющій, умной, отъ него есть чему заняться... Смотри-ка, ребята тѣни какъ его любятъ, такъ и рвутся въ нему, безотбойно на книжкахъ сидятъ...

— Ахъ, ужъ эти книжки... Жили мы и безъ нихъ... Ужъ не знаю, не согрѣшилъ ли я, что и грамотѣ-то тебя обучилъ... Вотъ началъ въ книжкахъ-то читать и дома не сидится, и отъ земли отбиваешься, а можетъ безъ грамоты-то темный бы остался, какъ и мы же грѣшныя, держался бы лучше дома: не забирался бы высоко-то...

— Да куда же я, батюшка, высоко забираться?... Ничего высокога нѣтъ. Это, вѣдь, у насъ только, въ нашемъ краю, мужикъ привыкъ такъ, что все въ своемъ мѣстѣ сидитъ, а вонъ въ книжкахъ-то сказывается: изъ иныхъ мѣстъ цѣлыми уѣздами на заработки уходятъ: кто въ Петербургъ въ самый, кто въ хлѣбныя мѣста, кто со своимъ промысломъ, съ мастерствомъ, а кто по торговой части; бываетъ, большіе капиталы наживаютъ. Да вотъ и у насъ: мало ли народа стало на фабрики ходить, наниматься...

— То-то, то-то, не было этого у насъ допрежь того: жили да поживали какъ Богъ укажетъ, на своихъ мѣстахъ; гдѣ кто родился, тутъ и питался... кто какое ремесло имѣлъ, производствовалъ дома помаленьку... А нынче вонъ на фабрики побѣжали, не сидится дома-то...

— Значить, корыстнѣй: промыслить больше могутъ, нечѣмъ дома.

— Ну еще, Богъ вѣсть, велика ли корысть-то: вновь дѣло-то, посмотримъ еще... А баловства-то ужъ будетъ безпремѣнно, потому артельно, грудно, а народъ все молодой на фабрику-то бѣжить... Да поди, чай, кабаки да трактиры, водка да чай: вотъ они, заработки-то, куда и уйдутъ...

— Ну я, батюшка, къ кабакамъ не преклоненъ... А такъ думаю, что вотъ хошь бы я: ну что я буду дома сидѣть? Даль мнѣ Богъ талантъ этотъ въ рукахъ... и въ головѣ у меня довольно, всякихъ затѣй много... Ну, что я, какое дѣло себѣ около дома найду: фонарь развѣ когда сосѣду сдѣлаю, али пшачикъ какой, али рѣзъ по дому пустишь, кто закажетъ, да и то больше за грошъ, либо за спасибо сработаешь... А вонъ и учитель, Василий Якимычъ: у тебя, — говоритъ, Федя, большія механическія способности есть, только бы тебѣ мѣсто гдѣ подходящее найти; большія, говоритъ, деньги можетъ зарабатывать... Какъ же, батюшка, не поискать себѣ работы-то?.. И въ писаніи сказано: таланта не велѣно зарывать въ землю, что отъ Бога дано... Вотъ ужъ не мало я сижу, жду, не навернется ли этакой человѣкъ, чтобы работку далъ, да нѣтъ вотъ... Ну, стало нужно походить, поискать... И тянетъ меня, и ровно мнѣ кто говоритъ: поди да поищи, само не придетъ... Вотъ оттого и забота моя, и причина моя, что ты говоришь, вся въ томъ... Вотъ ты меня освободи хошь на годъ, на два: похожу, не найду, къ тебѣ же приду тогда, не куда... Тогда и жени, пожалуй: не перестарѣюсь еще, время не уйдетъ. Увижу, что на сторонѣ не много чего хорошаго и стану ужъ дома жить безотходно, съ землей ворочаться... Опять же буду на слуху, далеко не уйду, и къ тебѣ навѣдываться стану...

— Да по мнѣ пожалуй, Богъ съ тобой, не изведись только, али не избалуйся...

Глаза у Федора радостно засверкали, довольная улыбка освѣтила лицо.

Въ эту минуту въ избу вошелъ старшій, давно уже женатый сынъ Герасима.

— Вотъ, Иванъ, — сказалъ ему старикъ, указывая на Федора: просится на сторону, работы искать... Думаю отпустить, чтобы послѣ не жалился: пускай поѣстъ чужого хлѣба, авось послѣ свой слаще покажется.

— А какъ же, женить хотѣли?.. — замѣтилъ Иванъ, человѣкъ неразговорчивый, сосредоточенный.

— Да вотъ отпрашивается: дайте, говорить, годокъ-другой, на людяхъ пожить, счастья поискать... А что зарабатывать будетъ, въ домъ общается отдавать...

— Знамо, въ домъ... куда же?.. Въ дому нужды много...

— Я думаю отпустить... Богъ съ нимъ... Пушай!..

— Какъ знаете... Что же: пушай, походить... Може и въ самъ-дѣлѣ работу подходящую найдеть, онъ грамотный и сручень, только бы не забаловался, да деньги не прогуливалъ, а съ полосой какъ-нибудь справимся и безъ него...

— Ну, такъ съ Богомъ коли... Собирайся... — рѣшилъ старикъ.

Сборы Ѳедора были очень не продолжительны и не сложны. Не больше какъ черезъ часъ послѣ бесѣды съ отцомъ, связавъ вмѣстѣ поддевку, сапоги и небольшой мѣшочекъ, въ которомъ лежала чистая рубашка и штаны, и все это перекинувъ черезъ плечо, Ѳедоръ уже шагаль по дорогѣ къ деревнѣ Ступину. Онъ шель весело и беззаботно, съ радостнымъ лицомъ, съ увѣреннымъ взглядомъ, точно впереди его ждало вѣрное счастье, была видна завѣтная цѣль, къ которой онъ давно стремился; а между тѣмъ впереди у него не было ничего ни опредѣленнаго, ни вѣрнаго. Такъ летитъ весною и осенью перелетная птица, гонимая инстинктомъ, не зная что найдеть впереди, гдѣ советъ свое гнѣздо.

Много было разныхъ побужденій, заставлявшихъ Ѳедора проситься изъ дома, но теперь онъ весь былъ полонъ только чувствомъ свободы, молодой силы, выпущенной въ первый разъ на волю, и надеждами — надеждами безъ конца.

II.

Начиналась осень. Дорога шла по знакомымъ роднымъ для Ѳедора мѣстамъ: проходила среди выжатыхъ хлѣбныхъ полей, по которымъ въ рассыпную, свободно, бродили стада, хотя кое-гдѣ и виднѣлись еще узкія полоски недожатаго овса, побурѣлаго, растрепаннаго, прилеглаго къ землѣ, или торчали изрѣдка какъ-бы забытые потемнѣвшіе полоски ярового хлѣба; извивалась она по топкому вочковатому побережью рѣчки, обросшей елопникомъ, въ которой Ѳедоръ зналъ каждый бочагъ, каждую глубь, подъ каждымъ камнемъ ловилъ въ дѣтствѣ раковъ; вздымалась она по глинистому скользкому косогору и уходила въ лѣсъ, который стоялъ теперь какой-то скучный, безмолвный, съ пожелтѣвшими, сухими и опадающими листьями: весь этотъ лѣсъ до послѣдняго дерева, до самой маленькой полянки былъ

знакомъ Ѳедору, онъ зналъ, гдѣ весною родится земляника, въ какой овражинѣ засѣлъ малинникъ, гдѣ теперь въ осеннее время начинается краснѣть брусѣна, зналъ—въ какомъ мѣстѣ, подъ какимъ деревомъ родится всякій грибокъ; цѣлыя участки лѣса выросли изъ молодежника на его глазахъ и вмѣстѣ съ нимъ самимъ... Все было родное, все знакомое и милое по дорогѣ, которую шелъ Ѳедоръ, но онъ ни на что не смотрѣлъ и ничего не видѣлъ. Сзади его осталась родная деревня, родная семья, въ которыхъ онъ родился и выросъ, которыхъ любилъ много и сильно, но не о нихъ онъ думалъ, не къ нимъ летѣла его мысль, не ихъ образы рисовались передъ нимъ: мысль его была впереди, и съ иными, дорогими лицами связывалъ онъ свое будущее, свои мечты и надежды. Въ воображеніи его возникалъ то образъ красиваго, совсѣмъ сѣдого старика съ печальнымъ лицомъ, со строгимъ взглядомъ, но этотъ взглядъ смотрѣлъ на него ласково, привѣтливо, печальное лицо прояснялось улыбкою—это былъ старый другъ его, Ѳедотъ Семенычъ; то вмѣсто его являлось болѣзненное, худое, желтое лицо другого друга, молодого, учителя Василя Якимыча, рѣзко обозначались на этомъ лицѣ большіе черные глаза, то ядро вспыхивавшіе, то вдругъ потухавшіе; чаще другихъ мелькалъ передъ Ѳедоромъ красивый женскій образъ и каждый разъ, какъ онъ являлся, точно тисками сжималось его сердце и кровь бросалась въ лицо...

Ѳедоръ шелъ прежде всего въ деревню Ступино къ Ѳедоту Семенычу, за сына котораго была выдана нѣсколько лѣтъ назадъ его родная сестра, Анна. Ѳедотъ Семенычъ нѣсколько лѣтъ сряду сидѣлъ волостнымъ старшиной, былъ старикъ лѣтъ подъ 70, пользовался общимъ уваженіемъ, но былъ несчастливъ въ своей семьѣ. Единственный сынъ его, Кирила, мужъ сестры Ѳедора, былъ уличенъ въ кражѣ, заподозрѣнъ даже въ поджогѣ, отъ котораго сгорѣла половина деревни и домъ отца. Его судили: въ поджогѣ не оказалось достаточныхъ уликъ, но за воровство онъ былъ приговоренъ къ тюрьмѣ. Въ то время, какъ Кирила находился подъ судомъ, Ѳедоръ жилъ у Ѳедота Семеныча. Старикъ, считавшій родного сына потеряннымъ для себя, привязался къ Ѳедору, полюбилъ его всей силой оскорбленнаго, обманутаго въ кровной привязанности сердца.

Ѳедору было тогда еще только 18 лѣтъ, какъ онъ поселился у Ѳедота Семеныча. Это былъ мальчикъ тихій, конфузливый, но необыкновенно впечатлительный, съ любознательнымъ умомъ, съ замѣчательными способностями къ механическимъ работамъ; его серьезность, сосредоточенность, любовь къ усидчивому, одинокому

труду, вмѣстѣ съ какою-то особенной врожденной деликатностью, составляли совершенную противоположность съ наклонностями Кирилы. Въ Федорѣ Федотъ Семенычъ находилъ именно то, что онъ хотѣлъ бы видѣть въ своемъ родномъ сынѣ, и чего въ послѣднемъ не было. Эти желанныя свойства и достоинства Федора сначала даже оскорбляли старика, какъ-бы вѣчный упрекъ, постоянное напоминаніе о недостаткахъ родного сына. Въ первое время жизни съ Федоромъ, онъ нерѣдко чувствовалъ невольное раздраженіе противъ него; ему хотѣлось думать, что юноша притворяется, фарисействуетъ передъ нимъ, чтобы порисоваться своими добродѣтелями на-счетъ его родного заблудшаго сына.

Старая Федосья Осиповна, жена Федота Семеныча, безумно любившая и избаловавшая Кирилу, такъ и остановилась на чувствѣ предубѣжденія и недоброжелательства къ Федору. Она охотно подчинилась этому инстинктивному чувству и упорно держалась за него: несмотря на то, что Федоръ жилъ у нея въ домѣ не только какъ родной гость, но и какъ человѣкъ совершенно необходимый, пришедшій въ горькую тяжелую минуту, оказать безвозмездную помощь и возможное содѣйствіе—онъ помогать строить домъ, работалъ въ полѣ и завѣдывалъ хозяйствомъ—она постоянно была имъ недовольна, ворчала, придиралась къ нему, искала случая показать пренебреженіе, оскорбить его. Федоръ отмалчивался, отчасти потому, что многого не замѣчалъ, отчасти изъ снисходительности къ больной, несчастной, огорченной матери-старухѣ; но незаслуженное гоненіе, поднятое на Федора Федосьею Осиповною, устыдило и образумило Федота Семеныча: онъ не только поборолъ въ себѣ предубѣжденіе къ Федору, не только старался быть къ нему безпристрастнымъ, но сталъ больше и больше сближаться съ юношей, полюбилъ и привязался къ нему, какъ къ сыну.

Федоръ былъ вчуждѣ грамотѣ, страстно любилъ читать, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на печатную книжку и безусловно вѣрилъ въ печатную премудрость; но подъ влияніемъ практическаго направленія сначала своей семьи, а потомъ Федота Семеныча, искалъ въ книгахъ только практическихъ указаній и совѣтовъ. Правда, и книжный запасъ, изъ котораго Федоръ могъ обогащать свой умъ знаніями, былъ очень скуденъ: у себя, дома, онъ довольствовался кое-какимъ вздоромъ, который доставалъ случайно, да и читать могъ только по праздникамъ, въ совершенно свободное отъ работы время; а у Федота Семеныча къ его услугамъ были получаемыя въ волостномъ правленіи «Губернскія Вѣдомости» и книжки, присылаемыя разными благотворительными об-

ществами и комитетами для народнаго чтенія и народныхъ школъ. Просилъ Федотъ Семеновичъ у мѣстнаго сельскаго священника, чтобы онъ снабжалъ Федора книжками, но батюшка могъ дать ему только проповѣди мѣстнаго владыки, два старыхъ академическихкихъ календаря, да нѣсколько разрозненныхъ экземпляровъ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» и журнала, издаваемого духовнымъ вѣдомствомъ. Самый большой интересъ и наибольшую для себя пользу Федоръ находилъ, читая смѣсь въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Трудахъ», гдѣ сообщались разные *средства* и рекомендовались разные общедоступные *способы* относительно земледѣлія, скотоводства, вообще домохозяйства. Все это Федя старался запоминать, многое пробовалъ примѣнять и испытать на дѣлѣ; но все это мало его удовлетворяло: въ умѣ его возникала масса вопросовъ, которые оставались неразрѣшенными. Федотъ Семеновичъ, несмотря на весь свой умъ, на всю свою опытность, не умѣлъ отвѣтить на многіе вопросы Федюшки, или отвѣчалъ неясно, неопредѣленно, общими мѣстами, и Федоръ при всей своей вѣрѣ въ умъ, мудрость и опытность старика, чувствовалъ и понималъ, что знанія его очень ограничены и что можно даже оскорбить его, обращаясь къ нему съ нѣкоторыми вопросами.

Такимъ образомъ Федоръ жилъ самъ въ себѣ, и прирожденная ему сосредоточенность мало-по-малу развивалась въ какую-то мечтательность, соединенную съ внутреннимъ недовольствомъ. Безъ сомнѣнія, съ годами, подъ вліяніемъ ежедневныхъ заботъ и трудовъ для добыванія насущнаго хлѣба, вся эта безплодная раздраженная пытливость ума затихла бы и заглохла, а практическое направленіе взяло верхъ и вышелъ бы изъ Федя умный, толковый мужикъ, можетъ быть искусный, поражающій изобрѣтательностью, ловкостью и смѣтливостью ремесленникъ, замкнутый, молчаливый, сосредоточенный, съ угрюмымъ недовольнымъ лицомъ...

Но Федѣ суждена была иная судьба... Случайно онъ познакомился съ учителемъ волостной школы, Василиемъ Якимычемъ, и въ немъ нашелъ того человѣка, котораго, ему казалось, онъ такъ давно искалъ, и который раскрылъ передъ нимъ цѣлый новый міръ мыслей, впечатлѣній, потребностей.

Василій Якимычъ былъ то, что называется неудачный человѣкъ; онъ весь состоялъ изъ противорѣчій и увлеченій, изъ восторженныхъ порывовъ, которые вели за собою быстрое разочарованіе, охлажденіе и недовольство, изъ безпредметнаго влеченія къ добру, доходившаго до готовности на самопожертвованіе, и

капризнаго безцѣльнаго эгоизма, соединеннаго съ недовольствомъ всѣмъ окружающимъ безъ всякихъ опредѣленныхъ требованій отъ жизни; изъ способности на временный упорный трудъ, который смѣнялся апатіей и лѣнью. Василій Якимычъ былъ сынъ бѣдной вдовы чиновницы, учился въ гимназіи хорошо и при этомъ зарабатывалъ себѣ небольшія деньги грошевыми уроками, но въ предпоследнемъ классѣ, безъ всякой видимой причины, вдругъ заглѣнился, перессорился съ учителями и гимназическимъ начальствомъ и, не кончивши курса, къ ужасу матери, вдругъ вышелъ изъ гимназіи; цѣлые полгода жилъ жизнью чернорабочаго, поддерживалъ свое существованіе самою грубою непривычною, тяжелою работою; потомъ вдругъ задался мыслью сдѣлаться докторомъ, засѣлъ за книги, началъ приготовляться къ вступительному экзамену въ медицинскую академію, выдержалъ его и поступилъ, но здѣсь онъ не пробылъ и года: сухость и точность медицинской науки скоро утомили его, онъ перешелъ въ университетъ на словесный факультетъ. Сначала онъ здѣсь увлекся своимъ предметомъ, серьезно работалъ, много читалъ, но вдругъ остановился на мысли о непрактичности и непримѣнности къ жизни приобретаемыхъ знаній—и перешелъ въ технологическій институтъ. Но и тутъ дѣло не пошло на ладъ: вмѣсто химіи, онъ увлекся социальными вопросами и политической экономіей, не выдержалъ экзамена, остался на другой годъ въ курсѣ, запутался въ одной исторіи и только благодаря случайности отдѣлался тѣмъ, что долженъ былъ выйти изъ института. Онъ попробовалъ—было опять сойти въ самые низменные ряды чернорабочей силы, но здоровье не выдержало: у него заболѣла грудь, начался кашель, появились признаки чахотки. Онъ добрался до своей родной губерніи и, съ большими хлопотами, добился должности сельскаго учителя. Непосредственность, простота крестьянской среды, воспримчивый дѣтскій міръ, нѣкоторое преувеличеніе важности принятаго имъ на себя труда сельскаго учителя, вначалѣ очень увлекли его: онъ со свойственною ему порывистостью, жаромъ и энергіею отдался учительскимъ обязанностямъ, развивая ихъ до такихъ размѣровъ, въ которыхъ имъ оставались недовольны и начальство, и даже родители его учениковъ. Василій Якимычъ не выдержалъ столкновенія съ властью, съ родительскимъ невѣжествомъ и грубостью; борьба съ ними показалась ему скоро безцѣльною и бесплодною; энергія и увлеченіе его пропали; онъ превратился въ обыденнаго—честнаго, добросовѣстнаго, но равнодушнаго учителя. Впрочемъ, дѣти любили его и охотно у него учились. Василій Якимычъ случалъ и началъ тя-

готовиться своею дѣятельностью; между тѣмъ здоровье его ухудшалось съ каждымъ годомъ, въ немъ начала развиваться раздражительность...

Федя познакомился съ нимъ еще въ ту пору, когда Василій Якимычъ былъ, такъ-сказать, въ экстазѣ своей учительской дѣятельности, когда онъ высоко ставилъ свое дѣло, вѣрилъ въ его многоплодную полезность и готовъ былъ отдаться ему до самопожертвованія. Его заинтересовала въ то время любовательность и пылливость Федора, онъ былъ пораженъ его способностію къ механическимъ работамъ, словомъ,—онъ увлекся имъ, какъ увлекался всѣмъ новымъ, задался задачей развить его умъ, облагородить чувства, дать широкое и правильное міросозерцаніе, котораго, впрочемъ, и самъ не имѣлъ, мечталъ опшлифовать алмазь, который нашелъ въ грубой первобытной формѣ, создать чело-вѣка — дѣятеля, внѣ условныхъ школьныхъ приемовъ обученія, которыя, по его мнѣнію, только мѣшали правильному, самостоятельному и оригинальному развитію и губили людей оригинальныхъ, какъ казалось ему—погубили и его самого. Съ энтузіазмомъ принялся онъ передавать Федѣ безъ разбора все, что зналъ самъ, также безъ разбора и послѣдовательности давалъ ему читать все, что имѣлъ подъ руками. Само собою разумѣется, что Федюша сразу и безусловно былъ очарованъ своимъ наставникомъ, всею душою подчинился ему и скоро сталъ смотрѣть на него, какъ вѣрующій смотреть на оракула; но первое время, подъ наплывомъ массы новыхъ идей, новыхъ свѣдѣній, быстрого разрѣшенія многихъ вопросовъ, онъ ходилъ какъ въ чаду, былъ возбужденъ до лихорадки. Не имѣя возможности отдавать все время днемъ чтенію, онъ просиживалъ цѣлыя ночи за книгами, всѣ праздничные дни и ночи проводилъ онъ у своего учителя въ бесѣдахъ, въ чтеніи, въ разъясненіяхъ прочитаннаго; но по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ и узнавалъ, жажда знанія не притуплялась, а усиливалась, и многіе вопросы, казавшіеся разъясненными, вставали съ новой жгучестью неясности, неопредѣленности; доходило до того, что уже и отвѣты наставника отзывались общими мѣстами, или красивымъ, иногда восторженнымъ, иногда діалектическимъ наборомъ словъ, оставлявшимъ въ душѣ вопрошавшаго тотъ же прежній сумракъ, прежнюю мучительную неясность и неопредѣленность. Восторгъ первыхъ, неожиданныхъ откровеній проходилъ, въ душѣ поднималась прежняя тоска неудовлетворенности, недовольства. Федя видимо измѣнился, похудѣлъ, поблѣднѣлъ, въ глазахъ свѣтился лихорадочный огонекъ.

Трудно сказать, чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ сердцѣ

Федора, неожиданно для него самого, не заговорило новое чувство, которое подѣйствовало на его воспаленный мозгъ какъ спасительное отвлекающее. Самъ того не сознавая, онъ влюбился. Если бы въ то время его спросили, какъ это случилось, откуда, зачѣмъ, и почему явилось въ немъ это новое чувство, что оно значить и должно ли оно быть или нѣтъ?—онъ не понялъ бы ни одного изъ этихъ вопросовъ и не сдумалъ бы отвѣтить ни на одинъ изъ нихъ. И дѣло совершилось весьма просто: у того же Василя Якимыча онъ встрѣтился съ дѣвушкой, которая пришла къ учителю переговорить о своемъ братѣ, ученикѣ, который прежде времени пересталъ посѣщать школу. Она явилась по порученію матери, держала себя съ учителемъ грубо и говорила глупости, доказывая, что нечего мальчишкѣ баловаться, бѣгать и сидѣть въ училищѣ, когда въ домѣ бѣдность, пить-ѣсть нечего, пора подходить лѣтная, а мальчишка въ силѣ, можетъ и въ подпаски наняться, въ домѣ лишній десятокъ рублей принести, да и со своего хлѣба долой: все лишній кусокъ въ дому соблюдется.

— Не все намъ съ матушкой однимъ промышлять: пускай и онъ помогаетъ!..—заклчила она.

— Да, вѣдь, ему бы только еще одну зиму въ школу походить, такъ вѣдь онъ совсѣмъ бы выучился и писать, и читать... —возражалъ учитель.—А вѣдь если перестанетъ ходить теперь, онъ все и позабудетъ: зимой снова придется начинать.

— Ну такъ все одно: и всему выучится, опослѣ все позабудетъ...—возражала дѣвушка. Да что и въ чтаньи-то вашемъ? за него разъ деньги платять, что-ли? И все-то ученье—одно баловство, да одежѣ, обуви трѣпка—только и есть... Идутъ изъ школы-то толкаются, да таскаются, горланять, да по льду катаются—обувку деруть... Матушка говоритъ: только-что староста съ господскаго наказа наобѣщаль съ три короба, что коли въ школу въ эту поступить, да выучится, такъ и невѣсть что будетъ... А все пустое: выслужиться передъ посредникомъ, да передъ волостнымъ захотѣлось, что съ деревни много ребятъ въ ученье загналъ, а все какихъ больше нажималъ: вотъ что насъ же, сиротъ, да которые послабже, неимущіе... Небось, которые побогаче, да поубастѣй, тѣ не послушались, не пустили своихъ...

Учитель попробовалъ-было еще убѣждать, но возраженія были въ такомъ же родѣ и убѣжденія его нисколько не подѣйствовали.

— Этакая красавица и этакая дурица!..—проговорилъ Василій Якимычъ, когда дѣвушка ушла.

И въ первый еще разъ Федоръ согласился со своимъ учите-

лемъ только въ половину: согласился, что красавица, но не согласился, что дура.

— Говорить она съ чужихъ словъ, что ей велѣно сказать, да и не такъ, чтобы ужъ совсѣмъ не было ни толку, ни складу въ ея словахъ... А подумаешь, такъ, пожалуй, есть даже и правда въ ея резонахъ: въ самъ-дѣлѣ, иной бѣднякъ, хотъ и выучится читать и писать, такъ забудеть, ему не удосужиться и въ книгу-то заглянуть, да другой и книги-то всю жизнь въ глаза не увидитъ...

Вотъ какія мысли мелькали въ головѣ Федора по поводу замѣчанія учителя о дѣвушкѣ. И онъ почти не слушалъ цѣлаго трактата, который развивалъ передъ нимъ Василій Якимычъ о томъ, какъ современное положеніе крестьянства препятствуетъ развитію въ немъ грамотности, и какъ было бы необходимо, полезно и справедливо, если бы общество или даже само правительство оказывало содѣйствіе и помощь тѣмъ бѣднымъ семьямъ, въ которыхъ чувствительна потеря труда учащагося мальчика и какія бы слѣдовало принять мѣры, чтобы выучившіеся въ школѣ могли сохранить и употребить съ пользою для себя приобретаемыя въ школѣ знанія и т. д. Ничего этого не слышалъ Федоръ, хотя учитель говорилъ очень горячо и убѣдительно, но тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ выпросить: изъ какой деревни ученикъ, братъ мальчика, какъ его зовутъ, а кстатѣ и какія у него способности и пр. Онъ очень скоро воспользовался мимоходомъ добытыми свѣдѣніями, и началъ кстатѣ и не кстатѣ проходить и проѣзжать черезъ деревню Онучино, гдѣ жила красавица Параня, добился того, что встрѣтился съ ней, заговорилъ, познакомился и сблизился... Ея-то глаза чаще всего мелькали въ воображеніи Федора, когда онъ торопливо уходилъ изъ родного дома и шелъ искать счастья на чужихъ людяхъ... Эти глаза и образъ Парани заставляли ускоренно биться и замирать его сердце, они какъ будто манили его впередъ и заставляли быстрѣе двигаться его ноги, они вызывали румянецъ на его щеки, улыбку на губы и веселый оживленный блескъ въ глазахъ. Онъ шелъ не слыша подъ собою ногъ, не замѣчая дороги, и мысль его невольно сама собою проходила по всѣмъ подробностямъ его знакомства съ Параней, вызывая одно воспоминаніе за другимъ и какъ-бы давая ему возможность вновь пережить всѣ минувшія уже событія съ ихъ впечатлѣніями... Все, все, до мельчайшихъ подробностей—вставало въ памяти Федора.

III.

Вотъ однажды, послѣ неоднократныхъ неудачныхъ путешествій въ Онучино, Федя вдругъ неожиданно нагналъ на дорогѣ Параню, которая шла съ какимъ-то мальчишкой. Вся кровь бросилась въ голову и покрыла горячимъ румянцемъ лицо Федюши, когда онъ узналъ ее. Онъ былъ отъ природы очень конфузливъ, особенно съ женскимъ поломъ, никогда не участвовалъ въ играхъ и хороводахъ, никогда не заговаривалъ и не заигрывалъ съ дѣвушками, на чтѣ были такъ ловки и смѣлы другіе деревенскіе парни. Онъ нѣсколько времени шелъ нерѣшительно сзади Парани, не сводя съ нея глазъ, но поспѣшно опускалъ ихъ, когда она случайно оглядывалась назадъ, не рѣшался ни поровняться, ни опередить ее; сердце въ немъ билось и замирало такъ сильно, что онъ не разъ останавливался, чтобы перевести духъ. И вдругъ точно подтолкнутый кѣмъ-то, не отдавая себѣ отчета въ томъ, чтѣ дѣлаетъ, Федя подошелъ и поклонился, несмотря на Параню.

— Здравствуйте...,—едва проговорили его пересохшія губы.

— Здравствуй...,—бойко отвѣчала Параня, окидывая его своими большими глазами съ ногъ до головы.

— Я васъ съ-разу призналъ еще издавѣка,—продолжалъ онъ, нерѣшительно, точно на солнышко, поднимая на Параню свои глаза.—А вы, чай, меня не признали?..

— Ровно какъ нигдѣ видала, а признать, нѣтъ, не признаю...

— А къ учителю-то, къ Василию Якимычу, вы тогда приходили на-счетъ брата... Я тамъ былъ у него... Видѣлъ...

— А-а... А вы сами-то кто же будете, откуда?

— Я изъ Чернушекъ, да я теперь живу по родству, у старшины Федота Семеныча... Вотъ близѣхонько, всего верстъ съ пять отсюда, въ Ступинѣ.

— Знаю, знаю... Ну, какъ не знать... А вотъ мы изъ Онучина, здѣшніе, вонъ деревню видать...

— Я знаю, что вы изъ Онучина... Я давно знаю...

— Да почему вамъ знать?..—начала-было спрашивать Параня и остановилась, взглянувъ на Федю и замѣтивъ его смущеніе.

— Я всегда тутъ хожу.... всегда думаю...,—лепеталъ Федоръ, не поднимая глазъ и не сознавая чтѣ онъ говорить.

— Что же вамъ ходить-то тутъ? Дорога, что-ли, вамъ тутъ куда?..—спрашивала бойкая Параня, сама чувствуя какое-то невольное смущеніе, когда глаза ея встрѣтились съ глазами Федора.

Федоръ хотѣлъ что-то сказать, но, замѣтивъ устремленный на него внимательный взглядъ мальчика, шедшаго рядомъ съ Параней, остановился и сказалъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ.

— Это братецъ вамъ будетъ?—спросилъ онъ.

— Да вотъ въ подпаскахъ онъ у насъ въ Колосовѣ, а у насъ завтра праздникъ, такъ матушка и послала денегъ попросить, а онъ за мной увязался, выпросился тамъ у пастуха-то... на праздникъ... Да добрый пастухъ-отъ, добрый, отпустилъ,—только бы, говорить, опосля старался, скотины не проспалъ...

— Это на счетъ его тогда вы приходили къ Василию-то Явнычу, учителю?..

— Вотъ на-счетъ его... Онъ у насъ одинъ, баловень...

— А жалко, что вы его изъ школы-то взяли, безъ грамоты оставите... Поучился бы еще, грамотный бы былъ...

— Да что въ ней, въ грамотѣ: въ школу-то ходилъ, только одежду трепалъ, а вотъ теперь къ дѣлу приставили, такъ и денежки сталъ зарабатывать...

— Велики ли эти деньги, да и дѣло такое, послѣднее... въ подпаскахъ, да въ пастухахъ. А грамотѣ выучился, на другое бы дѣло попалъ и денегъ бы сталъ больше зарабатывать...

— Вы, знать, грамотный?

— Я грамотный...

— Ну вы такъ и говорите, а вотъ мы неграмотные, мы по другому толкуемъ... А вы, что же, много денегъ промышляете черезъ грамоту-то?..

— Я еще при отцѣ живу, не самъ по себѣ: что заставляютъ — дѣлаю... А и кромѣ денегъ — отъ грамоты человѣкъ много умнѣе дѣлается, потому книги читаетъ, а въ книгахъ все прописано, изъ книги можно всего набраться...

— Хорошо, можетъ, вамъ подошло, отецъ богатъ, работника держите, дѣлать-то нечего, и читаете... А какъ кому ѣсть нечего, каковъ кусокъ хлѣба и тотъ надо своими руками промыслить, такъ тутъ некогда въ книжкахъ читать — съ голоду помрешь... Знамо, ученый человѣкъ то-ли дѣло, да коли нечѣмъ взяться, такъ какъ тутъ быть?.. Вонъ мы съ матушкой на сиротскомъ положеніи живемъ и полосы-то не держимъ: что заработаемъ, то и поѣдимъ, такъ до ученья ли ужъ тутъ... Рады-рады, что дождались паренька, что въ годы вошелъ: хошь нѣсколько промыслить на себя... Кабы въ ученье-то брали да платили за него, что онъ промыслить можетъ... ну такъ тутъ, пожалуй, учись... съ полнымъ бы удовольствіемъ... Хошь глупые, неученые, а тоже понимаемъ: грамотный человѣкъ завсегда больше полу-

чить можетъ: онъ и въ писаря пойдетъ, и къ купцу въ приказчики наймется... Тамъ жалованья большія платять... Да силы нѣтъ, такъ какъ поднимешься?..

— Это все правда ваша... Вотъ жалко только, что у него дѣло-то такое, что онъ въ подпаскахъ живетъ, а то бы я сталъ ходить пожалуй... обучалъ бы его... Ничего бы не взялъ, даромъ...

Федя проговорилъ это и сконфузился: въ головѣ его мельнула мысль: что она подумаетъ? съ чего это, незнакомый человѣкъ, навязываюсь?..

Но у Парани блеснула другая мысль: вишь ты, подѣзжаетъ!.. Это онъ ради меня... Видно, запримѣтилъ, приглянулась... Въ знать взойти хочеть съ нами... И зардѣлся—вонъ какъ!.. Безпремѣнно такъ!..

— Что это... съ какой вамъ стати безповойтъ себя для насъ?.. —проговорила она не безъ кокетства...

— Нивакого тутъ безповойства нѣтъ, съ моимъ полнымъ удовольствіемъ... даже бы за счастье счелъ...—говорилъ Федоръ.— Потому мы другъ дружкѣ помогать должны: вонъ Василій Якимчъ тоже какъ для меня старается—книги даетъ, толкуеть, все равно, что обучаетъ меня, и ничего не беретъ... Такъ и я долженъ для другого кого постараться...

— Не изъ-за чего вамъ для насъ стараться-то...

— Не то, что не изъ-за чего, а я ото всей моей души: можно даже и такъ сдѣлать, что пускай онъ опять въ училище къ Василью Якимчу ходить, а я вашей матушкѣ могу внести, что онъ въ подпаскахъ-то получаетъ...

— Ай, да что вы,—больно богаты, что ли?

— Нивакого особливаго богатства нѣтъ, а что этакія-то деньги всегда праздниками могу заработать на своемъ мастерствѣ... Поди, чай, рублей за десять въ лѣто отдали?..

— За одиннадцать... Да вотъ ужъ рубля четыре забрали... Да нѣтъ ужъ это, что вы говорите, никакъ даже и понять невозможно... И знати-то промежъ насъ никакой нѣтъ... Я даже не знаю какъ и звать-то васъ?..

— Меня-то Федоромъ зовутъ... Да, вѣдь, и я-то не знаю какъ васъ звать...

— Вотъ такъ чудесно...—васмѣялась Парани, и такъ хорошо, такъ весело заблестѣли ея бѣлые ровные зубки.—Говоримъ, говоримъ, а какъ и зваться другъ дружку не спросимъ... Вотъ такъ прекрасно...

— Свѣжитесь, какъ?

— Параней меня... Парасовьей...

— А по-батюшкѣ?

— По-батюшкѣ: Михайлова.

— А матушку вашу какъ звать?

— Матушку Дарьей Тихоновной.

— Барыней ее прозываютъ..., — выѣшался молчавшій до сихъ поръ мальчикъ, братъ Парани.

— Барыней? Отчего же такъ?

— А оттого, что она лицомъ была больно пригожа, бѣла, да и повадка у нея такая расторопная, да важная, ровно у барыни у какой... Вотъ отчего! — объяснила Параня.

— Вы, значить, по ней вышли..., — любезничать Федя, и самъ на себя удивился и сконфузился, что проговорилъ такіа слова.

— Ну, ужъ какова есть..., — востановилась Параня, улыбаясь. — Вотъ будьте знакомы... На праздникахъ приходите гулять къ намъ: у насъ на деревнѣ весело правдуютъ, народу много сходится, хороводы водятъ... Посмотрите на нашихъ дѣвушекъ, поиграйте: у насъ есть не экіа, какъ я... получше...

— Не можете этого быть..., — съ горячностью возразилъ Федя, пожирая глазами Параню.

— А вотъ вы поглядите... Вотъ парни у насъ такъ сердитые, особливо къ чужестраннымъ: тотчасъ бока намнутъ, коли чужой къ ихней дѣвкѣ больно прилипать начнетъ... Вы въ хоровадахъ-то, придете, не больно съ дѣвушками-то заигрывайте, съ нашими...

— Я и въ хоровадахъ-то никогда не хаживалъ, и играть не люблю... Коли и приду, такъ только чтобы на васъ посмотреть, потому — какъ тогда встрѣлся, такъ и не знаю что со мной стало: только и думушки, что про васъ... А парней я вашихъ не боюсь: со мной тоже пускай не связываются... Самъ не значу, да и въ обиду не дамся... Да и не съ чего имъ ко мнѣ пристать... Не то играть, — и смотрѣть-то я ни на кого не хочу, окромя васъ, хошь бы никого и на свѣтъ-то не было...

— Вона, избушка-то наша... Пришли... До увиданья коли... Приходи, воть, на праздникъ-то погулять...

И Параня, точно огнемъ опаливши Федю своимъ ласковымъ взглядомъ, мгновенно оставила его среди дороги и порхнула въ калитку сосѣдней избы такъ скоро, что Федя не успѣлъ даже и попрощаться, какъ бы хотѣлъ. Онъ стоялъ нѣкоторое время среди улицы, точно ошеломленный, — не могъ отвести глазъ отъ избушки, въ которую скрылась Параня, и насилу-насилу при-

шелъ въ себя и понялъ, что стоять дуракомъ среди деревенской улицы и глазѣть на одно и то же мѣсто—не хорошо и подозрительно. Онъ пошелъ впередъ, вполнѣ счастливый, полный такимъ новымъ, хорошимъ чувствомъ, какового еще никогда не испытывалъ.

IV.

Вотъ и другая картина встаетъ въ воображеніи Феди—такъ ясно, точно совершается передъ глазами.

Въ Онучинѣ праздникъ. Водятъ хороводы, поютъ пѣсни. Феда стоитъ въ незнакомой толпѣ, сзади одного круга, въ которомъ, держась за руки съ другими дѣвушками и парнями, ходитъ Параня. Онъ не можетъ отвести отъ нея глазъ, слѣдить за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ взглядомъ,—ничего не видитъ и не слышитъ, кромѣ нея, а сердце такъ и колотится, такъ и замираетъ въ груди... И давно уже онъ, кажется, стоитъ и ждетъ, когда Параня взглянетъ на него, узнаетъ его, можетъ быть, улыбнется, — можетъ быть, поклонится; но она ходитъ по кругу такая скромная, такая степенная, точно и не та бойкая, смѣлая Параня, которую онъ видѣлъ у учителя, съ которой встрѣтился и разговаривалъ недавно: теперь пошепчется развѣ только съ подругами, улыбнется, метнетъ быстрый взглядъ въ сторону изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ и опять прикроетъ ими свои свѣтлые, лукавые глазки. Не одинъ разъ казалось Федѣ, что Параня какъ-будто взглядывала и на него: его кидало отъ этого взгляда въ жаръ, онъ краснѣлъ, какъ ракъ, и рука его тянулась въ шапкѣ, чтобы поспѣшить поклономъ, но Параня быстро отводила глаза и какъ-будто не признавала его, или не обращала на него вниманія. Не разъ въ хороводѣ, распѣвая пѣсни, или заплетая и расплетая плетень, проходила она мимо самого его, даже задѣвала локтемъ: Феда весь трепеталъ, снова брался рукою за шапку, собирался что-то сказать—даже какъ-будто шепталъ: «здравствуйте!.. узнали ли?»—но или за пѣсней она не слыхала его словъ, или губы Феди только шевелились, не произнося никакого звука. Феда внутренно проклиналъ свою робость, свою нерѣшительность, мялся на мѣстѣ, — сердце его начинало болѣзненно ныть, тосковать... А когда иной парень не совсѣмъ осторожно бралъ Параню за руку или, играя, обнималъ ее, Феда готовъ былъ броситься и приволотить его... Онъ видѣлъ, что Параня занимаетъ собою не его одного, что почти

всѣ молодые ребята вьются около нея, какъ шмели, и загрызаютъ съ нею: всякій коровить стать съ нею рядомъ, взять ее за руку, сказать ей что-нибудь смѣшное или ласковое, обратить на себя ея вниманіе; въ играхъ то-и-дѣло она у всѣхъ на виду и на выборѣ,—и это еще больше смущало и мучило его...

«Неужели тѣмъ дѣло и кончится, что я тогда на дорогѣ поговорилъ съ ней, а теперь только поглазѣлъ на нее издали?» думалъ про себя Федя: «неужели она такъ и не признаетъ меня, а я такъ и уйду домой, слова съ ней не перемолвивши? Нѣтъ, ужъ надо какъ-нибудь подойти, да оклинуть, что ли,—напомнить про себя.. Ну, а какъ не признаетъ?.. Да и какъ подойдешь?.. кругомъ народъ,—ребята эти все вьжуются за ней... Хошь бы въ сторонку маленько отошла, такъ ужъ къ одной-то бы я подошелъ... заговорилъ бы»...

Но Параня или не признавала его, или не хотѣла показывать, что узнала. Игры смѣнялись одна другими: водили хоро-воды, заплетали плетень, ходили стѣна на стѣну, играли въ сосѣдей, а Федя все не находилъ случая ни поклониться, ни по-здороваться и заговорить съ Параней, и топтался, точно шальной, на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Вдругъ Параня отдѣлилась отъ толпы играющихъ, пошла въ сторону, проходя мимо Феди, быстро, незамѣтно, съ лукавой усмѣшкой взглянула на него, и затѣмъ побѣжала по направленію къ своей избѣ. Федя смотрѣлъ ей вслѣдъ, а когда она скрылась за дверями крылечка, печально опустилъ въ землю глаза и, поддерживая обѣими руками стягивавшій его поверхъ поддевки красный кушакъ, стоялъ въ нерѣшительности и думалъ: что же ему дѣлать теперь? Стоять ли тутъ и ждать, когда она опять придетъ, или идти къ дому ей на-встрѣчу?.. А невѣдомо еще и выйдетъ ли она опять на гулянку: можетъ быть, и вовсе дома останется... Или ужъ нѣчего, видно, ждать, а идти домой?.. Видать, что она признала, да ждетъ, чтобы самъ подошелъ, поклонился, поздоровался, да заговорилъ,—а похоже и на то, что заговоришь съ ней, а она на-смѣхъ подниметъ, прикинется, что незнаемый человѣкъ пристааетъ, съ ребятами, пожалуй, нарочно сравить со своими: лукава ужъ больно, ничто смотреть, ухмыляется... И грустно Федѣ, и досадно на Параню,—и еще досаднѣе на себя за свою робость, неумѣлость... Ничего онъ не могъ придумать, ни на что не рѣшался, и въ тоскѣ бессознательно пошелъ медленными шагами по тому направленію, въ какомъ убѣжала Параня. Онъ поровнялся съ ея избой, остановился, робко посмотрѣлъ на нее — и то не прямо, а показывая видъ,

что глядѣть черезъ крышу на небо, помылся, потоптался опять на мѣстѣ, и сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ дальше, когда замѣтилъ, что съ крылечка Параниной избы спустился ея братъ и направляется къ нему. Федя съ-разу почувствовалъ, догадался, что мальчишкѣ идетъ именно къ нему, но по какому-то особенному побужденію—не то недовѣрія, не то осторожности—пошелъ быстро впередъ, не показывая вида, что замѣтилъ мальчишка. Тотъ скоро догналъ его.

— Здравствуй, — сказала мальчишка, заглядывая въ лицо Оедѣ.

— Здравствуй, — отвѣчалъ онъ.

— Ты что же, куда идешь?

— Домой...

— Развѣ ужъ нагулялся?..

— Нагулялся... Будеть...

— Подъ къ намъ, въ избу...

— Почто?..

— Почто?—переспросилъ мальчишкѣ.— Посиди, погостись у насъ... Тоже праздникъ и у насъ: чѣмъ ни на есть попотчуетъ.

— Да ты какъ зовешь-то меня?

— Какъ?..

— Тебя послали, что ли, кто?.. Али ты такъ, самъ-собой?..

— Я самъ-собой...

— Такъ какъ же я пойду-то къ вамъ... Ты развѣ большой въ дому-то?.. Пожалуй, и тебя-то прогонять со мной...

— Ну, вотъ... Не прогонять...

— Да у васъ кто тамъ въ избѣ-то?..

— Да теперь никого... Былъ дядя Финагентъ... пьяный... Погостился, да ушелъ къ сосѣдямъ... Одна мамка съ Паранькой сидятъ... Подемъ...

— Постой... Да что же онѣ дома-то сидятъ?.. Почто Параня-то не гуляетъ?

— Гуляла... Сичасъ пришла... Сидятъ, тебя ждутъ... Подемъ, говорить...

— Такъ, стало, онѣ тебя и послали звать-то меня?..—спросилъ Федя, вдругъ оживившись и весь вспыхнувъ.

— Ужъ послали—не послали, да пойдѣмъ, говорить... Погости у насъ...

— Да какъ же я пойду: меня мать-то твоя и не знаетъ вовсе?..

— Знаеть, — въ окно видѣла, какъ ты супротивъ избы-то нашей стоялъ... Ужъ подемъ, говорить...

Федя больше не разспрашивалъ. Онъ сообразилъ, что Параня подучила маленькаго брата позвать его, какъ своего знакомаго, а сама хочетъ остаться въ сторонѣ и скрыть, что замѣтила его, — что онъ полюбился ей.

«Для того, видно, она и изъ круга-то убѣжала, чтобы братишву подослать ко мнѣ», думалъ Федя, и сердце его ожило и радостно билось и замирало. Такъ у него хорошо и весело было на душѣ въ ту минуту, когда онъ шелъ въ избу Парани, какъ послѣ, кажется, и не бывало. Такъ онъ любилъ въ это время Паранина брата, что, кажется, душу бы за него отдалъ, — и такой онъ ему казался и умный, и смышленный, и добрый. Кабы не на улицѣ было, — такъ бы онъ его и обнялъ, и расцѣловалъ бы.

— Какъ звать-то тебя? — догадался, наконецъ, спросить его Федя.

— Николава...

— Надо тебѣ учиться, Николаша, надо... Что въ подпаскахъ, какой путь?..

— А вотъ отпасу, тогда опять къ Василь Явимичу.

— Непремѣнно... Я тебя ужъ устрою... опредѣлю...

— Придѣли... И мамка говоритъ: добре бы добрый человекъ нашелся — поддержалъ бы насъ въ нуждѣ...

Наклонившись, вошелъ Федя въ дверь маленькой, темной, сиротской избышки, въ которой жила Параня съ матерью, но когда поднялъ голову, точно солнышкомъ освѣтилъ и опалилъ его ласковый, привѣтливый взглядъ свѣтлыхъ Параниныхъ глазъ и ея лукавая улыбка. Онъ не помнитъ дальнѣйшихъ подробностей этого свиданія въ убогомъ жилищѣ, которое казалось ему лучше, богаче и красивѣе всякаго сказочнаго дворца, не помнитъ о чемъ говорилъ съ матерью, чѣмъ его угощали, какъ онъ вывалялся учить грамотѣ Параню и уплатить матери деньги, которыя Николава долженъ былъ получить отъ пастушнни, съ тѣмъ, чтобы онъ бросилъ должность подпаса и ходилъ опять въ школу, — онъ видѣлъ и сознавалъ тогда, вспоминаетъ и теперь, только то полное счастье, невыразимое блаженство, то внутреннее довольство, которое испытывалъ сидя рядомъ съ Параней, встрѣчая ея ласковый взглядъ и улыбку, принимая изъ ея руки какое-то угощеніе, слушая ея привѣтливыя рѣчи... Помнитъ и то, какъ вдругъ у него сжалось сердце, потемнѣло въ глазахъ, сдѣлалось тошно и скучно, когда подруги вызвали Параню изъ ея избы опять на гулянку и онъ остался въ избѣ одинъ съ матерью ея: точно въ самомъ дѣлѣ вдругъ закатилось солнышко,

которое согрѣвало и свѣтило ему и онъ остался въ потьмахъ. Тогда только онъ разсмотрѣлъ, въ какой бѣдной лачугѣ жила Парана, какая нищета и недостатки окружали ее: онъ разсмотрѣлъ закопѣлый, низкій потолокъ, грязный, съ дырами полъ, замѣтилъ, что сидитъ на узенькой лавкѣ, передъ маленькимъ поворобившимся столомъ, на которомъ стоялъ штофъ съ водкой, лежало на блюдцѣ нѣсколько кренделей, полубѣлый пирогъ съ кашей, какіе-то грязные пряники и гнилые орѣхи; два маленькіе окошечка плохо освѣщали хату.

Никола убѣжалъ изъ избы еще раньше, тотчасъ какъ привелъ Ѳеодю, и теперь онъ сидѣлъ съ одной матерью Парани. Она была очень любезна съ гостемъ, старалась его угощать и поддерживать разговоръ, но Ѳеодя, безъ Парани, не могъ ничего ѣсть, ни пить и бесѣда не вязалась. Мать Парани успѣла, однако, распросить его обо всемъ, что касалось его семьи, дома, достатковъ, родства и пр. Наконецъ, Ѳеодя сталъ собираться уходить.

— Что же мало погостили?—спросила Дарья Тихоновна.— Покушайте еще чего-нибудь. Да выкушай водочки, полно...

Ѳеодя отказался.

— Али въ молодымъ ребятамъ да дѣвкамъ тянеть?.. И то сказать: со мной тебѣ посѣди-то не веселы... На гулянку, что ли, опять пойдете?

— Ужъ не знаю какъ... Въ домамъ пора, кажись: не рано ужъ...

— Такъ ужъ какъ же мнѣ съ Николашкой-то? Посылать его опять въ пастуху-то, аль нѣтъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Дарья Тихоновна, въ школу посылайте, а я вотъ завтра эти шесть цѣлковыхъ вамъ принесу...

— То-то, то-то, Ѳеодоръ Герасимычъ, мнѣ бы передъ пастухомъ-то тоже не олонфузиться бы... Взять-то я его возьму, а послѣ какъ у насъ ничего не выйдетъ, безъ денежекъ-то я останусь: придется опять по деревнямъ ходить да мѣстечка ему искать... Пожалуй и не возьмутъ нивкуда, да и срамота одна будетъ. Ужъ вы меня не обманите...

— Какъ это можно: безпремѣнно въ скорости принесу...

— Вотъ тоже кафтанишка ему обѣщали, рубаху да портки отъ деревни-то... Опять же и нови тоже даютъ: рязицы, ячменцу... А намъ для сиротства это дорогого стѣить... Ужъ придется отъ всего этого отказаться...

— Такъ у меня рублей съ двѣнадцать есть денегъ-то своихъ

собственныхъ... Я вамъ всё, пожалуй, принесу... Вотъ вы его и обошьете...

— Вотъ такъ ужъ дружка Богъ далъ... Вотъ такъ ужъ сердце доброе, не корыстное... Какъ ужъ васъ и благодарить-то не знаю... Кабы маненько помоложе была, разлизала бы молодца: то же, бывало, и я не изъ послѣднихъ слыла; какъ еще гонялись-то! только поцѣлуй — душу иной отдасть... Ну, да ужъ вотъ завтра придешь, да насъ этакъ утѣшишь, велю Паранькѣ поцѣловать... Ишь ты, еще краснѣешь... ровно дѣвка красная... А оставь-ка однихъ!.. А вотъ что, паренекъ милый, не ходи ты теперь и вправду на гулянку, а и пойдешь, не глѣзь на людяхъ къ Паранькѣ... Тутъ всё коло нея увиваются, отбою нѣтъ, а ты чужестранный, да запримѣтять, что ты къ ней, а она къ тебѣ льнетъ — тотчасъ бока намнутъ, повредятъ еще какъ... Срамота-то срамотой и на нее огласка, а еще кто знаетъ, что промежь васъ будетъ... А придешь ты къ намъ буднемъ, придешь тихо, смирно, прямо въ избу: хошь и примѣтять, такъ кому какое дѣло? — да опять же у матери на глазахъ... Такъ не ходи, Федоръ Герасимычъ, а пойдешь — виду не давай, съ Паранькой не загрывай... Я, вѣдь, баба-то бывала, на своемъ вѣку много всего видѣла, и худого и хорошаго; изъ-за меня промежь мужиковъ то же свары-то бывали, да еще какія... Такъ ты меня слушай... У меня и Паранькѣ одна наука: ты ихъ всѣхъ подпускай къ себѣ, только не больно близко и одному передъ другимъ ходу не давай, а пускай они крутятся, да грызутся около тебя, промежь собой... Здѣсь, вѣдь, какой народъ: кто получше-то, поважиточнѣе, такъ смотреть какъ бы такъ дѣвку-то красивую обойти, на кривыхъ, а невѣсть-то ищутъ нѣтъ ли гдѣ около сундука съ деньгами, хоть бы и ворявую-какую — все равно, лишь бы съ деньгами; а голь-то перебатная, пожалуй, хоть сейчасъ сватовъ пришлютъ, и присылали, да нѣтъ, лихъ, — моя Паранька не изъ таковскихъ: будетъ ужъ, я сама въ бѣдности-то намаялась, знаю; то же не хуже ея была, да за бѣднаго попала — всю жизнь вотъ и маюсь... Ну, такъ приходи же... Ждать будемъ...

Федя не утерпѣлъ и зашелъ на гулянку; но не подходилъ къ Паранькѣ, и только издали поглядѣлъ на нее. Она то же, какъ и давеча, не показывала даже виду, что замѣчаетъ его...

V.

Феда пришелъ домой въ этотъ день точно въ какомъ чадѣ, точно отуманенный, или опоенный какимъ зельемъ: онъ не могъ путемъ говорить, отвѣчалъ не впопадъ, поторопился уйти спать, но не могъ уснуть и лежалъ чуть не до свѣту съ открытыми глазами и съ неотступной мыслью, что онъ завтра опять пойдетъ въ Онучино, увидитъ Параню, будетъ сидѣть съ ней, разговаривать и можетъ быть... поцѣлуется ея... Пошутила или вправду общала это Дарья Тихоновна... И какая она, эта Дарья Тихоновна, добрая, чудесная, и умная и ласковая, и открытая... И какіе она хорошіе совѣты даетъ дочери: и въ самъ-дѣлѣ, пускай ихъ грызутся около нея, только бы она никого въ себѣ не подпускала... И развѣ кто-нибудь изъ нихъ годится ей въ мужья?.. Всѣхъ онъ ихъ видѣлъ... Развѣ ей этого мужа надо?.. А какого?.. Вотъ когда онъ ее выучитъ грамотѣ, а самъ разбогатѣетъ... онъ непременно разбогатѣетъ!.. вотъ тогда... И зачѣмъ онъ такіа бѣдныя... ахъ, какія бѣдныя! лошади нѣтъ... Боровка-то еще есть ли?.. Все имъ отдамъ, все, чтб есть... И чтб послѣ буду зарабатывать, все имъ отдавать... Долго ждать, пока разбогатѣю... А теперь, пожалуй, и ее мать не отдастъ, да и мой отецъ упрется: тоже деньги любить, тоже побогаче для меня ищеть... Чего добраго, и Федотъ Семенычъ будетъ противъ того, чтобы я женился на ней... Развѣ попытатъ, сказать ему?.. Нѣтъ, нѣтъ, и думать нечего... Никому не скажу... Да еще, пожалуй, и она-то сама не пойдетъ за меня... Что я-то такое? Что за богатъ? Въ чужомъ дому живу, своего —ничего... Еще и полюбить ли она меня?.. А вотъ завтра... завтра пойду, отнесу... Можетъ, Дарья Тихоновна и не пошутила, а вправду... Завтра все видно будетъ, только бы дожидать...

И это завтра, наконецъ, наступило. Феда сосчиталъ свои деньги. Ихъ оказалось даже больше двѣнадцати рублей: онъ вопилъ ихъ давно уже, собираясь, по совѣту Василья Якимича, сдѣлать модель какой-то машины, которая складывалась въ головѣ Феда. Теперь онъ положилъ ихъ въ карманъ, чтобы съ радостью отдать для другой цѣли. Управивши, не съ обычною аккуратностью, всѣ работы по дому, вскорѣ послѣ обѣда онъ ушелъ опять въ Онучино. Тамъ еще справляли по домамъ праздники, но гулянья уже не было и деревенская улица была пуста. Феда, никѣмъ не замѣченный, вошелъ въ избу Дарьи Тихоновны, но у нея были гости. Два пьяные, молодые еще, мужика сидѣли передъ столомъ

по сторонамъ хозяйки и одною рукою обнявши ее, а другою размахивая, повачиваясь и притоцывая, пѣли веселую пѣсню. На столѣ валялся опрокинутый штофъ, какіе-то объѣдны и видѣлись слѣды пролитаго или расплесканнаго питья. Хозяйка сидѣла между ними красненькая, подпѣвала и, какъ показалось Ѳедѣ, тоже была черезъ-чуръ весела. Онъ остановился у дверей не безъ смущенія и оглянулъ избу: ни Парани, ни Николаи въ ней не было. За пѣсней и топаньемъ Ѳедю не сразу замѣтили и онъ стоялъ нѣкоторое время, не зная что дѣлать: поздороваться ли съ хозяйкой, или уйти. Съ удивленіемъ онъ смотрѣлъ, какъ то одинъ гость, то другой, среди пѣнія, цѣловали хозяйку и цѣловались другъ съ другомъ, причемъ Дарья Тихоновна только посмѣивалась, да слегка отстранялась. Наконецъ, она увидѣла Ѳедю и засуетилась.

— Ахъ, гость дорогой!.. Пустите вы, черти пьяные... Вотъ оглашенные!..

Съ трудомъ вырвалась она изъ рукъ своихъ гостей и подбѣжала къ Ѳедѣ, поправляя нѣсколько сдвинутый на головѣ платокъ.

— Не ждали сегодня, не чаяли... Здравствуйте, Ѳедоръ Герасимычъ... А у меня вонъ... свояки сошлись... праздникъ догуливаютъ...

— Кто такой?..— перебилъ ее громкимъ пьянымъ голосомъ одинъ изъ своихъ.

— Какой такой человѣкъ... незнамый?..— подхватилъ другой, колотя кулакомъ по столу.—Вонъ!.. Чтобы не было...

— Молчите вы, оглашенные...,— винулась въ нимъ Дарья Тихоновна.—Къ Николкѣ моему... отъ учителя... Насчетъ науки.. Николка-то убѣжалъ... Поди на улицѣ гдѣ...—продолжала она, снова перебѣгая къ Ѳедѣ, и видимо смущенная.—Подъ, родной, Ѳедоръ Герасимычъ, пройди по улицѣ-то: гдѣ-нибудь увидишь его... Николку-то... Увидишь, возьми его съ собой, приводи сюда...

Она торопливо старалась почти вытолкнуть Ѳедю за порогъ дверей и отвлечь его вниманіе отъ пьяныхъ гостей, которме продолжали шумѣть.

— Ты походи, Ѳедоръ Герасимычъ, по улицѣ-то,—говорила она ему уже на крыльцѣ, затворивши за собою дверь въ избу,— а я покамъ выживу отъ себя пьяницъ-то... Ворвались, оголѣтые... Что подѣлаешь, праздникъ!.. Опять же въ родствѣ: никакъ нельзя... А они вонъ какіе!.. Того смотри, тотчасъ и въ драку... Неспойны пьяные-то... Ты пройдишь, батюшка, разъ, другой,

по улѣ-то, и Николку-то найдешь, а можеть и Паранька тебя увидить: гдѣ-нибудь сидить съ дѣвками... Увидить, тоже прибѣжить... А я ихъ живымъ манеромъ выживу...

Дарья Тихоновна говорила все это несвязно, торопясь воротиться въ избу, гдѣ оставленные гости шумѣли и звали ее.

Федю смутила и озадачила вся эта сцена, но онъ не могъ долго задумываться надъ нею: всѣ его мысли были направлены къ Паранѣ. Онъ думалъ только о ней, искалъ только ее одну и глазами, и сердцемъ. Идя вдоль улицы, онъ рѣшалъ для себя вопросъ: какъ ему быть, если встрѣтится съ Параней, или увидить ее сидящею гдѣ-нибудь съ подругами: кланяться ли ему съ нею, или пройти какъ незнакомому? Но его вывелъ изъ затрудненія Николаев. Онъ вдругъ явился передъ нимъ, точно изъ земли выпрось. Оказалось, что онъ игралъ на задворкахъ съ ребятами, и, когда Федя проходилъ мимо одного проулка, увидѣлъ его, узналъ и подбѣжалъ.

— Куда же ты идешь?—спросилъ онъ Федю.

Тотъ объяснилъ и рассказалъ, что засталъ у матери гостей и что она почти выпроводила его.

— Кто это? Здѣшніе, что ли?—спросилъ онъ Николку. — Сродственники ваши?

— Какіе сродственники!.. Такъ, гуляціе они... Здѣшніе: Иванъ да Кузьма... Дружки они мамкины... Завсегда у насъ гуляютъ... Когда одинъ по одному ходять, а когда и вдвоемъ... Иной разъ раздерутся, а другой и ничего—оба вмѣстѣ сидятъ—пють, да пѣсни поють...

— А Параня... Парасковья-то Михайловна гдѣ же?..—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Федя.

— А она, поди, гдѣ-нибудь съ дѣвками... Ужъ коли тѣ придуть къ мамкѣ, Паранькѣ дома не сидѣтъ...

— Отчего?

— Мамка завсегда ужъ насъ обонхъ съ ней гоняетъ вонъ изъ избы... потому—безобразять... и къ Паранькѣ лѣзуть... Съ ними ничего не подѣлаешь!.. Такъ ужъ который придетъ, да коли пьяный, Паранька и сама тотчасъ уйдетъ... къ сусѣдямъ...

У Федя захватило духъ.

— Такъ зачѣмъ же ихъ мамка-то пускаетъ?.. Она бы прогнала ихъ...

— Да какъ ихъ прогонишь?.. Наше сиротское дѣло, а они тоже носятъ: не съ пустыми руками ходять... Иванъ-отъ особливо: онъ богатый былъ, только прожился, сказываютъ, промо-

тался вовсе... У жены-то, чу, шубу пропилъ, правду ли, нѣтъ ли—сказываютъ...

— Развѣ онъ женатый?

— Такъ неужто?.. Оба женатые... Пушай Иванъ-то одинокій, а Кузьма-то—тотъ дѣтныи... Жена-то, сказываютъ, бьетъ его...

Никола усмѣхнулся.

— А у тебя тятка-то давно померъ?

— Давно... Я не помню... Онъ изъ дворовыхъ, сказываютъ, высаженъ... Хворой, чу, былъ, не долго пожилъ... И мамка-то, вѣдь, за господами жила въ дѣвкахъ-то... Ихъ обвѣнчали, да и высадили сюда... въ деревню...

— Вотъ я деньги-то принесъ... Будешь ли учиться-то? Станешь ли въ училище-то ходить?..

— Стану. Отчего не ходить... Все лучше, чѣмъ въ подпаскахъ-то... У насъ Василій Якимычъ добрый: ни дерется, ни что... А обучусь, тогда въ писаря можно, али по торговой части... А вонъ Паранька-то, вонъ, съ дѣвками, да съ парнями на завалинѣ сидятъ... Позвать, что ли, ее?

— Позови... Нѣтъ, постой... Ты вотъ чтó... Пойдемъ назадъ, въ вамъ въ избу: можетъ, тѣ ушли... Ты посмотри: воли тѣ ушли, тогда я войду, а ты тогда сбѣгай, позови сестру-то: про меня-то ничего не говори, а скажи, что мамка зоветъ...

— Ну, ладно...

Въ избѣ оставалась уже одна Дарья Тихоновна, которая успѣла даже уничтожить на столѣ признаки происходившей попойки и выставила остатки праздничнаго угощенія: крендели и пряники. Она поджидала Федю, и видимо старалась придать лицу своему солидное и степенное выраженіе.

— Вотъ въ какую компанію попалъ-было, Федоръ Герасимычъ... Чтó подѣлаешь: праздникъ, гуляютъ!.. Мужика въ домѣ нѣтъ, дѣло сиротское, не выгонишь... Любо ли, не любо ли—терпи: сродниками признаются... Насилу спровадила, насилу уговорила уйти-то... Колобродятъ, да и на-поди!.. Садись-ка, гость дорогой... Ужъ никакъ не чаяла, что сегодня пожалуешь... Что Параньки-то не встрѣтилъ, не видалъ?

— Видѣлъ... издалъли... А я вотъ на счетъ денегъ-то, чтобы васъ успокоить... для Николахи, чтобы опять въ ученье-то его...

— Ахъ, покорнѣйше благодарю... Вотъ ужъ истинно благодѣтеля Богъ далъ... Видать, что человекъ настоящій, добрый, а не на словахъ на однихъ... Позабавься, батюшка, отвѣдай чего-

нибудь, нашего-то, сиротскаго, угощенья... Не обесудьте... Вотъ хоть пряничковъ... Покушай, милый...

Она усердно навязывала ему тарелку съ пряниками и онъ, изъ приличія, взялъ нѣсколько штукъ.

— Вотъ, вѣдь, бѣдность-то наша: чайкомъ бы надо угостить дорогаго гостя, а у меня и самовара-то нѣтъ... Былъ и самоварчикъ-то, да отъ нужды продала... Да, вотъ жизнь-то моя какая!.. А, вѣдь, на чаю выросла: какъ же... въ господскомъ дому, при господахъ, въ горницахъ выросла!.. И теперь еще барыней влечуть... Да барыней бы мнѣ и быть, кабы не злые люди... Такъ меня молодой баринъ любилъ, такъ любилъ!.. Быть бы мнѣ барыней, да ужъ, видно, такова моя судьба горькая... Вѣдь, и Параня-то моя барской крови-то, не простой... Ужъ сквасть тебѣ, не солгать... по всей, по душѣ... Да этого и не спрячешь: по виду видать, что не мужицкой крови, али не простой... Въ догадку ли вамъ это, Федоръ Герасимычъ, ну-ка, скажи по правдѣ?..

Федъ было очень неловко и тяжело при этихъ разсказахъ: ему вспомнился вдругъ учитель Василій Якимычъ, его горячія рѣчи о личномъ человѣческомъ достоинствѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ, о незаслуженныхъ привилегіяхъ, о злоупотребленіяхъ ими, и многое, многое, чтб ему самому приходило въ голову, волновало и возбуждало его молодую мысль и сердце. Онъ не хотѣлъ отвѣчать на вопросъ Дарьи Тихоновны, но она опять повторила его.

— Нѣтъ, да ты правду мнѣ скажи: неужто ты такъ и думаешь, что она изъ нашего, простого, рода?.. Неужто тебѣ такъ ничего и не вступало въ голову?

— Для меня это все равно,—проговорилъ Федя, нахмурившись, почти сердито.

— Да развѣ въ нашемъ роду экія красавицы бывають?.. Посмотри-ка, обойди всю деревню, есть ли хоть одна супротивъ ея?..

— Да, вѣдь, вотъ вы сами же говорите, что красивѣе ея были, а изъ нашего же, вѣдь, рода, изъ мужицкаго, чай, не изъ барскаго?..

— А кто знаетъ? а почему знать? Можетъ, я только не знаю, а у насъ, бывало, во дворѣ, при господахъ, всего много случалось... И неразберимое дѣло, чтб было... А отчего дворовая всегда въ отличку отъ простой бабы деревенской?.. Отъ этого самаго... отъ крови!..

Федя еще больше насупился, такъ что Дарья Тихоновна, не-

смотря на свое возбужденное состояніе, замѣтила это и споква-
тилась.

— Али вы господь-то не любите?.. Знаю я, нынѣшніе мо-
лодцы изъ крестьянства, особливо грамотные да ученые, сами
себя высоко понимаютъ... То и хорошо, что говорить!.. А только
что и промежь господь хорошіе есть люди... не все худые...
Вѣдь, и въ крестьянствѣ-то этакихъ, какъ вы, не много... Вотъ
и умный, и степенный, и непыющій, и добрый... Вонъ каково
Богъ уродилъ!.. А много ли этакихъ-то?.. А все больше либо
буянъ, либо пьяница, либо озорникъ какой... Извѣстно, кабы
этакихъ побольше, какъ вы... и мужички бы тогда въ ходъ по-
шли... Что это, Паранька-то долго не идетъ... Вамъ со мной, съ
одной, скучно водиться-то... Поди, чай, бѣжалъ только и думалъ,
чтобы какъ Параньку повидать?.. Не чаяла я, не чаяла, что
сегодня придете: не пустила бы ее изъ дома...

Федя сконфузился.

— Нѣтъ, вѣдь, я только, чтобы насчетъ денегъ поскорѣй...
какъ Николахъ завтра идти бы надо въ Колосово... Вотъ полу-
чите... Я принесъ...

Федѣ, въ надеждѣ на полученіе обѣщаннаго вчера вознаграж-
денія, хотѣлось-было отдать эти деньги непременно въ присут-
ствіи Парани, но не вышло: онъ не сумѣлъ этого сдѣлать и
внутренно сердился на себя. Онъ опечалился еще болѣе, когда
Параня вошла въ избу тотчасъ послѣ того, какъ Дарья Тихо-
новна, получа деньги, рассыпалась въ благодарностяхъ, просле-
зилась и, въ припадкѣ чувствительности, даже расцѣловала Федю
и уже успѣла спрятать деньги. Появленіе Парани дало разго-
вору другой оборотъ: мать спросила ее, гдѣ она была, расска-
зала со смѣхомъ, какихъ пьяныхъ гостей застала у нея Федя,
а о деньгахъ и обѣщанной за нихъ наградѣ даже и не упомя-
нула, точно забыла совсѣмъ, или считала Федю вполне вознагра-
жденнымъ, а свою ласку достаточно замѣнившею ту, о ко-
торой юноша мечталъ всю ночь. Параня принесла съ собою
опять ясное солнышко, но несбывшаяся надежда томила Федю, и
не давала мѣста тому полному счастью, той радости и блажен-
ству, которое онъ испытывалъ наканунѣ. Можетъ быть, этотъ
поцѣлуй при свидѣтеляхъ, не добровольный, а по приказу, и
притомъ какъ-бы купленный, не доставилъ бы Федѣ такого на-
слажденія, какого онъ ожидалъ, но все-таки онъ ждалъ его и
терзался, что надежда его не осуществилась, сердился на мать
и еще больше на себя самого.

Вообще весь этотъ день былъ какъ-то неудаченъ и не оправ-

далъ ожиданій Феди. Сцена, которую онъ засталъ, и потому бесѣда съ матерью произвели на него тяжелое, непріятное, какое-то гнетущее впечатлѣніе. Параня была тоже какъ будто скучна, не показала радости при свиданіи съ нимъ, смотрѣла равнодушно, не востановилась, была неразговорчива: Федя не встрѣчалъ тѣхъ вызывающихъ взглядовъ и улыбокъ, которыя наканунѣ заставляли бить такую тревогу его сердце; ему показалось даже, что Параня была какъ будто печальна и недовольна. Дарья Тихоновна, напротивъ, была очень весела, не въ мѣру ласкова и надѣдала своей болтовней, точно на этотъ разъ мать съ дочерью обмѣнялись ролями. Отъ всего этого въ душу Феди забиралась какая-то тоска, недовольство: онъ сидѣлъ молча, опустил голову, и чувствовалъ, что былъ очень скучнымъ собесѣдникомъ. Онъ и домой ушелъ въ этотъ день такой разстроенный и печальный, точно съ нимъ случилось какое несчастье. Его не утѣшало даже и настойчивое, неоднократно повторенное приглашеніе: заходить почаще.

VI.

Тяжело было Федѣ пережить нѣсколько дней до новаго свиданія съ Параней. Онъ не рѣшался идти въ своромъ времени, чтобы не обратить вниманія домашнихъ и постороннихъ: робкое чувство, которое онъ испытывалъ, требовало тайны, пряталось на дно души, стыдилось показываться на чужіе глаза. Въ тотъ день, когда Федѣ казалось можно уже идти въ Онучино, не возбуждая подозрѣній, онъ дома все-таки сказалъ, что идетъ въ село къ учителю, хотя его никто никогда не спрашивалъ, куда онъ отлучается. И Федя, дѣйствительно, задумалъ сначала забѣжать для вида въ Василю Якимичу, на нѣсколько минутъ, хотя это ему было вовсе не по дорогѣ.

— Что давно тебя не видно?—спросилъ учитель.

— Да вотъ все за дѣлами,—отвѣчалъ Федя.

— За какими дѣлами-то?—съ какой-то особенной, странной улыбкой переспросилъ Василій Якимичъ.

— А какъ же, мало ли въ дому дѣла?.. Къ папѣ при-
пасаемся... Пахать скоро приниматься надо...

— Али въ Онучинѣ землю въ аренду снялъ?

— Какъ въ Онучинѣ?—отоввался Федя, краснѣя.

Учитель, смотрѣвшій на него, захохоталъ.

— Ахъ, ты, чудакъ, чудакъ!.. Признавайся: втюрился, что ли?

— Я... ничего!..—глупо и растерянно возразилъ юноша.

Учитель захохоталъ еще громче. Федю поворожило отъ этого смѣха.

— Да надъ чѣмъ же... вы?.. Что я погулять-то сходилъ въ Онучино о праздниѣ?..

— Полно ты мнѣ хитрить!.. Признавайся, говорю, лучше!.. Вѣдь, я все узналъ...

— Да что вы узнали?.. Ничего нѣтъ...

— Какъ ничего нѣтъ?.. Я думалъ, онъ тихій, робкій... женскаго сословія боится, а онъ оказывается ходокъ по этой части, хоть и тихоня...

— Да что вы, Василий Якимычъ!.. Право же ничего не было...

— Ну, не было, такъ будетъ... Да ты что же? Не конфузья очень-то... Это ничего... Подури, коли блажь нашла!.. только не давай себя очень болванить-то, а то пожалуй обо-брать-то оберутъ, да еще дуракомъ сдѣлаютъ...

— Да что же вы узнали такое?.. Скажите же мнѣ...

— Да какъ что, братецъ? Все узналъ... Прихожу какъ-то въ школу: мальчишекъ теперь ужъ мало ходитъ, одинъ по одному каждый день убываютъ, такъ и таетъ классъ, точно снѣгъ весной... Недаромъ же и тепло стало... А тутъ смотрю—прибылой: вышель-было и опять появился; взяли въ подпаски, обругали еще меня тогда, что я этимъ ученьемъ только бѣдняковъ притѣсняю, а тутъ вдругъ опять въ школу поступаетъ... да еще какой?.. что ни на есть самый нищеплецъ, Ниволка изъ Онучина... Что за чудеса такіа!..—Да, вѣдь, тебя, спрашиваю, въ подпаски хотѣли отдать? — «Отдавали, говорить, да опять взяли.» — Съ чего же это такъ? али не погодился? — «Нѣтъ, чтобы доучился поскорѣе»...—Да, вѣдь, у васъ дома ѣсть нечего: оттого тебя и взяли изъ училища, и въ пастухи хотѣли отдать?.. «Теперь, связываетъ, у насъ благодѣтель проявился: общался всю семью прокормить, только бы я учился»... — Фу ты, чортъ, думаю, откуда такая благодать... Что у насъ за пропагандистъ тавой явился?.. Зантересовало это меня... Началъ выпытывать мальчишку и допытался: вотъ кто у насъ этотъ благодѣтель и пропагандистъ—Федоръ Герасимычъ!.. Признаться сказать: сначала-то я даже въ умиленіе пришелъ, хотѣлъ, какъ увижу тебя, на шею броситься... А послѣ какъ вспомнилъ, что тамъ эта сестренка быстроглазая есть, правда хорошенькая, чортъ ее дер!.. да еще разузналъ кое-что... Ну, поостылъ отъ восторговъ... А все-таки похвально: по крайней мѣрѣ хоть мальчишка грамотѣ выучится, хоть не совсѣмъ даромъ деньги брошены... И что это, однако, наша живнѣ

за лужа такая грязная, опутъ какой-то вонючій, — заговорилъ вдругъ Василій Якимычъ желчнымъ тономъ: чтобы мальчишкѣ обучиться грамотѣ, нужно, чтобы у него была сестра красивая и чтобы нашелся на нее охотникъ съ деньгами...

— Да вы что же думаете, — порывисто перебилъ его Федя... — Я, вѣдь, не изъ чего-нибудь... Я, вѣдь, только чтобы учился Николая... Вы напрасно думаете: онѣ не такія... И я не изъ-за того совсѣмъ...

— Ахъ, ужъ ты мнѣ, только не рисуйся... Терпѣть этого не могу... Видите: безкорыстнымъ благодѣтелемъ хочется остаться!.. А что ужъ тутъ фанитить, говори на чистоту!.. Вѣдь, не будь у Николая красивой сестры, да не вздумай ты къ ней примазаться, тебѣ бы и въ голову не пришло тратить, можетъ быть, послѣднія деньги на его ученье... и не подумалъ бы!.. А ты все же лучше другихъ: хоть и про себя хлопчешь, да въ то же время и другому пользу хочешь сдѣлать... А что онѣ не *такія-же*, такъ это ужъ, братъ, ты врешь... Я справки наводилъ, разспрашивалъ: matka-то гулена извѣстная, всѣ ее знаютъ кругомъ... Ну, значить, и дочка...

— Нѣтъ, Василій Якимычъ, нѣтъ, не правда... — съ азартомъ перервалъ его Федя, и вдругъ вспомнилъ сцену, которую видѣлъ въ избѣ Дарьи Тихоновны. — Я не знаю про мать... а дочь — нѣтъ, она честная дѣвушка, скромная!.. Она не такая, это неправда!..

— Да ты ужъ, братъ, не въ невѣсты ли себѣ прочишь ее... Не надумалъ ли жениться на ней?.. — спросилъ учитель.

— Я не знаю... Я ничего не думалъ... А только что...

Въ голосѣ Феде слышались слезы.

— Федоръ... чудакъ!.. Да ты и вправду, видно, вторился въ нее... Ты признайся мнѣ: неужто и въ самомъ дѣлѣ ты не такъ только, а и жениться бы на ней не прочь?..

— Ахъ, не спрашивайте вы меня, Василій Якимычъ... Ничего я не знаю... ничего и не думалъ... Только не ругайте вы ее, не срамите... Тошно мнѣ, тяжело... вотъ какъ!.. Ей-Богу!..

Федя не удержался, заплакалъ и выбѣжалъ отъ учителя, не простившись съ нимъ.

На улицѣ онѣ спрятался за уголъ какого-то зданія и плакалъ долго и на взрыдъ, не сознавая о чемъ, не думая о причинѣ этихъ слезъ. Проплакавшись, онѣ уже не могъ идти опять къ Василю Якимычу даже для того, чтобы хоть попрощаться съ нимъ, но спорымъ шагомъ, чуть не бѣгомъ, пошелъ въ Онучино.

Съ замираніемъ сердца, съ чувствомъ какаго-то безотчетнаго страха, точно передъ бѣдою, подходилъ Оеда къ дому Дарьи Тиховны. Въ избѣ онъ встрѣтилъ одну только Параню; матери не было. Дѣвушка радостно вскрикнула, увидѣвши его.

— Ахъ, на силу-то пришелъ... А ужъ мы ждали, ждали... Глаза даже всё просмотрѣли, ждавши...—говорила она.—Садитесь, гости будете... Чтой-то вы долго не шли къ намъ?..

Оеда не могъ унять замираніе сердца, теперь радостное, не могъ собраться съ силами, чтобы заговорить, а стоялъ и смотрѣлъ на Параню съ такимъ восторгомъ, съ такимъ упоеніемъ, что показался ей страннымъ и даже смѣшнымъ.

— Ай, да чтой-то вы какой...—сказала она, едва удерживаясь отъ смѣха.—Ровно безъ языка... Чтѣ не говорите ничего?.. Садитесь, молъ, гости будете... То не шель, а теперь вонъ какой... Ровно глумные...

Но, взглянувъ пристальнѣе въ глаза Оеди, Параня вдругъ покраснѣла, потупилась, смущенно отошла отъ Оеди и усѣлась на лавку подалше отъ него.

— Маменька съ Ниволкой по грибы пошли: сморчки отошли, стройки, сказываютъ, прошибаться стали...,—проговорила она, чтобы прекратить молчаніе.

— А вы что же не пошли?..—спросилъ Оеда.

— Кабы пошла, такъ и избу бы запереть... Тогда бы и вы пришли, только бы замку поклониться...

— А вы развѣ меня ждали?

— Почему я знала, когда вы придете... Какъ ждать-то?.. Кабы сказали тогда, въ тотъ день приду, такъ и ждали бы... А не охоча я за этими грибами-то ходить: грибъ-то пустой — строекъ... Кабы за бѣлыми... вотъ то другое дѣло... Охотно и брать...

— Значить, не ждали. А вы какъ же сказали, что всё глаза проглядѣли, ждавши.

— Знамо глядишь... Какъ же не смотрѣть-то, коли глаза есть... На то и глаза... А вы вонъ даве вошли, глаза-то оставилъ, а ровно и не видите ничего... Съ попыховъ, что ли, вы это съ вакихъ?.. Бѣжали что ли невѣдомо отъ кого?..

Параня фырнула и закрылась передникомъ.

— Вамъ смѣшно, а мнѣ, можетъ быть, не до того было... Бѣжалъ къ вамъ точно, запыхался, да и увидѣлъ — и духъ совсѣмъ захватило...

— Съ чего это?..

— Съ чего?.. А съ радости, что васъ увидалъ!..

— Велика радость!.. Я же писаная каваля!.. Энихъ много!..

— Нѣтъ писаная... и такихъ нѣту другихъ... а не то — много!..

— Чего же вы не шли-то долго?

— А вамъ что до меня?.. Вамъ, чай, все равно... И не вспомянули, чай?..

— Ну, вотъ все объ одномъ-то... Не буду вамъ все одно да одно связывать...

— Вамъ все равно, а я тотъ разъ ушелъ, ровно свѣтъ у меня отъ глазъ закрылся, да такъ всю недѣлю и маялся... Забѣла меня тоска...

— Съ чего такъ?..

— Иавѣстно съ чего... По васъ...

— Она!.. Послушай васъ, вы наговорите!..

— Я что ни говорю, у меня все одно, и все изъ самаго сердца... А вы разъ такъ, а другой—по другому...

— Ничего не по другому, а все одно...

— Что же одно-то?..

— А у васъ что?

— У меня? А вотъ что: какъ сегодня, такъ и вчера, какъ увидѣлъ васъ, такъ и по сейчасъ, только и думушки, и забутушки, что вы однѣ... И лягу—думаю, и встану—думаю, и во снѣ на глазахъ стоите... И нѣтъ мнѣ лучше, нѣтъ мнѣ краше...

— А я-то какъ же? я-то какъ же?—перебила его Параня и еще подальше отодвинулась отъ Феди.

— А вы?.. Вы вотъ какъ: сегодня взглянули — ровно солнышкомъ освѣтила, на другорядъ—и не смотреть, и не признаеть, сегодня—говорите и сладко и ласково, а завтра, въ бесѣдѣ-то сидите ровно вамъ и скучно, и противно, и говорить-то съ человѣкомъ охоты нѣтъ...

— Такъ развѣ такъ я?..

— Такъ, такъ точно...

— Такъ мнѣ вѣтъ и слѣдъ, потому мы дѣвушки: на насъ смотреть, осуждаютъ... Съ васъ никто не спросить, а съ насъ спрашиваютъ... Поди-ка, поведи себя безъ береженья, такъ и ославятъ... Вашъ же братъ, первые—ославятъ... Послѣ и жениха путнаго не найдешь: такъ въ дѣвахъ и засидишься...

— Кабы полюбили человѣка каваго, не стали бы вѣтъ дѣлать, потому это ему одна мука: никакъ не примѣнишься...

— Любить-то намъ, дѣвкамъ, не приходится, потому одинъ обманъ бываетъ... А вотъ выйдетъ дѣвка замужъ, станетъ бабой, тутъ и любить станеть...

— Да, вѣдь, какъ же ему жениться, коли онъ не знаетъ, любить его дѣвва, или нѣтъ... Ему и жениться нельзя...

— А пускай смотритъ: на то и глаза... Плоха та дѣвка, что сама на него вѣшается... Я, вѣдь, понимаю, на-счетъ чего вы это заводите, что сегодня такъ, а завтра по другому: что я тогда на гулянкѣ-то виду не дала, что васъ признала... А какъ же мнѣ было?.. Вы человекъ незнаемый, чужестранный, и сама-то я одинока только васъ видѣла, да стала бы я съ вами играть, да въ хорободъ зазывать, такъ всѣ бы наши дѣвви и парни-то и не вѣсть чтó опослѣ того распустили бы про меня... Вотъ что!.. Да и вы то бы сами то же сдумали...

— Нѣтъ, это я такъ и понималъ!.. А вотъ въ последний-то разъ, какъ я былъ, ровно вы и не рады были, что я пришелъ...

— Не рада и есть: мамонька была не въ себѣ, у насъ въ дому гостей застали... Развѣ дѣвушкѣ это лестно?.. Я сама на-смерть этихъ гостей не люблю... Да что дѣлать, коли нужда наша заставляетъ? мы на сиротскомъ положеніи живемъ; матушка съ маленькими съ нами осталась: надо было поднять, выкормить... Да и теперь пить, ѣсть, одѣться нужно...

— Такъ неужто правда, что... — началъ было Федя, но вдругъ остановился и сконфузился.

— Что, что, правда?..

— Нѣтъ, я такъ... не о томъ...

— Матушка всегда говорить: я чужого не возьму, не украду, и въ миръ съ кошелемъ не ходила, и на міру не сумятица!.. А кому какое дѣло, какъ я живу сама про себя: шуму отъ меня, безпокойства никому никакого нѣтъ... Что женатые къ ней ходятъ, да носятъ, такъ она не виновата: видно, жены за мужьями смотрѣть не умѣютъ, да при своемъ дому держать... Не ко мнѣ, говорить, такъ въ другое мѣсто убѣгутъ, еще хуже домъ разорять... А ужъ что говорить: не больно сладко такъ жить-то, да дѣлать нечего... Тоже иной разъ пьяные-то и подерутся, и пошумать—всяко бываетъ...

Федѣ сдѣлалось очень тяжело и больно на сердцѣ отъ этихъ рѣчей.

— Да, вѣдь, живутъ же люди и безъ этого: работаютъ, промышленяютъ, и кормятся, и семьи поднимаютъ...

— Да чѣмъ мамонькѣ промышленять-то, здѣсь, въ деревнѣ? она никакой полевой работы не знаетъ, отъ роду не жинала... только и есть что вотъ пошить когда на попадью да поповень, такъ развѣ придется два платья въ годъ—на этомъ не разживешься!.. Въ чужіе люди, въ работницы, идти—съ малыи ребя-

таки никто не возьметъ, а раздать насъ по людямъ матушкѣ пожалѣлось... Ну, а подростать стали, теперь и особливо матушкѣ не захочется уйти отъ своей избы, да и отъ насъ: вотъ и перебиваемся...

— А какъ же вы-то, Парасковья Михайловна?.. Вы-то какъ же?..

— Что я?.. На-счетъ чего это?..

— А на-счетъ... всего... Тоже, чай, чѣмъ-нибудь для дома стараетесь?.. Къ чему-нибудь да приучены же?.. Какую ни на есть работу знаете?

— А какая моя работа?.. Сначала съ братинкой водилась... А тутъ, какъ онъ на ноги всталъ, я по мужинамъ въ нянькахъ жила, изъ хлѣба да изъ одежды... Годковъ тринадцати барыня одна небогатая выпросила-было меня у мамоньки въ услуженіе къ себѣ, общала всему научить... И ничего, не обижала меня, нечего сказать, житье мнѣ было не плохое, только и ученыхъ никакого не было: больше все на посылушкахъ, да на побѣгушкахъ, то подай, да въ этомъ прислужи... зимой въ комнатахъ, а лѣтомъ больше все около птицы... Чулки, правда, выучила вязать: обвязывала ее... навязала и невѣдомо сколько, поди, чай, и теперь мою работу носить!.. Прожила я у нея года съ полтора, а тутъ матушка опять меня взяла къ себѣ: корысти-то, говорить, отъ этого житья не много, а того смотри—избалуетесь одна, пропадете ни за грошъ: подростать очень ужъ я стала... А лучше же, говорить, я тебѣ жениха принцу достаточнаго, да выдамъ замужь... За бѣднаго, говорить, ни за что не отдамъ... Да вотъ богатые-то не больно сватаются: голую-то тоже никому не нужно, да и къ крестьянской работѣ, знаютъ, не сручна... Такъ-то вонъ подѣзжаетъ вашего брата много, своль угодно... И такіе есть лбдыри: проходу не дають!.. А чтобы по хорошему, по закону, въ-подъ святого вѣнца... были и такіе... да намъ не подходящіе...

— А какіе же?..

— Да какіе?.. Либо самому ѣсть нечего, либо пьяницы пропойные, либо вдовцы дѣтныя... Да, вѣдь, и тѣ: придуть да спрашиваютъ: одежда какая есть-ли, да что дѣлать умѣю?.. Мамонька, спасибо, ихъ скоро спроваживала: теперь ужъ узнали, давно и сватовъ не засылають..

— Парасковья Михайловна... Паранюшка... скажите мнѣ всю правду,—заговорилъ Федя нервѣнительнымъ дрожавшимъ голосомъ:—неужто же нѣтъ у васъ вовсе человѣчка такого... по мысли, по сердцу... чтобы и вы къ нему и онъ къ вамъ?.. Вѣдь,

этакая вы... важись, тутъ бы душу самую заложилъ, изъ жилъ бы потянулся... Ни на кого бы не посмотрѣлъ... никого бы не послушалъ!.. Неужто нѣтъ во всей округѣ ни одного парня, чтобы по сердцу вамъ... и онъ бы желаніе имѣлъ и вы... и въ законный бракъ?.. Вѣдь, такой другой нѣту, какъ вы!.. Какъ, чай, и изъ вашихъ ребятъ не найдись: видятъ тоже... А вы-то?.. Неужто ни къ кому нѣтъ у васъ сердца?.. Скажите вы мнѣ...

— А вамъ что?.. Зачѣмъ вамъ?..

— Нѣтъ, скажите вы мнѣ... Откройте... Мнѣ нужно!..

— Да зачѣмъ вамъ?.. Почто я буду сказывать... про всякое?..

— Нужно мнѣ!.. Очень нужно!.. Нѣтъ васъ лучше на бѣломъ свѣтѣ... И коли нѣтъ у васъ никого... коли вправду вы ни кому не общались... никого не любите... Скажите вы мнѣ всю правду... безъ утайки, безъ обману... Скажите, Паранюшка...

Федя морывисто пододвинулся къ Паранѣ.

— Вишь ты какой... пытается, ровно попь!.. Да на что вамъ?.. А вотъ не скажу...

— Вотъ мнѣ зачѣмъ... Я вотъ ни на одну дѣвку и не сматривалъ, и не говаривалъ, и не игривалъ ни съ одной... И не любилъ я ихъ и стыдился... Съ вами вотъ только... и самъ не знаю какъ... И не прожить мнѣ безъ васъ никакъ... Вотъ что... Ну, скажитесь же вы мнѣ: ни съ кѣмъ у васъ ничего не было, не любился вы, не любите?.. Паранюшка, передъ Богомъ прошу: развяжите вы мнѣ душу... признайтесь...

— Ну-ка, отстаньте и вправду... Вотъ пристагъ: запыталъ совѣтъ!.. Стану я ему все рассказывать!.. Ну, хоть бы и былъ, такъ что же изъ того?.. Кому какое дѣло?..

— Былъ?..— вскрикнулъ Федя и вдругъ поблѣдѣлъ, какъ полотно, и точно кѣмъ оттолкнутый, невольно отодвинулся отъ Парани.

Та смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Такъ вамъ-то что же? Не вамъ изъяснѣ.. Былъ ли, нѣтъ ли—мое дѣло, ни чье...—говорила Парани.

Федя сидѣлъ передъ нею, не смотря на нее, опустил внизъ голову. Капли пота струились по его холодному лбу, въ вискахъ стучало. Сердце у него точно кто сжалъ тисками, такъ ему было больно.

— Видишь ты: даже сомлѣлъ весь!..—проговорила Парани съ улыбкой.—А можетъ и не было ничего, можетъ и парня такого не бывало?..

Федя поднималъ робкій, почти умоляющій взглядъ на ее улыбающееся лицо.

— Нѣтъ, да вы мнѣ всю правду скажите... Не тиранъ ты меня, Параня...

— Да что вамъ?.. Экой привередливый какой!.. Что вамъ-то?..

— А вотъ что мнѣ... Коли никого ты не любишь, ничего у тебя ни съ кѣмъ не было... Видишь ты: хоть я и при отцѣ живу, и батюшка, пожалуй, не дастъ мнѣ благословенья на тебѣ жениться... Да, можетъ, я и не богатъ про тебя... и твоя мать тебя за меня не пуститъ... Но коли ты мнѣ пообѣщаешься, я срученъ ко всему, пойду въ люди, промыслить слумѣю... И деньги у меня будутъ... Я не пропаду, сдѣлаюсь человѣкомъ — я знаю... Только ты пообѣщайся мнѣ да подожди годикъ-другой... Мы хоть не бѣдные и въ достаткахъ: у насъ и домъ, и хлѣба, и скота всякаго довольно... да все въ батюшечьихъ рукахъ, да у старшаго брата... я меньшей... И батюшка тоже работницу будетъ мнѣ искать, чтобы и въ дому, и въ полѣ работала... да я не посмотрю ни на кого и никому не поклонюсь: все самъ про себя промыслю, только пообѣщайся мнѣ да дай срокъ... Вотъ, Параня, коли любовь я тебѣ... да вправду нѣтъ у тебя никого... А коли есть...

— Да, нѣту, нѣтъ... отступись!..

— А, можетъ, было?.. Параня, признайся, не обманывай лучше...

Лицо Оеда опять изображало внутреннее страданіе и страхъ.

— Да, нѣтъ же... отстань!.. Пошутила только я... Спитать захотѣлось тебя... Развѣ я не вижу?.. Давно вижу...

— Такъ я развѣ любовь тебѣ, по-душѣ пришелся?... — вскричалъ Оеда, и вдругъ бросился, обнявъ и сталъ цѣловать Параню, точно сумасшедшій. Та съ большими усилиями освободилась изъ его рукъ и отошла отъ него съ притворной досадою, приглаживая волосы и поправляя на себѣ платье.

— Вишь ты, оглашенный: развѣ такъ-то можно?.. Ты еще не женихъ вѣдь, чай... Ну, кто въ окно заглянулъ бы, что подумаютъ... Ровно чумной, право!..

Она открыла окно и просунула чрезъ него свое раскраснѣвшееся лицо.

Оеда нѣкоторое время сидѣлъ неподвижно, ничего не понимая, не сознавая, кромѣ счастья, которое широкою струею наполнило его сердце.

— Параня, подь сюда..., — проговорилъ онъ, наповоцѣ.

— Да, какъ же... такъ и пошла!.. Больно ты прытокъ: ничего не видя, ужъ... Вдругорядъ тронешь — вѣтъ нѣтъ прогони!..

— Не трону больше... коли не велишь...

— А теперь я, нешто, велѣла?...

— Мнѣ Дарья Тихоновна еще прежде того общала..., — пошутить Феда.

— Ну, такъ съ нею и спрашивай... Знаю, братъ, я: она мнѣ говорила, да я не больно люблю по заказу-то: нешто велѣла тогда, ушелъ ни съ чѣмъ... А съ сикодору-то еще и подавно... На смерть не люблю!... Еще про людей спрашиваетъ, а самъ что дѣлаетъ... Вотъ этакой привяжется: что тутъ дѣвѣя сдѣлаетъ, коли одинъ на одинъ?..

— Такъ, вѣдь, я ни съ чего-нибудь: я съ радости, что думалъ: любишь... Ну, не сердись, Параня.. Слышь: въ первый и въ послѣдній разъ... до самой свадьбы не трону!..

— Свадьба-то еще на водѣ вилами писана...

— Это, можетъ, у тебя, Параня, а у меня на сердцѣ припечатана... Да, поди, говорить, сядь сюда... Поговоримъ...

— Объ чемъ еще говорить-то?... —спросила Параня, садясь въ сторонѣ отъ Феда.

— А, вѣдь, ты же мнѣ не общалась еще, что подождешь-то меня?...

— Я буду ждать, а тебя женить...

— Ну, нѣтъ ужъ, ты объ этомъ не думай: и прежде того я бы не дался по неволѣ женить-то, а теперь и подавно!..

— Ну, такъ меня матушка выдастъ...

— А ты не ходи... Нынче не прежнее время: и вашу сестру, дѣвку, нельзя насильно выдать...

— Хорошо говорить-то... А какъ не пойдешь? Пить, ѣсть нечего, а тутъ посвадается какой вольготный женихъ, матушка велитъ идти: какъ не пойдешь-то?...

— Такъ отдастъ ли она тебя мнѣ теперь?

— Не знаю... На врядъ ли..., особливо коли отецъ твой не наградитъ тебя и не отдѣлится... Въ домъ къ вамъ не пуститъ, да я и сама не пойду... Вотъ развѣ, что ты у старшины живешь, и въ родствѣ онъ съ вами, развѣ онъ самъ пріѣдетъ, да пообщаетъ, что наградитъ тебя... и домъ тебѣ особый поставитъ... Ну, тогда, можетъ, отдастъ... И то не знаю...

— Мнѣ не хотѣлось никому говорить-то, никѣмъ одолжаться... Да у старшины, Федота Семенича, своя семья... Гдѣ ему меня награждать...

— Ну, такъ какъ же быть-то?..

— Я бы самъ себѣ все промыслилъ, только бы ты меня подождала, коли любишь...

— Да, я подождать—подожду, коли никто не навязется, да жить будетъ чѣмъ...

— Ужъ я самъ не доѣмъ, не досплю, а васъ не покину: буду всячески поддерживать, только дайте мнѣ опереться-то... Говорить ли мнѣ Дарьѣ-то Тихоновнѣ про наши лады?...

— Нѣтъ, лучше не говори... Она, вѣдь, думала, ты богатый, что такъ деньгами-то кидаешь: тогда ничего не видя на ученье-то Ванюшиѣ даль...

— Я тогда останные отдалъ...

— Да чѣмъ ты думаешь промыслять-то?... Не пустые ли то разговоры только?...

— Нѣтъ, не пустыне!.. У меня мастерство есть въ рукахъ на счетъ строительной части и машинъ разныхъ... Только бы меня вотъ изъ дома пустили, а тутъ доберусь до купцовъ, на фабрикахъ: буду знать, что дѣлать, у меня изъ рукъ ничего не вывалится... Ужъ только подожди, золото мое, Параня, буду я тебѣ женихъ и мужъ не кое-какой... Тогда и Дарья Тихоновна мной не побрезгаетъ!.. А это я ей скажу, чтобы она во всякой нуждѣ, когда деньги будутъ нужны, чтобы мнѣ кучилась безо всякаго сумнѣнія... Это я ей молвлю...

— Это молви, пожалуй...

— Ну, такъ такъ, Параня, золото ты мое, сердце ты мое, красота ты моя писанная, моя ты будешь?... Ни за кого не пойдешь окромѣ меня?... Будешь ли ты меня любить-то, какъ я тебя?...

— Да, вотъ еще какъ ты-то меня любишь: я посмотрю... Всѣ вы на языкъ-то города берете: васъ послушай только...

— Параня!.. Да вотъ какъ: прогони ты меня даве, или вправду скажи, что другой тебѣ любъ... ужъ не знаю, сжить ли мнѣ... Какъ даве это сказала про другого-то парня, такъ, вѣришь ли, свѣта бѣлаго не взвидѣлъ, а за сердце-то, ровно кто ухватилъ ногтями да и дереть вонъ изъ груди... Лучше бы, не въ примѣръ легче, кабы мнѣ каленымъ желѣзомъ гѣло жгли, нечѣмъ это слышать!.. А каково мое сердце къ тебѣ: такъ вели мнѣ сейчасъ... ну, что хошь вели—все сдѣлаю...

— О-о?...

— Право, ей-Богу... Ну, вели, попробуй...

Но Параня не успѣла отвѣтить: въ избу вошла ея мать, и разговоръ прервался.

VII.

Среди своихъ воспоминаній Федя и не замѣтилъ, какъ дошелъ до перекрестка. Впереди у него лежали двѣ дороги: одна привела бы его въ Онучино, другая — была въ Ступино, гдѣ жилъ Федотъ Семенычъ. Онъ шелъ изъ дома прямо въ послѣднему, но образъ Парани такъ ясно всталъ теперь передъ нимъ, такъ манилъ его къ себѣ, что онъ невольно пошелъ по дорогѣ въ Онучино.

«Вотъ не ждешь, вотъ не чаешь!... Вотъ обрадуется!...» думалъ онъ, идя, а у самого сердце такъ и прыгало въ груди, такъ и подталкивало его ускорять шагъ, бѣжать скорѣе впередъ. Ужъ сколько времени не видались-то?... Что-то она, моя голубка, подѣлываетъ, чтó подумываетъ обо мнѣ?... Ну-ка безъ мала два мѣсяца ни слуха, ни духа, ни вѣсточки нивавой... Никавъ изъ дома было не согласно уйти, ничего не придумаешь: куда сказаться-то... Это не то, чтó у Федота Семеныча жилъ: шелъ куда хотѣлъ, никто не спроситъ, куда, да зачѣмъ, самъ ровно большой... У насъ дома не украдешься: и батюшка, и братъ, все на работѣ, и ты съ ними стой объ руку... И въ праздники пошелъ гулять, такъ спросать: куда да скоро ли воротиться?.. Ну-ка—два мѣсяца!.. А что я имъ тотъ разъ только два рубля и принесъ... Поди-ка, чай, подошли, бьются, нуждаются!.. Обѣщаль поддерживать, а денегъ и у самого-то нѣтъ... Съ чѣмъ придешь?.. Попросать: чтó скажешь?..

Федя остановился и оглянулся. Солнце опустилось уже низко: придешь въ Онучино къ самому закату, а тутъ ночь... Не ночевать же у Парани—не складно!.. А придешь къ Федоту Семенычу ночью, пожалуй, послѣ съ домашними перевѣдаются: какъ такъ, гдѣ былъ?... Пускай, я теперь вольный казакъ,—отпущенъ на всѣ четыре стороны, а все не складно: спрашивать стануть... Да и надо сначала съ Федотомъ Семенычемъ повидаться: чтó скажетъ, чтó посоветуетъ, можетъ—не дастъ ли еще помощи какой, что обѣщаль... Тогда и къ нимъ идти будетъ вольготнѣе... И пойду съ-утра, весь день просижу у нихъ!..

Федя вздохнулъ и рѣшился перейти на дорогу въ Ступино. Онъ оглянулся назадъ: не долго, кажись, шелъ, а перекрестокъ былъ уже далеко позади.

«Вотъ бы какъ добѣжалъ—однимъ духомъ, одной минутой!»... подумалъ онъ, снова вдыхая и сворачивая въ поле, чтобы перейти напрямикомъ на другую дорогу. Лицо его затуманилось;

голова опустилась; онъ шелъ уже медленнымъ, ровнымъ шагомъ. Мысль его перешла къ Ѳедоту Семенычу, къ послѣднимъ днямъ пребыванія у него. Разъ онъ возвращался домой изъ Ступина, счастливый, довольный, полный одною думою о Паранѣ. Все шло хорошо и радостно. Параня, видимо, любила его, считала женихомъ, и готова была терпѣливо ждать того времени, когда ему можно будетъ жениться на ней. Дарья Тихоновна всегда встрѣчала его привѣтливо, очевидно считала своимъ, почти роднымъ, не стѣсняясь говорила о своихъ нуждахъ, не стѣсняясь принимала отъ него гостинцы и деньги; а онъ-то какъ былъ счастливъ, когда могъ услужить матери своей возлюбленной Парани!.. Правда, мудрому ему было доставать деньги: надо было выдумывать работу, работать по ночамъ и по праздникамъ; но и работа эта никогда не была ему такъ легка и пріятна, какъ теперь — для известной, опредѣленной цѣли. Въ этотъ разъ Параня сама, втихомолку, такъ, чтобы не видала мать, безъ его просьбы, поцѣловала его, и Дарья Тихоновна также потихоньку отъ дочери призналась ему, что ей крайность въ пяти рубляхъ... Ѳеда далъ слово, что принесетъ черезъ недѣлю и теперь обдумывалъ, какъ бы и на чемъ выработать ему эти деньги, и что дѣлать, если въ назначенному имъ сроку денегъ не будетъ.

«Ужъ хоть займу, а принесу безпрѣмѣнно. Слово свое держать надо»... думалъ Ѳеда.

Онъ шелъ уже улицей своей деревни и приближался къ дому Ѳедота Семеныча, какъ вдругъ столкнулся съ сестрою Анной, которая была замужемъ за сыномъ Ѳедота Семеныча, Кирилой. Анна была расстроена; глаза ея заплаканы; въ рукахъ она что-то держала и прятала подъ навиннутой на плечи верхней одежей.

— Куда ты, это, Анна? — оглянулся ее Ѳеда.

— Ахъ, батюшка, Ѳединька, что у насъ надѣлалось-то... Мой-отъ воротился, пришелъ...

— Кто? Кирила?

— Да, воротился, да никакой не хорошій, пьяный... И не узнаешь его...

Анна заплакала.

— Что же ты ревешь-то?

— Да, какъ не ревать... Почитай, три года не видала его... Пришелъ — чѣмъ бы путемъ поадророваться, да поговорить, а онъ... Мы съ матушкой увидели его, не вспомнились, заголосили, бросились къ нему... Ну, онъ съ матушкой еще и туда и сюда, хоть не какъ она, не больно ласково, а все ничего... А меня... батюшка, Ѳединька!... не то обнять, али изадророваться съ женой, а началъ

ругать, да срамить... да скверно, скверно таково!... Не жена, говорить, ты мнѣ, а супротивница: не то, что въ бѣдѣ прикрыть, а еще сама людей на меня навела, въ тюрьму упрятала... Помнишь, какъ онъ бѣгалъ-то тогда, да въ лѣсу прятался, а мнѣ заставилъ меня вести да показывать его: гдѣ онъ спрячется-то... Вотъ онъ теперь съ этого самаго... Да и въ острогѣ, говорить, сидѣлъ, много ли жена объ мужѣ порадовалась: и въ глаза не видать, куска не принашивала... Тамъ чужіе люди не оставляютъ, одѣляютъ, а обо мнѣ и свои кровные, и жена позабыла... Я, было, кинулась ему въ ноги, завопила: батюшка, молю, Кирюшенька, не моя-то воля—родительская... Какъ я въ тебѣ пойду, коли ты за-сто верстъ сидѣлъ, а родитель идти не приказывалъ?.. Не своей волей живу: сама подначальная... Прости ты меня, Христа-ради, прости мою вину передъ тобой подневольную!.. Знаешь, вѣдь, ты, батюшка Феденька: сколько разъ я молила, просила батюшку-свекра, —пусти побывать, мужа провѣдать въ острогѣ, слезьми просила—знаешь! А что же мнѣ дѣлать, коли батюшка-свекоръ у насъ такой: и думать, говорить, не моги! Коли, говорить, самъ себя подъ казнь подвелъ, коли судъ ему это присудилъ — въ казематѣ сидѣть, такъ пускай и высидитъ, чтобы въ науку ему и напередъ было, чтобы не думалъ онъ, что и отецъ ему мирволить... Ну, что мнѣ было дѣлать: не убѣгомъ же убѣжать... Да хоть бы и убѣжала, что бы я безъ денегъ-то подѣлала: какую ему помощь?... И до города-то бы не добралась... Все это ему стою на колѣнкахъ, воплю, да докладываю... Можетъ бы и смиловался, и простилъ... да надо было тутъ матушкѣ словцо подсказать: «до тебя ли, говорить, имъ было, батюшка, они тутъ съ Феденькой хозяевами жили, —что хотѣли, то и дѣлали!..» Какъ скочить онъ съ этихъ ея словъ, да началъ бить меня... Знаю, говорить, я все знаю, что вы съ Феденькой старика въ руки совсѣмъ забрали... Вы думали: ужъ вовсе меня заперли, одни царствовать, величаться остались, анъ вотъ нѣтъ—воротился!... Будетъ ужъ мнѣ подъ началомъ жить, изъ-подъ чужой руки глядѣть, теперь поживите подъ моимъ началомъ... Не то вамъ съ Феденькой, старику теперь не уважу!.. Будетъ ужъ, довольно!..

— Да гдѣ же старикъ-отъ самъ? Федотъ-то Семеничъ?

— Нѣтъ его, не бывалъ еще... Уѣхалъ въ волость, да и не бывалъ до сей поры... Видно, за дѣлами... Федя, ужъ я не знаю какъ тебѣ-то быть, хоть бы и домой не ходить, позамъ до Федота Семенича, а то онъ прибѣдетъ тебя, изсрамить, вонъ выгонитъ...

— Ну, еще прибѣть-то какъ придется... А гнать ему мени нечего, я и самъ уйду... Опять же я не у него живу,—у Федота Семеныча...

— Да срамъ, батюшка, срамъ: драка промежъ васъ видѣть, бунтъ... Хорошее ли дѣло... Ты хошь бы ужъ не казакъ: въ сарай, что ли, али куда ушелъ, до Федота-то Семеныча... Вотъ и теперь-то пьяненокъ ужъ: не столь самъ, своль вино въ немъ бушуетъ... А послалъ, велѣлъ купить еще полштофа... Вотъ и бѣгу, и посудину несу... Не знаю какъ и въ кабакъ-отъ войти, —стыдобушка, не бывала я отродясь, а не смѣю, боюсь не идти-то...

— Федотъ Семенычъ осердится, узнаетъ, что ходила... Знаешь: не любить этого, смерть... Не ходи...

— Да какъ, Федянушка, нейти-то!.. Боюсь... Убьетъ!.. Посмотрѣлъ бы ты на него: какой онъ сталъ!.. Впрямь что острожничекъ: худой, да черный, невытѣй, рваный... злой никакой!.. И жалко-то мнѣ его, и страшно... Не столь мнѣ больно, что плюхъ надавалъ, своль видѣть его, этакого...

— А все-жъ тебѣ въ кабакъ идти не приходится... Въ нашемъ роду этого не бывало, чтобы бабы за водкой въ кабакъ бѣгали... И что ты ему принесешь водки? И безъ того, говоришь, пьянъ, бушуетъ... А тутъ еще напьется... чтò будетъ?.. чтò онъ надѣлаетъ?..

— Да что же мнѣ дѣлать-то, Федя?.. кричить, вѣдь, на весь домъ: водки подай, а то все разнесу... Матушка сейчасъ денегъ даетъ, посылаетъ меня и онъ приказываетъ... Какъ же я мужа не послушаю, особливо теперь, коли я передъ нимъ виновата... Да мнѣ, кажись, въ избу-то не войти безъ водки...

— Да пойдѣмъ со мной, ужъ я въ обиду не дамъ, либо спрячусь, не приходи вовсе домой до Федота Семеныча...

— Чтой-то, Федя... Женѣ ли отъ мужа прятаться?.. Да и гдѣ же вамъ, хотъ тебѣ, хотъ батюшкѣ, меня отъ мужа ухоронить... Разъ оборонишь, вдругорядъ за то вдвое достанется... Нѣту, родной, мнѣ съ мужемъ-то, вѣдь, вѣкъ жить... Отъ мужа никто жену не оборонитъ... не супрачетъ... Нѣтъ, ужъ чтò будетъ, а я побѣгу. А вотъ ты-то какъ?... У васъ съ нимъ такъ безпремѣнно здоръ видѣть...

— Такъ вотъ коли чтò мы сдѣлаемъ... Ты посиди здѣсь гдѣ, подожди, а я давай сбѣгаю за водкой, да послѣ вмѣстѣ и пойдѣмъ, точно такъ сошлись по дорогѣ. А ужъ все же я тебѣ въ кабакъ не пушу.

— Нѣтъ, ужъ гдѣ мнѣ тутъ сидѣть: и я съ тобой пойду,

только ты въ кабагъ-отъ взойди, двъ водки-то купи, а я около подожду.

На этомъ согласились и пошли вмѣстѣ.

Въ Ступниѣ не было кабака, надо было идти версты за полторы въ другую деревню и Анна почти бѣжала туда и назадъ, увлекая за собою брата: она торопилась поскорѣе исполнить приказаніе мужа.

Когда они возвращались домой, Федота Семеныча все еще не было.

Робко, со штофомъ въ рукахъ, входила Анна въ избу, въ сопровожденіи брата. Кирила лежалъ на лавкѣ; въ головахъ у него сидѣла Федосья Осиповна, перебирала руками его волосы и что-то тихо ему рассказывала. Федя остановился за полуотворенными дверями, желая узнать, какъ встрѣтитъ мужъ жену и что между ними будетъ.

— А-а... — вскричалъ Кирила, увидя жену. — Что, принесла ли?

— Принесла, принесла... — торопливо отвѣчала Анна.

— Что долго? Сказалъ: бѣгомъ...

— И то бѣгомъ, Кирила Федотычъ: бѣгомъ бѣгала...

— Ну, подавай, что ли, скорѣй... да закуски...

— Чего закуски-то прикажешь?..

— Чего? Всего... всего подавай, что есть... Вы здѣсь жрали мое съ братцомъ-то своимъ, не жалѣли, а я на Антоніевой пищѣ сидѣла... Всего подавай, живо!.. Я васъ, погоди... ублаговторю всѣхъ!.. Поблагодарю за все, про все... Вишь, ты, — думали, вздохну... Нѣтъ, пришелъ... Погодите у меня, дайте срокъ... Ну же, ворочайся!..

Анна суетилась молча и, дрожащими руками, не смѣя взглянуть на мужа, ставила на столъ хлѣбъ, солонку, молоко и все, что осталось въ печи отъ обѣда...

— Яишенку не толкнуть-ли?.. — спросила она робкимъ голосомъ. — Али, можетъ, самоварчикъ поставить?..

— Давно бы, кажется, пора... Чай, тутъ чайничали, самоварничали, съ братцомъ-то, ежедень... Ишь ты хозяйина какого, строителя, къ моему добру привела!.. Много ли переправила въ Чернушки-то?.. Чай, возами возили: тамъ ртовъ-то много, есть кому жрать... Однихъ племянниковъ прокормить такъ своль нужно... Ай да жена!.. Вотъ мужу радѣльщица!.. Погоди ты у меня!.. Будешь помнить... Какъ ты смѣла въ моемъ дому брата хояинномъ дѣлать?..

Кирила застучалъ вулакомъ по столу. Глаза его злобно

слѣдили за Анной и съ каждымъ стаканомъ воды, который онъ проглатывалъ, злость эта, повидимому, возрастала. Ѳедосья Осиповна очевидно, во все время отсутствія Анны, жаловалась Кирилѣ на нее и на Ѳеда, и теперь со злорадной старческой улыбкой ядовито посматривала на нее.

— Я тебя спрашиваю, — приставалъ Кирила къ женѣ, возвышая голосъ: — кто тебѣ позволилъ мнѣ добромъ распоряжаться? Матушку ото всего оттерли, ключи отобрали, не давали ей ни гроша послать, чужого человѣка въ домъ хозяиномъ пустили, сама съ нимъ таскала, къ роднымъ переправляла... Что молчишь?.. Отвѣчай, коли спрашиваю... подлая ты этакая!..

Кирила съ угрожающимъ жестомъ поднялся съ лавки.

Ѳеда больше не могъ сдерживать себя и вошелъ въ пѣбу.

Кирила остановился, увидя его. Они молча нѣсколько секундъ смотрѣли другъ на друга: Кирила злобно и нахально, Ѳеда стараясь сохранить спокойствіе и побѣдить внутреннее волненіе.

— Ахъ, хозяинъ!.. — съ хохотомъ проговорилъ, наконецъ, Кирила, не двигаясь съ мѣста.

— Здравствуй, Кирила Ѳедотычъ... Съ прибытіемъ..., — говорилъ Ѳеда и протянулъ-было руку, чтобы поздороваться, но тотчасъ же опустилъ ее.

— Не обезсудьте, хозяинъ господинъ, — говорилъ Кирила: — что безъ вашего позволенія въ домъ вошелъ и вотъ угощеніе получаю... Прохожій человѣкъ, чужестранный, острожный житель... Позвольте пристать, ночку переночевать, господинъ хозяинъ!.. Не лишите вашего покровительства, не оставьте безъ крова, безъ призора, не прикажите на улицу, какъ собаку паршивую, выгнать... А, господинъ хозяинъ?..

Ѳеда не могъ выносить вызывающаго нахальнаго взгляда Кирилы, давно отворотился отъ него, но все еще сохраняя внѣшнее спокойствіе, сѣлъ въ сторонѣ на лавку. Онъ взглянулъ на сестру и видѣлъ, какъ она была блѣдна и дрожала.

— Какой же я хозяинъ... — спокойно отвѣчалъ Ѳеда. — Здѣсь хозяинъ Ѳедотъ Семенычъ, твой родитель, а я только работникъ у него... Чтò онъ мнѣ прикажетъ, то дѣлаю: служу ему...

— Вотъ какъ!.. — сказалъ Кирила, нѣсколько озадаченный спокойствіемъ Ѳеди, и притворно захохоталъ. — Теперь ужъ и не хозяинъ... Поджалъ хвостъ-отъ!..

— Какой ужъ работникъ! что говорить-то!.. — вѣшалась Ѳедосья Осиповна. — И амбаръ у него на рукавѣ, и всѣ ключи у него... Идетъ куда хочетъ, беретъ чтò знаетъ... Получай что выдстъ... изъ милости...

— Это, Федосья Осиповна, опять же все отъ Федота Семеныча: приказалъ ключи взять—вовьму, что скажеть выдать—выдамъ... А вамъ грѣхъ сказать, чтобы я вамъ немочтенье какое показывалъ... Чтѣ я, чтѣ сестра, всегда во всемъ съ вашего спроста...

— Да, спрашивали вы!.. Можеть и спрашивали, воли знаете, что у меня воли-то ни на что нѣтъ, а все въ вашихъ рукахъ... Этотъ спрость-отъ хуже ругани... Надсмѣшка одна!.. Сами знаете: какъ его взяли тогда, а ты поступишь, такъ я и отказалась ото всего...

— Такъ это ваша же добрая воля была... а не наша вина... А чтѣ я, чтѣ сестра, никогда тебѣ ни въ чемъ не супротивничали, Федосья Осиповна... Это грѣхъ тебѣ и сказать...

— Такъ, стало-быть, воли ты работникъ въ моемъ дому,—вмѣшался опять Кирила,—такъ ты должень мнѣ служить... Что же ты сидишь передо мной?.. Ты встань, да служи: вотъ самоваръ сворѣй наставляй, да подавай мнѣ во всемъ отчетъ...

— Самоваръ я тебѣ наставляю съ моимъ удовольствіемъ и послужу, потому ты несчастный человѣкъ, опять же съ дороги, усталъ... А отчетъ-то, ужъ воли спрашивать станеть, я настоящему хозяину подамъ, отъ коего поставленъ, а не тебѣ...

— Такъ ты не думаешь ли, что ты и теперь, при мнѣ, здѣсь будешь начальствовать, да распорядяться?.. А?.. Тебѣ, чай, хорошо здѣсь было около чужого-то сусѣка?.. Ну, братъ, я не дамъ тебѣ командовать, шалишь... Мнѣ про себя нужно...

— И безъ тебя я ничего не командовалъ, и при тебѣ мнѣ не лестно... Жилъ потому, что сродственники: Федота Семеныча, да сестру было жалко... Вотъ только потому!.. А что это ты говоришь про чужой-то сусѣкъ, такъ я не нуждаюсь: у насъ своего довольно и по чужимъ сусѣкамъ я лазить не свычень... Напрасны твои слова... и въ обиду ихъ себѣ даже не принимаю, потому не пристали они ко мнѣ... Сказалъ бы я тебѣ больше въ отвѣтъ, Кирила Федотычъ, только что Богъ съ тобой: старымъ не попревають...

— Что старымъ? Что старымъ? Что ты такое можешь со мной говорить?.. Тебя, вонъ, въ чужомъ дому хозяиномъ сдѣлали, во всему припустили, а я при отцѣ жилъ, ровно изъ чужой семьи, ни въ чемъ воли не имѣлъ, своей копѣйки за душой не было... Воромъ ты меня попрекаешь... Ну, воръ!.. А отъ кого воръ?.. Отъ своего же родного отца... Онъ меня воромъ сдѣлалъ!.. Онъ!.. Меня судъ судилъ... Самъ защитникъ на судѣ говорилъ, что я отъ отца пропадаю, что онъ не по закону со мной поступагъ: женатый я

былъ человекъ, а въ своемъ дому не хозяинъ, все изъ-подъ отцовской руки смотрѣлъ... копѣйки мѣдной на гулянку своей не имѣлъ... А ты что же мнѣ за судья таковой?.. Что ты меня попрекать-то вздумалъ?.. Откуда ты взялся?.. Кто тебя къ моему дому приставилъ?.. Я здѣсь хозяинъ... а не ты!.. Что ты въ самъ-дѣлъ... ты ступай вонъ, а не то я тебѣ бока намну, а твою родную сестру со свѣта съживу... Вонъ, говорятъ!..

Кирила поднялся на ноги въ угрожающей позѣ. Федя тоже всталъ и чувствовалъ, что ему надо сдѣлать надъ собою большое усиліе, чтобы избѣжать драки: кровь въ немъ кипѣла и то прилиwała къ сердцу, то выдалась въ голову.

— Не куражься, Кирила..., — говорилъ онъ неровнымъ голосомъ.—Я тебя не боюсь и бока намать тебѣ не удастся: еще неизвѣстно кто кого... А только-что я сраму этого, драки, въ дому Федота Семеныча не желаю: я и такъ уйду... Не думай, мнѣ не лестно,.. только-что ты напрасно сестру обижаетъ, она ни въ чемъ не виновата, и бить ее безъ пути грѣшно, хоть она и жена тебѣ... Я уйти уйду, завтра же уйду, вотъ только бы Федотъ Семенычъ пріѣхалъ, а только-что я тебя просьбой и честью прошу: ты сестру Анну у меня не трогай, не бей... Она человекъ смиренный, ни въ чемъ передъ тобой не причинна... За что ее обижать?..

— А-а, не любишь?.. Нарочно бить буду: съ тѣмъ и ступай... Слышалъ? Вотъ нарочно, безъ всякаго, на зло тебѣ колотить стану... Я тебя, подхалиму провлятаго, на-смерть не влюбилъ еще и за-прежде... Весь родъ вашъ подлый, океанный!.. Потихоня, смиренникъ краснорожій!.. Вишь, рожу-то отъѣлъ на моихъ хлѣбахъ!.. Вотъ нарочно, у тебя на глазахъ колотить ее начну...

— Ну, ты слушай, Кирила Федотычъ, ты не похваляйся этакъ-то... Я свою кровь въ обиду не дамъ... Я тебѣ сказываю: просьбой прошу,—не тронь жены, а будешь обижать—худо будетъ!.. Федосья Осиповна, не вели ты ему...

— Да не то, что не вели..., — вскричалъ Кирила. — А всю ее измозжу, въ клочки изорву... Вотъ тебѣ!.. Вотъ тебѣ!.. Вотъ смотри, потихоня ты, подлый... При тебѣ вотъ изувѣчу, какъ душа моя желаетъ...

Кирила съ поднятыми кулаками пошелъ къ Аннѣ, которая стояла ни жива, ни мертва, прижавшись въ уголокъ, и, покорно опустивши голову, точно жертва ждала своей участи. Тутъ Федя не помнить, что съ нимъ сдѣлалось: какъ онъ бросился на Кирилу, долго ли онъ съ нимъ боролся; но когда онъ пришелъ въ

себя, то увидѣлъ подъ собою стонущаго, окровавленнаго Кирилу, почувствовалъ свои волосы въ остервенѣвшихъ старческихъ пальцахъ Федосьи Осиповны, которая не плакала, а какъ-то злобно визжала, всхлипывала и изо всѣхъ силъ тащила его за волосы, откуда-то, точно издалека, слышался ему неясный, хриплый голосъ Федота Семеныча. Когда Федя освободилъ свою голову изъ рукъ старухи и поднялся на ноги, онъ какъ въ туманѣ разсмотрѣлъ опрокинутый столъ, разбитую посуду, плачущую на скамьѣ Анну и высокую фигуру Федота Семеныча, который стоялъ среди избы, съ испуганнымъ, изумленнымъ лицомъ. Федя не слышалъ, какъ подѣхалъ и вошелъ въ избы Федотъ Семенычъ.

— Что такое? Что случилось?... Федя, Федя... — кричалъ Федотъ Семенычъ. — Кто это? Съ кѣмъ ты?...

Въ избѣ было темно. Федосья Осиповна вyla; Анна на взрыдъ плакала; Федя едва переводилъ духъ и не могъ проговорить слова. Федотъ Семенычъ наклонился къ лежащему на полу человѣку, который сталъ подниматься, и, разсмотрѣвши его, отскочилъ чуть не съ ужасомъ.

— Сыны!.. Кирила!... — не вскричалъ, а какъ-то простоналъ Федотъ Семенычъ и размахнулъ въ стороны руками, какъ-бы ища за что ухватиться. Онъ чувствовалъ, что ноги у него дрожать и подгибаются. Пошатываясь, дотащился онъ до лавки и рухнулся на нее.

Кирила приподнялся на рукѣ, диво, злобно оглядѣлся и сѣлъ на полу, гдѣ лежалъ. Лицо его было окровавлено; онъ провелъ по немъ рукою, посмотрѣлъ на кровь, приставшую къ ладони, и протянулъ ее къ отцу.

— Здравствуй, родитель-батюшка... Радъ-ли сыну?... Вона какъ встрѣчаешь его въ своемъ дому родительскомъ... Съ перваго прихода бьютъ, увѣчатъ... Смотри, любуйся!.. Въ острогѣ сидѣлъ сынъ-то: тамъ не били, не кровянили, а вотъ въ родительской домъ пришелъ, угощенье первое получилъ!.. Смотри-ка...

Онъ мазнулъ себя по лицу другою рукою и также окровавилъ ее и показывалъ отцу.

— Вотъ, на что лучше... Угостили!.. Спасибо, родитель-батюшка!.. Мало тебѣ, что до острога сына довелъ... Въ ваторгу бы, вѣдь, нужно по настоящему, потому поджигатель!.. Такъ тебѣ и хотѣлось, да не удалось: спасибо чужіе люди защитили... Такъ вотъ теперь въ острогѣ отсидѣлъ, не извелся вовсе, не издохъ тамъ, живъ воротился, такъ дома, видно, родитель-батюшка, до гробового конца довести хочетъ... Мало, что родному

сыну, женатому, никакой воли въ дому не было, а чужому, со стороны, весь домъ и мать подь началъ отдасть, еще и убить, видно, сына-то подготовилъ... Какъ, дескать, вернется, такъ и доконать его до конца... Кормилъ-поилъ на моихъ-то хлѣбахъ, откармливалъ нарочно борова, чтобы въ силу вошелъ, а я вѣдь, на казенныхъ харчахъ-то былъ, изнурѣлъ, обезсилѣлъ... Гдѣ мнѣ съ нимъ теперь бороться... Да вотъ Богъ не привелъ еще, не потрафилъ въ вонецъ-то: промахнулся... Еще бы, еще бы маленько за глотку-то подержалъ—и паръ бы вонъ... Спасибо, родитель, какъ не благодарить: постарался для сына!.. Только бы слово сказать міру—отъ всякаго бы суда-отвѣта ослободили, а онъ самъ репортъ посылаетъ, жену противъ сына-то подучаетъ, чтобы выдала, да еще братца женинаго въ домъ беретъ, все ему препоручаетъ, только бы сына родного извести, какъ востанется...

— За чтò, Господи, за чтò такое Твое наказаніе, мнѣ грѣшному!... — всплеснувши руками вскричалъ Ѳедотъ Семенычъ, и съ воплемъ опустилъ голову на руки.

Ѳедя всей душой сочувствовалъ старику и жалѣлъ его: онъ понималъ, чтò происходитъ у него въ душѣ, подошелъ къ нему, но не находилъ словъ въ утѣшеніе; онъ сознавалъ себя какъ-бы виноватымъ передъ нимъ, готовъ былъ бы на все, чтобы успокоить старика, но не зналъ, что дѣлать.

— Ѳедотъ Семенычъ!.. Ѳедотъ Семенычъ!.. — лепеталъ онъ едва слышно, наклоняясь къ нему, трогая его то за плечо, то за локоть.— Полно!.. Ну, полно!..

Минутная вспышка злобы противъ Кирилы улеглась уже въ душѣ Ѳеди: ему было стыдно и даже жалко его въ первыя минуты, когда онъ разсмотрѣлъ кровь на его лицѣ; но злобныя слова и ругательства Кирилы надъ отцомъ опять возбудили въ душѣ его ненависть и отвращеніе къ нему.

— Перестань ты, безстыдникъ,—обратился онъ къ Кирилѣ:— замолчи!.. Богъ тебя покараетъ въ вонецъ за отца... Не онъ тебя, а ты его изживаешь!.. Не тронулъ бы я тебя, кабы ты не надругался надъ сестрой, да не кинулся бить ее напрасно... Покорись лучше отцу-то... Дай его душенькѣ покой... А мнѣ не надо твоего ничего... Не думай!.. Завтра же уйду...

Кирилла отвѣчалъ ему на это одними ругательствами, и когда Анна подошла-было, чтобы помочь ему подняться съ полу, изо-всей силы ударилъ ее въ грудь. Анна застонала.

Ѳедотъ Семенычъ вдругъ поднялся на ноги.

— Одно мнѣ осталось,—сказалъ онъ, сурово обращаясь къ

сыну:—проклясть тебя, да не возьму я этого грѣха на душу... Думалъ—исправить тебя тюрьма, а ты еще хуже сталъ... Правда, что на ваторгѣ бы тебѣ слѣдъ быть по твоему дѣлу: хошь судъ тебя и оправдалъ, а, вѣдь, знаю, что ты деревню-то спалилъ... Ну, да видно Господь ждетъ еще отъ тебя исправленія... Воли тебѣ не было, воли нужно: ну, вотъ получай, бери вотъ домъ, скотъ, все хозяйство... Живи... Я тебѣ мѣшать не стану, только и жить съ тобой не хочу... Ѳеда, гдѣ у тебя ключи?.. Брось ихъ ему, да проводи меня: я въ волость покамъ поѣду, тамъ поживу хошь у писаря, либо у батюшки, отца духовнаго... на селѣ... Дадутъ мнѣ мѣсто... Только слушай: если ты будешь жену обижать и придетъ она, мнѣ пожалуется, или совсѣмъ въ корень домъ станешь разорять своимъ непотребствомъ, помни: приговоръ возьму у міра—на поселенье тебя сослать, коли живъ буду... Пойдемъ, Ѳеда... Прощай, Богъ съ тобой!.. Не дай Богъ тебѣ столь горя отъ твоихъ дѣтей видѣть, сколь я отъ тебя... Опомнишься, поваешься, приходи — прощу... Зла у меня противъ тебя нѣтъ... А жить я съ тобой больше не буду... Ухъ, Господи, поддержи!..—Прощайте...

Ѳедотъ Семенычъ вышелъ на дворъ, на улицу и сѣлъ тамъ на завалинку, пока Ѳеда запрагалъ лошадь. Къ нему приближалась Анна и безъ словъ съ воплями повалилась ему въ ноги.

— Ну, ступай, Анюшка, ступай къ мужу...—говорилъ Ѳедотъ Семенычъ.—Потрафляй ему сколь можешь, а смотри, изъ силъ выбьешься—приходи, скажи... Можетъ, Богъ дастъ, и въ самъ дѣлѣ: на своей волѣ будетъ жить и одумается, оправится... челоувѣкомъ сдѣлается... Можетъ, и въ самъ-дѣлѣ я, грѣшникъ, мѣшалъ ему своимъ взыскомъ да спросомъ... Нынче вонъ какой молодой-то народъ: на себя надѣются, волю почуяли: что ихъ круче, то они больше въ задоры!.. Умиѣ насъ стариковъ много!.. Ну, пусть и волю спытаетъ... А ужъ не управится, такъ на себя пеняй... Ну, ступай же, ступай, Анюша, подь къ мужу, подь!.. Прощай... Не замайте меня, не трожьте!..

VIII.

Собираясь провозжать Ѳедота Семеныча въ волость, Ѳеда думалъ, что ему придется утѣшать, ободрять и успокаивать старика, и былъ весьма удивленъ его спокойствіемъ и даже какъ будто веселостью. Ѳедотъ Семенычъ спокойно расспросилъ его о

всѣхъ подробностяхъ возвращенія сына и потому перевелъ разговоръ на Оедю.

— Спасибо, Оедюша, спасибо, малый,—говорилъ онъ,—послужилъ ты мнѣ, какъ сынъ родной... Никогда твоей послуги не забуду: во всякой часъ приходи ко мнѣ, ровно къ отцу, али къ брату... Переночуй сегодня со мной, а ужъ завтра съ Богомъ—къ отцу ступай... Чтѣ ты дѣлать-то будешь: дома станешь жить, али пойдешь куда?..

— Не знаю еще вотъ какъ батюшка, отпустить-ли... Извѣстно, что буду проситься... Что же, они безъ меня управятся, а я со своимъ мастерствомъ на сторонѣ бы, можетъ, больше заработаю...

— Поди, чай, не захочется свату отпустить тебя...

— Буду проситься... Что же и держать-то меня безъ пути... можетъ, счастья моего лишать...

— Да, вѣдь, кто его знаетъ, гдѣ оно счастье-то...,—сказалъ Оедотъ Семенычъ и вздохнулъ.—Человѣкъ думаетъ: такъ вотъ ему будетъ больно хорошо, анъ глядитъ: хорошаго-то и нѣтъ... Впередъ никакъ не узнаешь...

— Такъ то-то и есть, Оедотъ Семенычъ: и батюшкѣ-то не приходится меня держать по неволѣ, потому и онъ не знаетъ, гдѣ мнѣ будетъ лучше... А пускай же ужъ я самъ себѣ счастья буду искать, тогда ни на кого и не пожалуюсь: худо ли, хорошо ли—самъ про себя припасы!..

— А, поди, у отца-то намѣренье женить тебя поскорѣе, да мужикомъ сдѣлать... Чай, ужъ и невѣсту присмотрѣлъ... Да, вѣдь, и пора, Оедя!.. Это, вѣдь, онъ только для меня дѣлалъ, что не трогалъ тебя, а, вѣдь, ужъ пора бы женить-то тебя...

— Я не женюсь...

— Какъ не женишься?.. Что же ты, такъ болтаться хочешь?..

— Женюсь, коли самъ невѣсту найду по душѣ, по сердцу, а то и не надо...

— Такъ развѣ тебѣ, молодому парню, досмотрѣть такъ дѣвку, какъ отецъ досмотритъ: у васъ, молодыхъ ребятъ, извѣстно—только бы съ рожи видна была, то по вамъ и дѣвка, а вамъ до всего не дойти... какъ отецъ, старикъ, дойдетъ... Пускай ты парень смиренный, не видалъ я, чтобы за дѣвками-то бѣгалъ, а, вѣдь, есть такіе соколы, что онъ на первой встрѣчной женится... А ужъ, вѣдь, послѣ не развѣнчаешь...

— А это какъ же, Оедотъ Семенычъ, коли отецъ выберетъ невѣсту, да жениху-то не по мысли... Неужто и жениться, а

послѣ вѣкъ плавать?.. Нѣтъ, по-мнѣ, кому съ вѣкъ жить, тѣ сами другъ дружку и выбирай... И для стариковъ-то лучше: по крайности жаловаться на нихъ не будутъ, — самъ себя вини, коли чего недосмотрѣлъ...

— Да, да, вотъ всѣ они нынче такъ, — говорилъ Федотъ Семенычъ, отвѣчая на свою собственную мысль: — не хотимъ помочь, не хотимъ указки... Сами до всего дойдемъ, сами съ бою возьмемъ, сами за себя и отвѣтимъ... Вотъ ужъ и смиренный парень, и хорошій, лучше не надо, а тоже говорить... Нѣтъ, видать, наши порядки не годятся про новый народъ... Другіе заводитъ нужно... Нужно!.. Что же, ребята, дѣлайте по своему, по новому, дѣлайте, только чтобы въ хорошему шло, не въ худому...

Федю ужасно потянуло раскрыть передъ Федотомъ Семенычемъ всю свою душу, разсказать про свою любовь и просить его участія и помощи... Но въ чемъ помощи?.. Чтобы онъ уговорилъ отца согласиться на бракъ его съ Параней?.. Но для этого нужно разсказать все, что узналъ, замѣтилъ и сообразилъ о матери Парани — языкъ не поворотится говорить объ этомъ, а не сказать, сами узнаютъ, скажутъ: вотъ же и выбралъ!.. будутъ смѣяться, срамить, и не только мать, но и дочь!.. Пожалуй, еще нарочно разстроить все дѣло, будутъ думать, что нужно разстроить для сыновняго добра... Нѣтъ, лучше воздержаться, не говорить ничего да и не во времени заводитъ теперь о себѣ разговоръ: старикъ видимо страдалъ и бодрился только для вида.

— Федотъ Семенычъ, — спросилъ Федя послѣ нѣкотораго молчанія, въ продолженіи котораго старикъ глубоко задумался: — неужто ты такъ совсѣмъ домъ-отъ свой и бросишь?

— А какъ же бы по-твоему? Что же мнѣ дѣлать нужно?.. Ну, говори... Посоветуй...

— Гдѣ мнѣ вамъ совѣтовать: вы сами лучше знаете... я такъ только...

— Нѣтъ, ничего, а ты скажи мнѣ по душѣ: какъ бы по-твоему, по молодому, что бы мнѣ дѣлать съ сыномъ?.. Говори, ничего...

— Да ужъ коли вы задумали его большимъ въ дому сдѣлать, все ему предоставить, такъ ужъ пускай бы онъ хозяйничалъ... Онъ у васъ одинъ, вы при должности... такъ и слѣдъ ему хозяйствовать замѣсто васъ... Только не складнѣе ли вамъ въ дому остаться?.. Все бы онъ сколько-нибудь совѣстился при васъ, а можетъ и совсѣмъ бы образумился... Опять же и Аниѣ было бы легче около васъ... Да и передъ людьми не такъ срамно,

а то теперь что народъ-отъ про него подумаетъ?.. деревню сжечь, въ острогъ сидѣть, а воротился—отца изъ дома выгнать... Боятся будутъ его, отшатнутся всѣ: поневолѣ будетъ пить да буянить...

— Такъ, по-твоему, мнѣ надо жить съ нимъ, смотрѣть на всѣ его распуства, да ждать, когда и вправду изъ дома по шеѣ меня выгнать...

— Какъ это можно!.. Гдѣ ему васъ выгнать изъ своего дома!.. Онъ теперь съ отчаянности бушуетъ, можетъ, даже отъ стыда: не знаетъ чѣмъ взять... куда дѣться... А увидить, что дали вы ему волю, сдѣлали хозяиномъ, не со зла, не изъ до-сады, а какъ были вы отецъ, такъ и остались... А по васъ и сторонніе люди будутъ на него смотрѣть не какъ на отпѣтаго, на разбойника, что отца изъ дома выжилъ... Какъ же ему не почувствоваться?.. Очувствуется!.. А уйдете вы отъ него вовсе, и будетъ онъ, ровно дикой звѣрь въ берлогѣ, сидѣть, да огры-заться на всѣхъ... Добраго изъ этого ничего не выйдетъ—ни ему, ни людямъ...

Федотъ Семенычъ ничего не отвѣчалъ на эти слова, но по-нурился и глубоко задумался. Федя догадывался, что въ душѣ его происходитъ какая-то борьба — и не смѣлъ прерывать его думы.

— Нѣтъ, Федя, старъ я... Не по силамъ мнѣ ломать себя... И ни въ чемъ я не виноватъ передъ сыномъ: окромя добра я ничего ему не дѣлалъ и не желалъ... Онъ меня обидѣлъ, а не я его... Что я ему воли не давалъ, въ хозяйству не припус-калъ,—такъ развѣ онъ такой былъ человекъ, чтобы на него по-ложиться, да полную волю дать?.. А что суду его отдавъ, не вступился за него, не откупался... не хлопоталъ, чтобы концы спрятать... ну, въ этомъ ужъ пусть судить меня Богъ да доб-рые люди, а мнѣ душой не покривить... Какъ онъ хочетъ!.. пу-щай гнѣвается!.. Онъ думаетъ, я ему первый злодѣй, а сколько я мѣки перетерпѣлъ, сколько горя изъ-за него узналъ,—того не чувствуетъ... и что значить родительское сердце: каково тяжело отъ родного дѣтища, отъ единого дѣтища, отречься,—ему это не въ понятіе... Ну, да Богъ съ нимъ!.. Зла у меня въ душѣ противъ него нѣтъ нисколько: все бы я ему простилъ и все за-былъ, кабы онъ пришелъ не этакъ, не съ дракой да съ буян-ствомъ, а хотъ бы маленько въ чувство пришелъ, да стыдъ имѣлъ... Не погнушался бы я имъ, что сынъ изъ острога вы-шелъ: судъ судилъ, наказалъ,—все равно, что огнемъ выжечь... очистилъ... Нечего старое поминать!.. И я бы не токмо не по-прекнулъ, не попомнилъ, а и людямъ бы не далъ слова сказать

супротивъ него... Ну, а ужъ коли такъ-то онъ, такъ и мнѣ нечего больше дѣлать: нѣ, вотъ, возьми, сыновъ, все мое, — полюбуйся, живи съ Богомъ, какъ знаешь... А я — коли не отцомъ, а злодѣемъ меня считаешь — мѣшать тебѣ не стану, — уйду... какъ-нибудь проживу!..

— Да какъ же вы одни, Федотъ Семенычъ, жить будете?

— А такъ же вотъ и буду... Попрошу у батюшки на монастырѣ, около церкви, мѣстечка, избушку поставлю, келейку... да и стану жить... Трехлѣтье отсижу въ старшинахъ, а тутъ хопъ въ церковные сторожа пойду... Послужилъ на людей, — надо и Богу послужить: мнѣ жить немного осталось... А только вотъ передъ Богомъ говорю: если Кирила не опомнится, будетъ опять безпутничать, мотать, да жену тиранить, — сердце не дрогнетъ: надоумлю мѣръ, чтобы приговоръ дали, на поселенье его сослать... Это ужъ, значить, пропащій совсѣмъ человѣкъ, вредный... только и себѣ, и обществу на бѣду жить будетъ... Пускай же пропадаетъ одинъ, — людей не сомущаетъ!.. Эхъ, Федя, Федя, не говори ты больше ничего, не надрывай моего сердца!.. Дай Богъ тебѣ никогда такого горя не знать, чтó у меня на сердцѣ живетъ...

Федотъ Семенычъ опустилъ голову. У Феда щемило сердце отъ жалости въ старику: ему хотѣлось бы что-нибудь сдѣлать, какъ-нибудь утѣшить его.

Они молча подъѣзжали къ волостному правленію. Была уже ночь. Въ селѣ всѣ спали.

— Ты подъѣзжай-ка прямо къ волости... Постучимся въ окно... Сторожъ услышитъ, — отпереть... Мы въ самой волости ночуемъ, писаря и будить не велимъ: нѣ-зачѣмъ... А завтра ужъ посмотрю, подумаю: куда мнѣ пристроиться покажъ...

— А мнѣ не ѣхать ли, Федотъ Семенычъ, домой?.. Первое, что лошадь отвести въ мѣсту: все равно — завтра нужно же ее отсылать... Да и мнѣ надо тоже все порядкомъ Кирилѣ сдать, чтó у меня на рукахъ было, чтобы послѣ чего не вышло: я не желаю этого... Ну, и ночь-то переночую тамъ, — посмотрю, чтó у нихъ дѣлается... Если бушуетъ, такъ я и въ избу не покажусь: гдѣ-нибудь въ сарай просплю... А завтра одѣжу какую свою заберу, да и тебѣ, можеть, чтó нужно? — за-одно бы и привезъ... Попрошайся бы съ вами, коли не нуженъ больше, да и домой, — а нуженъ, такъ какъ прикажешь... По мнѣ все равно...

— Поѣзжай, поѣзжай, и въ самъ-дѣлѣ... Дѣло ты говоришь... Сдай тамъ ему, али Федосьѣ, — все, все сдай... Мнѣ ничего не нужно, ничего не вози, — ни сня-пороха: пускай все имъ

остается... Вотъ только одѣжу привези, потому — нельзя, неравно ѣхать куда понадобится... А больше мнѣ ничего не надобно, — такъ и скажи!.. Денегъ тамъ не много, — всё здѣсь, въ жалованьи лежать: почитай, за цѣлый годъ не бралъ, — да денегъ я имъ и не дамъ... Пускай самъ наживаетъ: есть съ чего наживать, — въ дому теперь всякое заведеніе есть... Спасибо тебѣ, Федюха... При тебѣ все завелось... Поѣзжай, родной... Эхъ, жалко мнѣ тебя, — ровно къ родному сыну привыкъ... А нѣ при чемъ мнѣ тебя больше держать, да и пора тебѣ къ отцу... Спасибо, Федя, спасибо, — по гробъ жизни твоей службы не забуду!.. Помни: какая нужда, — иди ко мнѣ, ровно къ отцу родному...

— Да я завтра еще побываю, Федотъ Семенычъ...

— Да, да, побывай... Ну, поѣзжай съ Богомъ...

Федя не безъ умысла выпросился назадъ въ Ступино. У него явилась мысль и надежда какъ-нибудь поправить дѣло, — помирить отца съ сыномъ. Онъ не хотѣлъ высказывать своей надежды Федоту Семеновичу, потому что и самъ въ ней не былъ увѣренъ, да и боялся, что старикъ воспротивится его намѣренію.

IX.

Все было тихо въ домѣ Федота Семеныча, когда Федя возвратился назадъ и подѣхалъ къ воротамъ. Огня въ домѣ не было видно. Ворота оказались запертыми. Лошадь нетерпѣливо фыркала и рвалась къ воротамъ. Федя медленно вылѣзая изъ телеги, раздумывая, какъ ему вызвать изъ избы сестру, не разбудивъ остальныхъ, но оказалось, что Анна не спитъ. Услышавъ стукъ колесъ и фырканье лошади у воротъ, она тотчасъ же отперла ихъ, и стала потихоньку отворять.

— Али утомился, уснулъ? — спросилъ Федя сестру, и та тотчасъ же поняла, что онъ спрашиваетъ про мужа.

— Спитъ, спитъ... И матушка уснула оволо него...

— А ты что же?

— А мнѣ не спится... Я ровно ждала тебя, — на мостъ-то вышла, да сунулась... Слышу, стучить: неужто, молъ, онъ ѣдетъ?.. А ты и есть... А чтѣ батюшка-то свелоръ?..

— Онъ остался въ волости.

— Вовсе?

— Вовсе.

— Эко горе наше... Господи, батюшка! Веди, Федя, ло-

падь-то, да потихоньку... Не поднялся бы опять... Я помогу отложить-то...

Анна весь разговор вела вполголоса, почти шепотомъ.

— А что, буянилъ, безъ насъ,—шибко?..

— Нѣту, какъ уѣхали, притихъ...

— И тебя не трогалъ?..

— Ни даже, нѣтъ, ничего, только отворачивался,— не глядеть, не смотреть и не говорить ничего со мной... Гнѣвается!.. Я такъ и не... Боялась и подойти-то...

— Какъ же онъ?.. Все съ Федосьей Осиповной, что ли, разговаривалъ?.. О чемъ говорили-то?..

— И съ ней мало говорилъ... Сначала-то все похвалялся противъ тебя, да грозилъ ничто... А тутъ ключи увидалъ на столѣ... ухмыляться сталъ: возьметъ ихъ да положить, подержать въ рукахъ-то — да бросить... А послѣ того взялъ да въ карманъ къ себѣ и убралъ... Видать, радъ онъ ключамъ-то... А матушка-то, Богъ съ ней, говорить ему въ ухо-то: «не то бы, говорить, тебѣ досталось,—не тому бы, говорить, за этими ключами быть... Пусто, батюшка, у насъ нынче, не какъ прежде!..» Богъ съ ней, не это бы ей надо говорить!.. Да правда, что онъ мало что и слышалъ-то: очень ужъ охмѣлѣлъ... Я вижу: сидитъ да качается... Взяла, постлала ему постилку, подушку принесла... Не изволишь ли, молъ, лечь, Кирила Федотычъ?.. Соснулъ бы съ дорожки-то... Какъ онъ глянеть на меня, — сердито-сердито: «откуда», говорить, «я пришелъ-то? съ какой дорожки?.. Острожники я, — въ острога!».. Такъ сердце у меня и упало... Не знала, что и дѣлать... Тутъ матушка подошла, толкнула меня отъ него, подхватила его подъ руку, да и повела къ постилкѣ... Онъ такъ и свалился въ чемъ былъ, не разумишься... Матушка сѣла около него, а мнѣ махнула, чтобы вонъ шла... Я ушла въ сѣни, заревѣла... А онъ такъ, видно, и уснулъ... Давно ужъ тихо у нихъ въ избѣ-то: видно, и матушка легла, уснула...

— Ложись и ты... Есть ли чѣмъ обогнуться-то?.. На вотъ кафтанъ мой, да ложись въ телѣгу хоть; а я на сѣно пойду...

— Я, Федюша, думаю завтра, чуть-свѣтъ, баньку ему истопить, чтобы, какъ всталъ, въ баньку бы ему сходить...

— Такъ что же... Это хорошо,—такъ и сдѣлай: какъ проснется, такъ ему и скажи, что, молъ, баньку про тебя изготовила... Это ты хорошо выдумала!..

— А ты почто же, Федюша, вернулся?

— А я, чтобы все ему сдать, что у меня на рукахъ было, чтобы во всемъ отчетъ былъ у меня полный передъ нимъ... Да

одѣжу свою забрать и попрощаться съ вами... И Ѳедотъ Семейнычъ велѣлъ его одѣжу къ нему привести...

— А батюшка-то ужъ такъ къ намъ и не прійдетъ никола?.. Вправду жить съ нами не хочеть?..

— Кабы вотъ уговорить какъ Кирилу-то, чтобы онъ сходилъ, повинился, да попросилъ отца-то, — такъ, можетъ бы, онъ и вернулся... А такъ не пойдетъ ни за что... Вотъ кабы Ѳедосыя Осиповна съ нимъ поговорила...

— Нѣтъ, Ѳедюша, на матушку нечего полагаться... Она ровно ума рехнулась, какъ пришелъ Кирила Ѳедотычъ: все про старое-то ему поминаеть, да все жалуется на всѣхъ... Не согрѣшить бы, а она, кажись, больше его сомущаетъ только... Развѣ ужъ мнѣ какъ, времячко переждавъ, часокъ выбрать да подойти, безъ матушки... Ну, прибѣтъ, такъ прибѣтъ, — а можетъ и...

— Попробайся... добре бы... Много бы лучше для всѣхъ для васъ было, а особливо для тебя, кабы старикъ-отъ воротился...

— Какъ можно!.. Ужъ что говорить!.. Не вѣду ужъ, какъ мы безъ него и жить-то будемъ...

— Ну, а ты ложись покажъ... Утро вечера мудренѣе: завтра увидимъ...

На слѣдующее утро Ѳедя всталъ рано: солнышко еще не показывалось и дневной свѣтъ едва начиналъ брезжить, но Анны уже не было на мосту, гдѣ она легла спать, а отпертая валитка показывала, что она ушла со двора. Ѳедя догадался, что сестра ушла топить баню, и, сообразивши, что одной ей трудно натаскать воды, наколоть и нанести дровъ, тотчасъ пошелъ помогать ей; но предварительно поднялся въ сѣни и прислушался у дверей избы: оттуда не доходило никакого звука, стало быть — и Кирила, и старуха еще спали.

Когда Ѳедя подошелъ къ банѣ, которая стояла за огорокомъ на берегу рѣчки, Анна собиралась колотъ дрова, которыя были уже принесены ею и брошены около дверей бани.

— Дай-ка, дай, я наколю, а ты таскай воду, — сказала Ѳедя, беря изъ рукъ сестры топоръ.

— Да ничего, я и сама наколю... Воды-то ужъ я натаскала... Что больно рано поднялся?.. — спросила Анна.

— Все не раньше тебя... А ты, видно, не спала ночь-то вовсе?..

— Не спалось, Ѳединька, не спалось и есть... Только глаза заведу, ровно что почувдятся, а сердце такъ и зайдется... Слушай,

слушаю: ничего не слышать, все тихо... Такъ ворочалась, ворочалась, да и сдумала: чѣмъ валяться по-пусту, пойду, молю, стоплю баньку-то пораньше... Все лучше...

— Такъ бери покамъ дровъ-то, растапливай, а я еще поколю, припасу тебѣ... Наши-то спятъ, я слушаю: можетъ къ самому вставанью изгодишь баньку-то ему, то и хорошо!..

Деревня стала просыпаться, и дымъ, не въ урочное время поднимавшійся изъ бани старшины, привлекъ вниманіе. Мужики посолондѣе посмотрѣли только издали и, увидя около бани Оедора, успокоились, что не пожаръ, и принялись за свое дѣло, не пускаясь въ дальнѣйшіе разпросы; но бабѣнки, а за ними и молодые парни, не утерпѣли и подбѣжали къ самому Оедѣ разспросить, почесать языки.

— А мы думали, ужъ не занимается ли у васъ баня-то... Испугались, страсть!..—тараторили бабы.—Анъ видно про гостя нежданого топить баньку-то?.. Слышно, воротился Кирила-то Оедотычъ...

— Видѣли его наши: проходилъ... Сказываютъ: исхудалъ, черный, стриженный... оборвался весь!

— Да какъ можно не исхудать?... тутъ исхудаетъ: не въ гостяхъ гостилъ!.. Тоже тамъ въ духотѣ сиди, да когда поѣлъ, а когда и не ѣмши. Трудно, сказываютъ.

— Мы думали и не пустятъ его вовсе, а вотъ пустили же...

— Отсидѣлъ свое, такъ что его держать-то. То бываетъ на поселенье, а это въ острогѣ... Ужъ съ поселенья не пускаютъ, а въ острогѣ... что же? отсидѣлъ свое, и ступай съ Богомъ на всѣ четыре стороны...

— Прежде, сказываютъ, не пускали: какъ попалъ, такъ и угонять...

— Прежде не тѣ права были... теперъ права другія... Вотъ ежели за убійство, али тоже поджогъ сдѣлалъ да уличили...—ну, тогда ужъ сошлютъ вовсе, на ваторгу...

— То хуже?

— Ну какъ можно: острогъ—тотъ въ городу, а ваторга — она въ Сибири самой... Тамъ въ кандалахъ, подъ землей, такъ и сиди...

— А въ острогѣ-то нечто безъ кандаловъ?.. И въ острогѣ въ кандалахъ... тоже...

— Такъ-то убойцы, али грабители которые...

— И который тоже, ежели деревню спалилъ... тоже...

— Такъ Кирила-то развѣ не...—заговорила-было одна изъ бабъ, но спохватилась и не кончила.

— Кирила въ поджогѣ оправили... Виноватымъ не признали..—проговорилъ Федя, который до сихъ поръ молча слушалъ болтовню бабъ, а теперь, набравши охапку дровъ, намѣревался скрыться отъ нихъ въ банѣ.

Но сосѣди заглянули вслѣдъ ему въ баню, и, открывши тамъ Анну, обрадовались и затараторили еще больше.

— Ахъ, Анна Герасимовна... воротился, чуть... Ну, слава Богу!.. проздравляемъ!..

— Про него, видно, баньку-то обихаживаешь?.. А мы напужались, думали... смотримъ: дымъ...

— Обрадовалась, чай?..

— Какъ не обрадоваться, матка... Тоже больше дву годовъ не видала... Мужъ, вѣдь, тоже... Ну, дай Богъ, дай Богъ...

— Сказываютъ: вовсе, чу, воротился... больше не возьмутъ...

— Кабы на поселенье... то другое дѣло, сказываютъ... А то отсидѣлъ, чу, ну, и ступай съ Богомъ...

— Извелся, чай, онъ тамъ?.. Исхудаелъ, свазываютъ: и не признаешь...

— Ну какъ не известись: посиди-ка, дѣвка, два-то года... скажешься!..

Бабы сыпали вопросами и замѣчаніями, точно горохомъ. Анна не отвѣчала, да не успѣла бы отвѣчать, если бы и хотѣла: сосѣди сами тотчасъ же и разрѣшали для себя свои вопросы; но вдругъ одна изъ бабъ спросила Анну:

— Да что у васъ за сумятеніе вечеръ было, ровно драка какая?.. Я шла подъ окнами, слышала...

При этомъ вопросѣ всѣ затихли и притаили дыханіе, не сводя глазъ съ Анны.

— Ничего не было: никакого сумятенья не было...,—отвѣчала Анна неохотно.

— А какъ они со старикомъ-то?..

— Что со старикомъ?.. Ничего...

— Что же онъ больно скоро уѣхалъ-то?.. Слышно было колоколчикъ-отъ, какъ домой пріѣхалъ, а тутъ, свазываютъ, не въ долгихъ и опять уѣхалъ, на своей, съ Федянкой... съ Федоромъ Герасимычемъ...

— Дѣло у него нужное въ волости было...,—вмѣшался Федя, замѣчая смущеніе сестры.

— Развѣ что дѣло...,—настаивали неутомонныя бабы...—Да больно ужъ скоро... Ничего дома-то не побылъ... Кажись бы, два года съ сыномъ роднымъ не видался...

— Развѣ вы не знаете Федота-то Семеныча...,—возразилъ опять

Федя.—У него, коли дѣло есть, онъ ужъ не промѣшкаеть, все бросить да поѣдетъ...

— Да ужъ это Федотъ Семенычъ!.. Про него чтó говорить... Онъ ужъ... что про то говорить!.. То-то! а мы думали, не осерчалъ ли онъ, что, можетъ, Кирила Федотычъ пьяненокъ былъ... ну, знамо съ радости!.. за вѣдьмой-то ты бѣгала... Можетъ, мошь, не согрубилъ ли что ему Кирила-то Федотычъ... Онъ, старикъ, вѣдь, не любить на-смерть этой водки-то... Можетъ, мошь, что сказаль, а тотъ, не уберегся — отвѣтилъ въ сердце... Посварились, мошь... ну, вотъ старикъ-отъ дому рѣшился... ушелъ!..

«Все-то знаютъ, все знаютъ, все пронюхали!»... думаль про себя Федя, слушая болтовню бабъ. «Навѣрняка, что подъ окнами стояли, сплетки экія, подглядывали да подслушивали»...

— Такъ ничего съ родителемъ-то? все по доброму, по хорошему?.. Ну, такъ, слава Богу!.. Да ужъ, кажется, коли этому отцу не уважить, что Федотъ Семенычъ, такъ ужъ что тутъ пути будетъ...

— Ужъ, сказать, радѣльщикъ, не тома для сына, а всему міру радѣлецъ... Теперь, кажется, наши мужики за него, за Федота Семеныча... душу-то заложать, не то что... Ну, крутенокъ, правда, крутенокъ, такъ, вѣдь, все за правду...

— Да что крутенокъ! экіе ли бывають!.. Другой душу-то изъ тебя выжметъ, ничего и не подѣлаешь... А за Федотомъ Семеничемъ мужики вонъ, толкуютъ, живемъ ровно за каменной стѣной... Какъ экому отцу не уважишь!..

— То-то, мошь, а то какъ это можно: отступился, чу, и отъ дома-то, болтають... Изъ дому-то бѣжалъ, чу, какъ сынокъ воротился... Какъ я говорю—то можетъ быть, съ чѣмъ то схоже... И большакъ мой тоже.

— Да не то твой большакъ, всё мы тоже... Не можетъ того статья... А вотъ оно все враки вышли... пустяки!..

— Знамо, пустяки!.. — отоввался Федя.—Развѣ вы, бабы, что путное скажете промежь себя... Такъ перебиваете бока-то людамъ, да путаете—сами не знаете что... Ну-ка, Анна, кутать пора баню-то... Пустите-ка, бабы, я затворю двери-то...

Федя, чтобы отдѣлаться отъ докучныхъ допрощицъ, вышелъ изъ бани, отстранилъ бабъ и затворилъ двери, но онъ еще не хотѣли расходиться.

— Ну, а ты, Федянь, какъ же, останешься тутъ жить, али домой уйдешь?.. чай, уйдешь?.. Что ужъ тебѣ тутъ дѣлать-то, коли молодой хозяйнѣ домой пришелъ... А? Какъ ты-то?..

— Ахъ, бабы, бабы! — огрызнулся уже Федя, разсердившись. —

Да что у васъ, неужто своего дѣла нѣтъ, что объ чужомъ-то васъ забота съѣла?.. Поди-ка, у иныхъ, вѣдь, чай коровы еще не доены, а вы толчетесь здѣсь, да въ чужое дѣло путаетесь... Мы-то еще сами ничего не знаемъ, подумать, порядить промежъ себя не успѣли, а вы ужъ пытаете да судачите... Пустите-ка, мнѣ еще вотъ дровъ нужно наволооть, прибавить: некогда мнѣ бобы-то разводить съ вами... Подите, судитесь сами промежъ себя, а мнѣ не мѣшайте...

И Оеда, поверотаясь къ бабамъ спиной, принялся за работу. Тетки поворчали, потоптались еще нѣсколько минутъ на мѣстѣ, и стали расходиться.

— Слушай-ка, Анна,—сказалъ ей Оеда, когда они остались одни.—Какъ я думалъ, такъ и есть: не одобровать Кирилѣ, коли Оедотъ Семенычъ теперь домъ бросить... Слышала, что бабы-то говорятъ теперъ же, еще ничего не вида. А узнаютъ все, мѣръ на Кирилу опрокинется... Вѣдь, всѣ помнятъ, что онъ деревню спалилъ: и злятся на него, и боятся, будутъ сторониться и попрекать, а онъ обозлится, запыетъ, али еще хуже что почнетъ дѣлать... Его мѣръ либо совсѣмъ со свѣта сживетъ, либо на что недоброе наведетъ: надо непременно какъ-нибудь уговорить мужа, чтобы онъ поворился, съѣздилъ къ отцу, повинился да просилъ бы его, чтобы тотъ воротился и жилъ съ вами...

— Не знаю какъ, батюшка, сдѣлать-то, Оединька... Боюсь и подступиться-то къ нему... Да и не послушаетъ онъ меня: прежде хоть маленько слушался, жили, вѣдь, мы ладно съ нимъ, а вотъ теперь въ два-то года отвыкъ отъ меня... Прежде, вѣдь, онъ не дрался, а поди-ка, вонъ, теперъ,—какъ пришелъ, такъ и прибилъ... Согрѣшила я, грѣшная, послушалась тогда, народъ-то подвела подъ него... Неужто бы ужъ я не желала, чтобы батюшка жилъ съ нами, да не знаю какъ взяться, подойти-то боюсь... Вонъ онъ какой сталъ... ровно и не онъ!.. Научи, родной, какъ быть-то...

— Да ужъ я попытаю счастья, самъ поговорю съ нимъ... что будетъ... Ты поди, сторожи: какъ проснется, въ баню зови, а выпарится—самоваръ наставь, чаемъ его подчуй, пускай онъ отдохнетъ, духомъ-то отойдетъ, а я покамъ не покажусь ему... Ты про меня и не говори ничего... А я вдругъ подойду къ нему... Поди же...

Анна побѣжала въ избу, а Оеда сѣлъ за баней такъ, чтобы его не было видно изъ деревни, а ему можно было наблюдать за Кириломъ, когда онъ пойдетъ изъ дома. Онъ ждалъ не долго: на тропинкѣ между огородами, которая вела къ банѣ, показался

Кирила, въ сопровожденіи Ѳедосьи Осиповны, которая шла рядомъ съ нимъ, и Анны, которая робко слѣдовала за ними сзади. У Кирила лицо было сумрачное, измѣтое, но не злое.

— На же, Кирила Ѳедотычъ, рубаху-то да вѣнчикъ... — услышалъ притаившійся за стѣною Ѳеда робкій голосъ Анны, — а я, покамъ паришься, самоварчикъ, побѣгу, наставлю...

— Да водка есть ли, смотри, и яичницу тольки... приготовь... — отозвался Кирила, и въ голосъ его не слышалось злобы противъ жены, хотя не было слышно и ласки.

— А я, кошъ ли, попарю тебя? а?..—спросила Ѳедосья Осиповна.— Не попарить ли? а? Кирюшенька?

— Нѣту, матушка... Я самъ...

— Ну, какъ хочешь, а сдумаешь, такъ клинки: я тутъ посижу, въ передбанникѣ, подожду тебя... Да хорошо ли еще она баню-то истопила?.. Дай-ка я войду пережъ, посмотрю... Пожалуй, съ угаромъ не скутала ли: отъ нея станется...

— Ну, гдѣ, чай, съ угаромъ, чтой-то... Она, вѣдь, не о двухъ головахъ...

— Да, надѣйся на нихъ!.. Нѣтъ, лучше я сама-то взгляну...

Ѳеда слышалъ, какъ отворилась дверь въ баню и какъ затѣмъ вышла изъ нея Ѳедосья Осиповна и усѣлась въ передбанникѣ, что-то ворча про себя. Вскорѣ затѣмъ за стѣной послышалось шипѣнье воды, подданной на каменку, веселое вряхтенье Кирила и хлестъ вѣнника. Ѳеда потихоньку выбрался изъ засады и по задамъ бань вышелъ къ деревнѣ такъ, чтобы его не видала Ѳедосья Осиповна.

«И что это сдѣлалось со старухой»,—думалъ Ѳеда самъ съ собою:— «совсѣмъ изъ-за своей любви къ сыну ума рехнулась: такъ и мутить, такъ и мутить его противъ Анны. Не пойти ли, не поговорить ли съ ней сначала? да нѣтъ, пути не будетъ: ей теперь ничего не нужно, кромѣ своего Кирюшеньки, она радешенька, что одна съ нимъ осталась, о старикѣ-то и не вздумаетъ, а меня увидить, еще хуже: подумаетъ съ умысломъ какимъ... да и не любить она меня, особливо послѣ вчерашняго случая!»

Ѳедей овладѣло неясное для него самого, но какое-то страстное желаніе во что бы то ни стало примирить отца съ сыномъ; онъ чувствовалъ, что готовъ ради этого на всякое униженіе, на самопожертваніе. Затѣмъ это было для него такъ нужно—онъ не думалъ и не отдавалъ себѣ отчета, но внутреннее неясное чувство говорило ему, что онъ сдѣлаетъ этимъ какое-то большое добро. Онъ прошелъ въ домъ, засталъ Анну въ большихъ хлопотахъ около печки и самовара и принялся помогать ей.

— Не спрашивалъ про отца, али про меня?—спросилъ онъ сестру.

— Нѣту, нѣтъ, ничего...

— Ну и ладно...

— А какъ съ тобой?..

— Ничего, Федюша, даже ничего!.. Ровно какъ ему это по мысли, что я баньку-то приготовила про него: вотъ это, говорить, ладно, хорошо!.. Сейчасъ и пошелъ... А у меня ужъ и рубаха, и вѣнникъ припасены были, думала: пойду съ нимъ, прислужусь, да матушка увязалась... И что за чудо за такое: не подпускаеть она меня къ нему, да и на води!.. Нивогда я слова напротивъ ей не сказала, а она теперь на меня... ровно, я клятая какал... Удумать не знаю какъ: что это съ ней сталося...

Федя промолчалъ.

— Вотъ вода-то онъ велѣлъ принасти...—заговорила Анна.

— Ну, такъ что дѣлать-то... Есть ли вода-то?

— Есть еще, осталось отъ вчерашняго... Боюсь я, Федя, опять бы онъ?.. выпеть-то... чего бы не было?..

— Ну, такъ какъ быть-то... Надо терпѣть... Хозяинъ!.. Напротивъ не пойдешь... Надо какъ никакъ уговаривать совѣсть: слѣомъ ничего не подѣлаешь...

— Знамо совѣстью... Гдѣ ужъ слѣомъ...

— Вотъ подождемъ, посмотримъ что будетъ...

Передъ возвращеніемъ Кирила изъ бани, Федя вышелъ изъ избы и вошелъ въ нее вночь уже тогда, когда Кирила, выпивши воды, закусывалъ ее яичницей, шипѣвшей передъ нимъ на сковородкѣ. Лицо его было видимо весело и довольно: баня какъ будто смыла съ него вмѣстѣ съ грязью тюремнаго заключенія и то озлобленное, мрачное выраженіе, которое дѣлало его страшнымъ и отталкивающимъ. Федя съ внутреннимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что въ ту минуту, какъ онъ входилъ, Кирила о чемъ-то спрашивалъ жену и та, стоя передъ нимъ, отвѣчала съ радостной, сіяющей улыбкой; Федосья Осиповна сидѣла рядомъ съ снономъ и смотрѣла на него съ такимъ выраженіемъ, точно боялась, что его сію минуту отнимуть у нея.

Увидя Федю, Кирила вдругъ нахмурился и опустилъ ложку, которую несъ было ко рту; все довольство и веселость мгновенно исчезли съ его лица; рука, въ которой онъ держалъ ложку, дрожала.

— Что еще нужно?..—спросилъ Кирила сдавленнымъ голосомъ, прежде чѣмъ Федя успѣлъ сказать слово.

— Пришелъ, Кирила Федотичъ, сдать тебѣ все какъ слѣдуетъ

что у меня на рукахъ было...—отвѣчалъ Федя, стоя у дверей. Вчера ты требовалъ отъ меня отчета, какъ съ работника, я не такъ отвѣчалъ тебѣ, потому не зналъ что будетъ... А теперь Федотъ Семенычъ весь домъ тебѣ препоручилъ, такъ сними у меня съ рукъ, что было, какъ слѣдъ новому хозяину... а меня ужъ домой уволь...

Кирила напряженно смотрѣлъ на Федю, не сводя глазъ, точно хотѣлъ проникнуть въ глубину его души. Вдругъ лицо его исказилось, и черные глаза вспыхнули недобримъ огнемъ.

— Да что ты, подлець... шутки шутить надо мной пришелъ...,—закричалъ онъ, безсознательно ища рукою на столѣ какого-нибудь орудія защиты.—Ты меня вчера пьянаго избилъ, такъ думаешь и сегодня опять удастся... Да я тебѣ башку размозжу!.. что ты лѣзешь ко мнѣ надругаться?..

Кирила поднялся на ноги и, замѣтя на стѣнѣ около себя большой желѣзный ключъ отъ амбара, висѣвшій на крючкѣ, схватился за него. Женщины въ испугѣ вскрикнули.

— Погоди, Кирила Федотычъ, выслушай сначала, не безпокойся: не надругаться я пришелъ, а какъ быть работникъ къ хозяину... Федотъ Семенычъ приказалъ мнѣ все сдать тебѣ съ рукъ на руки... Ключи отъ амбара ты получилъ, да есть, вѣдь, лежитъ, что и не заперто: вонъ сбруя, колеса, орудье разное,—мало-ли чего—все же надо, чтобы ты въ порядкѣ принималъ отъ меня и все осматривалъ: и скоть, и кормъ, все какъ слѣдуетъ... чтобы послѣ и на меня поклѣпу не было, что того не уберечь, да не сдать... я же домой ухожу... А что вчерась промежь насъ было въ горячкѣ, такъ забудь, прости меня... я не съ нарочкомъ, не со зла, а и самъ не знаю какъ вышло... Прости, Христа ради!.. Я не то, что на смѣхъ, а вотъ до земли тебѣ кланяюсь... Посмотри...

Федя дѣйствительно низко поклонился ему и дотронулся рукою до полу.

— Да что ты фокусы-то эти разводишь,—сказалъ Кирила, садясь и все еще недовѣрчиво посматривая на Федю:—то ты драться сьмаешься, то работникомъ себя зовешь, у притолоки стоишь, да кланяешься... Какой же ты работникъ, коли ты Аннинъ братъ, шурина мой?.. А сдать бы все, коли батюшка мнѣ препоручаетъ, онъ бы самъ и сдать, безъ тебя...

— Оттого и драться вчера сьмался, что шурина я твой... Не надо бы мнѣ вступаться промежь мужа съ женой... да что дѣлать: кровь! не утерпѣлъ, горько показалось, что напрасно сестру обижаешь... А не надо бы, каюсь, въ томъ и прощенья прощу!..

А Ѳедотъ Семенычъ самъ меня прислалъ къ тебѣ: онъ прїѣхать не желаетъ; такъ думаетъ, что онъ тебѣ непрїятенъ и что ты въ отца его не почитаешь... И велѣлъ мнѣ опять тебѣ сказать, что онъ все тебѣ отдаетъ: и домъ, и скотъ, и хлѣбъ, и сбрую, все, что есть въ дому... Велѣлъ себѣ только свою одѣжу прислать, а больше ему ничего не нужно... Все тебѣ оставляетъ...

— А самъ-отъ какъ же?.. Гдѣ же жить-то будетъ... къ вамъ, что-ли, поѣдетъ?.. Вы, чай, рады, заываете... Твоя, что ли, выдумка-то это?.. Ты, что ли, его подбилъ?.. Ты, вѣдь, ему за-мѣсто сына-то сталъ?.. Ты вонъ какой хорошій: не пьешь, не куришь, тихоня-мученикъ, святъ мужъ, а я-то?.. Я острожникъ ваторжннй, гдѣ ему со мной жить!..

Кирила порывисто, дрожащей рукой налилъ стаканъ вина и выпилъ его съ жадностью.

— А вотъ мнѣ что говорилъ на-счетъ этого Ѳедотъ Семенычъ: ты послушай. Жить, говорить, мнѣ осталось не много и хочу пожить для Бога, выстрою келью около церкви, на монастырѣ, и буду жить въ ней... А я тебѣ скажу, Кирила Ѳедотычъ, воли повѣришь истинному Богу, что онъ не то что гнушается тобой, а безъ души тебя жалѣетъ, и ушелъ только для того, чтобы тебѣ полную волю дать и ни въ чемъ не мѣшать, и думаетъ, что ты его не любишь... А хочешь ты, чтобы онъ жилъ съ тобой, — поѣзжай, покажи покорность, поклонись да попроси, Богомъ тебѣ божусь, тотчасъ воротится и станетъ жить съ тобой, только бобылемъ — ровно на повоѣ, а вступаться ни во что не станетъ... Это я тебѣ вѣрно говорю, какъ передъ Богомъ, по душѣ!.. А ты меня прости, не держи ты у себя ничего на сердцѣ противъ меня... Ну, была ошибка моя, забудь... Мало-ли что промежъ сродственниковъ бываетъ...

— Такъ что-же ты стоя-то?.. воли ты сродственникъ, такъ садись, поди... Вотъ чайку, поди, испей съ нами... Водки-то все еще не пьешь, али только при людяхъ притворяешься?..

— Слушай, Кирюша, облегчи ты мою душу совѣмъ: скажи, что простилъ ты меня и что на душѣ у тебя ничего нѣтъ противъ меня... такъ саду, и гостемъ и сродственникомъ буду считаться... А что я тебѣ говорилъ — все вѣрно!..

— Да ну тебя, и въ самъ-дѣлѣ, не все ругаться... Садись, что ли... Я, вѣдь, острожникъ ваторжннй, ты меня побилъ, да мнѣ же и вланыешься, прощенья просишь!.. Кто тебя знаетъ, либо ужъ ты Иуда христордавецъ, либо въ самъ-дѣлѣ ужъ святъ мужъ... Садись, говорятъ!.. Попьемъ чайку...

— Такъ поздороваемся перво, какъ слѣдуетъ...

— Слушай, Федюха, — сказала Кирила, — воли ты вправду мнѣ другъ, а не изъ хитрости изъ одной, выпей ты водки со мной, хошь рюмку одну... А не выпьешь... мазура, значить, ты... Убьрайся къ чорту!..

— Не пью я, самъ знаешь, а чтобы доказать тебѣ... давай выпью рюмку... Изволь...

Федя выпилъ и закашлялся. Кирила былъ очень доволенъ и весело смѣялся...

— Вотъ люблю, вотъ спасибо! — вскричалъ онъ, всталъ и обнялъ Федю. Потомъ они взглянули другъ другу въ глаза и поцѣловались. Федя почувствовалъ вдругъ приливъ необыкновенной радости и какой-то нѣжности къ Кирилѣ, точно онъ спасъ его отъ неминуемой гибели. Анна тихо, радостно плакала. Федосья Осиповна не могла себѣ отдать отчета, что такое случилось, и лицо ея изображало больше всего испугъ и недоумѣніе.

— Теперь ты мнѣ вотъ что скажи, — началъ опять Кирила, — только всю правду скажи: точно батюшка помирится и воротится къ намъ, и волю мнѣ дастъ, воли поѣду я къ нему, поворюсь да попрошу его...

— Ужъ истинно тебѣ говорю, Кирюша... не изъ своего ума, а съ его словъ. Любить, вѣдь, онъ тебя, жалѣть, желаетъ все тебѣ предоставить, и полную волю дать... Самъ мнѣ говорилъ... Вотъ Богомъ тебѣ клянусь!.. А помирится да переѣдетъ онъ къ тебѣ, на что ужъ лучше... И для тебя будетъ покойнѣе, и передъ людьми не зазорно... А воли онъ съ тебя не сниметъ... Ужъ это вѣрно!..

— Ну, воли такъ, я много думать да разговаривать не люблю... Садись, попьемъ чайку, а тутъ и поѣдемъ за батюшкой... Наливай, Анна, живѣй.

Черезъ полчаса послѣ этого, въ удивленію всей деревни, Федя вмѣстѣ съ Кириломъ, въ дружной бесѣдѣ, ѣхали въ одной телѣгѣ по направленію къ селу. Тамъ, у волостного правленія, они остановились, и Кирила попросилъ Федю идти впередъ, предупредить о немъ отца и устроить такъ, чтобы свиданіе ихъ было безъ постороннихъ свидѣтелей.

Федя засталъ Федота Семеныча одного. Онъ сидѣлъ у стола, подперши голову рукою. Лицо его было уныло и мрачно; оно не оживилось и при появленіи Федора.

— Здравствуй, Федя, — проговорилъ онъ какъ-то безучастно. — Что, привезъ мою одѣжу?

— Привезъ, Федотъ Семенычъ.

— Ну, что у нихъ тамъ?.. Не опять ли драка?

— Ничего, все слава Богу: не то, что драка, а мы съ Кириломъ помирились и расцѣловались какъ быть слѣдуетъ братьямъ...

— Полно, ну?.. Неужто почувствовался?

— Онъ здѣсь, Ѳедотъ Семенычъ... Приѣхалъ со мной прощенья у васъ просить... Ждетъ: позволите ли войти ему...

— Когда же сыну бываетъ заказано идти къ отцу?.. Пускай идетъ...

Ѳедотъ Семенычъ говорилъ, повидимому, спокойно, но лицо и глаза его радостно оживились. Ѳедѣ показалось даже, что онъ какъ будто вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно поднялся на ноги. Ѳедя поспѣшилъ позвать Кирилу, и намѣревался-было пустить его одного, но Ѳедотъ Семенычъ — вскричалъ ему вслѣдъ:

— Клихни его, да и самъ приходи съ нимъ... Пускай при тебѣ...

Кирила, войдя въ правленіе, бросился отцу въ ноги и, не поднимаясь съ колѣнъ, — проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Прости меня, батюшка... Положи гнѣвъ на милость!..

— Не гнѣвенъ я на тебя, а скорбенъ тобой..., — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ. — Всегда ты былъ у меня, у сердца, а если я что и дѣлалъ не по мысли тебѣ, такъ, думалъ, для твоего же добра... Скажи ты мнѣ только, Кирила: изъ совѣсти ты ко мнѣ пришелъ, али изъ-за чего другого?..

— Изъ совѣсти, изъ одной, батюшка..., — отвѣчалъ Кирила, смотря въ землю и не поднимая головы.

— Коли изъ совѣсти, такъ значитъ мнѣ и говорить больше ничего не приходится: совѣсть твоя все тебѣ скажетъ... всю вину твою передо мной... Ну, Богъ съ тобой, все тебѣ прощаю!.. Поди, обвинимся...

Кирила быстро всталъ и обнялъ отца.

У Ѳедота Семеныча падали изъ глазъ слезы на голову сына, руки его дрожали.

— Вотъ когда... сына нашегъ... Ахъ, Кирила, Кирила!.., — говорилъ онъ прерывающимся голосомъ. — Будь ты хоть послѣдніе-то годы... старость-то мою успокой...

— Успокою, батюшка!.. Ужъ коли не гнѣваешься, простишь, такъ ужъ отмѣни что вчера говорилъ: пожалуй, поѣдемъ домой... Живи съ нами...

Ѳедотъ Семенычъ нѣкоторое время молчалъ, какъ-бы собираясь съ духомъ.

— Слушай, Кирила, — заговорилъ онъ наконецъ. — Ты передо мной покался, и я покаюсь передъ тобой: изъ такой же молодой головы, какъ твоя, пришло и въ мою сѣдую голову; не я ли

самъ виновать въ тебѣ, что держаль тебя подь рукою, не даваль тебѣ полной воли?.. Коли виновать я въ томъ, такъ хочю свою вину поправить... Все тебѣ предоставляю: будь ты полнымъ хозяиномъ въ домѣ, распоряджайся всѣмъ, дѣлай все, какъ самъ знаешь... Я ни во что мѣшаться не стану, и что не по-моему будешь затѣвать, посовѣтую — коли хочешь, а останавливать не стану... А, можетъ, не лучше ли, чтобы я и вовсе изъ дома ушелъ, какъ хотѣлъ?.. Связывай прямо, по совѣсти...

— Нѣтъ, батюшка, какъ можно, чтобы родитель изъ дома ушелъ... И совѣсть моя не позволяеть того, да и что люди скажутъ?.. На милости твоей благодарю, что все мнѣ предоставляешь, а только что нѣтъ, не оставь, пожалуй, живи съ нами... Затѣмъ больше и пришелъ... просить тебя... Мы тебя успокоимъ, а ты насъ наставленьемъ своимъ не оставь!..

У Ѳедота Семеныча просіяло лицо.

— Ну, коли такъ, спасибо... Поѣдемъ..., — проговорилъ онъ весело и опять обнялъ сына. — Вотъ, Ѳедя, и у меня праздникъ!.. Теперь ужъ я и тебя сегодня-то не пушу. Погости денѣкъ, другой у насъ — на радостяхъ.

Веселые и довольные всѣ трое возвращались они въ Ступино. У воротъ ихъ встрѣтила Анна, приняла лошадь, ввела ее подь уздцы во дворъ, а потомъ кинулась со слезами въ ноги Ѳедоту Семенычу, потомъ — мужу, потомъ брату. За то Ѳедосья Осиповна встрѣтила ихъ въ избѣ безъ всякаго заявленія радости, съ тѣмъ же выраженіемъ недоумѣнія и испуга, которое точно замерло у нея на лицѣ съ минуты совершившагося на ея глазахъ примиренія Кирилы съ Ѳедей.

Черезъ два дня Ѳедоръ собрался уходить домой. На душѣ у него было тяжело, потому-что онъ не могъ добыть обѣщанныхъ Дарьѣ Тихоновнѣ денегъ и не зналъ, какъ ему показаться къ ней безъ нихъ; но на его счастье Ѳедотъ Семенычъ, прощаясь, сунулъ ему въ руку пятирублевую бумажку и требовалъ, чтобы онъ непременно взялъ ее. Ѳедя тотчасъ же отнесъ ее къ Дарьѣ Тихоновнѣ и былъ безмѣрно радъ, что могъ исполнить ея просьбу... Съ нимъ прощались тамъ и провожали его съ большой любовью и лаской... Но съ тѣхъ поръ прошло уже два мѣсяца... Какъ-то встрѣтять теперь?..

Алексѣй Потѣхинъ.

ПАНСЛАВИЗМЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

IV *).

Трудности вопроса.

Принципъ панславизма есть національный (не религиозный, и не другой) принципъ. Это вообще принимается и его сторонниками и противниками; въ такой постановкѣ панславизма есть однако трудности, въ которыхъ надо отдать себѣ отчетъ, чтобы не впасть въ ошибку о сущности дѣла.

Насколько простирается *этотъ* принципъ въ вопросѣ славянскаго объединенія; не соединяется ли онъ съ другими мотивами, напр., религиознымъ, и въ какой мѣрѣ; можно ли сравнивать «славянское чувство» съ тѣмъ національнымъ чувствомъ, которое непосредственно и живо связываетъ нѣмцевъ или итальянцевъ въ дѣйствительное единство, — такое единство, которое изъ вчерашней раздѣльности можетъ проявиться вдругъ, какъ только сломлены внѣшнія помѣхи, и которое само и слабитъ ихъ; насколько стремленіе къ единству ослабляется или нейтрализуется противоположнымъ стремленіемъ къ сохраненію своей племенной особенности, насколько, поэтому, можно думать о возможности самаго осуществленія панславизма какъ дѣйствительнаго объединенія?

---

*) См. выше: сентябрь, стр. 812.

Практическіе факты славянской жизни, давней и современной, способны возбудить по этимъ вопросамъ большія сомнѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ славянскомъ мірѣ существуетъ стремленіе къ образованію одного цѣлаго, — отчего оно выражается такъ неровно и такъ неустойчиво? Въ старыя времена племенное единство едва помнилось; племена такъ разошлись, что потеряли всякую мысль о возможности союза и общаго дѣйствія; когда у отдѣльныхъ племенъ національная борьба доходила до высшаго предѣла, до послѣдняго напряженія народныхъ силъ, какъ у чеховъ въ эпоху гусситства, у южныхъ славянъ въ періодъ борьбы съ турками, у русскихъ въ разныя тяжелыя эпохи ихъ старой исторіи и т. д., эти національные взрывы въ свое время не находили отголоска въ родственныхъ племенахъ, были имъ взаимно очень мало или совсѣмъ неизвѣстны. Большая степень взаимнаго знанія и интереса начинается лишь съ конца прошлаго столѣтія, но и здѣсь интересъ былъ очень неровный, долго не доходилъ въ массу общества, напр. русскаго, иногда почти отсутствовалъ совсѣмъ, какъ въ обществѣ польскомъ, — и въ минуты сильнѣйшаго возбужденія, какъ, напр., съ начала русско-турецкой войны и донинѣ, представлялъ много странныхъ противорѣчій, заставляющихъ недоумѣвать — насколько же дѣйствительно сильны наши между-славянскія сочувствія, что же, наконецъ, происходило предъ нашими глазами?

Можно было бы просто принять какъ историческій фактъ, и помириться съ тѣмъ, что славяне въ теченіи своей средневѣковой исторіи не знали другъ друга — живя отдѣльною жизнью, и за собственными бѣдами не имѣя никакой возможности думать другъ о другѣ. Но славянофильскіе поэты, отъ Коллара до Ѳ. Тютчева, и панславянскіе историки-публицисты самый фактъ ставятъ совсѣмъ иначе: они съ самаго начала видятъ въ славянствѣ одну семью родныхъ братьевъ, всегда другъ другу близкихъ, но разлучаемыхъ только злобой враговъ, которая и теперь только одна не даетъ имъ слиться въ прежній братскій союзъ, въ одно цѣлое. Между тѣмъ, доселѣ самое стремленіе къ такому союзу еще недостаточно выяснилось. Угнетенные турками, мадьярами или нѣмцами, славянскія національности въ большей или меньшей степени были бы расположены воспользоваться политическимъ могуществомъ Россіи для своего освобожденія — вотъ все, что до сихъ поръ имѣется въ виду. Но затѣмъ самое стремленіе къ *совмѣстному* съ Россіей политическому существованію — остается еще вопросомъ. Только будущее можетъ выяснитъ этотъ вопросъ; но не трудно предвидѣть, что онъ можетъ быть рѣшенъ въ смыслѣ

утвердительною не иначе, какъ послѣ значительной внутренней работы Россіи надъ самой-собою, т.-е. надъ тѣми условиями своего быта, которыя могли бы сдѣлаться чувствительными для славянъ, вступившихъ съ нею въ политическую связь.

Другіе наблюдатели указываютъ, что славянское движеніе нельзя сравнивать, напр., съ нѣмецкимъ или итальянскимъ. Итальянцы искали собственно не національнаго, а только *политическаго* единства, а единство національное давно уже не составляло для нихъ вопроса и давно заявлялось и существовало въ образованности и литературѣ. Также и у нѣмцевъ: цѣль нѣмецкихъ «національных» направленій была только *политическая*—удаленіе средневѣкового феодализма, который внѣшнимъ образомъ дѣлилъ нѣмецкій народъ на множество кусковъ, не давалъ возможности широкаго общественно-политическаго развитія и, отдавая народъ на произволъ и жертву мелкихъ династическихъ расчетовъ и дипломатическихъ интригъ, оставлялъ Германію безсильной какъ государство и иногда дѣлалъ ее политическую роль въ Европѣ довольно жалкой;—но *нація* была давно готова. Нѣмецкая образованность была издавна обще-нѣмецкая, была дѣломъ людей всѣхъ нѣмецкихъ странъ, расходилась по всѣмъ странамъ нѣмецкаго языка. Великія имена нѣмецкой науки и поэзіи еще съ среднихъ вѣковъ были всеобщей гордостью и всеобщимъ поученіемъ.

Было ли что подобное въ славянскомъ мірѣ? Очевидно, нѣтъ. Славянофильская школа нашла въ славянской древности только два пункта, и лишь трехъ людей, которымъ придавала значеніе всеславянское или по крайней мѣрѣ значеніе возможной связи и посредничества между славянскими западомъ и востокомъ. Во-первыхъ, это—дѣятельность Кирилла и Меодія, которая, по ихъ измыслиямъ, простиралась прямо или косвенно на всѣ славянскія племена древности, и если удержалась только на востокѣ и югѣ, то для другихъ по крайней мѣрѣ дала указаніе истиннаго пути развитія, именно развитія чисто славянскаго, независимаго отъ запада и латыни и представляющаго глубокой задатокъ для будущаго всеславянскаго ¹⁾. Во-вторыхъ, дѣло Гуса изображается какъ слѣдствіе этого стараго обще-славянскаго православнаго преданія, сохранившагося въ Чехіи отъ проповѣди Кирилла и Меодія. Но извѣстно, что, несмотря на то, славянскій міръ издавна подѣлился между греческимъ и римскимъ христіанствомъ и всю свою историческую жизнь провелъ въ этомъ церковномъ дѣленіи, съ которымъ соединилось дѣленіе культурное и по-

¹⁾ Ср. Соч. Гильфердинга, I, стр. 331—340.

литическое. Славянофилы хотѣли искать славянскаго объединенія въ православіи ¹⁾, — съ его распространеніемъ уничтожилась бы одна изъ крупныхъ причинъ разъединенія; но до сихъ поръ, въ этомъ направленіи, кромѣ «воссоединенія» западнаго края изъ униі (сдѣланнаго не совсѣмъ въ томъ же духѣ и не тѣми приѣмами, какіе отвѣчали бы общеславянской точкѣ зрѣнія), не сдѣлано было ничего. Отсюда произошло, что вѣроисповѣдннй элементъ занялъ въ теоріи славянофильства мѣсто перво-степенное. Казалось логичнымъ—разъединеніе, поддерживаемое равновѣріемъ, устранить объединеніемъ въ самой вѣрѣ. Въ дѣйствительности же тутъ была и важная логическая ошибка. Именно потому, что религіозная особность, являясь культурнымъ элементомъ, исторически обратилась въ одну изъ важнѣйшихъ чертъ самихъ національныхъ разновидностей, предпринимать искусственное объединеніе посредствомъ единовѣрія—значило бы посягать на самыя національныя особи, на самое чувство національности, —а между тѣмъ только изъ него и могло бы истекать стремленіе въ общеславянскому союзу для огражденія отдѣльныхъ національныхъ организмовъ. Если національность есть организмъ, какъ принимаютъ славянофилы, то попытка къ измѣненію этого организма въ видахъ политическихъ означало бы такое же насиліе, какое, по ихъ ученію, «петербургскій періодъ» совершалъ надъ русской стариной. Искусственное объединеніе посредствомъ одновѣрія противорѣчило бы самымъ дѣламъ объединенія, противорѣчило бы тому чувству исторической національности, изъ котораго только и можетъ пріостекать сознаніе нужды въ объединеніи политическомъ. Такимъ образомъ, вѣроисповѣдннй элементъ, вносимый славянофилами въ ихъ ученіе, на дѣлѣ оказался бы скорѣе принципомъ разъединенія, чѣмъ средствомъ собиранія родственныхъ національностей.

Въ наше время, чтобы устранить политическія несогласія

¹⁾ Какъ видимъ, они имѣли для этого основаніе, но только они дѣлали при этомъ практическія ошибки, но какіимъ вообще ихъ направленіе оставалось доселѣ исключительно теоріей кружка. Прежде всего, люди другихъ мнѣній и особенно враги, съ которыми имъ нужно бороться, не убѣдятся той теоріей мистическихъ предопредѣленій, какою они доказываютъ необходимость православія для всего славянства. Далеко, отталкивающая и постоянная ошибка есть противоположеніе славянской цивилизаціи и западной, — когда первая еще не существуетъ, какъ нѣчто равномѣрное со второй. Наконецъ, въ славянофильской теоріи нѣтъ тѣни указанія на ея практическое выполненіе; между тѣмъ, нѣтъ сомнѣній, что въ нынѣшнемъ состояніи нашей общественной и церковной жизни толки о распространеніи православія и осужденія западнаго славянства за католицизмъ случно бесплодны: „врачу, исцѣлся самъ“ — могутъ сказать, и, къ сожалѣнію, очень справедливо.

изъ-за разновѣрія, остается одно вѣрное средство: совсѣмъ устранить изъ политической программы вопросъ религіозный — или, другими словами, покрыть противорѣчіе богѣ широкимъ началомъ — полной религіозной свободы. Необходимо имѣть въ виду, что самая вражда родственныхъ національностей изъ-за разновѣрія была обусловлена въ дѣйствительности именно тѣмъ, что народы служили орудіями для борьбы духовныхъ кастъ и правительствъ, подпадавшихъ вліянію этихъ кастъ.

Славянская образованность, хотя имѣла много замѣчательныхъ лицъ и фактовъ, сдѣлала важные, иногда первостепенной цѣны, вклады въ исторію европейскаго знанія и цивилизаціи, — тѣмъ не менѣе не представляетъ ничего цѣльнаго, исключительно, своеобразно славянскаго. О ней нельзя говорить, какъ объ нѣмецкой, французской, итальянской образованности. Славянскія племена шли врозь, — въ то время, какъ одни достигали большой высоты образованія, другія были въ крайнемъ, безнадежномъ упадкѣ: образованность чешская съ XIV вѣка, польская, далматинская были неизвѣстны одна другой; славныя имена науки и поэзіи у одного племени были пустымъ звукомъ для другого, — ничего цѣльнаго, никакой преемственности, никакихъ общихъ нравственныхъ результатовъ давняго образовательнаго преданія. Напримѣръ, была ли чѣмъ-нибудь для насъ изящная поэзія старыхъ далматинцевъ, древнихъ чешскихъ поэтовъ, польскихъ писателей золотого вѣка, и т. д.? Совершенно ничѣмъ, потому что въ свое время мы о ней не имѣли никакого понятія. Мало того, доставляетъ ли нашему развитію что-нибудь современная славянская литература въ области чисто научной, гдѣ являлась общность историческихъ и археологическихъ вопросовъ? Очень немного; даже ближайшая къ намъ и одна изъ сильнѣйшихъ славянскихъ литературъ, польская, извѣстна у насъ доселѣ крайне мало. Почти единственный періодъ, гдѣ въ одной части славянства была извѣстная литературная солидарность, — есть періодъ древней православной письменности, которая черезъ посредство церковно-славянскаго языка была общею для болгаръ, для русскихъ и для сербовъ. Но и здѣсь національное было не главнымъ, а только счастливымъ удобствомъ для главнаго — для церковности. Даже русская современная литература, которая, повидимому, должна бы представлять для славянства важный интересъ по его ожиданіямъ отъ русскаго государства, народа и общества, извѣстна въ славянскомъ мірѣ самымъ отрывочнымъ образомъ, и можно сказать положительно, что ея существенные вопросы, — именно внутренніе, отъ которыхъ зависятъ и способъ отношенія русскаго

общества въ славянскому дѣлу, — до сихъ поръ очень мало занимали западную славянскую литературу — разумѣется, въ ущербъ обѣихъ сторонъ, и особенно послѣдней.

Все это не представляетъ ничего похожаго на ту исторію національной образованности, каковая у германцевъ или итальянцевъ даетъ литературѣ, а слѣдовательно вообще національной жизни характеръ цѣльности и единства, и, несмотря на политическое дробленіе, дѣлала изъ произведеній отдѣльныхъ краевъ одно національное наслѣдство. Солидарность національнаго сознанія, взаимное изученіе начинаются въ славянствѣ только въ новѣйшее время, и приобретаютъ нѣсколько значительный размѣръ лишь въ послѣднія лѣтъ пятьдесятъ. Еще живы люди, видѣвшіе первыя ясныя заявленія панславянскихъ тенденцій.

Въ общемъ теченіи жизни славянство доселѣ остается страшно раздѣленнымъ: исторія, нравы, бытъ — различны; политическіе интересы все еще идутъ врозь, и при настоящемъ положеніи Россіи, которая могла бы стать опорой для ихъ соглашенія и соединенія, соглашеніе все еще чрезвычайно трудно, даже невозможно; языкъ славянскихъ племенъ, филологически единый въ своихъ древнихъ основаніяхъ, вовсе не единъ по современному составу, и у разныхъ племенъ взаимно невразумителенъ. Въ числѣ разныхъ заботъ и задачъ, какія ставило современное славянское движеніе, ставится уже давно задача объ общеславянскомъ литературномъ или дипломатическомъ языкѣ — какъ видимъ, элементарная (но крайне трудная) задача, и рѣшеніе ея должно *съ первыи рази* доставить славянству средство взаимнаго пониманія.

Если такъ, славянское движеніе, очевидно, непохоже на національное движеніе нѣмецкое или итальянское; это есть стремленіе объединить не *народъ*, а *цѣлое племя* — въ такомъ родѣ, какъ если бы, напримѣръ, явилось стремленіе объединить латинское племя (была и дѣйствительно рѣчь о «палатинизмѣ»), или если бы германство возымѣло намѣреніе слить съ собою Голландію, Данію и Скандинавію. Гдѣ же предѣлъ этому стремленію? Оставалось бы объединить арійское племя — въ древности, оно вѣдь также возводится къ одному цѣлому.

Что же заключить изъ этого? Не поднимая вопроса о томъ, возможенъ или нѣтъ панславизмъ — въ той или другой формѣ, — нельзя не видѣть, что движеніе славянства въ этомъ смыслѣ обставлено великими трудностями по всему историческому существу дѣла, что эти трудности — вовсе не въ однихъ вышнихъ

политическихъ отношеніяхъ настоящей минуты; наконецъ, что думать помочь ему политической сентиментальностью и мистицизмомъ было бы очень просто.

Если сравнивать славянское движеніе съ національными движеніями западныхъ европейскихъ народовъ и ожидать, при известномъ политическомъ освобожденіи и солидарности, образовательнаго объединенія славянскихъ племенъ (которое, въ самомъ дѣлѣ, одно могло бы дать должное поприще для ихъ культурныхъ успѣховъ и самобытности) — хотя бы въ формѣ литературнаго объединенія съ русскимъ языкомъ, — положеніе дѣла теперь очевидно будетъ соответствовать только средневѣковымъ періодамъ европейскихъ народовъ, наканунѣ того, какъ объединился французскій, нѣмецкій, англійскій литературный языкъ. Настоящее состояніе нѣкоторыхъ племенъ, напр., балванскихъ, и по общественному быту только-что выходить изъ среднихъ вѣковъ.

Кромѣ тѣхъ сомнѣній, какія внушаетъ расчетъ современнаго внѣшняго положенія славянства, есть болѣе широкая точка зрѣнія, которая предостерегаетъ отъ увлеченій «національнымъ принципомъ», тѣмъ болѣе требующая вниманія, что послѣдователи этого принципа рѣдко заботятся о томъ, чтобы съ точностью опредѣлить его отношенія къ принципу общечеловѣческому съ одной стороны, и съ другой — къ простой насущной народной жизни, и потому на практикѣ часто ставятъ его очень грубымъ и вреднымъ образомъ. По сущности самыхъ принциповъ, между національнымъ и общечеловѣческимъ нѣтъ или не должно быть никакой на дѣлѣ противоположности, — но люди общества и сами публицисты (а въ особенности наши, которымъ всѣ эти дѣла вновь), увлекаясь «національнымъ», не умѣютъ отдать себѣ отчета въ его содержаніи и противопоставляютъ его общечеловѣческому, навывая послѣднее космополитическимъ: дѣятельность въ смыслѣ общечеловѣческомъ они выдаютъ за измѣну «національному». Въ результатѣ, получается то, что «національныя» партіи вовсе не бывають, тѣмъ самымъ, партіи, наиболѣе благоприятныя народному благу и прогрессу. «Національныя» стремленія чрезвычайно легко поддаются извращенію, эксплуатаціи, политической интригѣ, иногда самой грубой, всего легче идутъ черезъ край подъ именемъ *національной* «славы», «интересовъ» или «великодушія и безкорыстія» и т. п., — при чемъ дѣйствительный народный интересъ не только забывается, но пренебрегается какъ мелочность, мѣшающая національному величію и сценическому эффекту.

Примѣровъ сколько угодно можетъ представить современная

Европа. Когда, напримѣръ, въ началѣ столѣтія германскія правительства послѣ войны съ Наполеономъ такъ долго могли отсрочивать исполненіе данныхъ ими либеральныхъ обѣщаній, то нѣкоторая доля вины падала здѣсь на самую особенность «національной» партіи, которая являлась въ видѣ «французо-ненавистниковъ», поклонниковъ всего «родного», всѣхъ «національныхъ особенностей». Наименѣе привлекательныя изъ этихъ особенностей и продолжали жить въ ореолѣ національнаго романтизма, политически ретрограднаго, — пока смѣлая и блестящая школа «юной Германіи» не наложила безпощадной руки на этотъ романтизмъ и не обнаружила всей его политической нецѣлостности. Франція двадцать лѣтъ мирилась съ правленіемъ Наполеона III, благодаря тому, что онъ обманывалъ ее «славой», въ которой такъ чувствителенъ французскій народъ, талантливый, но и страшно самолюбивый. О нѣмцахъ нечего и говорить; всѣмъ бросаются въ глаза крайности ихъ національныхъ увлеченій, и двѣ параллели Франціи и Германіи въ 1871 и 1878 чрезвычайно поучительны. Въ Англіи національная идея выразилась знаменитыми «британскими интересами», противъ которыхъ, наконецъ, приходятъ въ негодованіе сами англичане, мнѣній Гладстона и многихъ другихъ лучшихъ умовъ Англіи, напоминавшіе, что, кромѣ «интересовъ» (черезъ всякую мѣру преувеличенныхъ), у народовъ должна быть еще совѣсть. Наши «національные» публицисты звають эти и подобные примѣры; они издавна выучились говорить о французскомъ шовинизмѣ, не уставали трунить надъ нѣмецкимъ «фатерландомъ» (самымъ этимъ словомъ они любили дѣлать нѣмцамъ колкость); обличеніямъ Биконсфильда въ послѣднее время не было конца. Все это было бы прекрасно, еслибъ политическіе критики не ограничивались «киваньемъ на Петра» и въ другихъ случаяхъ подобнаго свойства ихъ разсужденія не были самымъ беззащитнымъ лицемѣріемъ...

Такия преувеличенія или извращенія «національнаго принципа» могутъ дѣлать его прямо ретрограднымъ принципомъ — не только относительно другихъ народовъ, но и того самаго, которому онъ призывается служить. И въ политикѣ внутренней, «національной идеей» прикрывались не разъ и не безъ успѣха теоріи, ни мало не расположенныя заботиться о народномъ благѣ; теоріи, которыя подъ видомъ охраненія преданій и учрежденій, «освященныхъ вѣками», охраняли самыя зловредныя наслѣдія временъ стараго невѣжества, грубости, даже варварства (у насъ крѣпостное право процвѣтало въ то самое время, когда официально заявлено было начало «народности», какъ одно изъ

основаній русской жизни). Наши публицисты до сихъ поръ клеймятъ у насъ «космополитами» (!) тѣхъ, кто указывалъ на внутреннія потребности общества, какъ на предметъ заботы, не менѣе, если не болѣе важный, чѣмъ тотъ національный вопросъ, ради котораго ихъ готовы были забывать. Поэтому, очень правы бывали писатели, прямо утверждавшіе, что въ практической политикѣ изъ «національности» и «народности» сдѣлались вещи противоположныя, другъ друга исключающія.

Привычка мѣшать народъ въ политическую исторію, — говорили они, — брать часть за цѣлое и навязывать народу дѣла и формы, въ которыхъ онъ никогда не имѣлъ прямого участія, есть софизмъ, которымъ фаталисты закрывали путь всякому разумному улучшенію, ссылаясь на историческія препятствія. Эти историческія препятствія и особенности касались вездѣ только незначительнаго меньшинства или нѣсколькихъ верхнихъ слоевъ; исторія *народной массы* была просто исторія рабочей силы, которая не распоряжалась собой; народная масса только пассивно участвовала въ исторіи политической, которая была дѣломъ этого меньшинства — феодаловъ, духовенства, городскихъ классовъ и т. под. Были случаи, гдѣ и народъ подавалъ свой голосъ въ событіяхъ и дѣйствовалъ собственной волей — это бывали отчаянныя минуты иноземныхъ завоеваній; но внутри, его прямое участіе въ «исторіи» заявлялось страшными возстаніями, когда гнетъ, лежавшій на немъ, превышалъ всѣ его силы. Упомянутый софизмъ обыкновенно выводитъ всю политическую исторію, и дѣянія самого меньшинства какъ выраженіе «народной идеи», характера и т. п.; но какъ укладываются въ эту теорію взрывы народной ненависти противъ существующаго порядка? Утонченная логика новѣйшихъ историковъ отыскиваетъ и для нихъ свое частное объясненіе; но можно ли сказать, чтобы она выяснила эти факты во всемъ ихъ печальномъ значеніи? Это, очевидно, взрывы наболѣвшей язвы, которой продолжительность сами историки считаютъ иногда вѣками, — чѣмъ же была исторія народной массы въ теченіи *этихъ вѣковъ*?

Наше время называютъ по преимуществу вѣкомъ демократическихъ началъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ конца прошлаго столѣтія, когда торжественно провозглашались «права человѣка», судьба народныхъ массъ, защита ихъ права больше чѣмъ въ какой-нибудь періодъ исторіи, послѣ I вѣка, возбуждала горячее участіе лучшихъ умовъ общества, которые были ихъ адвокатами — и въ философско-политическихъ теоріяхъ, и въ гуманной морали, и въ филантропіи, и, наконецъ, въ политической борьбѣ. Этому

движенію несомнѣнно предстоить будущее, и исторія будетъ дѣломъ народовъ не на однихъ словахъ; распространеніе политическихъ правъ, совершавшееся во всей Европѣ въ теченіи послѣдняго столѣтія, есть уже большой шагъ въ этомъ направленіи... Но и донинѣ, взявши громадное большинство политическихъ фактовъ новѣйшаго времени, можно ли сказать, что народныя массы имѣли въ нихъ какую-нибудь долю *сознательнаго* участія? Не читали ли мы, напротивъ, жалобъ, что сельскія населенія остаются равнодушны къ политическимъ дѣламъ, напр., даже въ странахъ съ особенно развитой политической жизнью, какъ Франція?

Имѣеть ли наша народная масса сознательное участіе въ настоящемъ славянскомъ вопросѣ? Имѣеть—чувствомъ состраданія и симпатіи къ единовѣрцамъ, терпѣвшимъ невыносимое, злобное иго—въ томъ смыслѣ, въ какомъ дошли до нея отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ фактѣ. Но было бы лицемеріемъ и ложью—утверждать, что народная масса имѣеть то или другое определенное понятіе и желаніе относительно всего нашего способа дѣйствій въ послѣдніе годы. Дѣло, конечно, невозможное, но мы думаемъ, что если бы теперь, какъ въ концѣ XVII-го вѣка, народный соборъ былъ спрошенъ,—онъ, вѣроятно, употребилъ бы оговорки, которыхъ вовсе не дѣлало большинство воинственныхъ публицистовъ; онъ сказалъ бы приблизительно то же, что сказалъ въ XVII-мъ столѣтіи, именно—за внѣшними дѣлами онъ не забылъ бы настоятельныхъ внутреннихъ нуждъ, и, словомъ, по многимъ случаямъ высказалъ бы не тѣ мысли, какія проповѣдуются иными публицистами, берущими на себя выражать идеи и желанія «народа»...

Но, какъ бы то ни было, существуетъ фактъ, что въ славянствѣ идетъ хотя еще неясный, но несомнѣнный процессъ взаимнаго сближенія; пробудилось племенное чувство, которое, по видимому, стремится все больше отыскать себѣ реальное выраженіе. Русскій народъ давно возбуждалъ извѣстныя сочувствія и надежды, и преимущественно въ славянствѣ балканскомъ существовало ожиданіе, что отъ этого народа, родственнаго и единовѣрнаго, придетъ помощь, которая пособитъ славянству начать новую жизнь просвѣщенія и свободы. То, о чемъ не было и мысли сто лѣтъ тому назадъ, что казалось политической фантазіей въ началѣ нынѣшняго вѣка, тѣмъ дальше, тѣмъ больше выясняется въ понятіяхъ и отчасти исполняется на фактахъ.

Итакъ, въ славянствѣ идетъ національное броженіе, — совершается историческій процессъ. Къ чему онъ поведетъ? какую готовить судьбу для славянства? Наступитъ ли новая эпоха цивилизаціи, жданная славянскими патриотами, — или начнется новая долгая, для иныхъ племенъ юга и запада послѣдняя борьба за свое бытіе? Какая роль выпадетъ Россіи въ ихъ будущемъ?

Трудно выбирать между отвѣтами, какіе давались на эти вопросы, — отвѣтами оптимистовъ (славянскихъ патриотовъ и даже не-славянскихъ историковъ, какъ Гельвальдъ), которые пророчатъ славянству побѣду и славное будущее, или отвѣтами пессимистовъ, враговъ славянства или славянскихъ патриотовъ, смущаемыхъ тяжелымъ прошлымъ и слишкомъ часто безотраднымъ настоящимъ. Но надо видѣть обѣ стороны. На югѣ борьба уже отмѣчена страшнымъ истребленіемъ: послѣдніе годы унесли десятки тысячъ тѣхъ самыхъ людей, которые показали всего больше энергіи въ защитѣ свободы и человѣческаго права, — которые собственно подыали снова весь восточный вопросъ; и славянскіе патриоты боятся, что западно-балканскому славянству, уцѣлѣвшему отъ турокъ, придется надѣть ярмо «швабы» и еврейства. Дѣла славянства на западѣ до сихъ поръ были незавидны. Можетъ быть, теперь они будутъ еще труднѣе: послѣднія событія снова вызвали призракъ «панславизма», и политическіе враги славянства, вѣроятно, не преминутъ принимать противъ него дѣйствительныя мѣры. Единственнымъ средствомъ противостоять этимъ мѣрамъ была бы политическая солидарность, которой такъ давно ищутъ славянскія племена; но можно ли сказать, что эта солидарность существуетъ? Не оказалось ли въ ней печальныхъ пробѣловъ, даже когда Россія выступила за балканское славянство во всеоружіи своей военной силы?

Одинъ изъ такихъ пробѣловъ, возбуждающихъ недоумѣніе, представился самою политикою Россіи по отношенію къ славянскимъ странамъ Балканскаго полуострова. Сильное славянское государство могло бы, очевидно, составить тамъ прежде всего вокругъ Сербіи, какъ ядра. Болгары, предоставленные самимъ себѣ, могли бы еще устроиться сами, но въ настоящее время не могутъ стать центромъ для объединенія. Между тѣмъ, наименьшее сочувствіе съ нашей стороны было выказано сербамъ; Черногоріи оказывалось явное предпочтеніе, какъ-бы въ усиліе соперничества между двумя княжескими дворами. Сербское дѣло въ Босніи и Герцеговинѣ, — населенныхъ чистѣйшимъ сербскимъ народомъ, которому, по всей справедливости и по всѣмъ услови-

ямъ историческимъ и этнографическимъ, слѣдовало применить къ тому или другому изъ сербскихъ княжествъ, — это сербское дѣло дошло до страшнаго положенія, грозащаго (по впечатлѣннѣю близкихъ свидѣтелей) гибелью цѣлаго, повторяемъ, чистѣйшаго сербскаго края. Наконецъ, въ Болгаріи, еще до полнаго ея освобожденія, были предприняты бытовныя реформы безъ всякой сиравки съ желаніями ея населенія.

Славянству предстоитъ не только политическая борьба и экономическая конкуренція, но и національная борьба въ области образованія и культуры. Западное славянство понесло въ этомъ отношеніи уже много потерь; нѣмецкое образованіе, нравы, языкъ постоянно распространяются въ земляхъ австрійскаго славянства и въ польскихъ земляхъ Пруссіи, — а нѣмецкое вліяніе сильно всѣмъ объемомъ нѣмецкой образованности и широкимъ общечеловѣческимъ значеніемъ. Нѣмецкое образованіе становится для западнаго славянства средствомъ вообще для усвоенія европейской науки и цивилизаціи.

Эта сторона національнаго вопроса часто понимается и въ западномъ славянствѣ и у насъ самымъ превратнымъ образомъ. Пугаясь нѣмецкаго или вообще западно-европейскаго вліянія, думаютъ, что отъ него можно избавиться бѣгствомъ: ультра-національные патриоты, напр., у чеховъ, считали, бывало, грѣхомъ учиться по нѣмецкому писателю; наши — тоже съ высоко-мѣриемъ относятся къ «нѣмецкимъ книжкамъ» (съ которыми сами бывають обыкновенно мало знакомы). Эта жалкая точка зрѣнія, у насъ изобрѣтенная «кваснымъ патриотизмомъ» и не исчиславшая до сихъ поръ, конечно, только питаетъ невѣжество; между тѣмъ только возвышеніе умственнаго уровня и можетъ дать «національности» силу выдержать конкуренцію образованія; иначе наша русская образованность волей-неволей будетъ оставаться въ ученичествѣ, и тѣмъ самымъ терять авторитетъ въ славянствѣ. Русскому обществу, которое и доселѣ не имѣетъ понятія о свободной широкой наукѣ, слѣдуетъ въ особенности понять, что просвѣщеніе (т.-е. настоящее, а не воображаемое) есть капиталный пунктъ, отъ котораго зависитъ и наше значеніе въ славянствѣ, и даже политическая сила.

Это — одно условіе нашего вліянія (или господства?) въ славянскомъ мірѣ, если мы хотимъ его достигнуть. Другое, съ нимъ тѣсно связанное — наша внутренняя общественно-политическая самостоятельность. Наша помощь славянству не будетъ полной, если будетъ состоять въ однихъ арміяхъ; подвиги, совершаемые арміями, могутъ не дать настоящаго, даже никакого, результата,

если не будутъ поддержаны постоянной солидарностью общества. Арміи могутъ блистательно сдѣлать свое дѣло, какъ сдѣлали его въ настоящей войнѣ; но въ той же мѣрѣ, какъ оружіемъ, вопросы рѣшаются первоначальной нравственно-политической постановкой дѣла, которая будетъ прямо зависѣть отъ наличнаго характера общества, или его руководителей, отъ его внутренне-политическаго состоянія. Берлинскій трактатъ возбудилъ у насъ большія недоумѣнія и недовольство; онъ и въ самомъ дѣлѣ неудовлетворителенъ; но недоумѣнія общества были напрасны—само оно въ громадномъ большинствѣ не представляло и не представляетъ нравственно-политическихъ данныхъ, по которымъ могло бы требовать большаго результата. Было ли общество приготовлено въ пониманію тѣхъ вопросовъ, какіе предстали въ южно-славянскихъ событіяхъ; много ли заботилось оно о томъ, чтобы установить, хотя въ предположеніи, русскія отношенія въ балканскому славянству, — высказало ли свои настоящія мысли и желанія, — да и думало ли вообще высказать ихъ съ нѣкоторой полнотой и правомъ на вниманіе?...

Послѣдняя война сдѣлала многое для южнаго славянства, но не все, что могла бы сдѣлать; многое разъяснила для русскаго общества, но также не все. Въ то время, какъ русскія войска возвращаются, и встрѣчаются горячими народными сочувствіями и оваціями, такъ хорошо заслуженными, положеніе вещей на славянскомъ югѣ остается мрачнымъ, и первые мѣсяцы исполненія берлинскаго трактата ознаменовываются фактами, напоминающими ужасныя событія въ Болгаріи въ 1876 году. Сербы прямо жалуются, что Боснія и Герцеговина, столько же нуждавшіеся въ освобожденіи какъ Болгарія, но показавшія гораздо болѣе энергіи въ борьбѣ, что онѣ «преданы». Болгарія разбита на пять кусковъ, и ея македонская часть, съ миллионнымъ населеніемъ болгаръ, какъ говорятъ, не имѣя иного спасенія отъ греко-турецко-албанскаго преслѣдованія, думаетъ принять унию, такъ какъ католицизмъ умѣетъ лучше защищать свою паству, чѣмъ православная славянская іерархія. Въ Босніи и Герцеговинѣ идетъ, конечно, не «оккупация», и даже не война, а рѣзня, давно не виданная въ предѣлахъ Европы; эти несчастныя страны явили неслыханный примѣръ союза христіанъ съ магометанами — противъ «швабы». Это—исполненіе берлинскаго трактата, «примирившаго всѣ интересы». Но пусть читатель не успокоивается негодованиями на Англію или на Европу: эти негодования ничего ему не объяснятъ и ничего не помогутъ.

Особенныя трудности окружаютъ западное, австрійско-прус-

свое славянство; которому очень серьезно грозитъ германизация. Здѣсь между-славянскій вопросъ еще залутаннѣе; наше отношеніе къ полякамъ, чехамъ, католическимъ сербо-хорватамъ, словинцамъ, лишено связей единовѣрія, и вълѣдствіе того, нашему обществу гораздо труднѣе, чѣмъ относительно южнаго православнаго славянства, опредѣлить и свое фактическое отношеніе къ нимъ, и то, вѣдь и въ чемъ можетъ быть найдена наша солидарность съ ними.

Наконецъ, хотя славянскій міръ и обнаруживаетъ теперь видимое стремленіе восстановить и укрѣпить взаимную связь своихъ частей, это вовсе не значитъ, что славянскіе «ручьи» желаютъ слиться и потеряться въ русскомъ «морѣ». Совсѣмъ напротивъ. Каждая отдѣльная народность, даже мелкая, даже мало чѣмъ отличающаяся отъ болѣе крупной вѣтви, къ которой она примыкаетъ, — дорожитъ своей особенностью; такъ что среди всѣхъ центро-стремительныхъ движеній къ единству и союзу, въ славянскихъ племенахъ остается повсюду движеніе центробѣжное, сознание своей отдѣльности, и стараніе сохранить ее. Это очень естественно. Народность, разъ сознанная, приобретаетъ двойную цѣну; ея непосредственное значеніе усиливается, когда обстоятельства, несчастливныя или несчастныя, вставляютъ дорожить ею какъ выраженіемъ народной личности. Для массъ отвязъ отъ народности — вещь невыносимая, какъ отвязъ отъ всей своей природы; нарушеніе ея всегда нравственно трудно для народа, всегда нравственно тяжело и оскорбительно. Судьба «последнихъ меггизанъ» — тяжестная и трагическая. Какими же способами могутъ быть примирены два теченія, оба — естественныя и человѣчныя; какъ, при частномъ консерватизмѣ (сепаратизмѣ) отдѣльныхъ единицъ, можетъ быть достигнуто объединеніе цѣлаго, — особенно тогда именно это объединеніе считается необходимымъ условіемъ для его сильнаго развитія, которое одно можетъ дать всему племени и его частямъ средства — выдержать общую имъ всѣмъ борьбу съ другими, чуждыми племенами и обезпечить свободный ходъ національности?

Такимъ образомъ, вопросъ единства соединяется со множественностью разнаго рода трудностей. Панославизмъ, — понимая его въ широкой бы то ни было формѣ солидарности, если не прямо политической, то образовательной, литературной, но солидарности дѣйствительной, а не голословной и воображаемой, — очень мудро осуществимъ. Прежде всего, славянскому движенію необходимо, раньше какихъ-нибудь дальнѣйшихъ плановъ, обезпеченіе политической свободы для каждаго племени въ отдѣльности, — потому

что только при этомъ могутъ раскрыться національныя силы. Въ главной политической группѣ славянства только это рѣшеніе и можетъ устранить печальный разладъ двухъ національностей, такой разладъ, который иначе будетъ служить однимъ изъ главныхъ противорѣчій и главныхъ тормазовъ нравственному объединенію славянъ. Въ отношеніи обще-культурномъ, славянству предстоитъ большой трудъ образовательный, — у многихъ племенъ едва начатый, а у всѣхъ въ сложности далеко отстающій отъ образованности западно-европейской, и еще предстоитъ найти общій литературный языкъ вмѣсто нынѣшняго вавилонскаго смѣшенія нарѣчій — близкихъ, да, но недоступныхъ одно другому безъ изученія. Взаимныя отношенія славянскихъ племенъ еще исполнены недоразумѣній, иногда равнодушія, часто недовѣрія или даже настоящей вражды. Наконецъ, если западное славянство не можетъ обойтись безъ помощи Россіи (что очень вѣроятно), то эта помощь можетъ быть дѣйствительна только тогда, когда сама Россія пройдетъ свой процессъ обновленія, сложный, какъ сложны свойства ея политической и національной природы, — но вовсе впрочемъ и не такой трудный, если бы общество сознало, наконецъ, свое положеніе и непремѣнную необходимость этого обновленія.

И пусть не думаютъ, что дѣло идетъ только объ отсрочкѣ скорого объединенія славянъ Россією. Вопросъ здѣсь совершенно практической: до исполненія пеманутаго условія, всѣ славяне, не исключая самыхъ православныхъ, будутъ бояться Россіи, и обращеніе къ ней будетъ въ умѣ ихъ имѣть только смыслъ эксплуатаціи матеріальныхъ силъ Россіи въ ихъ пользу. До союза нравственнаго, до откровеннаго стремленія въ какой-либо прочной политической связи отсюда далеко. Наоборотъ, всякое стремленіе наше — при отсутствіи обновленія — искусственно ускорить объединеніе славянъ съ Россією можетъ создать между нами и всѣмъ безъ исключенія славянствомъ полное недовѣріе, которое исключить и смыслъ и самую возможность объединенія.

Наконецъ, время не ждать. Событія идутъ теперь быстрѣе, чѣмъ прежде; труднѣе вѣрить въ «неистребимость національностей» — славянскіе патріоты, сознающіе положеніе, боятся, что для нѣкоторыхъ отраслей славянства помощь уже *опоздала*, боятся, что въ настоящую минуту она легко можетъ опоздать для Босніи и Герцеговины. Невозможно думать, что время будетъ работать въ нашу пользу, — оно можетъ работать и противъ славянства, и уже много поработало. Если мы будемъ забывать указанія и требованія исторіи, она пойдетъ мимо насъ. Славянство, потерявши увѣренность въ Россію, отталкиваемое упомянутыми прежде усло-

вліяннн, можетъ отдѣлиться отъ насъ и нравственно, и политически, и съ этимъ наше «мѣсто въ Европѣ» очень уменьшится. Что это не невозможно, могли бы указать нѣкоторые эпизоды послѣднихъ четырехъ лѣтъ: были случаи, когда наши политики замѣчали, что та или другая славянская страна можетъ стать для насъ «второй Польшей». Странныя и печальныя слова среди толпъ о славянствѣ!

Мы не исчерпали всѣхъ сомнѣній и трудныхъ пунктовъ вопроса, ничего не загадываемъ, и хотимъ только указать, что вопросъ вовсе не таковой простой и ясный, какъ онъ казался и кажется многимъ мечтателямъ, славянскимъ и русскимъ. Великіе историческіе факты,—какимъ было бы славянское объединеніе,—дешево не достаются; для нихъ долженъ быть совершѣнъ неотложный и серьезный трудъ, во всѣхъ областяхъ національной жизни, гдѣ славянству нужно добиться своей самобытности. Русскіе любители славянства не разъ дѣлали себѣ изъ панславизма заманчивый идеалъ, и были убѣждены, что идеалъ осуществится именно съ могущественнымъ вмѣшательствомъ Россіи. Исторія славянскихъ отношеній Россіи еще не далека; но и она уже успѣла дать нѣсколько вразумительныхъ фактовъ, показывающихъ, что для успѣха дѣла—даже въ скромной формѣ нѣкоторой общественно-политической солидарности славянства—недовольно лирическихъ призывовъ къ братству, недовольно даже грандіозныхъ военныхъ подвиговъ, а нужна еще работа общества надъ своими внутренними задачами, нужно широкое образованіе, свободная наука и общественность.—Исторія русскаго панславизма даетъ поучительныя примѣры того, какъ наилучшія намѣренія, благороднѣйшіе идеалы были бессильны въ томъ грубомъ состояніи общественности, гдѣ не полагалось мѣста для сколько-нибудь свободной мысли и идеала.

V.

РУССКІЙ ПАНСЛАВИЗМЪ.

Подъ русскимъ панславизмомъ западные писатели разумѣютъ обыкновенно, принимаемое ими за несомнѣнное, стремленіе Россіи воспользоваться племенными влеченіями славянскихъ племенъ, слабыхъ въ отдѣльности, для установленія своего вліянія или господства надъ ними, съ тѣмъ, чтобы грозить потомъ Европѣ. Россіи приписывалась макіавеллическая политика, имѣвшая цѣлью

прежде всего завладѣніе Балканскимъ полуостровомъ и Константинополемъ. На *этой* тѣмѣ мы останавливались въ другомъ мѣстѣ, и о ней говорить теперь не будемъ, а здѣсь писемъ въ виду другое — тѣ мысли о славянскомъ единствѣ и идеалы будущаго развитія славянскаго міра, какіе возникали въ русскомъ обществѣ, или — вѣрнѣе — въ его узкой литературной средѣ.

Если бы иностранные писатели тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, говорившіе о панславистскихъ замыслахъ Россіи, знали ближе судьбу этихъ мыслей и идеаловъ въ русской жизни, они значительно бы успокоились. Русскому обществу эти мысли приходили не часто; въ образованнѣйшей части его больше заботились о другихъ, болѣе настоятельныхъ нуждахъ своего просвѣщенія; а когда приходили эти мысли, онѣ такъ мало поощрялись людьми, властью и мушкетерами, что — смѣшно читать опасенія иностранцевъ о грозномъ характерѣ русскихъ панславистовъ: дома на нихъ едва обращали вниманіе, они едва были терпимы, а иногда имъ приходилось даже довольно жутко.

Въ послѣдніе годы, по поводу славянскихъ влеченій русскаго общества, не разъ вспоминали о знаменитомъ хорватѣ Юріѣ Крижаничѣ, который въ XVII столѣтіи предлагалъ свои панславистскіе планы царю Алексѣю Михайловичу. Характеристично то, что этотъ первый представитель панславянской идеи въ Россіи не былъ русскій; точно предназначавиенъ было и то, что этотъ первый панславистъ не нашелъ въ московскомъ царствѣ никакого сочувствія своимъ идеямъ и, пришедши ради ихъ въ Россію изъ дальняго славянскаго края, окончилъ свою жизнь въ Сибири.

Въ статьѣ о развитіи «славянской идеи» въ русскомъ обществѣ ¹⁾ указывалось, что эта идея вообще явилась у насъ, какъ нѣчто сознательное, очень поздно: что старина, въ которой была по-крайней-мѣрѣ известная солидарность единовѣрія и церковной письменности съ южнымъ православнымъ славянствомъ, передала новому времени только слабую нить этого преданія. По отзыву одного изъ самихъ славянофиловъ, Петръ-Великій, — обыкновенно обвиняемый этой школой за нарушеніе національной старины, — гораздо лучше, чѣмъ сами представители этой старины, московскіе цари XVII вѣка, понялъ важность русско-славянскихъ отношеній, отыскивая между западнымъ славянствомъ людей, годныхъ для русскаго просвѣщенія, отрывая связи съ Черной-Юрой, задумывая широкіе планы будущаго. Въ его дѣятельности видятъ черты самаго настоящаго панславизма. Но какъ его дѣя-

¹⁾ Вѣстн. Евр., 1876, май.

тельность вообще, такъ и эта ея сторона были очень плохо поняты его преемниками, и планы оставались неисполненными. Судьба русско-славянскихъ отношеній была предоставлена случайности событій. Столкновения Россіи съ Турціей все болѣе и болѣе выдвигали южно-славянскій вопросъ: турецкое славянство всеминало о единовѣрїи и единоплеменности съ русскимъ народомъ, слышало объ его возрастающемъ могуществѣ, и ожидало, что Россія должна подать ему помощь—и по единовѣрїю, и по собственной выгодѣ. Сближенія, въ этомъ смыслѣ, исвало гораздо болѣе южное славянство, чѣмъ Россія; для него это былъ жизненный вопросъ, понятный каждому въ народной массѣ; для русской правительственной власти эти вопросы были, повидимому, очень чужды и славяне представлялись какъ нѣчто въ родѣ бѣдныхъ родственниковъ,—а русское «общество» тѣхъ временъ не осмѣливалось имѣть сужденіе о политическихъ предметахъ, да и мало о нихъ знало и ими интересовалось. Ожиданія славянства выражались иногда такъ явно, что русскіе дипломатическіе люди, бывавшіе на мѣстахъ, не могли ихъ не видѣть, иногда глубоко поражались ими,—какъ, напр., русскій резидентъ въ Константинополѣ, Вешняковъ, при имп. Елизаветѣ, который еще въ половинѣ прошлаго столѣтія горячо настаивалъ на необходимости освободить балканскихъ христіанъ силою оружія, и убѣждалъ правительство въ легкости этого дѣла при великомъ сочувствіи къ намъ южнаго славянства. Убѣжденія его остались безплодны. Южные славяне обращались въ русскому правительству и съ тайными, и съ явными просьбами о защитѣ и покровительствѣ со временъ Петра и до имп. Александра. Турецкія войны открывали русскимъ дѣльные народы единоплеменниковъ и единовѣрцевъ; правительство начинало понимать, что ихъ присутствіе можетъ имѣть практическую цѣну, и начинало, хотя слабо, вводить ихъ въ политическія и военныя комбинаціи. Въ небольшомъ кругѣ образованныхъ людей стала мелькать мысль о возможномъ восстановленіи независимости этихъ родственныхъ племенъ, о союзѣ съ ними, о будущемъ могуществѣ славянскаго народа въ соединеніи съ Россіей, подъ ея охраной и предводительствомъ.

Такія мысли возникаютъ въ особенности съ первыхъ годовъ царствованія императора Александра I. Общественная мысль вообще была рабужена, политическіе вопросы стали занимать умы, современные событія наводили на славянскія дѣла. Въ то время шла борьба сербовъ за свою независимость и не могла не пробудить сочувствія въ людяхъ, которые имѣли понятіе о народѣ

или даже сами его видѣли, и первое основаніе общественнаго интереса въ славянству было положено.

Таковы были двѣ записки о южно-славянскихъ дѣлахъ, представленныя въ 1804 и 1807 годахъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, — еще не было другого пути заявить мысли этого рода, какъ представивъ ихъ, на французскомъ языкѣ, въ подлежащее вѣдомство по начальству. Одна записка принадлежала В. Н. Каразину, извѣстному, немного фантастическому филантропу и либералу Александровскихъ временъ. Сербы именно просили тогда помощи русскаго правительства, и Каразинъ убѣждалъ въ необходимости этой помощи: «можетъ ли верховный повелитель свободныхъ славянъ, единственный защитникъ православной церкви, смотрѣть равнодушно на всѣ скорби народовъ, близкихъ имъ и по крови и по религіи?» Правда, онъ совѣтовалъ дѣйствовать очень осторожно, изъ опасенія возбудить вражду Австріи, но мечты его шли далеко: онъ мечталъ объ основаніи «царства словенъ», съ однимъ изъ братьевъ императора Александра во главѣ: это царство должно было со временемъ распространиться до Адриатическаго моря, въ Албанію, Македонію, а съ другой стороны, обнять южныя (сербо-хорватскія) земли Австріи. «Но энтузіазмъ не признаетъ географическихъ границъ, — продолжалъ онъ мечтать: — вскорѣ неотразимое очарованіе одного только имени этой прекрасной страны привлечетъ переселенцевъ изъ болѣе отдаленныхъ племенъ славянскихъ, и они придутъ и заселятъ еще пустыя страны. Это царство, которое въ скоромъ времени разовьется и образуется, связанное съ русскою имперіей узами религіи, крови и благодарности, сдѣлается ея складочнымъ мѣстомъ и естественной точкой опоры во всѣхъ ея подвигахъ, во всѣхъ ея сношеніяхъ съ Европой и Африкой».

Другая записка, на французскомъ языкѣ, представлена была Броневскимъ, образованнымъ морскимъ офицеромъ, однимъ изъ сподвижниковъ Сенявина на Адриатическомъ морѣ. Впоследствии Броневскій написалъ двѣ замѣчательныя книги, въ которыхъ описывалъ дѣйствія Сенявинской экспедиціи и свое странствованіе съ отрядомъ матросовъ изъ Триеста, черезъ славянскія земли Австріи въ Россію. Въ своей запискѣ Броневскій убѣждаетъ правительство принять участіе въ положеніи сербовъ турецкихъ и австрійскихъ, и оказать содѣйствіе ихъ предпріятію — освободиться отъ ига турецкаго и нѣмецкаго. Онъ настаиваетъ на томъ, что сохраненіе славянства, утвержденіе его въ формѣ государства, чрезвычайно важно въ политическомъ отношеніи для самой Россіи: это всегда была бы для нея великая помощь противъ евро-

пейской коалиціи. Предоставленные самимъ себѣ, славяне не въ состояніи добиться свободы и основанія государства, и Россія должна помочь имъ и по нравственному долгу, и по разсчету. То была пора тильзитскаго мира, и Броневскій указываетъ, что Россіи необходимо обезпечить себя противъ грознаго союза, управляемаго Наполеономъ. Единственное средство для Россіи предохранить себя отъ этой опасности есть основаніе *славянской федераціи*.

Въ своихъ, позднѣе изданныхъ, книгахъ ¹⁾ Броневскій съ любовью описываетъ свои встрѣчи съ славянскими населеніями Австріи, гдѣ славяне вообще принимали его съ большимъ радушіемъ; среди нихъ иногда онъ чувствовалъ себя какъ дома (напр., у венгерскихъ русиновъ). Въ новой русской литературѣ рассказы Броневскаго были однимъ изъ первыхъ заявленій о славянскомъ родствѣ и однимъ изъ первыхъ фактовъ русскаго «панславизма».

Мысль о союзѣ съ южнымъ славянствомъ и о содѣйствіи его политическому устройству, высказанная Броневскимъ, повторяется послѣ и въ предположеніяхъ самого правительства, напимѣръ, въ инструкціяхъ, данныхъ Чичагову при назначеніи его главнокомандующимъ молдавской арміей, и въ его собственныхъ планахъ, 1811—1812 гг. Въ виду опасности, грозившей отъ Наполеона, русское правительство думало «воспользоваться военнымъ духомъ народовъ славянскаго происхожденія, — сербовъ, босняковъ, далматинцевъ, черногорцевъ, хорватовъ, иллировъ». При ихъ содѣйствіи, предполагалось сдѣлать сильную диверсію, которая отвлекла бы силы Австріи и направилась бы также противъ французовъ на адриатическомъ Приморьѣ и т. д. Чичагову рекомендовалось всѣми средствами привлечь расположеніе южнославянскихъ населеній, и, въ случаѣ надобности, разрѣшалось «общать независимость, образованіе *славянскаго королевства*».

Чичаговъ вполне вошелъ въ эти планы и принялся самъ развивать ихъ. Онъ восхищался мужествомъ и энергіей сербовъ, ихъ привязанностью къ Россіи, ихъ готовностью сражаться въ союзѣ и подъ покровительствомъ Россіи, въ надеждѣ, разумѣется, устроить и свою собственную судьбу. Чичаговъ строилъ уже широкіе планы военныхъ и политическихъ предпріятій, восхвалялъ сербовъ («этотъ народъ для насъ сокровище»),—но его прекрас-

¹⁾ „Записки морскаго офицера“, 1818—19; „Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга въ 1810 г.“, 1828.

ныя ожиданія не сбылись: событія заставили покинуть балканскія дѣла, Чичаговъ былъ вызванъ на Березину ¹⁾...

Новѣйшіе критики относятся строго къ этимъ и подобнымъ мечтамъ и предположеніямъ объ освобожденіи южнаго славянства, объ устройствѣ для него государства и будущей его роли. Броневскаго, Чичагова и другихъ тогдашнихъ теоретическихъ политиковъ упрекаютъ, что «при составленіи своихъ прожектовъ объ устройствѣ быта южныхъ и западныхъ славянъ, они, по видимому, и не подумывали необходимости *предварительнаго вопроса* населеній, конкъ хотѣли облагодѣтельствовать, относительно ихъ главныхъ нуждъ, желаній. Этимъ попечителямъ славянъ не приводилось вовсе задумываться надъ внутреннимъ значеніемъ историческихъ явленій и учреждений, которыя привели и держали славянъ въ печальномъ состояніи внѣшняго и духовнаго рабства. Уму этихъ русскихъ друзей славянъ и не представлялось даже вопроса: новыя, вызываемыя ими для славянъ, формы жизни и учрежденія — какого духа и характера? въ какой степени сама Россія и ея образованное общество могли быть названы самобытными, независимыми, славянскими? Всѣ эти легко задуманные планы освобожденія южныхъ и западныхъ славянъ не могли и по другимъ причинамъ имѣть какой-либо практической успѣхъ. Безъ помощниковъ и сотрудниковъ изъ среди самихъ славянъ русскіе образованные люди — еслибъ даже въ то время ихъ было много — ничего не могли бы подѣлать. Въ первую четверть нынѣшняго столѣтія, національная славянская интеллигенція едва лишь начинала возникать ²⁾...

Въ существѣ—это справедливо; но, перенесшись ради исторической справедливости въ то время, надо умѣрить это осужденіе. Главное въ мнѣніяхъ этихъ теоретиковъ было справедливо: славянскіе — особенно южные — народы нуждались въ свободѣ и искали ея съ оружіемъ въ рукахъ и съ рискомъ гибели, — объ этомъ нечего было бы спрашивать. Вѣрно было и то, что существованіе свободныхъ славянъ должно было быть великой пользой для самой Россіи, такъ какъ они, по всѣмъ вѣроятіямъ, могли бы быть ея надежными союзниками. Вѣрно было также, что довѣрчивое обращеніе ихъ къ Россіи, предоставленіе въ ея

¹⁾ См. „Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff“. Berlin, 1855; А. Н. Покомъ, „Отечественная война“, въ „Русской Старинѣ“, 1877, сентябрь.

²⁾ „Братская помощь“, Спб., 1876, стр. 28. „Замѣчанія о планахъ Чичагова“, въ „Русской Старинѣ“, 1877, сент., 48—44. Въ другую сторону и нѣсколько преувеличивая дѣло, рассуждаетъ г. Первольфъ, въ статьѣ: „Александръ I-й и славяне“, — „Древняя и Новая Россія“, 1877, № 12.

руки своей судьбы налагали на нее нравственную обязанность. Не лишена серьезнаго смысла та догадка, что наиболѣе естественной формой славянскаго политическаго возрожденія была бы федерация. Притомъ, все это были пока только мечты — и не осуществившіяся на дѣлѣ, — первые опыты политической мысли въ самомъ обществѣ русскомъ, и первые опыты славянскихъ сочувствій и солидарности. Наконецъ, что касается «предварительнаго опроса», кто же вообще думалъ о предварительномъ опросѣ въ ту пору насильственныхъ захватовъ и «географическихъ терминовъ»? по крайней мѣрѣ, нашъ мечтатель честно желалъ достичь для народовъ свободы и предѣлать ихъ самими собой. Былъ ли принятъ и теперь, въ настоящихъ событіяхъ, принципъ «предварительнаго опроса», — и кто изъ рѣшавшихъ вопросъ теперь ставилъ и защищалъ этотъ принципъ?

Проходить нѣсколько лѣтъ, и славянскія сочувствія проявляются вновь — въ масонскихъ ложахъ и тайныхъ обществахъ. Время послѣ двѣнадцатаго года и войнъ «за освобожденіе» пронесло особенное возбужденіе въ русскомъ обществѣ; молодое поколѣніе, въ особенности военное, было свидѣтелемъ чрезвычайныхъ событій, имѣвшихъ вновь видъ Европы, приобрѣло интересъ къ политическимъ идеямъ; слово «либерализмъ» тогда въ первый разъ получило право гражданства въ русскомъ языкѣ, и направленіе, обозначившееся этимъ словомъ, стало лозунгомъ молодого общества. Либерализмъ обнаруживался замѣтно въ разныхъ явленіяхъ тогдашней общественности: въ интересѣ къ европейскимъ событіямъ, въ сочувствіи къ тамошнему либеральному движенію, не забывавшему объ «освобожденіи», обѣщанномъ и забытомъ правительствами; у себя дома — въ заботахъ о народномъ образованіи, въ стараніяхъ смягчить суровость военной дисциплины, въ распространеніи политическихъ идей въ обществѣ, наконецъ, въ масонскомъ движеніи, и наконецъ, въ прямыхъ политическихъ планахъ, которые выразились основаніемъ тайныхъ обществъ.

Масонскія ложи существовали уже давно; но со времени преслѣдованія Новикова онѣ пришли въ упадокъ и почти забылись; съ 1815 года онѣ сильно размножаются и нѣкоторыя изъ нихъ, вмѣсто стараго мистическаго направленія, приобретаютъ политическій характеръ. Въ умахъ патріотовъ-либераловъ носились идеалы общественнаго улучшенія; имъ хотѣлось основать на русской почвѣ свой «Тугендбундъ», союзъ добродѣтели, — тайное общество, которое, въ формахъ совершенной законности, съ идеалистической филантропіей, стремилось бы къ водворенію въ

обществѣ добрыхъ нравовъ, справедливости и политическаго образованія. Дѣло было начато въ одной масонской ложѣ, но затѣмъ выдѣлилось изъ туманной масонской философіи въ болѣе широкую форму и съ болѣе рѣшительными планами «Союза благоденствія».

Въ этой-то области появились опять и славянскіе интересы. До сихъ поръ очень мало извѣстно, откуда шли и какъ опредѣлялись эти новые вопросы о славянствѣ: повидимому, въ прежнихъ національно-политическихъ мотивахъ прибавились еще новые. Это было время основанія конституціоннаго царства польскаго, — старыя антипатіи забывались и возникало великодушное настроеніе, желавшее примирить оба народа на стремленіи къ общему благу... Въ Петербургѣ основывается польская масонская ложа; русскія ложи вступаютъ въ сношенія съ польскими ложами западнаго края и царства; впоследствии возникаютъ отношенія и между тайными обществами. Въ общей мысли о славянствѣ, повидимому, особенную важность получили польскій вопросъ: польскій народъ былъ самый близкій намъ славянскій народъ; обстоятельства указывали для примиренія новую почву, — конституціонная форма, съ которой Польша являлась въ составѣ россійской имперіи, считалась тогда политической панацеей; въ извѣстной варшавской рѣчи императора Александра встрѣчаются и другія, болѣе широкіе намѣки.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ объ этомъ движеніи ничего, кромѣ немногихъ неопредѣленныхъ указаній. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что еще въ 1818 году, 12-го марта, основана была въ Кіевѣ ложа «Соединенныхъ Славянъ» (*Les Slaves réunis*). Она была въ союзѣ съ петербургской «великой ложей» Астрей; но ея «система», по одному извѣстію, была система «Великаго Востока» польскаго (*le rite du Grand Orient de Pologne*); работала она на русскомъ и французскомъ языкахъ; фамиліи ея членовъ — русскія и польскія. На знамѣнѣ ложи (крестѣ, съ кругомъ въ серединѣ) изображены двѣ руки, поданныя на союзъ, и по четыремъ угламъ креста надпись по-польски: «*Jedność Słowiańska*»¹⁾. Последнее извѣстіе о ней мы имѣемъ отъ 1821 года.

Едва ли сомнительно, что названіе «Соединенныхъ Славянъ» было выбрано не случайно; имъ вѣроятно хотѣли что-нибудь сказать, и такъ какъ ложа была въ Кіевѣ, гдѣ между прочимъ

¹⁾ Списокъ членовъ этой ложи въ „Tableau de la Grande Loge Astrée“, pour l’an 58, à l’O. de St.-Petersbourg; см. также „Русскую Старину“, 1878, январь, 187—189, гдѣ приведено и изображеніе масонскаго знамя ложи Соедин. Славянъ.

сталъ вѣнчаться дѣй стѣхн, то, быть можетъ, этимъ именемъ выражалось или примиреніе на болѣе широкомъ основаніи — цѣлаго славянскаго союза.

Что дѣлалось въ ложѣ и что съ ней стало, — не знаемъ; но вскорѣ съ именемъ «Соединенныхъ Славянъ» является тайное общество, отдѣльное отъ «Союза благоденствія», такъ-называемыхъ декабристовъ и присоединившеся къ нему только впоследствии. Немногія свѣдѣнія о тайномъ обществѣ «Соединенныхъ Славянъ» остались въ докладѣ свѣдственной комиссіи, 1825—26 года, и въ запискахъ, наданныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ однимъ изъ декабристовъ, барономъ А. Е. Розеномъ ¹⁾. По разсказу Розена, общество основано было въ 1823 году (по другимъ свѣдѣніямъ ранѣе) артиллеристами, братьями Борзовыми, состояло изъ тридцати-шести членовъ и только въ 1825 году объ его существованіи узналъ одинъ изъ декабристовъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ. «Цѣль общества, — по словамъ Розена, — заключалась: въ соединеніи славянскихъ племенъ посредствомъ федеративнаго союза... съ удержаніемъ взаимной независимости», т. е. то самое представленіе, какое мы видѣли въ планахъ Броневскаго. Поэтому, какъ говоритъ Розенъ, и на восьмиугольной печати «Общества Соединенныхъ Славянъ» означены были посемь колѣнъ славянскаго племени по принятому тогда этнографическому дѣленію: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужицане, словинцы и поляки, «всѣхъ до 30-ти милліонствъ». Въ 1825 году, общество, по стараніямъ М. П. Бестужева-Рюмина и Сергія Муравьева-Апостола, присоединено было къ «южному» обществу, къ такъ-называемой «Васильковской управѣ». «Славянамъ», какъ ихъ называли, сообщили «государственный вѣдѣтъ», включавшій въ себѣ сокращеніе «Русской правды» Пестеля, и съ нихъ вѣста была присяга.

И здѣсь опять неизвѣстны никакія ближайшія подробности о томъ; откуда возникли эти славянскія идеи и какъ онѣ развились до тайнаго политическаго общества. Но въ ложѣ и въ обществѣ «Соединенныхъ Славянъ» являются совсѣмъ разныя лица. Надобно желать, чтобы наданы были по крайней мѣрѣ тѣ матеріалы, какіе сохранились, напр. записки одного изъ главныхъ дѣателей этого общества, Горбачевскаго ²⁾.

¹⁾ Сначала по-нѣмецки: „Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen“. Leipz., 1869; потомъ вышло болѣе обширное русское изданіе.

²⁾ Довольно знаменательно, что въ масонской ложѣ „Соединенныхъ Славянъ“ находился, между прочимъ, въ качествѣ „намістнаго мастера“, Леонтій Вас. Дубельтъ, впоследствии столь извѣстный дѣатель.

Въ 1828 году начинается турецкая война. Эти войны были вообще почти единственные встрѣчи русскихъ съ южными славянствомъ, гдѣ сказывались историческія связи и гдѣ русскіе люди могли увидѣть и понять страшное настоящее угнетеннаго народа и его порывы къ свободѣ. И въ тѣ времена война не сдѣлала всего, что могла бы сдѣлать для облегченія балканскаго славянства; въ русскомъ обществѣ, не имѣвшемъ ни сколько-нибудь свободной литературы, ни приготовленности къ пониманію южно-славянскихъ отношеній, она прошла безъ тѣхъ сильныхъ впечатлѣній, какими, наприм., была исполнена послѣдняя война. Результаты ея для общества ограничились военнымъ шумомъ, официальными торжествами побѣдъ и неяснымъ представленіемъ о покровительствѣ, оказанномъ единовѣрцамъ, — которыми въ частности однако мало интересовались. Только въ немногихъ развитыхъ лицахъ война оставила свои сильныя впечатлѣнія. Назовемъ Венелина, который еще раньше явился въ литературѣ адвокатомъ болгарскаго народа, восстановителемъ его исторической славы, и возбудителемъ его національной жизни; назовемъ Хомякова, который былъ свидѣтелемъ войны и вынесъ изъ нея или укрѣпилъ въ ней свои сочувствія къ славянству: около этихъ годовъ (1832) написано его знаменитое стихотвореніе «Орелъ»¹⁾.

Развязка дѣла декабристовъ была тяжелымъ ударомъ для внутренняго развитія русскаго общества: она устранила изъ него цѣлый слой образованныхъ людей, навела страхъ на другихъ; цѣлый рядъ вопросовъ — въ томъ числѣ и славянской — былъ компрометированъ; въ глазахъ властей молчаніе общества и литературы назалось признакомъ и ручательствомъ благоденствія и благонадежности. Но заглушенная на время общественная мысль не остановилась; она пошла другими путями, и въ обходъ достигала болѣе сознательно до тѣхъ же вопросовъ, отъ которыхъ была оттолкнута. Не всѣ нити были порваны, въ новыхъ поволеніяхъ осталась память о лицахъ и ихъ стремленіяхъ, а главное, само время наводило все больше и больше на предметы національнаго развитія, и съ научной стороны, гдѣ у насъ начинала свое вліяніе нѣмецкая философія и новыя историческія школы, и съ реальной, гдѣ событія (въ особенности июльскія революція съ ея различными отголосками) требовали объясненія и вмѣстѣ давали его. Венелинъ былъ уже панславистъ; ту-

¹⁾ О впечатлѣніяхъ войны, или о встрѣчахъ съ болгарскимъ народомъ, дасть нѣсколько любознательныхъ подробностей записки почтеннаго доктора Зейдлица, другъ и впоследствии біографа Жуковскаго, въ „Р. Архивъ“ 1876.

рекая война дала толчокъ идеямъ славянскаго освобожденія; въ 1820-хъ годахъ Мицкевичъ, высланный изъ Вильны, жилъ нѣсколько времени въ Петербургѣ и Москвѣ, и принятъ былъ здѣсь съ сочувствіями и уваженіемъ; польское возстаніе вызвало снова мудреный вопросъ объ отношеніяхъ къ ближайшему славянскому народу. Пушкинъ отозвался на возстаніе знаменитымъ стихотвореніемъ «Блѣвѣтикамъ Россіи», гдѣ этотъ вопросъ поставленъ съ оффиціальной политической стороны,—но оставалась еще сторона національно-общественная, и ее начинали понимать.

Во внѣшнихъ политическихъ дѣлахъ Россія сохранила положеніе, принятое во послѣдствіи отъ императора Александра I; она пользовалась вліятельнымъ голосомъ въ дѣлахъ Европы, тѣмъ болѣе, что направленіе правительства было совершенно опредѣленно;—хотя свободное отъ узостей русской политики послѣднихъ лѣтъ имп. Александра I, оно все-таки исполняло программу священнаго вѣнскаго союза. Ни въ Европѣ, ни у насъ, никто не имѣлъ сомнѣнія о военномъ могуществѣ Россіи. Внутри, было оффиціально заявлено начало «народности» съ чисто консервативными атрибутами, съ видами на ихъ широчайшее развитіе въ «самостоятельномъ русскомъ духѣ», въ независимости отъ Европы и даже въ противоположности со всѣми ея новѣйшими идеями, признанными за превратныя и революціонныя. Въ соединеніи съ внѣшней политической силой, нигдѣ не оспориваемой, это «народное» направленіе предполагало историческую миссію, и многіе подумали, что эта миссія должна была возвратитъ Россію къ славянскому вопросу.

Въ тридцатыхъ годахъ именно и назрѣваетъ направленіе, которое назвали потомъ «славянофильскимъ». Оно еще не нашло тогда настоящаго литературнаго выраженія—тѣмъ болѣе, что политическая сторона предмета (а она была неизбежна въ славянскомъ вопросѣ) была абсолютно недоступна для литературы, которой не позволялись политическія разсужденія. Но любознѣйшее свидѣтельство о тогдашнемъ положеніи славянофильскихъ идей осталось въ двухъ «запискахъ» Погодина, представленныхъ имъ въ 1839 и 1842 годахъ министру народнаго просвѣщенія (и составлявшихъ тогда канцелярско-дипломатическую тайну).

Погодинъ, въ то время профессоръ въ московскомъ университетѣ и авторитетъ по русской исторіи, изложилъ въ этихъ запискахъ свои мнѣнія и наблюденія о положеніи славянскаго міра и о томъ, какою взглядъ и способъ дѣйствій вытекаетъ изъ этого положенія для Россіи. Не знаемъ, было ли Погодину поручено составить эти доклады, или онъ сдѣлалъ это по собственному по-

бузденію,—какъ увидимъ далѣе, доклады были приняты довольно холодно. Въ запискахъ была цѣлая панславистская программа. И до сихъ поръ на русскомъ языкѣ не появилось другого трактата о вопросѣ, написаннаго съ такимъ панславянскимъ жаромъ и настойчивостью. Такъ какъ записка назначалась не для печати, а для конфиденціального чтенія, то мы встречаемъ въ ней такую прямоту изложенія, какой напрасно искали бы въ тогдашней печати: послѣдняя и въ славянскомъ вопросѣ безмолвствовала.

Характеръ Погодина какъ писателя и свойства его какъ патриота—достаточно извѣстны. Онъ таковъ же и въ этихъ запискахъ. Чтобы понять исходную точку, изъ которой идутъ его мысли о славянскихъ дѣлахъ, надо прочесть сначала еще одну его конфиденціальную записку—о состояніи самой Россіи, составленную годомъ раньше, въ 1838 году.

Эта записка ¹⁾— крайнее выраженіе той національной гордости, какая въ тѣ времена порождалась упомянутыми политическими обстоятельствами: Россія— первое государство въ мірѣ; русскій монархъ всемогущъ; величіе Россіи не имѣетъ себѣ равныхъ.

«Россія! что это за чудное явленіе на поприщѣ міра!..

«Россія—населеніе изъ 60 милліоновъ человѣкъ, коихъ счастье было возможно, кромѣ тѣхъ, коимъ еще счесту итъ, населеніе, которое ежегодно увеличивается милліономъ и вскорѣ дойдетъ до ста... А если мы прибавимъ еще 30 милліоновъ своихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, славянъ, разсѣянныхъ по всей Европѣ, отъ Константинополя до Венеціи, и отъ Морей до Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, славянъ, въ которыхъ течетъ одна кровь съ нашею, которые говорятъ однимъ языкомъ и, слѣдовательно, по закону природы, намъ сочувствуютъ, которые, не смотря на географическое и политическое разлученіе, составляютъ одно нравственное цѣлое съ нами, по происхожденію и языку! Вычитамъ это количество изъ сосѣдней Австріи и Турціи, а потомъ изъ всей Европы, и приложимъ къ нашему. Что останется у нихъ, и сколько выйдетъ насъ? Мысль останавливается, духъ захватываетъ!—Девятая часть всей обитаемой земли, и чуть ли не девятая часть всего народонаселенія. Полюсъ-экватора, четверть меридіана!»

Россія— государство, которое заключаетъ въ себѣ всѣ почвы, всѣ климаты, обилуетъ всѣми необходимыми произведеніями; «зо-

¹⁾ Историко-политическія письма и записки, М. Погодина. М. 1874, стр. 1—14.

лота и серебра, кои почти перевелись въ Европѣ, мы имѣемъ горы (?); «хлѣба — мы накормимъ всю Европу въ голодный годъ; льна — мы ее обстроимъ, если бы она, оборони Боже, выгрѣла; льна, пеньки, кожи — мы ее одѣнемъ и обуемъ». Гдѣ могутъ такъ процвѣтать фабрики, при «дешевизнѣ рукъ» и «умѣренныхъ нуждахъ» работниковъ, гдѣ можетъ процвѣтать торговля? — Но физическія силы Россіи еще ничто въ сравненіи съ нравственными силами: это — толкъ, удалъ, понятливость, терпѣніе, военныя качества русскаго народа. Всѣ эти силы составляютъ «одну огромную машину, расположенную самымъ простымъ, удачнымъ образомъ, управляемую рукою одного человѣка, рукою русскаго царя, который во всякое мгновеніе единымъ движеніемъ можетъ давать ей ходъ, сообщать какое угодно ему направленіе и производить какую угодно быстроту»: эта машина притомъ — одушевленная единымъ чувствомъ.

«Спрашиваю, можетъ ли кто состязаться съ нами, и кого не принудимъ мы къ послушанію? Въ нашихъ ли рукахъ политическая судьба Европы, и слѣдственно *судьба міра*, если только мы *захотимъ ртышать ее?*»

Погодинъ ни на минуту не усумнился отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, — судьба міра въ нашихъ рукахъ, потому что «въ противоположность русской силѣ, цѣлости, единодушію, тамъ, т. е. въ Европѣ (остального міра онъ не находилъ нужнымъ считать) — распри, дробность, слабость, конми еще болѣе, какъ тѣнью свѣтъ, возвышаются наши средства».

Разбирая въ частности положеніе европейскихъ государствъ, Погодинъ убѣждается, что Европѣ нечего и думать равняться съ нами, что она даже сама это чувствуетъ и лишь стыдится признаться въ этомъ. «Вообще будущее принадлежитъ славянамъ».

Въ исторіи есть очередь для народовъ; она теперь наступила для славянскаго племени.

«Но какое же племя между славянами занимаетъ теперь первое мѣсто? Какое племя по своему составу, языку, совокупности свойствъ, можетъ назваться представителемъ всего славянскаго міра? Какое болѣе имѣетъ залоговъ въ своемъ настоящемъ положеніи и прошедшей исторіи для будущаго величія? Какое ближе всѣхъ къ этой высокой цѣли? Какое имѣетъ болѣе видимой возможности достигнуть ее? Какое...»

«Сердце трепещетъ отъ радости... о Россія, о мое отечество! Не тебѣ ли!.. О, если бы тебѣ! Тебѣ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества»...

Таковы были общіе взгляды, которые вполне отвѣчали господ-

ствовавшей официальной народности. Погодинъ былъ человѣкъ по-своему очень тонкій и расчетливый; но, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ изложенныхъ взглядахъ было сказано то, что онъ искренно думалъ о первостепенномъ могуществѣ Россіи. Вышнее значеніе Россіи, дѣйствительно признаваемое въ Европѣ, а съ другой стороны, большая неопытность нашего общества въ критикѣ общественно-политическихъ дѣлъ, и патриотическія увлеченія порождали крайнее самообольщеніе, которое и выразилось приведенными выше гипѣрболами и диопрамбами. Послѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, Погодинъ увидѣлъ отчасти свои ошибки; но въ эту пору онъ не измѣнялъ своего восторженнаго тона. Участіе въ славянскихъ дѣлахъ, въ необходимости котораго онъ желалъ убѣдить правительство, должно было, по его понятіямъ, довершить кругъ дѣйствій официальной народности и еще усилить могущество Россіи въ Европѣ.

Объ записки его о славянскихъ дѣлахъ ¹⁾ предназначались для убѣжденія правительства въ этой необходимости. Въ обѣихъ онъ съ хорошимъ знаніемъ дѣла говорить о положеніи австрійскихъ славянъ и вообще славянскаго міра, — о всеобщемъ пробужденіи славянскихъ народностей, о стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, каковымъ подвергаются онѣ въ Австріи, о всеобщемъ влеченіи славянскихъ племенъ къ Россіи, отъ которой одной они ждутъ сочувствія и помощи. «Австрія, — говорилъ Погодинъ въ 1839 г., — похожа на гробъ поваленный, на старое дерево, гниющее внутри, хотя и одѣтое снаружи листьями, такое дерево, которое одинъ порывъ вѣтра можетъ исторгнуть съ корнемъ вонъ». «Австрія, — говорилъ онъ въ 1842 г., — слабѣетъ часть-отъ-части, и едва ли больше Турціи заключаетъ въ себѣ внутренней самостоятельности. При первой войнѣ, гдѣ бы то ни было, она можетъ разорваться на части».

Погодинъ объяснялъ, что Россіи необходимо показать славянамъ свое участіе; указывалъ, что враги Россіи стараются вредить ей въ глазахъ славянъ, что есть даже планы основать на югѣ изъ турецкихъ областей славянское государство, которое стало бы противъ Россіи, какъ вторая Польша; предупреждалъ, что славяне жалуются на Россію; на ея чрезмѣрную осторожность, — что такимъ образомъ приверженность можетъ обратиться въ ненависть, и это «при нынѣшнемъ быстромъ ходѣ дѣлъ» можетъ произойти даже скоро и т. д.

Погодинъ показавъ въ обѣихъ запискахъ много сочувствія въ

¹⁾ Историко-полит. письма и записки, стр. 15—45, 46—69.

славянамъ и ихъ возникающему движенію; дома онъ старался выхлопотать пособіе славянскимъ ученымъ, дѣлалъ цѣлый рядъ предложеній о покровительствѣ ученымъ работамъ по славянству и т. д. Вообще въ славянствѣ ему видѣлось возникновеніе новаго великаго міра, родственнаго и союзнаго Россіи, видѣлось новое развитіе самого русскаго могущества, матеріальнаго и нравственнаго.

Но онъ очень ошибался въ своихъ надеждахъ и расчетахъ, какъ ошибочна была сама исходная его точка. Россія была не такова, какъ онъ ее воображалъ, и въ ней не могла встрѣтить успѣха политика, которой онъ съ такимъ нетерпѣніемъ выпрашивалъ. Одна часть его сочувствій къ славянству была ученая, историческая и археологическая — эта сторона дѣла мало кого интересовала въ тогдашнихъ высшихъ, да и другихъ кругахъ (это можно сказать и по сію пору). Сдѣлано было, правда, одно важное, какъ показали результаты, дѣло, именно учрежденіе славянскихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ и посылка молодыхъ ученыхъ въ славянскія земли для приготовленія къ занятію этихъ кафедръ; было, кромѣ того, рождено нѣсколько орденовъ славянскимъ ученымъ (и какъ нѣкоторые гордились ими!), нѣсколько незначительныхъ пособій, — но этимъ все и кончилось. Славяне австрійскіе не дождались затѣмъ никакой другой помощи.

Погодинъ старался проводить свои мысли и въ литературѣ. Для этого, между прочимъ, былъ имъ основанъ знаменитый «Москвитининъ»; но политическая постановка вопроса была невозможна по условіямъ литературы, а ея мѣсто заняла національно-мистическая теорія съ археологическими спеціальностями (въ самой западно-славянской литературѣ эта археологическая ступень національнаго возрожденія еще занимала тогда большое мѣсто): національный мистицизмъ казался читателямъ, а особенно противникамъ, странной, неискренней, бесплодной, а въ концѣ-концовъ даже вредной сантиментальностью, археологія — невразумительной и скучной, а мелочи, за которыми часто гонялся журналъ Погодина, вызывали, наконецъ, насмѣшку. Герценъ въ извѣстной статьѣ «Умъ хорошо, а два лучше» — остритъ надъ Погодинымъ, что, осудивъ Европу на погибель, онъ милуетъ въ ней только *западныхъ* славянъ, потому что считаетъ ихъ *восточными* ¹⁾ — игра словъ, заключающая и очень серьезную мысль. Здѣсь чувствовалась вторая ошибка, сдѣланная Погодинымъ. Среди гипербола и дионамбовъ, какими онъ изображалъ положеніе Россіи, онъ не увидѣлъ весьма существенныхъ сторонъ дѣла, — не

¹⁾ „Русск. Старина“, 1872.

увидѣлъ, что освобожденіе славянства не могло быть задачей тогдашней Россіи. Ему пріятно было говорить объ упадкѣ Турціи, о полной несостоятельности Австріи, о предстоящемъ историческомъ воскресеніи славянства; но онъ не видѣлъ, или не желалъ видѣть, что тогдашняя Россія не только не думала, но никакъ не могла бы этимъ воспользоваться: вѣдь освобожденіе славянъ было бы нарушеніемъ существующаго порядка вещей (мы берегли тогда не только Австрію, но и Турцію), попраніемъ «законности», революціей.

Погодинъ замѣчаетъ въ своей первой запискѣ: «ни одного изъ вышеприведенныхъ предложеній не было тогда исполнено», и во второй: «это письмо осталось въ министерствѣ, по слишкомъ рѣзкому несогласію съ общимъ мнѣніемъ». Почему же?

Въ результатѣ получилось нѣчто обоюдное и сомнительное: сочувствія славянства и къ славянству не отвергались въ высшихъ сферахъ, но и не очень поощрялись. Погодинъ и явившіеся вскорѣ славянофилы были, очевидно, преданные граждане, но ихъ ревность къ славянскому вопросу казалась подозрительной, потому что, какъ замѣчено выше, самая постановка его въ смыслѣ освобожденія не могла быть одобрена, какъ восстаніе противъ австрійской и турецкой законности.

Наконецъ, была еще одна ошибка. Погодинъ воображалъ, что наша помощь славянскому возрожденію и установленіе тѣсныхъ связей Россіи съ славянскимъ міромъ могутъ быть достигнуты путемъ конфиденціальныхъ сообщеній, тайныхъ пособій, канцелярскихъ поощреній — словомъ, по системѣ «шито и крыто», а не именно наоборотъ, — свободной дѣятельностью самого общества, слѣдовательно путемъ открытаго заявленія принциповъ, возбужденія національныхъ сочувствій, объясненія политической и общественной важности вопроса (и затѣмъ, соотвѣтственной этому политикѣ). Но для этого требовался совсѣмъ иной характеръ общественнаго быта и литературы, чѣмъ какой обрѣтался въ тогдашней русской дѣйствительности. Не видѣть этого — было странно, и Погодинъ еще разъ возстановлялъ противъ себя такъ называемую «западную партію». Двухрамбическій тонъ, какимъ онъ говорилъ и въ журналѣ и которому могли бы противорѣчить его собственные опыты по славянскому вопросу, возбуждалъ сомнѣнія въ своей искренности; его рекомендація славянскихъ интересовъ, въ соединеніи съ этимъ сомнительнымъ пунктомъ, встрѣчала не только насмѣшки, но иногда и негодованіе. «Западная» партія, въ полемическомъ раздраженіи, иногда брала черезъ край, но она вѣрно чувствовала, что прежде, чѣмъ поднимать подоб-

ные вопросы, необходимо было позаботиться о гораздо болѣе элементарныхъ и существенныхъ потребностяхъ самого русскаго общества, — что разрѣшеніе славянскаго вопроса заключается прежде всего въ реформахъ у себя дома.

Впослѣдствіи, когда готовилась и началась крымская война, Погодинъ почувствовалъ, что его прежнія гиперболы были немного чрезмѣрны; событія складывались совсѣмъ иначе, нежели онъ пророчилъ въ 1838 году; извнѣ собиралась гроза, которой нельзя было пренебрегать; внутри оказывались неустройства, какихъ не должно бы быть въ изумительной «машинѣ», которую Погодинъ изображалъ съ такимъ восторгомъ. Крымская война была отрезвленіемъ. Завѣса спадала съ глазъ; общество наше оставалось сдержаннымъ, но въ немъ все-таки явилось невиданное прежде возбужденіе. Началась рукописная литература, не попадавшая въ печать, но всѣмъ извѣстная; болѣею частью, не совсѣмъ пріятная высшимъ сферамъ, но, тѣмъ не менѣе, не преслѣдуемая ¹⁾. Самымъ ревностнымъ авторомъ въ этой литературѣ явился Погодинъ — и, конечно, его писанія никогда не имѣли такого успѣха, какъ въ этомъ рукописномъ видѣ ²⁾. Событія такъ опровергали его самого, что онъ не сохранилъ своего прежняго торжественно-панегирическаго настроенія, пошелъ на обличенія, и — очень хорошо самъ отвѣтилъ на многое изъ своихъ старыхъ писаній. Въ этихъ его письмахъ и запискахъ возвратился опять и славянскій вопросъ — какъ скажемъ далѣе.

По хронологической послѣдовательности, раньше надо остановиться на одномъ малоизвѣстномъ фактѣ, который занимаетъ своеобразное и почетное мѣсто въ исторіи русскаго панславизма и, вмѣстѣ, прискорбнымъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ невозможна была въ тѣ времена свободная общественная инициатива, безъ которой, однако, немислимо успѣшное развитіе у насъ славянскаго вопроса. Этотъ фактъ есть «Кирилло-Меоодіевское братство», основанное въ сороковыхъ годахъ въ Кіевѣ Н. И. Костомаровымъ и его друзьями.

Въ 1846 году, въ Кіевѣ собрался небольшой кружокъ малорусскихъ патриотовъ, одушевленныхъ тѣмъ интересомъ къ народу и народности, который въ тѣ годы былъ общимъ явленіемъ

¹⁾ Впослѣдствіи многое изъ этой литературы явилось въ „Голосахъ изъ Россіи“.

²⁾ Онѣ печатались потомъ, уже въ наше время, отдѣльными статьями въ разныхъ изданіяхъ, и собраны въ упомянутомъ выше сборникѣ 1874 года, который, впрочемъ, и тогда не получилъ полнаго права гласности.

въ литературу всѣхъ славянскихъ племенъ и у насъ также вызывалъ труды, получившіе большое значеніе для нашего общественнаго сознанія. Намъ случалось говорить объ этомъ обращеніи къ народу — и въ научныхъ изслѣдованіяхъ этнографическихъ, и въ построеніи историческихъ теорій, и въ новой литературной школѣ. Здѣсь довольно сказать, что въ кievскомъ кружкѣ были между прочимъ замѣчательные люди, которые потомъ приобрѣли себѣ большое имя въ малорусской и русской поэзіи и наукѣ, да и въ то время имѣли уже значительную извѣстность. Это были Костомаровъ, г. Кулишъ и Шевченко. Въ средѣ этихъ молодыхъ писателей и ихъ друзей, дѣлившихъ тѣ же теплыя и идеальныя сочувствія къ народности, возникла мысль составить общество, съ цѣлью дѣйствовать—мирно и законно—какъ для внутренняго развитія украинскаго народа, такъ и для распространенія идеи славянской взаимности ¹⁾. Это уже не было туманное влеченіе прежнихъ временъ, которое больше руководилось чувствомъ и политическимъ патріотизмомъ, нежели знаніемъ и близостью къ народной стихіи. Напротивъ, теперь, черезъ поволеніе послѣ «Соединенныхъ Славянъ», основаніемъ взглядовъ было уже настоящее (хотя, правда, еще только начавшееся) изученіе своего народа, горадо болѣе серьезное, чѣмъ когда-нибудь прежде, разумнѣе историческаго и общественнаго значенія народнаго элемента, сознательное исцеленіе народнаго блага; славянскія симпатіи имѣли уже опредѣленную подкладку,—друзья кружка видѣли въ славянствѣ то цѣлое, къ которому примыкаетъ ихъ народъ, имъ знакомы были идеи, бродившія тогда въ славянскомъ мірѣ, и взаимность справедливо казалась имъ необходимой, какъ ручательство прочности ихъ собственнаго дѣла.

Общество задумывалось на самыхъ гуманныхъ, просвѣдительныхъ основаніяхъ ²⁾. Рѣшено было приглашать образованнѣйшихъ людей, которые, влія на молодое поволеніе, готовили бы его

¹⁾ Надо впрочемъ оговорить, что г. Кулишъ, жившій въ эту пору въ Петербургѣ, въ самомъ составленіи общества не участвовалъ.

²⁾ Въ русской литературу дониндѣ не была рассказана исторія этого любимаго общества. Мы не уполномочены пользоваться своими личными сужденіями, и имеемъ то, что уже было рассказано въ печати. См., напр., чешскій „Словникъ Научный“, въ біографіяхъ Костомарова, Шевченка, Кулиша, и „Жизнь Кулиша“ (въ галицкой „Правдѣ“, 1868, №№ 2—4, 22—28). Воспоминанія г. Костомарова въ пражскомъ изданіи Шевченка; статьи въ „Поэзіи Славянъ“; біографія г. Костомарова въ „Русскихъ дѣятеляхъ“ Баумана—очень неполны. Въ книгѣ г. Киркора: „O literaturze rodat. narod“, стр. 64, о преслѣдованіи Костомаровскаго кружка, написанъ вздоръ.

въ будущей дѣятельности; дѣйствовать на общество хотѣли только силою мысли и убѣжденія, чистыми средствами, избѣгая всякихъ мѣръ насильственныхъ; въ религіозныхъ предметахъ признавалась полная свобода мнѣній. Относительно Украины въ кружкѣ думали прежде всего о просвѣщеніи народа, объ изданіи для народа полезныхъ книгъ, объ основаніи сельскихъ школъ при содѣйствіи образованныхъ помѣщиковъ. Одну изъ первыхъ необходимостей видѣли въ уничтоженіи крѣпостного права, въ отиѣніи сословныхъ привилегій, тѣлесныхъ наказаній и т. п., и рѣшили дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на умы, чтобы, распространяя здравыя понятія, облегчить и ускорить эти реформы. Кружокъ состоялъ исключительно изъ малоруссовъ, но чтобы показать, что Украина, которой они въ частности посвящали свои труды, вовсе не была ихъ исключительнымъ интересомъ, они выбрали патронами своего общества всеславянскихъ апостоловъ и назвали его «Кирилло-Меодіевскимъ братствомъ». Настроеніе кружка было вообще гуманно-идеалистическое, съ великими сочувствіями въ народу; главные представители «братства» мечтали объ очищенномъ идеальномъ христіанствѣ, которое всѣхъ любить, особенно бѣдняка, которое стоитъ за правду и народность. Слѣды этого христіанско-идеалистическаго направленія можно найти въ стихотвореніяхъ Іереміи Галки (тогдашній псевдонимъ г. Костомарова), у Шевченка и у Кулиша. Въ томъ же гуманно-свободолюбивомъ духѣ ставился и славянскій вопросъ. То, что говорилось въ кружкѣ теоретически, Шевченко перелагало въ поэтическіе образы и лирику (посланіе къ Шафарыку и др.). «Изъ этого одного можно видѣть, — говоритъ знающій разсказчикъ, галицкій біографъ Кулиша, — какимъ духомъ отличался кievскій украинскій кружокъ. Христіанство и исторія славянъ были имъ свѣтомъ и тепломъ для великаго подвига. Всѣ они хорошо знали и высоко почитали св. писаніе. Они твердо стояли на той мысли, что славянамъ надо надѣяться не на дипломатію, что для этого дѣла нужны новые люди и новая сила, и этой силой должна быть чистота сердца, истинное просвѣщеніе, свобода народа и христіанское самопожертваніе». Ихъ политическимъ идеаломъ было не централизованное государство, а *федерация* подъ протекторствомъ русскаго императора; но чтобы это стало возможно, надо стремиться прежде всего — распространять убѣжденіе о необходимости уничтоженія крѣпостного права и расширенія просвѣщенія.

«Кирилло-Меодіевское братство» представляетъ въ исторіи русскаго панславизма фактъ чрезвычайно любопытный, — онъ

возникалъ изъ среды самого общества, въ всякихъ возбужденій отъ официальной народности какъ у Погодина, — исходилъ не изъ охоты въ политическимъ комбинаціямъ, а изъ непосредственнаго сочувствія къ народу и народной жизни; эта школа панславизма не имѣла вовсе того притязанія на гегемонію, какое почти неизмѣнно высказывалось въ панславизмѣ московскомъ, особенно въ новѣйшемъ. Принимая свободу религиозныхъ мнѣній, братство отвергало всякую пропаганду (московскій панславизмъ всегда отождествлялъ себя съ восточной церковью): предполагалось только склонять славянъ-католиковъ принять въ богослуженіи славянскій языкъ. Чувствовалась уже здѣсь необходимость общаго литературнаго языка, но не выставлялось пока никакого рѣшенія: въ этомъ вопросѣ также отвергалось всякое насильственное подчиненіе одного языка другому, и признавалась ихъ равноправность — съ тѣмъ, конечно, что ходъ развитія долженъ будетъ дать наиболѣе естественный результатъ. Въ этихъ взглядахъ было, какъ видимъ, очень много справедливаго, и въ дальнѣйшемъ развитіи между-славянскихъ отношеній безъ сомнѣнія должна будетъ все болѣе получать силы именно эта теорія равноправности и свободы.

Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ идеалы не сошлись съ дѣйствительностью и она заявила свое противорѣчіе самымъ рѣзкимъ образомъ. Мысли «братства» были сочтены столь опасными, что ихъ постигло суровое осужденіе: кружокъ былъ разсѣянъ, главные представители его должны были вынести заключеніе и ссылку¹⁾.

Возвращаемся въ Погодину. Въ томъ настроеніи, въ какомъ было цѣлое общество въ эпоху крымской войны, и мысли Погодина сильно измѣнились. Пренній азартный панегиристъ превратился въ довольно азартнаго критика и обличителя, — многое говорилось, по времени, положительно смѣло, хотя въ послѣдствіи онъ умѣлъ, когда требовалось, и запамятовать свои обличенія. Нѣсколько выдержекъ дадутъ понятіе объ этомъ поворотѣ его мнѣній, — гдѣ, впрочемъ, говоря собственно о славянствѣ, онъ могъ сослаться и на свои прежнія указанія. Его обличенія вообще гораздо вѣрнѣе — и вѣроятнѣе правдивѣе — панегириковъ, и нѣкоторыя подробности изъ нихъ остаются справедливы и примѣнимы по настоящую минуту.

¹⁾ Какъ говорить, въ приговорѣ относительно г. Костомарова сказано было, что онъ осуждается за „основаніе тайнаго общества, въ которомъ обсуждаемо было бы соединеніе славянъ въ одно государство“.

Вотъ сужденіе о союзѣ съ Австріей, писанное въ декабрѣ 1853 года:

«Союзъ Австріи съ Россіей еще противоестественнѣе союза Франціи съ Англіей. Что это за союзъ, укажу на маловажный примѣръ, если одной книги, одного нумера газеты или журнала, нельзя переслать изъ Россіи въ Австрію безъ величайшаго затрудненія, какъ будто бы они были пропитаны ядомъ. Утвердиться Россіи на Дунаѣ Австрія всегда будетъ мѣшать больше, нежели даже Франція и Англія... Изъ чего мы будемъ хлопотать? А пожертвовать для нея славянами значитъ обрубить себѣ руки, увѣчить свое дѣло.

«Австрію выгоднѣе имѣть намъ врагомъ, нежели другомъ, выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ»... ¹⁾).

Въ замѣчательномъ «Взглядѣ на русскую политику въ нынѣшнемъ столѣтіи», писанномъ въ апрѣлѣ 1854, Погодинъ очень мѣтко говоритъ о томъ «безкорыстіи» и «великодушіи», которыми Россія постоянно хотѣла хвалиться передъ Европой, которыми никто, однако, не вѣрилъ и которыя не принесли намъ ни малѣйшей пользы. По поводу предоставленія Австріи «одного изъ важнѣйшихъ европейскихъ пунктовъ», Кракова, въ 1846, Погодинъ говоритъ:

«Россія простирала свою снисходительность до того, что старалась всѣми силами избѣгать даже малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ или подозрѣніямъ, и приносила въ жертву всѣ свои, самые дорогіе, кровные интересы, отказываясь отъ священнѣйшихъ чувствованій. Все для европейскаго порядка, который былъ, кажется, высшею, единственною ея цѣлію. Тридцать миллионномъ народомъ славянскаго... было оставляемо почти безъ малѣйшаго участія въ ихъ горестной судьбѣ, на жертву всѣмъ истязаніямъ... единственно потому, чтобъ эта помощь и это участіе не привели какого нибудь смущенія, неприятнаго чувства въ союзныхъ державахъ, преимущественно въ Австріи. Даже ученые русскіе путешественники не получали почти никакого пособія со стороны русскаго правительства, и должны были прибѣгать къ чужимъ миссіямъ за содѣйствіемъ въ ихъ трудахъ на пользу науки. — Вотъ до какой почти унижительной степени доводима была дипломатическая деликатность, особенно въ отношеніи къ Австріи и Пруссіи» ²⁾).

¹⁾ Историко-полит. письма, стр. 76—77.

²⁾ Тамъ же, стр. 83—84, 87. Что дѣло не измѣнилось и теперь въ этомъ отношеніи, см. „Отеч. Зал.“ 1878, № 6: „На славянскомъ распутъѣ“.

Онъ съ радостью, даже восторгомъ говоритъ дальше о томъ, что Австрія заявила наконецъ себя открыто враждебною Россіи.

Но и не одна Австрія, всѣ европейскія государства враждебны къ намъ (1854):

«Итагъ, русская политика, въ отношеніи къ европейскимъ государямъ, которые всѣ становятся противъ насъ, оказалась очевидно несостоятельною, и, слѣдовательно, съ этой стороны не принесла намъ ничего кромѣ вреда.

«Но не оказала ль она послѣдствій, болѣе благоприятныхъ, со стороны *народовъ*?»

«Народы возненавидѣли Россію... Народы видятъ въ Россіи, съ ея могуществомъ, главнѣйшее препятствіе къ ихъ развитію и преуспѣванію, злоствуютъ за ея вмѣшательство въ ихъ дѣла... и съ радости ухватились теперь за первый открывшійся случай сколько-нибудь поколебать ее»... ¹⁾.

Онъ говоритъ дальше о томъ принципѣ «законнаго порядка», который Россія бралась защищать и поддерживать во всѣхъ углахъ Европы въ силу рѣшеній вѣнскаго конгресса, чѣмъ и занималась всю половину нынѣшняго столѣтія. Оказывалось, что и «законный порядокъ» не былъ поддержанъ: революціонныя и либеральныя движенія, которыя Россія хотѣла остановить, все-таки произошли, — и разумѣется, это только возбуждало ненависть къ намъ въ Европѣ.

«Гдѣ собственно имѣли мы успѣхъ, гдѣ получили мы награду за свои старанія, гдѣ видѣли мы исполненіе своего начала?»

«Только въ Австріи, Пруссіи и Германіи. Россія, съ миллиономъ войска, въ продолженіе сорока лѣтъ, стояла у нихъ на границѣ какъ буточникъ, и содѣйствовала точно къ сохраненію порядка у нихъ, себѣ на голову, какъ теперь оказалось. Впрочемъ, и этотъ успѣхъ нельзя принимать совершенно безусловно», — потому что и въ Австріи, и въ Пруссіи все-таки произошли революціи ²⁾.

Пофодинъ, разумѣется, не могъ обойтись безъ того, чтобы не вставить обычныхъ этой школѣ тирадъ противъ «европейскаго духа», который представляется не иначе какъ революціоннымъ и превратнымъ. Свои послѣднія рассужденія онъ самъ ослабляетъ сомнѣніемъ — не нужно ли было въ самомъ дѣлѣ Россіи блости за этимъ духомъ (т. е. играть роль буточника, по его же вы-

¹⁾ Стр. 88—89.

²⁾ Стр. 91.

раженію), потому что-де иначе, пожалуй, въ «республиканскомъ неистовствѣ» французовъ могла погибнуть «собственность», «всѣ плоды цивилизаціи и науки»—и раздаться «всеобщій шарапъ». Въ этомъ родѣ на его памфлеты 1854 отвѣчалъ тогда же неизвѣстный авторъ (теперь говорятъ, самъ Нессельроде) во французской запискѣ, которая отпечатана была впоследствии и приложена Погодинымъ въ его изданіи. Онъ и въ 1874 не нашелся что сказать противъ нея. Такимъ образомъ, съ этой стороны, въ опредѣленіи отношеній Россіи къ европейскому политическому порядку, Погодинъ не сумѣлъ самъ выдержать своего взгляда на странность этихъ отношеній, кончившихся тѣмъ, что Россія, бравшая на себя полицейскую заботу въ чужихъ дѣлахъ, восстановила противъ себя цѣлую Европу. Но этотъ взглядъ раздѣлялся вообще образованнѣйшими русскими людьми, хотя на другихъ основаніяхъ: роль Россіи казалась имъ просто ретроградной, что и возбуждало въ ней вражду; «европейскій духъ» не все же былъ «превратный»,—въ немъ было и то, что только есть въ европейской образованности разумнаго, въ поэзіи—возвышеннаго, въ общественныхъ идеяхъ—справедливаго и великодушнаго. Потрясенія крымской войны показали ясно всѣмъ, кто только способенъ серьезно всматриваться въ факты—насколько рациональны были наши собственные идеи и порядки.

Но, повторяя негѣлости своей шволи въ сужденіяхъ о Европѣ, Погодинъ, по отношенію къ славянскому вопросу, умѣлъ сохранить больше здраваго смысла и не уступалъ своихъ привязанностей. Онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что ради «высшихъ» задачъ нашей дипломатіи и политики, все-таки приносились въ жертву славяне. Приведемъ еще выдержки; онѣ очень характерны, и не потеряли интереса хоть и въ настоящую минуту.

Война начиналась. Россія не имѣла союзниковъ.

«Гдѣ же искать намъ союзниковъ?—спрашиваетъ Погодинъ въ маѣ 1854 г. — Кажется, всѣ европейцы теперь противъ насъ?»

«Болгарія, Сербія, Боснія, Герцеговина, Черногорія, Сирмія, Кроація, Далмація, Славонія, Краинъ, Штирія, Каринтія, Богемія, Моравія, Буковина.

«Какъ странно звучать, думаю, эти имена въ ухахъ нашихъ иностранныхъ дипломатовъ!»

«Повторю имъ дикія слова, чтобъ уяснить ихъ впечатлѣніе и подкрѣпить память:

«Болгарія, Сербія, Боснія, Герцеговина, Черногорія, Сирмія,

Креція, Далмація, Славонія, Браунъ, Штирія, Каринія, Бургундія, Моравія, Буковина.

«Восемьдесятъ миллионовъ — почтенное количество! порядочный союзецъ! Славяне были затерты исторіей, славяне были затерты географіей, славяне были затерты дипломатіей и политикой; но наступаетъ, видно, время, когда, по слову писанія, послѣдніе должны дѣлаться первыми. Къ тому стремятся всѣ событія. Рассмотрите внимательно ходъ ихъ, и вы увидите, что всѣ онѣ совершаются одно за другимъ, какъ будто послушныя какому-то высшему предопредѣленію.

«Никто не хотѣлъ сначала войны, Россія всѣхъ меньше, — а война началась.

«Стали мы на Дунай, и стояли долго, переходить не рѣшались; — но вотъ толкнулъ, наконецъ, кто-то въ спину, и волею-неволею перешли мы на другую сторону...

«А на другой сторонѣ, смотрите, бѣжить на встрѣчу народъ, съ хлѣбомъ и солью, крестами и святой водой. Вотъ ударилъ несмѣнный четыреста лѣтъ колоколъ, раздался первый благовѣсть, вознесся первый крестъ надъ православною церковью. Что же? Вы допустите, чтобы крестъ былъ сбитъ? Что же? Вы допустите, чтобы изъ колокола вырванъ былъ языкъ? Нѣтъ, это не можетъ быть, и этого не будетъ! Слѣдовательно, Болгарія свободна. Откажетесь ли вы ей покровительствовать?.. Нѣтъ, это невозможно! Слѣдовательно, первый членъ славянскаго союза уже готовъ. А болгаръ пять миллионовъ. Не спрашивайте съ нихъ по пяти или десяти человѣкъ съ тысячи: они сами придутъ къ вамъ, пожалуй, хоть по десяти со ста. Вотъ вамъ первый вспомогательный корпусъ, о продовольствіи котораго не нужно и заботиться провіантскому департаменту въ Петербургѣ. Перевозить его также вѣтъ надобности: онъ на мѣстѣ впрямь и радъ оставлять родную землю»... и т. д. ¹⁾.

Затѣмъ, герцеговинцы, черногорцы, сербы, и т. д. Погодишь утѣшался (совершенно такъ, какъ иные и теперь утѣшались), что «это не можетъ быть», «этого не будетъ»; но оказалось на дѣлѣ, что это и могло быть, а потомъ и было. Счетъ союзниковъ былъ не совсѣмъ точенъ, именно нѣсколько преувеличенъ; но сущность справедлива и по сію минуту, — въ славянствѣ могло бы быть вызвано сильное движеніе, — только для этого долженъ бы быть выставленъ совсѣмъ другой принципъ, принципъ народной свободы.

¹⁾ Записка, писанная въ маѣ 1854; тамъ же, стр. 114—115.

«Наша политика и дипломаты; «заматоръвши въ лѣтахъ зрѣлыхъ», — продолжаетъ Погодинъ, — терпѣть не могутъ никакихъ нововведеній, и для того (т.-е. славянскаго) союза полагаютъ прежде всего найти примѣръ, образецъ изъ европейской исторіи. Могу указать имъ на рейнскій союзъ, состоявшій изъ нѣмецкихъ государствъ, и находившійся подъ покровительствомъ совершенно чуждаго имъ лица, французскаго императора.

«Назовите новый союзъ дунайскимъ, славянскимъ, юго-восточнымъ, европейскимъ, съ столицею его въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ, вы думаете, Россіи? Нѣтъ, не Россіи! Россія не ищетъ завоеваній, — воспользуюсь здѣсь любимымъ выраженіемъ нашихъ публичныхъ актовъ, — Россія не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ. Покровительство и предсѣдательство союза должно принадлежать естественно, по всѣмъ правамъ, многочислѣннѣйшему племени изъ всѣхъ, составляющихъ союзъ»...

То-есть, — Россіи должно принадлежать это покровительство не по произволу, не изъ честолюбія и властолюбія, а по необходимости, по природѣ вещей ¹⁾.

Погодинъ не забываетъ объ Австріи и здѣсь; съ ожесточеніемъ, которое становится, наконецъ, нѣсколько забавнымъ, онъ настаиваетъ: «Австрія есть бѣльмо на нашемъ глазу и типунъ на нашемъ языкѣ».

Но напрасны были всѣ увѣщанія Погодина. Правда, руководители войны были не прочь воспользоваться «бѣгущимъ на встрѣчу народомъ» — изъ него собирались набирать отряды ²⁾, — но это дѣлалось съ такими соображеніями, которыя, вѣроятно, немало не удовлетворили бы и самого Погодина.

Такимъ образомъ, Погодинъ, вѣровавшій въ официальную народность и самъ много ей послужившій на своемъ вѣку, никакъ не могъ разобраться съ своими диэнрамами ей и съ своими сочувствіями къ славянству. Планы, имъ предлагаемые, были такіе широкіе, какіе только были возможны; они, пожалуй, не были не осуществимы, но русская политика того времени, конечно, не имѣла для того ни пониманія, ни характера, ни силы. Погодинъ негодовалъ на русскую дипломатію, «заматоръвшую въ лѣтахъ зрѣлыхъ», — но долженъ же онъ былъ понимать, что это было только одно колесо въ «машинѣ».

¹⁾ Стр. 119—120.

²⁾ См. „Русск. Старину“, 1876, кн. VIII—IX; Богдановича, „Исторію крымской войны“.

Главнымъ мотивомъ національныхъ взглядовъ и требованій самого Погодина были соображенія внешне-политическія, безъ особенной заботы о «предварительномъ опросѣ», и о внутренней сторонѣ между-славянскихъ отношеній. Славянофилы, которые въ сущности были очень близки къ Погодину въ практической постановкѣ дѣла, старались дать своему національному взгляду болѣе обширныя основанія, — философско-историческія, — и ставя славянскій вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли быть вѣрнѣйшими представителями народныхъ началъ старой Россіи.

А. Пипинъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ

СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

„Не понимаю, чѣмъ могло такъ заинтересовать васъ „Слово о полку Игоревѣ?“—спрашивалъ А. Н. Майкова одинъ близкій его знакомый, услышавшій, что онъ нѣсколько лѣтъ весьма усердно занимается этимъ памятникомъ. Признаемся, то же удивленіе и такое же откровенное недоумѣніе слыхали и мы отъ своихъ знакомыхъ, по поводу того же „Слова“. Люди, учившіеся въ школахъ, иногда даже получившіе высшее образованіе, не могутъ дать себѣ яснаго отчета въ его научной важности и интересѣ. Это, безъ сомнѣнія, зависитъ оттого, что въ нашихъ школахъ, особенно въ послѣднее время, при его изученіи весьма много обращаютъ вниманія на его грамматическія и лексикологическія особенности и мало останавливаются на его исторической и художественной сторонѣ. Стоить только пересмотрѣть педагогическія изданія, чтобы убѣдиться, какъ мало помогаютъ онѣ ясной и отчетливой оцѣнкѣ историческаго и художественнаго значенія „Слова“, тогда какъ здѣсь-то именно и таится то, что дѣлаетъ его дорогимъ, безцѣннымъ и незамѣнимымъ памятникомъ для русской исторической науки и литературы.

I.

Еще профессоръ Шевыревъ въ своей публичной лекціи о „Словѣ о полку Игоревѣ“, какъ извѣстно ¹⁾, останавливалъ свое вниманіе

¹⁾ См. сент. кн. „Ж. М. Н. П.“, пр. за 1876 г. Въ очеркѣ литературы „Слова“, стр. 42. Лекцію Шевырева см. въ его „Исторіи русской словесности“, М., 1842, стр. 253—332.

на историческомъ значеніи этого памятника; но, обозрѣвая три эпохи, обнимаемыя „Словомъ“, онъ, по собственному его признанію, „обозначилъ только важнѣйшія историческія лица“, отразившія въ себѣ эти эпохи.

Но такое поверхностное обозрѣніе историческаго содержанія „Слова“, очевидно, не даетъ надлежащаго понятія о всей его истинной важности въ этомъ отношеніи. Не въ лицахъ и не въ ихъ именахъ кроется его глубокое историческое значеніе.

Прежде всего замѣтимъ, что „Слово о полку Игоревѣ“ глубокими корнями связано съ исторіею черниговскаго княжества. Авторъ „Слова“ навсегда скрылъ для насъ свое имя, но онъ оставилъ въ своемъ произведеніи довольно прозрачныя слѣды своего званія. „Слово“, какъ и „Кіевская Лѣтопись“, въ существѣ своемъ относятся, какъ увидимъ, къ одной и той же дружинно-княжеской средѣ приднѣпровской Руси. Знакомство автора „Слова“ со всѣми современными ему князьями, съ отношеніями къ нимъ бояръ и дружинниковъ, дайте — знакомство его со степью и ея отношеніями къ Руси, — наконецъ, изображеніе не столько подробностей похода Игоря, сколько, такъ сказать, дымящихся ранъ, нанесенныхъ имъ приднѣпровской Руси, — все это указываетъ, что „Слово“ явилось подъ свѣжестью впечатлѣній очевидца событій — и притомъ лица, близкаго къ дружинно-боярской средѣ. Живое же сочувствіе къ судьбѣ князя Игоря, которымъ такъ проникнуто „Слово“, указываетъ намъ его автора именно въ „дружинѣ черниговскаго князя“.

И дѣйствительно, Черниговъ не даромъ извѣстенъ былъ въ XII вѣкѣ, какъ городъ промышленный и богатый; черниговскіе князья, Святославъ и Игорь, какъ передаетъ „Кіевская Лѣтопись“, особенно славились своими изобильными дворами, полными погребями, богатствомъ челяди, скота и коней. Даже Сѣверная былина донныѣ помнить, какъ отличительную черту, въ ряду тогдашнихъ городовъ, „золоту казну Чернигова“. Не удивительно, что въ такомъ городѣ развита была книжность и преданіе писать при дворѣ черниговскомъ было сильно. Черниговскія событія въ „Кіевской Лѣтописи“ съ половины XII вѣка описаны съ такими же мелкими подробностями, какъ и другихъ приднѣпровскихъ областей, и, видимо, почерпнуты лѣтописцемъ изъ черниговскихъ дружинныхъ источниковъ. Замѣчанія лѣтописца: „мы же и о семъ поглаголемъ“, „мы же на предлежащая возвратимся“ — ясно даютъ понять, что онъ отдѣляетъ свои собственныя рѣчи отъ рассказовъ, взятыхъ имъ изъ свѣтскихъ источниковъ. Здѣсь же, въ Черниговѣ, явился и знаменитый „Изборникъ“ Святославовъ (1073 года), съ изображеніемъ его семейства и съ усвоеніемъ ему всѣхъ тѣхъ похвалъ за любезность и собраніе книгъ, которыя при-

писаны были нѣкогда болгарскому царю Симеону. Подобно послѣднему, Святославъ Черниговскій „тщательно наполнялъ книгами свои кельи“ и, по своей начитанности, являлся предъ своими боярами, „*акъ новый Птоломей*“. Изъ той же черниговской области былъ и знаменитый паломникъ XII вѣка — Даниилъ. Такимъ образомъ, Черниговъ—городъ промышленный и богатый—въ XII вѣкѣ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и центромъ тогдашней образованности. Помянуто, какъ естественно могло явиться въ подобномъ центрѣ и такое произведеніе, какъ „Слово о полку Игоревѣ“.

Изображая одинъ изъ походовъ черниговскаго князя, окончившійся бѣдствиями для всей приднѣпровской Руси, „Слово“ даетъ намъ понять, что черниговскій столъ не былъ такъ обособленъ отъ этой Руси и далеко такъ не чуждался ея общихъ интересовъ, какъ принято представлять это. Напрасно полагають, будто черниговскій столъ, не думая объ общемъ благѣ, лишь наводилъ только враговъ на русскую землю; такія подозрѣнія распустили о немъ приверженцы дома Мономахова. Изъ „Слова“ видно, что понятіе „*о русской землѣ*“ въ Черниговѣ было развито не менѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Не даромъ же и Даниилъ Паломникъ—черниговецъ—въ томъ же вѣкѣ, въ Иерусалимѣ, у гроба Господня, поставилъ лампаду и свѣчу „*за русскую землю*“ и вписалъ въ синодикъ имена разныхъ князей приднѣпровской Руси.

Но особенно сильно развита эта идея единства русской земли въ „Словѣ о полку Игоря“. Носителемъ и средоточіемъ этой идеи авторъ дѣлаетъ кіевскаго князя, старца Святослава III — изъ дома Ольговичей, князей черниговскихъ. Онъ влагаетъ въ уста его воззваніе ко всѣмъ областнымъ князьямъ южной и сѣверной Руси, заклиная ихъ вступить за обиду *сею времени, за землю русскую, за раны Игоревы* — и самое это воззваніе называетъ золотымъ словомъ, смѣшаннымъ со слезами.

Съ пыломъ молодого сердца относится старецъ Святославъ къ этой великой идеѣ и глубоко сожалеетъ, что другіе князья мало ей сочувствуютъ. „Старику, — говоритъ онъ, — помолодѣть не диво, но вотъ бѣда—въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помощи“.

Для историка особенно драгоцѣнно видѣть, что въ ту эпоху, когда государственная связь областей древней Руси, повидимому, не существовала, такой возвышенный взглядъ на *единство русской земли* раздѣляли политическіе люди не только въ Кіевѣ, но и при столѣ черниговскомъ.

При сравненіи „Слова“ съ „Кіевскою Лѣтописью“, изслѣдователи обыкновенно видятъ большую разницу въ основныхъ воззрѣніяхъ лѣтописца и автора „Слова“ на событія приднѣпровской Руси. Но

это главнымъ образомъ происходитъ оттого, что при чтеніи „Лѣтописи“ не отдѣляютъ выразеній лѣтописца отъ *дружинныхъ словесъ*, служившихъ для него источникомъ, хотя онъ самъ неоднократно, какъ мы уже замѣтили, отдѣляетъ свои рѣчи отъ рассказовъ, передаваемыхъ имъ съ чужихъ словъ.

При ближайшемъ и внимательномъ изученіи „Киевской Лѣтописи“, нельзя не видѣть, что „Слово“ и эта „Лѣтопись“ представляютъ поразительное сходство въ своихъ основныхъ взглядахъ и изображеніяхъ приднѣпровской Руси XII вѣка.

Какъ „Слово“, такъ эта „Лѣтопись“ рисуютъ для насъ собственно только высшій слой этой Руси,—именно княжеско-дружинную среду, лишь только мимоходомъ касаясь другихъ классовъ общества и народа.

Тамъ и здѣсь встрѣчаемъ одно и то же понятіе о князѣ, о дружинѣ, о степи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Любопытно, что князь и дружина киевской Руси, по изображенію „Слова“ и „Лѣтописи“, являются предъ нами въ такихъ же очертаніяхъ, въ какихъ рисуются германскіе князья и ихъ дружины по сказанію Тацита. Да будетъ намъ позволено привести здѣсь для ясности нѣчто изъ этого сказанія.

„У германцевъ,—по свидѣтельству Тацита,—князья были избранны волостями въ народныхъ собраніяхъ, и при каждомъ изъ нихъ была дружина. И велико было соревнованіе между дружинниками, кому первое мѣсто послѣ князя, и между князьями, у кого храбрѣе и многочисленнѣе дружина; въ томъ достоинство, въ томъ сила, чтобы всегда быть окруженнымъ большой толпой избранныхъ юношей: въ мирѣ—это украшеніе; на войнѣ—защита; и не только среди своего владѣнія, но и въ другихъ волостяхъ тому извѣстность, тому и слава, чья дружина превосходнѣе числомъ и доблестію, ибо такихъ возвеличиваютъ посольствами и чтутъ дарами.

„Когда дѣло доходило до битвы, постыдно князю быть побѣжденнымъ доблестію; постыдно и дружинѣ не сравняться съ княземъ въ доблести; но уже на всю жизнь безславно и позорно выдти изъ строя, переживъ своего князя; защищать его, охранять, и даже собственные доблестные подвиги приписывать его славу—есть первѣйшее клятвенное обязательство; князья сражаются за побѣду; дружинники—за князя. Если волость, гдѣ родились, изнемогаетъ отъ долговременнаго мира и спокойствія, то большая часть благороднѣйшихъ юношей отправляется къ тѣмъ народамъ, которые въ то время ведутъ какую-либо войну, потому что и племена неприятно спокойствіе и легче прославиться среди случайностей. И дружину большую можно содержать развѣ только насиліемъ, да войною, ибо они требуютъ

отъ щедротъ князя то браннаго коня, то кровавую и побѣдонбсную фразу; ибо пиры и хотя неприхотливые, но обильные запасы идуть вмѣсто жалованья, а средства къ пышности чрезъ войны и грабежъ. И не такъ легко убѣдить ихъ копать землю и ожидать годичныхъ плодовъ, какъ вызвать врага и искать ранъ. Лѣнливымъ и бездѣльнымъ кажется приобрѣтеніе потому того, что можно добыть кровію.

„Знатность рода и великія заслуги предковъ приобрѣтають и юношамъ уваженіе со стороны князя; степени были въ самой дружинѣ по приговору того, кому сопутствуютъ“.

Точно въ такихъ же очертаніяхъ, говоримъ, „Слово“ и „Лѣтописи“ рисуютъ намъ князя и дружину кievской Руси. Нѣтъ и слѣдовъ того, чтобы князь имѣлъ какую-либо собственность въ смыслѣ политическомъ или государственномъ, или землевладѣніе ставилъ для себя выше воинской доблести и славы. Князь является здѣсь собственно какъ оберегатель русской земли и правитель своей волости, какъ старшій представитель своей дружины, какъ самый доблестный герой среди ея. Точно такъ и дружина въ самоотверженныхъ подвигахъ ищетъ ему чести, и ея пожива связана съ походами и побѣдами князя. Князья соперничаютъ между собой въ волостяхъ и доходахъ ради своей дружины; дружинники же разныхъ князей соперничаютъ въ доблести и чести ради славы своихъ князей.

„Поблости, постеречи земли русской (1148), утереть потъ (1140), умереть за землю русскую“ (1177) — вотъ что мы слышимъ изъ устъ князей кievской Руси, — вотъ что ставили они задачей своей жизни, и вотъ къ чему обязывали другъ друга крестнымъ цѣлованіемъ. „Братья! пожалуйте о русской землѣ и о своей отчинѣ и дѣдинѣ! Лѣпо намъ, братья, поискати отецъ своихъ и дѣдъ пути и чести“, взывалъ Мстиславъ Изяславичъ (1170 г.) къ другимъ князьямъ, и угодна была рѣчь его всемъ братьямъ: „Самъ Богъ вложилъ эту мысль въ твое сердце“, отвѣчали они, „а намъ, дай Богъ, за русскую землю головы своя сложити“. Обращаясь къ дружинѣ, князья говорили вдохновляющія рѣчи, поднимая упавшій духъ ея и наполняя ее своимъ мужествомъ. „Княже! сила (врага) велика, а у тебя дружины мало“, говорили Изяславу его пособники: „не погуби насъ, ни самъ погуби; не твое нынѣ время, поѣди прочь“. „Лучше, братья, измремъ здѣсь“, отвѣчалъ онъ имъ, чѣмъ возмемъ на себя срамъ этотъ (1150). „Соромъ ны будетъ пуще смерти“. „Братья и дружино!“ взывалъ онъ къ нимъ въ другое время (1152 г.), „Богъ всегда русскія земли и сыновъ своихъ въ безчестіе не положилъ есть; нынѣ же, братья, поревнуемъ тому вси предъ чужими языки, дабы намъ честь свою взяти“. Какъ старые „мужи“ хлопотали о томъ,

чтобы „внуковъ и правнуковъ своихъ не срамлати“, такъ юные вдохновлялись славою и мужествомъ своихъ предковъ.

Изображая нравственное распаленіе князя къ воинскому подвигу, „Кіевская Лѣтопись“ обыкновенно выражается: „мужъ добръ и дерзокъ на рать“¹⁾, „разжеса сердце его, бѣ бо храбръ и крѣпокъ на рать“²⁾, и „розъярився (1146), разжеса гнѣвомъ и распалеса яростию“³⁾, „возъострися на рать и бысть готовъ (1174) слѣшаше и тосняшеса на войну“ (1254).

Во время самаго боя князь выступалъ впередъ и бился отчаянно въ рукопашную. „Взя копье Андрей Юрьевичъ и ѣха напередъ и съѣхаса переже всѣхъ, и изломи копье свое, и шеломи спаде съ него, щитъ на немъ отторгоша“ (1151). „И въѣха Изяславъ предъ полки своими въ полки ратныхъ и копье свое изломи и оружья въ руку его не доста“ (1185 г.).

Но особеннымъ богатыремъ-героемъ изображается въ лѣтописяхъ Романъ Галицій. Онъ устремлялся на поганыхъ, какъ левъ, сердить былъ, какъ рысь, губилъ ихъ, какъ крокодилъ, облеталъ ихъ землю, какъ орелъ, ибо храбръ онъ былъ, какъ туръ.

Такимъ образомъ, не въ мантияхъ только иноческаго смиренія и не съ молитвою только на устахъ за свои согрѣшенія рисуютъ намъ лѣтописи князей кіевской Руси, какъ воображаютъ наши изслѣдователи, но и въ образахъ славныхъ героевъ и полководцевъ.

То же понятіе о князѣ, только въ болѣе осязательныхъ чертахъ, выражено и въ „Словѣ“. Здѣсь являются князья точно въ такихъ же богатырскихъ образахъ, съ ратнымъ духомъ, закаленнымъ въ буйствѣ и бояхъ: храбрыя сердца ихъ скованы изъ стали и въ буйствѣ закалены.

Вотъ предъ нами самъ Игорь, герой нашего „Слова“. Полный ратнаго духа, не страшится онъ знаменій самого неба. „Братья и дружино“, говоритъ онъ храбрымъ полкамъ своимъ, „сидемъ мы, братья, на борныхъ коней своихъ, да поглядимъ Тихаго Дона. Хочу, говоритъ, переломить копье свое о край поля Половецкаго. Съ вами, русаки, хочу или сложить свою голову или напиться шлемомъ изъ Дона“. Страсть спалила умъ у князя,—замѣчаетъ авторъ,—и гнетущій порывъ напиться шлемомъ изъ Дона заслонилъ предъ нимъ знаменіе неба.

„Яримъ туромъ“ изображается Всеволодъ въ „Словѣ“. Стоять онъ напередѣ, брызжетъ на воиновъ стрѣлы и гремитъ объ ихъ

¹⁾ Владиміръ Гнѣбичъ Переславскій, 1187 г.

²⁾ Изяславъ Мстиславичъ, 1146 г.

³⁾ Святославъ, 1180 г.

шлемы мечами булатными. Куда онъ ни скокнетъ, златымъ своимъ шлемомъ посвѣчивая, лежатъ тамъ головы половецкія; распепаны его калеными саблями шелома оварскіе. Онъ бился, не чуя въ себѣ кровавыхъ ранъ. Грозю рисуеть „Слово“ старца Святослава III-го кіевскаго. „Притоптадъ онъ холмы и овраги, возмутилъ онъ рѣки и озера, изсунулъ потоки и болота и, словно вихорь, исторгъ изъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ поганана ихъ Кобыя, и упалъ Кобыя въ золотой его гридѣ въ Кіевѣ. Ярославъ съ черниговскими былями вликомъ полки побѣждали, звонячи въ прадѣдную славу.

Далѣе, мы видимъ какъ въ „Кіевской Лѣтописи“, такъ и въ „Словѣ“ одно и то же понятіе о дружинѣ.

Дружину, какъ видно изъ „Лѣтописи“, составляли старшіе или первые мужи, — смышленные, т. е. бояре (1093, 1147), и младшіе, т. е. отроки или дѣтскіе (1149, 1169). Бояре и вся его дружина составляли всегда совѣтъ и думу князя (1147).

„Половцемъ же воюющимъ по земли рѣша мужи смышленни (Святополку и Владиміру, 1093): „Почто вы распря имате между собою, а поганые губять землю русскую, пойдита противу поганыхъ либо съ миромъ, либо съ ратью“. Кто будетъ читать „Кіевскую Лѣтопись“, тотъ часто будетъ встрѣчаться съ подобными совѣтами дружинниковъ своему князю. Дѣло, задуманное лично княземъ, безъ общаго совѣта, вызывало даже протестъ со стороны дружины: „О собѣ еси задумалъ, княже“, говорили тогда дружинники, отказываясь идти съ нимъ на дѣло.

Далѣе, дружина, подобно князю, не имѣла наслѣдственной земельной собственности, но все ея значеніе состояло въ томъ, что она составляла силу князя и ради славы и чести его всегда готова была сложить свою голову. Такъ, въ 1150 г. дружинные мужи крестъ цѣловали, чтобы „стеречи честь князей (Изяслава и Вячеслава) и добра имъ хотѣти“. „Княже! мы тебѣ добра хотимъ и за тыя головы свои складываемъ“, говорили бояре Владиміру князю Всеволоду (1177). Геройскій духъ дружины прекрасно очерченъ въ лѣтописяхъ: дружинники галицкаго Романа были словно львы или медвѣди, которые не слышали на себѣ ранъ, или же дружина подобилась орлу, летающему подъ облаками, или же это были ястребы, съ которыми никто не могъ одолѣть князя (Ник., II, 172). Дружина участвовала и въ дѣлѣ добычи и полона. При недостаткѣ княжескихъ доходовъ для ея продовольствія, подобныя добычи доставляли особенное удовольствіе дружинникамъ и приносили радость въ ихъ дома. Тщательно были отмѣчаемы лѣтописцами подобныя удачи. „И бысть радость велика: дружина ополонилася, оружья добыша и кони, и колдники поведоша и возвратилася домой“ (1185). „Василью Яропол-

чичь избѣи половцы на Руси и обогатилася дружина его оружіемъ и кони, и самъ има на нихъ искупа много" (Кіев., 1165). „И взяша вѣжѣ ихъ на Угрѣ рѣцѣ" (1170 г.). „И только взяша полона, якоже всѣмъ русскимъ воемъ наполнитися до изобилія и колодниками, и чадами, и дѣтми ихъ, и челядью, и скоты многими". Любовь князя къ дружинѣ часто доходила до самоотверженной доблести. Такъ, Святославъ Ростиславичъ, „имѣнія не щадяше, злата и серебра не збираше, но даваше дружинѣ" (1172 г.). Точно также, по сказанію лѣтописца, и Володиміръ Глѣбовичъ Переяславскій—„бѣ любя дружину, и злата не собираеть и имѣнія не щадяшеть, но даше дружинѣ, бѣ бо князь добръ и крѣпокъ на рать" (1187). Князь Давыдъ Ростиславичъ смоленскій, тоснящійся на великія дѣла, также злата и серебра не собиралъ, но отдавалъ дружинѣ, „бѣ бо любя дружину" (1197 г.).

Чѣмъ больше было полона, тѣмъ больше было поживы для дружины и тѣмъ больше было чести и славы князьямъ. Такъ, Георгій Володиміровичъ ходилъ на болгары по Волгѣ, и взявъ полонъ много—*приде съ честію и славою* (1120 г.). Мстиславъ съ бояры новгородскими ходили въ Чудскую землю и ополонившись челядью и скотомъ, возвратились во свояси *со славою и честію великою* (1178 г.).

О знаменитыхъ своихъ побѣдахъ князья давали вѣсть въ чужія земли и слава о нихъ широко распространялась. Такъ, въ 1111 г., русскіе князья Святополкъ, Владиміръ и Давидъ, побѣдивъ половцевъ, взяли полона много и много колодниковъ изымали руками, и возвратились во свояси со славою великою къ своимъ людямъ „и ко всѣмъ странамъ дальнимъ рекуше, къ грекомъ, и угромъ, и ляхомъ, и чехомъ, дондеже и до Рима пройде на славу Божу".

Точно такое же понятіе о дружинѣ и ея отношеніи къ князю проходить и въ „Словѣ о полку Игоря". Изъ „Слова" особенно видно, что дружина была того же закала, какъ и ея князья: въ ней жила тотъ же геройскій, воинственный духъ; сердце ея было сковано изъ той же стали и закалено тѣмъ же буйствомъ, какъ и въ князьяхъ.

То были искусные наѣздники, подъ трубами повитые, подъ шеломами взлелѣянные и концомъ копья вскормленные. Искать себѣ чести, а князю славы—вотъ что было начертано на знамени этой дружины. Какъ сѣрые волки въ полѣ, рыскали они, ища себѣ чести, а князю славы. Въ геройскихъ и неудержимыхъ порывахъ это были настоящіе туры, раненые калеными саблями.

Вся воинская добыча—въ успѣшномъ дѣлѣ Игоря—пошла въ раздѣлъ его дружинѣ; лишь одно побѣдное знамя досталось въ руки князя. Русскіе —

Съ позаранку въ ятокъ потоптали,
 Половецкіе ноганнхъ полки,
 И разнеслись стрѣлами по полю,
 Половецкихъ дѣвъ красныхъ помчали,
 Съ ними-жь паволокъ, злата
 И драгихъ оксамитовъ;
 И мостить начинали мосты
 Япончами, орницами, кожухами
 По болотамъ и грязнымъ мѣстамъ.

Багрянъ же стягъ
 Хоругвь бѣла,
 Багряна чолга,
 Конь серебряно —
 Хороброму Святославичу!

Такъ гомеровски выражена въ „Словѣ“ принадлежность побѣд-
 наго знамени князю — и такъ подробно описанъ здѣсь этотъ знакъ
 русской славы и побѣды!

Изъ „Слова“ также видно, какъ гласить и „Кіевская Лѣтопись“,
 что побѣдная слава не оставалась только на русской землѣ, но раз-
 носилась и по дальнимъ краямъ:

Туть вѣмцы и венедацы,
 Туть греки и моравя
 Поютъ славу Святославу,
 А Игоря осужаютъ.

„Слово“, наконецъ, вводитъ насъ въ самую семью князя и дру-
 жины кіевской Руси — и здѣсь даетъ намъ видѣть то же понятіе о
 князѣ и дружинѣ. Вотъ плачетъ Ярославна о своей милой ладѣ, —
 и плачутъ жены дружинниковъ также о своихъ ладахъ. И какъ раз-
 личны ихъ плачи! Какъ строго отвѣчаютъ они историческому своему
 значенію.

Ярославна оплакиваетъ въ своей ладѣ видимо героя — рыцаря,
 который ради своей чести пролилъ свою кровь; она видитъ дымя-
 щіяся его раны и желала бы облегчить его страданія.

Кукушкой горюя, она шлетъ ему слезы на море и готова бы
 своимъ бѣбрыннымъ рукавомъ утереть его раны. Въ самой дружинѣ —
 въ вояхъ своей лады — она видитъ такихъ же героев — и сочувствуетъ
 ихъ страданіямъ, самымъ томительнымъ и мучительнымъ, страда-
 ніямъ отъ жажды, подъ зноемъ солнца, въ мѣстѣ безводномъ.

Иныя мысли и чувства видимъ мы въ плачѣ жонъ дружинниковъ:
 лишаясь ладъ своихъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ лишались и всѣхъ удобствъ
 въ жизни, всѣхъ радостей и удовольствій, которые приносили они
 въ домъ, возвращаясь изъ похода вмѣстѣ съ добычей и полонимъ.

Вмѣстѣ съ ними, вѣроятно, многія вдовы даже совсѣмъ лишились средствъ къ насущному пропитанію. Отголоски этихъ ощущеній мы и слышимъ въ ихъ плачахъ.

Восплакались русскія жены, говоря:

Не помислить мысли,
 Не подумать думою,
 Не видать очами —
 Намъ милыхъ ладъ своихъ —
 А златомъ и серебромъ
 И подавно намъ не побракивать!

Вотъ самъ великій князь, въ мирное время, у себя дома, на думѣ съ своей дружиной. Ночью приснился ему беспокойный сонъ—и онъ рассказываетъ его своимъ боярамъ. Онъ видѣлъ, между прочимъ, что доски на крышѣ „безъ князя“ въ его теремѣ златоверхомъ. Видно, что княжій его теремъ походилъ на настоящую крестьянскую избу, надъ крышей коей донинѣ можно видѣть этотъ жолобъ, этотъ верхній гнѣтень, которымъ связываются тесины крыши и который донинѣ называется „княземъ“. Самая примѣта—видѣть этотъ гнѣтень безъ досокъ, какъ недобрый знакъ, донинѣ живеть въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ; донинѣ слабыхъ и больныхъ заставляютъ участвовать при его подъемѣ на крышу, и если при этомъ долго маются и крыша стоитъ безъ князя, то это вѣрный знакъ, что больной умретъ.

Бояре, явившіеся на думу, толкуютъ сонъ Святослава, и, описывая веселіе на берегахъ синяго моря, вызванное бѣдствіемъ Игоря и его спутниковъ, выражаютъ свою готовность идти на ихъ защиту. „А мы, дружина,—говорятъ они князю,—уже жадны веселія“, т. е. мы ужъ давно жаждемъ повеселиться, какъ веселятся на берегахъ синяго моря! Такъ кратко и такъ сильно выражаютъ они свою готовность идти на борьбу, и вмѣстѣ—увѣренность въ своей побѣдѣ!

Если лѣтописи и „Слово“ передаютъ намъ одно и то же понятіе о князѣ и дружинѣ, то, съ другой стороны, мы видимъ въ нихъ также тождество и въ понятіи о степи.

Борьба со степью была тѣмъ главнымъ поприщемъ, въ которомъ сказалось все историческое значеніе княжеско-боярской кievской Руси, которое оцѣнено русскимъ народомъ, воспѣто и увѣковѣчено имъ въ былинахъ. И чтó же мы здѣсь видимъ?

Съ одной стороны, это—вороги русской земли, разорители мирныхъ поселеній, поганые, сквернители крестьянской святыни. На сто древнихъ торковъ и печенѣговъ, на обширной луговой степи нашего юга съ XI вѣка появились новые кочевники, извѣстные подъ именемъ половцевъ. Они поселились у береговъ Чернаго и Азовскаго морей и оттуда стремительно нападали на русскіе беззащитные го-

рода и села, грабили и убивали жителей и истребляли огнемъ и мечемъ то, чего нельзя было захватить съ собою. „Начнетъ смердъ орати лошадыю и прѣхавъ половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и пойметъ лошадь ту и жену его и дѣти, и гумно его зажжетъ“ (1111 г.). Города всё опустѣли, села опустѣли, поля отощали, нивы обратились въ жилища звѣрей, много было христіанъ страдающихъ, мучимыхъ, костенѣющихъ отъ холода, исхудалыхъ, почернѣвшихъ отъ голода и жажды: по незнакомой имъ сторонѣ шли они часто нагіе и босые, и ноги ихъ исколоты были терніемъ (Лавр., 1093 г.). Не разъ повторяется въ „Кіевской Лѣтописи“, что много зла сотворили половцы русской землѣ. „И се попусти Богъ казнь на ны,—замѣчаетъ лѣтописецъ:—онъ казнилъ насъ нахожденіемъ поганыхъ: се бо есть *батогъ Елю*, да подвигнемся отъ злаго пути“. Нападать на Русь для хановъ—было историческимъ преданіемъ. Севенчъ Вонаковичъ,—дикій половчанинъ, знаменательно выразилъ это словами: „хочу,—говорилъ онъ,—сѣчи въ золотая ворота, яко же и отецъ мой“ (1151 г.). Въ виду подобнаго отношенія къ Руси половцевъ, срамно было для русскаго князя отказываться идти на поганыхъ. „Не дай Богъ,—говорилъ Игорь,—на поганья ѣвдя ся отрещи; поганый есть всѣмъ намъ *общій врагъ*“ (1185 г.). Такимъ образомъ идетъ историческая борьба между кіевскою Русью и Половецкою степью. То половцы нападаютъ на Русь (1165 г.), берутъ множество сель, и множество полна съ людьми и скоты и коньми (1173 г.), иногда плѣняютъ даже много бояръ и дружины (1177 г.). То одолѣваютъ ихъ русскіе князья—берутъ ихъ вѣжи, скоты и кони, отнимаютъ плѣнныхъ (1152 г.) и уводятъ отъ нихъ множество чади (1173 г.). Но особенно половцы устремлялись на кіевскую Русь, пользуясь,—какъ говорить „Лѣтописъ“,—*свадою въ русскіхъ князяхъ*. Въ этомъ отношеніи, какъ видно, были особенно искусны половецкіе ханы Кончакъ и Кобякъ. О первомъ лѣтописецъ даже не можетъ говорить спокойно и называетъ его окаяннымъ, агаряниномъ, нечистымъ исчадьемъ самого сатаны. Кобякъ также много зла сотворилъ крестьянамъ и избивалъ на Руси даже младенцевъ.

Съ другой стороны, эти самые кочевники, эти вороги русской земли, разоравшіе города и извѣдавшіе села, изображаются въ „Лѣтописи“ какъ старые знакомые князей кіевской Руси, какъ добрые сосѣди и иногда благопріятели. Мало того, что ихъ принимаютъ, не дѣлая имъ насилія, и отпускаютъ, одаривъ дары (1151 г.); мало того, что за крестьянское кровопролитіе рассчитываются съ ними лишь только „искупомъ“ и самъ Кончакъ, исчадіе сатаны, будучи въ русскомъ плѣну, лишь только пѣшъ ходитъ и котель носитъ на плечахъ; мало того, что эти окаянные Кончакъ и Кобякъ являются

союзниками русских князей въ ихъ взаимныхъ ссарахъ (1180 г.); мало того, что между ними замѣтны какая-то пріязнь и побратимство; но всего замѣчательнѣе то, что не рѣдко взаимныя ихъ нападенія вели къ заключенію *родственныхъ и кровныхъ связей*. Такъ, въ 1094 году полкъ Святополкъ себѣ жену, дочь Тугорлана, князя половецкаго; въ 1117 г. Андрей, сынъ Мономаховъ, женатъ былъ на внукѣ Тугоркановой; въ 1183 г. привелъ Ростиславъ Бѣлукону, дочь князя половецкаго, изъ Половецъ, за сына своего Рюрика; въ 1206 г. великій князь Всеволодъ женилъ сына своего Ярослава и „привели за него“ Юрьевну Кончаковича.

То же самое понятіе о степи видимъ мы и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Съ одной стороны, здѣсь изображается предъ нами борьба противъ поганыхъ, отъ которыхъ стонеть Кіевъ и Черниговъ, и разлилась тоска по землѣ русской: степь рисуется какъ зло, которое усмирилъ-было Святославъ кіевскій. Съ другой стороны, видимъ, что пораженіе Игоря оканчивается тѣмъ, что сынъ его Володимиръ *женится на дочери окаяннаго Кончака*.

Гзакъ Кончаку воспроговорить:

Если да соколъ въ гнѣздо улетитъ,

Соколенка разстрѣлаемъ мы

Да своими стрѣлами злеченими.

А Кончакъ на то Гзѣ говорилъ:

„Если да соколъ въ гнѣздо улетитъ,

А и тогда соколенка

Дѣвицею красной

Опутаемъ мы“.

И сказала да тутъ Гзакъ Кончаку:

Лишь только дѣвицею красной

Его да опутаемъ мы —

Не будетъ у насъ соколенка,

Ни красной дѣвицы не будетъ у насъ,

И птицы тутъ почнуть

Да насъ бити

Въ полѣ половецкомъ.

Таковы были отношенія между степью и князьями кіевской Руси.

„Слово“ и „Лѣтопись“ одинаково даютъ понимать намъ какъ заклятую историческую вражду, такъ и побратимство и родственныя связи между поганой половецкою степью и православною дружинно-княжескою Русью.

Быть и культура этой Руси совершенно одинаковы по изображенію какъ „Лѣтописи“, такъ и „Слова“. Въ семейномъ быту нельзя не видѣть по лѣтописямъ нѣкоторой нѣжности во взаимныхъ отношеніяхъ; двоуродное родство называется сыновствомъ (1149 г.); не рѣдко читаемъ здѣсь ласкательныя слова: *милая тищерь* (1187 г.),

милые люди (1157 г.) и т. п. Особенная любовь замѣтна между родными братьями: другъ друга они жалѣютъ (1146 и 1148 гг.) и въ случаѣ смерти одного изъ нихъ другой оплакиваетъ (1151 г.). Иные князья выражали желаніе, чтобы ихъ хоронили непременно въ Кіевѣ: „не могу здѣ лечи,—завѣщалъ, напр., Ростиславъ смоленскій,—повезите мя къ Кіеву“. Погребальная причетъ надъ родными имѣла всю свою силу и при домахъ княжескихъ: какъ дѣти плакали по отцамъ, такъ и родители по дѣтямъ (1126 г.). „И посла Мнидовгъ по свою свѣсть тако река: се сестра твоя мертва, а пойди карить по своей сестрѣ“ (1254 г.).

Всѣ эти черты семейнаго княжескаго быта сказываются для насъ и въ „Словѣ“. О, мои сыновцы, Игорь и Всеволодъ, такъ начинается Святославъ свое золотое слово, обращаясь къ своимъ племянникамъ. Всеволодъ называетъ Игоря братомъ своимъ единственнымъ, *свѣтомъ свѣтлымъ*; оба, говорить, мы *Святославичи*. „Жаль мнѣ брата Всеволода“, — восклицаетъ Игорь послѣ пораженія на Каялѣ. Ярополкъ повелѣлъ взять отца своего на угорскихъ иноходцахъ ко св. Софїи въ Кіеву. Плачетъ мать Ростислава по юношѣ князѣ:

„Уныли цвѣты отъ жалости
И дерево отъ туги
Къ землѣ преклонилось“.

У князей, по изображенію „Лѣтописи“, тѣ же доспѣхи и оружье, что и въ „Словѣ“.

1) Шлемы называются здѣсь „золотыми“, какъ и въ „Лѣтописи“. Мономахъ „*шилъ золотымъ шоломомъ* Донъ“. Шлемы половецкіе названы въ „Словѣ“ *оварскими*; шлемы же Романа Галицкаго и Мстислава Храбраго названы *латинскими*.

2) *Щиты*. Они прозваны въ „Словѣ“ *чераленными*, т. е. багряными или темно-красными; такими именно изображены щиты на миниатюрѣ въ древней харатейной рукописи (Типогр. Библ.) съ подписью: „Св. Борисъ ѣдетъ на Печенѣги“.

3. *Сабли*. Сабли пришли на Русь отъ воевавшихъ съ нею азіатцевъ. Припомнимъ изъ „Лѣтописи“ дань днѣпровскихъ полянъ козарамъ: *отъ двѣма мечь*. „Рѣша старци козарстїи: не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружіемъ одною стороною, рекше, саблями, а сїихъ оружье обоудо остро, рекше мечь“. Еще Максимовичъ замѣтилъ, что съ саблями въ „Словѣ“ представлены только половцы, а Русь и Литва съ мечами. Изъ русскихъ только Всеволодъ и куряне съ саблями.

4. *Мечи*. Они называются въ „Словѣ“ „харалужными“, что указываетъ также на восточное ихъ происхожденіе. Сталь изобрѣтена халифами и потому на греческомъ языкѣ извѣстна подъ именемъ ха-

лись (*χαλός*); едва ли въ словѣ харалужный не скрывается этотъ корень ¹⁾. Въ олонецкой губерніи донынѣ существуетъ слово харалужный и употребляется въ переносномъ смыслѣ для выраженія крайняго безстыдства: *харалужные миза, харалужа*, и т. п.

5. *Сулицы*. Сулицею называлось остріе коня (*αἰχμή* *доратос*, въ глѣт. Манассіи и самое конье. О сулицахъ упоминается въ договорѣ смоленскаго князя съ Ригю и Готскимъ берегомъ XIII вѣка (Изв. Ак. Н., т. X, 601). Сулицы Мстиславичей названы въ „Словѣ“ „ладскими“.

6. *Стрѣлы*. Стрѣлы именуется каленными: это постоянный, неотлучный эпитетъ стрѣлъ, какъ полю названіе чистаго, звѣрю—лутаго, коню—борзаго, дѣвицѣ—красной.

7. *Насады*, упоминаемые въ „Лѣтописи“ и въ „Словѣ“, были деревянные лодки, въ основу которыхъ клались кораги, обшиваемыя тесомъ. Св. Іона Клинецкій, новгородскій купецъ, торговавшій солью съ Вѣломорьемъ еще въ XVI в., ѣздилъ на такихъ „насадахъ“ по Онежскому озеру. Въ лѣтописяхъ они также встрѣчаются нерѣдко.

Въ ряду культурныхъ предметовъ мы находимъ здѣсь также „*окамиты, паволоки и узорочья различныя*“, упоминаемыя въ „Словѣ“.

Князья послѣ побѣды или удачнаго исхода своихъ дѣлъ, въѣзжая въ Кіевъ, отправлялись поклониться св. Софіи и св. Богородицѣ Десятинной (1151 г.). Точно также Игорь, послѣ несчастной битвы и плѣна, получивъ спасеніе жизни, ѣдетъ по Боричеву къ св. Богородицѣ Пирогощей.

Отношеніе къ половецкимъ плѣнникамъ въ кievской Руси, какъ и у половцевъ, было не для всѣхъ одинаково. Рядовые плѣнники продавались на торгу; когда было ихъ много, чага бывала по ногатѣ, а кощей по резани, т. е. женщина стояла полтиннику, а мужчина—двугривенный ²⁾. Иначе принимали плѣнниковъ почетныхъ. Такъ изъ выраженія „Слова“: „и палеъ Кобыкъ въ гридиѣ Святослава“, можно заключить, что этотъ ханъ былъ представленъ лично великому князю Святославу и изъявилъ покорность ему въ самомъ княжескомъ дворцѣ. Побѣжденные, выражая свое подчиненіе, по изображенію

¹⁾ Битъ можетъ въ формѣ *χαλτρούτος*.

²⁾ Въ гривнѣ считалось двадцать ногатъ или 50 резани; слѣдовательно, въ ногатѣ было 2½ резани. Ногата на металл (Карама. И. Г. Р. II., стр. 79) равнялась шестидесяти полтиннику, а резань—двугривенному. Для разъясненія отношенія ногаты къ новгородскому счету приведемъ здѣсь „память, какъ торговали доселѣ новгородны“. „Пять лобцевъ четверетца, а десять лобцевъ двѣ четверетцы, ино то мротка, а ногата полторы мротки. Три четверетцы, а двѣ векши ибець, а ибецовъ пять за четверетцу“ (Визиска изъ Минеи мѣсячной 1494 г., библ. Солов. монастыря, шифръ казан. Дух. Ак., № 518, обязательно сообщена намъ проф. А. С. Павловымъ).

„Слова“, сулицы свои повергали и главы свои наклоняли подъ мечи побѣдителей.

Языкъ „Слова о полку Игоревѣ“, въ большинствѣ своихъ образовъ, выраженій и оборотовъ, есть обыкновенный языкъ той же дружинно-княжеской кievской Руси. Сближая эту боярскую Русь въ ея внутреннихъ стремленіяхъ и понятіяхъ, въ ея бытѣ и культурѣ, какъ изображается она въ „Словѣ“ и „Лѣтописи“, мы намѣренно приводили буквально многія мѣста лѣтописей, чтобы читатель могъ видѣть, въ какой высокой степени „Слово“ сходно съ лѣтописями, не только по изображеніямъ внутреннего уклада этой Руси, но и по языку, по тону рѣчи, по образамъ и выраженіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наша литература XII в. не стояла особнякомъ въ общей культурѣ тогдашняго міра; напротивъ, мы видимъ, что кievская образованность въ значительной мѣрѣ отражаетъ въ себѣ слѣды славяно-византійскихъ вовдѣйствій. Дружинно-княжеская придѣпровская Русь, какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, стояла на весьма значительной высотѣ тогдашняго общаго образованія. Но, допуская книжную, литературную стихію въ „Словѣ“, мы видимъ здѣсь главнымъ образомъ ту обычную рѣчь, которая жила въ устахъ кievской дружинной Руси, и, естественно, должна была подниматься на извѣстную поэтическую высоту, какъ скоро приходилось говорить о предметахъ серьезныхъ и возвышенныхъ.

Вспѣсти на конь (21, 50). Вздить въ стремени (73). Цить шелокомъ Донь (15). Трубы вструбить (63). Кликнуть полкомъ (56). Взять по челомени (129). Итти на судъ Божій (62). Видѣть судъ Божій (54). Стати на болоньи (20) въ лозахъ (89). Битися на чистомъ полѣ (62). Битися съ заутра до вечера (36). Изломить копье свое (47, 63). Добыть копьемъ (214). Добыть Кіева (61). Послужить копьемъ за обиду (68). Стоять за обиду (39, 57, 217). Оступитъ полки русскіе (2). Повернутъ стили и поскочитъ (24). Потоптатъ полки (67). Ходитъ по трутью, аки по мосту (199). Видѣть ломъ копейный, звукъ оружейный (110), шить скепанія (177). Сулицы кровавы, окетище изсъчено отъ ударенія мечнаго. Притти съ силою (26). Повоевать жизнь (38). Разграбить жизнь князя и дружины (стр. 83). Пожечъ всю жизнь (37). Кметство и коломн (56). Чолка стяговая (24) и т. п.

Всѣ эти лѣтописныя выраженія, почти буквально повторяемыя въ „Словѣ“, ясно даютъ понимать, что языкъ „Слова“ есть языкъ той же дружинной Руси XII вѣка, съ которою такъ подробно знакомить насъ „Кievская Лѣтопись“. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ приведенныхъ выраженій долго держались въ нашей письменности и послѣ упадка дружиннаго быта кievской Руси. Выраженіе, напр., „*ити*

Дону—въ смыслѣ одержать побѣду—встрѣчаемъ въ официальныхъ актахъ даже XVII вѣка.

Тѣ же здѣсь предвѣстники неудачъ, что и въ „Словѣ“: затмѣніе солнца (135), завываніе волковъ (115), играніе и клетканіе хищной птицы (115).

Тѣ же образы при описаніи битвъ: „и сразишася первое съ полкомъ и тресну, яко громъ“ (2). „И бѣ гроза велика и сѣча страшна и сильна: блещашется оружіе яко свѣтяшеса молнія“ (Лавр., 64). „Щить же ихъ яко заря бѣ, шелома же ихъ яко солнце восходящее“ (186).

Самое начало „Слова“ какъ будто взято изъ „Лѣтописи“: „а дѣло ны было, братья“ (стр. 97), *начнемъ же сказати* безчисленныя рати и великіе труды (166). Драматическія рѣчи однѣ и тѣ же: „И рече Святославъ Рюрику: азъ есмь, брате, готовъ“ (134). „А се полкъ мой и дружина моя: ты ряди“ (75). „А се есмь братья“ (стр. 60). „А ты еси Ростиславу сынъ *любимый*“ (74).—Упомянемъ и отдѣльныя выраженія, повторяемая тамъ и здѣсь: „обаполю“ (40,63), „середь земли“ (21), *ночесь, ночаша молвити*“ (113).—Наконецъ, достойно вниманія, что потомуки Олега, какъ тамъ, такъ и здѣсь, *именуются по изотчннѣ*: они постоянно называются не иначе, какъ „Ольовичи“. Точно также Игорь и Всеволодъ—величаются по отчеству: „Святославичи“¹⁾.

Изображая предъ нами дружинно-боярскую кievскую Русь, какъ лѣтописи, такъ и „Слово“ почти ничего не сообщаютъ о другихъ общественныхъ классахъ и о самомъ народѣ: всѣ свѣдѣнія о послѣднемъ сводятся лишь въ выраженію „Слова“: *тогда рѣдко пахари покрывали, но часто вороны поправали*. Нѣкоторые, впрочемъ, образы „Слова“, хотя случайно, отчасти связываютъ его и съ народною жизнью. Такъ, напр., встрѣчаются здѣсь выраженія: „ратан, снопы стелють, молотятъ дѣнами, вѣютъ“... Эти черты сельскаго народнаго быта, послужившія автору образами для кровавой битвы, служатъ для насъ указаніемъ, какъ глубоко корни „Слова“ тянутся къ русской народности и до какой степени картины его живы и наглядны: онѣ какъ будто сейчасъ схвачены съ самыхъ обычныхъ явленій сельской народной жизни, которыя и теперь совершаются на нашихъ глазахъ.

¹⁾ Изъ грамматическихъ формъ—укажемъ ми только на двѣ особенности: во-1-хъ, на дательный мѣстоимени личнаго им: „Ся отецъ ти умеръ, а Святволокъ сидѣтъ ти Кнези“ (Лавр., 61). Въ „Словѣ“: „мой имъ готови, мой имъ Куряне, также имъ“. Здѣсь „ти“ стоитъ вмѣсто частицъ: вѣдъ, знамо и т. п. (См. Малор. пѣсни XVI в. Цотебая, въ Филол. Запискахъ, 1877). Во-2-хъ, при *подлежащемъ собирательномъ* глаголъ употребляется во множеств. числѣ: „Дружина княжа сѣдаху“; въ „Словѣ“: „Дружина ринають“ и т. п.

Мы такъ отвыкли отъ живой народной рѣчи, что многіе обороты и выраженія лѣтописей и „Слова“ насъ поражаютъ необычною и своеобразіемъ, между тѣмъ какъ многія изъ нихъ мы можемъ слышать и теперь, какъ скоро народная рѣчь коснется предметовъ серьезныхъ, доступныхъ сердцу и разумѣнію народа и непосредственно поднимающихъ его на поэтическую высоту. Нѣтъ сомнѣнія, что живая народная рѣчь XII в. ближе подходила къ языку лѣтописей и „Слова“.

Главное значеніе „Слова“ сравнительно съ „Кіевскою Лѣтописью“ состоитъ въ томъ, что оно рисуетъ предъ нами придиѣпровскую Русь XII в. въ цѣлой ея картинѣ и представляетъ намъ рядъ князей въ краткихъ, но характерныхъ очертаніяхъ.

„Слово“ рисуетъ предъ нами цѣлое поколѣніе тогдашнихъ передовыхъ князей, и въ ихъ изображеніяхъ даетъ намъ разумѣть ихъ кипучую дѣятельность и политическіе замыслы.

Вотъ предъ нами Всеволодъ III (Большое гнѣздо). Удалившись на сѣверъ, онъ поглощенъ здѣсь своей государственной задачей, подбирая князей подъ свою мощную руку. Онъ можетъ веслами раскропить Волгу и Дожь вылить шеломами, но онъ уже не думаетъ о Кіевѣ и не несетъ туда мыслию издали поблюсти древняго златого престола отцовскаго.

Вотъ предъ нами знаменитый Романъ Галицкій, котораго издали разглядѣлъ зоркій папа Иннокентій III и, угадывая его замыслы, предлагалъ ему королевскую корону надъ всей русской землей, подъ условіемъ, конечно, признанія его главенства. Высоко влетѣлъ этотъ Романъ въ свои замыслы, говорить о немъ „Слово“, какъ будто соколъ на вѣтрахъ ширяся и готовясь въ буйствѣ одолѣть птицу.

Рядомъ съ этими мужами стоитъ Ярославъ Осмомыслъ Галицкій, что горы Угорскія подберъ своими желѣзными полками и стрѣлялъ солтановъ за землями. Гровы отъ его престола, говорить „Слово“, по землямъ текутъ.

За нѣсколько лѣтъ до похода Игоря умеръ Мстиславъ Храбрый (1180), имя котораго въ лѣтописяхъ стоитъ рядомъ съ богатырями, которые какъ львы и медвѣди не слышатъ на себѣ ранъ. Предъ нимъ и Романомъ (Галицкимъ) — отъ ихъ храбрости и оружія, говорить „Слово“, треснула земля и многія страны... вопья свои повергли и головы преклонили подъ ихъ мечи харалужные.

Помануть въ „Словѣ“ и Рюрикъ Ростиславичъ, который семь разъ добывалъ и терялъ Кіевъ, съ золотого престола былъ постриженъ въ монахи, сбросилъ расу и опять-таки добылъ Кіевъ. Онъ названъ

здѣсь „буйнымъ“: шоломъ его плавать въ крови, какъ и шоломъ Давида—и храбрая дружина ихъ рыкала, какъ туры, раненные каменными саблями.

Въ такихъ же яркихъ краскахъ изображены здѣсь и три Мстиславича: „не худа мѣзда шестокрыльми“, — и „всѣ внуки Всеслава, выскочившіе изъ дѣдной славы“.

Уже въ XI вѣкѣ, какъ мы видѣли, слышался голосъ со стороны смысленныхъ мужей или думающихъ бояръ, что княжескіе раздоры наводили поганыхъ на русскую землю; а затѣмъ, по мѣрѣ усиленія раздоровъ, поганые еще болѣе радовались „княжеской свадѣ и котораѣ“ и устремлялись съ побѣдами на землю русскую. Въ XII в. дѣйствительность была такова, что производила отрезвляющее дѣйствіе и давала чувствовать всю глубину зла, въ которому вели княжескіе раздоры.

Всѣ усобицы, по свидѣтельству „Слова“, развились именно отъ того, что князья забыли великую идею единства земли русской, эту святыню, завѣщанную имъ исторіей, и, вмѣсто того, чтобы всѣмъ княжить подъ ея воздѣйствіемъ, стали водиться самолюбивыми цѣлями и мелкими побужденіями, — „стали говорить: се мое, а то мое же, и о маломъ стали говорить: се великое“. Вотъ историческій лучъ, который оваряетъ для историка разрозненность кievской Руси такими психологическими опредѣленіями, которыхъ напрасно сталъ бы онъ искать въ лѣтописяхъ XII в.

Всѣ бѣдствія русской земли, разоренія городовъ и страданія жителей происходили, по свидѣтельству „Слова“, именно изъ-за этихъ мелкихъ и самолюбивыхъ княжескихъ интересовъ, столь противныхъ историческому преданію и завѣтной идеѣ единства народа русскаго. „И начали князи крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили на землю русскую“... Съ этой стороны „Слово“ есть настоящій „плачь Іереминъ“, указующій истинную причину всѣхъ бѣдъ, разразившихся надъ русской землей.

Окончивъ золотое слово Святослава, авторъ какъ-бы изнемогаетъ при мысли о княжескихъ крамолахъ, и изъ стѣсненной души его какъ-бы невольно вырывается почти отчаянное слово: „О, стонать русской землѣ, вспоинная первую годину и первыхъ князей. Уже нельзя пригвоздить того стараго Владиміра къ горамъ Киевскимъ. Знамена его теперь стали одиѣ Рюрика, другія Давида, а разладивъ они дѣйствуютъ веривъ и вкось“.

Что касается въ частности похода Игорева, то нельзя не замѣчать, что „Слово“, сравнительно съ „Лѣтописью“, не столько занято его подробностями, сколько передаетъ впечатлѣнія очевидца, подъ дѣйствіемъ гнетущей скорби за эти стоны и бѣдствія русской земли. Оно

не распространяется о томъ, какъ проводили время и что затѣвали русскіе послѣ первой побѣды надъ половцами, въ пятницу, у р. Сяурлія, что сообщается въ „Кіевской Лѣтописи“. Оно лишь кратко замѣчаетъ объ этомъ почлегѣ: „Дремлетъ въ полѣ гнѣздо храброе Олега;... далече залетѣло“.

Точно также, опуская подробности битвы въ субботу, оно изображаетъ предъ нами лишь только князя Всеволода — въ его рукопашномъ бою... Бой русскихъ въ этотъ день былъ такъ страшенъ, что авторъ свилъ его съ старымъ временемъ Ярослава и Олега... „То было,—заканчиваетъ онъ эту картину, — въ ты рати, и въ ты полки, ни сицей рати не слышано... зачернѣла земля подъ копытами, костями была призабѣяна и кровію полита“.

„Что ми шумить, что ми звенить давеча рано передъ зорами? Полки Игорьъ заворачиваетъ“... Такъ начинается „Слово“ описаніе 3-го, воскреснаго дня и, пропуская подробности несчастнаго боя и плѣна своихъ героевъ, подробно рассказанныя въ „Лѣтописи“, изображаетъ только печальный конецъ его: „бились день, бились другой, а на третій ко полудню стяги Игоревы пали“. Говоря короче, въ „Словѣ“ читаемъ не рассказъ событія, но впечатлѣнія и думы дружинника, вызванныя этимъ походомъ.

Таково историческое значеніе „Слова“. До такой степени оно связано съ понятіями, отношеніями, бытомъ, культурою, языкомъ и политическими стремленіями дружинно-княжеской приднѣпровской Руси XII вѣка. Возникнувъ лишь только въ этой дѣйствительной средѣ, оно могло отразить для насъ такъ наглядно и осязательно въ общей картинѣ исторической фактъ. Уже одно это значеніе, столь внутреннее и глубокое, должно сдѣлать порывы нѣкоторыхъ ученыхъ—для объясненія его уноситься мыслию въ старую и новую Болгарію и тамъ искать прототипа, по которому будто бы оно выкроено съ замѣтными и не всегда искусными спайками.

II.

Приступая къ опредѣленію литературно-художественнаго значенія „Слова“, мы не можемъ пройти молчаніемъ извѣстной въ литературѣ новой гипотезы ¹⁾, которая, въ ущербъ его поэтическимъ достоинствамъ, предполагаетъ за нимъ византійско-болгарскій прототипъ, давшій автору „Слова“ матеріалъ для безотчетнаго заимствованія и, видимо, не искусныхъ спаякъ. Гипотеза эта тѣмъ болѣе

¹⁾ Взглядъ на „Слово о полку Игоревѣ“ Всев. Миллера. М. 1877.

должна обратить на себя наше вниманіе, что къ ней отнеслись съ замѣтнымъ сочувствіемъ такіе ученые, какъ А. Н. Веселовскій, А. Н. Пыпинъ и О. Э. Миллеръ, изъ которыхъ первый даже старается поднять ее на высоту гипотезы научной.

Поэтическое благообразіе „Слова“ и, такъ-сказать, его художественная красота, самимъ его авторомъ поставлена въ зависимость отъ размысла Боянова и его „старыхъ словесъ“. Авторъ не скрылъ своего необыкновеннаго уваженія къ этому пѣснотворцу, какъ онъ самъ его называетъ, и своего увлеченія его „старыми словесами“.

Заявляя, что будетъ имѣть дѣло лишь съ дѣйствительнымъ фактомъ и начнетъ повѣсть „по былымъ своего времени“, онъ не разъ возвращается къ Бояну и пользуется его рѣчью, его сильными выраженіями, его пѣвучими стихами и изреченіями мудрости, которыя изливались изъ его устъ, подъ его чарующей, волшебной лирой. Имена языческихъ божествъ, поднимающія рѣчь автора „Слова“ на поэтическую высоту и придающія его изображеніямъ не только прелесть, но и нѣкоторую священную важность, по мнѣнію почти всѣхъ изслѣдователей, почерпнуты имъ изъ источника старыхъ словесъ и Боянова размысла. Отсюда же имъ заимствованы, по всей вѣроятности, и всѣ тѣ художественные образы, которые преобладаютъ въ „Словѣ“ надъ фактомъ и указываютъ на то, что авторъ не остался вѣренъ своей задачѣ—излагать только быль, а поддался вдохновляющему его Боянову размыслу.

Никто до сихъ поръ не сомнѣвался въ дѣйствительномъ существованіи Бояна, какъ пѣснотворца времени Ярослава и Олега. Одинъ только князь П. П. Вяземскій, поднимая тогдашнюю кievскую Русь на высоту классическаго образованія, видитъ въ немъ образъ вдохновителя поэтовъ—самого Гомера.

Но вотъ появляется еще новая гипотеза, которая, въ ущербъ художественному значенію „Слова“, пытается подорвать всѣ эти истины и, не обвиняя, позволяетъ себѣ называть ихъ *избитыми*, хотя собственныя ея положенія далеко не таковы, чтобы могли оправдывать ея притязательность на значеніе научной истины.

Гипотеза эта выходитъ изъ того положенія, что „Слово“ есть произведеніе книжное, что авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу. Смотри съ этой точки зрѣнія, она ищетъ матеріала къ его объясненію въ произведеніи, вошедшемъ въ одинъ сборникъ съ нимъ, въ „Дѣяніи Девгеніевомъ“ (стр. 11 и 13) и проводитъ такого рода аналогіи: оба произведенія написаны съ цѣлю прославить извѣстнаго героя, содержаніе обоехъ состоитъ изъ описанія битвъ, оба богаты картинами природы; тамъ и здѣсь эпиче-

скій рассказъ прерывается рѣчами и умилными плачами (51 — 57). Особенное вниманіе обращаетъ она на приступъ (exordium) „Слова“ и, обликая его съ началомъ нѣкоторыхъ главъ повѣсти о Девгеніи, — заключаетъ, что тамъ и здѣсь есть обращеніе къ читателю, обозначеніе героя, имѣющаго быть воспѣтымъ и воспоминаніе о другихъ герояхъ. Отсюда дѣлается выводъ, что это византійское произведеніе въ славянской одеждѣ входило въ кругъ начитанности автора „Слова“ и, что подъ вліяніемъ знакомства съ нимъ, у этого автора сложились своя манера повѣствовать, и что извѣстныя картины, образы и выраженія явились въ „Словѣ“ какъ осадокъ прочитанныхъ книгъ (64).

Что авторъ „Слова“ былъ человекъ образованный и просвѣщенный, — въ этомъ никто и никогда не сомнѣвался изъ ученыхъ исследователей „Слова“. Что оно отражаетъ въ себѣ внѣшнюю стихію и воздѣйствія общей тогдашней литературы, это также давно уже подмѣчено. Первый кн. П. П. Вяземскій началъ изучать „Слово“ въ этомъ направленіи. Академикъ Срезневскій также указалъ на связь „Слова“ съ древними подобными славянскими повѣстями.

Мы, съ своей стороны, развивали эту мысль и привели даже нѣсколько примѣровъ подобія и однообразія языка „Слова“ съ образами и выраженіями повѣсти Флавія о плѣненіи Іерусалима.

Но если въ „Словѣ“ такъ замѣтна стихія книжная, то это еще не значитъ, что оно всецѣло есть произведеніе книжное и что всѣ его художественные образы и выраженія нужно объяснять изъ литературныхъ источниковъ византійско-славянскаго происхожденія.

Никто изъ ученыхъ исследователей не представлялъ автора „Слова“ простонароднымъ пѣвцомъ въ родѣ былищива Рябинина, и если предполагаетъ это гипотеза, то обличаетъ лишь недостатокъ своего знакомства съ литературой „Слова“. Съ другой стороны, никто изъ нихъ не сомнѣвался въ томъ, что „Слово“ принадлежитъ къ дружинному эпосу. Мы уже выше говорили, что политическое и глубокое знакомство автора „Слова“ съ кievскою Русью прямо указываетъ на среду, къ которой онъ принадлежалъ. Языкъ „Слова“ и „Лѣтописи“, рассмотрѣнный нами, какъ выраженіе понятій и культуры кievской Руси, также служитъ неотразимымъ свидѣтельствомъ того, что объясненія поэзии „Слова“ слѣдуетъ искать не въ византійско-болгарскихъ книжкахъ, а прежде всего и болѣе всего въ укладѣ, направленіи и характерѣ дружинно-болярской кievской Руси, въ ея идеалахъ, стремленіяхъ и понятіяхъ.

Опустивъ это изъ виду, гипотеза, приведенными аналогіями „Слова“ съ повѣстію о Девгеніи, лишь наилучшимъ образомъ доказываетъ, какое ненаучное направленіе можетъ иногда принять срав-

нительный методъ, этотъ дѣйствительно могучій и единственно надежный двигатель современной науки.

Сближая „Слово“ съ повѣстію о Девгеніи, гипотеза схватываетъ лишь общіе стилистическіе приемы и совершенно опускаетъ изъ виду тѣ безконечныя различія, которыми собственно и опредѣляются эти произведенія. Она забываетъ, что въ одномъ изъ нихъ герои дѣйствительные, а въ другомъ—сказочные, баснословные; тамъ выражается въ нихъ понятіе о князѣ и дружинѣ кievской Руси, — здѣсь являются они только романтическими лицами; тамъ и здѣсь разговариваютъ, но въ разговорахъ однихъ до насъ дѣйствительная жизнь кievской Руси, въ разговорахъ другихъ слышится прежде всего отголосокъ общихъ рѣчей литературныхъ героевъ; тамъ и здѣсь плачутъ, но безконечно различны эти плачи: въ однихъ звучатъ тоскливыя чувства именно супруги князя и женъ дружинниковъ кievской Руси; а въ другихъ повторяются лишь мотивы влюбленнаго сердца. И какая можетъ быть повѣсть, въ которой не было бы героевъ, разговора дѣйствующихъ лицъ, описанія природы, и т. п.

И вотъ, пользуясь подобными аналогіями, повидимому, на основаніи сравнительнаго метода, гипотеза проводитъ мысль, что „Слово о полку Игоревѣ“ есть произведеніе книжное и что объясненія даже такихъ его художественныхъ образовъ, какъ сравненіе людей съ соколами и вѣронами, такихъ выраженій, какъ: „свѣтъ свѣтлами“ „два солнца померкоста“ и т. п., нужно будто бы искать въ византійско-болгарскихъ источникахъ.

Но все это лишь только „цвѣтки“ новой гипотезы. Все-таки, за общюю мыслью, помимо приведенныхъ аналогій, здѣсь есть известная доля справедливости. „Слово“ не стоитъ особнякомъ внѣ тогдашней византійско-славянской литературы, и въ немъ рядомъ съ картинами и образами, бытовыми и культурными, кievской Руси, встрѣчаются и нѣкоторыя выраженія книжнаго характера — какъ осадокъ тогдашней начитанности и литературнаго знакомства.

Но вотъ въ чемъ существенная новостъ рассматриваемой гипотезы. Въ самомъ „Словѣ“ она отыскиваетъ признаки того, что составляетъ предполагать византійско-болгарскій прототипъ, по которому оно, такъ-сказать, выкроено. Въ данномъ случаѣ гипотеза затрогиваетъ и подрываетъ миеологическую сторону „Слова“, самую существенную и дорогую для историка древне-русской литературы. По ея соображеніямъ и выводамъ, оказывается, что никакого пѣснотворца Бояна, которымъ такъ восторгается авторъ „Слова“, на Русь не бывало. Боянь будто бы не историческое лицо, а маска (стр. 127). Болгарскій книжникъ нашелъ въ византійскомъ оригиналѣ во-

звание къ какому-нибудь пѣвцу древности, Гомеру, и подставилъ личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ (стр. 135). Такимъ Бояномъ могъ быть одинъ изъ сыновей болгарскаго царя Симеона (927), извѣстный своимъ кудесничествомъ и, по народнымъ преданіямъ, обращавшійся въ волка (стр. 132—133). Авторъ „Слова“, найдя подобное болгарское произведеніе, не могъ не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну и перенесъ его въ свое произведеніе (134). Дажь-Богъ былъ также подставленъ въ какомъ-нибудь болгарскомъ произведеніи на мѣсто Геліуса или Феба, а авторъ „Слова“ въ свою очередь воспользовался имъ, не отдавая себѣ въ немъ отчета и украсилъ имъ своихъ князей (стр. 76—77). Имя Велеса онъ также взялъ на прокатъ, по выраженію гипотезы, изъ того же болгарскаго произведенія (стр. 77). Хорсъ въ „Словѣ“ также отзывается болгарщиной. Дивъ и Троянъ попали сюда несомнѣнно изъ Болгаріи. Всѣ четыре мѣста въ „Словѣ“, гдѣ рѣчь касается Трояна, не болѣе, какъ вѣшніи спайки, обличающія болгарскій прототипъ „Слова“.

Всѣ эти положенія новой гипотезы сами по себѣ не приносятъ въ „Слово“ ничего, кромѣ новой запутанности и темноты, и мы позволимъ себѣ на нихъ остановиться лишь настолько, насколько въ нихъ сказываются приемы критики и характеръ мысли ея изобрѣтателя.

Считая маскою русскаго Бояна, въ виду между прочимъ того, что онъ въ „Словѣ“ называется *спцимъ, спужомъ Велеса, соловьемъ старано времени*, она въ то же время ни мало не смущается прямымъ свидѣтельствомъ „Слова“, что этотъ самый Боянъ своими пѣснями и лирой служилъ *старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Роману Святославичу*, и преспокойно это фактическое указаніе обходитъ замѣчаніемъ, что имена этихъ князей явились въ „Словѣ“ для того, чтобы *болгарскому Бояну* придать русскую окраску (стр. 134). Отрицая въ Боянѣ русскаго пѣснотворца во имя того, между прочимъ, что о немъ не упоминается въ лѣтописяхъ, она пресерььезно, въ замѣнъ его, предлагаетъ намъ *болгарскаго Бояна*, вѣщихъ дѣлъ котораго, по собственнымъ же ея словамъ, также не сохранила для насъ ни замѣтка благочестиваго книжника, ни народная традиція (133). Утверждая, что будто во всей характеристикѣ Бояна нѣтъ ни одной реальной черты пѣвца историческаго и притомъ русскаго, что, какъ увидимъ, невѣрно, она ставитъ однакожъ на его мѣсто *болгарскаго царевича*, волкодлачья натура котораго уже совсѣмъ не ладитъ съ прекраснымъ образомъ *тѣща и судца* нашего „Слова“.

Еще любопытнѣе критическіе приемы этой гипотезы по отноше-

нїю къ именамъ боговъ, которые будто бы безотчетно явились въ „Словѣ“, благодаря лишь какому-то болгарскому прототипу.

Въ лѣтониси есть вставка изъ хроники Малалы, гдѣ имя *Геліоса* переведено Дажь-Вогомъ, и такъ какъ можно предполагать, что составитель лѣтониси пользовался готовымъ болгарскимъ переводомъ хроники, то этого достаточно уже для нашей гипотезы, чтобы подобнымъ же образомъ объяснять и появленіе Дажь-Бога въ „Словѣ“. Известно, что въ одномъ древне-славянскомъ переводѣ сказанїа объ Александрѣ Македонскомъ имя Зевса переведено Перуномъ: не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что и это божество перешло къ намъ изъ болгарскихъ книжекъ? Впрочемъ гипотеза замѣчаетъ, что если Перунъ хорошо былъ извѣстенъ на Руси, то нѣтъ прямыхъ указаній на то, что Дажь-Богъ былъ популярнымъ русскимъ именемъ. Но, какъ увидимъ, едвали въ Болгарїи есть больше указаній на популярность этого божества, чѣмъ у насъ, въ Россїи. Во всякомъ случаѣ о народной извѣстности русскихъ боговъ слѣдуетъ судить не по болгарскимъ переводамъ, а по историческимъ памятникамъ и слѣдамъ, которые представляетъ намъ наша русская родная земля.

Еще слабѣе нить, которой связываетъ гипотеза *Велеса* нашего „Слова“ съ какимъ-то неизвѣстнымъ болгарскимъ произведеніемъ. Вотъ ея разсужденїа: форма, извѣстная русскому лѣтонисцу не „Велесъ“, а „Волосъ“, между тѣмъ, какъ въ „Хожденїи Богородицы по мукамъ“, по рукописи XII в., произведенїи болгарскаго происхожденїа, упоминается именно „Велесъ“. У южныхъ славянъ находимъ гору Велесъ въ Боснїи, городъ Велесъ въ Болгарїи; у насъ же, противопологаетъ она, встрѣчаемъ *Волосовъ-яръ* въ Винницкомъ повѣтѣ, село *Волосово* и станцію по балтійской желѣзной дорогѣ, *Волосову* улицу въ Новгородѣ и *Волосовъ* Нивольскій монастырь, упоминаемый въ актахъ XIV в.

Итакъ, вся опора гипотезы о болгарскомъ происхожденїи Велеса снуется на томъ, что форма „Велесъ“ есть исключительно болгарская, а форма „Волосъ“, исключительно русская. Но если бы гипотеза не уносила такъ поспѣшно въ Болгарїю, а, озираясь кругомъ, лучше познакомилась бы съ русской землей, то — мы не сомнѣваемся, что собственными руками она порвала бы эту нить и не стала бы связывать ея Велеса нашего „Слова“ съ какимъ-то неизвѣстнымъ болгарскимъ произведеніемъ, тогда она узнала бы, что имя Велеса донинѣ существуетъ на русской землѣ и что Болгарїя дала намъ не Велеса, а Власїа, который, намъ кажется, по созвучїю съ Волосомъ, и поддерживалъ у насъ господство этой полногласной формы.

Но еще любопытнѣе предположенїа гипотезы — относительно Хорса. „Въ виду болгарской формы „Хръсъ“ въ „Словѣ“, а не русской

„Хърсъ“ или „Хорсъ“ и окружающихъ словъ, отъывающихся болгарщиной, мы,—разсуждаетъ она,—склонны думать, этотъ богъ занесенъ къ намъ книжнымъ путемъ и авторъ не нашелъ нужнымъ передѣлать его имя по русскому говору“. Но если бы гипотеза побольше была знакома съ исторіей русской палеографіи, то воздержалась бы отъ подобной подкладки для своихъ заключеній. Въ XVI в., какъ извѣстно всякому русскому палеографу, писцы часто возвращались къ болгарскому правописанію и какъ употребляли безъ толку юсы, такъ и полугласныя ѣ и ѣ ставили всего чаще по-болгарски. Эта палеографическая мода держалась между писцами даже въ XVII в., и ее можно замѣчать во множествѣ рукописей, списанныхъ съ оригиналовъ русскаго правописанія. Загляните въ великіе „Четив-Минеи“ Макарія; возьмите хотя Библию Геннадія и слышите ее съ болѣе поздними списками,—и вы убѣдитесь, какъ не научно заключать по болгарскому правописанію „Хърса“ объ его болгарскомъ происхожденіи: это такой пріемъ критики, который многихъ можетъ изумлять своею наивностію и невѣдѣніемъ.

Но если относительно Дажь-Бога, Велеса и Хорса гипотеза выставляетъ хотя какія бы то ни было положенія, то уже о Стрибогѣ и Троянѣ приговоры ея—виѣ и послѣдней слабой нити, связующей ихъ съ Болгаріей.

Нѣтъ основанія думать, говорить гипотеза, что въ авторѣ „Слова“ о Стрибогѣ зналъ болѣе, чѣмъ мы (стр. 87). Говоря о „седьмомъ вѣкѣ Трояна“, она также замѣчаетъ,—что „авторъ зналъ объ этомъ не больше нашего“. Гдѣ находилась земля Трояна и когда былъ вѣкъ этого мненческаго лица, конечно, не знаетъ и авторъ „Слова“ (стр. 108). Всѣ четыре мѣста, гдѣ упоминается о Троянѣ, въ главахъ гипотезы лишь только слѣды и пазы виѣвнннхъ неискусныхъ спасекъ русскаго содержанія съ выраженіями неизвѣстнаго болгарскаго источника. Здѣсь, въ этомъ болгарскомъ неизвѣстномъ произведеніи, авторъ „Слова“ встрѣтилъ выраженіе о „тропѣ“, „землѣ“ и „вѣкахъ“ Трояна—и виѣвнннмъ образомъ прикрѣпилъ ихъ къ русскимъ князьямъ, самъ не понимая ихъ значенія и спокойно оставляя въ томъ же недоумѣніи и свою братію, для которой предназначалъ онъ свое „Слово“. Троянову землю приурочилъ ни съ того, ни съ сего къ Дону; Трояновы вѣка поставилъ ъ-бокъ съ Ярославовыми; одну и ту же сербскую сказку о бѣгѣ Трояна приклеилъ къ двумъ князьямъ разныхъ историческихъ эпохъ.

И такъ-то творить и сочиняетъ тотъ самый авторъ, котораго гипотеза называетъ литераторомъ, надѣленнымъ замѣчательнымъ талантомъ и высокимъ чувствомъ красоты (стр. 49), человекомъ съ прирожденнымъ вусомъ и пониманіемъ изящнаго (стран. 134), съ

несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патриотическимъ чувствомъ (стр. 136).

Какъ угодно, а въ сочетаніяхъ подобныхъ представленій недостаетъ внутренняго *логическаго элемента*—средства понятій. Г. Веселовскій справедливо замѣчаетъ, что совершенно не къ лицу обвиненіе *талантливаго* автора въ такихъ *безталантныхъ* спаяхъ. И не удивительно, что гипотеза съ такимъ характеромъ мысли ставитъ и автора „Слова“ въ такое же внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою: именно, заставляя его приурочивать болгарскаго Бояна X в., для русской окраски, къ русскимъ князьямъ XI вѣка, она вынуждаетъ его *мать* въ ту самую минуту, когда онъ, обращаясь къ своей братіи, заявляетъ, что будетъ воспѣвать только *одну баяль*.

Но странно, что гипотеза съ такими внутренними противорѣчіями обратила на себя вниманіе такого серьезнаго изслѣдователя, какъ А. Н. Веселовскій. Поднимая ее на высоту гипотезы свѣтлой, онъ находитъ, что подъ ея призмой „Слово“ является будто бы „памятникомъ поэтическаго возрожденія, въ стѣнахъ котораго заложенъ матеріалъ, служившіе когда-то другимъ, болѣе древнимъ архитектурнымъ замысламъ“.

Не находя ничего общаго между Бояномъ „Слова“, гудцомъ и пѣснотворцемъ, и Бояномъ, болгарскимъ царевичемъ—вѣдуномъ и оборотнемъ, котораго подставляетъ здѣсь гипотеза, г. Веселовскій, однако, типъ этого пѣснотворца все-таки предполагаетъ въ болгарской книжности, которая воспроизвела въ немъ образъ такого же мудраго и хитроумнаго пѣснотворца Греціи (стр. 281). Но если гипотеза хватается еще за болгарскаго царевича — *вѣдуна* и *кобника*, то для предположенія еще новаго болгарскаго Бояна, мудреца и книжника, не остается уже рѣшительно никакого историческаго основанія. Если типъ нашего пѣвца Бояна и отражалъ въ себѣ черты эллинскаго вѣтѣйства, то это могло быть принесено столько же дружинниками кievской Руси, сколько и болгарскимъ книжникомъ. Нѣтъ никакихъ основаній отвергать, что византийская письменность непосредственно доступна была дружинно-княжеской средѣ придѣлѣпровской Руси. Одни договоры съ Византіей Игоря и Олега показываютъ, какое общеніе было между кievской Русью и Византіей. Пока Болгарія не явитъ въ своей книжности такого типа, до тѣхъ поръ совершенно не научно предполагать, что такой типъ былъ тамъ *испрямно*. Съ другой стороны, этотъ типъ, какъ мы не разъ уже говорили, видимо накинута въ нашѣмъ „Словѣ“ на живое историческое лицо, на дѣйствительнаго пѣснотворца стараго времени. По крайней мѣрѣ, для автора „Слова“ несомнѣнно существовали пѣсни, относившіяся къ старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному

Роману Святославичу и дошедшія до него съ именемъ „*тъсныи Бояновичи*“. Безпристрастный исследователь отрицать этого не можетъ, если только не захочетъ автора „Слова“ ставить въ комическое положеніе передъ своей братіей, къ которой обращалъ онъ свою повѣсть, и не превратить поэта-творца въ бездарнаго *составителя ценноновъ*.

Точно также г. Веселовскій, хотя и не соглашается съ тѣмъ, чтобы авторъ „Слова“ всѣхъ упомянутыхъ боговъ взялъ на прокатъ, какъ выражается гипотеза, изъ какаго-нибудь одного болгарскаго источника, но онъ охотно допускаетъ, что имена всѣхъ этихъ боговъ суть только литературныя прикрасы, внесенныя въ „Слово“ лишь не изъ одной, а изъ разныхъ болгарскихъ книгъ. Гораздо сдержаннѣе въ этомъ отношеніи сужденіе г. Пыпина, который хотя также сочувствуетъ новой гипотезѣ, однако научную ея оцѣнку представляетъ спеціальной критикѣ.

Несмотря на слабость своихъ положеній, гипотеза до того увлечена своимъ мнимо критическимъ анализомъ „*старихъ словесъ*“, что отзывается отважною притязательностію. Говоря объ установившихся взглядахъ на Бояна, именно, что его „старыми словесами“, охарактеризованными въ „Словѣ“, открывається для насъ предшествующій ему литературный періодъ, что авторъ „Слова“, начиная собою поэзію гражданственности, не освободился еще отъ поэзіи Боянова вымысла, гипотеза выражается въ такомъ тонѣ: „считаемъ не лишнимъ пересмотрѣть всѣ эти *избитія истины*, вошедшія уже давно въ *исторію литературы и учебники*“ (стр. 117).

Но какъ ни избиты эти истины, онѣ далеко не таковы, чтобы можно было однимъ почеркомъ пера вычеркнуть ихъ изъ исторіи, литературы, науки и школы. Чтобы видѣть ихъ дѣйствительное значеніе, постараемся, съ своей стороны, привести ихъ въ связь съ русскими историческими данными.

Выше мы показали, какія жизненныя нити связываютъ „Слово“ съ укладомъ и бытомъ дружинно-княжеской кievской Руси. Сравнивъ его съ „Кievскою Лѣтописью“, мы показали, что какъ въ ней, такъ и въ „Словѣ“ воплощено то же понятіе о князѣ и его дружинѣ, то же понятіе о степи и ея отношеніяхъ къ придиѣпровской Руси; выражена та же самая культура и домашняя бытовая обстановка, и звучитъ, наконецъ, тотъ же самый дружинный языкъ — съ тѣми же образами и блескомъ воинской славы и чести. Не возможно отвергать, не отвергая самой „Лѣтописи“, что „Слово“ есть отголосокъ думъ и ощущеній этой кievской Руси, что оно есть произведеніе челоуѣка, принадлежавшаго къ дружинно-боярской средѣ. Въстѣ съ тѣмъ, эта внутренняя, органическая связь „Слова“ съ „Кievскою

Лѣтописью", дастъ намъ неотразимо помѣть, что „Слово“ не было исключительнымъ литературнымъ памятникомъ дружинно-киевской эпохи; напротивъ, это былъ обычный отголосокъ думъ и ощущеній того времени.

Мы уже выше упоминали о томъ, что киевскій лѣтописецъ часто отдѣляетъ въ своихъ разсказахъ собственныя прибавленія отъ разсказовъ своихъ источниковъ замѣчаниями въ родѣ слѣдующихъ: „мы же на предняя возвратимся“, „мы же о семъ поглаголуемъ“.

Начиная съ XII вѣка, въ „Киевской Лѣтописи“ повѣствованія о князьяхъ и ихъ дружинахъ отиѣчаются такими мелкими особенностями и чертами киевской Руси, что онѣ ясно обличаютъ свой первоисточникъ дружинныхъ „словесъ“. Въ изображеніи этой эпохи историкъ не столько можетъ затрудняться недостаткомъ данныхъ, сколько обиліемъ мелкихъ подробностей, богатствомъ и разнообразіемъ сообщаемыхъ фактовъ. Для насъ важно, что рѣчь часто идетъ здѣсь краткими и иногда мѣриными предложениями; встрѣчаются нерѣдко повторенія; разсказъ часто осложняется дробнымъ развитіемъ мысли и разговоромъ дѣйствующихъ лицъ.

Стоить только читать многія мѣста мѣрною рѣчью—и въ вашихъ глазахъ, если хотите, воссоздается дружинная былина, служившая источникомъ для киевскаго лѣтописца. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь образчикъ такого чтенія, чтобы читатель могъ видѣть, насколько замѣтенъ былевой складъ въ лѣтописномъ повѣствованіи.

Тогда же Ростиславъ
 Позва Святослава
 Къ собѣ на обѣдъ.
 Святославъ же къ нему ѣха
 Безо всякаго извѣста.
 И бысть же радость въ той день.
 Да бо Ростиславъ Святославу
 Соболюмъ и горностѣмъ
 И черными кунями и пѣсцы,
 И былыми волки и рыбными зубы.
 На заутрѣежъ позва
 Святославъ Ростислава
 Къ собѣ на обѣдъ.
 И тако быста весела
 Паче вчерашняго дня.
 Да Святославъ Ростиславу
 Пардусъ и два коня бѣрза
 Уковану сѣдлу.
 И тако разидостася
 У своеси (Кіев. Лѣт., стр. 86).

Вотъ другой примѣръ (на той же страницѣ):

И поиде Изяславъ ко Чернигову
 Со всею силою Половцевом
 На Святослава на Ольговича,
 И стала подлѣ Десну
 По Крырову
 Оли до устья,
 А внизъ до Стояничъ.
 И бѣхутся съ ними
 Крѣпко о Десну
 Они на конѣхъ,
 А ни въ насадѣхъ
 Ъвадѣ
 И не пустиша ѣ
 Черѣзъ рѣку.
 И стояше,
 Великую павость сътвориша
 Села пожгоша,
 Люди повоеваша и т. д.

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть характеръ и складъ тѣхъ дружинныхъ „словесъ“, которыя видимо служили источникомъ для кievскаго лѣтописца. Въ приведенныхъ примѣрахъ недостаточно живописной образности, которая стѣрта рукою лѣтописца, но мы уже видѣли, что здѣсь уцѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ и слѣды образнаго, кованаго языка дружинно-княжеской кievской Руси, вмѣстѣ съ честію и блескомъ ея воинской славы. Имена богатырей, которыхъ до 70 пало на одной Калкѣ, также могли явиться въ „Лѣтописи“, лишь подѣ воздействиемъ тѣхъ же „дружинныхъ словесъ“: самое имя „богатыря“ болѣе свойственно пѣснѣ, чѣмъ историческому разсказу.

Такимъ образомъ „Кievская Лѣтопись“ служить для насъ указателемъ, что „Слово“ не было одинокимъ явленіемъ въ дружинно-княжеской средѣ и заставляетъ насъ предполагать многія, подобныя ему, „дружинныя словеса“. Вмѣстѣ съ этимъ мы приходимъ къ признанію такого историческаго факта, который дѣлаетъ для насъ необходимымъ существованіе какого-нибудь Бояна, въ родѣ того, какимъ пользуется и такъ восхищается авторъ „Слова“. Этотъ Бояинъ самъ собою навязывается читающему „дружинныя словеса“, уцѣлѣвшія для насъ въ „Кievской Лѣтописи“.

Въ ряду этихъ лѣтописныхъ „дружинныхъ словесъ“, мы встрѣчаемъ одинъ афоризмъ, совершенно аналогичный тому, какой „Слово“ усвоетъ Бояну. Здѣсь такъ же „князь“, какъ въ „Словѣ“, называется „головой“. „Не-идеть то мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту“; „тяжко ти,—говорить „Слово“,—головѣ безъ плечъ, зло и тѣ-

лу, кромѣ головы". Но всего любопытнѣе при этомъ замѣчаніе сказателя дружинныхъ словесъ, который, влагая эти слова въ уста князю, прибавляетъ „яко же и переже слышахомъ“. Это замѣчаніе указываетъ, во-первыхъ, на то, что эта пословица почерпнута изъ живыхъ устъ; во-вторыхъ, что она относилась къ князю, который имѣетъ значеніе „юлови“, и, въ-третьихъ, что для дружиннаго сказателя она была уже старая: „яко же и переже слышахомъ“.

Все это, говоримъ, приводитъ насъ къ тому, что существованіе „сказателей дружинныхъ словесъ“ становится для насъ очевиднымъ. Исторія не мало знаетъ народовъ, въ древнѣйшую ихъ эпоху, у которыхъ были призванные пѣвцы, обладавшіе дарованіемъ поэтическаго повѣствованія и вослѣвавшіе геройскіе подвиги князей и ихъ дружины. Были они въ древности у народовъ ассирійскихъ и семитическихкихъ. Были они у скандинавовъ; въ нашу лѣтопись занесенъ даже гудецъ „Орь“, пѣвшій пѣсни половецкія. Почему же необходимо отвергать существованіе подобныхъ пѣвцовъ и гудцовъ при дворахъ кievской Руси? Изъ житія св. Ѳеодосія мы знаемъ, что былъ „обычай предъ княземъ играть органнне гласы поюще“. „Историки и витія, рекше лѣтописцы и пѣснотворцы,—говорилъ Кирилль Туровскій въ одномъ изъ своихъ поученій,—приклоняютъ свои слухи въ бывшая между царя рати и ополченія, да украсятъ словесы и возвеличатъ мужествовавшия крѣпко по своему царю“. Итакъ, есть основаніе предполагать, что при княжескихъ дворахъ были и у насъ пѣвцы и гудцы, прославлявшіе ихъ походы.

Были они въ XII в., при Кириллѣ Туровскомъ; были они и въ XI в., во времена св. Ѳеодосія. Какъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ XII в. для насъ сказываются „дружинныя словеса“, такъ и въ разсказахъ ея о древнѣйшихъ временахъ отдается для него тотъ же дружинный „эпосъ“, только болѣе сказочнаго свойства. Олегъ, приплывающій со множествомъ судовъ изъ Новгорода въ Кіевъ, выдающій себя за греческаго купца, приглашающій къ себѣ на судно Аскольда и Дира и приказывающій убить ихъ—развѣ это не поэтический разсказъ изъ среды дружинной? А походъ подъ Константинополь съ 2,000 судовъ, а суда его на колесахъ, на коихъ подплылъ онъ по суку при попутномъ вѣтрѣ подъ стѣны города, а адъ, посланный императоромъ и отгаданный кievскимъ княземъ, а щитъ, какъ знамя побѣды, на стѣнахъ цареградскихъ, а парчевые паруса, устроенныя имъ на своихъ судахъ для возвратнаго пути — или все это взято не изъ дружинныхъ словесъ? Такова и смерть Олега отъ любимаго коня, которую предсказалъ ему кудесникъ; онъ велѣлъ ему держать этого коня въ удаленіи, и черезъ 4 года, по возвращеніи своемъ изъ похода, пошелъ посмотрѣть его кости, смѣясь надъ пред-

реченіемъ, какъ изъ-подъ черепа выскочила змѣя и ужалила князя. А разсказъ о нести Ольги: какъ она научила пословъ древлянскихъ требовать, чтобы ихъ повесили киевляне въ теремъ въ ладѣ и на дорогѣ велѣла бросить въ яму и засыпать землею, какъ она сожгла другихъ пословъ въ банѣ, какъ покорила Коростень посредствомъ голубей и воробьевъ, пустивши ихъ въ городъ съ огнемъ? Всѣ подобныя повѣсти могли выдти только изъ дружинной среды и отзываются ея замышленіемъ.

Такимъ образомъ, какъ авторъ „Слова“ стоитъ въ самой внутренней связи съ дружинными лѣтописными словесами XII в., такъ и замышленіе Бояново не стоитъ внѣ лѣтописныхъ указаній на повѣсти дружиннаго эпоса. Напротивъ, мы видимъ, что подобныя пѣвцы бывали еще въ эпоху наступательной борьбы киевской Руси на Византию и слѣды ихъ сказаній уцѣлѣли для насъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ.

Все, что можетъ смущать нѣкоторыхъ—это имя Бояна. Но если въ Болгаріи былъ царевичъ Боянъ, если есть тамъ рѣка Бояна, то не нужно забывать, что въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается и *улица Бояна* (въ Новгородѣ), и *волость Бояна* (въ Можайскомъ княжествѣ); есть *Бояново* въ Мазовшѣ и донинѣ благополучно себѣ процвѣтаетъ *Бояновка* (въ калужской губ., въ тарусскомъ уѣздѣ ¹⁾).

Характеристика Бояна въ „Словѣ“ до такой степени опредѣлена, что въ дѣйствительномъ существованіи Бояна пѣснотворца, какъ мы уже не разъ говорили, сомнѣваться невозможно. Характеристика эта даетъ намъ слѣдующія реальныя черты: во-первыхъ, онъ пѣлъ и игралъ старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Роману Святославичу; во-вторыхъ, онъ вспоминалъ усобицы первыхъ князей киевской Руси; въ-третьихъ, пѣсни его отличались замышленіемъ, по отношенію къ которому „Слово“ есть былина, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, эти пѣсни имѣли за собой преданіе для той братіи или среды, къ которой обращено „Слово“, иначе такое обращеніе не имѣло бы смысла.

Всѣ эти очевидныя для всякаго реальныя черты не позволяютъ видѣть въ Боянѣ только литературный поэгическій приѣмъ: трудно выдуманнаго Бояна заставить пѣть историческимъ князьямъ, а еще менѣе было возможно автору „Слова“ говорить своей братіи, что будетъ пѣть только *сущую дѣйствительность*—и лгать въ ту же минуту, выдавая за пѣвца того, *кого совѣсть не было* и заставляя его при этомъ пѣть русскимъ князьямъ, столь извѣстнымъ его братіи.

Возможно спорить о томъ, есть ли имя Бояна собственное или

¹⁾ Сюда же, кажется, должно отнести и городъ Оболянь (Черниговской губ.).

это нарицательное имя поэта и самъ пѣснотворецъ носилъ другое имя, не невозможно отрицать дѣйствительное существованіе пѣвца и гудца эпохи Олега и Ярослава, не искажая фактовъ и не уродуя высоко поэтической природы автора „Слова“. По крайней мѣрѣ, необходимо допустить дошедшія до него пѣсни, касавшіяся усобицъ первыхъ князей, пѣсни, которыя такъ отвѣчали его политическому взгляду, его патріотическому сочувствію къ русской землѣ и вѣдѣнію были такъ художественны и прекрасны, что въ лицѣ пѣвца отъ видѣлъ творящій геній, вдохновляющій поетовъ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли эти пѣсни, а быть можетъ, онѣ были именно таковы, что отзывались Гомеромъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ классическій приемъ обращенія къ Бояну не можетъ ручаться за то, чтобы не было дѣйствительнаго пѣснотворца той эпохи, но лишь указываетъ на ту поэтическую высоту, на которую авторъ „Слова“ поднималъ этого пѣснотворца и гудца, какъ своего вдохновителя. Если кому-нибудь и можетъ показаться страннымъ, что лѣтопись не упоминаетъ о словесахъ Бояна, то было бы еще страннѣе, если бы трость церковнаго книжника-скорописца хотя что-нибудь начертала въ память родовъ о бояновскомъ замыслѣнн. Или христіанское чувство не должно было смущаться поэтическими старинными словесами, полными участія языческихъ боговъ и полубоговъ? И если напрасно стали бы искать въ нашей древней письменности имена сказателей извѣстныхъ намъ былинь, то возможно ли отвергать существованіе Бояна лишь на томъ основаніи, что лѣтопись не упоминаетъ его имени? Гораздо важнѣе его имени слѣды дружинныхъ словесъ, которые такъ прозрачны для насъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ и которые не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что существовалъ дружинный эпосъ.

Такимъ образомъ, какъ „Слово“ характеризуетъ для насъ дружинныя словеса XII в. съ ихъ трезвою былью, съ поэзіей гражданственности, такъ „старыя словеса Бояна“, относившіяся къ болѣе древней кievской эпохѣ и вышедшія изъ той же дружинно-боярской среды, отличаются для насъ, какъ словеса поэтическаго замысленія, полныя не столько факта, сколько размысла, игриваго какъ пѣніе соловья, быстрого какъ прыганіе волка и восторженнаго, какъ пареніе орла подъ облаками. Какъ ни избиты эти истины, однако, внутренняя и жизненная связь „Слова“ съ „Кievскою Лѣтописью“ необходимо даетъ намъ понимать ихъ. Она указываетъ намъ, что „Слово“ есть памятникъ не столько литературный, сколько историческій; что оно никогда не будетъ понятно для того, кто станетъ изучать его внѣ жизни и быта кievской дружинной Руси, и объясненій для Бояна, связаннаго здѣсь прямо съ дружинно-княжеской средой эпохи Олега и Ярослава, будетъ искать въ *болмарскомъ княжествѣ*.

Если творецъ дружинныхъ словесъ этой эпохи и поднять на классическую высоту, то это лишь свидѣтельство о степени образованности автора „Слова“, который воспѣлъ въ немъ творящій, чарующій геній, а никакъ не о томъ, что этотъ Боянъ замесенъ сюда изъ Болгаріи и только лишь приставленъ въ исторической эпохѣ кievской Руси.

Теперь обратимся къ именамъ боговъ, упоминаемыхъ въ „Словѣ“. Эти имена главнымъ образомъ служатъ основаніемъ для двухъ совершенно противоположныхъ взглядовъ на мнeологическое значеніе „Слова“. Одни видятъ въ „Словѣ“ преобладающее значеніе мнeа; другіе, напротивъ, склонны видѣть въ именахъ божествъ лишь прикрасы, взятые на прокатъ изъ болгарскихъ книжекъ. Представителемъ перваго взгляда является Ѡ. И. Буслаевъ. „Поэтическое преданіе, — говоритъ онъ, — тянется туманною пеленою по всему произведенію, иногда вовсе заслоняя исторію, иногда же сливаясь съ нею. Если историческій фактъ далъ содержаніе „Слову“, то поэтическое преданіе было для автора вдохновеніемъ, ибо Боянъ замѣняетъ ему Гомеру музу; мнeологическія же повѣрья составляютъ душу этого произведенія“.

Иначе рассуждаетъ, какъ мы видѣли, гипотеза о византійско-болгарскомъ прототипѣ „Слова“. Поддаваясь мнeмо-научному анализу божескихъ именъ въ „Словѣ“, А. Н. Веселовскій также склоненъ видѣть въ „Словѣ“ вмѣсто мнeа лишь византійско-болгарскій субстратъ.

Даже Ор. Ѡ. Миллеръ, не признающій научнаго значенія въ методѣ и приемахъ гипотезы, соображенія ея о богахъ находятъ достойными вниманія.

Мы уже видѣли, каковъ этотъ анализъ и какими живыми нитями спита его канва. Теперь обратимся къ положительнымъ даннымъ.

Эпоха, изображаемая „Словомъ“, слишкомъ очевидно давала чувствовать причины бѣдствій русской земли; взгляды автора „Слова“ — слишкомъ трезвы и, такъ-сказать, гражданственны для того, чтобы предполагать въ немъ полную и живую вѣру въ упоминаемыхъ имъ боговъ. Онъ самъ даетъ понимать, что въ его время поэзія мнeа должна была уступить свое мѣсто поэзіи гражданственности. Авторъ „Слова“ былъ христіанинъ и упоминаетъ о звонѣ церковномъ, о заутрени и храмѣ св. Богородицы Пирогощей въ Кіевѣ. Но въ то же самое время нельзя не замѣтить, что и поэзія вымысла не совсѣмъ потеряла для него свое значеніе; онъ невольно увлекается „старинными словесами“ и историческій фактъ оваряетъ эпическимъ міросозерданіемъ: „Слово“ соткано по основѣ Бояновскаго замышления.

Мы сначала рассмотримъ упоминаемыя въ немъ имена боговъ сами

но себѣ—независимо отъ общаго міросозерцанія „Слова“. Если смотрѣть на нихъ даже лишь только какъ на художественные образы, то и въ такомъ случаѣ съ ними необходимо должны быть связаны такія живыя черты, которыя бы давали разумѣть себя непосредственно: иначе это не были бы художественные образы. Какъ поэтъ и какъ художникъ, авторъ „Слова“ не могъ никакъ употреблять божескихъ именъ, безъ яснаго сознанія ихъ внутренняго осязательнаго качества. Эти-то живыя черты, связанныя съ именами боговъ, какъ художественными образами, не потерявшія къ себѣ еще сочувствія и въ эпоху Игоря, и могутъ дать намъ отчасти понять качества этихъ божествъ въ эпоху болѣе отдаленную, въ ту эпоху, когда эти божества исключительно составляли достойныя души и вѣры русской земли и когда воздѣйствіемъ ихъ была опредѣляема вся ихъ жизнь и дѣятельность. Тѣмъ драгоценнѣе для насъ эти черты, что онѣ служатъ для насъ путеводною звѣздой тамъ, гдѣ уже мы ничего знать не можемъ, о чемъ не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ ни въ княжести, ни въ пѣснѣ народной. Ни старая, ни новая Болгарія, помня имена этихъ боговъ, не знаютъ даже и такихъ божескихъ качествъ, какія связаны съ ихъ именами и образами въ нашемъ „Словѣ“.

Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи божескихъ именъ даже независимо отъ общаго эпического міровоззрѣнія, проходящаго чрезъ все „Слово“, имена эти не теряютъ мнѳологическаго смысла, но лишь значеніе ихъ въ этомъ отношеніи переносится на болѣе древнюю эпоху русской земли. „Слово“ является единственнымъ указателемъ живыхъ божескихъ качествъ,—не потерявшихъ еще сочувствія и въ эпоху пѣвца Игорева. Но, какъ увидимъ, мнѳологическое значеніе „Слова“ всего болѣе обусловлено общимъ его эпическимъ направленіемъ и міросозерцаніемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что старинная русская колонизація любила связывать названія поселеній съ именемъ *Бога вообще*. Уже въ „Кіевской Лѣтописи“ въ XII в. встрѣчаемъ: *Божское, Божскій, Божу-славль*. Въ настоящее время есть множество поселеній съ названіями въ томъ же родѣ; таковы, напр.:

Болово (Тульской губ. Ефремовскаго уѣзда). *Божки* (Смоленской губ. Порѣц. уѣзда). *Богаево* (Московской губ. Руз. уѣзда). *Божожки* (Смоленской губ. Вѣл. уѣзда). *Божулавль* (Полтавской губ. Золот. уѣзда и Екатеринославской губ. Павлогр. уѣзда). *Божково* (Полтавской губ. Пирят. уѣзда). *Божутино* (Тверской губ. Карчев. уѣзда). *Боганидское* (Енисейской губ. и окр.). *Божьеозерскій* (Енисейской губ. Ачин. уѣзда). *Божій удыль* (Херсонской губ. Елиз. уѣзда и Екатеринославской губ. и уѣзда). *Божій-даръ* (тамъ же, Верхн. уѣзда). *Мо-*

либоже (Ярославской губ. Углиц. уѣзда). *Богъ-Милошка* (Екатерин. губ. Павлогр. уѣзда).

Эти столь разнообразныя и любопытныя названія русскихъ селеній, раскиданныхъ по русской землѣ, названія, связанныя съ именемъ *Бога вообще*, указываютъ, что въ ряду подобныхъ прозваній должны сохраниться для насъ и имена частныхъ языческихъ божествъ. Какъ съ введенія христіанства появились погосты съ названіями—*Ильинскій, Преображенскій, Ивановское, Покровское* и т. п., такъ и въ до-христіанскую эпоху, поселенія, естественно, могли называться именами того или другого божества.

I. Велесъ. Имя Велеса—именно въ этой самой формѣ—не есть исключительно болгарское: если въ „Кіевской Лѣтописи“ божество это и названо *Волосомъ*, то въ нѣкоторыхъ спискахъ „Новгородской Лѣтописи“ оно удержано и въ формѣ *Велеса*.

Въ той же формѣ оно встрѣчается, какъ извѣстно, и въ житіи Аврамія Ростовскаго и начертано на древнемъ крестѣ, который усвоится этому ростовскому святителю: по преданію, имъ онъ сокрушилъ идола *Велеса*, которому поклонялся въ Ростовѣ чудской конецъ. Если у южныхъ славянъ находимъ мы гору *Велесъ* въ Босніи и городъ *Велесъ* въ Болгаріи, то эти указанія слишкомъ ничтожны для того, чтобы считать форму *Велеса* исключительно болгарской. Русская земля въ своихъ поселеніяхъ, связанныхъ съ этимъ именемъ, представляетъ намъ цѣлую массу свидѣтелей, что это имя не было исключительно достояніемъ Болгаріи, и что, напротивъ, въ этой самой формѣ оно извѣстнѣе было у насъ, чѣмъ у южныхъ славянъ. Такъ мы имѣемъ:

Велесово (Владимірской губ. и уѣзда). Велеса (Смоленской губ. Порѣц. уѣзда). Велеса (лѣв. притокъ Западной Двины). Вѣлишь (Костромской губ. Кинеш. уѣзда). Вѣлисово (Владимірской губ. и уѣзда). Вѣльсы (Петербургской губ. Новол. уѣзда). Вѣлеша (тамъ же, Луж. уѣзда). Вѣльшево (Московской губ. Мож. уѣзда). Вѣльшино (Тверской губ. и уѣзда): Вѣлещино (Полтавской губ. Хорольск. уѣзда). Велесто (Смоленской губ. Порѣц. уѣзда). Велецкая (Екатерин. губ. и уѣзда). Вѣлешъ (Костромской губ. Мак. уѣзда): Вѣлишка и Велишкины яды (Смоленской губ. Ельн. и Сычев. уѣзд.).

Мы, конечно, привели здѣсь еще *не есть* подобныя названія, но и приведенныхъ достаточно для того, чтобы не соблазняться *Велесами*—горой и городомъ—у южныхъ славянъ и убѣдиться, что это имя, въ этой самой формѣ, едва ли не было извѣстнѣе русской землѣ, чѣмъ Болгаріи и вообще южнымъ славянамъ.

Наконецъ, стоитъ только заглянуть въ „Областный Академическій Словарь“, и тамъ можно видѣть, что имя „Велеса“ донныя слышится

въ живой народной рѣчи. Въ разанской губерніи критически *Велесомъ* называютъ того, кто расворяжается и невежливаетъ, не имѣя на то права: „ужь не Велесъ ли ты, говорить въ наскѣнку такому человѣку: ишии какой „Велесъ“! ¹⁾“. Такимъ образомъ, до нашихъ дней бытуетъ имя *Велеса* и притомъ съ признакомъ божественнаго повелительства. Есть даже основаніе думать, что не Велесомъ ни обаяли Болгаріи, а, напротивъ, господство феиин *Волоса* поддерживалось у насъ именемъ св. Власія, которое явилось къ намъ съ христіанствомъ изъ Болгаріи и притомъ съ тѣми двоевѣрными чертами, которыя бытуютъ въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ до настоящаго времени. Это двоевѣріе относительно Велеса даю намъ мученіемъ св. священномученика Власія епископа, мученика въ Севастіи градѣ (и҃йсѣца февраля въ 11-й день) въ болгарскомъ переводѣ византійскаго оригинала. Фактъ этотъ настолько важенъ и настолько любопытенъ, что мы считаемъ нужнымъ на немъ остановиться. Въ этой повѣсти Власій, между прочимъ, изображается какъ покровитель звѣрей и скотовъ и податель отъ Бога всякихъ даровъ, и всѣ эти рассказы о немъ стоятъ внѣ всякой внутренней связи съ исторіей его мученія; даже, напротивъ, они вносятъ нескладницу въ рассказы объ его мученіи и ясно даютъ понять, что они внесены сюда совсѣмъ другими авторомъ и для другихъ цѣлей. „За чистое его житіе во градѣ Севастіи Каппадокійской вѣрнии народи нарекоша его епископа; онъ же шедъ въ гору нарицаемую Араче, вселися въ пещеру и приходяду къ нему звѣрїи животїиїи и аще впаднаа единъ отъ нихъ въ болѣзнь, яко человекїи пребываху у пещеры его, даби возложилъ на нихъ рудѣ и благословилъ, и тако отходяду отъ святого во единъ же днь“. Далѣе идетъ рассказъ, какъ свирѣпый мучитель Агринолаи повелѣлъ наловить этихъ звѣрей животныхъ; ловцы приходятъ въ гору, гдѣ жилъ св. Власій — и вотъ видятъ около его пещеры множество звѣрей „предстояще и глаголюще и рѣша собѣ: что се хочеть быти“; въ самой же пещерѣ находятъ св. Власія—въ молитвѣ; возвѣстили о томъ игемону, который тотчасъ же туда отправилъ воиновъ, чтобы они привели къ нему кровожадныхъ христіанъ. Идя съ ними—и увѣщевая чады, Власій на пути „цѣльби твораше приносимымъ къ нему больнымъ и здравы отпушаше не токмо человекїи, но и скоты. У одной жены было едино чадо, иже рыбы адыѣ, востью подавился и безгласенъ пребысть; мати же отротати, слышавши о преподобномъ, несши сына своего поверже при ногу преподобному... и повѣда святому бывшее напрасно чаду ея“. Святой Власій возложилъ руку на гортань отроку, молитвой исцѣлилъ его и отдалъ

¹⁾ См. это слово въ „Обл. Акад. Слов.“.

матери. Всѣ эти чудесныя повѣствованія, какъ мы замѣтили, не влѣжутся съ разсказомъ о томъ, что воины уже ведутъ его вмѣстѣ съ другими христіанами къ свирѣпому Агриколаю, и здѣсь, въ самой молитвѣ, вложенной въ уста св. Власію, сквозитъ ясно цѣль, къ какой направлены эти повѣствованія, именно: „да помнятъ же имя его Власія и да призываютъ его въ подобныхъ случаяхъ, когда заболѣетъ безсловесное или человѣкъ“. Но послѣдуемъ далѣе за повѣстію.

„На пути же грядущу святому, нѣкая нищая вдовица, единъ имуща вепрь у себе, его же волкъ восхити“. Вотъ она приходитъ къ св. Власію и молить его о „звѣри“. Святой же Власій, „ослабився рече ей: не скорби жено, будетъ ти вепрь“; когда же онъ шелъ по пути, вслѣдъ его идутъ вдругъ волкъ и вепрь—сохраненъ и невредимъ. „И даде св. Власій его вдовицѣ“. Затѣмъ непосредственно слѣдуетъ разсказъ о появленіи святого предъ игеомомъ, который ввергаетъ его въ темницу, судить и мучить его. „Слышавъ же вдовица терпѣніе его, заклавши вепря, его же бѣ отъ волка пріяла, и сваривши главу и ноги и возложивши на блюдо нѣчто отъ плода земнаго и зажегши свѣчу, припесе въ темницу и припаде къ св. Власію, молящися: „прими отъ сего“. Святой же похвали Бога, пріять отъ того, похвали ю и заповѣдалъ ей, глаголя: жено, понеже смъ образомъ память мою твориши, не оскудѣетъ же огнии нѣчто въ дому твоємъ отъ благостыни Божьей, и въ грядущемъ кто уподобится тебѣ и память мою чтить будетъ, такожде благословенъ будетъ во вся дни живота своего и безъ оскудѣнія даровъ пребудетъ отъ Бога. Блаженная же вдовица, заповѣдъ сію примши отъ св. Власія, всюду повѣда пишемая“. Такъ церковь стремилась въ народномъ сознаніи утвердить св. Власія, какъ подателя всякихъ даровъ безъ оскудѣнія и, въ особенноти, какъ покровителя скота и всякой домашней благостыни.

Явившись къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ христіанствомъ, св. Власій, по созвучію съ Волосомъ, могъ дѣйствительно содѣйствовать тому, что эта *полнозвучная форма* имени языческаго божества должна была очень рано въ значительной мѣрѣ вытѣснить древнее имя „Велеса“, какъ мало созвучное христіанскому Власію, и потому болѣе отживавшееся язычествомъ.

Но для насъ всего важнѣе знать, какія качества соединились у насъ съ именемъ этого божества и въ какомъ смыслѣ Болий называется внукомъ Велеса.

Въ новгородской губерніи, въ череповскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Хмѣлинѣ донныя соблюдаются одинъ жатвенный обычай, который довольно ясно и опредѣленно характеризуетъ народное и нестаринное понятіе объ этомъ божествѣ. Когда выжнуты, оставляютъ на полѣ небольшой кустикъ колосьевъ и говорятъ одной жнѣ: „ты

*верти бороду Волосу, или Велесу, дружокъ скажутъ*⁴. Та три раза ходить около куста и, захватывая серпомъ пряди по 30-ти колосьевъ, пригъваетъ:

Благослови-ка меня, Господи,
Да бороду вертѣть:
А пахарю-то сила,
А сѣвцу-то коровай,
А коню-то голова,
А Милкутъ — борода!

Прядь, оставшуюся отъ верченія бороды, перевязываютъ въ узелокъ и уткнувъ колосьями въ землю; затѣмъ всѣ жнеи садутъ кругомъ того мѣста, гдѣ бороду уткнули, и стануть теревить „тепѣнь“, т.-е. дергать изъ земли злачные остатки и кидать чрезъ голову, пригъвая:

Нива, ты нива,
Вотъ твое поле!
Поле, ты поле,
Вотъ твоя жнива!
Жнива, ты жнива,
Отдай мою силу:
Я жала—въ тебя силу кала.

Затѣмъ — всѣ сидѣвшіе кругомъ припадаютъ къ землѣ спиной, для полученія потраченной силы, и, перекувырнувшись черезъ голову, всѣ поднимаются на ноги.

И этотъ замѣчательный обрядъ, и эта мнѣшеская молитва указываютъ на то, что въ народномъ сознаніи *Велесъ* былъ божествомъ сельскаго хозяйства—и борода его, какъ символъ его личной мощи, связывается съ землею, гдѣ таится „*тма земная*“, источникъ растительности, жизни и всякихъ силъ.

На то же значеніе его, какъ покровителя земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, указываетъ одна пословица, въ которой *Велесъ* является уже съ именемъ св. *Власія*. Когда около масляницы, на *Власьево* недѣлѣ, курить снѣгъ—идетъ онъ большими хлопьями—тогда говорятъ, что это „*Власій бородой трясетъ*“. Снѣгъ этотъ потому считается вѣстникомъ предстоящаго лѣтняго урожая хлѣба. То же понятіе о *Велесѣ* выражается и другой народной пословицей: „*Власъ — всему богатству глазъ*“.

Св. *Власій*, не безъ воздѣйствія, конечно, двоевѣрнаго византійско-болгарскаго житія, слился въ народномъ сознаніи съ старымъ образомъ *Велеса* или *Волоса*.

Въ виницкомъ погостѣ (олонецкой губерніи) въ праздникъ этого святаго совершается „треба“. Женщины-хозяйки приносятъ въ церковь ванну и масло въ кринкахъ и ставятъ ихъ передъ иконою этого

покровителя животныхъ. Послѣ обѣдни, священникъ служить молебень, по мѣстному выраженію, „*надъ камами*“ и благословляетъ ихъ; цѣлые ушаты каши достаются на долю причта и часть выдѣляется на нищю братію. Трудно сказать, есть ли эта „*треба*“ — преданіе Велесова культа, или обычай, уже принесенный церковью; но для насъ важно то, что хозяйки, приносящія для этой требы кринки съ кашей и масломъ, называютъ св. Власія „*богомъ коровъ*“.

Любопытно, что, по народнымъ вѣрованіямъ, вскорѣ послѣ Власовой недѣли — бѣльшемъ частью въ великомъ посту — появляется между людьми и спутница его *Мѣкуша*: какъ Велесъ представляется покровителемъ земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, такъ и Мѣкуша имѣетъ дѣло, ближайшимъ образомъ, съ овцеводствомъ, шерстью, пряжей и вообще собственно съ бабьимъ хозяйствомъ — и даже ихъ собственными косами. Овца, какъ долго не стригутъ шерсть, — то иногда и вытретъ: „*ой, — говорятъ, — Мѣкуша остригла овецъ*“; иное — спать, веретено урчитъ, — говорятъ: „*Мѣкуша прjala: выхода изъ дома, она иногда пойдетъ, да о брусъ-отъ, о полати-то веретеномъ-то и щелкнетъ*“. Приносимая ей *треба* состоитъ въ томъ, что когда шерсть стригутъ, тогда въ ножницы на ночь *по клоку шерсти* кладутъ; порожнія ножницы не кладутъ. До какой степени Мѣкуша, спутница Велеса въ сельско-хозяйственномъ народномъ быту, имѣла дѣйствительное значеніе, видно изъ одного, имѣющагося у насъ „худого сельскаго номоканунца“ XVI-го вѣка. Духовникъ долженъ былъ спрашивать пришедшую на-духъ жевщину: „*не ходила ли еси къ Мокосиш*“.

Такъ какъ въ быту сельскаго хозяйства важную роль играетъ пастухъ и его труба, то и св. Власію, какъ богу коровъ, усваивается новое присущее ему качество, которое не указывается двоєвѣрнымъ византийскимъ его житіемъ. Въ такъ-называемыхъ *обходахъ* рогатаго скота или пастушескихъ заговорахъ, пастухъ, въ ряду другихъ святыхъ, испрашивая покровительства своему скоту и у св. Власія, проситъ для своей *трубы* *выщей силы*, *чтобы на звуки ея сходилось все стадо*, слушалось его, повиновалось ему и чтобы голосъ его былъ понятенъ и обворожителенъ для стада.

Итакъ, мы видимъ не только то, что Велесъ былъ богомъ русской земли, но и то, что онъ былъ покровителемъ сельскаго хозяйства, подателемъ силъ и даровъ, потребныхъ земледѣльцу — и, въ этомъ смыслѣ, былъ обладателемъ „*тѣмъ земной*“, источающей всѣ блага земныя.

Но въ иномъ нѣскольکو свѣтѣ должно было выступить это божество въ сознаниі дружинно-княжеской среды кievской Руси. По особенному укладу быта, для дружинниковъ, какъ оберегателей земли

русской, это божество сказывалось тѣмъ своимъ качествомъ, которое держалось лишь въ пастушескомъ быту земледѣльческаго хозяйства. Велесъ для нихъ являлся не столько покровителемъ *чуждаю имъ земледѣльческаго быта*, сколько подателемъ вдохновенія, очарованія, — источникомъ вѣщей силы пѣсни и игры; воспѣвавшихъ землю русскую, геройскія доблести ея оберегателей, ихъ славу и честь.

Изображая свое восторженное отношеніе къ Боляну, авторъ „Слова“ называетъ его *тѣсотворцемъ, вѣщимъ внукомъ самого Велеса*.

Намъ кажется страннымъ, что нѣкоторые находятъ величаніе „*вѣщимъ*“ не у мѣста въ отношеніи къ пѣвцу и гудцу. Имѣя въ виду живое народное употребленіе этого слова, нельзя не видѣть, что оно не означаетъ непременно только кобника и волдуна (какъ воображаетъ гипотеза), не означаетъ также мудреца-книжника (какъ думаетъ А. Н. Веселовскій), — оно выражаетъ „*вѣдніе*“, въ какой бы области оно ни относилось, но лишь обусловленное *таинственнымъ наитіемъ*, сверхъестественною силою. Пѣвецъ-гудецъ Болянь въ этомъ смыслѣ прекрасно можетъ быть названъ *вѣщимъ*, по силѣ необыкновеннаго, нечеловѣческаго вдохновенія и очарованія, какими отъзнавалось его *вѣдніе и умъ е пѣть и шрать*. Въ этомъ смыслѣ и въ классическомъ мѣрѣ *ѡдѣ* (пѣснь) внутреннимъ образомъ соединило въ своемъ понятіи качество именно такого „*вѣщаніа*“ своего значенія: *ѡдѣ* — не просто значить пѣснь, но именно пѣснь, полную нечеловѣческаго вдохновенія и очарованія, какъ даръ необыкновеннаго божескаго наитія.

Назвавъ Боляна „*вѣщимъ*“, авторъ „Слова“ упомянулъ намъ и самое божество, въ коемъ, по дружиннымъ преданіямъ, таилась эта вѣщая сила его пѣсни и игры. Выраженіемъ: „*внукъ Велесовъ*“ не указывается непременно на внучатное отношеніе Боляна къ Велесу: слово *внукъ* въ лѣтописяхъ того времени означаетъ лишь вообще родственную связь. Болянь названъ *внукомъ Велеса* — родственнымъ ему лишь по силѣ поэтическаго дара, которымъ такъ увлекся и восторгается авторъ „Слова“.

Имя Велеса производятъ отъ разныхъ корней. Сабининъ производитъ его отъ *Waul, Wöl, Wöld*; кн. П. П. Вазенскій сближаетъ его съ греческимъ *βελιός, ἀβελιός, ἥλιος*; но любопытно, что имя „Велесъ“ встрѣчается уже между собственными именами вавилонянъ — *Belesys* (Diod., 2, 24) и аммонитянъ — *Велуса* (Герем., 40, ст. 14).

Что касается космогоническаго значенія солнца, то понятіе, связанное съ нимъ на русской землѣ, лучше всего отвѣчаетъ солнечной его природѣ. Обладатель тяти земной, покровитель народнаго сельскаго хозяйства, онъ для дружинно-кѣвской Руси былъ славянскій Аполлонъ, пасущій среброрунныхъ оводовъ солнцевыхъ, съ своею

пѣсною и свирѣлю, считавшіяся праотцемъ дружинныхъ пѣвцовъ. Наше заключеніе о солнечной природѣ Велеса вполне подтверждается и рысканіями г. Срезневскаго ¹⁾.

II. Хорсъ. Бытованіе *Хорса* на русской землѣ также не подлежитъ сомнѣнію, какъ и существованіе Велеса. Имя его донынѣ живетъ въ безчисленныхъ названіяхъ селеній, озеръ и урочищъ, связанныхъ съ колонизаціей русской земли. Такъ, мы находимъ:

Хоросино (Моск. губ. Серп. уѣзда). Хоросимановка (Полт. губ. Коб. уѣзда). Хорасѣя (Курск. губ. Дм. уѣзда). Харасѣевъ (Земли Войска Дон. 2 окр.). Хороники (Полт. губ. Коб. уѣзда). Хоронцево (Смол. губ. Порѣц. уѣзда). Хорышево (Влад. губ. Алекс. уѣзда и Твер. губ. Калезин. уѣзда). Хоросе-борская (Том. губ. Барнаул. уѣзда). Хорошее озеро (Черн. губ. Борз. уѣзда и Том. губ. Барн. уѣзда). Хороса (Херс. губ. Тирас. уѣзда). Хорочи (Орлов. губ. и уѣзда). Хорوشي. Хорославинскихъ—безчисленное множество.

Названія бора — хоропимъ, въ смыслѣ *краснаго*, озера — хоропимъ въ смыслѣ *светлаго* — указываютъ, откуда возникли эти названія. Въ оломоцкой губ. есть одно озеро, которое жители считаютъ священнымъ, не позволяютъ назвать его *нехоропимъ*: если вы будете говорить имъ: „ваше озеро *нехорошее*, воденко мутное, грязное“, они тысячу разъ будутъ повторять вамъ: „нѣтъ, наше озеро *хорошее*, наша водушка *светлая*“.

При такихъ свидѣльствахъ объ извѣстности имени Хорса на русской землѣ, очевидно, не настоятъ надобности уноситься въ Болгарію и отыскивать это имя въ болгарскихъ книжкахъ.

Гораздо труднѣе различать, какъ именно характеризовалось это божество въ сознаніи земства и кievской дружинной Руси.

Что имя *Хорса* означаетъ солнце, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Происходя отъ Zendскаго *hvar* и персидскаго *shar, hor* ²⁾, оно въ глубокой древности проникло къ семитамъ и здѣсь въ исторіи извѣстно подъ именемъ *sheres*, солнце. Съ такимъ именемъ встрѣчаемъ солнце въ книгѣ Иова (гл. 9 ст. 7) и въ книгѣ Судей (гл. 8 ст. 13), отсюда *sharsa*, солнечный кругъ; отсюда Иліополь (Heliopolis, *ig hasheres*, градъ солнечный, Нав. 15, 11); отсюда врата хорсенскія или солнечныя (Иер. 19, 2); отсюда, наконецъ, въ Новомъ Завѣтѣ названіе *вѣтра-сходника* при возвращеніи съ солнца, съ запада, называется Хоросъ (Дѣян. 27, 12).

Итакъ, мы видимъ, что у семитовъ съ глубокой древности имя *Хорса* было уже собственнымъ именемъ солнца.

¹⁾ Сравни. Ж. М. Н. II, LI, 11, 52.

²⁾ Аван., III, 583.

Далѣе, мы видимъ, что съ представленіемъ его соединялось, также въ глубокой древности, не первичное только *понятіе свѣта*, но и качество *движенія*. Въ книгѣ Іова читаемъ, что уже въ то время были еретики, мужи неправедные, которые, идя стезей древнихъ, учили, что божество ходитъ по небесному кругу и какъ скоро облака его заслоняютъ, то оно ничего не видитъ и не можетъ судить сквозь мракъ (Іов., гл. 22, ст. 13—15). Въ виду, безъ сомнѣнія, такой извѣстности Хорса у семитовъ, онъ въ нашихъ памятникахъ называется „*жидовиною*“¹⁾.

Ограничившись этими историческими замѣчаніями о космогонической природѣ солнца, мы замѣтимъ, что данныя русской мифологіи также представляютъ намъ это божество не съ первичнымъ только *признакомъ свѣта*, но и съ болѣе развитымъ *понятіемъ движенія*.

Народный хороводъ именно изображаетъ это хожденіе божества по небесной орбитѣ. Въ своемъ движеніи онъ всегда образуетъ *ряды полукруговъ* или *хоботовъ*, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга и переходящихъ съ одной стороны на другую. Если эти полукруги или хоботы бываютъ велики, то и самый хороводъ называется *хоботистымъ*. Смотра на движеніе хоровода, на послѣдовательную смѣну этихъ хоботовъ, невозможно не видѣть въ немъ подобія хожденія божества, какъ сказано въ книгѣ Іова — *по небесному кругу*.

Но такъ какъ хороводъ непремѣнно связанъ съ весеннимъ временемъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что въ народномъ сознаніи съ образомъ Хорса соединялось собственно представленіе его благодатнаго *весенняго воздѣйствія*, съ каждымъ днемъ согрѣвающего и животворящаго силы природы.

Но, кромѣ этого значенія, въ дружинно-визяжеской средѣ кievской Руси съ образомъ этого божества соединялось, повидимому, и представленіе другого еще качества.

Пользуясь движеніемъ солнца по небесной орбитѣ для характеристики волкодлачей природы Всеслава, авторъ „Слова“ солнце называетъ *великимъ Хорсомъ* и ставитъ съ нимъ въ соотношеніе *бгъ Всеслава*. Аналогической чертой въ картинѣ того и другого ставится именно „*рысканіе*“. Всеславъ перерыскиваетъ путь Хорса; стало быть и Хорсъ, въ глазахъ дружинника, не просто ходитъ *по орбитѣ*, какъ изображается онъ въ книгѣ Іова, но именно „*рыскаетъ*“; съ образомъ его связано не представленіе главнымъ образомъ его согрѣвающей и животворящей силы, а лишь *представленіе* необыкновенной *быстроты его движенія*, его богатырскаго бѣга, съ которымъ

¹⁾ Въ апокрифической бесѣдѣ 8-хъ святителей читаемъ: „Отчего громъ сотворенъ бысть? Василій рече: два ангела громная ест: еллинскій старецъ Перуиъ и Хорсъ жидовинъ, два еста ангела молниина“ (Изв. Ал. Н., IV, 184).

сравнивается бѣгъ Всеслава. Съ другой стороны, Всеславъ, рыскающій ночью, въ виду ученія древнихъ, что „Хорсъ“ сквозь мракъ ничего не видитъ, пробѣгающій путь его „до курь“, *въ стнхикомъ ея появленія*, даетъ намъ понимать, что съ богатырскимъ образомъ Хорса, рыщущаго по небесному кругу, въ дружинной кievской средѣ связывалось представленіе дозиранія человѣческихъ дѣлъ, очей Божіихъ, отъ которыхъ укрывался волшебный Всеславъ, *бѣгая ночью, до курь*. Поэтому, намъ кажется, авторъ „Слова“, указавши на соперничество его въ бѣгѣ съ великимъ Хорсомъ, не безъ причины счелъ нужнымъ прибавить къ его характеристикѣ: *тому и смисленній рече: ни хитру, ни юразду, ни птицю юразду, суда божья не избыть*“. Такимъ образомъ, если въ народномъ представленіи Хорса преобладаетъ его космогоническій характеръ, то въ дружинной средѣ по преимуществу выступало на видъ его нравственное значеніе; тамъ онъ болѣе существо животворящее природу, здѣсь онъ—великій богатырь, рыщущій по небесному кругу и дозирающій дѣла человѣческія, тамъ онъ болѣе связанъ съ природой, здѣсь—съ судьбою чело-вѣка. Такъ дружинный бытъ отпечатлѣвается на самыхъ понятіяхъ о богатахъ!

III. Стривогъ. Стривогъ—есть божество чисто стихійное (стри—общаго корня съ греческаго *σρίβοιος* вихорь). Вѣтры въ нашемъ „Словѣ“ прямо называются его внуками. На бытованіе его среди Руси указываютъ географическія названія:

Стръево (Калужской губерніи, Воров. уѣзда). *Стривожье озеро, Стривожь. Стривородъ* (Ж. М. Н. Пр. 1858 г., V, 242).

Въ народныхъ представленіяхъ вѣтеръ олицетворяется въ образѣ богатыря Ивана, вѣтрова сына. Въ царскомъ теремѣ сидѣла дочь во тьмѣ и мракѣ; но вотъ она провертѣла перстомъ небольшую сва-жину на бѣлый свѣтъ: подулъ въ нее вихорь и она зачала сына, котораго и назвала Иваномъ, вѣтровымъ сыномъ. Тѣсно стало ему, богатырю, въ теремѣ—и онъ сразу его разрушилъ; тѣсно стало ему ватѣмъ и въ царскомъ дворцѣ, тѣсно стало и въ цѣломъ царствѣ—и вотъ онъ пошелъ въ поле потѣшить свою силу: здѣсь онъ встрѣчается съ другими подобными себѣ богатырями—Дубинномъ Дубинновичемъ, Горыномъ Горыновичемъ и Кашеємъ-бесмертнымъ. Такъ явилась на свѣтъ стихійная сила вѣтра, грозныя тучи, темныя, какъ лѣсъ, величавыя, какъ горы, не могутъ стоять передъ силою вихря; разгоняя ихъ, онъ побѣждаетъ и самого Кашея, тогда какъ отъ щита его все истанываетъ и исчезаетъ.

Не въ такой полнотѣ и широтѣ свободного очертанія,—тѣмъ не менѣе и авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ даетъ намъ понимать героическій характеръ вѣтровъ, называя ихъ внуками Стривога. „Вѣтры

Стрибожи-внуки“, говорятъ онъ, „вѣютъ на море стрѣлами“: живописная черта, которою характеризуется здѣсь вѣтеръ; это есть именно *вѣяніе стрѣлами* — черта, которая всего скорѣе могла явиться въ сознаниі дружинника, при изображеніи героическаго облива вѣтра. Подобно тому, какъ Маруты въ Ведахъ — эти божественные представители вѣтровъ—являются одѣтыми въ блестящіе панцири, съ свѣтлымъ оружіемъ въ рукахъ, и стрѣляютъ изъ своихъ далеко-метательныхъ луковъ (Аван. I, стр. 321), и въ нашемъ „Словѣ“ вѣтри Стрибожи-внуки являются въ воинственномъ образѣ—*вѣютъ на море стрѣлами*. Съ тою же живописною чертою олицетворяется вѣтеръ и въ плачѣ Ярославны, гдѣ онъ величается вѣтромъ-вѣтриломъ и называется *господиномъ, мечущимъ хитровскія стрѣлы*. Эта воинская черта—метаніе стрѣлъ, связанная въ нашемъ „Словѣ“ съ образомъ вѣтра, можетъ служить для насъ намекомъ на воинскій ликъ мническаго Стрибога, такъ какъ она не потеряла еще значенія для автора „Слова“, и онъ сочеталъ ее съ вѣтрами, называя ихъ его внуками.

IV. Дажь-вогъ. Появленіе имени этого божества не только въ „Словѣ“, но и въ „Кіевской Лѣтописи“, нѣкоторые объясняютъ, какъ мы видѣли, заимствованіемъ его изъ болгарскаго перевода византийскаго хроники Малалы, въ которомъ Дажь-богъ поставленъ на мѣсто Гелиоса. Но есть прямое указаніе, что это болгарское имя не безызвѣстно было и русской землѣ и донинѣ живетъ въ народѣ, хотя, быть-можетъ, и не съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣло оно въ азычскую эпоху. Но если нѣкоторыя географическія названія, указывающія на имя этого божества, каковы, напр.: *Бодаево* (Твер. губ., Вельег. уѣзда), *Божсдаевока* (Херс. губ., Александровскаго уѣзда), *Богъ ми даде* и т. п., можно еще и не относить къ нему, то нельзя уже отвергать тождества такихъ географическихъ названій, какъ, напр.: *Дажь-Богъ* (въ Мавовшѣ), *Дажь-Богъ* (въ Мосальск. уѣздѣ) (Аван., I, 65).

Имя этого божества можно слышать и теперь въ живыхъ устахъ народа, хотя оно и видимо утратило для него свое первоначальное значеніе: „Полю тосковать“, говорятъ: „Дажь-Богъ все минеть“.

Если чего недостаетъ, говорятъ: „Что тужить-то, о Дажь-Богъ“¹⁾.

Или же:

„Покучись Дажь-Богу, управить по-немногу“²⁾.

¹⁾ Въ обоихъ случаяхъ *Богъ-дажь* употребляется какъ-будто вмѣсто „Дай-Богъ“, но для насъ важна здѣсь форма „Дажь-Богъ“; она удержалась, по нашему мнѣнію, въ силу встариннаго господства „Дажь-Бога“.

²⁾ Всѣ эти выраженія записаны въ деревнѣ Хмѣлянѣ, череп. уѣзда, новгор. губ. отъ крестьянки Ирены Калиткиной.

Любопытно теперь, какія качества соединялись съ именемъ этого божества въ дружинной средѣ кievской Руси.

Въ двухъ мѣстахъ „Слова о полку Игоревѣ“ встрѣчается имя „Дажь-бога“.

1. Тогда при Олзѣ Гориславичи сѣятинеса и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-божья внука, въ княжихъ крамолахъ, вѣщи челоувѣкомъ скратиншася.

2. Въстала обида въ силахъ Дажь-божья внука, вступила дѣвою на землю Трояню.

Что подъ выраженіемъ „Дажь-божья внука“ нужно разумѣть кievскаго князя, объ этомъ толковалъ еще Шишшовъ въ 1826 г. ¹⁾ Однако, мнѣніе его не было принято, и нѣкоторые стали утверждать, что подъ внукомъ Дажь-бога нужно разумѣть русскій народъ, и что, слѣдовательно, на Руси было преданіе о происхожденіи русскихъ отъ Дажь-бога. Но въ настоящее время, благодаря исторической критикѣ ²⁾, приходится снова возвратиться къ мнѣнію покойнаго Шишшова. Итакъ, подъ внукомъ *Дажь-бога* въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ разумѣется „кievскій князь“.

Образъ *Дажь-божьего внука* настолько знаменателенъ, что нельзя считать его однозначущимъ съ именемъ *князя* и видѣть здѣсь простую риторическую метонимию. Скорѣе всего этотъ образъ заставляетъ предположить, что въ кievской Руси дѣйствительно было какое-нибудь поэтическое преданіе о происхожденіи княжескаго рода отъ боговъ; по-крайней-мѣрѣ историческое отношеніе кievской дружины къ своему князю было таково, что оно само собою предполагаетъ подобное преданіе. Во всякомъ случаѣ образъ князя, какъ божьяго внука, скорѣе могъ родиться въ собственной душѣ автора „Слова“, какъ дружинника, чѣмъ быть подысканъ въ какой-нибудь болгарской книгѣ. Раздѣлять это послѣднее предположеніе—значить лишь обнаруживать свое малое знакомство съ бытомъ и характеромъ дружинно-кievской Руси.

Далѣе, этотъ образъ стоитъ лишь дополненіемъ при главныхъ мысляхъ. Погибаетъ *жизнь* Дажь-божья внука.... Встала *обида въ силахъ* Дажь-божья внука....

Чтобы понять общее значеніе этихъ мыслей, остановимся на тогдашнихъ понятіяхъ *жизни* и *обиды*. Въ „Кievской Лѣтописи“ очень часто встрѣчается дружинное понятіе *жизни*: „жизнь твою разграбихомъ и твоея дружины“ (1159 г.), „не стойте на нашей землѣ, а *жизни* нашей ни сель нашихъ не губите“ (1149 г.). Подъ жизнью на дружинномъ языкѣ разумѣются: кони, скоты, овцы, колодники,

¹⁾ Собраніе сочиненій и переводовъ Шишшова, ч. VII, стр. 74.

²⁾ См. „Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ“, Всев. Миллера, стр. 71—74.

челядь и все движимое имущество. Точно также часто встрѣчается здѣсь и слово *обида*. Въ народномъ поэтическомъ языкѣ „Слова“ *обида* означаетъ нравственное униженіе, оскорбленіе и самую скорбь. На языкѣ же дружины оно означало *безчестіе и пораженіе*: „а ты самъ прави, съ кѣмъ ти обида есть“ (1149 г.): оно всегда означало, какъ мы видѣли, *униженіе, оскорбленіе, пораженіе*.

Соображая значеніе этихъ понятій, мы видимъ, что погибель *княжескаго богатства*, пораженіе его *воинской силы* не случайно поставлены здѣсь съ образомъ „Дажь-божья внука“.

Какъ внукъ Дажь-божій, обладалъ онъ избыткомъ всякаго имущества; какъ внукъ Дажь-божій, испытывалъ онъ доблестные успѣхи съ своей воинской силой. Но вотъ жизнь его гибнетъ (при Олегѣ Гориславичѣ), и *обида* встала въ силахъ Игоря, не сдерживающаго своей юности.

Таковы черты, по нашему мнѣнію, связаны въ „Словѣ“ съ именемъ Дажь-бога въ дружинно-киевской средѣ; онъ считался если и не праотцемъ князей, то покровителемъ ихъ богатства и наживы и доблестныхъ успѣховъ ихъ воинской силы.

Е. Барсовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1878.

Старый вопросъ объ общественной самодѣтельности. — Харьковское земское собраніе и инспекція народныхъ школъ. — Школы въ хотинскомъ уѣздѣ. — Инспекція по описанію инспектора. — Измѣненіе сроковъ взноса крестьянами оmlадныхъ сборовъ. — Злоупотребленія заемщиковъ у земельныхъ банковъ. — Пріемъ войскъ въ Варшавѣ.

Если мы сравнимъ пережитое нами общественное настроеніе въ Россіи по окончаніи войны въ 1853—1856 годахъ съ тѣмъ, какое замѣчается теперь по окончаніи войны 1877—1878 годовъ, то должны будемъ признать, что настоящее едва ли можетъ похвалиться передъ прошедшимъ. Странное дѣло: въ то время въ общественномъ настроеніи было гораздо болѣе ясности, и бодрости, чѣмъ нынѣ, несмотря на то, что нынѣшняя война была все-таки удачна, а тогдашняя окончилась рѣшительнымъ неуспѣхомъ. Дѣло именно въ томъ, что въ то время мы ясно сознавали, какаѣ ближайшая будущность наступаетъ для насъ, а теперь вовсе этого не знаемъ. Между тѣмъ для общества точно такъ же, какъ и для отдѣльнаго человѣка, нѣтъ ничего болѣе томительнаго, какъ неизвѣстность, ничего болѣе расслабляющаго, какъ незнаніе ближайшаго пути, или по крайней мѣрѣ, неизвѣніе выхода на путь, котораго правильность и настоятельность были бы признаны одинаково всѣми.

Въ то время впервые гласно заговорили въ Россіи о необходимости общественной самодѣтельности и о пользѣ содѣйствія общества великимъ начинаніямъ правительства. Это было вполнѣ естественно, такъ какъ самыя эти начинанія посвящены были дѣлу государственной реформы. Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ двадцать лѣтъ, принципы общественной самодѣтельности и содѣйствія общества успіямъ государства получили, такъ сказать, право гражданства въ заявленіяхъ официальныхъ, чего въ прежнее время не бывало. Начало

общественной самодѣтельности провозглашено въ учрежденіи русскаго земства; къ общественному содѣйствію правительственные органы взывали неоднократно: и при попеченіяхъ о распространеніи народнаго образованія, а также о наблюденіи за школами, и при объявленіи войны, и при сборѣ пожертвованій для обезпеченія санитарной помощи въ арміи, и при объявленіяхъ подписки на восточный заемъ; наконецъ, въ самое недавнее время — при указаніи на опасность со стороны противообщественныхъ ученій и преступныхъ попытокъ къ ихъ осуществленію.

Несмотря, однакоже, на такой шагъ, повидимому, впередъ, на допущеніе такихъ словъ какъ „общественная самодѣтельность“ и „общественное содѣйствіе правительству“ въ языкъ officialный, едва ли можно сказать, что примѣнимость общественной самодѣтельности и самая сущность ожидаемаго отъ него содѣйствія уяснились нашему обществу болѣе, чѣмъ то было двадцать лѣтъ тому назадъ. Скорѣе, наоборотъ, можно утверждать, что нынѣ сознаніе это менѣе ясно, чѣмъ въ то время, именно потому, что въ то время мы знали куда идемъ, а теперь положительно этого не знаемъ.

Напримѣръ, хотя бы по ближайшему отношенію къ результатамъ самой войны. Въ то, уже давнее время для всѣхъ были ясны причины обнаружившихся недостатковъ предварительной работы и знанія, доказанной неподготовленности, оказавшихся злоупотребленій по снабженію и т. д. И по этому поводу всѣ безъ исключенія думали совершенно согласно: всѣ ясно сознавали необходимость обширныхъ преобразованій, ббльшаго запаса и знаній, и подготовительныхъ работъ, — ббльшаго контроля, ббльшей гласности, сближенія между усиліями правительства съ одной стороны, и съ другой — нуждами и желаніями общества. И такъ думали тогда не одни какіе-нибудь „доктринеры“, какъ нынѣ называютъ такихъ мыслителей, которыхъ въ то время еще только-что перестали называть прямо распространителями „лжеученій конституціоннаго запада“. Нѣтъ, такъ понимали положеніе дѣлъ рѣшительно всѣ; такъ понимало его само правительство, что и удостовѣрилось рядомъ послѣдовавшихъ реформъ.

Дѣйствительно, многое и было сдѣлано съ тѣхъ поръ, такъ что Россія, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но все-таки приблизилась къ тому Западу, который еще наканунѣ той поры въ officialныхъ заявленіяхъ указывался въ смыслѣ источника всѣхъ золъ. Но хотя, повторимъ, многое и сдѣлано, — вѣдь съ той поры прошли же два десятиа лѣтъ. Самыя потребности расширились, опытъ самаго сдѣланнаго указалъ на нѣкоторыя неизбѣжныя ошибки и на необходимость отчасти измѣненія, отчасти дополненія и приведенія къ общему знаменателю того, что было сдѣлано. Да и сами понесенные труды

давали поводъ ожидать нѣмѣ меньшихъ разочарованій. Но можно ли утверждать, что и въ нѣмѣшнюю войну не оказалось недостатка знаній и подготовленности, и злоупотребленій по снабженію? Этому утверждать нельзя, такъ какъ всѣмъ извѣстно противное. Въ нѣмѣшнюю войну мы едва справились съ Турціею, между тѣмъ какъ въ крымскую войну четыре державы едва справились съ нами. Фактическій результатъ теперь—успѣхъ, а тогда былъ неуспѣхъ. Но вѣдь политическіе факты нѣмѣютъ не только безусловное значеніе въ смыслѣ приобрѣтенія или проигрыша. Они еще подлежатъ оцѣнкѣ результатовъ сравнительно съ сдѣланными усиліями, и съ самимъ временемъ, въ которое результаты эти обнаружались. Между тѣмъ, въ нѣмѣшной войнѣ повторились даже почти безъ всякаго измѣненія нѣкоторые факты изъ прежней войны: недостатокъ усовершенствованнаго оружія, временное паденіе внѣшняго кредита, необходимость прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ на сотни милліоновъ рублей, неподготовленность и въ интендантской, и въ санитарной частяхъ; наконецъ, злоупотребленія въ дѣлѣ снабженій, засвидѣтельствовавшихъ, что и въ нравственномъ отношеніи успѣхи вовсе не такъ велики даже въ сравненіи съ прошлымъ, какъ позволительно было ожидать.

Но чего нѣмѣ, въ сравненіи съ прошлымъ, уже рѣшительно не оказывается, это—тогдашняго единодушнаго пониманія причинъ недостатковъ, хотя и нѣтъ основанія предполагать, чтобы тѣ же недостатки могли проистекать на этотъ разъ отъ причинъ иныхъ, а не отъ тѣхъ же самыхъ. Нѣтъ и прежней общественной бодрости, прежней здоровой рѣшимости приняться за работу обновленія, нѣтъ ни прежнихъ надеждъ, ни прежнихъ чаяній. Отрицательная сторона, раскрытая нѣмѣшней войной, была передъ глазами у всѣхъ; о ней много писали, много толковали въ частныхъ разговорахъ. Но вотъ гдѣ разница съ прежнимъ: изъ всѣхъ этихъ описаній и толковъ не выводится теперь, какъ было прежде, нивакого практическаго общаго заключенія. А не выводится оно потому, что не чувствуется пригодности и умѣстности дѣланія такихъ выводовъ. Общество точно постарѣло; даже послѣ успѣха нѣтъ той вѣры въ свои силы, въ возможность приняться за дѣло, въ самую осуществимость сколько-нибудь значительныхъ улучшеній, какая была прежде; вмѣсто всего этого, наши газеты, какъ будто отъ нечего дѣлать, занялись соображеніями относительно Афганистана.

И вотъ, мы какъ-бы стараемся прикрыть все тѣмъ фактическимъ военнымъ успѣхомъ, который въ концѣ-концовъ былъ несомнѣнно достигнутъ. Кончилась война, а за нею мы готовы забыть на этотъ разъ тѣ поученія, какія она намъ предложила, поученія, которыя

куплены дорогою цѣной, но которыми мы, новизинному, не желаемъ воспользоваться, именно потому, что не видимъ возможности воспользоваться ими. Гораздо спокойнѣе и утѣнительнѣе привѣтствовать возвращеніе побѣдоносныхъ войскъ и радоваться успѣшнѣю побѣдами, одержанными русскимиъ солдатами. А между тѣмъ, какъ нарочно, рассказы идутъ гораздо менѣе о побѣдахъ, чѣмъ о тѣхъ лишеніяхъ, которыми подвергались наши герои, о тѣхъ тревожныхъ временахъ, которыя наступали для нихъ вслѣдствіе несоотвѣтственности первоначальныхъ предположеній, о качествахъ нашего и турецкаго ружья, о недостаткѣ хлѣба и перевозочныхъ средствъ.

Тѣмъ бѣльшая хвала героямъ, конечно, за то, что они овладѣли неприступной Плевной и перешли Балканы въ глубокую зиму, вмѣсто того, чтобы занять Плевну въ то время, когда она была приступна, и перейти Балканы лѣтомъ или ранней осенью; за то, что они совершили этотъ невѣроятный переходъ безъ теплой одежды и почти безъ обуви, дважды переходили Саганлугскій хребтъ, вмѣсто того, чтобы перейти черезъ него однажды въ достаточныхъ силахъ; ознакомили себя геройской зимовкою на преждевременно занятой Шинкѣ, наконецъ, одержали нѣсколько блестящихъ побѣдъ съ такимъ ручнымъ оружіемъ, запасами патроновъ и артиллеріей, которые много уступали вооруженію непріятеля. Они, наши солдаты, съ добродушіемъ, свойственнымъ мужеству, побесѣдуютъ съ нами о своихъ невагодахъ и трудахъ—и забудутъ о томъ, что было въ этихъ подвигахъ неизбежнаго, и что могло быть предотвращено. Но мы, русское общество, едва ли забудемъ объ этомъ вопросѣ, какъ бы мы ни старались теперь отъ него отворачиваться, отдаваясь одному чувству радости при встрѣчѣ братьевъ, покрытыхъ славой.

Если кто-нибудь предложитъ вопросъ: что же, однако, выйдетъ изъ того, что мы не позабудемъ опытовъ войны и ихъ поученія, — то на это можно будетъ отвѣчать только, что нація вообще не должна терять изъ виду подобныхъ опытовъ, выказывающихъ имъ въ яркомъ свѣтѣ положеніе дѣлъ. Но на самый вопросъ — что можетъ выйдти изъ этого, мы все-таки не можемъ дать отвѣта, какъ то было легко сдѣлать послѣ крымской войны, когда всѣ ясно сознавали, что необходимо покончить, напимѣръ, съ крѣпостнымъ правомъ, съ канцелярскою тайною суда и т. п. Все это уже сдѣлано, и обо всемъ этомъ теперь не можетъ быть и рѣчи. Конечно, общество и въ наше время должно содѣйствовать новымъ, дальнѣйшимъ начинаніямъ для улучшенія разныхъ условий общественнаго быта; но вопросъ въ томъ: не усомнится ли общество въ примѣнимости своего содѣйствія на практикѣ, и въ самой сущности того содѣйствія, какое можетъ имъ быть оказываемо въ данную минуту.

Содѣйствіе можетъ требоваться въ двойной формѣ: чисто пассивной, или съ допущеніемъ нѣкоторой самостоятельности содѣйствующаго, т.-е. въ формѣ активной. Въ первой формѣ содѣйствіе разумѣется само собою: уплачиваются подати и пошлины, поставляются новобранцы, переносится общее вздорожаніе и застой дѣлъ, наконецъ, въ особнхъ случаяхъ приносятся пожертвованія, не опредѣленные въ бюджетѣ. Вызвать къ такому пассивному содѣйствію нѣтъ повода, такъ какъ оно обезпечено и служить основаніемъ всякому государственному быту.

Итакъ, когда упоминается о содѣйствіи общества въ официальныхъ заявленіяхъ, то разумѣется содѣйствіе иного рода, содѣйствіе не пассивное, но живое, внушаемое собственнымъ починомъ, который не разлученъ съ нѣкоторою долей самостоятельности. Но тутъ и спрашивается: существуютъ ли на лицо именно тѣ основныя условія, которыми такое активное и живое содѣйствіе отличалось бы отъ содѣйствія пассивнаго, то-есть отъ простого исполненія обязанностей и несенія тягостей. Живое содѣйствіе предполагаетъ возможность какого-бы то ни было дѣйствія по собственному почину въ помощь общимъ усиліямъ государства къ благосостоянію. Содѣйствіе такого рода для его успѣшности предполагаетъ всегда какую-нибудь твердую общую почву въ личнй, единичной жизни членовъ общества; и это вполне понятно: никто не можетъ, безъ внѣшней точки опоры, приподнять себя отъ земли своими же руками. Не менѣе также важно для успѣха то, чтобы приглашающій къ содѣйствію и приглашаемый имѣли одинаковую охоту идти всегда впередъ къ ясно сознаваемой обѣими сторонами и точно опредѣленной цѣли.

Такое сознание цѣли и согласное стремленіе къ ней и есть душа общественной жизни. Безъ такого сознанія, безъ стремленія къ какому-либо ближайшему идеалу, общественная жизнь лишена души; жизнь ослабѣваетъ, біеніе пульса останавливается—и тогда-то появляются симптомы нарушенія внутренняго мира, симптомы общественнаго разложенія. Они могутъ быть иногда обманчивы, хотя и кажутся всегда страшными; но дѣло въ томъ, что дѣйствительное разложеніе общества наступаетъ не такъ скоро, и первыя симптомы еще не свидетельствуютъ о неизлечимомъ недугѣ. Но все-таки отдѣльныя симптомы лечить нельзя, и тщетно было бы призывать къ содѣйствію общественную дѣятельность въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, оставляя ее въ сторонѣ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

Возьмемъ для примѣра вопросъ объ общественномъ содѣйствіи въ дѣлѣ народнаго образованія. На этотъ разъ оставимъ въ сторонѣ отчеты министерства народнаго просвѣщенія, не будемъ говорить о

достаточности или недостаточности государственныхъ мѣръ въ дѣлѣ умноженія народныхъ школъ. Такъ какъ мы повели рѣчь объ общественномъ содѣйствіи, то посмотримъ, на живомъ примѣрѣ, какимъ образомъ оно можетъ проявляться хотя бы въ дѣлѣ народной школы, дѣлѣ первостепенной важности, но такомъ, въ которое уже вовсе не замѣшаны общіе вопросы государственнаго права. Передъ нашими глазами—доклады харьковской губернской земской управы очередному губернскому собранію 1877 о состояніи училищъ, и журналы этого собранія за декабрьскую сессію 1877 г. На основаніи этихъ документовъ мы и присмотримся къ сущности общественнаго содѣйствія въ дѣлѣ школы, какъ оно требуется и насколько оно осуществимо.

Въ числѣ предложеній, внесенныхъ управою, находилось ассигнованіе отъ земства средствъ на учрежденіе двухклассныхъ образцовыхъ училищъ и въ пособіе министерству народнаго просвѣщенія на учрежденіе четырехъ новыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ (на это послѣднее всего 7 т. рублей). Управа при этомъ высказывала, что „весьма желательно, конечно, чтобы дѣятели этого рода состояли на службѣ земства и находились въ полной отъ него зависимости“. Но сама же управа признавала это неосуществимымъ, потому что это было бы несогласно съ существующими постановленіями, такъ еще и потому, что земство не можетъ предоставить людямъ, способнымъ для принятія на себя такой должности, тѣхъ выгодъ и преимуществъ, какими они могутъ пользоваться на службѣ государственной.

Предложенія управы вызвали интересныя пренія и даже весьма любопытную полемику относительно пользы инспекторовъ, такъ какъ одинъ изъ правительственныхъ инспекторовъ обратился по этому вопросу съ письмомъ къ предсѣдателю земскаго собранія.

Какъ только зашла рѣчь объ учрежденіи двухклассныхъ образцовыхъ училищъ и назначеніи инспекторовъ, такъ сейчасъ и обозначилось рельефно: въ какомъ именно видѣ содѣйствіе земства допускается, а затѣмъ и сознаніе земствомъ безполезности такого содѣйствія. Гласный Кованько признавалъ пользу двухклассныхъ училищъ, но находилъ учрежденіе ихъ преждевременнымъ, и заявилъ даже мнѣніе, что въ настоящемъ они не принесли бы настоящей пользы, и что гораздо раціональнѣе открывать въ ббльшемъ числѣ первоначальныя школы. Какъ согласить такое, повидимому, противорѣчивое отношеніе одного оратора къ одному и тому же предмету? Очень просто: гласный напоминалъ, что первоначальныя школы состоятъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ земства, тогда какъ образцовыя двухклассныя училища находятся въ исключительномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Что касается назначенія инспекторовъ, то гласный „признавалъ это совершенно безполезнымъ, ука-

ывая на то, что и существующіе инспекторы не посѣщаютъ народныхъ школъ". По мнѣнію г. Кованько, достаточно было бы, чтобы само земство наблюдало за школами чрезъ своихъ членовъ училищныхъ совѣтовъ и штатныхъ смотрителей; если бы послѣднимъ назначить разъѣздныя деньги, то они стали бы ѣздить въ школы и присутствовать на экзаменахъ; что касается необходимости специальныхъ свѣдѣній для наблюдающихъ за училищами, то программа первоначальныхъ школъ такъ не велика, что каждый изъ членовъ училищнаго совѣта можетъ считаться лицомъ компетентнымъ.

Послѣдовали и другія заявленія въ томъ же смыслѣ. Гласный графъ Калининъ не признавалъ необходимымъ ни устройства двухклассныхъ училищъ, ни земскихъ инспекторовъ. Гласный Гордѣенко указалъ на то, что до введенія земскихъ учреждений народное образованіе находилось въ самомъ жалкомъ положеніи; земство отнеслось сочувственно къ этому дѣлу и произвело на него значительныя затраты, вслѣдствіе чего число училищъ и учащихся болѣе чѣмъ удвоилось, даже по сравненію съ тѣми числами, которыя до введенія земскихъ учреждений показывались только номинально. Несмотря однакожь на всѣ затраты земства и сочувствія его къ дѣлу народнаго образованія, сельскія школы перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, которое руководитъ учебной частью и учреждаетъ административный надзоръ въ лицѣ инспекторовъ. Инспекторы эти не посѣщаютъ школъ, и увеличивать число такихъ труженниковъ было бы нераціонально и бесполезно со стороны земства. Что касается учрежденія двухклассныхъ образцовыхъ училищъ въ селеніяхъ, то оно—по мнѣнію и этого гласнаго—представлялось бы преждевременнымъ; учрежденіе ихъ въ городахъ желательно, но тамъ они и устраиваются на специально предназначенныя для того средства.

Были высказаны и нѣсколько иныя мнѣнія. Такъ, гласный Морощкинъ защищалъ пользу учрежденія двухклассныхъ женскихъ училищъ и увеличенія числа инспекторовъ, въ виду того, что инспекторы избираются обыкновенно изъ числа лицъ специально подготовленныхъ къ дѣятельности по народному образованію. „Если до сихъ поръ,—сказалъ г. Морощкинъ,—какъ заявляли почти всѣ гласные, инспекторы, не исполняли своихъ обязанностей надлежащимъ образомъ, то вопросъ этотъ слѣдовало бы оставить открытымъ, поручивъ губернской управѣ довести о томъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія. Съ своей стороны гласный Морозовъ склонялся въ пользу предложенной управы, но относительно инспекторовъ высказался такъ: „до тѣхъ поръ, пока инспекторами будутъ чиновники, назначаеыые отъ правительства и независимыя отъ земства, гласные всегда будутъ высказываться противъ такихъ лицъ; земству, для пользы самаго дѣла,

слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы народное образованіе всецѣло находилось въ его рукахъ“.

Наконецъ, гласный Ливницкій, а за нимъ и г. Морозкинъ указывали, что земство сдѣлало большія затраты на реальныя училища, классическія гимназіи и прогимназіи, которыми исключительно (?) пользуются только дѣти землевладѣльцевъ, а между тѣмъ для крестьянъ, которые наравнѣ съ другими участвуютъ во всѣхъ взносахъ земскаго сбора, и даже въ болѣе долей, чѣмъ землевладѣльцы, земство сдѣлало еще слишкомъ мало. Стремленіе крестьянъ къ образованію доказывается тѣмъ, что они сами жертвуютъ на устройство сельскихъ училищъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько удѣляютъ на нихъ уѣздныя земства. Такъ, богодуховское земство ассигнуетъ на народныя школы около 2 т. р., а крестьяне даютъ до 4 т. р.; ахтырское земство назначаетъ также 2 т. р., а крестьяне жертвуютъ до 5 т. р. „Такимъ образомъ,—сказалъ г. Ливницкій,—последніе являются двойными плательщиками на потребности народнаго образованія“.

Мы дѣлаемъ эти извлеченія изъ журналовъ харьковскаго губернскаго собранія потому, что въ преніяхъ его рельефно обозначилась вся постановка у насъ дѣла народныхъ школъ. Фактъ, что крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ для народной школы еще гораздо болѣе, чѣмъ земство, подтверждается и другими свѣдѣніями, кромѣ приведенныхъ. Замѣчательный примѣръ усердія крестьянъ къ дѣлу школъ сообщался недавно въ „Голосѣ“. Во второмъ мировомъ участкѣ кншиневскаго уѣзда, крестьяне, благодаря впливію мѣстнаго мирового посредника. Томульца, устроили 26 училищъ, въ томъ числѣ 4 двухклассныхъ и 1 ремесленное. На одну постройку и обзаведеніе этихъ школъ крестьянами издержано болѣе 50 тысячъ рублей, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а годовой расходъ на ихъ содержаніе составляетъ 17 тыс. р. Можно, разумѣется, желать, чтобы всѣ земства имѣли въ виду возрастающее стремленіе крестьянъ къ образованію, и чтобы тамъ, гдѣ земство не сдѣлало для устройства народныхъ школъ всего, что могло, оно взялось бы за дѣло рѣшительнѣе.

Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ общей сложности, дѣло народной школы, насколько оно обезпечено у насъ, обезпечено не кѣмъ инымъ, какъ именно земствомъ. Къ сожалѣнію, въ печатномъ сборникѣ журнала харьковскаго губернскаго собранія рѣчь г. Гордѣенки приведена въ сжатомъ видѣ; изъ самаго сокращенія видно, что она должна была заключать фактическое изложеніе того, что сдѣлано земствомъ для народнаго образованія и сопоставленіе цифры школъ, числившихся до введенія земскихъ учреждений, съ реальной цифрой школъ, нынѣ существующихъ благодаря усиліямъ земства. Но мы сами можемъ пополнить этотъ пробѣлъ простой справ-

кой и тѣми средствами, какія ассигнуются на народное образованіе земствомъ и государствомъ. Земство изъ своего 25-ти-милліоннаго бюджета не располагаетъ свободно большей половиною этой суммы; но изъ какихъ-нибудь 12-ти милліоновъ, остающихся у него на расходы необязательные, оно ассигнуеть около 3 милл. р., то-есть приблизительно четверть — на народное образованіе. Государство же изъ бюджета въ 600 м. р. даетъ на народное образованіе 16 м. р., изъ которыхъ вообще на народныя училища только 1½ милл. р., а на начальныя школы всего ¼ милл. р.

Итакъ, земство, въ общей сложности, дѣлаетъ для распространенія образованія весьма много въ смыслѣ какъ сравнительномъ, т.-е. по соображенію его средствъ, такъ и безусловномъ, то-есть по значительности ассигнуемой суммы. Государство, какъ мы уже замѣтили выше, прямо рассчитывало въ дѣлѣ народной школы на содѣйствіе земства, то-есть общества. Но въ чемъ должно именно заключаться содѣйствіе общества въ этомъ случаѣ, по взгляду спеціальнаго вѣдомства? Пренія харьковскихъ гласныхъ свидѣтельствуютъ, что содѣйствіе требуется преимущественно только пассивное, и что вслѣдствіе того земство не имѣетъ даже желанія оказывать содѣйствіе тамъ, гдѣ оно утрачиваетъ свои права: оно стѣсняется учреждать двухклассныя образцовыя училища, такъ какъ эти училища тотчасъ выходятъ изъ круга его вѣдѣнія, оно не сочувствуетъ умноженію инспекторовъ, такъ какъ эти лица только простираютъ свою власть на земскія школы, а между тѣмъ даже и не посѣщаютъ ихъ.

Къ вопросу о положеніи инспекторовъ мы еще сейчасъ возвратимся, но сперва дополнимъ нѣкоторыми фактами ту картину требуемаго отъ земства содѣйствія, которой уже отчасти уясняется изъ отзывовъ харьковскихъ земскихъ гласныхъ. Земства нѣсколько лѣтъ уже ходатайствуютъ о разрѣшеніи отрывать „подвижныя“ народныя школы, что при разбросанности нашихъ селеній и недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, служило бы важнымъ орудіемъ для распространенія грамотности. Но на всѣ эти ходатайства получены отказы. Расширеніе учебной программы сельскихъ училищъ, о которомъ также ходатайствовали нѣкоторыя земства, не было разрѣшено. Спрашивается: рационально ли ожидать содѣйствія, когда содѣйствіе это прямо сводится ко внесенію денегъ, съ устраненіемъ всякой справки съ желаніями общества, съ рѣшимостью не только не принимать отъ него никакихъ совѣтовъ, но не допускать осуществленія его желаній, на его собственныя средства, иногда единственно потому, что они не предвидѣны, и, стало быть, какъ будто запрещены буквою утвержденныхъ школьныхъ регламентовъ?

Обратимся теперь снова къ положенію инспекторовъ народныхъ

училищъ. Здѣсь прежде всего приведемъ сообщенный газетою „Голосъ“ фактъ, весьма характеристично обрисовывающій то отношеніе, въ которое ставятъ себя ныне инспекторы въ земству, дающему деньги на народныя школы, и вполне подтверждающій то, что сообщилъ намъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ г. предсѣдатель Хотинской земской управы Н. Лисовскій ¹⁾.

Хотинскій училищный совѣтъ—рассказано въ газетѣ—принялъ въ декабрѣ 1869 года всего 5 училищъ, и нынѣ довелъ ихъ число до 50-ти; училища эти были хорошо поставлены въ педагогическомъ отношеніи и на содержаніе каждаго изъ нихъ расходовалось отъ 600 до 700 рублей въ годъ. Сверхъ того, училищнымъ совѣтомъ составленъ былъ, на постройку зданій и другія надобности, экономическій капиталъ въ 14 тысячъ рублей. Сельское населеніе такъ сочувствовало прекрасному веденію дѣла, что сами сельскія населенія вносятъ 27,301 руб. изъ всего школьнаго бюджета, составляющаго 37,775 рублей; казна же въ этомъ уѣздѣ расходуетъ на начальныя училища всего 1461 рубль, то-есть почти $\frac{1}{26}$ часть школьнаго бюджета. Казалось бы, что хотинскій училищный совѣтъ не только долженъ пользоваться своимъ законнымъ правомъ завѣдывать школами, согласно положенію о народныхъ училищахъ, но еще фактически доказалъ полную свою способность вести школьное дѣло, имъ же самимъ созданное въ уѣздѣ съ такимъ успѣхомъ. Между тѣмъ мѣстная учебная администрація съ прошлаго года начала доказывать, что существуетъ будто бы какой-то „школьный историческій законъ, присущій всей Европѣ, по которому училища сначала находятся въ вѣдѣніи общества, а потомъ обыкновенно *отбираются* отъ него“.

Этого мало. Въ нынѣшнемъ году, предпринято было побудить хотинскій училищный совѣтъ передать училища въ вѣдѣніе учебной администраціи. Въ официальномъ заявленіи по этому предмету такая передача мотивировалась указаніями на учебную администрацію, какъ на учрежденіе „руководствующееся опредѣленными, установленными началами, специально служащими на пользу великаго дѣла народнаго образованія“. Замѣчательно еще то мѣсто заявленія инспектора народныхъ школъ, въ которомъ это лицо, новое, пробывшее въ Хотинѣ всего два дня, такъ обращалось къ училищному совѣту, въ теченіи девяти лѣтъ создавшему 50 школъ: „школа только тогда можетъ развиваться, если ея руководить одно лицо... Судьба общественной школы находится въ зависимости отъ личнаго состава училищнаго совѣта; между тѣмъ, вслѣдствіе развившагося въ послѣднее время духа коммерціи и борьбы личныхъ интересовъ, становится

¹⁾ См. выше: май, стр. 418—420.

все меньше и меньше людей вполне честныхъ, съ идеальными стремленіями служить общественной пользѣ. Къ числу такихъ людей, по всей вѣроятности, относится самъ г. инспекторъ, котораго отношеніе къ хотинскимъ училищамъ, какъ лица новаго, покажѣтся еще только ограничивалось полученіемъ инспекторскаго жалованья. Но по меньшей мѣрѣ безтактно съ его стороны было говорить это такимъ мѣстнымъ дѣятелямъ, которые создали самыя эти школы и обезпечили ихъ капиталомъ.

Въ чемъ же однако могутъ проявляться инспекторами „идеальныя стремленія служить общественной пользѣ“, и насколько они дѣйствительно приносятъ пользы земскимъ школамъ, поставленнымъ подъ ихъ наблюденіе? Отвѣта на этотъ вопросъ мы уже не будемъ спрашивать у земскихъ гласныхъ, такъ какъ мы видѣли, что они относятся ко всему этому вопросу скорѣе отрицательно. Но мы обратимся къ источнику, наименѣе сомнительному съ точки зрѣнія самой администраціи, къ свидѣтельству одного изъ самихъ инспекторовъ народныхъ школъ харьковскаго округа. Инспекторъ Неклюдовъ прислалъ предсѣдателю губернской управы письмо относительно упрековъ, дѣлаемыхъ инспекторамъ, и письмо это было прочтено въ губернскомъ собраніи.

Въ письмѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Въ средѣ членовъ земскихъ учреждений довольно распространено мнѣніе о неудачномъ и непродуманномъ устройствѣ нынѣшняго управленія народными училищами, о бесполезности и совершенной непригодности членовъ этого управленія, инспекторовъ“. Замѣтимъ здѣсь, что весьма прискорбно, когда учрежденіе, которому подчинены всѣ дѣла народной школы, поставлено такъ, что все общество убѣждается въ бесполезности и „совершенной непригодности“ этого органа. Но посмотримъ, насколько доводы г. инспектора способны опровергнуть такое неблагоприятное мнѣніе. Г. Неклюдовъ самъ прямо объявляетъ, что „учрежденіе инспекціи не принесло осязательныхъ результатовъ, не улучшило положенія народнаго образованія, и школы остаются въ такомъ же плачевномъ состояніи, въ какомъ находились онѣ до инспекторовъ“.

Такое признаніе какъ-бы исключаетъ всякую возможность поколебать мнѣніе земства относительно бесполезности и непригодности инспекторовъ. Но г. Неклюдовъ поясняетъ далѣе, что бесполезность учрежденія еще не можетъ быть доказана результатами дѣятельности этого учрежденія въ извѣстный только періодъ времени. На это можно отвѣчать только одно, а именно, что мнѣніе общества объ извѣстномъ учрежденіи все-таки слагается на основаніи фактовъ дѣйствительныхъ, а не гадательныхъ. Если самая дѣятельность учрежденія измѣняется, то измѣнится и общественное мнѣніе о немъ. По-

кажѣтъ же общество только и можетъ судить объ учрежденіи на основаніи опыта за извѣстный періодъ времени. Но можетъ ли продолжиться эта дѣятельность, такими ли она обставлена условіями, чтобы она могла принять характеръ реально-полезный — вотъ что спрашивается, и отвѣтъ на это можно найти въ тѣхъ самыхъ фактахъ, которыми г. Неклюдовъ объясняетъ относительную бесплодность учрежденія до сихъ поръ.

Инспекторъ по закону долженъ быть руководителемъ учителей въ ихъ школьныхъ занятіяхъ, и въ этомъ смыслѣ онъ, по мнѣнію г. Неклюдова, необходимъ и можетъ приносить много пользы; это главная роль инспектора, „но, къ сожалѣнію,—говорится въ письмѣ,—она не единственная“. На немъ лежатъ и другія обязанности, а именно: онъ долженъ составлять всевозможныя отчеты по дѣлу народнаго образованія, онъ собираетъ и доставляетъ сложныя статистическія свѣдѣнія, онъ прискиваетъ, назначаетъ, переводитъ и увольняетъ учителей, ему необходимо участвовать въ разрѣшеніи дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ, ему нужно бывать на испытаніяхъ, производимыхъ на льготу по воинской повинности, онъ же завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ училищныхъ совѣтовъ, онъ управляетъ низшими учебными заведеніями, не подчиненными училищному совѣту, на немъ же, главнымъ образомъ, лежатъ безконечныя хлопоты объ улучшеніи матеріальной обстановки училищъ, о снабженіи ихъ учебными пособиями, объ увеличеніи содержания учителей, онъ долженъ, наконецъ, вести обременительную переписку, доходящую до 1,000 номеровъ бумагъ въ годъ, изъ которыхъ каждая не только составляется и переписывается на-бѣло собственной рукою инспектора, но тою же рукою запечатывается въ конвертъ, и нерѣдко относится самимъ инспекторомъ на почту, потому что инспектору канцеляріи не положено.....“ Всѣ эти обязанности, „безусловно обязательныя“, отвлекаютъ инспектора отъ главной его роли—руководства учителей.... „Между тѣмъ, на долю одного инспектора харьковской губерніи приходится до 150-ти училищъ, да и это только съ настоящаго года, когда правительство прибавило третьяго инспектора, а еще въ прошломъ году, при двухъ инспекторахъ, число училищъ у cadaго изъ нихъ доходило до 200. Нѣтъ ничего удивительнаго, при такихъ условіяхъ, что инспекторъ едва въ состояніи осматрѣть 40—50 школъ въ теченіи года. А гдѣ же мѣсто руководству учителей“...

Г. Неклюдовъ нарисовалъ здѣсь печальную картину положенія, созданнаго инспектору условіями, въ которыя онъ поставленъ. Но, помимо своей воли, онъ вмѣстѣ нарисовалъ и печальную картину того положенія, въ какое поставлены народныя школы. Вѣдь эти

школы связаны по рукамъ и по ногамъ существованіемъ инспекторства, вѣдь самая судьба каждой изъ нихъ зависитъ отъ инспектора, а между тѣмъ онъ долженъ относиться къ нимъ такъ или иначе и нерѣдко рѣшать самый вопросъ о существованіи той или другой школы просто на основаніи пересказовъ постороннихъ лицъ, иногда быть можетъ сплетень, — такъ какъ самъ только *видитъ* одинъ разъ въ годъ одну изъ четырехъ или трехъ школъ, состоящихъ подъ его надзоромъ. Имѣетъ ли онъ возможность знать дѣйствительно, что дѣлается въ каждой изъ нихъ? Можетъ ли онъ добросовѣстно ознакомиться съ дѣятельностью каждаго изъ учителей? Очевидно — нѣтъ. А между тѣмъ, вѣдь онъ ихъ назначаетъ и увольняетъ. Не дастъ ли то вѣству полное основаніе думать, что существованіе инспекторства только тормазитъ дѣло народной школы, что инспекторъ самъ ей приноситъ пользы не можетъ, а только стѣсняетъ земскихъ дѣятелей, которые дѣйствительно работаютъ въ пользу школы, знаютъ и условія, въ какія она поставлена, и ея средства, и качества того и другого учителя, и степень успѣшности преподаванія? Г. Неклюдовъ указываетъ далѣе, что все будетъ иначе, когда въ каждомъ уѣздѣ будетъ инспекторъ, какъ того желаетъ министерство, такъ чтобы на каждаго изъ нихъ приходилось около 30-ти школъ. Но, во-первыхъ, надо надѣяться, что со временемъ въ одномъ уѣздѣ будетъ не 30, а 100 народныхъ школъ; во-вторыхъ, содержаніе самихъ инспекторовъ въ такомъ случаѣ обходилось бы странѣ не много менѣе, чѣмъ содержаніе самыхъ школъ, ими инспектируемыхъ; въ-третьихъ, наконецъ, и тогда длинный перечень канцелярскихъ занятій инспектора рѣшительно препятствовалъ бы ему дѣйствительно и съ пользою руководить преподаваніемъ, такъ какъ одно лицо едва ли можетъ серьезно вести это дѣло въ большемъ числѣ школъ, чѣмъ, напримеръ, десять училищъ, разбросанныхъ на нашихъ разстояніяхъ.

Мы старались провѣрить на примѣрѣ дѣятельности по народному образованію, въ чемъ состоитъ иногда ожидаемое отъ общества содѣйствіе и въ какой мѣрѣ оно принимается. Затѣмъ, намъ остается только повторить, что содѣйствіе пассивное, простое исполненіе требованій законовъ и бюджета обеспечено самими законами, стало быть — о призывѣ въ нему не можетъ быть и рѣчи. Что же касается содѣйствія живого, активнаго, исходящаго изъ собственного желанія общества служить своимъ же пользамъ, то для такого содѣйствія необходима возможность нѣкоторой самостоятельности, собственного почина и вѣроятность, что самыя заявленія общества о тѣхъ или другихъ его нуждахъ не будутъ отклоняемы какъ вовсе не требующіяся и даже неумѣстныя, но будутъ серьезно принимаемы въ расчетъ, для дружной работы на общую пользу.

Рядомъ съ попеченіемъ о распространеніи въ народѣ образованія требуются мѣры для улучшенія экономическаго положенія „земледѣльческихъ рабочихъ“. Это названіе, употребительное въ Великобританіи (agricultural labourers),—ново въ Россіи. У насъ утѣшаютъ себя мыслью, что масса русскаго крестьянства — землевладѣльцы, а не земледѣльческіе рабочіе. Но въ одномъ изъ послѣднихъ „Внутреннихъ обозрѣній“ мы имѣли случай сослаться на отзывъ министерства внутреннихъ дѣлъ по поводу измѣненія сроковъ во взносы податей, что въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ вовсе не имѣется такой части хозяйственнаго инвентаря, которая не составила бы необходимой потребности и могла бы по закону подлежать продажѣ ¹⁾. Итакъ, хотя въ Россіи крестьяне считаются землевладѣльцами и нѣкоторые, конечно, имѣютъ право на это названіе, но большинство должно быть признано скорѣе земледѣльческими рабочими, чѣмъ землевладѣльцами. И пусть городской читатель не видитъ противорѣчія этимъ словамъ въ приведенныхъ выше фактахъ, что въ такомъ-то уѣздѣ крестьянскія общества, въ теченіи девяти лѣтъ, составили капиталъ для школъ въ 27 т. р., а въ такомъ-то уѣздѣ дадутъ на школы больше, чѣмъ земство. Во-первыхъ, эти факты относятся къ мѣстностямъ важнымъ. Во-вторыхъ, они сами по себѣ еще ничего не говорятъ о дѣйствительномъ положеніи крестьянъ. Это возможно не потому, чтобы у крестьянъ было много средствъ, а по той простой причинѣ, что самихъ крестьянъ много. Если крестьянство одного уѣзда, при помощи постороннихъ заработковъ, улачиваетъ 1½ милліона рублей разныхъ сборовъ, государственныхъ и общественныхъ, то неудивительно, что оно добудетъ изъ того же личнаго труда еще 3 или хотя бы 5 тысячъ рублей на школы.

Такъ какъ мы въ упомянутомъ обозрѣніи рассмотрѣли съ нѣкоторой подробностью вопросъ объ измѣненіи сроковъ взноса податей, выкупныхъ платежей и другихъ окладныхъ сборовъ, то возвращаемся теперь къ этому предмету только для дополненія прежде нами сказаннаго—фактомъ, что мѣра, объ обсужденіи которой мы говорили, дѣйствительно состоялась, и состоялась въ томъ самомъ видѣ, какъ была изложена въ сообщенныхъ намъ предположеніяхъ. Въ одномъ изъ августовскихъ номеровъ „Правительственнаго Вѣстника“ былъ обнародованъ законъ, которымъ сроки для взноса крестьянами названныхъ сборовъ назначены, вмѣсто прежнихъ (1 марта и 1 января)

¹⁾ Подлинное выраженіе таково: „...только та часть хозяйственнаго инвентаря, которая не составляетъ необходимой потребности, а такихъ предметовъ вовсе не имѣется въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ“.

слѣдующіе: за первую половину года съ 1 января по 30 іюня, а за вторую—съ 1 іюля по 31 декабря включительно.

Остается ожидать, что дѣло этимъ не ограничится, что будетъ сдѣлано нѣчто болѣе существенное. Ближайшее средство — перенесеніе надѣла въ наиболѣе недоимочныхъ мѣстностяхъ. Дальнѣйшая мѣра, которая, при основательной ея выработкѣ и примѣненіи министерствомъ государственныхъ имуществъ могла бы принести большую пользу въ будущемъ, представлялась бы открытіемъ особаго государственнаго кредита крестьянскихъ общинамъ на созданіе общинно-артельныхъ ремесленныхъ производствъ, такъ чтобы доставить крестьянамъ зимніе заработки и притомъ заработки въ самыхъ селеніяхъ или вблизи ихъ — въ центрахъ волостей. Консерваторамъ нечего пугаться такой мѣры. Вѣдь государство взяло же на себя кредитную операцію по выкупу крестьянскихъ земель, то-есть по надѣлу крестьянъ землею. Мы говоримъ не объ устройствѣ „государственныхъ мастерскихъ“, но о государственномъ покровительствѣ и ссудахъ на развитіе въ крестьянствѣ такъ-называемой кустарной промышленности разнаго рода, смотря по мѣстностямъ. Самый небольшой зимній заработокъ для крестьянина былъ бы великимъ подспорьемъ. А если вспомнить сколько рукъ остается въ Россіи въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ праздными по неволѣ, и сколько желудковъ остаются по необходимости полуголодными, то нельзя не подумать о пользѣ серьезной попытки въ этомъ смыслѣ.

Отъ государственнаго кредита въ пользу „земледѣльческихъ рабочихъ“ перейдемъ къ банковому и частному кредиту, которыми пользуются землевладѣльцы.

Существующія въ Россіи 16 учрежденій долгосрочнаго кредита, какъ-то: акціонерныя земельныя банки, общества взаимнаго поземельнаго кредита и городскія кредитныя общества, неоднократно встрѣчались съ особымъ видомъ злоупотребленія со стороны закладчиковъ имѣній. Злоупотребленіе это состоитъ въ искусственномъ обезцѣненіи заложенныхъ имѣній самими владѣльцами-при помощи арендныхъ контрактовъ. Владѣлецъ имѣнія заключаетъ контрактъ на отдачу его въ аренду на долгій срокъ—за цѣну, несоотвѣтствующую дѣйствительной доходности имѣнія; воспользовавшись ссудой изъ банка, онъ не вноситъ срочныхъ платежей и доводитъ свое имѣніе до продажи. Затѣмъ онъ, чрезъ подставныхъ лицъ, приобретаетъ на торгахъ то же имѣніе за болѣе дешевую цѣну, и такимъ образомъ избавляется отъ уплаты части долга и даже всего долга. Въ случаѣ же, если бы эта послѣдняя операція не удалась и имѣніе было продано въ чужія руки, то прежній владѣлецъ все-таки и послѣ про-

дажи пользуется доходомъ съ имѣнія, въ видѣ негласныхъ донлатъ со стороны арендатора, съ котораго онъ взялъ нужныя для того обязательства и пользуется этимъ доходомъ за все время остального существованія контракта, въ ущербъ новому владѣльцу, для котораго этотъ контрактъ, хотя и заключенный до купли имѣнія, является обязательнымъ.

Для уясненія сущности продѣлокъ этого рода, приведемъ подлинныя цифры нѣсколькихъ операцій подобнаго рода. Одно имѣніе было заложено въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита съ оцѣнкою доходности въ 13,599 рублей, съ назначеніемъ срочнаго годового платежа въ 5,205 р.; оно же сдано было въ аренду всего за 7 т. рублей, то-есть на 6599 рублей ниже оцѣненной доходности, хотя на 1795 рублей выше срочнаго годового платежа банку. Итакъ, покупатель этого имѣнія съ публичныхъ торговъ, имѣя въ виду, что оно отдано въ аренду всего за 7 т. р., будетъ согласовать съ этимъ и цѣну, которую за него дастъ на торгахъ, то-есть дастъ за него не много больше половины того, что онъ бы далъ, если бы имѣлъ въ виду оцѣночную доходность въ 13½ т. р. При этомъ банкъ потерлетъ часть выданной имъ ссуды, на примѣръ, третъ ея. Желаящій купить имѣніе на торгахъ менѣе всего можетъ бороться съ подставными лицами, дѣйствующими въ интересѣ прежняго владѣльца. Въ самомъ дѣлѣ, для новаго приобретателя каждый надбавляемый имъ къ цѣнѣ рубль представляется какъ чистая потеря, — надбавка къ уплачиваемому капиталу свыше того дохода, который долженъ бы соответствовать ему. Между тѣмъ, для прежняго владѣльца лишній надбавляемый имъ рубль только уменьшаетъ цѣлую третъ банковской ссуды, которая, по окончаніи операціи, должна остаться у него въ барышѣ. Итакъ, онъ можетъ идти далѣе въ возвышеніи покупной цѣны, лишь бы только не дойти до размѣра выданной ему банкомъ ссуды; вся разница между цифрою этой ссуды и той цѣною, какую онъ теперь заплатитъ на торгахъ, будетъ для него чистой выгодой. Но есть примѣры еще болѣе рельефныя. Такъ, въ харьковскомъ земельномъ банкѣ доходность одного имѣнія, признанная правленіемъ и оцѣночною комиссіею, составляла 30 тыс. рублей, а сдано въ аренду оно было за 4,300 рублей, т.-е. на 25,700 рублей ниже!

Подобныхъ примѣровъ недобросовѣстныхъ сдѣлокъ должниковъ съ третьими лицами объ арендѣ имѣній, заложенныхъ въ земельныхъ банкахъ, въ ущербъ интересамъ банковъ, накопилось не мало, и почти всѣ эти банки понесли уже убытки отъ этого злоупотребленія — довольно чувствительныя. Такъ, въ 1875 году бессарабско-таврической банкъ понесъ убытка по семи ссудамъ до 70 тыс. руб., а харьковскій — въ 1875 году — 60 тыс. руб., а въ 1876 году уже

100 тыс. руб., на покрытіе которыхъ и долженъ былъ отчислить суммы изъ своихъ прибылей.

При возможности злоупотребленій этого рода, земельный кредитъ, т.-е. ссуда подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, утрачиваетъ свое отличительное свойство — бôльшей обеспеченности, бôльшей прочности, чѣмъ другіе виды кредита. Если залогодатель имѣетъ возможность умышленно обезцѣнить залогъ, посредствомъ отдачи имѣнія въ аренду на долгій срокъ по низкой цѣнѣ, то вся „солидность земельного кредита уже становится въ зависимость отъ личной добросовѣстности заемщика“, какъ выражался комитетъ съѣздовъ представителей земельныхъ банковъ.

Но развѣ не существуетъ закона, который препятствовалъ бы такому обезцѣненію залога? Въ отношеніи къ этому случаю, какъ и многимъ другимъ, наши законы представляютъ, во-первыхъ, различіе по мѣстностямъ, смотря по тому, дѣйствуютъ ли въ данномъ мѣстѣ старыя или новыя судебныя уставы; во-вторыхъ, неопредѣлительность, несмотря на то дробленіе законодательныхъ опредѣленій на массу частныхъ случаевъ, которое служитъ отличительной чертой нашего законодательства.

Такъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ новыя судебныя уставы еще не введены, дѣйствуетъ законъ (ст. 2033, ч. II, т. X), на основаніи котораго, если прежде срока аренднаго договора на имѣніе состоится публичная продажа этого имѣнія за долги владѣльца, то дѣйствіе договоровъ продолжается до означеннаго въ нихъ срока только въ такомъ случаѣ, когда договоры заключены были „до наложенія запрещенія на имѣніе“. Отсюда, казалось бы, прямой выводъ, что когда имѣніе уже заложено, то заключаемый вновь договоръ можетъ быть обязательенъ только для самого заключившаго его владѣльца; если же имѣніе будетъ продано за долги, то на обязанность новаго владѣльца договоръ переходить не долженъ.

Оказывается, однако, что и приведенное постановленіе закона не точно. Запрещеніе налагается на имѣніе разъ при выдачѣ залогового свидѣтельства и другой разъ при выдачѣ ссуды. Которое же изъ нихъ должно служить срокомъ для разграниченія договоровъ обложенія на обязательныя или необязательныя послѣ продажи имѣнія съ торговъ? И не слѣдуетъ ли примѣнять къ имѣніямъ еще того правила, въ силу котораго запрещеніе налагается на имущество вообще при обращеніи на него взысканія? Наиболѣе раціональнымъ, конечно, представляется толкованіе въ такомъ смыслѣ, что первое запрещеніе, а именно то, которое полагается при выдачѣ залогового свидѣтельства, и должно служить предѣломъ для обязательности позднѣйшихъ договоровъ относительно будущихъ прибрѣтателей имѣнія.

Затѣмъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ введены новыя судебныя уставы, дѣйствуютъ постановленія устава гражданскаго судопроизводства, по которымъ договоры, заключенные должникомъ, сохраняютъ свою силу до назначеннаго въ нихъ срока въ такомъ случаѣ, если они были заключены до полученія повѣстки объ обращеніи взыскапія на недвижимое имѣніе. Въ противномъ же случаѣ, т.-е. если договоръ заключенъ послѣ полученія упомянутой повѣстки, то онъ можетъ быть уничтоженъ судомъ по просьбѣ взыскателя, или при публичной продажѣ имѣнія—по просьбѣ покупателя, если договоръ клонится ко вреду того или другого.

Эти постановленія новаго закона, очевидно, ограждаютъ интересъ взыскателя (т.-е. земельныхъ банковъ) и покупателя имѣнія съ публичнаго торгоу менше, чѣмъ законъ старій. Они предоставляютъ владѣльцу имѣнія полную возможность, заложивъ это имѣніе, заключать арендные договоры для обезпеченія его, лишь бы только договоры эти заключались до дня полученія повѣстки объ обращеніи на имѣніе взыскапія. Между тѣмъ, вся спекуляція обезпеченія на томъ и основана, чтобы доводить до взыскапія за невзносъ срочныхъ платежей именно тогда, когда владѣлецъ уже обезпечилъ подлежащій взыскапію залогъ—заключеніемъ аренднаго договора по низкой цѣнѣ, на долгій срокъ.

Вопросъ этотъ обсуждался на сѣздѣ представителей земельныхъ банковъ и признано было, что неудобства нынѣшнихъ правилъ относительно арендныхъ контрактовъ на заложенное имѣніе весьма велики и подрываютъ твердость кредитныхъ операцій земельныхъ банковъ. Поэтому, на первомъ сѣздѣ рѣшено было ходатайствовать объ установленіи такого правила, чтобы для покупателей съ публичнаго торгоу заложенныхъ въ банкахъ имѣній считались обязательными всѣ арендные контракты, заключенные *послѣ залога* имѣнія.

Второй сѣздъ представителей земельныхъ банковъ имѣлъ уже въ виду еще большее число случаевъ описанныхъ злоупотребленій, и также призналъ необходимымъ оградить банки посредствомъ законодательной мѣры, но, для успѣха самаго ходатайства объ этомъ, рѣшилъ не ставить вопроса въ слишкомъ общей формѣ, и ограничиться предложеніемъ такихъ мѣръ, которыя оградили бы банки хотя бы отъ самыхъ крупныхъ нарушеній ихъ правъ. Съ этой цѣлью онъ постановилъ ходатайствовать только, чтобы арендные договоры на имущество, заложенные въ кредитныхъ установленіяхъ, не были обязательны для покупателей имѣній съ торгоу собственно въ такомъ случаѣ, если договоры эти заключены безъ согласія этихъ установленій и притомъ на срокъ болѣе двухъ лѣтъ. Итакъ, при этомъ имѣ-

лось въ виду охранить залогъ отъ обезцѣненія именно долгосрочными договорами.

Понятно, что отъ злоупотребленія, описаннаго выше, еще болѣе чѣмъ земельные банки, должны терпѣть тѣ частныя лица, которыя предоставили владѣльцу заложенаго имѣнія ссуды подъ дополнительную закладную. Эти частные кредиторы теряютъ большую часть своей ссуды даже въ такомъ случаѣ, если при продажѣ имѣнія съ торговъ банкъ выручилъ свою ссуду вполнѣ. Приведемъ еще примѣръ. Въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита на четырехъ имуществвахъ, проданныхъ съ торговъ, само общество не понесло убытка; оно вернуло свои ссуды, и отъ продажи было выручено, сверхъ ихъ, въ сложности еще 32,261 руб. Но такъ какъ частныхъ долговъ на этихъ имуществвахъ числилось 286,516 рублей, то частными кредиторами, за полученіемъ ими перевырученныхъ на торгахъ 32,251 руб., было понесено убытку на 254,255 рублей.

Для огражденія учреждений недвижимаго кредита отъ обезцѣненія залоговъ арендными договорами министерствомъ юстиціи и финансовъ въ началѣ текущаго года были предположены двѣ законодательныя мѣры: одна предоставляла бы министру финансовъ дополнять уставы этихъ кредитныхъ учреждений постановленіемъ въ такомъ смыслѣ, что, въ случаѣ продажи съ торговъ заложенаго имущества, арендные договоры, заключенные владѣльцемъ послѣ наложенія запрещенія при выдачѣ залогового свидѣтельства, и при томъ на сроки болѣе двухъ лѣтъ и безъ согласія кредитныхъ учреждений, необязательны для покупателя; другая заключалась бы во внесеніи въ общіе законы правилъ, что обязательность на полный срокъ договоровъ, при продажѣ имущества съ торговъ, примѣняется къ имуществамъ, заложенымъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, но только въ такомъ случаѣ, если не постановлено противнаго въ уставѣ учрежденія, принявшаго залогъ.

Но затѣмъ спрашивалось бы: почему же, разъ этотъ вопросъ подвергнуть законодательному разсмотрѣнію, рѣшить его въ пользу огражденія интересовъ только кредитныхъ учреждений? Вѣдь имущества могутъ быть заложены и въ частныя руки. Почему же частные заимодавцы подвергались бы риску обезцѣненія ихъ залоговъ посредствомъ арендныхъ договоровъ, когда банки были бы ограждены отъ этого злоупотребленія? Сверхъ того, спрашивалось еще: удобно ли подчинять интересы третьихъ лицъ, а именно самихъ арендаторовъ, такимъ постановленіямъ, которыя заключались бы не въ общемъ законѣ, а въ уставахъ земельныхъ банковъ, съ которыми тѣ кредиторы вовсе и не имѣютъ дѣла? Наконецъ, являлось еще сомнѣніе, удобно ли подчинять самое заключеніе договоровъ объ отдачѣ имѣній въ

аренду, съ согласія кредитныхъ обществъ, въ которыхъ тѣ имѣнія заложены.

Всѣ эти вопросы должны были, по слухамъ, обсуждаться въ возобновившуюся теперь сессію одного изъ нашихъ законодательныхъ учреждений. Сколько извѣстно, мѣры, предложенныя первоначально, нѣсколько измѣнены и предложенія заключаются нынѣ въ слѣдующемъ: внести въ общіе законы постановленіе, что, въ случаѣ продажи съ торговъ недвижимыхъ имуществъ, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, арендные контракты, заключенные послѣ наложенія запрещенія при выдачѣ залогового свидѣтельства, притомъ на сроки болѣе двухъ лѣтъ, необязательны для покупателей. Относительно же равносильнаго обезпеченія частныхъ заимодавцевъ по недвижимымъ имуществамъ предполагается еще предварительное изученіе вопроса. На такомъ отдѣльномъ рѣшеніи перваго вопроса, по слухамъ, остановились именно вслѣдствіе необходимости неотлагательно обезпечить кредитныя учрежденія отъ описанныхъ злоупотребленій.

Возвращеніе въ Варшаву квартирующихъ тамъ гвардейскихъ войскъ подало нашимъ согражданамъ-полякамъ поводъ къ дружественной демонстраціи, которой не могутъ не порадоваться всѣ, кого тяготило чувство вѣкового, неестественнаго раздора между національностями русскою и другою славянскою же національностью, игравшею въ исторіи наибольшую роль послѣ русской. Уже сборы приношеній въ пользу раненыхъ и больныхъ солдатъ, производившіеся въ Варшавѣ въ довольно значительномъ размѣрѣ, представляли явленіе благоприятное; но это явленіе можно еще было относить къ одному чувству человѣколюбія. Теперь встрѣча, сдѣланная населеніемъ бывшей польской столицы войскамъ, представляетъ уже совершенно ясное свидѣтельство о желаніи поляковъ заявить свою нравственную солидарность съ политическими судьбами русскаго народа.

Положимъ, устройство триумфальныхъ арокъ и иллюминаціи можно иногда объяснять тѣмъ, что жителямъ „предоставляется“ устраивать то и другое. Но въ настоящемъ случаѣ, мы должны признать, что привѣтъ войскамъ со стороны варшавянъ былъ столь же искрененъ, какъ со стороны населеній русскихъ. Дѣло въ томъ, что никакія старанія не могли доселѣ вызвать въ Варшавѣ ничего подобнаго. Сверхъ того, эта сотня тысячъ народа, провозглашающихъ „ура“, этотъ дождь вѣнковъ и букетовъ, которыхъ, по официальному описанію, пришлось по нѣскольку на каждого солдата, эти городскіе леги со значками, выходящіе на встрѣчу войскъ — такія особенности, которыя одними полицейскими стараніями вызваны быть не могутъ. Онѣ могли явиться только вслѣдствіе собственнаго желанія

гражданъ. Такъ эта встрѣча и была понята самимъ правительствомъ: варшавскій генералъ-губернаторъ, объявляя въ мѣстныхъ газетахъ благодарность населенію, высказалъ, что „это торжество показало въ варшавскихъ гражданахъ чувства, которыя не можетъ не цѣнить высоко правительство“. Затѣмъ, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ была передана и высочайшая телеграмма, въ которой сказано: „Радуюсь благополучному возвращенію первыхъ эшелоновъ гвардіи и радужному ихъ приему“.

Еще въ прошломъ году мы высказывали догадку, оправдывавшуюся многими соображеніями, что въ настроеніи большинства образованнаго польскаго общества произошелъ благопріятный въ государственномъ смыслѣ поворотъ. Тогда же мы говорили, что интересы Россіи вовсе не требуютъ, чтобы въ ней оспаривалась или ставилась въ стѣнительное и исключительное положеніе польская національность. Ссылаясь на русскихъ нѣмцевъ, которые сохраняютъ всѣ свои національныя особенности и даже вкусы, мы высказывали мысль, что и поляки, искренно и окончательно примирившись съ принципомъ государственной нераздѣльности русской имперіи, могли бы сохранить въ ней свою національность непримосковенною гораздо вѣрнѣе, чѣмъ при существовавшемъ доселѣ порядкѣ, котораго послѣдствіемъ являлась постепенная германизація царства польскаго, могущая со временемъ затереть польскую національность и въ то же время создать серьезныя политическія затрудненія для Россіи.

Но, будучи почти убѣждены, что среди польскаго общества могли бы теперь же явиться такіе авторитетные и уважаемые люди, которые стали бы безкорыстно заботиться о полномъ и окончательномъ примиреніи поляковъ съ Россіею, мы указывали на своевременность нѣкоторыхъ такихъ мѣръ, которыя сдѣлали бы имъ возможнымъ успѣшное исполненіе этой задачи. Роль представителей односторонняго примиренія—слишкомъ неблагодарная; необходимо, чтобы и русское общество пошло имъ навстрѣчу, и чтобы поляки, отрекаясь навсегда отъ такихъ политическихъ уступокъ, какими не пользуются ихъ русскіе сограждане, получили, однако, полное удостовѣреніе, что собственно національности ихъ не угрожаетъ никакая опасность со стороны государства. Въ этомъ смыслѣ, чрезвычайно важна была бы отиѣна теперь же одной изъ такихъ мѣръ, которыя были направлены именно къ ущербу самой національности, какъ-то: дарованіе польскому языку въ школахъ и судахъ царства польскаго нѣсколько большихъ правъ, чѣмъ тѣ, какими онъ пользуется, отиѣна процентныхъ нормъ учениковъ-католиковъ, допускаемыхъ въ учебныя заведенія, а также отиѣна разныхъ мелочей въ родѣ требованія, чтобы на вывѣскахъ лавокъ были русскія надписи рядомъ съ польскими, и

непрерывно тѣмъ же прифтоиъ, и т. под. вещей, которыми не достигается рѣшительно ничего, кромѣ того, что цѣлое населеніе сознаетъ себя на каждомъ шагѣ какъ будто безправнымъ и даже преслѣдуемымъ. Такія мелочи осуществляются легко сами собою; на улицахъ Берлина красуются же вывѣски на русскомъ языкѣ, безъ всякаго распоряженія и предписанія съ нашей стороны.

Достаточно было бы въ настоящее время одной или другой мѣры въ указанномъ нами смыслѣ, чтобы придти на помощь благоприятному обороту, замѣчаемому въ настроеніи поляковъ и сдѣлать возможными добросовѣстныя усилія въ ихъ средѣ къ полному сближенію съ нами. Затѣмъ, постепенно могли бы послѣдовать всѣ такія мѣры, которыя устраняли бы полицейское полновластіе и вели бы къ полному политическому и гражданскому уравниенію національности польской съ другими инородческими національностями Россіи. „Польскій вопросъ“ въ этомъ смыслѣ, то-есть въ смыслѣ совершеннаго устраненія разлада,—весьма важенъ не только потому, что нѣсколько милліоновъ поляковъ входятъ въ составъ русской имперіи, но еще и по его связи съ вопросомъ о нашихъ отношеніяхъ къ славянамъ вообще. Въ высшей степени желательно, чтобы другіе славяне не имѣли въ виду примѣра Польши въ томъ положеніи и настроеніи, какъ она была доселѣ, но имѣли бы въ виду примѣръ Польши охотно становящейся въ наши ряды, вполне солидарной съ нашими государственными интересами и идущей рука объ руку съ русскимъ обществомъ по пути общаго развитія и общаго благосостоянія.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ.

По случаю одного изъ бракосочетаній въ габсбургскомъ домѣ нѣкимъ латинскимъ поэтомъ было провозглашено: „*Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube*“. Въ теченіи прошедшихъ съ того времени многихъ вѣковъ, Австрія многократно радовалась счастливымъ бракосочетаніямъ. Но не менѣе оправдывалась для Австріи и первая часть этой легенды: „*bella gerant alii*“, то-есть: „предоставь другимъ вестъ войны“.

Вступленіе австрійскихъ войскъ въ Боснію, на основаніи берлинскаго трактата, началось 29 (17) іюля, изъ Брода. Въ прокламаціи фельдцейхмейстера Филипповича къ войскамъ по этому поводу говорилось, что занятіе Босніи и Герцеговины предпринимается австрійскимъ правительствомъ „въ уговорѣ (im Einklange) со всѣми великими державами Европы и съ согласія *Порта*“. На первомъ же шагѣ австрійцевъ оказалось однако, что турецкія власти протестовали противъ вступленія австрійцевъ. Явился турецкій штабъ-офицеръ для подачи письменнаго протеста, и когда австрійскій начальникъ его не принималъ, то протестъ былъ положенъ на землю.

Это какъ-бы послужило предзнаменованіемъ того сопротивленія, которое затѣмъ встрѣчали австрійскія войска. Первые телеграфическія извѣстія возвѣщали-было о радушномъ приѣмѣ со стороны жителей, но картина вскорѣ измѣнилась, и стали приходиться извѣстія сперва о стычкахъ, а потомъ и о кровопролитныхъ, неудачныхъ для австрійцевъ сраженіяхъ, причѣмъ уронъ ихъ въ официальныхъ извѣстіяхъ постоянно показывался гораздо ниже, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, такъ что, когда истина становилась извѣстною, въ Австріи и Венгріи она вызвала тягостное изумленіе и даже негодованіе.

Главные силы австрійцевъ изъ Брода двинулись на Маглай, въ долину Босны; высланный къ Маглаю гусарскій эскадронъ неожиданно наткнулся на сильнаго непріятеля и былъ уничтоженъ. Другой австрійскій отрядъ генерала Йовановича вступилъ въ Герцеговину изъ Далмаціи, двигаясь на Мостаръ. Силы, первоначально назначенныя для занятія Босніи и Герцеговины, представлялись всего четырьмя дивизіями. Въ Вѣнѣ была повторена наша ошибка: пренебреженіе

къ противнику, истекавшее изъ незнанія его ресурсовъ. Разница только въ томъ, что о силѣ возстанія, которое быстро распространилось, и нельзя было собрать тѣхъ точныхъ свѣдѣній, какія можно было имѣть о регулярной арміи, находившейся въ распоряженіи правительства.

Дѣйствія австрійцевъ съ конца іюля до половины сентября раздѣляются на два періода: до и послѣ занятія главнаго города Босніи—Сераева, которое послѣдовало 19 августа.

Австрійское военное министерство, какъ кажется, предполагало, что возстаніе представляется только бандами, разсѣянными по всей странѣ, но не имѣеть значительныхъ силъ, сосредоточенныхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. По крайней мѣрѣ, по первому плану войскамъ генерала Филипповича предназначено было перейти рѣку Саву въ нѣсколькихъ пунктахъ и двигаться концентрически на Сераево, начиная отъ Бихача до рѣки Дрины, то-есть до границы Сербіи. Но вскорѣ выяснилась необходимость большаго сосредоточенія, такъ какъ вблизи Дрины, между этой рѣкой и Савой, оказались весьма значительныя силы инсургентовъ (до 30 тысячъ), которыя могли дѣйствовать во флангъ операціоннымъ линіямъ австрійскихъ колоннъ. Поэтому, колонны были сближены и направлены на Сераево по двумъ путямъ: отъ Костайницы (на Савѣ) на Баньялуку, Яице, Травникъ и Сераево, и отъ Брода въ долину рѣки Босны, на Добой, Маглай, Жеппе и Сераево. Для того же чтобы охранить этотъ второй путь отъ наступленія силъ инсургентовъ отъ Бѣлины (близъ р. Дрины), изъ Добоя была выдвинута къ востоку 20-я (венгерская) дивизія графа Сапари.

Главныя силы, подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Филипповича, взяли съ бою Маглай и Жеппе, встрѣтивъ упорное сопротивленіе непріятеля, а второй отрядъ, также подчиненный генералу Филипповичу, но состоявшій подъ прамнымъ начальствомъ герцога Виртембергскаго, подвигаясь отъ Баньялуки къ Яице, взялъ этотъ послѣдній городъ послѣ кровопролитнаго боя, въ которомъ потеря австрійцевъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, была 200 чел., но въ дѣйствительности была въ нѣсколько разъ больше этой цифры. Тогда ген. Филипповичъ прошелъ безпрепятственно Врандукское ущелье и соединился съ отрядомъ герцога Виртембергскаго.

Но, прежде чѣмъ идти далѣе, на Сераево, они должны были выждать подкрѣпленій, такъ какъ встрѣченное сопротивленіе превышало расчеты. Въ операціяхъ главныхъ силъ наступилъ нѣкоторый перерывъ. Только генералъ Йовановичъ, которому, какъ уже сказано, было поручено дѣйствовать съ юга, вступивъ изъ Далмаціи въ

Герцеговину, пришелъ чрезъ Метковницъ къ Мостару и занялъ этотъ городъ.

Между тѣмъ, графъ Сапари двинувшись изъ Добоя къ востоку, чтобы удержать силы, сосредоточенныя инсургентами при Бѣлинѣ, прошелъ на Грачаницу, и затѣмъ взялъ южнѣе, къ Тузлѣ, чтобы запретить бѣлинскій отрядъ инсургентовъ въ углу, образуемомъ рѣками Савой и Дриной. Но дивизія Сапари была слишкомъ слаба для осуществленія этого. Отъ нея отдѣлена была къ главной колоннѣ почти вся кавалерія, подъ предлогомъ, что дѣйствія кавалеріи затруднительны въ той гористой мѣстности. Сверхъ того, Сапари долженъ былъ оставлять позади себя гарнизоны, такъ что, когда 20-я дивизія подошла къ Тузлѣ, она представляла не много болѣе бригады, то-есть 6—7 тысячъ чел. Инсургенты же отрядили къ Тузлѣ силы болѣе значительныя и, какъ оказалось, отлично вооруженныя и искусно предводимыя. Графъ Сапари, 10 августа, былъ разбитъ при Тузлѣ и послѣдно отступилъ къ Грачаницѣ, причѣмъ инсургенты безостановочно гнали его на пространствѣ 50-ти верстъ, а затѣмъ атаковали его 12 августа при Грачаницѣ, такъ что онъ долженъ былъ послѣдно уходить оттуда назадъ къ крѣпкой позиціи въ Добоѣ. Это отступление было уже похоже на бѣгство, хотя въ официальной реляціи онъ было объяснено „недостаткомъ боевыхъ припасовъ“. Но оказалось, что Сапари едва спасъ своихъ раненыхъ и свой обозъ, и даже оставилъ два своихъ орудія въ рукахъ босняковъ.

Потери его были весьма велики, и когда въ Венгріи узнали истину, послѣ оптимистическихъ официальныхъ извѣстій, то тамъ раздался настоящій вопль негодованія. И въ Вѣнѣ пораженіе, понесенное графомъ Сапари, произвело большую тревогу; опасались за сообщенія главныхъ силъ съ операціонной базой. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь 20-я дивизія была выдвинута изъ Добоя къ востоку именно для обезпеченія сообщенія генерала Филипповича, который подавался на Сераево. Филипповичъ оставлялъ позади себя только самыя незначительныя гарнизоны. Если бы босняки разбили графа Сапари еще на Добоѣ, и овладѣли этимъ пунктомъ, то сообщенія главныхъ силъ въ долинѣ Босны были бы прерваны. Инсургенты, дѣйствительно, атаковали остатки 20-й дивизіи въ Добоѣ 16-го августа, черезъ два дня по возвращеніи туда австрійцевъ и затѣмъ вплоть до 24-го возобновляли атаки еще четыре раза, но безуспѣшно. Отбиваясь отъ непріятеля, графъ Сапари въ то же время укрѣплялъ свою позицію.

Изъ Пешта посыпались обвиненія на непредусмотрительность имперскаго военнаго министерства, которое назначило для похода недостаточныя силы, на распоряженія генерала Филипповича, кото-

рый, двигался самъ къ югу, оставилъ какъ бы на жертву дивнаго графа Сапари, состоящую преимущественно изъ венгерцевъ, — наконецъ, на самое предпріятіе оккупациі двухъ новыхъ славянскихъ областей, которое никогда въ Венгріи популярно не было. Въ Вѣнѣ раздалися громкія жалобы на двуличность турецкой политики. Законодрили Порту въ подстрекательствѣ боснійскихъ магометанъ противъ австрійцевъ, несмотря на ратификацію берлинскаго трактата Портою. Рассказывали, что въ рядахъ такъ-называемыхъ инсургентовъ находилось много регулярныхъ солдатъ — даже цѣлыя полки редифа — и что при отозваніи изъ Босніи своихъ войскъ, турецкое правительство намѣренно оставило на мѣстѣ огромныя склады оружія и боевыхъ припасовъ.

По этому поводу австрійское правительство сдѣлало даже усиленные представленія Портѣ, чтобы она побудила боснійскихъ и герцеговинскихъ мусульманъ покориться рѣшенію конгресса, то-есть австрійской оккупациі. Въ этомъ обвиненіи было много преувеличеннаго, но была и доля правды. Низакихъ полковъ редифа въ рядахъ инсургентовъ впоследствии не оказалось — и регулярныхъ солдатъ, приставшихъ къ возстанію, было немного. Возстаніе было именно возстаніемъ какъ противъ австрійцевъ, такъ и противъ распоряженій самой Порты. Но что у инсургентовъ были большіе склады припасовъ и что они были отлично вооружены, имѣли тѣ самыя ружья Мартини, Пибоди и Снайдера, которыя сдѣлали намъ столько вреда, — это было совершенно вѣрно. Правда, вѣроятно, заключалась въ томъ, что очищеніе Босніи и Герцеговины отъ регулярныхъ войскъ совершалось съ безпечностью и безъ всякаго порядка, что вслѣдъ за ихъ удаленіемъ въ этихъ областяхъ наступилъ настоящій хаосъ, — наконецъ, что Порта не позаботилась съ самаго начала ясно удостовѣрить жителей, что вступленіе австрійцевъ совершается съ ея согласія. Это со стороны Порты, по всей вѣроятности, была одна изъ тѣхъ недостойныхъ продѣловъ, которыя, къ сожалѣнію, нерѣдко практикуются въ политикѣ. Отдавался на жертву цѣлый народъ для того только, чтобы сдѣлать политическую демонстрацію противъ рѣшеній конгресса, признанныхъ самой же Портою.

Замѣчательно еще, что возстаніе не началось со всеобщей рѣзни христіанъ; напротивъ, мусульмане ихъ не трогали, — желая ли сдѣлать возстаніе всеобщимъ, или думая расположить такимъ образомъ въ свою пользу державы, — или, по крайней мѣрѣ, устранить лишній предлогъ къ занятію областей австрійцами. Быть можетъ, это была заслуга главнаго руководителя возстанія, нѣкоего Хаджи-Лоя, который, приобрѣтая авторитетъ своимъ фанатизмомъ, необыкновенной физической силой и храбростью, выказалъ и большой умъ руковод-

ствомъ дѣйствіями инсургентовъ на Боснію и отвращеніемъ междоусобной борьбы. Но во всякомъ случаѣ, если въ дѣйствіяхъ Порты и была нѣкоторая двуличность, то и въ дѣйствіяхъ австрійскаго правительства проявлялось ея не менѣе. Напомнимъ, что въ берлинскомъ трактатѣ занятіе Босніи и Герцеговины австрійскими войсками не было выяснено съ точностью. Должны ли были австрійцы считать эти области принадлежащими султану и признавать въ нихъ его верховныя права, — или же они занимали Боснію и Герцеговину безусловно, быть можетъ, съ окончательной цѣлью присоединить ихъ къ австро-венгерской монархіи?

Это оставалось открытымъ вопросомъ — и предполагалось, что между Австріею и Портою состоится особая конвенція, напоминающая ту, какая заключена между Портою и Англіею. Относительно этой конвенціи и были начаты переговоры вслѣдъ за берлинскимъ миромъ, но переговоры эти не привели къ результату. Причина перваго ихъ неуспѣха не была достаточно выяснена, но въ то время говорили, что Порта за безусловное занятіе Босніи и Герцеговины, въ родѣ занятія Египта англичанами, требовала, чтобы австро-венгерское правительство приняло на себя обязательство защищать цѣлость ея владѣній въ Европѣ, какъ Англія обязалась защищать ихъ въ Малой-Азіи. Такого обязательства графъ Андраши не хотѣлъ или не могъ взять на себя, такъ какъ это компрометтировало бы передъ Россіею могущественнаго его покровителя — князя Бисмарка, вліяніе котораго на австро-венгерскую политику извѣстно. Какъ бы то ни было, австрійское правительство рѣшилось ввести свои войска въ турецкія области безъ заключенія конвенціи съ Портою, рассчитывая, вѣроятно, что переговоры будутъ удобнѣе вести, когда эти области будутъ уже взяты въ руки австрійцами, что считалось дѣломъ нетруднымъ. Когда же въ этомъ оказалась ошибка и австрійское правительство стало упрекать Порту за поущеніе, Порта имѣла полную возможность сослаться уже не только на свое безсиліе, но и на нежеланіе самой Австріи вступить съ ней въ откровенное соглашеніе по этому предмету.

Впослѣдствіи однако, когда князь Бисмаркъ, видя неуспѣхъ австрійцевъ, сталъ предлагать всѣмъ державамъ, подписавшимъ берлинскій трактатъ, обдумать мѣры „общаго воздѣйствія“ на Порту, для понужденія ея къ исполненію постановленій этого трактата, Порта — вѣроятно, по совѣту англійской дипломатіи — вдругъ измѣнила свое пассивное отношеніе къ боснійскому возстанію и общала принять всѣ зависящія отъ нея мѣры къ побужденію инсургентовъ подчиниться оккупации. Тогда предложенія князя Бисмарка были взяты назадъ, а Порта отправила въ новобазарскій санджакъ Мех-

меда-Али-пашу для извѣщенія инсургентамъ воли Порты и побужденія ихъ подчиниться австрійской оккупаци. Но было уже поздно. Ободренное усилками, возстаніе уже рѣшалось открыто не признавать права Порты. Мехмедъ-Али, пруссакъ по фамилии Детруа, бывший одно время турецкимъ главнокомандующимъ въ дунайскомъ четырехъ-угольникѣ, а потомъ завѣдывавшій обороною Константинополя (до возвращенія Османа-паши изъ русскаго плѣна)—наконецъ, бывший вторымъ турецкимъ уполномоченнымъ на берлинскомъ конгрессѣ—былъ убитъ въ Ипекѣ, въ верхней Албаніи, вмѣстѣ со своею свитою. Тогда Порта продолжала заявлять свою готовность содѣйствовать замиренію Босніи и Герцеговины стягиваніемъ регулярныхъ войскъ, но само-собою разумѣется, что серьезныхъ военныхъ мѣръ Порта и не могла принять.

Между тѣмъ, главная колонна генерала Филипповича, подъ начальствомъ генерала Тегетгофа, отбросивъ босняковъ при Высокой 18-го августа и подготовивъ штурмъ замка въ Сераевѣ дѣйствіемъ артиллеріи, овладѣла имъ приступомъ. Генераль Филипповичъ вступилъ 19-го числа въ главный городъ Босніи. Около того же времени генераль Йовановичъ, ранѣе занявшій Мостаръ, разсѣялъ герцеговинскихъ инсургентовъ при Столацѣ и занялъ этотъ городъ. Стасье начинало улыбаться австрійцамъ, но положеніе графа Сапари на Добоѣ въ это время было еще очень опасно. Изъ Врода къ нему были послѣшно двинуты подкрѣпленія, но атаки инсургентовъ, какъ сказано выше, продолжались до 23 числа включительно. Пораженіе, понесенное этимъ генераломъ, и смѣлый, но рискованный походъ генерала Филипповича на югъ, безъ обезпеченія сообщеній достаточными силами, убѣдили военное министерство въ необходимости двинуть въ Боснію цѣлую армію.

Это потребовало цѣлаго мѣсяца. Армія въ Босніи была составлена изъ четырехъ корпусовъ: 3-го — генерала Сапари, 4-го—генер. Винерта, 5-го—Ромберга и 13-го—герцога Виртембергскаго, подъ общимъ начальствомъ фельдцейхмейстера Филипповича. Эти силы были сосредоточены главнымъ образомъ въ Сераевѣ, у Добоа, у Самака и близъ Баньялуки. Превращеніе прежнихъ четырехъ дивизій совершалось постепенно по мѣрѣ того, какъ мобилизовались на мѣстахъ своего расположенія новыя четыре дивизіи, снабжались обозомъ, въ которомъ былъ большой недостатокъ, и направлялись въ Боснію.

Прежде всего подкрѣпленія были посланы къ Добою. Для совѣстнаго дѣйствія съ графомъ Сапари въ восточной Босніи, перешелъ Саву отъ Самака корпусъ Винерта. Послѣ отраженія всѣхъ атакъ инсургентовъ на добойскую позицію, графъ Сапари узналъ,

что неприятель занялъ дорогу изъ Грачаницы къ Маглаю, намѣреваясь отрѣзать сообщеніе ему съ Сераевымъ. Сапари 3-го сентября произвели нападеніе на позицію неприятеля близъ Маглая и взяли ее, но не могли ее удержать и отступили къ Добою. 4-го и 5-го числа, бой продолжался подъ Маглаемъ и Стреницею, такъ какъ инсургенты двигались къ Маглаю, а Сапари снова выступили изъ Добоя къ нимъ на встрѣчу. Упорный бой окончился 5-го сентября новымъ неуспѣхомъ. Численное превосходство все еще было на сторонѣ инсургентовъ, и Сапари понесли, относительно, большія потери; по официальной реляціи 3-го, 4-го и 5-го сентября у него выбыло изъ строя до 600 чел., и эта цифра по отношенію къ какому-нибудь 10 т. чел., которыми располагалъ Сапари, была уже значительна, но по всей вѣроятности потеря была не менѣе 1,000 чел. Но 6-го числа подошла на помощь цѣлая дивизія Пеликана. Тогда Сапари произвели новую атаку и взяли всѣ позиціи неприятеля, который бѣжалъ за Спечу. Только 14-го числа начались совокупныя дѣйствія Сапари съ корпусомъ Винерта. Инсургентами въ этихъ дѣлахъ командовалъ Исмаиль-бей.

Въ Сераево, гдѣ Филипповичъ находился сперва съ дивизіею Тегетгофа, была направлена дивизія герцога Виртембергскаго, который и былъ назначенъ начальникомъ этого корпуса. Генералъ Тегетгофъ, узнавъ, что инсургенты подошли отъ Зворника къ Мокрой, близъ Сераева, 3-го сентября разсѣялъ ихъ и занялъ этотъ пунктъ.

Затѣмъ начались серьезныя дѣйствія на западѣ изъ Баньялуки. На западѣ силы инсургентовъ сосредоточивались въ двухъ главныхъ пунктахъ: на укрѣпленной позиціи въ Вихачѣ (на р. Уиѣ) и въ Ливнѣ, въ Герцеговинѣ. Отсюда инсургенты угрожали второй линіи сообщеній генерала Филипповича: дороги изъ Градишки на Баньялуку, Яице, Травникъ и Сераево. Для охраненія ея назначены были части 5-го корпуса, ген. Ромберга. Генералъ Саметцъ съ одной бригадою двинулся на крѣпость Ключъ (на р. Саниѣ) — центральный пунктъ между Вихачомъ и Ливною. Но инсургенты не дали застать себя врасплохъ и разъединить свои главныя силы на западѣ. Произведенная ген. Саметцомъ 6 сентября атака привела только къ занятію двухъ укрѣпленій, но крѣпость взята не была. Только 8 числа ген. Саметцу удалось овладѣть ею и разсѣять инсургентовъ. Одновременно поведена была генераломъ Цахомъ 7 сентября атака на самый Вихачъ, но атака была отбита, причѣмъ австрійцы изъ одной бригады потеряли свыше 500 чел. Подкрѣпленный бригадою Рейнлендера, ген. Цахъ еще два раза возобновлялъ атаку и послѣ третьей — Вихачъ сдался на капитуляцію. На помощь Вихачу шелъ отрядъ инсургентовъ изъ Ливно, но былъ встрѣченъ и отраженъ 7-го сентября бригадою

ген. Чикона. Вслѣдъ за паденіемъ Вихача, явились уже депутаціи съ изъявленіемъ покорности изъ Петровца, Новосела и Билая.

Въ Герцеговинѣ генераль Йовановичъ 11 сентября выступилъ въ Билему и занялъ его безъ сопротивленія 16 числа; далѣе онъ занялъ одной половиною своей дивизіи Гачко-Метохию, а самъ вступилъ въ Требинье, гдѣ соединился съ бригадою ген. Надъи. Затѣмъ, Йовановичъ предпринялъ движеніе на югъ въ Клобуку и Кореницѣ, чтобы овладѣть послѣдними пунктами возстанія въ Герцеговинѣ. Но уже получались съ разныхъ сторонъ извѣстія, что инсургенты бѣгутъ въ Черногорье.

Оставалось еще сломить силы инсургентовъ въ главномъ ихъ районѣ, въ томъ углу, который образуется рѣками Дриной и Савой. Для достиженія этой цѣли было предпринято концентрическое движеніе на Бѣлину и Зворникъ корпусомъ генерала Винерта съ сѣвера, отъ Савы, и дивизіею ген. Вечея, отдѣленною отъ главныхъ силъ ген. Филипповича, и наступавшею съ юго-запада, отъ Сераева. Генераль Винертъ, перейдя Саву 14 сентября, остановился съ главными силами у Градачаца, вблизи Грачаницы, находясь въ сообщеніи съ корпусомъ Сапари, а одну дивизію направилъ прямо на востокъ, вдоль южнаго берега Савы. Эта дивизія 16 и 17 сентября атаковала и взяла штурмомъ городъ Бречку на Савѣ; затѣмъ 20 сентября та же дивизія заняла Бѣлину, въ которой, впрочемъ, не оказалось неприятеля. Далѣе, дивизія эта двинулась на югъ, по направленію къ Тулгѣ. Между тѣмъ главныя силы ген. Винерта, въ сообщеніи съ корпусомъ Сапари, заняли Дольнюю Тузлу, главный городъ зворницкаго санджака, а чрезъ пять дней послѣ того и самый Зворникъ выслалъ депутацію съ выраженіемъ покорности, и 28 сентября былъ занятъ цѣлою дивизіею. Здѣсь найдено 44 орудія.

Дивизія же генерала Вечея, двигавшаяся съ юго-запада, отъ Сераева, чрезъ Мокрую на Бандинъ, Огакъ и Сенковичъ, встрѣтила при этомъ послѣднемъ пунктѣ 21 сентября сильное сопротивленіе. Австрійцы взяли штурмомъ высоты, защищенныя 7 тыс. инсургентовъ, и заняли затѣмъ Рогатицу. Часть инсургентовъ отсюда бѣжала въ Зворникъ, другая часть—на Новый Базаръ.

Военное положеніе въ Босніи и Герцеговинѣ въ тѣ дни, когда мы дѣлаемъ этотъ обзоръ, представляется въ слѣдующемъ видѣ: возстаніе уже не имѣетъ никакого центра; небольшія банды еще бродятъ въ западной Босніи (Крайнѣ); въ южной Герцеговинѣ замѣчается уже полная дезорганизація возстанія; на сѣверѣ Босніи, вдоль Савы, и въ центрѣ ея, отъ Сераева до Зворника—оно подавлено. Теперь возстаніе поддерживается еще только въ ново-базарскомъ санджакѣ. Спрашивается: предпримутъ ли австрійцы подавленіе его тамъ еще

въ настоящую осень или отложить дальнѣйшія дѣйствія, рассчитывая на то, что зимой инсургенты должны будутъ разсѣяться за недостаткомъ продовольствія? Опасность здѣсь та, что этотъ округъ примыкаетъ къ Албаніи и возстаніе въ ново-базарскомъ санджакѣ можетъ поддерживаться помощью „албанской лиги“, которая, какъ то доказывается убійствомъ Мехмеда-Али въ Ипекѣ, относится враждебно къ австрійской оккупациі. Если австрійцамъ не удастся теперь же окончательно замирить Боснію, то весной оно можетъ возгорѣться снова, вспыхнувъ именно въ ново-базарскомъ санджакѣ.

Успѣхи, достигнутые австрійцами въ Босніи, какъ обнаруживается изъ предшествующаго, зависѣли отъ огромнаго числа войскъ, введенныхъ ими туда послѣ первыхъ неудачъ. Для подавленія возстанія, которое когда-либо едва ли располагало болѣе чѣмъ 60-ю тысячами человекъ, Австро-Венгрія употребила четыре корпуса, то-есть армию приблизительно въ 240 тысячъ чел. Немудрено, что при такихъ числахъ цѣль—оккупациа Босніи и Герцеговины на основаніи берлинскаго мира—будетъ окончательно достигнута. Но мобилизациа и передвиженіе такой арміи дорого обойдется Австро-Венгріи, и уже теперь выступилъ вопросъ о томъ, какими новыми налогами можно было бы покрыть огромные расходы, вызванныя этимъ проявленіемъ австрійскаго могущества.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 сентября, 1878.

Политическія и неполитическія воспоминанія изъ канцелярской поѣздки.

Я прошу извинить меня за то, что не сразу окупусь на этотъ разъ въ наши политическія дразги, которыми до-сихъ-поръ невольно приходилось мнѣ угощать васъ. Я не такъ счастливъ, какъ вашъ парижскій корреспондентъ, которому умственное движеніе его страны, помимо политическаго, постоянно доставляетъ богатый матеріалъ, чего—увъ! никакъ нельзя сказать въ настоящее время про Германію.

Въ августѣ мѣсяцѣ, по окончаніи избирательной борьбы,—которую пушно было видѣть вблизи, чтобы понять, до какой степени расходились страсти въ нѣмецкомъ, вообще столь спокойномъ народѣ,—я рѣшился предпринять небольшое путешествіе. У меня есть свое соб-

ственное воззрѣніе на путешествія, и я полагаю, что самымъ цѣлесообразнымъ и наилучшимъ средствомъ для умственного и физическаго отдыха бываетъ переменна мѣсть и климата; хотя, конечно, существуютъ здоровыя и нездоровыя мѣстности, но я полагаю, что человѣкъ вообще въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ долго заживется, всегда подвергается вреднымъ влияніямъ. Жители горъ умираютъ такъ же, какъ и приморскіе обитатели; но за то горожанинъ находитъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они постоянно живутъ, источникъ обновленія силъ и здоровья. Все дѣло въ перемѣнѣ. Точно также житель равнинъ, если только онъ вообще чувствителенъ къ красотамъ природы, стремится въ горы, а тотъ, кто живетъ внутри материка, мечтаетъ о голубыхъ волнахъ моря. Нѣмцы вообще довольно ретивые путешественники, однако далеко уступаютъ въ этомъ отношеніи англичанамъ, и это обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ, что они гораздо бѣднѣе англичанъ. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что въ среднихъ классахъ Германіи вообще довольно сильно развита боязнь или неохота къ морскому плаванію, и вотъ потому этотъ способъ передвиженія гораздо въ меньшемъ ходу, нежели въ Германіи. Если хочешь, напр., побывать на испанскомъ полуостровѣ или же на югѣ Италіи, и не постояшь за тѣмъ, чтобы провести лишннихъ два, три дня въ дорогѣ, то дорога туда обойдется гораздо дешевле, если отправишься въ какой-нибудь англійскій портовый городъ и оттуда на пароходѣ отплывешь въ Лиссабонъ или въ Неаполь; мало того: организуются правильные рейсы, при которыхъ за непомѣрно дешевую цѣну можно посѣтить важнѣйшіе пункты обоихъ полуострововъ, хотя этого почти не знаютъ въ Германіи; а между тѣмъ поѣздка въ Неаполь по желѣзной дорогѣ не представляетъ особыхъ прелестей. Собщеніе между западнымъ берегомъ европейскаго континента и англійскимъ восточнымъ берегомъ весьма легко, очень оживленно, и приглаживается на всѣ вкусы. Тѣ, кто не любитъ морскаго плаванія, должны переѣхать каналъ южнѣе въ болѣе узкомъ мѣстѣ, изъ Кале, Остенде или Дюнкирхена. Изъ Флиссингена, Роттердама или Амстердама морское плаваніе уже будетъ болѣе продолжительно, изъ Бремена и Гамбурга еще продолжительнѣе, и тѣ, кому это доставляетъ удовольствіе, могутъ провести три дня и три ночи въ морѣ. Я разѣхалъ изъ Гамбурга въ Эдинбургъ; плаваніе заняло шестьдесятъ часовъ и не могло показаться слишкомъ продолжительнымъ для новичка, а впечатлѣніе получилось совершенно волшебное, когда внезапно, безъ всякихъ промежуточныхъ инстанцій, я попалъ изъ привычной нѣмецкой обстановки въ большой и совсѣмъ чужой городъ. Вообще, Эдинбургъ, какъ извѣстно, считается однимъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ въ мірѣ, и многіе отдають ему предпочтеніе даже

передъ Неаполемъ. Мѣстоположеніе чрезвычайно живописное, такъ какъ городъ лежитъ на двухъ горныхъ площадкахъ, раздѣленныхъ между собой глубокимъ и длиннымъ ущельемъ и мало-по-малу переходящихъ въ холмы, что придаетъ особенно эффектный видъ всей картинѣ. Вообще подобное мѣстоположеніе встрѣчается въ городахъ, расположенныхъ на сѣверномъ берегу Англіи почти вплоть до Шотландіи; этотъ берегъ состоитъ изъ высокихъ скалъ, и города тутъ обыкновенно стоятъ у устьевъ болѣе или менѣе большихъ рѣкъ, протекающихъ по этой возвышенности. Даже тамъ, гдѣ города стоятъ не у устья рѣки, встрѣчается тоже строеніе почвы. Строители городовъ, при выборѣ мѣста, очевидно руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что надо выбирать самый возвышенный пунктъ, который бы господствовалъ надъ всею мѣстностью, чтобы заложить на немъ крѣпость. Я не припомню такого города, гдѣ бы не было такой крѣпости или хотя бы не сохранились воспоминанія о томъ мѣстѣ, на которомъ она стояла.

На этотъ разъ у меня составилъ другой планъ путешествія: я хотѣлъ осмотрѣть нѣсколько городовъ Англіи, для чего и отправился изъ Бремена на одномъ изъ пароходовъ сѣверо-германскаго Ллойда въ Голль. Эти пароходы—нѣмецкіе, капитаны на нихъ нѣмцы, и жизнь устроена на нихъ на нѣмецкій образецъ, тогда какъ если изберешь англійскій пароходъ, то, вступая на него, сразу попадаешь въ англійскую обстановку, привычекъ и обычаевъ которой англичане держатся съ такимъ упорствомъ, и изъ которыхъ многіе очень хороши и пріятны для тѣхъ, кто умѣетъ примѣняться къ чужеземнымъ обычаямъ, нѣкоторые же худы или даже совсѣмъ непонятны. Величайшую внѣшнюю разницу между нѣмецкими и англійскими обычаями составляетъ табакъ. Въ Германіи онъ до такой степени вошелъ во всеобщее употребленіе, какъ, быть можетъ, ни въ какой другой странѣ въ мірѣ. Очень мало найдется собраній, въ которыхъ бы послѣ обѣда или ужина не курили сигаръ; высшіе чиновники курятъ въ своихъ служебныхъ департаментахъ, когда остаются одни, и даже во дворцѣ имперскаго канцлера курили тѣ господа, которые тамъ занимались, почти у самыхъ дверей залы конференціи, разумѣется не въ тѣ часы, когда происходили засѣданія конгресса. Въ Англіи же, напротивъ того, табакъ едва терпится, и какъ только вступишь на англійскій пароходъ, такъ тотчасъ же познакомишься съ этимъ обычаемъ, потому что вездѣ натыкаешься на торжественное предостереженіе: „no smoking allowed“ — „курить не дозволяется“. Какъ скоро несчастный, свышійся съ своей сигарой нѣмецъ ступитъ на англійскую почву, такъ тотчасъ же убѣждается, что его любимая страсть подвергнута остракизму. На вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ встрѣчаетъ его тор-

жественное объявленіе: курить строжайше запрещается, и подъ страхомъ довольно значительнаго штрафа—въ два фунта стерлинговъ. На поѣздахъ имѣется лишь весьма незначительное число вагоновъ для курящихъ—нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ихъ совсѣмъ не существовало—но хуже всего приходится путешественнику, когда онъ вступаетъ въ гостиницу, потому что, какъ извѣстно, тамъ въ обычаѣ курить только въ курительной комнатѣ, тогда какъ въ своей комнатѣ путешественникъ отнюдь не долженъ смѣть курить, если не хочетъ, чтобы хозяинъ гостиницы выгналъ его самымъ безцеремоннымъ образомъ, что должно быть очень непріятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ имѣется всего одна гостиница. Извѣстно, что англійская гостиница отличается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ нѣмецкой. Въ нѣмецкой гостиницѣ путешественнику отводятъ комнату, которую онъ во время своего въ ней пребыванія считаетъ своей собственной и можетъ дѣлать въ ней—въ границахъ приличія, разумѣется—все, что ему угодно. Въ остальныхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ также свободенъ; между хозяиномъ, въ особенности въ старинныхъ гостиницахъ, и путешественникомъ устанавливаются дружескія, какъ бы семейственныя отношенія. Въ Англии же, напротивъ того, путешественнику отводятъ не комнату, но спальную, т.-е. комнату, въ которой онъ можетъ спать и совершать свой туалетъ, но затѣмъ уже больше въ нее не заглядываетъ цѣлый день. Этотъ обычай до такой степени строго соблюдается, что я полагаю, сочли бы совсѣмъ неприличнымъ, если бы кто-нибудь вздумалъ сидѣть въ своей комнатѣ; вообще принято, какъ скоро всѣ путешественники выйдутъ изъ спаленъ, раскрывать въ нихъ двери настежь на весь день, такъ что проходящіе могутъ заглянуть въ каждую изъ нихъ. Для нѣмца, привыкшаго часъ—другой поваляться на диванѣ, этотъ обычай также очень непріятенъ, такъ какъ дивана и въ поминѣ нѣтъ, хотя во всемъ остальномъ спальня отличается роскошью, неслышанной въ Германіи. За то англичане, не стѣснясь, собираются послѣ обѣда или завтрака въ общую комнату, дамы и кавалеры, и самымъ покойнымъ образомъ растагиваются на диванахъ и кушеткахъ, что, въ свою очередь, кажется намъ неприличнымъ.

Весьма естественно, что путешественнику прежде всего бросаются въ глаза всѣ такія внѣшнія вещи. Поверхностный наблюдатель отличается при этомъ отъ глубокомысленнаго тѣмъ, что не старается выискать въ причины и слѣдствія такихъ привычекъ, а я полагаю, что все это отнюдь нельзя считать мелочами, потому что вещи, повторяющіяся неизмѣнно на каждомъ шагѣ, сообщаютъ свой особый характеръ всему складу жизни. Для нѣмца, который вмѣстѣ съ избѣ-

рательной борьбой, лицеврѣя борьбу за табачную монополію, которая, какъ извѣстно, велась также съ большимъ оживленіемъ и страстью и каждую минуту можетъ снова возгорѣться, какъ-разъ употребленіе табаку въ Англіи представляетъ интересный предметъ для изученія. Извѣстно, что въ Англіи не существуетъ монополіи, а лишь очень высокій налогъ. Въ самомъ дѣлѣ, налогъ такъ высокъ, что цѣна на курительный табакъ и сигары гораздо значительнѣе, чѣмъ въ странахъ, гдѣ существуетъ монополія: во Франціи и въ Австріи. Во Франціи, напримѣръ, имѣется одинъ низшій сортъ табаку, почти исключительно потребляемый солдатами, которые приобрѣтаютъ его по очень дешевой цѣнѣ, и всѣмъ рабочимъ населеніемъ Франціи съ одного конца до другого. Я не знаю навѣрное отношеніе цѣны на табакъ между различными странами, но полагаю, что оно такое же, какъ и для сигаръ. Во Франціи низшій сортъ сигаръ продается по одному су, а въ Австріи существуютъ въ продажѣ еще болѣе дешевыя сигары. Я не стану утверждать, что эти сигары придутся по вкусу тонкому цѣнителю, но ихъ можно курить, и онѣ имѣютъ то преимущество, что ихъ безусловно нельзя поддѣлывать, тогда-какъ въ Англіи представляется величайшая свобода, послѣ того, разумѣется, какъ налогъ уплаченъ—и очень большой и обременительный налогъ. Торговцы табакомъ должны также имѣть особый патентъ, который подвергаетъ ихъ—такъ же, какъ и продавцовъ спиртныхъ напитковъ,—къ этому пункту я еще вернусь,—весьма строгому и тягостному контролю. Такъ, напр., самая дешевая сигара, которую можно курить въ Англіи, стоитъ три пенса, т.-е. въ шесть разъ дороже, чѣмъ монополюальная сигара во Франціи или въ Австріи. И даже такая сигара, которую, по нѣмецкимъ понятіямъ, можно курить, стоитъ шесть пенсовъ. Очевидно, что черезъ это потребленіе сигаръ становится совершенно недоступнымъ для среднихъ классовъ. Эти послѣдніе курятъ болѣею частію очень вѣршій табакъ въ маленькихъ трубочкахъ, да и это потребленіе сильно ограничено, частію законами и правилами, частію обычаями.

Прежде нежели я выведу заключеніе изъ этихъ соображеній, я долженъ сказать нѣсколько словъ о налогѣ на спиртные напитки въ Англіи. Извѣстное дѣло, что англійское правительство получаетъ большую часть своего дохода съ налога на водку, налога очень высокого. Рюмка средней величины шотландскаго виски стоитъ около шести пенсовъ, т.-е. втрое противъ того, что подобный напитокъ стоитъ въ Германіи или въ Голландіи. Для обезпеченія этого налога опять необходимъ весьма строгій контроль. Когда я вступилъ на англійскую почву въ Голлѣ, и тамъ въ хорошенькомъ трактирѣ, съ видомъ на покрытый кораблями рейдъ, взялъ въ руки англійскую

газету, мнѣ прежде всего бросилось въ глаза судебное преслѣдованіе одного патентованнаго продавца спиртныхъ напитковъ, содержавшаго кабакъ. Этотъ человѣкъ былъ уличенъ въ томъ, что купилъ двѣ бутылки, кажется, голландской водки отъ человѣка, укравшаго или контрабандно-провезшаго ее, за болѣе дешевую цѣну, нежели обычная. Но не было доказано, чтобы онъ зналъ о происхожденіи этой водки, и его главная вина передъ закономъ заключалась въ томъ, что онъ не занесъ обычнымъ порядкомъ покупку двухъ бутылокъ водки въ свои книги. Обвинитель сосчиталъ штрафы, которые предстояло уплатить обвиняемому, и оказалось, что они равняются тысячѣ фунтамъ стерлинговъ, т.-е. цѣлому маленькому состоянію, по континентальнымъ понятіямъ, и должны въ конецъ разорить обвиняемаго. Этотъ послѣдній до тѣхъ поръ пользовался хорошей славой, и самъ обвинитель выставилъ смягчающія обстоятельства въ его пользу и просилъ для него снисходительности суда, между тѣмъ какъ самъ обвиняемый прямо заявилъ, что не въ состояніи уплатить такого штрафа, и долженъ идти въ тюрьму, гдѣ заключеніе гораздо тяжелѣе, чѣмъ на континентѣ. Судъ смягчился и приговорилъ обвиняемаго только къ ста фунтамъ стерлинговъ штрафа, что, по нашимъ понятіямъ, составляетъ все еще очень значительную сумму.

Случайно я приобрѣлъ еще больше практическаго опыта по этому пункту, такъ какъ я на первыхъ же шагахъ очутился воелѣ собора, двери котораго были покрыты объявленіями, — зрѣлище столь для меня необыкновенное, что я невольно сталъ ихъ читать. Этотъ соборъ былъ приходской церковью городского округа, и къ дверямъ его были прибиты петиціи различныхъ лицъ, просившихъ городской магистратъ о разрѣшеніи открыть кабакъ или же продавать спиртные напитки. Такая просьба должна провисѣть нѣкоторое время на церковныхъ дверяхъ и на домѣ петиціонера, и лица, имѣющія какія-нибудь основанія воспротивиться дарованію концессіи, должны заявить ихъ въ продолженіи этого времени. Магистратъ рѣшаетъ въ нарочно опредѣленную для того сессію дать или не дать концессію, и, если я не ошибаюсь, противъ его рѣшенія не можетъ быть апелліаціи. Я замѣтилъ въ числѣ этихъ петицій одну, въ которой петиціонеръ просилъ разрѣшенія передать другому лицу свою концессію, и въ этомъ случаѣ тоже требуются такія же точно формальности.

Вы, конечно, поймете, что эти факты могли заинтересовать меня съ политико-экономической точки зрѣнія и что я постарался расспросить о нихъ образованныхъ и свѣдущихъ людей. Кто, какъ я, прожилъ среди сильнаго движенія въ пользу свободы торговли, которая почти исключительно господствуетъ въ Германіи въ послѣднее десятилѣтіе и даже долѣе, тому естественно приходитъ въ го-

лову мысль: почему правительство не понизитъ нѣсколько этихъ налоговъ, такъ какъ черезъ это доходы непременно увеличились бы. На это мнѣ всѣ въ голосъ отвѣчали, что интересы правительства въ сферѣ налоговъ имѣютъ не одинъ только фискальный характеръ, но также и нравственное значеніе, такъ какъ правительство желаетъ посредствомъ высокаго налога по возможности сдерживать весьма распространенный, какъ извѣстно, въ Англіи порокъ пьянства, и руководящіе классы помышляютъ скорѣе о повышеніи этихъ налоговъ, нежели объ ихъ пониженіи. Но очевидно, что эти налоги тяготѣютъ, главнымъ образомъ, надъ низшими и такъ-называемыми рабочими классами. Богатому тоже приходится участвовать въ нихъ, но только ему гораздо это легче, да и кромѣ того у него есть пропасть другихъ наслажденій, тогда какъ наслажденія рабочихъ классовъ почти исключительно ограничиваются алкоголемъ и табакомъ.

Я не могъ при этомъ не провести параллели между условіями жизни рабочихъ классовъ въ обѣихъ странахъ, въ Англіи и въ Германіи, тѣмъ болѣе, что у меня въ памяти сохранилось живое воспоминаніе о только-что пережитой борьбѣ съ монополіей, въ которую правительство незадолго передъ тѣмъ втянуло рабочіе классы. Въ Германіи противники монополіи заявляли, что нѣмецкое табачное производство, которое чрезвычайна какъ развилось при настоящей свободѣ и при существованіи незначительнаго налога, будетъ, къ величайшему вреду для страны, сильно подорвано, если не совсѣмъ убито. Но никакой аргументъ не дѣйствовалъ такъ сильно, какъ тотъ, что правительство хочетъ „лишить трубки табуку бѣднаго человѣка“. Во всѣхъ избирательныхъ округахъ это было главнымъ лозунгомъ либеральныхъ партій, и я самъ говорилъ съ преданными правительству людьми, которые меня увѣряли, что мнѣ всего труднѣе было оправдаться отъ этого обвиненія, и что они вынуждены были во время избирательной борьбы скрывать свою приверженность правительственнымъ планамъ, чтобы окончателно не провалиться, хотя въ принципѣ они за нихъ стояли. Вы согласитесь со мной, что такая сила общественнаго мнѣнія отнюдь не согласуется съ общераспространеннымъ взглядомъ, что въ Германіи случается лишь то, что угодно правительству, и что парламенты совыаются подъ правительственнымъ давленіемъ. Но я долженъ сказать болѣе.

Наблюденія, собранныя въ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль, не могутъ, конечно, считаться непоколебимыми; но такъ какъ я уже раньше бывалъ въ Англіи и видѣлъ уже раньше то, что мнѣ пришлось теперь наблюдать, — только оно предстало мнѣ теперь въ новомъ свѣтѣ, потому что я провѣрялъ на этомъ опытѣ, пріобрѣтенный на родинѣ, — потому я и долженъ сказать, что жизнь нѣ-

мецкаго рабочаго представляется мнѣ гораздо богаче, нежели жизнь англійскаго рабочаго. Я не могу провести полной параллели, не упоминая предварительно о весьма важномъ пунктѣ, отличающемъ англійскіе нравы отъ нѣмецкихъ,—я говорю про соблюденіе воскресныхъ дней. Въ Германіи не имѣютъ никакого понятія о чрезвычайной важности этого предмета. Въ Германіи очень много людей, которые тоже желаютъ, чтобы установлено было соблюденіе воскреснаго дня, но они руководятся при этомъ чисто-религіозными мотивами; они думаютъ, что религіозный духъ, набожность выигрываетъ отъ этого, и мыслятъ, что строгое соблюденіе воскреснаго дня доставитъ рабочимъ отдыхъ,—играетъ при этомъ самую незначительную роль. Этотъ послѣдній мотивъ выставлялся во время дебатовъ въ послѣднемъ рейхстагѣ, и при окончательномъ голосованіи одинъ только голосъ помѣшалъ тому, чтобы воскресный день соблюдался на будущее время гораздо строже, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Приверженцы соблюденія воскреснаго дня въ рейхстагѣ были частію крупные промышленники, которые, на основаніи опыта, пріобрѣтённаго на фабрикахъ, желали воспрепятствовать злоупотребленію, вслѣдствіе котораго фабриканты изъ эгоистическихъ интересовъ не хотятъ давать достаточнаго отдыха рабочимъ. Я проводилъ англійскіе воскресные дни при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, и могу сказать, что это своеобразное явленіе произвело на меня самое глубокое впечатлѣніе. Нельзя представить себѣ впечатлѣнія, какое производитъ подобное зрѣлище, тому, кто его не испыталъ.

Перенеситесь вмѣстѣ со мной въ большой, шумный городъ, въ какой я вступилъ впервые въ субботу вечеромъ. На улицахъ не было прохода отъ экипажей и пѣшеходовъ; блестящіе магазины были открыты, рестораны биткомъ набиты посѣтителями, словомъ, казалось, что и ночь не можетъ утомить эту жизнь и это движеніе. А на другое утро—вездѣ царствуетъ мертвая тишина: вы просыпаетесь почти устрешенные этой тишиной. Не слышно стука каретъ, дрожекъ, не видно ни души на улицахъ; всѣ магазины и всѣ рестораны закрыты. Только около полудня появляются одиночные прохожіе на улицахъ. Только въ церквахъ царствуетъ жизнь, но.... и тутъ я не знаю, правильно ли мое наблюденіе, но мнѣ показалось, что церкви посѣщаются главнымъ образомъ „респектебельной“ публикой, а не рабочими классами. Въ протестантскихъ церквахъ вообще церковная служба ограничивается тѣми часами, когда говорится проповѣдь, въ которыхъ въ церкви нѣчего дѣлать, тогда какъ католическія церкви открыты цѣлый день, и вѣрующіе могутъ каждую минуту зайти въ нихъ помолиться. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что въ евангелическихъ церквахъ мѣста большою частію отдаются въ

наймы, такъ какъ во время проповѣди естественно желать слѣдить покойнѣе. Въ католическихъ странахъ мы видимъ, что рабочіе, крестьяне, женщины, служанки заходятъ въ церковь, какъ только они улучаютъ свободную минутку, помолятся тамъ и идутъ своей дорогой. Это вѣроисповѣданіе гораздо демократичнѣе, если можно такъ выразиться, чѣмъ протестантское. При полномъ отсутствіи всякой возможности добыть какое-нибудь развлеченіе, людямъ ничего не остается по воскреснымъ днямъ, какъ предаваться праздности. Мы видимъ ихъ въ вечерніе часы толпящимися на площадяхъ или прогуливающимися по довольно темнымъ улицамъ; даже длинныя прогулки невозможны, такъ какъ внѣ города нельзя нигдѣ найти поѣсть; не говоря уже о томъ, что въ строгой Шотландіи такая прогулка была бы противна добрымъ правамъ и обычаямъ. Сами англичане находятъ, что было бы необходимо измѣнить существующіе законы въ томъ отношеніи, чтобы сдѣлать доступными музеи и другія образовательныя учрежденія для рабочихъ по воскресеньямъ, и за это энергически высказывались многіе образованные люди. Какъ разъ въ то самое время, какъ я былъ въ Англіи, въ газетахъ поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы англійскіе художники на парижской выставкѣ допускали публику смотрѣть свои картины и въ воскресные дни, по примѣру другихъ націй, и это вызывало жестокія нападки ихъ ортодоксальныхъ соотечественниковъ. Другіе же находили такой образъ дѣйствія весьма разумнымъ и указывали на то, что многіе англійскіе города—т.-е. семь или восемь—уже образовали брешь въ строгое соблюденіе воскресныхъ дней и открыли образовательныя учрежденія для рабочихъ. По моему убѣжденію, первый шагъ въ этомъ направленіи можетъ служить лишь началомъ полнѣйшаго упраздненія воскреснаго дня. Рабочіе, конечно, будутъ благодарны на первое время за дарованныя льготы, но вскорѣ это перестанетъ удовлетворять ихъ, и они потребуютъ новыхъ уступокъ. Строгое соблюденіе воскреснаго дня какъ разъ стѣсняетъ рабочаго въ его движеніяхъ,—я сейчасъ укажу на политическія послѣдствія этого. Представимъ себѣ сначала картину нѣмецкаго или французскаго воскреснаго дня. Въ этихъ странахъ воскресенье не есть день преимущественно посвященный отдыху и богослуженію, но въ гораздо большей мѣрѣ отдается удовольствіямъ и развлеченіямъ. Вѣднѣйшій старается по возможности нарядиться въ этотъ день, бѣднѣйшій старается съѣсть въ этотъ день лучший кусокъ за обѣдомъ и бѣднѣйшій стремится погулять, отдохнуть въ этотъ день, какъ ему не удастся въ другіе дни. Желѣзныя дороги осаждаются тысячами народа, отправляющагося гулять, театры биткомъ набиты, такъ что, напр., въ Берлинѣ театры даютъ по воскресеньямъ такой доходъ, который равняется почти половинѣ дохода

всей остальной недѣли. Если же только я представлю себѣ, какія послѣдствія имѣло бы введеніе строгаго соблюденія воскреснаго дня въ Германіи, то передо мной возникаетъ такая мрачная картина, что я боюсь, — ее сочтутъ преувеличенной. Но я все же долженъ набросать ее въ краткихъ чертахъ, чтобы ясно выставить различіе въ нравахъ по сравненію съ англійскими.

Если уже про табачную монополію говорятъ, что она должна убить крупное производство, то еще губительнѣе будутъ послѣдствія соблюденія воскреснаго дня. Возьмемъ прежде всего то, что театры и всѣ увеселительныя мѣста пришлось бы закрыть, в неабѣзпимыхъ послѣдствіяхъ этого было бы совершенное разореніе ихъ владѣльцевъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ театры въ самомъ непродолжительномъ времени обанкротились бы, если бы ихъ лишитъ воскресныхъ доходовъ, такъ какъ населеніе никакъ не можетъ вознаградить за отсутствіе театра въ воскресенье болѣе частымъ посѣщеніемъ его въ остальные дни недѣли, — это совершенно несовмѣстимо съ рабочимъ временемъ. Доказательствомъ тому служатъ Англія, гдѣ гораздо меньше театровъ, нежели въ Германіи, и даже въ большихъ городахъ не существуетъ иногда ни одного порядочнаго театра, тогда какъ въ большихъ городахъ Германіи ихъ бываетъ по нѣскольку. Я не стану, конечно, утверждать, чтобы свобода театровъ въ Германіи принесла очень хорошіе плоды. Напротивъ того, совершенно основательно жалуются, что неограниченная свобода въ этомъ отношеніи испортила вкусъ публики. По временамъ дѣлаются попытки устроить новыя театры, на которыхъ бы давались классическія произведенія, недоступныя для публики вслѣдствіе высокихъ цѣнъ, существующихъ въ другихъ театрахъ, но всякій разъ такая попытка оканчивалась самымъ полнымъ фіаско. Приходилось по-неволѣ вводить гнимою французскій товаръ, и если этотъ послѣдній казался публикѣ недостаточно пикантнымъ, то приглашали шае-соетныхъ пѣвицъ на французскій образецъ, акробатовъ всякаго рода, фокусниковъ и тому подобныя вещи, которыхъ можно встрѣтить въ любомъ балаганѣ. Но я долженъ прибавить, что ограниченія театра въ Англіи нисколько не возвысили уровня пониманія и изящнаго вкуса у публики. Не знаю, сколько времени тому назадъ, здѣсь производила фуроръ французская пьеса, озаглавленная по-нѣмецки: „*Rosa Dominos*“ — и потому главнымъ образомъ, что она представляетъ самое пикантное въ этомъ родѣ, что когда-либо появлялось на подмосткахъ. Эта пьеса проникла почти на всѣ англійскіе театры и обошла всю Америку.

Между тѣмъ, фокусники, которые восхищаютъ нашу публику: — человекъ-рыба, человекъ-змѣя, человекъ-пушка, въ прежнія времена

бородатая Пастрана и тому подобное—носятъ вполне международный характеръ, и ихъ карьера заключается въ томъ, чтобы переѣзжать изъ одного города въ другой и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока они не утратятъ своей притягательной силы.

Итакъ, если нельзя сказать, чтобы положеніе театральнаго искусства въ Германіи особенно благоприятно повліяло на вкусъ публики, то нельзя также утверждать съ другой стороны, чтобы англійская система оказала лучшее дѣйствіе.

Но указываю при этомъ на одинъ пунктъ, который всего меньше бросается въ глаза, а между тѣмъ на мой взглядъ самый существенный во всемъ вопросѣ. Если я говорилъ выше, что послѣдствія введенія строгаго соблюденія воскреснаго дня въ Германіи были бы поразительныя и даже страшныя, то я могу еще подчеркнуть это, сказавъ безъ обиняковъ: попытка такого рода произвела бы чуть не революцію, и правительство рѣшительно не могло бы провести этой мѣры. Въ Англии — и это различіе бросается въ глаза — не одинъ только законъ заставляетъ блюсти воскресный день, но сильный обычай и привычка. Рабочіе, которыхъ я наблюдалъ, спокойно покоряются учрежденію, необыкновенно какъ для нихъ тягостному, а также и приказчики въ лавкахъ, и студенты, и мастеровые, и не дѣлаютъ никакой попытки избавиться отъ него, хотя не могутъ не видѣть, что богаче, пользующіеся тѣми же удобствами домашней жизни въ воскресенье, какъ и въ остальные дни недѣли, отнюдь не такъ стѣснены соблюденіемъ воскреснаго дня, какъ они въ своей жалкой, домашней обстановкѣ. Но такъ какъ несомнѣнно, что человѣкъ нуждается въ извѣстномъ умственномъ отдыхѣ, а не въ одномъ только физическомъ покоѣ, и также и въ удовольствіяхъ, и такъ какъ въ Англии удовольствія исключены изъ воскресенья, то естественно, что для нихъ долженъ быть избранъ другой день. Поэтому во многихъ городкахъ, и главнымъ образомъ среди торговцевъ—существуетъ обычай гулять на недѣлѣ. Отъ этого пропадаетъ много времени, въ особенности если принять во вниманіе, что въ Шотландіи и въ большей части Англии половина субботы также отнимается у труда. Многія торговныя заведенія закрываются въ этотъ день уже съ двѣнадцати часовъ и съ часу пополудни. Но несомнѣнно, что такая потеря времени сказывается на народномъ трудѣ, и что въ Германіи больше работаютъ. Англичане въ отвѣтъ на это немедленно возражаютъ, что они лучше и быстрѣе работаютъ, чѣмъ нѣмцы, а нѣмцы повторяютъ это за ними. Я не стану утверждать, чтобы это было безусловно несправедливо. Весьма возможно, что нѣмецъ медленнѣе работаетъ, нежели англичанинъ, но я могу это допустить лишь съ оговоркой. Въ Германіи также очень прилежны въ мастерскихъ и въ конторахъ,

а что касается фабрикъ, то дисциплина на нихъ такова, что почти каждый долженъ работать равномерно, если фабрика ведется какъ слѣдуетъ. Миѣ кажется скорѣе, что при этомъ упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что все это обусловливается громаднымъ капиталомъ, тогда какъ Германія въ сравненіи не только съ Англіей, но и съ Голландіей и съ Франціей—очень бѣдна капиталомъ. Каждый, посѣщающій эти страны, если только онъ не слѣзъ, поражается громаднымъ развитіемъ общественнаго богатства, чему нѣмецкія отношенія представляютъ жалкій контрастъ. Очевидно, что если у города есть сотни двѣ кораблей, на постройку которыхъ требуется значительный капиталъ, то разъ эти корабли уже построены,—доходы города могутъ быть значительнѣе при сравнительно меньшей затратѣ труда, чѣмъ въ такой мѣстности, гдѣ оборотный капиталъ не великъ и все опирается на одномъ трудѣ.

Но англичанамъ благоприятствуютъ еще и многія другія обстоятельства. На первый планъ выдвигаютъ обыкновенно то, что они давно уже не вели войны и не должны содержать такого большого постоянного войска. Разбирать этотъ пунктъ не требуется, но нельзя не указать также и на то, что естественныя богатства англичанъ значительно превосходятъ естественныя богатства Германіи. Англія чрезвычайно какъ богата каменнымъ углемъ и желѣзомъ. Берега ея очень приспособлены къ мелкому и крупному мореплаванію; выгодное положеніе ея на западѣ Европы и на прямомъ пути въ Америку чрезвычайно какъ облегчаетъ сношенія между двумя континентами. Прилегающія моря такъ богаты рыбою, какъ едва ли какія другія моря. Проѣхавъ нѣсколько сѣвернѣе, я прибылъ въ тѣ знаменитыя мѣстности, гдѣ производится ловля сельдей, сосредоточивающаяся въ городахъ Питергедъ, Фреверсборо и Уайкъ, и былъ изумленъ громаднымъ развитіемъ этой дѣятельности. Если я скажу, что никогда не видалъ ничего подобнаго, то это еще ничего не будетъ значить, но я прибавлю къ этому, что нашелъ въ газетахъ вычисленіе, что рыбацье населеніе въ сѣверозападныхъ округахъ Шотландіи въ тѣ нѣсколько недѣль, какъ продолжается рыбная ловля, зарабатываетъ около полу-милліона фунтовъ стерлинговъ; это такая громадная сумма, какой, какъ заявляютъ эти самыя газеты, нельзя заработать съ такою быстротой никакой другой работой. Само собой разумѣется, что ловля сельдей бываетъ не всегда одинаково удачна, и что въ остальное время года жители далеко не имѣютъ такого хорошаго заработка, но все же они зарабатываютъ еще что-нибудь, и поэтому должны пользоваться большимъ благосостояніемъ. И дѣйствительно, страна до самаго крайняго сѣвера не только очень плодородна, но и носить слѣды въ городахъ большого благосостоянія.

Нечего и говорить о томъ, что культура и ея современные результаты распространяются здѣсь съ такой быстротой, которая порадуетъ всякаго, кто можетъ оглянуться за двадцать-пять лѣтъ тому назадъ и припомнить, какъ стояло тогда дѣло въ Германіи. Что въ Англии, гдѣ культура опередила нѣмецкую, положеніе дѣлъ измѣнилось чрезвычайно какъ быстро—фактъ общезвѣстный, и его легко прослѣдить, не прибѣгая ни къ какимъ другимъ историческимъ источникамъ, кромѣ прекрасныхъ и незабвенныхъ романовъ Вальтеръ-Скотта, дѣйствіе которыхъ почти исключительно происходитъ на сѣверѣ Шотландіи или же на Оркнейскихъ и Шотландскихъ островахъ, романтическій характеръ коихъ, что касается природы, остался и по сіе время тотъ же самый, какъ и за сто или за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но куда уже проникли элементы культуры. Небольшой городокъ Ларвикъ, столица Шотландскихъ острововъ, насчитываетъ не болѣе четырехъ тысячъ жителей, но вы найдете тамъ, разумѣется, и газопроводы и водопроводы. Проведенная вода въ Англии вообще считается первой потребностью, также какъ и почтовое и телеграфное сообщеніе и—само собой разумѣется—газеты, которыя выходятъ здѣсь не ежедневно, но только два раза въ недѣлю, но все же эти газеты по объему своему равняются любой берлинской или петербургской газетѣ. Всѣ острова соединены телеграфными проволоками съ континентомъ и со всѣмъ остальнымъ міромъ, и пароходное сообщеніе между ними очень оживлено. На Оркнейскіе острова ежедневно ходитъ почтовый пароходъ, а на отдаленные Шотландскіе острова два раза въ недѣлю, и на самые крайніе сѣверные пункты, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, разъ въ недѣлю ходитъ пароходъ. Почта, по крайней мѣрѣ письма, возится на эти дальніе пункты на парусныхъ судахъ.

Право, жалко, что эти романтическія мѣста такъ мало посѣщаются нѣмцами. Что русскіе тоже не посѣщаютъ ихъ, объясняется тѣмъ, что когда вы желаете отдохнуть, или внести разнообразіе въ свою жизнь, то васъ тянетъ на югъ, такъ какъ сѣверныхъ красоть съ васъ довольно, хотя, въ сущности, у васъ нѣтъ такого живописнаго сѣвернаго берега, какъ выше названныя группы острововъ. Къ этому надо присовокупить мягкій морской климатъ и богатую растительность. Круто вдвигаются на всѣхъ берегахъ скалы, служащія оплотомъ для твердой земли отъ бушующаго океана, но грозящія смертью и гибелью мореходцу, который къ нимъ приблизится или котораго принесетъ къ нимъ бушующее море. Съ пѣной разбиваются о нихъ волны, и тревожными глазами путешественникъ на сто-пятьдесятъ и двѣсти футовъ подъ собой слѣды того, какъ море во время страшныхъ осеннихъ и зимнихъ бурь обглаживаетъ камни. Но тамъ и сямъ скалы эти разступаются, и корабль въѣзжаетъ въ заливъ, гдѣ

царствуетъ тишь и гладь, а кругомъ видѣются мирныя зеленныя поля, частію украшенныя деревьями, въ особенности вокругъ домовъ. Само собой разумѣется, что почва уже не представляетъ южнаго плодородія, и единственные хлѣба, которые здѣсь произрастаютъ — это ячмень и овесъ, а изъ овощей рѣпа и капуста воздѣлываются въ довольно большомъ количествѣ; но насколько простирается культура, настолько тянутся и поля, даже въ настоящее время пріятно радуютъ взоры своей свѣжей зеленью, а менѣе привлекательныя на видъ равнины должны быть хорошими пастбищами, потому что на нихъ видѣются большія стада; въ особенности много овецъ, а также и лошадей, довольно малорослыхъ, но пользующихся заслуженной славой въ Англии. Гавани превосходны, и всѣмъ извѣстно, что, напримѣръ, въ гавани Ларвика неоднократно помѣщался на якорѣ весь англійскій флотъ. Положеніе этихъ острововъ особенно благопріятно также и потому, что они лежатъ сравнительно очень близко отъ Норвегіи, и можно сказать навѣрное, что въ самомъ близкомъ будущемъ устроено будетъ правильное сообщеніе и съ нею.

Такъ какъ я только-что говорилъ о Вальтеръ-Скоттѣ, то сдѣлаю мимоходомъ небольшое замѣчаніе. Вальтеръ-Скоттъ былъ и остается популярнѣйшимъ поэтомъ въ сѣверной Англии и въ Шотландіи. Куда бы вы ни прибыли, хотя бы на самыя отдаленныя пункты, вы найдете во всѣхъ книжныхъ лавкахъ — а книжныя лавки имѣются вездѣ — да почти во всякомъ домѣ сочиненія этого писателя въ превосходныхъ и болѣею частію очень дешевыхъ изданіяхъ. Въ Эдинбургѣ можно найти въ книжныхъ лавкахъ самыя разнообразныя изданія въ великолѣпнѣйшихъ переплеткахъ. Замѣчательно, что рядомъ съ реалистомъ Вальтеръ-Скоттомъ безслѣдно исчезъ другой поэтъ, который долгое время производилъ фуроръ какъ въ Англии, такъ и въ Германіи и отмѣтилъ печатью своего генія цѣлую литературную эпоху: нигдѣ въ тѣхъ мѣстахъ вы не встрѣтите никакого слѣда о существованіи сочиненій Оссіана. Я очень хорошо знаю, что критика позднѣе доискалась, что это не что иное какъ поддѣлка одного шотландца Макъ-Ферсона, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ, оставая въ сторонѣ вопросъ объ ихъ истинности или поддѣльности, эти стихотворенія восхищали образованный нѣмецкій міръ, да и несомнѣнно содержали въ себѣ элементы великаго поэтическаго дарованія и чувства, заставлявшаго сильно биться сердца.

Популярность Вальтеръ-Скотта грозитъ въ настоящую минуту затмить весьма опасный соперникъ въ лицѣ англійскаго премьера, лорда Биссонфильда. Внезапная слава, приобрѣтенная имъ, никому не принесла столько пользы, какъ книгопродавцамъ, или, вѣрнѣе

сказать, издателямъ его сочиненій. Гдѣ вы встрѣтите одного Вальтеръ-Скотта, тамъ вы найдете, по-крайней-мѣрѣ, десять романовъ Дизраэли! Не знаю, право, соответствуетъ ли спросъ публики готовности, съ какой предлагаются эти сочиненія книгопродавцамъ, но склоненъ думать, что это такъ, потому что послѣдніе настолько практичны, что не станутъ входить въ новыя издержки, если публика не покрыла еще старья. Что романы Дизраэли стали больше читаться въ послѣднее время, это также понятно, а что они усердно читаются, доказывается цитированіемъ тѣхъ отрывковъ, которые должны доказать, что плодовитый романистъ давно уже носилъ въ себѣ тѣ идеи, которыя онъ высказываетъ, очутившись во главѣ управленія; надъ такимъ прославленіемъ его генія весьма справедливо посмѣялся „Times“, указавъ, что этотъ будто столь рано созрѣвшій государственный человѣкъ всего какихъ-нибудь годъ или два тому назадъ отклонилъ дешевую покупку драгоценнѣйшей и совершенно незамѣнимой коллекціи кипрскихъ древностей, которую послѣ того отправили въ Америку, и чего онъ навѣрное не сдѣлалъ бы, если бы тогда уже имѣлъ намѣреніе заставить Турцію заплатить Англии за ея дружбу островомъ Афродиты, который оказывается столь негостепріимнымъ для англійскихъ солдатъ.

Вообще не могу не указать на то, что шотландцы особенно славятся своей необыкновенной любовью къ чтенію. Врядъ ли есть другой народъ, который бы съ такой страстью предавался чтенію, какъ шотландцы, т.-е. разумѣется, образованные шотландцы, что, конечно, находится въ связи съ ихъ строго религіознымъ характеромъ и строгимъ соблюденіемъ воскреснаго дня.

Однимъ изъ самыхъ живописныхъ пунктовъ въ архипелагѣ острововъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Шотландіи, представляется „Fair Island“. Онъ лежитъ въ одинаковомъ разстояніи какъ отъ Шотландскихъ, такъ и отъ Оркнейскихъ острововъ и очень малъ; населенія на немъ всего лишь человѣкъ двѣсти. Мужчины занимаются рыболовствомъ, женщины—вязаніемъ, послѣднее, какъ извѣстно, составляетъ главное занятіе всего женскаго населенія Шотландскихъ острововъ, и ихъ произведенія получили довольно обширную извѣстность. Мѣстоположеніе острова необыкновенно живописное, скалы величественно громоздятся надъ моремъ, а на ихъ хребтахъ, внутри острова, тянутся зеленые луга. Когда пароходъ приближается къ острову, проплываетъ мимо него и затѣмъ удаляется, то послѣдній принимаетъ дѣлный рядъ изумительныхъ формъ, и вообще онъ является во время плаванія между обѣими группами острововъ единственнымъ, естественнымъ путевымъ указателемъ. Жители этихъ острововъ рѣдко сообщаются съ главными группами, а такъ какъ островъ самъ

не можетъ доставить жителямъ всѣхъ необходимыхъ для жизни продуктовъ, то провіантъ доставляется имъ частію съ другихъ острововъ. Мнѣ уже раньше рассказывали, и я самъ въ томъ убѣдился, что когда пароходъ проходитъ мимо острова, то жители съ острова подплываютъ къ нему въ лодкахъ, за полученіемъ книгъ и въ особенности газетъ. Пароходы, довольно правильно совершающіе свои рейсы, знаютъ объ этомъ, и съ ихъ борта летать цѣлыя грузы новѣйшихъ газетъ съ шотландскаго материка въ маленькіе челноки, такъ какъ извѣстно, что англичане покупаютъ газеты во множествѣ и, прочитавъ ихъ, довольно равнодушно бросаютъ, между тѣмъ какъ въ Германіи сочли бы расточительностью покупать газету, а разъ купивши ее—бросить.

Очень милая картина представляется взорамъ, когда такой маленькой челнокъ, отдѣлившись отъ берега, ждетъ на томъ пунктѣ, гдѣ долженъ пройти мимо него пароходъ, причемъ всѣ пассажиры высыпаютъ на фордекъ, чтобы поздороваться съ этими мужественными людьми. Красивые, сильные люди, и очень веселые; они нѣсколько минутъ гребли на перегонку съ пароходомъ и такъ успѣшно, что цѣлый громъ пріѣтствовалъ ихъ съ парохода.

Но воспоминанія не должны отвлекать меня отъ тѣхъ политическихъ соображеній, какія я желалъ бы высказать въ заключеніе. Путешественникъ, проѣзжающій по сѣверной Англіи, по округу фабричныхъ городовъ, напримѣръ, гдѣ скучено на небольшомъ пространствѣ такое многочисленное населеніе, дивится обширности полей. О густотѣ населенія въ Англіи составляютъ себѣ не совсѣмъ правильное представленіе и, дѣйствительно, въ Бельгіи, напримѣръ, оно носитъ совсѣмъ иной характеръ, такъ какъ тамъ земледѣліе гораздо дробнѣе, а потому тамъ вездѣ видишь жилища близъ полей, тогда какъ въ Англіи ѣдешь иногда въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ мимо однихъ полей, и рѣдко-рѣдко гдѣ на горизонтѣ усмотришь деревню. Въ центрѣ земледѣльческихъ сѣверныхъ провинцій Англіи, а именно въ Йоркширѣ это явленіе всего рельефнѣе, и удивляешься тому, что земледѣліе и скотоводство такъ сильно распространены въ нихъ, хотя и то и другое давно уже не охраняется больше законодательствомъ отъ иностранной конкуренціи. Само собой разумѣется, что англійское же законодательство, право первородства, трудность отчужденія земельной собственности, обработка земли не вольными рабочими, но арендаторами, способствуетъ поддержанію такого положенія дѣлъ. Для Англіи весьма важно еще и то обстоятельство, что значительная часть Шотландіи рѣже населена, и всѣмъ извѣстно, что англійская аристократія и имущественные классы Англіи владѣютъ землей въ Шотландіи и проводятъ тамъ часть года, отчасти

за тѣмъ, чтобы удовлетворить національной страсти къ охотѣ и рыболовству. Объ этой страсти также трудно составить себѣ представленіе. Въ половинѣ августа начинается повсемѣстно въ Англіи, а также и въ Шотландіи охота. Въ это время года сталкиваешься на всѣхъ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ съ немуродами въ плюсовыхъ курткахъ, въ шерстяныхъ, по самыя колѣна чулкахъ; тамъ и сямъ въ Шотландіи попадаются охотники въ національныхъ костюмахъ, съ голыми ногами. Великолѣпныя ружья, собаки являются неразлучными спутниками этихъ путешественниковъ, тогда какъ другая корпорація ихъ, удильщики рыбы, съ самыми разнообразными удочками и корзинами для форелей, замѣняющія для нихъ ягдташи охотниковъ. Въ Англіи и Шотландіи издается очень популярная, ежемѣсячно выходящая книга спорта, въ которой показаны всѣ охотничьи и рыболовные округа во всей Англіи и во всей Шотландіи, количество добываемой на нихъ дичи, названіе ихъ владѣльцевъ, съ перечисленіемъ всѣхъ тѣхъ удобствъ, на которыя могутъ рассчитывать охотники и рыболовы, и можно понять, что тысячи народа посвящаютъ часть года такимъ занятіямъ, которыя вообще должны укрѣплять душу и тѣло.

Можетъ быть, покажется комическимъ, если я вдругъ отъ такого сюжета перейду къ Лассалу, который, какъ извѣстно, бывалъ очень пристрастенъ и рѣзокъ, раздражался самыми ожесточенными діатрибами противъ нѣмецкой прессы, которую онъ обвинялъ въ безусловной продажности и раболѣпствѣ, и собирался совершенно уничтожить ее въ своемъ государствѣ будущаго. Но Лассаль, должно быть, никогда не читалъ англійскихъ газетъ; не только въ мѣстныхъ газетахъ, но въ цѣломъ рядѣ большихъ газетъ день за днемъ находишь подробнѣйшія описанія того, какъ лордъ Сундто или достопочтенный Сундто убилъ пару тетеревей или зайцевъ, и, очевидно, публика очень интересуется этимъ, иначе газеты не печатали бы такихъ статей. Я говорю про такую публику, которая даже и помыслить не можетъ о томъ, чтобы убить тетерева или зайца, потому что земля раздѣлена между немногими владѣльцами, а для остальныхъ ничего не остается. Поѣзжайте гулять, въ какомъ хотите направленіи, и вы всюду наткнетесь на негостепримныхъ, обнесенныхъ большею частію высокими стѣнами владѣнія земельныхъ собственниковъ, запрещающихъ входъ въ нихъ подъ величайшими угрозами, и зачастую вынуждающихъ прохожихъ давать большіе взятки, даже въблизи городовъ.

Кто будетъ наблюдать нравы Великобританіи и Германіи въ этомъ направленіи, тотъ убѣдится, что уваженіе къ аристократіи и къ высшему общественному положенію, проникающее всѣ классы

въ Англіи, служитъ важнѣйшей причиной всеобщаго консервативнаго духа и медленнаго государственнаго развитія. Тутъ я выскажу замѣчаніе, о которомъ до сихъ поръ умалчивалъ, о вліяніи строгаго соблюденія воскреснаго дня и опирающагося на немъ общественнаго порядка. Я думаю, что англичане, высказывающіе во всемъ тонкое политическое чутье, очень хорошо сознаютъ, какую громадную власть даетъ строгая дисциплина, въ которой они держатъ низшіе классы, благодаря этому учрежденію. Съ лицемѣрной миной увѣряетъ англійская публика, что довольство англійскаго рабочаго опирается на свободѣ политической жизни въ Англіи, тогда какъ Германія погружена въ нѣкоторый родъ рабства. Это лицемѣріе тѣмъ замѣчательнѣе, что англійскій рабочий, какъ извѣстно, не пользуется избирательнымъ правомъ, тогда какъ въ Германіи онъ имъ пользуется, а это право при всякихъ обстоятельствахъ представляетъ собою наибольшее политическое право, какимъ только можетъ пользоваться рабочий. Какъ онъ имъ воспользовался въ Германіи, къ добру или къ худу—это покажетъ будущее, а теперь объ этомъ можно судить различно; но что онъ понимаетъ, какое могучее орудіе дано ему въ руки—это ясно показали послѣдніе годы. Даже во внѣшности мы видимъ большую разницу. Я не замѣтилъ въ низшихъ англійскихъ классахъ — я подразумеваю при этомъ также и городскихъ ремесленниковъ — такой заботы о своей внѣшности, какую мы видимъ въ Германіи. Эти люди неизмѣнно носятъ рабочее платье, тогда какъ въ Германіи, а также и во Франціи, рабочий, когда онъ не одѣтъ въ рабочее платье, ничѣмъ не отличается отъ людей изъ высшихъ сословій. Онъ носитъ тонкій, хорошо сшитый сюртукъ, прекрасную рубашку, часы съ цѣпочкой. Во Франціи съ давнихъ уже поръ очень распространена блуза, самый демократическій нарядъ, какой только можно себѣ представить и который вообще чрезвычайно какъ соответствуетъ демократическимъ наклонностямъ этого народа. Но она отнюдь не составляетъ принадлежности рабочаго класса, и носится также въ деревнѣ, напримѣръ, и богатыми, хотя, конечно, поверхъ другого платья.

Вообще, разница между консервативнымъ и аристократическимъ духомъ, которымъ пронизаны въ Англіи всѣ классы населенія, и демократическимъ, отличающимъ Францію, бросается въ глаза. Я замѣтилъ этотъ контрастъ тотчасъ же, какъ вернулся изъ Англіи въ Дюнкеркень. Это было какъ разъ въ воскресенье. Въ Англіи вездѣ очень рѣдко увидишь солдата; они теряются въ массѣ населенія, и уже самый видъ ихъ, такъ какъ они одѣты въ болѣе нарядный мундиръ и всѣ безъ исключенія ходятъ по улицамъ съ тросточкой въ рукахъ, противорѣчитъ нашимъ континентальнымъ понятіямъ о вой-

скѣ. Какъ только корабль сталъ подходить къ Дюнكيرхену, такъ тотчасъ же на набережной можно было замѣтить толпу оборванныхъ солдатъ, которые производятъ совсѣмъ боевое впечатлѣніе, такъ какъ всѣ ходятъ въ сѣрой шинели. Въ городѣ есть большая, прекрасная площадь, названная въ честь морского героя Жана-Барта, и его статуя красуется по срединѣ ея. Въ каждомъ домѣ на этой площади помѣщается трактиръ или кофейня, и каждая набита биткомъ солдатами, крестьянами, рабочими, и между ними встрѣчаешь и офицеровъ. Каждый куритъ, каждый выпиваетъ свою кружку—пиво, кажется, завоевало себѣ теперь право гражданства во Франціи,—самые непринужденные и шумные разговоры ведутся всюду, и лишь тамъ и самъ увидишь болѣе степеннаго на видъ господина, полустыдливо прищипывшаго ленточку почетнаго легіона въ петлицу, хотя большинство французовъ, несмотря на весь свой демократизмъ, придаетъ ему большую цѣну. Короче сказать, здѣсь мы видимъ самый аркій типъ демократическаго и военнаго государства, тогда какъ по ту сторону канала государство организовано въ анти-демократическомъ духѣ и приспособлено исключительно къ мирнымъ цѣлямъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти замѣчанія я могъ сдѣлать лишь вскользь, и желаю, чтобы они служили введеніемъ къ тѣмъ немногимъ словамъ, которыя я намѣренъ посвятить событіямъ въ Германіи. Краткость этихъ словъ обуславливается благоразуміемъ, потому что если я не захочу вдаваться въ легкомысленныя пророчества, то рѣшительно не въ состояніи высказать никакого сужденія о вѣроятномъ исходѣ настоящей парламентской сессіи. Сессія, по всей вѣроятности, будетъ окончена тогда, когда уже появится ваша книжка, и я могъ бы попасться въ просакъ, предсказавъ мирный исходъ дѣла въ то время, какъ всѣ партіи одушевлены самымъ воинственнымъ духомъ, или наоборотъ. Сессія рейхстага открылась, какъ вамъ уже извѣстно, 9-го текущаго мѣсяца, и послѣ запроса о гибели „Великаго Курфюрста“, довольно успѣшно сбытаго съ рукъ, налета немедленно приступила къ своей главной задачѣ — къ законамъ противъ социалистовъ. Первое чтеніе продолжалось два дня, и князь Висмаркъ участвовалъ въ немъ. Результатомъ было, какъ это можно было предвидѣть, передача проекта въ комиссію — и эта комиссія вотъ уже дней восемь занимается имъ на долгихъ и обстоятельныхъ засѣданіяхъ, отнюдь не негласныхъ, такъ какъ члены рейхстага, не принадлежащіе къ комиссіи, могутъ присутствовать на засѣданіяхъ. Было бы слишкомъ долго приводить здѣсь въ подробности постановленія закона. Достаточно будетъ сказать, что правительству должны быть даны нѣкоторыя чрезвычайныя полномочія, чтобы сдерживать социальную демократію, — полномочія, касающіяся, главнымъ обра-

зомъ, права сходокъ и собраній — и печати. Правительство давно уже желало исключительнаго закона противъ социалистовъ, чтобы ограничить послѣднихъ, не затрогивая общихъ политическихъ вольностей. Противъ этого либеральная партія возражала, что невозможно съ точностью опредѣлить понятіе о социальной демократіи, и что можно поднести все, что угодно, подъ социалистическія стремленія — и что законъ, если его формулировать такимъ образомъ, будетъ направленъ не только противъ социаль-демократической, но также и противъ либеральной партіи. Это былъ главный пунктъ разногласія, о который разбился въ май законопроектъ. И во время избирательной борьбы вожди національ-либеральной партіи, равно какъ и прогрессивной, стояли на томъ, что борьба противъ социальной демократіи должна быть ведена лишь на основаніи общаго права, но не путемъ исключительныхъ законовъ, и если бы это воззрѣніе взяло верхъ и въ настоящей сессіи рейхстага, то намѣреніе правительства, конечно, претерпѣло бы фiasco и понадобилось бы вторичное раслушеніе парламента. Но въ моментъ собранія комиссіи выказался замѣчательный переворотъ во взглядахъ — и самый ожесточенный противникъ исключительнаго закона въ средѣ національ-либеральной партіи, Ласкеръ, перешелъ въ принципъ на сторону правительства и пожелалъ лишь измѣнить проектъ. Принятія статьи прошли очень значительнымъ большинствомъ голосовъ, а именно тринадцатью противъ восьми — въ комиссіи, насчитывавшей двадцать-одинъ членъ, т. е. всѣ національ-либеральные и консервативные члены комиссіи соединились противъ центра и прогрессивныхъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ все ждали, что въ средѣ національ-либеральной произойдетъ расколъ и она распадется на правое и лѣвое крыло, и что, благодаря этому, судьба законопроекта, какъ въ комиссіи, такъ и позднѣе — въ засѣданіяхъ „in plenum“ — будетъ зависѣть отъ ничтожнаго колебанія въ отношеніяхъ партій. Что произвело перемѣну во мнѣніяхъ Ласкера и его друзей — перемѣну, естественно привлекающую на него самые ожесточенные упреки со стороны прогрессивныхъ — это никому неизвѣстно; по всей вѣроятности, главная причина тутъ въ политическихъ соображеніяхъ. Националь-либеральная партія не могла не сознавать, что въ цѣломъ она необыкновенно какъ неудачно дѣйствовала во время послѣднихъ двухъ выборовъ, такъ какъ утратила почти одну треть своихъ членовъ, и весьма вѣроятно, что новое раслушеніе только ускорило бы процессъ ея распаденія. Съ точки зрѣнія здоровой политики, нельзя не согласиться, что для всякой партіи интересъ самосохраненія очень важенъ. Распаденіе національ-либеральной партіи на правое и лѣвое крыло было бы гибелью для этой партіи; ея слишкомъ де-

сяти-лѣтняя исторія на этомъ бы и покончилась. Отъ этого конца желаютъ уберечь ее вожди, и я полагаю, что это имъ удастся. Само собой разумѣется, что дѣло не обойдется безъ скандала, какъ это уже было по случаю компромисса въ дѣлѣ судебныхъ законовъ, и прогрессивная партія, наиболѣе дружившая съ національ-либеральной во время выборовъ, станетъ опять жестоко нападать на нее, чтобы, въ концѣ-концовъ, все-таки уступить, если только не встрѣтятся какія-нибудь непредвидѣнные затрудненія, что опять возможно, такъ какъ придется еще спорить о томъ, какому элементу дать перевѣсъ въ порядкѣ инстанцій: судебному или административному.

Я желалъ бы при этомъ указать вниманію слѣдующее обстоятельство. Со времени созванія рейхстага правительственные и консервативные органы очень дружелюбно относятся къ національ-либеральной партіи; избирательная борьба съ ея рѣзкостями какъ будто бы канула въ Лету. Національ-либералы не платятъ неблагодарностью, и въ ихъ органахъ не только отмѣчается это дружелюбіе, а также и любезное заигрыванье князя Бисмарка, вызывающее сильное удивленіе. Но я полагаю, что уже раньше достаточно освѣтилъ всѣ отношенія. Князь Бисмаркъ даже и послѣ покушенія 2-го іюня вовсе не поклялся непримиримой враждой къ національ-либеральной партіи и совсѣмъ и не помышлялъ выжить ее изъ числа народныхъ представителей, но желалъ только сдѣлать ее уступчивѣе, чего можно было достигнуть, только ослабивъ ея ряды и усиливъ ряды обѣихъ консервативныхъ партій. Этого достигли путемъ избирательной борьбы, и сколько бы ни искажали фактовъ въ интересахъ партій и ихъ предвзятыхъ идей, а несомнѣнно то, что князь Бисмаркъ вполне достигъ своихъ цѣлей. Если удастся провести законъ—а правительство готово сдѣлать очень значительныя уступки—то это будетъ лишь благодаря тому, что національ-либеральная партія, вмѣстѣ съ двумя другими консервативными партіями, образуетъ большинство — и въ этомъ случаѣ получится весьма внушительное большинство. Такое большинство всегда составляло дѣлъ князя Бисмарка, и партія, стоящая всего ближе къ нему, — имперская, въ которую теперь вступилъ и его сынъ, очень искусно склонялась то влѣво—къ національ-либераламъ, то вправо — къ нѣмецкимъ консерваторамъ, чтобы произвести это сближеніе. Когда иностранная пресса напираетъ на то, что, благодаря непослѣдовательному образу дѣйствій національ-либеральной партіи, компрометируется дѣло свободы — скорѣе, впрочемъ, въ теоріи, нежели на практикѣ — то при этомъ она упускаетъ изъ виду, что этотъ вредъ, если только онъ дѣйствительно произойдетъ, съ избыткомъ искупается великимъ преобразо-

ваніемъ, которому подвергнется крайняя консервативная партія. Дѣтъ пятнадцать тому назадъ эта партія была вполнѣ враждебна конституціи, а теперь въ ея рядахъ можно уже по пальцамъ перечесть противниковъ конституціи. Въ значительной массѣ она стала настоящей парламентской и конституціонной партіей, и это обезпечиваетъ свободное развитіе государства. Вопросы же: дѣйствительно ли теперешнее правительство реакціонно,—я не стану здѣсь касаться. Замѣчу только одно, что въ послѣдней своей большой рѣчи Бисмаркъ снова высказался самымъ категорическимъ образомъ за удержаніе права всеобщей подачи голоса, которое въ свое время даже прогрессивной партіей было принято весьма неохотно, и которое и по сіе время не пользуется симпатіями не только консерваторовъ, но и умѣренныхъ либераловъ.

Это заступничество за всеобщую подачу голоса смягчаетъ даже борьбу съ социаль-демократами, потому что, какіе бы удары ни разразились теперь надъ соціальной демократіей, она не можетъ забыть, что, благодаря прозорливости князя Бисмарка, она все-таки удержитъ свое высшее политическое право.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/21 сентября, 1876.

XLІ.

СОВРЕМЕННАЯ ВѢЖЬ.

На этотъ разъ я расскажу вамъ истинное происшествіе, позволю себѣ только измѣнить имена и нѣкоторыя обстоятельства, чтобы не задѣтъ справедливую щелотливость моихъ героевъ. Эта исторія въ мой взглядъ ярко характеризуетъ нашу эпоху, наше постоянно возрастающее уваженіе къ силѣ и ловкости. Я надѣюсь, что она заинтересуетъ васъ болѣе, нежели любая хроника, которую я могъ бы прислать вамъ изъ центра Парижа, гдѣ царствуетъ въ настоящую минуту самая нестерпимая суета.

I.

Комната, которую занималъ Александръ Нантасъ, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, по приѣздѣ изъ Марселя, была расположена въ самомъ верхнемъ этажѣ дома улицы Лилль, рядомъ съ отелемъ барона Довиллье, члена государственнаго совѣта. Этотъ домъ принадлежалъ барону; онъ выстрѣлилъ его на старинной общинной землѣ. Александръ, высунувшись изъ окна, могъ видѣть уголокъ сада, окружавшаго отель, гдѣ росли великолѣпныя деревья. Вдали, за зелеными верхушками деревь, открывался видъ на Парижъ, мелькали воды Сены, Тюльери, Лувръ, вереница набережныхъ, цѣлое море крышъ вплоть до самыхъ дальнихъ bosquets Pàre-Lachaise.

То была тѣсная комната, съ покатымъ, какъ бываетъ въ мансардахъ, потолкомъ, съ окномъ, пробитымъ въ черепицахъ. Александръ поставилъ тамъ кровать, столъ и стулъ. Онъ остановился тутъ по приѣздѣ въ Парижъ, гонимый за дешевизной и порѣшивъ не разставаться съ комнатой до тѣхъ поръ, пока не найдетъ себѣ какого-нибудь мѣста. Ободранные обои, закопченный потолокъ, нищенскій видъ этого помѣщенія, гдѣ не было печи, его не пугали. Укладывался спать напротивъ Лувра и Тюльери, онъ сравнивалъ себя съ генераломъ, ночующимъ въ какой-нибудь жалкой харчевнѣ на большой дорогѣ, въ виду богатаго и громаднаго города, который ему предстоитъ взять на-завтра приступомъ.

Исторія Александра Нантаса коротка. Родившись въ семьѣ одного марсельскаго каменщика, онъ учился въ лицей этого города, благодаря честолюбивой нѣжности своей матери, мечтавшей, что ея сынъ будетъ „господиномъ“. Родители лишили себя послѣдняго, чтобы провести его въ бакалавры. Затѣмъ мать умерла; Нантасу пришлось принять мѣсто съ незначительнымъ жалованьемъ у негоціанта, и въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ онъ влачилъ однообразное существованіе, выводившее его изъ себя. Онъ давно бы уѣхалъ въ Парижъ, если бы сыновнія обязанности не приковывали его къ Марселю: его отецъ, упавъ съ лѣсовъ, не могъ больше двигаться съ мѣста. Александръ долженъ былъ содержать его. Но въ одинъ вечеръ, вернувшись домой, онъ нашелъ каменщика мертвымъ; трубка, еще не успѣвшая потухнуть, лежала воалѣ него. Три дня спустя, онъ сколотилъ нѣсколько донжонковъ отъ продажи своего имущества и уѣхалъ въ Парижъ съ двумя-стами франками въ карманѣ.

Нантасъ наследовалъ отъ матери упрямое честолюбіе. То былъ человѣкъ смѣлый, рѣшительный и хладнокровно настойчивый. Еще юношей онъ говорилъ про себя, что онъ—сила. Надъ нимъ часто

подсмѣивались, когда у него вырывались нечаянныя признанія и онъ повторялъ фразу: — Я сила! — фраза, казавшаяся потѣшной при видѣ его потертаго сюртука, расплывшагося по швамъ и съ короткими рукавами. Мало-по-малу онъ составилъ себѣ религію изъ силы; только ей одной поклонился онъ — и былъ убѣжденъ, что сильныя равно или поздно бываютъ побѣдоносными. По его мнѣнію, достаточно было желать, чтобы достичь того, чего хочешь. Все остальное не важно. По воскресеньямъ, когда онъ гулялъ по спаленнымъ солнцемъ окрестностямъ Марселя, онъ сознавалъ себя гениемъ. Въ душѣ его жило какое-то инстинктивное стремленіе, толкавшее его впередъ и, вернувшись домой, онъ насыщался какимъ-нибудь картофелемъ вмѣстѣ съ своимъ малѣйшымъ отцомъ, твердо убѣжденный, что со временемъ сумеетъ пробыть въ обществѣ, гдѣ въ тридцать лѣтъ онъ еще ребенокъ. То не была никакая зависть, жажда грубыхъ наслажденій: то было весьма опредѣленное сознаніе ума недоужиннаго и энергической воли, сознаніе, что онъ не на своемъ мѣстѣ, и твердое намѣреніе спокойно занять должное мѣсто, по естественной силѣ логики.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Нантасъ воображалъ, что ему стоить только протянуть руку, чтобы найти положеніе, достойное его. Въ тотъ же самый день онъ пустился на поиски. Ему дали рекомендательныя письма, и онъ отнесъ ихъ по адресу. Кромѣ того, постучался въ дверь нѣсколькихъ земляковъ, чтобы попросить ихъ содѣйствія. Но прошелъ мѣсяць, а онъ еще ничего не имѣлъ: время неудобное, говорили ему; впрочемъ, давали обѣщанія, но не держали ихъ. Между тѣмъ топшія копилки его опорожнялись; у него оставалось всего какихъ-нибудь двадцать франковъ. И на эти двадцать франковъ ему пришлось прожить еще мѣсяць, питаясь сухимъ хлѣбомъ, бѣгалъ по Парижу съ утра до ночи и возвращаясь по вечерамъ укладываться спать въ потемкахъ, взнемогая отъ усталости и все еще съ пустыми руками. Онъ не унывалъ; но глухая досада поднималась въ немъ. Судьба казалась ему нелогичной и несправедливой.

Разъ вечеромъ онъ вернулся голодный. Наканунѣ онъ покопился съ послѣднимъ кускомъ хлѣба. У него не было больше ни гроша, ни друга, который бы далъ ему взаимно грошъ. Дождь шелъ все день, сѣрый, парижскій дождь, пронизывающій холодомъ насквозь. Рѣки грязны текли по улицамъ. Нантасъ, промошенный до костей, ходилъ въ Берси, затѣмъ въ Монмартръ, гдѣ ему указали должности. Но въ Берси мѣсто было уже занято, а въ Монмартрѣ нашли, что у него почеркъ недостаточно красивъ. Такъ рухнули его послѣднія двѣ надежды.

Онъ готовъ былъ принять какое угодно мѣсто, убѣжденный, что

пробьетъ себѣ дорогу въ любой должности. Онъ просилъ сначала только куса хлѣба; возможности жить въ Парижѣ, почти, на которой бы онъ могъ выстроить камень за камень свое адамье. Отъ Монмартра до улицы Лилль онъ шелъ шагомъ; сердце его кипѣло отъ горечи. Дождь пересталъ; ослабевшая толпа толкала его на тротуарахъ. Онъ остановился на нѣсколько минутъ передъ лавой мѣнялы: какихъ-нибудь пяти франковъ было бы ему достаточно, быть можетъ, для того, чтобы со временомъ овладѣть всѣми этими людьми, который теперь такъ грубо толкаетъ его; съ пятью франками можно прожить недѣлю, а въ недѣлю можетъ много случиться. Пока онъ мечталъ такимъ образомъ, пробѣгающая мимо карета забрызгала его грязью съ головы до ногъ, и онъ долженъ былъ вытереть лобъ, покрытый грязью. Тогда онъ пошелъ быстро, стиснувъ зубы и испытывая сильное желание налетѣть съ кулаками на эту толпу, загораживающую улицы; ему казалось, что онъ вынесетъ на ней такимъ образомъ неволю судьбы. Въ улицѣ Ришелье оминулъ чуть было не раздавилъ его. Посреди площади Карусала онъ поглядѣлъ на Тюльери глазами, ступающими завистливою стезей. На мосту св. Отцовъ маленькая дѣвочка, которую вела за руку нянька, заставила его посторониться, и это показалось ему веркомъ униженія; даже дѣти мѣшаютъ ему идти своей дорогой: мостовая всѣмъ принадлежитъ, крѣмъ его! Когда онъ добралъ, наконецъ, до своей комнаты съ крайнимъ усиліемъ рваного звѣря, преслѣдуемаго сворой собакъ, онъ тяжело опустился на стулъ и заперъ, уставясь на свои панталоны, пропитанные грязью, и на двѣнадцать башмаки, отъ которыхъ образовалась на полу щѣлая лужа.

На этотъ разъ все кончено. Александръ Нантасъ спрашивалъ себя, какимъ способомъ онъ убьетъ себя. Ему казалось всего достойнѣе ураздниться. Гордость его нисколько не подалась, и онъ считалъ, что самоубійствомъ своимъ накажетъ Парижъ. Быть силой, сознавать въ себѣ недюжинныя способности и не найти человѣка, который бы васъ угадалъ, который бы далъ вамъ нервный франкъ, въ которомъ вы нуждаетесь—ему казалось это чудовищной глупостью, и все его существо возмущалось отъ презрѣнія. Затѣмъ въ немъ просыпалась какъ-бы необычная жалость при видѣ своихъ беззащитныхъ рукъ. А между тѣмъ никакое дѣло не испугало бы его; кончивомъ мизанца онъ бы приходилъ: мѣръ; и вотъ онъ вагнанъ въ уголь, связанъ по рукамъ и по ногамъ, доведенъ до безсмія, точно левъ, запертый въ клеткѣ. Онъ умираетъ въ полномъ цѣлѣ силъ—и страшный ропотъ овладѣвалъ имъ минутомъ; его довели до крайности, и онъ зубами прогрызетъ себѣ дорогу. Но затѣмъ онъ успокоился; ему казалось достойнѣе умереть. Ему сказывали,

когда онъ былъ ребенкомъ, исторію одного изобрѣтателя, построившаго удивительную машину и разбишаго ее малоткомъ при видѣ равнодушія, съ каковымъ всѣ къ ней относились. Итакъ! онъ будешь этимъ человекомъ; онъ принесъ въ самомъ себѣ новую силу, равную машинѣ по уму и волѣ—и вотъ онъ уничтожить эту машину, разбивъ себѣ голову объ машину.

Солнце заходило за высокія деревья отеля Довиллье; осеннее солнце и подъ его горячими лучами пожелтѣвшіе листья отливали волотомъ. Александръ Нантесъ всталъ, точно притянутый прощальными лучами свѣтла. Онъ долженъ умереть, и ему нуженъ свѣтъ. Онъ наклонился изъ окна. Часто подъ деревьями, въ аллеѣ, онъ видалъ молодую блондуру дѣвушку, очень высокаго роста, съ горделивой осанкой, расхаживавшую какъ царица. Онъ говорилъ себѣ, что, вѣроятно, это дочь барона Довиллье, но вообще она несколько его не интересовала. Онъ не былъ романтиченъ и перажилъ уже тѣ годы, когда юноши мечтаютъ въ мансардахъ о свѣтскихъ дѣвицахъ, дарящихъ имъ свою любовь и свои милліоны. Отчаянная житейская борьба поглотила его. И вотъ въ эту послѣднюю минуту своей жизни онъ вдругъ вспомнилъ про эту красивую и гордую блондуру дѣвушку.

Первая мысль его была, что онъ не выбросится въ это окно. Она, быть можетъ, гуляетъ въ саду. Онъ не хотѣлъ испугать ее, не хотѣлъ, чтобы она видѣла его агонію. Два или три раза она поднимала глаза вверхъ, но, повидному, не видѣла его. А какъ зовутъ ее? Но вдругъ онъ ахнулъ дулаки—и почувствовалъ ненависть къ этой богатой дѣвушкѣ, къ этому большому саду, къ этому отелю, къ полуоткрытымъ окнамъ котораго, передъ глазами его, мелькала строгая роскошь обстановки, и пробормотать въ перивъ ярости:

— О! я готовъ продать себя! продать себя, лишь бы мнѣ дали первые пять фрайковъ, которые послужатъ основаніемъ моего будущаго богатства!

Мысль о томъ, чтобы продать себя, завила его съ минуту. Если бы существовало такое *Mont-de-Piété*, гдѣ бы давали деньги всаими подъ залогъ свинъ, золн и шерстянъ, онъ немедленно пошелъ бы туда заложить самого себя. Онъ придумывалъ различныя сделки: политическія дѣятели подвупалъ его, чтобы сдѣлать его своимъ орудіемъ; банкиръ приглашалъ его, чтобы пользоваться его умомъ, и онъ говорилъ себѣ, что пойдетъ на все, потому что честь—пустое слово, и достаточно быть сильнымъ, чтобы восторжествовать въ концѣ концовъ. Затѣмъ, онъ улыбнулся. Ему показалось ребячествомъ мечтать такимъ образомъ. Развѣ представляется случай продать себя? Есть мошенники, которые стергутъ случай и умираютъ съ голоду, не сталкиваясь

никогда съ людьми, которымъ бы понадобилось думать въ. Онъ побоялся быть трусомъ—и сказалъ себѣ, что придумываетъ уловки. И снова сѣлъ, нечаявшись, что выбросится изъ окна съ лѣстницы, когда наступитъ ночь.

Но усталость его была такъ велика, что онъ заснулъ на стулѣ. Вдругъ его разбудилъ шумъ голосовъ и яркій свѣтъ. Привратница ввела къ нему даму, одѣтую въ черное.

— Вотъ, сударь,—сказала она,—эта дама желаетъ васъ видѣть.

И, видя, что у него нѣтъ свѣчи въ комнатѣ, оставила ту, съ которой пришла. Она, повидному, знала особу, которую привела съ собой, и обращалась съ ней очень льстиво, хотя и фамильярно.

— Вотъ,—сказала она, уходя,—говорите на завтра, никто вамъ не помѣшаетъ.

Наутро, взошедшій со стула, съ величайшимъ удивленіемъ глядѣлъ на даму. Она приподняла черную вуалетку съ лица. То была особа лѣтъ сорока-пяти, маленькаго роста, очень толстая, съ лицомъ безцвѣтнымъ и незначительнымъ, какъ у кукуи. Онъ ее никогда не видывалъ—и въ цѣломъ Парижѣ у него не было ни одной знакомой дамы, которая бы могла придти къ нему, съ наступленіемъ ночи. Онъ предложилъ ей свой единственный стулъ и вопрошалъ ее взглядомъ. Она назвала себя.

— Я мадемуазель Шуень.. Я пришла переговорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ.

Ему пришлось сѣсть на край кровати. Имя мадемуазель Шуень ничего ему не объяснило. Онъ рѣшился подождать, чтобы она высказалась. Но она не торопилась; она оглядывала тѣсную мансарду, и какъ будто придумывала, съ чего начать бесѣду. Наконецъ, она заговорила очень ласковымъ голосомъ, сопровождая улыбкой свои медовныя фразы:

— Я пришла, какъ другъ... Миѣ дали о васъ самыя трогательныя свѣдѣнія. Пожалуйста, не подумайте, что я шпиюнила за вами. Во всемъ этомъ играть роль самое дружеское участіе. Я знаю, какъ жизнь была тяжка для васъ до сихъ поръ, съ какою мужествомъ вы боролись, чтобы найти себѣ мѣсто и какая неудача сопровождала всѣ ваши усилія... Еще разъ—простите меня за то, что я вторгаюсь въ вашу жизнь. Возьму вамъ, что только симпатія...

Наутро не перебивалъ ее, охваченный любовнымъ восторгомъ, говоря себѣ, что, вѣроятно, привратница сообщила всѣ эти свѣдѣнія. Дама продолжала свои объясненія и становилась все любезнѣе и любезнѣе.

— Васъ ждетъ великая будущность. Я знаю смѣлость прослѣдить за вашими помыслами и была очень неравна вашей похвалѣ.

ней твердостью въ несчастіи. Словомъ, мнѣ кажется, что вы далеко пойдете, если кто-нибудь протянетъ вамъ руку помощи.

Она опять умолкла. Она ждала, чтобы онъ заговорилъ въ свою очередь. Нантасъ подумалъ, что эта дама пришла предложить ему мѣсто. Онъ отвѣчалъ, что приметъ всякое. Но она стала теперь откровеннѣе. Она, не обинюясь, спросила его:

— Согласны ли бы вы были жениться?

— Жениться! — вскричалъ Нантасъ, улыбаясь: — Боже мой! да кто же пойдетъ за меня? Какая-нибудь бѣдная дѣвушка, которую мнѣ почтѣе было бы кормить.

— Нѣтъ, молодая дѣвушка, очень красивая, очень богатая, съ большими связями, которая сразу дастъ вамъ въ руки средства достигнуть самаго высокаго положенія въ свѣтѣ.

Нантасъ больше не смѣялся. Онъ поблѣднѣлъ, руки его слегка дрожали.

— Какія же условія этой сдѣлки? — спросилъ онъ, инстинктивно понижая голосъ.

— Эта молоденькая дѣвушка беременна, и надо признать ея ребенка, — отвѣчала мадемуазель Шуенъ безъ всякихъ околнчностей, отбросивъ свои медовыя фразы.

Онъ молчалъ. Первымъ движеніемъ его было выгнать ее за дверь. Но онъ подумалъ, что онъ въ такомъ положеніи, когда слѣдуетъ все выслушать.

— Вы предлагаете мнѣ низость, — пробормоталъ онъ.

— О, гдѣ же низость! — вскричала мадемуазель Шуенъ, снова обрѣтая свой медовый голосъ, — я не допускаю этого гадкаго слова... Истина заключается въ томъ, что вы спасете кѣлую семью отъ отчаянія. Отецъ ничего не знаетъ, беременность еще не очень замѣтна; и мнѣ пришло въ голову поскорѣе выдать замужъ бѣдную дѣвушку, представивъ мутна какъ отца ребенка. Я знаю отца; онъ умеръ бы отъ горя. Моя комбинація ослабитъ ударъ, онъ повѣритъ въ исцеленіе... Вѣда въ томъ, что настоящій соблазнитель — женить. О, есть мужчины совсѣмъ, совсѣмъ безнравственныя...

Она могла бы долго продолжать въ этомъ тонѣ. Нантасъ ее не слушалъ. Къ чему сталъ бы онъ отказываться отъ сдѣлки? Вѣдь онъ только-что мечталъ о томъ, чтобы продать себя? Ну, вотъ, пришли его жунить! Правда, что ему не приходила въ голову такая позорная сдѣлка; это превзошло его ожиданія. Но этотъ низовъ общественнымъ приличіемъ подѣйствовалъ на него, какъ ударъ бича. Онъ показался, что можетъ совершить умъ человѣчскій. Къ тому же, онъ выполнялъ честно свои обязательства. Долгъ клятежомъ крестить. Онъ дастъ свое имя, ему дадутъ положеніе въ свѣтѣ. Это такой же

договоръ, какъ и всякій другой. Да у него нѣтъ и выбора; онъ поглядѣлъ на свои панталоны, забрызганныя парижскою грязью, и почувствовалъ, что не ѣлъ со вчерашняго дня; вся досада, накопившаяся въ его сердцѣ за два мѣсяца бесполезной бѣготни и униженія, вдругъ проснулась въ немъ. Наконецъ-то онъ наступитъ пятой на этотъ мѣръ, который оттапливалъ его и подвигалъ на самоубійство.

— Я согласенъ,—прямо заявилъ онъ.

Затѣмъ потребовалъ отъ мадемуазель Шуень точныхъ объясненій. Чего требуетъ она за свое посредничество? Она стала отпѣкиваться, говорить, что она ничего для себя не хочетъ! Однако объявила въ концѣ-концовъ, что желаетъ получить двадцать тысячъ франковъ изъ той суммы, которую ему выдадутъ. И такъ какъ онъ не торговался, то стала откровеннѣе.

— Послушайте, это я подумала о васъ.

Молодая дѣвушка не стала отказываться, когда я назвала васъ... О! это дѣло выгодное, вы меня впоследствии поблагодарите. Я могла бы найти титулованнаго жениха, я знаю одного, который бы у меня ручки расцѣловалъ. Но я предпочла выбрать человѣка внѣ круга молодой дѣвушки. Это покажется болѣе романтическимъ... Къ тому же, вы мнѣ нравитесь, право, вы мнѣ нравитесь. Вы хороши собой. У васъ крѣпкая голова. О! вы далеко пойдете. Не позабудьте меня, я вамъ вполне предана.

До сихъ поръ фамилія дѣвушки не упоминалась. На вопросъ Нантаса, старая дѣва встала и сказала, снова рекомендуясь:

— Я, мадемуазель Шуень... Я живу у барона Довиллье со времени смерти баронессы, въ качествѣ гувернантки. Я воспитывала m-ле Флавію, дочь барона... Мадемуазель Флавія та самая молодая дѣвушка, про которую я говорила.

И ушла, деликатно положивъ на столъ конвертъ, въ которомъ заключался билетъ въ пятьсотъ франковъ. То былъ задатокъ, выданный ей Нантасу на первыя издержки.

Оставшись одинъ, Нантасъ подошелъ къ окну. Ночь была очень темна; можно было различить деревья только по сгустившейся тѣни; нѣсколько оконъ сверкали на темномъ фасадѣ отеля. Итакъ, это та самая высокая блондурая дѣвушка, которая прохаживалась точно царица и не удостоивала замѣчать его у окна. Не все ли равно—она или другая? Женщина въ этой сдѣлкѣ не играетъ роли. И вотъ Нантасъ взглянулъ на Парижъ, ровотавшій въ потемкахъ, на набережныя, на улицы лѣваго берега, освѣщаемыя колеблющимся пламенемъ газа—и у него вырвался крикъ, обращенный къ Парижу:

— Теперь ты мой!

II.

Баронъ Довилье находился въ маленькомъ салонѣ, служившемъ ему кабинетомъ—высокой комнатѣ, строгаго стиля, обтянутой кожей, съ старинной мебелью. Съ третьяго дня онъ былъ точно громомъ пораженъ исторіей про безчестіе дочери, которую м-ле Шуенъ ему рассказала. Сколько она ни смягчала обстоятельства дѣла, какъ ни подготавливала къ нему издалека, старикъ едва вынесъ ударъ—и только мысль, что соблазнитель предлагаетъ искупить вину еще поддерживала его. Въ это утро онъ ожидалъ посѣщенія этого человѣка, котораго совсѣмъ не зналъ и который съ такою наглостью отнималъ у него дочь. Онъ позвонилъ лакея.

— Жозефъ, ко мнѣ долженъ придти одинъ молодой человѣкъ, и вы его примете... Кромѣ его, отказывайте всѣмъ.

И, опершись головой на руку, онъ впадалъ въ горькое раздумье, сидя у камина въ одиночествѣ. Онъ, кажется, сынъ каменщика и безъ всякаго положенія въ свѣтѣ! Правда, мадемуазель Шуенъ говоритъ, что онъ человѣкъ способный; но какой позоръ для семьи, дотогѣ ничѣмъ незапятнанной! Флавія повинилась во всемъ, выродивъ м-ле Шуенъ. Послѣ этого тягостнаго объясненія, она сидѣла въ своей комнатѣ, и баронъ не хотѣлъ больше ее видѣть. Онъ желалъ, прежде чѣмъ простить ее, уладить это ужасное дѣло. Всѣ его распоряженія были сдѣланы. Но волосы его окончательно посѣдѣли, и голова его начала старчески трястись.

— Г-нъ Нантасъ!—доложилъ Жозефъ.

Свиданіе между отцомъ и мнимымъ соблазнителемъ было трагическое. Баронъ не всталъ съ мѣста. Онъ только повернулъ голову и пристально поглядѣлъ на Нантаса, подковырнаго къ нему. Этотъ послѣдній былъ настолько уменъ, что не увлекся желаніемъ одѣться въ новое платье съ головы до ногъ. Онъ купилъ черныя сюртукъ и панталоны, довольно еще чистыя, но сильно поношенныя, и это предавало ему видъ бѣднаго, но порядочнаго человѣка, а не искателя приключеній. Онъ невольно опустилъ глаза подъ взглядомъ старика, и, остановившись посреди комнаты, ждалъ, стоя, но одваго безъ униженнаго вида.

— Такъ это вы, сударь...—пролепеталъ старикъ.

Но не могъ продолжать, волненіе душило его, онъ боялся начать ворить рѣзкостей.

Помолчавъ съ минуту, онъ сказалъ:

— Милостивый государь, вы дурно поступили.

И такъ какъ Нантасъ собирался какъ будто бы оправдываться, продолжалъ съ силой:

— Да, дурно поступили... Я не хочу ничего знать, прошу васъ не объяснять мнѣ, какъ это могло случиться. Обстоятельства дѣла ничего не значатъ. Если бы даже моя дочь сама бросилась вамъ на шею, то и тогда вы были бы точно также неправы... Одни только воры врываются насильно въ дома.

Нантасъ снова опустилъ голову. Смущеніе входило въ его роль.

— У дочери моей богатое приданое, рѣзко продолжалъ баронъ Довиллье, соблазнить ее было выгодно, воспользоваться ея слабостью, а затѣмъ разыграть великодушнаго человѣка, готоваго испустить свою вину... Это приданое легко добыто; это западня, въ которую вы на вѣрное должны были поймать и дочь, и отца...

— Позвольте, милостивый государь...— перебилъ молодой человѣкъ, оскорбленный.

Но баронъ гнѣвно остановилъ его рукой.

— Что такое? что я долженъ вамъ позволить?.. Не вамъ со мной разговаривать. Я вамъ говорю только то, что долженъ высказать и что вы должны выслушать, такъ какъ пришли ко мнѣ, какъ виноватый... Вы меня оскорбили. Видите вы этотъ домъ; наша фамилія жила въ немъ въ продолженіи трехъ столѣтій незапятнанная; развѣ вы не видите, что здѣсь царитъ строгость нравовъ, вѣковая честность, традиція чувства собственного достоинства и самоуваженіе? И все это, милостивый государь, вы перевернули вверхъ дномъ, вы насъ обезчестили. Я чуть не умеръ отъ удара, который вы намъ нанесли — и вотъ теперь мои руки трясутся, точно я сразу постарѣлъ на десять лѣтъ... Молчите и слушайте меня.

Нантасъ очень поблѣднѣлъ. Право же, онъ принялъ на себя очень трудную роль. Онъ не ожидалъ, что обманъ, на который онъ пошелъ, навлечетъ на него такіе выговоры. Старикъ имѣлъ право такъ говорить съ нимъ. Но все же онъ не могъ удержаться и не протестовать. Онъ заговорилъ объ ослѣпленіи страсти.

— Я потерялъ голову, — пробормоталъ онъ, стараясь придумать романъ. — Я не могъ видѣть m-lle Флавію...

При имени дочери, баронъ всталъ съ угрозою, какъ-бы выростая отъ гнѣва.

— Молчите! — закричалъ онъ громовымъ голосомъ. — Я вамъ уже говорилъ, что ничего не хочу знать. Я не хочу слушать про ваши мерзости... Дочь ли моя бросилась вамъ на шею, или вы сами увлекли ее — это до меня не касается. Я у нея ничего не спрашивалъ и у васъ не спрашиваю. Оставьте свои признанія при себѣ, это — грязь,

до которой я не желаю касаться.. Для меня ваша вина не смягчится.

Онъ усѣлся, дрожащій, въ истощеніи. Нантасъ поклонился, глубоко смущенный, несмотря на то, что отлично владѣлъ собой. Послѣ нѣкотораго молчанія старикъ продолжалъ уснокованнымъ голосомъ, холоднымъ тономъ человѣка, говорящаго о дѣлѣ.

— Прошу извинить мою вспыльчивость, милостивый государь. Я общалъ себѣ быть хладнокровнымъ. Не вы въ моей власти, а я въ вашей, такъ какъ я отъ васъ завишу. Вы пришли сюда, чтобы предложить мнѣ сдѣлку, ставшую необходимой. Договоримся, милостивый государь.

И тутъ онъ заговорилъ какъ стряпчій, улаживающій полюбовно какую-нибудь грязную тяжбу, къ которой приступаетъ лишь съ отвращеніемъ. Вся его особа выражала это отвращеніе. Видно было, что онъ спѣшилъ покончить съ этимъ. Онъ говорилъ:

— М-ше Флавіа Довилль наследовала по смерти матери сумму въ двѣсти тысячъ франковъ, которая должна была быть ей выдана въ день свадьбы, на этой суммѣ—въ двѣсти тысячъ франковъ—наросли проценты. Вотъ, впрочемъ, мой опекунскій отчетъ, который я желаю сообщить вамъ.

Онъ взялъ бумаги на своемъ бюро и старательно читалъ цифры. Нантасъ тщетно пытался остановить его. Онъ совсѣмъ растрогался при видѣ этого честнаго и прямого старика. Идеи его о сильномъ человѣкѣ поколебались, онъ находился подъ обаяніемъ нравственной силы, которую всегда отрицалъ. Баронъ казался ему очень великъ теперь, когда онъ былъ спокоенъ.

— Словомъ,—заклучилъ тотъ,—я признаю въ контрактѣ, который составилъ сегодня утромъ мой нотаріусъ, за вами состояніе въ двѣсти тысячъ франковъ. Я знаю, что у васъ ничего нѣтъ. Вы получите двѣсти тысячъ франковъ отъ моего банкира на другой день свадьбы.

— Но,—замѣтилъ Нантасъ,—я не прошу у васъ денегъ, я прошу только руку вашей дочери.

Баронъ холодно перебилъ его.

— Вы не вправѣ отказываться отъ денегъ, дочь моя не можетъ выдти замужъ за человѣка, который бѣднѣе ея.. Я вамъ отдаю приданое, предназначенное ей,—вотъ и все. Я знаю, что вы рассчитывали, быть можетъ, на болѣе значительную сумму, но меня считаютъ богаче, чѣмъ я есть въ дѣйствительности.

И такъ какъ молодой человѣкъ молчалъ, раздавленный этимъ послѣднимъ ироническимъ замѣчаніемъ, баронъ положилъ конецъ свиданію, призвавъ Жозефа и отдавъ ему слѣдующій приказъ.

— Жозефъ,—скажите мадемуазель Флавіи,—что я прошу ее придти немедленно въ мой кабинетъ.

Онъ всталъ и, не говоря больше ни слова, сталъ медленно ходить по комнатѣ. Нантасъ стоялъ и молчалъ. Онъ обманывалъ старика и чувствовалъ себя ничтожнымъ и безсмысленнымъ передъ нимъ.

Наконецъ, вошла Флавія.

— Дочь моя,—сказалъ баронъ,—вотъ этотъ человѣкъ. Свадьба произойдетъ въ законный срокъ.

И ушелъ, оставивъ ихъ однихъ, какъ будто бы для него бракъ уже былъ заключенъ. Нантасъ и Флавія поглядѣли другъ на друга. Они еще не видѣлись. Она показалась ему красавицей, съ блѣднымъ и надменнымъ лицомъ, и большими, сѣрыми глазами, глядѣвшими прямо и смѣло. Быть можетъ, она проплакала тѣ три дня, какъ сидѣла въ своей комнатѣ, но этого не было замѣтно. Она первая заговорила.

— Итакъ, это дѣло рѣшенное.

— Да,—отвѣчалъ Нантасъ просто.

Она невольно презрительно скривила губы, оглядывая его съ головы до ногъ, какъ-бы лица въ немъ выраженія низости его души.

— Ну, такъ тѣмъ лучше,—отвѣтила она,—я боялась, что никого не найду, кто бы согласился на такую сдѣлку.

Нантасъ услышалъ въ ея голосѣ то презрѣніе, съ какимъ она его третировала. Но онъ воднялъ гордо голову. Если онъ дрожалъ передъ отцомъ, сознавая, что обманываетъ его, то намѣревался быть твердымъ и непоколебимымъ съ дочерью, въ которой видѣлъ сообщника. Ее-то ужъ онъ несколько не боялся. Съ ней онъ чувствовалъ себя прежнимъ сильнымъ человѣкомъ.

— Извините, сударыня,—началъ онъ спокойно, но очень вѣжливо:—мнѣ кажется, что вы не такъ понимаете положеніе, въ какое насъ ставитъ то, что вы весьма справедливо называете сдѣлкой. Я желаю, чтобы мы уже съ сегодняшняго дня стояли на равной ногѣ...

— Вотъ какъ!—перебила Флавія съ презрительной улыбкой.

— Да, на совершенно равной ногѣ... Вамъ нужно имя, чтобы прикрыть проступокъ, который я не позволяю себѣ осуждать—и я вамъ даю мое имя. Съ своей стороны, мнѣ нуженъ капиталъ, нужно известное общественное положеніе; чтобы совершить задуманное мною, результатъ чего вы увидите впоследствии, и вы мнѣ доставляете капиталъ; и то положеніе, въ какомъ я нуждаюсь. Отнынѣ мы два компаньона, имущество которыхъ равно, и которыхъ остается только благодарить другъ друга за услугу, которую они взаимно оказываютъ.

Она не смѣялась больше. Складка оскорбленной гордости недви-

лась у ней на лбу. Но она ничего не отвѣтила. Послѣ минутнаго молчанія, она спросила:

— Вы знаете мои условія?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Нантасъ, не измѣняя своему спокойствію. Сблаговолите высказать ихъ—и я заранѣе говорю, что согласенъ.

Тогда она высказалась ясно, безъ колебанія и краски стыда:

— Вы будете моимъ мужемъ только по имени. Мы будемъ жить вполне самостоятельной и независимой жизнью. Вы откажетесь отъ всякихъ правъ на меня, а я не буду имѣть никакихъ обязанностей относительно васъ.

На каждую фразу Нантасъ утвердительно кивалъ головой. Это было какъ разъ то, чего онъ самъ желалъ. Онъ прибавилъ:

— Если бы я считалъ нужнымъ быть любезнымъ, то сказалъ бы вамъ, что эти жестокія условія приводятъ меня въ отчаяніе. Но мы сошлись здѣсь не для того, чтобы говорить другъ другу приторные комплименты. Я очень радъ, что вы такъ отлично понимаете наши взаимныя отношенія. Мы вступаемъ въ жизнь по тропинкѣ, на которой не растутъ цвѣтотъ... Я прошу отъ васъ только одного, чтобы вы пользовались свободой, предоставляемой мною вамъ, такъ, чтобы мое вниманіе не стало необходимо.

— Милостивый государь!—рѣзко перебила Флавія, гордость которой возмущалась.

Но онъ почтительно поклонился, умоляя ее не сердиться. Ихъ положеніе щекотливо, и они должны поэтому допустить нѣкоторыя намеренія, безъ которыхъ соглашеніе становится невозможнымъ. Онъ болѣе не настаивалъ. М-ле Шуенъ при вторичномъ свиданіи передалъ ему исторію паденія Флавіи. Соблазнителемъ ея былъ нѣкій де-Фондеттъ, мужъ ея пансіонской подруги. Она провела мѣсяць у нихъ въ деревнѣ, и въ одинъ прекрасный вечеръ очутилась въ объятіяхъ де-Фондетта, сама не понимая, какъ это случилось. М-ле Шуенъ толковала про насиліе. Нантасъ, однако, выказалъ больше свѣтлицизма. Но тутъ имъ вдругъ овладѣло дружелюбное чувство. Какъ всѣ люди, сознающіе свою силу, онъ умѣлъ быть добродушнымъ.

— Послушайте, — вскричалъ онъ, — мы не знаемъ другъ друга, но было бы право недѣлю, если бы мы ни съ того, ни съ сего возобновили другъ друга. Мнѣ кажется, что мы можемъ понять другъ друга... Я вижу, что вы меня презираете, но это потому, что вы меня не понимаете, вы не знаете цѣли, къ которой я стремлюсь.

И онъ сталъ говорить съ жаромъ, рассказывая свою исторію, передавъ всю свою жизнь, снѣдаемую честолюбіемъ въ Марселѣ, объяснилъ бѣшенство, въ какое привели его два мѣсяца безплодныхъ поисковъ въ Парижѣ. Онъ умералъ съ голоду, когда мадемуазель

Шуенъ пришла его соблазнять. Затѣмъ онъ высказывалъ самое безусловное презрѣнiе къ тому, что онъ называлъ предразсудкомъ, въ условнымъ формамъ, въ которыхъ путаются дюжинные люди. Что за дѣло до мнѣнiя толпы, когда попираешь ее ногами. Надо стать выше толпы,—дотъ и все. Всомогущество все извннжаетъ. И въ широкихъ чертахъ онъ набросалъ ей свой путь къ величiю, какого онъ достигнетъ. Онъ больше не боится никакого препятствiя; сила все преодоливаетъ. Онъ будетъ силенъ, онъ будетъ счастливъ.

— Не считайте меня мелкимъ сребролюбомъ,—объяснялъ онъ.— Я продаю себя не за ваши деньги. Я беру ваши деньги только какъ средство добиться вершины земного величiя... О! если бы вы знали, какiя силы бушуютъ во мнѣ, если бы вы знали, какiя глугiя ночи проводилъ я, преслѣдуя все ту же граву славы, разрушаемую съ наступленiемъ дня дѣйствительностью, вы, быть можетъ, съ гордостью оперлись бы на мою руку, говоря себѣ, что доставляете мнѣ средства пробить себѣ дорогу!

Она слушала его не шевелясь; ни одна черта ея лица не измѣнилась. А онъ вопрошалъ себя о томъ, надъ чѣмъ, уже три дня тѣтено ломалъ голову: не замѣтила ли она его у себя, что такъ быстро согласилась на проектъ m-lle Шуенъ, когда та назвала его? Она казалась ему непонятной и непроходимой. Ему пришла вдругъ странная мысль въ голову, что, быть можетъ, она полюбила бы его романтической любовью, если бы онъ съ негодованiемъ отвергъ предложенiе, сдѣланное ему гувернанткой.

Онъ умолекъ, а Флэвiя оставалась такой же застывшей. Затѣмъ какъ будто бы она не слышала его иссвѣди,—сухо проговорила:

— Итакъ, вы будете моимъ мужемъ только по имени, мы будемъ жить независимой жизнью и пользоваться безусловной свободой.

Нантасъ немедленно принялъ церемонный тонъ и сухой голосъ челоуѣка, толкующаго о дѣлахъ.

— Это рѣшено и подписано.

И ушелъ, недовольный собою. Какъ могъ онъ уступить дурацкому желанiю убѣдить эту женщину? Она очень хороша собой; лучше, если бы между ними не было ничего общаго, потому что она могла бы стѣснить его въ жизни.

III.

Прошло десять лѣтъ. Однажды утромъ Александръ Нантасъ наоидился въ кабинетъ, гдѣ баронъ Домидье нѣкогда такъ рѣчно общелся съ нимъ, во время днхъ чернаго свиданья. Теперь этотъ кабинетъ былъ его собственнiй; баронъ помирился съ дочерью и съ

затѣмъ, и уступилъ имъ отелъ, оставивъ себѣ только отдѣльный флигель, расположенный на другомъ концѣ сада и выходящій на улицу Бонъ. Въ десять лѣтъ Нантасъ завоевалъ себѣ очень видное положеніе въ финансовомъ и промышленномъ мірѣ. Участвуя во всѣхъ крупныя желѣзнодорожныя предпріятія, во всѣхъ земельныя спекуляціяхъ, отжѣтившихъ первые годы имперіи, онъ быстро составилъ громадное состояніе. Но его честолюбію этого было мало: онъ хотѣлъ играть политическую роль, и за два года передъ тѣмъ избранъ былъ депутатомъ въ одномъ департаментѣ, гдѣ у него было обширное помѣстье. Немедленно по вступленіи въ законодательный корпусъ, онъ сталъ въ положеніе будущаго министра финансовъ. Благодаря своимъ спеціальнымъ знаніямъ, своему краснорѣчію и ловкому везенію, онъ съ каждымъ днемъ начиналъ играть все болѣе и болѣе видную роль. Онъ заявлялъ о безусловной преданности имперіи, придерживаясь при этомъ личныхъ теорій въ дѣлѣ финансовъ, теорій, надѣлавшихъ много шума и очень занимавшихъ императора, какъ ему было извѣстно.

Въ это утро Нантасъ былъ заваленъ дѣломъ. Въ обширныхъ комнатахъ, устроенныхъ имъ въ нижнемъ этажѣ отела, царствовала необыкновенная дѣятельность. Цѣлый міръ служащихъ, за рѣшетками, сновали взадъ и впередъ, стуча дверями, которыя безпрестанно отпирались и запирались. Звонъ золота не прекращался, мѣни распрывались и закрывались, заливая столы золотыми дождемъ. Въ передней толпился народъ,—просители, дѣльды, политическіе дѣтели, весь Парижъ, колѣнопреклоненный передъ властью. Часто важныя лица терпѣливо ждали въ ней по цѣлому часу. А Нантасъ, сидя за письменнымъ столомъ, разбиралъ провинціальную и заграничную корреспонденцію, охватывая своими руками вселенную, осуществляя свою старинную мечту о силѣ и власти, и сонная себя интеллигентнымъ двигателемъ колоссальной машины, приведшей въ движеніе королевства и имперіи.

Нантасъ позвонилъ и призвалъ швейцара, дежурившаго у входной двери. Онъ казался озабоченнымъ.

— Жерменъ,—спросилъ онъ,—не знаете ли, не вернулась ли барыня?

И такъ какъ швейцаръ сказалъ, что не знаетъ, онъ приказалъ позвать горничную барыни. Но Жерменъ не уходилъ.

— Извините, сударь,—пробормоталъ онъ,—господинъ президентъ законодательнаго корпуса непременно желаетъ васъ видѣть.

У Нантаса вырвалось движеніе досады. Онъ сказалъ:

— Просите и сдѣлайте то, что я вамъ приказываю.

Наканунѣ, по одному капитальному вопросу о бюджетѣ, Нантасъ

сказала рѣчь, которая произвела такое впечатлѣнiе, что спорную статью внесли въ комиссiю для измѣненiя въ смыслѣ, указанномъ въ ней. Послѣ засѣданiя разошлся слухъ, что министръ финансовъ готовится видѣти въ отставку и въ различныхъ группахъ уже указывали на Нантасъ, какъ на его преемника. Онъ же возмнилъ печали: ничто еще не рѣшено; онъ только бесѣдовалъ съ императоромъ о нѣкоторыхъ специальныхъ пунктахъ. Совсѣмъ тѣмъ визитъ президента заводчательнаго корпуса могъ имѣть весьма важное значенiе. Одну минуту Нантасъ какъ будто стряхнулъ заботу, опрачавшую его, всталъ и пошелъ позвать руку входившему президенту.

— Ахъ! герцогъ,—сказала она,—прошу васъ извинить меня. Я не знала, что вы вѣрjали... Повѣрьте, я очень тронута честью, какую вы мнѣ оказываете.

Съ минутой они переливали изъ пустого въ порожнее дружескии тономъ. Затѣмъ президентъ, не высказываясь прямо, далъ понять Нантасу, что приславъ императоромъ сондировать его. Приметъ ли онъ портфель финансовъ и съ какой программой? Тогда Нантасъ, съ невозмутимымъ хладнокровiемъ, высказалъ свои условiя. Но въ душѣ своей, подъ маской равнодушия, онъ ликовалъ. Еще одна ступень—и онъ на вершинѣ. Еще одинъ шагъ—и онъ станетъ выше всѣхъ. Въ то время, какъ президентъ законодательнаго корпуса уходилъ, говоря, что пойдетъ прямо къ императору, чтобы сообщить ему программу, маленькая дверца, ведущая во внутреннiя комнаты, отворилась и показалась горничная барыня. Нантасъ, вдругъ замертвѣвшiй, не докончилъ фразы. Онъ подбѣжалъ къ ней, говоря:

— Извините, герцогъ.

И потому что принялся разспрашивать ее: барыня рано вышла изъ дому? она не сказала, куда отправляется? Когда она вернется? Горничная отвѣчала неопредѣленными фразами, какъ умная дѣвушка, не желающая себя компрометтировать. Нантасъ, усмотрѣвъ всю важность этого допроса, съумѣлъ, наконецъ, подавить свою тревогу и сказалъ просто:

— Какъ только барыня вернется, скажите ей, что я желаю съ ней переговорить.

Герцогъ, немного удивленный, подошелъ къ окну и глядѣлъ во дверь. Нантасъ опешился и снова извинился. Но хладнокровiе измѣнило ему; онъ бормоталъ что-то такое и удивилъ герцогъ желовкими замѣчанiями.

— Бѣда, я испортилъ все дѣло,—принялся онъ вслухъ самому себѣ, когда ушелъ президентъ. Портфель ускользнетъ изъ моихъ рукъ.

И чувство тревоги уступило въ немъ чувству досады. Нѣсколько

лицъ введено было Жерменомъ. Пришелъ инженеръ съ отчетомъ, и возвѣстилъ о значительныхъ барышахъ, полученныхъ отъ разработки одного рудника, недавно предпринятой. Дипломатъ завелъ съ нимъ рѣчь о займѣ, который одна сосѣдняя держава желала открыть въ Царствѣ. Его собственные агенты перебивали одинъ за другимъ, принося отчеты о двадцати различныхъ дѣлахъ, изъ которыхъ одно было важнѣе другого. Наконецъ онъ принялъ нѣсколько собраний по палатѣ, приходившихъ уже къ нему на поклонъ. Всѣ распростирались въ преувеличенныхъ похвалахъ его вчерашней рѣчи, и предсказывали, что онъ будетъ играть значительную роль въ государствѣ. Онъ же, разваливъ въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, выслушивалъ эту лесть безъ улыбки. Звонъ золота продолжалъ раздаваться въ сосѣднихъ комнатахъ; ему стоило только взять въ руки перо, чтобы отправить депеши, прибытіе которыхъ могло обрадовать или смутить европейскіе рынки; онъ могъ остановить или ускорить войну, поддерживать или противодѣйствовать займу, о которомъ съ нимъ только что говорили. И даже онъ держалъ бюджетъ Франціи въ своей рукѣ; черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ узнать, будетъ ли онъ за или противъ имперіи. Наступало его торжество; личность его, разросшаяся чрезмѣрно, становилась центромъ, вокругъ котораго вращалось общество. А между тѣмъ онъ не наслаждался своимъ торжествомъ такъ, какъ онъ этого ожидалъ. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, умъ его было занять иными соображеніями; при каждомъ шумѣ онъ поворачивалъ голову. Лицо его то краснѣло, то блѣднѣло, точно чья-то холодная рука дотрогивалась до его виска.

Прошло два часа, а Флавія еще не появлялась. Нантасъ позвалъ Жермена и поручилъ ему пригласить г. Довиллье; если найдетъ его дома. Оставшись одинъ, онъ принялся ходить по своему кабинету, не желѣвъ никого больше принимать. Мало-по-малу волненіе его усилилось. Всѣ сомнѣнія, жена его отправилась на любовное свиданіе. Вотъ уже полгода какъ де-Фондеттъ овдовѣлъ. Флавія, должно быть, возобновила съ нимъ отношенія, тѣмъ болѣе, что они каждый вечеръ встрѣчались у маркизы д'Обермонъ. Разумѣется, Нантасъ не сознался бы въ ревности; въ продолженіи десяти лѣтъ онъ строго соблюдалъ заключенный договоръ; но только онъ не желалъ, говорилъ онъ, быть смѣшнымъ. Онъ ни за что не позволитъ m-me Нантасъ компрометтировать его положеніе, сдѣлавъ его общимъ посмѣшищемъ. До тѣхъ поръ, пока она, повидимому, вела себя хорошо, онъ довольствовался тѣмъ, что съ равнивымъ вниманіемъ слѣдилъ за нею; теперь, когда она ватѣвала интригу, онъ воспользуется своими правами. И вся сила измѣняла ему, чувство мужа, желающаго, чтобы его уважали, наполняло его такой тревогой, подобной, которой онъ не

испытывать даже тогда, когда пускался въ самыя рискованныя аферы въ началѣ своей карьеры.

Вошла Флавія въ своею визитномъ платьѣ. Она только сняла шляпу и перчатки. Нантасъ, у котораго голосъ дрожалъ, сказалъ ей, что онъ бы самъ пришелъ къ ней на верхъ, если бы она дала ему знать о своемъ возвращеніи. Но она, не садясь, съ торопливымъ видомъ кліентки, сдѣлала движеніе какъ-бы приглашая его поторопиться.

— Послушайте, — сказалъ онъ, — намъ необходимо объясниться... Куда вы ѣздили сегодня утромъ?

Дрожащій голосъ мужа, грубость вопроса чрезвычайно какъ изумили ее.

— Да туда, куда мнѣ было угодно.

— Вотъ это-то именно мнѣ не нравится, — отвѣчалъ онъ, блѣднѣя. — Вы должны помнить, что я вамъ сказалъ, что я не потерплю, чтобы вы пользовались предоставленной мною вамъ свободой съ тѣмъ, чтобы безчестить мое имя.

Флавія улыбнулась съ безконечнымъ презрѣніемъ.

— Обезчестить ваше имя? да это ваше дѣло, и къ тому же уже поконченное.

Тогда Нантасъ въ безумномъ раздраженіи подбѣжалъ къ ней, какъ-бы собираясь прибить ее, и, заикаясь, проговорилъ:

— Несчастливая, вы были на свиданіи съ Фондеттомъ... У васъ есть любовникъ, я это знаю, и вы позоритѣ человѣка, который спасъ вашу фамилію отъ безчестія.

— Вы ошибаетесь, — сказала она, не смущаясь его угрожающимъ жестомъ, — у меня нѣтъ любовника, я не видѣлась съ де-Фондеттомъ... Но если бы даже у меня и былъ любовникъ, то вы не въ правѣ укорять меня за то. Какое вамъ дѣло? Вы, значить, забыли про наши условія?

Онъ съ минуту глядѣлъ на нее безумными глазами, затѣмъ съ рыданіемъ въ голосъ далъ волю долго сдерживаемой страсти и упалъ къ ея ногамъ, съ крикомъ:

— О, Флавія, я васъ люблю! я васъ люблю!

Она, выпрямившись во весь ростъ, отодвинулась отъ него, потому что онъ дотронулся до ея платья. Но несчастный слѣдовалъ за ней на колѣняхъ, рыдая и протянувъ къ ней руки.

— Я васъ люблю, Флавія, — я васъ люблю безумно... Я самъ не знаю, какъ эта любовь закралась ко мнѣ въ сердце, много лѣтъ уже тому назадъ. И мало-по-малу она охватила меня всего. О! я боролся, я находилъ это недостойнымъ себя, я помнилъ нашъ первый разговоръ... Но теперь я слишкомъ страдаю, — я долженъ высказать вамъ...

Долго говорилъ онъ такимъ образомъ. То было крушеніе всѣхъ его вѣрованій. Этотъ человѣкъ, вѣровавшій только въ силу, утвердившій, что воля единственный рычагъ, способный перевернуть міръ, оказывался уничтоженнымъ, слабымъ какъ ребенокъ, — обезоруженнымъ передъ женщиной. Женщина оказывалась сильнѣе его. И осуществившудся мечту о богатствѣ, и завоеванное высокое положеніе въ обществѣ — онъ все бы отдалъ за то, чтобы эта женщина, наклонясь къ нему, подняла его съ колѣнъ, поцѣловала въ лобъ. Она омрачала его торжество. Онъ не слышалъ больше золота, звенѣшаго въ его конторахъ, онъ не думалъ больше о вереницѣ царедворцевъ, являвшихся къ нему на поклонъ, — онъ забылъ про то, что, быть можетъ, въ эту минуту императоръ призываетъ его къ себѣ. Всѣ эти вещи больше не существовали. У него было все, а ему была нужна только одна Флавія. Если Флавія не хочетъ быть его, — онъ нищій.

— Послушайте, — продолжалъ онъ, — то, что я сдѣлалъ, — я это сдѣлалъ для васъ... Вначалѣ, правда, я о васъ не думалъ, — я трудился для удовлетворенія своего самолюбія. Затѣмъ вы стали единственной цѣлью всѣхъ моихъ мыслей, всѣхъ моихъ усилій. Я говорилъ себѣ, что долженъ подняться какъ можно выше, чтобы быть достойнымъ васъ. Я надѣялся смягчить васъ въ тотъ день, какъ повергну къ вашимъ ногамъ мое всемогущество. Видите, чего я уже достигъ. Развѣ я не заслужилъ вашего прощенія? Не презирайте меня, умоляю васъ, — не презирайте меня.

Она все еще ничего не говорила. Наконецъ, спокойно сказала:

— Встаньте, — могутъ войти.

Онъ не слушался, — продолжалъ умолять ее. Быть можетъ, онъ бы сталъ еще ждать, если бы не ревновалъ къ де-Фондеттъ. Эта попытка жгла его. Онъ униженно умолялъ ее.

— Я вижу, что вы все еще презираете меня. Ахъ! подождите еще, — не дарите никому вашей любви. Обѣщаю вамъ совершить такіа великія дѣла, что они тронутъ васъ. Простите, если я былъ грубъ... У меня голова идетъ кругомъ... О! дозволейте мнѣ надѣяться, что вы полюбите меня со временемъ.

— Никогда! — произнесла она съ энергіей.

И между тѣмъ, какъ онъ лежалъ на полу раздавленный — хотѣлъ выдти. Но онъ, потерявъ голову, разъяренный этой женщиной, осмѣливавшейся ему сопротивляться, всталъ и схватилъ ее за руки. Какъ? неужели женщина будетъ противиться ему, когда весь свѣтъ у его ногъ! Онъ все можетъ: колебать государства, руководить Франціей, какъ ему угодно, — и не можетъ добиться любви Флавіи! Онъ, сильный, могущественный, — онъ, чьи малѣйшія желанія были при-

каваніями, у него только и есть что одно желаніе — и это желаніе никогда не будетъ удовлетворено, потому что созданіе, слабое какъ ребенокъ, этого не хочетъ! Онъ продолжалъ тискать ей руки и вторялъ глухимъ голосомъ:

— Я хочу... я хочу...

— А я не хочу, — говорила Флавія, побѣлѣвъ какъ полотно и упершись на своемъ.

Борьба продолжалась, когда дверь отворилась и показался баронъ Довиллье. При видѣ его, Нантасъ выпустилъ руку Флавіи, и вскричалъ, увлеченный яростью:

— Вотъ дочь ваша, вернувшаяся отъ любовника... Скажите же ей, что женщина должна уважать имя своего мужа—даже когда его не любить и если забота о своей собственной репутаціи ее не удерживаетъ.

Баронъ, сильно постарѣвшій, остановился на порогѣ передъ этой сценой насилія. Она была для него горестнымъ сюрпризомъ. Онъ думалъ, что дочь и зять ладятъ другъ съ другомъ, — онъ одобрялъ церемонныя отношенія, существовавшія между сунругами. Онъ думалъ, что это дѣлается ради приличій. Зять и онъ принадлежали къ двумъ различнымъ и рѣзко отличавшимся другъ отъ друга поколѣніямъ. Но если его неприятно задѣвала не особенно щепетильная дѣятельность Нантаса, если онъ осуждалъ нѣкоторыя предпріятія, казавшіяся ему рискованными, — онъ долженъ былъ признать силу его воли и его мощный умъ. И вотъ вдругъ онъ натывается на драму, которой не подозревалъ. Когда Нантасъ обвинилъ Флавію въ томъ, что у ней есть любовникъ, баронъ, обращавшійся съ замужней дочерью съ той же строгостью, какъ когда ей было десять лѣтъ, подошелъ къ ней величественными, старческими шагами.

— Для того ли вы призвали меня, чтобы расудить между вами? — спросилъ онъ у зятя.

— Да, — отвѣчалъ Нантасъ, — она не признаетъ моей власти... Клянусь вамъ, что она вернулась отъ любовника и грубитъ мнѣ.

Флавія съ пренебреженіемъ отвернула голову, какъ-бы жалая показать, что она не хочетъ даже отвѣчать на эти обвиненія. Она стала оправлять свои манжеты, смятыя грубыми движеніями мужа. Лицо ея нисколько даже не покраснѣло. Между тѣмъ отецъ обратился къ ней.

— Дочь моя, почему ты не оправдываешься? Развѣ мужъ твой сказалъ правду? Неужели ты еще и это горе хочешь налить на мою старую голову? Оскорбленіе коснется также и меня, потому что вина одного изъ членовъ семьи мараетъ всѣхъ остальныхъ.

Тогда у ней вырвался жестъ нетерпѣнія. Нечего сказать, удачное

время выбралъ отецъ, чтобы упрекать ее! Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ она терпѣла его допросъ, желая избавить его отъ постыднаго объясненія. Но такъ какъ старикъ, видя ее безмолвной и не сдающей, всплылъ въ свою очередь, она сказала ему, наконецъ, указывая на Нантаса:

— Эхъ! папá, оставьте этого человѣка разыгрывать свою роль.. Вы его не знаете. Не заставляйте меня высказываться изъ уваженія къ вамъ.

— Онъ твой мужъ,—возразилъ старикъ.—Онъ отецъ твоего ребенка.

Флавія выпрямилась съ негодованіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не мой мужъ, онъ не отецъ моего ребенка.. Наконецъ, я вамъ все выскажу. Этотъ человѣкъ даже не соблазнитель, потому что для него служило бы извиненіемъ то, что онъ любилъ меня. Этотъ человѣкъ просто-на-просто продался, чтобы покрыть вину другого.

Баронъ повернулся къ Нантасу; тотъ, помертвѣвъ, упалъ въ кресло.

— Слышите ли, папá,—наставляла Флавія еще энергичнѣе,—онъ продался, продался за деньги... Я его никогда не любила,—онъ никогда пальцемъ до меня не дотронулся... Я желала спасти васъ отъ великаго огорченія и купила его... Поглядите на него — и вы увидите, что я говорю правду.

Нантасъ закрылъ лицо руками.

— А теперь, — продолжала молодая женщина, — онъ требуетъ, чтобы я его любила... Онъ сейчасъ становился на колѣни и плакалъ. Новая комедія, безъ сомнѣнія. Быть можетъ, я ему нужна для какой-нибудь новой сдѣлки... Простите меня, папá, за то, что я васъ обманула; но, ей-Богу, развѣ я могу принадлежать этому человѣку? А теперь вы все знаете и уведите меня. Онъ сейчасъ чуть не прибилъ меня,—я не останусь съ нимъ больше ни минуты.

Баронъ выпрямилъ свою согбенную фигуру. Благодаря чрезвычайному усилію, голова его и руки перестали трястись. И не говоря ни слова, онъ подалъ руку дочери. Оба вышли изъ комнаты, и Нантасъ не сдѣлалъ попытки ихъ удержать. На порогѣ баронъ проронилъ только слово: „прошайте, милостивый государь“.

Дверь затворилась. Нантасъ остался одинъ, уничтоженный, безумно глядя въ пустоту, воцарившуюся вокругъ него.

Когда вошелъ Жерменъ и подалъ ему письмо, онъ машинально раскрылъ его и пробѣжалъ глазами. То было собственноручное письмо императора, въ которомъ его величество призывалъ его въ министерство финансовъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Онъ плохо разобралъ въ чемъ дѣло и выронилъ письмо изъ рукъ, угро-

мый и окончивший. Осуществленіе всѣхъ его честолюбивыхъ грезъ ему не трогало. Звонъ золота вокругъ него, въ сосѣднихъ съ его кабинетомъ конторахъ, усилился; слышалась еще болѣе торопливая бѣготня; наступилъ часъ, когда домъ Нантаса весь ходилъ ходуномъ, задѣвая въ своемъ движеніи пол-міра. А онъ среди этого колоссальнаго труда, дѣла его рукъ, въ апогеѣ могущества, устремивъ тупо глаза на письмо императора, проговорилъ дѣтскую жалобу, служившую полнымъ отрицаніемъ его теоріи о силѣ и волѣ людской:

— Я несчастливъ... я несчастливъ.

Онъ плакалъ, опутивъ голову на бюро, и горячія слезы его стирали письмо, назначавшее его министромъ.

IV.

Прошли мѣсяцы. Нантасъ былъ министромъ финансовъ и какъ будто старался забыть въ нечеловѣческомъ трудѣ. На другой день послѣ рѣзкой сцены, происшедшей въ кабинетѣ, онъ имѣлъ секретный разговоръ съ барономъ Довиллье. По совѣту отца, Флавія согласилась вернуться въ домъ мужа. Надо было во что бы то ни стало заглушить скандалъ. Но супруги не говорили больше ни слова другъ съ другомъ, вѣдь той комедіи, какую имъ приходилось разыгрывать при людяхъ. Нантасъ рѣшилъ, что не выѣдетъ изъ своего отеля. По вечерамъ онъ привозилъ съ собой секретаря и у себя разбиралъ министерскія дѣла.

Въ эту эпоху своей жизни онъ совершилъ самыя великія дѣла. Въ немъ какъ будто горѣло какое-то пламя, внушавшее ему самыя возвышенныя и плодотворныя мысли. Вокругъ него стоялъ ропотъ симпатіи и восторга. Но онъ казался нечувствительнымъ къ похваламъ. Можно было подумать, что онъ трудится безъ надежды на награду, съ мыслью совершить великія дѣла единственно затѣмъ, чтобы сдѣлать невозможное: каждый разъ, какъ ему удавалось новое великое предпріятіе, онъ глядѣлъ въ лицо Флавіи. Тронулась ли она наконецъ? Проститъ ли она ему его былую низость за его умъ и удачу? Но по прежнему онъ не могъ уловить признака чувства на нѣмомъ лицѣ этой женщины и говорилъ себѣ:

— Что-жь! Я еще, значить, не довольно великъ для нея, надо работать и работать!

И снова принимался за работу, съ упрямою настойчивостью. Онъ хотѣлъ завоевать счастье, какъ завоевалъ богатство. Вѣра въ силу воскресла въ немъ, онъ не допускалъ другого рычага въ мірѣ. Твердая воля создаетъ человѣка. Когда имъ овладѣвали минуты со-

миѣнія и унынія, онъ заперался у себя, чтобы никто не могъ видѣть его слабости.

О борьбѣ, которую онъ велъ съ самимъ собой, можно было догадаться только по впадымъ глазамъ, обведеннымъ черными кругами и горѣвшимъ внутреннимъ огнемъ.

Ревность пожирала его. Не имѣть права любить Флавію было пыткой; но бѣшенство овладѣвало имъ, когда онъ помышлялъ, что она можетъ отдаться другому. Онъ хорошо понималъ, что съ такимъ гордымъ характеромъ онъ испортитъ все дѣло, если станетъ открыто надзирать за ней. Чтобы заявить о своей свободѣ, она способна компрометтировать себя съ де-Фондеттомъ. Поэтому онъ дѣлалъ видъ, что не занимается ею, терзаясь въ душѣ всякій разъ, какъ ея не бывало дома. Если бы онъ не боялся быть смѣшнымъ, онъ бы провожалъ ее по улицамъ. Къ тому же, подавляющій трудъ не позволялъ ему такого шпіонства. И вотъ когда ему пришло въ голову приставить къ Флавіи особу, подкупленную имъ самимъ.

Мадемуазель Шуенъ все еще проживала въ ихъ домѣ. Баронъ привыкъ къ ней. Съ другой стороны, ей слишкомъ многое было известно, чтобы можно было легко съ ней развязаться. Одну минуту старая дѣва питала было намѣреніе удалиться на покой съ двадцатью тысячами франковъ, отсчитанныхъ ей Нантасомъ на другой день своей свадьбы. Но, безъ сомнѣнія, она сказала себѣ, что съ двадцатью тысячами франковъ далеко не уѣдешь, и что въ домѣ Нантаса слишкомъ удобно ловить рыбу въ мутной водѣ. Итакъ, она стала ждать новой okazji. Она рассчитала, что ей нужно еще двадцать тысячъ франковъ, чтобы купить въ Робенвилѣ, ея родинѣ, домъ нотаріуса, составлявшій предметъ ея восхищенія въ молодости, и жить въ ней настоящей барыней.

Естественно, что Нантасу пришло въ голову приставить ее для надзора за Флавіей. Онъ не считалъ нужнымъ церемониться съ этой старой дѣвой, притворно-добродѣтельной мины которой не могли обмануть его. Между тѣмъ, она очень сдержанно обращалась съ нимъ, разыгрывая роль неподкупной женщины, точно будто они никогда не были знакомы. Въ то утро, какъ онъ призвалъ ее въ свой кабинетъ, гдѣ предложилъ ей безъ обиняковъ сообщить ему обо всемъ, что дѣлаетъ жена, она притворно возмутилась и спросила его: за кого онъ ее принимаетъ?

— Послушайте, — сказала Нантасъ нетерпѣливо. — Я очень стѣшу, мнѣ некогда. Пожалуйста безъ предисловій.

Но она не хотѣла ни о чемъ слышать, если онъ не обставитъ все приличіями. Принципы сами по себѣ казались ей безразличны: все зависѣло отъ манеры, съ какою ихъ заявляютъ.

— Если такъ,—продолжалъ Нантасъ,— то вы сдѣлаете доброе дѣло. Я боюсь, что жена скрываетъ отъ меня какое-то горе. Я вижу, что она грустна съ нѣкоторыхъ поръ, и подумалъ, что вы можете разузнать для меня въ чемъ дѣло.

— Разсчитывайте на меня,—объявила ему послѣ этого мадемуазель Шуенъ съ материнской нѣжностью.—Я вполне предана вашей женѣ и на все готова для ея и вашего счастья... Съ завтрашняго дня я стану надзирать за ней.

Нантасъ обѣщалъ ее наградить за услуги. Она сначала разсердилась. Затѣмъ искусно заставила его назначить сумму: онъ обѣщалъ ей десять тысячъ франковъ, если она доставитъ ему формальное доказательство хорошаго или дурного поведенія его жены. Мало-по-малу они кончили тѣмъ, что стали называть вещи ихъ именами. Нужно было только подзадорить мадемуазель Шуенъ.

Съ этихъ поръ Нантасъ сталъ не такъ мучиться. Онъ ждалъ кризиса, онъ чувствовалъ, что этотъ кризисъ наступаетъ—и готовился употребить послѣднее усиліе. Снова прошелъ годъ и у него на плечахъ была колоссальная работа,—приготовленіе бюджета. Съ согласія императора онъ ввелъ въ финансовую систему важныя перемѣны. Онъ зналъ, что на него будутъ сильныя нападки въ законодательномъ корпусѣ, и ему хотѣлось приготовить побольше документовъ. Зачастую онъ проводилъ за работой всю ночь на пролетъ. Это оглушало его и дѣлало терпѣливымъ. Когда онъ видался съ m-ле Шуенъ, онъ коротко разспрашивалъ ее. Узнала ли она что-нибудь? Много ли жена сдѣлала визитовъ и не оставалась ли по долгу въ нѣкоторыхъ домахъ? M-ле Шуенъ вела подробный дневникъ. Но до сихъ поръ она сообщала лишь о незначительныхъ фактахъ. Нантасъ успокоивался, тогда какъ старая дѣва подмигивала глазами, повторяя, что вскорѣ добудетъ новенькое. Она это чувствуетъ,—говорила она.

Дѣло въ томъ, что m-ле Шуенъ пораскинула умомъ. Десять тысячъ франковъ не удовлетворяли ее; ей нужно было двадцать тысячъ, чтобы приобрести немедленно себѣ помѣстье. Ей было пятьдесятъ лѣтъ, ей давно пора пожить въ свое удовольствіе. Какимъ образомъ извлечь изъ этого дѣла еще десять тысячъ франковъ? Вотъ въ чемъ была задача. Она подумывала—было сначала продаться женѣ, послѣ того, какъ продалась мужу; она скажетъ ей, что онъ подозрѣваетъ ее и предложитъ сбить его съ толку. Но она знала Флавію, она знала, что при первомъ ея словѣ эта гордая и безусловно прямодушная молодая женщина съ презрѣніемъ прогонитъ ее. Она давно знала, что Флавія безупречна; прежде нежели мужъ поручилъ ей это, она шпионила за ней по собственной охотѣ, раз-

судя, что пороки господь обезпечиваютъ благосостоянію слугъ, но натолкнулась на непоколебимую женскую добродѣтель, тѣмъ болѣе непоколебимую, что опиралась на гордость. У Флавіи осталось отъ ея перваго проступка, проступка наивной дѣвочки, глубокая вражда ко всему мужскому роду; она поклялась, что полюбитъ только выдающагося изъ ряда вонъ человѣка, вполнѣ ея достойнаго. М-ле Шуенъ обвиняла ее въ томъ, что она каменная, и даже въ тайнѣ презирала ее за холодность темперамента, въ которомъ видѣла женское безсиліе. Что толку быть красавицей, если не наслаждаться своей красотой? Ей казалось мизернымъ добыть десять тысячъ франковъ отъ Нантаса, поклявшись ему, что у его жены нѣтъ любовника. Лучше она выдумаетъ, что онъ есть. И, размышляя на эту тему, она, наконецъ, придумала хитрую комбинацію, чтобы найти недостающія ей десять тысячъ франковъ.

М-ле Шуенъ была знакома въ былое время съ де-Фондеттомъ, когда Флавія ѣздилъ въ гости къ молодой четѣ. Однажды вечеромъ она встрѣтилась съ нимъ, выказала самыя почтительныя чувства, оплакивала бѣдную м-ше де-Фондеттъ, такую милую особу. Затѣмъ, такъ какъ молодой вдовецъ разспрашивалъ ее съ интересомъ про ея госпожу, м-ше де-Нантасъ, она тотчасъ же поняла, что онъ безумно влюбленъ въ нее и что его жжетъ воспоминаніе о той минутѣ, когда онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Послѣ этого она стала слѣдить за нимъ, убѣдилась, что де-Фондеттъ преслѣдовалъ Флавію своей жгучей страстью и что она упорно бѣгаетъ его. Это объясняло подозрѣнія Нантаса; очевидно, подозрѣнія его были неосновательны и могли явиться лишь на основаніи свиданія, котораго де-Фондеттъ хитростью или насиліемъ сумѣлъ добыть отъ Флавіи. Но у м-ле Шуенъ составился цѣлый планъ дѣйствія: если она не могла продать своихъ услугъ своей госпожѣ, то продастъ ихъ ея обожателю. Угодить разомъ мужу и любовнику—вотъ гениальная комбинація.

Все какъ нарочно устроивалось самымъ удачнымъ образомъ. Де-Фондеттъ, отвергнутый, безнадежный, дошелъ до состоянія *idée fixe*; любовь совсѣмъ вскружила ему голову; онъ отдалъ бы все свое состояніе за то, чтобы хоть разъ прижать къ своей груди женщину, одному ему принадлежавшую. Она же упорно отвергала его, потому что воспоминаніе объ его насиліи наполняло ее отвращеніемъ къ нему. То самое воспоминаніе, которое огнемъ жгло этого человѣка, предохраняло ее отъ всякой слабости. Де-Фондеттъ понялъ, что только неожиданное нападеніе можетъ привести его къ желанной цѣли. Поэтому онъ первый обратился къ м-ле Шуенъ. Онъ увидѣлся съ ней, разыгралъ чувствительнаго человѣка, и поклялся, что убьетъ себя, если она не поможетъ ему разжалобить м-ше Нантасъ. Это пошло

какъ разъ въ тѣнь, любовный ея сердцу. Она немедленно растаяла, расплакалась отъ умиленія, и поклялась помогать такой вѣрной любви. И черезъ недѣлю, послѣ долгаго ломанія и чувствительныхъ сценъ, дѣло уладилось. Де-Фондеттъ обѣщаль дать десять тысячъ франковъ, а м-лле Шуенъ взялась укрыть его вечеромъ въ комнатѣ Флавіи.

Утромъ этого дня старая дѣва отправилась къ Нантасу и объявила ему, что пришла сообщить важную новость.

— Говорите скорѣе, — пробормоталъ Нантасъ, блѣднѣя.

Но сначала она ничего прямо не высказывала. У барыни навѣрное есть интрига. Она даже назначаетъ свиданія.

— Къ дѣлу, къ дѣлу, — повторялъ министръ, сдерживаясь, такъ какъ ему показалось, что она нарочно мучитъ его.

Наконецъ, она назвала де-Фондетта.

— Сегодня вечеромъ, — торопливо проговорила она, — онъ придетъ въ комнату барыни.

— Хорошо, благодарю васъ, — пролепеталъ Нантасъ.

Онъ жестомъ выпроводилъ ее; онъ боялся обнаружить передъ ней свою слабость! Это послѣднее выпроваживаніе очень удивило ее. Она ждала продолжительнаго допроса и даже приготовилась какъ отвѣчать, чтобы не обмануться; впрочемъ, ей такой простой способъ объясненія былъ пріятнѣе; она поклонилась и ушла, скорчивъ жалостную мину, приличную случаю.

Нантасъ всталъ. Оставшись одинъ, онъ проговорилъ вслухъ:

— Сегодня вечеромъ, въ ея комнатѣ, этотъ человѣкъ...

И сжалъ руками черепъ, какъ-бы боясь, что онъ треснетъ. Это свиданіе, назначенное въ домѣ мужа, казалось ему чудовищно-наглымъ. Онъ не могъ допустить оскорблять себя такимъ образомъ. Его атлетическіе кулаки сжимались, бѣшеный гнѣвъ заставлялъ его грезить объ убійствѣ. Между тѣмъ ему предстояло еще кончить одну работу. Три раза садился онъ за письменный столъ и три раза вставалъ изъ-за него; его такъ и подмывало немедленно разыскать жену и назвать ее самымъ поворнымъ именемъ. Наконецъ онъ совладалъ съ собой и принялся за работу, боясь, что задушить ихъ сегодня вечеромъ. То была величайшая побѣда, какую онъ когда-либо одерживалъ надъ самимъ собою.

Послѣ полудня Нантасу предстояло ѣхать къ императору. Онъ долженъ былъ сообщить ему окончательный проектъ бюджета. Въ послѣднюю минуту императоръ сдѣлалъ ему нѣсколько возраженій, которыя Нантасъ оспаривалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ. Но долженъ былъ обѣщать, что измѣнить часть своего труда. Проектъ долженъ былъ быть представленъ завтра.

— Государь, я проснужу за нимъ ночь, — сказалъ онъ.

И, возвращаясь домой, думалъ:—я убью ихъ въ полночь и затѣмъ уйдю въ утро окончить работу.

Вечеромъ за обѣдомъ, баронъ Довиллье какъ разъ заговорилъ объ этомъ проектѣ бюджета, надѣлавшись большого шума. Онъ не одобрялъ всѣхъ идей своего зятя въ дѣлѣ финансовъ, но находилъ ихъ весьма широкими, весьма замѣчательными. Въ то время, какъ онъ отвѣчалъ барону, Нантасъ неоднократно замѣчалъ, что глупыя жены устроены на него. Теперь зачаслуну случилось ему ловить ее взглядъ. Лицо ея непрежнему оставалось безучастнымъ; но только она прислушивалась къ тому, что онъ говорилъ, и какъ будто старалась прочесть самыя его мысли. Нантасъ подумалъ, что она боится, что ея тайну выдадутъ, и изучаетъ его лицо, стараясь прочесть на немъ: можетъ ли де-Фондеттъ безопасно придти къ ней. Поэтому онъ сдѣлалъ надъ собой усилие, чтобы показать, что ничѣмъ не озабоченъ. Онъ много говорилъ, излагалъ блестящія и краснорѣчивыя вещи, и кончилъ тѣмъ, что убѣждалъ своего тестя, который, васау передъ его великимъ умомъ, постоянно выказывалъ ему холодность, и тѣмъ какъ будто хотѣлъ выразить, что не можетъ его уважать. Флэви приняла мало-по-малу въ нервное состояніе и не слускала глазъ съ Нантаса; проблескъ какого-то чувства на минуту мелькнулъ на ея лицѣ.

До полуночи Нантасъ работалъ въ своей кабинетѣ. Мало-по-малу работа увлекла его; онъ все позабылъ, слѣдя за развитіемъ своей идеи. Когда часы пробили полночь, онъ истинно вѣрно поднялъ голову. Глубокое безмолвіе царствовало въ отелѣ. Вдругъ онъ всоинилъ: невѣрна таилась въ этомъ иракѣ и въ этомъ безмолвіи. Но ему трудно было сойти съ мѣста, ему жалъ было расстаться съ перомъ, онъ осторожно положилъ его и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ-бы повинуясь прежней волѣ, теперь уже оставившей его. Затѣмъ красна бросилась ему въ лицо; въ глазахъ его зажглось пламя. И онъ пошелъ въ комнату жены.

Въ этотъ вечеръ Флэви равно отослала отъ себя горничную и м-ше Шуенъ. Она хотѣла быть одна. До полуночи она просидѣла въ маленькомъ будуарѣ, расположенномъ возлѣ ея спальни. Растянувшись въ креслѣ, въ усталой позѣ, она держала въ рукѣ книгу; но книга безпрестанно падала къ ней на колѣни, и она задумывалась, устремивъ глаза въ пространство. Лицо ея смягчилось; блѣдная улыбка пробѣгала по немъ. Вдругъ постучалась въ дверь. Она вскочила, вздрогнувъ.

— Кто тамъ?

— Отоприте,—отвѣчалъ Нантасъ.

Она такъ удивилась, что машинально отперла. Никогда еще мужъ

не прикидывалъ къ ней. Онъ вошелъ въ себя; пока онъ шелъ къ ней, гнѣвъ снова овладѣлъ имъ. М-ше Шюанъ, сторожившая его на лестницѣ, шепнула ему на ухо, что де-Фондеттъ уже два часа какъ ждетъ въ комнатѣ его жены, за пологомъ кровати. Поэтому онъ не церемонился.

— Сударыня,—сказалъ онъ,—въ вашей комнатѣ спрятанъ мужчина.

Флавия не тотчасъ отвѣтила, до такой степени мысли ея были далеко. Наконецъ, она поняла.

— Вы съ ума сошли,—пролепетала она.

Но, не тратя словъ на споръ съ нею, онъ хотѣлъ войти въ комнату. Она отступила назадъ и загородила дверь, крича:

— Вы сюда не войдете... Я здѣсь у себя и запрещаю вамъ входить.

Съ минуту она простояла неподвижно, не говоря ни слова и глядя другъ другу прямо въ глаза. Нантасъ, выгнувъ шею и протанувъ руки впередъ, готовился отстранить ее и пройти. Но она раскрыла руки и уперлась ими въ обѣ половинки двери съ вызовомъ.

— Отойдите,—проговорилъ онъ задвленнымъ голосомъ.—Я сильнѣе васъ и войду насильно.

— Нѣтъ, вы не войдете, я не хочу,—холодно отвѣчала она.

А онъ повторялъ:

— У васъ въ комнатѣ мужчина! у васъ въ комнатѣ мужчина!

Но она пожимала плечами, не удостоивая больше опровергать его. Потомъ, такъ какъ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ:

— Ну, хорошо! положимъ, что у меня въ комнатѣ мужчина, но вамъ какое дѣло? Развѣ я не свободна?

Онъ отступилъ передъ этимъ словомъ, ударившимъ его точно пощечина. Въ самомъ дѣлѣ—она свободна. Внезапно холодъ охватилъ его плечи; онъ понималъ, что вся выгода на ея сторонѣ и что онъ не ступаетъ нелогично и болѣзненно, какъ ребенокъ. Онъ не исполняетъ договора; нелѣпая страсть дѣлаетъ его гнуснымъ въ ея глазахъ. Зачѣмъ не остался онъ работать въ своемъ кабинетѣ? Кровь отхлынула отъ его лица, выраженіе невыразимой муки пробѣжало по немъ. Флавия глядѣла на него. Когда она увидѣла, какъ онъ помертвѣлъ и измѣнился въ лицѣ, она опустила руки, и краткое выраженіе мелькнуло въ ея глазахъ.

— Поглядите,—сказала она просто.

И сама вошла въ комнату, держа лампу въ рукѣ, между тѣмъ какъ Нантасъ оставался на порогѣ. Жестомъ далъ онъ ей понять, что это бесполезно, что онъ не хочетъ глядѣть. Но теперь она настаивала. И, подойдя къ кровати, подняла пологъ; де-Фондеттъ появился, спра-

танный за нимъ. Она до того была поражена, что отступила и у ней вырвался крикъ испуга.

— Ваша правда, — закричала она въ смущеніи, — ваша правда, человекъ этотъ здѣсь... Я этого не знала. О! клянусь Богомъ!

Но усиленъ воли она успокоилась и даже какъ будто пожалѣла объ этомъ первомъ движеніи, побудившемъ оправдываться.

— Вы были правы, и я прошу васъ извинить меня, — сказала она Нантасу, старалась принять прежній холодный тонъ.

Тѣмъ временемъ де-Фондеттъ сознавалъ себя въ смѣшномъ положеніи. Онъ чувствовалъ, что кажется глупымъ, и много далъ бы за то, чтобы мужъ разсердился. Но Нантасъ не сморгнулъ даже. Онъ только былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Одни глаза горѣли въ его неподвижномъ, какъ маска, лицѣ. Перенеся глаза съ де-Фондетта на Флавію, онъ поклонился этой послѣдней и сказалъ:

— Сударыня, извините меня, вы свободны.

И, повернувшись спиной, ушелъ, размѣреннымъ шагомъ, точно двигающаяся машина. Въ немъ что-то порвалось; но механизмъ мускуловъ и костей все еще дѣйствовалъ. Когда онъ снова очутился въ своемъ кабинетѣ, онъ подошелъ къ ящику, гдѣ лежалъ револьверъ. Онъ осмотрѣлъ его, затѣмъ вслухъ произнесъ, какъ-бы принимая формальное обязательство передъ самимъ собой:

— Довольно; завтра я убью себя.

Онъ поправилъ потухавшую лампу, сѣлъ за письменный столъ и спокойно принялся за работу. Безъ колебанія продолжалъ онъ начатую фразу, среди глубокаго безмолвія. Одинъ за другимъ, методически наклонялись листки возлѣ него. Два часа спустя, когда Флавія, прогнавшая де-Фондетта, подошла босикомъ послушать у двери кабинета, она услышала только скрипъ пера по бумагѣ. Тогда она наклонилась и поглядѣла въ замочную скважину. Нантасъ писалъ съ прежнимъ спокойствіемъ; прояснившееся лицо его выражало миръ и довольство, навѣваемыя трудомъ, а свѣтъ лампы, падая на дуло револьвера, лежавшаго возлѣ него, играло на немъ.

V.

Домъ, прилегавшій къ саду отеля, сталъ собственностью Нантаса, который купилъ его у тестя. Изъ каприза онъ не позволялъ отдавать въ наймы тѣсную мансарду, гдѣ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ онъ боролся съ нищетой, по приѣздѣ въ Парижъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ разбогатѣлъ, онъ иногда испытывалъ желаніе уходить туда и заираться тамъ на нѣсколько часовъ. Тамъ онъ страдалъ, туда

онъ приходилъ торжествовать свою побѣду. Когда на пути его встрѣчалось какое-нибудь препятствіе, онъ любилъ размышлять тамъ и принималъ тамъ самыя важныя рѣшенія въ жизни. Тамъ онъ становился прежнимъ человѣкомъ и явственно видѣлъ свою звѣзду, горѣвшую въ небѣ. Поэтому, когда неизбежность самоубійства предстала передъ нимъ, онъ рѣшилъ умереть въ этой мансардѣ.

Поутру онъ окончилъ свою работу только къ восьми часамъ. Опасаясь, чтобы усталость не усыпила его, онъ старательно вымылся. Затѣмъ принялъ нѣсколькихъ чиновниковъ и отдалъ имъ приказаніе. Пришелъ его секретарь; онъ долго бесѣдовалъ съ нимъ о своей ночной работѣ; секретарь долженъ былъ немедленно отвезти проектъ бюджета въ Тюльери и дать нужныя объясненія, если императоръ сдѣлаетъ новыя возраженія.

Послѣ этого Нантасъ рѣшилъ, что онъ сдѣлалъ все что нужно. Онъ оставляетъ все въ порядкѣ, онъ умретъ не какъ банкротъ, въ припадкѣ безумія. Въ этотъ часъ онъ, наконецъ, принадлежитъ себѣ, онъ можетъ располагать собой, безъ того, чтобы его обвинили въ эгоизмѣ и въ трусости.

Десять часовъ пробило. Пора. Но въ то время, какъ вставалъ изъ-за письменнаго стола, унося револьверъ въ карманъ, ему пришлось испить послѣднюю чашу горечи. М-ле Шуонъ пришла получить обѣщанныя десять тысячъ франковъ. Онъ заплатилъ ей, вынужденный сносить ея фамиллярныя замѣчанія. Она выказывала къ нему материнскія чувства, она относилась къ нему отчасти какъ къ ученику; успѣшно окончившему курсъ наукъ; вѣдь она научила его искусству продавать себя, и онъ не долженъ съ презрѣніемъ отсчитывать ей десять тысячъ франковъ, когда ему самому нѣкогда заплатили двѣсти тысячъ франковъ; вся разница въ цифрѣ. Поэтому она заговорила съ нимъ о женѣ, съ подмигиваніемъ старой сводни, не стѣсняющейся съ своимъ сообщникомъ. Никогда Нантасъ такъ не страдалъ. Если бы онъ колебался убить себя, то фамиллярность его сообщницы съ нимъ подвинула бы его на самоубійство. Онъ отпустилъ ее и торопиво побѣжалъ на верхъ, въ своей поспѣшности забывъ занереть дверь мансарды.

Въ ней ничто не измѣнилось. Обои такъ же отстали отъ стѣнъ, кровать, столъ, стулъ стояли на прежнихъ мѣстахъ, все говорило о безысходной бѣдности. Нантасъ подышалъ съ минуту воздухомъ, напомнившимъ ему быстро борьбу. Затѣмъ подошелъ къ огню и увидѣлъ тотъ же видъ на Парижъ, деревья отеля, Сену, набережныя, Тюльери, цѣлый уголокъ праваго берега, гдѣ волна домовъ катилась, перепутывалась до отдаленныхъ, туманныхъ куртинъ Père-Lachaise.

Итакъ, среди нищенской обстановки своей молодости онъ погрузился въ глубокую задумчивость.

Револьверъ лежалъ вондѣ него, на столѣ, подъ рукой. Теперь онъ больше не спѣшилъ, онъ зналъ, что никто не придетъ помѣшать ему и что онъ исподволь убьетъ себя. Слишкомъ большая посяѣнность показала бы ему трусостью. Онъ думалъ, что вотъ онъ пришелъ къ той же точкѣ, на которой стоялъ въ былое время; вотъ онъ тамъ же, гдѣ былъ и тогда—и съ той же мыслью о самоубійствѣ. Разъ вечеромъ на этомъ самомъ мѣстѣ онъ уже хотѣлъ разбить себѣ голову; тогда онъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы купить себѣ пистолеть; онъ могъ воспользоваться только уличной мостовой, но та же смерть ждала его. Итакъ, въ жизни только одно не обманываетъ—это смерть; одна смерть всегда послушна и всегда вѣрна. Одна она не измѣняетъ; сколько онъ ни трудился, все рушилось кругомъ него, одна смерть не измѣнила. И онъ пожалѣлъ, что прожилъ эти десять лѣтъ. Опытъ, прибрѣтенный имъ, въ то время какъ онъ прибрѣталъ деньги и власть, казался ему ничтожнымъ. Къ чему изтратилъ онъ столько воли, къ чему весь этотъ расходъ силы, если воля и сила не составляютъ въ жизни всего? Достаточно было зародиться въ немъ страсти, чтобы уничтожить его; онъ глупо полюбилъ Флавію, орудіе своего честолюбія,—и сооруженный имъ монументъ треснулъ и рухнулъ, какъ карточный домикъ, поваленный дыханіемъ ребенка. Какая жалкая вещь, какъ это похоже на наказаніе, постигающее вороватаго шевальека, подъ которымъ сломалась вѣтка и который гибнетъ жертвой своего проступка. Жизнь—плоская шутка; людей недюжинныхъ постигаетъ такой же пошлый конецъ, какъ и дураковъ.

Нантасъ взялъ револьверъ со стола и началъ медленно заряжать его. Последнее сожалѣніе остановило его въ эту рѣшительную минуту. Сколько великихъ дѣлъ совершилъ бы онъ еще, если бы Флавія сумѣла понять его! Въ тотъ день, какъ она сказала бы ему: „люблю тебя“, въ этотъ день онъ нашелъ бы рычагъ, чтобы перевернуть міръ. И его послѣдней мыслью было великое презрѣніе къ силѣ, такъ какъ сила должна была ему все дать, а не могла доставить любви Флавіи.

Онъ поднялъ пистолеть. Утро было великолѣпное. Въ настѣжъ открытое окно входило солнце, внося въ мансарду какъ-бы тепло молодости и горячую жизнь. Вдали Парижъ шумно принимался за свой тяжелый трудъ города-исполна. Нантасъ приставилъ дуло пистолета къ виску.

Но дверь открылась и вошла Флавія. Рѣзкимъ движеніемъ она отвратила выстрѣлъ; пуля ударилась въ стѣну. Оба поглядѣли другъ

на друга. Она такъ запыхалась, такъ задохлась, что не могла промолвить ни слова. Наконецъ, говоря Нантасу впервые въ жизни ты, она бросилась ему въ объятія и стала умолять его жить. Она — вѣрная жена, она клянется ему въ этомъ. Но онъ поднялъ револьверъ и хотѣлъ снова выстрѣлить въ себя. Тогда, уступая непобѣдимой любви, которую Нантасъ давно сумѣлъ внушить ей, она нашла то слово, котораго онъ ждалъ, единственное слово, которое могло убѣдить его жить:

— Я люблю тебя, — закричала она, повиснувъ у него на шеѣ, рыдая, вырвавъ это признаніе у своей гордости и сдаваясь, наконецъ: — я люблю тебя за то, что ты сила!

Эмиль Зола.

ИЗВѢСТІЯ

Отъ Комиссiи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
по изслѣдованiю формъ и порядковъ крестьянскаго землевладѣнiя.

I. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Характеръ землевладѣнiя въ каждой странѣ представляетъ одно изъ коренныхъ условiй экономическаго ея быта. Въ этомъ отношенiи одинаковое значенiе имѣютъ какъ количественное соотношенiе земель, находящихся во владѣнiи частныхъ лицъ и массы населенiя, такъ и тѣ формы, въ которыхъ выражаются народныя правовыя повятiя объ отношенiи массы земледѣльческаго населенiя къ землевладѣнiю. Въ томъ и въ другомъ значенiи Россiя представляетъ основныя различiя съ государствами западной Европы, развивавшимися подъ условiями римскаго права и средневѣковаго феодализма. Существенныя особенности русскаго землевладѣнiя суть: 1) преобладанiе землевладѣнiя государственнаго и крестьянскаго общественнаго надъ частнымъ землевладѣнiемъ, и 2) преобладанiе въ крестьянскомъ землевладѣнiи формы общинной или мирской. Точное опредѣленiе перваго факта и вообще количественнаго распредѣленiя земель по владѣнiямъ зависитъ отъ общихъ статистическихъ изслѣдованiй, которыя въ настоящее время и производятся въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, такъ что въ ближайшемъ будущемъ всѣ данныя, относящiяся къ количественному распредѣленiю землевладѣнiя, будутъ основаны на вполне точномъ и разработанномъ фактическомъ матеріалѣ. Что же касается качественнаго изслѣдованiя землевладѣнiя, его духа и особенностей, то въ этомъ отношенiи никакихъ точныхъ и общихъ, въ строгой системѣ, изслѣдованiй до сихъ поръ не было предпринимается. Мы знаемъ, что у насъ существуетъ и преобладаетъ общинное или мирское крестьянское землевладѣнiе, но какъ и когда оно началось, чрезъ какiя фазы развитiя переходило и переходить, въ какихъ формахъ существуетъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ данное время, подъ влiянiемъ какихъ условiй оно укоренилось и существуетъ, какое, съ своей стороны, оно оказываетъ влiянiе на разнообразныя условiя экономической жизни, какое отношенiе оно имѣетъ къ успѣхамъ земледѣлiя, въ сравненiи съ другими формами землевладѣнiя, — всѣ эти и многiя другiя болѣе частныя стороны вопроса остаются неизвѣстными. Всѣ сужденiя по этому предмету, естественно возникающiя въ научной и публицистической литературѣ вслѣдствiе тѣсной связи крестьянскаго землевладѣнiя со всѣми условiями быта

сельскаго населенія, основываются, по недостатку точныхъ матеріаловъ, или на обобщеніи крайне малаго числа фактовъ, болѣею частью наблюдаемыхъ случайно, фактовъ единичныхъ, частныхъ, не соображенныхъ со всей совокупностью явленій этого порядка, или на понятіяхъ и теоріяхъ, заимствованныхъ изъ экономическихъ ученій западной Европы, прилагаемыхъ безъ критической провѣрки къ явленіямъ нашего быта, принципиально отъ нихъ отличнымъ. Отсюда, на мѣсто трезваго логическаго сужденія и безпристрастной оцѣнки дѣйствительныхъ фактовъ, является въ вопросѣ первостепенной важности господство недоразумѣній и предвзятыхъ взглядовъ.

Вслѣдствіе такихъ причинъ оказывается необходимымъ приступить къ систематическому собиранію фактическаго матеріала о мірскомъ землевладѣніи и всестороннему изслѣдованію этого предмета. Такое изслѣдованіе должно имѣть двойное значеніе: *во-первыхъ*, въ смыслѣ самопознанія, какъ безусловно необходимаго элемента для правильнаго развитія и самой экономической жизни народа, и законодательства въ духѣ коренныхъ началъ и фактическихъ условій русской жизни; *во-вторыхъ*, въ интересахъ общей экономической науки. По первому пункту едва ли представляется нужнымъ входить въ какія-либо дальнѣйшія соображенія и приводить доказательства въ пользу такого изслѣдованія: они очевидны. Что касается второго соображенія, то нельзя не припомнить, что всѣ политико-экономическіе законы и положенія относительно землевладѣнія и ряда другихъ, изъ него вытекающихъ фактовъ, основаны на тѣхъ порядкахъ землевладѣнія, которые развились въ государствахъ западной Европы, и на крайне отрывочныхъ наблюденіяхъ, собранныхъ западными же учеными въ другихъ странахъ міра, болѣею частью случайныхъ, и притомъ нерѣдко у народовъ, стоящихъ на крайне различныхъ степеняхъ культуры и живущихъ при совершенно особыхъ отъ европейскихъ условіяхъ жизни. Такимъ образомъ теоретическое изученіе общаго вопроса о землевладѣніи, оставляя въ сторонѣ факты, существующіе въ культурномъ народѣ европейской семьи, какъ русскій, лишено прочной опоры. Такой проблѣ сознается въ западной наукѣ, и представители ея обратили въ послѣднее время серьезное вниманіе на изученіе общиннаго землевладѣнія. Матеріалами для этого не могутъ служить ни факты, существующіе на западѣ (развѣ только съ отрицательной стороны), ни тѣ отрывки свѣдѣній, которыми до сихъ поръ пользовались или изъ временъ стародавнихъ, покрытыхъ довольно густымъ туманомъ, или изъ странъ, населенныхъ дикарями, куда даже проникать довольно трудно, не только вести точныя изслѣдованія. Главный матеріалъ въ этомъ отношеніи должны дать факты о русскомъ землевладѣніи. Только у насъ, гдѣ общинное право получило широкое развитіе на огромной территоріи, можно найти поразительное разнообразіе явленій изъ дѣйствительной жизни, можно прослѣдить самыя разнообразныя отбѣны общины и живую исторію постепеннаго ея развитія, начиная отъ возникновенія общинныхъ порядковъ пользованія лѣсами и степями у звѣродововъ и кочевниковъ и съ первообраза общины на окраинахъ съ несѣдлыми еще племенами, затѣмъ постепенное и разнообразное развитіе ея въ цен-

тральныхъ частяхъ государства, видоизмѣненіи общинныхъ порядковъ при условіяхъ необходимости введенія болѣе улучшенной культуры земли, и, наконецъ, происходящую и теперь еще борьбу ея на западѣ при встрѣчѣ съ индивидуальнымъ началомъ. Такимъ образомъ и въ интересахъ обще-европейской науки изслѣдованіе нашего общиннаго землевладѣнія является дѣломъ первостепенной важности.

Вслѣдствіе приведенныхъ соображеній отдѣленія этнографіи и статистики Императорскаго Русскаго Географическаго Общества признали полезнымъ сдѣлать оныя изслѣдованія общиннаго землевладѣнія и поручили особой комиссіи составить программу таковаго изслѣдованія.

Въ составленной комиссіею программѣ принятъ слѣдующій методъ собранія данныхъ. Центромъ изслѣдованія взята поземельная община, — за нѣкоторыми исключеніями, принятыми въ соображеніе программой, — совпадающая въ большинствѣ случаевъ съ отдѣльнымъ селеніемъ. Рядъ описаній общинныхъ формъ и порядковъ, описаній внутренней жизни общины во всѣхъ ея проявленіяхъ и дастъ цѣлую систему фактовъ, относящихся къ этому предмету. Итакъ, общее изслѣдованіе должно опираться на всестороннее изслѣдованіе отдѣльныхъ единицъ поземельныхъ общинъ. Но такъ какъ для выясненія значенія общиннаго землевладѣнія, съ одной стороны, необходимо знаніе всѣхъ фактическихъ данныхъ той среды, въ которой община живетъ и дѣйствуетъ, а съ другой стороны, не менѣе важно было бы прослѣдить общинное начало или въ видѣ остатковъ прежней общины, или въ видѣ возникающихъ, въ силу экономической и нравственной воли, новыхъ порядковъ съ общиннымъ характеромъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ общинное землевладѣніе не существуетъ въ чистой или вполнѣ разившейся формѣ, то представляется необходимымъ: во-первыхъ, въ программѣ изслѣдованія общинныхъ порядковъ присоединить программу такихъ свѣдѣній, которыя обрисовывали бы мѣстную среду и внѣшнія условія каждой описываемой общины, и, во-вторыхъ, распространить собраніе свѣдѣній по составленной программѣ и на тѣ мѣстности Россіи, гдѣ по нѣвѣщимся свѣдѣніямъ общиннаго землевладѣнія въ его чистой формѣ и не существуетъ.

Такимъ образомъ, программа раздѣляется на 2 части: 1) описаніе порядковъ землевладѣнія и пользованія землею въ поземельной общинѣ или въ селеніи съ участковымъ владѣніемъ землею, и 2) общія хозяйственно-статистическія или справочныя свѣдѣнія по той мѣстности, въ которой находится община или селеніе.

Первая часть заключаетъ въ себѣ рядъ вопросовъ, касающихся специально порядковъ общиннаго землевладѣнія, въ соображеніи, насколько то позволяютъ общія нѣвѣщіе свѣдѣнія, различныхъ степеней его развитія или проявленія: такъ, въ началѣ, по опредѣленіи территориальныхъ границъ общины по отношенію къ поселенію общинниковъ (т.-е. совпадаетъ ли поземельная община съ земельнымъ надѣломъ всего селенія, или съ частью его, или же обнимаетъ нѣсколько селеній), слѣдуютъ вопросы, относящіеся къ уясненію различныхъ формъ общины — волости, какъ она существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ европейской Россіи и въ Сибири, а

также въ земляхъ казачьихъ ¹⁾; затѣмъ общины съ вольнымъ или захватнымъ пользованіемъ землею отдѣльными ея членами ²⁾; формы смѣшаннаго пользованія захватнаго съ передѣльнымъ, составляющаго переходъ къ общинѣ, передѣляющей земли, начиная съ выдѣла нѣкоторой части земли въ общее пользованіе и кончая остатками захватнаго пользованія лдами, дерюгами и т. п. ³⁾. Далѣе идутъ вопросы, относящіеся къ уясненію принципиально коренныхъ передѣловъ въ отличіе отъ частныхъ разверстокъ, переверстокъ земли и т. п., еще далѣе идутъ вопросы относительно примѣненія общинныхъ порядковъ къ спеціальнымъ культурамъ, къ хозяйству съ нѣскольکو улучшеннымъ сѣвооборотомъ ⁴⁾, къ общимъ работамъ какъ по веденію полевого хозяйства, такъ и по улучшенію угодій; къ пользованію лугами, лѣсами, усадьбами ⁵⁾ и проч. Вопросы, касающіеся устройства общинъ хозяйственныхъ дѣлъ, порядка мірскаго самоуправленія, условій выхода изъ общины, приѣма въ нее новыхъ членовъ и полнаго прекращенія общиннаго землевладѣнія, переходомъ къ участковому, или возникновенія его вновь вслѣдствіе обратнаго перехода, заключаетъ эту часть программы. Въ концѣ ея помѣщены вопросы о повинностяхъ крестьянъ ⁶⁾.

¹⁾ Въ олонечной губерніи посемельная община состоитъ часто изъ 20 до 50 большихъ селеній (*Д—нъ*, „Сельская община въ Олонечной губерніи“, „Отеч. Зап.“, 1874 г., февраль). Такія же общины изъ многихъ деревень существуютъ и въ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ (*Потанинъ*, „Древн. и Нов. Россія“, 1876, 10; *Остроумовъ*, „Молва“, 1876, № 80); такую же общину представляетъ и вся земля уральскаго войска (*Посниковъ*, „Общинное землевладѣніе“, вып. II, стр. 63—64). То же встрѣчается и въ ярославской губерніи (сообщено *Е. И. Якушкинымъ*).

²⁾ Вольный способъ пользованія общинною землею существуетъ въ Сибири (газета „Сибирь“, 1877 г., 20), тоже въ губ. сѣверныхъ европ. Россіи (*Потанинъ*, *Д—нъ*, *Остроумовъ*); тоже въ степяхъ уральскаго войска (*Посниковъ*, вып. II, стр. 64).

³⁾ Въ тобольской губерніи выдѣляются въ общее пользованіе земли, лежація близъ селенія (поскотинны), для пастбищъ скота (сообщ. *Е. И. Якушкинымъ*); тоже въ кубанской области (*Серафимовичъ*, „Памятная книжка куб. обл. на 1875 годъ“) и въ терской области („Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ“, 1878, т. IV). Другая форма смѣшаннаго способа, когда захватный способъ остается только на дальнихъ земляхъ, между тѣмъ, какъ ближнія передѣляются (*Остроумовъ*, *Д—нъ*, *Романовъ*, „Краткіе очерки уѣздовъ вятской губерніи“). Къ этой же категоріи относится пользованіе лдами, дерюгами (*Остроумовъ*, *Д—нъ*).

⁴⁾ *Посниковъ*, „Общ. землевл.“, вып. II, стр. 64 и слѣд.

⁵⁾ „О раздѣлѣ усадеб“, см. Орловъ, „Сборникъ статист. свѣдѣній по московскому уѣду“.

⁶⁾ При составленіи программы, комиссія воспользовалась нѣкоторыми указаніями изъ программы, составленной одновременно комиссіею Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества (занимавшейся обсужденіемъ того же вопроса) и обязательно предоставленной ей для соображенія комиссіи Географическаго Общества, съ цѣлью, въ интересахъ изслѣдованія, занимающаго оба Общества, достигнуть возможнаго единства обѣихъ программъ и однородности матеріала, имѣющаго быть достояніемъ всякаго изслѣдователя, принадлежащаго или не принадлежащаго къ составу того или другого Общества.

Для того же, чтобы факты, собранные по этой программѣ, не имѣли характера абстрактнаго, а стояли бы въ связи со всѣми вѣстными мѣстными условіями каждой описываемой общины, комиссія представлялось необходимымъ, какъ выше сказано, присоединить къ означенной программѣ вторую часть, программу справочныхъ свѣдѣній по каждой описываемой поземельной общинѣ или селенію (если землевладѣніе участковое). Эта часть заключаетъ рядъ вопросовъ: 1) по описываемой общинѣ, 2) по околотку (волости, приходу и пр.), въ которому она принадлежитъ, и 3) по нѣкоторымъ отдѣльнымъ дворамъ этого селенія или общины. Эти вопросы касаются: 1) *по селенію или общинѣ*: населенія, качества почвы и распредѣленія угодій, формы поземельнаго устройства, величины надѣла, условій земледѣльческой промышленности, т.-е. системы хозяйства, урожаевъ, постороннихъ отъ земледѣлія заработковъ, промысловъ мѣстныхъ и откожихъ, размѣра платежей и повинностей и степени достаточности жителей. 2) *По околотку* (волости и пр.) отвѣты на поставленные вопросы должны уяснить условія жизни поземельной общины внѣ тѣсныхъ предѣловъ одного селенія, общія для многихъ отдѣльныхъ общинъ той или другой мѣстности, главнымъ образомъ по отношенію къ характеру землевладѣнія въ разныхъ видахъ, къ земледѣльческому или промышленному развитію мѣстности и проч.; наконецъ, 3) *описанія подворныхъ* должны дать разъясненіе факта, какимъ образомъ общинные порядки, въ связи съ тѣми или иными экономическими условіями, отражаются на бытѣ отдѣльныхъ дворовъ, взятыхъ какъ типы различныхъ степеней состоятельности, т.-е. дворовъ богатаго, средняго и бѣднаго. Описанія дворовъ удобнѣе всего составить въ формѣ таблицы, и желательно имѣть описанія не менѣе одного двора каждаго изъ разныхъ типовъ.

Таково содержаніе программы изслѣдованія общиннаго землевладѣнія. Дополненіемъ ея, въ смыслъ всесторонняго изслѣдованія вопроса, можетъ представиться нѣкоторая организація системы собранія желаемыхъ описаній или, по крайней мѣрѣ, такія общія указанія, которыя могутъ быть полезны для мѣстныхъ изслѣдователей при выборѣ ими той или другой мѣстности для описанія общинъ.

Если предоставить дѣло одному случайному предложенію мѣстныхъ изслѣдователей или вообще лицъ, интересующихся изученіемъ народнаго быта, и ихъ готовности доставить свои труды Геогр. Обществу, можетъ случиться, что изъ однихъ мѣстностей будетъ доставлено много однородныхъ описаній, по другимъ же окажутся пробѣлы; поэтому Комиссія полагала полезнымъ поставить рядъ *типовъ* мѣстностей, къ которымъ могутъ относиться тѣ или иныя условія сельскаго быта, и связь которыхъ съ порядками землевладѣнія интересно прослѣдить. Такіе типы прежде всего представляются съ *географическо-хозяйственной, этнографической или культурно-исторической* сторонъ. Въ этихъ отношеніяхъ желательно имѣть изслѣдованія изъ слѣдующихъ областей или полосъ Россіи:

1) *Крайней сѣверной*, т.-е. губерній архангельской и вологодской; 2) *озерной*, т.-е. губерній новгородской, с.-петербургской, олонекской и псковской; 3) *митовской*, т.-е. виленской, ковенской и грод-

ненской; 4) *смоленско-бѣлорусскаго* полѣсья, т.-е. губерній смоленской, витебской, моголевской и минской; 5) *юго-западнаго заднѣпровья*, т.-е. жѣвской, подольской и волинской губерній; 6) *Малороссіи* по лѣвую сторону Днѣпра (полтавской, черниговской и харьковской губ.); 7) *новороссійской степной области*; 9) *московской промышленной или верхне-воложской*, — губерній: московской, владимірской, нижегородской, ярославской, тверской и костромской; 10) внутренней, по преимуществу *черноземной не степной области*, т.-е. рязанской, тамбовской, тульской, орловской, курской, воронежской и пензенской; 11) *воложской низовой*, т.-е. губ.: казанской, симбирской, саратовской и самарской; 12) *донско-каспійской области*, т.-е. областей: донской, уральской, кубанской и терской, губерній ставропольской и астраханской; 13) *приуральской области*, т.-е. губерній пермской, вятской, уфимской и оренбургской; 14) *западной Сибири*; 15) *восточной Сибири*; 16) *Кавказа*; 17) *киризской степи*. Въ каждой же изъ этихъ областей желательно еще имѣть изслѣдованія общинъ, представляющихъ различные типы по отношенію къ *поземельному устройству крестьянъ* и прежнимъ условіямъ ихъ быта, какъ-то: крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ: временно-обязанныхъ, собственниковъ вышедшихъ на полный, низшій или даровой надѣлы, бывшихъ оброчныхъ и барщинныхъ; удѣльныхъ и государственныхъ; крестьянъ, надѣленныхъ четвертными землями, однодворцевъ, иностранныхъ колонистовъ и проч.

Безъ сомнѣнія, типы разныхъ приведенныхъ категорій въ дѣйствительности составляютъ рядъ комбинацій, перечислить которыя было бы затруднительно, но на первый разъ было бы невозможно добиваться абсолютной полноты изслѣдованія. И если отъ имени Геогр. Общества будетъ сдѣлано обращеніе къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ въ различныхъ мѣстностяхъ съ просьбой составить описанія нѣсколькихъ общинъ или селеній, а съ другой стороны какъ ими, такъ и чрезъ посредство ихъ другими мѣстными наблюдателями будутъ приняты въ соображеніе выраженные цѣли изслѣдованія, то можно надѣяться, что уже такія описанія, хотя и немногочисленные, дадутъ на первое время весьма цѣнный матеріалъ; по изученіи этого матеріала окажется, какіе пробѣлы придется пополнить какъ въ программѣ, такъ и въ мѣстностяхъ изслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ напечатаніе разработанныхъ первоначальныхъ описаній возбудитъ интересъ къ дѣлу и вызоветъ новыхъ изслѣдователей, готовыхъ потрудиться на пользу отечествовѣдѣнія.

Дополнительныя указанія для изслѣдователей: 1) Желательно изъ одного околотка (волости, прихода и проч.) описаніе нѣсколькихъ поземельныхъ общинъ, представляющихъ различіе въ томъ или иномъ отношеніи; 2) Если при описаніи одной общины изслѣдователь узнаетъ, что тѣ или иныя условія, предусмотрѣнныя въ программѣ или не предусмотрѣнныя, но представляющія интересъ для изучаемаго дѣла, встрѣчаются по отзыву крестьянъ въ другихъ, сосѣднихъ или вообще имъ извѣстныхъ, общинахъ, то желательно, чтобы въ особомъ примѣчаніи были по крайней мѣрѣ указаны подобныя факты, если изслѣдователь не найдетъ возможнымъ сдѣлать

подробнаго описанія указываемыхъ общинъ; 3) Если изслѣдователь при описаніи порядковъ землевладѣнія и общихъ условій (справочныя свѣдѣнія) раскроетъ связь между тѣми и другими, и вообще если для него выяснится причинность тѣхъ или другихъ явленій, желательно, чтобы въ этомъ случаѣ онъ не оставилъ сдѣлать надлежащія указанія, примѣчанія и высказать свои соображенія; 4) Желательно получить списокъ мѣстныхъ словъ и выраженій, касающихся передѣловъ угодій, разныхъ земельныхъ долей, земельныхъ мѣръ, хозяйственныхъ порядковъ, хозяйственныхъ работъ, раскладовъ и т. п., съ объясненіями этихъ словъ, названій и выраженій; 5) Желательны замѣчанія на программу, ея пробѣлы, редакцію и проч.; 6) Настоящая программа представляетъ совокупность очень значительнаго числа вопросовъ, и если изслѣдователь встрѣтитъ затрудненіе отвѣчать на всѣ вопросы, то выполнение хотя нѣкоторой части программы будетъ принято съ признательностію. Съ равной благодарностію будутъ приняты свѣдѣнія и по тѣмъ дополнительнымъ вопросамъ, которые изслѣдователь признаетъ необходимыми.

II. ОПЫТЪ ПРОГРАММЫ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.

1. Существуетъ-ли въ описываемыхъ селеніяхъ общинное владѣніе землею?

2. Если существуетъ, то совпадаютъ-ли границы земельного надѣла крестьянъ съ границами сельскаго общества, или послѣднее состоитъ изъ нѣсколькихъ селеній, имѣющихъ совершенно отдѣльные надѣлы, т.-е. изъ нѣсколькихъ поземельныхъ общинъ, или же наконецъ селеніе, имѣющее одинъ общій земельный надѣлъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ?

3. Не состоитъ-ли описываемая поземельная община изъ многихъ селеній, поселковъ, станицъ, хуторовъ, и пр., которые (какъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, нѣкоторыхъ казацкихъ земляхъ и въ части Сибири), хотя и имѣютъ отдѣльные другъ отъ друга поля и луга, но, входя въ составъ общины, владѣютъ всею землею сообща съ другими селеніями, на общинномъ правѣ?

а) Не совпадаетъ-ли граница такой поземельной общины съ границею волости (урта, войска и пр.)?

б) Не имѣетъ-ли такая община права передѣла земель между всѣми селеніями и поселками, или право это распространяется только на часть земель, и на какую именно?

в) Не извѣстно ли, когда возникла такая община и вслѣдствіе

какихъ причинъ. Нѣтъ ли въ ней главнаго селенія и выселковъ изъ него?

г) Не существовало ли, до освобожденія крестьянъ, такого способа пользованія землею между многими селеніями, и если онъ уничтожился, то почему именно?

д) Если быть населенія основанъ исключительно на скотоводствѣ, то какой существуетъ способъ раздѣла пастбищъ, сѣнокосовъ, лѣса и другихъ угодій между родами, юртами, аулами, семьями, кибитами и пр.?

4. Подвергаются ли въ общинѣ какія-либо угодья (усадыбы, пахатныя поля, луга, выгоны, лѣса и пр.) періодическимъ передѣламъ, и если подвергаются, то какія именно; какія, наоборотъ, находятся въ постоянномъ общинномъ пользованіи (не передѣляются) и какія наконецъ остаются въ пользованіи отдѣльныхъ членовъ общины (и кого именно: хозяевъ, взрослыхъ работниковъ и пр.)?

5. Не существуетъ ли въ общинѣ (какъ, напр., на сѣверѣ, въ нѣкоторыхъ казацкихъ земляхъ, Сибири) вольный или захватный способъ пользованія землею, т.-е. не представляется ли каждому изъ членовъ общины пользоваться незанятою еще никѣмъ землею, на всемъ пространствѣ земельныхъ ея владѣній, гдѣ и въ какомъ количествѣ онъ хочетъ?

а) Не ограничивается ли эта свобода пользованія какими-нибудь обычными правилами и приговорами сходовъ, и какими именно?

б) Въ продолженіи какого срока имѣютъ право пользоваться своими участками лица, занявшія свободныя земли?

в) Не выдѣляется ли при этомъ часть земли для общаго пользованія всѣхъ членовъ общины, а также не поступаетъ ли какая-нибудь часть въ передѣлъ между ними и какая именно?

6. Если въ общинѣ часть земли уже передѣляется періодически, то не существуетъ ли еще на другой ея части вольнаго или захватнаго пользованія (права поднимать дальнія залежи, косить дальніе сѣнокосы въ степяхъ, раздѣлывать лѣса и лѣсные покосы, прокладывать путики для звѣриной и птичьей ловли, ставить борти, устраивать пасѣки и пр.)? Какія именно земли передѣляются, и какія существуютъ въ общинѣ правила пользованія какъ общей, такъ передѣляемой и непередѣляемой землями?

7. Бываютъ ли общіе, коренные передѣлы полей, т.-е. такіе, которые сопровождаются ломкой междъ, и если бываютъ, то какими причинами они вызываются; когда происходитъ послѣдній передѣлъ, и имѣется ли мирской приговоръ, въ силу котораго передѣлы должны возобновляться чрезъ опредѣленные сроки?

а) На какое именно число долей (душъ, работниковъ или тяголъ, дворовъ и т. п.) были подѣлены земли при послѣднемъ ихъ раздѣлѣ или передѣлѣ?

б) Что было принято за основаніе при общемъ передѣлѣ по-

лей: число-ли ревизскихъ душъ, число-ли работниковъ или тяголъ, или же число дворовъ и т. п.

в) Это основаніе для раздѣла полей существовало-ли и прежде (а также и до 1861 года, если послѣдній передѣлъ былъ позднѣе), и если основаніе было иное, то какое именно, и по какимъ неудобствамъ прежнее основаніе было измѣнено?

г) На какое число общихъ участковъ (коновъ, клиновъ, столбовъ, жеребьевъ, гривъ, холмовъ, кражей, круговъ, чередъ, чиселъ, мѣстъ и т. п.) было разбито каждое поле, и затѣмъ насколько полось (гоновъ, дѣлянокъ, творилъ, косяковъ и т. п.) былъ раздѣленъ каждый участокъ? Раздѣляются-ли кони между собой межиными и какой ширины; если нѣтъ, то какъ подѣлаются крестьяне въ своимъ полосамъ? Какъ велика длина и ширина полось?

д) Поскольку именно полось въ каждомъ полѣ и кону отводится на каждую душу, или работника, или дворъ; какъ отводятся домохозяевамъ эти полосы: смежно-ли по нѣскольку полось, или въ разныхъ мѣстахъ?

е) Не оставляется-ли при передѣлахъ нѣсколько надѣловъ въ запасъ для подрастающихъ членовъ общины, и какъ распоряжается ими міръ до ихъ передачи новымъ членамъ?

ж) Не исключаются-ли изъ передѣла какія либо полосы, напр. унавоженныя, и на какой срокъ? Если навозныя пашни также поступаютъ въ передѣлъ, то не передѣляются-ли онѣ только между тѣми крестьянами, которые унавоживаютъ свои пашни?

з) Какъ передѣляется земля при залежномъ хозяйствѣ?

и) Не обнаружались-ли какія нибудь неудобства въ основаніи, принятомъ при послѣднемъ передѣлѣ, и какія, и не введены-ли поэтому крестьянами какія-либо частныя поправки при позднѣйшихъ разверсткахъ полей?

к) Не записываются-ли гдѣ либо опредѣленія схода о распредѣленіи земли по послѣднему передѣлу?

8. Независимо отъ общихъ, коренныхъ передѣловъ полей (съ ломкою межъ и перебивкою всѣхъ полось) не существуютъ-ли еще частныя (періодическія, напр. ежегодныя, или неперіодическія) разверстки или переверстки этихъ полось между всѣми членами общины, или хотя между отдѣльными дворами и крестьянами, но по опредѣленію міра? Какъ часто онѣ бывають и чѣмъ вызываються?

а) Не бываетъ-ли ежегодной общей переверстки (жеребьевки) полось между всѣми крестьянами? Если бываетъ, то почему она принята и какъ производится?

б) Не бываетъ-ли только (періодической или ежегодной) перекладки земельныхъ паевъ или долей (душъ, тяголъ и т. п.) съ нѣкоторыхъ дворовъ на другіе, но по рѣшенію всего міра; чѣмъ вызываються эти перекладки и какъ часто бывають?

в) Не бываетъ-ли совмѣство и перекладки и жеребьевки, и какъ часто?

г) Нѣтъ-ли какого-либо иного способа разверстки полось?

д) Какое именно основаніе принято теперь при этихъ періодическихъ разверсткахъ полей; принимается-ли въ соображеніе: число ревизскихъ душъ по уставной грамотѣ или владѣнной записи и т. п., число наличныхъ душъ муж. пола, наличныхъ жителей обоого пола, работниковъ мужескаго пола, наличныя рабочія силы обоого пола, зажиточность отдѣльныхъ дворовъ, общія платажныя средства этихъ дворовъ, или наконецъ совокупность нѣкоторыхъ изъ этихъ условій и какихъ именно?

е) Правила, принятыя при коренномъ передѣлѣ относительно навозныхъ пашень, соблюдаются-ли также и при періодическихъ разверсткахъ полей; если нѣтъ, то какія правила для этого существуютъ; не переверстываются-ли только однѣ дальнія, ненавозныя пашни?

ж) Какія измѣненія въ разверсткѣ земель происходятъ отъ семейныхъ раздѣловъ; насколько вызывается ими необходимость этой разверстки; нарушаютъ-ли семейные раздѣлы интересы всей общины и въ чемъ именно?

з) Что дѣлаетъ общество съ участками выморочными, съ упраздненными временно по малолѣтству членовъ семьи и съ участками безнадежно недомочныхъ? Что дѣлаетъ оно съ брошенными участками, если это бываетъ, и съ такими, отъ которыхъ крестьяне отказываются?

и) Существуютъ-ли частныя обшны или передача полосъ между крестьянами, причины ихъ и условия?

9. Если въ селеніи развиты какія-либо спеціальныя культуры: огородничество, разведеніе подсолнечника, конопли въ поляхъ и пр., или введенъ необычный въ околотиѣ, нѣсколько улучшенный сѣвооборотъ, то какіе порядки въ раздѣлѣ земли и пользованіи ею существуютъ въ селеніи?

Имѣеть-ли отдѣльный хозяинъ право и возможность отступать отъ принятой въ общинѣ системы хозяйства, т. е., напр., при трехпольной системѣ сѣять озимній хлѣбъ въ яровомъ полѣ, и наоборотъ—яровой въ озимомъ, или подпаривать паровое поле, т. е. сѣять на немъ ленъ или другія растенія; имѣеть-ли онъ возможность ввести посѣвы травы и наконецъ принять и вовсе иной сѣвооборотъ? Какъ пользуются при этомъ крестьяне паровымъ полемъ для выгона скота, а также и особыми выгонами, если они есть? Обязаны-ли домохозяинъ приступать къ полевымъ работамъ въ срокъ, назначенный сходомъ, или такихъ сроковъ вовсе не существуетъ, и каждый начинаетъ работу когда хочетъ? Обязаны-ли хозяинъ унавоживать полосу, доставшуюся ему по раздѣлу? Имѣеть-ли онъ право продавать съ своего двора навозъ, и кому: только ли одно-общинникамъ, или же и постороннимъ лицамъ? Имѣеть-ли право домохозяинъ, владѣющій общинною пахатною землею, продать весь свой скотъ?

10. Не обрабатываются-ли, или не убираются-ли сообща *всєю общиною* какія-либо земли, какія именно, и какимъ порядкомъ въ

такимъ случаѣ производятся работы и дѣлится урожай хлѣба или сборъ сѣна и другихъ произведеній?

а) Если такое общее хозяйство ведется, то давно-ли, и какъ оно возникло? Какіе порядки установлены въ немъ? Нѣтъ-ли мірскихъ построекъ, машинъ, орудій, мірскаго скота? Кто распоряжается работами? Какъ распредѣляются работы и сборъ произведеній между крестьянами? Какъ удобряются поля?

б) Если въ селеніи есть поемныя пашни, то не обрабатываются-ли онѣ сообща всѣми крестьянами, съ дѣлежомъ продукта, и какія правила соблюдаются при этомъ?

в) Не соединилось-ли для общаго хозяйства на своихъ участкахъ нѣсколько дворовъ, по какимъ причинамъ и на какихъ основаніяхъ?

г) Не пользуется-ли нѣсколько сосѣднихъ общинъ какими-либо угодьями сообща?

11. Не производили-ли крестьяне, со времени освобожденія, нѣкоторыхъ работъ цѣлою общиною (или товариществами) на своей землѣ, въ видахъ коренныхъ улучшеній угодій, напр. осушки болотистыхъ мѣстъ, устройства канавъ, устройства большихъ запрудъ, орошенія, расчистки зарослей, раскорчевки лѣсныхъ мѣстъ и т. п.? Какой размѣръ участія принимаетъ въ этомъ случаѣ каждый дворъ (или душа, тягло, наличный работникъ и пр.) и какъ разверстываются затѣмъ прибыли и выгоды отъ предпріятія? Не зависитъ-ли и въ этомъ случаѣ система разверстки работъ и прибылей отъ общей системы разверстки земель и повинностей въ общинѣ?

12. Какой способъ принять для раздѣла общественныхъ луговъ:

а) Разбиты-ли они на постоянныя участки, или же передѣляются, и какъ часто; какое принято основаніе для дѣлежа: по числу-ли ревизскихъ душъ, тяголъ, дворовъ?

б) Не косить-ли крестьяне своихъ луговъ сообща, съ раздѣломъ затѣмъ между собою сѣна по душамъ, дворамъ, рабочимъ, участвовавшимъ на сѣнокосяхъ и пр.?

в) Не существуетъ-ли наконецъ (въ степяхъ) захватнаго способа пользованія лугами, т.-е. кто сколько скоситъ или обкоситъ кругомъ въ одинъ день и т. п., или пользованія на извѣстный срокъ раздѣланными лугами или покосами на запущенныхъ пашняхъ (пожни и облоги)?

г) Какіе порядки существуютъ какъ при дѣлежѣ луговъ, такъ и при распредѣленіи луговыхъ полосъ между крестьянами (жеребевка, сѣна полосъ погодно и т. п.), имѣетъ-ли вліяніе на эти порядки качество разныхъ частей луга или что-либо другое, и что именно? (Ширина полосъ).

13. Если у селенія есть лѣсъ или кустарникъ, то какой способъ пользованія имъ существуетъ между крестьянами: участковый подушный, дѣлежомъ-ли срубленнаго сообщнаго лѣса на постройки, топливо и лучину и т. п.? Какіе существуютъ порядки пользованія

общими лѣсами (на сѣверѣ Россіи) въ отношеніи охоты за дичью и ловли звѣрей?

14. Какія правила существуютъ относительно пользованія выгонами; гдѣ пасется скоть, кто имѣетъ право выпускать свой скоть въ стадо, пользуются-ли этимъ правомъ безземельные крестьяне и посторонніе жители и на какихъ условіяхъ?

15. Если селенію принадлежатъ рыбныя ловли, угольныя копи, каменоломни, мѣсторожденія глины, удобной для выдѣлки кирпича, мѣста для мочки льна и пеньки и пр., то какой порядокъ установленъ для пользованія ими?

16. Какіе виды усадебной земли находятся въ подворномъ наслѣдственномъ владѣніи, и какіе передѣляются?

а) Не было-ли примѣра передѣла дворовыхъ мѣстъ, когда и какимъ порядкомъ онъ производился? Какъ и изъ какихъ земель отводятся новыя дворовыя мѣста; какъ они разбиваются послѣ пожаровъ?

б) Передѣляются ли остальные виды усадебныхъ угодій (огороды, конопляники, капустники, гуменныя земли и т. п.), какіе именно и какъ часто?

17. Какъ устраиваются общія хозяйственныя дѣла всего міра?

а) Какія правила существуютъ относительно найма пастуха и содержанія быка, какъ караулятъ крестьяне лошадей, охраняютъ мірской лѣсъ, огораживаютъ и охраняютъ поля и другія угодья, содержатъ общественныя зданія, исправляютъ дороги, мосты и пр.?

б) Какія помочи другъ другу существуютъ между крестьянами въ общинѣ: при постройкѣ дворовъ, при недостаткѣ у двора силъ для обработки земель и пр.? Если существуетъ удобреніе полей, то вывозятъ ли крестьяне удобреніе общими силами, поочередно изъ каждаго двора, и какіе существуютъ при этомъ порядки; или же каждый дворъ вывозитъ удобреніе собственными силами?

в) Не сдаются ли въ аренду части мірскихъ земель или другое общественное имущество, и какіе при этомъ существуютъ правила и порядки, и какъ дѣлятся доходы съ этихъ статей?

г) Въ случаѣ упадка хозяйства отдѣльныхъ членовъ общины, не принимаетъ ли міръ какихъ-нибудь мѣръ для его поднятія: въ видѣ ли помощи слабосильнымъ, или понужденія нерадивыхъ домохозяевъ?

д) Принимаетъ ли міръ участіе въ дѣлѣ назначенія хозяина двора, въ семейныхъ раздѣлахъ, въ дѣлахъ по наслѣдству своихъ членовъ, и въ чемъ это участіе выражается. Чѣмъ обусловливается, по мірскимъ правиламъ, право каждаго отдѣльнаго крестьянина на полученіе земельного пая, когда это право превращается; какія ограниченія въ правѣ распоряженія надѣльною землею зависятъ отъ міра?

18. Какіе порядки существуютъ въ общинѣ для тѣхъ мірскихъ

сходовъ, на которыхъ рѣшаются дѣла общиннаго земельного хозяйства; кто имѣетъ право требовать созыва схода, кому объ этомъ заявляютъ, кто созываетъ сходъ, кто на немъ присутствуетъ: хозяева-ли, или всѣ взрослые работники и пр.; допускаются-ли замѣняющіе хозяевъ мужчины и женщины, постановляются-ли рѣшенія схода единогласно или большинствомъ голосовъ; какого рода лица (мѣстные и посторонніе) имѣютъ особое вліяніе на сходы, чѣмъ оно обусловливается; не признаются ли нѣкоторые изъ этихъ лицъ миробдами и кулаками, и въ какой мѣрѣ послѣдніе имѣютъ вліяніе на сходы? Когда именно собираются сходы для передѣла и разверстки полей и сѣнокосовъ?

Въ сельскихъ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ селеній, имѣющихъ отдѣльные надѣлы, кто руководитъ общинными сходами по хозяйственнымъ вопросамъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ сельскаго старосты? Кто руководитъ ими въ большомъ селеніи, имѣющемъ одинъ общій надѣлъ, если въ немъ нѣсколько сельскихъ обществъ?

19. Не бывало-ли между государственными крестьянами случаевъ выкупа своихъ земельныхъ участковъ и продажи ихъ, въ цѣломъ составѣ или частями, постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ составу общины? Не было-ли случаевъ выкупа отдѣльныхъ участковъ бывшими помѣщичьими крестьянами (165 ст. Положенія о выкупѣ)? Не было-ли случаевъ продажи такихъ участковъ постороннимъ? Выдѣлялись-ли такіе участки къ однимъ мѣстамъ, а если не выдѣлялись, то не исключались-ли изъ передѣловъ? Не было-ли случаевъ отчужденія части общинной земли въ постороннія руки? Какое вліяніе имѣютъ всѣ такіе случаи на интересы общины и на характеръ общинныхъ порядковъ?

20. Не состоялось-ли мирскаго приговора о раздѣлѣ всей надѣльной или только полевой земли на подворные участки, и если состоялся, то когда именно?

а) Если такой приговоръ состоялся, то приведенъ ли онъ въ дѣйствіе, и владѣютъ ли крестьяне землями подворно?

б) Чтò именно было причиною составленія приговора о раздѣлѣ земли на подворные участки; по общему ли желанію крестьянъ онъ составленъ, или по другимъ причинамъ, и какимъ, и если приговоръ не приведенъ въ дѣйствіе, то по какой причинѣ?

в) Остался ли при переходѣ къ участковому пользованію прежняя дробность и чрезполосность землевладѣнія, или же крестьяне стремятся къ сгруппированію участковъ каждаго домозанима въ болѣе крупныя доли? Не разселились ли крестьяне изъ одной деревни въ нѣсколько болѣе мелкихъ, или на отдѣльныхъ хуторахъ? Замѣчается-ли въ такихъ селеніяхъ, послѣ перехода къ участковому владѣнію, какое-нибудь измѣненіе, улучшеніе, или наоборотъ, упадокъ въ хозяйствѣ и благосостояніи крестьянъ, и въ чемъ именно это заключается? Какое вліяніе оказалъ этотъ переходъ въ частности на положеніе крестьянъ болѣе зажиточныхъ,

средняго состоянія и бѣднѣйшихъ? Насколько довольны этимъ переходомъ крестьяне каждаго разряда?

г) Какое вліяніе имѣлъ переходъ къ участковому владѣнію на платежъ повинностей и недоимокъ?

д) Не явилось-ли, вслѣдствіе участковаго владѣнія, опустѣлыхъ дворовъ, и что дѣлается съ ихъ участками; не были-ли отчуждаемы нѣкоторые участки въ постороннія руки?

е) Какое вліяніе оказалъ переходъ къ участковому владѣнію на семейныя раздѣлы, стали-ли они рѣже прежняго, и выдѣляются лишь тѣ члены семьи, которые въ состояніи приобрести себѣ новый надѣлъ, или же наоборотъ, мѣръ, не заинтересованный, съ уничтоженіемъ круговой поруки, въ платежной способности двора, позволяетъ семьямъ дѣлиться безпрепятственно, съ размельченіемъ двороваго участка?

ж) Нѣтъ-ли случаевъ перехода отъ участковаго владѣнія землею къ общинному. Что вызвало это, и какой именно порядокъ въ пользованіи угодьями установленъ общиной?

21. Есть-ли у селенія, кромѣ его надѣла, общественная земля, приобретенная цѣлою общиной послѣ освобожденія; раздѣлена ли она подворно, или находится въ общинномъ пользованіи, и въ такомъ случаѣ передѣляется ли она одинаково и одновременно съ надѣломъ, или существуютъ иные порядки въ пользованіи ею? Какъ великъ размѣръ купленной земли?

а) Если отдѣльные крестьяне, входящіе въ составъ общины, приобрѣли въ собственность участки, то продолжаютъ-ли они жить на общинной землѣ и пользоваться ею, наравнѣ съ прочими крестьянами, или же переселились на свои земли? Въ первомъ случаѣ какія именно выгоды привязываютъ ихъ къ общинной землѣ?

б) Не приобрѣтены-ли земли на сторонѣ товариществами (или артелями) нѣсколькихъ домохозяевъ, сколькихъ и кого именно, какъ великъ размѣръ этихъ земель, на какихъ условіяхъ между собою купили крестьяне эти земли, перешли-ли они жить на нихъ и какъ пользуются землею: на общинномъ-ли правѣ, или раздѣлили ихъ на участки? Если хозяева или нѣкоторые изъ нихъ остались жить на общинной землѣ, то какія выгоды ихъ къ ней привязываютъ?

в) Какъ работаютъ крестьяне на арендуемыхъ или снимаемыхъ земляхъ: сообща, или каждый отдѣльно, и если работаютъ сообща, то какъ дѣлятъ между тобою сборъ съ нихъ хлѣба, сѣна и пр.?

г) Если селеніе снимаетъ сообща постороннія земли за известную плату или отработку, то какой существуетъ способъ раздѣла арендуемой земли между домохозяевами, а также какъ распределяется арендная плата за землю или отработка между отдѣльными крестьянами?

22. Если общиннаго пользованія землею нѣтъ, то какъ разбиты участки: подворно-ли въ особыхъ обрубкахъ, или чрезполосно (шнуро-

вое-ли дѣленіе, или иное), сколько дворъ имѣеть полость; раздѣлены-ли дуга и лѣсъ, есть-ли общій выгонъ и пр.?

Если пользованіе землею участковое, то не помнятъ-ли старожилы, что въ селеніи существовало общинное пользованіе землей? Въ такомъ случаѣ когда оно уничтожилось и по какимъ причинамъ?

23. Если обществомъ приняты въ свою среду новые члены, то получили-ли они земельные надѣлы и на какихъ условіяхъ они были приняты?

24. Если были случаи выхода крестьянъ изъ состава общества послѣ 1861 года, то по какимъ это произошло причинамъ? Переселились-ли они, куда именно и чѣмъ живутъ? Кому переданы ихъ земельные надѣлы?

Если есть цѣлые крестьянскіе дворы въ отсутствіи: извѣстномъ и неизвѣстномъ, или брошенные надѣлы и усадьбы, то по какимъ причинамъ; кто ими пользуется и на какихъ условіяхъ?

25. Если между крестьянами есть безземельные изъ принадлежащихъ къ кореннымъ жителямъ селенія, то по какой причинѣ они сдѣлались безземельными, и какимъ промысломъ живутъ въ настоящее время; какими изъ мірскихъ угодій они пользуются и на какихъ условіяхъ?

а) Если есть дворы безлошадные, то какимъ способомъ обрабатываютъ они свои надѣлы и пользуются угодьями?

б) Какое вліяніе на общинные порядки и на обезземеленіе крестьянъ оказываетъ общая воинская повинность? Сохраняютъ-ли жены новобранцевъ и ихъ дѣти право на надѣлы и въ какихъ размѣрахъ, выходятъ-ли они изъ общины, или остаются въ немъ безземельными? Возвращаются-ли солдаты въ составъ общины и получаютъ-ли надѣлы.

26. Какъ разверстываются повинности между крестьянами: по душно, потягольно, подворно по зажиточности крестьянъ, по размѣрамъ промысловыхъ ихъ заработковъ, или иначе?

а) Имѣеть-ли принятое въ общинѣ основаніе для разверстки повинностей тѣсное соотношеніе съ основаніемъ разверстки земли между крестьянами? Если нѣтъ, то какія причины обуславливаютъ это различіе?

б) Не обуславливается-ли существующая система разверстки надѣльной земли (по душамъ, дворамъ, тягламъ, рабочимъ, варамамъ, братьямъ, вѣнцамъ и т. п.) единственно размѣрами и тягостью повинностей, лежащихъ на крестьянахъ, или же, напротивъ, выгодностью надѣловъ?

в) Не повели-ли измѣненія въ размѣрѣ и разверсткѣ платимыхъ крестьянами повинностей къ измѣненію въ системѣ разверстки земли, особенно при введеніи уставныхъ грамотъ, при переходѣ на оброкъ или при совершеніи выкупного акта?

г) Какая система отвѣтственности въ повинностяхъ, лежащихъ

на всей общинѣ, существуетъ между отдѣльными крестьянскими дворами? Какъ поступаетъ общество въ случаѣ невозможности высказать недоимку съ двора?

д) Какъ уплачиваетъ міръ повинности, падающія на убылыя души и опустѣвшіе дворы? Не освобождаются-ли на время отъ уплаты повинностей или части ихъ тѣ крестьяне, хозяйство которыхъ пришло во временной упадокъ (вслѣдствіе пожара, падежа скота, убыли работниковъ и другихъ причинъ)? Нѣтъ-ли бесплатныхъ участковъ для стариковъ, вдовъ, сиротъ и пр.? Какъ распредѣляетъ міръ въ подобныхъ случаяхъ повинности: поровну-ли между всѣми крестьянами, или же накладываетъ ихъ на нѣкоторыхъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ? Что называется накладными или накладочными душами?

е) Не пользуются-ли какими-либо льготами въ отбываніи повинностей старшины, старосты и другія должностныя лица, и какъ распредѣляются міромъ причитающіеся съ нихъ платежи?

ж) Какъ распредѣляетъ міръ повинности, причитающіяся съ воинскихъ чиновъ во время ихъ службы?

з) Какія послѣдствія относительно владѣнія общинною землею влечетъ за собою неплатежъ крестьянами домохозяевами повинностей? Часто-ли были лишенія земли за недоимки? Во всякое-ли время можетъ быть отобрана міромъ земля у домохозяина? Какія обычныя правила существуютъ при передачѣ міромъ земли отъ одного крестьянина другому относительно платежа повинностей и пользованія землею? На какихъ условіяхъ недоимщики получаютъ обратно свои земли? Небыло-ли случаевъ лишенія міромъ общинника правъ на землю навсегда, и какіе именно эти случаи?

27. Какіе существуютъ виды натуральныхъ повинностей, какъ онѣ велики, какимъ способомъ разверстываются между крестьянами? Стоимость снаряженія новобранца, способъ ея разверстки. Приблизительная стоимость на душу повинностей: воинской, подворной, дорожной, постоянной и др. и способы ихъ разверстки.

28. Существуетъ-ли круговая порука въ какихъ-либо случаяхъ, кромѣ платежа налоговъ? (Въ этомъ отношеніи интересны общества, имѣющія менѣе 40 душъ, освобожденныя теперь отъ круговой поруки въ платежѣ податей).

СПРАВОЧНЫЯ СВѢДѢНІА.

І. По описываемой общинѣ.

Волость.

Названіе селенія и сельскаго общества.

При какой водѣ.

Если селеніе образуетъ выселокъ, то когда онъ возникъ.

Вопросы.

1. Число дворовъ въ селеніи.
2. Число ревизскихъ душъ м. п. по уставной грамотѣ.
3. Число наличныхъ душъ муж. и жен. пола по семейному списку.
4. Число лицъ мужескаго пола въ рабочемъ возрастѣ отъ 17 до 55 лѣтъ.
5. Величина и число семей: большихъ, среднихъ и малыхъ.
6. Какой народности и вѣры жители (великороссы, малороссы, бѣлороссы, корела, мордва, татары и проч.; православные, едино-вѣрцы, раскольники, магометане и проч.).
7. Крестьяне-собственники или временнообязанные, арендаторы, половники и пр.
8. Были-ли до 1861 г. государственными, удѣльными, владѣльче-скими или какой либо иной категоріи?
9. Если крестьяне были владѣльческими, то были-ли они до 1861 г. на барщинѣ или оброкѣ?
10. Когда перешли съ барщины на оброкъ (размѣръ оброка), или когда приступили къ выкупу: добровольному, или обязательному, или приняли даровой надѣлъ? Если приняли на себя и дополни-тельный взносъ, то на какихъ условіяхъ? Уплатили-ли его или н-кую часть его?
11. При составленіи уставной грамоты былъ ли надѣлъ уменьшенъ или остался прежній? Былъ ли обмѣнъ угодій? Было-ли перенесеніе усадебъ?
12. Какая почва?
13. Существуетъ-ли удобреніе полей, и если существуетъ, то удо-бряются-ли всѣ поля: и ближнія и дальнія. Если поля не удобряются, то почему;—не существуетъ ли толока полей скотомъ?
14. Какой въ селеніи сѣвооборотъ, и какіе главные хлѣба и ра-стенія сѣются. Не было ли сдѣлано цѣлой общиной или отдѣльными домохозяевами какихъ-либо улучшеній въ системѣ полеводства, вве-денія новыхъ растений въ сѣвооборотъ, какой-либо специальной куль-туры и т. п. Когда именно, по какимъ соображеніямъ и по чьему почину сдѣланы такіа улучшенія. Не введено ли въ общій сѣвообо-ротъ травосѣянія. Не введено-ли цѣлой общиной сравнительно съ сосѣдами какихъ-либо улучшенныхъ орудій и машинъ (плуги, вѣялки, молотилки, соломорѣзки и пр.)?
15. При залежномъ хозяйствѣ какая часть всей удобной земли со-стоитъ обыкновенно подъ посѣвомъ, какая ежегодно поднимается и сколько лѣтъ сряду обрабатывается?
16. Если существуетъ лядинное или подсѣчное хозяйство, то сколько приблизительно ежегодно расчищается лядинъ (кулигъ и пр.), въ какомъ разстояніи отъ селенія, какіе хлѣба сѣются на ля-динахъ въ первый годъ и въ послѣдующіе. Сколько лѣтъ произво-дятся выпашка лядины. На своей ли землѣ лядины, или у кого сн-маются; въ послѣднемъ случаѣ на сколько лѣтъ и за какую цѣну или отработку?

17. Гдѣ пасется крестьянскій скотъ: по пару, по скопленнымъ лугамъ, по живью или имѣются особенные выгоны и пастбища?

18. Если особенныхъ выгоновъ нѣтъ, то гдѣ крестьянскій скотъ пасется въ междуряе, т.-е. въ тотъ промежутокъ времени, когда паръ уже поднятъ, а луга и поля еще не убраны?

19. Если имѣются особенныя мѣста для пастбы скота, то какъ они называются, и чѣмъ отличаются между собою выпуски, телятники, выгоны и пастбища, величиною ли, близостью къ усадьбѣ, назначеніемъ или чѣмъ инымъ?

20. Достаточно-ли собираемаго хлѣба для продовольствія селенія. Если есть излишекъ, то какой примѣрно: въ средній, урожайный и неурожайный годы. Какіе изъ хлѣбовъ продаются постоянно и въ какомъ приблизительно количествѣ?

21. Если хлѣба не достаетъ, то насколько приблизительно (для лучшаго, средняго и худшаго дворовъ и при различныхъ урожаяхъ: лучшимъ, среднемъ и худшемъ).

22. Не существуетъ ли особой, прибыльной отрасли полевого хозяйства: огородничества, разведенія пеньки, льна, подсолнечника, горчицы, табаку, свекловичи и пр., и какое пространство занимаютъ онѣ въ поляхъ. Существуютъ ли другія прибыльныя отрасли хозяйства: садоводство, пчеловодство и пр.?

23. Существуютъ ли на землѣ общины торговныя, промышленныя и сельскохозяйственныя заведенія, и какой они приносятъ доходъ. Кому они принадлежатъ: всей ли общинѣ или отдѣльнымъ домохозяевамъ?

24. Есть ли оброчныя или другія доходныя статьи и что онѣ даютъ общинѣ?

25. Достаточно-ли собираемаго хлѣба и доходовъ отъ другихъ отраслей хозяйства, промышленныхъ заведеній и доходныхъ статей на покрытие нуждъ населенія въ продовольствіи и на уплату налоговъ?

26. Если недостаточно, то чѣмъ приобрѣтаютъ крестьяне недостающее: существуютъ-ли мѣстные промыслы и какіе именно, или промыслы отхожіе и какіе, въ какія мѣста и надолго-ли крестьяне отлучаются, и что даютъ промыслы какъ мѣстные, такъ и отхожіе?

27. Какіе заработки и доходныя статьи были у крестьянъ до 1861 г. Не исчезли ли съ 1861 года нѣкоторыя, и не возникли ли другіе вновь?

28. Арендуютъ ли крестьяне на долгіе сроки, или нанимаютъ погодно сосѣднія земли, и многіе ли; сколько земель снимаютъ они? По какой цѣнѣ снимаются эти земли, и какъ велика прибыль отъ арендованія?

29. Увеличивается или уменьшается количество арендуемыхъ и нанимаемыхъ крестьянами земель, и растутъ ли арендныя и наемныя цѣны? Цѣны существующихъ арендъ на земли въ цифровыхъ данныхъ.

30. Сколько лицъ того и другого пола уходило въ послѣдніе годы (по крайней-мѣрѣ за 3 года) на заработки на сторону по пас-

портамъ и билетамъ, съ раздѣленіемъ ихъ на уходящихъ по билетамъ и паспортамъ:

мѣсячнымъ
3-хъ-мѣсячнымъ
6-ти „
годовымъ,

и съ указаніемъ мѣстностей, куда уходили и вида промысла.

31. Уменьшилось или увеличилось въ селеніи число рогатаго скота, лошадей и овецъ, сравнительно съ временемъ до 1861 года (если этого опредѣлить нельзя, то за послѣдніе 3 года); если уменьшилось, то насколько именно и по какимъ причинамъ. Были ли надежи и въ какихъ размѣрахъ? Число наличнаго скота.

32. Есть ли въ селеніи дворы безлошадные, сколько ихъ, и какія причины вызвали такое положеніе дворовъ. Дворы, не имѣющіе лошадей, имѣютъ ли земельные надѣлы. Если они земли не держатъ, то чѣмъ живутъ?

33. Не было ли случаевъ выхода крестьянъ изъ состава общества; если были, то когда, сколько, почему и на какихъ условіяхъ вышли? То же относительно принятія новыхъ членовъ.

34. Есть ли въ селеніи хлѣбъ въ запасномъ магазинѣ и сколько на душу. Есть ли мірскіе капиталы и въ какомъ количествѣ?

35. Размѣръ повинностей и другихъ обязательныхъ сборовъ, выдающихъ по окладу 1878 года на все селеніе и на ревизскую душу: государственныхъ, земскихъ (губернскихъ и уѣздныхъ), мірскихъ (волостныхъ и сельскихъ), выкупныхъ или оброчныхъ и пр.?

36. Нѣтъ ли на общинѣ недоимки. Если есть, то сколько и по какимъ именно налогамъ. Когда недоимка образовалась и по какимъ причинамъ?

37. Не было ли съ 1861 года продажъ имущества за недоимки (полицейской или мірской), и если были, то какое имущество было продано?

38. Улучшился или ухудшился бытъ крестьянъ съ 1861 года, и въ чемъ именно замѣтно это измѣненіе?

39. Сколько въ селеніи (изъ общаго числа) дворовъ, выдающихся достаточною или бѣдностью? Желательно подробное описаніе по крайней мѣрѣ одного двора разныхъ типовъ, какъ-то: богатаго, зажиточнаго, средняго, бѣднаго и совершенно неимущаго по ниже слѣдующей программѣ.

II. По дворамъ описываемой общины.

Имя, отчество и прозваніе домохозяина?

ВОПРОСЫ.

1. Сколько во дворѣ ревизскихъ и наличныхъ душъ того и другого пола, съ раздѣленіемъ ихъ по возрастамъ:

до 12 лѣтъ	
отъ 12 до 17 лѣтъ	
„ 17 „ 55 „	
свыше 55 „	

и съ оговоркой о числѣ работниковъ и о числѣ увѣчныхъ и неспособныхъ къ работѣ.

2. Когда возникъ дворъ, если онъ образовался вслѣдствіе семейнаго раздѣла послѣ 1861 года?

3. Сколько во владѣніи двора душевыхъ или тягловыхъ надѣловъ: цѣлыхъ и дробныхъ?

4. Не измѣнилось ли число надѣловъ двора въ послѣдніе годы (не менѣе 3-хъ лѣтъ) и по какой причинѣ?

5. Какъ великъ размѣръ разныхъ повинностей, а также итогъ всѣхъ повинностей, вмѣстѣ съ выкупными платежами, оброкомъ, дополнительными платежами и т. п., которыми обложенъ дворъ по послѣдней мірской раскладкѣ (на какое число душъ или тяголъ и проч.).

6. Если общій итогъ повинностей измѣнился въ послѣдніе годы, то насколько и по какимъ причинамъ?

7. Достаетъ ли двору собираемаго имъ хлѣба съ своего надѣла, и если не достаетъ, то на сколько времени (въ лучший, средній и худшій года). Если продается, то какой хлѣбъ и сколько приблизительно?

8. Сколько при дворѣ наличныхъ головъ рогатаго скота, лошадей и овецъ. Уменьшилось или увеличилось число скота въ послѣднее время, и если уменьшилось, то по какой причинѣ?

9. Не имѣетъ ли дворъ собственной земли, и если имѣетъ, то сколько именно, когда и отъ кого приобрѣлъ?

10. Какое хозяйство существуетъ на купленномъ участкѣ?

11. Не снимаетъ ли дворъ мірскихъ участковъ, у кого и за какую плату, — или не сдаетъ ли самъ своихъ участковъ другимъ?

12. Не арендуетъ ли дворъ земли по сосѣдству съ селеніемъ, у кого, сколько именно и какія угодья, чтѣ платитъ, какое ведетъ на арендуемой землѣ хозяйство (посѣвъ, сборъ сѣна, пользованіе выгономъ, огородничество, посѣвы льна, подсолнечника и пр.), и какъ велика, приблизительно, выгода отъ этой аренды?

13. Не уходятъ ли члены семьи въ заработки, или не нанимаются ли въ батраки. Кто именно уходитъ, куда, для какого промысла, насколько времени и какой ихъ заработокъ?

14. Не занимаются ли члены семьи мѣстными промыслами, и какими, или торговлей; временны ли бываютъ (зимнія или лѣтнія), или постоянны эти занятія, и какой они даютъ доходъ?

15. Нѣтъ ли у домохозяина батраковъ и если есть, то сколько ихъ (мужчинъ и женщинъ отдѣльно)?

16. Нѣтъ ли у домохозяина какого-либо сельско-хозяйственнаго, промышленнаго или торговаго заведенія (пчельника, рушалки, мельницы, маслобойни, ремесленнаго заведенія, лавки, кабака и т. п.) и сколько они даютъ дохода?

17. Есть ли на дворѣ недоника и сколько именно?

18. Были ли продажи имущества за недоники, когда и что продано?

19. Относится ли описываемый дворъ къ богатымъ, зажиточнымъ, среднимъ, бѣднымъ или совершенно неимущимъ?

Въ случаѣ возможности желательно имѣть подробный расчетъ прихода и расхода (бюджетъ) крестьянскаго двора по крайней мѣрѣ *средняю*.

III. По волости, или опредѣленной ей части, или приходу, или же иному избранному изслѣдователемъ околотку, къ которому принадлежитъ описываемая община.

Названіе волости, прихода и т. п.

Названіе губерніи и уѣзда.

Какой ближайшій городъ.

Вопросы.

1. Какъ велико общее число жителей описываемой мѣстности, и каковъ составъ ея населенія?

2. Занимаются ли жители исключительно или преимущественно земледѣліемъ или какими-либо промыслами? Если есть другія значительныя отрасли промышленности, то какая часть жителей ихъ занимается?

3. Не было ли съ 1861 года выселеній изъ этой мѣстности, сколько выселилось и куда? Если были новыя поселенія въ околоткѣ, то откуда перешли жители и сколько?

4. Какъ велико пространство, занимаемое описываемой мѣстностью?

5. Какую часть въ ней составляютъ лѣса. Кому они принадлежатъ и въ какихъ размѣрахъ. Общая характеристика лѣсовъ. (Хвойные-ли они, или лиственные; строевые-ли, дровяные, или заросли, и сколько приблизительно тѣхъ и другихъ; насколько они истреблены). Большое ли приблизительно пространство занимаютъ озера, болота, торфяники, солончаки, неудобныя земли и пр.?

6. Распредѣленіе земель въ мѣстности по владѣніямъ: сколько принадлежитъ казнѣ, удѣлу, частнымъ владѣльцамъ, крестьянамъ разныхъ наименованій, и сколько лѣсовъ въ каждомъ изъ видовъ владѣнія?

7. Число сельскихъ обществъ и поземельныхъ общинъ въ описываемой мѣстности?

8. Какъ велики селенія: число дворовъ въ наибольшемъ, среднемъ и наименьшемъ?

9. Много ли образовалось съ 1861 года новыхъ поселковъ и на чьихъ земляхъ: надѣльныхъ крестьянскихъ, частновладѣльческихъ, казенныхъ, купленныхъ вновь крестьянами и пр. Какъ велики эти земли?

10. Не уничтожились ли съ 1861 года нѣкоторыя крестьянскія селенія или поселки и вслѣдствіе какихъ причинъ?

11. Сколько въ описываемой мѣстности помѣщичьихъ усадебъ? Не закрылись ли нѣкоторыя изъ нихъ, или не закрывались ли временно?

12. Системы хозяйства, существующія въ околоткѣ: у крестьянъ, у частныхъ владѣльцевъ, у съемщиковъ, и пр. Какіе главные изъ высѣваемыхъ хлѣбовъ, какой преобладаетъ сѣвооборотъ, спеціальныя культуры, насколько распространено удобреніе полей, размѣры скотоводства, существуетъ ли травосѣяніе и культура кормоплодовъ, у кого и въ какихъ размѣрахъ?

13. Какъ велики дѣйствительныя земельныя надѣлы крестьянъ: высшіе, средніе и наименьшіе? Сколько есть тѣхъ и другихъ? Какой размѣръ надѣла, приблизительно, можетъ обезпечить потребности въ продовольствіи?

14. Сколько крестьянскій дворъ (большой, средній и малый), при существующей въ мѣстности системѣ хозяйства, можетъ своими силами эксплуатировать земли (съ обозначеніемъ размѣра рабочихъ силъ cadaго изъ этихъ дворовъ и размѣровъ разныхъ угодій)?

15. Достаточно ли у крестьянъ земли на ихъ потребности и уплату налоговъ. Довольствуются ли они общинной землей, или снимаютъ еще сверхъ того земли у сосѣднихъ владѣльцевъ, на какихъ условіяхъ (исполу, на отработокъ, за деньги), что на нихъ сѣютъ и что платятъ за аренду. Отдѣльные ли крестьяне преимущественно снимаютъ земли, или цѣлыя общины?

16. Если земледѣліе не доставляетъ средствъ для существованія крестьянъ и для уплаты налоговъ, то чѣмъ приобрѣтаютъ они недостающее?

17. Какіе развиты промыслы: мѣстные или отхожіе, и какіе главные виды промысловъ. Какое значеніе имѣютъ промыслы для мѣстности и какую роль играютъ они въ общемъ бюджетѣ крестьянъ. Развиваются или падаютъ промыслы съ 1861 года?

18. Сколько крестьянъ уходитъ на заработокъ изъ описываемой мѣстности, на какіе сроки, въ какія губерніи и уѣзды преимущественно, на какіе именно промыслы, и какъ велики ихъ заработки?

19. Существуютъ ли въ околоткѣ фабрики и заводы, и что даютъ они мѣстному населенію. Сколько на нихъ рабочихъ?

20. Размѣры крестьянскихъ повинностей. Количество недоимокъ. Причина ихъ накопленія. Мѣры взыскапія.

21. Степень достаточности крестьянскаго населенія. Соотношеніе средствъ, получаемыхъ ими отъ земледѣлія и промысловъ, съ размѣрами потребностей и налоговъ?

22. Существуютъ ли мірскіе капиталы, банки, ссудо-сберегательныя кассы и пр. Размѣры ихъ капиталовъ и оборотовъ. Польза, ими приносимая. Какая категория лицъ пользуется ими преимущественно: богатые, бѣдные и пр., торговцы ли и промышленники, съемщики ли земли, или равно всѣ крестьяне?

23. У кого изъ частныхъ лицъ кредитуются крестьяне; что платятъ въ видѣ процентовъ; въ какихъ формахъ проявляется ростов-

личество, вѣтъ ли увлѣты отработкомъ и продуктомъ; во что вообще обходится крестьянамъ, приблизительно, такой кредитъ въ предѣлахъ описываемаго околотка. Кто занимается раздачею денегъ въ ссуду?

24. Число жителей, приписанныхъ къ волости. Занятія ихъ и степень обезпеченности. Приблизительное число нижнихъ чиновъ. Возвращаются ли послѣдніе къ земледѣлію, берутъ ли надѣлы; если вѣтъ, то чѣмъ живутъ?

25. Ведутся ли самостоятельно частныя хозяйства, или земли сдаются въ аренду: долгосрочную или погодно, кому, за какую цѣну. Если хозяйства ведутся самостоятельно, то какой преобладаетъ въ нихъ сѣвооборотъ. Сколько рабочихъ въ этихъ хозяйствахъ, мѣстныя они или пришлыя. Сколько получаютъ рабочіе. Если сѣмщики раздаютъ земли крестьянамъ по мелочамъ, то какъ великъ приблизительно ихъ барышъ?

26. Какой способъ пользованія казенными землями и лѣсами существуетъ въ околоткѣ?

М. СТАСОВЛЕВИЧЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ, 1878.

Книга десятая. — Сентябрь.

	стр.
Забѣтыя экономисты. Тонинъ и Курно. — Къ характеристикѣ новѣйшей политической экономіи.—I-IV.—Л. СЛОНИМСКАГО	5
Последнія десять лѣтъ жизни П. Ж. Прудона.—XVIII.—Окончаніе. Д—ЕВА.	28
Два мѣсяца въ Габровѣ.—Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг.—I.—П. Я. ПЯСЕЦКАГО	83
Деревенскіе дальцы.—Разсказъ.—I-X.—А. И. КРАСНОПОЛЬСКАГО	125
Подходный налогъ съ финансовой точки зрѣнія.—IV-XII.—Л. В. ЧЕРНЯЕВА	178
Импонетъ Тэнъ какъ историкъ Франціи.—X-XII.—В. И. ГЕРЬЕ	234
Давидъ-Фридрихъ Штраусъ.—Биографическій очеркъ.—I-III.—К. К. АРСЕНЬЕВА	278
Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ.—I-III.—А. Н. ПЫПИНА	312
Хроника.—Литературный конгрессъ въ Парижѣ.—Письма въ редакцію.—VII-XIV.—Л. А. ПОЛОНСКАГО	354
Внутреннее Овозрѣніе.—Убіиство ген. Мезенцова.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1876 годъ.—Отзывы попечителей.—Новый заемъ.—Кредитное обращеніе.—Разрядный налогъ и уравнительность.—Преобразование податей.—Удержаніе золотой пошлины	392
Иностранная политика.—Положеніе дѣлъ въ Германіи	414
Политическое значеніе Константинополя.—В. К.	423
Парижскія письма.—XL.—Новѣйшіе романисты Франціи.—ЭМ. ЗОЛА	433
Записка.—Дѣтская вольница св. Владимира въ Москвѣ	461
Визитогрѣфическій Листокъ.—Исслѣдованіе по римской исторіи, преимущественно въ области третьей декады Ливія. Владимира Пирогова.—Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. Кеневичъ.—Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ.	

Книга десятая.—Октябрь.

	стр.
О задацахъ школы.—К. Д. КАВЕЛИНА	465
Отрывки изъ „Фауста“ Ленау. — I. Первый танецъ. — II. Фаустъ у гроба матери.—III. Смерть Фауста.—Н. А. ХОЛОДКОВСКАГО.	506
Два мѣсяца въ Гавровѣ.—Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг.—II.—Окончаніе.—П. Я. ПЯСЕЦКАГО	516
Давидъ-Фридрихъ Штраусъ.—Биографическій очеркъ.—IV-VI.—Окончаніе.—К. К. АРСЕНЬЕВА.	570
Посословные крестьяне въ XVIII вѣкѣ.—Очеркъ изъ исторіи обязательнаго фабричнаго труда.—I-II.—В. И. СЕМЕВСКАГО.	610
Молодые повязи.—Повѣсть.—Часть первая.—I-IX.—А. А. ПОТЪХИНА.	658
Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ.—IV-V.—А. Н. ПЫШИНА.	726
Хроника.—Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи „Слова о полку Игоревѣ“.—I-II.—Е. БАРСОВА.	767
Внутреннее Овозрѣніе.—Старый вопросъ объ общественной самодѣятельности.—Харьковское земское собраніе и инспекція народныхъ школъ.—Школы въ хотинскомъ уѣздѣ.—Инспекція по описанію инспектора.—Измѣненіе сроковъ взноса крестьянами окладныхъ сборовъ.—Злоупотребленія заемщиковъ у земельныхъ банковъ.—Пріемъ войскъ въ Варшавѣ.	813
Иностранная политика.—Австрія въ Боснии и Герцеговина.	836
Корреспонденція изъ Берлина.—Политическія и неполитическія воспоминанія изъ канцелярской повязки.—К.	843
Парижскія письма.—XLI.—Современная выль.—ЭМ. ЗОЛА.	864
Извѣстія.—Отъ Комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по изслѣдованію формъ и порядковъ крестьянскаго землевладѣнія: Опытъ программы по изслѣдованію поземельной общины.	896
Библиографическій Листокъ.—Вѣнныя желѣзныя дороги на экономическое состояніе Россіи, въ пяти томахъ, съ атласомъ, И. С. Блюха. — Ученіе о дѣлѣхъ по отношенію къ искусству и техникѣ, соч. фонъ-Бецольда, переводъ С. Ламанскаго.—Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи, въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра, А. П. Субботина. — Турція, ея могущество и распаденіе, А. Чемерзнова. — Русская Библіотека. Томъ пятый: Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ, Второе изданіе.	

1

ACME
BOOK BINDING CO., INC.

DEC 21 1983

100 CAMBRIDGE STREET
CHARLESTOWN, MASS.

Digitized by Google